

ЮК 80
К-22
Шифр

Т. 2
5111-33
Инвентарный №

Автор Кареев Н.

Название История Зап. Европы...

~~5.11.91-21301/628~~

6.3.92 9713/335

16.10.92-27626/690 2

~~25.11.92 28435/1091~~

7.05.93 29172/906 2

15.6.93 37713/840

~~5.10.93-18774/500~~

21.12.93-44071/877 2

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній).

Томъ II.

РЕФОРМАЦІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ XVI И XVII ВВ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.
1893.

2013

РЕФОРМАЦІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ XVI И XVII ВВ.

Изученіе реформаціоннаго періода.—Реформація въ Германіи и Швейцаріи.—Кальвинизмъ.—Монархическія и народныя реформаціи XVI в.—Принципы протестантизма.—Католическая реакція и религіозныя войны.—Французская монархія въ первой половинѣ XVII в.—Стюарты и революція въ Англіи.—Людовикъ XIV и вторая англійская революція.—Англійскія философскія и политическія идеи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.

Реформаціонный періодъ.

Эпоха католической реакціи.

Франція и Англія въ XVII вѣкѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ:

Къ стр. 11. Только-что вышелъ второй и послѣдній томъ труда Egelhaaf'a·

Къ стр. 11 и 189. Въ 1892 г. появился первый томъ соч. W. Busch'a „England unter den Tudors“, заключающій въ себѣ исторію Генриха VII.

Къ стр. 245, 247, 343 и 391. См. новѣйшій трудъ Weill'я „Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de réligion“.

ПОПРАВКА. На стр. 448 (строка 10 сверху) вкралась неточность въ объясненіи выраженія „habeas corpus“, которую слѣдуетъ исправить по примѣчанію 1 на стр. 583.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Изученіе реформаціоннаго періода.

Раздѣленіе новой исторіи на періоды и подраздѣленіе реформаціоннаго періода.—Общія сочиненія по исторіи реформаціи.—Анализъ реформаціоннаго движенія.—Главные вопросы при изученіи реформаціи въ отдѣльныхъ странахъ.—Планъ изложенія реформаціи.—Нѣмецкая реформація.—Исторіографія реформаціи въ отдѣльныхъ странахъ З. Европы.—Общій взглядъ на литературу предмета.—Историко-философскія точки зрѣнія.

XVI и первая половина XVII в. въ исторіи европейскаго Запада составляютъ особый періодъ, вполнѣ заслуживающій названіе реформаціоннаго, такъ какъ основнымъ его фактомъ является религіозная реформація со всѣми непосредственно примыкающими къ ней событіями, начиная тою попыткою политической и соціальной революціи, которую сдѣлали въ Германіи рыцарское и крестьянское сословія, и кончая вестфальскимъ миромъ, прекратившимъ послѣднюю вооруженную борьбу католицизма съ реформаціей, съ одной стороны, а съ другой первою англійской революціей, бывшею настолько же явленіемъ религіознымъ, насколько политическимъ и соціальнымъ. Беря круглыя числа, мы можемъ сказать, что реформаціонный періодъ заключается между 1520 и 1650 годами (или 1517 и 1648 гг.), охватывая такимъ образомъ около 130 лѣтъ, т. е. почти полтора вѣка, за которыми слѣдуетъ другой періодъ тоже приблизительно въ полтора столѣтія, именно между 1648 и 1789 гг., т. е. вторая половина XVII в. и почти весь XVIII,—періодъ, характеризующійся господствомъ на материкѣ Европы абсолютной монархіи. Наконецъ, время отъ 1789 г., т. е. отъ начала французской революціи до нашихъ дней составляетъ третій періодъ новой исторіи, который принято называть у насъ (и у нѣмцевъ) исторіей новѣйшей, а у французовъ histoire

contemporaine (хотя часто за исходный пунктъ послѣдней принимается 1815 годъ). Конечно, всѣ эти хронологическія даты и вся эта періодизація имѣютъ значеніе болѣе или менѣе внѣшняго удобства при изложеніи событій новаго времени, и ради того же внѣшняго удобства подлежащій прежде всего нашему разсмотрѣнію реформаціонный періодъ можетъ быть подраздѣленъ на меньшіе періоды приблизительно одинаковой же продолжительности, а именно: 1) отъ начала реформаціи до аугсбургскаго религіознаго мира (1517—1555), когда главная роль въ реформаціонномъ движеніи принадлежитъ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи, распространяется и утверждается главнымъ образомъ лютеранизмъ, возникаетъ, кромѣ того, англиканская церковь, реформа получаетъ преимущественно монархическій характеръ, и со стороны католицизма только къ концу періода начинается настоящее противодѣйствіе протестантизму, который въ то же время получаетъ новую форму—кальвинизма; 2) отъ аугсбургскаго религіознаго мира до изданія нантскаго эдикта (1555—1598), когда происходитъ распространеніе (во Франціи, Шотландіи, Нидерландахъ, Польшѣ и т. д.), кальвинизма, вступающаго въ нѣкоторыхъ странахъ въ борьбу съ королевскою властью и выставляющаго идею народовластія, совершается сильная католическая реакція и происходятъ религіозныя войны; 3) отъ начала до середины XVII вѣка, когда на континентѣ Европы происходитъ религіозно-политическая борьба, извѣстная подъ названіемъ тридцатилѣтней войны (1618—1648), а въ Англіи борьба между королевскою властью и парламентомъ, завершающаяся первой революціей (1640—1649) и учрежденіемъ сектантской (индепендентской) республики.

Реформаціонный періодъ, какъ одно цѣлое, былъ предметомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ трудовъ или самостоятельныхъ частей историческихъ сочиненій бóльшаго объема. Такимъ трудомъ является курсъ Гейсера „Geschichte des Zeitalters der Reformation“, существующій въ русскомъ переводѣ подъ редакціей В. М. Михайловскаго и съ большимъ (83 стр.) историческимъ очеркомъ о „предвѣстникахъ и предшественникахъ реформаціи въ XIV и XV вѣкѣ“. Книга Гейсера, занимающая въ русскомъ переводѣ болѣе 700 страницъ, представляетъ изъ себя первую (1868) попытку свѣтскаго историка (т.-е. не историка церкви [1]) дать общую исторію реформаціоннаго періода

[1]) Изъ историковъ церкви см. Gieseler (Lehrbuch der Kirchengeschichte, томъ III съ выписками изъ источниковъ), Baur (Kirchengeschichte, т. IV), Hagenbach (Reformationsgeschichte), Henke (Neuere Kirchengeschichte). Для справокъ важна Real-Encyclopädie für protestantische Theologie Герцога. См. еще Merle d'Aubigné. Histoire de la réformation au XVI siècle и его же Histoire de la réformation au temps de Calvin.

въ намѣченныхъ выше рамкахъ, причемъ въ его изображеніи этой эпохи преобладаетъ политическая точка зрѣнія (съ международными отношеніями эпохи) и исторія тѣхъ формъ протестантизма, которыя получили оффиціальное признаніе. Гейсеръ игнорируетъ соціальныя отношенія и движенія эпохи, сектантскія ученія, развивавшіяся параллельно съ правовѣрнымъ протестантизмомъ, и всю умственную жизнь этого времени. Другимъ сводомъ новѣйшихъ работъ по исторіи реформаціи является трудъ американскаго историка Фишера подъ заглавіемъ „The Reformation" (1873), особенно важный по своей библіографіи источниковъ и пособій, весьма полной, такъ что главное значеніе книги—справочное. Кромѣ того, реформація была предметомъ и историко-философскаго разсмотрѣнія не только въ философіяхъ исторіи [1]), но и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, каковы извѣстные труды: „Философское міросозерцаніе реформаціоннаго времени" (Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit, 1847) Морица Карьера, „Разсужденія объ эпохѣ реформаціи" (Betrachtungen über das Zeitalter der Reformation, 1858) Росмана, „Реформація" (La réforme), составляющая VIII томъ Etudes sur l'histoire de l'humanité Лорана, къ коему нужно прибавить и слѣдующій томъ о религіозныхъ войнахъ (Les guerres de religion), „Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому знанію и мышленію" Beard'a, существующая и въ нѣмецкомъ переводѣ (1884). Кромѣ того, обзоры реформаціонной исторіи представляютъ собою соотвѣтственные томы большихъ всемірныхъ исторій Шлоссера, Беккера и Вебера, а также и части большихъ коллекцій Онкена и Флате-Филиппсона [2]), въ коихъ изложеніе реформаціи, какъ таковой, не выдѣлено въ самостоятельное цѣлое, не говоря уже объ исторіи реформаціи въ отдѣльныхъ странахъ.

„Реформаціонное движеніе, писали мы въ другомъ мѣстѣ [3]), было явленіемъ очень сложнымъ, но всѣ его элементы распредѣляются по тремъ главнымъ категоріямъ: у каждой были свои причины, свои движущія силы, своя сфера дѣйствія, свои результаты. Прежде всего реформація была движеніемъ чисто религіознымъ, крупнымъ событіемъ

---

[1]) См. ниже.

[2]) Въ сборникѣ историческихъ монографій Онкена исторія нѣмецкой реформаціи обработана Ф. Ф. Бецольдомъ: Geschichte der deutschen Reformation. Въ Allgemeine Weltgeschichte von Th. Flathe, G. Herzberg, F. Justi, J. Pflung-Harttung und M. Philippson исторіи реформаціоннаго періода посвящены VII и первая половина VIII тома, написанные Филиппсономъ, какъ и вся новая исторія. См. также сборникъ статей Maurenbrecher'a Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit.

[3]) См. мой „Очеркъ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ". М. 1886, стр. 34—37.

въ исторіи западнаго христіанства, какъ вѣроученія и церковной организаціи. Съ этой стороны въ ея основѣ лежали вѣрующая совѣсть, оскорблявшаяся "язычествомъ" „вавилонской блудницы", и направленная на вопросы вѣры мысль, не сносившая ига непомѣрной власти „антихриста",—говоря языкомъ реформаторовъ и сектаторовъ о римской церкви и папѣ; заявленными цѣлями реформаціи были „возвращеніе христіанства къ апостольскимъ временамъ" посредствомъ „очищенія вѣры отъ людскихъ выдумокъ" и „освобожденіе духа отъ мертвящей буквы преданія". Результаты реформаціи въ этомъ отношеніи—разрушеніе религіознаго единства западной Европы, образованіе новыхъ исповѣданій и основаніе новыхъ церквей, развитіе мистическаго и раціоналистическаго сектантства, перерѣшеніе догматическихъ, моральныхъ и церковно-практическихъ вопросовъ, новое направленіе теологическаго мышленія, развитіе новыхъ религіозныхъ принциповъ, вольномысліе антитринитаріевъ и деистовъ, ученія коихъ представляли собой выходъ изъ историческаго христіанства въ философію „естественной религіи", и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе умиравшаго католицизма, пересмотръ его догматовъ, починка всей его внутренней организаціи. Протестъ, который мы здѣсь видимъ, истекаетъ изъ глубины религіознаго чувства и изъ нѣдръ пытливой мысли, не удовлетворявшейся традиціоннымъ рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ. Но средневѣковой католицизмъ не былъ вѣроисповѣданіемъ только: какъ царство отъ міра сего, онъ вызывалъ противъ себя протесты иного рода изъ-за чисто свѣтскихъ побужденій, изъ-за отношеній чисто земной жизни человѣка и общества. Онъ былъ цѣлою системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и соціальную организацію средневѣковыхъ католическихъ народовъ: его универсализмъ отрицалъ національность, его теократическая идея давила государство, его клерикализмъ, создававшій духовенству привилегированное положеніе въ обществѣ, подчинялъ его опекѣ свѣтскія сословія, его спиритуалистическій догматизмъ представлялъ мысли слишкомъ узкую сферу, да и въ той не давалъ ей свободно двигаться. Поэтому противъ него давно боролись и національное самосознаніе, и государственная власть, и свѣтское общество, и усиливавшееся въ послѣднемъ образованіе,—боролись не во имя чистоты христіанскаго вѣроученія, не во имя возстановленія Библіи, какъ главнаго авторитета въ дѣлахъ религіи, не во имя требованій внутренняго голоса совѣсти, встревоженной „порчей церкви", и пытливой религіозной мысли, обратившейся къ критикѣ того, что передъ ея судомъ оказывалось „людскими выдумками", а просто потому, что система на все налагала гнетъ и втискивала жизнь въ свои рамки, мѣшая ея свободному развитію. Борьба противъ Рима, не касавшаяся вопросовъ царства не отъ міра сего,—явленіе довольно раннее въ европейской исторіи: на-

паденія на католицизмъ, какъ на вѣроученіе и церковь, не согласныя съ духомъ христіанства, съ священнымъ писаніемъ, съ требованіями вѣрующей совѣсти и мысли, возбужденной религіозными вопросами,— нападеніе, къ которому подавало поводъ и противорѣчіе между системой въ идеѣ и системой на дѣлѣ, подрывавшее ея былую власть надъ душами,—объединяло, усиливало, направляло къ одной цѣли элементы свѣтской борьбы съ католицизмомъ во имя правъ національности, правъ государства, правъ свѣтскихъ сословій, правъ образованія, правъ, въ основѣ коихъ лежали чисто мірскіе интересы,—и само находило помощь въ этой оппозиціи Риму—національной и политической, въ этой враждѣ къ духовенству—сословной и интеллектуальной. Гуманизмъ также заключалъ въ себѣ идеи, черезъ которыя чисто культурно-соціальная оппозиція могла бы объединиться, формулировать свои требованія, направиться къ одной цѣли, и до извѣстной степени онъ такъ дѣйствовалъ, секуляризируя мысль и жизнь западно-европейскихъ обществъ, но значеніе реформаціи именно въ томъ и заключается, что оппозиція католической культурно-соціальной системы во имя чисто человѣческихъ началъ интереса и права пошла подъ знаменемъ реформированной религіи. Наконецъ, развитіе жизни выдвигало у отдѣльныхъ націй разные другіе вопросы политическаго, соціальнаго, экономическаго свойства, не имѣвшіе сами по себѣ отношенія ни къ „порчѣ церкви", ни къ гнету куріи и клира; въ разныхъ мѣстахъ западной Европы велась своя внутренняя борьба и подготовлялись свои домашнія столкновенія, которыя могли, какъ это и случилось въ Испаніи при Карлѣ V, разыграться внѣ всякой связи съ реформаціей церкви и съ оппозиціей куріи и клиру, или же соединиться съ движеніемъ чисто религіознымъ и съ національнымъ, политическимъ, сословнымъ и интеллектуально-моральнымъ протестомъ противъ папы и католическаго духовенства, что мы и видимъ въ Германіи, гдѣ за реформацію схватились и гуманисты, незадолго передъ тѣмъ окончившіе побѣдоносную кампанію противъ „обскурантовъ", и имперскіе рыцари, недовольные новыми порядками, заведенными въ концѣ XV вѣка, и крестьяне, начавшіе волноваться еще раньше, и низшій слой городского населенія, среди котораго происходило соціальное броженіе противъ богатыхъ, и князья, стремившіеся уничтожить послѣдніе признаки власти императора.

Религіозный протестъ противъ „порчи церкви", оппозиція куріи и клиру по побужденіямъ чисто свѣтскаго характера, мѣстныя общественныя дѣла—вотъ три категоріи элементовъ, участвовавшихъ въ реформаціонномъ движеніи XVI вѣка. Гдѣ происходилъ религіозный протестъ, тамъ проявлялась оппозиція противъ Рима и католическаго духовенства, и дѣло соціально-политической реформы или революціи

велось подъ знаменемъ религіи; но мѣстная политическая борьба не вызывала сама по себѣ религіозной реформаціи (примѣръ—Испанія), какъ, съ другой стороны, борьба противъ притязаній куріи и привилегій клира могла идти подъ знаменемъ секуляризирующихъ мысль и жизнь идей гуманизма въ широкомъ смыслѣ этого слова, подъ вліяніемъ идей античной философіи и науки, античной политики и римскаго права, вродѣ того, какъ въ Италіи подкапывали католицизмъ сочиненія Лоренцо Валлы, объявившаго подложность грамоты, на которой средневѣковые папы основывали свои притязанія на свѣтскую власть, или Никколо Маккіавели, видѣвшаго въ папствѣ главную помѣху для объединенія Италіи.

Основныя причины реформаціоннаго движенія XVI вѣка были далеко неравномѣрно распредѣлены по разнымъ странамъ. Не говоря уже о томъ, что у каждаго народа въ его внутренней жизни была своя „злоба дня",—у одного—одна, у другого—другая, у одного—способная уладиться путемъ мирной реформы, у другого—необходимо вызывавшая революціонное столкновеніе,—отдѣльные народы были въ своихъ массахъ и въ своихъ правящихъ классахъ не совсѣмъ одинаково религіозны въ количественномъ и качественномъ отношеніи и различнымъ образомъ должны были относиться къ далекой куріи и своему собственному клиру, такъ какъ и курія въ сущности вызывала къ себѣ разныя чувства, и клиръ одной страны не былъ похожъ на клиръ другой, и сами націи во всемъ остальномъ не вполнѣ походили одна на другую. Однѣ и остались вѣрны и старой религіи, и „святому отцу", и своимъ духовнымъ пастырямъ, тогда какъ другія завели у себя новыя вѣры, отреклись отъ папы, какъ отъ „антихриста", возмутились противъ „волковъ въ овечьей шкурѣ". Мало того: въ одной и той же націи реформація имѣла иногда совершенно разный успѣхъ у отдѣльныхъ сословій и начиналась то снизу, отъ общества, то сверху, отъ власти, да и тутъ вопросъ о томъ, пойдутъ ли правительство за народомъ или народъ за правительствомъ, рѣшался въ общемъ и въ подробностяхъ не вездѣ одинаково. Изслѣдовать съ этой точки зрѣнія происхожденіе реформаціи въ каждой отдѣльной странѣ, анализируя факты, представляемые ея исторіей, и сравнить результаты изслѣдованія, сопоставляя однородные и разнородные факты,—вотъ, по нашему мнѣнію, единственный путь, чтобы не сдѣлать скороспѣлыхъ, одностороннихъ или прямо невѣрныхъ заключеній о причинахъ возникновенія реформаціоннаго движенія вообще или въ той или въ другой странѣ въ частности".

Общія причины реформаціоннаго движенія должны быть понятны изъ того обзора состоянія западной Европы въ XIV и XV вв., который данъ въ первомъ томѣ настоящей книги, но затѣмъ еще остается

цѣлая область исторіи отдѣльныхъ странъ, въ коихъ эти общія причины комбинировались различнымъ образомъ. При изученіи реформаціи въ какой-либо отдѣльной странѣ нужно имѣть въ виду слѣдующіе четыре общіе вопроса, отвѣты на которые заключаютъ въ себѣ всѣ данныя, необходимыя для пониманія причинъ и условій, внѣшняго хода и внутренняго характера, слѣдствій и результатовъ реформаціи къ данной странѣ.

Первый общій вопросъ заключаетъ въ себѣ цѣлую категорію вопросовъ *о состояніи страны* въ отношеніяхъ религіозномъ, умственномъ, національномъ, политическомъ и соціальномъ. Религіозное настроеніе отдѣльныхъ странъ было далеко неодинаково, и какъ самъ католицизмъ въ лицѣ своихъ представителей, такъ и отношеніе къ нему отдѣльныхъ народовъ были не одни и тѣже въ разныхъ странахъ: Испанія, только что покончившая вѣковую борьбу съ маврами, была вполнѣ довольна своимъ католицизмомъ, сдѣлавшимся ея національнымъ знаменемъ, да и сама воинствующая церковь не подверглась здѣсь порчѣ въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ Германіи, наоборотъ, давно происходило глухое, но глубокое религіозное броженіе, которое рано или поздно должно было прорваться наружу. Въ умственномъ, да и нравственномъ отношеніи опять отдѣльные народы стояли далеко не на одинаковомъ уровнѣ: напр., итальянская гуманистическая интеллигенція была довольно индифферентна къ религіи и церкви, а народная масса суевѣрна и чувственна, между тѣмъ какъ гуманизмъ нѣмецкій соединялся съ богословскими интересами и реформаціонными стремленіями, а въ народныхъ массахъ замѣчалось (въ развитіи сектантства) извѣстнаго рода болѣе моральное отношеніе къ религіи, чѣмъ можно его предполагать въ Италіи. То же самое и въ смыслѣ національной оппозиціи: въ Испаніи католицизмъ и національность сдѣлались синонимами, благодаря религіозной и племенной борьбѣ съ маврами, для Италіи папство было тоже какъ бы національнымъ учрежденіемъ, но въ Германіи беззастѣнчивое хозяйничанье куріи оскорбляло національное чувство въ то же самое время, какъ и нѣмецкіе князья чувствовали всю тяжесть папской опеки, неизвѣстную, напр., во Франціи, гдѣ государственная власть, съумѣла оградить себя отъ вмѣшательства папы. Далѣе на исторію реформаціи оказывали вліяніе внутреннія, чисто политическія отношенія отдѣльныхъ странъ и прежде всего ихъ устройство, была ли, напр., страна унитарнымъ или федеративнымъ государствомъ: государства первой категоріи въ общемъ рѣшали у себя вопросъ въ ту или другую сторону, тогда какъ въ такихъ федераціяхъ, какими были Германія и Швейцарія, отдѣльные княжества и кантоны по-своему рѣшали вопросъ, и политическая раздробленность отражалась на рели-

гіозномъ разъединеніи, какъ въ свою очередь религіозное разъединеніе способствовало и политическому распаденію федеративной страны (Нидерланды). Форма правленія, существовавшая въ государствѣ, въ общемъ переносилась и въ новое церковное устройство: реформація, возникшая въ Германіи или Англіи, приняла монархическій характеръ, тогда какъ цюрихская и женевская—республиканскій.

Въ связи съ этими вопросами стоятъ вопросы второго рода: *кому принадлежала инициатива реформаціоннаго движенія и кто имъ воспользовался?* Реформа могла идти снизу, отъ народа или сверху, отъ власти, могла быть общенародной или сословной, могла содѣйствовать усиленію государственной власти или расширенію народныхъ правъ. Въ Германіи реформа шла снизу и была общенародной, но политическое и соціальное движеніе, совершившееся подъ религіознымъ знаменемъ, было подавлено князьями, и всѣ плоды протекшихъ событій выпали на ихъ долю. Въ Шотландіи и Голландіи реформа идетъ тоже снизу, но результаты ея иные. Въ Даніи и Швеціи инициатива реформаціи принадлежитъ королевской власти, такъ же, какъ и въ Англіи, но въ этой послѣдней странѣ рядомъ съ реформаціей, возникшей по инициативѣ правительства и содѣйствовавшей его усиленію, началась другая реформація, народная, и столкновеніе между ними было одной изъ сторонъ той революціи, которая была въ Англіи въ серединѣ XVII в. и содѣйствовала побѣдѣ народныхъ правъ. Во Франціи и Польшѣ ни власть, ни масса населенія не приняли участія въ движеніи, которое въ обѣихъ странахъ получаетъ характеръ сословный, преимущественно дворянскій и, хотя въ разныхъ степеняхъ, содѣйствуетъ усиленію королевской власти въ одной странѣ неудачнымъ своимъ исходомъ, а въ другой—ослабленію вообще государственнаго начала.

Третій вопросъ—*о моментѣ, когда происходило движеніе въ той или другой странѣ.* Въ этомъ отношеніи важно различіе между странами ранней реформаціи и странами реформаціи поздней: въ первыхъ все было вновѣ, вторыя имѣли уже многое готовымъ; движеніе, совершившееся въ первыхъ странахъ, застало католицизмъ врасплохъ, во вторыхъ оно встрѣтило уже сильное противодѣйствіе со стороны старой церкви. Въ этомъ отношеніи важно дѣленіе исторіи XVI вѣка на первую и вторую половины, и составляющія два главные момента.

Четвертый вопросъ касается *характера ученія, принятаго тою или другою страною и ученій, параллельно съ ними развивавшихся.* Личность главнаго реформатора—Лютера, Цвингли и Кальвина—играетъ важную роль, но она не должна совсѣмъ заслонять роли ни ихъ помощниковъ, второстепенныхъ реформаторовъ, ни сектаторовъ, въ

родѣ Ѳомы Мюнцера, Сервета или Социна, которому удалось организовать въ Польшѣ, среди сплошной массы католическаго (и православнаго въ русскихъ земляхъ) населенія и рядомъ съ братьями чешскими (гуситами), лютеранами и кальвинистами, особую антитринитарскую церковь. Лютеранизмъ, цвингліанизмъ и кальвинизмъ отличались между собою не только по своей способности распространяться внѣ своей родины (кальвинизмъ былъ космополитичнѣе) и не только по своимъ политическимъ принципамъ, что зависѣло отъ момента и среды, въ коихъ возникло то или другое ученіе, но и съ принципіальной стороны, да и здѣсь опять-таки не только какъ вѣроисповѣданія съ догматическими и обрядовыми отличіями, но и по своимъ отношеніямъ къ образованію, морали, индивидуальнымъ правамъ, соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, наконецъ, особенно любопытна разница между протестантизмомъ всѣхъ оттѣнковъ и сектантствомъ, въ которомъ опять-таки можно говорить о большемъ или меньшемъ мистицизмѣ и раціонализмѣ, демократизмѣ и аристократизмѣ, соціальномъ или политическомъ характерѣ, о созерцательномъ или дѣятельномъ направленіи, когда мы имѣемъ передъ собою анабаптистовъ, антитринитаріевъ (и въ ихъ числѣ социніанъ), индепендентовъ, христіанскихъ деистовъ и т. п.

Первые два вопроса (состояніе страны и происхожденіе реформаціи) относятся главнымъ образомъ къ тому, что составляетъ особенности въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, два другіе (моментъ движенія и характеръ принятыхъ ученій)—къ тому, въ чемъ отдѣльныя страны могли, наоборотъ, сходиться между собою, напримѣръ, одновременно принимая одну и ту же форму протестантизма. Съ той точки зрѣнія, на какой мы стоимъ въ этой книгѣ, общее должно было бы вообще предшествовать частному, и до извѣстной степени въ послѣдующемъ изложеніи этотъ принципъ будетъ проводиться, но само происхожденіе общаго не будетъ для насъ вполнѣ ясно, если мы не начнемъ съ исторіи реформаціи въ тѣхъ странахъ, гдѣ она впервые возникла и организовалась, и съ исторіи происхожденія главныхъ ея формъ. Въ этомъ отношеніи исторія лютеранской реформаціи въ Германіи со всѣми вызванными ею или стоявшими съ нею въ связи событіями до аугсбургскаго религіознаго міра, окончившаго собою первый періодъ въ новой исторіи нѣмецкаго народа,—что совпало съ важными перемѣнами и въ другихъ странахъ,—заслуживаетъ особаго вниманія. Конечно, реформація только потому и могла стать явленіемъ общеевропейскимъ, что причины ея лежали внѣ какой-либо отдѣльной націи, но по многимъ историческимъ условіямъ ея иниціатива выпала на долю именно нѣмецкаго народа, какъ происхожденіе гуманизма—на долю Италіи, а революція—на долю Франціи.

Почему это случилось, мы уже отчасти видѣли изъ небольшого сравненія между отдѣльными націями, какое было сдѣлано выше. Разсматривая реформацію въ Германіи, мы уже по одному этому не должны упускать изъ виду культурно-соціальныя условія, породившія это движеніе среди нѣмецкаго народа, но есть и другая причина, заставляющая насъ остановиться на Германіи въ реформаціонную эпоху подробнѣе: со времени великаго междуцарствія въ серединѣ XIII вѣка до французской революціи въ концѣ XVIII, т.-е. въ теченіе цѣлой половины одного тысячелѣтія въ исторіи Германіи не было болѣе рѣшительнаго момента, какъ тотъ, когда въ ней происходила реформація, вызванная всѣмъ предыдущимъ развитіемъ, особенно въ XIV и XV вв. и обусловившая собою всю дальнѣйшую исторію страны и народа съ тридцатилѣтнею войною и политическимъ упадкомъ XVIII в. включительно.

Весьма естественно, что реформаціонная эпоха въ Германіи была предметомъ весьма внимательнаго изученія со стороны нѣмецкихъ историковъ. Въ 1839—47 гг. вышли въ свѣтъ шесть томовъ „Нѣмецкой исторіи въ эпоху реформаціи“ (Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation) Леопольда Ранке, доведенной до аугсбургскаго религіознаго мира въ пяти томахъ, за которыми слѣдуетъ томъ съ дополненіями и примѣчаніями. Съ этого труда, въ коемъ преобладаетъ политическая точка зрѣнія, какъ и во всѣхъ вообще сочиненіяхъ Ранке и его школы, собственно говоря, и начинается научная разработка реформаціонной эпохи въ Германіи, вмѣстѣ съ трехтомнымъ сочиненіемъ Карла Гагена о „литературныхъ и религіозныхъ отношеніяхъ въ Германіи“ въ тотъ же періодъ времени (Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1841—44 годахъ и важномъ между прочимъ для исторіи нѣмецкаго гуманизма, равно какъ съ появившеюся въ тѣ же годы (1841—42) трехтомною, переведенною и по-русски „Исторіей великой крестьянской войны“ (Geschichte des grossen Bauernkrieges) В. Циммермана, до сихъ поръ имѣющею значеніе лучшей общей исторіи крестьянскаго движенія въ Германіи. Съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, когда общіе труды Ранке, Гагена и Циммермана освѣтили съ точекъ зрѣнія новѣйшей исторической науки нѣмецкую реформацію, разработка ея исторіи продолжалась неустанно въ цѣлой массѣ сочиненій, главнѣйшія изъ коихъ будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ, за послѣднее же время сдѣланы были двѣ крупныя попытки обозрѣть нѣмецкую исторію за этотъ періодъ. Одна изъ нихъ принадлежитъ католическому писателю Янсену, автору большой „Исторіи нѣмецкаго народа съ исхода среднихъ вѣковъ“ (Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters), сочиненію, въ коемъ обращено особое вниманіе на

культурныя и соціальныя отношенія, но которому не достаетъ научнаго объективизма, такъ какъ все клонится къ тому, чтобы выставить процвѣтаніе Германіи до реформаціи и упадокъ послѣ реформаціи съ отнесеніемъ на ея счетъ всѣхъ неблагопріятныхъ перемѣнъ. Другимъ трудомъ является неоконченное еще сочиненіе Г. Эгельгаафа „Нѣмецкая исторія въ XVI в. до аугсбургскаго религіознаго мира" (Deutsche Geschichte im XVI Jahrhundert bis zum Augsburger Religionsfrieden), остановившееся пока на 1526 годѣ [1]).

Слѣдуя хронологическому порядку, въ какомъ развивалась и распространялась реформація, мы должны были бы прежде всего указать на сочиненія, въ коихъ разсматривается реформація въ Швейцаріи, скандинавскихъ странахъ и Англіи, но швейцарская реформація разсматривается главнымъ образомъ въ біографіяхъ Цвингли и Кальвина, датская и шведская—въ общеисторическихъ сочиненіяхъ [2]), и только для Англіи можно указать на спеціальную литературу, причемъ отмѣтимъ русскую книгу г. В. Соколова „Реформація въ Англіи" (Генрихъ VIII и Эдуардъ VI). Въ англійской и нѣмецкой исторической литературѣ, кромѣ такихъ болѣе общихъ трудовъ, каковы „History of England from the accesion of James II" Маколея (перев. порусски), въ первомъ томѣ коей есть очень краткій очеркъ XVI и XVII вѣковъ, и „Англійской исторіи преимущественно въ XVI и XVII в." (Englische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert) Л. Ранке, важной главнымъ образомъ для эпохи Стюартовъ, есть сочиненія, относящіяся къ исторіи реформаціи въ XVI вѣкѣ: „Исторія реформаціи въ Великобританіи" (Geschichte der Reformation von Grossbritannien), Г. Вебера, „Исторія Англіи отъ паденія Вольсея до смерти Елизаветы" (H. of. E. from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth), „Исторія церкви въ Англіи со времени уничтоженія римской власти" (History of the Church of England from the abolition of the roman jurisdiction) Д. К. Ватсона, „Исторія религіозной мысли въ Англіи съ эпохи реформаціи" (History of the religions thought in England from the reformation) Гента (Hunt) и популярныя лекціи (4) Мауренбрехера подъ заглавіемъ „England im Reformationszeitalter" [3]).

---

[1]) См. также Souchay. Deutschland während der Reformation, а также вышеуказанную книгу Bezold'a.

[2]) Dahlmann. Geschichte von Dänemark.—Munter. Kirchengeschichte von Dänemark.—Geijer. Schwedische Geschichte.—Knös. Darstellung der schwedischen Kirchenverfassung. Сочиненія Дальмана и Гейера входятъ въ составъ коллекціи Геерена и Уккерта. На русскомъ языкѣ см. трудъ Г. В. Форстена Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ.

[3]) Не указываемъ здѣсь на общія исторіи Англіи и на такія сочиненія, какъ входящій въ онкеновскую коллекцію трудъ Филиппсона объ эпохѣ Фи-

Главный интересъ для исторіи реформаціоннаго періода долженъ сосредоточиваться по отношенію къ Англіи не на XVI, а на XVII вѣкѣ, литературу котораго мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка происходитъ весьма быстрое распространеніе кальвинизма, и съ этого главнымъ образомъ времени начинается исторія настоящаго реформаціоннаго движенія во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ и въ Польшѣ. Исторія реформаціи во Франціи, кромѣ соотвѣтственныхъ отдѣловъ въ общихъ трудахъ Сисмонди, Мишле, Анри Мартена, Дареста, а также энциклопедіи „La France protestante" Haag'a, была предметомъ изслѣдованія многихъ французскихъ и иностранныхъ (по отношенію къ Франціи) ученыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ: проф. И. В. Лучицкаго („Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи" и „Католическая лига и кальвинисты во Франціи") и г. Клячина („Политическія собранія и политическая организація кальвинистовъ во Франціи XVI вѣка)". Главные французскіе труды суть слѣдующіе: „Исторія реформаціи, лиги и царствованія Генриха IV" (Histoire de la réforme, de la ligue et du règne de Henri IV) Капфига, требующая однако большой осторожности при пользованіи, „Исторія протестантовъ во Франціи" (H. des protestants en Fr.) де-Фелиса, „Исторія политическихъ собраній реформатовъ во Франціи" (H. des assemblées politiques des réformés de France) Анкеза (Anquez), „Исторія французской реформаціи" (H. de la réforme française) Пюо (Puaux), „Исторія Генриха IV" (H. de Henri IV) Пуарсона, „Церковь и государство во Франціи при Генрихѣ IV и Маріи Медичи" (L'église et l'état en France sous le règne de Henri IV et la régence de Marie de Medicis) Перранса, „Религіозная борьба во Франціи въ XVI в. (Les luttes religieuses en France au XVI s.) виконта де-Мо, „Французская реформація до междоусобныхъ войнъ" (La ref. fr. avant les guerres civiles) г-жи Куанье, „Исторія установленія протестантизма во Франціи" (H. de l'établissement du protestantisme en Fr.) Агессо. Весьма много для исторіи французскаго протестантизма сдѣлано было нѣмецкими учеными: кромѣ охватывающей болѣе продолжительную эпоху и всю политическую жизнь „Французской исторіи преимущественно въ XVI и XVII вѣкахъ" (Französische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert) Л. Ранке, нужно назвать труды Зольдана (Geschichte des Protestantismus in Frankreich bis zum Tode Karls IX) и фонъ-Полленца (Geschichte des französischen Calvinismus).

липпа II, Елизаветы англійской и Генриха IV. См. также новое сочиненіе V. Dorean. Origines du schisme d'Angleterre. F. A. Gasquet and E. Bichop. Edward VI and the book of Common Prayer.

Исторія шотландской реформаціи, кромѣ сочиненій, посвященныхъ жизни Нокса, разсматривается какъ въ общихъ исторіяхъ Шотландіи [1]), такъ и въ спеціально посвященныхъ этому предмету трудахъ [2]). Нидерландская реформація излагается въ общихъ исторіяхъ страны [3]), въ сочиненіяхъ, разсматривающихъ исторію возстанія нидерландовъ противъ Филиппа II, о чемъ будетъ идти рѣчь въ другомъ мѣстѣ, и въ особыхъ трудахъ, посвященныхъ предмету [4]). За послѣднее время особенно посчастливилось разработкѣ исторіи реформаціи въ Польшѣ, о чемъ можно найти болѣе подробно въ моей брошюрѣ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ Рѣчи Посполитой", короче въ моей книгѣ „Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ", такъ что здѣсь я отмѣчу лишь русскіе труды проф. Н. Н. Любовича („Исторія реформаціи въ Польшѣ" и „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ") и то, что по этой эпохѣ даетъ переведенный по-русски „Очеркъ исторіи Польши" (Dzieje Polski w zarysie) проф. М. Бобржинскаго.

Кромѣ указанныхъ странъ, реформація распространилась и въ другихъ государствахъ, каковы Чехія и Венгрія [5]). Южнороманскія страны были также затронуты реформаціоннымъ движеніемъ XVI вѣка, хотя оно здѣсь не привилось, а встрѣтило противъ себя сильный отпоръ, такъ что начало такъ-называемой католической реакціи было положено именно въ Италіи, Испаніи и Португаліи. Исторіи этихъ любопытныхъ отношеній посвящено также нѣсколько трудовъ, каковы старыя, переведенныя по-французски и по-нѣмецки сочиненія M'Crie „Исторія успѣховъ и подавленія реформаціи въ Италіи" (History of the progress and oppression of the reformation in Italy) и такая же исторія реформаціи въ Испаніи, „Исторія реформаціи въ Италіи" (Storia della riforma in Italia) Комбы, „Исторія испанскаго протестантизма въ XVI в." (Geschichte des spanischen Protestantismus im XVI Jahrhundert) Вилькенса.

Если ко всѣмъ указаннымъ историческимъ трудамъ по исторіи реформаціи вообще и въ отдѣльныхъ странахъ прибавить еще сочи-

---

[1]) Burton. The history of Scotland.

[2]) Rudloff. Geschichte der Reformation in Schottland.

[3]) Wenzelburger. Geschichte der Niederlande.

[4]) Голландскій трудъ de Hoop Scheffer'a, переведенный на нѣм. языкъ. Старое сочиненіе Brandt'a (Hist. abrégée de la réformation des Pays-Bas.).

[5]) Кромѣ общихъ исторій, Gindely. Geschichte der böhmischen Brüder.—Czerwenka. Geschichte der evanglischen Kirche in Böhmen.—Linberberger. Geschichte des Evangeliums in Ungarn.—Balogh. Gesch. der ungar.-protestantischen Kirche.

ненія по исторіи католической реакціи, которыя будутъ указаны ниже, сочиненія по исторіи отдѣльныхъ событій, движеній, находящихся въ связи съ реформаціей, каковы рыцарское и крестьянское возстаніе въ Германіи, индерландская и англійская революціи и наконецъ тридцатилѣтняя война, а также сочиненія по исторіи сектъ реформаціонной эпохи, какъ всѣхъ вообще [1]), такъ и каждой въ отдѣльности (см. ниже), если вспомнить еще о существованіи историческихъ трудовъ о предшественникахъ реформаціи и объ отношеніи реформаціи къ гуманизму [2]), то мы получимъ громадную литературу, которая съ разныхъ сторонъ освѣщаетъ намъ этотъ важный періодъ въ исторіи Западной Европы. Вся приведенная литература относится главнымъ образомъ къ послѣднимъ двумъ третямъ нынѣшняго столѣтія. Дѣйствительно, только съ тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ начинается настоящее научное отношеніе къ реформаціонной исторіи. Конечно, ею занимались и раньше, начиная съ современниковъ и ближайшаго потомства реформаторовъ, но долгое время въ сочиненіяхъ по этой эпохѣ преобладали церковное содержаніе и вѣроисповѣдная точка зрѣнія: первые труды по исторіи эпохи разсматриваютъ реформацію главнымъ образомъ, какъ крупное событіе въ исторіи религіи и церкви, причемъ защищаютъ то или другое протестантское вѣроисповѣданіе или, какъ это сдѣлалъ, напр., въ XVII вѣкѣ Боссюэтъ въ своей „Исторіи измѣненій въ протестантскихъ церквахъ" (Histoire des variations des églises protestantes), наоборотъ, католицизмъ. Только съ теченіемъ времени и именно только въ указанное время выдвинулось впередъ политическое значеніе реформаціи, которая и стала изучаться, какъ событіе въ политической исторіи и съ точки зрѣнія, соотвѣтствовавшей новой постановкѣ вопроса о ея историческомъ значеніи, хотя, напримѣръ, протестантскія симпатіи такого объективнаго историка, какъ Ранке, едва-ли могутъ подлежать сомнѣнію. Книга Гейсера главнымъ образомъ и отразила на себѣ такой политическій взглядъ на реформацію. Новыя исторіографическія направленія — культурное и соціальное — завладѣли также этимъ предметомъ, а именно одно — примкнувъ къ старому церковно-религіозному направленію, только расширивъ его и лишивъ вѣроисповѣдной окраски, другое—соединившись съ политическимъ взглядомъ, но углубивъ его посредствомъ привлеченія къ изслѣдованію тѣхъ соціальныхъ, главнымъ образомъ экономическихъ перемѣнъ, которыя входили въ составъ или причинъ, вызвавшихъ реформаціонное движеніе, или слѣдствій, имъ произведенныхъ. Расширеніе ста-

[1]) Erbkam. Geschichte der protestantischen Secten im Zeitalter der Reformation.

[2]) См. томъ I, гл. XXXIV.

раго, церковно-религіознаго и вѣроисповѣднаго взгляда въ культурно-историческій и научный весьма понятно, разъ религія сама входитъ въ число элементовъ культуры и разъ католицизмъ былъ не только вѣроисповѣданіемъ, но и цѣлою культурною системой. Весьма естественно было и появленіе политическаго взгляда на реформацію и потому, что политическая ея сторона прямо бросается въ глаза, и потому, что область политики всегда находилась въ особенной связи съ исторіей, такъ что для большинства прагматическая исторія (т. е. исторія событій) есть по преимуществу исторія политическая. Открытіе у реформаціи стороны соціальной и особенно стремленіе къ ея изученію съ этой стороны относятся къ позднѣйшему времени, какъ и вообще установленіе этой исторіографической точки зрѣнія [1]). Съ одной стороны церковь, отождествившаяся съ духовенствомъ и монашествомъ, была сословіемъ, общественнымъ классомъ, опиравшимся между прочимъ и на крупное землевладѣніе, и реформація, уничтожившая сословныя привилегіи клира и церковное землевладѣніе, должна была поэтому произвести переворотъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, съ другой, соціальное недовольство, особенно низшихъ слоевъ народа принимало религіозную окраску, и желаніе улучшить свою судьбу заставляло народъ уходить въ секты, бывшія одновременно проповѣдью не однѣхъ религіозныхъ, но и общественныхъ доктринъ. Эта точка зрѣнія заслуживаетъ большого вниманія, хотя, разумѣется, одна она — при всей важности сословныхъ стремленій и междусословныхъ отношеній (разумѣя подъ сословіями и общественные классы) — не въ состояніи объяснить такое сложное явленіе, какъ реформація: соціальное направленіе въ изученіи реформаціи есть желательное и необходимое дополненіе, расширяющее прежнія постановки вопроса, но оно только утрачиваетъ свою научность, когда съуживаетъ историческій взглядъ, сводя главныя явленія реформаціонной эпохи къ одному взаимоотношенію общественныхъ классовъ на почвѣ главнымъ образомъ экономическихъ интересовъ.

Нѣсколькихъ общихъ замѣчаній требуетъ и другая сторона дѣла. Грубо-конфессіональная точка зрѣнія первыхъ историковъ реформаціи уступила мѣсто болѣе объективной критикѣ, причемъ главная заслуга историческаго выясненія всей эпохи принадлежитъ, несомнѣнно, писателямъ протестантскимъ или сочувствующимъ протестантизму, какъ извѣстной формѣ религіознаго сознанія, и въ общемъ

---

[1]) Соціальная точка зрѣнія на религіозныя движенія устанавливается въ брошюрѣ проф. Н. Н. Любовича Общественная роль религіозныхъ движеній. См. также въ книгѣ Th. Rogers'a The economic interpretation of history главу „The social effect of religious movements“.

писатели католическаго лагеря напрасно стараются поколебать то представленіе о реформаціи, какое образовалось въ исторической литературѣ, благодаря не-католическимъ писателямъ, хотя въ частныхъ случаяхъ и нужно считаться съ вносимыми съ ихъ стороны поправками. Протестантское отношеніе къ реформаціи—положительное, но на сужденіе о ней и протестантскихъ историковъ нерѣдко оказывали вліяніе предвзятые взгляды. Любопытно только, что тяжба между двумя лагерями перенесена теперь на новую почву: прежде споръ шелъ о томъ, гдѣ, на чьей сторонѣ религіозная истина, тогда какъ теперь противники стараются доказать, что реформація содѣйствовала или препятствовала общему культурно-соціальному прогрессу, т. е. отыскивается нѣкоторый неконфессіональный историко-философскій критерій для рѣшенія вопроса о значеніи реформаціи.

Съ историко-философскихъ точекъ зрѣнія реформація и обсуждалась въ разныхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ историко-филисофскій характеръ, каковы труды Банлё, Бидермана, Бокля, Карьера, О. Конта, Диркса, Дрэпера, Гизо, Гегеля, Гельвальда, Генне-Ам-Рина, Германа, Кольба, Лорана (Philosophie de l'histoire) и друг. [1]). Всѣ труды въ этой области могутъ быть подведены подъ категоріи сочиненій теологическихъ, метафизическихъ и позитивныхъ (въ контовскомъ смыслѣ слова), и только въ историко-философскихъ обзорахъ послѣдней категоріи дѣлалась попытка выяснить историческое значеніе реформаціи безъ отношенія къ внутренней истинности или ложности протестантизма [2]), но и тутъ допущено было одностороннее отношеніе къ дѣлу. Перенося на прошлое тотъ взглядъ на положительное знаніе, съ коимъ въ позитивизмѣ соединены надежды касательно будущаго, легко было объявить органическимъ лишь то историческое движеніе, которое проявилось въ развитіи науки, долженствующей дать прочныя основанія для всѣхъ областей мысли и жизни, и легко было поставить рядомъ съ нимъ, какъ расчищающее путь для этого движенія, другое — критическое, разрушавшее то, что не могло быть уничтожено первымъ по его слабости, но безъ отрицанія чего не могло бы происходить и созиданіе новаго. Рядомъ съ этими двумя движеніями — органическимъ, положительнымъ, созидательнымъ и критическимъ, отрицательнымъ, разрушительнымъ поставлено было третье движеніе -- реформаціонное, и сущность его была опредѣлена такимъ образомъ, что лишь по видимости оно стало во враждебныя отношенія къ старому порядку вещей, но въ дѣйствительно-

[1]) Полныя заглавія ихъ сочиненій см. въ I томѣ моихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“.

[2]) Даже Лоранъ въ своихъ трудахъ обсуждаетъ католицизмъ и протестантизмъ съ точки зрѣнія своей личной, чисто-деистической религіи.

сти оно стремилось лишь преобразовать старину, сохраняя прежнее содержаніе подъ новыми формами. Съ этой точки зрѣнія первое движеніе представлено успѣхами положительной науки, на первыхъ порахъ въ области естествознанія и лишь гораздо позднѣе въ сферѣ человѣческихъ (культурныхъ и соціальныхъ) отношеній, второе — развитіемъ скептицизма, направленнаго на вопросы отвлеченной мысли и реальной жизни, третье — возникновеніемъ и распространеніемъ протестантизма, который, какъ и католицизмъ, враждебно отнесся къ первымъ двумъ движеніямъ или, вѣрнѣе говоря, ко второму, такъ какъ первое было еще очень слабо. Принимая далѣе, что прогрессивность была на сторонѣ критическаго движенія, расчищавшаго путь для движенія органическаго, этотъ взглядъ склоненъ отводить реформаціонному движенію второстепенное мѣсто и видѣть въ немъ болѣе реакціонное, чѣмъ прогрессивное явленіе. Такова въ общихъ чертахъ точка зрѣнія, выставленная французскимъ позитивизмомъ, и она, разумѣется, была навѣяна многими дѣйствительными отношеніями реформаціонной и послѣ-реформаціонной эпохъ, но ея односторонность заключается, прежде всего въ томъ, что тутъ имѣется въ виду главнымъ образомъ одно умственное развитіе и лишь по отношенію къ нему эта точка зрѣнія рекомендуетъ оцѣнивать религіозную реформацію, сопровождавшуюся паденіемъ свѣтской науки и нетерпимостью, причемъ забываются другія сферы—моральная, соціальная и политическая, въ коихъ реформація играла разную роль, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени. Во-вторыхъ съ рассматриваемой точки зрѣнія внѣ реформаціоннаго движенія въ эпоху его господства дѣйствительную силу могло имѣть только движеніе критическое, такъ какъ органическое только что зарождалось и по своей слабости и ограниченности не могло играть общественной роли. Послѣднее вполнѣ справедливо, но въ такомъ случаѣ, разъ самъ взглядъ этотъ признаетъ, что критическое движеніе должно уступить мѣсто органическому, т. е. положительному вліянію и созидательному дѣйствію науки, какъ нѣчто, имѣвшее лишь временное и переходное значеніе, онъ необходимо долженъ признать весьма естественнымъ, что, имѣя надобность въ положительныхъ воззрѣніяхъ и стремясь къ созданію новыхъ отношеній, люди XVI и XVII вѣковъ пошли подъ знаменемъ религіозныхъ идей протестантскихъ и сектантскихъ. Религіозная реформація XVI в. несомнѣнно затерла свѣтское культурное (между прочимъ и научное) движеніе гуманизма, но гуманистическая мораль, политика и наука не могли сдѣлаться такою же силою въ широкихъ кругахъ общества и особенно въ народныхъ массахъ, какую представляли собою въ XVI и XVII вв. протестантскія и сектантскія движенія, — не могли быть такою силою и по внутреннимъ своимъ свойствамъ, по невыработанности вну-

тренняго содержанія, да и по внѣшней причинѣ, по несоотвѣтствію своему съ культурнымъ состояніемъ общества. Во всякомъ случаѣ это — историко-философскій взглядъ, примѣнимый лишь къ разсмотрѣнію судебъ свѣтскаго образованія, положительной науки и свободнаго изслѣдованія въ новое время, и онъ, какъ и всякая исключительная точка зрѣнія, не долженъ доминировать при разсмотрѣніи столь сложнаго и разносторонняго историческаго явленія, какимъ была реформація. Любопытно однако, что за этотъ взглядъ хватаются или додумываются до чего самостоятельно новѣйшіе критики реформаціи съ католической точки зрѣнія, какъ это дѣлаютъ, напр., Кампшульте въ исторіи эрфуртскаго университета въ эпоху гуманизма и реформаціи, Янсенъ въ своей исторіи нѣмецкаго народа [1]) или Шуйскій въ сочиненіи „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ" (Odrodzenie i reformacya w Polsce), хотя, разумѣется, исходный пунктъ у нихъ совсѣмъ иной, чѣмъ у позитивистовъ. Вообще разсматривать реформацію исключительно съ точки зрѣнія ея вліянія на одно умственное развитіе столь же односторонне, какъ видѣть въ ней лишь особаго рода проявленіе чисто соціальнаго движенія на почвѣ экономическихъ интересовъ: нельзя игнорировать ни той, ни другой стороны, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ только ту или другую изъ нихъ дѣлать основнымъ принципомъ для объясненія такого сложнаго явленія.

---

[1]) Успѣхъ этого сочиненія свидѣтельствуется выходомъ въ свѣтъ 15-го изданія. Оно съ самаго начала вызвало большую полемику, но многими своими сторонами повліяло даже на историковъ противоположнаго лагеря (напр. на Бецольда).

РЕФОРМАЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ.

II. Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка [1]).

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на реформаціонную эпоху въ Германіи? — Національно-религіозная сторона реформаціи. — Отсутствіе въ Германіи опредѣленнаго государственнаго устройства. — Попытки политической реформы. — Связь политическаго вопроса съ церковнымъ. — Планы реформы въ публицистикѣ. — Броженіе среди рыцарства и крестьянства.

Въ числѣ вопросовъ, которые слѣдуетъ ставить при изученіи реформаціоннаго движенія къ той или другой отдѣльной странѣ, вопросъ о внутреннемъ состояніи страны, какъ мы видѣли, занимаетъ первое мѣсто, и указывая на важность этого вопроса, мы коснулись уже нѣкоторыхъ сторонъ того положенія, въ какомъ находилась Германія передъ возникновеніемъ въ ней реформаціи. Стоитъ вообще вспомнить культурно-соціальныя отношенія нѣмецкаго народа послѣ великаго междуцарствія, упадокъ императорской власти, сопровождавшійся усиленіемъ значенія князей и облегчавшій вмѣшательство куріи во внутреннія дѣла Германіи [2]), ухудшеніе положенія низшихъ классовъ общества въ концѣ среднихъ вѣковъ [3]), разнообразныя выраженія народнаго недовольства, естественно соединявшагося съ стремленіемъ къ политическому и соціальному переустройству [4]), отрицательное отношеніе къ духовенству, имѣвшее столько разнообразныхъ

---

[1]) Höfler. Politische Reformbewegung in Deutschland im XV Jahrhundert. — Gothein. Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation. — Ullmann. Kaiser Maximilian I.

[2]) См. т. I, гл. XI.

[3]) Тамъ же, гл. XV.

[4]) Тамъ же, гл. XX.

причинъ какъ для цѣлаго общества, такъ и для отдѣльныхъ его классовъ [1]), всеобщее желаніе церковной реформы и рядомъ съ этимъ существованіе мистицизма и сектантства [2]), съ одной стороны, а съ другой замѣчательное умственное движеніе гуманизма, какъ извѣстно, соединившагося въ Германіи съ интересомъ къ религіознымъ, богословскимъ и церковнымъ вопросамъ [3]), — стоитъ вспомнить все это, чтобы понять возникновеніе реформаціоннаго движенія, которое имѣло одновременными задачами своими и преобразованіе религіи на новыхъ началахъ, и освобожденіе нѣмецкой націи и ея государей отъ римской куріи, а отдѣльныхъ ея сословій отъ господства клира, и наконецъ государственную и общественную перестройку. Нѣмецкій народъ въ началѣ XVI вѣка находился въ состояніи, весьма напоминающемъ намъ теперь то положеніе, въ какомъ былъ французскій народъ передъ началомъ своей великой революціи: и въ Германіи старое политическое зданіе пришло въ ветхость, и въ Германіи обсуждался вопросъ объ общественныхъ преобразованіяхъ, и въ Германіи дѣлались частныя попытки реформы, и подобно тому, какъ во Франціи созваніе генеральныхъ штатовъ 1789 г. было сигналомъ къ перевороту, такъ у нѣмцевъ около 1520 г. выступленіе Лютера сдѣлалось исходнымъ пунктомъ общественнаго движенія, глубоко потрясшаго націю, движенія съ характеромъ, какъ и французская революція, политико-соціальнымъ, хотя и пошедшаго подъ знаменемъ реформаціи религіозной. Аналогію представляютъ и весьма значительное развитіе въ обѣихъ странахъ въ бурныя эпохи — двадцатыхъ годовъ XVI вѣка въ одной и конца XVIII столѣтія въ другой — памфлетной (въ широкомъ смыслѣ слова) литературы, въ которой заявлялись извѣстнаго рода общественныя требованія и предлагались реформы, и образованіе отдѣльныхъ политическихъ партій съ разными программами, интересами и принципами. Дѣлая это сопоставленіе между реформаціоннымъ временемъ въ Германіи и революціоннымъ во Франціи, я имѣю въ виду отмѣтить то важное обстоятельство, что *нѣмецкая реформація не была явленіемъ исключительно религіознымъ*, а это тѣмъ болѣе необходимо, что по традиціи, унаслѣдованной у прежнихъ историковъ, и теперь нерѣдко смотрятъ на политическое и общественное движеніе эпохи, какъ на второстепенное и побочное, которое притомъ получаетъ значеніе скорѣе помѣхи, созданной для правильнаго теченія религіозной реформы человѣческими страстями и интересами, впутавшимися туда, гдѣ дѣлалось дѣло очищенія религіи отъ люд-

---

1) Тамъ же, гл. XVII.
2) Тамъ же, гл. XXXIX, XL.
3) Тамъ же, гл. о гуманизмѣ внѣ Италіи.

скихъ нововведеній. Рыцарское возстаніе, крестьянская война, борьба между князьями и императоромъ, могутъ разсматриваться, какъ второстепенныя, побочныя, ненужныя явленія только при узко-церковной точкѣ зрѣнія, съ которой вся исторія этой эпохи сводится къ одному преобразованію церкви.

Я не стану много распространяться здѣсь о томъ, какъ чувствовались въ Германіи „порча церкви" и гнетъ куріи съ привилегіями клира: причины реформаціи, заключавшіяся въ первой и во второмъ, а также и въ соціальной оппозиціи духовенству, существовали вездѣ, хотя въ Германіи онѣ дѣйствовали сильнѣе, ибо, съ одной стороны, рѣдко гдѣ религіозность отличалась такимъ интимнымъ, моральнымъ характеромъ, какъ въ тогдашнемъ нѣмецкомъ народѣ, а съ другой, и мало какая другая нація находилась въ такомъ униженіи передъ римской куріей, какъ нѣмецкая, благодаря тому, что ея политическое безсиліе было удобной почвой для развитія папскихъ притязаній. Религіозное настроеніе Германіи проявлялось въ переводахъ библіи и развитіи церковной пѣсни еще до Лютера, который своимъ знаменитымъ переводомъ и своею богослужебной лирикой затмилъ болѣе ранніе проблески стремленія къ тому, чтобы читать св. писаніе и молиться на родномъ языкѣ; обнаруживалось далѣе это религіозное настроеніе въ образованіи мистическихъ кружковъ, въ благочестивыхъ трудахъ братьевъ общей жизни, въ гуманистическихъ занятіяхъ богословіемъ на новыхъ основахъ, въ существованіи скрытыхъ еретиковъ, въ постоянной заботѣ о церковной реформѣ, для проведенія коей высказывалось желаніе о новомъ вселенскомъ соборѣ. И вотъ *это національное раздраженіе противъ Рима съ соединеніи съ неудовлетворенностью религіозно-настроеннаго народа тѣмъ, что ему давала церковь, и объясняютъ успѣхъ протеста Лютера во всѣхъ слояхъ нѣмецкой націи.* Уже изъ этого видна двойственность причинъ реформаціи: для многихъ національная сторона дѣла была даже выше религіозной, ибо около 1520 г. многіе сторонники Лютера совѣтовали ему отказаться отъ догматической части своихъ сочиненій и остаться лишь при томъ, въ чемъ выразились національныя стремленія нѣмцевъ, недовольныхъ вымогательствами куріи и ея вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Германіи. Но вѣдь въ то же время изъ религіознаго реформатора нѣкоторые хотѣли сдѣлать и народнаго вождя въ томъ чисто свѣтскомъ и безусловно внутреннемъ переворотѣ, который подготовлялся въ Германіи независимо отъ „порчи церкви" и хозяйничанія римской куріи въ этой странѣ.

Германія, какъ одно политическое цѣлое, находилась въ эту эпоху въ состояніи, такъ сказать, неустойчиваго равновѣсія, не имѣя опредѣленнаго центра тяжести, переставъ быть единымъ государ-

ствомъ, но и не превратившись окончательно въ простую федерацію, да и давно уже чувствовалась необходимость государственной реформы, которая вывела бы страну изъ того хаоса, какой представляли изъ себя ея учрежденія. Главный политическій вопросъ, давнымъ-давно поставленный ходомъ государственнаго развитія Германіи, какъ извѣстно, былъ *вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ императорской и княжеской властей*. Золотая булла Карла IV (1356) узаконяла въ государствѣ особое положеніе семи курфюрстовъ, на которыхъ переносилась часть императорскихъ прерогативъ [1]), и создавала изъ этихъ семи князей какъ бы зерно имперскихъ сеймовъ, въ коихъ рядомъ съ ними мы видимъ другихъ князей, въ территоріальномъ отношеніи нерѣдко болѣе могущественныхъ, чѣмъ сами курфюрсты, и представителей отъ городовъ [2]). Мало-по-малу курфюршескія права распространились на другихъ князей, но это усиленіе ихъ значенія не сопровождалось выработкой болѣе опредѣленныхъ формъ имперскаго устройства, такъ что и имперскій сеймъ имѣлъ характеръ какой-то незаконченности, и взаимныя отношенія императора, князей и городовъ не отличались ни устойчивостью, ни послѣдовательностью. Это давало себя знать, напримѣръ, въ образованіи частныхъ союзовъ между отдѣльными политическими элементами, каковы союзы городовъ—рейнскій, швабскій и ганзейскій, имѣвшіе цѣлью взаимную защиту и поддержку земскаго мира, не говоря уже о торговомъ ихъ значеніи, въ особенности о значеніи Ганзы, — давало себя знать и въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя происходили между городами и князьями. Извѣстна городская война второй половины XIV вѣка, въ коей участвовали, съ одной стороны, швабскій союзъ, а съ другой князья подъ предводительствомъ герцога вюртембергскаго. Послѣдніе вышли побѣдителями изъ этой борьбы, нанесши пораженіе не только городамъ (битва у Дёффингена 1388 г.), но и имперскому рыцарству, задумавшему воспользоваться этимъ междоусобіемъ для своихъ цѣлей, послѣ чего были запрещены всякіе союзы, какъ городскіе, такъ и рыцарскіе, побѣдѣ же князей содѣйствовала непрочность тѣхъ связей, какія существовали между отдѣльными городами, находившимися между собою нерѣдко въ соперничествѣ. Внутреннее неустройство Германіи тяжело отзывалось и на ея международномъ положеніи. Политическая реформа была настоятельною необходимостью: нужно было что-либо болѣе опредѣленное и прочное—въ унитарномъ-ли, или федеративномъ смыслѣ, все равно,—и это особенно сознается въ серединѣ XV в. при Фридрихѣ III. Иниціативу реформы взяли на себя курфюрсты, коллегія коихъ, благодаря

---

[1]) Т. I, гл. XI.

[2]) Тамъ же, гл. VI.

изданной за сто лѣтъ передъ тѣмъ золотой буллѣ, была единственнымъ сколько-нибудь организованнымъ политическимъ учрежденіемъ, но ихъ попытки, главнымъ образомъ на сеймахъ между 1456 и 1476 годами, ни къ чему не привели. Помимо того и въ обществѣ уже создавались планы политической реформы, въ родѣ „Реформаціи короля Сигизмунда", позднѣе „Реформаціи Фридриха III" [1]) и т. п. Но Фридрихъ III вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы можно было ожидать отъ него умѣлаго и энергическаго участія въ этомъ дѣлѣ, а потому всѣ надежды были возложены на его сына Максимиліана, который и былъ выбранъ на сеймѣ 1486 г. въ „римскіе короли", т.-е. наслѣдникомъ Фридриху III. Царствованіе Максимиліана I (1493—1519) главнымъ образомъ и должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія надеждъ, возлагавшихся на этого императора въ то время, когда еще его выбирали только въ римскіе короли, но любопытно, что въ той реформѣ, каторая была при немъ предпринята и проведена, выразилось прямо недовѣріе къ тому, чтобы сама императорская власть была способна дать Германіи надлежащее единство. Реформа основывала новый порядокъ,—впрочемъ, не утвердившійся въ полномъ своемъ объемѣ,—не на расширеніи власти императора, а на усиленіи княжескаго вліянія на государственныя дѣла, а въ этомъ заключалась причина того, что реформа не встрѣтила сочувствія императора. Исключительно занятый своими династическими интересами, создавая обширные политическіе планы, смотря на имперію лишь какъ на средство, коимъ слѣдуетъ пользоваться для достиженія цѣлей, бывшихъ совершенно чуждыми и имперскимъ чинамъ, и націи, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, которыя зависѣли главнымъ образомъ отъ князей, Максимиліанъ не могъ ставить ребромъ вопроса о своихъ отношеніяхъ къ князьямъ, не смѣлъ противиться ихъ желаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ соглашаться на ихъ требованія весьма неохотно, безъ намѣренія исполнять свои обѣщанія и даже съ тайною мыслью мѣшать тому, что ему казалось невыгоднымъ или даже оскорбительнымъ въ предпринятомъ имперскими чинами дѣлѣ. Вормскій сеймъ 1495 года, установившій „общій и вѣчный земскій міръ" подъ страхомъ имперской опалы и лишенія покровительства законовъ за всякое самоуправство, учредилъ имперскій верховный судъ (Reichskammergericht), лишь предсѣдатель коего назначался императоромъ, а остальные члены (16) курфюрстами и князьями (14), а также и городами (2), причемъ имперія была раздѣлена на десять округовъ (Kreise) съ опредѣленнымъ контингентомъ конницы (4 т.) и пѣхоты (20 т.) въ каждомъ и двумя окружными старшинами (Kreiso-

---

[1]) Тамъ же, гл. XX.

bersten) изъ наиболѣе могущественныхъ князей для начальствованія надъ окружнымъ войскомъ съ правомъ приводить въ исполненіе приговоры верховнаго суда [1]). Земскій миръ и окружное устройство еще не противорѣчили интересамъ Максимиліана, но онъ весьма непріязненно относился къ верховному суду, коему и создалъ противовѣсъ въ Вѣнѣ въ видѣ Reichshofrath'а для наслѣдственныхъ габсбургскихъ земель, но съ особеннымъ нерасположеніемъ онъ отнесся къ плану имперскихъ чиновъ учредить особый правительственный совѣтъ, которому принадлежала бы весьма широкая компетенція въ охранѣ внутренняго мира и внѣшней безопасности имперіи съ правомъ завѣдыванія государственными доходами. Антагонизмъ между императорскою и княжескою властью все болѣе и болѣе обострялся, но Максимиліану *не приходило въ голову опереться на тѣ общественныя и народныя силы, которыя были враждебны княжескому порядку и пошли бъ за императоромъ въ дѣлѣ политическаго объединенія и сообразныхъ съ нимъ государственныхъ реформъ подъ условіемъ преобразованій и въ гражданскомъ быту.* Сами по себѣ измѣненія, введенныя при Максимиліанѣ въ устройствѣ имперіи, не были настолько серьезны, чтобы ими могъ быть рѣшенъ вѣковой политическій вопросъ организаціи верховной власти въ Германіи, а тутъ еще самъ императоръ противодѣйствовалъ всему, что могло внести болѣе опредѣленности, порядка и устойчивости въ государственный бытъ Германіи. Когда въ 1519 г. въ преемники Максимиліану былъ избранъ внукъ его Карлъ, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между императоромъ, какъ нѣмецкимъ королемъ, и князьями оставался нерѣшеннымъ, хотя, повидимому, эти отношенія опредѣлялись избирательной капитуляціей Карла: этому вопросу пришлось рѣшаться уже позднѣе въ связи съ религіозной реформаціей. Одною изъ причинъ указываемой связи было то, что кому фактически принадлежала верховная власть въ странѣ, тотъ и былъ защитникомъ ея національныхъ и политическихъ интересовъ противъ Рима: передъ началомъ реформаціи, особенно съ царствованія Фридриха III, отличавшагося уступчивостью по отношенію къ папству, представителями политической оппозиціи противъ папства были именно курфюрсты и вообще князья, хотя Максимиліанъ самъ становился также въ ряды недовольныхъ вмѣшательствомъ куріи въ нѣмецкія дѣла. Въ Германіи въ началѣ XVI вѣка обнаруживалось *стремленіе не только къ политическому объединенію, но и къ національному освобожденію,* а потому для всей внутренней жизни нѣмецкаго народа было важно, кто станетъ во главѣ этого національнаго движенія—императоръ или князья, и такъ какъ національное движеніе было соединено съ религіознымъ протестомъ,

---

[1]) Томъ I, гл. XI.

то это значило также, какой политики императоръ и князья будутъ держаться въ церковномъ вопросѣ, чья политика окажется болѣе національною и кто изъ нихъ, защищая народныя права противъ куріи, на этомъ утвердитъ свое политическое значеніе, а опредѣляя поэтому и отношеніе церкви къ государству, воспользуется перемѣною для упроченія своей власти.

Таковъ былъ вопросъ политическій, но онъ еще усложнялся однимъ немаловажнымъ обстоятельствомъ: не одинъ императоръ былъ принципіальнымъ противникомъ княжеской власти, ибо ею были недовольны и города, и такъ-называемое имперское рыцарство, и крестьянство, а въ интеллигентныхъ кругахъ Германіи были люди, мечтавшіе о полномъ внутреннемъ переустройствѣ государства, что не только обнаруживалось въ публицистикѣ того времени, но проявилось и въ двухъ возстаніяхъ—рыцарскомъ и крестьянскомъ, происшедшихъ въ двадцатыхъ годахъ XVI в. и быстро подавленныхъ князьями. Въ Германіи государственная жизнь сложилась такимъ образомъ, что и императоръ, и князья заботились не столько о цѣломъ, а объ отдѣльныхъ частяхъ, первый о своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о династическихъ интересахъ, вторые—о расширеніи своей власти въ отдѣльныхъ земляхъ, но въ интеллигентныхъ кругахъ были люди, патріотически настроенные, возвышавшіеся до пониманія интересовъ нѣмецкаго народа, какъ націи и какъ совокупности единицъ, общее благо коихъ должно быть цѣлью государства, и изъ среды такихъ людей выходили планы и проекты реформъ, излагавшіеся въ тогдашней публицистикѣ. Начало послѣдней восходитъ еще къ серединѣ XV в., когда въ Германіи подъ вліяніемъ базельскаго собора и толковъ о реформѣ церкви оживился въ обществѣ интересъ и къ политическимъ вопросамъ, тѣмъ болѣе, что къ нѣмцамъ не могли не проникать и дѣйствительно проникали гуситскія идеи, игравшія такую роль въ чешскомъ движеніи, которое такъ близко касалось и Германіи. Въ 1433 г. Николай Кребсъ (впослѣдствіи кардиналъ Николай Кузанскій) въ сочиненіи „De concordantia catholica", описывая внутреннее разложеніе Германіи, отвѣтственными за него считаетъ князей, стремящихся къ полной самостоятельности, и предсказывая, что „какъ князья раздираютъ имперію, такъ ихъ самихъ станутъ раздирать народныя силы" (die Gemeinen aus dem Volke), настаиваетъ на необходимости рѣшительныхъ мѣръ, коими можно было бы уничтожить зло. За предложеніями Кребса идетъ рядъ другихъ плановъ, существованіе коихъ не могло оставаться неизвѣстнымъ и простому народу: среди послѣдняго также происходитъ броженіе и дѣлается популярною мысль о необходимости государственнаго переустройства и притомъ на началахъ демократическихъ съ политическимъ объединеніемъ страны подъ

властью императора. Въ 1438 г. появилась упомянутая „Реформація императора Сигизмунда“ нѣкоего Фридриха Рейзера, въ которой говорится о печальномъ положеніи страны и высказывается надежда на то, что города произведутъ ея обновленіе, такъ какъ отъ городского сословія авторъ ожидалъ почина во всѣхъ реформахъ. Позднѣе была въ большомъ ходу „Реформація Фридриха III“, написанная, такъ-сказать, спеціально въ интересахъ крестьянскаго сословія, подвергавшаяся передѣлкамъ сообразно съ ходомъ дѣлъ на сеймахъ конца XV и начала XVI вѣка. Годы, непосредственно предшествовавшіе выступленію Лютера въ качествѣ реформатора и избранію на престолъ Карла V, были временемъ весьма большого возбужденія, выразившагося въ развитіи литературы памфлетовъ и летучихъ листковъ, но ни въ какихъ другихъ общественныхъ классахъ не происходило такого сильнаго движенія, какъ среди имперскаго рыцарства и крестьянства: мы увидимъ, что еще до начала реформаціи оба эти сословія вполнѣ были готовы къ тому, чтобы произвести переворотъ вооруженною силою, и только впослѣдствіи составилось такое представленіе, будто причиною возстаній рыцарскаго и крестьянскаго въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка было выступленіе Лютера противъ католической церкви. Разумѣется, между рыцарями и крестьянами не могло быть солидарности, такъ какъ первые были въ числѣ утѣснителей другихъ, и эти послѣдніе, возставая противъ всѣхъ своихъ господъ, подымались и на рыцарское сословіе, но и тѣ, и другіе сходились въ томъ, что стремились къ устраненію княжескаго произвола и къ объединенію всѣхъ земель подъ властью единаго императора. Неудача реформъ, проводившихся на сеймахъ Максимиліана I, толкала и рыцарство, и крестьянство, и патріотовъ, мечтавшихъ объ обновленіи государства, на другой путь. Германіи предстояло такъ или иначе рѣшить свой политическій вопросъ объ отношеніи между императоромъ и князьями, какъ разъ усложнявшійся еще антагонизмомъ между отдѣльными политическими элементами: *въ то самое время, какъ князья были настроены противъ императора, противъ нихъ самихъ готово было возстать имперское рыцарство, города находились съ ними въ ссорѣ, а крестьяне начинали бунтовать противъ своихъ господъ.* Отъ той или другой комбинаціи этихъ силъ, между коими должно было произойти столкновеніе, и отъ характера идей, господствовавшихъ въ разныхъ слояхъ націи, зависѣли и исходъ, и направленіе того переворота, который и начался вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Карла V. Но разсматривая это время въ Германіи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ образованныхъ классахъ тогда было сильно сочувствіе къ гуманизму.

III. Культурная борьба и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Умственный разцвѣтъ Германiи въ началѣ XVI вѣка.—Взаимныя отношенiя схоластиковъ и гуманистовъ.—Походъ Пфефферкорна противъ еврейскихъ книгъ.—Рейхлиновскiй споръ.—„Письма темныхъ людей“.—Историческiй интересъ личности Ульриха фонъ Гуттена.—Его литературная дѣятельность.—Его отношенiе къ реформацiи.—Ульрихъ фонъ Гуттенъ и Лютеръ.

Общественное броженiе, происходившее въ Германiи передъ 1517 годомъ, сопровождалось, какъ и всегда это бываетъ, весьма сильнымъ развитiемъ литературной дѣятельности, которая сама приняла боевой характеръ. Конецъ XV и начало XVI вѣка было для Германiи временемъ умственнаго разцвѣта, временемъ наибольшаго процвѣтанiя гуманизма, выставившаго такихъ дѣятелей, какъ Рейхлинъ [1]), Эразмъ [2]), Ульрихъ фонъ Гуттенъ: это были годы, когда рядомъ съ старымъ религiознымъ броженiемъ, принимавшимъ мистическiй оттѣнокъ, выступало и даже выдвигалось на первый планъ новое гуманистическое движенiе, принимавшее у младшихъ своихъ представителей свѣтскiй характеръ, когда рядомъ съ старой народной, „грубiянской“ сатирой развивается сатира новая, гуманистическая, нашедшая лучшее свое выраженiе въ „Похвалѣ глупости“ Эразма Роттердамскаго [3]), когда среди образованныхъ людей толки о реформѣ церкви, занимавшей Европу болѣе столѣтiя, сопровождались разсужденiями о реформѣ государства, уже успѣвшими получить значенiе не простыхъ теоретическихъ разговоровъ, такъ какъ вопросъ этотъ былъ очередной и на имперскихъ сеймахъ въ царствованiе Максимилiана. По тому, что происходило въ умственной жизни Германiи въ послѣднiе годы этого императора, *можно было бы подумать, что общественному движенiю предстояло совершиться подъ идейнымъ влiянiемъ гуманизма*: то было время быстраго разцвѣта классическихъ занятiй, появленiя въ гуманизмѣ свѣтскихъ стремленiй, полнаго разрыва новаго образованiя съ схоластикою, развитiя гуманистической сатиры и публицистики, соединенiя всѣхъ гуманистовъ въ общемъ дѣлѣ—борьбы съ представителями старины, появленiя среди гуманистовъ человѣка съ широкими политическими планами и необычайной популярности новаго умственнаго направленiя въ образованномъ обществѣ. Если въ сферѣ соцiально-политической мы наблюдаемъ въ

---

[1]) Тамъ же, гл. XXX.
[2]) Тамъ же, гл. XXX, XXXVII и XL.
[3]) Тамъ же, гл. XXXVII.

это время неустойчивое равновѣсіе, напряженное состояніе общественныхъ силъ, готовность отдѣльныхъ сословій ринуться другъ на друга, то въ области культурной мы обнаруживаемъ за тотъ же самый періодъ времени исканіе новыхъ началъ мысли и жизни, сильное умственное напряженіе, страстное желаніе сразиться съ представителями старины. Такъ-называемый рейхлиновскій споръ, получившій широкое общественное значеніе и взволновавшій не только ученые круги, но и вообще образованное общество въ Германіи, служитъ наилучшимъ свидѣтельствомъ того, какое возбужденіе господствовало въ Германіи во второмъ десятилѣтіи XVI вѣка. Подъ рейхлиновскимъ споромъ, какъ извѣстно, разумѣется полемика, которую вели между собою схоластики и гуманисты изъ-за Рейхлина.

Между гуманистами и схоластиками первоначально не было рѣзкихъ столкновеній. Представители стараго образованія только подсмѣивались надъ гуманистами, считая ихъ недалекими людьми, не понимающими, что выгода заключается вовсе не въ занятіяхъ такого рода вещами, какими занимались гуманисты, но съ теченіемъ времени, когда новое образованіе пустило корни и его представители стали отбивать хлѣбъ у схоластиковъ, послѣдніе начали относиться къ нимъ со злобой. Противники не оставались въ долгу и выставляли защитниковъ старины, какъ враговъ истиннаго просвѣщенія, обративъ противъ нихъ свои сатирическія стрѣлы, какъ мы это видимъ въ произведеніяхъ Генриха Бебеля („Баттъ и Евлогъ“, „Торжество Венеры“, „Фацеціи“) и Эразма, „Похвала глупости“ котораго была написана около 1510 г. [1]). Сначала схоластики не обращали вниманія на гуманистическія нападки, но одинъ частный случай сдѣлался сигналомъ къ борьбѣ по всей линіи. Въ 1504 г. въ Кельнѣ принялъ христіанство еврей Пфефферкорнъ, сдѣлавшійся фанатическимъ врагомъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Онъ началъ даже писать противъ нихъ брошюры, за что былъ взятъ кельнскими богословами, доминиканцами, подъ особое покровительство: обязанностью ордена было наблюдать за книгами, противными вѣрѣ, и бороться съ ересью, и они сочли своимъ долгомъ переводить на латинскій языкъ и издавать антиеврейскіе пасквили Пфефферкорна. Послѣднему между тѣмъ пришла въ голову мысль уничтожить всѣ зловредныя еврейскія книги. Онъ добываетъ рекомендательныя письма къ императору Максимиліану и получаетъ изъ его канцеляріи указъ, по которому ему давалось право отбирать у евреевъ и предавать сожженію книги, противныя христіанству и самому моисееву закону, но выраженія указа были весьма неопредѣленны, и когда Пфефферкорнъ обратился къ Рейхлину, какъ знатоку еврейскаго

---

[1]) Тамъ же.

языка, за содѣйствіемъ, тотъ нашелъ, что смыслъ императорскаго повелѣнія недостаточно ясенъ, и, кромѣ того, отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, какъ лично ему несимпатичнымъ. На Пфефферкорна это не произвело никакого дѣйствія. Онъ съ помощью духовныхъ лицъ и солдатъ на основаніи указа сталъ въ разныхъ городахъ отбирать у евреевъ ихъ книги, допуская при этомъ грубое обращеніе и насилія по отношенію къ бывшимъ своимъ единовѣрцамъ, такъ что даже архіепископъ майнцскій, во владѣніяхъ коего онъ дѣйствовалъ, вмѣшался въ это дѣло, негодуя на такое распоряженіе непрошеннаго ревнителя въ его епархіи. Дѣло снова дошло до императора, который поручилъ архіепископу составить коммиссію изъ свѣдущихъ лицъ для разбора всего дѣла и опросить университеты и спеціалистовъ. Университеты майнцскій и кельнскій, равно какъ инквизиторъ (magister haereticorum) Гохстратенъ, кельнскій доминиканецъ, высказались въ смыслѣ требованій Пфефферкорна, эрфуртскій и гейдельбергскій университеты дали отвѣты довольно неопредѣленные, но больше противъ проекта уничтоженія еврейскихъ книгъ; за то Рейхлинъ въ цѣломъ мемуарѣ развилъ ту мысль, что, во-первыхъ, не уничтожаютъ же сочиненій языческихъ авторовъ, изучаемыхъ даже въ школахъ, что, во-вторыхъ, евреи граждане, какъ и остальные жители Германіи, а потому должны пользоваться общимъ со всѣми правомъ, и что, наконецъ преслѣдованія только еще болѣе укрѣпятъ ихъ въ вѣрѣ отцовъ, — и вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалъ характеристику отдѣльныхъ категорій еврейскихъ книгъ, замѣтивъ, что христіанамъ нельзя судить о правильности іудейскихъ вѣрованій, такъ какъ сами они не позволяютъ евреямъ судить о христіанствѣ, и что нельзя притомъ полагаться на показанія фанатическихъ и безграмотныхъ выкрестовъ. Послѣднее замѣчаніе Пфефферкорнъ принялъ (и не безъ основанія, повидимому) на свой счетъ и написалъ противъ ученаго гуманиста, не согласившагося съ его мнѣніями, брошюру „Handspiegel“, въ коей представилъ Рейхлина невѣждою и обвинилъ его въ томъ, что его подкупили евреи. Рейхлинъ принесъ жалобу императору и выступилъ противъ Пфефферкорна съ брошюрой „Augenspiegel“, буквально выругавъ его довольно непристойно, но его литературный противникъ нашелъ защитника въ лицѣ Гохстратена. Кельнскіе богословы стали даже застращивать Рейхлина, требовать у него покаянія въ ересяхъ и печатнаго опроверженія своей брошюры, на что тотъ не соглашался, хотя въ частныхъ письмахъ и оправдывался передъ Гохстратеномъ. Такъ начался въ 1511 году рейхлиновскій споръ. Въ слѣдующемъ, 1512 г., кельнскіе богословы издали противъ Рейхлина латинскую брошюру, изобразивъ въ оскорбительномъ для него видѣ все его поведеніе въ этомъ дѣлѣ, а одинъ изъ ихъ приспѣшниковъ, получившихъ гуманистическое образованіе, на котораго

гуманисты стали смотрѣть, какъ на перебѣжчика изъ ихъ лагеря, Ортуинъ Грацій написалъ латинскіе стихи о томъ, какъ по поводу защиты Рейхлиномъ евреевъ обрадовался адъ и опечалились небожители, заплакала сама „Iovis alma parens“ (т.-е. Св. Дѣва) и Христосъ почувствовалъ боль въ своихъ ранахъ. Въ томъ же году Пфефферкорнъ написалъ новую брошюру („Brandspiegel“) съ предложеніемъ старыхъ евреевъ и евреекъ выселить на необитаемый островъ, а еврейскихъ дѣтей воспитать въ христіанской вѣрѣ; тутъ были и новыя нападки на Рейхлина. Тогда послѣдній напечаталъ брошюру „Defensio contra calumniatores colonienses“ (1513) въ формѣ прошенія къ императору о защитѣ, что не помѣшало автору выражаться о своихъ литературныхъ противникахъ весьма рѣзко, какъ объ ослахъ и свиньяхъ, невѣждахъ и нахалахъ, и даже бросить тѣнь на супружескую вѣрность жены Пфефферкорна. Императорская канцелярія издала „silentii mandatum“, т.-е. запретила продолжать полемику, пока не будетъ сдѣлано постановленія по этому дѣлу компетентными лицами, такъ какъ университеты продолжали его разсматривать, прихвативши кстати и „Augenspiegel“ Рейхлина. Вопросъ взволновалъ къ этому времени всю ученую и образованную Европу: Людовикъ XII обратился по его поводу къ парижскимъ богословамъ, рекомендуя имъ не дѣлать поблажки защитнику талмуда, а его преемникъ Францискъ I прямо сталъ на сторону схоластиковъ, равно какъ и молодой король испанскій Карлъ I (будущій императоръ Карлъ V), тогда какъ Максимиліанъ поддерживалъ, наоборотъ, Рейхлина, нашедшаго покровителя и въ герцогѣ вюртембергскомъ. Дѣло шло прямо о судѣ надъ Рейхлиномъ, сначала бывшемъ въ рукахъ Гохстратена, но потомъ по распоряженію папы Льва X переданномъ шпейерскому епископу, который оправдалъ Рейхлина, между тѣмъ, какъ кельнцы, не желая отказываться отъ своихъ плановъ, все-таки стали судить Рейхлина и приговорили его „Augenspiegel“ къ сожженію рукою палача. Обѣ стороны обратились затѣмъ съ аппелляціей въ курію, причемъ богословы грозили въ случаѣ проигрыша своего дѣла аппеллировать вселенскому собору, но Левъ X приказалъ прекратить дальнѣйшую полемику и отложилъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Извѣстіе о предстоявшемъ Рейхлину судѣ вызвало среди гуманистовъ большое къ нему сочувствіе, выразившееся въ адресованныхъ къ нему письмахъ, которыя онъ поспѣшилъ обнародовать въ видѣ сборника подъ заглавіемъ „Письма знаменитыхъ людей“ (Epistolae illustrium virorum, 1514), а молодой гуманистическій поэтъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ издалъ «Торжество Капніона“ (1517), — Капніонъ было эллинизированное имя Рейхлина, — въ которомъ представилъ смущеніе схоластиковъ и Пфефферкорна вслѣдствіе побѣды ученаго гуманиста. Эти изданія особенно заинтересовали въ дѣлѣ общество и

склонили общественное мнѣніе на сторону Рейхлина, но наиболѣе сильный ударъ всей противной партіи былъ нанесенъ появленіемъ въ концѣ 1515 года знаменитыхъ „Писемъ темныхъ людей“ (Epistolae obscurorum virorum). Успѣхъ книжки былъ необычайный: въ началѣ 1516 г. понадобилось второе ея изданіе, и въ томъ же году появилось третье съ добавленіемъ новыхъ писемъ, а въ 1517 г. вышла въ свѣтъ вторая часть, весьма скоро потребовавшая также новаго изданія.

„Epistolae obscurorum virorum“ вышли изъ кружка молодыхъ гуманистовъ, группировавшихъ одно время около эрфуртскаго университета, а однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ этомъ коллективномъ предпріятіи былъ Іоганнъ Егеръ изъ Дорнгейма, прозвавшій себя Кротомъ Рубіаномъ [1]), во второмъ же томѣ, вѣроятно, участвовалъ и Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Письма эти, написанныя невозможною латынью и наполненныя глупостями и непристойностями, были составлены отъ имени разныхъ „темныхъ“, т.-е. неизвѣстныхъ, бо́льшею частью вымышленныхъ людей со смѣшными фамиліями и адресованы къ перебѣжчику Ортуину Грацію, и подделка была произведена такъ искусно, что многіе сторонники схоластиковъ, — кто былъ понаивнѣе и поневѣжественнѣе, — сначала радовались тому, какъ разные доктора и магистры отдѣлали въ своихъ письмахъ рейхлинистовъ и самого Рейхлина. Насмѣшка надъ схоластиками, а кстати и надъ монахами, дѣйствительно, была убійственная: языкъ, интересы, мнимая ученость и схоластическія разсужденія, скандальное поведеніе представителей старины, все это было зло и остроумно осмѣяно въ „Письмахъ“, гдѣ серьезно рѣшаются, наприм., вопросы о томъ, какъ долженъ называться будущій докторъ богословія—magister nostrandus или noster magistrandus, разсказывается о попойкахъ и картежной игрѣ съ ставками въ видѣ индульгенцій или доказывается, что Пфефферкорнъ допустилъ большую ересь, назвавъ себя въ одномъ сочиненіи своемъ противъ Рейхлина нижайшимъ членомъ церкви, ибо нижайшій членъ есть нога, но нога поддерживаетъ тѣло, церковь же поддерживается папой, слѣдовательно, Пфефферкорнъ приравниваетъ себя папѣ, т.-е. является антипапой, а это и есть ересь.

Гуманисты съ восторгомъ привѣтствовали эти „Письма“, хотя нѣкоторые были недовольны ихъ черезъ-чуръ развязнымъ тономъ и грубостью выраженій, а Лютеръ такъ и прямо нашелъ въ нихъ одно балаганное шутовство. Въ общественномъ мнѣніи противники гуманистовъ совершенно погибли, и ни запрещеніе „Писемъ“ духовной цензурой, ни „Lamentationes obscurorum virorum“ Ортуина Грація, пытавшагося изобразить все дѣло такъ, какъ будто рейхлинисты потерпѣли

---

[1]) Тамъ же, гл. XXX.

полную неудачу съ своей сатирой, ни оффиціальный исходъ процесса въ пользу кельнцевъ, ни то, что самъ авторъ „Похвалы глупости“ заявилъ о несолидарности своей съ дерзкими памфлетистами, ничто не могло ослабить силы того удара, какой былъ нанесенъ гуманистами кельнскимъ богословамъ.

Рейхлиновскій споръ сплотилъ гуманистовъ въ одну дружную силу, въ оборонительный и наступательный союзъ противъ отжившей старины, показалъ все то значеніе, какое было на ихъ сторонѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ, далъ случай нанести ошеломляющій ударъ противникамъ новаго направленія—и все это какъ разъ въ то время, когда нѣмецкая нація стремилась къ политическимъ и соціальнымъ реформамъ, а въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ происходило сильное броженіе прямо революціоннаго характера. Еслибы мы захотѣли указать человѣка съ чуткой и отзывчивой натурой, котораго можно было бы назвать выразителемъ всѣхъ тѣхъ движеній, какія происходили тогда въ Германіи, касалось ли дѣло государственныхъ и общественныхъ реформъ или культурной борьбы гуманизма, національной оппозиціи Риму или соціальной оппозиціи клиру, то безъ всякаго колебанія должны были бы остановиться на имени гуманиста изъ имперскихъ рыцарей Ульриха фонъ-Гуттена, о которомъ есть прекрасная монографія Штрауса [1]).

Личность Ульриха фонъ-Гуттена—одна изъ наиболѣе интересныхъ въ эту любопытную эпоху. Чуткій и отзывчивый, отличаясь какимъ-то вѣчнымъ безпокойствомъ духа и быстротой рѣшеній (animus irrequietes et versatilis), страстно относившійся ко всѣмъ вопросамъ своего времени, человѣкъ съ темпераментомъ публициста и политическаго дѣятеля, гуманистъ, хорошо владѣвшій мечомъ, и рыцарь, еще того лучше владѣвшій перомъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобы сдѣлаться рельефнымъ и всестороннимъ отраженіемъ той соціально-политической, національно-религіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ культурной борьбы, которая велась тогда въ Германіи, живымъ воплощеніемъ стремленій передовой части нѣмецкаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ однако и опережавшимъ свою эпоху въ качествѣ свѣтскаго гуманиста и демократическаго радикала, коему пришлось дѣйствовать въ годы сильнаго религіознаго возбужденія и среди сословной розни феодальнаго общества. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ названная личность и заслуживаетъ вниманія.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ родился въ 1488 г. въ семьѣ имперскаго рыцаря изъ древняго, но захудалаго рода, раздѣлившагося на нѣ-

---

[1]) Strauss. Ulrich von Hutten.

сколько линій. Отецъ отдалъ Ульриха въ фульдскій монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ учиться и впослѣдствіи принять духовный санъ, но когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, его сманилъ оттуда молодой гуманистъ Іоганнъ Іегеръ, или, какъ онъ назвалъ себя, Кротъ Рубіанъ, и оба они отправились въ кельнскій университетъ (1505), а оттуда попали въ Эрфуртъ, гдѣ Ульрихъ близко сошелся съ жившими тамъ гуманистами и пользовался матеріальною поддержкою со стороны готскаго каноника Муціана Руфа [1]), стоявшаго во главѣ гуманистическаго кружка со свѣтскимъ направленіемъ. Затѣмъ началась странническая жизнь молодого Гуттена, наполненная лишеніями и приключеніями, о которыхъ остался слѣдъ въ его элегіяхъ, озаглавленныхъ „Жалобами" (Querelae) и заключавшихъ въ себѣ обращеніе къ „богамъ и въ особенности къ знакомому съ страданіями Христу". Въ это время молодой гуманистъ выступаетъ, какъ поэтъ, обращаетъ на себя вниманіе въ Вѣнѣ стихотвореніемъ къ императору Максимиліану о необходимости войны съ Венеціей и достигаетъ извѣстности въ гуманистическихъ кругахъ, благодаря своему сочиненію „De arte versificandi", выдержавшему нѣсколько изданій и сдѣлавшемуся школьнымъ руководствомъ. Это нѣсколько примирило съ Ульрихомъ его отца, который былъ страшно на него разсерженъ за бѣгство изъ монастыря, но онъ все-таки требовалъ отъ сына ученаго диплома, котораго тотъ не имѣлъ, странствуя по университетскимъ городамъ и занимаясь совсѣмъ не тѣмъ, что давало право расчитывать на духовную или чиновничью карьеру. Отецъ и сынъ порѣшили на томъ, что одинъ дастъ средства, а другой отправится въ Болонью учиться праву, и весною 1512 г. мы видимъ Гуттена въ Италіи, гдѣ онъ однако не пріобрѣлъ диплома. Въ Италіи велась война, а Гуттенъ былъ не такого нрава, чтобы воздержаться отъ возможности дѣйствовать: его влекло къ борьбѣ, и еще за годъ передъ этимъ, поссорившись съ ректоромъ вѣнскаго университета, который запретилъ студентамъ слушать его лекціи о стихотворномъ искусствѣ, онъ велъ себя весьма воинственно, ворвавшись въ квартиру ректора, и сильно тамъ набуянилъ. Занятія Гуттена юриспруденціей въ Павіи были непродолжительными, да и тутъ онъ больше интересовался греческимъ языкомъ, а потомъ ему пришлось завербоваться въ императорскую армію, хотя онъ и послѣ этого не переставалъ, какъ онъ самъ выражается, служить музамъ. Къ этому времени относятся его „Эпиграммы къ императору Максимиліану", гдѣ, наприм., императоръ изображенъ орломъ, надменный галлъ—пѣтухомъ, а Венеція—лягушкой, и уже слышится сатирическая нота: Италія жалуется Аполлону

---

[1]) См. томъ I, гл. XXX.

на то, что на нее напали коварный венеціанецъ, надменный французъ и пьяный нѣмецъ, а Аполлонъ ей отвѣчаетъ, что одинъ всегда вѣроломенъ, другой всегда нахаленъ, а третій иногда бываетъ и трезвымъ, такъ что ей самой видно, кого выбирать. По возвращеніи на родину Гуттенъ получилъ судебную должность у архіепископа майнцскаго, въ честь коего онъ написалъ стихотвореніе, любопытное по высказаннымъ въ немъ политическимъ взглядамъ: рыцарь-гуманистъ нападаетъ на глупость, невѣжество и варварство собственнаго сословія, тѣмъ не менѣе заявляющаго притязанія на видную политическую роль. Но вскорѣ одно обстоятельство пробудило въ немъ сословное чувство: герцогъ вюртембергскій Ульрихъ, отличавшійся крайнимъ деспотизмомъ, убилъ находившагося у него на службѣ родственника Ульриха, одного изъ многочисленныхъ Гуттеновъ, за то, что тотъ не хотѣлъ уступить ему своей жены (1515). Въ написанныхъ по этому случаю стихотвореніяхъ Ульрихъ обратился къ франконскому рыцарству съ воззваніемъ противъ вюртембергскаго герцога и написалъ противъ него памфлетъ въ формѣ обвинительнаго акта, въ коемъ говоритъ о необходимости избавить страну отъ угнетающаго ее чудовища, а въ доказательство жестокости герцога ссылается на бывшее незадолго передъ тѣмъ возстаніе вюртембергскихъ крестьянъ, вызваннное притѣсненіями герцога и подавленное имъ самымъ ужаснымъ образомъ. Во второй „рѣчи“, разочаровавшись въ имперскомъ правосудіи, Гуттенъ прямо заговорилъ языкомъ революціи: „подымайтесь, швабы: берите свою свободу, которой вы, конечно, хотите! Ваши предки не терпѣли надъ собой королевской власти, и вы не стерпите надъ собою власти разбойника и убійцы“. Свою литературную борьбу противъ вюртембергскаго герцога онъ продолжалъ и въ Италіи, куда снова отправился и гдѣ пробылъ съ конца 1515 г. до середины 1517.

Вторичное посѣщеніе Италіи Гуттеномъ, побывавшимъ на этотъ разъ и въ Римѣ, интересно въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ продолжалъ писать патріотическія стихотворенія по поводу военныхъ событій, бывшихъ крайне неблагопріятными для Максимиліана, съ другой, онъ пишетъ рѣзкія вещи противъ папства и клира въ видѣ, наприм., стихотворнаго посланія къ Кроту Рубіану, состоящаго изъ нѣсколькихъ эпиграммъ. Въ это время Гуттенъ окончательно убѣдился, что изъ него выйдетъ „никто“ и какъ бы въ отвѣтъ на слова отца, выражавшаго желаніе, чтобы онъ сдѣлался хоть чѣмъ-нибудь, написалъ своего „Никто“, гдѣ опять досталось отъ него духовенству. Рейхлиновскій споръ вовлекъ и Гуттена въ гуманистическую борьбу съ схоластиками: въ 1517 г. онъ издалъ упомянутый „Triumphus Capnionis“ и участвовалъ въ составленіи второй части „Писемъ

темныхъ людей". Послѣ этого наступили для него болѣе счастливые годы, когда онъ, увѣнчанный лаврами самимъ Максимиліаномъ, поступилъ ко двору майнцскаго архіепископа. Въ это именно время завязался споръ объ индульгенціяхъ между Лютеромъ и Цвингли, и Гуттенъ такъ писалъ объ этомъ своему другу вестфальскому графу фонъ Нуэнару, котораго гуманисты называли comes de Nova Aquila: „въ Виттенбергѣ явилась партія противъ папской власти, а другая отстаиваетъ индульгенціи. Обѣими предводительствуютъ монахи. Недавно они принялись и за строченіе, такъ что типографщикамъ будетъ много работы. Такимъ образомъ, надѣюсь, они уходятъ другъ друга, и я не такъ давно сказалъ одному монаху, передавшему мнѣ это: жрите другъ друга, пусть отъ васъ ничего не останется". Тутъ же Гуттенъ выразилъ пожеланіе, чтобы „сгибли и вымерли всѣ, препятствующіе зарождающемуся просвѣщенію". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжаетъ интересоваться политикой, написавъ (1518) „Турецкую рѣчь" къ германскимъ князьямъ, гдѣ между прочимъ рекомендуетъ имъ начать войну для предотвращенія внутренняго возстанія, которое онъ уже предвидѣлъ, а въ слѣдующемъ году (1519) онъ принялъ участіе въ походѣ на своего давнишняго врага герцога вюртембергскаго. Дѣло въ томъ, что когда послѣдній захватилъ имперскій городъ Рейтлингенъ, противъ него обращены были силы швабскаго союза подъ начальствомъ имперскаго рыцаря Франца фонъ Зиккингена,—черезъ три года послѣ того ставшаго во главѣ рыцарскаго возстанія,—и герцогъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній, послѣ чего Гуттенъ написалъ еще одну рѣчь противъ павшаго князя. Это было въ годъ смерти Максимиліана и лейпцигскаго диспута Лютера съ Эккомъ, извѣстіе о которомъ обрадовало Гуттена, писавшаго по этому поводу своимъ друзьямъ, что богословы не на шутку отдѣлываютъ другъ друга, но въ томъ же 1519 г. онъ иначе заинтересовался монашескимъ споромъ, когда понялъ, куда ведетъ протестъ Лютера: его увлеченіе религіознымъ вопросомъ, имѣвшее главнымъ образомъ характеръ національной и политической оппозиціи противъ Рима, выразилось въ его памфлетахъ начала двадцатыхъ годовъ, каковы „Вадискъ или римская троица" (напр., въ Римѣ много трехъ вещей: поповъ, потаскухъ и писцовъ; въ Римѣ торгуютъ тремя вещами: Христомъ, должностями и женщинами и т. п.), „Созерцающіе" и др., въ коихъ между прочимъ разсматриваются вопросы о папской власти, о бракѣ духовенства и т. п. Въ „Вадискѣ" есть, напр., весьма сильное мѣсто, гдѣ Римъ изображается, какъ кладовая награбленнаго во всемъ мірѣ добра, а папа, окруженный пожиралами, какъ червь, подтачивающій это добро и высасывающій кровь изъ нѣмцевъ. „Неужели нѣмцы не подымутъ оружія? Неужели не пойдутъ на нихъ съ огнемъ и мечомъ? Это грабители нашей родины: съ жад-

ностью, нахальствомъ и яростью грабятъ они націю, стоящую во главѣ міра, купаются въ потѣ и крови нѣмецкаго народа, набиваютъ брюхо и питаютъ похоть свою на счетъ бѣдныхъ". Еще раньше нашелъ онъ рукопись сочиненія Валлы „De falso credita et ementita donatione Constantini" [1]), которую онъ и издалъ съ посвященіемъ папѣ Льву X, заключавшемъ въ себѣ цѣлое нападеніе на папство: „нельзя,—писалъ онъ здѣсь,—найти достаточнаго порицанія для людей, пользовавшихся малѣйшимъ предлогомъ, чтобы награбить денегъ, торговавшихъ буллами, установившихъ таксу за отпущеніе грѣховъ, продававшихъ духовныя должности, налагавшихъ подати подъ разными вымышленными предлогами, людей, которые, поступая такимъ образомъ, титуловались святѣйшими и не терпѣли, чтобы ихъ задѣвали хотя бы однимъ словомъ. Но если бы кто-либо осмѣлился сравнить тебя съ этими разбойниками, этими чудовищными тираннами, развѣ не счелъ бы ты его, великій Левъ, своимъ заклятымъ врагомъ?" Послѣ того, какъ Гуттенъ сталъ открыто на сторону Лютера, ему неудобно уже было оставаться на службѣ у архіепископа майнцскаго. Сдѣлавъ неудачную попытку привлечь на сторону реформаціи брата Карла V, эрцгерцога Фердинанда, на котораго, какъ и на самого императора, патріоты и сторонники Лютера возлагали неосновательныя надежды, и къ которому Гуттенъ по этому поводу ѣздилъ въ Вѣну, онъ переѣхалъ въ замокъ Эбернбургъ къ Францу фонъ-Зиккингену; съ нимъ онъ сдружился во время рыцарскаго похода на герцога вюртембергскаго.

Послѣдніе четыре года жизни Гуттена (1520—1523) протекли въ сильной агитаціи. Осенью 1520 г. онъ выпустилъ четыре воззванія: къ императору, къ курфюрстамъ саксонскому и майнцскому и къ „нѣмцамъ всѣхъ сословій". Затѣмъ онъ отвѣтилъ на папскую буллу противъ Лютера своимъ ея разборомъ, а на ея сожженіе Лютеромъ написалъ стихи. Онъ бросаетъ теперь гуманистическую латынь и пишетъ по-нѣмецки „Жалобу и увѣщаніе противъ непомѣрной и нехристіанской власти римскаго папы", съ которой начинается новый періодъ его дѣятельности, характеризующійся, какъ мы еще увидимъ, постепеннымъ его переходомъ на почву политической революціи, въ которой все болѣе и болѣе самъ Гуттенъ превращается изъ имперскаго рыцаря въ демократическаго радикала въ совершенно новомъ духѣ. Онъ и Лютера думалъ тогда превратить въ демагога, но между ними скоро послѣдовалъ разрывъ: ихъ сближала общая національная оппозиція Риму, но это были слишкомъ несходныя натуры, люди, желавшіе ве-

---

[1]) Тамъ же, гл. XXIX.

щей слишкомъ непохожихъ одна на другую, чтобы имъ можно было долго идти рука объ руку.

Хотя Ульрихъ фонъ Гуттенъ съ ранняго возраста принималъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ эпохи, въ итальянскихъ войнахъ, въ рейхлиновскомъ спорѣ, въ низверженіи герцога вюртембергскаго, въ политическомъ движеніи двадцатыхъ годовъ, хотя въ своихъ сочиненіяхъ онъ отзывался на всѣ вопросы, волновавшіе нѣмецкую націю, онъ мало могъ быть понятенъ современникамъ, слишкомъ, какъ мы еще увидимъ, зарвавшись впередъ и задумавъ осуществить средневѣковыми силами такое общество, для созданія коего не было необходимыхъ элементовъ въ окружавшей его дѣйствительности. Въ головѣ Гуттена таились мысли, возникали планы, онъ стремился вызвать движеніе и имъ руководить, направляя его въ смыслѣ своихъ политическихъ плановъ, тогда какъ Лютеръ былъ болѣе увлеченъ движеніемъ, чѣмъ его вызвалъ, и въ то время, какъ Гуттенъ уже выступалъ политическимъ дѣятелемъ, Лютеръ, отличавшійся менѣе отзывчивой и подвижной натурой, начавшій сознательную жизнь аскетомъ и отчаяннымъ папистомъ, скрывавшійся въ монастырской кельѣ отъ житейскихъ бурь, съ трудомъ вытащенный на проповѣдническую и профессорскую каѳедру, былъ только богословомъ, подвергшимъ осужденію торгъ индульгенціями и имѣвшимъ въ запасѣ лишь одинъ отвлеченный принципъ, ученіе объ оправданіи посредствомъ вѣры, которое, правда, буквально было имъ выстрадано въ монастырской тиши, но не имѣло непосредственнаго отношенія къ тогдашнимъ политическимъ и культурнымъ злобамъ дня. И тѣмъ не менѣе Лютеръ дѣлается сразу центральной личностью этой бурной эпохи: на цѣлую голову выше многихъ современныхъ дѣятелей, онъ все-таки былъ болѣе подстать среднему нѣмецкому человѣку, болѣе ему понятенъ, всѣ обратились къ нему и поставили его на большую высоту—и князья, которые стали ему покровительствовать, и города, принявшіе его ученіе, и рыцари, предлагавшіе ему свою защиту, и гуманисты, вступавшіе съ нимъ въ союзъ, и крестьяне, искавшіе у него одобренія своихъ требованій, и даже самъ императоръ, который въ виттенбергскомъ монахѣ готовъ былъ видѣть удобное орудіе, коимъ при случаѣ можно было бы пользоваться при сложныхъ политическихъ отношеніяхъ къ куріи. Правда, многіе ошиблись, многимъ пришлось разочароваться въ реформаторѣ и отвернуться отъ него, но Лютеръ съигралъ свою роль объединителя разныхъ движеній, происходившихъ тогда въ Германіи. Результаты этого объединенія оказались совсѣмъ не такими, какихъ ожидалъ, какихъ хотѣлъ достигнуть Ульрихъ фонъ Гуттенъ, а въ немъ вѣдь также находили свое объединеніе всѣ главныя движенія эпохи. Причины успѣха одного, т.-е. Лютера, и неуспѣха другого, т.-е. Гуттена, ле-

жали, конечно, въ нихъ самихъ, но только отчасти: торжество дѣла Лютера, хотя и далеко неполное, и паденіе всѣхъ надеждъ и плановъ Гуттена были результатомъ того, что религіозно-настроенная и недовольная Римомъ Германія была болѣе готова къ принятію церковной реформы, чѣмъ къ той политической свободѣ и тому общественному переустройству, о которыхъ мечталъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ.

IV. Карлъ V и его общеевропейская политика [1]).

Важность того момента, когда Карлъ V вступилъ на престолъ. — Личность Карла V. — Его избраніе и условія этого избранія. — Международное положенія Карла V и отношеніе его къ Германіи. — Внѣшняя политика Карла V. — Его политическіе идеи и планы. — Что изъ всего этого вытекало для исторіи реформаціи въ Германіи?

Въ 1517 году съ выходомъ въ свѣтъ второй части „Писемъ темныхъ людей" окончилась побѣдоносная кампанія нѣмецкихъ гуманистовъ противъ представителей стараго образованія, а начавшійся споръ объ индульгенціяхъ открывалъ собою эпоху религіозной борьбы, во время которой гуманистическіе интересы мало-по-малу заглохли. Конечно, не могло быть простою случайностью то, что тогда весьма рѣзко оборвалось одно движеніе и въ общественномъ настроеніи произошелъ переломъ: и гуманизмъ, и реформація были лишь внѣшними формами, въ коихъ проявлялись та оппозиція противъ устарѣлыхъ отношеній и то исканіе новыхъ началъ, которыя характеризуютъ тогдашнее состояніе нѣмецкой націи, но реформація, выставлявшая новый религіозный принципъ противъ старой церкви, и болѣе соотвѣтствовала религіозному состоянію Германіи, и ближе соприкасалась съ многими вопросами жизни, чѣмъ гуманизмъ, все-таки остававшійся болѣе литературнымъ, чѣмъ общественнымъ явленіемъ. Впрочемъ и церковная реформація, и тѣ политическіе и соціальные вопросы, которые ждали своего разрѣшенія, должны были получить то или другое направленіе въ зависимости отъ положенія занятаго по отношенію къ нимъ императоромъ. Отъ Максимиліана

---

[1]) Кромѣ сочиненій по исторіи реформаціи въ Германіи и устарѣлаго труда Робертсона, см. два сочиненія Migné: 1) Charles Quint и 2) Rivalité de Charles V et François I. Pichot. Charles V. Baumgarten. Geschichte Karls V (новѣйшее сочиненіе). Кудрявцевъ. Карлъ V (въ II томѣ „Сочиненій"). См. также K. Fischer. Geschichte der auswärtigen Politik und Diplomatie im Reformations-Zeitalter (1485—1556).

ничего уже не ждали, но когда онъ въ 1519 г. умеръ и въ преемники ему былъ избранъ его внукъ Карлъ V, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, на него стали возлагать всѣ свои надежды и Лютеръ съ своими сторонниками, и Гуттенъ съ многими гуманистами, и всѣ тѣ люди, которые желали обновленія Германіи. Начиналась національная борьба съ папствомъ, относительно коей сходились почти всѣ общественные элементы Германіи, чѣмъ и объясняется колоссальный успѣхъ Лютера; впереди была реформа церкви, и все указывало на то, что она будетъ проведена силами общества и государства, а не папствомъ и не соборомъ; мысль о необходимости политическаго переустройства страны совершенно созрѣла и настолько распространилась въ обществѣ и народѣ, что оставалось, повидиму, только примкнуть къ одной изъ готовыхъ программъ; низверженіе герцога вюртембергскаго союзомъ подъ предводительствомъ Франца фонъ Зиккингена было какъ бы прелюдіей рыцарскаго возстанія, въ то самое время, какъ крестьянскіе бунты указывали на сильное и повсемѣстное движеніе въ народныхъ массахъ — и въ такой-то моментъ на императорскій престолъ вступаетъ молодой человѣкъ, едва достигшій девятнадцатилѣтняго возраста (Карлъ V родился въ Гентѣ въ 1500 г.), отношеніе котораго и къ національной борьбѣ съ папствомъ, и къ внутренней реформѣ церкви, и къ переустройству государственнаго и общественнаго быта Германіи, и къ силамъ, вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ бросившимся въ революцію, *было въ высшей степени важно для всего дальнѣйшаго хода событій и произведенныхъ имъ измѣненій въ историческомъ бытіи нѣмецкаго народа.* При Карлѣ V (1519—1556) именно и произошелъ тотъ переворотъ, который носитъ названіе религіозной реформаціи.

Личный характеръ Карла V и его роль въ общеевропейскихъ событіяхъ первой половины XVI вѣка весьма много занимали историковъ. Какъ по одному, такъ и по другому вопросамъ высказано было немало разныхъ взглядовъ и сужденій, но мы, къ сожалѣнію, не можемъ остановиться здѣсь на Карлѣ V настолько, чтобы дать полный и исчерпывающій обзоръ его столь богатаго событіями царствованія и его отношеній къ разнымъ сторонамъ современной ему исторической жизни, въ центрѣ которой ему пришлось стоять, какъ самому могущественному монарху тогдашней Европы. Во-первыхъ, значительная часть его политической дѣятельности обусловлена его войнами съ Франціей и Турціей и его итальянской политикой, но внѣшнія отношенія вообще не входятъ сами по себѣ въ нашу программу. Во-вторыхъ, Карлъ V соединялъ на своей головѣ нѣсколько коронъ, и его царствованіе имѣетъ поэтому значеніе во внутренней исторіи Испаніи, Неаполя съ Сициліей, Нидерландовъ и габсбургскихъ наслѣдственныхъ

земель Германіи, коими онъ владѣлъ, какъ наслѣдникъ Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской, Максимиліана I и Маріи Бургундской [1]), а мы заняты теперь исторіей Германіи, на императорскій престолъ которой онъ былъ избранъ въ самомъ началѣ реформаціи, вслѣдствіе чего онъ для насъ важенъ не по чему иному, какъ по своему отношенію къ событіямъ, совершавшимся внутри Германіи въ эпоху избранія его на императорскій престолъ и во все его царствованіе. Въ-третьихъ, въ самой личности Карла есть много такого, что не имѣетъ прямого и непосредственнаго отношенія къ нѣмецкой исторіи въ реформаціонный періодъ, а историковъ, напримѣръ, весьма сильно занималъ вопросъ о причинахъ отреченія Карла V въ концѣ жизни и отъ власти, и отъ міра въ уединеніи испанскаго монастыря. Съ другой стороны, конечно, нельзя и не коснуться всего этого, такъ какъ объяснить отношеніе Карла V къ внутренней исторіи Германіи съ начала двадцатыхъ до середины пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка нѣтъ возможности, не имѣя въ виду всей дѣятельности этого монарха.

У Карла V, какъ выразился о немъ Кудрявцевъ, было только мѣсто рожденія, но не было истиннаго отечества: наслѣдовавъ столь разнородныя и отдаленныя одно отъ другого государства, какъ Испанія и Австрія, Неаполь и Нидерланды, расширивъ эти владѣнія завоеваніями, онъ по самому положенію своему былъ, такъ-сказать, государемъ международнымъ, а императорская корона, доставшаяся ему въ 1519 г., придавала власти его, какъ свѣтскаго главы западнаго христіанства универсальный, космополитическій характеръ. Человѣкъ съ сильной волей, энергичный и дѣятельный, проникнутый сознаніемъ своего высокаго положенія, Карлъ V стремился къ усиленію своей власти, имѣя свои политическіе планы, которые отчасти вытекали изъ его понятія объ императорствѣ, отчасти были привиты къ нему его воспитателями, готовившими изъ него дипломата и государственнаго человѣка, отчасти были навѣяны общимъ направленіемъ дѣятельности тогдашнихъ государей, особенно итальянскихъ династовъ, задававшихъ тонъ своею политическою виртуозностью государственнымъ дѣятелямъ иныхъ странъ [2]). Въ эти планы Карла V *входило усиленіе своей власти и въ Германіи, но это не была главная его задача*, такъ какъ передъ тѣмъ отвлеченнымъ цѣлымъ, такъ или иначе понимаемые интересы

---

[1]) Максимиліанъ—Марія. Фердинандъ—Изабелла.

Филиппъ Красивый. — Іоанна Безумная.

Карлъ V.

[2]) Томъ I, гл. X.

коего главнымъ образомъ опредѣляли его политику, и передъ задачами, вытекавшими для него изъ обладанія Испаніей и Нидерландами, его отношенія къ Германіи отступали на задній планъ, да съ своей универсальной точки зрѣнія, не будучи вдобавокъ нѣмцемъ, Карлъ *былъ и не въ состояніи проникнуться національными интересами нѣмецкаго народа.* Мы еще увидимъ, какъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ уже въ концѣ своего царствованія онъ сдѣлалъ рѣшительную попытку утвердить свою власть въ Германіи, но и тогда *его политическія идеи расходились съ стремленіями нѣмецкихъ патріотовъ*: послѣдніе мечтали объ объединеніи Германіи подъ императорскою властью, но на началахъ свободы, тогда какъ Карлъ былъ абсолютистъ, почерпавшій политическіе уроки изъ макіавелліева „Государя“ [1]) и „Записокъ“ Комина, сподвижника Людовика XI, поклонника удачи, оправдывающей всякія средства. Вся его дѣятельность, начиная съ той поры, когда онъ еще по молодости не могъ быть вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что его политической идеей былъ абсолютизмъ, практика котораго вырабатывалась итальянскими тираннами, а теорія формулировалась Коминомъ и Макіавелли. Въ началѣ его царствованія въ Испаніи правительствомъ было подавлено возстаніе коммунеровъ, и кортесы лишились своего значенія [2]). Нидерланды Карлъ держалъ весьма строго, и гентское возстаніе 1539 г. было подавлено имъ съ крайней жестокостью. Въ флорентійской республикѣ онъ посадилъ въ качествѣ герцога и своего вассала Александра Медичи. Весьма естественно, что и въ Германіи онъ не могъ относиться съ симпатіей къ движеніямъ, которыя имѣли въ виду не только политическое объединеніе страны, но и народныя права. Столь же мало былъ онъ и такимъ человѣкомъ, въ какомъ нуждались церковные реформаторы: *и по образу мыслей, и по политическому своему положенію Карлъ не могъ сочувствовать религіозному движенію, остававшемуся для него непонятнымъ, и долженъ былъ поддерживать католическую церковь.* Онъ и по складу своего ума, и по полученному воспитанію былъ трезвый и холодный политикъ, такъ что ему чужды были идеальные порывы религіозной реформаціи, и самый католицизмъ его былъ, съ одной стороны, чисто обрядовымъ формализмомъ не безъ примѣси, впрочемъ, суевѣрія, съ другой—политической системой, вполнѣ соотвѣтствовавшей его планамъ, что не мѣшало ему приходить въ рѣзкое столкновеніе съ папствомъ—на почвѣ политическихъ отношеній, такъ какъ по самому существу своему обѣ власти, императорская и папская,

---

[1]) Тамъ же, гл. XXXII.
[2]) Тамъ же, гл. XXII.

неизбѣжно были обречены на коллизіи и такъ какъ папа въ качествѣ свѣтскаго государя въ Италіи игралъ роль и въ международныхъ дѣлахъ того времени. Самая идея Священной Римской имперіи, главою которой сдѣлалъ Карла V выборъ германскихъ курфюрстовъ, *была идея католическая, а религіозная реформація, да еще съ тѣмъ національнымъ характеромъ, какой она получила въ Германіи, разрушала не только папство, но и имперію,* т.-е. по крайней мѣрѣ, въ ея католической основѣ. Самъ по себѣ Карлъ былъ человѣкъ недюжинный, но въ его личномъ характерѣ непріятно поражаютъ скрытность, черствость, упрямство въ мелочахъ, мнительность, недовѣрчивость, хотя все это соединялось въ немъ съ неутомимостью въ работѣ, съ настойчивостью въ достиженіи своихъ цѣлей, съ предпріимчивостью, не знавшею никакихъ препятствій.

Когда Максимиліанъ I умеръ, а наиболѣе вліятельный изъ князей курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый отказался отъ избранія въ императоры, кандидатами на престолъ выступили, главнымъ образомъ, французскій король Францискъ I и испанскій—Карлъ I, наслѣдникъ габсбургскихъ вдадѣній въ Германіи. Выборъ палъ на послѣдняго (28 іюня 1519 г.), но новаго императора, которому, какъ мы видѣли, было лишь 19 лѣтъ, связали избирательной капитуляціей (3-го іюля 1519 г.), опредѣлявшей его права и значительно съуживавшей границы его власти. Какъ иностранному государю, ему было вмѣнено въ обязанность не приводить въ Германію, безъ согласія государства, иноземныхъ войскъ, не собирать имперскаго сейма внѣ Германіи и не требовать къ какому-либо суду внѣ Германіи имперскіе чины, равно какъ бралось обѣщаніе назначать на должности только природныхъ нѣмцевъ, а въ государственныхъ дѣлахъ употреблять лишь латинскій и нѣмецкій языки. Далѣе, Карлъ V обязывался защищать церковь и въ то же время уничтожить все, въ чемъ римской куріей были нарушены конкордаты нѣмецкой націи. Наконецъ, въ капитуляціи были статьи, касавшіяся утвержденія княжескихъ правъ, установленія имперскаго правленія по назначенію курфюрстовъ и округовъ, котораго такъ не хотѣлъ Максимиліанъ, и запрета отдѣльныхъ союзовъ рыцарей и вассаловъ. На престолъ Германіи такимъ образомъ вступалъ могущественный монархъ, обладавшій упомянутыми странами и землями въ незадолго передъ тѣмъ открытомъ Новомъ Свѣтѣ, и уже это одно должно было измѣнить политическія отношенія въ Германіи, но Карлъ лишь на короткое время пріѣхалъ въ Германію, чтобы условиться на сеймѣ (вормскомъ, 1521 г.) относительно подробностей избирательной капитуляціи и относительно религіознаго вопроса, а затѣмъ на долгое время оставилъ Германію. На Карла V возлагали, какъ мы видѣли, свои надежды всѣ желав-

шіе церковной и государственной реформы, но онъ уѣхалъ вскорѣ послѣ сейма, не оцѣнивъ общественнаго движенія, предлагавшаго ему опору и искавшаго у него помощи, и не понявъ размѣровъ того дѣла, которое было связано съ именемъ виттенбергскаго монаха. *Въ отсутствіе императора началась религіозная реформація, произошли рыцарское возстаніе и крестьянская война,* въ то самое время, какъ Карлъ V воевалъ съ Францискомъ I. Въ смыслѣ внутреннихъ потребностей нѣмецкой націи выборъ Карла V въ императоры былъ поэтому крайне неудаченъ: въ рѣшительную минуту религіозной, политической и соціальной борьбы двадцатыхъ годовъ XVI в. онъ отсутствуетъ изъ Германіи, такъ какъ у него есть интересы, болѣе для него важные, чѣмъ то, что происходило въ Германіи, а потомъ, когда руки у него были развязаны для того, чтобы дѣйствовать въ Германіи, то и силы, на которыя онъ могъ бы опереться въ двадцатыхъ годахъ, были сокрушены князьями, въ его отсутствіи очутившимися господами положенія, да и самъ онъ могъ дѣйствовать только въ направленіи діаметрально-противоположномъ стремленіямъ и чаяніямъ лучшей части нѣмецкой націи, явившись въ Германіи чуждымъ ей иностраннымъ деспотомъ.

Въ двадцатыхъ годахъ отъ нѣмецкихъ дѣлъ отвлекла Карла V война съ Францискомъ I. Болѣе двадцати лѣтъ продолжались вообще войны императора съ французскимъ королемъ, находящія свое объясненіе въ международномъ положеніи Карла. Будучи сосѣдомъ Франціи по Нидерландамъ и по Испаніи, какъ наслѣдственный ихъ обладатель, сдѣлавшись императоромъ въ Германіи, которая соприкасалась съ тою же Франціей, онъ имѣлъ слишкомъ много причинъ для того, чтобы выдвинуть въ своей дѣятельности на первый планъ отношенія къ Франціи, завоевательныя стремленія которой въ достаточной степени проявились и въ отношеніи Людовика XI къ Карлу Смѣлому, герцогу бургундскому, прадѣду Карла по бабкѣ съ отцовской стороны, и особенно въ итальянскихъ походахъ конца XV и начала XVI в. Нидерланды, составлявшіе бургундское наслѣдство, искали противъ Франціи союза съ Испаніей, прежде нежели родился самъ Карлъ отъ брака сына Маріи Бургундской съ дочерью аррагонскаго короля и кастильской королевы, да и счеты его съ Франціей по бургундскому наслѣдству не были еще сведены, такъ какъ сама Бургундія осталась за французскими королями. Между Испаніей и Франціей лежало, далѣе, королевство Наваррское, которое также должно было сдѣлаться яблокомъ раздора между обѣими странами. Ко всему этому присоединялись итальянскія дѣла, тоже вовлекавшія Карла, какъ испанскаго короля и римскаго императора, въ войну съ Франціей: во-первыхъ, въ 1495 г. Неаполь, гдѣ давно велась борьба между французской и

аррагонской партіями, былъ завоеванъ французскимъ королемъ Карломъ VIII, а послѣ того, какъ французовъ оттуда вытѣснили, его преемникъ Людовикъ XII и испанскій дѣдъ Карла V Фердинандъ Католикъ снова овладѣли Неаполемъ (1502), чтобы разсориться между собою при раздѣлѣ добычи, которая досталась окончательно Фердинанду (1504); во-вторыхъ, Людовикъ XII завладѣлъ Миланомъ, (1500) и хотя и отсюда французы были вытѣснены такъ-называемой камбрейской лигой (1512), тѣмъ не менѣе Францискъ I снова овладѣлъ Миланомъ (1515), который считался леномъ Священной Римской имперіи, да и вообще утвержденіе Франціи въ Сѣверной Италіи было крайне невыгодно для Карла, такъ какъ обладаніе Ломбардіей, разъединяя габсбургскія владѣнія, создавало Франціи доминирующее положеніе въ Италіи. Съ другой стороны, французскій король по всей сухопутной границѣ своего государства сосѣдилъ съ владѣніями Карла, что было для Франціи какъ бы постоянной угрозой. Наконецъ, въ 1519 г. оба государя встрѣтились на одномъ и томъ же пути — къ императорской коронѣ.

Этими причинами главнымъ образомъ и объясняются тѣ четыре войны, которыя велъ Карлъ V противъ Франциска I (1521—1526, 1527—1529, 1536—1538, 1542—1544). Первыя двѣ войны пришлись на самое горячее время въ Германіи. Но Карлу V приходилось воевать не съ одною Франціей, но и съ Турціей, причемъ онъ и тутъ вовлекался въ борьбу самыми разнообразными интересами. Во-первыхъ, безпокойное сосѣдство съ Испаніей бывшихъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи Алжира и Туниса, во-вторыхъ, небезопасность Италіи со стороны мусульманской высадки, въ-третьихъ, турецкія нашествія на габсбургскія владѣнія въ Германіи, особенно на Чехію и Венгрію, принадлежавшія его брату Фердинанду, все это въ отдѣльности создавало для него общую задачу борьбы съ турецкимъ могуществомъ, достигшимъ своего апогея именно въ эту эпоху, и отдѣльными эпизодами этой борьбы являются какъ сухопутные походы Карла противъ турокъ, такъ и двѣ его морскія экспедиціи въ Тунисъ (1535) и Алжиръ (1541), изъ коихъ первая, какъ извѣстно, окончилась весьма удачно. Всѣ эти войны объясняютъ намъ не только отсутствіе Карла V изъ Германіи въ самые важные моменты ея внутренней жизни, *но и ту уступчивость, какую онъ обнаруживалъ по отношенію къ нѣмецкимъ князьямъ и реформаціонному движенію*, когда у него бывали связаны руки войною на два фронта при политической солидарности французскаго короля и турецкаго султана.

Понятно, что нѣмецкое движеніе, размѣры коего не могли быть извѣстны, а характеръ не былъ вполнѣ ясенъ самимъ нѣмцамъ, въ немъ участвовавшимъ, должно было казаться Карлу второстепеннымъ

и мѣстнымъ сравнительно съ политическими задачами, охватывавшими въ его глазахъ весь западно-европейскій міръ и его трудныя отношенія къ мусульманскому Востоку, ибо турецкій вопросъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ политики въ виду грознаго положенія, занятаго турками. Карлъ V шелъ совсѣмъ по другой дорогѣ, нежели та, на которую вступала Германія, и онъ не могъ отдавать послѣдней предпочтительнаго интереса и потому, что въ ней онъ не былъ наслѣдственнымъ государемъ (хотя и тутъ онъ стремился утвердить императорскую корону за своей династіей). Объединяя въ одной государственной идеѣ Испанію, Италію, Нидерланды и Германію, создавая изъ нихъ одно политическое цѣлое, *онъ не видѣлъ въ реформѣ церкви главнаго своего дѣла*, хотя и считалъ ее необходимою, отъ чего, впрочемъ, опять-таки было еще далеко, чтобы понимать ее такъ, какъ поняли ее Лютеръ и пошедшіе за нимъ нѣмецкіе князья. Его отношеніе къ папамъ отличалось самостоятельностью, и его армія въ 1527 г. даже съ боя взяла Римъ, но помимо того, что онъ не былъ и не могъ быть противникомъ самого папства, въ папахъ онъ искалъ такихъ политическихъ союзниковъ, коими пренебрегать было невозможно и неудобно. Какъ политикъ, смотрѣлъ онъ и на католицизмъ, и, пожалуй, даже на самую реформацію, въ коей на первыхъ порахъ видѣлъ своего рода средство держать отъ себя въ зависимости папу по отношенію къ своимъ итальянскимъ планамъ, да и религіозный расколъ въ Германіи, раздѣлившій князей на два враждебные лагеря, былъ для него также не безвыгоденъ.

Все это необходимо принимать въ расчетъ, обсуждая отношеніе Карла V къ Германіи и происходившей въ ней реформаціи. Нѣмецкіе историки XIX в., разсматривающіе главныя событія этой эпохи съ той точки зрѣнія, что основною бѣдою Германіи было ея политическое раздробленіе, только усилившееся въ XVI вѣкѣ, и что при Карлѣ V важнѣйшимъ дѣломъ Германіи была церковная реформа Лютера, которой можно было бы воспользоваться для политическаго объединенія нѣмецкаго народа, — подвергаютъ рѣзкой критикѣ историческую дѣятельность Карла V, предъявляя ему такія требованія, какія съ полнымъ правомъ могли бы предъявить ему, будь онъ только нѣмецкимъ королемъ, воспитаннымъ на германской почвѣ и въ національной атмосферѣ. Они, конечно, правы, отмѣчая несоотвѣтствіе Карла V съ задачами, требовавшими настоятельнаго разрѣшенія въ Германіи, но ошибаются, когда говорятъ, что Карлъ „долженъ былъ“ первѣе всего служить дѣлу нѣмецкой націи, и когда обвиняютъ его въ непониманіи духа времени: онъ дѣйствительно совсѣмъ былъ далекъ отъ того, чтобы проникнуться стремленіями нѣмецкихъ патріотовъ, желавшихъ склонить его на сторону политической и церковной ре-

формы, какъ понимали они сами ту и другую, и въ этомъ смыслѣ онъ не понималъ духа времени, но то, что было духомъ времени,— слова, коими слишкомъ злоупотребляютъ въ исторіи,—для Германіи, какъ она рисуется намъ въ воззваніяхъ Лютера, Гуттена и другихъ дѣятелей эпохи, не было всѣмъ, чѣмъ жила вообще тогдашняя Европа. Мало того, во многихъ отношеніяхъ Карлъ V, наоборотъ, слишкомъ былъ сыномъ своего вѣка: стоитъ только вспомнить его стремленіе къ абсолютизму, въ чемъ онъ сходитсявообще съ современными ему государями, его политику, основанную на примѣрахъ итальянскихъ тиранновъ и правилъ Макіавелли, его войну съ турками, бывшую весьма популярною въ виду опасности, какою они грозили, осадивъ самую Вѣну (1529); стоитъ прибавить къ этому его политику по отношенію къ папству, ничѣмъ не отличавшуюся отъ политики другихъ тогдашнихъ государей, настойчивость, съ какою онъ требовалъ созванія собора для рѣшенія религіознаго вопроса, чего хотѣли не только католики, но нѣкоторое время и протестанты, и наконецъ его попытку сороковыхъ годовъ собственною властью установить извѣстный религіозный порядокъ, дѣло, напоминающее королевскую реформацію въ Англіи,—стоитъ все это принять въ расчетъ, чтобы признать и въ Карлѣ V человѣка XVI вѣка, какими были и Гуттенъ, и Лютеръ, опять-таки различнымъ образомъ понимавшіе задачи своего времени. Вѣдь и Гуттенъ въ извѣстномъ смыслѣ ошибался относительно своей эпохи и своей родины, когда выступалъ съ своими гуманистическими и всесословными планами въ обществѣ, раздѣленномъ на враждовавшія между собою сословія и готовившемся вступить въ періодъ теологическихъ споровъ и религіозныхъ войнъ.—Во всякомъ случаѣ, однако, въ двадцатыхъ годахъ XVI в. Германіи нуженъ былъ не такой государь, какимъ оказался Карлъ V.

V. Лютеръ до отпаденія его отъ церкви [1]).

Историческая точка зрѣнія на личность и роль Лютера. — Общее объясненіе его дѣятельности. — Его воспитаніе и поступленіе въ монашество. — Теологическое развитіе Лютера. — Споръ объ индульгенціяхъ. — Отношенія Лютера къ папѣ во время этого спора. — Лейпцигскій диспутъ. — Сожженіе буллы и революціонныя воззванія Лютера. — Его надежды на Карла V. — Основной принципъ Лютера.

Національнымъ героемъ Германіи въ разсматриваемую эпоху сдѣлался Мартинъ Лютеръ (1483—1546), родоначальникъ реформаціи и устроитель первой протестантской церкви, которая и получила его

[1]) Jürgens. Luther's Leben. Köstlin. M. Luther, sein Leben und seine Schriften. Kolde. M. Luther. Kuhn. Luther, sa vie et son oeuvre. Lang. M. Luther.

имя. Когда исторія реформаціи разсматривалась исключительно съ церковной точки зрѣнія и весь смыслъ движенія, происходившаго въ Германіи, представлялся заключеннымъ въ преобразованіи религіи, когда вдобавокъ исторія эта писалась преимущественно лютеранами, сочувствовавшими дѣлу виттенбергскаго реформатора и видѣвшими во всемъ остальномъ то, что этому дѣлу или помогало, или мѣшало, что или направляло его на настоящую дорогу, или, наоборотъ, искажало, когда, однимъ словомъ, не было и не могло быть по состоянію, въ какомъ находилась историческая наука, болѣе широкаго взгляда на нѣмецкую реформацію—и въ ея отношеніи къ національной жизни Германіи, и по ея значенію для всей западно-европейской исторіи, въ то время и личность Лютера не могла получить правильнаго историческаго освѣщенія. Да и впослѣдствіи, когда настала пора для болѣе научной и всесторонней оцѣнки реформаціи, и характеръ, и дѣятельность знаменитаго реформатора далеко не всегда изображались съ надлежащею критикой: какъ историки эпохи, такъ и біографы Лютера нерѣдко не избѣгали панегирическаго тона по отношенію къ его личности и продолжали судить обо всѣхъ событіяхъ времени со стороны ихъ вліянія на развитіе того дѣла, которое одно только и было дорого Лютеру, какъ будто только онъ и вѣрные его послѣдователи глубоко, всесторонне, безошибочно понимали, что̀ нужно было нѣмецкому народу и всему католическому міру для правильнаго историческаго развитія. *Оцѣнивая личность и историческую роль Лютера, не нужно забывать, что главная его сила заключалась въ чисто религіозной реформѣ*, между тѣмъ, какъ Германія нуждалась не въ одномъ этомъ,—и что и въ той области, гдѣ былъ онъ силенъ, многое подлежитъ критикѣ, конечно, не съ вѣроисповѣдныхъ точекъ зрѣнія, на которыя становятся многіе историки-нелютеране. Въ историческомъ сужденіи о Лютерѣ нужно при этомъ вообще избѣгать тѣхъ крайностей, которыя проявляются въ діаметрально-противоположномъ, напримѣръ, отношеніи историковъ къ одному и тому же основному факту его дѣятельности, что онъ удержалъ ее въ предѣлахъ одной задачи—именно этой самой религіозной реформы: въ то время, какъ одни изъ нихъ ставятъ ему въ упрекъ, что онъ отстранилъ себя отъ другихъ совершавшихся въ Германіи движеній, сами игнорируя всю важность одного того дѣла, которое справедливо прославило его имя, другіе ставятъ ему это же самое въ особую заслугу, видя въ его поведеніи доказательство его величія, мудрости, глубокаго пониманія настоятельныхъ потребностей времени, какъ будто внѣ религіозной реформы у тогдашняго времеми не было никакихъ другихъ потребностей. Оставляя въ сторонѣ оцѣнку поведенія Лютера по отношенію къ разнообразнымъ задачамъ, какія ставили своей дѣятельности его современники, нужно принять фактъ, благодаря коему Лютеръ былъ

прославляемъ лютеранскими церковными историками, порицаемъ писателями, сочувственно отнесшимися къ общественнымъ движеніямъ, въ коихъ Лютеръ не хотѣлъ принять участія, и защищаемъ другими, наоборотъ, находившими, что Лютеръ спасъ реформацію отъ искаженія и ею же самою вызванныхъ опасностей, т.-е. нужно принять тотъ фактъ, что Лютеръ былъ исключительно религіозный реформаторъ, и нужно какъ объяснить себѣ причину этого факта, такъ и понять его значеніе въ исторіи эпохи.

Прежде всего намъ нужно познакомиться съ внутреннимъ развитіемъ Лютера до того момента, когда онъ выступилъ въ роли реформатора: это необходимо и потому, что безъ этого нельзя понять всего его поведенія съ 1517 г., и потому еще, что *въ исторіи XVI вѣка большую и притомъ вполнѣ самостоятельную роль играетъ религіозный протестъ, имѣвшій глубокій источникъ въ встревоженной совѣсти,* и что весьма интересно на примѣрѣ Лютера, монаха и паписта, прослѣдить, какъ зарождался этотъ протестъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка. Въ дальнѣйшемъ мы не будемъ поэтому имѣть въ виду внѣшней біографіи Лютера, а прослѣдимъ исторію его религіознаго настроенія.

Когда Лютеръ вступилъ въ открытую борьбу съ католическою церковью (1520 г.), ему было подъ сорокъ лѣтъ: это былъ уже человѣкъ сложившійся, и все его дальнѣйшее поведеніе обусловливалось ранѣе развившимися задатками. Если опредѣлять средневѣковое міросозерцаніе, какъ соединеніе аскетическаго и теократическаго идеаловъ, и видѣть какъ бы воплощеніе католицизма въ монашествѣ и папствѣ [1]), то Лютеръ въ молодые свои годы будетъ для насъ человѣкомъ совершенно средневѣковаго настроенія, такъ какъ это былъ образцовый монахъ и отъявленный папистъ. Если, далѣе, смотрѣть на годы, которые предшествовали выступленію Лютера, въ роли реформатора, какъ на время, когда въ образованныхъ кругахъ нѣмецкаго общества весьма сильно были развиты гуманистическіе и политическіе интересы, то Лютеръ представится намъ какъ бы стоящимъ въ сторонѣ отъ господствовавшихъ теченій своего времени. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ монастыря и отложился отъ папства, но это стоило ему сильной внутренней борьбы, и отъ его прошлаго въ немъ все-таки остался богословъ, священникъ, проповѣдникъ, для котораго дѣло религіи должно было быть на первомъ планѣ; впослѣдствіи онъ сдѣлался крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, но изъ всего того, что волновало тогдашнюю Германію, кромѣ вопроса о церковной реформѣ, ему понятна была и была близка его сердцу лишь національная оппози-

---

[1]) Тамъ же, гл. XXII.

ція папству, сливавшаяся въ его душѣ съ религіознымъ протестомъ. Среди различныхъ силъ, боровшихся иногда за преобладаніе въ странѣ, въ союзницы себѣ онъ долженъ былъ выбрать ту силу, которая могла обезпечить торжество его дѣла, а такъ какъ послѣ самоустраненія Карла V такою силою были князья, то весьма естественно, что къ нимъ и примкнулъ Лютеръ, какъ политическій дѣятель. Вотъ въ немногихъ словахъ объясненіе его личности и его роли въ событіяхъ реформаціонной эпохи.

Итакъ, Лютеръ былъ въ молодости монахомъ и папистомъ. Легенда, овладѣвшая личностью Лютера, приписывала его поступленіе въ монастырь обѣту, данному имъ, когда на его глазахъ умеръ убитый молніей другъ, но если это и было, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что положило конецъ его колебаніямъ относительно поступленія въ монахи, задуманнаго раньше. Сынъ бѣднаго ломщика шифера изъ тюрингенскихъ крестьянъ [1]), маленькій Мартинъ получилъ дома строгое воспитаніе, въ которомъ побои были главнымъ педагогическимъ средствомъ. „Вслѣдствіе того, говоритъ онъ самъ, что родители поступали со мною такъ сурово, я сдѣлался очень робокъ; ихъ строгость и суровая жизнь, которую я велъ съ ними, были причиною того, что я впослѣдствіи ушелъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ". Въ городской школѣ Мансфельда, гдѣ помѣстилъ его отецъ, обращались съ нимъ не лучше, и въ одно послѣ-обѣда, какъ онъ разсказываетъ самъ, его однажды „исполосовали 15 разъ". Что касается до нравственнаго вліянія родителей на маленькаго Лютера, то особенно сильно было вліяніе матери, представлявшей себѣ Іисуса Христа строгимъ судьею, который будетъ жестоко наказывать за грѣхи. „Я, говорилъ впослѣдствіи Лютеръ, постоянно былъ занятъ мыслію, сколько мнѣ надо сдѣлать добрыхъ дѣлъ, чтобы умилостивить Христа, отъ котораго, какъ отъ неумолимаго судьи многіе, какъ мнѣ говорила мать, убѣгали въ монастырь". Эта мысль уже занимала его, когда онъ былъ только 14-лѣтнимъ мальчикомъ и перешелъ въ магдебургскую францисканскую школу. Въ 1497 г. его поразило зрѣлище ангальтскаго принца, въ припадкѣ меланхоліи постриженнаго отцомъ въ монахи. Лютеръ видѣлъ, какъ онъ ходилъ по городу въ одеждѣ кающагося грѣшника: „я видѣлъ, разсказываетъ онъ, своими глазами принца Вильгельма ангальтскаго, блѣднаго какъ смерть, изможднвшаго тѣло свое суровымъ постомъ и бдѣніемъ; онъ ходилъ въ монашеской шапкѣ, сгибаясь до земли подъ тяжестью нищенской сумы, и просилъ милостыню; между тѣмъ какъ впереди его шелъ здоровый монахъ, которому въ десять разъ легче было бы снести его бремя, но благочестивый князь не давалъ ему этого; кто смотрѣлъ на него,

[1]) Лютеръ родился въ Эйслебенѣ.

невольно приходилъ въ умиленіе и учился стыдиться свѣтскаго состоянія". Уже тогда мальчикъ далъ обѣтъ сдѣлаться монахомъ. Въ Эйзенахѣ, куда потомъ переселился Лютеръ, онъ велъ жизнь чуть не нищаго и ужасно бѣдствовалъ; родители не были въ состояніи давать ему содержаніе, и онъ долженъ былъ ходить по городу вмѣстѣ съ другими бѣдными учениками и пѣть благочестивыя пѣсни, чтобы получать милостыню отъ сострадательныхъ жителей города. Положеніе его улучшилось лишь тогда, когда онъ попалъ нахлѣбникомъ въ домъ вдовы Котта. 18-ти лѣтъ Лютеръ поступилъ (1501) въ эрфуртскій университетъ, но очень мало интересовался процвѣтавшимъ тамъ гуманизмомъ. Въ это время отецъ Лютера, имѣвшій тогда небольшія средства, помогалъ сыну, желая, чтобы тотъ сдѣлался юристомъ, но право столь же мало занимало Лютера, какъ и классики, и онъ интересовался однимъ лишь каноническимъ правомъ, учившемъ о повиновеніи папѣ. „Папу, говоритъ самъ онъ, боготворилъ я отъ чистаго сердца и глубины души, не ради тучныхъ пребендъ, прелатуръ и духовныхъ имѣній, но все, что я дѣлалъ, то дѣлалъ отъ простоты сердца, съ усердіемъ искреннимъ, нелицемѣрнымъ. Я такъ высоко уважалъ папу, что былъ увѣренъ, что кто отступаетъ отъ него въ малѣйшей чертѣ закона, тотъ осужденъ на вѣкъ и становится добычею дьявола". Двадцати лѣтъ онъ впервые читалъ библію, произведшую на него большое впечатлѣніе. Преимущественно заинтересовали его посланія апостола Павла, изъ отцовъ церкви сочиненія бл. Августина, а также онъ познакомился изъ мистиковъ съ Таулеромъ, Сузо и Эккартомъ, разсматривавшими религію, какъ внутренній актъ вѣрующей души [1]).. Лютеръ выбралъ себѣ карьеру ученаго теолога. Въ Эрфуртѣ познакомился онъ съ картезіанскими монахами, строгій образъ жизни которыхъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и въ 1505 г. онъ самъ поступилъ въ монастырь, думая, что только тамъ можно спастись. Поступленіе это совершилось однако не безъ борьбы. Онъ получилъ тогда степень магистра, и передъ нимъ открывалась лучшая дорога; да и отецъ, узнавъ, что сынъ намѣревался сдѣлаться монахомъ, совершенно съ нимъ разсорился. Въ монастырѣ Лютеръ строго исполнялъ всѣ обязанности монаха. Но аскетическіе подвиги не могли перемѣнить его тревожнаго душевнаго состоянія: онъ все мучился сознаніемъ своей грѣховности, постился, молился, не спалъ по ночамъ, истязалъ себя и, чувствуя себя недостойнымъ, по-долгу не рѣшался причащаться, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ былъ образцовымъ католикомъ. Въ предисловіи къ изданію всѣхъ своихъ сочиненій онъ самъ писалъ впослѣдствіи: „Пусть читатель не забываетъ, что я былъ монахомъ и

---

[1]) См. т. I, гл. XXXIX.

отъявленнымъ папистомъ, до такой степени проникнутымъ и поглощеннымъ доктриною папства, что, если бы только могъ, готовъ былъ бы или самъ убивать, или желать казни тѣхъ, кто отвергалъ, хотя на одну оту, повиновеніе папѣ. Защищая папу, я не оставался холоднымъ кускомъ льда, какъ Эккъ и ему подобные, которые, право, сдѣлались, какъ мнѣ казалось, защитниками папы скорѣе ради своего толстаго брюха, чѣмъ по убѣжденію въ важности этого предмета. Даже болѣе: мнѣ и до сихъ поръ кажется еще, что они насмѣхаются надъ папой, какъ истые эпикурейцы. Я же отдавался доктринѣ всѣмъ сердцемъ, какъ человѣкъ, который страшно боится дня суднаго, и, не смотря на то, желаетъ спастись, желаетъ этого съ трепетомъ, проникающимъ до мозга костей"). Все это время Лютера продолжала мучить мысль о грѣховности, сомнѣніе въ возможности собственнаго спасенія наполняло его душу и не давало ему покоя. Ему казалось дѣломъ недостойнымъ слагать съ себя бремя грѣховъ внѣшними дѣлами, иногда чисто формальнаго характера, а ветхо-завѣтный Богъ гнѣва и мести внушалъ ему одинъ страхъ; изреченіе: „правосудіе Божіе есть гнѣвъ Божій" его очень смущало, и онъ думалъ, что лучше было бы, если бы Богъ не открывалъ евангелія, ибо кто же можетъ любить Бога гнѣвнаго и осуждающаго. Разрѣшеніе своихъ сомнѣній Лютеръ нашелъ у бл. Августина, учившаго объ оправданіи посредствомъ вѣры и чрезъ избраніе Божіе, если вѣра эта правая и совершенная,—у мистиковъ, отдававшихъ внутреннему настроенію преимущество передъ внѣшними дѣлами, и въ изреченіи пророка Аввакума: „праведный отъ вѣры живъ будетъ", которое онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что праведный есть именно человѣкъ, оправданный передъ Богомъ своею вѣрою, и что правда Божія дѣлаетъ блаженными всѣхъ вѣрующихъ въ него. Эти мысли, какъ извѣстно, и сдѣлались исходнымъ пунктомъ протестантской теологіи. Мистически настроенный генеральный викарій августинскаго ордена, Іоаннъ Штаупицъ, которому Лютеръ повѣрилъ свои сомнѣнія, много содѣйствовалъ ихъ разрѣшенію въ такомъ смыслѣ. Между тѣмъ въ 1502 г. въ Виттенбергѣ курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый основалъ университетъ, и Штаупицъ рекомендовалъ ему (1509) Лютера на каѳедру философіи,—которую впослѣдствіи, получивъ степень доктора богословія, онъ промѣнялъ на каѳедру богословія,—но сначала онъ долго отъ этого отказывался. Тотъ же Штаупицъ уговорилъ его сдѣлаться проповѣдникомъ, въ качествѣ каковаго Лютеръ производилъ сильное впечатлѣніе своимъ искреннимъ и убѣжденнымъ словомъ. Новыя занятія оставляли ему мало времени для аскетическихъ подвиговъ, но онъ все-таки продолжалъ имъ предаваться, занимаясь развитіемъ своего теологическаго ученія среди успѣховъ въ публикѣ, ревностно посѣщавшей его проповѣди. Въ 1510 г. исполнилось давнишнее желаніе Лютера: по

дѣламъ ли ордена или въ силу стараго обѣта онъ отправился въ Римъ. Этому путешествію впослѣдствіи приписывали большое вліяніе на измѣненіе его отношенія къ католицизму, но хотя его и скандализировали многіе факты изъ образа мыслей и образа жизни итальянскаго духовенства, о чемъ онъ самъ разсказывалъ позднѣе, обличая римскую церковь, но его впечатлѣнія не были еще обобщены, и онъ пріѣхалъ въ Виттенбергъ изъ Италіи добрымъ католикомъ, хотя и съ нерасположеніемъ нѣмца къ итальянскому духовенству. Возвратившись на родину, онъ продолжалъ свои богословскія занятія, сталъ изучать греческій и еврейскій языки, и въ этомъ періодѣ его жизни (1510—1517) мы впервые замѣчаемъ вліяніе на него богословскихъ идей Эразма [1]) и нѣкоторое сближеніе съ гуманистами: по крайней мѣрѣ, во время рейхлиновскаго спора онъ выразилъ Рейхлину свое сочувствіе, хотя былъ очень недоволенъ „Письмами темныхъ людей“.

Въ 1717 г. въ окрестностяхъ Виттенберга явился продавать индульгенціи монахъ Іоаннъ Тецель, человѣкъ крайне наглый, говорившій, что отпущеніе грѣховъ посредствомъ индульгенцій имѣетъ большее значеніе, чѣмъ самое крещеніе, что всякій, кто купитъ индульгенцію, будетъ въ лучшемъ состояніи, нежели былъ Адамъ до своего грѣхопаденія, и т. п. Чуткую религіозную совѣсть Лютера оскорбляло поведеніе Тецеля, но не такъ, какъ оскорбляло оно многихъ его современниковъ, порицавшихъ нахальство продавцевъ, суевѣрную безнравственность покупателей, денежныя вымогательства куріи съ нѣмцевъ: ученіе объ индульгенціяхъ, въ основѣ коего лежалъ взглядъ на грѣхъ, какъ на чисто формальное нарушеніе закона, формальнымъ же образомъ и могущее быть заглаженнымъ [2]), стояло въ рѣзкой противоположности съ тою религіозною системою, исходный пунктъ которой былъ выстраданъ Лютеромъ въ тиши его монастырской кельи и развитіе которой было главнымъ предметомъ его богословскихъ занятій. Весьма естественно, что онъ выступилъ съ проповѣдью, въ коей осуждалъ торгъ индульгенціями, но такъ какъ, не смотря на то, Тецель находилъ еще многихъ покупателей своего товара, Лютеръ обратился съ письмомъ къ нѣмецкимъ епископамъ. Отъ большинства онъ не получилъ никакого отвѣта, и лишь одинъ совѣтовалъ ему не мѣшаться въ это дѣло. Тогда осенью того же года (31 окт.) онъ прибилъ на дверяхъ церкви виттенбергскаго замка свои 95 тезизовъ, развивъ въ нихъ ученіе о покаяніи, о дѣйствіи Божьей благодати, объ оправданіи вѣрою, но осуждая въ нихъ поведеніе Тецеля, Лютеръ не думалъ ни о разрывѣ съ церковью, ни о порицаніи ея ученій и папы, коихъ онъ

[1]) Тамъ же, гл. XL.

[2]) Тамъ же, гл. XXXVI.

строго отдѣляетъ отъ „проповѣдника отпущенія". Лютеръ, конечно, не предвидѣлъ, что изъ этого должно было выйти. „Я былъ одинъ, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, и неосторожностью вовлеченъ въ это дѣло; я не только уступалъ папѣ во многомъ, но даже часто сердечно обожалъ его. Ибо кто я былъ тогда? Ничтожный монахъ, походившій скорѣе на трупъ, чѣмъ на живое существо". Дѣло просто заключалось въ томъ, что тогда существовалъ обычай, по которому каждый, защищавшій какое-нибудь ученіе, выставлялъ изложеніе его на видномъ мѣстѣ и этимъ вызывалъ другихъ ученыхъ на диспутъ,—вотъ чего въ сущности желалъ Лютеръ, но вышло то, чего онъ не предвидѣлъ: тезисы распространились по всей Германіи, ихъ читали и толковали, чѣмъ самъ Лютеръ былъ не особенно доволенъ. Противъ него выступилъ Тецель, и нѣкоторые ученые (Гохстратенъ въ Кельнѣ, Эккъ въ Ингольштадтѣ) доказывали, что ученіе Лютера о безполезности добрыхъ дѣлъ еретическое. Студенты виттенбергскаго университета собрали 800 экземпляровъ тезисовъ Тецеля и торжественно сожгли ихъ на кострѣ. Тецель пожаловался папѣ; Лютеръ призванъ былъ въ Римъ къ отвѣту, но курфюрстъ саксонскій не хотѣлъ его пускать, боясь за судьбу своего любимаго проповѣдника. Самъ папа Левъ X, впрочемъ, во всемъ этомъ дѣлѣ видѣлъ лишь споръ монаховъ двухъ разныхъ орденовъ, и къ тому же ему не хотѣлось сталкиваться враждебно съ покровительствовавшимъ Лютеру княземъ, самымъ вліятельнымъ во всей Германіи, ибо ему нужны были нѣмецкія деньги на предполагавшуюся большую войну съ турками. Отъ него на сеймъ въ Аусгсбургъ поѣхалъ (1518), въ качествѣ легата, ученый кардиналъ Томасъ Віо (Каетанъ), которому между прочимъ и поручено было убѣдить Лютера прекратить свою полемику. Каетанъ своего однако не добился: денегъ ему не дали, а разговоръ съ Лютеромъ принялъ характеръ богословскаго диспута, въ которомъ обѣ стороны горячились и кричали. Еще раньше Лютеръ написалъ папѣ объяснительное письмо, отвѣтомъ на которое былъ вызовъ въ Римъ, замѣненный по ходатайству покровителей требованіемъ явиться въ Аугсбургъ, гдѣ и произошло объясненіе его съ Каетаномъ. Опасаясь чего-либо худого, Лютеръ ночью бѣжалъ изъ Аугсбурга въ Виттенбергъ и издалъ „appellationem a papa male informato ad papam melius informandum", но когда это обращеніе осталось безъ отвѣта, онъ аппеллировалъ ко вселенскому собору на папу. Между тѣмъ Левъ X послалъ въ Саксонію ловкаго и вкрадчиваго саксонца Мильтица, которому удалось прійти къ соглашенію съ Лютеромъ въ двухъ пунктахъ: 1) обѣ стороны должны были перестать проповѣдывать, писать и разсуждать по спорному вопросу, а 2) Мильтицъ долженъ былъ передать дѣло папѣ, который и назначитъ ученаго епископа для его изслѣдованія. Какъ Лютеръ

все это время относился къ папѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго его письма: „Святѣйшій отецъ! Да удостоитъ Ваше Святѣйшество обратить свой отеческій слухъ, какъ бы слухъ самого Христа, къ Вашей бѣдной овцѣ и выслушать милостиво ея блеяніе. Что дѣлать мнѣ, Отецъ Святѣйшій! Я не могу переносить Вашего гнѣва и я не знаю, какъ его избѣжать. У меня требуютъ отреченія. Я поспѣшилъ бы это сдѣлать, если бы это повело къ предположенной цѣли. Преслѣдованія моихъ противниковъ распространили далеко мои сочиненія, и они слишкомъ глубоко запали въ сердца, чтобы ихъ оттуда искоренить. Отреченіе только еще болѣе нанесло бы ущерба римской церкви и въ уста всѣхъ вложило бы противъ нея новыя обвиненія. Святѣйшій Отецъ! Объявляю предъ лицемъ Бога и всѣхъ его твореній: я никогда не желалъ, да и теперь отнюдь не желаю дѣлать покушенія насиліемъ или хитростью на власть римской церкви и Вашего Святѣйшества. Я признаю, что ничто ни на небѣ, ни на землѣ не можетъ быть поставлено выше этой церкви, кромѣ Христа, Господа всѣхъ“. Во всякомъ случаѣ однако Лютеръ изъявлялъ готовность отречься отъ своего ученія, но подъ условіемъ, чтобы его опровергли, и свое молчаніе ставилъ въ зависимость отъ молчанія своихъ противниковъ, отказываясь безусловно подчиниться рѣшенію авторитета. Ему однако пришлось нарушить данное обѣщаніе, виновникомъ чего былъ профессоръ ингольштадтскаго университета докторъ Эккъ, вызвавшій ученыхъ на большой диспутъ въ Лейпцигѣ (1519), а въ ихъ числѣ виттенбергскаго профессора и лютерова друга Карльштадта, противъ котораго онъ написалъ тезисы, направленные, собственно говоря, противъ Лютера. На диспутъ явился и Лютеръ. Пренія происходили въ залѣ герцогскаго замка, въ которой установлены были двѣ каѳедры, и сначала первую недѣлю (съ 28 іюня) диспутъ велся между Эккомъ и Карльштадтомъ, потомъ (4 іюля) выступилъ и Лютеръ, начавъ съ заявленія своей покорности папѣ: „Во имя Господа. Аминь, сказалъ онъ, я объявляю, что уваженіе, которое я питаю къ верховному первосвященнику, заставило бы меня не участвовать въ этомъ диспутѣ, если бы почтенный докторъ Эккъ не увлекъ меня“. Два дня спорили они объ оправданіи и добрыхъ дѣлахъ, но никакого соглашенія между ними не состоялось. Между прочимъ Эккъ затронулъ вопросъ о папскомъ авторитетѣ, ибо церковь безъ главы была бы чудовищемъ (nam quod monstrum esset ecclesiam esse acephalam). Лютеръ, обращаясь къ публикѣ, сказалъ на это: „Когда господинъ докторъ объявляетъ необходимость, чтобы вселенская церковь имѣла главу, онъ дѣлаетъ хорошо. Если есть кто-либо противнаго мнѣнія, пусть встанетъ, но меня это не касается“. На вопросъ Экка, кто же этотъ глава, если не папа, Лютеръ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что

главою церкви, хотя и невидимымъ, нужно считать самого Іисуса Христа и что подлежитъ еще доказательству древность папства, какъ установленія, болѣе ранняго, чѣмъ первые четыре вѣка. Эккъ, превосходившій Лютера въ познаніяхъ по исторіи церкви и каноническому праву, опровергъ его, но Лютеръ сталъ тогда доказывать, что его противникъ, правъ только по отношенію къ латинской церкви, единство для которой вышло изъ Рима, но что для Востока оно вышло изъ Іерусалима, и что греки не признаютъ папской власти,—какъ бы тѣмъ самымъ видя въ папѣ только избранника западной церкви, а не намѣстника, поставленнаго надъ церковью самимъ Богомъ. Это дало Экку поводъ сказать: „Я нахожу, что въ твоемъ ученіи есть сходство съ гуситствомъ“: Гуса въ Германіи ненавидѣли, и Эккъ хотѣлъ погубить Лютера въ глазахъ собранія, но тотъ отвѣчалъ: „Я не люблю и никогда не полюблю раскола. Такъ какъ богемцы сами-собою отдѣляются отъ нашего единства, они дѣлаютъ дурно, если бы даже божественное право было на сторонѣ ихъ ученія: ибо высшее божественное право—любовь и единеніе духа“. Нужно замѣтить, что съ ученіемъ Гуса Лютеръ познакомился еще въ эрфуртскомъ монастырѣ и тогда еще очень испугался, когда увидѣлъ, что его собственныя мнѣнія сходятся во многомъ съ мнѣніями сожженаго еретика, но теперь онъ нашелъ возможнымъ заявить, что „между параграфами Яна Гуса и богемцевъ есть вполнѣ христіанскіе“, какъ напр., „такое утвержденіе: есть вселенская церковь, или другое: для спасенія не нужно вѣрить въ главенство римской церкви и ея первенство надъ другими. Виклифъ ли это сказалъ, прибавилъ онъ, Гусъ ли—все равно. Это истина“. Эти слова произвели сильное волненіе въ собраніи, но это не испугало Лютера, и онъ продолжалъ: „греки никогда не признавали власти папы, но ихъ не объявляли еретиками“. Когда Эккъ сгоряча объявилъ, что „христіанская церковь и римская одна и та же“, и что греки—еретики, Лютеръ возразилъ: „Григорій Назіанзенъ, Василій Великій, Епефаній, Златоустъ не вѣрили въ верховенство римской церкви—такъ неужели они должны быть признаны еретиками?“ Эккъ думалъ вывернуться шуткой: „почтенный отецъ не понимаетъ кухоннаго искусства, мѣшая святыхъ и еретиковъ греческихъ, такъ что запахъ святости однихъ заглушаетъ ядъ другихъ“. На его замѣчаніе, что первенство папы подтверждено констанцскимъ соборомъ, Лютеръ отвѣтилъ непризнаніемъ безусловной авторитетности соборнаго рѣшенія. „Почтенный отецъ, сказалъ ему Эккъ, если по вашему соборъ, законно собранный, можетъ погрѣшать, вы для меня язычникъ и мытарь“. Такъ окончился лейпцигскій диспутъ, на которомъ произошелъ разрывъ Лютера съ церковью. Мысли, высказанныя имъ въ пылу спора, уже

таились раньше въ глубинѣ его души, но онъ не рѣшался признаться самому себѣ въ томъ, какъ далеко разошелся онъ съ церковью, продолжая увѣрять себя, что онъ все еще стоитъ на церковной почвѣ. Между тѣмъ у папы вынудили буллу, которая проклинала и отлучала Лютера отъ церкви, но многіе князья не хотѣли обнародовать этой буллы, а Фридрихъ Мудрый прямо отказался ее принять. Самъ Лютеръ 10 декабря 1520 года въ сопровожденіи многихъ профессоровъ и студентовъ виттенбергскаго университета и жителей города вышелъ за-городъ и торжественно сжегъ ее на кострѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми книгами, на коихъ основывалась папская власть.

Незадолго передъ этимъ (въ іюнѣ 1520 г.) Лютеръ издалъ политическую брошюру, адресованную „Его императорскому величеству и христіанскому дворянству нѣмецкой націи", въ коей, стоя главнымъ образомъ на почвѣ національной оппозиціи, онъ приглашалъ ихъ освободить Германію отъ ига, наложеннаго на нее папствомъ, и заявлялъ главные принципы, которые потомъ легли въ основу его реформаціи, т.-е. отрицаніе іерархіи и священства, отмѣну папской власти и церковнаго землевладѣнія, прекращеніе целибата духовныхъ лицъ и т. д. За этою брошюрою послѣдовала другая (въ октябрѣ)— „О вавилонскомъ плѣненіи церкви", гдѣ церковь представляется какъ бы въ плѣну у папы и отрицаются католическія таинства за исключеніемъ крещенія и соединеннаго съ покаяніемъ причащенія. „По какому праву, спрашиваетъ здѣсь Лютеръ, установляетъ папа надъ нами законы? Кто далъ ему власть поработить свободу, сообщенную намъ крещеніемъ? Я говорю: ни папа, ни епископъ, ни какой бы то ни было человѣкъ не имѣетъ права установить хотя единую букву надъ христіаниномъ, если не будетъ на то его собственнаго согласія, и что дѣлается иначе, дѣлается въ тиранническомъ духѣ". Наконецъ, въ отвѣтъ на папское проклятіе Лютеръ выпустилъ въ свѣтъ брошюру „Противъ буллы антихриста" [1]. Лютеръ искалъ союзниковъ для своего дѣла и возлагалъ надежды на вновь избраннаго императора Карла V, тогда какъ послѣдній обѣщалъ папѣ за поддержку въ Италіи противъ Франціи уничтожить ересь въ Германіи. „Если, писалъ Лютеръ, обращаясь къ Карлу,—если дѣло, которое я защищаю, достойно предстать предъ престолъ небеснаго Величества, оно не должно быть недостойно занять вниманіе государя земного. О Карлъ, государь земныхъ королей! Я бросаюсь съ мольбой на колѣни передъ Вашимъ Свѣтлѣйшимъ Величествомъ и заклинаю Васъ принять подъ покровъ свой не меня, но самое дѣло вѣчной истины, для защиты коей Богъ поручилъ Вамъ владѣть мечемъ". „Папа, писалъ онъ еще, видя не-

---

[1]) Lemme. Die drei grossen Reformationsschriften Luther's von Jahre 1520.

возможность подчинить своей волѣ прежнихъ господъ Римской имперіи, придумалъ отнять у нихъ ихъ титулъ и ихъ имперію и отдать ихъ намъ, нѣмцамъ. Такъ и вышло, но мы сдѣлались слугами папскими. Ибо папа овладѣлъ Римомъ и клятвенно принудилъ императора никогда тамъ не жить, такъ что императоръ сдѣлался императоромъ римскимъ безъ Рима. У насъ имя,—у папы страна и города. У насъ титулъ и гербъ имперіи,—у папы достояніе, власть, привилегіи и свобода. Будемъ дѣйствовать согласно съ своимъ именемъ. Римляне хвастаются, что передали намъ имперію, такъ возьмемъ же то, что намъ принадлежитъ. Пусть папа уступитъ намъ Римъ и все, чѣмъ онъ завладѣлъ въ имперіи. Пусть имперія будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть имперія, и пусть мечъ государей не склоняется болѣе предъ лицемѣрными притязаніями папы“.

Такъ совершилось отпаденіе Лютера отъ католической церкви. Аскетъ, папистъ и теологъ, онъ только постепенно, съ великой внутренней борьбой отложился отъ старой церкви, и исходнымъ пунктомъ его протеста былъ принципъ религіозный, богословское ученіе, которое онъ выносилъ въ душѣ своей, вовсе не думая, что оно приведетъ его къ возстанію противъ папской власти и церковныхъ установленій и сдѣлаетъ изъ него религіознаго реформатора, народнаго вождя въ національной борьбѣ съ римской куріей и сообщника свѣтской власти въ ея старыхъ счетахъ съ властью духовною. Заявленія, сдѣланныя Лютеромъ на лейпцигскомъ диспутѣ и въ трехъ названныхъ сочиненіяхъ, были логическимъ результатомъ переворота, совершившагося въ его душѣ, и мы не ошибемся, если скажемъ, что въ это время, какъ и позднѣе на вормскомъ сеймѣ (1521 г.) онъ выступалъ, *какъ представитель религіознаго индивидуализма:* онъ училъ, что оправдываетъ человѣка передъ Богомъ только его личная вѣра; онъ соглашался измѣнить свой взглядъ только подъ условіемъ такого доказательства, которое, опровергая его мнѣнія было бы лично для него убѣдительно; онъ отрицалъ за кѣмъ бы то ни было право установить хотя бы одну только букву надъ совѣстью христіанина. Логическимъ выводомъ отсюда должно было быть отверженіе всего внѣшняго въ дѣлѣ вѣры, всего покоящагося на какомъ-либо другомъ авторитетѣ, кромѣ св. писанія, заключающемъ въ себѣ божественное откровеніе, которому должна подчиниться вѣрующая совѣсть, наконецъ, отверженіе какой бы то ни было духовной власти, ибо каждый христіанинъ, по мнѣнію Лютера, былъ и священникъ. Мы увидимъ, что Лютеръ не удержался на этой точкѣ зрѣнія: старыя привычки теолога и паписта съ теченіемъ времени должны были взять свое; крайнія религіозныя ученія, основывавшіяся на аналогичномъ же принципѣ, заставили Лютера позднѣе отказаться отъ послѣдовательнаго его примѣненія;

интересы начатой имъ реформы церкви наводили его на мысль о необходимости союза съ свѣтскою властью, и Лютеръ, какъ устроитель новой церкви (послѣ 1522 г.), является передъ нами совсѣмъ другимъ, чѣмъ Лютеръ 1517—1521 гг.

VI. Эпоха вормскаго сейма [1]).

Впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Лютера въ Германіи.—Новые памфлеты Гуттена.—Отношеніе Лютера къ Гуттену.—Отношеніе Карла къ дѣлу Лютера.—Продолженіе лютеровой полемики съ папой.—Стойкость Лютера.—Вормскій сеймъ.—Вормскій эдиктъ.—Лютеръ въ Вартбургѣ.—Распространеніе идей Лютера.

Девяносто пять тезисовъ сразу сдѣлали имя Лютера необыкновенно популярнымъ въ Германіи. До 1517 г. онъ былъ извѣстенъ только въ болѣе тѣсномъ кругу своихъ виттенбергскихъ почитателей, къ коимъ принадлежалъ и самъ курфюрстъ, его государь, и извѣстность эта основывалась исключительно на его успѣшной дѣятельности проповѣдника. Лютеръ обладалъ счастливымъ даромъ убѣжденія, и искренность его обращеній къ слушателямъ, горячность, съ какою онъ излагалъ имъ религіозное ученіе, убѣдительность его аргументовъ, привлекали на его проповѣди всегда большую толпу, тѣснившуюся у его каѳедры и слушавшую его съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ что онъ скоро сдѣлался любимцемъ виттенбергскихъ гражданъ и самого курфюрста. Девяносто пять тезисовъ появились какъ разъ въ то время, когда еще не успѣло улечься общественное возбужденіе, произведенное гуманистическою борьбою съ кельнскими богословами и ихъ сторонниками, когда общество было подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Писемъ темныхъ людей". Мы уже видѣли, что тезисы Лютера сразу обратили на себя вниманіе, и въ образованныхъ кругахъ стали съ большимъ интересомъ слѣдить за полемикой между Лютеромъ и его противниками, такъ какъ и предметъ ея былъ всѣмъ доступенъ и касался основныхъ вопросовъ вѣры. У Лютера явились и сторонники, взявшіе на себя его защиту. Таковъ былъ, напр., виттенбергскій же профессоръ, человѣкъ схоластическаго образованія Карльштадтъ, диспутировавшій съ Экко̀мъ въ Лейпцигѣ; таковъ былъ гуманистъ Филиппъ Меланхтонъ (собственно Шварцертъ, род. въ 1497 г.), родственникъ и ученикъ Рейхлина, впослѣдствіи помощникъ Лютера [2]). Лейпциг-

[1]) Для исторіи общественнаго возбужденія въ Германіи около 1521 года см. August Baur. Deutschland in den Jahren 1517—1525 betrachtet im Lichte gleichzeitiger anonymer und pseudonymer deutscher Volks-und Flugschriften.

[2]) Schmidt. Melanchthon.

скій диспутъ сразу поднялъ Лютера на большую высоту въ общественномъ мнѣніи, а папская булла 1520 г. и страстныя воззванія самого Лютера, выпущенныя въ томъ же самомъ году, дѣлали его живымъ воплощеніемъ той давнишней національной и религіозной оппозиціи Риму, безъ которой не могла бы произойти и сама реформація. Эти годы замѣчательны еще тѣмъ, что тогда происходило *сближеніе между будущимъ реформаторомъ, съ одной стороны, и гуманистами и политиками съ другой,* сближеніе временное, не имѣвшее подъ собою прочной почвы, но весьма характерное для той поры, какую переживала Германія передъ самымъ началомъ революціоннаго движенія 1522—1525 гг. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно поведеніе Ульриха фонъ-Гуттена, гуманиста и публициста, видѣвшаго сначала въ виттенбергскихъ спорахъ монашескую грызню и возлагавшаго надежду на то, что монахи во взаимной враждѣ уничтожатъ одни другихъ. Смѣлость, съ какою Лютеръ выступилъ противъ папства, привлекла на его сторону Ульриха фонъ-Гуттена, который въ годы лейпцигскаго диспута и сожженія буллы участвовалъ въ походѣ противъ вюртембергскаго герцога, а потомъ жилъ у Франца фонъ-Зиккингена [1]), равнымъ образомъ ставшаго на сторону Лютера. Мы уже упоминали о памфлетахъ Гуттена 1520—1521 гг., о его „Жалобѣ и увѣщаніи противъ непомѣрной и нехристіанской власти римскаго папы.“ — „Прежде, говоритъ онъ въ этомъ памфлетѣ, я писалъ по-латыни, которая не всякому знакома; теперь я взываю къ отечеству, къ нѣмецкой націи на ея языкѣ отмстить за эти дѣла“ (zu bringen diesen Dingen Rach). Подобно Лютеру, который, какъ мы видѣли, обращался къ императору и христіанскому дворянству нѣмецкой націи, и Гуттенъ взываетъ къ государямъ и правящимъ классамъ: „Надѣюсь, говоритъ онъ, это сдѣлаютъ многіе рыцари, многіе графы и дворяне и многіе граждане, также слишкомъ тяготящіеся этими дѣлами въ своихъ городахъ, чтобы мой призывъ остался тщетнымъ. Впередъ, съ нами Богъ! Кто захочетъ остаться позади въ такомъ дѣлѣ. Я отважился—таковъ мой лозунгъ!“ Въ другомъ памфлетѣ („Оправданіе“) онъ писалъ, что всегда обращался къ императору и государямъ съ увѣщаніемъ вступиться въ дѣло, провести реформу, необходимость которой очевидна, ибо, доказываетъ онъ, должно опасаться, что если власти не вступятся, а безчинства куртизановъ и бездушныхъ духовныхъ лицъ дойдутъ до крайности, то грубая толпа и безсмысленная чернь (gemeiner Hauf und das unsinnige Volk) возстанетъ и безъ смысла сокрушитъ все. Впослѣдствіи Гуттенъ самъ приглашалъ эту толпу и этотъ народъ къ дѣйствію, но пока онъ стоялъ на той же

[1]) См. выше, стр. 36.

точкѣ зрѣнія, что и Лютеръ, когда онъ въ посланіи къ нѣмецкому дворянству говорилъ, что когда реформы требуютъ свѣтскіе государи, то церковь отвѣчаетъ, будто свѣтская власть не должна мѣшаться въ церковныя дѣла,—и выражалъ желаніе, чтобы Карлъ V занялся реформой. Только неудачный исходъ вормскаго сейма заставилъ Гуттена отказаться отъ надежды на проведеніе реформы сверху. Въ ту же зиму 1520 — 1521 г. Гуттенъ написалъ латинскій діалогъ „Булла и буллоубійца", въ которомъ онъ драматически изображаетъ борьбу буллы со свободою, влагая въ уста послѣдней такія слова: „на помощь, сограждане! Защитите угнетенную свободу! Неужели никто не рѣшится вступиться за меня? Неужели здѣсь нѣтъ никого истинно свободнаго, никого стремящагося къ добру, никого любящаго право и справедливость, ненавидящаго обманъ и преступленіе?" И Гуттенъ говоритъ отъ себя, что „чей бы ни былъ этотъ кличъ, онъ долженъ вступиться, разъ онъ слышитъ призывъ. Посмотрю, продолжаетъ онъ, что тамъ дѣлается. Вижу дѣло идетъ о свободѣ. Надо бѣжать. Что тутъ такое? Кто кличетъ? Свобода! Свободу угнетаютъ; Гуттенъ! Это я, я зову!" Въ двухъ другихъ діалогахъ („Предостерегатели") Гуттенъ выводитъ—въ одномъ Лютера, въ другомъ Зиккингена—разговаривающими съ людьми, которые хоть и порицаютъ злоупотребленія римской церкви, но еще болѣе порицаютъ возстаніе противъ нея. Собесѣдникъ указываетъ Зиккингену, что всѣ подымавшіеся противъ церкви кончали дурно. „А чехъ Жижка? спрашиваетъ рыцарь. Онъ оставилъ послѣ себя славу, что освободилъ свое отечество отъ ига, выгналъ изъ всей Богеміи недостойныхъ тварей, лѣнивыхъ поповъ и безполезныхъ монаховъ, имущества ихъ частью возвратилъ наслѣдникамъ жертвователей, частью обратилъ на пользу общественную и т. д.". На панегирикъ Жижкѣ собесѣдникъ замѣчаетъ, что Зиккингенъ, повидимому, не прочь самъ подражать Жижкѣ, и получаетъ отвѣтъ, что, „конечно, не прочь, если добромъ не удастся сладить" [1]). Памфлетъ этотъ писался, когда ходъ дѣлъ на вормскомъ сеймѣ не внушалъ нетерпѣливому Гуттену особаго довѣрія. Во время этого сейма, открывшагося 28 января 1521 г., Гуттенъ особенно волновался, издавъ, наприм., еще двѣ инвективы противъ бывшихъ на сеймѣ папскихъ легатовъ, но Лютера смущало поведеніе его защитника, и онъ писалъ своему другу Спалатину, духовнику и старшему секретарю Фридриха Мудраго (бывшему однимъ изъ историковъ реформаціи): „ты видишь, къ чему стремится Гуттенъ, но я не хочу, чтобы евангеліе отстаивали насиліемъ и убійствомъ; въ этомъ смыслѣ

---

[1]) Ulrich von Hutten's ausgewählte Gespräche und Briefe, übersetzt von d-r O. Stäckel.

я и писалъ ему. Словомъ побѣжденъ міръ, словомъ сохранялась церковь, словомъ же она и возстановится". Лютеру было также очень непріятно, когда подъ конецъ сейма въ Вормсѣ было прибито воззваніе четырехсотъ рыцарей, соединившихся за Лютера, причемъ онъ говорилъ, что тутъ дѣйствуетъ хитрость его враговъ, желающихъ его погубить, приписывая ему мятежныя связи.

Менѣе, нежели черезъ два мѣсяца послѣ сожженія буллы, собрался въ Вормсѣ сеймъ, на которомъ въ первый разъ присутствовалъ новый императоръ. Левъ X былъ, какъ это открылось въ началѣ царствованія Карла, противъ его избранія, и еще весной 1520 года повѣренный императора Мануэль писалъ ему: „ваше величество должны поѣхать въ Германію и тамъ оказать нѣкоторую благосклонность нѣкоему Мартину Лютеру, который находится при саксонскомъ дворѣ и предметомъ своей проповѣди внушаетъ опасенія римской куріи". Но позднѣе, какъ было уже сказано, между Карломъ V и папой состоялась сдѣлка: Левъ X-й долженъ былъ помогать императору противъ Франціи, Карлъ же обязывался содѣйствовать уничтоженію ереси въ Германіи. Между тѣмъ борьба Лютера съ папою продолжалась, и Левъ X подтвердилъ проклятіе Лютера новою буллою, которую послѣдній послѣ издалъ съ своими комментаріями, могущими служить образщикомъ его полемики. „Левъ, епископъ, гласила булла (епископъ, какъ волкъ, бываетъ пастухомъ, прибавляетъ Лютеръ, ибо епископъ долженъ поучать по закону спасенія, а не изрыгать проклятій), Servus servorum Dei (вечеромъ, когда мы пьяны, а утромъ мы прозываемся Leo, dominus omnium dominorum). Римскіе епископы, наши предшественники, имѣли обычай въ этотъ праздникъ (чистый четвергъ) употреблять оружіе правосудія (которое, по твоему—отлученіе и анаѳема, а по апостолу Павлу—терпѣніе, кротость и милосердіе). По праву и обязанностямъ апостольскимъ и для поддержанія чистоты христіанской вѣры (т.-е. свѣтскихъ владѣній папы) и единства ея, состоящаго въ единеніи членовъ съ главою Христомъ и его намѣстникомъ (мало одного Христа—другой нуженъ еще), чтобы сохранить святое общеніе вѣрныхъ, мы слѣдуемъ древнему обычаю и мы отлучаемъ и проклинаемъ во имя Всемогущаго Бога Отца (о которомъ сказано: Богъ не посылалъ Своего Сына въ міръ, дабы судить міръ) и Сына и Святого Духа и по власти апостоловъ Петра и Павла и нашей собственной (и я тутъ тоже, говоритъ волкъ пожирающій, будто могущество Бога безъ него слишкомъ слабо). Мы проклинаемъ всѣхъ еретиковъ (ибо они хотѣли обладать Св. Писаніемъ и требовали, чтобы папа былъ воздерженъ и проповѣдывалъ слово Божіе).... и Мартина Лютера, недавно осужденнаго нами за подобную ересь, и всѣхъ его приверженцевъ и всѣхъ, кто бы они ни были, которые окажутъ

ему какое-либо расположеніе (Благодарю тебя, любезный первосвященникъ, за то, что ты меня осуждаешь со всѣми этими христіанами; для меня это честь, что имя мое провозглашено въ Римѣ въ праздникъ такъ торжественно и теперь обходитъ весь міръ съ именемъ всѣхъ этихъ смиренныхъ исповѣдниковъ Христа"). Лютеръ дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе, но многіе его сторонники, когда онъ былъ призванъ молодымъ императоромъ и чинами имперіи на сеймъ, совѣтовали ему ограничиться оппозиціею противъ свѣтской власти папы, не касаясь религіи и думали, что Лютеръ отречется отъ своихъ мнѣній. Но Лютеръ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ Спалатину, ведшему съ съ нимъ отъ имени Карла и Фридриха Мудраго переговоры о томъ, чтобы онъ отрекся отъ сочиненія своего „Вавилонское плѣненіе церкви": „Ожидайте отъ меня всего, но только не побѣга и не отреченія. Я не убѣгу и не отрекусь отъ своего сочиненія и отъ моего ученія, которое буду признавать до послѣдняго дня, хотя и увѣренъ, что собаки не успокоятся, пока не покончатъ со мною". Когда Лютеръ отправился на вормскій сеймъ, то ему устраивали на дорогѣ торжественныя встрѣчи, особенно въ Эрфуртѣ: собирался народъ и Лютеръ проповѣдовалъ. Друзья, опасаясь, чтобы ему не приключилась въ Вормсѣ какая-либо бѣда, совѣтовали ему не ѣхать туда, но онъ отвѣчалъ: „Еслибы на дорогѣ къ Вормсу стояли костры, и ихъ огонь доходилъ до неба, и еслибы въ Вормсѣ было столько чертей, сколько черепицъ на крышахъ домовъ, то я и тогда бы поѣхалъ". Карлу, дѣйствительно, предлагали не исполнять даннаго Лютеру охранною его грамотою обѣщанія не причинять ему зла, но Карлъ не соглашался на это.—Время вормскаго сейма было самымъ блестящимъ моментомъ въ жизни Лютера. Онъ не былъ еще основателемъ новой церкви, а отстаивалъ просто право человѣческой личности, свободу совѣсти, и его истинное величіе на этомъ сеймѣ заключалось въ томъ, что онъ торжественно, предъ лицомъ всего свѣта, заявлялъ, что въ жизни человѣка есть сторона, въ которую не можетъ вмѣшиваться никакая посторонняя сила.

Въ Вормсѣ собралось много народа. По улицамъ не было почти прохода. Лютеръ пошелъ въ ратушу, гдѣ происходили засѣданія, садами и дворами, а солдаты должны были силою расталкивать толпящійся народъ. Сначала (17 апрѣля) Лютеръ смутился—было передъ блестящимъ собраніемъ и говорилъ нерѣшительно. Ему представили собственныя его книги, спрашивая, признаетъ ли онъ ихъ за свои. Оправившись отъ смущенія, онъ отвѣчалъ, что отъ своихъ книгъ догматическаго содержанія онъ не можетъ отказаться, такъ какъ не находитъ въ нихъ ничего дурного, и самая булла папы находитъ въ нихъ много хорошаго; что отречься отъ книгъ, въ которыхъ онъ возставалъ противъ злоупотребленій духовенства, значило бы съ его

стороны предать Германію грабежу, что, наконецъ, онъ не можетъ отказаться отъ своихъ полемическихъ сочиненій, ибо это значило бы предоставить торжество своимъ врагамъ. Затѣмъ Лютеръ началъ говорить противъ непогрѣшимости папы и соборовъ, но его прервали такими словами: „ты не отвѣтилъ на сдѣланный тебѣ вопросъ. Ты здѣсь не для того, чтобы подвергать сомнѣнію то, что было рѣшено соборами. У тебя требуютъ прямого и яснаго отвѣта, хочешь ли ты или нѣтъ отказаться?“. И на это Лютеръ сказалъ: „Такъ какъ Ваше Свѣтлѣйшее Величество и ваши высокія власти требуете отъ меня простого, точнаго и яснаго отвѣта, то я его вамъ дамъ безъ сучка и задоринки (dabo illud, neque dentatum, neque cornutum). Вотъ онъ: я не могу подчинить своей вѣры ни папѣ, ни соборамъ, ибо ясно, какъ день, что они часто впадали въ заблужденія и даже въ противорѣчія съ самими собою. Значитъ, если меня не убѣдятъ свидѣтельствами изъ писанія или очевидными доводами разума, если меня не убѣдятъ тѣми самыми мѣстами, которыя я привелъ, и если такимъ образомъ мою совѣсть не свяжутъ Словомъ Божіимъ, я не могу и не хочу отказываться ни отъ чего, ибо не подобаетъ христіанину говорить противъ своей совѣсти“. И затѣмъ, обращаясь къ собранію, онъ произнесъ: „Hier stehe ich. Ich kann nicht anders. Gott helfe mir. Amen“. Этотъ твердый отвѣтъ произвелъ впечатлѣніе на собраніе, но только не на холоднаго Карла V, сказавшаго, что его „этотъ монахъ не увлекъ бы въ ересь“. Во время рѣчи Лютера слышались громкія одобренія. Ландграфъ Филиппъ Гессенскій пришелъ къ нему потомъ на квартиру и сказалъ: „если ты считаешь, что дѣло твое Божіе, стой твердо на своемъ“. Имперскіе чины и общественное мнѣніе были на сторонѣ Лютера, и въ виду этого Карлъ долженъ былъ его отпустить и дать ему приказъ возвратиться домой. На возвратномъ пути устраивались Лютеру многочисленныя оваціи, а самъ онъ написалъ записку къ другу своему Лукѣ Кранаху, въ которой высказалъ свой взглядъ на то, что случилось на вормскомъ сеймѣ: „Слуга твой, любезный кумъ, Лука; я думалъ, что его величество соберетъ въ Вормсѣ человѣкъ пятьдесятъ докторовъ, чтобы убѣдить, какъ слѣдуетъ, монаха. Совсѣмъ нѣтъ. Твои эти книги?—Да.—Отказываешься ты отъ нихъ?—Нѣтъ.—Такъ убирайся.—Вотъ и вся исторія“... Около того же времени онъ написалъ къ Карлу V письмо, въ которомъ проводилъ границу между повиновеніемъ Богу и повиновеніемъ государю. Мало-по-малу разъѣхались и князья, особенно расположенные къ Лютеру, и никто не ожидалъ какихъ бы то ни было новыхъ постановленій по его дѣлу, какъ вдругъ императоръ предложилъ остававшимся еще князьямъ написанный папскимъ нунціемъ Алеандромъ эдиктъ, помѣченный еще 8 мая (хотя тогда было уже

25 число), дававшій Лютеру двадцатидневный срокъ для отреченія и въ случаѣ его отказа налагавшій на него опалу вмѣстѣ съ его послѣдователями, друзьями и покровителями, сочиненія же его обрекались на сожженіе. 26 мая эдиктъ этотъ былъ подписанъ Карломъ. Еще ранѣе того покровитель Лютера Фридрихъ Мудрый, понимая, что жизнь реформатора находилась въ опасности, задумалъ укрыть его на время. Когда Лютеръ возвращался изъ Вормса, его схватили люди курфюрста, отвезли его въ Вартбургъ. Разнесся слухъ, что Лютера похитили враги его, а онъ между тѣмъ проживалъ въ вартбургскомъ замкѣ подъ именемъ рыцаря Георга. Здѣсь началъ онъ свой переводъ Библіи на нѣмецкій языкъ, но это дѣло не было совершенною новостью въ Германіи, такъ какъ переводы Библіи, хотя и уступавшіе лютерову по своимъ достоинствамъ, существовали уже раньше и были весьма распространены въ народѣ. Предпріятіе Лютера, оконченное только черезъ двѣнадцать лѣтъ, имѣло большое значеніе для развитія нѣмецкаго литературнаго языка, не говоря о значеніи его для религіозной реформаціи, такъ какъ Библія стала теперь доступною для всѣхъ въ прекрасномъ переводѣ. Лютеръ началъ тогда же переводить на нѣмецкій языкъ и еврейскіе псалмы, чѣмъ сильно двинулъ впередъ развитіе богослужебной лирики. Между тѣмъ религіозное движеніе, возбужденное проповѣдью и сочиненіями Лютера, не только не улеглось, но даже стало принимать все болѣе широкіе размѣры. Сторонники Лютера издавали полемическія сочиненія противъ его враговъ; рыцари собирались для защиты дѣла оппозиціи Риму; въ городахъ происходили демонстраціи въ честь Лютера; князья уже начинали понимать, какія выгоды для усиленія своей власти могутъ извлечь изъ борьбы съ куріей; многія духовныя лица читали сочиненія Лютера, „ohne Verdruss“, какъ выразился о себѣ базельскій епископъ, а другой говорилъ даже: „мы всѣ лютеране“, указывая этимъ на сходство собственныхъ воззрѣній съ ученіемъ Лютера. Но собственно для большинства нѣмцевъ весь вопросъ заключался въ опредѣленіи отношеній націи къ Риму, для Лютера же—въ догматахъ вѣры, въ силу чего Лютеръ и многіе его приверженцы понимали дѣло реформаціи неодинаково. Основною чертою характера Лютера былъ своего рода консерватизмъ, благодаря коему онъ отдѣлился отъ церкви медленно и постепенно, но его приверженцы были рѣшительнѣе, и они сразу порывали съ католическою церковью. Лютеръ пробылъ въ Вартбургѣ до весны 1522 г., а въ его отсутствіе въ Виттенбергѣ и другихъ мѣстахъ началось насильственное ниспроверженіе католицизма, заставившее его выступить уже умѣрителемъ начатой безъ него реформаціи.

VII. Начало религіозной реформаціи [1]).

Что такое начало реформаціи? — Умѣренность и консерватизмъ Лютера. — Его боязнь раціонализма. — Его авторитарный характеръ. — Происхожденіе разлада среди реформаторовъ. — Отношеніе гуманистовъ къ реформаціи. — Разные виды реформаціи въ XVI в. — Карльштадтъ и иконоборчество. — Цвиккаускіе пророки. — Выступленіе Ѳомы Мюнцера. — Подавленіе виттенбергскихъ смутъ и ихъ значеніе. — Зарожденіе антитринитаризма.

Когда желаютъ пріурочить начало реформаціи къ какому-либо событію, то указываютъ или на прибитіе Лютеромъ девяноста пяти тезисовъ къ церковнымъ дверямъ въ Виттенбергѣ (1517), или на его отторженіе отъ католической церкви на лейпцигскомъ диспутѣ (1519), или на сожженіе имъ папской буллы (1520), но, собственно говоря, ни въ одномъ изъ этихъ событій, въ которыхъ дѣйствовалъ притомъ главнымъ образомъ одинъ Лютеръ, не было еще реформаціи въ смыслѣ преобразованія самой церкви, отпаденія отъ нея какой-либо части вѣрующихъ и принятія ими новыхъ религіозныхъ началъ, которыя были бы введены и во внѣшнія отношенія церковной жизни. Это были все индивидуальные акты Лютера, правда, обратившіе на себя вниманіе общества, встрѣченные послѣднимъ сочувственно, нашедшіе въ немъ поддержку, — безъ чего и самъ Лютеръ не рѣшился бы на свою борьбу съ папой, не говоря уже о томъ, что при другомъ отношеніи къ нему народа и властей ему и не дали бы зайти такъ далеко, — но отъ этого общественнаго вниманія, сочувствія, поддержки было еще далеко до того, чтобы въ церковную жизнь, хотя бы одного Виттенберга, *были введены новыя формы, коими отмѣнялись бы учрежденія католицизма, чѣмъ именно и была религіозная реформація, не ограничивавшаяся однимъ заявленіемъ новыхъ принциповъ, но проводившая ихъ въ церковную жизнь*. Начало такому движенію положилъ не самъ Лютеръ: не онъ первый началъ перемѣнять старые порядки на новые, и во многихъ отношеніяхъ ему пришлось идти даже не впереди церковныхъ пре-

---

[1]) Th. Kolde. Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation. Указываемъ здѣсь литературу по анабаптизму и антитринитаризму, имѣя въ виду не одни двадцатые годы XVI в. и не одну религіозную сторону движенія. А. Михайловъ. Революціонный анабаптизмъ. — Будринъ. Антитринитаріи XVI вѣка. — L. Keller. Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs zu Münster и Ein Apostel der Wiedertäufer. — Hast. Geschichte der Wiedertäufer. — Hase. Das Reich der Wiedertäufer. — Cornelius. Geschichte des münsterischen Aufruhrs. — Trechsel. Die protestantischen Antitrinitarier vor Faustus Socin. Соч. Erbkam'а по исторіи сектантства вообще было указано. (стр. 14); необходимыя дополненія будутъ сдѣланы.

образованій, а сдерживать другихъ болѣе рьяныхъ новаторовъ. Реформація въ смыслѣ внѣшнихъ измѣненій, принимавшихся народомъ и даже прямо имъ производившихся, началась въ то время, когда Лютеръ находился въ вартбургскомъ замкѣ, невольно возвратившись послѣ политической борьбы 1520 г. къ своимъ теологическимъ занятіямъ. Когда до него дошла вѣсть о томъ, что̀ дѣлается въ Виттенбергѣ, гдѣ происходило насильственное ниспроверженіе католицизма, принявшее видъ иконоборчества, Лютеръ писалъ виттенбергскимъ радикаламъ (въ декабрѣ 1521 г.), что они не должны были „пускать въ ходъ кулаки“ и что онъ не можетъ быть на сторонѣ такихъ дѣятелей: „безъ меня вы начали это дѣло, смотрите же, чтобы безъ меня его и кончить“, — и ему казалось, что это дьяволъ поднялъ смуту, чтобы „посрамить новое ученіе“. Лютеръ, самъ говорившій въ 1520 г. революціоннымъ языкомъ и демонстративно при народѣ сжигавшій папскую буллу, лишь временно увлекся въ этомъ направленіи, и будучи вообще врагомъ насилія, уже во время вормскаго сейма не одобрялъ затѣй Ульриха фонъ-Гуттена: *смуты лишь компрометтировали то дѣло, которое онъ считалъ главнымъ*, и онъ опасался, что онѣ только отвратятъ отъ него власти, на поддержку коихъ онъ расчитывалъ. Съ другой стороны, принявъ, что существо религіи заключается не во внѣшнихъ формахъ, а въ вѣрѣ, во внутреннемъ настроеніи, онъ не придавалъ значенія этимъ формамъ и по отношенію къ нимъ (по крайней мѣрѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ) стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что почитаніе или уничтоженіе иконъ, соблюденіе или непризнаваніе постовъ, поступленіе въ монахи или выходъ изъ монастыря и т. п. сами по себѣ безразличны, и что нельзя, не нарушая свободы, ни принуждать ко всему этому, ни все это запрещать, между тѣмъ, какъ виттенбергскіе радикалы съ большою ревностью истребляли все, что напоминало католицизмъ. Къ этому *присоединялся у Лютера и извѣстный консерватизмъ*, который усиливался по мѣрѣ того, какъ реформація принимала все болѣе и болѣе революціонный характеръ. Онъ не сразу отпалъ отъ католической церкви, и самое его отпаденіе совершалось не только медленно, но и постепенно, да и впослѣдствіи онъ оставался вѣрнымъ многому такому, что гораздо ранѣе его было оставлено его приверженцами. Католики впослѣдствіи обвиняли Лютера въ томъ, будто онъ затѣялъ реформацію, чтобы имѣть право бросить монастырь и жениться, но онъ и не первымъ вышелъ изъ монаховъ и не первымъ изъ священниковъ вступилъ въ бракъ. Изъ августинскаго монастыря ушелъ первымъ Цвиллингъ, увлекшій за собой другихъ монаховъ, Лютеръ же по возвращеніи изъ Вартбурга не покидалъ монастыря и монашескаго одѣянія до 1524 г., хотя догматъ объ оправданіи одною вѣрою заключалъ въ себѣ отрицаніе монашества. Когда

онъ узналъ о первыхъ бракахъ священниковъ (Фельдкирхена и Зейдлера), онъ одобрилъ это, но замѣтилъ, что ему однако не навяжутъ жены („at mihi non obtrudent uxorem"), самъ же хоть и женился потомъ, но только въ 1525 году. Уничтоженіе католической мессы, причащеніе подъ обоими видами (Карльштадтомъ на Рождество 1521 г.), отрицаніе пресуществленія въ таинствѣ евхаристіи — и это все началось безъ него, а когда онъ самъ принялъ участіе въ реформѣ и сдѣлался ея руководителемъ, то въ этомъ дѣлѣ придерживался болѣе консервативнаго принципа — не отвергать ничего такого, что съ полною очевидностью не противорѣчитъ св. писанію, тогда какъ другіе реформаторы именно говорили о необходимости уничтоженія всего, на что нѣтъ прямыхъ указаній въ св. писаніи. Въ этомъ смыслѣ онъ не пошелъ за тѣми толкователями евхаристіи, которые, отрицая пресуществленіе, не признавали въ таинствѣ дѣйствительнаго присутствія (praesentia realis) Христа, утверждавшагося Лютеромъ: „я скованъ, говорилъ онъ, текстъ слишкомъ силенъ, я не могу отказаться отъ него, ничто не вырветъ его изъ моего ума". Между прочимъ и въ этомъ вопросѣ, возбужденномъ виттенбергскими богословами, да и во многихъ другихъ Лютеръ боялся впасть въ раціонализмъ, и если на вормскомъ сеймѣ онъ ставилъ доводы разума на одну доску съ св. писаніемъ, говоря, что онъ отречется отъ своего ученія лишь убѣжденный св. писаніемъ или очевидными доказательствами разума („nisi scripturae sacrae testimoniis vel evidenti ratione convictus fuero" и на вопросъ: „num hoc vis te non cessurum nisi convictum sacra scriptura?" такой отвѣтъ: plane aut evidentissimis rationibus"), то позднѣе его пугалъ раціонализмъ, въ коемъ онъ обвинялъ, напр., Эразма [1]) и Цвингли, и о разумѣ онъ разсуждалъ въ духѣ старыхъ традицій, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ: „что, повидимому, несообразнѣе съ разумомъ, какъ божественность Іисуса Христа? Можно ли понять воплощеніе Бога въ утробѣ Дѣвы? Можно ли понять, какимъ образомъ Богъ, присутствующій въ хлѣбѣ и винѣ, дѣлается снѣдью вѣрующихъ? Вся религія—безуміе для разума! Разумъ —блудница дьявола. Онъ только богохульствуетъ и порицаетъ дѣла Божіи. Онъ ничего не понимаетъ о Богѣ. Нужно егоубить, нужно закрыть глаза, заткнуть уши, всѣ чувства и вѣрить!" Уже раньше Лютеръ ожидалъ содѣйствія реформѣ со стороны свѣтской власти, но виттенбергскіе безпорядки, а за ними рыцарское и крестьянское возстаніе еще болѣе его убѣдили, что дѣло это должно принадлежать не „господину Всѣмъ" (dominus Omnes), а свѣтской власти, *откуда и объясняется его союзъ съ князьями, вытекавшій и изъ задачи Лютера реформировать церковную жизнь, охранивъ ее отъ опасностей, кото-*

---

[1]) См. т. I, гл. XL.

рыя порождались самою реформаціею, — *и изъ сильнаго въ немъ принципа авторитета,* не только привитаго къ нему католическимъ воспитаніемъ, но основывавшагося на собственномъ его характерѣ: Лютеръ былъ изъ тѣхъ властныхъ натуръ, которыя нерѣдко возстаютъ противъ чужой власти лишь для того, чтобы перенести ее на себя. Въ одной изъ проповѣдей своихъ въ Виттенбергѣ по случаю происшедшихъ тамъ во время его вартбургскаго заключенія безпорядковъ онъ говорилъ такъ: „уничтоженіе мессы согласно съ писаніемъ, это совершенно вѣрно, но какой порядокъ, какое приличіе соблюли вы? Нужно было вознести горячія молитвы, нужно было обратиться къ властямъ; тогда всѣ увидѣли бы, что это дѣло отъ Бога". Когда былъ возбужденъ впослѣдствіи вопросъ объ избраніи прихожанами своихъ пасторовъ (что допущено было, напримѣръ, Филиппомъ Гессенскимъ), Лютеръ, самъ стоявшій сначала за тотъ же самый принципъ, перемѣнилъ свой взглядъ и рѣшилъ, что назначеніе новыхъ духовныхъ лицъ должно принадлежать свѣтскимъ властямъ. Въ 1526 г. онъ такъ писалъ объ этомъ курфюрсту саксонскому: „Среди людей замѣчается столько неблагодарности къ слову Божію, что если бы я могъ такъ сдѣлать по чистой совѣсти, я оставилъ бы ихъ жить безъ пастырей, какъ свиней, но мы не можемъ такъ поступать. Такъ какъ папскій порядокъ отмѣненъ, всѣ учрежденія дѣлаются вашимъ достояніемъ, какъ верховнаго главы. Ваше дѣло всѣмъ этимъ управлять; никто другой объ этомъ не заботится, не можетъ и не долженъ заботиться". Такимъ образомъ Лютеръ призналъ за князьями права, принадлежавшія прежде папѣ. Для того, чтобы были сохранены извѣстные принципы при устройствѣ церкви, Лютеръ потребовалъ церковной ревизіи. Курфюрстъ саксонскій назначилъ для этого отдѣльную коммиссію, инструкцію же для нея написалъ Меланхтонъ. Инструкція эта весьма интересна заявленіемъ того принципа, что нужно какъ можно болѣе оставлять изъ старыхъ церемоній, ибо всякія новшества причиняютъ только вредъ. (Obsecro, quantum ex veteribus caeremoniis retineri potest, retineas. Omnis novitas nocet in vulgo). Осмотръ реформированныхъ церквей былъ произведенъ Лютеромъ, Меланхтономъ и другими лицами, и онъ еще болѣе утвердилъ Лютера въ его консерватизмѣ. Тогда же онъ написалъ свои два катехизиса, по которымъ должны были учить народъ вѣрѣ всегда въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ: законоучители подвергались испытанію въ знаніи катехизиса и не смѣли отъ него уклоняться, преподавая народу законъ Божій. Я позволилъ себѣ забѣжать нѣсколько впередъ, чтобы сопоставить нѣкоторые факты, рисующіе намъ Лютера, какъ реформатора. Врагъ насилія и лишняго новаторства, человѣкъ, придававшій главное значеніе внутреннему содержанію религіи и сравнительно индифферентно

относившійся къ внѣшнимъ ея формамъ, дѣятель, въ которомъ и личный характеръ, и привычки, привитыя воспитаніемъ, и боязнь за взятое на себя дѣло укрѣпляли извѣстнаго рода консерватизмъ и поддерживали мысль о необходимости прочнаго авторитета, глубоко вѣрующій богословъ, бывшій противникомъ разума, разъ послѣдній сталкивался съ религіей, естественно и необходимо долженъ былъ разойтись съ людьми, быстро переходившими отъ слова къ дѣлу, сразу хотѣвшими полнаго переворота во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ, въ этихъ отношеніяхъ полагавшими все то зло, которое нужно было искоренить, не дорожившими традиціями и требовавшими безусловной свободы, хотя бы ее приходилось вводить насиліемъ, и Лютеръ дѣйствительно разошелся съ людьми, которые сначала считали его своимъ и думали, что идутъ съ нимъ по одному пути, разошелся, хотя эти люди нерѣдко дѣлали только логическіе выводы изъ собственныхъ его воззрѣній или примѣняли къ жизни его слова. На Лютера не могло не подѣйствовать зрѣлище того, что онъ считалъ искаженіемъ своего дѣла, и это должно было направить его дѣятельность въ такую сторону, чтобы не дать начавшейся реформаціи идти далѣе того, передъ чѣмъ онъ останавливался самъ, и лишить ея враговъ всякаго повода колоть ему глаза указаніемъ на то, что вышло изъ его проповѣди: онъ долженъ былъ выступить противъ новаторовъ, но начавшаяся полемика только разжигала страсти и развивала въ Лютерѣ нетерпимость, ту нетерпимость, которая была присуща его властной натурѣ, привита ему воспитаніемъ въ принципахъ средневѣковаго католицизма, а потомъ укрѣплена его успѣхомъ, какъ самаго популярнаго человѣка въ Германіи и оффиціально признаннаго руководителя реформаціи. Съ другой стороны, недавніе сторонники Лютера стали обвинять его въ измѣнѣ общему дѣлу, въ неспособности имѣть истинную вѣру, въ томъ, что онъ исторгнулъ церковь изъ рукъ папы, дабы предать ее свѣтскимъ князьямъ, наконецъ въ личной тиранніи не лучше папской. Лютеръ разошелся съ политическими дѣятелями въ родѣ Гуттена, ибо ограничивалъ свою задачу одною церковной реформой, и то же заставило его выступить противъ другихъ реформаторовъ, которые соединяли религіозныя преобразованія съ общественными, но помимо этого, и самая церковная реформа могла пониматься различно, къ чему присоединились еще богословскіе споры догматическаго характера, дававшіе поводъ къ взаимнымъ обвиненіямъ разнаго рода.

Вообще эта эпоха внесла много чисто личной борьбы въ то напряженное общественное движеніе, которое тогда происходило въ Германіи. Малодушное отношеніе Рейхлина къ дѣлу Лютера сильно вооружило противъ него Гуттена. Эразмъ, коего враги Лютера счи-

тали главнымъ его вдохновителемъ [1]), дошелъ до весьма острой полемики съ реформаторомъ и также долженъ былъ оправдываться отъ обвиненій въ измѣнѣ, указывая на то, что онъ и не приставалъ къ Лютеру. По поводу тѣхъ же отношеній у Эразма произошла серьезная размолвка и съ Гуттеномъ. Да и вообще гуманисты весьма различнымъ образомъ отнеслись къ религіозному движенію или ставши (да и то различнымъ образомъ) на его сторону, какъ это сдѣлали Гуттенъ и Меланхтонъ, помощникъ Лютера въ богословскихъ занятіяхъ, или оставшись (и опять-таки по весьма разнымъ побужденіямъ) въ лонѣ старой церкви и даже сдѣлавшись ея защитниками, какъ Эккъ или самъ Эразмъ, вступившій съ Лютеромъ, впрочемъ, въ болѣе отвлеченную и философскую полемику, или наконецъ занявши нейтральное положеніе и съ грустью смотря на начало „желѣзнаго вѣка", о которомъ говорилъ, напр., поэтъ Эобанъ Гессъ, одинъ изъ видныхъ приверженцевъ эрфуртскаго гуманистическаго кружка, свѣтскій поэтъ, на котораго непріятно дѣйствовала враждебная наукѣ мистическая проповѣдь. Однимъ словомъ, въ эту горячую пору столкнулись между собою весьма различныя умственныя теченія, противоположностямъ коихъ до того времени не было поводовъ проявиться съ такою силою, и каждое направленіе, болѣе или менѣе сильное въ одномъ отношеніи, оказывалось, наоборотъ, слабымъ въ другихъ. Разсматривая Лютера среди этихъ взаимносталкивавшихся идей и стремленій, вовсе не слѣдуетъ дѣлать изъ нихъ только фонъ, на которомъ рельефнѣе выступала бы фигура реформатора, какъ единственнаго человѣка, знавшаго и понимавшаго, что было нужно, не слѣдуетъ изображать его хотя бы и дѣйствительно крупную фигуру, какъ гиганта среди пигмеевъ, какъ генерала лубочныхъ картинокъ, окруженнаго маленькими, шаблонными и взятыми подъ одинъ мазокъ краски солдатиками.

Между тѣмъ многіе историки говорятъ о виттенбергскихъ радикалахъ и цвиккаускихъ пророкахъ, выступившихъ на сцену во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ, лишь для того, чтобы въ болѣе выгодномъ свѣтѣ представить самого Лютера при сравненіи съ ними, хотя онъ и не проигралъ бы ничего при болѣе внимательномъ къ нимъ отношеніи, какъ натура, болѣе уравновѣшенная, разсудительная, трезвая и по другимъ своимъ качествамъ болѣе созданная для всего того, гдѣ требовалось руководить другими, организовать чужія силы, господствовать надъ обществомъ и устанавливать прочные порядки. Привычка, унаслѣдованная отъ старыхъ историковъ, смотрѣть на реформацію главнымъ образомъ, какъ на движеніе, имѣвшее своею за-

---

[1]) Тамъ же, гл. XL.

дачею создать то, чѣмъ сдѣлалась основанная Лютеромъ новая церковь,—сказалась на многихъ авторахъ, лишь мимоходомъ останавливающихся на внѣлютеранскихъ религіозныхъ движеніяхъ: напр., въ этомъ отношеніи особенно характеренъ Гейсеръ, книга коего — все-таки одинъ изъ лучшихъ общихъ обзоровъ реформаціонной эпохи. Протестантское происхожденіе историческихъ взглядовъ на реформацію до сихъ поръ сказывается на томъ, что положительнымъ ея явленіемъ признается лишь ортодоксальный протестантизмъ, по отношенію къ которому сектантство выставляется, какъ явленіе отрицательное, какъ искаженіе реформаціи, а возрожденіе католицизма, происшедшее въ серединѣ XVIвѣка, какъ только католическая реакція, тогда какъ съ точки зрѣнія болѣе общей въ XVI в. было три реформаціи—протестантская, сектантская и католическая [1]), и если вполнѣ правильно говорить о католической реакціи противъ антикатолическихъ движеній, то столь же правильно говорить о протестантской реакціи противъ сектантства и о сектантской реакціи противъ свѣтской культуры, проявившейся въ гуманизмѣ. Какъ бы тамъ ни было, *лютеранская реформація одновременно началась и въ смыслѣ преобразованія старой церкви на новыхъ принципахъ, и въ смыслѣ подавленія другихъ новыхъ принциповъ въ пользу началъ, взятыхъ у старой же церкви*, а роль Лютера въ этомъ отношеніи напоминаетъ намъ поведеніе другихъ крупныхъ историческихъ дѣятелей, бывшихъ и возбудителями, и умѣрителями движенія, каковы, напр., Кромвель въ первой англійской революціи и Мирабо въ революціи французской.

Лютеръ не былъ единственнымъ религіознымъ реформаторомъ: одновременно съ нимъ выступили и другіе, и, напримѣръ, цюрихскій реформаторъ Ульрихъ Цвингли, ровесникъ Лютера (род. 1484), проповѣдовалъ аналогичное его воззрѣніямъ ученіе еще въ 1516 г., т.-е., какъ самъ онъ пояснялъ, еще въ то время, когда самое имя Лютера было неизвѣстнымъ въ его краю, заимствуя свое ученіе прямо изъ слова Божія (eo scilicet tempore, quum Lutheri nomen in nostris regionibus inauditum adhuc erat, doctrinam Christi non a Luthero, sed ex verbo Dei didici); были и другіе реформаторы, заявившіе себя позже, въ родѣ базельскаго Эколампадія. Но настоящимъ мѣсторожденіемъ реформаціоннаго движенія сдѣлался Виттенбергъ, гдѣ у Лютера было много друзей, помощниковъ, сторонниковъ, и почитателей и среди нихъ пылкій и увлекающійся Карльштадтъ, схоластическій профессоръ, ставшій искреннимъ послѣдователемъ Лютера, диспутировавшій въ 1519 г. съ Экkомъ. Въ 1521 г. мы видимъ Карль-

---

[1]) Тамъ же, гл. XXXVIII.

штадта [1]), уже тогда стоявшаго на той точкѣ зрѣнія, съ которой отрицалось все прямо не предписываемое библіей, во главѣ бурнаго религіознаго движенія, овладѣвшаго жителями Виттенберга и получившаго иконоборческій характеръ. Иконоборчество проявлялось не разъ въ реформаціонную эпоху и не въ одной Германіи, такъ какъ почитаніе иконъ и все, что во храмахъ должно было служить украшеніемъ и содѣйствовать пышности богослуженія,—священническія облаченія, свѣчи, церемоніи,—все это объявлялось идолопоклонствомъ,—черта, которую мы позднѣе встрѣчаемъ, напр., въ религіозно-народныхъ движеніяхъ въ Шотландіи и Нидерландахъ, когда тамъ утверждался кальвинизмъ. Виттенбергская народная реформація сдѣлалась прямо цѣлой церковной революціей: вся внѣшность католическаго культа уничтожалась насильственнымъ образомъ, и въ этой разрушительной дѣятельности дѣйствительно было какъ бы только отрицаніе стараго, расчищавшее почву для созиданія новаго, хотя и не на тѣхъ принципахъ, которыя были положены въ основу реформы Лютера. Къ иконоборчеству присоединилась проповѣдь религіозныхъ началъ, въ коихъ индивидуалистическія стремленія самого Лютера, насколько они были присущи его протесту, получали дальнѣйшее развитіе. Въ небольшомъ саксонскомъ городкѣ Цвиккау, находящемся въ Рудныхъ горахъ, возникло именно особое движеніе, источники котораго доселѣ не вполнѣ ясны. Въ городкѣ было много рудокоповъ, суконщиковъ и иного рабочаго люда; среди нихъ происходило, какъ и во многихъ мѣстностяхъ Германіи, демократическое движеніе, и быть можетъ продажа индульгенцій, посредствомъ коихъ богатые могли откупиться отъ грѣховъ, наводила ихъ на мысли неблагопріятныя для церкви, но вѣроятно и то, что движеніе было богемскаго, т.-е. чешскаго, гуситскаго происхожденія. Суконщикъ Николай Шторхъ называется, какъ одинъ изъ первыхъ цвиккаускихъ пророковъ: это былъ человѣкъ, знавшій хорошо св. писаніе и находившійся подъ наитіемъ Св. Духа, какъ думали его приверженцы, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ его краснорѣчивой проповѣди. Къ нему примкнулъ Максъ Штюбнеръ, учившійся въ виттенбергскомъ университетѣ, поклонникъ Лютера, но пошедшій потомъ своей дорогой. Проповѣдники имѣли успѣхъ, и образовалась секта, назвавшаяся впослѣдствіи баптистами, избраннымъ народомъ, новымъ Израилемъ; такъ какъ они требовали, чтобы младенцевъ не крестили, а крестили только взрослыхъ, и многіе изъ нихъ вслѣдствіе этого перекрещивались, то ихъ и назвали перекрещенцами, анабаптистами. Секта эта получила мистическій характеръ: основываясь на новомъ завѣтѣ и принимая ветхій лишь въ видѣ дополненія къ новому, насколько этотъ послѣдній ему не противорѣчилъ, они противопостав-

[1]) Jäger, Andreas Bodenstein von Karlstadt.

ляли этому внѣшнему откровенію, которое „Богъ прямо далъ бы съ неба, если бы хотѣлъ только въ немъ одномъ открыть свою волю",—откровеніе внутреннее, совершающееся въ душѣ свыше озаренныхъ лицъ, и переносили на себя обѣщаніе „Дѣяній апостоловъ", гдѣ ап. Петръ ссылается на предреченное пророкомъ Іоилемъ: „и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа Моего на всякую плоть; и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ. И на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ въ тѣ дни излію отъ Духа Моего, и будутъ пророчествовать" [1]). Эту черту—мистическую вѣру во внутреннее откровеніе и пророческій даръ—мы встрѣчаемъ и у другихъ сектантовъ, между прочимъ среди англійскихъ индепендентовъ XVII вѣка, какъ это мы еще увидимъ: въ этомъ выразился широкій религіозный индивидуализмъ, дѣлавшій каждаго единственнымъ судьею своей совѣсти и мѣшавшій анабаптизму сложиться въ твердо установленную и прочно организованную религіозную систему, въ чемъ нѣмецкихъ анабаптистовъ XVI вѣка опять-таки напоминаютъ англійскіе индепенденты слѣдующаго столѣтія. Уже въ XVI вѣкѣ анабаптисты дробились на четыре десятка сектъ, признававшихъ необходимость возвращенія къ церкви апостольскихъ временъ, вѣры въ милосердіе Божіе, послушанія заповѣдямъ Божіимъ и добрыхъ дѣлъ, безъ коихъ вѣра мертва, и учившихъ, что воля человѣческая свободна, и что потому каждый можетъ вѣрить и думать, какъ хочетъ,—два пункта, въ коихъ они расходились съ Лютеромъ, который развилъ ученіе о томъ, что оправдываетъ человѣка только вѣра и что вѣра дается въ силу дѣйствія на человѣка благодати, зависящей всецѣло отъ божественнаго предопредѣленія, которое въ свою очередь устраняетъ возможность свободной воли (liberum arbitrium), дѣлаетъ необходимымъ лишь servum arbitrium [2]). Въ 1521 г. Шторхъ и его единомышленники подверглись преслѣдованію: нѣкоторыхъ изъ нихъ посадили въ тюрьму, а затѣмъ ихъ изгнали изъ Цвиккау, но это только содѣйствовало распространенію ихъ ученія, такъ какъ изгнанники стали проповѣдовать его въ другихъ мѣстахъ. Однимъ изъ такихъ проповѣдниковъ былъ Ѳома Мюнцеръ [3]), главный герой анабаптизма въ серединѣ двадцатыхъ годовъ. Въ 1521 г. ему было уже около 30 лѣтъ (род. 1490 г.), но онъ еще за нѣсколько лѣтъ передъ

---

[1]) Дѣян. ап., II, 17—18. Прор. Іоиля, II, 28—29.

[2]) Ученіе это было изложено Меланхтономъ въ „Loci communes theologici". По этому поводу Лютеръ полемизировалъ съ Эразмомъ, а дальнѣйшимъ развитіемъ ученія о спасающей вѣрѣ, дѣйствіи благодати и предопредѣленіи была доктрина Кальвина.

[3]) Seidemann. Thomas Münzer.

тѣмъ былъ агитаторомъ, устроивши заговоръ противъ магдебургскаго архіепископа Эрнста II, скончавшагося въ 1513 году, когда онъ самъ былъ еще совершеннымъ юношей. Мюнцеръ былъ человѣкъ непосѣдливый, постоянно мѣнявшій мѣсто жительства и родъ занятій. Достигши въ 1515 г. степени magistri artium и баккалавра теологіи, онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ, пока въ 1520 г. не получилъ мѣсто проповѣдника въ одной изъ цвиккаускихъ церквей; здѣсь онъ сразу обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ жителей, особенно простого народа и преимущественно своими рѣзкими нападками на монаховъ. Съ послѣдними у него дѣло дошло до ожесточеннаго спора, по поводу котораго онъ обращался къ Лютеру за совѣтомъ. За тѣмъ у него произошло, все въ томъ же 1520 г., столкновеніе съ проповѣдникомъ, пользовавшимся благосклонностью мѣстной аристократіи, Іоанномъ Виденауеромъ: въ это время обнаружился демократическій характеръ соціальныхъ воззрѣній Мюнцера, за что онъ былъ отставленъ отъ своей должности городскими властями. Сблизившись съ Николаемъ Шторхомъ и суконщиками, Мюнцеръ вмѣстѣ съ другими агитаторами былъ изгнанъ изъ города, когда въ Цвиккау начались опасныя волненія, уже совсѣмъ проникнутый идеями не только церковной реформаціи, но и полнаго общественнаго переустройства, въ религіозномъ же вопросѣ стоя на точкѣ зрѣнія внутренняго откровенія и увѣренный въ собственномъ своемъ пророческомъ предъизбраніи. Цвиккаускіе пророки явились въ Виттенбергѣ, гдѣ проповѣдь ихъ съ значительнымъ соціальнымъ оттѣнкомъ произвела сильное впечатлѣніе среди антикатолическаго движенія, руководимаго Карльштадтомъ, который самъ до извѣстной степени подпалъ подъ вліяніе Мюнцера. Движеніе приняло крайне фанатическій характеръ, и рядомъ съ католическою внѣшностью стали преслѣдоваться свѣтская наука, признанная за излишнее и мертвое дѣло, общественныя удовольствія, богатство, раздѣлъ котораго между бѣдными сталъ требоваться во имя евангелія. Власти, образованные люди и имущіе классы растерялись. Меланхтонъ колебался, спрашивая себя, не исходитъ ли духъ пророковъ дѣйствительно отъ Бога, а Фридрихъ Мудрый говорилъ, что онъ не можетъ понять этого великаго вопроса, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, но что скорѣе онъ готовъ былъ бы взять въ руку посохъ и удалиться, чѣмъ сознательно противиться волѣ Божіей.

Лютеръ жилъ, какъ было сказано, въ Вартбургѣ, когда все это произошло въ Виттенбергѣ. Не смотря на папское проклятіе и имперскую опалу, онъ рѣшился ѣхать въ Виттенбергъ и въ отвѣтъ на предостереженія курфюрста относительно непріязни къ нему герцога саксонскаго Георга писалъ ему, что будь въ Лейпцигѣ (резиденціи герцога) дѣла въ томъ же положеніи, какъ и въ Виттенбергѣ, онъ

и туда поѣхалъ бы, „хотя бы тамъ девять дней шелъ дождь изъ герцоговъ Георговъ и каждый былъ бы въ девять разъ свирѣпѣе этого“: такъ сильно задѣли Лютера виттенбергскія безпорядки. Цѣлую недѣлю проповѣдовалъ онъ противъ Карльштадта и цвиккаускихъ пророковъ, и авторитетъ его былъ такъ великъ, что ему удалось успокоить городъ, конечно, при содѣйствіи власти и университета, который, наприм., запретилъ одну книгу Карльштадта. И въ этомъ дѣлѣ Лютеръ проявилъ большой героизмъ, тѣмъ болѣе, что, уѣзжая въ Виттенбергъ, онъ смѣло писалъ самому курфюрсту, что не считаетъ его курфюршескую милость человѣкомъ, который могъ бы защищать или спасти его. Это показываетъ, что Лютеръ не изъ малодушія и трусости отказывался отъ движенія съ политическимъ и соціальнымъ характеромъ: это было дѣло его убѣжденія, но и цвиккаускіе пророки были также люди убѣжденія, а въ 1522 г. они убѣдились именно въ томъ, что имъ нечего было расчитывать на Лютера и на властей, — къ которымъ цвиккаускіе пророки тоже обращались съ воззваніями о реформѣ церкви въ своемъ духѣ,—и они понесли свою проповѣдь къ давно уже волновавшимся крестьянамъ, у коихъ и имѣли большой успѣхъ.

Виттенбергскіе безпорядки 1521—1522 года и были началомъ реформаціоннаго движенія въ народныхъ массахъ, движенія, подготовлявшагося уже ранѣе, преимущественно въ крестьянскихъ бунтахъ, которые давно происходили то здѣсь, то тамъ. Само событіе это было возможно только при томъ возбужденіи, какое господствовало во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго народа, и не будь Лютера съ его религіозною реформою, общія условія времени и безъ него породили бы тѣ смуты, которыя произошли во всей Германіи въ слѣдующіе за началомъ реформаціи годы: въ нѣмецкомъ народѣ *существовали всѣ данныя для возникновенія сектантства съ мистическимъ и соціальнымъ характеромъ*, и анабаптизмъ, соединившій въ двадцатыхъ годахъ подъ своимъ знаменемъ значительную часть возставшихъ крестьянъ, а въ тридцатыхъ собравшій въ Мюнстеръ массу недовольныхъ существовавшими порядками для основанія въ этомъ городѣ „Новаго сіонскаго царства“, былъ не искаженіемъ реформаціи Лютера, а совершенно самостоятельнымъ явленіемъ, выросшимъ на одной почвѣ съ лютеранизмомъ, хотя, такъ сказать, и питавшимся изъ нея другими соками, нежели тѣ, которые дали вырасти и окрѣпнуть реформаціи Лютера.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. такимъ образомъ стояли другъ противъ друга два взаимно враждебныя направленія, одинаково объявившія войну католицизму: библейская реформація, породившая то, что позднѣе получило названіе протестантизма, и мистическое сектантство. Въ то же время проявилось впервые, хотя и въ слабой степени религіозное вольномысліе, которому суждено было играть равнымъ образомъ не малую

роль въ культурной исторіи Запада. Намъ еще подробнѣе придется говорить о Михаилѣ Серветѣ (1509—1556) и Фавстѣ Социнѣ (1539—1604), двухъ наиболѣе крупныхъ антитринитаріяхъ XVI в., называемыхъ такимъ именемъ, какъ люди, отрицавшіе троичность Божества и божественность Іисуса Христа, но тутъ умѣстно упомянуть, что ранній антитринитаризмъ зародился въ анабаптизмѣ. Нѣкоторые сектанты въ своей критикѣ „человѣческихъ измышленій" въ религіи пошли далѣе Лютера и другихъ реформаторовъ и стали нападать на основные догматы христіанства, приложивъ раціоналистическія толкованія къ ученію о св. Троицѣ и ея второй ипостаси. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Вюртембергѣ былъ казненъ Конрадинъ Бассенъ за отрицаніе богочеловѣчества Христа. Около того же времени въ самомъ Виттенбергѣ явился проповѣдникъ Іоаннъ Кампанъ, вмѣшавшійся сначала въ споръ Лютера съ Цвингли о таинствѣ причащенія и начавшій вскорѣ говорить противъ догмата о троичности Божества. Жизнь Кампана была полна приключеній: ему пришлось сидѣть въ тюрьмѣ, спасаться бѣгствомъ, ѣздить на разные съѣзды, вызывая богослововъ на диспутъ. Его ученіе, которое онъ огласилъ въ печати („Возстановленіе и исправленіе божественнаго и священнаго Писанія", 1532 г.) весьма характерно для ранняго антитринитаризма. Въ св. писаніи, говорилъ онъ, сказано, что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему („сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію") и прибавлено: „мужа и жену сотворилъ ихъ", т.-е. создалъ не просто человѣка, а человѣка-супружество, два лица въ одномъ человѣкѣ. Адамъ и Ева — одинъ человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, значитъ и въ Богѣ два лица, хотя Богъ и одинъ; и Христосъ сказалъ по этому: „Азъ и Отецъ едина есма". Духъ же Св., училъ Кампанъ, не есть особое лицо Бога: это общая природа, общая сущность Отца и Сына и проявленіе обоихъ въ человѣкѣ. Затѣмъ равенство Сына съ Отцомъ онъ отрицалъ: Сынъ рожденъ, сотворенъ и созданъ изъ существа Отца, онъ его служитель, посланникъ и вѣстникъ. Кампанъ, выступившій и какъ общественный агитаторъ, былъ наконецъ посаженъ въ темницу, гдѣ и умеръ. Въ Страсбургѣ такая же судьба постигла Мельхіора Гофмана, которому анабаптисты предложили устроить здѣсь „новое царство Христово". И онъ отрицалъ божественность Іисуса Христа и искупительное значеніе его крестной смерти. Антитринитаріи Лютеромъ были осуждены. Въ диспуты съ ними онъ сначала не вступалъ, не опровергалъ ихъ ученіе богословской полемикой, а только указывалъ на нихъ свѣтской власти, какъ на людей опасныхъ. Лишь успѣхъ позднѣйшаго антитринитарія Сервета заставилъ его приняться и за богословскую полемику.—Нужно прибавить, что и въ Швейцаріи анабаптистское дви-

женіе породило отдѣльные случаи антитринитаризма. Одинъ изъ первыхъ послѣдователей Цвингли, Людвигъ Гетцеръ, очень скоро перешелъ на сторону анабаптистовъ и долженъ былъ покинуть Цюрихъ, но потомъ снова перешелъ не надолго на сторону Цвингли: встрѣча съ анабаптистомъ Іоанномъ Денкомъ, человѣкомъ не безъ значительнаго образованія, снова возвратила его сектѣ. Гетцеръ и Денкъ вмѣстѣ странствовали, распространяя свое ученіе; вмѣстѣ же они исполнили переводъ еврейскихъ пророческихъ книгъ. Денкъ умеръ въ 1528 г., а Гетцеръ черезъ годъ былъ обезглавленъ въ Констанцѣ за нецѣломудренную жизнь. По ученію Денка существуетъ два откровенія, причемъ внѣшнее откровеніе, т.-е. св. писаніе, имѣетъ второстепенное значеніе; Христосъ не искупитель, а только примѣръ, коему мы должны слѣдовать. Затѣмъ у него мы встрѣчаемся прямо съ пантеистическими взглядами. Гетцеръ былъ также антитринитаріемъ, и свои воззрѣнія на этотъ предметъ онъ такъ формулировалъ въ одномъ стихотвореніи:

„Ich bin allein der einig Gott,
Der one Gehylft alle Dinge beschaffen hat.
Frags du, wie viel meiner sey?
Ich bin's allein, meiner sind nit Drey“.

VIII. Рыцарское возстаніе.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на соціально-политическое движеніе 1522—1525 гг.?— Взаимныя отношенія рыцарскаго возстанія и крестьянской войны. — Памфлеты и поведеніе Гуттена послѣ вормскаго сейма.—Причины рыцарскаго возстанія.— Францъ фонъ Зиккингенъ. — Рыцарскій союзъ 1522 г. — Планы Зиккингена.— Нападеніе на Триръ. — Побѣда князей надъ рыцарями.— Общій взглядъ на рыцарское движеніе.

Современникамъ Лютера весьма естественно было поставить въ причинную связь его отпаденіе отъ церкви и проповѣдь новыхъ религіозныхъ началъ, съ одной стороны, и тѣ смуты, которыя произошли въ Германіи въ годы, слѣдующіе за вормскимъ сеймомъ, съ другой. Враги и противники Лютера не по однимъ только полемическимъ побужденіямъ утверждали, что волненія и возстанія были произведены дерзкими воззваніями и поступками виттенбергскаго „еретика“, да и самъ онъ и сторонники его готовы были признавать въ томъ, что вокругъ нихъ происходило и чего они равнымъ образомъ не одобряли, лишь искаженное продолженіе того, что было начато самимъ Лютеромъ, т. е. ту же реформацію церкви, только вышедшую изъ своихъ границъ и тѣмъ самымъ начавшую вредить правому дѣлу. И когда новые историки говорятъ

о томъ, что Лютеръ спасъ реформацію отъ опасности, которая ей грозила отъ нея самой, и спасъ тѣмъ, что указалъ ей на ея настоящія границы, и здѣсь слышится отголосокъ мнѣнія, по которому ходъ исторіи въ эту эпоху сводится къ слѣдующему: порча церкви вызвала необходимость реформы; явился Лютеръ и показалъ, какъ нужно провести реформу; его мысль многіе не поняли и вооружились противъ него, а другіе поняли не такъ, какъ слѣдуетъ и вышли изъ границъ, намѣченныхъ реформаторомъ, пожелавъ идти дальше его въ дѣлахъ церковныхъ и, кромѣ того, примѣнить новыя начала къ общественной жизни; это была ихъ ошибка, и Лютеръ возвратилъ реформу на ея настоящую дорогу. Такой взглядъ обнаруживается даже теперь, когда намъ совершенно ясно, что рыцарское и крестьянское движенія имѣли свои самостоятельныя причины внѣ церковной реформы.

Изслѣдуя крупныя историческія движенія, наука должна обращать особое вниманіе на тѣ соціальныя силы, которыя принимаютъ въ движеніи наибольшее участіе: рыцарское и крестьянское возстанія въ Германіи, совершившись одно отдѣльно отъ другого, показываютъ намъ ясно, что помимо тѣхъ причинъ, которыя заставляли всѣ общественные классы объединиться подъ знаменемъ религіозной реформаціи, хотя ея окончательная формула не была еще найдена, у отдѣльныхъ соціальныхъ элементовъ существовали свои особыя причины для того, чтобы принять участіе въ движеніи и выставить свои собственныя программы. У націи, какъ цѣлаго, всегда есть свои традиціи и интересы, но въ то же время нація раздѣляется на отдѣльные общественные слои съ своими собственными преданіями и стремленіями, а потому одно и то же національное движеніе не одинаково и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ захватываетъ отдѣльные сословія и классы, такъ что подъ движеніемъ общимъ, имѣющимъ характеръ не суммы частныхъ движеній, а нераздѣльнаго движенія цѣлой націи, совершаются еще движенія частныя, нерѣдко противоположныя одно другому и потому неспособныя слиться вмѣстѣ. Въ національной оппозиціи Риму всѣ были болѣе или менѣе солидарны между собою; соціальная оппозиція свѣтскаго общества клиру равнымъ образомъ объединяла въ одномъ стремленіи всѣ сословія, хотя въ силу неодинаковости причинъ недовольства духовенствомъ въ отдѣльныхъ классахъ общества послѣднія могли и ожидать отъ реформаціи не одного того же, когда дѣло шло о преобразованіяхъ, касавшихся духовнаго сословія и его положенія въ обществѣ. Но на этомъ дѣло не кончалось, и такъ какъ помимо „порчи церкви“ нѣмецкій народъ тяготился и своими политическими порядками, то должно было произойти политическое движеніе, подготовлявшееся задолго до выступленія Лютера. Тутъ опять были стороны дѣла, которыя можно разсматривать, какъ характеризующія дви-

женія въ цѣломъ, и стороны, наоборотъ, отражавшія на себѣ недовольство тѣхъ или другихъ общественныхъ классовъ, даже не бывшихъ способными дѣйствовать сообща. Общимъ стремленіемъ всѣхъ политически-недовольныхъ было, какъ мы видѣли, преобразовать государство на началахъ объединенія подъ одною властью съ ослабленіемъ значенія князей, но затѣмъ программы расходились, и *возстанія рыцарей и крестьянъ совершились отдѣльно одно отъ другого*, побитыя, каждое отдѣльно же, князьями, первое, приводя мѣткое замѣчаніе одного историка, какъ возстаніе офицеровъ, у которыхъ не было солдатъ, другое — какъ возстаніе рядовыхъ, не имѣвшихъ офицеровъ. Послѣднее явленіе не было случайностью, ибо не могло быть солидарнаго дѣйствія двухъ сословій, между коими существовалъ рѣзкій антагонизмъ. Причины крестьянской войны лежали въ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ сельскаго населенія и землевладѣльческаго класса, т.-е. и князей, и клира, и рыцарей: господа угнетали земледѣльцевъ, и послѣдніе во время своего возстанія не дѣлали различія между духовными и свѣтскими, крупными и мелкими владѣльцами. Лишь отдѣльныя личности стремились объединить оба сословія,—даже всѣ общественные классы, т.-е. включая сюда и города,—въ одномъ совокупномъ дѣйствіи, придать движенію болѣе широкій характеръ, лишить отдѣльныя возстанія односторонне-сословнойо краски и сгладить классовый антагонизмъ. Такимъ лицомъ въ рыцарскомъ движеніи былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, въ крестьянскомъ Вендель Гиплеръ, о которомъ рѣчь еще впереди, но ихъ программы болѣе широкаго и общаго характера далеко не были приняты всѣми въ томъ или другомъ сословіи, а къ этому присоединилось еще то, что и среди крестьянства не было единства дѣйствія, такъ что, наприм., требованія крестьянъ, принявшихъ программу съ лютеранскою окраскою, были совершенно иными, нежели у той части возставшихъ, которая находилась подъ вліяніемъ анабаптистовъ. Однимъ словомъ, *общественное движеніе съ самаго начала пошло въ разбродъ, тогда какъ князья, противъ коихъ оно совершалось, дѣйствовали солидарно*, оставшись въ Германіи единственню высшей властью въ отсутствіи молодого императора, который въ это время велъ свою первую войну съ французскимъ королемъ.

Надежды, возлагавшіяся на Карла V патріотами, исчезли послѣ вормскаго сейма, и мы уже видѣли, что Ульрихъ фонъ-Гуттенъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ 1521 г. влагаетъ Францу фонъ-Зиккингену въ уста слова, что онъ-де не прочь пойти по стопамъ Жижки, если добромъ не удастся устроить дѣло: этотъ памфлетъ кончается заявленіемъ Зиккингена, что онъ предприметъ что-нибудь рѣшительное, и что у него есть и помощникъ недурной — Гуттенъ.

Вскорѣ Гуттенъ написалъ еще одинъ памфлетъ подъ названіемъ „Разбойники“, любопытный по сдѣланной въ немъ характеристикѣ внутренняго состоянія Германіи. Въ памфлетѣ этомъ Зиккингенъ и самъ Гуттенъ ведутъ разговоръ съ прикащикомъ банкирскаго дома Фуггеровъ, обозвавшимъ рыцарей разбойниками, что даетъ поводъ Зиккингену распредѣлить всѣхъ разбойниковъ, существующихъ въ Германіи, на четыре класса, причемъ грабители на большихъ дорогахъ признаются имъ еще не за самыхъ важныхъ: важнѣе ихъ купцы,—а самые скверные изъ нихъ Фуггеры,—потомъ идутъ юристы, и наконецъ самые худшіе—духовные. Противъ этихъ-то худшихъ разбойниковъ Зиккингенъ считаетъ нужнымъ дѣйствовать, но удерживаетъ пылкаго Гуттена, желающаго не откладывать дѣла: старшій рыцарь замѣчаетъ, что ждать долго не придется, ибо Лютеръ и Гуттенъ уже достаточно взбудоражили Германію, и рыцари протягиваютъ бюргеру руку. Въ „Новой пѣснѣ“ Гуттенъ приглашаетъ идти за собою и рыцаря, и ландскнехта, а по окончаніи вормскаго сейма онъ сдѣлалъ даже попытку вооруженнаго нападенія на папскаго нунція Алеандра, когда тотъ ѣхалъ изъ Вормса, что было только началомъ цѣлаго ряда подобныхъ подвиговъ противъ духовныхъ проѣзжихъ, которыхъ Гуттенъ по-рыцарски грабилъ на дорогахъ, — черта сословныхъ нравовъ, оставшаяся въ гуманистѣ. Въ то же время онъ продолжаетъ писать свои зажигательные памфлеты, стремясь объединить въ борьбѣ съ духовенствомъ и князьями уже всѣ сословія. Прежде всего въ „Плачѣ о свободѣ нѣмецкихъ городовъ“ онъ выдвигаетъ идею союза „бѣднаго дворянства“ съ городами: царство тиранновъ одинаково давитъ дворянъ и города; эти тиранны одни выдвинулись впередъ, „пожираютъ бѣдное дворянство и ежедневно ищутъ путей и способовъ, чтобъ ни одинъ городъ не оставался свободнымъ (dass je bei Freiheit bleib kein Stadt)“, такъ какъ они только о томъ и думаютъ, чтобы отнять нѣмецкую свободу; отсюда выводъ — необходимость соединиться городамъ съ дворянствомъ, ибо, прибавляетъ Гуттенъ, „нѣтъ никакого иного лѣкарства, которое освободило бы насъ отъ нашего недуга“. Тогда же, въ 1522 г., Гуттенъ написалъ и своего „Neu Karsthans“, воспользовавшись кличкою, данною мужику. Въ этомъ стихотворномъ діалогѣ Карстгансъ, крѣпостной духовенства, жалуется на претерпѣваемыя имъ притѣсненія и грозитъ припомнить всѣ обиды, когда дѣло дойдетъ до расчета, котораго и ждать крестьяне не стали бы, былъ бы у нихъ только вождь. Собесѣдникомъ его Гуттенъ выводитъ Зиккингена, который соглашается въ неизбѣжности возстанія, но выражаетъ опасеніе, что народъ не съумѣетъ отличить праваго отъ виноватаго. Карстгансъ ему на это возражаетъ, что крестьяне собираются пригласить его въ свои вожди, но Зиккингенъ отвѣчаетъ, что не можетъ ска-

зать, принялъ ли бы онъ на себя начальство, прибавивъ, впрочемъ, что согласенъ съ мыслью о необходимости союза между рыцарями и крестьянами. Такимъ образомъ въ идеѣ Гуттена союзъ дворянства съ городами дополнялся союзомъ рыцарей съ крестьянами, но демократическій радикализмъ Гуттена совершенно не подходилъ къ тогдашнему нѣмецкому обществу, въ которомъ дворянство, бюргерство и крестьянство слишкомъ рѣзко отдѣлялись одно отъ другого. Гуттену не пришлось, однако, участвовать въ возстаніи Зиккингена, начавшемся еще въ 1522 г., по причинамъ, мало выясненнымъ (повидимому, по болѣзни), но вскорѣ послѣ того, какъ надъ Зиккингеномъ разразилась катастрофа, Гуттенъ, изгнанный изъ Базеля (здѣсь у него вышла цѣлая исторія съ Эразмомъ, съ коимъ онъ вступилъ въ полемику), вынужденный бѣжать изъ Мюльгаузена и нашедшій наконецъ пріютъ въ Цюрихѣ, гдѣ онъ сошелся съ Цвингли, написалъ противъ князей, побѣдившихъ Зиккингена, страстный памфлетъ („Противъ тиранновъ"), бывшій его лебединою пѣсней, такъ какъ онъ скончался въ одномъ году съ Зиккингеномъ, отразивъ на своей бурной жизни всѣ движенія эпохи, въ томъ числѣ и рыцарское, съ которымъ такъ тѣсно и неразрывно связано имя Зиккингена [1]).

Чего же хотѣлъ Зиккингенъ и возставшіе подъ его начальствомъ рыцари?

Общія причины рыцарскаго возстанія заключались въ недовольствѣ сословія, начавшаго борьбу, своимъ положеніемъ. По мѣрѣ возвышенія княжеской власти мелкіе феодальные элементы утрачивали свои права, и имперскому рыцарству приходилось опасаться, чтобы не попасть въ полную зависимость отъ князей, какъ это случилось съ земскимъ дворянствомъ отдѣльныхъ княжествъ. Такихъ рыцарей, которые еще стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору, т. е. не были княжескими подданными, было особенно много на западѣ Германіи, и они-то явились противниками развитія земскаго верховенства князей. Между тѣмъ и послѣдніе имѣли поводы быть недовольными рыцарствомъ, такъ какъ отъ этого сословія, отличавшагося большимъ своеволіемъ, очень терпѣлъ тотъ самый земскій миръ, о которомъ особенно заботились въ Германіи въ эту эпоху: учрежденія 1495 года, имѣвшія цѣлью охрану земскаго мира, были не особенно пріятны рыцарямъ, тѣмъ болѣе, что князья дѣлались главными блюстителями новаго порядка. Между прочимъ князья видѣли, что если каждый имперскій рыцарь самъ по себѣ не представлялъ большой опасности, то нельзя было такъ смотрѣть на рыцарскіе союзы: мы знаемъ, что запрещеніе послѣднихъ было даже однимъ изъ условій, предъявленныхъ

[1]) Ullmann. Franz von Sickingen.

Карлу V избирательной капитуляціей. Во всемъ этомъ рыцари видѣли умаленіе своихъ правъ и очень волновались; при томъ же и экономическое положеніе сословія было не блестящее: его представители вели хозяйство плохо; ихъ земли дробились вслѣдствіе естественнаго размноженія членовъ сословія и обезцѣнивались, благодаря тому, что промышленность и торговля давали лучшіе доходы, чѣмъ сельское хозяйство да и прежнія крестьянскія повинности въ эпоху общаго подъема цѣнъ не могли соотвѣтствовать возраставшимъ потребностямъ, тѣмъ болѣе, что рыцарство, въ образѣ жизни мало чѣмъ отличавшееся прежде отъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, теперь начало гнаться за богатымъ бюргерствомъ, за князьями, при дворахъ у которыхъ многіе рыцари состояли на службѣ, но къ роскоши которыхъ большею частью относились съ завистью [1]). Возникалъ своего рода дворянскій пролетаріатъ, и многіе члены сословія предпочитали разбой работѣ, бывшей ниже ихъ благороднаго достоинства, но ни къ кому не относились они съ такою непріязнью, никого съ такимъ сознаніемъ своего права они не считали возможнымъ грабить, какъ богатыхъ монаховъ и вообще духовныхъ: въ этомъ отношеніи даже Ульрихъ фонъ-Гуттенъ не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Антагонизмъ между дворянствомъ и духовенствомъ — явленіе довольно обычное въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ реформаціонную эпоху [2]): отношеніе имперскаго рыцарства къ духовенству было лишь частнымъ случаемъ этого болѣе общаго явленія. Итакъ, *князья и духовные были главными врагами рыцарства и духовные князья, болѣе, чѣмъ кто бы то ни было между тѣми и другими*: запрещеніе рыцарскихъ союзовъ условіями избранія Карла V, хотя оно касалось прямо только княжескихъ рыцарей, и начало національнаго движенія противъ католицизма должны были произвести весьма сильное броженіе среди сословія, многіе члены котораго только-что участвовали въ походѣ подъ начальствомъ Франца фонъ-Зиккингена противъ „тиранна“, герцога Ульриха Вюртембергскаго (1519 г.).

Францъ фонъ Зиккингенъ предводительствовалъ и возстаніемъ 1522 года. Этотъ рыцарь, съ которымъ Гуттенъ сблизился во время только-что упомянутаго похода, не принадлежалъ къ числу людей, получившихъ систематическое образованіе, но это былъ человѣкъ бывалый, энергичный, храбрый, весьма вліятельный среди членовъ своего сословія и вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ, несомнѣнно одаренный всѣми главными способностями организатора. Ему не могли быть близки культурные и общественные интересы, заставлявшіе Гуттена

---

¹) См. т. I, гл. XV и XIX.
²) Тамъ же, гл. XVII.

бросаться въ литературную, религiозную и общественную борьбу, такъ какъ Гуттенъ, по собственнымъ его словамъ („Оправданiе“) получилъ такой нравъ отъ Бога, что ему и съ большею болью и глубже, чѣмъ другимъ, проникало въ душу общее страданiе“, но онъ раздѣлялъ всѣ воззрѣнiя и стремленiя своего сословiя, среди коего еще до 1522 г. занималъ выдающееся положенiе. Зиккингенъ былъ солдатъ, участвовавшiй во многихъ войнахъ, и рыцарство охотно становилось подъ его знамена, подъ которыя охотно же шли и простые ландскнехты, и всякаго званiя люди. Переходная эпоха отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени въ исторiи военнаго быта характеризуется паденiемъ старыхъ феодальныхъ ополченiй и лишь первыми шагами въ образованiи постоянныхъ армiй, но главнымъ образомъ кондотьерствомъ, которое получило особое развитiе въ Италiи [1]). Въ Германiи старыя вассальныя дружины пришли въ упадокъ, а постояннаго имперскаго войска не образовалось, такъ какъ князья этому противились, опасаясь усиленiя императора, между тѣмъ потребность въ войскѣ была и этимъ создавались условiя, благопрiятныя для развитiя кондотьерства: припомнимъ въ эпоху тридцати-лѣтней войны роль Валленштейна. Францъ фонъ-Зиккингенъ былъ чѣмъ-то среднимъ между средневѣковымъ рыцаремъ и кондотьеромъ въ родѣ Валленштейна, явившагося на историческую сцену столѣтiемъ спустя и тоже въ смутную эпоху, которая тогда переживалась Германiей. Зиккингенъ смотрѣлъ еще на себя, какъ на слугу имперiи, и служилъ Максимилiану I въ его войнахъ, что однако не мѣшало ему служить и Франциску I, золото котораго онъ однако отвергъ, когда тотъ, ставя свою кандидатуру на императорскiй престолъ, хотѣлъ расположить влiятельнаго рыцаря въ свою пользу. Другими рыцарскими чертами были у Зиккингена ненависть къ князьямъ, духовнымъ и горожанамъ и привычка по собственному произволу прибѣгать къ мечу для защиты праваго дѣла или того, что онъ признавалъ таковымъ, хотя подобный рыцарскiй самосудъ считался простымъ разбойничествомъ и со стороны князей, и со стороны горожанъ, да и самъ Зиккингенъ дѣйствительно не забывалъ о своихъ интересахъ, когда выступалъ въ роли карателя виновныхъ. Намъ не разъ ужъ приходилось видѣть, что Ульрихъ фонъ-Гуттенъ прочилъ Зиккингена въ вожди возстанiя, которому онъ все болѣе и болѣе придавалъ въ своихъ памфлетахъ характеръ общенароднаго дѣла, совѣтуя соединиться вмѣстѣ рыцарямъ, городамъ и крестьянству

Лѣтомъ 1522 г. Францъ фонъ-Зиккингенъ устраиваетъ рыцарскiй съѣздъ въ Ландау, гдѣ заключается съѣхавшимися союзъ (der Ritterschaft brüderliche Vereinigung), условiя котораго остаются не

---

[1]) Тамъ же, гл. XXI.

вполнѣ ясными, не смотря на существованіе союзнаго документа (Bundesbrief), равно какъ неясны и побудительныя причины того, что именно въ это время Зиккингенъ пригласилъ рыцарей на собраніе. Если только не было тайныхъ статей договора, имѣвшаго цѣлью обезпеченіе сословныхъ правъ, союзъ вовсе не былъ направленъ противъ князей: по крайней мѣрѣ, обязываясь не воевать другъ съ другомъ (прекратить Fehde), а по всѣмъ недоразумѣніямъ обращаться къ суду, союзники дѣлали исключеніе для княжескихъ рыцарей на случай войны между ихъ князьями, такъ какъ тогда рыцарямъ послѣднихъ участвовать въ войнѣ не возбранялось подъ условіемъ щадить имѣнія противной стороны и по окончаніи войны возобновлять союзъ. Затѣмъ былъ устроенъ комитетъ, въ составъ коего входили Зиккингенъ и 12 рыцарей, такъ сказать, для веденія дѣлъ союза: во всѣхъ важныхъ случаяхъ они должны были обращаться по мѣсту жительства къ ближайшимъ рыцарямъ и спрашивать ихъ совѣта. Разъ въ году предполагались общіе съѣзды съ обязательствомъ являться на нихъ всѣмъ участникамъ союза и съ подчиненіемъ отсутствующихъ принятымъ рѣшеніямъ. Если поставить вопросъ, противъ кого видимо былъ направленъ союзъ, то придется указать на прелатовъ, такъ какъ только ихъ не допускали рыцари въ члены союза, открывъ доступъ въ него и князьямъ, буде они пожелали бы къ нему примкнуть, (а также и городамъ). Есть однако указаніе на то, что въ существѣ дѣла союзъ не особенно благоволилъ къ княжеской власти: союзники не должны были обращаться ни къ княжескимъ судамъ, ни къ имперскому верховному суду, члены коего назначались князьями, но обязывались подъ страхомъ удаленія изъ союза обращаться къ своему третейскому разбирательству безъ всякой аппелляціи въ имперскій судъ.

Союзъ заключался на шесть лѣтъ, срокъ слишкомъ малый для крупнаго предпріятія и слишкомъ длинный для достиженія какой-либо временной цѣли. Были ли при этомъ тайныя статьи, принимаемыя нѣкоторыми историками (напр. Янсеномъ) на основаніи ходившихъ тогда слуховъ и въ виду того, что походъ на трирскаго архіепископа начался очень скоро послѣ съѣзда въ Ландау (въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ, августѣ), или слѣдуетъ тутъ различать, какъ дѣлаетъ Ульманъ, планы рыцарей отъ плановъ самого Зиккингена, что весьма вѣроятно, несомнѣнно одно то, что за съѣздомъ въ Ландау весьма быстро начался походъ, въ коемъ однако участвовали далеко не всѣ тѣ рыцари, которые пріѣзжали въ Ландау и договаривались между собою. Нужно еще замѣтить, что формальное заключеніе союза должно было наступить черезъ десять недѣль, и что Зиккингенъ передъ походомъ не созывалъ новаго собранія. Что касается до самой цѣли нападенія на трирскаго архіепископа, то и тутъ многое остается неяс-

нымъ: враги Зиккингена обвиняли его въ стремленіи создать себѣ самостоятельное княжество на границахъ Германіи и Франціи, а то, что приписываетъ ему Гуттенъ въ своихъ памфлетахъ, въ большинствѣ случаевъ выражаетъ собственныя желанія Гуттена, и только, пожалуй, заявленіе Зиккингена, что онъ намѣренъ идти по стопамъ Жижки, отобравшаго у монаховъ и духовныхъ земли, заслуживаетъ вниманія. Затѣмъ извѣстно, что съ архіепископомъ-курфюрстомъ у Зиккингена были личные счеты, и что еще въ 1521 г. онъ началъ вербовать войско, выставляя предлогомъ войну императора съ французскимъ королемъ. Нападеніе свое на архіепископа Зиккингенъ мотивировалъ своимъ желаніемъ открыть слову Божію двери, крѣпко запертыя архіепископомъ, во владѣніяхъ коего дѣйствительно началось религіозное броженіе, соединившееся и съ выраженіями неудовольствія на его правленіе. Зиккингенъ даже называлъ въ воззваніи свое ополченіе рыцарями креста противъ враговъ евангелія. Начавъ походъ съ небольшими силами (maximum съ 15 тысячами, изъ коихъ 10 тысячъ было пѣхоты), онъ, повидимому, расчитывалъ, что къ главному отряду постепенно присоединятся другіе рыцари, что подданные архіепископа окажутъ ему поддержку, что курфюрстъ будетъ застигнутъ врасплохъ, а сосѣди ему не помогутъ, такъ какъ курфюрстъ пфальцскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Зиккингеномъ и послѣдній надѣялся на его нейтралитетъ, майнцскій архіепископъ былъ товарищъ ненадежный, а кельнскій (Германъ фонъ-Видъ)— кабинетный теологъ, совсѣмъ не интересовавшійся мірскими дѣлами. Быть можетъ, захватъ трирскаго архіепископства долженъ былъ быть лишь началомъ болѣе крупнаго переворота, но Зиккингенъ ошибся въ расчетахъ и долженъ былъ встрѣтиться съ союзомъ князей, встревоженныхъ предпріятіемъ, тѣмъ болѣе, что на его вождя они уже давно косились, такъ какъ не въ первый разъ онъ начиналъ враждебныя дѣйствія не только противъ имперскихъ городовъ, но и противъ князей, въ числѣ коихъ былъ ландграфъ Филиппъ Гессенскій, подвергавшійся раньше нападенію съ его стороны: уже по поводу этого его поступка трирскій архіепископъ предостерегалъ другихъ князей противъ Зиккингена. На первыхъ порахъ онъ имѣлъ успѣхъ, объявляя, что онъ идетъ на „врага Бога, императорскаго величества и порядка имперіи“ и что походъ совершается „во имя императора“, но осторожный архіепископъ, знавшій своего противника и ожидавшій бѣды отъ съѣзда въ Ландау, приготовился заранѣе къ оборонѣ. Осада Трира не удалась, особенно когда курфюрстъ пфальцскій и Филиппъ Гессенскій пришли на помощь къ архіепискому, и предводителю рыцарей пришлось изъ наступленія перейти въ оборонительное положеніе, имѣя опорными пунктами сначала два замка Эбернбургъ и Ландштуль, а потомъ только одинъ

Ландштуль, который онъ долженъ былъ наконецъ сдать князьямъ, самъ будучи смертельно раненымъ, послѣ чего онъ и скончался въ присутствіи князей побѣдителей (май 1523 г.).

Побѣда была полная, и ею князья воспользовались, чтобы сломить рыцарей и уничтожить ихъ союзы. Среди возставшихъ популярна была мысль о возстановленіи старины, когда Германія была едина подъ властью императора, окруженнаго рыцарствомъ, и князья еще не подымались такъ высоко, но императоръ въ это время отсутствовалъ изъ Германіи, князья оказались солидарными, а союзниковъ у рыцарей не нашлось, хотя не только Ульрихъ фонъ-Гуттенъ мечталъ о болѣе широкомъ союзѣ (да и то пришедши къ этой мысли не сразу), но даже и Зиккингену приписывали намѣреніе соединиться съ крестьянами: по крайней мѣрѣ, враги его, чтобы сдѣлать его болѣе ненавистнымъ въ глазахъ князей, представляли дѣло такимъ образомъ, и самъ онъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, хотя быть можетъ, больше имѣя въ виду запугать противниковъ. Болѣе дальновидные люди не вѣрили однако этимъ росказнямъ, и герцогъ Георгъ Саксонскій резонно говорилъ, что „башмакъ (крестьянскій символъ) направленъ противъ низшаго дворянства (widder den gemeinen Adel), ибо гдѣ власть въ рукахъ крестьянъ, тамъ и дворянство и всякое начальство утѣснены" (wo die pawern regieren, dasselben ist der Adel und alle Herrschaft vordruckt). Такъ и случилось, ибо возставшіе крестьяне прямо хотѣли уничтожить имперское рыцарство. Противъ князей Зиккингенъ могъ бы скорѣе расчитывать на города, коимъ de jure позволялось примкнуть къ союзу, тѣмъ болѣе, что въ виду угрожавшихъ Германіи переворотовъ въ мартѣ 1522 г. былъ назначенъ въ Шпейерѣ съѣздъ представителей отъ городовъ, куда было даже отправлено посольство, но города не довѣряли ни рыцарямъ, ни Зиккингену, который дѣлалъ нападенія и на нихъ. Замѣчательно, что рыцарское возстаніе было подавлено частнымъ княжескимъ союзомъ, а не тѣмъ имперскимъ правленіемъ (Reichsregiment), которое было организовано по капитуляціи на вормскомъ сеймѣ.

Хотя нѣкоторыя подробности рыцарскаго движенія спорны, тѣмъ не менѣе общій характеръ его ясенъ, будемъ ли мы ставить въ причинную связь рыцарскій союзъ 1522 г. и походъ на трирскаго архіепископа, или станемъ разсматривать оба явленія, какъ независимыя одно отъ другого слѣдствія общей причины. *Движеніе это, во-первыхъ, было чисто сословное*, хотя въ немъ и рождалась мысль о необходимости союза съ другими общественными силами,—мысль, впрочемъ, не имѣвшая глубокихъ корней и кромѣ того едва ли бывшая осуществимой при тогдашней сословной розни. Какъ сословное движеніе рыцарское возстаніе *было, съ одной стороны, попыткой феодальной*

реакціи противъ княжескаго монархизма [1]), *съ другой проявленіемъ антагонизма между дворянствомъ и духовенствомъ* [2]), соединеннаго съ стремленіемъ къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ пользу свѣтскаго сословія. Далѣе, это возстаніе нужно поставить въ связь вообще съ безпокойнымъ нравомъ рыцарства, ведшаго полуразбойничій образъ жизни, и съ аналогичными прецедентами, въ родѣ нападеній того же Зиккингена на другихъ князей, такъ что, *конечно, не реформація вызвала войну 1522—1523 г.* Положительные планы Зиккингена намъ неизвѣстны, да и едва ли у рыцарей была опредѣленная и выработанная политическая программа, хотя два пункта ея намѣчались—государственное объединеніе на развалинахъ княжеской тиранніи и уничтоженіе силы духовенства посредствомъ отобранія у него поземельной собственности, такъ что не даромъ Зиккингенъ „во имя императора“ ополчался въ защиту реформаціи: благодаря послѣднему обстоятельству, *рыцарское возстаніе было первымъ крупнымъ общественнымъ движеніемъ, пошедшимъ подъ знаменемъ реформаціи*, и въ немъ особенно любопытно *соединеніе феодальной реакціи съ новыми началами*, явленіе, которое мы наблюдаемъ сорока годами позже во Франціи, гдѣ религіозное движеніе покрывало собою сословныя стремленія дворянства, и феодальная реакція шла даже рука объ руку съ идеей народовластія, развивавшейся кальвинистами и по существу своему демократическою. Впрочемъ, въ рыцарскомъ движеніи 1522 г. религіозный элементъ самъ по себѣ былъ еще слабъ: сильнѣе выступаетъ онъ въ крестьянской войнѣ, но за то въ исторіи этой войны, помимо, съ одной стороны, чисто сословныхъ требованій и помимо сектантскихъ мечтаній о царствѣ новаго Сіона, съ другой мы встрѣчаемся и съ болѣе общей политической программой, въ сравненіи съ которою рыцарское возстаніе носитъ на себѣ черты чисто стихійнаго движенія.

IX. Происхожденіе крестьянской войны [3]).

Установленіе точки зрѣнія на крестьянскую войну 1524—1525 гг.—Причины народнаго недовольства.—Отсутствіе юридической защиты.—Свидѣтельства о возбужденіи среди крестьянъ задолго до войны.—Агитація среди крестьянъ и попытки возстанія. — Проповѣдь религіозной реформаціи въ деревняхъ. — Желаніе крестьянъ дать религіозную санкцію своимъ требованіямъ.—Общій выводъ относительно происхожденія крестьянской войны.

Великая крестьянская война 1524—1525 г. представляетъ изъ себя явленіе въ высшей степени сложное. Охвативъ весьма значительную

[1]) Томъ I, гл. IV.

[2]) Тамъ же, гл. XVII.

[3]) По исторіи крестьянской войны въ Германіи существуетъ довольно

часть Германіи, движеніе это разбивалось на нѣсколько мѣстныхъ движеній, отличавшихся одно отъ другого по характеру и по тѣмъ требованіямъ, которыя заявляли крестьяне. Стоитъ только произвести одну небольшую работу, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ именно изъ подчасъ утомительныхъ по своему однообразію подробностей объ утѣсненіяхъ крестьянъ, о мѣстныхъ бунтахъ и стычкахъ крестьянъ съ ихъ господами, наполняющихъ „Исторію великой крестьянской войны“ Циммермана, выдѣлить приводимыя этимъ историкомъ жалобы и требованія крестьянъ, чтобы увидѣть, что движеніе не было вездѣ однороднымъ, не говоря уже о томъ, какую трудную задачу представляетъ изъ себя — слѣдить за судьбами отдѣльныхъ бандъ возставшихъ крестьянъ, не имѣвшихъ общаго начальства и дѣйствовавшихъ независимо одна отъ другой. Но дѣло усложняется еще тѣмъ, что къ общему возстанію крестьянъ, имѣвшему свои причины въ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ сельскаго быта, примѣшивались посторонніе чисто крестьянскому въ сословномъ смыслѣ движенію элементы религіозные и политическіе, первые въ двухъ главныхъ своихъ формахъ—зарождавшагося лютеранизма и одновременно съ нимъ возникшаго анабаптизма, вторые въ формѣ цѣлой програмы переустройства Германіи на новыхъ началахъ, такъ что, *вызванная главнымъ образомъ неблагопріятными для крестьянства перемѣнами въ сельскомъ быту, эта война имѣла болѣе непосредственное отно-*

значительная литература, изъ которой, кромѣ переведенной и по-русски книги Циммермана (см. выше стр. 10) и др. сочиненій, касающихся эпохи, укажемъ: Wachsmuth. Der deutsche Bauernkrieg.—Dietrich. Der Bauernkrieg.—Weil. Der Bauernkrieg.—Engels. Der deutsche Bauernkrieg (написано съ точки зрѣнія „экономическаго матеріализма“).—Jörg. Deutschland in der Revolutionsperiode (1521—1526).—Hartfelder. Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südwestdeutschland.—O. Merx. Th. Münzer und Heinrich Pfeifer.—Elben. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524.—W. Falkenheiner. Philipp der Grossmüthige im Bauernkriege. Большая часть этихъ сочиненій посвящена описанію внѣшняго хода войны и отдѣльныхъ ея событій; въ особенности послѣднее относится къ работамъ, касающимся войны въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но положеніе крестьянъ передъ возстаніемъ, частныя причины всего движенія и его программы все еще мало изслѣдованы. О двѣнадцати статьяхъ см. небольшое изслѣдованіе A. Stern'a Ueber die zwölf Artikel der Bauern und einige andere Aktenstücke aus der Bewegung von 1525. Общіе историки, къ сожалѣнію, отводятъ нерѣдко весьма мало мѣста этому движенію: у Nitzsch'a въ „Исторіи нѣмецкаго народа“ на его исторію приходится полторы страницы (съ конца 411 по начало 413 третьяго тома), и Bruno Gebhardt'a въ „Руководствѣ нѣмецкой исторіи“ три съ небольшимъ страницы (т. II, стр. 22—25), у Philippson'a въ „Исторіи новаго времени“ три съ половиной страницы, изъ коихъ на двухъ есть рисунки. За то Эгельгаафъ посвящаетъ крестьянской войнѣ цѣлую сотню страницъ.

шеніе и къ религіозной реформаціи, и къ тѣмъ планамъ о политическомъ преобразованіи, которые существовали среди лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ и видѣвшихъ въ крестьянскомъ движеніи средство для проведенія общей государственной реформы. Все это необходимо имѣть въ виду главнымъ образомъ по той причинѣ, что относительно крестьянской войны существуютъ невѣрныя представленія, до нельзя упрощающія дѣло: съ одной именно стороны, возмущеніе крестьянъ нерѣдко представляется, какъ порожденіе самой религіозной реформаціи, въ которомъ, съ другой стороны, однако послѣдняя была искажена вслѣдствіе крайне анархическаго характера, какой она получила въ грубой и невѣжественной средѣ. Что крестьянская война не была вызвана религіозной реформаціей, а имѣла свои особыя причины чисто соціальнаго свойства, это явствуетъ изъ того, что *крестьянскіе бунты и заговоры и вообще броженіе среди сельскаго населенія были весьма часты и сильны задолго до начала собственно религіознаго движенія,* которое только усилило это броженіе, давъ ему идейное знамя, и если вмѣстѣ съ тѣмъ въ войнѣ дѣйствительно было много такого, что имѣло чисто разрушительный характеръ, и чего, наприм., какъ мы знаемъ, опасался Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, приписавшій такое же опасеніе и Францу фонъ-Зиккингену, то крайнія воззрѣнія, возбуждавшія страсти на дѣло разрушенія во имя неопредѣленнаго мистическаго идеала царства Божія на землѣ, господствовали только въ одной части крестьянъ, тогда какъ другая часть или предъявляла такія требованія, извѣстной разумности коихъ не отвергалъ самъ Лютеръ, не сочувствовавшій лишь тому, что крестьяне добиваются ихъ осуществленія посредствомъ силы, или шла за болѣе интеллигентными вождями, выработавшими опредѣленный планъ переустройства имперіи на началахъ, сравниваемыхъ нѣкоторыми историками съ принципами 1789 г., такъ что *видѣть въ крестьянской войнѣ лишь анархическое искаженіе реформаціи, выведенной изъ своихъ настоящихъ границъ, и съ этой стороны не приходится.*

Задачей нашей не будетъ излагать событія, происходившія въ Германіи въ это смутное время: намъ нужно лишь остановиться на нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ, характеризующихъ движеніе, а таковыми можно считать, во-первыхъ, причины народнаго недовольства, во-вторыхъ, попытки возстанія, дѣлавшіяся раньше общаго взрыва, въ-третьихъ, обстоятельства, при которыхъ началась война, далѣе, программу, наиболѣе выражавшую чисто крестьянскія желанія („12 статей“), потомъ политическіе планы болѣе общаго свойства, которые думали провести люди образованнаго круга, опираясь на крестьянъ, затѣмъ участіе въ движеніи анабаптистовъ и наконецъ подавленіе

возстанія, имѣвшее столь печальное вліяніе на дальнѣйшую судьбу сельскаго населенія.

Къ XVI вѣку въ положеніи нѣмецкаго крестьянства произошла перемѣна къ худшему, благодаря многимъ причинамъ, изъ коихъ главными были слѣдующія. Землевладѣльческое сословіе, въ зависимости отъ котораго находилось крестьянство, усилило въ XV в. свои поборы съ жившихъ на его земляхъ крестьянъ, стало отбирать у крестьянъ общинныя земли и лишать ихъ права пользованія разными угодьями, бывшими въ ихъ распоряженіи, лѣсами, правомъ охоты и рыбной ловли: все это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что дворянство начало измѣнять образъ жизни въ смыслѣ бо́льшей роскоши, въ которой оно подражало богатымъ горожанамъ, и потому стало нуждаться въ бо́льшихъ доходахъ, а во-вторыхъ, перемѣною во взглядахъ на юридическія отношенія, существовавшія между помѣщиками и крестьянами. Дѣло въ томъ, что въ XV в. въ Германіи происходила рецепція римскаго права, и тѣ самые юристы, которые въ политическомъ отношеніи переносили на князей принципъ абсолютизма, въ соціальномъ отношеніи оказались помощниками феодальныхъ господъ, толкуя разныя формы крестьянской зависимости отъ землевладѣльцевъ въ смыслѣ римскаго рабства, и уча, что земля принадлежитъ господамъ на правахъ полной собственности, а крестьяне являются только пользователями своихъ участковъ. Въ народное судопроизводство на сельскихъ сходахъ, которые были даже у крѣпостной части крестьянства, стали вноситься ограниченія въ пользу помѣщичьяго суда. Въ числѣ лицъ, противъ которыхъ возставали народъ и его защитники въ XVI в., были поэтому и юристы. Неблагопріятный для сельскаго населенія поворотъ въ юридическихъ отношеніяхъ сопровождался и экономическими измѣненіями, внесшими въ крестьянскую жизнь новыя неблагопріятныя условія. Послѣ открытія Америки въ Европу сразу нахлынула масса благородныхъ металловъ; цѣнность денегъ, благодаря этому, значительно понизилась, что не могло не отразиться на всемъ экономическомъ быту и вслѣдствіе соотвѣтственнаго вздорожанія всѣхъ предметовъ было только лишнимъ побужденіемъ для господъ къ тому, чтобы увеличить свои поборы и обезпечить за собою возможность и впредь извлекать бо́льше доходовъ съ крестьянъ расширеніемъ своихъ правъ надъ сельскимъ населеніемъ. Сравнивая степень зажиточности и свободы нѣмецкихъ крестьянъ въ XV и XVI вв., мы должны признать, что въ обоихъ отношеніяхъ положеніе сельской массы въ Германіи ухудшилось. Правда, послѣ 1525 г. это ухудшеніе было результатомъ какъ самого возстанія, сопровождавшагося истребленіемъ громаднаго числа крестьянъ и разореніемъ множества селъ и деревень, такъ и неудачнаго для крестьянъ исхода войны, позволившаго побѣдителямъ наложить на усмиренныхъ поселянъ болѣе тяже-

лое иго, но уже самая война 1524—1525 гг. была вызвана желаніемъ народной массы прекратить все то, что дѣлало ея положеніе худшимъ, чѣмъ оно было раньше, такъ что *главною причиною войны было именно недовольство народа ухудшеніемъ своей судьбы*, и только тенденціозные историки католическаго лагеря могутъ утверждать, будто лишь гибельная крестьянская война, яко-бы порожденная своевольной реформаціей церкви, произвела то пониженіе народнаго благосостоянія, которое несомнѣннѣйшимъ образомъ наблюдается въ Германіи къ серединѣ XVI вѣка. О неблагопріятныхъ измѣненіяхъ въ общихъ условіяхъ крестьянскаго быта свидѣтельствуютъ намъ жалобы, съ коими крестьяне съ XV вѣка обращаются къ императору, къ юридическимъ факультетамъ, къ швабскому союзу и т. д., или не довѣряя судамъ, гдѣ дѣла рѣшались односторонне и пристрастно въ пользу помѣщиковъ, или даже и не имѣя права пользоваться судебною защитою. По общему принципу крѣпостной крестьянинъ не могъ вчинать исковъ противъ своего господина, а имперскій верховный судъ и совсѣмъ не разсматривалъ никакихъ крестьянскихъ дѣлъ. Вопросъ о томъ, кому же и куда должны были жаловаться крестьяне, разрѣшенъ былъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для крестьянъ на сеймѣ 1500 года, гдѣ было принято, что крестьяне могутъ жаловаться вообще лишь на чужихъ господъ. Такимъ образомъ имперское законодательство приняло характеръ крайне невыгодный для земледѣльческаго класса, а ландтаги, не допускавшіе крестьянскаго представительства, равнымъ образомъ ничего не предпринимали для крестьянъ [1]), не говоря уже о томъ, что земскіе налоги, которые шли въ княжескую казну съ крестьянъ, значительно также возрастали, такъ какъ всѣ сословія готовы были свалить на сельское населеніе податную тяготу, крестьяне же въ сеймахъ не участвовали. Въ 1514 г. волновавшіеся въ Вюртембергѣ крестьяне требовали отправлять на сеймъ своихъ депутатовъ: „сеймъ, говорили они, только тогда можетъ помочь намъ, если въ немъ будутъ участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и горожане не станутъ заботиться о насъ“. На сеймъ въ Штутгардъ въ этомъ году пріѣхали сельскіе депутаты, но вскорѣ сеймъ былъ перенесенъ въ Тюбингенъ, гдѣ уже безъ крестьянъ сдѣлано было постановленіе, запрещавшее крестьянамъ на будущее время посылать депутатовъ на ландтаги. Когда въ 1525 г. вюртембергскимъ инсургентамъ предложили отдать спорные вопросы на рѣшеніе ландтага, крестьянскій вождь Матернъ Фейербахеръ запальчиво отвѣчалъ: „мы самымъ положительнымъ образомъ отказываемся отъ ландтага; сеймовъ было много, а какая отъ нихъ польза? Всякій разъ, возвращаясь на родину, на вопросъ о томъ,

---

[1]) Ср. т. I, гл. XV.

что далъ сеймъ, только и можешь отвѣтить, что ничего не знаешь, кромѣ одного,—нужно тотчасъ же заплатить деньги". Крестьяне, бывшіе съ Фейербахеромъ, и отъ себя заявили: „мы не хотимъ ландтага, потому что если онъ будетъ созванъ, мы ни до чего не договоримся, кромѣ новаго налога".

Есть свидѣтельства о томъ, что болѣе дальновидные люди задолго пророчили о томъ, что крестьяне находятся въ возбужденномъ состояніи, грозящемъ смутами. Еще въ серединѣ XV вѣка одинъ кардиналъ (Юліанъ) писалъ папѣ Евгенію IV: „Эти злоупотребленія и безпорядки возбуждаютъ народную ненависть противъ всего духовенства, и если ихъ не уничтожать, то надо опасаться, чтобы народъ не поступилъ съ духовенствомъ по примѣру гуситовъ. Уже явно слышатся угрозы въ этомъ духѣ. Всѣ умы съ напряженіемъ ждутъ, что̀ будетъ сдѣлано, и дѣло, повидимому, кончится очень трагически. Ядъ, который они носятъ противъ насъ въ своихъ сердцахъ, обнаруживается явно. Вскорѣ они будутъ думать, что въ угоду Богу надо обращаться съ духовенствомъ, какъ съ людьми, равно ненавистными и Богу, и людямъ". Въ болѣе близкое къ войнѣ время, именно въ началѣ XVI в. императорскій тайный секретарь Грунбекъ въ своемъ „Зерцалѣ всѣхъ золъ, имѣющихъ вскорѣ постигнуть всѣ сословія" (1508) писалъ, что если на духовенство обрушатся разныя бѣды, то „свѣтскіе владѣтели вовсе не должны этому радоваться, потому что при всякомъ несчастіи, упавшемъ на духовное сословіе, почти всѣ обломки посыпятся на свѣтское; если духовенству первому суждено выпить чашу испытанія, то свѣтскіе господа должны будутъ все-таки проглотить со дна ея всю горечь осадка". Въ 1492 г. швабскіе земскіе чины оффиціально свидѣтельствовали слѣдующее: „Дѣла въ Швабіи таковы, что подданные не будутъ платить новыхъ налоговъ, потому что и безъ того до крайности обременены податями и оброками; дворянство не можетъ принуждать ихъ къ новымъ платежамъ, не подвергая себя опасности лишиться всѣхъ своихъ ежегодныхъ доходовъ, оброковъ и податей. Въ Швабіи многіе крестьяне свободны, и притомъ существуетъ древній обычай, по которому власти не могутъ взыскивать съ подданныхъ ничего, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, пошлинъ и оброковъ. Если бы, не взирая на это, чины вздумали требовать новыхъ налоговъ, то подданные свергли бы власть и искали бы защиты у другихъ". Мы видѣли, что и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ предостерегалъ относительно возможности большого возстанія [1]).

Впрочемъ, и странно было бы, еслибы не было дѣлаемо такихъ заявленій, такъ какъ съ конца XV в. тянется длинный рядъ крестьян-

---

[1]) См. выше, стр. 35.

скихъ возстаній и безпорядковъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ зальцбургской области и Верхней Каринтіи послѣдніе были въ 1462 и 1478 годахъ. Въ 1491 году происходило возстаніе нидерландскихъ крестьянъ, получившихъ названіе сырниковъ, такъ какъ на ихъ знамени былъ изображенъ зеленый сыръ съ ячменнымъ хлѣбомъ. Одновременно съ этимъ было возмущеніе крестьянъ кемптенскаго аббатства, а вскорѣ затѣмъ въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи народъ сталъ подыматься подъ знаменемъ „Башмака" (Bundschuh), который даже сдѣлался символомъ крестьянскаго возстанія. Когда впервые мужицкій башмакъ съ ремнями, привязывавшими его къ ногѣ, получилъ такое значеніе, неизвѣстно, но уже въ 1492 г. въ немъ видѣли знамя народнаго бунта, а въ 1493 г. оно собрало около себя тайное общество въ Эльзасѣ. Въ 1499 г. во время такъ-называемой швейцарской или швабской войны, когда швейцарцы появились въ Гегау, мѣстные крестьяне стали переходить на ихъ сторону и успѣли разрушить немало дворянскихъ замковъ. Въ 1502 г. образовался „Башмакъ" въ шпейерской области, именно въ Брухрайнѣ, откуда заговоръ распространился внизъ по теченію Рейна, по Майну и Неккару, а въ слѣдующемъ году проникъ въ Вюртембергъ, гдѣ получилъ названіе „Бѣднаго Конрада". Въ 1512 году „Башмакъ" возрождается въ Брейсгау, въ деревнѣ Легенъ (Lehen) около Фрейбурга, а въ 1514 г. „Бѣдный Конрадъ" въ Вюртембергѣ подымаетъ цѣлое возстаніе, участники котораго были потомъ жестоко наказаны. Въ то же время происходятъ возстанія въ Ортенау, въ Венгріи, въ Каринтіи и Виндской мархіи. Въ 1520 г. въ Эйзакѣ въ Троицынъ день собралось около 800 тирольцевъ: они напали на Бриксенъ, резиденцію епископа, осадили городъ и разграбили дома духовныхъ лицъ.

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какъ часты задолго до войны 1524—1525 гг. были крестьянскіе бунты. Дѣло не обходилось безъ агитаторовъ, о которыхъ сохранились болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія, свидѣтельствующія намъ и о томъ, что дѣло не обходилось безъ тайныхъ обществъ и заговоровъ. Въ 1476 г. въ вюрцбургской области Гансъ Бегеймъ изъ Никласгаузена проповѣдовалъ о новомъ царствѣ Господнемъ, въ которомъ не будетъ ни папы, ни господъ, а всѣ будутъ братья, сами каждый для себя зарабатывающіе хлѣбъ, и въ данномъ случаѣ весьма замѣтно гуситское вліяніе [1]). Въ тайныхъ обществахъ конца XV и начала XVI вѣковъ дѣятельное участіе принималъ Іоссъ Фрицъ изъ Унтергрумбаха, основатель легенскаго „Башмака". Въ февралѣ 1514 г., когда въ Вюртембергѣ начиналось волненіе „Бѣднаго Конрада", гохбергскій окружный

[1]) Т. I, гл. XLI.

правитель Людвигъ Горнекъ фонъ-Горнбергъ писалъ совѣту города Фрейбурга въ Брейсгау: „Я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, что снова существуютъ происки или практика возстановить Башмакъ. Злоумышленники расхаживаютъ и разъѣзжаютъ подъ видомъ священниковъ и богомольцевъ. Иногда также расписываютъ они себѣ лицо язвами, переодѣваются скоморохами и нищенствующими монахами. Поэтому рекомендую городу зорко наблюдать за этими столь зловредными происками, дабы предупредить ихъ послѣдствія“. Въ 1524 году епископу бамбергскому и нюрнбергскому совѣту доносили, что „какіе то таинственные и неизвѣстные люди“ бродятъ по монастырскимъ имѣніямъ и волнуютъ народъ, уговаривая его не платить десятину. Что касается до тайныхъ обществъ и заговоровъ, то извѣстія о нихъ переплетаются съ извѣстіями о мѣстныхъ волненіяхъ, и при этомъ видно, что въ политическихъ союзахъ, которые тогда устраивались, участвовали люди и изъ другихъ сословій, а не одни крестьяне, что они формулировали свои требованія въ программахъ, напоминающихъ позднѣйшія „двѣнадцать статей“, и что въ пользу своихъ требованій еще до реформаціи ссылались на св. писаніе. Эльзасскій союзъ въ 1493 г., о коемъ было упомянуто, имѣлъ цѣлью произвести религіозную и политическую реформу, ограничивъ права духовенства, отмѣнивъ церковный судъ и тайную исповѣдь, какъ главное основаніе власти клира, учредивъ общинное самоуправленіе съ народнымъ судомъ и правомъ податного самообложенія. Чтобы расположить простой народъ къ этимъ преобразованіямъ, члены союза, не принадлежавшіе къ крестьянскому сословію, предполагали отмѣнить разныя повинности, пошлины и т. п. и установить юбилейные годы съ прекращеніемъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ. Брухрайнскій союзъ въ Унтергрумбахѣ, образовавшійся около 1502 г., поставилъ себѣ задачей добиться уничтоженія крѣпостничества и отмѣны всѣхъ властей, кромѣ императорской, а также десятинъ, оброковъ, налоговъ и повинностей, платимыхъ князьямъ, дворянамъ и духовенству, и вмѣстѣ съ этимъ добиться раздачи народу монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а также того, чтобы охота, рыбная ловля, луга и лѣса были доступны всѣмъ. На гартматтскомъ совѣщаніи легенскаго „Башмака“ въ 1512 г. заговорщиками приняты были среди другихъ и слѣдующія постановленія: 1) отмѣняются всѣ власти, кромѣ Бога, императора и папы; 2) всѣ будутъ судиться мѣстнымъ судомъ, а духовный судъ будетъ вѣдать только духовныя дѣла; 3) уничтожаются всѣ феодальные оброки и объявляются недѣйствительными всѣ векселя и заемныя письма; 4) относительно процентовъ, которые составляютъ менѣе двадцатой части капитала, будетъ поступлено сообразно съ божественнымъ правомъ; 5) птичья и рыбная ловля, дрова, строевой лѣсъ и сѣнокосъ

будутъ свободны; бѣдные и богатые будутъ пользоваться сообща; 6) священники не могутъ имѣть болѣе одного прихода (это требованіе встрѣчается и въ эльзасскомъ союзѣ); 7) число монастырей будетъ ограничено, и лишнее имущество у нихъ будетъ отобрано въ военную кассу общества; 8) прекращаются всѣ несправедливые налоги и пошлины; 9) будетъ учрежденъ вѣчный миръ для всего христіанства; 10) вступающимъ въ общество должно гарантировать жизнь и имущество, а противящихся этому наказывать. Вюртембергское общество „Бѣднаго Конрада" изложило свои общіе планы въ двухъ статьяхъ. Въ первой выражалось намѣреніе освободить крестьянъ и горожанъ отъ ига князей, епископовъ, прелатовъ, рыцарей и гражданъ имперскихъ городовъ, уничтожить всѣ налоги, подати и повинности и жить свободно. Во второй статьѣ, между прочимъ, говорилось объ отобраніи у монастырей и богатыхъ землевладѣльцевъ излишка имущества, чтобы улучшить бытъ крестьянъ. Такимъ образомъ тайныя общества, заговоры имѣли болѣе или менѣе выработанныя программы, да и вообще это было время разныхъ политическихъ программъ, изъ коихъ особаго вниманія заслуживаютъ „Реформація Фридриха III" [1]) и тридцать статей, приложенныхъ къ „Новому Карстгансу" Гуттена. Иногда требованія, заносившіяся въ программы, прямо составлялись со словъ крестьянъ. Наприм., въ іюнѣ 1514 г. была сходка сосѣднихъ жителей въ Бюлѣ въ Ортенау, на которой одинъ изъ мѣстныхъ агитаторовъ Гугель-Бастіанъ велѣлъ имъ разсказывать свои жалобы. Желанія крестьянъ были слѣдующія: они хотѣли имѣть право гонять, стрѣлять, ловить и всячески убивать дичь, если она вредитъ ихъ виноградникамъ, и оставлять ее себѣ или дарить фохту, по произволу, не подвергаясь наказанію; они желали далѣе отмѣны новаго закона о наслѣдствѣ, по которому супруги не могли наслѣдовать другъ другу, уменьшенія новыхъ податей и пошлинъ, уничтоженія долговыхъ обязательствъ, въ которыхъ проценты сравнялись съ капиталомъ, и т. п.

Въ свою очередь дворянство предвидѣло опасность общаго взрыва и съ своей стороны кое-гдѣ готовилось къ отпору. Послѣ подавленія „Бѣднаго Конрада" швабское дворянство на одномъ изъ своихъ съѣздовъ заключило союзъ, актъ котораго гласилъ слѣдующее: „Мы будемъ всячески поддерживать другъ друга противъ всѣхъ покушеній простого народа, такъ какъ въ настоящее время бунты и возмущенія подданныхъ и бѣдныхъ людей, которые поднимаютъ Башмакъ и заключаютъ незаконные союзы противъ своихъ законныхъ, естественныхъ властей и господъ,—осмѣливаются на попытки сбросить съ себя власть высшихъ классовъ, подавить и истребить дворянство и всѣ высшія сословія,

---

[1]) Тамъ же, гл. XX.

такъ что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось испытать того же, что уже потерпѣли князья, города и духовенство". Броженіе, дѣйствительно, принимало весьма опасный характеръ, и въ томъ же 1514 году, когда было подавлено вюртембергское возстаніе, мѣстное правительство въ грамотахъ, разосланныхъ въ имперскіе города, приглашая не терпѣть у себя бѣглецовъ, такъ характеризовало стремленія бунтовщиковъ: они „всѣ равно ненавидятъ, губятъ и оскорбляютъ святую вѣру и христіанскую церковь, презираютъ власти и знатныхъ людей, нарушаютъ миръ, преданы ереси, скрываютъ въ себѣ зловредное стремленіе кощунствовать надъ св. вѣрою и христіанствомъ, презирать и истреблять имперію, королевства, герцогства, княжества, графства и господства, заражать духомъ мятежа города и деревни, уничтожать всѣ обязанности и оподлить все".

Вотъ на какую почву въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. стали падать сѣмена новыхъ религіозныхъ ученій, распространявшихся устно и письменно монахами, которые покидали свои монастыри, сектантами, которыхъ изгоняли изъ городовъ, разносчиками произведеній печати число каковыхъ произведеній сильно возросло въ послѣдніе годы передъ началомъ войны [1]): проповѣдь новыхъ идей объединяла отдѣльныя движенія, ставила ихъ подъ защиту религіи, вселяла въ крестьянахъ фанатическую увѣренность въ своей правотѣ, но были случаи, когда въ войнѣ 1524—1525 гг. участвовали крестьяне, остававшіеся католиками. Напримѣръ, волновавшіеся крестьяне графа Фюрстенберга отвѣчали присланнымъ ихъ успокоивать, что они „не слѣдуютъ евангелическому ученію и собрались вовсе не для слушанія проповѣдей". Клетгаускіе крестьяне разувѣряли цюрихцевъ, что причина безпорядковъ не въ религіи, а въ политикѣ. Вюртембергскіе инсургенты, находясь въ Вуннештейнѣ, каждый день просили священника служить обѣдню въ церкви св. Михаила, а ихъ предводитель Матернъ Фейербахеръ до конца жизни оставался католикомъ. Если вообще еще въ тѣ же годы и утвердилось воззрѣніе, по которому все движеніе нужно было объяснять проповѣдью лютеранскихъ или анабаптистскихъ принциповъ, то другіе современники смотрѣли на дѣло иначе и отдѣляли одно движеніе отъ другого. Посланіе одного имперскаго города, нерасположеннаго къ крестьянамъ, городу Ульму прямо указываетъ на то, что „настоящее возстаніе подданныхъ противъ властей происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе мнимыхъ тяжестей—подушной, барщины, повинностей и небольшихъ десятинъ". По словамъ

[1]) Въ 1513 г. 35 произведеній на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1517 г.—37, въ 1518 г.—71, въ 1519 г.—111, въ 1520 г.—208, въ 1521 г.—211, въ 1522 г.—347, въ 1523 г.—498.

вейсенгорнской хроники, первыя предпріятія крестьянъ „были направлены противъ начальства, которое ихъ обременяло службою, оброками и крѣпостнымъ состояніемъ и отъ котораго они хотѣли освободиться“. Притомъ ссылки на священное писаніе дѣлались и раньше начала реформаціи, когда крестьяне или ихъ радѣтели хотѣли дать религіозное освященіе своимъ требованіямъ. Летучіе листки, распространявшіеся въ народѣ взывали къ „христіанской свободѣ“ [1]) или указывали на волю Божію, которая не можетъ быть несправедлива. „Откуда, читаемъ мы въ одномъ летучемъ листкѣ,—откуда они взяли, что Богъ далъ имъ право требовать отъ насъ барщины? Въ хорошую погоду мы трудимся для нихъ, а въ дурную дождь губитъ въ полѣ все, что мы выростимъ для себя своимъ кровавымъ потомъ. Справедливый Богъ не могъ допустить такого ужаснаго вавилонскаго плѣненія!... А попробуй-ка не послушаться ихъ: они поступятъ съ тобой, какъ съ измѣнникомъ: начнется вѣшанье, рѣзанье, четвертованіе,— убьютъ, какъ бѣшеную собаку. Въ какой главѣ вычитали они, что Богъ далъ имъ подобную власть? Какая тутъ воля Божія? Они слуги дьявола, и сатана начальникъ ихъ. Богу будетъ пріятно, когда вытурятъ этого Моава и Бегемота“. Летучіе листки и брошюры, распространявшіеся въ народѣ, равнымъ образомъ обращали на себя вниманіе властей и господъ. Еще въ 1522 г. баварскій канцлеръ Леонгардъ Эккъ писалъ своему герцогу: „подумайте, ваша милость, о тревогѣ, которая теперь повсемѣстна. Для народа издали книжку, въ которой уговариваютъ его сбросить иго князей и дворянства, коимъ онъ подчиняется изъ страха ихъ тиранніи, и увѣряютъ его, что этимъ онъ сдѣлаетъ прекрасное дѣло“.

Народное недовольство, имѣвшее свои причины, и политическая агитація, давно уже дѣлавшая свое дѣло, и вызвали великую крестьянскую войну, которая сразу втянула въ себя всѣ родственные элементы и парализовала враждебные, а *санкцію всему движенію давала евангелическая и мистическая реформація, у коихъ вожди движенія заимствовали свои принципы.*

X. Крестьянская война и ея программы.

Районы крестьянской войны и главные ея вожди.—Поведеніе возставшихъ.— Отношеніе къ крестьянамъ Лютера.—Поведеніе городовъ.—Подавленіе крестьянскаго возстанія.—Причины и результаты пораженія крестьянъ.—Необходимость разсмотрѣнія программъ движенія.— Двѣнадцать статей.— Вендель Гиплеръ.— Гейльбронnская программа.

Въ 1523 г. было подавлено рыцарское движеніе, въ 1524 началась крестьянская война, принявшая, впрочемъ, грандіозные размѣры

[1]) Это выраженіе было въ ходу въ ср. вв., о чемъ въ I томѣ.

только въ слѣдующемъ году. Лѣтомъ 1524 г. первыя возстанія происходили на верхнемъ Рейнѣ, но мало-по-малу они распространились и на другія части Германіи, кромѣ сѣверной, и въ 1525 г. почти вся страна была охвачена пожаромъ войны, за исключеніемъ сѣверныхъ частей. Всѣ тѣ мѣстности, гдѣ поднялись крестьяне, можно раздѣлить на три района, смотря по тому, какіе были главные вожди и основныя требованія возставшихъ. Въ юго-западномъ углу Германіи дѣйствовалъ въ качествѣ вождя Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха, и изъ этого района вышла распространившаяся по всей Германіи программа „двѣнадцати статей", бывшая наиболѣе крестьянской по своему содержанію, а потому и получившая особое значеніе въ эту бурную эпоху. Сначала она объединяла требованія всѣхъ крестьянъ, и ея распространенію много содѣйствовали вѣстники, разносившіе ее по Германіи. Второй районъ былъ тотъ, гдѣ особую силу имѣла политическая программа, составленная бывшимъ гогенлоэскимъ канцлеромъ Венделемъ Гиплеромъ, а охватывалъ онъ Франконію отъ Ротенбурга и Бенсгейма до Вюрцбурга и Таубера, гдѣ дѣйствовали такіе неудачные вожди, какъ Метцлеръ и рыцарь Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, который, подобно Зиккингену имѣлъ свои собственные планы и примкнулъ къ возстанію лишь для того, чтобы осуществить ихъ при помощи крестьянъ. Далѣе къ сѣверу до Тюрингіи и Саксоніи агитація шла, главнымъ образомъ, со стороны анабаптистовъ, стремившихся къ совершенному переустройству общественнаго быта, а главнымъ дѣятелемъ явился здѣсь уже извѣстный намъ Ѳома Мюнцеръ. Въ общемъ ходѣ войны мы замѣчаемъ извѣстную постепенность: и поведеніе крестьянъ, и ихъ требованія дѣлались болѣе и болѣе насильственными и крайними по мѣрѣ того, какъ они встрѣчали сопротивленіе, разгоралось самое возстаніе и усилилась анабаптистская проповѣдь. *Сначала большинство крестьянъ ограничивалось демонстраціями*, которыя должны были подкрѣпить ихъ требованія, обращались къ Лютеру съ своими „двѣнадцатью статьями", но не нашли у него большого сочувствія; предлагали дворянамъ третейское разбирательство и полюбовныя сдѣлки, на что получали иногда согласіе, и тогда расходились, а въ числѣ разныхъ мнѣній о томъ, какъ уладить дѣло, заслуживаетъ вниманія мысль о томъ, что дворяне за свои уступки должны были получить вознагражденіе изъ секуляризованныхъ земель духовенства, такъ что общее стремленіе свѣтскихъ сословій къ отобранію церковной собственности проявилось и здѣсь. Когда крестьяне и ихъ вожди увидѣли, что изъ такого образа дѣйствій ничего не выходитъ, раннею весною 1525 г. вспыхнуло повсемѣстное возстаніе, охватившее указанные выше районы, и начался настоящій терроръ, посредствомъ коего возставшіе думали добиться исполненія своихъ требованій и принудить примкнуть къ

общему возмущенію деревни, которыя ранѣе не принимали въ немъ участія. Напр., лимпургскіе инсургенты писали крестьянамъ въ Оттендорфѣ такого рода приглашеніе: „предписываемъ вамъ евангельскую и братскую любовь и просимъ васъ немедленно явиться къ намъ и вступить въ наши священныя полчища для завоеванія евангельской любви и братства. Если вы это сдѣлаете, то доставите намъ великую радость; если же нѣтъ, то вамъ придется тогда плохо". Такимъ же языкомъ говорили крестьяне и съ дворянами, которыхъ равнымъ образомъ приглашали присоединиться къ братству, грозя въ противномъ случаѣ заставить силою это сдѣлать и лишить покровительства законовъ. „Такимъ образомъ, говоритъ одинъ современникъ (Себастіанъ Франкъ), вовлечено было въ возстаніе очень много честныхъ и благородныхъ людей". На первыхъ порахъ крестьянамъ не было оказано большого сопротивленія, а гдѣ оно являлось, тамъ возставшіе побѣждали, заставляя прелатовъ, дворянъ и города принимать ихъ условія, бывшія весьма различными. Гансъ Мюллеръ, напр., обращался съ дворянами и духовными сравнительно умѣренно, въ духѣ „двѣнадцати статей", но Ѳома Мюнцеръ совсѣмъ не одобрялъ мирныхъ сдѣлокъ, которыя заключали швабскіе и отчасти франконскіе крестьяне съ господами, находя, какъ мы еще увидимъ, что послѣднихъ нужно истреблять, какъ язычниковъ, и добиваться правъ съ оружіемъ въ рукахъ. Во всякомъ случаѣ нѣкоторые прелаты и князья обѣщали крестьянамъ облегченіе ихъ участи.

По мѣрѣ того, какъ возрастала жестокость, какую проявляли крестьяне во время возстанія, отношеніе другихъ слоевъ населенія къ ихъ дѣлу становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ, и въ данномъ случаѣ выразителемъ общественнаго мнѣнія явился Лютеръ. Когда крестьяне обратились къ нему съ „двѣнадцатью статьями", прося подтвердить ихъ своимъ авторитетомъ, онъ только обвинялъ ихъ въ томъ, что они слишкомъ плотски понимаютъ Евангеліе, не возставая противъ ихъ требованій по существу: „христіанинъ долженъ сто разъ предпочесть смерть, чѣмъ хоть бы малѣйшимъ образомъ принять участіе въ возстаніи крестьянъ", говорилъ Лютеръ. Однако уже въ началѣ крестьянскаго движенія Лютеръ открыто выражалъ мысль, что оно было вызвано притѣсненіями со стороны помѣщиковъ. Онъ совѣтовалъ владѣльцамъ относиться снисходительно къ своимъ подвластнымъ и писалъ имъ слѣдующее: „это вы—причина бунта; это ваши нападки на Евангеліе, ваше виновное угнетеніе бѣдныхъ членовъ церкви довело народъ до отчаянія. Это не крестьяне, любезные господа, поднялись противъ васъ, это самъ Богъ становится противъ васъ. Крестьяне только орудіе, которое онъ употребляетъ для вашего униженія... Любезные господа, ради любви къ Богу умѣрьте свое негодо-

ваніе, ведите себя благоразумно съ этимъ народомъ, какъ съ пьяными и заблудшимися людьми. Кротостью утишьте эти волненія, дабы изъ нихъ не возникло пожара, который охватитъ всю Германію. Между ихъ 12-ю статьями есть хорошія и справедливыя". Но когда возстаніе приняло ужасающіе размѣры, Лютеръ сталъ совѣтовать рыцарямъ убивать крестьянъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Онъ самъ отправлялся въ нѣкоторыя мѣстности, гдѣ волновались крестьяне и проповѣдовалъ безусловное повиновеніе властямъ. „Христосъ показалъ, говорилъ онъ, какое главное право христіанина. Это право терпѣть. Крестъ! Крестъ! Вотъ гдѣ право Христова ученика. Каково бы ни было право крестьянъ, они виновны тѣмъ, что его требуютъ; они должны страдать и молчать, если хотятъ быть христіанами: христіанинъ долженъ позволить обокрасть, ободрать, убить себя, ибо онъ мученикъ на землѣ". Мнѣніе Лютера, написавшаго по случаю крестьянскаго возстанія спеціальныя брошюры (главнымъ образомъ „Wider die räuberischen und mörderischen Bauern), весьма много содѣйствовало тому, что города, гдѣ его голосъ былъ весьма авторитетенъ, въ общемъ не примкнули къ движенію. Между тѣмъ въ городахъ равнымъ образомъ происходило довольно значительное соціальное броженіе, проявившееся, напр., въ Виттенбергѣ въ 1521—22 г., а позднѣе съ особою силою во время анабаптистской попытки основать царство Новаго Сіона въ Мюнстерѣ, но въ общемъ это броженіе не было такъ сильно, какъ въ деревняхъ, и большинство ихъ населенія составляло партію порядка; притомъ еще многіе имперскіе города имѣли внѣ своихъ стѣнъ болѣе или менѣе обширныя территоріи, на коихъ жили зависѣвшіе отъ нихъ крестьяне. Появленіе крестьянскихъ бандъ, плохо снабженныхъ провіантомъ и потому предававшихся грабежу, также не могло быть пріятно горожанамъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые города должны были примкнуть къ движенію (особенно многіе мелкіе города), иногда волею-неволею снабжая возставшихъ оружіемъ или провіантомъ (Ульмъ, Нюрнбергъ), иногда захваченные врасплохъ сосѣдними крестьянами, иногда сами добиваясь правъ (Майнцъ), а такіе города, какъ Мюльгаузенъ или Гейльброннъ, получили даже особое значеніе, одинъ—какъ резиденція Ѳомы Мюнцера, другой—какъ центръ движенія, гдѣ возникла одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ программъ. Но все это были исключенія, подобныя тѣмъ, какія можно указать и по отношенію къ рыцарству, отдѣльные члены котораго принимали участіе въ возстаніи, или вынужденные къ тому силою, или имѣя для этого личныя, своекорыстныя побужденія, вообще же городское и сельское населенія были такъ же разъединены, какъ и рыцарство съ крестьянствомъ, да и силы самого возставшаго сословія не были объединены, не говоря уже о томъ, что плохо дисциплини-

рованнымъ, дурно вооруженнымъ и почти совсѣмъ неорганизованнымъ крестьянамъ трудно было тягаться съ княжескими войсками и рыцарями.—Понятно, что если менѣе значительное по своимъ размѣрамъ возстаніе Зиккингена принудило князей соединиться, то они никакъ ужъ не могли сидѣть сложа руки, когда поднялись крестьяне и начали разорять и жечь замки, грабить и убивать духовныхъ и дворянъ, что заставило отвернуться отъ крестьянъ всѣ тѣ общественные элемента, которые ранѣе сочувствовали движенію. Фридрихъ Мудрый, какъ разъ скончавшійся въ это время, говорилъ даже, что не знаетъ, долго ли продержится его власть, а его преемникъ Іоаннъ Фридрихъ вмѣстѣ съ другими князьями, Филиппомъ Гессенскимъ и саксонскими герцогами Георгомъ и Генрихомъ и т. д. нанесъ пораженіе при Франкенгаузенѣ (май 1525 г.) ополченію Ѳомы Мюнцера, который и былъ здѣсь взятъ въ плѣнъ (а потомъ казненъ). Въ Вюртембергѣ крестьянское возстаніе было подавлено полководцемъ швабскаго союза Трухзесомъ фонъ Вальдбургомъ, а также курфюрстами пфальцскимъ и трирскимъ. Въ другихъ мѣстахъ съ крестьянами управлялись и съ меньшими силами, причемъ вообще за совершонныя жестокости побѣдители мстили, сжигая и разоряя цѣлыя деревни. Наприм., усмиряя крестьянъ въ верхней Швабіи, Трухзесъ съ такимъ рвеніемъ жегъ и грабилъ, что швабскій союзъ послалъ ему напомнить, что союзъ вовсе не имѣетъ въ виду разоренія страны. Трухзесъ не унялся: онъ отвѣчалъ на письмо, что если господа совѣтники хотятъ учить его вести войну, то пусть сами идутъ на поле битвы, ибо онъ охотно помѣняется съ ними ролями и займетъ ихъ мѣсто на перинѣ. Или вотъ еще характерный случай. Когда одна крестьянская банда была побѣждена, побѣдители рѣшали вопросъ о наказаніи. Одинъ дворянинъ, у котораго бунтовщики убили сына и опустошили имѣніе, предлагалъ, чтобы каждый дворянинъ своимъ копьемъ закололъ по девяти мужиковъ; другой говорилъ, что лучше загнать всѣхъ въ прудъ и тамъ ихъ потопить, но тогда третій замѣтилъ что хотя „эта презрѣнная толпа и заслуживаетъ смерти, но если всѣ умрутъ, кто же будетъ служить и обработывать земли“: лучше наказать денежнымъ штрафомъ. Только такое соображеніе еще и удерживало нѣсколько дворянъ, особенно когда имъ приходилось имѣть дѣло съ собственными крестьянами, щадить которыхъ было въ ихъ же интересѣ. Но и безъ того было казнено крестьянъ страшное количество: однихъ предавали разнымъ мученіямъ (напр., ослѣпляли и отпускали на всѣ четыре стороны), другихъ казнили смертью (вѣшая, напр., цѣлыми партіями по дорогамъ). Возстаніе только ухудшило положеніе крестьянъ, и лишь въ видѣ исключенія можно указать на факты нѣкоторыхъ, да и то очень незначителбныхъ уступокъ крестьянамъ послѣ прекращенія

смуты (въ Тиролѣ, Баденѣ, Гессенѣ), тогда какъ вообще права крестьнъ были уменьшены, а лежавшія на нихъ тягости были увеличены.

Въ нѣмецкомъ крестьянскомъ движеніи, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ, было слишкомъ много стихійнаго; многіе шли въ него, не зная, куда идутъ, съ какими силами, чего можно и чего нельзя достигнуть, не расчитывая, что̀ можетъ выйти изъ такого или иного образа дѣйствій, и увлекаясь только страстнымъ чувствомъ своимъ противъ высшихъ сословій, слѣпо вѣря своимъ вождямъ, которые сами были между собою часто не въ ладахъ или стояли по способностямъ ниже своей задачи, такъ какъ попадали въ предводители возстанія случайно, иногда даже по принужденію или по корыстнымъ соображеніямъ, да и невозможно было имъ, какъ мы сказали, противостоять вооруженной и организованной силѣ князей и городовъ. Общія политическія и соціальныя слѣдствія этого возстанія и его пораженія были печальныя. *Побѣдители,—а ими были князья и дворяне,—менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, склонны были пользоваться умѣренно своею властью, а дворянство съ особою силою стало налегать на полученіе доходовъ съ земли съ помощью крѣпостного труда безправнаго крестьянства*, оставивъ, правда, неотстроенными разрушенные замки и отставъ отъ прежняго военнаго быта.

Но̀ если въ крестьянскомъ движеніи и было много стихійнаго и оно не достигло своей цѣли, то для полнаго пониманія его причинъ и стремленій, а также предположеній участвовавшихъ въ немъ некрестьянскихъ элементовъ, большое значеніе имѣютъ выставленныя тогда программы. Уже давно у крестьянъ, да и въ другихъ сословіяхъ былъ обычай выражать свои желанія въ формѣ статей или параграфовъ, которые часто получали разныя редакціи, передѣлывались, измѣнялись и т. д. Во время крестьянской войны такихъ „статей", составлявшихся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, было великое множество, но всѣ онѣ были, такъ сказать, обобщены въ знаменитыхъ „двѣнадцати статьяхъ", сдѣлавшихся самою общею и вмѣстѣ съ тѣмъ самою популярною программою крестьянскаго движенія. Вопросы о томъ, изъ какихъ болѣе раннихъ статей онѣ составились, кто былъ составителемъ главной и наиболѣе распространенной редакціи, какимъ измѣненіямъ она сама подвергалась и т. п., насъ здѣсь не касаются по крайней своей спеціальности, и нужно только отмѣтить, что авторомъ ихъ не былъ Ѳома Мюнцеръ, какъ это принималось раньше, ибо его программа была совсѣмъ иная. „Двѣнадцать статей" заслуживаютъ особаго вниманія съ нашей стороны по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, это по содержанію своему чисто крестьянскій манифестъ, такъ какъ въ немъ мы встрѣчаемся съ требованіями, которыя касаются главнымъ образомъ крестьянскаго быта, и изъ этой программы мы зна-

комимся съ главными причинами народнаго недовольства; во-вторыхъ, „12 статей“ отличаются умѣренностью требованій, уваженіемъ къ чужому праву и стремленіемъ установить порядокъ жизни на основаніи взаимнаго соглашенія заинтересованныхъ; наконецъ, составители статей проникнуты были желаніемъ основать свои домогательства на священномъ писаніи безъ малѣйшей примѣси какого-либо другого религіознаго авторитета. Въ первомъ отношеніи статьи отличаются отъ гейльброннской программы, которая ставила вопросъ о преобразованіяхъ гораздо шире, въ двухъ другихъ — отъ анабаптистской программы, соединявшей въ себѣ проповѣдь насильственной революціи съ пророческимъ энтузіазмомъ. Въ „двѣнадцати статьяхъ“ самъ Лютеръ находилъ много вѣрнаго; онѣ принимались нѣкоторыми духовными и свѣтскими владѣльцами, да притомъ онѣ и не заключали въ себѣ ничего неосуществимаго. Стоитъ въ самомъ дѣлѣ только познакомиться съ этими статьями [1]). „Истинныя и справедливыя статьи всего крестьянскаго сословія и всѣхъ захребетниковъ, обиженныхъ своими духовными и свѣтскими властями“, какъ явствуетъ изъ вступленія, были составлены, чтобы снять съ крестьянъ обвиненія въ томъ, будто они хотятъ только безчинствовать, и чтобы „оправдать съ христіанской точки зрѣнія неповиновеніе и даже открытое возстаніе крестьянъ“, снявъ и клевету съ слова Божія, будто бы повиннаго въ бунтѣ. Не Евангеліе виновато въ мятежахъ и волненіяхъ, а забвеніе Евангелія, крестьяне же хотятъ, наоборотъ, жить по слову Божію, вовсе не желая насилія и бунта. „Если Богъ внялъ моленіямъ сыновъ Израилевыхъ, взывавшихъ къ нему о помощи и освободилъ ихъ отъ руки Фараона, то развѣ онъ не можетъ и теперь спасти своихъ людей? Да, онъ пошлетъ имъ свое спасеніе и пошлетъ немедленно (2 Моис., 3, 14; Лук., 18, 8). Итакъ, сказано далѣе, христіанинъ, читай внимательно эти статьи и глубже обсуди ихъ“.

1. „Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ и единодушно желаемъ, чтобы... всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника (1 Тимоѳ., 3) и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его, если онъ поступаетъ не по закону (Тит., 1). Выбранный пастырь долженъ намъ проповѣдовать Евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ своихъ прибавленій, мудрствованій и пропусковъ“ (Дѣян. апост., 14).

2. „Несмотря на то, что справедливая десятина, установленная въ ветхомъ завѣтѣ, была отмѣнена въ новомъ, мы все-таки охотно будемъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу въ пользу ея служителей (Евр.

---

[1]) Приводимъ ихъ въ сокращенномъ изложеніи. Полный русскій переводъ у Циммермана, II, 88—95. Тамъ же см. и другія подобныя программы.

Пс. 109)... Остатокъ долженъ быть подѣленъ между бѣдными прихожанами той же деревни, по мѣрѣ ихъ нуждъ и по усмотрѣнію прихода (5 Моис. 25, 1. Тимоѳ. 10 и Коринѳ. 9), а все, что за тѣмъ останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастія или войны; изъ этого-то избытка и слѣдуетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ, не обременяя бѣднаго населенія налогами... Кромѣ того, мы не хотимъ платить ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины, такъ какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе человѣка (1 Моис. 1)".

3. „До сихъ поръ было въ обыкновеніи считать насъ чужою собственностью, но это противно священному писанію, потому что Христосъ своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе (Ис. 53. 1 Петр. 1. 1 Коринѳ. 7. Римл. 13), начиная отъ послѣдняго пастуха до могущественнѣйшаго монарха. Вотъ почему священное писаніе говоритъ, что мы свободны, — и мы хотимъ быть на самомъ дѣлѣ свободными (Премудр. 6. 1 Петр. 2)... Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому что законъ Божій (Дѣян. апост. 5) запрещаетъ намъ это. Итакъ, мы не нарушаемъ покорности, потому и вы должны съ своей стороны поспѣшить освободить насъ изъ подъ ига крѣпостного рабства или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами".

4. „До сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ни ловить рыбъ въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божіимъ... Поэтому мы желаемъ, чтобы всякій владѣющій рѣкою или озеромъ представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія, и тогда пусть его владѣетъ, мы не станемъ употреблять противъ него насилія: надобно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви и братства. Тотъ же, кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего первовладѣнія, пусть отступится отъ захваченнаго въ пользу общины".

5. „Мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ, онъ принужденъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ дѣйствительно оно стоитъ. По нашему мнѣнію, лѣса, на владѣніе которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должны быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать отъ общины безплатно дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производ-

ства, разумѣется только съ вѣдома лицъ, выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ".

6. „Мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою службою, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе и невыносимѣе. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ божескимъ писаніемъ (Рим. 10)".

7. „Мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ: всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены въ условіяхъ между господиномъ и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы, и ничего другого даромъ (Лук. 3. Ѳесс. 6), такъ, чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянинъ долженъ служить охотно и покорно, впрочемъ, за извѣстное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ".

8. „Многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокимъ податнымъ окладомъ, котораго не могутъ выносить ихъ имущества; отсюда крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взимали бы оброкъ, смотря по ихъ стоимости. Крестьянинъ не долженъ работать безъ выгоды для себя, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы (Матѳ. 10)".

9. „Мы чувствуемъ себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несоразмѣрно съ виною по злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ, соразмѣрно съ виною, а не пристрастно (Ис. 10. Эфес. 6. Лук. 3. Іерем. 16)".

10. „Мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторыя лица присвоили себѣ пашни и луга, принадлежащіе общинамъ. Если эти земли пріобрѣтены въ собственность не честнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены слѣдуемыя деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣльцами, смотря по важности дѣла".

11. „Мы хотимъ совершеннаго отмѣненія обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ; мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобы у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божьей волѣ, такъ безсовѣстно

отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ подъ разными видами".

„*Заключеніе.* Если одна или нѣсколько изъ нашихъ статей несогласны съ словомъ Божіемъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по писанію. И если даже какая-нибудь изъ нашихъ статей будетъ признана достойною вниманія и названа справедливою, а впослѣдствіи окажется неправильною, то мы немедленно отъ нея откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена. Если даже многія статьи будутъ найдены противными Богу и вредными для ближняго, то мы всѣхъ ихъ возьмемъ назадъ и будемъ молить Господа, чтобы онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію, потому что этотъ разумъ исходитъ только отъ Бога, а не отъ кого другого. Благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми нами".

Кромѣ „двѣнадцати статей" и другихъ аналогичныхъ крестьянскихъ программъ, была еще одна программа, заслуживающая вниманія по своему болѣе широкому характеру. Извѣстно, что въ Германіи издавна уже чувствовалась необходимость политическаго переустройства и что въ этомъ смыслѣ создавались разные планы [1]). Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. у нѣкоторыхъ дѣятелей *явилась мысль провести политическую реформу*, *опираясь на крестьянъ*, желавшихъ улучшенія своей судьбы, и въ такомъ же смыслѣ подъ конецъ своей жизни высказывался Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Во время крестьянской войны во главѣ кружка лицъ, думавшихъ объ этомъ, сталъ Вендель-Гиплеръ, пробывшій 25 лѣтъ въ должности канцлера при дворѣ гогенлоэскихъ графовъ, оставившій эту должность въ 1515 г. и принявшійся за политическую агитацію. Онъ хорошо зналъ бѣдственное положеніе народа, хотѣлъ ему помочь и нерѣдко выступалъ въ качествѣ защитника гогенлоэскихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Подобно другимъ патріотамъ того времени онъ задумалъ основать тайный союзъ, чтобы провести реформу, и ему удалось изъ разныхъ общественныхъ элементовъ составить нѣчто въ родѣ клуба, гдѣ сосредоточены были всѣ нити заговора. Онъ не принималъ самъ участія въ крестьянской войнѣ, но внимательно слѣдилъ за ея ходомъ. Подобно тому, какъ Гуттенъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ своей дѣятельности, а особенно одинъ изъ вождей крестьянства, Флоріанъ Гейеръ, приходили къ мысли устроить такой порядокъ, при которомъ не существовало бы сословій, а были бы лишь одни равноправные свободные люди и одна власть — императора, такъ и Вендель Гиплеръ отчасти думалъ о томъ же самомъ, не считая однако возмож-

---

[1]) См. томъ I.

нымъ совсѣмъ уничтожить сословный строй. Онъ хотѣлъ, главнымъ образомъ, освободить крестьянъ изъ-подъ власти дворянъ, вознаградивъ послѣднихъ изъ церковныхъ имуществъ. Затѣмъ онъ находилъ необходимымъ смягчить требованія 12 статей, и съ этою цѣлью была составлена въ Гейльброннѣ коммиссія изъ гейльсбергскаго совѣтника Ганса Берлина, самого Венделя Гиплера и Геца фонъ Берлихингена, которая рѣшила отмѣнить статьи 6, 7, 8 и 10, обѣщавъ разсмотрѣть ихъ при общемъ государственномъ преобразованіи, какое имѣлось въ виду. Кромѣ того была сдѣлана характерная прибавка къ этой программѣ въ видѣ объясненія къ ней, по крайней мѣрѣ, какъ думалъ авторъ прибавки. Было именно прибавлено пять параграфовъ.

1. „Никто не имѣетъ права грабить безъ особаго на то разрѣшенія; также подговаривать кого-либо вступать въ шайку запрещается подъ страхомъ смертной казни".

2. „До имѣющихъ совершиться государственныхъ реформъ всѣ пошлины, подати и долги должны быть выплачиваемы безъ всякихъ отговорокъ".

3. „Всѣ недвижимыя имущества, принадлежащія свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, остаются неприкосновенными, свѣтскія же имѣнія, принадлежавшія до этого времени духовенству, секвеструются".

4. „Никто не долженъ оскорблять другъ друга изъ собственныхъ выгодъ, кто бы онъ ни былъ, но каждый долженъ подчиняться мѣстному суду".

5. „Каждый подданный въ городахъ и деревняхъ долженъ повиноваться властямъ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть выданъ властямъ главнаго войска для казни".

Вмѣстѣ съ этимъ у Венделя Гиплера была мысль привлечь къ дѣлу реформы князей, дворянство и города и примирить ихъ съ совершившейся революціей при помощи общаго государственнаго преобразованія, а именно такимъ образомъ, чтобы всѣ, которые потерпѣли бы убытки отъ освобожденія крестьянъ, вознаградили бы себя изъ конфискованныхъ владѣній духовенства, составлявшихъ около половины всей поземельной собственности въ Германіи. Самая же программа, выработанная въ Гейльброннѣ, состояла изъ 14 статей слѣдующаго содержанія:

1. „Всѣ духовные высшаго и низшаго званія и состоянія будутъ подвергнуты реформѣ и получатъ достаточное вспоможеніе; ихъ имѣнія обращаются въ общую пользу".

2. „Всѣ свѣтскіе владѣтели будутъ поставлены въ такія условія, что не будутъ въ состояніи лишать простыхъ людей свободы" (т.-е. будетъ уничтожено крѣпостное состояніе).

3. „Всѣ города и общины преобразовываются по божескому и

естественному праву; всѣ старыя и новыя человѣческія выдумки должны быть отброшены. Всѣ поземельные оброки отмѣняются".

4. „Никакой докторъ римскаго права не можетъ быть допущенъ въ судъ или княжескій совѣтъ".

5. „Никакое духовное лицо не можетъ быть допущено въ государственный совѣтъ или въ совѣтники князей или общинъ; никто изъ нихъ не можетъ занимать свѣтской должности". (Этимъ гейльброннская програма хотѣла совершенно отдѣлить церковную область отъ политической, и духовныя лица должны были лишиться власти не только какъ князья, но и какъ сановники государства).

6. „Всѣ свѣтскіе законы государства отмѣняются, а вводится законъ божескій. Въ государствѣ учреждаются 64 свободныхъ суда съ депутатами всѣхъ сословій и крестьянъ въ томъ числѣ, 16 земскихъ, 4 надворныхъ и 1 имперскій верховный судъ германской націи тоже съ выборными отъ сословій, при чемъ у народа въ каждомъ судѣ должно быть 4 лишнихъ голоса".

7. „Всѣ таможенныя пошлины и поборы прекращаются, кромѣ податей, необходимыхъ для мостовъ, дорогъ и плотинъ".

8. „Всѣ дороги объявляются вольными, всѣ пошлины отмѣняются". (Съ расширеніемъ княжеской власти переѣзды изъ одной мѣстности въ другую дѣлались болѣе затруднительными изъ-за пошлинъ, которыя налагались подъ видомъ содержанія мостовъ, дорогъ и проч.).

9. „Всѣ налоги отмѣняются, исключая имперскаго, взносимаго разъ въ 10 лѣтъ".

10. „Единство монеты для всей германской націи".

11. „Единство мѣры и вѣса вездѣ".

12. „Ограниченіе процентовъ большихъ банкирскихъ домовъ".

13. „Освобожденіе дворянства отъ всякихъ ленныхъ обязательствъ по отношенію къ какому бы то ни было духовному лицу".

14. „Отмѣна всякихъ союзовъ князей, владѣтелей и городовъ; вездѣ только защита и законъ императора".

Это была весьма широкая программа, составители которой думали примирить съ новымъ государственнымъ и общественнымъ порядками и князей, и города, и дворянство и упрочить побѣду новаго устройства, болѣе выгоднаго для народа, путемъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ съ отдачею ихъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя понесли бы матеріальные убытки при измѣненіяхъ въ юридическомъ и экономическомъ быту крестьянства, но программа эта требовала, во-первыхъ, сочувствія со стороны императора, во-вторыхъ, большей солидарности между отдѣльными общественными элементами. Между тѣмъ не было ни того, ни другого, а ея связь съ крестьянскимъ возста-

ніемъ, принявшимъ характеръ жестокой расправы съ властями и господами положительно, ее компрометтировала въ глазахъ князей, да они и не должны были сочувственно относиться къ умаленію своей власти, безъ какого не могло бы осуществиться новое имперское устройство. Что программа Венделя Гиплера не была дѣломъ только тѣснаго кружка, лишь въ 1525 г. пришедшаго къ мыслямъ, изложеннымъ въ 14 статьяхъ, доказательствомъ этому можетъ служить сходство этой программы съ тѣмъ, что мы находимъ въ болѣе раннихъ политическихъ памфлетахъ въ родѣ „Реформаціи Фридриха III".

XI. Сектантство и соціальныя движенія [1]).

Религіозное сектантство и соціальныя движенія.—Разныя стороны анабаптизма.—Соціальныя стремленія анабаптистовъ.—Ихъ проповѣдничество въ народѣ.—Роль Ѳомы Мюнцера въ крестьянской войнѣ.—Сектантское движеніе во второй половинѣ двадцатыхъ и въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.—Мюнстерское возстаніе.—Судьба анабаптизма.—Демократическое движеніе въ городахъ.

„Двѣнадцать статей" и гейльброннскій проектъ съ аналогичными имъ программами, требовавшими улучшенія крестьянскаго быта и реформъ болѣе общаго характера, существеннымъ образомъ отличаются отъ тѣхъ революціонныхъ прокламацій, которыя въ эпоху крестьянской войны составлялись и распространялись анабаптистами, стремившимися къ полному ниспроверженію существующаго соціальнаго строя для замѣны его совершенно новымъ, идеальнымъ обществомъ. Дѣло въ томъ, что самъ анабаптизмъ заключалъ въ себѣ не только особенныя религіозныя ученія, но и цѣлое соціальное міросозерцаніе, представляя собою одинъ изъ извѣстныхъ исторіи случаевъ, когда *мистическое сектантство тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ проповѣдью соціальной революціи*: такое явленіе въ XV вѣкѣ мы наблюдаемъ, напр., въ крайнихъ гуситскихъ сектахъ, игравшихъ роль въ чешской исторіи за сто лѣтъ до реформаціи въ Германіи [2]), а спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, въ серединѣ XVII вѣка, и въ англійскомъ индепендентствѣ мы встрѣчаемся съ новымъ случаемъ подобнаго же соединенія религіознаго мистицизма съ стремленіемъ къ соціальному перевороту, хотя обыкновенно бурный, аггрессивный періодъ сектант-

---

[1]) Указанія на литературу см. въ главахъ VII и IX, а кромѣ того, Stern. Die Socialisten der Reformationszeit. Соціальная сторона сектантскихъ доктринъ разсматривается въ нѣкоторыхъ исторіяхъ коммунизма и соціализма, но кратко и общо.

[2]) Томъ I, гл. XLI.

ства бываетъ непродолжителенъ, и для того, чтобы оно могло получить значеніе крупной по своимъ размѣрамъ исторической силы, не всегда существуютъ такія благопріятныя условія, какія нашелъ нѣмецкій анабаптизмъ XVI в. въ происходившей тогда соціальной борьбѣ и въ вызывавшемъ ее народномъ недовольствѣ. Если въ религіозномъ отношеніи и чешскія, и нѣмецкія, и англійскія секты указанныхъ вѣковъ отличаются сильнымъ развитіемъ индивидуализма, отрицая всякій церковный авторитетъ и становясь иногда на точку зрѣнія внутренняго откровенія, то въ отношеніи соціальномъ характерная ихъ черта—господство эгалитарныхъ стремленій, въ силу которыхъ отвергался весь исторически-сложившійся порядокъ вещей съ общественнымъ неравенствомъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности. Крайній индивидуализмъ,—когда онъ не ограничивался одною религіозною сферою, а переносился и въ міръ соціальныхъ отношеній,—доходилъ до совершеннаго анархизма, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма рельефно выступавшаго въ этомъ сектантскомъ движеніи, а эгалитарныя стремленія приводили къ нападеніямъ на частную собственность и не только къ отвлеченному ученію объ общеніи имуществъ, но и къ практическому коммунизму. Ортодоксальная реформація XVI вѣка ограничивала свою задачу областью одной религіи, сектантство ставило своею цѣлью перестроить самое общество на новыхъ началахъ, которыя заимствовались имъ изъ религіозной сферы, и если отрѣшиться отъ мистической окраски, какую приняли соціальныя воззрѣнія анабаптизма, послѣдній въ этой своей сторонѣ можетъ разсматриваться, какъ чисто соціальное ученіе, въ коемъ преобладающее значеніе принадлежитъ принципамъ личной свободы и общественнаго равенства, чѣмъ и опредѣляется (по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи) историческое значеніе анабаптизма.

Въ общественныхъ движеніяхъ новаго времени идеи свободы и равенства играли важную роль, когда въ области фактическихъ отношеній, съ одной стороны, всякаго рода гнетъ и несправедливость вызывали противъ себя оппозицію, нерѣдко принимавшую характеръ совершенно стихійнаго взрыва народныхъ страстей, наблюдаемаго, наприм., въ нѣмецкой крестьянской войнѣ, и когда, съ другой стороны, въ области идей возникали доктрины, которыя, исходя изъ религіозныхъ или философскихъ соображеній, ставили своею задачей оправдать и даже вызвать оппозиціонное движеніе въ народѣ или выяснить чисто теоретическимъ образомъ, какія неотъемлемыя права принадлежатъ личности въ обществѣ и на какихъ принципахъ должно покоиться правильное людское общежитіе. И свобода, и равенство могутъ быть понимаемы весьма различно, ибо понятія эти касаются разныхъ отношеній, существующихъ въ человѣческомъ обществѣ, и

въ каждомъ изъ такихъ отношенiй степень или мѣра свободы и равенства бываетъ также различная. Анабаптизмъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученiй, въ коихъ для индивидуума требовалась неограниченная свобода, а для общества—абсолютное равенство: первое требованiе приводило прямо къ воззрѣнiямъ чисто анархическаго характера, второе—къ теоретическому коммунизму. Въ этомъ отношенiи какъ анабаптизмъ XVI в., такъ и другiя секты, заключавшiя въ себѣ соцiальныя ученiя, должны разсматриваться не только въ исторiи религiозныхъ движенiй, но и въ исторiи движенiй чисто соцiальныхъ, такъ какъ безъ всякихъ натяжекъ историкъ можетъ примѣнять къ этимъ сектамъ понятiя современныхъ соцiализма, коммунизма, анархизма, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло съ тѣми же доктринами и стремленiями, что и въ религiозномъ сектантствѣ реформацiонной эпохи, только въ болѣе законченномъ видѣ и безъ религiозной окраски. Индивидуалистическiя и эгалитарныя стремленiя получали въ сектантствѣ религiозную санкцiю, не только оправдывавшую, но и усиливавшую эти стремленiя, ибо онѣ разсматривались, какъ законныя, какъ согласныя съ волею самого Бога, открывающаго эту свою волю въ писанiи и въ духѣ. Съ своею проповѣдью общественнаго равенства анабаптисты пошли въ народъ, уже давно тяготившiйся своимъ положенiемъ и начинавшiй возставать противъ наложеннаго на него гнета, и проповѣдь эта должна была имѣть успѣхъ, такъ какъ въ ней заключалось обѣщанiе для народа лучшей доли и при томъ обѣщанiе во имя самого слова Божiя: и проповѣдники, и народная масса были убѣждены въ томъ, что наступаютъ совершенно новыя времена, что вся жизнь должна перестроиться на новыхъ началахъ и что начала эти суть настоящiя заповѣди Божiи.

Вопросъ объ отношенiи анабаптизма къ религiозной реформацiи имѣетъ свой особый интересъ, здѣсь же мы ограничимся лишь разсмотрѣнiемъ его отношенiя къ соцiальной борьбѣ, которая происходила тогда въ Германiи. Вообще необходимо различать эти двѣ стороны въ исторiи нѣмецкаго сектантства XVI в., да и другихъ аналогичныхъ движенiй, чтобы понять сущность этого историческаго явленiя. Въ анабаптизмѣ сливались во-едино религiозные и соцiальные элементы: ихъ можно отдѣлять одни отъ другихъ, разсматривая его, какъ одно изъ видныхъ явленiй реформацiонной эпохи, но было бы ошибочно усматривать въ одной изъ этихъ сторонъ основу, а въ другой только придатокъ, которымъ можно и пренебречь. Если, наприм., историки соцiальныхъ ученiй и движенiй склонны въ религiозныхъ воззрѣнiяхъ анабаптистовъ видѣть лишь внѣшнюю форму, въ которой проявилось истинное внутреннее содержанiе сектантства, то, наоборотъ, историки религiозной реформацiи готовы считать соцiальныя стремленiя сектант-

ства лишь за нѣкоторое добавленіе къ его религіозному міросозерцанію. Научному историческому взгляду на анабаптизмъ много мѣшали не только конфессіональныя точки зрѣнія католиковъ и протестантовъ, смотрѣвшихъ на него, одни — какъ на пагубное заблужденіе, другіе—какъ на ненужный и вредный наростъ на благодѣтельной реформаціи, но и другія попытки выясненія его сущности, принимавшія въ расчетъ только одну культурную сторону сектантства, какъ извѣстной религіозной формы, и не обращавшія достаточнаго вниманія на то, что столь же важна въ немъ и сторона соціальная. Соединеніе нравственно-религіозныхъ и соціально-политическихъ воззрѣній въ анабаптизмѣ было такъ тѣсно, что въ сравненіе съ нимъ не можетъ идти даже самъ средневѣковой католицизмъ, который былъ не только вѣроисповѣдной формой, но и цѣлымъ культурно-соціальнымъ міросозерцаніемъ. Послѣдовательные сектанты допускали на землѣ лишь такіе общественные порядки, которые, по ихъ представленію, были бы полнымъ осуществленіемъ на землѣ царства Божія. Средневѣковой католицизмъ тоже исходилъ изъ той идеи, что задача церкви заключается въ водвореніи среди людей Божія царства, но, думая осуществить его принципы путемъ аскетической морали и теократической политики [1]), представители этой системы оставляли существовать внѣ монашества и церковной іерархіи исторически-сложившійся общественный и государственный строй, отдѣльныя стороны котораго сильно, однако, противорѣчили идеалу Божія царства,—оставляли неприкосновенными и крѣпостную зависимость крестьянъ, и неравенство сословій, и крупное землевладѣніе, и связанную съ нимъ феодальную власть, мало того, что не становились въ оппозицію этимъ мірскимъ порядкамъ, но сами ими пользовались, будучи наиболѣе привилегированнымъ сословіемъ, владѣя крѣпостными крестьянами, расширяя площадь своихъ земель, имѣя, наконецъ, въ своихъ рукахъ власть, покоившуюся на чисто матеріальной основѣ землевладѣнія. Другое дѣло—сектанты, не мирившіеся съ какими бы то ни было формами общественнаго неравенства и зависимости человѣка отъ человѣка, находя ихъ противными божественному откровенію и ища въ послѣднемъ оправданія своимъ эгалитарнымъ и индивидуалистическимъ стремленіямъ.

Въ короткое время, въ теченіе котораго анабаптизмъ игралъ роль историческаго фактора, въ немъ проявилось нѣсколько не вполнѣ сходныхъ между собою направленій, и онъ пережилъ не одинъ фазисъ. Индивидуалистическая подкладка этого религіознаго движенія препятствовала тому, чтобы анабаптизмъ получилъ какую-либо прочную организацію. Распространившись весьма быстро по Германіи,

---

[1]) Томъ I, гл. XXII и XXIII.

Швейцаріи и Голландіи, онъ не могъ перерости мелкихъ религіозныхъ общинъ, въ коихъ все было различно—и вѣроученіе, и поведеніе, да и попытки объединить всѣ эти общины въ одномъ исповѣданіи не дѣлалось. Тѣмъ не менѣе, кромѣ перекрещенства, бывшаго общимъ явленіемъ во всѣхъ сектахъ, существовали нѣкоторые признаки, отличавшіе всѣхъ анабаптистовъ, и многіе изъ нихъ были именно не столько религіознаго, сколько соціальнаго характера, за что предержащія власти всегда готовы были видѣть бунтовщиковъ въ этихъ сектантахъ даже тогда, когда послѣдніе настроены были мирно: анабаптисты отвергали именно присягу, военную службу, суды, повиновеніе правительству, которое не было христіанскимъ въ ихъ смыслѣ. По ученію, наприм., Ѳомы Мюнцера, перекрещенцы были святы и не нуждались въ подчиненіи какимъ-либо законамъ, а разъ свободные не должны повиноваться никакимъ людямъ, на нихъ не лежитъ никакихъ служебныхъ обязательствъ по отношенію къ кому бы то ни было, никакихъ повинностей, пошлинъ, десятинъ и т. п. Далѣе, онъ утверждалъ, что всѣ люди братья и сестры по духу, что у перерожденныхъ святыхъ не можетъ быть частной собственности, такъ какъ имущество должно быть общимъ достояніемъ всѣхъ связанныхъ между собою узами человѣческаго братства. Отвергая существующій государственный и общественный строй, одни изъ сектантовъ ограничивались пассивнымъ сопротивленіемъ тому, что считали безбожнымъ, но другіе не могли удержаться на этой точкѣ зрѣнія, тѣмъ болѣе, что многіе прямо требовали насильственнаго ниспроверженія всѣхъ отвергавшихся ими порядковъ, находя, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“. Мало-по-малу анабаптизмъ принялъ характеръ проповѣди, главнымъ содержаніемъ которой была кровавая революція, истребленіе огнемъ и мечомъ нечестивыхъ и подготовленіе этимъ путемъ окончательнаго торжества святыхъ на землѣ. Преслѣдованія, коимъ подвергались сектанты, убѣждали ихъ въ томъ, что наступили послѣднія времена передъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ, и что претерпѣвшій до конца спасется. Въ періодъ, наступившій послѣ подавленія крестьянскаго возстанія, въ особомъ ходу была мысль о послѣднихъ временахъ, соединенная съ чаяніемъ апокалипсическаго тысячелѣтняго царства святыхъ, напоминающимъ намъ хиліастическія ожиданія, бывшія столь распространенными въ первыя вѣка христіанства.

Анабаптистская проповѣдь производила сильное впечатлѣніе на народныя массы, и безъ того уже сильно возбужденныя. Многіе сектанты надѣвали на себя особое платье и начинали вести необычный образъ жизни, какъ будто стремясь возстановить строгость древняго аскетизма. Безъ посоха и сумы, слѣдуя евангельскому предписанію, переходили они изъ города въ городъ, изъ села въ село, нерѣдко

возвѣщая свое ученіе съ крышъ домовъ, опять-таки буквально понявъ текстъ писанія; со многими во время проповѣди дѣлались отъ сильнаго возбужденія конвульсіи и обмороки, дѣйствовавшіе на слушателей; между сектантами сильно была распространена вѣра въ сверхъестественныя откровенія, пророчества и видѣнія, и глубоко убѣжденные въ ихъ истинности, они сообщали ту же увѣренность и другимъ. Впослѣдствіи преслѣдованія и казни, которымъ стали подвергать сектантовъ, какъ бунтовщиковъ противъ установленныхъ властей и законовъ, окружали ихъ ореоломъ мученичества за правду, а таковою казалось и по содержанію своему ихъ соціальное ученіе угнетенному и начавшему бунтовать народу. Если такіе идеалисты, какимъ, несомнѣнно, былъ Ѳома Мюнцеръ и другіе главари анабаптистовъ, оставались на высотѣ идеи, не заботясь даже о выработкѣ болѣе опредѣленнаго плана новыхъ общественныхъ порядковъ, а уповая только на то, что всемогущій Богъ даже совершитъ чудо для доставленія побѣды правому дѣлу и устроитъ человѣческую жизнь, какъ ей слѣдуетъ быть по его святой волѣ, то толпа, увлекавшаяся ученіями анабаптистскихъ проповѣдниковъ, принимала возвѣщавшуюся ими свободу въ смыслѣ полнаго своеволія, а общность имущества—въ смыслѣ присвоенія чужой собственности, допуская при этомъ насилія и жестокости, которыя, впрочемъ, оправдывались самимъ Мюнцеромъ, видѣвшимъ въ огнѣ и мечѣ средство наказанія нечестивыхъ. Крайній, непримиримый и особенно кровавый характеръ крестьянская война и приняла въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ распространились анабаптистскія идеи и во главѣ возставшихъ дѣйствовалъ Ѳома Мюнцеръ.

Намъ уже извѣстно, что Мюнцеръ въ весьма раннемъ возрастѣ началъ свою революціонную дѣятельность, которую продолжалъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Цвиккау, примкнувши къ тамошнимъ пророкамъ, и въ Виттенбергѣ, гдѣ его появленіе совпало съ происходившими среди городского населенія безпорядками [1]). Изгнанный сначала изъ Цвиккау вмѣстѣ съ другими агитаторами, онъ отправился въ Прагу, но и отсюда онъ былъ удаленъ властями, испугавшимися его агитаціи. Здѣсь именно онъ обратился къ „возлюбленнымъ чешскимъ братьямъ“ съ страстной прокламаціей, характерной по своему пророческому тону, которымъ вообще отличаются писанія Мюнцера. „Я, говоритъ онъ въ этомъ своемъ манифестѣ,—я хочу огласить вмѣстѣ съ великимъ поборникомъ Христа Іоанномъ Гусомъ своды храма новымъ гимномъ... Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось на нихъ пророчество Іереміи: „Дѣти просили хлѣба и никто не далъ имъ его“... Полный скорби

---

[1]) См. выше, стр. 73—74.

и состраданія, я оплакиваю гибель истинной церкви Божіей; среди развалинъ ея христіанскій міръ не видитъ, что его объемлетъ египетскій мракъ. Когда народъ перестал избирать проповѣдниковъ, начался обманъ; съ тѣхъ поръ ученіе церкви и порядокъ перестали быть въ Германіи гласомъ Божіимъ... Но возрадуйтесь! всходы вашихъ нивъ побѣлѣли и готовы къ жатвѣ. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день, и я точу мой серпъ, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ высшую истину, уста мои проклянутъ безбожниковъ; я пришелъ въ ваши благословенные предѣлы, о любезные чешскіе братья, чтобы обличить и истребить этихъ безбожниковъ. Не мѣшайте, но помогите мнѣ! Я обѣщаю вамъ великую славу и честь; здѣсь начнется новая апостольская церковь и изыдетъ отсюда во всѣ страны свѣта. Церковь будетъ молиться не нѣмому, а живому, глаголющему Богу. Если я солгу въ живомъ словѣ Божіемъ, которое нынѣ исходитъ изъ устъ моихъ, то готовъ понести бремя Іереміи и предаться мукамъ здѣшней и вѣчной жизни". Вынужденный оставить Чехію, Мюнцеръ и появился на время въ Виттенбергѣ, гдѣ произошло его сближеніе къ Карльштадтомъ, вскорѣ послѣ чего они оба стали полемизировать съ Лютеромъ и реформировать богослуженіе, Карльштадтъ—въ Орламюнде, Мюнцеръ—въ Альштедтѣ, получивъ въ этомъ тюрингенскомъ городкѣ мѣсто священника. Когда Лютеръ пригласилъ его въ Виттенбергъ для объясненія съ собою, онъ къ нему не поѣхалъ, а Фридрихъ Мудрый, на котораго Лютеръ думалъ подѣйствовать, чтобы тотъ изгналъ Мюнцера, не хотѣлъ его удалить изъ Альштедта, не выслушавъ его предварительно самъ. Въ 1524 г. курфюрстъ съ братомъ своимъ пріѣхалъ въ альштедтскій замокъ и пригласилъ Мюнцера произнести проповѣдь. Темою для послѣдней Мюнцеръ выбралъ текстъ: „не миръ я пришелъ принести, но мечъ" (Матѳ., X, 34), а содержаніемъ ея было доказательство того, что правители должны устранить зловредныхъ людей, препятствующихъ проповѣди Евангелія, и что если они этого не сдѣлаютъ, Богъ отниметъ у нихъ мечъ. „Всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ", и Христосъ, сказавшій это, не отмѣнилъ заповѣди, данной Моисею, не щадить идолопоклонниковъ, разрушать ихъ алтари, жечь ихъ идоловъ, дабы Господь не прогнѣвался на народъ свой. „Люди, любящіе спокойствіе, говорилъ онъ еще, отвергаютъ эту мысль, но я во-истину знаю, что духъ Божій открываетъ теперь многимъ избраннымъ благочестивымъ людямъ превосходную неодолимую будущую реформацію, и она должна быть совершена наперекоръ всѣмъ сопротивляющимся". Это было время, когда Мюнцеръ думалъ еще принимать въ свой союзъ для „осуществленія царства Божія въ свободѣ, равенствѣ и чистотѣ"—правителей и господъ, но скоро

курфюрстъ велѣлъ ему покинуть Альштедтъ за разрушеніе одной капеллы съ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Мюнцеръ отправился тогда въ Мюльгаузенъ, откуда ему также пришлось удалиться: въ этомъ городѣ произошелъ демократическій переворотъ, во главѣ коего стоялъ бывшій монахъ Генрихъ Пфейферъ, но такъ какъ новаторы не поладили между собою, старый порядокъ былъ возстановленъ городскимъ патриціатомъ, и въ числѣ агитаторовъ, изгнанныхъ изъ города, былъ и Мюнцеръ. То же случилось съ нимъ и въ Нюрнбюргѣ, гдѣ онъ напечаталъ рѣзкій отвѣтъ на обвиненія Лютера съ нападками на князей и господъ, обирающихъ и притѣсняющихъ народъ. Наконецъ, изъ Базеля, гдѣ ему оказалъ покровительство мѣстный реформаторъ Эколампадій, когда по сосѣдству началось крестьянское возстаніе, онъ отправился опять въ Мюльгаузенъ, чтобы и тамъ поднять народъ. Когда онъ возвратился въ этотъ городъ, послѣдній снова былъ уже въ рукахъ низшаго класса жителей и сосѣднихъ сельчанъ, предводимыхъ Пфейферомъ. Мюльгаузенъ сдѣлался даже главной квартирой тѣхъ крестьянъ, которые стали подъ предводительство Мюнцера. Отсюда вышелъ одинъ изъ его кровавыхъ манифестовъ, въ коемъ онъ вооружался противъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ между крестьянами и ихъ господами. „Не склоняйтесь, писалъ онъ, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ дружески молить, стонать, плакать передъ вами, — плакать, какъ дѣти, — не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея. Намъ онъ открылъ то же... Пусть ваши мечи не охлаждаются отъ крови. Выковывайте ихъ на наковальнѣ Немврода: пусть падетъ его башня. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха; вамъ нельзя говорить о Богѣ, пока они управляютъ вами. Итакъ, за дѣло, пока еще не ушло время!.. Не ваша идетъ война, а Господня! Не за себя вы боретесь“ и т. д. Въ Мюльгаузенѣ было учреждено новое демократическое правленіе („вѣчный совѣтъ“), слѣдовавшее указаніямъ Мюнцера, и въ городъ стало стекаться множество народа, чтобы вести отсюда истребительную войну съ представителями власти и богатства. Прокламаціи Мюнцера къ окрестному населенію не оставались напрасными: онѣ дѣйствовали на страсти; насилія, убійства и грабежи казались возставшему народу завѣтами самого Бога противъ безбожниковъ, тѣмъ болѣе, что Мюнцеромъ приводились въ этомъ смыслѣ тексты изъ писанія, и онъ ссылался, кромѣ того, какъ и другіе анабаптисты, на непосредственныя откровенія, которыя ему были свыше. У Франкенгаузена, гдѣ на крестьянъ, предводимыхъ Мюнцеромъ, напали князья, произошла трагическая развязка: нестройная толпа, которую ея вождь съумѣлъ нафанатизировать, но не-

съумѣлъ и не смогъ приготовить къ побѣдѣ, была перебита, самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, подвергнутъ допросу, жестокой пыткѣ и наконецъ казни. На допросѣ онъ говорилъ, что въ самой ранней юности на него дѣйствовалъ духъ, который требовалъ отъ него принесенія жертвъ для освобожденія народа отъ угнетеній, и указывалъ на самихъ князей, какъ на тиранновъ, враговъ Евангелія и христіанской свободы. Своею онъ призналъ такъ-называемую программу шварцвальцскаго евангелическаго братства, отличавшуюся отъ остальныхъ тѣмъ, что ею признавалось только одно существованіе, именно то, которое должны были вести одинаково всѣ люди: кто не хотѣлъ вступить въ братство, подвергался мірскому отлученію, состоявшему въ томъ, что съ такимъ человѣкомъ запрещалось всякое общеніе. Поэтому объявлялись отлученными въ этой программѣ замки, монастыри и плебаніи (священническіе дома), такъ какъ въ нихъ-де выросли измѣна, насиліе и несправедливость, а господа, монахи и священники принимались въ общеніе только подъ условіемъ жизни въ обыкновенныхъ домахъ и отказа отъ своихъ имѣній.

Уже до крестьянской войны анабаптизмъ не былъ мѣстнымъ явленіемъ, распространившись почти по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ. Преслѣдованія, коимъ стала подвергаться самая принадлежность къ анабаптизму, особенно послѣ того, какъ его революціонный характеръ проявился въ крестьянской войнѣ, только содѣйствовали распространенію сектантскихъ ученій: изгоняемые изъ однихъ мѣстъ, проповѣдники анабаптизма шли въ другія и пріобрѣтали новыхъ послѣдователей главнымъ образомъ среди низшихъ классовъ населенія, которыхъ привлекала къ себѣ соціальная сторона сектантства, хотя въ числѣ его сторонниковъ можно указать и нѣсколько людей съ образованіемъ и даже ученыхъ. Гоненія на перекрещенцевъ были особенно сильны во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда противъ нихъ принимались мѣры и въ Германіи, и въ Швейцаріи,—въ княжествахъ и кантонахъ, принявшихъ реформацію Лютера и Цвингли, равно какъ и въ тѣхъ, которые остались вѣрными католической церкви и въ которыхъ не дѣлали никакого различія между нововѣрами, не останавливаясь передъ сожженіемъ на кострѣ всѣхъ, кого можно было признать зараженными ересью. Во время пытокъ и казней анабаптисты обнаруживали большую стойкость, напоминающую древнихъ мучениковъ и удивлявшую современниковъ. Лютеръ даже склонялся къ объясненію ихъ упорства какимъ-то особымъ сатанинскимъ внушеніемъ, хотя такую же стойкость проявляли и собственные его послѣдователи тамъ, гдѣ и ихъ подвергали гоненіямъ. Сами сектанты нерѣдко подкрѣпляли себя примѣрами христіанскаго мученичества: преслѣдованія ихъ закаляли, придавали всему ихъ нравственному облику характеръ нѣкоторой суровости,

развивали въ нихъ нервное возбужденіе, дѣлавшее изъ нихъ визіонеровъ и пророковъ, гнавшее ихъ на апостольскую проповѣдь, заставлявшее ихъ ожидать скораго наступленія тысячелѣтняго царства Христа со святыми на землѣ. Хиліастическія чаянія, съ коими были соединены представленія объ общественномъ устройствѣ на новыхъ началахъ, сдѣлались особенно напряженными около 1530 года, когда явилось нѣсколько пророковъ, предсказывавшихъ скорую кончину міра: въ гоненіяхъ они видѣли ясные признаки наступленія послѣднихъ временъ и предсказывали быстрое пришествіе такого часа, когда праведные восторжествуютъ и накажутъ грѣшниковъ. Нѣкій Гансъ Гутъ предрекалъ свѣтопреставленіе и страшный судъ на Пасху 1528 года. Въ слѣдующемъ году скорнякъ Августинъ Бадеръ въ Аугсбургѣ говорилъ о возстаніи, послѣ котораго начнется тысячелѣтнее царство съ сыномъ его во главѣ. Но особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на анабаптистовъ Мельхіоръ Гофманъ, еще въ 1526 г. предсказывавшій страшный судъ на 1533 г. и въ 1530 г. примкнувшій къ страсбургскимъ анабаптистамъ. Въ Страсбургѣ подъ его вліяніемъ произошло сильное броженіе; власти посадили въ тюрьму этого „Илію“ „Новаго Іерусалима“, и Гофманъ только благодарилъ Господа за то, что приближается часъ, такъ какъ и въ своемъ заключеніи онъ видѣлъ одинъ изъ признаковъ скораго пришествія Христова. Гофманъ былъ и проповѣдникомъ анабаптизма въ Нидерландахъ, гдѣ уже раньше были сектанты и онъ потому нашелъ много послѣдователей своему ученію: среди нихъ въ то время, когда самъ Гофманъ сидѣлъ въ страсбургской тюрьмѣ, особенно выдвинулся гарлемскій булочникъ Янъ Матисенъ, назвавшій себя Енохомъ и выславшій двѣнадцать апостоловъ на проповѣдь совершенно революціоннаго характера, въ числѣ же этихъ миссіонеровъ былъ молодой красавецъ и ораторъ Янъ Боккельсонъ или Боккольдъ, лейденскій уроженецъ, успѣвшій перемѣнить нѣсколько профессій, прежде чѣмъ сдѣлаться проповѣдникомъ анабаптизма. Эти миссіонеры явились въ Мюнстеръ, гдѣ давно уже шла религіозная и соціально-политическая борьба, подобная той, какая велась тогда во многихъ мѣстностяхъ Германіи.

Еще въ 1525 г. подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго крестьянами, мюнстерскіе ремесленники выступали съ цѣлымъ рядомъ требованій, имѣя противъ себя епископа, духовенство и зажиточныхъ гражданъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ демократическое движеніе возобновилось, когда сначала въ окрестностяхъ города, а потомъ и въ немъ самомъ сталъ дѣйствовать лютеранскій проповѣдникъ Ротманъ, которому покровительствовали мѣстныя гильдіи и вліятельный торговецъ сукномъ Книппердолингъ. Ротманъ сталъ во главѣ народнаго движенія, результатомъ коего было введеніе въ большей части городскихъ

церквей евангелическаго богослуженія. Къ этому движенію примкнулъ городской совѣтъ, и епископу оставалось только согласиться на уступки: въ 1533 г. онъ долженъ былъ отдать приходскія церкви евангеликамъ, оставивъ за собою и капитуломъ только соборъ и монастырскія церкви. Вскорѣ однако въ реформаціонной партіи произошелъ раздоръ вслѣдствіе появленія въ городѣ анабаптизма, на сторону коего склонился самъ Ротманъ: городскія власти задумали запретить это ученіе, но Ротманъ воспротивился такому распоряженію и поднялъ противъ совѣта—ремесленниковъ, и вотъ въ это-то время (1534 г.) явились въ Мюнстеръ сначала Янъ Боккольдъ, а потомъ и самъ Матисенъ, объявившій, что Господь сдѣлаетъ изъ этого города Новый Іерусалимъ, а вмѣстѣ съ ними и за ними пришли цѣлыя толпы анабаптистовъ, къ которымъ примкнуло большинство мѣстныхъ простолюдиновъ. Благодаря оказанной имъ здѣсь терпимости, они стали стекаться сюда со всѣхъ сторонъ въ большомъ количествѣ. Результатомъ всего этого было то, что сектанты завладѣли городомъ, выбравъ въ городской совѣтъ своихъ единомышленниковъ и назначивъ Книппердолинга бургомистромъ, и начали устраивать въ Мюнстерѣ царство Христово. Произошло фанатическое истребленіе иконъ, органовъ, церковныхъ украшеній и всего, что только можно было подвести подъ понятіе идолопоклонства, истребленіе всѣхъ книгъ, кромѣ библіи, истребленіе предметовъ роскоши и всего, что напоминало общественное неравенство, а жители города, не принадлежавшіе еще къ анабаптизму, насильно перекрещивались или въ случаѣ отказа это сдѣлать, изгонялись изъ своихъ домовъ и изъ самаго Мюнстера, причемъ ихъ имущество объявлялось общею собственностью святыхъ и завѣдованіе имъ поручалось особымъ діаконамъ. Но „избранному народу Божію", какимъ считали себя сектанты, завладѣвшіе Мюнстеромъ, предстояло еще защищать свое царство отъ „язычниковъ и безбожниковъ", т.-е. отъ епископа, дворянъ и изгнанныхъ гражданъ, взявшихся за оружіе и осадившихъ городъ: мюнстерскіе святые кликнули кличъ, и на призывъ къ помощи потянулись въ осажденный Мюнстеръ новыя толпы сектантовъ, которымъ на первыхъ порахъ, пока не всѣ пути въ городъ были отрѣзаны, и удавалось проникать въ его стѣны. Между тѣмъ внутри города дѣятельно готовились къ борьбѣ подъ начальствомъ вождя-пророка Матисена. Когда онъ былъ убитъ въ одной слишкомъ смѣлой вылазкѣ, Янъ Боккольдъ или, какъ его обыкновенно называютъ, Іоаннъ Лейденскій объявилъ, что по бывшему ему откровенію онъ назначенъ свыше въ преемники убитому пророку, и признанный въ этомъ санѣ, сталъ организовать въ Мюнстерѣ теократическое правленіе, руководительствуясь собственными фантазіями и указаніями, почерпнутыми изъ ветхаго завѣта. Сначала онъ установилъ для „новаго Израиля"

двѣнадцать старѣйшинъ по числу колѣнъ израилевыхъ, сдѣлавъ изъ нихъ военачальниковъ, правителей и судей, но вскорѣ, когда одинъ фанатикъ объявилъ, что имѣлъ откровеніе, возвѣстившее ему, что Янъ Боккольдъ долженъ сдѣлаться царемъ новаго Сіона и покорить всѣ царства земныя, преемникъ Матисена сталъ именоваться „Іоанномъ, Божіею милостью царемъ новаго Израиля“, назначилъ на высшія должности Ротмана и Книппердолинга, устроилъ цѣлый придворный штатъ и завелъ гаремъ. Еще ранѣе этого онъ имѣлъ откровеніе, что въ новомъ Іерусалимѣ, какъ и въ древнемъ, должно быть дозволено многоженство для размноженія племени святыхъ, а Ротманъ доказывалъ въ проповѣдяхъ истинность этого принципа: теперь пророкъ довелъ число своихъ женъ до шестнадцати. Облеченный въ пышную одежду съ короной на головѣ и сидя на „престолѣ давидовомъ“, царь сектантскаго Сіона самъ судилъ и правилъ своимъ народомъ съ крайнею жестокостью. Уже до принятія имъ царскаго сана, противъ него составился заговоръ, въ коемъ участвовали двѣсти человѣкъ, желавшіе его арестовать вмѣстѣ съ его приверженцами и возстановить въ Мюнстерѣ лютеранизмъ, но они потерпѣли пораженіе и были безжалостно умерщвлены. Впослѣдствіи, когда въ Мюнстерѣ обнаружился крайній недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, началось изъ него дезертирство и, собственно говоря, такимъ перебѣжчикамъ обязано было епископское войско взятіемъ города. Анабаптисты защищались весьма отважно, долгое время расчитывая на помощь своихъ единовѣрцевъ, которые, дѣйствительно, сильно волновались по всей Германіи, вѣрили, что въ Мюнстерѣ начинается царство Божіе, и собирались оказать помощь осажденному городу. Послѣ того, какъ было отбито подъ начальствомъ самого Іоанна Лейденскаго нападеніе епископскихъ ландскнехтовъ и вслѣдствіе этой неудачи осада затянулась, сеймъ 1535 г. послалъ на подмогу епископу имперское войско, которое отрѣзало подвозъ провіанта въ Мюнстеръ и этимъ приблизило катастрофу: князьямъ и имперскимъ городамъ нужно было оказать содѣйствіе мюнстерскому епископу, ибо начинали опасаться повторенія 1525 г. въ виду того, что снова подняли голову радикальныя партіи, снова зашевелились крестьяне. Измѣна двухъ перебѣжчиковъ,—число коихъ вообще увеличилось вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ,—открыла непріятелю доступъ въ городъ въ ночь на 24 іюня 1535 г. Мюнстеръ былъ взятъ съ боя; отчаянно защищавшіеся анабаптисты перебиты или казнены, другіе изгнаны изъ города или оштрафованы; Боккольдъ и Книппердолингъ подвергнуты страшнымъ пыткамъ и замучены до смерти; городъ лишился своего самоуправленія, и выборы въ городской совѣтъ были поставлены подъ власть капитула и сосѣднихъ дворянъ, а его жителей должна была держать въ повиновеніи

построенная въ немъ цитадель, гдѣ былъ поставленъ гарнизонъ; наконецъ, возстановлялся въ Мюнстерѣ католицизмъ, и евангелическое богослуженіе строго запрещалось.

Анабаптизмъ былъ раздавленъ, хотя и послѣ катастрофы 1535 г. оставались еще вѣрующіе въ то, что скоро должно наступить тысячелѣтнее царство Божіе на землѣ, въ коемъ избранные будутъ блаженствовать. Но аггрессивный періодъ сектантства окончился съ паденіемъ „новаго Сіона“: преслѣдуемые властями, анабаптисты уходили изъ отечества въ другія страны, удалялись съ континента въ Англію, даже позволяли себя убивать, не оказывая сопротивленія, какъ это случилось въ Зальцбургѣ. Уже ранѣе между ними было распространено убѣжденіе въ грѣховности войны и въ непозволительности избранникамъ Божіимъ носить оружіе; непротивленіе злу сдѣлалось теперь основой анабаптистской этики, и на этомъ-то началѣ построилъ свое ученіе обновитель анабаптизма Менно Симонсъ, по имени коего до сихъ поръ называются меннонитами мирные и трудолюбивые сектанты въ Германіи и Нидерландахъ (баптисты въ Англіи и Америкѣ), отличающіеся моральнымъ ригоризмомъ своихъ родоначальниковъ XVI вѣка, но совершенно порвавшіе съ традиціями соціальной революціи, что однако не спасало и ихъ отъ гоненій. Въ общемъ соціально-революціоннымъ характеромъ отличалось нѣмецкое сектантство реформаціонной эпохи лишь въ теченіе какихъ-либо десяти-пятнадцати лѣтъ, но нѣкоторыя черты того царства Божія на землѣ, о коемъ мечтали анабаптисты двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XVI вѣка, сохранились въ образѣ жизни и устройствѣ меннонитскихъ общинъ.

Два раза начиналась въ Германіи XVI в. соціальная революція и оба раза—и въ серединѣ двадцатыхъ, и въ серединѣ тридцатыхъ годовъ—подъ знаменемъ анабаптизма; въ первомъ случаѣ она имѣла характеръ крестьянскій, во второмъ городской, но подобно тому, какъ крестьянское возстаніе происходило и независимо отъ сектантской пропаганды, такъ и демократическое движеніе въ городахъ не всегда соединялось съ принятіемъ анабаптизма, какъ въ Страсбургѣ или Мюнстерѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ городской патриціатъ былъ на сторонѣ католицизма, а простонародье сочувствовало реформаціи, и гдѣ оно получало участіе во власти, тамъ вводило лютеранство, какъ это бывало въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверной Германіи. Выдающимся примѣромъ демократическаго движенія среди горожанъ безъ какой бы то ни было сектантской окраски можетъ служить то, что происходило одновременно съ мюнстерскими событіями въ ганзейскомъ и лютеранскомъ городѣ Любекѣ. Въ 1530 г. здѣсь произошла политическая реформа въ демократическомъ духѣ, и однимъ изъ ея дѣятелей былъ знаменитый Юргенъ Вулленвеберъ, впослѣд-

ствіи бургомистръ: въ городской совѣтъ, состоявшій прежде изъ однихъ знатныхъ гражданъ, были назначены новые члены изъ простолюдиновъ, и совѣтъ этотъ долженъ былъ контролироваться избираемымъ гражданами комитетомъ, а въ 1533 г. Вулленвеберъ настоялъ на отмѣнѣ пожизненности званія членовъ совѣта, которые теперь должны были выбираться лишь на два года. У Вулленвебера, сдѣлавшагося любекскимъ бургомистромъ, были широкіе политическіе планы—подчиненія родному городу скандинавскихъ государствъ, въ коихъ ему нужно было поддержать реформаціонное и демократическое движеніе, а это требовало соединенія съ другими городами, но исполненіе смѣлаго замысла было имъ не подъ силу. Попытка окончилась неудачей, и въ Любекѣ по опредѣленію имперскаго верховнаго суда въ 1535 г. было возстановлено старое устройство. Павшаго бургомистра, котораго враги взяли въ плѣнъ, обвиняли потомъ въ намѣреніи пойти по стопамъ мюнстерскихъ анабаптистовъ, и онъ былъ казненъ, не смотря на то, что въ этомъ обвиненіи не было ни малѣйшей доли правды [1]).

XII. Нѣмецкіе князья и лютеранская реформація.

Причины союза Лютера съ князьями и его отказа отъ первоначальныхъ принциповъ.—Нѣмецкіе князья и церковная реформація.—Роль Фридриха Мудраго въ началѣ реформаціи.—Отношеніе князей къ реформаціи въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в.—Реакція и расколъ въ Германіи послѣ рыцарскаго и крестьянскаго возстаній.—Карлъ V и шпейерскій сеймъ 1526 г.—Введеніе новыхъ церковныхъ порядковъ.— Секуляризація церковной собственности.—Нетерпимость Лютера.—Его отношеніе къ Цвингли.—Реакціонныя явленія въ лютеранствѣ.—Внутреннее состояніе Германіи около 1530 г.

Революціонныя движенія, совершавшіяся подъ знаменемъ религіозныхъ идей, и возникновеніе сектантства, разрывавшаго всякую связь съ теологическими и церковными традиціями религіи, не могли не отразиться на характерѣ той реформаціи, которой суждено было прославить имя Лютера и утвердиться въ цѣлой половинѣ Германіи въ качествѣ оффиціально признаннаго вѣроисповѣданія. Мы видѣли, что Лютеръ ограничивалъ свою задачу реформою одной церкви, и что въ его прошломъ были своего рода задатки того, чтобы реформа эта отличалась нѣкоторымъ консерватизмомъ: политическія смуты, отождествлявшіяся съ дѣломъ религіозной реформаціи, въ его глазахъ только компрометтировали это дѣло, причиняли ему вредъ, и такое же искаженіе дорогой ему церковной реформы видѣлъ онъ въ сектантствѣ, уходившемъ въ своемъ очищеніи вѣры отъ человѣческихъ

[1]) *Waitz.* Lübeck unter Jürgen Wullenwever und die europaeische Politik.—*Форстенъ* въ соч., указ. на стр. 11.

измышленій гораздо далѣе, нежели онъ самъ могъ идти. Ища прочной власти, которая могла бы ему помочь выполнить свою задачу, *онъ долженъ былъ заключить союзъ съ князьями, но союзъ этотъ не могъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ подчиненіемъ церкви государству*, представлявшимъ самъ по себѣ большую выгоду для князей. Послѣдніе положительно выигрывали отъ реформаціи, какъ понималъ ее Лютеръ, и въ тѣ самые годы, когда князья побѣждали возставшихъ рыцарей и крестьянъ, уже намѣчался княжескій характеръ лютеранской реформаціи: князья освобождались отъ власти папы, секуляризировали церковную собственность, подчиняли себѣ мѣстное духовенство, превратившееся въ ихъ чиновниковъ, вступали въ многія права, которыя прежде принадлежали церкви, а довершеніемъ всего было знаменитое «cujus regio, ejus religio", въ силу коего страна должна была слѣдовать религіи своего государя. *Если иниціатива реформаціоннаго движенія въ Германіи вышла снизу, изъ народа, то воспользовались результатами этого движенія носители государственной власти надъ отдѣльными территоріями*, на какія раздѣлялась Германія [1]). Съ другой стороны, проводя церковную реформу при помощи князей, Лютеръ *отступилъ отъ многихъ началъ своего первоначальнаго религіознаго протеста*, и въ этомъ заключается другая особенность произведенныхъ имъ преобразованій въ вѣроученіи и церковной жизни, получившихъ оффиціальное признаніе и въ силу этого начавшихъ поддерживаться внѣшнимъ авторитетомъ гражданской и духовной власти, хотя это совсѣмъ уже не совпадало съ индивидуалистическимъ исходнымъ пунктомъ религіознаго міросозерцанія Лютера. Когда у насъ шла рѣчь о началѣ реформаціи, были отмѣчены и то отношеніе, въ какое сталъ Лютеръ къ князьямъ, и то, въ чемъ онъ счелъ нужнымъ отказаться отъ своихъ первоначальныхъ точекъ зрѣнія [2]), но тогда имѣлась въ виду болѣе психологія самого реформатора, чѣмъ характеръ его реформы: разсмотримъ теперь этотъ послѣдній, не забывая той роли (хоть и чисто отрицательной), какую въ исторіи лютеранской реформаціи играли и политическія событія эпохи, и появленіе другихъ видовъ религіознаго протеста.

Въ исторіи реформаціи наблюдается одно общее явленіе — *зависимость принятаго тѣмъ или другимъ государствомъ церковнаго устройства отъ политической формы этого государства* [3]): объясняется это явленіе тѣмъ, что принятіе или непринятіе реформаціи зависѣло отъ государственной власти, которая могла быть монархи-

---

[1]) Ср. выше, стр. 8.
[2]) Ср. выше, стр. 66—69.
[3]) Ср. выше, стр. 8.

ческой или республиканской, и весьма естественно, что политическая форма отражалась поэтому на томъ устройствѣ, какое получала реформированная церковь. *Мысль о правѣ государственной власти вмѣшиваться въ церковныя дѣла существовала уже ранѣе*, чѣмъ приступили къ проведенію религіозной реформы въ разныхъ государствахъ XVI вѣка [1]), и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что къ власти обратились реформаторы, какъ къ той силѣ, которая своимъ содѣйствіемъ только и могла дать установиться новому порядку вещей. Съ своей стороны, у государей могли быть положительные интересы, помимо религіознаго убѣжденія, стать на сторону реформаціи: политическая оппозиція противъ куріи, секуляризаціонныя стремленія, желаніе расширенія своей власти, все это могущественно должно было влечь государей къ церковнымъ преобразованіямъ, сулившимъ имъ освобожденіе отъ папской власти, переходъ въ ихъ руки собственности духовенства и монашества, подчиненіе имъ клира, хотя, какъ мы еще увидимъ, существовали и другіе мотивы, которые, опять-таки помимо религіознаго убѣжденія, должны были, наоборотъ, удерживать ихъ въ лонѣ старой церкви. Для нѣмецкихъ князей, давно уже стоявшихъ въ рѣзкой оппозиціи противъ папства, реформаціонное движеніе, охватившее націю, было весьма выгодно, не говоря уже о томъ, что и на нихъ дѣйствовала новая проповѣдь сама по себѣ, и только революціонныя движенія, соединившіяся съ національнымъ стремленіемъ къ религіозной реформаціи, въ значительной мѣрѣ стали удерживать многихъ князей отъ перехода на сторону новой вѣры, чѣмъ до извѣстной степени и объясняется расколъ, внесённый реформаціей въ жизнь Германіи, распавшейся на двѣ части — на католическую и евангелическую. Тамъ, гдѣ князья примкнули къ движенію, они извлекли изъ него для себя большія выгоды, и въ данномъ отношеніи велико было содѣйствіе, оказанное имъ Лютеромъ, который въ нихъ, — да и въ имперскихъ городахъ еще, игравшихъ все-таки второстепенную роль, — нашелъ единственную силу, способную поддержать необходимый порядокъ и утвердить господство реформированной религіи. Но не менѣе естественнымъ было и то, что покровители реформаціи сдѣлались ея опекунами и господами вновь основанныхъ церквей: они подавили общественные элементы, бросившіеся въ соціально-политическую революцію, какъ позднѣе съ успѣхомъ отразили попытку императора поставить въ Германіи выше всего свой законъ, и сдѣлавшись господами положенія въ дѣлахъ свѣтскихъ, не могли устоять передъ соблазномъ занять такую же позицію и по отношенію къ дѣламъ духовнымъ, тѣмъ болѣе, что нужно

---

[1]) Томъ I, гл. XL.

было кому-нибудь устроить новые церковные порядки, а кто занимался этимъ дѣломъ, тотъ естественно и необходимо вносилъ въ него свои стремленія и интересы, и тѣмъ болѣе еще, что самый авторитетный богословъ реформаціи приглашалъ князей взять въ свои руки завѣдываніе внѣшнимъ порядкомъ новой церковной жизни.

Мы уже знаемъ, что реформація въ смыслѣ отмѣны католическихъ учрежденій и церковныхъ нововведеній началась въ Виттенбергѣ безъ Лютера, находившагося въ вартбургскомъ замкѣ въ то время, какъ его послѣдователи, въ родѣ Карльштадта, и городское населеніе приступили къ дѣлу замѣны старыхъ порядковъ новыми [1]). Покровитель Лютера Фридрихъ Мудрый не только не стѣснялъ свободы религіознаго мнѣнія, но даже защищалъ отщепенцевъ, разрывавшихъ связь съ старою церковью, стараясь только успокоить возникшіе въ городѣ споры и волненія. Мало того, курфюрстъ созвалъ съѣздъ депутатовъ отъ августинскихъ монастырей саксонской провинціи, объявившій необязательность монашескихъ обѣтовъ. Благодаря такому отношенію Фридриха Мудраго къ начинавшемуся движенію, въ Виттенбергѣ могла свободно начаться и анабаптистская проповѣдь, такъ какъ курфюрстъ вообще крайне затруднялся принять какое-либо рѣшеніе въ религіозныхъ дѣлахъ, говоря, что, какъ свѣтскій человѣкъ, онъ не можетъ судить, вѣрны ли или ошибочны мнѣнія и дѣйствія, въ защиту коихъ приводились тексты изъ св. писанія, да и сторонники Лютера, напр. Меланхтонъ, просили его не стѣснять свободной проповѣди слова Божія. Самъ Лютеръ въ началѣ виттенбергскихъ безпорядковъ совѣтовалъ Фридриху не принимать крутыхъ мѣръ, указывая на то, что кто хочетъ имѣть слово Божіе, не долженъ бояться споровъ и тревогъ. Да и въ проповѣдяхъ своихъ противъ новаторовъ, какъ было уже говорено [2]), онъ порицалъ только совершонныя ими насилія, доказывая, что не нужно изъ свободы дѣлать обязанность, что никого не слѣдуетъ принуждать силою, ибо вѣра должна быть добровольная, принятая безъ принужденія. Фридрихъ Мудрый явился защитникомъ реформаціи и относительно имперскаго правленія, дѣйствовавшаго въ отсутствіе Карла V изъ Германіи. Это учрежденіе, состоявшее изъ курфюрстовъ и уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ округовъ Германіи, пригласило саксонскихъ епископовъ принять мѣры противъ виттенбергскихъ безпорядковъ, но въ скоромъ времени, когда Лютеръ успокоилъ виттенбергскія смуты, курфюрсту удалось склонить имперское правленіе къ тому, чтобы вормскій эдиктъ былъ оставленъ безъ послѣдствій, и Лютеру была оказана защита,

---

[1]) См. выше, стр. 72 и слѣд.
[2]) Ср. выше, стр. 66.

такъ какъ въ общемъ само это правленіе относилось благосклонно къ реформаціи, надѣясь посредствомъ нея освободить Германію отъ папскихъ поборовъ. Въ 1523 г. новому папѣ (Адріану VI) со стороны имперскаго правленія и собравшагося въ Нюрнбергѣ сейма было прямо отказано въ приведеніи въ исполненіе церковнаго отлученія и государственной опалы, тяготѣвшихъ надъ Лютеромъ, и выставленъ цѣлый рядъ жалобъ (centum gravamina) противъ куріи съ требованіемъ наискорѣйшей отмѣны злоупотребленій и созванія вселенскаго собора для реформы церкви. Папскому легату не удалось даже достигнуть того, чтобы запрещена была въ самомъ Нюрнбергѣ во время засѣданій сейма лютеранская проповѣдь, а уполномоченный курфюрста саксонскаго при сеймѣ указывалъ при этомъ на то, что Лютеромъ нужно дорожить, какъ болѣе умѣреннымъ новаторомъ, сдерживающимъ крайнихъ реформаторовъ, и что удаленіе его со сцены было бы равносильно приглашенію, обращенному къ радикаламъ. Такимъ образомъ уже въ 1523 г. *власти смотрѣли на Лютера, какъ на умѣрителя реформаціи*, какъ на человѣка, необходимаго для того, чтобы не дать людямъ болѣе крайняго образа мыслей взять въ свои руки дѣло, въ которомъ были заинтересованы, кромѣ народа, и самыя власти. Въ это время начала уже и распространяться реформація, вводившаяся Лютеромъ въ Виттенбергѣ, благодаря тому, что у него явилось множество сподвижниковъ въ лицѣ бывшихъ монаховъ и оставившихъ католическую церковь священниковъ и благодаря тому, что не только городскія власти и свѣтскіе князья, но даже иногда и князья духовные не стѣсняли проповѣдниковъ и не противились нововведеніямъ, а затѣмъ и сами начинали вводить у себя виттенбергскіе церковные порядки, т.-е., главнымъ образомъ, богослуженіе на народномъ языкѣ, замѣнившее католическую мессу. Однимъ изъ первыхъ князей, введшихъ у себя реформу, былъ ландграфъ гессенскій Филиппъ Великодушный.

Дальнѣйшее развитіе церковной реформаціи, вызвавшей къ себѣ съ самаго начала сочувствіе народа и властей, совершалось подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое и на князей, и на Лютера произвели революціонныя движенія рыцарей и крестьянъ. *Результатомъ рыцарскаго возстанія и крестьянской войны была реакція*, отразившаяся и на политическихъ, и на религіозныхъ дѣлахъ. Уже предпріятіе Зиккингена встревожило многихъ, увидѣвшихъ въ немъ какъ-бы порожденіе религіозной реформаціи, и всѣ тѣ, кому были выгодны старые порядки, указывали на опасность, какую въ политическомъ отношеніи представляетъ собою новая проповѣдь, а крестьянская война съ распространеніемъ анабаптизма, принявшаго характеръ соціально-революціонной пропаганды, еще болѣе отвращали отъ рефор-

маціи, коей было приписано и это движеніе, всѣхъ опасавшихся за общественное спокойствіе и существующій политическій и соціальный строй, и какъ нельзя болѣе было на руку всѣмъ, имѣвшимъ интересъ защищать старыя церковныя учрежденія. Рыцарей и крестьянъ побѣдили князья, которые уже послѣ пораженія Зиккингена жаловались на слабость и бездѣйствіе имперскаго правленія, и въ 1524 г. личный его составъ былъ измѣненъ сообразно съ желаніемъ партіи, образовавшейся противъ реформаціи. Затѣмъ, на сеймѣ 1524 г. мы уже не видимъ того единодушія, которымъ отличалось собраніе имперскихъ чиновъ предыдущаго года: среди нихъ образовалась партія, прямо заявлявшая, что не нужно никакихъ перемѣнъ, что все должно остаться по старому, и присланный на сеймъ смѣнившимъ на папскомъ престолѣ Адріана VI Климентомъ VII (изъ фамиліи Медичи) искусный дипломатъ Лоренцо Кампеджи ловко воспользовался реакціоннымъ настроеніемъ, чтобы содѣйствовать возникавшему между князьями разрыву. *Въ этой реакціи, которую искусно стала эксплуатировать въ свою пользу курія, и заключается объясненіе того, что не всѣ земли Германіи приняли реформацію.* Когда на нюрнбергскомъ сеймѣ 1524 года Кампеджи потребовалъ исполненія вормскаго эдикта, ему въ этомъ было сначала отказано, но потомъ было рѣшено, что эдиктъ этотъ будетъ исполняться „по мѣрѣ возможности", чѣмъ въ сущности предоставлялось усмотрѣнію отдѣльныхъ чиновъ имперіи, т.-е. князей и автономныхъ городовъ—исполнять или не исполнять эдиктъ, хотя въ то же время сеймъ еще бралъ подъ свое покровительство реформацію, объявивъ свободную проповѣдь Евангелія до рѣшенія религіознаго вопроса на вселенскомъ соборѣ. Между тѣмъ уже раньше, подъ вліяніемъ рыцарской смуты евангелическіе проповѣдники были изгнаны изъ Австріи, Баваріи, Тироля, майнцскаго курфюршества: теперь курія воспользовалась настроеніемъ мѣстныхъ государей, чтобы отвратить ихъ окончательно отъ національно-политической оппозиціи папству, сдѣлавши имъ разныя уступки, указывающія намъ на то, что особенно могло интересовать князей въ реформаціи. Именно князья Австріи, Баваріи и нѣкоторыхъ другихъ земель получали отъ самого папы то, что другіе пріобрѣли, благодаря реформаціи: согласившись на ограниченіе своего произвола и своихъ поборовъ и на нѣкоторыя другія уступки, Климентъ VII расширялъ власть князей надъ мѣстнымъ духовенствомъ, отдавалъ имъ часть церковныхъ имуществъ и доходовъ, а за это князья обязывались преслѣдовать лютеранство въ своихъ владѣніяхъ. Такое соглашеніе куріи съ южными нѣмецкими князьями было оформлено на регенсбургскомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1524 года, и въ Австріи, Баваріи, Зальцбургѣ начались гоненія на приверженцевъ реформаціи, которыхъ стали не только изгонять, но сажать въ тюрьмы

и даже предавать казни, въ то самое время, какъ, наоборотъ, другіе князья принимали одинъ за другимъ новое ученіе. Крестьянская война только поддержала реакцію и еще болѣе содѣйствовала религіозному расколу, такъ какъ реформація для многихъ сдѣлалась синонимомъ народныхъ смутъ, грозящихъ опасностью государственному строю и правильному гражданскому порядку, и это заставляло власти во многихъ мѣстностяхъ стать на защиту католицизма, тогда какъ и въ земляхъ, уже принявшихъ реформацію, происходила реакція, направлявшаяся главнымъ образомъ противъ анабаптизма. Лютеръ, самъ говорившій въ 1520—1521 гг. революціоннымъ языкомъ не только по отношенію къ папѣ, но и по отношенію къ свѣтскимъ властямъ, а въ началѣ крестьянскаго возстанія обвинявшій князей и господъ въ томъ, что ихъ угнетенія подняли народъ, къ концу возстанія съ яростью громилъ мятежныхъ крестьянъ, приглашая колоть ихъ, бить, убивать, какъ измѣнниковъ властямъ, грабителей и людей, которые, прикрывая свои дѣла Евангеліемъ, служатъ въ сущности чорту. Принципъ безусловнаго повиновенія властямъ, отъ коего онъ самъ былъ раньше очень далекъ, дѣлается одною изъ любимыхъ темъ, которыя онъ развивалъ въ это время въ своихъ поученіяхъ. Расправа съ мятежными крестьянами, соединившая въ общемъ дѣлѣ католическихъ и евангелическихъ князей, вполнѣ соотвѣтствовала тому отношенію, въ какое сталъ къ возстанію Лютеръ, отвѣчавшій впослѣдствіи на упреки въ жестокости, что мятежнику не разумомъ нужно отвѣчать, а кулакомъ да такъ, чтобъ кровь изъ носа потекла, и что „кто не хочетъ добромъ слушать слова Божія, долженъ слушать палача съ топоромъ". Такимъ образомъ реакція, вызванная смутами первой половины двадцатыхъ годовъ, оказала свое вліяніе не только въ томъ отношеніи, что заставила многихъ отшатнуться отъ реформаціи, но и въ томъ, что среди самихъ ея сторонниковъ явилось недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ народному движенію. Послѣ 1525 года и получаютъ поэтому дальнѣйшее развитіе какъ распаденіе Германіи на два лагеря, такъ и реакціонное настроеніе среди не однихъ католиковъ, но и среди сторонниковъ реформаціи. Вслѣдъ за подавленіемъ великаго мятежа лютеранство стало съ особенною жестокостью преслѣдоваться во владѣніяхъ вюрцбургскаго и бамбергскаго епископовъ, въ Франконіи и Швабіи, въ габсбургскихъ земляхъ, гдѣ евангелическихъ проповѣдниковъ вѣшали и жгли. Герцогъ саксонскій Георгъ равнымъ образомъ предавалъ казни проповѣдниковъ новаго ученія и даже хлопоталъ о заключеніи между сѣверно-германскими князьями для подавленія реформаціи — союза, подобнаго регенсбургскому соглашенію южно-нѣмецкихъ правителей. Курфюрстъ саксонскій Іоаннъ, смѣнившій Фридриха Мудраго, и его зять Филиппъ Гессенскій, однако, остались

вѣрными реформаціи, да и вообще то обстоятельство, что ни рыцарская, ни крестьянская смута не коснулась сѣверной Германіи, было весьма благопріятно для лютеранской реформаціи. Названные князья даже заключили между собою союзъ осенью 1525 года, пригласивъ къ участію въ немъ другихъ князей, но вообще рѣшено было подвергнуть разсмотрѣнію религіозныя дѣла на шпейерскомъ сеймѣ слѣдующаго года.

Въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ императоръ Карлъ V велъ свою войну съ Франциском І и отсутствовалъ изъ Германіи [1]): безъ него началась реформація, произошли оба возстанія, усмиренныя князьями. Но въ 1525 году французскій король былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ въ битвѣ при Павіи, а въ началѣ января слѣдующаго года между нимъ и Карломъ V состоялся въ Мадридѣ миръ, по которому Францискъ I отказывался отъ всѣхъ своихъ притязаній на итальянскія владѣнія и уступалъ императору всѣ земли бургундскаго наслѣдства, и оба государя обязывались дѣйствовать сообща противъ турокъ и еретиковъ, покинувшихъ лоно св. церкви. У Карла V-го теперь руки были развязаны для того, чтобы дѣйствовать въ Германіи, а къ этому его приглашали, между прочимъ, нѣкоторые духовные князья, встревоженные проектами отнять земли у всѣхъ духовныхъ владѣтелей. Прежде всего Карлъ V отправилъ къ нѣкоторымъ князьямъ декларацію о необходимости подавленія ереси и заключенія католическаго союза, но и евангелическіе князья собирались отстаивать себя примкнувъ къ саксонско-гессенскому союзу (въ Тюргау и Магдебургѣ въ первой половинѣ 1526 г.), не смотря на то, что Лютеръ порицалъ намѣреніе сопротивляться императору и защищать силою всемогущее слово Божіе. Въ то самое время, однако, когда въ маѣ 1526 года собрался имперскій сеймъ въ Шпейерѣ, Францискъ I и Климентъ VII заключили союзъ противъ Карла V, что разстроивало всѣ его политическіе планы и снова создавало благопріятное для реформаціи положеніе въ Германіи. На шпейерскомъ сеймѣ коммиссары императора и католическіе князья требовали исполненія вормскаго эдикта, налагавшаго на Лютера и его сторонниковъ имперскую опалу, но они не были достаточно сильны, чтобы на этомъ настоять, да и обстоятельства быстро измѣнились, когда императору пришлось начать войну съ папой. Къ концу сейма изъ Испаніи было получено императорское повелѣніе, отмѣнявшее вормскій эдиктъ и возвѣщавшее, что рѣшеніе религіозныхъ споровъ будетъ предоставлено вселенскому собору. 27 августа сеймъ постановилъ, что въ религіозномъ вопросѣ каждый имперскій чинъ будетъ до разрѣшенія спора на вселенскомъ соборѣ

---

[1]) См. выше, стр. 43 и слѣд.

дѣйствовать такъ, какъ сочтетъ это нужнымъ, чтобы быть правымъ передъ Богомъ и императорскимъ величествомъ. Это сеймовое постановленіе было въ высшей степени важно: *имъ впервые установлялся принципъ, по которому вѣроисповѣданіемъ князя опредѣлялось вѣроисповѣданіе страны*, принципъ, выраженный впослѣдствіи въ знаменитой формулѣ: „cujus regio, ejus religio", т.-е. чья страна, того и вѣра, причемъ одинаковое право съ князьями получали и правительства имперскихъ городовъ и даже имперскіе рыцари. Своимъ постановленіемъ 27 августа 1526 г. нѣмецкій имперскій сеймъ предоставлялъ свѣтскимъ властямъ, хотя и временно только, рѣшать религіозный вопросъ по собственному усмотрѣнію, чѣмъ *церковь ставилась какъ бы въ зависимость отъ государства, и государственной власти давалось право производить церковныя преобразованія.* Такимъ образомъ въ 1526 г. въ Шпейерѣ князья, только что побѣдившіе рыцарей и крестьянъ, получили новое расширеніе своей власти, дѣлавшее ихъ независимыми отъ центральнаго правительства въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, какіе только подлежали тогда рѣшенію, и *способствовавшее усиленію политическаго раздробленія Германіи.* Для лютеранства такое рѣшеніе было выгодно: сеймъ далъ ему возможность консолидироваться подъ покровительствомъ князей, которые теперь по праву могли такъ или иначе рѣшать въ своихъ владѣніяхъ религіозный вопросъ, но эта выгода относилась лишь къ утвержденію и распространенію лютеранизма, отнюдь не къ внутреннему его развитію, ибо шпейерскій принципъ давалъ территоріальнымъ властямъ право принужденія своихъ подданныхъ, разъ каждый имперскій чинъ могъ дѣйствовать въ религіозномъ вопросѣ такъ, какъ считалъ это совмѣстнымъ съ своими обязанностями по отношенію къ Богу и императору, совсѣмъ не обязанный принимать въ расчетъ желанія своихъ подданныхъ.

Собственно говоря, только послѣ шпейерскаго сейма 1526 года стала вводиться въ княжествахъ и имперскихъ городахъ, принявшихъ реформацію [1]), новая церковная организація. Ранѣе всего приступилъ къ этому дѣлу Филиппъ Гессенскій, пригласившій на совѣщаніе о введеніи новаго устройства церкви—земское духовенство, дворянство и горожанъ, но выработанныя на этомъ совѣщаніи (въ Гомбергѣ въ 1526 г.) правила были впослѣдствіи замѣнены составленными по образцу виттенбергскихъ. Гомбергскій сеймъ думалъ дать церкви демократическое устройство: отдѣльныя религіозныя общины съ внутрен-

---

[1]) Саксонія (курфюршество), Гессенъ, Ангальтъ, Франконія, Люненбургъ, в. Фрисландія, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Страсбургъ и др.

нимъ самоуправленіемъ и выборными представителями должны были высылать духовныхъ и свѣтскихъ депутатовъ на ежегодные синоды, коимъ подлежало рѣшеніе спорныхъ дѣлъ и, кромѣ того, учреждался особый комитетъ, члены котораго назначались бы ландграфомъ и дворянствомъ, для завѣдованія текущими дѣлами между собраніями синодовъ и для того, чтобы руководить совѣщаніями послѣднихъ. Не такъ представлялъ себѣ правильное церковное устройство Лютеръ, который самъ незадолго передъ тѣмъ (1523 г.) писалъ еще пражскимъ утраквистамъ, что они имѣютъ право сами выбирать себѣ епископовъ и пастырей: къ 1526 г. у него окончательно сложилось то убѣжденіе, что епископская власть въ церкви должна быть передана государямъ. Мы видѣли выше [1]), какъ у него сложился такой взглядъ, естественно и необходимо вытекавшій изъ того отношенія, въ какое поставили его къ свѣтской власти его заботы о церковной реформѣ и его недовѣріе къ общественнымъ силамъ, особенно послѣ сильно его потрясшей крестьянской войны. Лютеранскіе князья сдѣлались верховными правителями (summi episcopi) церквей въ своихъ земляхъ, поручивъ надзоръ за церковною жизнью суперъ-интендентамъ, а съ середины тридцатыхъ годовъ учредивъ консисторіи съ административною и судебною властью надъ духовенствомъ. Введеніе новаго богослуженія и церковнаго устройства сопровождалось секуляризаціей собственности церквей и монастырей. Лютеръ хлопоталъ о томъ, чтобы хотя часть доходовъ съ секуляризованныхъ имѣній шла на содержаніе храмовъ и священниковъ, школъ и учителей, а также бѣдныхъ, но лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ эти доходы получали такое назначеніе, да и то не вездѣ, ибо въ большинствѣ случаевъ *бывшія духовныя имѣнія обращались князьями въ личную пользу или раздавались приближеннымъ*,—явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ исторіи реформаціи и внѣ Германіи. Католическіе князья слѣдовали примѣру лютеранскихъ и равнымъ образомъ производили у себя конфискацію церковныхъ имѣній, что дало поводъ Лютеру шутить надъ ихъ лютеранскимъ усердіемъ, превосходившимъ усердіе самихъ лютеранъ.

Отдача реформированной церкви во власть князей далеко не соотвѣтствовала той религіозной свободѣ, защитникомъ которой былъ Лютеръ въ первые годы второго десятилѣтія XVI вѣка. Реформаторъ не удержался на высотѣ своего принципа, и мы вообще знаемъ, какія были причины этого явленія [2]), о которомъ намъ придется говорить еще и въ другомъ мѣстѣ. Его отношеніе къ Карльштадту и Ѳомѣ Мюнцеру указывало уже на то, что реформаторъ не проявитъ особой

---

[1]) См. выше, стр. 68.
[2]) См. выше, стр. 57, 66—69.

терпимости къ религіозному съ нимъ разномыслію. Одновременно съ лютеранствомъ стала распространяться въ юго-западной Германіи возникшая въ Цюрихѣ реформація Ульриха Цвингли. Цвингли несогласно съ Лютеромъ училъ о причащеніи, отвергнувъ принятое виттенбергскимъ реформаторомъ „дѣйствительное присутствіе Христа" въ евхаристіи и признавъ въ ней только символъ, такъ какъ, по его толкованію, слово—„есть" въ текстѣ: „сіе есть тѣло мое" и „сія есть кровь моя" равносильно выраженію — „обозначаетъ, знаменуетъ". Между Лютеромъ и Цвингли съ ихъ сторонниками произошла по этому поводу полемика, въ коей на дружелюбныя объясненія цюрихскаго реформатора Лютеръ отвѣчалъ весьма запальчиво. Въ 1529 г., что мы еще увидимъ, протестантамъ, какъ стали съ этого года называться послѣдователи новаго ученія, грозила опасность со стороны католиковъ, заставившая курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго заключить тайное соглашеніе съ Нюрнбергомъ, Ульмомъ и Страсбургомъ для взаимной защиты, но когда Лютеръ и Меланхтонъ узнали объ этомъ союзѣ, то настояли, чтобы курфюрстъ отказался отъ единенія съ городами Ульмомъ и Страсбургомъ, принявшими цвингліанское ученіе объ евхаристіи. Онъ даже одобрилъ, что шпейерскій сеймъ 1529 г., давъ терпимость лютеранству, исключилъ изъ этого постановленія цвингліанцевъ,—и совѣтовалъ курфюрсту держаться по отношенію къ нимъ сеймового постановленія. Съ большимъ трудомъ только удалось Филиппу Гессенскому, дорожившему союзомъ съ швейцарцами, устроить между Лютеромъ и Цвингли диспутъ въ Марбургѣ. Уже раньше на попытки страсбургскихъ богослововъ Буцера и Капитона смягчить вражду Лютера противъ Цвингли онъ отвѣчалъ, что между Христомъ и Веліаломъ не можетъ быть общенія, да и теперь, уступая желанію ландграфа, онъ поѣхалъ въ Марбургъ, заявивъ, что не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки. На диспутѣ реформаторы и ихъ сторонники пришли къ соглашенію по всѣмъ основнымъ пунктамъ догматическаго характера, за исключеніемъ именно вопроса объ евхаристіи. Лютеръ написалъ на столѣ греческое слово ἐστί („есть") и постоянно на него указывалъ, требуя буквальнаго его пониманія и этимъ главнымъ образомъ опровергая Цвингли. Цюрихскій реформаторъ тѣмъ не менѣе предложилъ Лютеру примиреніе: „будемъ, сказалъ онъ, исповѣдовать наше единеніе во всѣхъ отношеніяхъ, гдѣ оно существуетъ, а что касается до другихъ сторонъ, то будемъ помнить, что мы—братья. Никогда, прибавилъ онъ, не будетъ мира между церквами, если при полномъ сохраненіи великаго ученія объ оправданіи посредствомъ вѣры нельзя различаться по второстепеннымъ пунктамъ". Лютеръ не принялъ протянутой ему руки и на выраженное его противникомъ желаніе быть единодушными отвѣчалъ: „вашъ духъ не тотъ, что нашъ". Фи-

липпъ Гессенскій, все время хлопотавшій о соглашеніи обѣихъ сторонъ, сталъ убѣждать Лютера не отказывать въ братской любви швейцарскимъ реформаторамъ. „Я не отказываю имъ въ той любви, какую христіанинъ обязанъ имѣть къ врагамъ", сказалъ на это Лютеръ [1]).

Въ Марбургѣ все-таки обѣими сторонами подписано нѣкоторое соглашеніе, касавшееся 14 пунктовъ и заключавшее въ себѣ указаніе на то, въ чемъ обѣ стороны не согласны и въ чемъ согласны относительно евхаристіи. Цвингли придавалъ этому акту большое значеніе, говоря, что Лютеръ тѣмъ самымъ отрѣзалъ себѣ путь возвращенія къ папизму, на которое онъ считалъ его еще способнымъ. Среди лютеранскихъ богослововъ были, дѣйствительно, такіе, которые были готовы на уступки католицизму. „Аугсбургское исповѣданіе", редактированное главнымъ образомъ Меланхтономъ для представленія Карлу V (въ 1530 г.), излагало евангелическое ученіе такъ, что особенно подподчеркивалось все, въ чемъ оно было сходно съ католическимъ и чѣмъ, наоборотъ, отличалось отъ цвингліанскаго, и Лютеръ находилъ, что въ этомъ исповѣданіи сдѣлано уступокъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы дѣлать. Равнымъ образомъ, когда Карлъ V устроилъ комитетъ изъ князей, юристовъ и богослововъ обѣихъ партій, католической и евангелической, для выработки соглашенія, протестантскіе богословы высказали большую уступчивость, согласившись даже признавать папскую власть подъ условіемъ свободы евангелическаго ученія, такъ что дѣло принимало характеръ подчиненія лютеранъ старой церкви, если бы только съ ея стороны сдѣланы были кое-какія уступки. Но на послѣднія не соглашались католики, Лютеръ же былъ принципіально противъ этихъ переговоровъ, такъ что едва ли были справедливы предположенія Цвингли относительно возможности возвращенія самого Лютера къ католицизму. Но тутъ была и вѣрная мысль: въ глазахъ реформатора, болѣе послѣдовательно проводившаго въ своемъ вѣроученіи и церковномъ устройствѣ новые религіозные принципы, лютеранство должно было само казаться возвращеніемъ къ католицизму. Самъ Лютеръ дѣлался все болѣе и болѣе нетерпимымъ, искореняя, гдѣ это отъ него зависѣло, несогласныя съ его ученіемъ мнѣнія: цвингліанство онъ называлъ нечестивымъ, его послѣдователей, какъ и анабаптистовъ—дѣтьми сатаны.

Такимъ образомъ уже во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. почти выяснился характеръ лютеранской реформаціи. Господами положенія были князья, и реформація приняла чистокняжескій характеръ. Но весь религіозный вопросъ не былъ еще рѣшенъ, такъ какъ хотя князья и послѣ того продолжали переходить на сторону новаго ученія, многіе оставались еще въ лонѣ старой церкви, а къ

[1]) Erichson. Das Marburger Religionsgespräch.

этому присоединялась еще конкурренція, какую дѣлало лютеранизму ученіе Цвингли, чѣмъ дѣло реформаціи только болѣе усложнялось: Германія раздѣлилась на два лагеря, и въ одномъ изъ этихъ лагерей былъ еще свой расколъ. Существовалъ помимо этого и политическій вопросъ: наступило время, когда Карлу V представилась возможность вмѣшаться въ германскія дѣла, а это вмѣшательство не могло не затронуть основного внутренняго вопроса Германіи — отношенія между императоромъ и князьями. Этотъ вопросъ главнымъ образомъ и рѣшается въ слѣдующую четверть вѣка (1530—1555) въ связи съ дальнѣйшимъ ходомъ религіозной реформаціи. Около 1530 г. нѣмецкая исторія той эпохи вступаетъ въ новый фазисъ: общественныя и народныя движенія предыдущихъ лѣтъ уступаютъ мѣсто борьбѣ между государственными властями, и въ то же самое время религіозная реформація изъ живого національнаго дѣла превращается въ дѣло князей, на долю коихъ выпадаютъ главныя выгоды церковныхъ преобразованій. Этими двумя чертами и характеризуется слѣдующій періодъ, къ исторіи коего мы теперь и перейдемъ.

XIII. Князья и императоръ [1]).

Соображенія нѣмецкихъ историковъ объ исходѣ реформаціоннаго движенія въ Германіи. — Поведеніе Карла V. — Борьба между императоромъ и князьями. — Война Карла V съ Францискомъ I и папой. — Шпейерскій сеймъ 1529 г. — Значеніе «протестаціи» и вопросъ о сопротивленіи. — Аугсбургскій сеймъ и «исповѣданіе». — Шмалькальденскій союзъ. — Распространеніе протестантизма въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. — Шмалькальденская война и побѣда Карла V. — Аугсбургскій интеримъ. — Борьба князей съ Карломъ. — Пассаускій договоръ и аугсбургскій религіозный миръ. — Политическіе итоги нѣмецкой реформаціи.

Реформація въ Германіи началась снизу, но главныя отъ нея выгоды достались князьямъ. Нѣмецкіе историки, оцѣнивающіе реформацію съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ своей родины, нерѣдко указываютъ на то, что реформація могла бы получить иной

---

[1]) Отдѣльные моменты исторіи Германіи въ эпоху реформаціи были предметомъ большой литературы. Кромѣ сочиненій, называвшихся раньше, см. Redlich. Der Reichstag von Nürnberg von 1522—23. — Richter. Der Reichstag zu Nürnberg, 1524.— Friedensburg. Der Reichstag zu Speier, 1526.—Ney. Geschichte des Reichstags zu Speier im Jahre 1529.—Heyd. Herzog U. von Würtemberg.—J. Wille. Philipp von Hessen und die Restitution Ulrichs von Würtemberg.—Moses. Die Religionsverhandlungen zu Hagenau und Worms, 1540—41.— Vetter. Die Religionsverhandlungen auf dem Reichstage zu Regensburg, 1541.—

исходъ, если бы осуществились лучшія стремленія вождей общественнаго движенія, закончившагося катастрофой 1525 года. Въ частности они указываютъ на то, что если бы въ 1524 г. была осуществлена „умѣренная и справедливая“ программа „двѣнадцати статей“, то Германія избѣжала бы многихъ бѣдствій и нація не испытала бы дурныхъ послѣдствій, какія обыкновенно влечетъ за собою неудавшаяся революція. Съ такой точки зрѣнія особенно выдвигается впередъ гейльброннскій проектъ переустройства Германіи въ политическомъ отношеніи: въ этомъ проектѣ видятъ „удивительное сходство“ съ программой 1789 г. и думаютъ, что если бы планъ новаго политическаго строя, принятый на гейльброннскомъ съѣздѣ возставшихъ крестьянъ, былъ осуществленъ, то Германія достигла бы и государственнаго единства, и общественной свободы, которымъ, наоборотъ, былъ нанесенъ ударъ тѣмъ исходомъ, какой имѣла реформація. Не всегда съ достаточною подробностью разбирая вопросъ о томъ, насколько Германія,—гдѣ еще силенъ былъ партикуляризмъ земель и сословій и не существовало общественныхъ элементовъ, которые могли бы сдѣлаться опорою политической свободы во всей странѣ,—была готова къ тому, чтобы получить государственное единство и превратиться въ свободную страну, не всегда даже ставя вопросъ о томъ, насколько осуществимыя вообще политическія программы вождей общественнаго движенія были выполнимы именно при тогдашнихъ условіяхъ, въ какихъ приходилось развиваться нѣмецкому народу [1]), хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ условій и могли быть устранены, національные нѣмецкіе историки, сѣтующіе на то, что реформація не дала иныхъ результатовъ, какихъ отъ нея ожидали лучшіе люди эпохи, пытаются въ томъ или другомъ единичномъ фактѣ или въ двухъ-трехъ такихъ фактахъ искать причину неудачи, но въ каждомъ такомъ ихъ объясненіи есть лишь извѣстная доля истины. Весьма трудно въ исторіи судить о томъ, что было бы, если бы не было того-то и того-то, но этотъ пріемъ помогаетъ анализировать сложныя причины сложныхъ событій и съ бóльшею или меньшею вѣроятностью опредѣлять значеніе каждой отдѣльной причины. Само собою разумѣется, что здѣсь мы не можемъ входить въ

Varrentrapp. Hermann von Wied und sein Reformationsversuch.—W. Maurenbrecher. Karl V und die deutschen Protestanten, 1545—1555.—Langenn. Moritz, Herzog und Kurfürst von Sachsen.—Heister. Die Gefangenschaft Philipps des Grossmütigen.—Beutel. Ueber den Ursprung des Augsburger Interims.—Одинъ этотъ списокъ, въ который не вошли указанія на статьи въ Hist. Zeitschrift, Hist. Taschenbuch и др. изд. и на мѣстныя исторіи, можетъ служить свидѣтельствомъ разработанности этой эпохи въ нѣмецкой исторической литературѣ.

[1]) Ср. наше замѣчаніе о планахъ Ульриха фонъ Гуттена выше, на стр. 37—38.

подробный анализъ причинъ неудачи общественнаго движенія въ Германіи въ началѣ реформаціоннаго періода и разбирать вопросъ о шансахъ, какіе имѣло бы то или другое изъ существовавшихъ тогда направленій при легкомъ измѣненіи условій, зависившемъ иногда непосредственно отъ поведенія отдѣльныхъ личностей, но на нѣкоторыхъ соображеніяхъ историковъ слѣдуетъ остановиться. Въ томъ, что общественное движеніе въ Германіи понесло пораженіе, историки, сочувствующіе Лютеру, обвиняютъ между прочимъ тѣ крайнія и неумѣренныя требованія, съ какими выступилъ Ѳома Мюнцеръ, и въ этомъ есть доля правды, поскольку характеръ, который Мюнцеръ придалъ возстанію, отвратилъ отъ послѣдняго многихъ, раньше ему сочувствовавшихъ, хотя для князей и господъ „двѣнадцать статей“ казались достаточно крайними, да и вина за жестокости, совершенныя въ крестьянскую войну, не можетъ цѣликомъ падать на одну анабаптистскую программу. Гораздо болѣе истины заключаютъ въ себѣ указанія на поведеніе Лютера, ставимое ему одними историками въ заслугу, другими въ укоръ [1]). Когда Лютеръ, говоритъ напр. Гейсеръ, отрекся отъ всякаго участія въ возстаніи и затѣмъ произнесъ противъ него свое рѣзкое осужденіе, тогда и все нѣмецкое среднее сословіе, великой ратный станъ его партіи, обратилось противъ этого движенія, что въ принципѣ и рѣшило его участь. Оставляя въ сторонѣ долю преувеличенія, заключающуюся въ этихъ словахъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что авторитетъ и вѣское вліяніе Лютера, дѣйствительно, играли роль въ этомъ дѣлѣ, и, напр., Циммерманъ прямо ставитъ въ вину Лютеру, что онъ помѣшалъ движенію 1524—1525 гг. принести свои хорошіе результаты, но мы уже видѣли, что въ данномъ случаѣ историческая наука должна не столько оправдывать или осуждать историческаго дѣятеля, сколько объяснять его поведеніе, и что Лютеръ именно такъ, а не иначе, только и могъ отнестись къ политическимъ вопросамъ своего времени, какъ отнесся къ нимъ въ дѣйствительности [2]).

То же самое разсужденіе мы должны примѣнить и къ оцѣнкѣ роли Карла V въ исторіи нѣмецкой реформаціи. Мы выше разсматривали вопросъ, чѣмъ въ его положеніи и при его характерѣ должны были опредѣляться его отношенія къ Германіи и къ религіозной реформаціи, и при этомъ обратили вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя держали его далеко отъ Германіи, когда въ ней происходили извѣстныя событія двадцатыхъ годовъ XVI вѣка [3]). Поведеніе

---

[1]) См. выше, стр. 47—48.
[2]) См. выше, стр. 45—46.
[3]) См. выше, въ главѣ IV.

Карла V въ событіяхъ реформаціонной эпохи не разъ было предметомъ критики, и между прочимъ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ національныхъ интересовъ, государственныхъ и церковныхъ, ему ставилось въ вину, что онъ не сталъ во главѣ охватившаго Германію въ началѣ его царствованія политическаго и религіознаго движенія. Дѣйствительно, если бы нѣмецкимъ императоромъ въ эту эпоху былъ другой человѣкъ, которому были бы понятны стремленія нѣмецкой націи, и если бы такой государь съумѣлъ отрѣшиться отъ традиціоннаго смѣшенія власти германскаго національнаго короля съ властью императора универсальной католической имперіи, да не былъ вдобавокъ проникнутъ идеями и стремленіями абсолютизма, недовѣрчиво относившагося къ общественнымъ движеніямъ и народнымъ силамъ, онъ могъ бы воспользоваться стремленіями, проявившимися въ нѣмецкой націи въ началѣ XVI вѣка, чтобы освободить Германію отъ римской куріи, дать ей политическое единство и удовлетворить при этомъ народнымъ желаніямъ. Говорятъ, что кардиналъ Гранвелла совѣтовалъ Карлу V войти въ соглашеніе съ партіей, которая желала государственнаго переустройства Германіи, но у императора были тогда другія дѣла и задачи, отвлекавшія его въ иную сторону. Нельзя, однако, отрицать у Карла V существованія мысли объ объединеніи Германіи и о борьбѣ съ папствомъ, но первое стояло у него далеко не на главномъ планѣ и представлялось ему, какъ только могло представляться абсолютисту, образовавшему свои политическіе взгляды въ школѣ маккіавеллизма, отношенія же его къ папству опредѣлялись не интересами его подданныхъ, а его собственными властолюбивыми стремленіями и перипетіями его международной политики.

Какъ бы тамъ ни было, во время рѣшительныхъ событій, происходившихъ въ Германіи, Карлъ V отсутствовалъ, и, пользуясь этими событіями, князья сдѣлали въ короткое время большой шагъ впередъ въ утвержденіи и развитіи своей власти. Когда императоръ наконецъ получилъ возможность пріѣхать въ Германію, положеніе вещей было въ ней совершенно иное сравнительно съ тѣмъ, какое онъ оставилъ, уѣзжая изъ страны послѣ вормскаго сейма. *Если реформаціей, начавшейся въ Германіи снизу, воспользовались князья и, наоборотъ, совсѣмъ не воспользовался императоръ, которому не могло быть пріятно развитіе княжеской власти, то при существованіи въ странѣ антиреформаціонной партіи и при антиреформаціонномъ настроеніи императора было еще вопросомъ, удержатъ ли князья занятую позицію и удержится ли сама реформація.* Таковъ былъ главный смыслъ событій, происходившихъ въ Германіи въ тотъ періодъ, когда Карлъ V могъ болѣе рѣшительно дѣйствовать въ Германіи, и *въ связи съ религіозными отношеніями между двумя лагерями, на какіе распа-*

лись князья, долженъ былъ рѣшаться старый политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между князьями и императоромъ. Возможные союзники послѣдняго, рыцари и крестьяне, понесли пораженіе, а ненаціональная и деспотическая политика Карла въ концѣ концовъ возбудила противъ него народное чувство, и въ рѣшительную минуту *князья выступили противъ него, какъ защитники національной свободы противъ иностраннаго деспота,* что привело ихъ къ новой побѣдѣ, на этотъ разъ къ побѣдѣ надъ представителемъ государственнаго единства Германіи.

Подробное изложеніе событій, общій смыслъ коихъ только что указанъ, не входитъ въ нашъ планъ: мы остановимся только на главныхъ и существенныхъ моментахъ. Побѣда Карла V надъ Францискомъ I (1525 г.) и мадридскій миръ (1526 г.) должны были встревожить папу Климента VII, котораго не примиряло съ этими событіями взаимное обѣщаніе императора и короля содѣйствовать другъ другу въ искорененіи ереси: Климентъ VII изъ фамиліи, обладавшей въ Италіи однимъ изъ лучшихъ княжествъ, и самъ, какъ папа, владѣвшій большою итальянскою областью, слѣдовалъ политикѣ своихъ предшественниковъ, для коихъ интересы церкви, какъ ихъ понимали средневѣковые папы, отодвигались на задній планъ сравнительно съ интересами чисто свѣтскаго характера. Съ другой стороны, и Францискъ I не могъ примириться ни съ своимъ пораженіемъ при Павіи, ни съ условіями мадридскаго мира, подписанными имъ въ плѣну. Весною 1526 г. между папой и французскимъ королемъ въ Коньякѣ была заключена лига противъ императора, и началась новая война, а менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ заключенія лиги, армія Карла V, въ которой были нѣмецкіе ландскнехты, предводимые Георгомъ Фрундсбергомъ, взяла приступомъ и разграбила Римъ (въ маѣ 1527 г.). Война окончилась въ 1529 г. миромъ съ папой (барселонскимъ въ іюнѣ) и съ Франціей (камбрейскимъ въ іюлѣ), по которымъ Карлъ V дѣлалъ обоимъ противникамъ уступки, не смотря на свой перевѣсъ, и возобновлялся прежній союзъ противъ еретиковъ. Теперь Карлъ могъ явиться въ Германію, явиться сюда побѣдителемъ, успѣхъ котораго долженъ былъ содѣйствовать авторитетности его требованій. Еще до окончательнаго примиренія императора съ противниками, его вице-канцлеръ ѣздилъ по князьямъ и объявлялъ, что ересь должна быть подавлена, обѣщая покорнымъ императорское благоволеніе и грозя всякому, кто откажется отъ повиновенія. Въ февралѣ 1529 г. былъ собранъ въ Шпейерѣ сеймъ, на которомъ отъ имени императора сдѣлано было предложеніе возстановить вормскій эдиктъ, мотивомъ же выставлялось то, что рѣшеніе 1526 г., отдавшее церковныя дѣла на волю каждаго отдѣльнаго

имперскаго чина, подало поводъ къ возникновенію разныхъ ужасныхъ сектъ. Сеймовая коммиссія, состоявшая въ большинствѣ изъ католиковъ, выработала на основѣ этого предложенія проектъ рѣшенія, коимъ не дозволялось князьямъ и городамъ, принявшимъ вормскій эдиктъ, отступать отъ него, а гдѣ нельзя было безъ новыхъ смутъ его исполнять, тамъ запрещались дальнѣйшія новшевства и должна была быть дозволена католическая месса для желающихъ, затѣмъ запрещалось отнимать у духовныхъ власть и доходы и объявлялось, что анабаптисты и секты, отвергающія таинство евхаристіи, не должны быть терпимы; за нарушеніе правъ католической церкви налагалось наказаніе, какъ за мятежъ. Сравнивая настроеніе имперскихъ чиновъ по отношенію къ реформаціи на сеймахъ 1523, 1526 [1]) и 1529 гг., мы замѣчаемъ все болѣе и болѣе реакціонное настроеніе большинства, которое теперь и выразило свое согласіе подчиниться вормскому эдикту на условіяхъ, выработанныхъ коммиссіей, но меньшинство составило протестъ противъ этого постановленія, исходя изъ того принципа, что въ дѣлахъ вѣры не можетъ быть рѣшеній по большинству и меньшинству, а только по внушенію собственной совѣсти, но въ то же время требуя, чтобы осталось въ силѣ постановленіе 1526 г., коимъ религіозныя дѣла отдавались на совѣсть не каждаго отдѣльнаго лица, а только имперскихъ чиновъ, получавшихъ право реформировать или не реформировать церковь въ своихъ владѣніяхъ. Въ этомъ заключалось одно изъ противорѣчій нѣмецкой реформаціи: *она провозглашала принципъ свободы совѣсти, но примѣняла его лишь къ властямъ*, лишая подданныхъ этой свободы. Протестъ былъ подписанъ пятью князьями (между другими курфюрстомъ саксонскимъ и ландграфомъ гессенскимъ) и уполномоченными 14 имперскихъ городовъ, которые всѣ и получили названіе протестантовъ, распространившееся впослѣдствіи на всѣхъ оставившихъ католическую церковь. Несомнѣнно, это было актомъ неповиновенія императору: князья и имперскіе города сами становились въ положеніе подданныхъ и заявляли, что во всемъ остальномъ они готовы повиноваться императору, но только не въ такихъ вещахъ, которыя касаются славы Божіей и спасенія души. Такимъ образомъ здѣсь заявлялся принципъ невмѣшательства государственной власти въ дѣла совѣсти, но заявлялся онъ какъ-разъ тѣми самыми князьями, которые, будучи государями въ своихъ владѣніяхъ, дѣлались въ нихъ и верховными устроителями церковныхъ дѣлъ. Іоаннъ Саксонскій и Филиппъ Гессенскій вошли въ особое соглашеніе съ тремя протестантскими городами, въ числѣ коихъ два было цвингліан-

---

[1]) См. выше, стр. 126 и 129—130.

скихъ (Сстрасбургъ и Ульмъ), но Лютеръ, какъ было уже сказано [1]) отклонилъ своего курфюрста отъ этого союза: между самими протестантами начинались религіозныя распри, сильно озабочивавшія Филиппа Гессенскаго [2]).

Между императоромъ и частью князей начинался серьезный раздоръ на религіозной почвѣ, хотя въ политическомъ отношеніи имперскіе чины проявили большую солидарность въ защитѣ страны отъ турокъ, сдѣлавшихъ въ томъ же 1529 г. страшное нападеніе на Вѣну, когда султанъ Солиманъ во главѣ войска въ 250 т. задумалъ совершить новыя завоеванія и двинулся на христіанскій Западъ: католическіе и протестантскіе князья (и между послѣдними особенно Филиппъ Гессенскій) спасли Вѣну отъ осады. Карлъ V отнесся съ сильнымъ раздраженіемъ къ шпейерской протестаціи и потребовалъ отъ подписавшихся подъ нею подчиненія волѣ сейма подъ страхомъ наказанія. Въ протестантахъ боролись еще противуположныя чувства, которыя опредѣлялись ими, какъ обязанности по отношенію къ Богу и по отношенію къ императору, а голосъ Лютера склонялъ ихъ къ непротивленію: въ правахъ императора онъ видѣлъ продолженіе неограниченной власти римскихъ цезарей и ветхозавѣтныхъ царей; онъ содѣйствовалъ тому, чтобы въ освобожденіи Вѣны приняли участіе и протестанты; ему представлялось даже, что самъ Карлъ долженъ считать его сторонникомъ своей власти и защитникомъ порядка по той роли, какую онъ игралъ въ протестантскихъ княжествахъ. Однимъ словомъ, на сопротивленіе императору онъ смотрѣлъ тѣми же глазами, какими глядѣлъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на затѣи Ульриха фонъ-Гуттена и на крестьянское возстаніе. Другіе понимали дѣло иначе, говоря, что угнетаемый имѣетъ право обороны и что власть, данная отъ Бога, перестаетъ быть законный, разъ она возстаетъ противъ Бога или нарушаетъ условія, на какихъ былъ избранъ ея носитель,— мысль, сдѣлавшаяся весьма популярной въ слѣдующемъ періодѣ реформаціонной эпохи и уже въ другихъ странахъ, гдѣ сторонниками ея стали не князья, какъ въ Германіи, а высшіе общественные классы и даже народныя массы. Тѣмъ не менѣе въ связи съ протестаціей 1529 г. *ставился вопросъ о правѣ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свободу совѣсти,* хотя и въ данномъ случаѣ, и здѣсь это право принималось только по отношенію къ имперскимъ чинамъ, которые не признали бы такого же права за собственными подданными. По этому вопросу у нѣмецкихъ протестантовъ, среди коихъ былъ и религіозный

---

[1]) См. выше, стр. 132.

[2]) Въ 1529 г. послѣ шпейерскаго сейма былъ и марбургскій диспутъ.

расколъ (лютеранство и цвингліанство), не было тогда единогласнаго рѣшенія.

Въ 1530 г. Карлъ V послѣ долговременнаго отсутстія пріѣхалъ въ Германію, назначивъ собраніе имперскаго сейма въ Аугсбургѣ. Сеймъ этотъ отличался особенномъ блескомъ, пышностью и торжественностью: императоръ, вообще не любившій церемоній, на этотъ разъ хотѣлъ явить себя передъ собравшимися имперскими чинами и народомъ во всемъ своемъ величіи. Побѣдитель папы и французскаго короля, владыка міра, только что коронованный императорской короной (Климентомъ VII въ Болоньѣ въ томъ же 1530 г.), защитникъ церкви, съ главою которой у него состоялось соглашеніе, онъ думалъ теперь, что ему и въ Германіи легко будетъ установить тотъ порядокъ, какой ему хотѣлось. Но на требованіе, предъявленное имъ протестантамъ, покориться его волѣ онъ получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что въ дѣлахъ совѣсти не имѣетъ силы никакое императорское повелѣніе. Начитанный въ св. писаніи и отцахъ церкви Филиппъ Гессенскій сталъ доказывать ему истинность евангелическато ученія, но когда Карлъ прервалъ его, старый маркграфъ Георгъ Ансбахскій бросился передъ нимъ на колѣна и рѣшительно заявилъ, что онъ скорѣе готовъ сложить голову, чѣмъ отступить отъ слова Божія. „Любезный князь, возразилъ ему Карлъ на ломанномъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, голову не надо прочь, голову не надо прочь" (löwer Först, net Kop ab.). Когда Карлъ V выразилъ желаніе, чтобы князья присутствовали на процессіи Божія тѣла, протестанты не явились, и даже лютеранское богослуженіе стало отправляться въ Аугсбургѣ въ помѣщеніяхъ князей и богатыхъ патриціевъ. Между тѣмъ по желанію Карла имѣть письменное изложеніе мнѣній членовъ сейма по религіозному вопросу составлена была — издавна, впрочемъ, вырабатывавшаяся и окончательно редактированная Меланхтономъ — „апологія", главною цѣлью коей было оправдать евангелическое ученіе отъ обвиненія въ ереси. Документъ этотъ, получившій названіе аугсбургскаго исповѣданія (Augsburger Confession, confessio angustana [1]), какъ изложеніе лютеранскаго ученія, былъ подписанъ всѣми лютеранскими князьями и представителями двухъ имперскихъ городовъ. Съ противной стороны по желанію императора послѣдовало опроверженіе (confutatio), составленное 19 католическими богословами, но нѣсколько измѣненное потомъ по требованію императора, который и приказалъ, чтобы курфюрстъ саксонскій съ своими товарищами и богословами присоединился къ этому акту. Въ поведеніи Карла V на аугсбургскомъ сеймѣ

[1]) Ср. выше, стр. 133. Онъ былъ составленъ по нѣмецки и по латыни. Лютеръ на аугсбургскій сеймъ не являлся.

мы уже встрѣчаемся съ нѣкоторыми чертами, указывавшими на то, что и себѣ (хотя бы и вмѣстѣ съ сеймомъ) императоръ приписывалъ право рѣшенія религіознаго вопроса, кромѣ того, что свѣтское государственное учрежденіе дѣлало постановленія церковнаго характера. Видя, что папа не хочетъ созывать собора, Карлъ рѣшился кончить дѣло о реформаціи самъ, устроивъ уже раньше нами упоминавшійся комитетъ [1]) для выработки соглашенія между католиками и лютеранами, но изъ этой попытки ничего не вышло, и дѣло отлагалось до созванія вселенскаго собора. Въ концѣ концовъ, Карлъ, понимавшій невозможность рѣшительныхъ мѣръ въ виду недовѣрчиваго и даже враждебнаго отношенія католическихъ князей (особенно Баваріи) къ габсбургской политикѣ [2]), предложилъ сейму отсрочить дѣло до весны слѣдующаго года (именно до 15 апрѣля): этимъ постановленіемъ князьямъ давалось время одуматься, а затѣмъ они должны были возсоединиться съ католическою церковью подъ страхомъ насильственнаго подавленія ихъ „ереси“. Протестантскіе чины (въ томъ числѣ и лютеранскіе и цвигліанскіе города) протестовали противъ такого рѣшенія, въ силу котораго они должны были возстановить въ своихъ владѣніяхъ старые церковные порядки и признавать папскую власть до рѣшенія религіознаго вопроса на вселенскомъ соборѣ. Отвѣтомъ на угрозы императора и католиковъ было заключеніе въ самомъ концѣ 1530 г. и началѣ 1531 г. въ Шмалькальденѣ союза протестантскихъ князей и городовъ, во главѣ коихъ стали курфюрстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій: цѣлью союза была взаимная оборона отъ нападенія. Лютеръ и богословы, учившіе о непротивленіи, должны были сдаться передъ доводами юристовъ, доказывавшихъ, что императоръ Германіи, выбираемый наслѣдственными князьями, не имѣетъ правъ неограниченнаго императора древняго Рима, ибо власть ему дается договоромъ, за нарушеніе коего ему можно оказывать сопротивленіе. Отмѣчаемъ это юридическое толкованіе не только потому, что имъ оправдывалось не допускавшееся Лютеромъ сопротивленіе, но и потому, что съ тою же самою идеей мы встрѣчаемся въ исторіи реформаціоннаго движенія и въ другихъ странахъ съ перенесеніемъ права сопротивленія незаконнымъ требованіямъ высшей власти съ мѣстныхъ правительствъ на весь народъ въ лицѣ его сословныхъ представителей:

---

[1]) См. выше, стр. 133.

[2]) Баварскій герцогъ Вильгельмъ интриговалъ противъ Габсбурговъ, желая самъ быть выбраннымъ въ короли, что заставило Карла V поспѣшить съ избраніемъ своего брата Фердинанда, состоявшемся въ января 1531 г. при протестѣ не только протестантовъ, но и Баваріи: Фердинандъ долженъ былъ управлять Германіей въ отсутствіи императора.

одинаковыя обстоятельства порождали одинаковыя доктрины, примѣненіе коихъ разнообразилось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Аугсбургскія угрозы не были приведены въ исполненіе весною 1531 г.: съ одной стороны, образовался вооруженный союзъ противъ рѣшенія сейма, съ другой, Карлъ опасался Франціи и Турціи и не довѣрялъ католической Баваріи, протестовавшей противъ избранія его брата въ короли, да и другихъ католическихъ князей, недовольныхъ преобладаніемъ Австріи. Для веденія войны съ турками, угрожавшими габсбургскимъ землямъ, нужно было примириться съ протестантами: Карлъ V вступилъ въ переговоры съ шмалькальденцами чрезъ пфальцскаго и майнцскаго курфюрстовъ къ великой радости Лютера, совѣтовавшаго своему курфюрсту согласиться на требованіе католиковъ, чтобы свобода протестантскаго исповѣданія была признана только за членами шмалькальденскаго союза и ихъ подданными, и чтобы союзъ отказался отъ покровительства своимъ единовѣрцамъ внѣ союза [1]), тогда какъ Филиппъ Гессенскій стоялъ на противоположной точкѣ зрѣнія. Лѣтомъ 1532 г. состоялось въ Нюрнбергѣ соглашеніе такого содержанія: князья и города, принявшіе уже аугсбургское (отнюдь не цвингліанское) исповѣданіе, оставались при немъ, но отказывались отъ защиты его послѣдователей въ другихъ владѣніяхъ, и такое положеніе дѣлъ должно было продолжаться до рѣшенія религіозныхъ споровъ соборомъ, а если онъ не будетъ созванъ, то, по крайней мѣрѣ, имперскимъ сеймомъ. Постановленіемъ нюрнбергскаго религіознаго мира, заключеннаго уполномоченными императора и шмалькальденскаго союза, были недовольны обѣ стороны, но общее положеніе дѣлъ отсрочивало столкновеніе враждебныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что и Карлъ V снова былъ отвлеченъ отъ внутреннихъ дѣлъ Германіи своею сложною внѣшней политикой. Огражденная нюрнбергскимъ трактатомъ реформація могла спокойно утверждаться и даже распространяться на новыя земли, хотя по смыслу соглашенія 1532 г. долженъ былъ поддерживаться status quo ante. Въ 1534 г. введена была реформація въ Вюртембергѣ. Это княжество послѣ изгнанія изъ него жестокаго герцога Ульриха [2]) находилось подъ габсбургскимъ правленіемъ, занятое войскомъ императора, но это правленіе было такого рода, что населеніе

[1]) Характерно разсужденіе Лютера, сводящееся къ слѣдующему: не нужно дѣлать другимъ того, чего не хочешь получать отъ другихъ, и если ни одинъ протестантскій правитель не желаетъ, чтобы другіе князья принуждали его дозволять подданнымъ старую вѣру, то не нужно принуждать князей противной стороны, чтобы они дозволяли своимъ подданнымъ новое богослуженіе, да и императора съ другими князьями нельзя принудить распространить на другихъ личную привилегію даруемую членамъ шмалькальденскаго союза.

[2]) См. выше, стр. 35.

стало желать возвращенія своего прежняго князя, особенно въ виду прекрасныхъ душевныхъ качествъ его наслѣдника Христофора, принявшаго притомъ реформацію, къ которой въ странѣ было большое тяготѣніе. Ульрихъ, бывшій раньше готовымъ соединиться съ мятежными крестьянами, лишь бы при ихъ помощи вернуться въ свою родовую землю, обнаруживалъ склонность къ тому, чтобы допустить реформацію въ Вюртенбергѣ, если бы это ему помогло вернуться къ власти. Въ шмалькальденскомъ союзѣ явилась мысль реставрировать Ульриха въ Вюртембергѣ и ввести тамъ протестантизмъ, и хотя курфюрстъ саксонскій (Іоаннъ-Фридрихъ, сынъ Іоанна, умершаго въ 1532 г.), равно какъ и Лютеръ, были противъ этого, Филиппъ Гессенскій взялъ дѣло на свой страхъ при денежной помощи со стороны Франціи и протестатскихъ князей и городовъ. Но это былъ только самый рельефный случай введенія реформаціи въ новомъ княжествѣ, такъ какъ тутъ отнято было вюртембергское герцогство не только у католической церкви, но и у императора и его брата Фердинанда, оставшагося безъ союзниковъ: реформація распространялась еще и въ другихъ мѣстностяхъ. Тогда главные католическіе князья съ королемъ Фердинандомъ заключили свой союзъ въ Нюрнбергѣ (1538 г.), не имѣвшій, впрочемъ, большого значенія, такъ какъ внѣшними обстоятельствами Карлъ V вынуждался дѣлать протестантамъ все новыя и новыя уступки, а нюрнбергскій союзъ былъ плохо организованъ. Въ 1539 г. реформація сдѣлала еще важныя пріобрѣтенія, когда умеръ саксонскій герцогъ Георгъ, а его преемникъ Генрихъ, поддерживаемый шмалькальденскимъ союзомъ, ввелъ реформацію и въ альбертинской Саксоніи при содѣйствіи свѣтскихъ сословій ландтага, и когда Іоахимъ II, курфюрстъ бранденбургскій, уступая народному желанію, ввелъ и у себя лютеранизмъ съ нѣкоторыми особенностями, отличавшими мѣстную реформацію отъ бывшей общераспространенною въ другихъ княжествахъ. Въ 1542 г. шмалькальденскій союзъ напалъ на брауншвейгскаго герцога, который долженъ былъ бѣжать изъ своихъ владѣній, и здѣсь курфюрстъ саксонскій и Филиппъ Гессенскій ввели также протестантизмъ. Лютеранская пропаганда дѣйствовала успѣшно и въ католическихъ земляхъ, пріобрѣтая множество послѣдователей, въ то время, какъ даже и нѣкоторые духовные владѣльцы стали принимать протестантизмъ. Все это должно было сильно тревожить Карла V, занятаго тогда войною съ Франціей и турками, но особенно сильно на него должно было подѣйствовать то, что одинъ изъ духовныхъ курфюрстовъ, Германъ фонъ-Видъ, архіепископъ кельнскій, также надумалъ ввести въ своихъ владѣніяхъ реформацію, испросивъ на это согласіе свѣтскихъ чиновъ мѣстнаго сейма и поручивъ составленіе проекта реформаціи Меланхтону и Буцеру (1543 г.). Примѣры введенія протестантизма духов-

ными владѣльцами были и раньше, причемъ послѣдніе, какъ и Германъ фонъ-Видъ, опирались на постановленіе 1526 г., да и соблазнъ былъ большой — секуляризировать духовное владѣніе и сдѣлаться наслѣдственнымъ княземъ по примѣру гросмейстера тевтонскаго ордена Альбрехта Бранденбургскаго, секуляризировавшаго орденскія владѣнія и превратившагося въ наслѣдственнаго герцога прусскаго, хотя и въ ленной зависимости отъ Польши (1525 г.), а въ Германіи было много духовныхъ княжествъ, сохраненіе коихъ за католицизмомъ было весьма важно для старой церкви. Въ это время три курфюршества изъ семи (Саксонія, Бранденбургъ и Пфальцъ) были уже протестантскиии, и присоединеніе къ реформаціи четвертаго дало бы въ курфюршеской коллегіи большинство протестантамъ, что грозило интересамъ габсбургской династіи, за которою Карлъ V стремился утвердить Германію. Императоръ поспѣшилъ заключить миръ съ Франциcкомъ I (въ Крепи въ 1544 г.), на весьма умѣренныхъ условіяхъ, не смотря на военные успѣхи, и оба государя рѣшили общими силами противиться распространенію ереси и всячески ее подавлять. Въ 1545 г. при посредствѣ Франціи былъ заключенъ миръ и съ турками. Опять у Карла V руки были развязаны, и онъ могъ не опасаться, что шмальнальденцы не станутъ ему помогать противъ турокъ или что вступятъ въ союзъ съ Франціей.

Въ 1545 г. по настоянію Карла V папа Павелъ III созвалъ соборъ въ Тридентѣ, но протестанты отказались на него ѣхать. Въ 1546 г., въ годъ смерти Лютера, началась война между императоромъ и шмалькальденскимъ союзомъ, которой предшествовало подавленіе кельнской реформаціи. Шмалькалденскій союзъ оказался недостаточно дружнымъ и энергичнымъ, и въ немъ даже происходили ссоры князей съ городами; съ его стороны ничего не было предпринято для того, чтобы помѣшать Карлу V стянуть въ Германію иностранныя войска, на что онъ и права не имѣлъ по избирательной капитуляціи 1519 г. Отъ шмалькальденскаго союза отдѣлился, далѣе, герцогъ саксонскій Морицъ [1]), преемникъ Генриха, введшаго реформацію въ альбертинской Саксоніи: молодой и честолюбивый князь, женатый на дочери Филиппа Гессенскаго, жившій не въ ладахъ съ курфюрстомъ саксонскимъ Іоанномъ Фридрихомъ соединился съ Карломъ V. имѣя виды на то, чтобы при его помощи расширить свои владѣнія путемъ присоединенія къ нимъ нѣкоторыхъ епископствъ, которыя-де все равно были бы захвачены Іоанномъ Фридрихомъ или вообще не удержатся за католическою церковью. У Морица не было религіознаго убѣжденія, коими отличались его родственники, курфюрстъ и ландграфъ, и онъ даже объ-

[1]) Морицъ родился въ 1521 г.

яснялъ Карлу V, что реформація въ его владѣніяхъ введена не по его винѣ: это былъ типичный представитель, новаго поколѣнія князей одной политической школы съ Карломъ V, человѣкъ, у котораго было очень мало общаго съ старыми князьями, лойяльно относившимися къ своимъ имперскимъ обязанностямъ и искренне убѣжденными въ истинности своихъ вѣрованій. Кромѣ того, Морицу Карлъ V обѣщалъ санъ курфюрста.—Военныя дѣйствія со стороны императора были весьма успѣшны: одни за другими города и цѣлыя области должны были подчиняться его испанскому войску; въ 1547 г. въ битвѣ при Мюльбергѣ былъ взятъ въ плѣнъ Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій, у котораго императоръ отнялъ санъ и „конфисковалъ" владѣнія, передавъ первый и часть вторыхъ Морицу (другую часть получилъ Фердинандъ); Филиппъ Гессенскій былъ заманенъ къ Карлу и схваченъ, чтобы раздѣлить вмѣстѣ съ курфюрстомъ саксонскимъ тюремное заключеніе, въ коемъ обоихъ плѣнниковъ содержали весьма дурно.

Шмалькальденская война кончилась полною побѣдою императора, но это была побѣда иностраннаго государя, завоевывавшаго Германію иноземнымъ войскомъ. Теперь Карлъ V могъ диктовать свою волю. На сеймѣ 1547—1548 гг. онъ провелъ рядъ постановленій, коими обезпечивалось наслѣдственное господство габсбургскаго дома надъ Нидерландами, какъ частью имперіи, причислялись къ нарушеніямъ земскаго мира покушенія на церковную собственность, преобразовывался рейхскаммергерихтъ съ переходомъ къ императору права замѣщать его должности, учреждалась имперская военная казна, которая давала императору средства для содержанія войска, готоваго подавлять всякое возстаніе. Хотя въ началѣ шмалькальденской войны и было объявлено, что она ведется противъ политическихъ мятежниковъ, Карлъ V задумалъ потребовать отъ Германіи подчиненія его волѣ и въ религіозномъ вопросѣ. Таковъ былъ именно смыслъ аугсбургскаго интерима 1548 г., временныхъ правилъ для примиренія лютеранъ съ римскою церковью, выработанныхъ по порученію императора богословами и заключавшихъ въ себѣ смѣсь католическихъ и протестантскихъ воззрѣній, а потому не удовлетворявшихъ ни той, ни другой стороны, но сеймъ былъ вынужденъ принять интеримъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ другой государь (Генрихъ VIII въ Англіи) столь же произвольно распоряжался совѣстью своихъ подданныхъ, не удовлетворивъ своею королевской реформаціей ни протестантовъ, ни католиковъ, императорская же реформація послѣ тридцати лѣтъ, проведенныхъ Германіей въ религіозномъ движеніи, имѣла еще менѣе шансовъ на то, чтобы быть принятой, чѣмъ упомянутая реформація королевская. Карлу V пришлось поэтому силою принуждать къ принятію интерима, хотя возможнымъ это оказалось только по отношенію къ южно-

германскимъ городамъ, гдѣ прямо испанскіе отряды производили экзекуцію, тогда какъ на сѣверѣ интеримъ встрѣтилъ отпоръ, особенно въ Магдебургѣ. Отъ католиковъ еще не требовалось его признаніе, но изъ протестантскихъ князей его обнародовали только немногіе, не встрѣтивъ повиновенія со стороны подданныхъ, да и самъ Морицъ Саксонскій ограничился однимъ лишь наружнымъ подчиненіемъ. Германія снова заволновалась, особенно негодуя на саксонскаго „Іуду-предателя“, и *князьямъ выпало на долю, а въ ихъ числѣ и Морицу выступить въ роли защитниковъ нѣмецкой свободы* отъ испанскаго деспота. У нѣмцевъ явились и союзники: папа, боявшійся усиленія императорской власти, утвержденія Карла V въ Италіи и плановъ его на счетъ собора, къ коему папы относились съ недовѣріемъ, особенно послѣ аугсбургскаго интерима и послѣ того, какъ императоръ протестовалъ противъ перенесенія собора изъ Тридента въ Болонью; затѣмъ французскій король Генрихъ II, унаслѣдовавшій политику своего отца; наконецъ, Морицъ, который былъ недоволенъ Карломъ V за его поведеніе по отношенію къ Филиппу Гессенскому и чувствовалъ себя крайне неловко, такъ какъ всѣ его называли измѣнникомъ. Самовольная расправа Карла V съ двумя популярными князьями, лишенными сана и владѣній, содержавшимися въ тюрьмѣ, какъ самые послѣдніе воры, и то, что Карлъ V не остановился даже передъ произнесеніемъ смертнаго приговора надъ Іоанномъ Фридрихомъ, задѣвало всѣхъ князей, и въ чувствѣ негодованія на императора и испанцевъ нація была солидарна съ князьями: съ народомъ церемонились также очень мало. Испанцы притомъ поговаривали, что для Германіи лучше имѣть одного господина, чѣмъ столько тиранновъ, и что принцъ Филиппъ (сынъ Карла) такъ и сдѣлаетъ, когда займетъ престолъ. Тогда Морицъ повернулъ фронтъ. Ему поручена была осада Магдебурга, но онъ ее затягивалъ, приберегая свои силы для другой борьбы, вошелъ сначала въ соглашеніе съ маркграфомъ бранденбургскимъ, а потомъ и съ другими князьями относительно общихъ дѣйствій въ интересахъ религіи и свободы и для освобожденія заключенныхъ въ тюрьму князей. Къ союзу примкнула и Франція, давшая денежныя субсидіи за право занять, хоть и въ ленной зависимости отъ имперіи, тѣ города послѣдней, гдѣ не говорятъ по-нѣмецки, какъ-то: Камбрэ, Мецъ, Туль и Верденъ (1551). Между тѣмъ Карлъ V отклонялъ всѣ обращавшіяся къ нему просьбы отпустить плѣнныхъ князей и не вѣрилъ слухамъ о замыслахъ „пьяныхъ нѣмцевъ“. Въ 1552 г. князья обнародовали манифестъ, въ которомъ говорилось, что они взялись за оружіе для освобожденія Германіи отъ скотскаго рабства. Быстрымъ движеніемъ Морица на Тироль безпомощный императоръ, находившійся въ Иннспрукѣ, едва, да и то съ великимъ трудомъ, спасся бѣгствомъ. Ему оставалось только поручить своему брату договориться

съ князьями: пассаускимъ соглашеніемъ 1552 г. было постановлено, что имперскіе чины, держащіеся аугсбургскаго исповѣданія, будутъ пользоваться свободою до возстановленія религіознаго единства Германіи вселенскимъ или національнымъ соборомъ, совѣщаніемъ богослововъ или сеймомъ, затѣмъ отмѣнялся интеримъ и возстановлялись права тѣхъ, на кого Карлъ наложилъ опалу во время шмалькальденской войны. Заставить однако императора принять это рѣшеніе католическихъ и протестантскихъ князей было трудно, не смотря на то, что онъ былъ побѣжденъ. Только въ 1555 г. рѣшился великій вопросъ аугсбургскимъ религіознымъ миромъ, и въ томъ же году Карлъ передалъ своему сыну, Филиппу управленіе Нидерландами, а затѣмъ и испанскія и итальянскія области, чтобы въ 1556 г. оставить и имперскія дѣла и отречься отъ власти для жизни въ монастырскомъ уединеніи [1]).

Аугсбургскій сеймъ прекратилъ религіозную борьбу въ Германіи и *санкціонировалъ всѣ главныя пріобрѣтенія князей за реформаціонный періодъ*. Главныя постановленія этого мира были слѣдующія. Имперскіе чины, т.-е. князья и вольные города, державшіеся аугсбургскаго исповѣданія, ограждались отъ какого бы то ни было притѣсненія за свою вѣру, но цвингліанцы и кальвинисты, сильно заставлявшіе говорить о себѣ въ то время, исключались изъ этого правила. Далѣе утверждался принципъ: „cujus regio, ejus religio“, въ силу коего подданные должны были слѣдовать вѣрѣ своего правительства, хотя въ пользу протестантскихъ подданныхъ въ духовныхъ княжествахъ сдѣлана была оговорка, а другой оговоркой (reservatum ecclesiasticum) постановлялось, что еслибы епископъ задумалъ перейти въ протестантизмъ, то ему ужъ нельзя было бы секуляризировать свой ленъ. Впрочемъ, обѣ эти оговорки не были утверждены формальнымъ образомъ.

Каковы же были политическіе итоги нѣмецкой реформаціи? Ихъ можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. *Реформація содѣйствовала дальнѣйшему раздробленію Германіи, начавшемуся гораздо ранѣе*, ибо раздѣлила страну на два враждебныя вѣроисповѣданія, лишь одну ея половину совершенно освободила отъ Рима, ослабила власть императора, *усиливъ, наоборотъ, власть князей*, которые, сокрушивъ рыцарей и крестьянъ и побѣдивъ императора, стали въ болѣе или вполнѣ независимое положеніе по отношенію къ папѣ, подчинили себѣ мѣстное духовенство, секуляризировали церковную собственность и сдѣлались господами въ религіозныхъ дѣлахъ своихъ княжествъ. Дальнѣйшая внутренняя исторія Германіи заключается въ томъ, что *княжеская власть освобождается отъ тѣхъ ограниченій, какія на нее налагались сверху—имперскими учрежденіями, и снизу—собра-*

[1]) Карлъ V умеръ въ 1558 г. Въ Германіи императоромъ выбрали Фердинанда I.

ніями земскихъ чиновъ: въ обоихъ отношеніяхъ они достигаютъ многаго во время тридцатилѣтней войны и въ силу постановленій вестфальскаго мира, но и война эта, и миръ находятся уже въ тѣсной связи съ исторіей взаимныхъ отношеній католицизма и протестантизма.

О культурныхъ результатахъ реформаціи рѣчь будетъ идти особо.

XIV. Цвингліанская реформація [1]).

Германская и швейцарская реформація.—Политическое состояніе и политическіе вопросы въ Швейцаріи.—Связь политической реформы съ религіозною.—Соціальное броженіе въ Швейцаріи.—Общія явленія въ нѣмецкой и швейцарской исторіи.—Жизнь и личность Цвингли въ сравненіи его съ Лютеромъ.—Начало евангельской проповѣди Цвингли и цюрихской реформаціи.—Принятіе цвингліанства другими городами и религіозная война.—Сравненіе лютеранства и цвингліанства съ культурной и политической точекъ зрѣнія.

Одновременно съ Лютеромъ въ качествѣ религіозныхъ реформаторовъ выступило много другихъ богослововъ, болѣе или менѣе отличавшихся другъ отъ друга въ подробностяхъ новаго ученія, но они или примыкали къ виттенбергскому реформатору, сдѣлавшись его сторонниками и помощниками, или содѣйствовали лютеранской реформаціи, подготовляя для нея почву, безсильные по разнымъ причинамъ создать такія формы протестантизма, которыя могли бы идти въ сравненіе съ лютеранизмомъ, тѣмъ болѣе, что и послѣдній не былъ дѣломъ одного Лютера, съумѣвшаго сдѣлаться руководителемъ цѣлаго ряда другихъ дѣятелей. Одной только формѣ евангелическаго ученія суждено было съ самаго начала вступить въ соперничество съ лютеранизмомъ: это было цвингліанство, возникшее въ двадцатыхъ же годахъ XVI в. въ Цюрихѣ, принятое нѣкоторыми швейцарскими кантонами и распространившееся въ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ. Этой формѣ не удалось получить въ Германіи такого же значенія, какое выпало на долю аугсбургскаго

---

[1]) Швейцарская (нѣмецкая) реформація разсматривается нерѣдко въ сочиненіяхъ, посвященныхъ реформаціи въ Германіи по связи, которая существовала между обѣими странами одного и того же языка и культуры, а кромѣ того, въ общихъ исторіяхъ Швейцаріи или исторіяхъ отдѣльныхъ городовъ (напр., Bluntschli. Geschichte der Republik Zürich), особенно же въ біографіяхъ Цвингли, принадлежащихъ многимъ авторамъ, изъ коихъ назовемъ Hoffinger'а, Sigwart'а, Roeder'а, Spörri, Mörikofer'а (лучшая), и въ другихъ біографіяхъ (Herzog. Das Leben Oecolampads und die Reformation zu Basel). Кромѣ того, см. Escher. Die Glaubenspateien in der Eidgenossenschaft.—A. Baur. Zwinglis Theologie, ihr Werden und ihr System.—Usteri. Zwingli und Erasmus.—О сектантскомъ движеніи въ Швейцаріи тѣ же сочиненія, которыя названы въ главахъ VII и XI.

исповѣданія, принятаго князьями, но она заняла самостоятельное мѣсто въ исторіи религіозныхъ преобразованій—и въ смыслѣ вѣроученія, и въ смыслѣ церковнаго устройства. Сравнивая швейцарскую реформацію съ нѣмецкой, мы убѣждаемся въ томъ, какое важное значеніе въ дѣлѣ реформы принадлежало и общимъ условіямъ, въ какихъ находилась страна, гдѣ возникало движеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ личности реформатора [1]). *Преобладавшею политическою формою въ германскихъ земляхъ была княжеская монархія, тогда какъ швейцарскіе кантоны* [2]) *были республиками*, и это различіе отразилось на томъ направленіи, какое приняли двѣ параллельныя реформаціи. Это съ одной стороны, а съ другой *въ сравненіи съ Лютеромъ, теологомъ и мистикомъ, Цвингли былъ болѣе гуманистъ и раціоналистъ*, что опять-таки сказалось на противоположности двухъ формъ протестантизма, получившихъ свои названія отъ именъ этихъ реформаторовъ. Еще болѣе мы убѣждаемся въ важности индивидуальнаго элемента въ исторіи реформаціи, когда знакомимся далѣе съ третьею формою протестантизма, связанную съ именемъ женевскаго реформатора Кальвина: *созданная имъ церковь, какъ и цвингліанская, получила республиканское устройство, но въ вѣроученіи Кальвинъ занялъ совершенно особое положеніе.* Наконецъ, важенъ вопросъ о моментѣ, въ который возникла та или другая форма [3]). Лютеръ и Цвингли начали реформировать церковь одновременно, именно въ двадцатыхъ годахъ, а съ проповѣдью новыхъ религіозныхъ принциповъ независимо другъ отъ друга выступили и раньше того, именно еще около 1517 года [4]), тогда какъ Кальвинъ явился въ роли реформатора къ концу тридцатыхъ годовъ; какое это имѣло значеніе, мы увидимъ послѣ.

Итакъ, говоря о первомъ періодѣ швейцарской реформаціи, мы должны имѣть въ виду состояніе страны и личность реформатора.

Какъ и нѣмецкая имперія, швейцарскій союзъ былъ федераціей отдѣльныхъ земель: какъ Германія по аугсбургскому миру 1555 г. раздѣлилась оффиціально на католическую и евангелическую, такъ и Швейцарія еще раньше этого (1531 г.) подобнымъ же образомъ распалась на два исповѣданія, и это распаденіе было признано союзомъ. То-есть въ обѣихъ странахъ религіозный вопросъ рѣшался въ ту или другую сторону каждымъ княжествомъ, каждымъ кантономъ отдѣльно съ тѣмъ лишь различіемъ, что—помимо, конечно, народнаго движенія— въ одномъ случаѣ дѣйствовала княжеская санкція или иниціатива, въ

---

[1]) См. выше, стр. 7—9.
[2]) Равно какъ и нѣмецкіе имперскіе города.
[3]) См. выше, стр. 8.
[4]) См. выше, стр. 71.

другомъ—республиканская. Параллельно съ дѣломъ церковной реформы и подъ ея знаменемъ въ Германіи рѣшались чисто политическіе и соціальные вопросы, поставленные самою жизнью. То же было и въ Швейцаріи; только общественные вопросы здѣсь были иные. Швейцарскій союзъ, возникшій въ концѣ XIII (1291) и началѣ XIV вѣка и въ этомъ же столѣтіи сдѣлавшійся фактически независимымъ, складывался постепенно, но такъ, что первоначальные кантоны (Швицъ, Ури, Унтервальденъ), а за ними и тѣ, которые были старѣйшими членами союза (Цугъ, Бернъ, Люцернъ, Гларусъ), пользовались нѣкоторыми привилегіями сравнительно съ присоединившимися впослѣдствіи, къ каковымъ принадлежалъ Цюрихъ. Устройство Швейцаріи вообще было весьма пестрое: кромѣ кантоновъ съ несовсѣмъ равными правами въ союзѣ, существовали еще союзныя земли, не пользовавшіяся правами кантоновъ, и ландфогтства, находившіяся въ управленіи послѣднихъ. Весьма естественно, что политическое неравенство отдѣльныхъ частей швейцарскаго союза вызывало взаимное неудовольствіе, а запутанность отношеній—споры. Другимъ вопросомъ было наемничество. Въ первые два вѣка своей исторіи швейцарцамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отбиваться отъ покушеній на ихъ свободу сначала Габсбурговъ, потомъ бургундскихъ герцоговъ, и только въ 1499 г. по базельскому миру отбилась Швейцарія отъ имперіи, лишь номинально составляя ея часть послѣ этого. Почти безпрерывныя войны развили въ народѣ храбрость и воинственный духъ, такъ что европейскіе государи стали искать союза съ Швейцаріей для того, чтобы имѣть наемныя швейцарскія дружины въ своихъ войскахъ: переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени характеризуется вообще развитіемъ кондотьерства и наемничества [1]), и швейцарскія дружины играли поэтому большую роль въ войнахъ той эпохи. Въ этомъ для страны было большое зло, такъ какъ наемничество вносило деморализацію и въ правящіе классы, и въ народную массу: патриціатъ, въ рукахъ коего была власть, пользовался пенсіями и подарками государей, искавшихъ союза съ Швейцаріей, и торговалъ кровью своихъ согражданъ, а также раздѣлялся на враждебныя партіи, благодаря интригамъ иностранныхъ правительствъ, въ наемникахъ же, шедшихъ служить чужимъ государямъ, развивалась страсть къ легкой наживѣ, грабежу, пренебреженіе къ труду, да и не было никакой гарантіи противъ того, чтобы имъ не случилось сражаться въ противныхъ арміяхъ. Въ 1512 г. будущій швейцарскій реформаторъ въ качествѣ полкового священника сопровождалъ въ Италію гларусское ополченіе и искренне еще восторгался подвигами своихъ соотечественниковъ, бывшихъ на службѣ

[1]) Ср. выше, стр. 83.

у папы, но во время второго похода (1515 г.) онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ въ битвѣ при Мариньяно часть прекраснаго швейцарскаго войска была подкуплена французами и оставила другую часть въ виду непріятеля, которому затѣмъ легко было одержать полную побѣду надъ этою послѣднею. Къ вопросамъ о политическомъ устройствѣ страны и о томъ злѣ, какое было соединено съ наемничествомъ, прибавлялся еще соціальный антагонизмъ между полноправными гражданами и безправною частью населенія страны, между фамиліями, обогащавшимися на счетъ наемничества и тѣснившими бѣдняковъ, и этими самыми бѣдняками, что и въ Швейцаріи создавало благопріятную почву для распространенія анабаптизма.

Такимъ образомъ и въ Швейцаріи въ то время, когда одни и тѣ же условія церковной жизни, что̀ и въ Германіи, вызывали здѣсь необходимость реформы и порождали религіозное движеніе, которое, какъ и тамъ, приняло двоякій—евангелическій и мистическій—характеръ, рядомъ съ возникавшими отсюда вопросами требовали разрѣшенія и вопросы соціально-политическіе. *Обѣ реформы, церковная и политическая, объединились* такимъ образомъ, что на сторону той и другой стали общественные элементы, желавшіе перемѣнъ, а именно младшіе кантоны и демократія, тогда какъ старые кантоны (Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Люцернъ съ Фрейбургомъ и Валлисомъ) и патриціанскія олигархіи стали на защиту старой церкви. Это тѣсное соединеніе двухъ реформацій проявилось и въ томъ, что не по примѣру Лютера *Цвингли выступилъ сразу въ роли и церковнаго, и государственнаго реформатора.* Въ политическомъ отношеніи онъ, правда, потерпѣлъ неудачу, но его замыслы указываютъ въ немъ человѣка, который опережалъ свое время. По отношенію ко всему швейцарскому союзу онъ находилъ именно крайне несправедливымъ, чтобы старые кантоны, маленькіе и невѣжественные, имѣли въ общемъ сеймѣ такое же значеніе, какъ большіе, могущественные и образованные города, и хотѣлъ уничтожить неестественное преобладаніе первыхъ, освободивъ отъ ихъ власти ландфогтства и давъ большимъ кантонамъ соотвѣтственное ихъ территоріямъ, матеріальному благосостоянію и большей культурности положеніе. То, къ чему стремился Цвингли въ этомъ отношеніи, осуществилось лишь въ XIX в., въ современной представительно-демократической федераціи, а въ XVI в. его планы разбились о сопротивленіе старыхъ кантоновъ, о соперничество между большими кантонами, въ родѣ Цюриха и Берна, объ общую неподготовленность и даже враждебность къ его широкимъ планамъ, затрогивавшимъ массу консервативныхъ интересовъ. Счастливѣе онъ былъ только въ своей борьбѣ съ наемничествомъ. Самое его выступленіе на поприще общественной дѣятельности имѣло свое начало въ томъ чувствѣ, съ какимъ онъ

сталъ относиться къ этому злу швейцарской жизни, и можно даже сказать, что онъ началъ свою общественную дѣятельность—въ качествѣ не столько церковнаго, сколько общественнаго реформатора. Въ своихъ политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ съ Лютеромъ онъ сходился лишь въ томъ отношеніи, что анабаптизмъ—и не въ одной религіозной своей сторонѣ только—встрѣтилъ отпоръ и у него, такъ какъ онъ былъ реформаторъ политическій, реформаторъ съ широкими и смѣлыми планами, но въ немъ не было стремленія къ соціальному переустройству, проявившагося одновременно и въ Германіи, и въ Швейцаріи въ двадцатыхъ годахъ и подавленнаго властями въ обѣихъ же странахъ. Броженіе съ соціальнымъ характеромъ подъ религіознымъ знаменемъ, дѣйствительно, возникло и въ Швейцаріи, гдѣ, какъ было сказано, анабаптизмъ нашелъ приверженцевъ. Главами этой секты въ Цюрихѣ сдѣлались Конрадъ Гребель и Феликсъ Манцъ, ставшіе къ Цвингли въ такое же отношеніе, въ какомъ находился къ Лютеру Ѳома Мюнцеръ, обвинявшіе Цвингли въ томъ, что онъ слишкомъ тянетъ на сторону властей и имущихъ классовъ, и проповѣдовавшіе, напр., что апостолы не были ростовщиками и сборщиками податей, что начальства и войска не нужно, что земныя блага должны братски дѣлиться и т. п. Цвингли выступилъ противъ анабаптистовъ съ опроверженіями, а цюрихскія власти начали ихъ преслѣдовать, между прочимъ изгоняя ихъ изъ города, а это способствовало появленію анабаптизма въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ великая крестьянская война въ Германіи, происходившая по сосѣдству съ Швейцаріей, отразилась и на сельскомъ населеніи послѣдней, такъ что въ нѣкоторыхъ ея фогтствахъ крестьяне по образцу „двѣнадцати статей“ формулировали свои требованія въ 27 статьяхъ, выражая въ нихъ желанія свои объ отмѣнѣ крѣпостничества, барщинныхъ повинностей, десятины, объ установленіи права прихожанъ выбирать и смѣщать своихъ духовныхъ пастырей, о свободномъ пользованіи земельными, лѣсными и водными угодьями. Крестьянамъ въ Швейцаріи были сдѣланы нѣкоторыя уступки, и мѣстнымъ анабаптистамъ не пришлось съиграть въ здѣшнемъ соціальномъ движеніи той роли, какая выпала на долю Ѳомы Мюнцера въ Германіи. Въ этомъ сектантскомъ движеніи, развившемся и въ Швейцаріи, мы видимъ повтореніе тѣхъ же явленій, съ какими встрѣчаемся и въ Германіи, или говоря точнѣе сектантство и здѣсь и тамъ проявилось одновременно и въ одинаковыхъ формахъ. Между прочимъ,—на что было уже указано,—первые зародыши антитринитаризма возникаютъ параллельно и здѣсь, и тамъ [1]). При всемъ различіи между Германіей и Швейцаріей въ политическомъ

[1]) См. выше, стр. 77.

отношеніи, въ соціальномъ строѣ обѣихъ странъ было много общаго, да и культурное ихъ состояніе въ сущности было одно и то же, благодаря постояннымъ сношеніямъ между людьми одной и той же національности и благодаря умственной связи между дѣятелями сначала гуманизма, а потомъ реформаціи обѣихъ странъ.

Изучая цвингліанскую реформацію, можно относиться къ ней съ двоякой точки зрѣнія, т.-е. или имѣя въ виду исторію самой Швейцаріи, въ которой реформаціи этой принадлежало важное значеніе, или, наоборотъ, общую исторію реформаціи, получившую въ этой странѣ особое направленіе. По общему характеру настоящаго труда [1]), мы должны стоять на второй точкѣ зрѣнія, т.-е. интересоваться не столько швейцарскою исторіей въ эпоху реформаціи, сколько швейцарской формой протестантизма, какъ общеевропейскаго явленія, и если отъ этого принципа пришлось отступить, болѣе подробно излагая исторію Германіи въ первой половинѣ XVI в., то лишь потому, что исторію нѣмецкой реформаціи естественнѣе всего было выбрать для болѣе обстоятельнаго изображенія, на частномъ примѣрѣ одной страны, и того, какъ произошла реформація, и того, какъ она совершалась въ связи съ данными культурно-соціальными условіями, тѣмъ болѣе еще, что въ судьбахъ нѣмецкаго народа, т.-е. одной изъ самыхъ большихъ западно-европейскихъ націй, событія первой половины XVI в. имѣли рѣшающее значеніе. Ограничившись общими указаніями на пункты различія и сходства между политическими и соціальными вопросами, рѣшавшимися въ Германіи и Швейцаріи, мы можемъ остановить наше вниманіе *на особомъ характерѣ реформаціи, вышедшей изъ Цюриха, принимая въ расчетъ, что объясненія особенностей нужно искать въ личности реформатора и въ окружавшихъ его политическихъ условіяхъ*, уже нами указанныхъ въ общихъ чертахъ.

Лютеръ и Цвингли во многихъ отношеніяхъ были полною противоположностью. Будучи ровесниками [2]) и происходя оба изъ крестьянъ, они съ раннихъ лѣтъ были поставлены въ неодинаковыя условія жизни: одинъ росъ въ бѣдности и подъ суровымъ родительскимъ режимомъ, отчасти содѣйствовавшимъ его позднѣйшему поступленію въ монастырь, тогда какъ отецъ Цвингли былъ зажиточный и весьма уважаемый своими однодеревенцами сельскій староста, въ домѣ котораго рядомъ съ лучшими сторонами патріархальности господствовало мягкое отношеніе къ младшимъ членамъ семьи. Воспитаніе привило Лютеру аскетическій пессимизмъ, направлявшій его къ мистической религіозности, которая сама создавалась изъ двухъ настроеній—чувства своей грѣховности и

---

[1]) Томъ I, стр. 12—14, а также выше, стр. 9.

[2]) Лютеръ родился въ 1483 г., Цвингли—въ 1484 г. (въ Вильдгаузѣ).

страха передъ неумолимо-судящимъ и гнѣвно-карающимъ Богомъ, тогда какъ болѣе свѣтлое міросозерцаніе Цвингли, вынесенное имъ изъ дѣтскихъ впечатлѣній и воспоминаній, соединилось въ немъ съ гуманистическимъ образованіемъ. У маленькаго Ульриха былъ дядя священникъ, взявшій на себя воспитаніе племянника. Переходя изъ школы въ школу [1]), гдѣ Цвингли своимъ мягкимъ нравомъ снискивалъ расположеніе товарищей и наставниковъ, онъ подъ руководствомъ бернскаго гуманиста Вёльфлина (Лупулуса), полюбилъ древнихъ классиковъ, которыхъ впослѣдствіи усердно читалъ, съ отвращеніемъ относясь къ схоластикѣ, какъ это случалось обыкновенно съ изучавшими античныхъ авторовъ, такъ что, повидимому, изъ него, въ 1506 г., уже магистра словесныхъ наукъ, долженъ былъ бы выйти не богословъ, а гуманистъ. Лютеръ читалъ схоластиковъ, мистиковъ, отцовъ церкви. Цвингли, въ 1506 г. сдѣлавшійся приходскимъ священникомъ въ Гларусѣ, гдѣ и прожилъ потомъ десять лѣтъ, увлекался Цицерономъ, Сенекой, Саллюстіемъ, Платономъ, Лукіаномъ, Гомеромъ, Пиндаромъ, учился по-гречески, чтобы въ подлинникѣ читать новый завѣтъ, переписывался съ гуманистами (между прочимъ, съ Эразмомъ), устроилъ въ Гларусѣ латинскую школу и самъ въ ней преподавалъ. Лютеръ держалъ себя далеко отъ гуманистическаго движенія, тогда какъ на Цвингли даже Эразмъ смотрѣлъ, какъ на будущую гуманистическую гордость Швейцаріи; подобно нѣмецкимъ гуманистамъ и молодой гларусскій священникъ соединялъ съ классическими занятіями и богословскія, но въ новомъ духѣ свободнаго отношенія къ церковной традиціи, которая имѣла такую силу надъ Лютеромъ, и въ духѣ примѣненія гуманистическихъ методовъ къ толкованію св. писанія. Конечно, Цвингли былъ не единственный реформаторъ съ гуманистическимъ образованіемъ (вспомнимъ Меланхтона), но рѣдко у кого такъ сильно замѣтны его слѣды на вѣроученіи, ибо во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи Цвингли былъ противоположностью аскету и мистику Лютеру. У Цвингли вообще весьма рано стало складываться самостоятельное религіозное міросозерцаніе. Около 1505 года онъ слушалъ въ Базелѣ Ѳому Виттенбаха, одного изъ предшественниковъ реформаціи, публично говорившаго, что отпущеніе грѣховъ не можетъ быть покупаемо у церкви, что Христосъ искупилъ грѣхи всѣхъ людей, что благодать сообщается только вѣрою въ Христа, а въ Гларусѣ онъ читалъ Виклифа и Гуса, „такъ какъ и среди сорныхъ травъ попадаются питательныя растенія“, и изучалъ сочиненія Пико делла Мирандолы. У него въ сознательномъ возрастѣ такимъ образомъ не было времени безусловной вѣры въ католическія ученія, и ему не стоило такой борьбы, какъ Лютеру, отдѣленіе отъ церкви. Его

---

[1]) Базель, Бернъ, вѣнскій и базельскій университеты.

никогда не ужасало сходство его возрѣній съ ученіями еретиковъ; онъ зналъ, чтó онъ дѣлалъ, когда выступилъ съ своею проповѣдью; его реформація съ самаго начала была болѣе рѣшительной. И исходный пунктъ реформы у обоихъ былъ не одинаковый. Лютеръ, отрѣшившійся отъ міра монахъ, теологъ, занятый вопросомъ о томъ, какъ оправдаться передъ Богомъ, стоялъ въ сторонѣ отъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ своего времени, и отправною точкою его реформаціи былъ отвлеченный религіозный принципъ, заявляя который въ своихъ 95 тезисахъ, онъ еще не предвидѣлъ, куда его приведетъ сдѣланный имъ шагъ. Другое дѣло Цвингли: онъ не удалялся отъ свѣта, не переставалъ быть гражданиномъ своей родины, принимать участія въ ея дѣлахъ, и практическій вопросъ о наемничествѣ былъ первый вопросъ, который заставилъ его высказаться самостоятельно и выступить на общественное поприще. Его живое отношеніе къ современности высказалось сатирико-аллегорической поэмой „Лабиринтъ“ съ характеромъ политическаго памфлета и въ „Сказкѣ о быкѣ и нѣкоторыхъ животныхъ, излагающей ходъ дѣлъ“, въ этихъ двухъ произведеніяхъ гларусскаго періода его жизни. Дважды въ это время полковымъ священникомъ участвовалъ онъ въ походахъ швейцарскаго войска въ Италію и послѣ извѣстнаго событія 1515 г. сталъ въ своихъ проповѣдяхъ нападать на наемничество и иностранныя пенсіи, что уже тогда вооружило противъ него гларусскія аристократическія фамиліи. Такимъ образомъ его дѣятельность съ самаго начала приняла практическое направленіе, и онъ не побоялся вступить въ борьбу съ правящимъ общественнымъ классомъ. Если Лютеръ, привыкшій къ строгой дисциплинѣ дома и въ монастырѣ, и впослѣдствіи явился сторонникомъ принциповъ власти, непротивленія, то у Цвингли болѣе обнаруживалось склонности къ свободѣ, какъ въ отношеніи религіозномъ, такъ и въ политическомъ.

Въ 1516 г. мы видимъ Цвингли приходскимъ священникомъ въ мѣстечкѣ Эйнзидельнѣ, гдѣ существовалъ бенедиктинскій монастырь съ чудотворною иконою Божіей Матери, привлекавшей массу богомольцевъ, тѣмъ болѣе, что, по данной монастырю привилегіи, посѣщавшіе святое мѣсто получали отпущеніе грѣховъ. Здѣсь впервые и раздалась евангельская проповѣдь Цвингли, который сталъ говорить собравшимися на его поученія слушателямъ, что не пилигримства и не другія дѣла формальной набожности, а единственно искреннее покаяніе и чистота жизни даютъ отпущеніе грѣховъ. Вѣсть объ этомъ дошла до куріи, и папскій легатъ старался задобрить Цвингли, обѣщая ему почести и доходы, если онъ станетъ учить согласно съ установившимися взглядами, но Цвингли не согласился на это и уже во время своего пребыванія въ Эйнзидельнѣ высказывался въ смыслѣ необходи-

мости уничтоженія церковныхъ злоупотребленій: объ этомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько негласныхъ представленій кардиналамъ, епископамъ и прелатамъ, говоря, что иначе злоупотребленія рушатся сами собою, но съ великимъ потрясеніемъ, и убѣждалъ одного кардинала, чтобы онъ повліялъ на папу, хотя и не скрывалъ отъ него, что, по его мнѣнію, папство не имѣетъ основанія въ священномъ писаніи. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что никогда ничего не предпринималъ тайкомъ и по-воровски. На томъ основаніи, что Цвингли независимо отъ Лютера и ранѣе Лютера проповѣдовалъ евангельское ученіе, нѣкоторые приписываютъ ему пріоритетъ въ дѣлѣ реформаціи, и напр., Э. Зевортъ въ своей Исторіи новаго времени [1]) начинаетъ изложеніе реформаціи не съ Лютера, а съ Цвингли. Что касается до заявленія религіозныхъ принциповъ, которые получили дальнѣйшее развитіе въ протестантизмѣ, то ни Лютеръ, ни Цвингли не высказали ихъ первыми, такъ какъ это были идеи, высказывавшіяся многими религіозными мыслителями, которые и стали называться впослѣдствіи предшественниками реформаціи [2]), да и самъ Цвингли, возражая врагамъ, называвшимъ его лютераниномъ, указывалъ на то, что воззрѣнія Лютера не были для него новостью, такъ какъ то же самое онъ уже слышалъ отъ своего дорогого учителя Виттенбаха. За то Лютеръ раньше по времени порвалъ съ католическою церковью—на лейпцигскомъ диспутѣ, на вормскомъ сеймѣ, сжигая папскую буллу, въ то время, когда Цвингли еще открыто не выходилъ изъ католицизма и, не смотря на свою непріятную для представителей старой церкви проповѣдь, не только не подвергался проклятію и отлученію, но даже былъ предметомъ заискиваній. Наконецъ, если за начало реформаціи считать прямо церковныя преобразованія, которыя принимались уже не отдѣльными личностями, то и Лютеръ, и Цвингли были предупреждены въ этомъ отношеніи виттенбергскими новаторами 1521—1522 гг. Во всякомъ случаѣ *одновременное появленіе нѣсколькихъ проповѣдниковъ, противопоставившихъ чистое Евангеліе ученіямъ и учрежденіямъ римской церкви, и успѣхъ, встрѣченный ими въ народѣ, указываетъ на то, какъ велика была потребность въ религіозной реформѣ.* Но потребность эта могла удовлетворяться различнымъ образомъ, и здѣсь уже дѣйствовали личныя качества людей, взявшихъ на себя удовлетвореніе народной потребности. Цвингли гораздо лучше, чѣмъ Лютеръ, сознавалъ послѣднюю: нѣмецкій реформаторъ не думалъ объ общемъ преобразованіи церкви, когда публиковалъ свои 95 тезисовъ, возставая въ нихъ лишь противъ одного изъ ея злоупотребленій, и его оттор-

---

[1]) См. русскій переводъ, стр. 117 и слѣд.
[2]) Томъ I, гл. XXXIX.

женіе отъ католицизма скорѣе въ силу обстоятельствъ произошло въ то время, когда у него не было еще опредѣленнаго плана богослужебныхъ преобразованій и новаго церковнаго устройства; всѣмъ этимъ онъ отличался отъ швейцарскаго реформатора, который прежде, чѣмъ отдѣлиться отъ старой церкви, выработалъ широкій реформаціонный планъ, а прежде чѣмъ приступить къ выработкѣ этого плана, уже указывалъ на необходимость общаго преобразованія, предупреждая, кого слѣдовало, что въ противномъ случаѣ злоупотребленія разрушатся сами собою.

Въ 1518 г. Цвингли, имя котораго стало уже извѣстнымъ во всей Швейцаріи, былъ приглашенъ священникомъ въ городской соборъ Цюриха, и 1 января 1519 г., въ день своего рожденія, произнесъ первую свою проповѣдь, въ которой сказалъ, что въ изложеніи ученія Христова будетъ руководствоваться духомъ св. писанія, а не человѣческими авторитетами. Въ томъ же году городской совѣтъ, по просьбѣ Цвингли, не допустилъ въ Цюрихъ торговца индульгенціями Самсона, такъ какъ соборная церковь города пользовалась привилегіей не разрѣшать продажи индульгенцій, а констанцскій епископъ даже похвалилъ Цвингли, „отогнавшаго чужаго волка отъ своего стада", и курія, нуждавшаяся въ наемникахъ, ссориться съ Цюрихомъ не хотѣла, считая даже нужнымъ задобривать вліятельнаго проповѣдника. Кромѣ всего этого, въ своихъ проповѣдяхъ Цвингли касался политическихъ и общественныхъ вопросовъ, порицая, съ нравственно-религіозной точки зрѣнія, раздоръ своекорыстныхъ партій, службу наемниковъ у иностранныхъ государей, пороки отдѣльныхъ общественныхъ классовъ; особенно много ратовалъ онъ противъ наемничества, когда въ Италіи вспыхнула новая война, и иностранные агенты и вербовщики явились въ Швейцарію нанимать военные отряды, такъ что его дѣятельность въ этомъ направленіи создавала ему массу враговъ, называвшихъ его швейцарскимъ Лютеромъ. Курія оставляла однако смѣлаго проповѣдника въ покоѣ, и то противорѣчіе съ самимъ собою, въ какомъ тутъ находилось папство, какъ нельзя лучше выразилось въ томъ фактѣ, что папѣ, какъ итальянскому государю, Цюрихъ оказывалъ помощь въ то самое время, какъ его городской совѣтъ предписывалъ священникамъ объяснять народу новый завѣтъ согласно съ духомъ Божіимъ и св. писаніемъ, подготовляя этимъ введеніе реформы. Въ 1522 г. начались въ Цюрихѣ подъ вліяніемъ проповѣди Цвингли первыя нарушенія поста, что вызвало протестъ констанцскаго епископа и цѣлую полемику, и въ томъ же году Цвингли опубликовалъ подписанное имъ и другими священниками посланіе къ епископу о необходимости брака для духовныхъ лицъ (другое такое же посланіе было обращено къ швейцарскому союзу). Наконецъ, городской

совѣтъ дозволилъ устройство публичнаго диспута, на которомъ Цвингли брался доказать, основываясь на св. писаніи, правильность своего ученія: этимъ Цвингли отдавалъ рѣшеніе религіознаго вопроса свѣтской власти въ лицѣ городского совѣта, бывшаго республиканскимъ правительствомъ Цюриха. 67 тезисовъ, въ коихъ было изложено ученіе реформатора, были цѣлой программой, въ которой выразились всѣ особенности цвингліанской реформаціи. Въ то время, какъ Лютеръ вообще отвергалъ только то, что, по его мнѣнію, противорѣчило св. писанію, оставляя всѣ другія ученія и учрежденія католицизма, Цвингли отвергалъ изъ нихъ всѣ тѣ, которыя признавались имъ не основывающимися прямо на св. писаніи. Съ этой точки зрѣнія имъ и формулировалась цѣлая богословская система, какой еще не было въ то время ни у Лютера, ни у его послѣдователей. Евангеліе имѣетъ значеніе и безъ подтвержденія церковью (тез. 1). Христосъ единственный путеводитель къ спасенію (13) и единый и вѣчный первосвященникъ, а выдающіе себя за таковыхъ (т.-е. папы) посягаютъ на честь и власть Христа (17). Христосъ есть вѣчная искупительная жертва, а потому месса есть не жертва, а только память о жертвѣ (18). Онъ единственный посредникъ между людьми и Богомъ, — тезисъ (19), коимъ отвергалось заступничество святыхъ. Богъ одинъ прощаетъ грѣхи и только ради Іисуса Христа Своего Сына, а потому приписывающіе эту власть людямъ, посягаютъ на достояніе Божіе (50 и 51). Другими тезисами отвергались монашество и внѣшніе признаки духовнаго сана (26 и 27), безбрачіе духовенства (28), чистилище (57) и др. ученія и установленія, не основывавшіяся на св. писаніи. Въ этихъ же 67 тезисахъ давалось понятіе о церкви. Христосъ глава вѣрующихъ, которые суть его члены, и они-то составляютъ церковь, или общину святыхъ (7). Отдѣльный человѣкъ не можетъ наложить на другого отлученія, а только церковь, т.-е. совокупность всѣхъ лицъ, между коими живетъ наказуемый, вмѣстѣ съ ихъ священникомъ (31). Духовная власть не имѣетъ никакого основанія въ ученіи Христа (34). О цвингліанскомъ церковномъ устройствѣ на основаніи этихъ принциповъ будетъ сказано ниже, а пока отмѣтимъ еще и политическіе тезисы Цвингли: свѣтская власть подтверждается ученіемъ Христа (вторая часть 34 тезиса), и ей христіане обязаны повиноваться (37), если она не предписываетъ чего-либо противнаго Богу (38), но съ Божіею помощью ее слѣдуетъ смѣщать, если она поступаетъ противозаконно. На диспутѣ (29 января 1523 г.) реформатору возражалъ генеральный викарій констанцскаго епископа, указывавшій на некомпетентность такого собранія (цюрихскихъ властей и гражданъ подъ предсѣдательствомъ бургомистра) рѣшать вопросы вѣры; возражали и нѣкоторыя другія лица, но Цвингли вышелъ побѣдителемъ, и го-

родской совѣтъ принялъ его сторону, предписавъ городскимъ и сельскимъ священникамъ проповѣдовать лишь евангельское ученіе. Этимъ постановленіемъ цюрихская община вѣрующихъ, представляемая городскимъ совѣтомъ, какъ своею свѣтскою властью, отлагалась отъ констанцскаго епископа и вступала въ права, принадлежавшія прежде церкви. Какъ въ Германіи, такъ и здѣсь государственная власть рѣшала религіозный вопросъ. Слѣдующіе годы прошли въ проведеніи реформы: въ богослуженіе былъ введенъ нѣмецкій языкъ [1]); само богослуженіе было упрощено, образа, мощи, алтари, свѣчи, органы вынесены изъ храмовъ (Лютеръ оставилъ больше обрядностей въ культѣ, допустилъ украшеніе церкви религіозными картинами и придалъ особенно важное значеніе музыкѣ); священники поженились (въ ихъ числѣ и Цвингли), монастыри опустѣли, церковныя имущества были секуляризованы и т. д. Въ 1525 г. реформа въ Цюрихѣ была завершена, оказавъ благодѣтельное вліяніе и на вопросъ объ иностранныхъ пенсіяхъ, отъ которыхъ клятвенно отказались на будущее время власти и духовенство кантона.

Цюрихская реформація распространилась и въ другіе кантоны, а первыя попытки сейма подавить религіозныя нововведенія въ Цюрихѣ ни къ чему не привели. Мы уже видѣли, какъ дѣло церковной реформы сплелось съ политическимъ вопросомъ о правахъ кантоновъ, и знаемъ, что у Цвингли явился планъ преобразованія союза, но это относится уже спеціально къ исторіи Швейцаріи. Цвингліанство было принято Берномъ (1528 г.), Базелемъ (1529 г.), Сенъ-Галленомъ, Шафгаузеномъ (1529 г.); Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Люцернъ остались за католицизмомъ. Въ католическихъ кантонахъ началось преслѣдованіе реформатовъ, въ евангелическихъ подавляли сопротивленіе католиковъ. Обѣ стороны искали союзниковъ за границей: въ 1529 г. старые кантоны заключили союзъ съ Габсбургами, лотарингскимъ и савойскимъ герцогами, реформированные — съ нѣкоторыми имперскими городами и съ Филиппомъ Гессенскимъ, — *первый примѣръ международныхъ договоровъ, въ основу коихъ были положены вѣроисповѣдныя отношенія*, хотя у Цвингли и Филиппа Гессенскаго былъ болѣе широкій планъ—образовать противъ Карла V коалицію, въ которую вошли бы и католическія Франція съ Венеціей. Цвингли видѣлъ необходимость вооруженной борьбы и говорилъ, что нужно пустить въ дѣло кулакъ и бить, если не хочешь быть битымъ. Дѣло, однако, не дошло на этотъ разъ до настоящей войны, и въ 1529 же году между враждебными сторонами былъ заключенъ (въ Каппелѣ) земскій миръ на такихъ условіяхъ. Такъ какъ слово Божіе и вѣра не такія

[1]) Цвингли также перевелъ Библію на нѣмецкій языкъ.

вещи, къ коимъ можно принуждать, то онѣ должны были быть предоставлены свободному усмотрѣнію кантоновъ, а во владѣніяхъ, находившихся подъ общимъ союзнымъ управленіемъ, каждая община большинствомъ голосовъ должна была рѣшать вопросъ о своемъ вѣроисповѣданіи, но реформатская проповѣдь въ католическихъ кантонахъ не допускалась. Каппельскій миръ былъ не проченъ, и въ 1531 г. произошла война, въ которой цюрихцы были побѣждены въ сраженіи при Каппелѣ, гдѣ палъ и самъ Цвингли. По первому миру католическіе кантоны вынуждены были отказаться отъ иностранныхъ союзовъ и заплатить военныя издержки; теперь этому условію должны были подчиниться реформированные, но постановленіе о вѣрѣ сохраняло свою силу, т.-е. *рѣшеніе религіознаго вопроса и въ Швейцаріи предоставлялось территоріальнымъ властямъ*, какъ это было и въ Германіи по принципу „cujus regio, ejus religio“, съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь вопросъ этотъ de jure рѣшался не князьями, а цѣлой политической общиной, что придавало и церковной организаціи цвингліанства республиканскій характеръ въ отличіе отъ лютеранскаго монархизма.

Лютеръ пережилъ Цвингли на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, и послѣдній не успѣлъ придать своей системѣ болѣе законченный видъ: основанная имъ реформатская церковь перестала быть мѣстнымъ швейцарскимъ (и только отчастя германскимъ) явленіемъ и получила значеніе универсальное, болѣе важное, чѣмъ лютеранизмъ, благодаря другому дѣятелю—Кальвину, явившемуся въ роли великаго организатора протестантизма и завершителя того дѣла, которое началъ Цвингли. Но помимо того, что имъ положено было начало церковному устройству, основанному на политическомъ принципѣ его республиканской родины, самъ онъ и по складу своего ума и характера, и по своему міросозерцанію и гуманистическому образованію вносилъ въ дѣло реформаціи болѣе широкія начала, чѣмъ Лютеръ. Послѣдній былъ человѣкомъ прошедшаго, когда-то монахомъ и папистомъ, Цвингли опережалъ свое время, опережалъ, какъ гуманистъ и какъ политическій реформаторъ, стремленія коего осуществились только въ серединѣ истекающаго столѣтія. И въ догматахъ, и въ культѣ, и въ церковномъ устройствѣ Лютеръ и Цвингли не сошлись между собою, и различія между обѣими формами протестантизма имѣютъ для насъ особую важность, поскольку въ нихъ заключаются тѣ или другіе культурные и политическіе принципы. Съ этой точки зрѣнія мы должны познакомиться съ нѣсколькими чертами ученія Цвингли и созданной имъ церковной организаціи, имѣя въ виду соотвѣтственныя стороны лютеранства.

Уже было говорено, что цвингліанская реформація получила

болѣе радикальный характеръ, чѣмъ реформація лютеранская: одинъ реформаторъ уничтожалъ все, что не основывается на св. писаніи, другой, болѣе консервативный, сохранялъ все, что не противорѣчитъ св. писанію. Это выразилось и въ культѣ, который въ цвингліанствѣ проще, чѣмъ въ лютеранствѣ, и въ догматической сторонѣ. Въ послѣднемъ отношеніи Цвингли свободнѣе Лютера толковалъ св. писаніе, примѣняя къ этому дѣлу пріемы, бывшіе въ ходу въ гуманистической наукѣ, и давая болѣе широкое право человѣческому разуму, чѣмъ допускалъ это Лютеръ [1]): разный взглядъ ихъ на евхаристію, которая для нѣмецкаго реформатора была таинствомъ (хотя и безъ пресуществленія), дла швейцарскаго — только символической трапезой любви въ воспоминаніе искупительной жертвы Христа, указываетъ именно на ту глубокую разницу, какая существовала между ними, какъ теологами, и если на марбургскомъ диспутѣ объ евхаристіи Лютеръ сказалъ, что духъ Цвингли не его духъ [2]), то подъ этимъ онъ, очевидно, разумѣлъ именно различіе можду ихъ способами пониманія религіозныхъ предметовъ и толкованія слова Божія. Лютеръ отчаявался въ спасеніи Цвингли и ставилъ ему въ грѣхъ его раціонализмъ. Цвингли, дѣйствительно, стоялъ на болѣе раціоналистической точкѣ зрѣнія, чѣмъ Лютеръ, и въ этомъ сказалось его гуманистическое образованіе. Меланхтонъ упрекалъ Цвингли въ отрицаніи догмата о первородномъ грѣхѣ, и въ его взглядѣ на этотъ предметъ, дѣйствительно, скорѣе можно видѣть слѣды его занятія Платономъ, чѣмъ желаніе оставаться вѣрнымъ традиціи. Для Цвингли первородный грѣхъ былъ причиною не порчи человѣческой природы, а только склонности людей къ грѣху, объясняющейся изъ соединенія души съ тѣломъ. Въ этомъ отношеніи Цвингли намъ напоминаетъ Эразма [3]). Отсюда у швейцарскаго реформатора человѣкъ отвѣчаетъ лично за себя, за свои сознательные поступки, а не за прирожденную грѣховность. Чисто гуманистическій характеръ представляетъ изъ себя и одно мѣсто изъ его „Изложенія христіанской вѣры“ (Christianae fidei expositio), написаннаго въ 1531 г. Цвингли раздѣлялъ ученіе объ оправданіи вѣрою, но говорилъ, что если, по ап. Павлу, безъ вѣры нельзя угодить Богу, то относится это лишь къ знающимъ Евангеліе и тѣмъ не менѣе въ него не вѣрующимъ: онъ не хочетъ допустить, чтобы одинаково осуждены были и тѣ, которые его лишены не по своей винѣ, однимъ словомъ, чтобы цѣлые народы были отвергнуты лишь за то, что они не могли слышать слова Божія; замѣтивъ далѣе, что было бы дерзостью ставить гра-

---

1) Ср. отношеніе Лютера къ разуму, стр. 67.

2) См. выше, стр. 132.

3) Томъ I, гл. XL.

ницы божественному милосердію, онъ продолжаетъ: „вы должны надѣяться видѣть собраніе всѣхъ святыхъ, мужественныхъ и добродѣтельныхъ людей, какіе только были отъ созданія міра. Тамъ увидите вы обоихъ Адамовъ, искупленнаго и Искупителя; вы увидите тамъ Авеля, Ноя и всѣхъ святыхъ ветхаго и новаго завѣта; вы увидите Геркулеса, Тезея, Сократа, Аристида, Нуму, Камилла, Катоновъ, Сципіоновъ... Наконецъ, не будетъ ни одного хорошаго человѣка, ни одного святого существа, ни одной блаженной души, которыхъ вы не увидѣли бы тамъ съ Богомъ“. Настроеніе, подсказавшее такія слова, далекое отъ настроенія Лютера, сомнѣвавшагося въ спасеніи самого Цвингли, было тою терпимостью, которою швейцарскій реформаторъ такъ выгодно отличается отъ нѣмецкаго. Лютеранская реформація заботилась болѣе о единствѣ церкви, чѣмъ о свободѣ совѣсти, но Цвингли, какъ мы это и видѣли во время его диспута съ Лютеромъ въ Марбургѣ, не относился враждебно къ разнообразію вѣрованій и гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо изъ другихъ протестантовъ, заботился о свободѣ совѣсти. *Вообще у него рѣзче, чѣмъ у Лютера, проведенъ принципъ религіознаго индивидуализма,* принципъ личной свободы въ дѣлахъ вѣры, и особенный шагъ назадъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ ихъ женевскимъ продолжателемъ Кальвиномъ.

Другая сторона цвингліанства, заслуживающая вниманія, это—*церковное устройство, въ основу коего положенъ принципъ общиннаго самоуправленія,* въ отличіе отъ лютеранской церкви, подчинившейся княжескимъ консисторіямъ и канцеляріямъ. Въ данномъ отношеніи Цвингли не только переносилъ на церковную общину устройство общины гражданской, членомъ которой самъ былъ, но и стремился основать ее на св. писаніи, какъ возстановленіе первоначальной формы церковной жизни: для него церковь—общество вѣрующихъ, не имѣющее особаго духовнаго начальства, и права, принадлежавшія въ католицизмѣ папѣ и іерархіи, переносились у него не на князей, а на всю общину, которой дается даже право смѣщенія существующей въ ней (выборной) свѣтской власти, если она требуетъ чего-либо противнаго Богу. Дальнѣйшее развитіе получили такой взглядъ на церковь и такое отношеніе къ свѣтской власти въ кальвинизмѣ, сдѣлавшемся въ политическомъ отношеніи проповѣдью народовластія. Самъ Цвингли въ 1528 г. учредилъ синодъ въ видѣ періодическихъ собраній духовенства, на которыя допускались и депутаты отъ приходовъ или общинъ съ правомъ жаловаться синоду на ученіе или поведеніе своихъ пастырей. Подобныя собранія,—гдѣ рѣшались разные вопросы церковной жизни, подвергались испытанію и назначались новые проповѣдники и т. п.,—установились и въ другихъ евангелическихъ городахъ, и даже образовались союзные евангелическіе съѣзды, такъ какъ мало-

по-малу вошло въ обычай рѣшать общіе вопросы совѣщаніями лучшихъ богослововъ и проповѣдниковъ. Это синодально-представительное управленіе было отлично отъ консисторіально-бюрократическаго, установившагося въ лютеранскихъ княжествахъ Германіи. Но и здѣсь свѣтская власть, въ лицѣ городскихъ совѣтовъ вводившая реформацію, получила извѣстныя права въ религіозныхъ дѣлахъ, хотя Цвингли и отвергалъ въ своихъ 67 тезисахъ всякое духовное начальство, а съ другой стороны религіозная свобода признавалась не за отдѣльнымъ лицомъ, а за цѣлой общиной, и въ этомъ отношеніи *цвингліанская реформація фактически передавала республиканскому государству тѣ права надъ отдѣльною личностью, которыя лютеранство переносило на государства монархическія (княжества)*: цюрихскія власти, напр., не только вводили своимъ авторитетомъ цвингліанское вѣроученіе и богослуженіе, но и запрещали проповѣдовать противъ пунктовъ, принятыхъ на новомъ религіозномъ диспутѣ (осенью 1523 г.); между прочимъ они вооружились противъ анабаптистской проповѣди и стали изгнаніемъ, тюремнымъ заключеніемъ и даже казнями преслѣдовать сектантовъ. И здѣсь такимъ образомъ признано было право государства вмѣшиваться въ религіозныя дѣла и отдѣльная личность въ религіозномъ отношеніи должна была подчиняться своей общинѣ, не смотря на болѣе либеральные принципы самого Цвингли. Впрочемъ, и реформаторъ содѣйствовалъ этому съ своей стороны, установивъ въ Цюрихѣ строгій надзоръ надъ нравственностью гражданъ: съ 1525 г. городской совѣтъ издалъ рядъ суровыхъ законодательныхъ мѣръ въ духѣ усиленія моральной дисциплины и неукоснительнаго исполненія (подъ угрозою штрафовъ и другихъ наказаній) требованій реформированной религіи. Цвингли, сильно озабоченный подъемомъ народной нравственности, самъ составлялъ проекты этихъ мѣръ, имѣвшихъ иногда чисто полицейскій характеръ, и то же самое дѣлалось въ другихъ евангелическихъ городахъ (напр. въ Базелѣ подъ вліяніемъ Эколампадія), гдѣ мѣстныя власти только расширяли и на религіозную жизнь тотъ контроль, который былъ въ ихъ рукахъ по отношенію къ поведенію гражданъ; съ особенною же силой полицейскій надзоръ за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей развился въ Женевѣ при Кальвинѣ. Такого строгаго контроля церковной власти за нравственностью гражданъ не было въ лютеранизмѣ, который за то болѣе блюлъ за тѣмъ, чтобы всѣ придерживались извѣстныхъ догматическихъ формулъ: мы еще увидимъ, что лютеране не прекращали своей теологической полемики, возобновивъ ее впослѣдствіи противъ кальвинизма.

XV. Происхожденіе кальвинизма [1]).

Историческій моментъ возникновенія кальвинизма и общее значеніе послѣдняго въ религіозной и политической исторіи Запада. — Романское происхожденіе кальвинизма. — Женевская исторія. — Превращеніе Женевы при Кальвинѣ. — Біографія Кальвина до 1536 года. — Его участіе во французскомъ реформаціонномъ движеніи. — Institutio religionis christianae. — Религіозное ученіе Кальвина. — Женевская реформація. — Изгнаніе Кальвина. — Его господствующее положеніе въ Женевѣ съ 1541 г. по 1564 г.

Объясняя различія, установившіяся между отдѣльными формами протестантизма изъ культурно-соціальныхъ условій, въ коихъ возникали эти формы, и изъ индивидуальныхъ особенностей реформаторовъ, мы должны примѣнить ту же самую точку зрѣнія и къ исторіи происхожденія кальвинизма, во многихъ отношеніяхъ продолжавшаго собою цвингліанство и отличнаго отъ него не въ меньшей же мѣрѣ. Возникновеніе его въ республиканской Женевѣ сближало его съ цвингліанствомъ, но самъ Кальвинъ, духомъ котораго въ сильной степени проникнута созданная имъ форма протестантизма, былъ не похожъ ни на Лютера, ни на Цвингли, и наконецъ нужно еще принять въ расчетъ одно условіе, отличавшее исторію кальвинизма отъ исторіи лютеранства и цвингліанства: я говорю именно объ историческомъ моментѣ [2]) появленія и развитія этой новой формы протестантизма.

Кальвинъ, родившійся въ 1509 г., принадлежалъ совсѣмъ къ другому поколѣнію, чѣмъ Лютеръ и Цвингли, которые были на цѣлую четверть вѣка старше его: онъ былъ еще мальчикомъ, когда началась реформація; Цвингли уже не было въ живыхъ, когда совершилось обращеніе Кальвина въ протестантизмъ (1532 г.); Лютеръ уже кончалъ свою дѣятельность, когда Кальвинъ только что ее начиналъ, ибо лишь десять лѣтъ отдѣляютъ появленіе въ свѣтъ главнаго сочиненія Кальвина, въ коемъ онъ изложилъ свою систему (Institutio religionis christianae, 1536 г.), отъ смерти нѣмецкаго реформатора. Новому реформатору приходилось дѣйствовать уже при измѣнившихся

---

[1]) Georg Weber. Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältniss zum Staat in Genf und Frankreich.—Roger. Histoire du peuple de Genève depuis la réforme.—Kampschulte. Iohann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf (лучшее, но не оконченное сочиненіе). Кромѣ того, есть біографіи Кальвина, написанныя Paul Henry, Stähelin'омъ и др. О Безѣ см. соч. Baum'a. Для исторіи реформаціи въ Женевѣ до Кальвина Pietschker. Die lutherische Reformation in Genf.

[2]) См. выше, стр. 8

обстоятельствахъ, и это необходимо принимать въ расчетъ при разсмотрѣніи созданной имъ формы протестантизма. Реформація Лютера и Цвингли заключала въ себѣ элементы національной оппозиціи нѣмецкаго народа въ Германіи и Швейцаріи противъ Рима, но ко времени появленія Кальвина, какъ реформатора, *протестантизмъ уже не былъ исключительно національно-нѣмецкимъ явленіемъ*, ибо въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ XVI вѣка реформація произошла въ Швеціи, Даніи и Англіи и начались уже индивидуальныя отпаденія отъ старой церкви и въ другихъ странахъ, такъ что *протестантизмъ дѣлался уже явленіемъ обще-европейскимъ*, что требовало и созданія для него болѣе универсальной формы, отрѣшивъ его отъ національной окраски, какую онъ имѣлъ въ лютеранствѣ и цвингліанствѣ, мало распространявшихся внѣ странъ своего происхожденія: *кальвинизмъ и явился въ качествѣ такой универсальной формы.* Съ другой стороны, въ Германіи и Швейцаріи реформаціонное движеніе потерпѣло во многихъ отношеніяхъ неудачу, такъ какъ далеко не оправдались всѣ тѣ надежды, какія на него возлагались, не всѣ княжества въ одной странѣ и кантоны въ другой приняли протестантизмъ, и это ослабляло движеніе, которое поэтому теряло свою прежнюю силу, особенно послѣ того, какъ въ Германіи лютеранство связало свое дѣло съ дѣломъ князей. Но въ то самое время, какъ *реформаціонный пылъ начиналъ ослабѣвать*, развивалось движеніе противоположное: *возникала и усиливалась католическая реакція*, особенно въ сороковыхъ годахъ, когда былъ основанъ орденъ іезуитовъ (1540 г.), реорганизованы цензура и инквизиція, созванъ тридентскій соборъ (1545 г.), произведшій впослѣдствіи реформу католической церкви въ антипротестантскомъ духѣ. Для борьбы съ католической реакціей протестантизму нужно было, такъ сказать, обновиться, противопоставить законченной системѣ католицизма такую же законченную систему съ своей стороны и организоваться. Кальвинъ съ своей сильной логикой, твердымъ характеромъ, организаторскимъ талантомъ былъ какъ бы нарочно созданъ для той дѣятельности, какая требовалась тогдашними обстоятельствами, хотя ему уже легче было, какъ и всякому другому въ его время, выполнить выпавшую на его долю задачу. Лютеру и Цвингли предстояло только пробивать брешь въ твердыню католицизма, во многихъ отношеніяхъ дѣйствовать ощупью, въ пылу спора увлекаться и заходить далѣе того, что позволяли имъ (особенно Лютеру) ихъ принципы, наскоро рѣшать многіе вопросы и колебаться при этомъ, недоумѣвая, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Иное дѣло — положеніе Кальвина: ему приходилось дѣйствовать уже на почвѣ, расчищенной его предшественниками, имѣть готовыя рѣшенія многихъ вопросовъ въ духѣ новаго

ученія, дѣйствовать не на спѣхъ и не подъ вліяніемъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствъ, и ему уже можно было съ бо́льшимъ успѣхомъ систематизировать новое ученіе, — работа, которою занялись старшіе реформаторы только позднѣе, тогда какъ Кальвинъ съ нея-то начинаетъ: напримѣръ, между аугсбургскимъ исповѣданіемъ (1530 г.) и „Наставленіемъ христіанской религіи“ Кальвина (1536 г.) проходитъ только шесть лѣтъ. И Кальвинъ былъ особенно приготовленъ къ этой работѣ. Если Лютеръ былъ мистикъ, Цвингли — гуманистъ, то Кальвинъ былъ юристъ, такъ какъ въ молодыхъ годахъ прилежно изучалъ римское право (въ Орлеанѣ и Буржѣ) съ его ясными опредѣленіями, съ его логическими умозаключеніями, съ его стройною системою, на коихъ и воспитался умъ будущаго реформатора. Съ другой стороны въ этомъ изученіи онъ пріобрѣталъ и практическія знанія, пригодившіяся ему впослѣдствіи, такъ какъ Кальвину суждено было, какъ и Цвингли, сдѣлаться политическимъ организаторомъ въ той самой Женевѣ, которая, благодаря ему, сдѣлалась центромъ протестантизма, „протестантскимъ Римомъ“. *Кальвинизмъ и былъ силенъ логичностью и систематичностью своего вѣроученія и своею организаціей.* Но и это еще не все, что только объясняется въ этой формѣ протестантизма историческимъ моментомъ. Въ серединѣ XVI вѣка кальвинизмъ распространяется во многихъ странахъ, правительства коихъ остаются католическими и начинаютъ сильно преслѣдовать протестантовъ, выступающихъ на путь оппозиціи въ защиту своего вѣроисповѣданія, но эта оппозиція соединяется съ оппозиціей чисто политической, принципы коей заимствуются опять-таки изъ той же Женевы. Кальвину пришлось дѣйствовать въ этомъ городѣ вскорѣ послѣ того, какъ онъ отстоялъ свою независимость, и *его реформація прониклась республиканскимъ духомъ.* Женевскій реформаторъ развилъ далѣе и церковное устройство, и политическіе принципы Цвингли, а историческій моментъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ тому, чтобы эти принципы получили распространеніе: во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ происходила борьба протестантскихъ подданныхъ съ католическими правительствами, борьба не только религіозная, но и политическая, и тѣ самыя начала, которыя при Цвингли не выходили за тѣсные предѣлы швейцарской жизни, при Кальвинѣ стали играть роль въ разныхъ странахъ Запада. Если оставить въ сторонѣ маленькіе швейцарскіе кантоны и нѣмецкіе имперскіе города, принявшіе цвингліанство, *реформація первой половины XVI вѣка получаетъ характеръ по преимуществу монархическій* (нѣмецкія княжества, герцогство прусское, скандинавскія королевства, Англія), тогда какъ *кальвинизмъ соотвѣтствуетъ той эпохѣ, когда происходило политическое движеніе противъ королевскаго абсолютизма.*

Подобно тому, какъ, разсматривая цвингліанскую реформацію, мы остановились на швейцарской исторіи и на дѣятельности Цвингли лишь настолько, насколько это было нужно для пониманія той особой формы протестантизма, какую представляетъ изъ себя цюрихская реформація, такъ и въ исторіи возникновенія кальвинизма мы лишь вскользь коснемся женевской исторіи, а въ личности Кальвина обратимъ главное вниманіе на то, что отразилось на общемъ характерѣ созданной имъ церкви.

Жанъ Кальвинъ (собственно Cauvin) былъ французъ, родомъ изъ города Нойона въ Пикардіи, и на его реформацію, получившую универсальный характеръ, иногда смотрятъ, какъ на чисто французскую, но Кальвину суждено было дѣйствовать не на родинѣ, а въ политически чуждомъ Франціи городѣ, государствѣ съ французскою, правда, національностью, но принадлежавшемъ первоначально имперіи и лежавшемъ на границѣ разныхъ національностей, такъ что и реформаторъ, попавшій на чужбину, и городъ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать, какъ бы находясь на перекресткѣ, въ коемъ сходились дороги сосѣднихъ націй, были предназначены къ тому, чтобы созданная въ Женевѣ Кальвиномъ форма протестантизма получила универсальный характеръ. Во всякомъ случаѣ однако *кальвинизмъ по происхожденію своему былъ реформаціей романскаго племени*, какъ лютеранство и цвингліанство — реформаціей племени германскаго (а гуситство — славянскаго), но особенно настаивать на этомъ обстоятельствѣ нечего—въ виду, во-первыхъ, трудности выдѣленія чертъ національнаго или племеннаго характера, во-вторыхъ, въ виду того, что кальвинизмъ не только не сдѣлался религіей романскихъ націй, но не удержался въ самой Франціи, а въ-третьихъ, и потому, что послѣдователей онъ нашелъ и среди германскихъ народовъ, и у славянъ (Польша), и у венгровъ, такъ что ему особенно приличествуетъ предикатъ универсальности. Въ дѣло, начатое германскимъ геніемъ, сдѣланъ былъ вкладъ геніемъ романской расы, и быть можетъ, благодаря этому, съ особенною силою обобщилось то, что первоначально не отличалось такою универсальностью.

Женева была городомъ, въ коемъ существовали три власти. Входя въ составъ священной Римской имперіи, Женева находилась въ зависимости отъ герцоговъ савойскихъ, какъ императорскихъ намѣстниковъ, но непосредственнымъ государемъ былъ епископъ, избиравшійся капитуломъ и отправлявшій свои обязанности совокупно съ особымъ совѣтомъ, но рядомъ съ этими двумя властями существовало и общинное самоуправленіе, общее собраніе гражданъ (conseil général) два раза въ году, четыре выборныхъ (на годъ) синдика съ широкою судебною властью въ дѣлахъ уголовныхъ, „малый совѣтъ", завѣдовавшій

городскими дѣлами, и особый совѣтъ, контролировавшій его дѣйствія. Епископъ установлялъ налоги, имѣлъ право чеканить монету, завѣдовалъ судомъ въ гражданскихъ дѣлахъ, пользовался правомъ помилованія, а на герцогѣ савойскомъ лежала обязанность защиты города. Однимъ словомъ, устройство было сложное, запутанное, дававшее поводъ къ столкновеніямъ между властями и образованію партій. Столкновенія бывали между герцогомъ и епископомъ, и ими пользовалась община для полученія новыхъ привилегій; герцогъ ссорилъ епископа съ общиной, чтобы путемъ посредничества между ними достигнуть господства и надъ епископомъ, и надъ городомъ. Герцогъ Карлъ III въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. задумалъ превратить Женеву въ свою столицу, но встрѣтилъ оппозицію со стороны партіи гугенотовъ [1]), противъ которой образовалась другая партія, стоявшая за герцога и епископа. Въ 1526 г. при помощи Берна и Фрейбурга одолѣла республиканская партія, и съ обоими этими городами Женева вступила въ союзъ, какъ разъ въ то время, когда Бернъ ввелъ у себя реформацію. Женевцы были во враждѣ и съ епископомъ, державшимъ сторону герцога и уѣхавшимъ изъ города; архіепископъ вьеннскій, въ составъ митрополіи коего входила женевская епархія, наложилъ на Женеву интердиктъ. Это содѣйствовало отторженію города отъ католицизма, которое и произошло въ началѣ тридцатыхъ годовъ, будучи въ сущности однимъ изъ многочисленныхъ въ эту эпоху случаевъ религіозной реформаціи въ отдѣльныхъ городахъ. Эта реформація сопровождалась и революціей: за освобожденіемъ отъ савойскаго герцога послѣдовала и отмѣна свѣтской власти епископа, такъ что городъ сдѣлался настоящей республикой. Въ Женевѣ явились реформаторы: Фарель родомъ изъ Дофинэ, страстный проповѣдникъ новаго ученія, Фроманъ, бывшій тоже французомъ, Вире и др., — и происходили долго религіозныя и гражданскія смуты, причемъ брала перевѣсъ то одна партія, то другая, прежде нежели городскія власти подъ напоромъ народнаго движенія, принявшаго иконоборческій характеръ, не объявили епископу объ отмѣнѣ его власти и не прекратили католическаго богослуженія, а у нежелавшихъ подчиниться этимъ перемѣнамъ отнимались гражданскія права (1535 г.). Вмѣстѣ съ этимъ Женевѣ приходилось отстаивать свою независимость и извнѣ; здѣсь для нея была особенно важна помощь Берна, съ коимъ былъ заключенъ „вѣчный союзъ“ (1537 г.), поставившій Женеву въ тѣсную связь съ Швейцаріей. Внутри, однако, все было въ хаотическомъ состояніи. Фарель,

---

[1]) Это названіе производятъ отъ имени одного изъ вождей или видятъ въ huguenots испорченное нѣмецкое Eidgenossen (швейцарцы). Къ числу патріотовъ принадлежалъ и знаменитый Бонниваръ („Шильонскій замокъ“).

игравшій въ религіозномъ движеніи главную роль, оказался плохимъ организаторомъ, а Вире и Фроманъ оставили Женеву, никѣмъ незамѣненные, если не считать разныя посредственности. Городскія власти считали себя преемниками епископа не только въ свѣтскихъ, но и въ религіозныхъ дѣлахъ, которыхъ не понимали, а въ городѣ и внѣ города многіе оставались католиками. Предыдущая борьба партій оставляла по себѣ еще печальные слѣды, особенно въ области нравовъ, которые и раньше не могли быть названы образцовыми. Женева была городомъ богатымъ и просвѣщеннымъ, но среди ея населенія была и страсть къ легкой наживѣ, и погоня за удовольствіями, и другія обратныя стороны жизни такого рода городовъ, къ какимъ принадлежала Женева. Въ 1536 г. въ нее прибылъ Кальвинъ и прожилъ здѣсь съ небольшимъ перерывомъ вплоть до самой смерти своей въ 1564 г., сдѣлавшись ея законодателемъ въ родѣ спартанскаго Ликурга, ея диктаторомъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, а въ религіозныхъ—„женевскимъ папою". При Кальвинѣ городъ сталъ неузнаваемъ, благодаря той монастырской или казарменной дисциплинѣ, которой онъ подчинилъ его населеніе; Женева превратилась въ „протестантскій Римъ", въ главный оплотъ реформаціи, въ школу, гдѣ религіозные и политическіе дѣятели другихъ странъ набирались идей и закаляли себя въ фанатическомъ стоицизмѣ. Это превращеніе веселаго, разгульнаго города, любившаго празднества, театральныя представленія, картежную игру, кутежи, въ центръ ригористической формы протестантизма, напоминающее то, что сдѣлалъ изъ гуманистической Флоренціи средневѣковой аскетъ Савонарола, представляетъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ реформаціонной эпохи, свидѣтельствуя, кромѣ того, о томъ, что *реформаціонному движенію присущи были въ сильной степени моральные мотивы*. Если вообще оно выставило массу людей убѣжденныхъ, съ развитымъ чувствомъ долга, строгихъ къ самимъ себѣ и другимъ, стойкихъ, то съ особенною наглядностью мы наблюдаемъ такіе характеры въ исторіи кальвинизма во всѣхъ почти странахъ вообще, гдѣ только онъ пустилъ корни, особливо же на примѣрѣ Женевы при Кальвинѣ и на его собственномъ примѣрѣ, такъ что и съ этой стороны его личность заслуживаетъ вниманія.

Въ 1536 г., когда Кальвинъ пріѣхалъ въ Женеву, ему было 27 лѣтъ. По происхожденію онъ былъ сынъ чиновника, готовившаго его сначала къ духовному сану, но потомъ думавшаго сдѣлать изъ него юриста. У отца Кальвина были аристократическія связи, и одно время мальчикъ учился съ дѣтьми одного дворянскаго семейства, близкое знакомство съ которымъ сообщило ему, кромѣ утонченности обращенія, и аристократическія симпатіи. Кромѣ того, благодаря своимъ связямъ, отецъ Кальвина добылъ для него, когда онъ былъ еще мальчикомъ, доходную пребенду, какъ

будущему священнику. Учился Кальвинъ прекрасно и въ парижскихъ школахъ, куда его отправилъ отецъ въ 1523 г., а потомъ и въ Орлеанѣ, и Буржѣ, гдѣ онъ изучалъ право, но его школьные товарищи относились къ нему съ непріязнью и прозвали его „винительнымъ падежемъ“ (accusativus) за его угрюмый характеръ и наставительный тонъ, съ какимъ онъ обращался къ нимъ по поводу ихъ увлеченій. Въ Буржѣ, кромѣ права, Кальвинъ предавался и классическимъ занятіямъ въ духѣ тогдашняго гуманизма: было даже время, когда самолюбиваго молодого человѣка, сдѣлавшагося рано серьезнымъ ученымъ, привлекала къ этимъ занятіямъ слава Рейхлина и Эразма, но движеніе, возбужденное Лютеромъ и Цвингли, интересъ къ нему во Франціи, гдѣ также происходила борьба религіозныхъ мнѣній и читались сочиненія нѣмецкихъ реформаторовъ, первоначальное предназначеніе самого Кальвина къ духовному званію и совѣты одного изъ его наставниковъ заставили его обратиться къ теологіи. Сначала реформація была ему мало симпатичной, тѣмъ болѣе, что хаосъ мнѣній и ученій, какой она изъ себя представляла, долженъ былъ отталкивать отъ себя умъ Кальвина, искавшій опредѣленности и порядка, но мало-по-малу онъ усвоиваетъ основной догматъ Лютера объ оправданіи посредствомъ вѣры, и, наконецъ, въ немъ совершается религіозный переворотъ, когда онъ достигаетъ двадцати-трехлѣтняго возраста (1532). Около этого времени онъ издалъ съ посвященіемъ Франциску I ученаго комментарія къ разсужденію Сенеки о кротости (De clementia), въ коемъ убѣждалъ короля быть кроткимъ къ послѣдователямъ новаго вѣроученія и увѣрялъ этого монарха, стремившагося къ абсолютизму, что лучшая опора трона не войско и не деньги, а любовь подданныхъ. Среди парижскихъ приверженцевъ новаго ученія Кальвинъ сдѣлался скоро, не смотря на свою молодость, своего рода центромъ, проповѣдуя ученіе объ оправданіи вѣрою, обличая порчу церкви и ободряя сидѣвшихъ въ тюрьмѣ сторонниковъ реформаціи своими письмами, доставлявшимися къ заключеннымъ съ большимъ искусствомъ. Неосторожность, съ какою онъ велъ свою пропаганду, навлекла на него преслѣдованіе, отъ коего оставалось одно — спастись бѣгствомъ въ южную Францію, гдѣ Кальвинъ жилъ одно время подъ чужимъ именемъ, продолжая проповѣдь новаго ученія и задумывая уже его письменное изложеніе. Въ 1534 г. онъ отказывается отъ своей пребенды, не считая возможнымъ болѣе пользоваться церковнымъ доходомъ, но уступаетъ ее въ другія руки за извѣстное вознагражденіе, что особенно ставятъ ему въ вину католическіе писатели. Покровительство Маргариты Наваррской, сестры короля, обнаруживавшей склонность къ реформаціи, доставило ему возможность вернуться въ Парижъ, гдѣ образовалась небольшая протестантская община. Въ

этомъ году французскіе послѣдователи новаго ученія, — среди коихъ оказались и сектанты, что вносило внутренній раздоръ въ только-что возникавшую церковь,—стали выступать весьма смѣло съ своими антикатолическими стремленіями, прибѣгая даже къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ старой церкви и распространяя свои обличенія въ прокламаціяхъ (откуда выраженіе: „l'année des placards"), по ночамъ вывѣшивавшихся на дверяхъ и воротахъ церквей, монастырей, Сорбонны и Лувра. Въ январѣ слѣдующаго года даже устроена была люстрація Парижа: король въ торжественной процессіи отправился къ архіепископскому дворцу, было затѣмъ богослуженіе, и, наконецъ, послѣдовало королевское объявленіе, что болѣе онъ не будетъ допускать оскорбленія Бога и приметъ самыя строгія мѣры противъ еретиковъ, и тутъ же произошло сожженіе на кострахъ нѣсколько нововѣровъ. Кальвинъ долженъ былъ теперь бѣжать изъ отечества; онъ нашелъ себѣ пріютъ въ Базелѣ, гдѣ и поселился подъ чужимъ именемъ. Тревожная жизнь не мѣшала ему работать. Еще до своего бѣгства онъ написалъ сочиненіе („Психопаннихія") противъ анабаптистовъ, учившихъ о посмертномъ состояніи сна, въ коемъ находятся души до страшнаго суда, а въ Базелѣ принималъ участіе въ переводѣ св. писанія на французскій языкъ, предпринятомъ его единовѣрцами. Весною 1536 г. онъ напечаталъ въ Базелѣ свою „Institutio religionis christianae", впослѣдствіи перерабатывавшуюся для новыхъ изданій и издававшуюся на двухъ языкахъ—латинскомъ и французскомъ [1]). Это было *важнѣйшее произведеніе протестантской богословской литературы въ XVI вѣкѣ*, ибо до появленія этого труда не существовало такого цѣльнаго, стройнаго, полнаго, яснаго и точнаго изложенія протестантскаго ученія: это были все такія качества, соединенія которыхъ не представляли собою ни „Loci communes theologici" Меланхтона, ни „Commentarius de vera et falsa religione" Цвингли, вышедшіе въ свѣтъ пятнадцатью и десятью годами раньше. Первоначальная цѣль сочиненія была апологетическая: Францискъ I, желавшій союза съ протестантскими князьями Германіи для борьбы съ Карломъ V, представлялъ преслѣдованія, коимъ протестанты подвергались во Франціи, какъ государственную самооборону противъ политически опасныхъ и преслѣдовавшихся самими нѣмецкими князьями анабаптистовъ, но Кальвинъ взялъ на себя задачу опровергнуть это, соединивъ ея исполненіе съ ранѣе еще задуманнымъ изложеніемъ новаго ученія, которое онъ взялся выставить, какъ чистое христіанство первыхъ вѣковъ, не искаженное человѣческими измыш-

---

[1]) Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ былъ написанъ текстъ, возбудилъ большіе споры. Несомнѣнно, что французское изданіе (Institution de la religion chrétienne) играло большую роль въ выработкѣ французской прозы.

леніями. Въ ученіи Кальвина поражаешься строгою опредѣленностью и безпощадною логичностью въ развитіи основныхъ принциповъ—безъ колебаній, непослѣдовательностей, противорѣчій, какія встрѣчались въ ученіи его предшественниковъ. Богъ разъ навсегда открылъ свою волю въ св. писаніи, — этимъ было опредѣлено отношеніе Кальвина ко всѣмъ другимъ возможнымъ источникамъ религіозной истины, къ церковному преданію, къ ученію отцовъ церкви, съ коими онъ иногда полемизируетъ, къ человѣческому разуму, объявленному не имѣющимъ цѣны („лучше невѣжество вѣрующаго, чѣмъ дерзость мудрствующаго"), да и сектантское внутреннее откровеніе встрѣчало въ этомъ тезисѣ религіозное опроверженіе. Съ волею Божіею, выраженною въ св. писаніи, должна была, далѣе, сообразоваться вся жизнь, не только религія и мораль, но и политика, не говоря ужъ о церковномъ устройствѣ, которое должно было основываться на Евангеліи же. Догматика Кальвина — послѣдовательное проведеніе одного принципа. Ея исходный пунктъ лютерово ученіе объ оправданіи вѣрою съ тѣмъ развитіемъ, какое оно получило у него самого и у Меланхтона: къ спасенію ведутъ не внѣшнія дѣла, но вѣра въ Христово искупленіе, которая дается человѣку Божіей благодатью. Кальвинъ развилъ далѣе догматъ о предопредѣленіи: если спасаетъ человѣка вѣра, а она дается человѣку Божіею благодатью и потому человѣкъ собственными силами спастись не можетъ, то спасеніе его или неспасеніе зависитъ исключительно отъ Бога, ибо если бы здѣсь дѣйствовала свободная воля человѣка (отвергавшаяся и Лютеромъ) [1]), то рѣшеніе Божіе зависѣло бы отъ человѣческой воли, а это противорѣчило бы Божію всемогуществу, вслѣдствіе чего предопредѣленіе не можетъ быть истолковано въ смыслѣ простого предвидѣнія того, какъ будетъ вести себя человѣкъ. Признавая вполнѣ первородный грѣхъ, Кальвинъ училъ, что Богъ для прославленія своего милосердія предопредѣляетъ однихъ къ вѣчному блаженству, другихъ для прославленія своей справедливости— къ вѣчной гибели: одни — избранные (electi), другіе — отверженные (damnati); истинно вѣрующими могутъ быть только „избранные", другіе „осуждены" еще ранѣе того, какъ они совершили что-либо хорошее или дурное, и Богъ самъ ожесточаетъ ихъ. Воля Божія непреложна: разъ записанный въ книгу жизни изъ нея болѣе не вычеркивается; Божія благодать имъ не утрачивается даже когда онъ впадаетъ въ заблужденіе, тогда какъ отверженный есть сосудъ гнѣва Божія и не можетъ спастись никакими заслугами. Этотъ безпощадный догматъ Кальвинъ положилъ въ основу всего своего ученія. Самъ онъ неразъ „содрогался" при мысли о такомъ Богѣ, но такъ какъ человѣкъ не

[1]) См. выше, стр. 73.

можетъ знать, къ чему онъ предопредѣленъ неисповѣдимымъ Промысломъ, то онъ долженъ отгонять отъ себя, какъ искушеніе, сомнѣніе въ своемъ спасеніи и заботиться о томъ, чтобы быть достойнымъ избранія, если оно ему уготовано, слѣдуя пути, указанному закономъ Божіимъ. Это былъ исходный пунктъ ригористической морали кальвинизма. Ученіе о церкви стоитъ въ связи съ тѣмъ же догматомъ: истинная церковь есть совокупность избранныхъ, и внѣ ея нѣтъ спасенія, но такъ какъ никто не знаетъ своей конечной судьбы, то всѣ на землѣ должны принадлежать къ видимой церкви, которая должна заботиться о томъ, чтобы ея члены были достойны спасенія, и поддерживать среди нихъ мораль строгою дисциплиною и карами за отступленія отъ ея предписаній. Въ основу церковнаго устройства полагались—демократическій принципъ равенства всѣхъ членовъ церкви и республиканскій принципъ управленія ея выборными властями, но съ весьма широкими полномочіями по отношенію къ ея членамъ, и это было логично: передъ Богомъ всѣ равны, и никто не можетъ рѣшить, кто избранъ, кто отвергнутъ, и разъ церковь есть община, она должна была пользоваться самоуправленіемъ, а невозможность спасенія внѣ церкви давала ей безусловный авторитетъ надъ отдѣльными членами и сообщала право выборнымъ ея представителямъ слѣдить за моральною ихъ жизнью. Религіозный демократизмъ Кальвина, требовавшійся теологической логикой, даже противорѣчилъ его политическому аристократизму, какъ противорѣчила введенная имъ въ Женевѣ теократія принципу независимости церкви отъ государства, логически вытекавшему изъ тѣхъ же идей. Впрочемъ, о политическихъ идеяхъ Кальвина рѣчь будетъ идти особо: замѣтимъ только, что въ послѣдней части его знаменитой книги есть особый отдѣлъ de politica administratione. Не менѣе замѣчательно, что Кальвинъ связалъ съ основнымъ своимъ принципомъ и главные догматы. Наприм., въ спорѣ объ евхаристіи, раздѣлявшемъ лютеранъ и цвингліанъ на двѣ враждебныя стороны, онъ занялъ самостоятельное положеніе, среднее между мистицизмомъ Лютера и раціонализмомъ Цвингли, объявивъ, что вѣрующіе воспринимаютъ духовно, но дѣйствительно тѣло Христово и получая благодать лишь въ случаѣ своего предъизбранія къ спасенію.

Пославъ свою книгу французскому королю съ посвященіемъ, въ коемъ дѣлались возраженія на обвиненія католиковъ, Кальвинъ прожилъ нѣкоторое время при герцогскомъ дворѣ въ Феррарѣ, гдѣ ему оказывала расположеніе склонная къ протестантизму герцогиня Рената, родомъ французская принцесса (дочь Людовика XII), но возвращаясь въ томъ же году въ Базель, онъ по дорогѣ пріѣхалъ въ Женеву, и Фарель сталъ убѣждать его остаться здѣсь жить. Сначала Кальвинъ не соглашался, такъ какъ предпочиталъ кабинетную дѣятельность

ученаго и литературную пропаганду протестантизма тревогамъ, соединеннымъ съ ролью общественнаго дѣятеля и борьбою на аренѣ политической жизни. Фарель тогда „именемъ Бога возвѣстилъ“ ему, что на него „падетъ проклятіе Божіе, если онъ откажется помочь въ дѣлѣ Господа и возлюбитъ себя больше, нежели Христа“. Кальвинъ остался и вмѣстѣ съ Фарелемъ ввелъ въ Женевѣ новое церковное устройство при содѣйствіи городского совѣта и общаго собранія гражданъ, хотя реформаторамъ пришлось встрѣтиться съ оппозиціей. Два нидерландскихъ анабаптиста думали возбудить народное сопротивленіе, но были изгнаны подъ страхомъ смертной казни. Съ другой стороны, поднялась оппозиція людей, отторгшихся отъ католицизма во имя личной свободы, которая имъ стѣснялась: они видѣли съ неудовольствіемъ установленіе еще болѣе суроваго режима и негодовали на Фареля, Кальвина и другихъ чужеземцевъ. Правительство требовало отъ гражданъ присяги новой формулѣ вѣры, но многіе отказывались присягать, усматривая въ этомъ требованіи новое порабощеніе; имъ стали грозить изгнаніемъ, но угрозу трудно было привести въ исполненіе, ибо число сопротивлявшихся было слишкомъ велико. Партія противниковъ новой церкви стала искать помощи у Берна, который, уже ранѣе будучи недоволенъ тѣмъ, что Женева ему не подчинялась, теперь негодовалъ на отступленія женевцевъ отъ швейцарскихъ религіозныхъ порядковъ. Въ февралѣ 1538 г. выборы въ городской совѣтъ дали перевѣсъ оппозиціи. Новое правительство приказало причащать на Пасху по бернскому обычаю, но Фарель, Кальвинъ (обозвавшій новый совѣтъ „чортовой коллегіей“) и ихъ приверженцы отказались повиноваться; имъ запретили проповѣдовать, они не послушались, и Фарель съ Кальвиномъ отказались дать причастіе своей паствѣ, какъ недостойнымъ; синдики созываютъ тогда народное собраніе, и неуступчивые проповѣдники изгоняются изъ Женевы. Кальвинъ поселился въ Страсбургѣ, гдѣ сдѣлался проповѣдникомъ общины французскихъ эмигрантовъ, читалъ публичныя лекціи, занимался богословіемъ. Благодаря ему, французская протестантская община получила такое образцовое устройство, что ей удивлялись мѣстные нѣмецкіе проповѣдники. Кальвинъ (принявшій страсбургское гражданство и женившійся на вдовѣ одного обращеннаго имъ анабаптиста) сошелся съ нѣмецкими богословами (между прочимъ съ Меланхтономъ), сильно хлопоталъ объ устройствѣ соглашенія между всѣми протестантами, чтобы имѣть перевѣсъ надъ католиками, и готовъ былъ на нѣкоторыя уступки, но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Притомъ его тянуло въ Женеву, мысль о возвращеніи въ которую его не покидала съ самаго начала. Въ Женевѣ между тѣмъ продолжалась религіозная и политическая борьба, при-

нявшая характеръ настоящей анархіи и грозившая внѣшними опасностями, такъ что самъ народъ, изгнавшій Кальвина, пожелалъ его возвращенія. Начались переписка и переговоры о возвращеніи и его условіяхъ, и реформаторъ, наконецъ, возвращается (1541 г.), послѣ того какъ городъ соглашается возстановить заведенные при немъ порядки: изгнанный незадолго передъ тѣмъ реформаторъ встрѣчается съ торжествомъ, какъ побѣдитель, и съ этого самаго момента до смерти своей (1564), т.-е. въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ господствуетъ въ Женевѣ. Передъ своимъ возвращеніемъ Кальвинъ еще разъ прославился на весь протестантскій міръ по слѣдующему случаю. Въ Ліонѣ съ папскаго одобренія шли совѣщанія прелатовъ и изгнанныхъ изъ Женевы католиковъ о способахъ возвращенія этого города къ католицизму. Кардиналу Садолету (еп. Карпентра), когда-то секретарю Льва X, человѣку гуманистическаго образованія, благороднаго характера и большой терпимости, было поручено составить воззваніе къ женевцамъ, и прелатъ съ великимъ мастерствомъ справился съ своею задачею: его посланіе произвело впечатлѣніе, католики подняли голову. Кальвинъ въ шесть дней написалъ отвѣтъ Садолету, считающійся однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній теологической полемики XVI вѣка: онъ читался съ восторгомъ не только въ Женевѣ, но и во всей протестантской Европѣ, заслуживъ даже похвалу Лютера, относившагося вообще не особенно дружелюбно къ Кальвину. Съ самаго начала сороковыхъ годовъ, когда Кальвинъ сдѣлался властелиномъ Женевы, все болѣе и болѣе возрастаетъ его авторитетъ среди протестантовъ всей Европы, и городъ, въ которомъ онъ владычествовалъ, превратился въ убѣжище протестантовъ, гонимыхъ на родинѣ и притомъ не въ одной Франціи, въ школу, гдѣ можно было получить высшее богословское образованіе въ протестантскомъ духѣ. Наплывъ иностранцевъ, благоговѣвшихъ передъ реформаторомъ былъ такъ великъ, что они одни составляли значительную силу, на которую онъ могъ опереться для того, чтобы сломить всякую оппозицію. Съ усиленіемъ религіозныхъ преслѣдованій во Франціи увеличивалось число бѣжавшихъ оттуда эмигрантовъ: Кальвинъ самъ ихъ звалъ въ Женеву, добивался для нихъ правъ гражданства (напр., въ 1555 г. въ одинъ день было принято триста новыхъ гражданъ), оказывалъ имъ покровительство, и изъ этихъ-то людей выходили главнѣйшіе агенты его диктатуры.

Познакомимся теперь ближе съ самымъ духомъ женевской реформаціи въ виду ея важности для исторіи протестантскаго движенія вообще во второй половинѣ XVI вѣка.

XVI. Характеръ и историческое значеніе кальвинизма.

Положеніе Женевы въ протестантскомъ мірѣ.—Международная роль Кальвина.— Противоположность и сходство между кальвинизмомъ и католицизмомъ.—Контроль духовенства надъ обществомъ.—Моральный ригоризмъ и оппозиція ему.— Отрицаніе индивидуальной свободы.—Серветъ, его ученіе и процессъ въ Женевѣ.— Беза.

Какъ ни интересенъ самъ по себѣ примѣръ, представляемый женевскою диктатурою Кальвина, но его историческое значеніе было бы не больше того, какое имѣетъ временная диктатура Савонаролы во Флоренціи за полвѣка до Кальвина, еслибы Женева не сдѣлалась „протестантскимъ Римомъ", а Кальвинъ не сталъ бы „женевскимъ папой". Какъ ни важны въ исторіи возникновенія и развитія кальвинизма мѣстныя женевскія отношенія и роль самого Кальвина въ исторіи этихъ отношеній, съ той точки зрѣнія, на которую становимся мы, разсматривая реформаціонную эпоху, для насъ гораздо большее значеніе должны имѣть не внутреннія дѣла Женевы, а ея положеніе въ протестантскомъ мірѣ, не то, что сдѣлано было Кальвиномъ въ Женевѣ, а то, что было имъ совершено на болѣе широкой аренѣ европейской исторіи: мѣстныя дѣла и мѣстное значеніе Кальвина могутъ съ этой точки зрѣнія представлять лишь тотъ интересъ, что способны въ томъ или иномъ отношеніи иллюстрировать главный предметъ. *Превращеніе Женевы въ духовный центръ протестантизма, а Кальвина въ его духовнаго вождя,*—вотъ главный фактъ, заслуживающій нашего вниманія.

Небольшая городская республика на границѣ католическихъ странъ, гдѣ происходила сильная католическая реакція, держалась независимо по отношенію къ могущественнымъ государствамъ, соперничество между коими было, впрочемъ, лучшею гарантіей ея политической свободы: религіозные выходцы изъ разныхъ странъ находили въ ней свой пріютъ; изъ нея выходили страстные и стойкіе проповѣдники протестантизма; отсюда же посылались поощренія — сопротивляться силою католическимъ государямъ. Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ Меланхтонъ думалъ, что въ случаѣ завоеванія Германіи турками Женева будетъ главнымъ оплотомъ реформаціи. Пока живъ былъ Лютеръ, т.-е. до 1546 г., первенство въ протестантскомъ мірѣ принадлежало Виттенбергу, но послѣ его смерти самымъ вліятельнымъ авторитетомъ для протестантовъ былъ Кальвинъ, и мѣсто Виттенберга заступила Женева. Этотъ городъ стоитъ главною школою протестантизма: хотя только къ концу своей жизни (1559) Кальвинъ добился учрежденія

въ Женевѣ высшаго учебнаго заведенія (академіи) для того, чтобы въ немъ могли получать богословское образованіе будущіе проповѣдники, но это не мѣшало самому ему и прежде этого читать лекціи, на которыя стекались сотни слушателей, пріѣзжавшихъ часто изъ отдаленныхъ странъ; и проповѣди его имѣли то же самое значеніе. Самая жизнь въ городѣ, гдѣ царствовала весьма суровая церковная дисциплина, была своего рода школой. Съ другой стороны, женевскія типографіи работали на всѣ страны, гдѣ нельзя было печатать протестантскія книги, но гдѣ были охотники ихъ читать. Главное значеніе Женева имѣла, конечно, для сосѣдней Франціи: наибольшее число селившихся здѣсь эмигрантовъ были французы, во Францію устремлялось отсюда наибольшее количество неустрашимыхъ проповѣдниковъ и вывозилось или выносилось множество протестантскихъ книгъ, да и самого Кальвина съ этою страною связывали національныя симпатіи: своими письмами къ французскимъ единовѣрцамъ онъ укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ во времена гоненій и посылалъ къ нимъ своихъ учениковъ. Въ серединѣ XVI в. реформаціонное движеніе въ разныхъ странахъ приняло кальвинистическое направленіе, и всегда устанавливаются связи съ Женевою новыхъ протестантскихъ церквей. На противоположныхъ краяхъ католическаго міра, въ Польшѣ съ Литвою и въ Шотландіи дѣйствуютъ послѣдователи кальвинизма, ученики реформатора: Янъ Ласкій и Джонъ Ноксъ (Knox). Въ сношеніяхъ съ Кальвиномъ находятся вліятельныя лица не одного французскаго протестантизма, и не изъ одной Франціи обращаются къ нему за разрѣшеніемъ богословскихъ вопросовъ. Когда въ Англіи происходила реформація, Кальвинъ писалъ письма юному королю Эдуарду VI, его воспитателю и правителю государства герцогу Сомерсету и архіепископу Кранмеру, и какъ шотландскіе, такъ и англійскіе изгнанники находятъ пріютъ въ Женевѣ, чтобы потомъ проповѣдовать кальвинизмъ на родинѣ. Думая дѣйствовать на государей, Кальвинъ писалъ имъ письма, посвящалъ имъ свои сочиненія (королямъ датскому, шведскому, польскому идр.), убѣждалъ польскаго короля Сигизмунда II Августа произвести реформацію въ своемъ государствѣ. Если вновь образовывавшіяся протестантскія церкви обращались къ нему за совѣтами и указаніями, рѣшеніями, за проповѣдниками и организаторами, то и среди прежнихъ протестантовъ его голосъ былъ весьма авторитетенъ, особенно въ Швейцаріи, гдѣ онъ достигъ общаго соглашенія, а въ 1556 г. онъ даже ѣздилъ во Франкфуртъ, чтобы положить конецъ тамошнимъ церковнымъ распрямъ. Однихъ писемъ Кальвина осталось около 4 тысячъ.

Для папы и императора, для клира и вообще католиковъ Кальвинъ и его Женева сдѣлались самымъ ненавистнымъ еретикомъ и гнѣздомъ ереси. Съ своей стороны *кальвинизмъ былъ настоящею про-*

тивоположностью католицизму: одновременно—католицизмъ на тридентскомъ соборѣ (1545—1563) и протестантизмъ въ Женевѣ—получаютъ характеръ двухъ непримиримыхъ системъ, ибо если на соборѣ, какъ мы увидимъ, религіозные вопросы, требовавшіе рѣшенія, получали его въ смыслѣ діаметрально-противоположномъ протестантскимъ ученіямъ, то и кальвинизмъ былъ религіозной системой, въ коей догматическіе принципы протестантизма были развиты съ наибольшею послѣдовательностью. Кальвинисты относились весьма рѣзко къ католическимъ догматамъ, къ папству, къ внѣшней сторонѣ культа, въ которой видѣли идолопоклонство: чувственному, эстетическому характеру католическаго богослуженія Кальвинъ противопоставлялъ голыя стѣны храмовъ безъ всякихъ украшеній и изображеній, молитвенныя собранія съ длинными проповѣдями, простое и прозаичное богослуженіе безъ всякой пышности; имъ отмѣнены были всѣ праздники, кромѣ воскресенья, которое должно было почитаться, какъ іудейская суббота; на богослужебную музыку онъ смотрѣлъ, какъ на поблажку человѣчоской слабости. Кальвинисты унаслѣдовали отъ него непримиримую ненависть ко всему, въ чемъ видѣли суевѣріе и идолослуженіе. Но была и другая сторона дѣла, были и пункты сходства между кальвинизмомъ и католицизмомъ—именно въ общекультурномъ и въ соціальномъ отношеніяхъ. Здѣсь сходство было даже такъ велико, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отношеній *кальвинизмъ можетъ разсматриваться, какъ сколокъ съ средневѣкового католицизма, усугубленіе его принциповъ*. Стоитъ припомнить, каковы были тенденціи средневѣковаго католицизма по отношенію къ государству и свѣтскому обществу, по отношенію къ отдѣльной личности, ея внутренней и внѣшней свободѣ [1]) для того, чтобы узнать въ кальвинизмѣ какъ бы новое изданіе тѣхъ же стремленій. Своимъ болѣе универсальнымъ характеромъ сравнительно съ болѣе національнымъ духомъ лютеранства и цвингліанства кальвинизмъ напоминаетъ католическій космополитизмъ: въ насмѣшливомъ сравненіи Женевы съ Римомъ и Кальвина съ папой была и болѣе серьезная мысль. Если Лютеръ (да и Цвингли фактически) подчинялъ церковь государству, то въ Женевѣ установлялось такое тѣсное между ними единеніе, что церковь грозила поглотить государство, и теократическій принципъ католицизма возрождался здѣсь въ новой формѣ. Новое духовенство получило право руководить всею жизнью свѣтскихъ людей, что было возобновленіемъ старыхъ отношеній между клиромъ и міряпами. Отдѣльный человѣкъ долженъ былъ подчиняться строгой дисциплинѣ: нравственный ригоризмъ женевской жизни былъ недалекъ отъ средневѣкового аскетизма, хотя исходные пункты обоихъ были

[1]) Томъ I, гл. XXII—XXIII.

разные, и Женева при Кальвинѣ сдѣлалась какъ бы однимъ большимъ монастыремъ: извѣстно остроумное замѣчаніе Вольтера, что Кальвинъ открылъ двери монастырей не для того, чтобы выпустить оттуда монаховъ, а чтобы загнать туда всѣхъ людей. Наконецъ совершенно въ духѣ средневѣковаго католицизма Кальвинъ отрицалъ свободу человѣческаго разума, утверждая, что невѣжество вѣрующаго выше дерзости мудрствующаго. Такимъ образомъ основныя черты католицизма съ его теократическими и клерикальными тенденціями въ области соціально-политической и съ отрицаніемъ индивидуальныхъ потребностей и стремленій въ сферѣ моральной и интеллектуальной возрождались съ новою силою, и, благодаря этому, въ серединѣ XVI в. въ Западной Европѣ *произошло столкновеніе между двумя религіозными системами, одинаково стремившимися къ господству надъ личностью и обществомъ.*

Эти черты сходства между кальвинизмомъ и католицизмомъ мимоходомъ стоитъ отмѣчать, разсматривая первый изъ нихъ.

„Единоспасающая“ (опять пунктъ сходства съ католицизмомъ) церковь Кальвина, по его ученію, должна была имѣть устройство, предписанное апостолами и существовавшее въ первые вѣка христіанства. Верховную власть въ ней онъ отдавалъ собранію вѣрующихъ и, слѣдовательно, ему самому давалъ право назначать особыхъ людей для совершенія богослуженія и охраны чистоты вѣры и нравовъ, съ тѣмъ, чтобы община поручила свою власть собранію выборныхъ проповѣдниковъ и мірянъ (пресвитерій или консисторія). Право быть избраннымъ въ служители слова Божія ограничивалось требованіемъ извѣстнаго испытанія въ способности занимать эту должность, а свѣтскіе старѣйшины должны были браться изъ правительственныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ у Кальвина, какъ и у Цвингли, церковь получала республиканское устройство. Церковныя власти, установленныя въ Женевѣ, были: 1) проповѣдники (или пасторы), коимъ, какъ служителямъ (министрамъ) слова Божія, принадлежало первенство въ церковномъ управленіи и дѣйствительное право избранія въ этотъ санъ, такъ какъ общинѣ въ данномъ отношеніи принадлежало только принципіальное и формальное право; потомъ 2) учители (доктора), такъ-сказать, эксперты по богословскимъ вопросамъ; далѣе 3) старѣйшины (сеніоры) изъ мірянъ, избиравшіеся изъ членовъ одного изъ правительственныхъ совѣтовъ по соглашенію съ проповѣдниками для административной дѣятельности, и наконецъ 4) діаконы, завѣдовавшіе дѣлами благотворенія. Пресвитерій (консисторія) состоялъ именно изъ проповѣдниковъ и мірянъ, представляя изъ себя аристократическую коллегію, надзиравшую за правовѣріемъ членовъ общины, за исполненіемъ ими религіозныхъ обязанностей, т.-е. за посѣщеніемъ богослуженія и проповѣди, причащеніемъ и т. д., за домашнею жизнью, за

всѣмъ поведеніемъ гражданъ. Это же учрежденіе судило провинившихся въ первой и послѣдней инстанціи, т.-е. безъ аппеляціи, а въ числѣ наказаній накладывало штрафы, шедшіе въ пользу судей, въ видѣ жалованья. Проповѣдникъ, доказавшій чистоту своей вѣры и своей жизни, а также способность поучать народъ, черезъ рукоположеніе (безъ значенія таинства) становился избраннымъ, хотя и совѣту, и народу давалось право его отвергнуть, если были на то основанія, а чтобы такіе проповѣдники могли быть независимы, Кальвинъ настаивалъ на необходимости хорошаго ихъ обезпеченія, высказываясь даже въ смыслѣ возвращенія духовнымъ пастырямъ секуляризованной церковной собственности. Кальвинъ реорганизовалъ и государственное устройство Женевы въ аристократическомъ духѣ, отодвинувъ на задній планъ общее собраніе гражданъ и сосредоточивъ всю власть въ маломъ совѣтѣ изъ 25 членовъ, бывшихъ чуть не поголовно его приверженцами. Въ какихъ же отношеніяхъ находились между собою церковь и государство? Кальвинъ представлялъ ихъ себѣ, какъ двѣ стороны одной и той же вещи, одинаково необходимыя для блага людей, а въ практической жизни стоялъ за сліяніе церкви и государства, при которомъ, однако, перевѣсъ былъ на сторонѣ первой, такъ что *въ его политикѣ былъ весьма сильный теократическій элементъ*. Отводя свѣтской власти принадлежащую ей сферу, Кальвинъ отрицаетъ за нею всякое право надъ совѣстью и дѣлами религіи (въ противность Лютеру), но въ то же время обязываетъ государство всѣми способами, какіе находятся въ его распоряженіи, содѣйствовать церкви, подчиняясь ея руководительству и наказывая идолопоклонство и богохульство. И въ теоріи, и на практикѣ церковь Кальвина господствовала надъ государствомъ.

Этому соотвѣтствовала и та роль, какую играли въ жизни свѣтскаго общества проповѣдники и старѣйшины, равно какъ образованная изъ нихъ консисторія. Церковная организація Кальвина допускала къ управленію свѣтскій элементъ въ лицѣ старѣйшинъ, и это даже было приманкою для мірянъ, желавшихъ играть роль въ церковной жизни (напр., въ Польшѣ, гдѣ кальвинизмъ принимали паны и богатая шляхта), но въ сущности старѣйшины были только орудіями духовной власти, сосредоточенной въ рукахъ проповѣдниковъ. Послѣдніе притомъ имѣли право кооптаціи, а принося присягу въ соблюденіи своихъ обязанностей, обѣщали подчиняться и законамъ государства лишь съ оговоркою, касавшеюся необходимости совпаденія этихъ законовъ съ ихъ обязанностями по отношенію къ Богу; имъ вмѣнялось въ обязанность не только отправлять богослуженіе и поучать народъ, но и блюсти за религіозною и моральною жизнью всего народа; они составляли особую коллегію (конгрегацію), которая каж-

дую недѣлю собиралась на засѣданія, имѣя во главѣ своей самого Кальвина, и здѣсь нерѣдко намѣчались, обсуждались и вырабатывались для внесенія въ городской совѣтъ проекты мѣръ чисто гражданскаго характера; по соглашенію съ проповѣдниками избирались старѣйшины, судившіе вмѣстѣ съ ними (собственно съ особой делегаціей) религіозные и нравственные проступки; въ качествѣ членовъ консисторіи они имѣли право домашняго обыска, и въ ихъ распоряженіи былъ тайный надзоръ за гражданами. Однимъ словомъ, *все, что только могъ бы придуматъ клерикализмъ, было дано кальвинистическому духовенству.*

Мы уже видѣли, съ какой точки зрѣнія Кальвинъ требовалъ самаго крайняго моральнаго ригоризма отъ членовъ церкви [1]): его церковное устройство заимствовало изъ католицизма все, что только могло поддерживать дисциплину—конфирмаціи, эпитеміи, отлученія и т. п. Въ суровомъ реформаторѣ *была даже аскетическая черта,* ибо онъ смотрѣлъ на землю, какъ на юдоль печали и плача. Исходя изъ тѣхъ же началъ, что и Цвингли [2]), но усугубивъ ихъ дѣйствіе, Кальвинъ ввелъ въ Женевѣ самую строгую цензуру нравовъ и цѣлую систему контроля надъ исполненіемъ строгихъ предписаній властей относительно религіознаго и моральнаго поведенія. Индивидуальная свобода приносилась въ жертву чисто-монастырскому порядку жизни. Человѣкъ, по Кальвину, есть существо, имѣющее наклонность отъ природы ко злу и неповиновенію, а потому его нужно держать въ строгости, — задача, которую онъ возлагалъ на свѣтскую власть, говоря, что наказывать безъ послабленія и жалости она должна не одни преступленія уголовнаго характера, но и оскорбленія, наносимыя Богу, и разные виды безнравственности. Наказанія, налагавшіяся на виновныхъ, были смертная казнь, штрафы, изгнанія, и такъ какъ консисторія имѣла право предавать свѣтской власти людей, провинившихся въ сферѣ ея компетенціи, то de facto и ей принадлежало право наказывать не однѣми церковными карами. Граждане Женевы обязаны были неукоснительно бывать въ церкви и непремѣнно въ своей приходской. Если кто-либо, заболѣвъ, три дня находился въ постели, то долженъ былъ позвать пастора и причаститься. Окрестныхъ поселянъ за исполненіе католическихъ обрядовъ сажали въ тюрьму. Въ 9 часовъ вечера женевскій житель долженъ былъ быть дома. Время отъ времени производились домашніе обыски и отбирались запрещенныя книги и др. предметы, за которые можно было и отвѣтить. Посѣщеніе трактира безъ нужды влекло за собою штрафъ. Театры и балы изгонялись. Наказывались отлученіями отъ церкви,

---

[1]) См. выше, стр. 174.
[2]) См. выше, стр. 164.

денежными штрафами, тюрьмою, выставкою у позорнаго столба и т. п. незначительные проступки противъ благопристойности, приличій, нравственности. Оскорбленіе Бога было слишкомъ растяжимое понятіе для того, чтобы подъ него можно было подвести массу самыхъ разнородныхъ поступковъ.

Этотъ режимъ проводился Кальвиномъ при помощи настоящихъ шпіоновъ и при поддержкѣ, какую ему оказывали эмигранты. Но проводился онъ не безъ оппозиціи со стороны людей, которые не могли примириться съ крайнимъ стѣсненіемъ индивидуальной свободы. Почти всю жизнь реформатору пришлось вести съ ними борьбу, но особенно она была сильна во второй половинѣ сороковыхъ и первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Кальвинъ хотѣлъ заклеймить ихъ названіемъ либертиновъ, т.-е. распутниковъ (libertins), а ихъ оппозицію—именемъ защиты распутства, хотя они только защищали права личности противъ церковнаго деспотизма, который вмѣшивался въ частную жизнь, а кромѣ того, съ этою оппозиціей соединялся патріотическій протестъ противъ слишкомъ большого значенія, какое имѣли до фанатизма преданные Кальвину французскіе выходцы. На улицахъ происходили схватки, дѣлались попытки возстанія, изъ коихъ послѣдняя была подавлена въ 1555 г., составлялись заговоры на жизнь Кальвина, были въ ходу замыслы его снова изгнать: враги Кальвина сами подвергались за это казни и изгнанію. Реформаторъ смѣшивалъ всѣхъ своихъ оппонентовъ съ дѣйствительно существовавшей сектой духовныхъ либертиновъ (libertins spirituels), противъ коихъ онъ написалъ особое сочиненіе [1], но ему самому могло дѣйствительно казаться либертинажемъ малѣйшее отклоненіе отъ строгой моральной дисциплины.

Понятно, что свободнаго изслѣдованія кальвинизмъ не допускалъ, и *догматизмъ, характеризующій требованія, которыя предъявлялись человѣческому уму средневѣковымъ католицизмомъ, былъ одною изъ характерныхъ чертъ системы Кальвина*. Мы знаемъ, какъ онъ относится къ дерзости мудрствующаго разума. Просвѣщеніе, развитію коего онъ содѣйствовалъ въ Женевѣ, было исключительно религіозное; свѣтскія науки находились не въ такомъ почетѣ; чтеніе легкихъ литературныхъ произведеній (напр. рыцарскихъ романовъ) запрещалось. Въ 1547 г. былъ преданъ пыткамъ, а потомъ смертной казни нѣкто Грюэ, у котораго при обыскѣ нашли собственноручныя записки, въ коихъ отвергалось безсмертіе души, Кальвинъ назывался мѣтящимъ въ папы шарлатаномъ и говорилось, что наказанія должны налагаться лишь за государственныя и уголовныя преступленія. Отклоненій отъ

[1]) Это было соединеніе пантеизма съ крайнею чувственностью во имя того принципа, что все свято, все божественно.

своей догмы Кальвинъ не допускалъ и всячески преслѣдовалъ несогласныхъ: *его нетерпимость опять напоминаетъ католицизмъ*, отъ котораго кальвинизмъ унаслѣдовалъ столько чертъ, имѣющихъ значеніе политическое и культурное. Гуманистически образованный Кастелліонъ, одинъ изъ преданныхъ реформаціи дѣятелей этой эпохи, понималъ не такъ, какъ Кальвинъ, кое-какія мѣста въ св. писаніи, и женевскій реформаторъ говорилъ, что скорѣе готовъ былъ бы сдѣлаться папистомъ, чѣмъ Кастелліономъ; послѣдній былъ даже изгнанъ изъ Женевы и поселился въ Базелѣ, откуда продолжалъ полемизировать съ Кальвиномъ. Были и другіе случаи подобнаго рода, но самымъ громкимъ дѣломъ было сожженіе въ Женевѣ живымъ на кострѣ знаменитаго антитринитарія первой половины XVI вѣка—Михаила Сервета [1]).

Мы знаемъ, что антитринитаризмъ зародился въ умахъ нѣкоторыхъ сектантовъ еще въ двадцатыхъ годахъ XVI в. [2]), и увидимъ послѣ, что въ исторіи антитринитаризма важное значеніе получили около середины XVI в. итальянскіе вольнодумцы, изъ коихъ нѣкоторые спасались отъ преслѣдованій на родинѣ въ Швейцарію, а потомъ въ Польшу. Одновременно съ Кальвиномъ явился и первый систематизаторъ антитринитаризма, Михаилъ Серветъ, человѣкъ недюжиннаго ума, громадной учености и стойкаго характера, соединявшій въ себѣ мистицизмъ въ духѣ цвиккауских пророковъ съ раціонализмомъ итальянскихъ мыслителей XVI в. и потому въ исторіи антитринитаризма являющійся представителемъ эпохи переходной между сектантствомъ мистическимъ и раціоналистическимъ.

Михаилъ Серветъ (Мигель Серведо), родившійся въ одномъ году съ Кальвиномъ, былъ родомъ испанецъ. Его готовили къ духовному званію и рано начали учить. Блестящія способности доставили Сервету, когда онъ былъ еще 15 лѣтъ, мѣсто секретаря у духовника Карла V, что дало ему возможность попутешествовать и по Италіи, и по Германіи. Живя въ разныхъ мѣстахъ, онъ изучалъ право и медицину, въ коемъ достигъ большихъ знаній, математику и географію, но преимущественно занимался религіозными вопросами, изучая сочиненія реформаторовъ, а также отцевъ церкви, особенно тѣхъ, которые жили до никейскаго собора. Ему хотѣлось возстановить христіанство въ первоначальной апостольской чистотѣ. Особенно казалось ему сомнительнымъ церков-

---

[1]) О Серветѣ см. соч. Будрина, указанное въ примѣч. къ гл. VII; въ этомъ сочиненіи приведена литература предмета. Особенно см. изслѣдованія Tollin'a Lehrsystem M. Servets и *его же* Characterbild M. Servets. Кромѣ того, R. Willis. Servetus and Calvin, а также голландское соч. van der Lindet. Серветъ былъ замѣчательный натуралистъ, первый до Везалія и Гарвея знавшій о дѣятельности легкихъ и ея вліяніи на кровообращеніе.

[2]) См. выше, стр. 65.

ное ученіе о троичности Божества. Плодомъ этихъ его занятій было сочиненіе, вышедшее въ 1531 г. подъ заглавіемъ „De trinitatis erroribus“. Издать его во Франціи, гдѣ жилъ въ это время Серветъ, было невозможно, и онъ сдѣлалъ это въ Германіи. Здѣсь онъ жилъ между прочимъ въ Базелѣ, гдѣ Эколампадій тщетно старался склонить его на сторону правовѣрія. Въ названномъ сочиненіи говорилось, что Іисусъ Христосъ—простой человѣкъ, и что слово „Духъ“ употребляется въ св. писаніи въ различныхъ смыслахъ, а христіане назывались тритеистами, т.-е. трехбожниками. Книга быстро разошлась, но ее стали сожигать, какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ. Самъ авторъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи и жить во Франціи подъ вымышленнымъ именемъ, занимаясь медицинской практикой. Эколампадій просилъ Сервета переработать свой трудъ, измѣнивъ его взгляды. Серветъ это сдѣлать обѣщалъ, но взглядовъ не измѣнилъ, начавъ ихъ излагать еще послѣдовательнѣе. Въ 1532 г. вышли его „Два діалога о Троицѣ“, гдѣ сильно замѣтенъ пророческій духъ. Серветъ смотритъ здѣсь на себя, какъ на пророка, и выражаетъ увѣренность въ томъ, что другіе реформаторы будутъ ему повиноваться. Это время Серветъ жилъ во Франціи, въ Парижѣ и Вьеннѣ, занимаясь медициной, географіей, астрономіей и изученіемъ Библіи. Послѣ изданія „Двухъ діалоговъ“ Серветъ началъ писать главное свое сочиненіе „Возстановленіе христіанства“ (Christianismi restitutio), обширный трудъ въ 700 страницъ, который выпустилъ въ свѣтъ въ 1553 г. Въ немъ онъ уже весьма рѣзко нападаетъ на реформаторовъ, которыхъ щадилъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, думая этимъ склонить на свою сторону, а на себя смотритъ, какъ на обѣтованнаго утѣшителя. Сущность ученія, которое онъ развиваетъ въ этой книгѣ, такова: Богъ единъ и самъ въ себѣ непознаваемъ, будучи доступенъ познанію лишь посредственно, въ двухъ модусахъ: въ модусѣ самовозвѣщенія, въ Словѣ и въ модусѣ самосообщенія, въ Духѣ. Слово и Духъ не ипостаси, не лица Божества. Слово (λόγος) есть Божественный разумъ, который воплотился въ Іисусѣ Христѣ. Духъ есть душа міра: соединившись съ тварнымъ дыханіемъ жизни онъ составилъ душу Іисуса Христа. Христіанская вѣра есть упованіе, что человѣкъ Іисусъ Христосъ есть сынъ Божій, умершій и воскресшій ради нашего спасенія. На крещеніе и причащеніе Серветъ смотритъ съ особой, мистической точки зрѣнія: чрезъ крещеніе сообщается духъ Христовъ, чрезъ причащеніе—тѣло. Это—новое рожденіе и новое питаніе, и внутренній человѣкъ чрезъ эти таинства дѣлается состоящимъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоитъ преображенное тѣло и духъ Христа. Крещеніе, по мнѣнію Сервета, можно совершать только надъ взрослыми. Къ римской церкви Серветъ, подобно Кальвину, относится

съ крайнею враждебностью: называетъ ее Вавилономъ, Содомомъ, идолопоклонствомъ; католическихъ священниковъ — преемниками жрецовъ Марса, Изиды и Юноны. Противъ протестантовъ онъ тоже полемизируетъ, доказывая необходимость добрыхъ дѣлъ, молитвы и аскетизма, а не одной только вѣры. Въ своемъ сочиненіи обращается онъ между прочимъ съ такою молитвою къ Іисусу Христу: „Іисусе Христе, сынъ Божій, открой себя рабу Твоему, ниспошли мнѣ духъ Твой благой и слово Твое, направь умъ мой и перо мое, да возвѣщу славу Божественности Твоей и истинную вѣру въ Тебя. Сіе есть дѣло Твое, говорить о которомъ меня побуждаетъ какое-то божественное вдохновеніе: Ты самъ училъ, что не нужно скрывать свѣтильника подъ сосудомъ, и, если я не стану проповѣдовать Евангеліе, я совершу беззаконіе". Къ себѣ онъ примѣнялъ апокалипсическія пророчества и видѣлъ въ своей книгѣ знаменіе противъ царства антихриста, которому скоро придетъ конецъ. Сочиненіе это не было еще напечатано, когда Серветъ по поводу его вступилъ въ переписку съ Кальвиномъ, которому предложилъ нѣсколько богословскихъ вопросовъ и послалъ рукопись книги. Кальвинъ былъ страшно возмущенъ ея содержаніемъ и писалъ Вире (одному изъ своихъ сподвижниковъ), что если бы Серветъ попалъ въ Женеву, то живымъ оттуда не ушелъ бы. Между обоими теологами возгорѣлась полемика въ письмахъ, въ которой Кальвинъ отвѣчалъ Сервету весьма запальчиво. Между тѣмъ послѣдній, живя тогда въ Вьеннѣ медицинской практикой, отпечаталъ свою книгу въ большомъ числѣ экземпляровъ, не выставивъ на ней, впрочемъ, ни своего имени, ни названія типографіи, предчувствуя уже, что эта книга будетъ ему стоить жизни. Вьеннскій архіепископъ притянулъ Сервета къ суду по подозрѣнію въ авторствѣ, но Сервету удалось снять съ себя подозрѣніе и, такъ какъ уликъ не было на лицо, то онъ былъ отпущенъ и остался жить въ Вьеннѣ подъ своимъ вымышленнымъ именемъ (Михаила Виллануевы). Но Кальвинъ черезъ третье лицо сообщилъ католическому духовному суду письма Сервета, доказывавшія его авторство. Ученому вьеннскому врачу пришлось бѣжать изъ города. Судъ приговорилъ его самого къ сожженію (in effigie), равно какъ и его книгу. Серветъ поѣхалъ въ Неаполь, гдѣ было много испанцевъ и гдѣ онъ думалъ жить впредь медицинской практикой. Дорогой онъ остановился въ Женевѣ, былъ узнанъ и арестованъ, по доносу самого Кальвина, находившагося тогда въ борьбѣ съ либертинами и боявшагося, что Серветъ можетъ съ ними соединиться. Начался процессъ, въ которомъ Кальвинъ выступилъ въ качествѣ обвинителя и слѣдователя, но допросъ нерѣдко превращался въ теологическій диспутъ. Кальвинъ указывалъ на связь ученія Сервета съ политически опаснымъ анабаптизмомъ, и это обвине-

ніе особенно повредило Сервету въ глазахъ городского совѣта. Въ процессѣ этомъ столкнулись двѣ діаметрально-противоположныя точки зрѣнія: Серветъ отстаивалъ свободу совѣсти и указывалъ на примѣръ древней церкви, которая только отлучала и изгоняла еретиковъ, Кальвинъ—на примѣры византійскихъ императоровъ, которые казнили еретиковъ смертью. Скоро въ Вьеннѣ узнали, что Серветъ арестованъ въ Женевѣ и потребовали его выдачи, но городской совѣтъ Женевы, побуждаемый Кальвиномъ и съ согласія другихъ швейцарскихъ кантоновъ рѣшилъ предать еретика казни посредствомъ сожженія: не хотѣли даже уступить его католическому епископу, который предалъ бы его такой же казни. Но Кальвинъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ съ одобренія другихъ выдающихся реформаторовъ и съ согласія швейцарскихъ кантоновъ, принявшихъ его ученіе. Фарель, не жившій въ Женевѣ, нарочно даже пріѣхалъ на казнь Сервета; Меланхтонъ также оправдывалъ сожженіе богохульника. *Казнь Сервета яснѣе всего доказываетъ, съ какою полнотою и силою возродились въ кальвинизмѣ, бывшемъ столь радикальною формою протестантизма, культурные принципы средневѣкового католицизма.*

Историческое значеніе кальвинизма заключается такимъ образомъ въ его появленіи въ эпоху ослабленія другихъ формъ протестантизма и усиленія католической реакціи, въ его универсализмѣ, въ систематизаціи протестантизма, какъ вѣроученія, въ новой организаціи, какую получалъ протестантизмъ въ его церковныхъ учрежденіяхъ, въ ригоризмѣ и стоицизмѣ, въ коихъ воспитывались его послѣдователи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ фанатизмѣ, характеризующемъ самого Кальвина и его послѣдователей. Женевскій закалъ направлялся не на одну религію, но и на политику, ибо *Кальвинъ положилъ начало политическому ученію, получившему религіозную санкцію и сдѣлавшемуся своего рода догматомъ вѣры въ политическихъ движеніяхъ второй половины XVI в.* (и въ XVII в. въ Англіи). Кальвинъ насчитывалъ три государственныя формы: монархію, аристократію и демократію. Первая (la seigneurie et domination d'un seul homme), по его словамъ, влечетъ за собою общее рабство (une servitude commune de tous), а послѣдняя — анархію. Лучшею формою онъ признавалъ аристократію (la plus passable et la plus sûre est que plusieurs gouvernent aidans les uns aux autres), полагая, что власть должна принадлежать людямъ, выдающимся своими добродѣтелями, знаніями, опытностью, подобно тому, какъ Богъ приказалъ Моисею выбрать семьдесятъ мужей для управленія Израилемъ. Отдавая свѣтскимъ властямъ безусловное право надъ подданными и требуя отъ послѣднихъ безусловнаго повиновенія, ибо и дурные правители поставляются Богомъ иногда въ наказаніе народу по свидѣтельству св. писанія,—онъ

дѣлалъ однако исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда за народную свободу заступаются собранные государственные чины, поставленные по волѣ Божіей именно для того, чтобы охранять интересы народа, и когда государь требуетъ что-либо противное велѣніямъ Божіимъ. Эти двѣ *оговорки должны были получить особое значеніе въ эпоху, когда, съ одной стороны, шла борьба между королевскою властью и сословно-представительными учрежденіями, и когда католическіе государи преслѣдовали протестантскихъ подданныхъ:* кальвинизмъ давалъ религіозную санкцію политической оппозиціи. Еще при жизни Кальвина и вскорѣ послѣ его смерти въ отдѣльныхъ странахъ, во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ, начиналась борьба подданныхъ съ государями, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшая этимъ оговоркамъ, и борьба эта сопровождалась дальнѣйшимъ развитіемъ политическихъ идей Кальвина.

По смерти Кальвина руководящее значеніе въ его церкви долгое время принадлежало его ученику Теодору де-Безу (de Bèze), болѣе извѣстному по своему латинизированному имени Безы: происходя изъ знатной бургундской фамиліи (род. 1519 г.), получивъ блестящее юридическое и классическое образованіе, онъ отказался отъ богатствъ и почестей и вмѣстѣ съ своей невѣстой уѣхалъ въ 1548 г. въ Женеву, сдѣлался преданнѣйшимъ ученикомъ Кальвина (защищая, напр., и сожженіе Сервета), былъ одно время профессоромъ въ Лозаннѣ, потомъ въ Женевѣ, гдѣ и занялъ мѣсто Кальвина послѣ его смерти, сдѣлавшись въ глазахъ кальвинистовъ патріархомъ реформаціи (ум. въ 1605 году, достигши чуть не девяностолѣтняго возраста). Особенно сильно было его вліяніе на французскія дѣла въ эпоху религіозныхъ войнъ.

XVII. Монархическія реформаціи первой половины XVI вѣка [1]).

Пріемъ, положенный въ основу дальнѣйшаго изложенія. — Вопросъ объ отношеніи королей къ реформаціи. — Различіе между первой и второй половиной XVI вѣка. — Францискъ I и Сигизмундъ Старый. — Секуляризація Пруссіи. — Реформація въ Даніи и Швеціи. — Христіанъ II. — Фридрихъ I и утвержденіе реформаціи въ Даніи. — Густавъ Ваза и шведская реформація. — Вестеросскій сеймъ и его послѣдствія. — Важность исторіи англійской реформаціи. — Ея причины. — Генрихъ VIII. — Уничтоженіе папскаго главенства и установленіе королевской супрематіи. — Реформація Генриха VIII и Эдуарда VI. — Англиканская церковь. — Мысль о королевской реформаціи въ Польшѣ.

Въ предыдущемъ мы познакомились съ исторіей реформаціи въ Германіи и Швейцаріи въ связи съ религіозными и соціально-полити-

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о реформаціи въ скандинавскихъ

ческими движеніями въ этихъ странахъ и возникновеніемъ трехъ формъ ортодоксальнаго протестантизма, указавъ на пункты сходства и пункты различія реформаціи въ обѣихъ странахъ и въ трехъ главныхъ ея проявленіяхъ [1]). Познакомившись такимъ образомъ съ происхожденіемъ протестантизма и съ тѣмъ, какъ совершалось реформаціонное движеніе въ монархическихъ и республиканскихъ государствахъ Германіи (княжествахъ и имперскихъ городахъ) и Швейцаріи (въ кантонахъ), мы можетъ теперь перемѣнить порядокъ изложенія и, разсматривая реформацію и протестантизмъ, какъ явленія общеевропейскія, примѣнить къ дальнѣйшему ея изученію пріемъ сравненія сходствъ и различій между реформаціей въ отдѣльныхъ странахъ, принимая въ расчетъ тѣ вопросы, которые необходимо ставить, изслѣдуя ея исторію въ каждой странѣ [2]), и исходя изъ той идеи, что на западную Европу можно смотрѣть, какъ на одно цѣлое, въ исторіи коего наблюдаются нѣкоторыя общія явленія (каковымъ и была реформація), допускающія мѣстныя видоизмѣненія въ зависимости отъ историческихъ условій отдѣльныхъ странъ [3]). Реформація могла начаться или сверху, по инціативѣ правительства, или снизу, по инціативѣ народа и даже противъ правительства: въ общемъ первый періодъ реформаціонной исторіи характеризуется (кромѣ Швейцаріи) правительственными реформаціями, усиливающими монархическую власть, второй —реформаціями народными, получающими въ политическомъ отношеніи характеръ оппозиціи противъ королевской власти [4]), и въ этомъ главнымъ образомъ состоитъ связь религіозной реформаціи съ политическими вопросами XVI вѣка [5]). Съ другой стороны, мы видѣли,

---

государствахъ и въ Англіи, литература по которой указана выше, стр. 11. Въ указанномъ тамъ трудѣ Г. В. Форстена см. перечень трудовъ по скандинавской исторіи этой эпохи, въ числѣ коихъ есть посвященные и реформаціи, но большею частью по-датски или по-шведски. По-нѣмецки Weidling. Schwedische Geschichte im Zeitalter der Reformation. Изъ многотомнаго труда Fryxell'я (Berättelser ur svenska historian) часть труда, относящагося къ правленію Густава Вазы, переведена по-нѣмецки Экендалемъ (Fryxell. Gustav Wasas Leben). Для времени Эдуарда VI и Маріи въ Англіи см. соч. Tytler'a England unter the reigns of Edward VI and Mary.

[1]) Реформація въ Германіи — гл. V — XIII, реформація въ Швейцаріи — гл. XIV — XVI. Собственно для религіозной исторіи по германской реформаціи см. главы V, VI, VII, XI, XII.

[2]) См. выше, стр. 7—9.

[3]) Томъ I, стр. 12 и слѣд. Сравнительная точка зрѣнія была уже примѣнена нами въ „Очеркѣ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ", гдѣ говорится объ этомъ пріемѣ на стр. 37.

[4]) См. выше, стр. 7.

[5]) Томъ I, глава XII.

что въ церковной реформаціи XVI вѣка главное значеніе принадлежитъ внѣцерковнымъ сферамъ [1]), и что между ними весьма важное мѣсто занимаетъ свѣтская власть. Такъ какъ главной политической формой западной Европы была въ ту эпоху монархія (сословная), стремившаяся къ абсолютизму, то весьма естественно поставить вопросъ, какъ отнеслись европейскіе короли къ реформаціи, дававшей имъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ нѣмецкихъ князей, возможность освободиться отъ папы, подчинить себѣ мѣстное духовенство, секуляризировать церковныя имущества и даже сдѣлаться господами надъ совѣстью своихъ подданныхъ. Церковь давно стѣсняла свободу государства; папа и клиръ давно вызывали противъ себя оппозицію и абсолютистическія стремленія королей; мысль о окуляризаціи церковной собственности равнымъ образомъ давно не была новой; а зарождавшійся абсолютизмъ расширялъ сферу вѣдѣнія государственной власти на всѣ проявленія общественной жизни: *реформація для государей была удобнымъ случаемъ осуществленія старинныхъ стремленій* [2]). Но у этого была и другая сторона: церковь слишкомъ срослась съ государствомъ; католическіе порядки могли представлять для королей и свои выгодныя стороны; новыя ученія заключали въ себѣ зародыши политическихъ смутъ и несогласныхъ съ королевскими понятіями воззрѣній и т. д., такъ что *въ иныхъ отношеніяхъ для государей было выгоднѣе поддерживать католицизмъ*. Отсюда двойственность отношенія королей къ реформаціи, та самая двойственность, которую мы видѣли уже въ Германіи, гдѣ князья раздѣлились на два лагеря, одни приняли протестантизмъ, другіе остались католиками. И у тѣхъ, и у другихъ существовали при этомъ свои политическіе мотивы, но *несомнѣненъ и элементъ религіознаго убѣжденія въ ложности католицизма или, наоборотъ, въ заблужденіи протестантизма*,—элементъ убѣжденія, вообще играющій весьма и весьма важную роль въ исторіи этого движенія и при томъ не у однихъ реформаторовъ, теологовъ и фанатическихъ проповѣдниковъ. Хотя однако искренній протестантизмъ такихъ нѣмецкихъ князей, каковы саксонскіе курфюрсты этой эпохи, или католическая нетерпимость, наприм., Георга Саксонскаго не подлежатъ сомнѣнію, но и у католика Карла V, и у протестанта Морица Саксонскаго политическія соображенія доминировали надъ религіозными, да и вообще *католическіе государи первой половины XVI вѣка въ сравненіи съ своими преемниками второй половины производятъ впечатлѣніе болѣе политиковъ, чѣмъ фанатиковъ*, и объясняя ихъ отношенія къ реформаціи приходится

---

[1]) Ср. т. I, гл. XL.

[2]) См. томъ I, гдѣ вообще развиты эти мысли.

имѣть въ виду не столько ихъ убѣжденія, сколько интересы. Передъ началомъ реформаціоннаго движенія элементъ религіознаго убѣжденія въ смыслѣ историческаго фактора былъ вообще слабъ, совершалась секуляризація жизни индивидуума и государства, проявившаяся въ гуманистической морали и наукѣ и въ свѣтскомъ характерѣ теоретической и практической политики [1]), и въ общемъ духѣ такой эпохи была воспитана бо́льшая часть монарховъ первой половины XVI вѣка. Иное дѣло — вторая половина, эпоха, когда столкнулись между собою два фанатизма, фанатизмъ кальвинистовъ и фанатизмъ католической реакціи, и когда трудно было и отвлеченному мыслителю, и практическому дѣятелю соблюдать нейтралитетъ между Женевой и Римомъ, хотя и тогда политическіе интересы, даже у такихъ фанатиковъ, какъ Филиппъ II, король испанскій, не могли стушеваться передъ требованіями католической реакціи. Тѣмъ болѣе политическіе мотивы должны были быть сильны до наступленія эпохи крайняго фанатизма. Самъ Карлъ V, врагъ протестантизма, относился къ нему неприязненно болѣе съ политической, чѣмъ съ религіозной точки зрѣнія, дѣлая, — когда требовали обстоятельства, — уступки, собственною властью рѣшая религіозные вопросы [2]), находясь съ куріей въ антагонизмѣ, настаивая на вселенскомъ соборѣ, которому думалъ предписывать примирительную программу. И часть нѣмецкихъ князей была отвращена отъ реформаціи, съ одной стороны, боязнью государственныхъ смутъ, съ другой — уступками, какія ихъ власти сдѣлало папство, на что мы также уже указывали [3]).

Но то же, что случилось съ нѣмецкими князьями, могло повториться и съ другими государями. Такъ оно и было. Устраняя элементъ религіознаго убѣжденія, можно указать на королей, которымъ не зачѣмъ было стремиться къ реформаціи, тѣмъ болѣе, что и смутъ они боялись, и на такихъ, которые, наоборотъ, видѣли въ реформаціи ея выгодныя стороны и сами ее вводили.

Первое можно сказать о короляхъ французскомъ и польскомъ. Францискъ I (1515—1547) и Сигизмундъ I Старый (1506—1548), два современника, царствовавшіе въ первой половинѣ XVI вѣка, находились въ такомъ положеніи, что имъ не было надобности бросаться въ реформацію, такъ какъ отношенія ихъ къ папству были удовлетворительны. По болонскому конкордату съ Львомъ X (1516 г.) французскій король получилъ право замѣщенія всѣхъ высшихъ церковныхъ должностей въ государствѣ, что вполнѣ отдавало въ его руки мѣст-

---

[1]) См. также въ I т. соотвѣтственныя главы.

[2]) Аугсбургскій интеримъ, см. стр. 146 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 126 и слѣд.

ное духовенство, а самъ онъ уступалъ папѣ уничтоженные раньше доходы съ галликанской церкви, шедшіе въ папскую казну. Польскій король имѣлъ тѣ же права гораздо ранѣе и за болѣе дешевую цѣну, ибо Польшѣ удалось выхлопотать себѣ право не платить многихъ поборовъ въ Римъ, а немногіе спорные пункты были благополучно разрѣшены конкордатомъ съ Климентомъ VII (1525). Такимъ образомъ *оба государя были достаточно независимы отъ папы и имѣли обширную власть надъ національнымъ духовенствомъ. Съ другой стороны, оба видѣли въ реформаціи опасное движеніе, грозящее государственной смутой.* Францискъ I отнесся сначала къ реформаціи индифферентно, но въ 1525 г. папа Климентъ VII убѣдилъ его, что протестанты — бунтовщики противъ власти. Безпорядки, произведенные протестантами въ 1535 г., заставили его принять самыя крутыя мѣры [1]), а въ эдиктѣ 1543 г. реформаты названы „возмутителями и нарушителями общественнаго спокойствія, бунтовщиками противъ короля и правосудія, заговорщиками противъ государственнаго благоденствія, зависящаго по преимуществу отъ сохраненія чистоты католической религіи". Въ это время уже былъ принципъ: „un roi, une loi, une foi" (одинъ король, одинъ законъ, одна вѣра), и Францискъ I весьма естественно находилъ, что „всѣ эти секты служатъ не столько назиданію душъ, сколько потрясенію государствъ": примѣръ Германіи былъ передъ глазами. На ту же политическую точку зрѣнія еще ранѣе сталъ Сигизмундъ Старый, которому даже пришлось подавить силой возстаніе въ Данцигѣ, получившее реформаціонный характеръ. На нововѣріе онъ смотрѣлъ такими глазами: „перестали платить десятину духовенству, чего добраго — перестанутъ платить подати государству". Его эдикты противъ „лютеровой ереси" полны соображеніями подобнаго рода. Эдикты 1520 и 1522 г., запрещавшіе ввозъ сочиненій Лютера, указываютъ на ихъ опасность для существующаго порядка вещей и спокойствія государства (contra mores et instituta patrum.... ac in perturbationem communis status): „что останется въ жизни твердаго и прочнаго, коль скоро каждому будетъ дозволено по собственному разумѣнію и произволу судить и рядить о вещахъ божественныхъ и *даже* человѣческихъ" (tam de divinis, quam *etiam* humanis rebus)? Грозный эдиктъ 1523 г. противъ ввоза, распространенія и чтенія лютеровыхъ книгъ (угроза костромъ) говоритъ: все это ведетъ только къ смутѣ и происходитъ отъ неповиновенія власти, „которая должна охранять единство и спокойствіе у подданныхъ ей народовъ, а это возможно лишь при томъ условіи, если божескія и человѣческія учрежденія, утвержденныя долговременнымъ обычаемъ

[1]) См. выше, стр. 172.

и всеобщимъ одобреніемъ, будутъ охраняться и поддерживаться, мятежные же люди, желающіе быть умнѣе, чѣмъ нужно, — наказываться". Другой эдиктъ того же года указываетъ на то, что „послѣ нападенія на религію захотятъ все мутить, а это, какъ свидѣтельствуютъ многіе примѣры, приводитъ къ бунтамъ и къ гибели государствъ". Подавляя протестантизмъ въ собственныхъ владѣніяхъ, и Францискъ I, и Сигизмундъ I *помогали реформаціи внѣ своихъ государствъ.* Французскій король вступалъ въ союзъ съ нѣмецкими протестантскими князьями противъ Карла V, и не безъ французскихъ денегъ произошла реституція герцога вюртембергскаго, сопровождавшаяся введеніемъ лютеранства въ его княжествѣ [1]). Когда въ 1546 г. папа Павелъ III склонялъ Сигизмунда I къ вмѣшательству въ шмалькальденскую войну, король запретилъ своимъ подданнымъ принимать въ ней участіе на томъ основаніи, что онъ, король, связанъ одинаковыми узами съ обѣими враждующими сторонами, т.-е. съ католическимъ императоромъ и протестантскими князьями. Но самый замѣчательный фактъ въ исторіи отношеній Сигизмунда къ реформаціи — его согласіе на секуляризацію Пруссіи. Гросмейстеръ тевтонскаго ордена Альбрехтъ Бранденбургскій задумалъ, оставивъ духовное званіе, превратить страну въ свѣтское наслѣдственное герцогство въ ленной зависимости отъ Польши. Владѣнія ордена находились подъ властью папы, но Сигизмундъ не обратилъ вниманія на права церкви и на то, что Альбрехтъ былъ клятвопреступникъ, вѣроотступникъ и святотатецъ, — и торжественнымъ актомъ принятія присяги отъ новаго герцога, пріѣхавшаго лично въ Краковъ, санкціонировалъ превращеніе духовно-орденскаго владѣнія въ свѣтское герцогство Пруссію (1525 г.).

Секуляризація Пруссіи имѣетъ и другое значеніе: владѣнія тевтонскаго ордена были *первою страною внѣ тогдашней Германіи* (исключая Швейцарію), *гдѣ произведена была реформація,* не говоря уже о политической сторонѣ этого факта, которой здѣсь не мѣсто касаться [2]). Новый герцогъ утвердилъ прежнія права своихъ подданныхъ, а прусскій сеймъ призналъ краковскій договоръ, что было однимъ изъ первыхъ случаевъ участія сословно-представительнаго собранія въ реформаціи. Этимъ открывался доступъ лютеранству на побережье Балтійскаго моря, что дополнялось принятіемъ вскорѣ затѣмъ реформаціи въ Даніи и Швеціи, первыхъ не-нѣмецкихъ странъ, въ коихъ была введена новая (лютеранская) церковь.

---

[1]) См. выше, стр. 144.

[2]) Этимъ создана была Пруссія, позднѣе соединившаяся съ Бранденбургомъ. Впослѣдствіи по стопамъ Альбрехта Бранденбургскаго пошли гросмейстеръ Меченосцевъ Плеттенбергъ (въ Лифляндіи) и Кеттелеръ (въ Курляндіи).

Царствовавшіе въ это время короли датскій и шведскій находились въ положеніи иного рода, чѣмъ короли французскій и польскій: имъ прямо было выгодно ввести у себя реформацію. Въ 1397 году состоялось политическое объединеніе скандинавскихъ государствъ, извѣстное подъ названіемъ кальмарской уніи. Первенство въ союзѣ принадлежало Даніи, чѣмъ были недовольны шведы, и въ началѣ XVI вѣка унія распалась, когда датскій король Христіанъ II (1513—1523) возбудилъ противъ себя революцію сначала въ Швеціи, а потомъ и въ самой Даніи: оба государства раздѣлились, причемъ въ Швеціи королемъ сдѣлался вождь возстанія Густавъ Ваза (1523—1560), а въ Даніи — дядя Христіана II, герцогъ голштинскій и шлезвигскій Фридрихъ I (1523—1533).

Въ Даніи королевская власть ограничивалась капитуляціями (Handfeste), которыми опредѣлялись права королей. Во-первыхъ, государь не могъ предпринять ничего важнаго безъ согласія государственнаго совѣта; во-вторыхъ, подтверждались весьма обширныя права духовенства и дворянства. Уже Христіанъ II, вообще стремившійся къ усиленію своей власти и съ неудовольствіемъ поэтому смотрѣвшій на самостоятельность и могущество церкви въ Даніи, задумалъ воспользоваться реформаціей въ интересахъ королевской власти. Находясь въ родствѣ съ курфюрстомъ саксонскимъ и нашедши сочувствіе въ кружкѣ лицъ, ставшихъ на сторону Лютера, онъ отправилъ ректора одной копенгагенской школы въ Виттенбергъ, гдѣ тотъ долженъ былъ выбрать проповѣдника для Даніи, и скоро прибыли въ Копенгагенъ два нѣмца (Мартинъ Рейнгардтъ и Матвѣй Габлеръ), начавшіе сѣять въ Даніи сѣмена новаго ученія. Христіанъ II, кромѣ того, издалъ указъ, запрещавшій обращать вниманіе на папскую буллу противъ Лютера (1520), и пригласилъ къ себѣ Карльштадта, пріѣхавшаго вслѣдствіе этого (но на короткое время) въ Копенгагенъ. Такимъ образомъ Христіанъ II былъ однимъ изъ первыхъ монарховъ, понявшихъ, какія выгоды можетъ представлять реформація для усиленія королевской власти, но не ему пришлось довести это дѣло въ Даніи до конца. Своимъ стремленіемъ утвердить авторитетъ свой въ Швеціи, опираясь на соперничество между духовенствомъ и дворянствомъ въ этой странѣ, и особенно извѣстной „стокгольмской бойней“ 1520 г. (казнями знатнѣйшихъ лицъ изъ духовенства, дворянъ и горожанъ) онъ вызвалъ въ Швеціи цѣлую національную революцію, окончившуюся возведеніемъ на престолъ Густава Адольфа. Но и въ Даніи дворянство было противъ него возбуждено, равно какъ и духовенство его реформами, имѣвшими цѣлью ослабленіе ихъ привилегій, и онъ былъ лишенъ престола, переданнаго его дядѣ Фридриху. Шлезвигъ-голштинскій герцогъ, дѣлаясь королемъ Даніи (1523 г.), обязался въ своемъ „Handfeste“ не

допускать въ церквахъ лютеранскихъ проповѣдниковъ и подвергать подобныхъ лицъ наказанію, но въ сущности датское духовенство уже мечтало о созданіи датской національно-католической церкви на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, какія были у церкви галликанской. Дворянство, однако, не желало усиленія клира, а въ народѣ, благодаря сосѣдству и политической связи съ герцогствомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ, уже весьма популярными дѣлались лютеранскіе проповѣдники. Между тѣмъ король и не думалъ исполнять своего обѣщанія. „Сказать съ увѣренностью что-либо, говоритъ проф. Форстенъ, о религіозномъ настроеніи Фридриха I нельзя; мы знаемъ, что Фридрихъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ новому ученію, но трудно сказать, что именно въ этомъ ученіи, догматы или политическая сторона, обращали на себя его вниманіе“ [1]). Какъ бы тамъ ни было, уже въ 1526 г. король возбудилъ противъ себя неудовольствіе духовенства несоблюденіемъ постовъ и выдачею своей дочери замужъ за герцога прусскаго, только что перемѣнившаго вѣру и секуляризовавшаго владѣнія тевтонскаго ордена. На сеймѣ въ Одензе (1526—1527) король сдѣлалъ сначала слѣдующее предложеніе: требовать утвержденія въ духовномъ санѣ и пожалованія прелатурами не у папы, а у архіепископа Даніи и отчислять въ государственную казну деньги, высылавшіяся въ римскую курію. Дворянство къ этому прибавило требованіе не отдавать впредь земли подъ залогъ или въ пользованіе церквамъ и монастырямъ. Епископы, съ своей стороны, желали, чтобы имъ дано было право наказывать отступавшихъ отъ католическихъ догматовъ, но король отказалъ имъ въ этомъ, заявивъ, что „вѣра свободна“, что „король не можетъ заставить кого бы то ни было вѣрить такъ или иначе“, что „ему принадлежитъ власть надъ жизнью и имуществомъ, но не надъ душою: поэтому-то пусть каждый живетъ свободно и исповѣдуетъ религію, какую желаетъ“. Сеймъ издалъ формальный эдиктъ о терпимости лютеранства, а король началъ назначать на епископскія должности угодныхъ ему лицъ, дѣйствуя, какъ глава церкви, такъ какъ король же и утверждалъ епископа въ его санѣ. Въ 1529 г. протестантизмъ утвердился въ самой столицѣ. Король съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ партій, чтобы сдѣлаться господиномъ положенія, сталъ отдавать въ ленное владѣніе дворянамъ монастыри, изгоняя насильно монаховъ, но въ то же время не давалъ большой воли новымъ проповѣдникамъ, опасаясь соединявшагося съ реформаціей движенія въ низшихъ классахъ населенія, продолжавшихъ льнуть къ Христіану II. Такъ подготовлено было полное введеніе реформаціи въ Даніи, относящееся уже ко времени, наступившему послѣ смерти Фридриха I. Ка-

[1]) Г. Форстенъ. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ, стр. 306.

толики хотѣли возвести на престолъ старшаго сына короля (Іоанна) протестанты—младшаго, который послѣ борьбы сдѣлался королемъ подъ именемъ Христіана III (1534—1559): въ его царствованіе рядомъ мѣръ, не останавливавшихся передъ насиліемъ, и утвердилась реформація въ Даніи, гдѣ былое *могущество и владѣнія духовенства подѣлили между собою королевская власть и свѣтская аристократія.*

То же самое, въ одно и то же время и такимъ же образомъ въ общихъ чертахъ произошло и въ Швеціи. Къ началу XVI в. здѣсь власть была въ рукахъ дворянства и духовенства, коему принадлежало болѣе половины поземельной собственности. Густавъ Ваза былъ возведенъ на престолъ народнымъ движеніемъ, и дворянство только противъ собственной воли согласилось на его избраніе. У новаго короля не было никакихъ почти средствъ, а между тѣмъ расходы были велики. нужно было уплатить большой долгъ Любеку за помощь въ войнѣ, да и югъ Швеціи былъ еще въ рукахъ датчанъ: вотъ у Густава Вазы и явились тѣ же мысли, что и у Фридриха Датскаго. „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ уже цитированный историкъ, въ первое время практическія выгоды, обусловливаемыя реформаціей, плѣняли Густава гораздо болѣе, чѣмъ внутреннее содержаніе его ученія, и какъ постепенно образовался въ немъ ярый реформаторъ (какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи), прослѣдить трудно“ [1]), но нельзя думать, чтобы дѣйствовали на него одни денежные расчеты. Во всякомъ случаѣ въ основѣ его поведенія лежала государственная мысль—сокрушить политическую силу духовенства и обогатиться его имуществами, хотя бы и пришлось при этомъ подѣлиться ими съ свѣтской аристократіей, но и такъ еще, чтобы не возбудить противъ себя другихъ общественныхъ классовъ, особенно крестьянъ, на которыхъ онъ опирался въ началѣ своей политической карьеры. Лютеранство уже проникало въ Швецію, и среди шведовъ уже явились его проповѣдники, каковы были Олай и Лаврентій Петерсены и Лаврентій Андерсонъ (Andreae), коимъ Густавъ Ваза сталъ оказывать покровительство, хотя католики и обращали его вниманіе на то что, новое ученіе принимало демократическій характеръ: принадлежность извѣстныхъ имуществъ церкви не въ смыслѣ іерархіи, а въ смыслѣ общины вѣрующихъ (communio bonorum ecclesiae) могла быть понята въ смыслѣ раздѣла ихъ между членами общины (divisio bonorum inter membra ecclesiae). Тѣмъ не менѣе Густавъ, думавшій, конечно, не о такой секуляризаціи имуществъ духовенства, не только покровительствовалъ новой проповѣди, но и началъ помимо папы, одною собственною властью назначать на епископскія мѣста, поручилъ шведскимъ реформаторамъ сдѣлать переводъ Библіи, въ 1527 г. созвалъ знаменитый сеймъ въ Вестеросѣ,

[1]) Форстенъ, 311.

на который были призваны представители крестьянъ и горожанъ, и рѣшилъ поставить на этомъ сеймѣ вопросъ объ отношенiи между церковью и государствомъ, что называется, ребромъ.

На сеймѣ король потребовалъ увеличенiя своихъ средствъ и, встрѣтивъ несочувствiе, объявилъ, что отрекается отъ престола. Между сословiями начались распри, и дѣло кончилось тѣмъ, что онѣ убѣдили короля отказаться отъ своего намѣренiя въ столь затруднительную минуту, какую тогда переживала Швецiя, и согласились на всѣ угодныя ему нововведенiя, пожертвовавъ ему духовенствомъ. Сеймовый „рецессъ" состоялъ изъ четырехъ статей: въ первой предлагались мѣры къ усмиренiю возстанiй и открытiю заговоровъ общими силами всѣхъ сословiй; второю вмѣнялось епископамъ помогать королю деньгами и передать ему свои замки и крѣпости, отдавалось въ королевское распоряженiе все церковное имущество, какое остается за вознагражденiемъ духовныхъ лицъ, надъ монастырями ставился королевскiй чиновникъ, бравшiй въ казну излишекъ доходовъ съ ихъ имѣнiй и опредѣлявшiй число монашествующихъ лицъ; третьею дворяне вознаграждались за военныя издержки церковными и монастырскими ленами, отошедшими отъ нихъ къ духовенству и монашеству послѣ 1454 г.; четвертою рѣшено было не подымать болѣе вопроса о религiозныхъ спорахъ. Густавъ Ваза, подѣлившiйся съ дворянствомъ имуществами церкви, въ 1528 г. короновался, а сеймы 1545 и 1544 гг. сдѣлали его власть наслѣдственною. Сначала король довольствовался частью доходовъ съ церковныхъ земель, но потомъ онъ наложилъ на нихъ болѣе тяжелую руку, начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначать священниковъ помимо епископовъ, запретилъ послѣднимъ (1533 г.) производить какiя бы то ни было реформы въ церкви безъ его согласiя, ввелъ новую систему церковнаго устройства, учредивъ (1539 г.) должность королевскаго ординатора и суперинтендента надъ шведскою церковью съ правомъ назначать и смѣнять духовныхъ лицъ и ревизовать церковныя учрежденiя, не исключая епископствъ. (Должность епископовъ была сохранена, но власть ихъ была ограничена консисторiями; епископы остались и членами сейма). До реформацiи шведское духовенство (включая и финляндское) получало 170 т. марокъ, послѣ принятiя страной лютеранства—около 25 т., такъ что доходы его уменьшились въ семь разъ. Реформацiя вводилась въ Швецiи мирными средствами, и никто за вѣру казненъ не былъ; даже очень рѣдко подвергали удаленiю отъ должностей. Только тяжелые налоги возбудили народное неудовольствiе, коимъ воспользовались нѣкоторыя духовныя лица и дворяне, чтобы поднять мятежъ, но онъ былъ подавленъ, равно какъ и возстанiе далекарлiйскихъ крестьянъ, оказавшихъ сопротивленiе продажѣ церковныхъ колоколовъ. Такимъ образомъ и въ Швецiи *реформацiя была*

произведена королевскою властью, которая должна была, однако, подѣлиться частью церковныхъ имуществъ съ свѣтской аристократіей.

За примѣромъ Даніи и Швеціи послѣдовала Англія. Исторія реформаціи въ Англіи представляетъ особый интересъ. Во-первыхъ, въ Англіи образовалась особая протестантская церковь, чисто національно-государственная, извѣстная подъ названіемъ англиканской или епископальной, представляющая собою нѣчто среднее между католицизмомъ и евангелическими церквами, возникшими на континентѣ. Во-вторыхъ, церковь эта, возникшая по королевской волѣ и сохранившая въ полной силѣ епископатъ, получила монархическій и аристократическій характеръ, сдѣлавшись въ Англіи факторомъ усиленія королевской власти. Въ-третьихъ, рядомъ съ королевской реформаціей въ Англіи произошла реформація народная, результатомъ коей былъ пуританизмъ, бывшій мѣстною разновидностью кальвинизма и развившій изъ себя сектантство. Въ-третьихъ, между этими двумя реформаціями началась борьба, соединившаяся съ борьбою между королевскою властью и парламентомъ, такъ какъ пуритане въ политическомъ отношеніи явились защитниками принципа свободы и въ XVII в. выдѣлили даже республиканскую партію индепендентовъ. Наконецъ, секуляризація церковной собственности, произведенная въ Англіи, въ значительной степени содѣйствовала соціальному перевороту, который происходилъ въ странѣ съ конца среднихъ вѣковъ [1]). Здѣсь мы соотвѣтственно съ задачею этой главы ограничимся только исторіей возникновенія королевской реформаціи въ Англіи, замѣтивъ вообще, что лишь въ XVII в. достигаетъ въ этой странѣ наибольшей силы реформація народная. Планъ, размѣры настоящей книги не позволяютъ намъ вообще болѣе подробно остановиться на исторіи англійской реформація въ XVI в., которая была тогда болѣе дѣломъ правительства, нежели общественныхъ и народныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что въ виду особаго интереса англійской исторіи XVII вѣка, когда въ странѣ произошли политическія событія первостепенной важности, намъ придется заняться болѣе этимъ вѣкомъ.

Въ Англіи были весьма сильны національно-политическая оппозиція противъ Рима и соціальная оппозиція свѣтскихъ классовъ общества противъ духовенства [2]). На русскомъ языкѣ относящіеся сюда факты въ достаточномъ количествѣ собраны и надлежащимъ

---

[1]) См. т. I, гл. XVI и XVII.

[2]) Объ этомъ см. въ разныхъ мѣстахъ перваго тома, гдѣ, кромѣ того, прямое отношеніе къ исторіи Англіи передъ реформаціонной эпохой имѣютъ главы VII — IX (парламентъ), XVI (соціальный строй) и та часть главы XXXIX, въ коей рѣчь идетъ о Виклифѣ.

образомъ освѣщены въ книгѣ проф. В. А. Соколова „Реформація въ Англіи" (Генрихъ VIII и Эдуардъ VI), почти цѣлая треть коей [1]) посвящена подготовкѣ реформаціи до Генриха VIII. Существованіе этихъ причинъ необходимо имѣть въ виду, дабы англійская реформація не могла казаться только дѣломъ личнаго произвола деспотическаго короля,—произвола слишкомъ бросающагося въ глаза при поверхностномъ знакомствѣ съ фактами. Мы знаемъ, что въ числѣ причинъ реформаціоннаго движенія однѣ были свѣтскія (національныя, политическія и соціальныя), другія—религіозныя (моральныя и интеллектуальныя [2]): *настоящее религіозное движеніе въ Англіи началось гораздо позднѣе отторженія страны отъ римской церкви*, такъ что послѣдній фактъ имѣлъ подкладку болѣе политическую, чѣмъ религіозную. Благодаря усиленію королевской власти въ Англіи съ вступленіемъ на престолъ династіи Тюдоровъ (1485), въ политикѣ рѣшающій голосъ принадлежалъ королю, чѣмъ и объясняется *отпаденіе Англіи отъ Рима по волѣ короля при поддержкѣ послушнаго ему парламента*, бывшаго, кромѣ того, выразителемъ національно-политической оппозиціи Риму и соціальной оппозиціи духовенству. Генрихъ VIII (1509—1547) въ два разные періоды своего царствованія держалъ себя различнымъ образомъ по отношенію къ католической церкви: въ первый періодъ его отношеніе къ реформаціи было то же, что и у современныхъ ему французскаго и польскаго королей, съ большею только ревностью къ защитѣ католицизма, ибо, между прочимъ, онъ писалъ письма нѣмецкимъ князьямъ, убѣждая ихъ, что лютеранская ересь опасна не только для церкви, но и для государства, и у себя сдерживалъ парламентскую оппозицію противъ церкви, вытекавшую изъ побужденій мірского характера; наоборотъ, во второй періодъ онъ идетъ по стопамъ Фридриха Датскаго и Густава Шведскаго, да и нѣмецкихъ протестантскихъ князей, не только не сдерживая парламентъ, но и прямо пользуясь его настроеніемъ, чтобы утвердить надъ церковью въ Англіи свою власть, вмѣсто папской. Произошла такая перемѣна слѣдующимъ образомъ.

Генрихъ VIII при жизни своего старшаго брата Артура, на вдовѣ коего, Екатеринѣ Аррагонской, женился, готовился своимъ отцомъ къ духовному сану, чтобы стать современемъ архіепископомъ кентерберійскимъ, а потому учился теологіи, занятія коей не оставлялъ и впослѣдствіи, сдѣлавшись наслѣдникомъ престола и наконецъ королемъ. Въ 1521 г. онъ даже написалъ противъ Лютера

---

[1]) 162 страницы изъ 537. Кромѣ того, см. второй томъ „Исторіи англійскаго народа" Грина.

[2]) См. выше, стр. 3 и слѣд.

„Защиту семи таинствъ“ (Assertio septem sacramentorum), гдѣ между прочимъ доказывалъ божественное установленіе папской власти, за что Лютеръ обрушился на англійскаго короля съ неприличною бранью, вообще бывшей въ ходу въ то время въ качествѣ одного изъ полемическихъ пріемовъ, папа же Левъ X далъ королю-богослову титулъ „защитника вѣры“ (defensor fidei) и написалъ ему письмо, въ коемъ льстиво объявилъ, что его сочиненіе написано подъ наитіемъ Св. Духа. Генрихъ VIII сдѣлался отчаяннымъ врагомъ реформаціи, преслѣдуя всѣхъ, кто сколько-нибудь впадалъ въ ересь: въ Англіи былъ строгій законъ de haeretico comburendo, изданный еще въ эпоху подавленія движенія, вызваннаго Виклифомъ, и законъ этотъ строго примѣнялся еще въ началѣ царствованія Генриха VIII, когда имя Лютера было неизвѣстно: напр., въ одномъ 1511 г. и одномъ кентскомъ церковномъ округѣ было сожжено пять еретиковъ, а остальные, арестованные вмѣстѣ съ ними, спаслись отъ смерти раскаяніемъ. Впрочемъ, и впослѣдствіи, когда Англія отдѣлилась отъ католицизма, религіозныя преслѣдованія не прекращались—одинаково и противъ католиковъ, и противъ настоящихъ протестантовъ. Причина перемѣны въ отношеніи Генриха къ католицизму заключалась въ размолвкѣ этого своенравнаго и своевольнаго короля съ папой по поводу бракоразводнаго дѣла, затѣяннаго первымъ, но встрѣтившаго несочувственный пріемъ у другого. Извѣстно, что Генрихъ VIII, съ разрѣшенія папы Юлія II женившійся на вдовѣ своего брата, Екатеринѣ Аррагонской, теткѣ императора Карла V, захотѣлъ съ нею развестись, чтобы жениться на ея красивой фрейлинѣ Аннѣ Болейнъ, что папа Климентъ VII, не желая отмѣнить диспенса Юлія II и обидѣть императора, но въ то же время не желая вооружить противъ себя и короля Англіи, тянулъ дѣло цѣлые годы, и что это заставило Генриха для оказанія давленія на папу заручиться письменными мнѣніями разныхъ университетовъ въ свою пользу [1]). Оставалось послѣ этого еще одно средство добиться папскаго согласія — отправить въ Римъ адресъ отъ имени всей англійской націи, подписанный семидесятью духовными и свѣтскими лордами и одиннадцатью членами палаты общинъ, въ коемъ между прочимъ указывалось на необходимость второго брака короля, такъ какъ отъ перваго не было наслѣдника мужского пола (была только дочь Марія, впослѣдствіи королева),—и въ коемъ заключалась угроза въ случаѣ отказа рѣшить дѣло инымъ образомъ. Одновременно съ этимъ

---

[1]) Эта романическая и дипломатическая исторія разсказывается обыкновенно очень подробно при изложеніи исторіи англійской реформаціи. Изъ особыхъ сочиненій см. Friedmann, Anne Boleyn. — Н. А. Осокинъ. Процессъ Екатерины Аррагонской по новымъ документамъ.

(1530) конвокація (собраніе англійскаго духовенства) постановляетъ, что бракъ Генриха съ Екатериной незаконенъ, и что диспенсъ Юлія II не имѣетъ силы. Въ 1531 г. это дѣло передается парламенту съ мнѣніями заграничныхъ университетовъ и болѣе чѣмъ ста трактатами ученыхъ въ пользу развода и выставляется на видъ, что папа отказомъ своимъ вредитъ интересамъ англійской націи. Тогда Генрихъ VIII еще не предвидѣлъ, куда заведетъ его борьба съ папой: вызвавъ острую національно-политическую оппозицію противъ папства, онъ силою вещей былъ доведенъ до разрыва съ Римомъ. Король получилъ разводъ отъ конвокаціи и архіепископа кентерберійскаго (хотя папа отвѣтилъ на бракъ Генриха съ Анной отлученіемъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ Англія освободилась отъ гнета куріи, т.-е. раньше достигла того, благодаря личному дѣлу своего короля, чего достигла бы позднѣе, когда и въ ней къ старой національно-политической оппозиціи присоединился бы и протестъ религіозный. Отторженіе Англіи отъ Рима не сопровождалось какою-либо ясною идеей о реформѣ церкви: въ странѣ не нашлось человѣка, который могъ бы играть роль Лютера, Цвингли или Кальвина. Правда, были люди, помогавшіе Генриху VIII въ его церковной политикѣ, каковы Ѳома Кромвель и Кранмеръ, замѣнившіе для короля его прежняго фаворита кардинала Вольсея, одинъ въ качествѣ канцлера, другой — въ качествѣ архіепископа кентерберійскаго, но они лишены были творческой идеи и вмѣстѣ съ другими своими сторонниками не составляли кружка лицъ, который ясно сознавалъ бы цѣли и средства религіозной реформы, и самъ король сначала думалъ только ограничить папскую власть въ юридическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Первыя попытки въ этомъ отношеніи были сдѣланы въ 21 годъ (1529—1530) царствованія Генриха VIII, когда парламентскимъ статутомъ запрещено было духовнымъ лицамъ пріобрѣтать папскія диспенсаціи и лиценціи относительно соединенія нѣсколькихъ бенефицій въ однѣхъ рукахъ и жительства не на мѣстѣ своего служенія. Статутъ 23 года уничтожилъ аннаты и объявилъ, что въ случаѣ папскаго интердикта никто не смѣетъ приводить его въ исполненіе. Парламентъ 1532—33 г. заявилъ въ одномъ изъ своихъ статутовъ, что Англія — самостоятельное королевство, что король верховный ея глава въ дѣлахъ свѣтскихъ, и что для религіозныхъ дѣлъ ей достаточно собственнаго духовенства, а посему Риму нечего вмѣшиваться въ дѣла Англіи: кто сталъ бы обращаться въ Римъ и исполнять папскія приказанія, подлежалъ бы наказанію. Парламентъ 25 года постановилъ, что противящійся папѣ не долженъ считаться еретикомъ, отмѣнилъ всѣ аппелляціи къ папѣ и уничтожилъ всякое его вліяніе на назначеніе архіепископовъ и епископовъ въ Англіи. Такъ развивалось законодательство, ограничивав-

шее права папы, а рядомъ съ ними шли одно за другимъ ограниченія поборовъ куріи, причемъ дѣлались заявленія, что король и его подданные остаются вѣрными и смиренными чадами св. церкви. Наконецъ, въ исходѣ 1533 г. былъ поставленъ въ королевскомъ совѣтѣ вопросъ о самомъ папствѣ, который обсуждался здѣсь не съ догматической или канонической точки зрѣнія, а на основаніи соображеній политическаго свойства. Спрошенные (1534) по этому вопросу оксфордскій и кембриджскій университеты отвѣтили, что по св. писанію римскій епископъ въ Англіи не имѣетъ никакой особенной власти сравнительно съ другими иностранными епископами. Церковныя собранія кентерберійскаго и іоркскаго округовъ составили постановленія въ томъ же смыслѣ, и такія же заявленія сдѣлали отдѣльные епископы, капитулы, деканы, пріоры и т. п. Королевскія прокламаціи объявили это во всеобщее свѣдѣніе и для исполненія, а въ 1536 г. парламентомъ уже запрещалось подъ страхомъ наказанія защищать папскую юрисдикцію въ Англіи и постановлялось въ этомъ смыслѣ требованіе присяги отъ всѣхъ духовныхъ и отъ свѣтскихъ чиновниковъ. Вмѣсто молитвы за папу было введено прошеніе: „ab episcopi romani tyrannide libera nos, Domine!“ Съ другой стороны, уже въ 1531 г. Генрихъ VIII потребовалъ отъ духовенства, чтобы его признали „единственнымъ покровителемъ и верховнымъ главою (supremum caput) церкви и клира въ Англіи“. Конвокація кентерберійскаго округа была смущена и лишь послѣ долгихъ колебаній согласилась признать короля протекторомъ, господиномъ et quantum per Christi legem licet etiam supremum caput ipsius (т.-е. церкви). Съ этой оговоркой приняла новый королевскій титулъ и іоркская конвокація, заявивъ сначала, что въ свѣтскихъ дѣлахъ король и безъ того глава, въ духовныхъ же—главенство его противно католической церкви. Въ 1534 г. наконецъ парламентъ особымъ актомъ о верховенствѣ (act of supremacy) объявилъ, что король, а въ немъ и его преемники, есть единственный верховный на землѣ глава англиканской церкви и долженъ пользоваться вмѣстѣ съ своею короною и всѣми титулами, почестями, достоинствами, привилегіями, юрисдикціей и доходами, свойственными и принадлежащими верховному главѣ церкви, и что ему съ его наслѣдниками предоставляется право и власть производить время отъ времени визитаціи, реформировать, исправлять, укрощать и подавлять всѣ тѣ заблужденія, ереси, злоупотребленія и безпорядки, которые того требуютъ. Особымъ распоряженіемъ 1535 г. предписывалось въ каждый воскресный и праздничный день проповѣдовать народу и учить въ школахъ, что король есть глава церкви въ Англіи, и въ этомъ же смыслѣ статутомъ 1536 г. была установлена присяга духовенства и свѣтскихъ чиновниковъ. *Такимъ образомъ въ Англіи рефор-*

мація началась схизмою, ибо на первыхъ порахъ, кромѣ перемѣны главы церкви, все остальное—догматы, обряды, церковное устройство—продолжали быть католическими. Но передъ королемъ-богословомъ, признаннымъ главою церкви, теперь открывалась возможность самому реформировать религію и произвести секуляризацію монастырской собственности. *Переворотъ усиливалъ власть короля*, а услужливые богословы и св. писаніемъ, и твореніями св. отцовъ, и исторіей, и ссылками на законы доказывали, что верховенство въ англиканской церкви должно было принадлежать королю: такъ еп. герефордскій Фоксъ написалъ „De vera differentia regiae potestatis et ecclesiasticae“, Гардинеръ—„De vera obedientia“ и т. п.

Главные факты англійской политической и соціальной исторіи XVI в. будутъ отмѣчены въ связи съ исторіей великой борьбы, происходившей въ XVII в. между королевскою властью и парламентомъ, и тогда же будетъ выяснена политическая и соціальная сторона реформаціи въ Англіи, здѣсь же насъ должно интересовать только происхожденіе англиканской церкви.

Генрихъ VIII сдѣлался наслѣдникомъ папской власти въ Англіи. Эта власть была не только политическая, обладая многими правами, обозначавшимися общимъ понятіемъ юрисдикціи, но и религіозная: уже въ конвокаціяхъ тридцатыхъ годовъ высказывалось недоумѣніе по поводу притязанія короля сдѣлаться главою церкви, и духовенство соглашалось на это лишь съ оговорками, ограничивавшими это главенство дѣлами свѣтскими. Король шелъ, однако, далѣе, но вопросъ о томъ, какъ свѣтская власть можетъ распоряжаться въ чисто духовныхъ дѣлахъ и въ какихъ отношеніяхъ, будучи чуждою благодати священства, должна она стоять къ подчиненной ей іерархіи, надѣлалъ немало хлопотъ королевскимъ сторонникамъ, какъ только точнѣе нужно было опредѣлить церковное верховенство короля. Своимъ главенствомъ Генрихъ VIII хотѣлъ пользоваться весьма широко, и вотъ въ Англіи происходятъ, по волѣ короля и главы церкви, съ согласія послушнаго парламента, секуляризація монастырской собственности и церковная реформація. Первая *произвела цѣлый переворотъ въ поземельныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ Англіи*, но Генрихъ VIII не удержалъ всей конфискованной собственности въ своихъ рукахъ, раздавъ значительную ея часть новому дворянству, что создало на будущее время цѣлый классъ защитниковъ происшедшей въ Англіи церковной перемѣны. Главнымъ помощникомъ короля въ этомъ дѣлѣ былъ его канцлеръ и „генеральный викарій“ по церковнымъ дѣламъ, „молотъ монаховъ“, Ѳома Кромвель, человѣкъ деспотическаго нрава и сторонникъ Макіавелли въ политикѣ. Генрихъ VIII въ эту эпоху самъ, какъ извѣстно, обнаружилъ много произвола и жестокости, между прочимъ, казнивъ

новую свою жену Анну, вступивъ послѣ смерти третьей жены, леди Сеймуръ, въ бракъ съ Анной Клевской и разведясь съ нею, женившись потомъ на Екатеринѣ Говардъ и казнивъ ее, какъ и Анну Болейнъ (только шестая жена, Екатерина Парръ, пережила мужа). Деспотизмъ, соединенный съ религіознымъ терроромъ, проявился и въ реформаціи, произведенной Генрихомъ. Казнили всѣхъ, не хотѣвшихъ признать законность развода и второго брака или церковное верховенство короля. За непризнаніе противности св. писанію перваго брака короля былъ казненъ восьмидесятилѣтній епископъ рочестерскій Фишеръ (1535), а за нимъ Томасъ Морусъ [1]), отказавшійся принять королевскую супрематію; потомъ казнили и другихъ ослушниковъ короля. Когда Генрихъ VIII умиралъ, въ Англіи былъ настоящій церковный хаосъ, ибо новый глава церкви внесъ въ рѣшеніе вопросовъ вѣры свой личный капризъ. Разъ Англія отторглась отъ Рима на томъ основаніи, что св. писаніе имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ папа, нужно было примѣнить этотъ принципъ и къ другимъ сторонамъ церковной жизни. Архіепископъ Кранмеръ, сочувствовавшій лютеранству, хотѣлъ произвести въ англиканской церкви измѣненія въ этомъ духѣ, но ни король, ни высшее духовенство не обнаруживали къ тому склонности, и архіепископъ встрѣтилъ сопротивленіе въ конвокаціи. Самъ король-богословъ вмѣшался въ это дѣло, и въ его царствованіе издано было четыре распоряженія о томъ, во что должны вѣровать его подданные: это были десять статей 1536 г., „Наставленіе христіанина", или епископская книга того же года, шесть статей 1539 г. и „Необходимое ученіе и наставленіе христіанина", или королевская книга 1544 г., всѣ съ католической окраской, ибо, напр., шесть статей содержали въ себѣ: 1) ученіе о пресуществленіи, 2) о причащеніи подъ однимъ видомъ, 3) о безбрачіи духовенства, 4) объ обязательности обѣтовъ цѣломудрія, 5) о дѣйствительности частныхъ мессъ и 6) о необходимости тайной исповѣди. Около времени изданія этихъ статей, Генрихъ, по политическимъ соображеніямъ, вступилъ въ переговоры съ нѣмецкими протестантами, и въ Лондонъ въ 1538 и 1539 г. явилось изъ Германіи посольство, переговаривавшееся съ Кранмеромъ и другими теологами относительно общаго вѣроученія, но аугсбургское исповѣданіе не было принято. При всемъ своемъ тяготѣніи къ католическимъ догматамъ и обрядамъ Генрихъ VIII не былъ постояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ, и послушный парламентъ скрѣплялъ его измѣнчивыя постановленія: самъ король находился то подъ вліяніемъ противниковъ папства (Кромвеля, Кранмера), то, наоборотъ, подъ вліяніемъ тайныхъ папистовъ (еп. винчестерскаго Гардинера, кардинала Реджинальда

---

[1]) Томъ I, гл. XXXII.

Поля), сообразно съ чѣмъ мѣнялись его взгляды, и при такой политикѣ одинаково гибли и приверженцы старой церкви, и искренніе протестанты. Въ общемъ до паденія Кромвеля (казненнаго въ 1540 г.) королевская политика имѣла болѣе антикатолическій характеръ, но „статьи" 1539 г. уже особенно утверждали католическія понятія и учрежденія и даже монашескіе обѣты — послѣ уничтоженія монастырей. „Шесть статей" вводились съ такою жестокостью, что ихъ прозвали „кровавыми". Когда Генрихъ VIII умеръ (1547) англиканская церковь по вѣроученію была еще католической, чѣмъ отталкивала отъ себя протестантовъ, хотя и не признавала власти папы, что вооружало противъ нея искреннихъ католиковъ. Наслѣдовалъ Генриху VIII его сынъ (отъ Анны Сеймуръ) малолѣтній Эдуардъ VI (1547—1553), за котораго правилъ сначала лордъ протекторъ, дядя его Сомерсетъ, у котораго отнялъ власть герцогъ Нортумберландъ. Регенты эти, поставленные въ необходимость вмѣшиваться въ церковныя дѣла, обращались за совѣтами и содѣйствіемъ къ Кранмеру, болѣе не таившему своей склонности къ протестантизму, да и молодой король, обнаруживавшій хорошія способности и раннее умственное развитіе (онъ умеръ 16 лѣтъ), былъ на сторонѣ реформаціи, не желая, однако, какъ и Кранмеръ, никакихъ насилій. Въ его царствованіе и была устроена англиканская церковь, существующая съ легкими измѣненіями и доселѣ въ томъ видѣ, какой получила около 1550 года. Верховенство короля было сохранено, но „шесть статей" отмѣнены, а замѣнены новыми „статьями вѣры" (articles of faith, 1552), къ коимъ нужно еще прибавить утвержденный парламентомъ „общій служебникъ" (common prayer book). При Кранмерѣ догматическое ученіе англиканской церкви приближалось къ лютеранскому, и только при Елизаветѣ въ немъ сдѣланы были измѣненія въ кальвинистическомъ смыслѣ, но *общій характеръ англиканской церкви носитъ на себѣ слѣды компромисса между католицизмомъ и протестантизмомъ:* она сохранила епископатъ, семь таинствъ, пышный культъ, но въ то же время отвергла папство, истолковала въ протестантскомъ духѣ многіе вопросы вѣры и ввела народный языкъ въ богослуженіи. Утвержденіе этой правительственной реформаціи принадлежитъ царствованію королевы Елизаветы (дочери Анны Болейнъ) въ 1558—1603 гг., но передъ этимъ сдѣлана была попытка католической реакціи при ея сестрѣ Маріи (дочери Екатерины Аррагонской), которая царствовала отъ 1553 по 1558 г. [1]).

---

[1]) Герцогъ Нортумберландъ уговорилъ молодого короля назначить своей преемницей внуку младшей сестры Генриха VIII Іоанну Грей, бывшую замужемъ за его сыномъ, но Іоанна Грей была низвергнута Маріей.

Таковы были три (датская, шведская и англійская) монархическія реформаціи. Прежде нежели мы перейдемъ къ народнымъ реформаціямъ второй половины XVI в., упомянемъ, что среди польскихъ протестантовъ въ царствованіе Сигизмунда II Августа (1548—1572), когда реформаціонное движеніе въ Польшѣ достигло наибольшей силы, была въ ходу мысль—убѣдить этого короля послѣдовать примѣру Генриха VIII, и были моменты, когда эта мысль была довольно близка къ осуществленію, будь только Сигизмундъ Августъ другимъ человѣкомъ [1]).

XVIII. Народныя реформаціи второй половины XVI в. [2]).

Правительственныя и народныя реформаціи.—Національныя движенія.—Секуляризаціонныя стремленія и дворянство. — Распространеніе кальвинизма въ серединѣ XVI в.—Сравненіе разныхъ странъ, гдѣ во второй половинѣ XVI в. было реформаціонное движеніе. — Эпоха распространенія кальвинизма.— Общія замѣчанія о реформаціи въ Польшѣ, Франціи, Нидерландахъ.—Исторія шотландской реформаціи.—Марія Стюартъ и новая революція.

Въ Германіи, гдѣ народное религіозное движеніе предшествовало принятію новаго ученія князьями, реформаціей, шедшей снизу, воспользовались князья; въ Даніи, Швеціи и Англіи самая иниціатива реформаціи принадлежала государямъ, но при этомъ они опирались на извѣстные общественные элементы и на сословно-представительныя учрежденія, пользуясь или той оппозиціей, которая существовала въ націи противъ Рима, или тѣмъ антагонизмомъ, какой существовалъ у свѣтскихъ сословій, особенно у дворянства съ духовенствомъ. Государи были представителями политической оппозиціи противъ Рима, но кромѣ нея существовали еще оппозиція національная и соціальная: первая заключалась въ недовольствѣ цѣлыхъ націй Римомъ, вторая—въ недовольствѣ свѣтскаго общества духовенствомъ [3]). Этихъ факторовъ, какъ особенно показываетъ исторія Англіи, было совершенно достаточно, чтобы безъ религіозной реформы поставить цѣлые народы

---

[1]) См. мой „Очеркъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ“, стр. 106—111 и 113—121.

[2]) Для реформаціи въ Шотландіи, кромѣ общихъ сочиненій, см. Lorimer. Precursors of Knox.—M'Crie. Life of John Knox.—Brandes. John Knox.—Имѣющая романическій характеръ исторія Маріи Стюартъ вызвала цѣлую литературу, о коей см. замѣтку проф. В. П. Бузескула на стр. 132—133 втораго тома „Лекцій по всемірной исторіи“ Петрова. Монографія Минье о Маріи Стюартъ переведена по-русски; кромѣ того, по-русски есть о ней еще книжка Г. Е. Аѳанасьева.

[3]) Томъ I, гл. XXIV.

съ ихъ правителями въ новыя отношенія къ Риму, и на такихъ примѣрахъ, какъ отторженіе отъ католицизма Англіи и скандинавскихъ государствъ, лучше всего познаются тѣ свѣтскія причины, которыя въ XVI в. содѣйствовали религіозной реформаціи. Въ названныхъ странахъ преобразованія въ церкви послѣдовали за измѣненіями въ политическомъ положеніи церкви, и особенно въ посѣднемъ отношеніи важенъ примѣръ Англіи, гдѣ отторженіе отъ Рима прямо предшествовало реформѣ церкви королевскою властью, а эта реформа предшествовала чисто народной реформаціи. Но если безъ національнаго и общественнаго содѣйствія реформація была прямо немыслима, то понятно, что реформаціонныя движенія могли начаться и дѣйствительно начинались и снизу, увлекая за собою государственную власть или сталкиваясь съ нею, была ли она католическая или протестантская, если только народная реформація была отлична отъ правительственной. Послѣдній случай мы наблюдаемъ въ Германіи, гдѣ народная реформація, когда она получала сектантскій характеръ, подавлялась реформаціей правительственной, которая была лютеранскою. Такое же явленіе и притомъ въ болѣе развитой формѣ мы встрѣчаемъ въ Англіи, гдѣ столкнулись между собою королевскій англиканизмъ съ народнымъ пуританизмомъ. Особую категорію случаевъ мы наблюдаемъ, наконецъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ подданные (или часть подданныхъ) дѣлаются протестантами, а правительства остаются католическими, какъ это было въ нѣмецкихъ католическихъ княжествахъ, въ габсбургскихъ владѣніяхъ съ Чехіей и Венгріей, во Франціи и Польшѣ, въ Шотландіи и Нидерландахъ. Цѣлые народы и отдѣльныя сословія или другія части народовъ могли принимать участіе въ движеніи безъ своихъ правительствъ и даже вопреки ихъ волѣ.

Что было обще государямъ и народамъ и отдѣльнымъ сословіямъ, включая сюда и духовенство, въ исторіи реформаціоннаго періода, такъ это *національный принципъ, который сближалъ государей и ихъ подданныхъ, а иногда свѣтскихъ людей и духовныхъ лицъ* въ одномъ общемъ дѣлѣ. Національный характеръ реформаціоннаго движенія не подлежитъ сомнѣнію вообще, но особенно любопытно то, что духовенство въ эту эпоху само участвуетъ въ движеніи, помимо религіозныхъ мотивовъ, заставлявшихъ многихъ духовныхъ лицъ принимать новое ученіе. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны *факты, указывающіе на стремленіе католическаго духовенства къ національной независимости отъ Рима* на началахъ галликанской церкви [1]). Такое стремленіе мы замѣчаемъ, напр., въ Даніи, о чемъ было уже

[1]) Томъ I, глава XXXVIII.

сказано въ своемъ мѣстѣ [1]), а въ Польшѣ при Сигизмундѣ II Августѣ мысль о „костёлѣ народовомъ" была въ ходу высшихъ представителей клира съ примасомъ королевства, архіепископомъ гнѣзненскимъ Яковомъ Уханскимъ во главѣ, что возбуждало опасенія въ Римѣ, несмотря на то, что Яковъ Уханскій и другіе епископы были во враждѣ съ протестантами. Та сравнительная легкость, съ какою англійскій клиръ промѣнялъ папу, какъ главу церкви, на короля, свидѣтельствуя вообще о разложеніи католицизма въ этой странѣ, указываетъ между прочимъ и на то, что англійское духовенство было болѣе національнымъ, чѣмъ римскимъ. Вообще національный характеръ реформаціи явствуетъ еще изъ переводовъ библіи на народные языки [2]) и изъ введенія его въ богослуженіе.

Но однимъ изъ реформаціонныхъ факторовъ были еще нерасположеніе къ духовенству свѣтскихъ сословій и *секуляризаціонныя стремленія эпохи* [3]), *особенно сильныя, кромѣ тогдашнихъ правительствъ, у дворянства*. Предводитель рыцарскаго возстанія Францъ фонъ-Зиккингенъ думалъ наложить руку на церковныя владѣнія. Польская шляхта указывала на церковныя земли, какъ на фондъ, коимъ должно располагать государство, и, принимая протестантизмъ, сама производила въ малыхъ размѣрахъ секуляризацію въ своихъ имѣніяхъ, завладѣвая имуществомъ приходскихъ церквей и себѣ заставляя крестьянъ выплачивать десятину. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ дѣлали то же самое нѣмецкіе князья,—между прочимъ, по примѣру Альбрехта Бранденбурскаго, и духовные что вызвало извѣстный reservatum ecclesiasticum 1555 г. [4]),—но мы знаемъ, что нѣмецкіе князья дѣлились секуляризованными землями съ дворянствомъ [5]). Въ обоихъ скандинавскихъ государствахъ произошло то же самое [6]). Наконецъ и въ Англіи секуляризованная монастырская собственность не удержалась въ королевскихъ рукахъ, разошедшись по рукамъ новаго дворянства и создавъ цѣлый классъ собственниковъ, которые матеріально были заинтересованы поддерживать установленную королевскою властью церковь. Однимъ словомъ, въ той или другой формѣ *вездѣ, гдѣ государственная власть производила секуляризацію церковныхъ имѣній, она дѣлилась ими съ дворянствомъ*.

---

[1]) См. выше, стр. 195.

[2]) Къ указаннымъ раньше переводамъ прибавимъ англійскій, сдѣланный Тиндалемъ (1538).

[3]) Томъ I, глава. XVII,

[4]) См. выше, стр. 148.

[5]) См. выше, стр. 131.

См. выше, стр. 195 и 197.

Но объяснять реформацію однѣми національно-политическими и соціально-экономическими причинами, какъ мы знаемъ, нельзя: она все-таки прежде всего явленіе религіозное, и элементъ чувства и убѣжденія играетъ въ ней первенствующую роль. Какъ двадцатые и тридцатые годы XVI в. были эпохой религіознаго движенія подъ лютеранскимъ, цвингліанскимъ и анабаптисткимъ знаменемъ, такъ въ серединѣ XVI вѣка распространяется кальвинизмъ, выставившій энергичныхъ религіозныхъ бойцовъ и одушевившій массы непоколебимымъ фанатизмомъ, принявшимъ, какъ мы видѣли, и политическій характеръ. Въ двухъ странахъ, гдѣ государственная власть осталась строго католическою и преслѣдовала протестантовъ, именно *въ Шотландіи и Нидерландахъ, кальвинистическая реформація, отличавшаяся религіознымъ фанатизмомъ, сопровождалась политическими революціями и приняла общенародный характеръ.* Въ двухъ странахъ, наоборотъ, этой реформаціи не удалось сдѣлаться національной, *именно во Франціи и въ Польшѣ, гдѣ протестантизмъ получилъ болѣе сословный характеръ,* преимущественно дворянскій и отчасти городской, такъ какъ государственная власть [1]) и народная масса остались въ нихъ католическими, но въ одной, т.-е. во Франціи протестантизмъ отличался и бо́льшимъ религіознымъ фанатизмомъ, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ послѣдняго почти не было, какъ это выяснено проф. Любовичемъ въ его трудахъ по исторіи реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ [2]), и вмѣстѣ съ этимъ была та разница между французскимъ и польскимъ дворянствомъ что у перваго на главномъ планѣ стояла политическая оппозиція королю, тогда какъ у польской шляхты—соціальный антагонизмъ по отношенію къ духовенству, какъ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ выяснили труды польскихъ историковъ. Наконецъ, сильное религіозное движеніе, по существу кальвинистическое, но на демократической подкладкѣ произошло и въ Англіи, гдѣ ему особенно пришлось играть видную политическую роль. Я нарочно сопоставляю Шотландію съ Нидерландами и Францію съ Польшей: въ первыхъ двухъ странахъ одинаково побѣдила реформація (за исключеніемъ одной части Нидерландовъ, т.-е. Бельгіи), но эта побѣда была куплена цѣной гражданскихъ смутъ, причемъ въ обѣихъ странахъ произошли революціи, къ коимъ были приложены кальвинистическіе политическіе принципы [3]). Эти же принципы дѣйствовали и во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, имѣвшихъ также свою политическую сторону, что позволяетъ намъ сближать Францію съ Шотландіей, Нидерландами да и съ Ан-

---

[1]) См. выше, стр. 191 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 13.
[3]) См. выше, стр. 187—188.

глiей, поскольку вездѣ мы встрѣчаемъ фактъ борьбы подданныхъ и представительныхъ учрежденій (въ Англіи въ XVII в.) съ королями, но въ томъ отношеніи Францiя и Польша могутъ быть поставлены рядомъ, что въ обоихъ государствахъ короли и народная масса остаются католическими, въ обоихъ протестантизмъ (кальвинизмъ, а въ Польшѣ, кромѣ того, исповѣданіе чешскихъ братьевъ, лютеранство—въ городахъ, и антитринитаризмъ), принимается главнымъ образомъ частью дворянъ и горожанъ, играетъ роль лишь нѣкоторое время, но потомъ сходитъ со сцены, съ тѣмъ лишь различіемъ, что котолическая реакція во Франціи никогда не была такъ сильна, какъ въ Польшѣ, хотя въ обѣихъ странахъ въ XVII в. у протестантовъ были отняты права,—и съ тѣмъ еще различіемъ, что изъ реформаціонной эпохи Франція вышла съ сильною королевскою властью, а Польша — шляхетскою республикой съ разслабленнымъ правительствомъ [1].

Гранью между двумя эпохами — королевской и народной — въ исторіи реформаціи внѣ Германіи и Швейцаріи можетъ служить тотъ самый 1555 г., который имѣетъ столь важное значеніе (аугсбургскій религіозный миръ) въ исторіи нѣмецкой реформаціи, также получившей монархическій характеръ: къ этому времени протестантизмъ утвердился въ Даніи и Швеціи и выяснился къ концу царствованія Эдуарда VI характеръ англиканской церкви. Съ другой стороны, около того же времени кальвинизмъ дѣлаетъ громадные успѣхи въ Польшѣ, Франціи и Шотландіи и со вступленіемъ на престолъ Филиппа II начинается новая эпоха въ исторіи Нидерландовъ. Для того, чтобы убѣдиться въ правѣ смотрѣть на *вторую половину пятидесятыхъ годовъ XVI в., какъ на эпоху сильнаго распространенія кальвинизма*, сопоставимъ даты и факты.

Въ Польшѣ настоящее реформаціонное движеніе среди шляхты началось только около 1550 года, и лишь въ пятидесятыхъ годахъ на сеймахъ организуется протестантская партія, но долгое время шляхта колеблется, къ какому исповѣданію ей примкнуть, не сочувствуя лютеранизму, какъ исповѣданію нѣмецкому и, кромѣ того, за его монархическій характеръ, и мало, сравнительно, симпатизируя болѣе демократическому ученію братьевъ чешскихъ (гуситовъ), нашедшихъ, однако, все-таки послѣдователей. *Кальвинизмъ пришелся какъ нельзя болѣе къ стремленіямъ польской шляхты:* его аристократическо-республиканскій характеръ и допущеніе имъ свѣтскаго элемента въ видѣ старѣйшинъ (сеніоровъ) къ церковному управленію снискали ему особенное расположеніе шляхты, которая въ это время господствовала на сеймахъ и, подчи-

---

[1]) См. мой „Историческій очеркъ польскаго сейма“.

нивъ себѣ крестьянъ и горожанъ, стремилась не только сокрушить мощь клира, но и вполнѣ подчинить себѣ приходскихъ священниковъ. Кальвинъ еще въ самомъ началѣ царствованія Сигизмунда Августа (коему онъ посвятилъ въ 1549 г. толкованіе на посланіе къ евреямъ) обратилъ вниманіе на Польшу, вступивъ въ переписку съ выдающимися въ ней лицами, между коими въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ была даже мысль пригласить въ Польшу самого Кальвина. На польскихъ протестантскихъ съѣздахъ этого времени все еще было однако вопросомъ, какое исповѣданіе принять. Въ качествѣ устроителя церкви въ Польшу давно уже (съ 1552 г.) звали поляка-кальвиниста Яна Ласкаго, одного изъ замѣтныхъ на Западѣ реформаторовъ, жившаго долго за границей: онъ былъ устроителемъ реформаціи въ Фрисландіи, помогалъ Кранмеру въ Лондонѣ, гдѣ былъ одно время предстоятелемъ протестантской общины иностранцевъ, и хлопоталъ въ Германіи объ уніи между лютеранствомъ и реформатствомъ; его звали къ себѣ Густавъ Ваза и Альбрехтъ Прусскій, и къ послѣднему онъ лишь потому не поѣхалъ, что тотъ не согласился на его требованія — независимости церкви отъ государства и уничтоженія нѣкоторыхъ лютеранскихъ обрядовъ. Въ 1554 г. Ласкій обратился къ польскому королю, сенату и шляхтѣ съ приглашеніемъ произвести реформацію и вскорѣ затѣмъ самъ явился въ Польшу, гдѣ и сдѣлался (1556—1560 г.) организаторомъ кальвинистической церкви („гельветическаго исповѣданія"); но вскорѣ послѣ его смерти среди польскихъ кальвинистовъ начался антитринитарскій расколъ, да кальвинизму и не удалось вытѣснить ни лютеранства (въ городахъ), ни ученія чешскихъ братьевъ. *Принятіе кальвинизма частью польской шляхты произошло такимъ образомъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ*, когда на сеймахъ шла ожесточенная борьба между духовенствомъ и шляхтою изъ-за церковныхъ судовъ, каноническаго („иноземнаго") права, десятинъ и т. п., коимъ шляхта не хотѣла подчиняться. Но присущей кальвинизму религіозной ревности не было въ Польшѣ: здѣсь не безъ вліянія со стороны итальянскаго гуманизма развился религіозный раціонализмъ, выразившійся въ антитринитарскомъ сектантствѣ, которое само, не по примѣру анабаптизма, имѣло аристократическій оттѣнокъ, не будучи связано съ стремленіемъ къ общественному переустройству.

Та же вторая половина пятидесятыхъ годовъ была временемъ значительнаго усиленія кальвинизма и во Франціи. Въ 1555 г. здѣсь существовала едва ли не одна только правильно организованная протестантская община, а въ 1559 г. ихъ было около двухъ тысячъ и впервые собрался въ Парижѣ (тайный) синодъ „гугенотовъ", какъ стали называть во Франціи послѣдователей кальвинизма [1]). Это

[1]) Ср. выше, стр. 169.

былъ годъ смерти Генриха II, послѣ чего королевская власть перешла къ его сыновьямъ Франциску II (1559—1560 г.) и Карлу IX (1560—1574 г.), а за молодостью одного и несовершеннолѣтіемъ другого — къ временщикамъ и опекунамъ: къ этому времени готовы были элементы для образованія протестантской партіи, къ которой примкнули принцы крови (Бурбоны), дворяне и горожане, недовольные усиленіемъ королевской власти (что въ русской литературѣ разъяснено въ трудахъ проф. И. В. Лучицкаго „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи“ и „Католическая лига и кальвинисты во Франціи)“. Благодаря связи религіи съ политикой, здѣсь нашли ходъ и дальнѣйшее развитіе—политическія идеи Кальвина.

Нѣсколько позднѣе, именно во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ произошелъ взрывъ народной реформаціи и вмѣстѣ съ нимъ политическая революція въ Нидерландахъ, гдѣ религіозныя и политическія идеи кальвинизма равнымъ образомъ играли весьма большую роль, но уже около того времени, когда Карлъ V передалъ власть Филиппу II (1555 г.), число послѣдователей реформаціи въ Нидерландахъ было такъ велико, что однихъ выселившихся нововѣровъ было около десяти тысячъ.

Такъ какъ къ исторіи религіозно-политическихъ движеній во Франціи и Нидерландахъ мы еще должны будемъ возвратиться, то здѣсь мы разсмотримъ лишь *кальвинистическую реформацію въ Шотландіи, начало коей также относится къ 1555—1559 годамъ* и которая имѣетъ весьма тѣсную связь съ утвержденіемъ реформаціи и въ Англіи въ обѣихъ ея формахъ—англиканской и пуританской.

Королевская власть въ Шотландіи въ средніе вѣка была очень слаба: съ одной стороны, феодальная аристократія отличалась здѣсь особымъ духомъ независимости, съ другой—чувствомъ свободы проникнутъ былъ и простой народъ. Династія Стюартовъ, царствовавшая въ Шотландіи, была въ постоянной борьбѣ съ подданными, возстававшими противъ своихъ королей, которые, стремясь возвысить собственную власть, равнымъ образомъ готовы были не останавливаться ни передъ какими средствами. *Шотландскія революціи реформаціоннаго періода были лишь продолженіемъ тѣхъ возстаній*, какія и раньше бывали въ странѣ, но съ распространеніемъ въ ней кальвинизма борьба шотландцевъ съ королевскою властью получила религіозный характеръ войны избраннаго народа Божія съ идолопоклонническими государями и сопровождалась усвоеніемъ съ континента кальвинистическихъ политическихъ идей.

Когда умеръ въ 1542 г. король Іаковъ V, у него была только едва лишь появившаяся на свѣтъ дочь Марія, и регентшей сдѣлалась ея мать Марія изъ извѣстной французской фамиліи Гизовъ. Маленькая Марія Стюартъ воспитывалась во Франціи, гдѣ вышла замужъ за

дофина, впослѣдствіи (1559—1560) короля, Франциска II, но овдовѣвъ въ концѣ 1560 г., лѣтомъ слѣдующаго года она прибыла въ свое королевство совсѣмъ еще молодой женщиной, не достигшей двадцатилѣтняго возраста, когда въ Шотландіи уже совершился протестантскій переворотъ. Еще при жизни ея отца изъ Германіи и Англіи стало проникать реформаціонное ученіе къ шотландцамъ, но его послѣдователей начали тогда же преслѣдовать и казнить, такъ что оставаться въ Шотландіи представляло для нихъ большую опасность: въ числѣ бѣжавшихъ были историкъ и поэтъ Джорджъ Бьюкананъ (Buchanan) и профессоръ богословія Джонъ Ноксъ (Knox). Между тѣмъ въ регентство Маріи Гизъ въ Шотландіи происходили смуты и была война съ Англіей, заставлявшая правительство призывать къ себѣ на помощь французское войско, коимъ послѣ отраженія англійскаго нашествія оно пользовалось уже въ иныхъ цѣляхъ. По политическимъ соображеніямъ королева-мать, однако, перестала стѣснять протестантовъ, и даже многіе англійскіе протестанты въ эпоху реакціи, происшедшей въ Англіи при Маріи Тюдоръ (1553—1558), нашли пріютъ въ Шотландіи. Въ это-то время и выступилъ на сцену организаторъ кальвинистическаго движенія въ странѣ, Джонъ Ноксъ. Во время одной схватки въ Шотландіи онъ попалъ въ плѣнъ къ французскому отряду, и французское правительство продержало его полгора года на каторгѣ въ оковахъ (на галерахъ), но потомъ онъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ Кранмеръ далъ ему должность священника. Воцареніе Маріи Тюдоръ заставило его переселиться въ Женеву, гдѣ онъ сошелся съ Кальвиномъ и усвоилъ его церковныя воззрѣнія: въ Ноксѣ былъ весьма силенъ демократизмъ, а Кальвинъ, хотя и сторонникъ аристократіи, проповѣдовалъ самоуправленіе церковныхъ общинъ, члены коихъ равны между собою, да и большая послѣдовательность религіозной системы Кальвина привлекала Нокса на свою сторону, такъ что кальвинизмъ въ сравненіи съ англиканскою церковью гораздо болѣе соотвѣтствовалъ его стремленіямъ и воззрѣніямъ, такъ какъ онъ отличался тою же послѣдовательностью, какая характеризуетъ Кальвина, и подобно ему относился съ нѣкоторою даже враждебностью къ эстетической сторонѣ религіи, сохранившейся въ англиканскомъ богослуженіи. Ноксъ—вообще одна изъ крупныхъ личностей протестантизма. Это была натура, родственная Кальвину, фанатическая, строгая въ моральномъ отношеніи, въ основѣ своей честолюбивая, но соединявшая послѣднее свое свойство съ теократическимъ рвеніемъ ветхозавѣтнаго пророка и съ любовью къ свободѣ, отличавшей шотландскую націю. Неограниченная власть гдѣ бы то ни было—въ церкви ли, въ государствѣ ли, все равно—была противна всему существу Нокса, и онъ думалъ, что если государи и высшіе классы не хотятъ

исполнять священной своей обязанности — уничтожить суевѣріе и идолослуженіе, то обязанность эта переходитъ къ общинѣ. Право общины опредѣлять религіозный культъ по собственному воззрѣнію онъ устанавливалъ не тереотически только. Въ 1554 г. его пригласили въ проповѣдники общины англійскихъ протестантовъ въ Франкфуртѣ, сблизившейся съ кальвинистами, но новые эмигранты были недовольны этимъ, и Ноксъ опять уѣхалъ въ Женеву съ многими послѣдователями, утверждавшими, что каждая община по своему можетъ устраивать свое богослуженіе. Пріѣхавъ въ 1555 г. въ Шотландію, онъ нашелъ уже немало послѣдователей реформаціи среди дворянъ и въ народѣ и самъ сталъ проповѣдовать новое ученіе, а главное— организовать его послѣдователей для общей церковной жизни и для борьбы, придавъ созданной имъ церкви характеръ самой ожесточенной ненависти къ римскому „идолослуженію", самаго ревностнаго исполненія воли Божіей, самаго энергичнаго протеста противъ безнравственности двора и клира, которую онъ обличалъ съ силою ветхозавѣтнаго пророка. Потомъ онъ опять уѣхалъ въ Женеву, откуда письмами продолжалъ руководить своими единовѣрцами. Въ концѣ 1557 г. нѣсколько протестантскихъ вельможъ (въ ихъ числѣ побочный братъ королевы, впослѣдствіи графъ Муррей) заключили „ковенантъ", обязавшись отречься „отъ сонмища Антихриста съ мерзостнымъ суевѣріемъ его и идолослуженіемъ", дабы установить евангельскую общину Іисуса Христа, причемъ у нихъ съ религіознымъ мотивомъ соединялся и политическій — недовольство регентшей, которая посредствомъ брака своей дочери съ французскимъ дофиномъ хотѣла какъ-бы слить Шотландію и Францію воедино и, слѣдуя французской политикѣ, начала опять притѣснять протестантовъ, изъ коихъ одинъ былъ даже сожженъ. Къ ковенанту стали присоединяться массы, и тогда „лорды конгрегаціи", какъ назывались инціаторы движенія, представили правительницѣ и парламенту петиціи, въ коихъ требовали возстановленія „божественной формы первоначальной церкви", богослуженія на родномъ языкѣ по англиканскому „общему служебнику", и права приходамъ выбирать священниковъ, дворянству епархій — епископовъ. Парламентъ на это не согласился, регентша же, хлопотавшая по смерти Маріи Тюдоръ о возведеніи своей дочери Маріи Стюартъ, происходившей по женской линіи отъ Генриха VII, на англійскій престолъ, вмѣсто Елизаветы, которую папа объявилъ незаконнорожденною, соединилась съ сторонниками католической реакціи на континентѣ для подавленія „ереси" и въ Шотландіи: тогда протестанты обратились за помощью къ новой англійской королевѣ, Елизаветѣ. Все это было въ 1559 г. Ноксъ снова возвратился въ Шотландію. Началась бурная народная реформація съ иконоборческимъ характе-

ромъ, съ разрушеніемъ монастырей и аббатствъ, началась и война „Христовой конгрегаціи" съ шотландскими и французскими солдатами регентши, война, въ которую вмѣшалась Франція, чтобы, овладѣвъ Шотландіей, идти на Англію и низвергнуть тамъ Елизавету въ пользу Маріи Шотландской, сдѣлавшейся въ томъ же самомъ году и королевой французской, но это заставило англійскую королеву оказать помощь ковенантерамъ, къ коимъ присоединились и нѣкоторые шотландскіе католики, боясь господства французовъ. „Лорды и общины шотландской церкви" рѣшились тогда отнять власть у регентши, и Ноксъ составилъ мемуаръ, въ коемъ доказывалъ цитатами изъ ветхаго завѣта, что низлагать идолопоклонническихъ правителей—дѣло, угодное Господу. Было организовано вмѣстѣ съ тѣмъ временное правительство, однимъ изъ членовъ котораго сдѣлался Ноксъ (1559). Въ слѣдующемъ, однако, году (1560) враждующія партіи при уступчивости, обнаруженной со стороны Франціи, и при вмѣшательствѣ Англіи примирились: по эдинбургскому договору французскія войска были выведены изъ Шотландіи, и въ отсутствіе королевы, остававшейся еще во Франціи, собравшійся безъ нея парламентъ (или вѣрнѣе конвентъ), въ коемъ по личному праву могъ засѣдать каждый дворянинъ,—состоя въ громадномъ большинствѣ изъ реформатовъ, ввелъ въ Шотландіи кальвинизмъ и произвелъ секуляризацію церковной собственности, которую, однако, не отдалъ на содержаніе духовенства, школъ и благотворительныхъ заведеній, а распредѣлилъ большею частью между дворянствомъ. Марія отказалась утвердить это рѣшеніе, и ея дяди Гизы, управлявшіе Франціей при Францискѣ II, уже думали о насильственномъ подавленіи происшедшаго въ Шотландіи переворота, но смерть Франциска II отняла у нихъ власть. Такимъ образомъ въ Шотландіи введена была пресвитеріанская церковь, управлявшаяся пресвитеріями [1]), причемъ, однако, священники были лишены матеріальной обезпеченности, благодаря жадности, съ какою дворянство расхитило церковную и монастырскую собственность. Въ шотландскомъ кальвинизмѣ возродился суровый характеръ и ригористическая дисциплина женевской школы.

Разсказъ о Маріи Стюартъ и ея трагической судьбѣ не входитъ въ планъ нашего изложенія, и мы упоминаемъ о ней, чтобы, напомнивъ извѣстные факты ея исторіи, указать на новую революцію въ Шотландіи. Католичка и въ сущности по воспитанію своему француженка, Марія попала въ невозможное положеніе, пріѣхавъ на родину вскорѣ послѣ совершенія переворота. Ноксъ и другіе дѣятели реформаціи не только обличали ея „идолослуженіе" и молились въ церквахъ о ея освобожденіи изъ „плѣна Сатаны", но и мѣшали ей

---

[1]) Ср. выше, стр. 180.

пользоваться католическимъ богослуженіемъ. Вышедши въ 1565 г. замужъ за лорда Дарнлея и родивъ отъ него сына Іакова, она разошлась съ мужемъ, и скоро онъ погибъ во время взрыва дома, въ коемъ жилъ, послѣ чего она вышла замужъ за лорда Ботвеля, котораго прямо обвиняли въ убійствѣ Дарнлея. Произошло новое возстаніе, результатомъ коего было низложеніе Маріи Стюартъ и возведеніе на престолъ ея малолѣтняго сына Іакова VI. Сама Марія должна была бѣжать въ Англію (1568), къ своей соперницѣ Елизаветѣ, которая задержала ее въ плѣну. Въ этомъ возстаніи политическія страсти соединились съ религіозными: пока правила Марія, строгіе законы противъ католиковъ не исполнялись, и Ноксъ даже жаловался на увеличеніе идолослуженія; въ переворотѣ 1567 г. онъ принялъ дѣятельное участіе; регентъ Муррей (братъ королевы) созвалъ парламентъ, коимъ законно утверждалось въ Шотландіи—бывшее прежде только фактическимъ—господство пресвитеріанской церкви и возобновлялись законы противъ католиковъ; воспитаніе маленькаго короля было отдано горячему кальвинисту Бьюканану, страстному противнику идолопоклоннической Маріи Стюартъ, оставившему послѣ себя шотландскую исторію (Rerum scoticarum historiam) и важное политическое сочиненіе въ кальвинистическомъ духѣ, о которомъ сказано будетъ послѣ, когда рѣчь будетъ идти о тогдашней политической литературѣ.

Кальвинизмъ проникъ и въ Англію, гдѣ его послѣдователи, гонимые свѣтскою властью и оффиціальною церковью, получили названіе пуританъ, такъ какъ „очищали“ свою церковь отъ остатковъ католицизма, сохранившихся въ англиканизмѣ.

XIX. Столкновеніе двухъ реформацій въ Англіи [1]).

Особенность исторіи реформаціи въ Англіи и ея важность.—Католическая реакція въ Англіи при Маріи Тюдоръ. — Значеніе этой реакціи.—Раздѣленіе англичанъ на сторонниковъ установленной церкви и на пуританъ.—Воспитаніе Елизаветы и ея отношеніе къ религіи. — Причины утвержденія англиканизма въ Англіи. — Англиканская церковь. — Общій ея характеръ и причины пуританской оппозиціи.—Индивидуализмъ и государственность въ реформаціи.—Преслѣдованія нонконформистовъ при Елизаветѣ. — Пуритане и броунисты. — Противоположность англиканизма и индепендентства.

На общемъ фонѣ религіозной реформаціи XVI в. ея исторія въ отдѣльныхъ странахъ имѣетъ свои особенности, и нерѣдко эти осо-

---

[1]) Для эпохи Елизаветы Англійской см. В. Соколовъ. Елизавета Тюдоръ.—Philippson. Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Hein-

бенности получаютъ рѣзко индивидуальный характеръ. Реформація сверху, принимавшая монархическій характеръ, и реформація снизу, получавшая характеръ оппозиціи противъ королевской власти, представляютъ изъ себя явленія, повторяющіяся въ исторіи разныхъ странъ, но въ одной только Англіи мы наблюдаемъ своеобразное явленіе возникновенія двухъ отдѣльныхъ одна отъ другой реформацій, изъ коихъ ни одной не удается одолѣть другую, и борьба которыхъ играетъ важную роль какъ въ религіозной, такъ и въ политической исторіи страны. Королевскія реформаціи первой половины XVI в. вмѣстѣ съ княжескими реформаціями въ Германіи въ политическомъ отношеніи усиливали монархическую власть, т.-е. дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и другіе историческіе факторы, благодаря которымъ происходило почти повсемѣстное усиленіе въ западной Европѣ государственной власти. Иное мы видимъ въ кальвинистическомъ движеніи второй половины XVI вѣка, которое и въ Шотландіи, и во Франціи, и въ Нидерландахъ соединилось съ борьбою сословій противъ начинавшаго развиваться абсолютизма. Въ Англіи какъ-разъ наблюдается совмѣстное существованіе этихъ двухъ направленій: въ первой половинѣ вѣка, въ одно время съ реформаціей въ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Даніи, въ Швеціи, совершается королевская реформація съ рѣзко выраженнымъ характеромъ правительственнаго происхожденія, когда въ народѣ не было еще настоящаго религіознаго движенія, и результатомъ ея является англиканизмъ; за то во второй половинѣ вѣка, когда кальвинизмъ дѣлалъ свои успѣхи въ странахъ, сосѣднихъ съ Англіей, въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, выступая при этомъ на путь политической оппозиціи, и Англію не миновало его вліяніе, результатомъ чего было появленіе въ этой странѣ пуританизма. Подобно тому, какъ въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ во второй половинѣ XVI вѣка столкнулись между собою, съ одной стороны, католическія правительства, съ другой, реформированные подданные, такъ и въ Англіи произошло столкновеніе между двумя реформаціями, между реформаціей правительственной и реформаціей народной, столкновеніе, получившее, однако, особенно острый и притомъ прямо политическій характеръ лишь въ XVII вѣкѣ. *Въ этомъ возникновеніи двухъ реформацій въ Англіи и въ долговременной ихъ борьбѣ и заключается особенность ея исторіи*, придающая послѣдней своеобразный характеръ. Оставляя пока въ сторонѣ политическую сторону вопроса, мы разсмотримъ, какъ утвердился въ Англіи англиканизмъ, какъ возникло пуританское дви-

---

rich IV.—Wright. Elizabeth and her times.—Wiesener. La jeunesse d'Elisabeth d'Angleterre.—Beesly Edw. Spencer. Queen Elisabeth.—Сочиненія по исторіи пуританизма и индепендентства будутъ названы при указаніи на литературу по исторіи англійской революціи.

женіе и въ какія отношенія стали эти двѣ вѣроисповѣдныя формы, именно какъ религіозныя системы, такъ какъ все это характерно не только для исторіи Англіи, но и для другихъ странъ, поскольку мы наблюдаемъ здѣсь отношеніе государственной церкви къ иновѣрію и обратное отношеніе иновѣрія къ государственной церкви.

Окончательное торжество церкви, основанной въ Англіи при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI, относится къ царствованію Елизаветы, т.-е. ко второй половинѣ реформаціоннаго вѣка (1558—1603), но передъ ея вступленіемъ на престолъ этой церкви пришлось выдержать серьезное испытаніе при королевѣ Маріи Католической, царствовавшей, правда, недолго, всего пять лѣтъ (1553 — 1558), но успѣвшей начать реставрацію католицизма, которая даже дала королевѣ прозваніе Кровавой за ту жестокость, какую проявила тогдашняя католическая реакція противъ протестантовъ. Дочь Екатерины Аррагонской видѣла въ протестантизмѣ не только ересь, но и враждебную силу, надѣлавшую много зла и ея матери, и ей самой, а Англія, страдавшая отъ религіознаго террора ея отца, не успѣла еще привыкнуть къ церкви ея брата, оставаясь еще почти католическою, что для плановъ королевы было только благопріятно. Марія воспользовалась своимъ титуломъ „главы церкви“, чтобы, опираясь на дававшееся имъ верховенство, возстановить католицизмъ, и дѣйствительно приступила къ его реставраціи, начавъ замѣнять епископовъ, назначенныхъ Кранмеромъ, католиками и пустивъ въ ходъ другія подобныя мѣры. Выборы въ парламентъ, и безъ того довольно благопріятные королевѣ, совершались подъ давленіемъ правительства; оппозиціонные кандидаты были устранены тѣмъ, что ихъ предавали суду, а изъ верхней палаты были удалены тѣ епископы, которые отличались преданностью реформаціи. Билль, объявлявшій бракъ Генриха VIII съ Екатериной Аррагонской за законный, былъ принятъ парламентомъ безъ сопротивленія. Затѣмъ сильное католическое большинство приняло предложеніе уничтожить церковныя преобразованія, введенныя Кранмеромъ при Эдуардѣ VI, какъ-то причащеніе подъ обоими видами, дозволеніе священникамъ жениться, богослуженіе по новому служебнику, устраненіе иконъ и мощей, какъ предметовъ поклоненія, и конвокація прославляла за это новую „Деввору“ и „Юдиѳь“. Съ другой стороны, своимъ бракомъ (1554) съ сыномъ Карла V, Филиппомъ, Марія тѣснѣе сближалась съ католиками на континентѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы въ качествѣ главы церкви назначила коммиссію изъ католиковъ для искорененія ереси, уничтоженія всѣхъ нововведеній, какія были сдѣланы по смерти ея отца, возстановленія стараго культа и отнятія должностей у женатыхъ священниковъ; коммиссія эта до истеченія года со дня смерти Эдуарда успѣла сдѣлать свое дѣло. Затѣмъ послѣ

переговоровъ съ папой, котораго убѣждали не настаивать на возвращеніи конфискованныхъ церковныхъ имуществъ, Марія провела въ парламентѣ и другое дѣло: папская власть надъ Англіей была возстановлена, но при этомъ владѣльцамъ бывшихъ монастырскихъ имѣній было гарантировано спокойное ими обладаніе, безъ чего парламентъ, какъ это было ясно самой королевѣ, не согласился бы признать папскую власть, потому что въ парламентѣ было много лицъ, попользовавшихся при секуляризаціи, и они боялись, что возстановленіе папской юрисдикціи повлечетъ за собою и возвращеніе монастырямъ ихъ имѣній. Такъ какъ затѣмъ были возстановлены старые законы противъ еретиковъ, то началась репрессія протестантизма и посредствомъ казней, но въ Англіи уже было много искреннихъ протестантовъ, которые или упорно отказывались отречься отъ своей вѣры, или бѣжали на континентъ, въ Германію и въ Швейцарію, и основывали тамъ свои общины, въ то время, какъ въ самой Англіи сжигали одного „еретика“ за другимъ, розъискивали виновныхъ въ ереси и держали массу шпіоновъ, помогавшихъ церковнымъ судамъ. Среди погибшихъ были Роджерсъ, сотрудникъ Тиндаля по переводу Библіи, Кранмеръ и другіе дѣятели предыдущаго періода. Твердость мучениковъ за вѣру производила впечатлѣніе на народъ, а эмигранты съ континента наводняли Англію летучими листками, въ коихъ королева предавалась проклятію, какъ новая „Іезавель“; самымъ безпощаднымъ изъ такихъ памфлетовъ былъ написанный въ Женевѣ Ноксомъ „Трубный гласъ противъ чудовищнаго правленія женщины“: эти произведенія читались въ народѣ, сѣя въ немъ первыя сѣмена будущаго пуританизма. Маріи уже противопоставляли ея сестру, дочь Генриха VIII отъ Анны Болейнъ, Елизавету, такъ что фанатики совѣтовали королевѣ казнить ее, какъ еретичку, для чего за поводомъ дѣло не остановилось бы, ибо имя Елизаветы часто повторялось при открытіи заговоровъ противъ Маріи. Не одно возобновленіе религіознаго террора Генриха VIII было причиной народнаго неудовольствія: когда королева только объявила о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ съ Филиппомъ, многіе стали опасаться уничтоженія въ Англіи ея внутренней свободы, ея парламента, даже внѣшней ея независимости по отношенію къ Испанской монархіи, и еще до бракосочетанія своего съ Филиппомъ Марія должна была подавить разныя возстанія, что повлекло за собою нѣсколько казней. Далѣе, въ концѣ 1555 г. королева настояла въ парламентѣ на томъ, чтобы (какъ того требовалъ и папа Павелъ IV) была возвращена церкви хоть та часть церковныхъ имуществъ, которая оставалась еще за короной, но состоявшееся въ этомъ смыслѣ незначительнымъ большинствомъ голосовъ постановленіе парламента поселило тревогу въ владѣльцахъ секуляризованной монастырской собственности. Наконецъ, внѣшняя поли-

тика Маріи, бывшая вполнѣ испанской по защищавшимся ею интересамъ, лишила Англію въ войнѣ съ Франціей Кале, коимъ первая владѣла съ временъ столѣтней войны. Не встрѣтивъ поддержки въ парламентѣ, правительство стало налагать произвольныя подати, а когда ихъ кто-либо отказывался платить и судъ становился на сторону сопротивлявшагося, правительство нападало на независимыхъ судей.

Реакція при Маріи Кровавой показала, какъ въ сущности было непрочно церковное зданіе, выстроенное ея отцомъ и братомъ: въ короткое время и съ согласія парламента всѣ новшества были отмѣнены, и католицизмъ былъ возстановленъ съ строгими законами противъ еретиковъ. Но въ націи были элементы, которые не мирились съ этой реставраціей: то были владѣльцы секуляризованной собственности и протестанты, одни бывшіе сторонниками англиканизма, поскольку онъ представлялъ извѣстныя выгоды, другіе—послѣдователями зарождавшагося пуританизма, убѣжденными въ идолопоклонствѣ католической церкви. Съ другой стороны, *эта реакція, связавъ дѣло католицизма съ внутреннею тираннiей и ненаціональною внѣшней политикой, отвратила англичанъ отъ католицизма*, и преемницѣ Маріи было легко произвести реставрацію англиканизма, удовлетворявшаго своимъ національнымъ характеромъ и нѣкоторыми выгодными своими сторонами однихъ людей, тогда какъ, наоборотъ, другіе не могли примириться ни съ королевскою властью въ дѣлахъ вѣры, ни съ остатками римскихъ „суевѣрій" и „идолослуженія", сохранившимися въ англиканской церкви, заботясь не столько объ удобствахъ и выгодахъ, сколько о религіозной истинѣ, и, быть можетъ, раздѣленіе англійской націи во второй половинѣ XVI в. на сторонниковъ установленной церкви и на пуританъ есть одна изъ лучшихъ иллюстрацій того, что въ дѣлѣ принятія реформы одними руководили болѣе или менѣе стороннія внутреннему существу религіи соображенія, другими—исканіе религіозной истины, хотя стороннія соображенія должны были бы отвращать отъ такого исканія. Англиканская церковь, при созданіи коей Генрихомъ VIII и Эдуардомъ VI, равно какъ и при ея реставраціи Елизаветой, не дѣйствовалъ никакой самостоятельный религіозный принципъ, а дѣйствовали мотивы нерелигіознаго свойства, что и отразилось на характерѣ компромисса между католицизмомъ и протестантизмомъ, отличающемъ англиканизмъ,—эта церковь при извѣстныхъ условіяхъ могла сдѣлаться національной, т.-е. найти поддержку въ народѣ, утвердиться въ его жизни, какъ церковь государственная, но она не была достаточно реформированной, чтобы удовлетворить настоящихъ протестантовъ, не была проникнута настолько, какъ кальвинизмъ, внутреннею религіозностью, чтобы дѣйствовать на умъ и чувство отдѣльнаго человѣка,—словомъ, она была создана болѣе для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей государства, чѣмъ для

удовлетворенія духовныхъ запросовъ индивидуума. Государственныя соображенія принимались въ расчетъ и при организаціи другихъ протестантскихъ церквей и, нужно замѣтить, сильно принимались въ расчетъ, разъ реформація вводилась законною или революціонною государственною властью, но нигдѣ такъ мало не дѣйствовалъ факторъ религіознаго убѣжденія и чувства, какъ при учрежденіи и возобновленіи англиканской церкви. Между тѣмъ Англія, какъ мы сказали, тоже была задѣта религіознымъ движеніемъ вѣка, и конечно, для всѣхъ, кого въ Англіи не удовлетворялъ болѣе католицизмъ, предстояло выбирать между англиканизмомъ и пуританизмомъ, между церковью, въ основаніе коей были положены извѣстные интерессы, удобства, выгоды, заднія мысли, и церковью которая съ необыкновенною послѣдовательностью развивала въ своемъ ученіи и осуществляла въ своемъ устройствѣ слово Божіе, какъ его понимали реформаторы XVI вѣка. Уже при Генрихѣ VIII обнаруживалось различіе между королевской реформаціей и тѣми стремленіями, которыя заставляли отдѣльныхъ лицъ дѣлаться протестантами, но, собственно говоря, противоположность между реформаціей, произведенной въ интересахъ государства, и реформаціей, имѣвшей свое происхожденіе въ религіозныхъ потребностяхъ индивидуума, обнаружилась вполнѣ при Елизаветѣ, когда, какъ было сказано, *съ одной стороны, утвердился англиканизмъ, окончательно принявъ характеръ государственной церкви, а съ другой, распространился пуританизмъ, отвѣчавшій на запросы индивидуальнаго религіознаго сознанія.*

При Маріи Тюдоръ на Елизавету протестанты смотрѣли, какъ на свою единовѣрку, католики—какъ на самую зловредную еретичку, и положеніе ея при сестрѣ было не только трудное, но и весьма опасное, хотя по желанію Маріи Елизавета отреклась отъ протестантизма, посѣщала католическую мессу и держала себя въ высшей степени осторожно по отношенію къ возникшей противъ Маріи оппозиціи, возлагавшей на нее всѣ свои надежды, какъ на наслѣдницу бездѣтной сестры и даже возможную ея замѣстительницу еще при ея жизни: принцессу послѣ открытія одного заговора подвергали даже допросу и посадили въ Тоуэръ, причемъ у Маріи требовали казни еретички сторонники католической реакціи, поддерживаемые въ этомъ отношеніи совѣтами Карла V. Глава католиковъ, канцлеръ-епископъ Гардинеръ говорилъ, что сѣкиру нужно положить къ самому корню дерева ереси, такъ какъ безполезно только обрывать ея листья и обрубать вѣтви. Между прочимъ у Елизаветы нашелся защитникъ въ лицѣ лицѣ мужа Маріи, который не желалъ, чтобы вслѣдствіе бездѣтности его жены послѣ ея смерти престолъ достался шотландской королевѣ Маріи Стюартъ, такъ какъ это обозначало бы переходъ Ан-

гліи подъ французское вліяніе: Филиппъ, самъ сдѣлавшійся во время царствованія своей жены испанскимъ королемъ, подумывалъ даже о бракѣ съ Елизаветой въ случаѣ кончины Маріи, и его вмѣшательству Елизавета была обязана тѣмъ, что была возвращена ко двору изъ Вудстокскаго замка, куда ее перевели изъ государственной тюрьмы; но и послѣ этого, живя главнымъ образомъ въ уединеніи Гетфильдскаго замка, принцесса находилась подъ сильнымъ надзоромъ, постоянно подозрѣваемая и постоянно сама опасавшаяся за свою судьбу при той ненависти, какую къ ней питала католическая партія, окружавшая ея сестру. Въ годы царствованія Маріи Елизавета, получившая, какъ извѣстно, блестящее классическое образованіе, читавшая, переводившая и даже комментировавшая греческихъ и латинскихъ авторовъ, познакомившаяся съ св. писаніемъ (съ Новымъ Завѣтомъ въ подлинникѣ), съ отцами церкви и сочиненіемъ Меланхтона „Loci communes theologici", прошла еще суровую жизненную школу, пріобрѣла сдержанность, расчетливость въ поступкахъ, умѣніе притворяться и со всѣми, съ кѣмъ было нужно, ладить. Таково было ея отношеніе и къ религіозному вопросу, отношеніе, въ коемъ на первомъ планѣ стояли политическія соображенія, а не убѣжденіе въ томъ, что или протестантизмъ—ересь, или католицизмъ—суевѣріе и идолослуженіе. Получивъ протестантское воспитаніе и тѣмъ возбудивъ большія надежды въ англійскихъ протестантахъ, которые послѣ ея воцаренія стали возвращаться на родину изъ Франкфурта, Цюриха и Женевы, гдѣ они спасались отъ реакціи, бывшей въ царствованіе ея сестры, Елизавета, прикидывалась ревностною католичкою, когда на престолѣ была ея сестра, и даже высказывала неудовольствіе по поводу того, что ея обращенію плохо вѣрили, а передъ смертью Маріи даже успокоивала ее относительно будущаго католической церкви въ Англіи. Повидимому, она оставалась вѣрною ей и по своемъ вступленіи на престолъ, даже короновалась съ соблюденіемъ католическаго ритуала, да и впослѣдствіи возбуждала неудовольствіе протестантовъ своею, какъ имъ казалось, приверженностью къ католицизму: когда въ Англіи была возстановлена церковь ея брата и съ собственнаго же согласія королевы алтари при богослуженіи были замѣнены простыми столами, въ придворной церкви была сохранена вся католическая обстановка; кромѣ того, королева оставалась всегда противницей женатаго клира. Въ сущности Елизавета не была въ душѣ ни католичкою, ни протестанткою и не хотѣла видѣть въ Англіи ни папизма, ни пуританизма. Это не значило, что у нея не было никакой религіи: она оставалась христіанкою, но въ глубинѣ души своей не придавала большого значенія вѣроисповѣднымъ отличіямъ, не понимала ни фанатизма религіозныхъ преслѣдователей, ни фана-

тизма гонимыхъ за вѣру, и даже мечтала—въ эпоху страшной католической реакціи на континентѣ—объ образованіи международнаго невѣроисповѣднаго союза, который долженъ былъ бы отказаться отъ вмѣшательства въ дѣла вѣры. Въ этомъ отношеніи королева, изъ протестантки сдѣлавшаяся католичкой, а изъ католички опять протестанткой, довольно хорошо характеризовала и *религіозное настроеніе большинства англійской націи, безпрекословно подчинявшагося перемѣнамъ, какія были производимы въ теченіи тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVI в. ея королями и королевами.* Сравнительно съ Шотландіей и государствами континента, „веселая Англія" королевы Бетси была мало задѣта религіознымъ движеніемъ; въ ея культурѣ чувствовался болѣе духъ Возрожденія, чѣмъ духъ реформаціи, и о величайшемъ писателѣ Елизаветина вѣка въ Англіи, Шекспирѣ, трудно рѣшить, кѣмъ онъ былъ въ глубинѣ души—католикомъ или протестантомъ [1]). При такомъ настроеніи королевы и большинства націи религіозный вопросъ долженъ былъ рѣшаться на основаніи соображеній, постороннихъ религіи, взятой самой въ себѣ. Такъ оно и вышло, и *церковь Эдуарда VI, бывшая результатомъ компромисса между католическими и протестантскими тенденціями и соображеній политическаго свойства, какъ нельзя болѣе, годилась для того, чтобы сдѣлаться учрежденіемъ государственнымъ и національнымъ.*

Съ строго-католической точки зрѣнія Елизавета не была законнорожденной, такъ что при ея вступленіи на престолъ съ стороны папы сдѣланъ былъ протестъ. Католическіе епископы не хотѣли ее короновать, и лишь одного изъ нихъ убѣдили совершить надъ нею обрядъ. Еще раньше, на похоронахъ Маріи, епископъ винчестерскій сказалъ въ своей надгробной рѣчи, что покойная королева оставила наслѣдницу, которой нужно повиноваться, ибо „живая собака все-таки предпочтительнѣе мертваго льва". Шотландская королева и жена французскаго дофина Марія Стюартъ предъявила притязаніе на англійскій престолъ, какъ правнука Генриха VII, и къ своимъ титуламъ присоединила титулъ королевы Англіи и Ирландіи. Внутри страны образовались католическіе заговоры. Однимъ словомъ, католическая реакція на континентѣ была противъ Елизаветы, и противъ нея была партія англійскихъ католиковъ. Политическій расчетъ заставилъ Елизавету стать на сторону протестантизма, но, не будучи католичкою, она не была сторонницей и пуританскаго духа и чувствовала склонность къ богослужебной эстетикѣ, къ иконамъ, къ разукрашеннымъ алтарямъ, къ торжественнымъ обрядамъ и процессіямъ, къ церковной музыкѣ, равно какъ и къ нѣкоторымъ католическимъ догматамъ, да и

[1]) Ср. томъ I, гл. XXXIV.

сама она не разъ увѣряла католическихъ посланниковъ, что она вѣруетъ совершенно такъ же, какъ ихъ государи. Будучи въ дѣйствительности довольно религіозною, Елизавета, съ одной стороны, вообще не была исключительной, относясь къ вѣроисповѣднымъ различіямъ съ извѣстною широтою взгляда, но съ другой стороны, несомнѣнно, шла на сдѣлки съ своею совѣстью, на компромиссы съ политическими обстоятельствами.

Давъ во время коронаціи (1559) клятву охранять католическую церковь, Елизавета не исполнила этой клятвы, если только не разумѣла подъ этимъ именемъ церковь англиканскую, которая тоже именовалась католическою. Въ первый же парламентъ, собранный при ней, правительствомъ внесено было предложеніе возстановить англиканскую церковь. Лорды и общины объявили королеву рожденною отъ законнаго брака и возвратили коронѣ всѣ права, которыя Марія уступила папѣ и іерархіи, но Елизавета отказалась отъ титула „глава церкви", какъ отъ титула іерархическаго, но замѣнивъ его равносильнымъ титуломъ„ верховной правительницы церковныхъ и свѣтскихъ дѣлъ". Для завѣдованія первыми установилась верховная коммиссія, лишавшаяся однако, права объявлять ересью ученіе, не противорѣчащее св. писанію и первымъ четыремъ вселенскимъ соборамъ. Лица, занимавшія церковныя и гражданскія должности, должны были присягать на вѣрность новому закону. Католическое богослуженіе замѣнялось англиканскимъ по исправленному Всеобщему служебнику (Common prayer book). Католическіе епископы стояли за сохраненіе папской власти и римскаго культа, но сама королева заявила имъ, что она и домъ ея („я и домъ мой) будутъ служить Господу" (Іис. Нав., XXIV, 15), а не папѣ. Большинство епископовъ отказало въ присягѣ, королева у пятнадцати изъ нихъ отняла должности, нѣкоторыхъ отдала подъ надзоръ и даже подвергла тюремному заключенію, какъ поступила она и съ другими лицами (напр., профессорами университетовъ и прелатами), отказавшимися признать ея суприматію. Затѣмъ назначены были королевой новые епископы, секуляризованы монастыри, возстановленные при Маріи, и введены 42 „статьи вѣры", утвержденные парламентомъ при Эдуардѣ VI, пока въ новую сессію парламента не было внесено исправленной и принятой конвокаціей редакціи этихъ статей (39 статей), которая и была утверждена парламентомъ съ объявленіемъ, что отступленіе отъ нихъ есть ересь и должно подвергаться наказанію.

Англиканская церковь вообще сохраняла названіе католической (вселенской) въ томъ смыслѣ, что видимыя національныя церкви суть части невидимой церкви, вселенской. Каждая національная церковь имѣетъ видимаго главу въ лицѣ государя, но невидимый

глава церкви вселенской есть Христосъ: папа узурпировалъ права государей и присвоилъ себѣ божественное достояніе. Благодаря соединенію церкви и государства подъ однимъ главенствомъ, государство дѣлается христіанскимъ, и всѣ подданные должны принадлежать къ этому единенію, противящіеся же этому, какъ больные члены тѣла, отсѣкаются. Національная церковь свята, ибо имѣетъ божественное происхожденіе чрезъ преемство епископовъ, какъ правителей церкви, отъ апостоловъ, получившихъ отъ Христа Духъ Святой, переданный ими посредствомъ рукоположенія епископамъ: послѣдніе имѣютъ поэтому сообщаемыя Св. Духомъ силыи благодати и передаютъ ихъ священникамъ и мірянамъ. Въ ученіи объ епископскомъ преемствѣ и благодатномъ характерѣ іерархіи англиканская церковь стоитъ ближе къ католицизму и существенно отличается отъ лютеранства и реформатства. Соединивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ученіи о таинствахъ католическій взглядъ на спасающую силу церкви (но безъ исключительной въ этомъ отношеніи силы таинствъ) съ протестантскимъ догматомъ объ оправданіи вѣрою, и здѣсь англиканизмъ занялъ среднее положеніе.—Далѣе, въ этой церкви рѣшенія духовныхъ соборовъ (конвокацій) могли получать силу только по утвержденіи ихъ парламентомъ (т.-е. королемъ, лордами и общинами), въ коемъ епископы сохранили свои мѣста среди лордовъ, но не въ качествѣ духовныхъ сановниковъ, а какъ распорядители имѣній, коими были дотированы ихъ каѳедры. Формально епископа выбиралъ капитулъ, но на основаніи королевской грамоты, въ коей прописывалось имя кандидата. Высшее духовенство было подчинено королевской власти, низшее—высшему, церковный судъ—королю и тайному совѣту. За общиной никакихъ правъ не признавалось въ назначеніи священниковъ. „39 статей“ были составлены въ протестантскомъ духѣ, „служебникъ“ —скорѣе въ католическомъ, такъ какъ культъ былъ въ большинствѣ случаевъ лишь передѣлкою католической мессы и другихъ службъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ характеръ англиканской церкви. Разсматривая ее, нужно имѣть въ виду слѣдующія ея особенности, объясняющія намъ, почему противъ нея должна была возникнуть пуританская оппозиція.

Во-первыхъ, какъ не разъ было уже говорено, *англиканская церковь была результатомъ компромисса между католицизмомъ и протестантизмомъ*, взявъ многое изъ послѣдняго, но сохранивъ католическія понятія видимаго главы церкви (съ перенесеніемъ церковнаго главенства на свѣтскаго государя), облагодатствованной іерархіи въ лицѣ епископовъ и т. п., равно какъ многія подробности культа. Въ этихъ отношеніяхъ англиканская церковь была совершенною противоположностью кальвинизму вообще, какъ господствовавшему тогда

виду реформаціи, а въ частности утвердившейся въ сосѣдней съ Англіею Шотландіи церкви пресвитеріанской: одна была церковь монархически аристократическая, другая—республиканско-демократическая, признавая самоуправленіе религіозной общины и отвергая епископатъ. Англиканскій культъ въ сравненіи съ шотландскимъ былъ тоже мало очищенъ отъ католическихъ примѣсей.

Во-вторыхъ, народное реформаціонное движеніе въ Англіи принимало индивидуалистическій характеръ, что и выразилось съ наибольшею силою въ индепендентствѣ XVII в., которое зародилось, однако, во второй половинѣ царствованія Елизаветы, а между тѣмъ *англиканизмъ во имя своего чисто государственнаго характера требовалъ единообразія церковной жизни въ странѣ*. „39 статей“ сдѣлались обязательнымъ символомъ вѣры; культъ долженъ былъ происходить по установленному служебнику, получившему даже названіе „книги общей молитвы“ (Common prayer book); особымъ „актомъ объ единообразіи“ (act of uniformity) требовалась внѣшняя „сообразность“ (conformity) всѣхъ съ установленными порядками, хотя мнѣніямъ и представлялась свобода, не могшая быть дѣйствительною, разъ напр., религіозное мнѣніе католика или пуританина именно въ томъ и состояло, что „сообразоваться“ съ англиканизмомъ противно волѣ Божіей и голосу совѣсти. Характерно, что всѣ, не желавшіе признать того, что требовалось этимъ актомъ, были названы „нонконформистами“.

Въ-третьихъ, *англиканская церковь вводилась не только королевскою властью, но и парламентомъ*, который еще при Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI и Маріи Католической санкціонировалъ религіозныя перемѣны, тогда какъ среди англійскихъ протестантовъ уже зарождалось направленіе, признававшее право на церковное самоуправленіе не за цѣлою страною, а за отдѣльными общинами [1]).

Впрочемъ, во всѣхъ почти этихъ отношеніяхъ англиканская церковь мало чѣмъ отличалась отъ другихъ протестантскихъ церквей: если не de jure, то de facto главами мѣстныхъ церквей были и лютеранскіе государи, духовенство же въ нихъ, какъ и въ Англіи получало бюрократическій характеръ; проводя реформу, и они опирались на сеймы, а въ реформатскихъ городовыхъ республикахъ и въ Шотландіи протестантизмъ то же вводился совѣтами и парламентомъ; наконецъ, аналогію съ актомъ единообразія представляютъ собою всѣ вообще вводившіяся князьями, королями, сеймами, городскими совѣтами религіозныя новшества. Другими словами, *была ли реформація королевской или народной, монархической или республиканской, она принимала государственный характеръ и тре-*

---

[1]) См. выше, стр. 214.

бовала себѣ подчиненія отъ индивидуума. Въ Англіи, благодаря особенному происхожденію ея новой церкви, эта общая черта реформаціи выразилась только рельефнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ что англиканская церковь можетъ служить *образцомъ реформаціи, въ которой первая роль принадлежала государству.* Но реформація имѣла свой первый источникъ въ потребностяхъ индивидуальнаго духа, и въ этомъ смыслѣ *государственному протестантизму какого бы то ни было происхожденія мы имѣемъ право противополагать протестантизмъ индивидуальный,* представителемъ коего былъ еще Лютеръ, прежде чѣмъ сдѣлался организаторомъ государственныхъ церквей въ германскихъ княжествахъ, и который проявился съ наибольшею силою въ анабаптизмѣ первой половины XVI в.[1]). *Подавленіе анабаптистскаго индивидуализма государственнымъ протестантизмомъ было въ сущности тѣмъ же, чѣмъ сдѣлалось позднѣе подавленіе пуританизма англиканизмомъ.* Исторія англійской двойной реформаціи тѣмъ и любопытна, что *здѣсь развились противоположности королевской и народной реформаціи, государственнаго и индивидуальнаго протестантизма* и пришли между собою въ столкновеніе, осложнившее собою въ XVII в. политическое *столкновеніе между королевскою властью и парламентомъ,* аналогію коему представляютъ собою во второй половинѣ XVI в. шотландская и нидерландская революціи и попытка ограниченія королевской власти во Франціи путемъ возстановленія генеральныхъ штатовъ.

Аналогіи съ континентомъ и должны намъ помочь понять религіозную исторію Англіи при Елизаветѣ. Отношеніе королевы, обнаруживавшей извѣстную широту религіозныхъ воззрѣній, во всякомъ случаѣ чуждой фанатизма и способной на компромиссы, къ иновѣрію не соотвѣтствовало тому, какъ она сама относилась къ установленной церкви, и въ ея царствованіе происходили преслѣдованія нонконформистовъ, т.-е. и папистовъ, и пуританъ, причемъ были отдѣльные случаи примѣненія даже смертной казни. Сотрудники королевы Елизаветы объясняли такое ея поведеніе политическими мотивами, такъ какъ католики и пуритане, которыхъ она гнала, были ея политическими врагами, что же касается до совѣсти подданныхъ, то королева, по ихъ объясненію, вовсе не имѣла намѣренія ее насиловать. При всемъ интересѣ, какой представляетъ собою психологическая сторона вопроса, т.-е. объясненіе поведенія Елизаветы ея личнымъ характеромъ въ связи, конечно, съ обстоятельствами ея царствованія, нужно помнить, что самое положеніе ея, какъ высшей церковной власти въ странѣ, при существованіи акта объ единообразіи заставляло ее поддерживать установленную церковь и смотрѣть на всѣхъ нонконфор-

[1]) Ср. выше, стр. 57 и 110.

мистовъ, какъ на ослушниковъ государственнаго закона: это было тоже своего рода „cujus regio, ejus religio“. Собственно говоря, только написты являлись настоящими политическими врагами Елизаветы, составляли противъ нея заговоры, находились въ сношеніяхъ съ внѣшними врагами Англіи, что и составляло политическій мотивъ борьбы противъ послѣдователей религіи, исповѣданіе коей одно должно было, повидимому, дѣлать человѣка склоннымъ къ государственной измѣнѣ, какъ это и думали тогда очень и очень многіе англичане, пріученные католической реакціей смотрѣть на принадлежность къ установленной церкви, какъ на доказательство патріотизма, но пуритане и выдѣлившіеся изъ ихъ среды сектанты заговоровъ не составляли, убивать королеву не думали, съ иностранными врагами государства не сносились, и тѣмъ не менѣе они также подвергались преслѣдованіямъ, которыя уже не могли оправдываться ссылкою на политическую необходимость: пуританская оппозиція, коей въ XVII в. суждено было сдѣлаться политическою, при Елизаветѣ сохраняла чисто религіозный характеръ, но въ глазахъ королевы это не мѣшало пуританамъ быть все-таки ослушниками ея воли, мятежными подданными, не хотящими повиноваться законамъ государства, которые заключались въ парламентскихъ статутахъ. Многіе пуритане не были даже враждебны подчиненію церкви коронѣ, хлопоча только объ очищеніи культа и уменьшеніи формализма, введеннаго оффиціальнымъ служебникомъ, и именно лишь преслѣдованія, коимъ ихъ стали подвергать, сдѣлали ихъ оппозицію болѣе принципіальной. На пуританъ, конечно, должно было дѣйствовать и то, что происходило въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, гдѣ ихъ единовѣрцы добивались правъ; особенно, конечно, шотландскій пресвитеріанизмъ былъ образцомъ, коему стали подражать и англійскіе кальвинисты, вводя у себя и его республиканское церковное устройство, и его упрощенное богослуженіе, и его суровую моральную дисциплину и научившись у кальвинистовъ другихъ странъ стойкости въ отстаиваніи своихъ религіозныхъ убѣжденій. Когда обстоятельства заставили Елизавету сдѣлаться заступницей кальвинистовъ на континентѣ, ихъ англійскіе единовѣрцы возносили о ней пламенныя молитвы къ Богу, даже сидя въ тюрьмахъ за свой религіозный „нонконформизмъ“, а одинъ пуританинъ, которому отрубили въ видѣ наказанія руку, взялъ въ другую руку шляпу и, махая ею, закричалъ: „Боже, храни королеву!“

Во второй половинѣ царствованія Елизаветы среди пуританъ возникло новое направленіе, получившее особое значеніе только въ XVII в. подъ названіемъ индепендентства. Это была секта, приверженцы коей назывались первоначально броунистами по имени основателя секты Броуна. Ея приверженцы, исходя изъ того принципа, что каждое отдѣль-

ное лицо имѣетъ право на религіозную свободу и что такою же свободою должна пользоваться каждая конгрегація, состоящая изъ лицъ однѣхъ и тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, отвергали зависимость религіозныхъ общинъ отъ какихъ бы то ни было свѣтскихъ или духовныхъ властей, вслѣдствіе чего не признавали не только власти королевской и епископской въ дѣлахъ вѣры, но и власти національнаго синода церкви пресвитеріанской. Республиканскіе и демократическіе принципы были послѣдовательно проведены въ церковной жизни броунистовъ: ихъ общины были вполнѣ независимы отъ какой бы то ни было духовной власти, откуда позднѣйшее названіе индепендентовъ, т. е. независимыхъ (рядомъ съ папизмомъ, епископальною церковью и пресвитеріанизмомъ); въ каждой общинѣ господствовало полное равенство; общія дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; общины сами выбирали своихъ проповѣдниковъ, не требуя отъ нихъ спеціальной подготовки, но и смѣщая ихъ, когда были ими недовольны. Взаимныя отношенія общинъ были также основаны на началахъ равенства, ибо ни одна другой не подчинялась: когда, напр., какая-либо конгрегація дѣлалась слишкомъ многочисленной, и ея члены не въ состояніи были собираться въ одномъ помѣщеніи для общаго богослуженія,—для котораго, нужно замѣтить, не полагалось никакихъ опредѣленныхъ формъ,—то она раздѣлялась на двѣ части, совершенно независимыя одна отъ другой. Единственнымъ наказаніемъ, коему могъ подвергнуться членъ общины, было его исключеніе изъ ея состава, и равнымъ образомъ если одна конгрегація замѣчала, что члены другой ведутъ непохвальный образъ жизни или отступаютъ отъ самыхъ основаній христіанской вѣры, то имѣла право дѣлать внушенія и исключать ихъ изъ истиннаго христіанскаго общества.

Англиканизмъ и броунизмъ были двѣ противоположности, на коихъ съ особою наглядностью мы наблюдаемъ раздѣльное дѣйствіе политическихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и религіозныхъ причинъ реформаціи XVI в., противоположности, въ данномъ случаѣ совпавшія съ противоположностями реформаціи правительственной и народной, государственной и индивидуалистической. Въ сравненіи съ этою послѣднею противоположностью само пресвитеріанство, сохранявшее всѣ основныя черты кальвинизма, было чѣмъ-то среднимъ, промежуточнымъ, во многихъ отношеніяхъ болѣе близкимъ къ англиканизму, но преслѣдованія, коимъ подвергались всѣ пуритане, сближало пресвитеріанъ и индепендентовъ, послѣдніе же были подвергнуты страшному гоненію при самомъ своемъ появленіи въ Англіи, т.-е. съ начала восьмидесятыхъ годовъ, ибо уже въ 1583 году было казнено два приверженца этой секты. Въ XVII в. эта противоположность, имѣвшая

сначала главнѣйшимъ образомъ религіозный и церковный характеръ, перешла на политическую почву, когда представители англиканской церкви сдѣлались защитниками прерогативы короля, а индепенденты— защитниками правъ народа.

XX. Принципы протестантизма [1]).

Итоги реформаціи. — Протестантизмъ и его принципы. — Католицизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ. — Принципъ свободы совѣсти. — Свобода мысли и раціонализмъ въ реформаціи. — Социніанизмъ въ Польшѣ. — Протестантское государство. — Соціальные и политическіе вопросы. — Политическое ученіе лютеранъ. — Политическая литература у кальвинистовъ. — Вліяніе реформаціи на оживленіе католицизма.

Разсмотрѣніе реформаціи въ собственномъ смыслѣ нами окончено: мы познакомились съ разными видами реформаціи и намѣтили ея исторію въ разныхъ странахъ, и намъ предстоитъ теперь поставить вопросъ объ общихъ ея результатахъ, какъ прежде мы ставили вопросъ о ея причинахъ. На однихъ ея результатахъ, каковымъ, напр., является распаденіе католическаго единства западной Европы и появленіе новыхъ церквей, останавливаться не стоитъ, такъ какъ они очевидны сами собою; о другихъ, каковы освобожденіе протестантскихъ государей отъ папской власти, подчиненіе имъ мѣстнаго духовенства, обогащеніе ихъ отъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, коими они дѣлились большею частью съ дворянствомъ и т. п., о чемъ удобнѣе говорить по отношенію къ исторіи отдѣльныхъ странъ, распростра-

---

[1]) Настоящая глава представляетъ собою отчасти выводъ изъ всего предыдущаго и въ этомъ смыслѣ имѣетъ философскій характеръ (ср. выше указанія на философское отношеніе къ исторіи реформаціи, стр. 3 и 16—17). Многія изъ затронутыхъ здѣсь культурныхъ явленій, кромѣ общихъ сочиненій, разсматриваются въ исторіяхъ религіи, философіи и политическихъ ученій. По послѣднимъ см. вообще Блюнчли. Исторія общаго государственнаго права и политики (Bluntschli. Gesch. des allgemeinen Staatsrechts und der Politique). Franck. Réformateurs et publicistes de l'Europe. — P. Janet. — Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. — Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій (для разсматриваемой эпохи т. I). — Маассенъ. Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти. — Для социніанизма см. мой „Очеркъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ", а также книги проф. Любовича, гдѣ разсказана исторія выдѣленія польскихъ антитринитаріевъ изъ кальвинской церкви (до Социна). Спеціально этотъ предметъ въ книгахъ: Fock. Der Socinianismus. — Trechsel. Die protestantischen Antitrinitarier. — Будринъ. Антитринитаріи XVI в. (Теологія социніанъ). — Левицкій. Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси.

няться я также не стану, ибо факты, относящіеся къ этой категоріи, были уже указаны и сопоставлены, и недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ къ нимъ возвращаться; наконецъ, для каждой страны въ отдѣльности, сообразно съ мѣстными условіями, реформація имѣла далеко не одинаковое значеніе, и въ этомъ отношеніи замѣчанія относительно отдѣльныхъ странъ, сравненія между ними, которыя дѣлались (и отчасти еще будутъ дѣлаться), дадутъ все необходимое для подведенія итоговъ подъ реформаціонной исторіей и съ этой стороны. Но есть нѣкоторая такая еще область, по отношенію къ которой недостаточно ограничиться итогами реформаціи указанныхъ трехъ категорій [1]): это область — общихъ принциповъ, дѣйствующихъ въ культурной и соціальной (въ широкомъ смыслѣ) исторіи. *Реформація была движеніемъ культурно-соціальнымъ: какіе же принципы внесла она въ исторію индивидуальнаго и общественнаго развитія на Западѣ* независимо отъ непосредственныхъ религіозныхъ и свѣтскихъ причинъ, вызвавшихъ церковныя преобразованія и разныя историческія движенія, которыя съ нею соединились?

Каждое крупное историческое движеніе имѣетъ свои принципы: иногда они прямо и ясно формулируются участниками или свидѣтелями движенія, иногда составляютъ подкладку фактовъ послѣдняго — и именно въ мотивахъ отдѣльныхъ дѣйствій, въ настроеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ томъ значеніи, какое факты получаютъ при научной переработкѣ. Реформація была однимъ изъ такихъ явленій: масса фактовъ, составляющихъ ея исторію, объединяется своею однородностью, и въ ней мы должны искать нѣкоторую совокупность принциповъ, собственно и образующихъ понятіе протестантизма, взятаго съ культурной и соціальной или политической стороны. Каждый принципъ есть извѣстная идея, но ее нельзя разсматривать отвлеченно, какъ таковую, ибо 1) она играетъ роль историческаго фактора, опредѣляя мысль, чувство и волю дѣятелей движенія, ставя цѣли ихъ дѣятельности, придавая ей характеръ и направленіе, причемъ 2) такая идея всегда существуетъ рядомъ съ другими идеями, родственными ей или враждебными, и съ иными факторами (напр., интересами), вступая съ ними во взаимодѣйствіе и испытывая при этомъ разныя измѣненія, а потому, наконецъ, 3) не всѣ дѣятели данной эпохи суть представители однѣхъ и тѣхъ же идей, будучи же ихъ представителями, не всегда дѣлаютъ изъ нихъ логическіе выводы и бываютъ послѣдовательны въ ихъ примѣненіи, хотя данный принципъ самъ прививаетъ къ обществу извѣстные привычки, страсти, интересы

---

[1]) Категоріи результатовъ реформаціи составлены примѣнительно къ категоріямъ причинъ, о чемъ выше стр. 3—6.

и овладѣваетъ людьми. Реформаціонное движеніе было движеніемъ идейнымъ, и принципы протестантизма оказали гораздо болѣе замѣтное вліяніе на тогдашнюю исторію, чѣмъ принципы гуманизма: протестантизмъ не оставался мыслью и словомъ, а переходилъ въ дѣло, вмѣстѣ съ чѣмъ подъ его знамя становились другіе историческіе факторы, такъ какъ онъ овладѣвалъ умомъ, чувствомъ и волею людей и перевоспитывалъ ихъ, насколько вообще новое направленіе бываетъ способно сразу измѣнять старыя міросозерцанія, настроенія и привычки, именно перевоспитывалъ только до извѣстной степени. Разсматривая протестантизмъ не съ точки зрѣнія абсолютныхъ идей, а съ исторической точки зрѣнія, т.-е. съ относительной, мы должны поставить вопросъ, насколько принципы протестантизма соотвѣтствовали культурно-соціальному состоянію, чтобы быть принятыми, и насколько принятое могло осуществиться, а вмѣстѣ съ этимъ должны брать свой предметъ въ сравненіи съ другими принципіальными явленіями того же порядка, съ католицизмомъ, который самъ обновился подъ вліяніемъ реформаціи, и съ гуманизмомъ, уже раньше проявившемся въ разныхъ сферахъ умственной дѣятельности общества. Чтобы во всемъ объемѣ и во всей полнотѣ рѣшить эти вопросы, нужно было бы отдѣльное сочиненіе, но иногда бываетъ важно дать вопросу извѣстную постановку, даже и не рѣшая его вполнѣ. Еще одно общее замѣчаніе. Современный историкъ отдаленъ отъ событій реформаціонной эпохи на цѣлые вѣка: ему виденъ процессъ реформаціи отъ начала до конца, онъ обобщаетъ представляемыя имъ явленія, сводитъ въ формулы свои обобщенія, анализируетъ взаимныя отношенія культурныхъ направленій и соціальныхъ силъ, т.-е. для него реформація есть предметъ созерцанія и изслѣдованія, и онъ можетъ въ болѣе безпримѣсномъ видѣ схватить основные принципы движенія. Въ иномъ положеніи были дѣятели эпохи: они стояли въ серединѣ событій, часто не знали сами, что́ созидаютъ и что́ разрушаютъ, къ чему приведутъ тѣ или другіе ихъ поступки,—и могли формулировать принципы движенія лишь въ частныхъ положеніяхъ, разрозненными однѣ отъ другихъ, съ большими непослѣдовательностями, изъ которыхъ самая главная была та, что *начатая во имя индивидуалистическаго принципа свободы совѣсти, реформація въ наибольшемъ количествѣ своихъ проявленій была отрицаніемъ этого принципа.*

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ католицизма, гуманизма и протестантизма ограничимся немногими замѣчаніями.

Исходные пункты протестантизма находились въ полной противоположности съ католицизмомъ, хотя принципы перваго и не были цѣликомъ введены жизнь, давъ только начало новому движенію: здѣсь были одни противъ другихъ принципы авторитета и индивидуальной свободы,

внѣшней набожности и внутренней религіозности, традиціонной неподвижности и движенія впередъ. Такъ дѣло представляется съ отвлеченной точки зрѣнія, но въ дѣйствительности реформація слишкомъ часто была только перемѣной формы, а не принципа: мы видѣли, напр., что кальвинизмъ во многихъ отношеніяхъ былъ сколкомъ съ католицизма [1]). Да и въ самомъ дѣлѣ, вообще реформація замѣняла одинъ церковный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры другимъ или авторитетомъ свѣтской власти, установляла извѣстныя для всѣхъ обязательныя внѣшнія формы, хотя бы и не въ смыслѣ обрядности, и внесши новыя начала въ церковную жизнь, дѣлалась по отношенію къ нимъ силою консервативною, не очень-то допуская дальнѣйшее движеніе впередъ. Такимъ образомъ *вопреки основнымъ принципамъ протестантизма, реформація въ дѣйствительности сохраняла католическія культурно-соціальныя традиціи.* Протестантизмъ, взятый съ принципіальной своей стороны, былъ религіознымъ индивидуализмомъ и въ то же время попыткою освободить государство отъ церковной опеки. Послѣднее удалось въ бóльшей степени, чѣмъ проведеніе индивидуалистическаго принципа: государство не только освобождалось отъ церковной опеки, но само подчиняло себѣ церковь и даже становилось на мѣсто церкви по отношенію къ своимъ подданнымъ, вопреки индивидуалистическому принципу реформаціи. Своимъ индивидуализмомъ и освобожденіемъ государства отъ теократической опеки *протестантизмъ сходится съ гуманизмомъ эпохи Возрожденія, въ коемъ сильны были индивидуалистическія и секуляризаціонныя стремленія* [2]). Общимъ у Ренессанса и реформаціи было именно стремленіе личности создать собственный взглядъ на міръ, соединявшееся съ критическимъ отношеніемъ къ традиціоннымъ авторитетамъ и съ развитіемъ раціонализма и индивидуалистическаго мистицизма; освобожденіе жизни отъ аскетическихъ требованій съ реабилитаціей инстинктовъ человѣческой природы, выразившееся въ отрицаніи монашества и целибата духовенства; эманципація государства, секуляризація церковной собственности и т. д. Но сходясь между собою въ одномъ, *протестантизмъ и гуманизмъ расходились одинъ съ другимъ, будучи одинъ явленіемъ преимущественно свѣтской культуры, другой—культуры религіозной*: гуманисты исходили изъ идеи земного благополучія личности, реформаторы—изъ идеи загробнаго спасенія; въ своихъ стремленіяхъ первые опирались на классиковъ, вторые—на св.

---

[1]) См. выше стр. 179.

[2]) См. томъ I, гл. XXVI—XXXIV, но особенно главу XXIV, гдѣ поставленъ съ извѣстной точки зрѣнія вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Ренессанса и реформаціи, причемъ указана и литература предмета.

писаніе и отцовъ церкви; одни радовались возрожденію античной образованности, другіе стремились возвратить церковь къ первымъ вѣкамъ христіанства; въ одномъ направленіи индивидуализмъ принималъ характеръ раціоналистическій, въ другомъ—мистическій. Гдѣ сильно было свѣтское Возрожденіе, тамъ не было реформаціи и, наоборотъ, гдѣ реформаціонное движеніе широко охватывало націю и глубоко въ нее проникало, тамъ гуманизму наносился ударъ [1]). Оба направленія, конечно, сближались: нѣмецкій гуманизмъ, отличный отъ итальянскаго, индифферентнаго къ религіи, соединялся съ богословскими занятіями, и нѣсколько его представителей стали дѣятелями реформаціи, что и послѣдней придавало (у Цвингли, у Меланхтона и др.) менѣе фанатическій характеръ; сближеніе мы замѣчаемъ между реформаціей и гуманизмомъ и въ раціоналистическомъ сектантствѣ, о которомъ будетъ еще идти рѣчь. Но иногда оба движенія расходились до рѣзкой противоположности: нѣмецкое мистическое сектантство, самъ кальвинизмъ, равнымъ образомъ индепендентство отличались пренебреженіемъ и прямою иногда враждебностью къ свѣтской наукѣ и литературѣ. *Реформація даже прямо заявляла себя реакціей противъ свѣтскаго направленія жизни*, которое она обвиняла въ язычествѣ. Реформаторы упрекали папство въ томъ, что оно омірщилось; Лютеръ говорилъ, что безъ реформаціи весь міръ сдѣлался бы эпикурейскимъ; суровое сектантство самимъ реформаторамъ казалось возрожденіемъ монашескаго аскетизма. Особенно характеромъ реакціи противъ развитія свѣтской культуры отличался кальвинизмъ, бывшій во многихъ отношеніяхъ какъ бы усугубленіемъ католицизма, сливъ государство съ церковью, поставивъ общество подъ надзоръ духовенства, подчинивъ его ригористической дисциплинѣ, объявивъ войну мудрствующему разуму: въ кальвинизмѣ прямо развились принципы, противоположные гуманистическимъ индивидуализму и секуляризаціи мысли и жизни. Однимъ словомъ, протестантизмъ, какъ и всякое другое историческое явленіе, какъ все живое и жизненное, заключалъ въ себѣ противорѣчія и непослѣдовательности, но общимъ своимъ религіознымъ характеромъ онъ болѣе подходилъ къ тогдашнему культурному состоянію Европы, чѣмъ свѣтскій гуманизмъ. *Послѣдній возродился только въ „просвѣщеніи" XVIII вѣка, но воспринявъ въ себя многіе элементы, бывшіе наслѣдіемъ протестантизма*, поскольку въ нихъ обоихъ лежали зародыши индивидуализма и секуляризаціи, затиравшіеся, однако, другими присущими имъ принципами. Наприм., индифферентный или слишкомъ разсудочно относившійся къ религіи *гуманизмъ оказался неспособнымъ предъявить міру индивидуалистическій принципъ свободы со-*

---

[1]) Болѣе подробное развитіе этой мысли въ указанной главѣ I тома.

вѣсти, рожденный, хотя и съ великими муками, реформаціей, которая въ свою очередь *оказалась неспособною понять свободу мысли*, возникшую въ гуманистическомъ движеніи: только позднѣе совершился синтезъ этихъ наслѣдій протестантизма и гуманизма. Съ другой стороны, въ своей политической литературѣ, какъ извѣстно, *гуманизмъ не развилъ идеи политической свободы*, которую защищали въ своихъ сочиненіяхъ раньше кальвинисты, а позднѣе индепенденты, но *протестантскіе политическіе писатели не могли отрѣшить государственную жизнь отъ конфессіональной окраски*, что, наоборотъ, дѣлали гуманисты: и опять лишь позднѣе произошло сліяніе политическихъ воззрѣній реформаціи и Возрожденія. *Религіозная и политическая свобода новой Европы обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно протестантизму*; *свободная мысль и свѣтскій характеръ культуры ведутъ начало отъ гуманизма.* Обновленный католицизмъ оказался по существу своему принципіальнымъ противникомъ свободы совѣсти и свободы мысли, но входилъ въ сдѣлки съ политическою свободой и съ свѣтской культурой, когда считалъ это нужнымъ для возстановленія своей власти надъ міромъ, тогда какъ у протестантовъ, защищавшихъ политическую свободу, послѣдняя была чѣмъ-то въ родѣ религіознаго догмата, а у представителей свѣтскаго образованія послѣднее само цѣлью, а не средствомъ. Сопоставляя эти культурно-соціальные принципы протестантизма, гуманизма и новаго католицизма, мы должны признать общую прогрессивность двухъ первыхъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки по отношенію даже къ требованіямъ ихъ времени, и общій регрессивный характеръ католической реакціи, которая, однако, сама была порождена реформаціей.

Разсмотримъ же судьбу идей свободы совѣсти, свободы мысли, свободы свѣтскаго государства и политической свободы въ исторіи реформаціи.

Первое: *протестантизмъ породилъ принципъ свободы совѣсти, хотя реформація его и не осуществила.* Исходнымъ пунктомъ реформаціи былъ религіозный протестъ, имѣвшій въ своей основѣ нравственное убѣжденіе: всѣ отдѣлившіеся отъ католической церкви во имя своего религіознаго убѣжденія встрѣчали противъ себя католическую церковь и часто государственную власть, но мужественно и нерѣдко претерпѣвая мученичество, отстаивали свою вѣру, свободу своей совѣсти, которая прямо была возведена въ принципъ религіозной жизни анабаптистами и индепендентами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, принципъ этотъ страдалъ и искажался. Мы видѣли, напр., какъ отступилъ отъ него самъ Лютеръ, да и вообще весьма часто гонимые прибѣгали къ принципу въ видахъ самообороны, не имѣя достаточно терпимости, чтобы не дѣлаться гонителями другихъ, когда представлялась къ тому возможность, и думая, что, какъ обладатели истины, они могутъ при-

нуждать къ ней другихъ. Ставя реформацію подъ покровительство свѣтской власти, они передавали государству права старой церкви надъ индивидуальною совѣстью. Съ другой стороны, завоевывая религіозную свободу, нововѣры весьма часто завоевывали ее только для себя. Нѣмецкіе князья, протестовавшіе на шпейерскомъ сеймѣ, ссылаясь на тотъ принципъ, что дѣла вѣры не могутъ рѣшаться большинствомъ, сами пользовались правомъ по своему рѣшать, какой вѣры должны быть ихъ подданные. Польская шляхта, добившаяся самой широкой религіозной свободы, не обращала никакого вниманія на своихъ хлоповъ-католиковъ, превращая приходскія церкви въ протестантскія [1]; мы увидимъ еще, что по религіознымъ эдиктамъ во Франціи дворянство получало болѣе широкую религіозную свободу, чѣмъ горожане. Однимъ словомъ, *свобода совѣсти была привилегіей лишь извѣстныхъ лицъ и состояній*, а не общимъ правомъ. Отстаивая, далѣе, свою вѣру, протестанты ссылались не на индивидуальное свое право, какъ это дѣлалъ Лютеръ на вормскомъ сеймѣ, но главнымъ образомъ на тотъ принципъ, что нужно болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ, но этимъ же повиновеніемъ Богу оправдывалось и нетерпимое ихъ отношеніе къ иновѣрію, въ коемъ они видѣли оскорбленіе Божества. Только позднѣе среди индепендентовъ утвердился принципъ, по которому Христосъ, искупивъ всѣхъ людей своею божественною кровью, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ совѣстью людей. Реформаторы даже признавали за государствомъ право наказывать еретиковъ, которое сама власть считала своимъ и потому, что видѣла въ отступленіи отъ господствующаго вѣроисповѣданія ослушаніе ея велѣніямъ. Правда, на первыхъ порахъ отношеніе къ несогласнымъ въ вѣрѣ приводило реформаторовъ въ смущеніе, и, напр., Лютеръ не могъ же ссылаться на тѣ же принципы, во имя которыхъ церковь его самого объявила еретикомъ, и останавливался передъ мыслью о казни еретиковъ, хотя и подводилъ ересь подъ понятіе богохульства, наказуемаго гражданскими законами, но больше напирая на политическую неблагонадежность анабаптизма. Такое отношеніе даже Меланхтонъ, однако, находилъ „глупо мягкимъ“, а Кальвинъ не отступилъ пе-

---

[1]) Съ „cujus regio, ejus religio“ я сравнивалъ раньше (Очеркъ реф. движ. въ Польшѣ, стр. 173) четвертый пунктъ Варшавской генеральной конфедераціи, дававшій пану полную власть надъ хлопомъ, tam im spiritualibus, quam in saecularibus, принимая, что здѣсь пропущено „rebus“, какъ это толковали и другіе историки. Но, кажется, нужно вмѣсто „rebus“, подразумѣвать „bonis“ (т.-е. и въ духовныхъ, и въ свѣтскихъ имѣніяхъ), какъ это предлагаетъ проф. Закржевскій въ своей рецензіи на вторую книгу проф. Любовича. Это, однако, не измѣняетъ существа отношеній между протестантскими панами и католическими крестьянами, которыя фактически были именно таковы, каковыми они мною представлены.

редъ сожженіемъ Сервета, заслуживъ одобреніе другихъ реформаторовъ и вызвавъ въ защиту права государства казнить еретиковъ особое сочиненіе Безы [1]). Только позднѣе индепенденты развили ученіе о невмѣшательствѣ государства въ религіозныя дѣла и исходя не изъ индифферентной терпимости, а изъ идеи свободы совѣсти.—У протестантовъ не было взаимной терпимости: лютеране и реформаты враждовали одни съ другими. Особенно нетерпимость развилась въ кальвинизмѣ и вообще во второй половинѣ XVI в. Вотъ одинъ примѣръ: когда Янъ Ласкій долженъ былъ со многими кальвинистами удалиться изъ Лондона въ царствованіе Маріи Кровавой [2]), эмигрантамъ, какъ кальвинистамъ, не позволяли остановиться въ лютеранскихъ городахъ Копенгагенѣ, Роштокѣ, Любекѣ, Гамбургѣ, и лишь въ Эмденѣ послѣ долгихъ скитаній несчастные бѣглецы могли высадиться. Религіозный индифферентизмъ гуманистовъ, конечно, соединялся съ терпимостью къ иновѣрію, но въ немъ не было уваженія къ свободѣ религіозной совѣсти, и съ этой точки зрѣнія, на которую становилась, напр., и Елизавета Англійская, могло оправдываться насиліе надъ чужою вѣрою во имя политической необходимости. Въ протестантизмѣ воззванія къ свободѣ совѣсти у гонимыхъ соединялись съ нетерпимостью у власть имѣющихъ, въ гуманизмѣ — широкая терпимость съ непониманіемъ настоящей свободы совѣсти: нужно было соединеніе свободы совѣсти съ терпимостью съ устраненіемъ нетерпимости и неуваженія къ чужой совѣсти, чтобы могъ возникнуть чистый принципъ религіозной свободы.

Второе: *реформація непріязненно отнеслась къ свободѣ мысли, хотя и содѣйствовала ея развитію.* Мы знаемъ, напр., какъ враждебно говорили о дѣятельности разума Лютеръ и Кальвинъ [3]), но и вообще въ реформаціи теологическій авторитетъ ставился выше дѣятельности человѣческой мысли, и обвиненіе въ раціонализмѣ было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ въ глазахъ реформаторовъ. Не предвидя того, къ чему поведутъ заявленія о свободѣ совѣсти и правахъ разума, Лютеръ на вормскомъ сеймѣ отстаивалъ и первую, и вторыя, но когда на основаніи тѣхъ же принциповъ стали высказывать свои взгляды анабаптисты и антитринитаріи, Лютеръ отшатнулся отъ началъ, приводившихъ къ такимъ результатамъ. То же самое въ сущности было и съ другими протестантами, когда передъ боязнью ереси они забывали права чужой совѣсти и отрицали права собственнаго разума. Между тѣмъ самый протестъ противъ требованія католической церкви вѣрить, не разсуждая, заключалъ въ себѣ признаніе из-

---

[1]) De haereticis a civili magistratu puniendis.

[2]) См. выше, стр. 211.

[3]) Ср. выше, стр. 67, 173.

вѣстныхъ правъ за индивидуальнымъ пониманіемъ, и являлось въ высшей степени нелогичнымъ признавать свободу изслѣдованія, а за его результаты наказывать. Элементъ научнаго изслѣдованія между тѣмъ былъ внесенъ въ теологическія занятія еще гуманистами, которые съ интересомъ къ классическимъ авторамъ соединяли интересъ къ св. писанію и отцамъ церкви, между ними особенно Эразмомъ, прилагавшимъ гуманистическіе методы къ богословію [1]), и для самого Лютера изученіе Библіи при помощи новыхъ пріемовъ было цѣлымъ рядомъ научныхъ открытій. Поэтому, несмотря на общій принципъ подчиненія авторитету писанія, самое его толкованіе требовало дѣятельности разума, и раціонализмъ, къ коему большинство протестантовъ и сектантовъ относилось враждебно, тѣмъ не менѣе проникалъ въ дѣло церковной реформы. Свободомысліе итальянскихъ гуманистовъ рѣдко направлялось на религію, но, стремясь освободить разумъ отъ теологической опеки, гуманисты даже изобрѣли уловку, утверждая, что истинное въ философіи можетъ быть ложнымъ въ теологіи и наоборотъ. Въ XVI вѣкѣ мысль направилась на рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, а мистическая идея о внутреннемъ откровеніи, какъ мы увидимъ, была лишь предшественницей того позднѣйшаго ученія, по которому Божество открывается человѣку въ разумѣ и въ которомъ самъ разумъ поэтому разсматривался, какъ источникъ религіозной истины. Мы еще познакомимся съ тѣмъ, какъ англійское сектантство въ соединеніи съ другими культурными факторами въ исходѣ XVII в. привело къ „христіанскому деизму", объявившему себя „естественной религіей", или вѣрой „свободныхъ мыслителей", но уже въ антитринитаризмѣ анабаптистскаго происхожденія [2]) и въ серветизмѣ [3]) первой половины XVI в. мы наблюдаемъ сильную примѣсь религіознаго раціонализма, особенно же онъ развился въ антитринитаризмѣ второй половины XVI вѣка, который нашелъ пріютъ въ Польшѣ, благодаря установившейся тамъ религіозной свободѣ среди шляхты. Это явленіе заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Въ серединѣ XVI в. въ Швейцаріи было нѣсколько антитринитаріевъ изъ итальянскихъ бѣглецовъ, каковы Камилло Ренато, Франческо Негри, Пьетро-Паоло Верджеріо, Бернардино Оккино [4]), Леліо Социни, Маттео Грибальдо, Джіорджіо Бьяндрата (Бландрата), Джентиле (Гентилій), Паоло Альчіати (Альціатъ) и нѣкоторыхъ изъ этихъ проповѣдниковъ мы встрѣчаемъ потомъ въ Польшѣ. Всѣ они находились еще подъ вліяніемъ анабаптизма и только

---

[1]) Томъ I, гл. XL.

[2]) См. выше, стр. 76—77.

[3]) Т.-е. ученіи Сервета, о коемъ выше, стр. 185—186.

[4]) См. о немъ монографію Benrath'a.

въ Польшѣ, особенно подъ вліяніемъ Фавста Социна антитринитаризмъ порвалъ связь съ анабаптизмомъ, сдѣлавшись совершенно раціоналистической религіей. Общая исторія антитринитаризма собственно въ Польшѣ не входитъ въ планъ настоящей главы, а потому мы разсмотримъ лишь утвердившуюся здѣсь форму антитринитаризма, извѣстную подъ названіемъ социніанизма. Но прежде нѣсколько словъ о самомъ основателѣ антитринитарской церкви въ Польшѣ, который организовалъ силы тамошнихъ унитаріевъ, отдѣлившихся отъ кальвинизма еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Фавстъ Социнъ родился въ Сіенѣ въ 1539 г. и получилъ сначала довольно поверхностное гуманистическое образованіе, такъ какъ предназначался къ занятію правомъ. Обладая острымъ умомъ, живя въ эпоху религіозныхъ споровъ, находясь подъ вліяніемъ своего дяди, Лелія Социна, онъ предался разрѣшенію богословскихъ вопросовъ. Ему, между прочимъ, достались бумаги его дяди, когда тотъ умеръ, и чтеніе ихъ не мало содѣйствовало развитію въ Фавстѣ Социнѣ антитринитарскихъ идей. Живя нѣкоторое время при дворѣ тосканскаго великаго герцога Франческо Медичи, онъ усвоилъ самыя утонченныя манеры придворнаго быта, сдѣлавшіяся впослѣдствіи одной изъ приманокъ, которыя снискали ему расположеніе польской шляхты, когда онъ пріѣхалъ въ Рѣчь Посполитую. Первое его сочиненіе „Объясненіе первой части первой главы Евангелія отъ Іоанна“, написанное по-латыни, появилось въ 1562 г., но, боясь инквизиціи, онъ переселился въ Базель и тамъ уже занялся изданіемъ своихъ новыхъ трактатовъ „Объ Іисусѣ Христѣ Искупителѣ“ и „О состояніи перваго человѣка до грѣхопаденія“, доказывая въ послѣднемъ сочиненіи, что Адамъ уже созданъ былъ смертнымъ, а вовсе не сдѣлался таковымъ вслѣдствіе грѣхопаденія. Въ Польшу Социнъ пріѣхалъ только въ 1579 г., поставивъ себѣ задачею объединить всѣхъ польскихъ антитринитаріевъ. Достигнуть этого было довольно трудно, потому что часть сектантовъ была анабаптистской, а Социнъ не хотѣлъ перекрещиваться для вступленія въ ихъ общество. Тѣмъ не менѣе своимъ вліяніемъ на умы, своею терпимостью къ противоположнымъ мнѣніямъ, онъ съумѣлъ преодолѣть препятствія, тѣмъ болѣе, что сектантамъ необходимо было сплотиться въ виду двойной опасности—отъ католиковъ и отъ протестантовъ, которые, наприм., прямо исключили антитринитаріевъ изъ сандомирскаго соглашенія 1570 г., коимъ хотѣли обезпечить религіозный миръ. Дѣятельность Социна въ Польшѣ была кипучая: составленіе сочиненій экзегетическаго и дидактическаго содержанія, обширная переписка съ единомышленниками, разъѣзды по странѣ, во время которыхъ онъ подвергался опасностямъ вслѣдствіе уже сильной въ это время католической реакціи,—все это служило цѣлямъ антитринитарской пропаганды. Отъ на-

чавшагося фанатизма католиковъ ему пришлось немало терпѣть: напр., въ 1598 г. краковскіе студенты напали на его жилище, разграбили его бумаги и книги и сожгли ихъ на площади при крикахъ собравшейся толпы и грозя сжечь его самого, если онъ не отречется отъ своей ереси. Онъ не отрекся, и его собрались потопить въ Вислѣ. Уже двигалось къ рѣкѣ шествіе, но, къ счастью для Социна, въ окно своего дома увидѣлъ толпу одинъ профессоръ: онъ спасъ Социна и далъ ему возможность бѣжать изъ Кракова. До самой смерти, въ 1604 году, преслѣдуемый, онъ, однако, продолжалъ свое дѣло, и значеніе его въ реформаціи его послѣдователи опредѣлили двустишіемъ:

Палъ Вавилонъ высокій: Лютеръ разрушилъ въ немъ крышу,
Стѣны Кальвинъ, но Социнъ сокрушилъ и основы [1]).

Социнъ завершилъ развитіе антитринитаризма въ Польшѣ, уложивъ его въ систему, которая была представлена въ такъ-называемомъ Раковскомъ катехизисѣ, изданномъ по-польски въ 1605 г. и по-нѣмецки въ 1608 и имѣвшемъ дальнѣйшія изданія уже по изгнаніи социніанъ изъ Польши, причемъ позднѣйшія изданія очень интересны заявленіями о необходимости полной религіозной свободы и объ измѣняемости вѣроученія сообразно съ движеніемъ времени. Социніанизмъ объединилъ большое количество польскихъ сектантовъ, и къ нему же пристали многіе антитринитаріи, бѣжавшіе въ Польшу отъ преслѣдованій на родинѣ. Центромъ социніанизма сдѣлалось мѣстечко Раковъ. Оно было основано въ 1569 г. нѣкіимъ Сѣнинскимъ, сынъ котораго принялъ ученіе Социна и превратилъ Раковъ въ столицу своихъ единовѣрцевъ. Раковъ, дѣйствительно сталъ „сарматскими Аѳинами“: здѣсь была высшая школа съ тысячью учениковъ въ лучшее ея время, а среди нихъ были и католики, и протестанты, и шляхтичи, и не шляхтичи; здѣсь существовала типографія, выпускавшая социніанскія изданія; здѣсь же собирались ежегодные синоды социніанъ, рѣшавшіе не только религіозныя дѣла, но и свѣтскія, такъ какъ послѣдователи ученія только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали не къ своему суду. Но это процвѣтаніе было недолгое: вслѣдъ за тѣмъ, какъ нафанатизированная іезуитами толпа разсѣяла люблинскую антитринитарскую общину (1627), и для Ракова пришла очередь, когда онъ достался католическому шляхтичу, превратившему „сарматскія Аѳины“ въ жалкую деревню. Въ Литвѣ центромъ антитринитаризма былъ Несвижъ. Здѣсь, между прочимъ, это движеніе коснулось отчасти и православнаго населенія рѣчи Посполитой.

Если антитринитарское движеніе зародилось въ нѣмецкихъ земляхъ въ анабаптистскомъ, мистическомъ сектантствѣ, то не эта его форма

[1]) Alta ruit Babylon: destruxit tecta Lutherus, Muros Calvinus, sed fundamenta Socinus.

пришлась по характеру полякамъ. Недаромъ главными дѣятелями сектантскаго движенія въ Польшѣ были итальянцы, уже раньше влiявшiе на Рѣчь Посполитую своей культурой: поляки издавна были предрасположены къ принятію итальянскихъ идей, въ которыхъ скептическая и раціоналистическая мысль получала широкое примѣненіе. Нѣмецкая реформація съ своимъ сектантствомъ имѣла совсѣмъ иной психологическій источникъ, чѣмъ социніанизмъ, распространившійся въ Польшѣ. Еще до появленія Лютера отдѣльныя лица выставили тезисъ „объ оправданіи посредствомъ вѣры", сдѣлавшійся исходнымъ пунктомъ и краеугольнымъ камнемъ лютеранской, цвингліанской и кальвиновской теологіи. Вопросъ о томъ, какъ спастись отъ первороднаго грѣха, былъ мученіемъ всей жизни Лютера до той поры, когда онъ узналъ, что „праведный отъ вѣры живъ будетъ". Съ другой стороны, мистицизмъ въ Германіи давно уже развивался и дѣйствовалъ на умы, подготовляя ихъ къ сектантству, въ которомъ явилось ученіе о „внутреннемъ откровеніи", о непосредственномъ божественномъ дѣйствіи на душу человѣка, стоящемъ выше буквы „внѣшняго откровенія". Между „оправданіемъ" посредствомъ внутренняго акта вѣры по дѣйствію на душу благодати и „божественнымъ озареніемъ" существуетъ глубокая связь, ибо они выросли на одной и той же психологической почвѣ религіознаго настроенія духа. Иное дѣло въ Италіи: и тамъ въ эпоху Возрожденія занимались религіозными вопросами, но болѣе съ философской стороны, нерѣдко безъ спеціально-христіанскаго оттѣнка, и холодный анализъ разума не допускалъ никакого мистическаго озаренія. Лютеръ не сомнѣвался въ безсмертіи души: его мучилъ вопросъ о томъ, какъ оправдаться передъ Богомъ. Въ Италіи, между тѣмъ, вопросъ о безсмертіи въ загробной жизни давнымъ-давно дебатировался (вспомнимъ одного Помпонацци, современника папы Льва X), и онъ-то, а не „оправданіе", сдѣлался исходнымъ пунктомъ всей социніанской теологіи. Мы упомянули что въ сочиненіи „О состояніи перваго человѣка до грѣхопаденія" Фавстъ Социнъ отвергъ церковное ученіе о томъ, что Адамъ былъ созданъ безсмертнымъ, и сталъ учить, что всѣ люди родятся смертными. Какъ Лютеръ утверждалъ, что „оправдываетъ" человѣка вѣра во Христа, такъ Социнъ говорилъ, что эта вѣра дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ: не изъ христіанскаго чувства грѣховности, не изъ боязни передъ страшными послѣдствіями первороднаго грѣха вытекла вся его догма; это чувство и самое понятіе о первородномъ грѣхѣ имѣли мало силы надъ умомъ итальянца, въ которомъ зародилось сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли человѣкъ по природѣ своей безсмертенъ послѣ грѣхопаденія. Социнъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно и чисто-раціоналистическимъ путемъ, вопреки вѣковому ученію историческаго хри-

стіанства, создалъ свою доктрину. По его представленію, „христіанская религія есть путь, свыше открытый для достиженія вѣчной жизни". Человѣкъ смертенъ по природѣ, а вслѣдствіе грѣхопаденія уничтожается и въ загробной жизни: цѣль христіанства — избавить его отъ этой второй смерти. Признавая св. писаніе единственнымъ авторитетомъ, Социнъ могъ толковать его очень широко, говоря о необходимости различать въ немъ существенное и несущественное, буквальное и иносказательное, откуда критическій раціонализмъ всей системы [1]), порвавшей съ дѣйствительнымъ, историческимъ христіанствомъ. Поэтому сочиненія Социна и его послѣдователей отвергаютъ догматъ о троичности Божества, не находя его буквально формулированнымъ въ св. писаніи и не соглашаясь съ нимъ по чисто раціоналистическимъ соображеніямъ. Съ тѣмъ же чисто діалектическимъ творчествомъ собственной мысли Социнъ училъ, что цѣлью пришествія Христова было сообщеніе человѣку безсмертія въ загробной жизни, какъ произвольнаго дара Божія. Это надѣленіе человѣка новымъ качествомъ произошло чрезъ воскресеніе Іисуса Христа: оно,—говорилъ Социнъ,—гарантія нашего воскресенія. Но чтобы это утвержденіе имѣло смыслъ, Социну нужно было признаніе Искупителя за простого человѣка: не отличайся Христосъ отъ остальныхъ смертныхъ, въ его воскресеніи не было бы этой гарантіи. Съ другой стороны, съ раціоналистической точки зрѣнія Социнъ не могъ понять ни воплощенія Божества, ни несліяннаго и нераздѣльнаго соединенія двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ. Тѣмъ не менѣе социніане видѣли въ Іисусѣ Христѣ болѣе, чѣмъ простого человѣка, признавали сверхъестественное его рожденіе, полную его святость и совершенную безгрѣховность, а также сообщенное ему Богомъ за „послушаніе даже до смерти" могущество, и требовали божескаго поклоненія Христу. Болѣе крайніе унитаріи [2]) шли дальше, не видя въ Христѣ ничего, кромѣ простого человѣка. Крестная смерть для нихъ была не искупительной жертвой, а простымъ переходнымъ моментомъ къ воскресенію, въ которомъ заключается гарантія воскресенія всѣхъ людей. Съ этой же точки зрѣнія въ таинствѣ причащенія они видѣли простой символъ, а крещеніе считали за излишнее для спасенія.

Третье: *въ реформаціи мы наблюдаемъ стремленіе измѣнить старыя отношенія между церковью и государствомъ*, причемъ церковь или подчинялась государству (лютеранизмъ, англиканство) или сливалась съ нимъ во-едино, но въ обоихъ случаяхъ такъ что и государство имѣло конфессіональный характеръ, и церковь дѣлалась учрежденіемъ государственнымъ.

---

[1]) Въ изданіи Раковскаго катехизиса 1684 г. читаемъ: ne quid statuatur, quod ipsi sanae rationi repugnet seu contradictionem involvet.

[2]) Антитринитарскихъ сектъ было нѣсколько.

И освобожденіемъ государства отъ церкви съ подчиненіемъ послѣдней первому и сообщеніемъ ей характера національно-политическаго учрежденія нарушались принципы католическаго теократизма и универсализма (лучше всего сохранявшихся, однако, въ кальвинизмѣ) [1]), но *связь между церковью и государствомъ порывалась только въ сектантствѣ*, особенно въ англійскомъ индепендентствѣ, выработавшемъ тѣ отношенія между религіей и политикой, какія утвердились въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, будущихъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Въ общемъ реформація не измѣнила существа старыхъ связей, а въ XVIII в. даже среди католическихъ государей было сильно стремленіе сдѣлать изъ церкви государственное учрежденіе, изъ духовенства чиновничество (реформы „просвященнаго абсолютизма", французская „constitution civile du clergé", позднѣе наполеоновскій конкордатъ): только взаимныя отношенія измѣнились, ибо *въ общемъ реформація дала государству преобладаніе и даже господство надъ церковью*, сдѣлавъ изъ самой религіи дѣло государства (cujus regio, cujus religio).

Четвертое: *реформація оказала большое вліяніе на постановку и рѣшеніе соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ духѣ принциповъ равенства и свободы, хотя она же содѣйствовала и противоположнымъ общественнымъ тенденціямъ.* Мы знаемъ, что мистическій анабаптизмъ въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Нидерландахъ былъ и проповѣдью соціальнаго равенства [2]); но, наприм., раціоналистическій антитринитаризмъ въ Польшѣ былъ характера аристократическаго, и многіе польскіе сектанты шляхетскаго званія даже защищали право истинныхъ христіанъ имѣть „подданныхъ" или рабовъ, ссылаясь на Ветхій Завѣтъ, а самъ Социнъ осторожно не затрогивалъ этого вопроса. Все въ данномъ случаѣ зависѣло отъ среды, въ которой развивалось сектанство. То же самое можно сказать о политическихъ ученіяхъ протестантовъ: лютеранство и англиканизмъ отличались монархическимъ характеромъ, цвингліанство и кальвинизмъ—республиканскимъ. Часто говорятъ, будто протестантизмъ всегда стоялъ на сторонѣ свободы, а католицизмъ на сторонѣ власти но это невѣрно, ибо роли католиковъ и протестантовъ мѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, и тѣ же самые принципы, коими калвинисты оправдывали свое возстаніе противъ „нечестивыхъ" королей, были въ ходу и у католиковъ, что особенно наблюдается въ іезуитской политической литературѣ и во время французскихъ религіозныхъ войнъ. Но что особенно важно для пониманія дальнѣйшаго политическаго развитія западной Европы, такъ это *развитіе въ кальвинизмѣ идеи народовластія, которая не чужда была легистамъ, защищавшимъ*

---

[1]) См. выше, стр. 179 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. гл. XI.

государство отъ папской власти [1]), *нѣкоторымъ гуманистамъ, хотя большинство ихъ стояло за принципатъ* [2]), *и позднѣе іезуитамъ, бывшимъ готовыми усвоивать все, что можно было употребить на пользу церкви* [3]). Не смотря на то, что не кальвинисты были изобрѣтателями этой идеи и что не одни они развивали ее въ XVI в., никогда ранѣе она не получала одновременно такой теоретической обосновки и такого практическаго вліянія, какъ съ XVI в., и ни для кого не имѣла такого религіознаго значенія, какъ для кальвинистовъ, потому что они вѣрили въ ея истинность, тогда какъ іезуиты, становясь на ту же точку зрѣнія, видѣли только одну ея выгодность при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Лютеръ во имя свободы сопротивлялся и духовной, и свѣтской власти,—послѣдней на вормскомъ сеймѣ,—но вообще онъ отстаивалъ только внутреннюю свободу, а не внѣшнюю, говоря, напр., по поводу крестьянскаго возстанія, что евангеліе освобождаетъ душу, не касаясь внѣшнихъ сторонъ жизни; организуя же свою церковь, онъ не удержался и на этой точкѣ зрѣнія, подчинивъ внутреннюю свободу церковному авторитету, а церковь—князьямъ. Онъ допускалъ вообще лишь одно пассивное сопротивленіе, исходя изъ той идеи, что обязанность христіанина—терпѣть [4]). Государство, по его мнѣнію, имѣло даже право вмѣшиваться въ дѣла вѣры въ случаяхъ проповѣди возмутительныхъ ученій, ученій несогласныхъ съ ясными текстами св. писанія, въ случаѣ раздоровъ по поводу догматовъ, беря на себя обязанность рѣшать, что̀ согласно съ словомъ божіимъ и что̀ нѣтъ. Пересмотромъ всѣхъ главныхъ политическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія новыхъ началъ занимался также и Меланхтонъ въ Loci communes theologici [5]) и въ Epitome philosophiae moralis, гдѣ онъ развилъ слѣдующія положенія: власть происходитъ отъ Бога; Новый Завѣтъ не установляетъ никакого опредѣленнаго государственнаго устройства, но требуетъ вообще повиновенія властямъ предержащимъ; государство есть хранилище законовъ и охрана религіи; государямъ принадлежитъ право преобразованія (jus reformandi, о коемъ Меланхтонъ написалъ и особую статью) церкви; нечестивымъ повелѣніямъ свѣтской власти повиноваться не слѣдуетъ. Послѣдняя оговорка устраняла безусловность повиновенія, но то, что было нечестиво для подданнаго, могло казаться именно благочестивымъ для правителя, коему Меланхтонъ давалъ право преслѣдовать бого-

---

[1]) См. о Марсиліи Падуанскомъ въ I томѣ (гл. XXIV).
[2]) Объ этомъ см. также въ первомъ томѣ (гл. XXXII).
[3]) Объ этомъ ниже.
[4]) См. выше, стр. 100.
[5]) Отдѣлъ этого труда, озаглавленный: De magistratibus civilibus et dignitate rerum politicarum.

хульство, послѣднее же правитель могъ усматривать какъ разъ въ томъ, что для подданныхъ казалось настоящимъ пониманіемъ писанія.

Лютеранизмъ допускалъ только пассивное сопротивленіе. Мы видѣли, что подъ извѣстными условіями Кальвинъ шелъ далѣе, допуская именно активное сопротивленіе и даже его требуя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и не со стороны отдѣльной личности, а со стороны государственныхъ чиновъ королевства [1]), да и вообще своимъ республиканскимъ церковнымъ строемъ и предоставленіемъ церкви большей независимости отъ государства кальвинизмъ былъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ лютеранство, для политической свободы. Случилось къ тому же еще и такъ, что кальвинизмъ распространился среди подданныхъ католическихъ (слѣдовательно, „нечистивыхъ") королей, и что стремленіе послѣднихъ къ абсолютизму вызывало въ отдѣльныхъ сословіяхъ политическую оппозицію, которая и соединялась съ религіозной: мы это видѣли на примѣрѣ Шотландіи, увидимъ еще на примѣрахъ Франціи и Нидерландовъ, а въ XVII в. и Англіи, гдѣ роль католицизма игралъ въ данномъ случаѣ англиканизмъ. Политическая борьба въ названныхъ странахъ и сопровождалась появленіемъ политическихъ сочиненій въ оппозиціонномъ духѣ. Первымъ изъ нихъ по времени (1573) былъ трудъ Франциска Готмана (Fr. Hotman [2]), подъ заглавіемъ „Franco-Gallia", гдѣ сдѣлана была попытка доказать исторіей, будто во Франціи королевская власть всегда была ограничена правами народа, причемъ, ссылаясь на Полибія и Цицерона, авторъ приводитъ ту мысль, что лучшій образъ правленія смѣшанный изъ монархіи, аристократіи и демократіи, среди коихъ вторая имѣетъ значеніе посредствующаго звена между первою и послѣднею. Книга содержитъ въ себѣ и теоретическіе доводы въ пользу того, что люди должны управляться разумомъ, собраннымъ отъ многихъ. Нужно, однако, замѣтить, что аналогичныя воззрѣнія на французскую монархію, какъ на ограниченную народными правами, высказывалъ и епископъ Клавдій Сейсель (Claude de Seyssel), на книгу коего (La grande monarchie de France) Готманъ дѣлаетъ ссылки. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „Франко-Галліи" (1580) вышла въ свѣтъ „Тяжба противъ тиранновъ "(Vindiciae contra tyrannos) Губерта Ланге́ (Languet): здѣсь авторъ прямо вооружается противъ Макіавелли, который учитъ королей пріобрѣтать самыми незаконными средствами тиранническую власть, и выдвигаетъ на первый планъ теорію договора между правителемъ и народомъ. Теоріи этой принадлежало весьма важное значеніе въ политической исторіи Запада, и первымъ своимъ развитіемъ она обязана кальвинизму (въ XVII в. интепендентству). По ученію Ланге́ государственная власть возникаетъ изъ народнаго из-

¹) См. выше, стр. 188.

²) E. Dareste. Étude sur François Hotman.

бранія, въ доказательство чего онъ ссылался на Библію (избраніе Саула): короли суть исполнители воли Бога (его вассалы), но избираются они народомъ. По природѣ люди свободолюбивы, не терпятъ (impatientes) рабства, а власть установляютъ для собственной пользы: цѣль верховной власти (imperii)—польза народа, и само достоинство короля есть не льгота, не привилегія, а обязанность, призваніе (non vacatio, sed vocatio). Поэтому правитель долженъ подчиняться законамъ, измѣненіе же старыхъ законовъ, установленіе новыхъ и контроль за ихъ исполненіемъ принадлежитъ народу, подъ коимъ Ланге́ разумѣетъ, однако, не весь народъ, бывшій для него „звѣремъ" (bellua), а высшія сословія въ лицѣ ихъ представителей. Народъ въ этомъ значеніи слова у него имѣетъ болѣе власти, чѣмъ король, ибо первый есть хозяинъ корабля, а второй только кормчій: Ланге́ смотритъ на короля, нарушающаго законы, какъ на тиранна по своему поведенію (tyrannus exercitio), хотя бы онъ не былъ незаконно захватившимъ власть деспотомъ (tyrannus absque titulo); какъ Ланге́, такъ и другіе кальвинистическіе писатели, рисуя такого „тиранна", брали черты изъ знакомой имъ политической дѣйствительности. Тираннъ отдѣлывается отъ непріятныхъ ему сановниковъ, придумывая, будто противъ него составляются заговоры, преслѣдуетъ справедливыхъ и серьезныхъ людей, избѣгаетъ собранія государственныхъ чиновъ (сеймовъ или штатовъ), держитъ наемныя войска и шпіоновъ, истощаетъ имущества подданныхъ: заимствуя многое у античныхъ авторовъ, особенно у Аристотеля, Ланге́ (подобно другимъ кальвинистическимъ писателямъ) имѣлъ въ виду и тактику тогдашняго абсолютизма, и макіавеллево возвеличеніе князя съ тиранническимъ характеромъ. Отношенія короля и народа Ланге понимаетъ въ смыслѣ взаимнаго договора и говоритъ, что неисполненіе первымъ законовъ освобождаетъ второй отъ присяги. Уча объ активномъ сопротивленіи, Ланге́ обставлялъ послѣднее извѣстными оговорками, чего не было у іезуитовъ, оправдывавшихъ даже цареубійство (regicidium) частнымъ лицомъ, когда дѣло шло о королѣ-еретикѣ. Онъ говорилъ, что къ отказу въ повиновеніи нельзя прибѣгать по поводу всѣхъ проступковъ короля, и что нужно думать о томъ, какъ бы лѣкарство не стало хуже болѣзни, рекомендуя поэтому прежде всего обратиться къ поступающему незаконно правителю съ увѣщаніемъ и ограничивая право вооруженнаго возстанія иниціативою оптиматовъ, „товарищей" народнаго опекуна: отдѣльное лицо не можетъ имѣть этого права, а потому ему остается только удалиться изъ страны, если государь, напр., заставляетъ его принять другую вѣру. Весь народъ равнымъ образомъ долженъ покорно терпѣть, если за него не вступятся оптиматы и если только правитель есть не деспотъ, превысившій законныя права, а тираннъ, беззаконно захватившій власть. Подъ это понятіе

оптиматовъ, которые не только имѣютъ право, но и обязаны оказывать вооруженное сопротивленіе тиранніи, подводятся у Ланге́ и большая часть (plures) властей, и высшія сословія въ лицѣ своихъ представителей, и даже отдѣльные сановники. Сочиненіе Ланге́ было послѣ труда Марсилія Падуанскаго первымъ систематическимъ трактатомъ, написаннымъ въ духѣ народовластія, а его главная особенность—идея договора между правителемъ и народомъ. Около того же времени (въ 1578 г.) Стефанъ де-ла-Боэси (de la Boëtie), талантливый шестнадцатилѣтній юноша, написалъ страстный памфлетъ подъ заглавіемъ „Противъ одного или рѣчь о добровольномъ рабствѣ" (Contr' un ou de la servitude volontaire), написанный въ защиту политической свободы. Готманъ, Ланге, Ла-Боэси были французы, но и въ другихъ странахъ появлялись подобные же трактаты. Изъ нихъ особенно замѣчательно сочиненіе уже извѣстнаго намъ шотландскаго ученаго и поэта, противника Маріи Стюартъ и воспитателя ея сына Іакова (VI по Шотландіи), уже назвавшагося выше Бюканана „О правѣ королевской власти у шотландцевъ" (De jure regni apud Scotos). Подобно французскимъ кальвинистическимъ трактатамъ, написаннымъ въ эпоху вооруженной борьбы гугенотовъ съ королевскою властью, и трактатъ Бюканана былъ написанъ въ оправданіе политической революціи, которую кальвинисты произвели въ Шотландіи. И у шотландскаго автора мы находимъ опредѣленіе короля, какъ не господина, а стража общества (custos societatis), и ученіе о томъ, что законъ выше короля (lex regepotentior est); и онъ дѣлаетъ характеристику тиранна, пользуясь классическими писателями и современными примѣрами среди католическихъ государей; и онъ понимаетъ отношенія между королемъ и народомъ въ смыслѣ договора, а въ коронаціи (inauguratio) наслѣдственныхъ королей видитъ какъ бы народное избраніе. На Бюкананѣ, получившемъ классическое образованіе, сильно сказались и политическія идеи гуманизма, что можно видѣть между прочимъ изъ ученія о тиранноубійствѣ, которое было въ ходу въ Италіи эпохи Возрожденія,—черта отличающая его отъ Ланге́ и другихъ кальвинистовъ. Достойно вниманія и то, что Бюкананъ, въ противоположность Макіавелли съ его пессимистическимъ взглядомъ на человѣческую природу, приписываетъ душѣ человѣка нѣчто высокое и благородное (sublime quoddam et generosum insitum), въ силу чего онъ повинуется охотно только тому, кто съ хорошими слѣдствіями (utiliter) пользуется властью. Это „sublime quoddam et generosum" было результатомъ религіознаго воодушевленія, да и самой вопросъ о незаконномъ правленіи и сопротивленіи ему возникалъ главнымъ образомъ на почвѣ религіозныхъ отношеній эпохи. Такъ это, кромѣ Франціи и Шотландіи, случилось и въ Нидерландахъ, гдѣ религіозный фанатизмъ и абсолютизмъ Филиппа II вызвали цѣлую революцію. Одинъ изъ ея

дѣятелей, Филиппъ Марниксъ де Сентъ-Альдегондъ обыкновенно разсматривается, какъ дѣятель практическій, какъ одинъ изъ вождей нидерландской революціи, — съ которою мы еще познакомимся,—но онъ былъ еще и политическій писатель, стоявшій на той же самой точкѣ зрѣнія, которая была общею у Ланге́ и Бюканана [1]).

Если гуманистическія свободная мысль и свѣтская культура были затерты религіознымъ движеніемъ реформаціи, относившемся иногда съ фанатическою нетерпимостью къ разуму и къ свѣтской наукѣ и литературѣ, то свобода религіозная и политическая, находившаяся въ большемъ и меньшемъ пренебреженіи у гуманистовъ, была сильно выдвинута передовыми протестантами, хотя настоящее ея развитіе совершается только въ англійскомъ индепенденствѣ XVII в., черезъ которое главнымъ образомъ протестантскія начала и переходятъ въ „просвѣщеніе“ XVIII в. Нужно, однако, замѣтить, что во второй половинѣ XVI в. большою религіозной свободою пользовалась сначала Польша, а потомъ Голландія, т.-е. та часть Нидерландовъ, которая освободилась отъ испанскаго ига.

Мы разсмотрѣли всѣ главныя проявленія реформаціи, протестантизма и сектантства въ XVI вѣкѣ, но *къ числу результатовъ реформаціи нужно еще отнести оживленіе самого католицизма*, слѣдствіемъ коего была такъ-называемая католическая реакція, направившаяся, собственно говоря, противъ реформаціи, но гибельно подѣйствовавшая и на свѣтское Возрожденіе. Хотя на эту реакцію и позволительно смотрѣть, какъ на особый видъ реформаціи [2]) рядомъ съ реформаціей протестантской и сектантской, но съ общей точки зрѣнія это было явленіе, явно стремившееся возвратить культурно-соціальную жизнь Европы къ средневѣковымъ началамъ. Такъ какъ, далѣе, съ середины XVI в., когда эта реакція организовалась, начались страшныя религіозныя войны, посредствомъ коихъ католицизмъ хотѣлъ восторжествовать, войны, окончившіяся лишь въ серединѣ XVII в., то мы и можемъ выдѣлить разсмотрѣніе всѣхъ этихъ фактовъ въ особый отдѣлъ „католической реакціи“, — какъ первой сильной преграды, поставленной со стороны католицизма культурно-соціальному развитію на основаніи принциповъ Ренессанса и реформаціи. Послѣднія двѣ открывали новые пути; реакція, наоборотъ, была явленіемъ регрессивнымъ, и въ качествѣ таковаго, т.-е. какъ движеніе, не вырабатывавшее новыхъ началъ, она и не заслуживаетъ столь подробнаго разсмотрѣнія, какъ реформація.

---

[1]) Въ русской литературѣ есть восполняющая этотъ пробѣлъ книга Н. Н. Любовича „Марниксъ де С. Альдегондъ, какъ политическій писатель“.

[2]) См. выше, стр. 71. Ср. *Maurenbrecher*. Geschichte der katholischen Reformation.

ЭПОХА КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦІИ.

XXVI. Общій взглядъ на католическую реакцію [1]).

Общія соображенія о реакціяхъ вообще и о католической реакціи въ частности.—Силы католическаго міра и ихъ состояніе.—Дезорганизація католицизма.—Причины реакціоннаго настроенія въ обществѣ.—Сущность той реакціи, которая началась въ сороковыхъ годахъ XVI в.—Характеръ новаго католицизма.—Тридентскій соборъ.—Инквизиція и цензура.—Реакція въ Италіи.—Политическая исторія реакціи.—Католическая реакція и политическій абсолютизмъ.

Реформація вызвала католическую реакцію. Это явленіе относится къ числу тѣхъ весьма часто повторяющихся въ исторіи случаевъ, которые многими писателями возводятся въ законъ исторіи, хотя до сихъ поръ въ очень мало еще разработанной теоріи историческаго процесса нѣтъ ни одной попытки освѣтить съ общефилософской точки зрѣнія постоянно наблюдаемую въ исторіи смѣну развитія новыхъ культурно-соціальныхъ явленій діаметрально-противоположной тенденціей возвращенія назадъ. Реакціи, стремящіяся за-

---

[1]) По исторіи католической реакціи вообще см. Maurenbrecher. Geschichte der katholischen Reformation.—Philippson. Les origines du catholicisme moderne. La contrerévolution religieuse. Его же соч. о Филиппѣ II, Генрихѣ IV и Елизаветѣ въ Allgemeine Weltgeschichte Онкена. Сюда же относятся нѣкоторые труды по исторіи реформаціи вообще и въ частности по исторіи подавленія протестантизма въ Италіи и Испаніи (названы выше, на (стр.). Важны также труды по исторіи папства: Ранке. Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII вв. (Rankc. Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat). Brosch. Geschichte des Kirchenstaats (въ собраніи Геерена, Уккерта и Гизебрехта). Объ отдѣльныхъ папахъ соч. Höfler'а (Адріанъ VI), Lorentz'а (Сикстъ V), Hübner'а (тоже). Въ новой литературѣ по исторіи тридентскаго собора см. кромѣ изданій документальнаго матеріала, соч. Sickel'я (Zur Gesch. d. C. von Trient), Maynier (Etude historique sur le Concile de Trente) и др. По инквизиціи Llorente. Histoire critique de l'inquisition d'Espagne.

держать новыя движенія или совсѣмъ ихъ прекратить въ исторіи случаются весьма часто, но большею частью онѣ касаются отдѣльныхъ сторонъ культурно-соціальной жизни и иногда даже не носятъ названія реакцій. Та реакція, о которой теперь будетъ идти рѣчь, представляетъ собою явленіе не только весьма замѣтное, но даже до извѣстной степени охватывавшее всю историческую жизнь европейскаго Запада въ извѣстную эпоху. Такихъ общихъ реакцій новая исторія знаетъ только двѣ. Одною изъ нихъ именно и была та, которую называютъ католической, и сущность ея заключается въ слѣдующемъ: средневѣковой католицизмъ находился самъ въ разложеніи, а противъ него, такъ сказать, извнѣ возникли свѣтская оппозиція и религіозный протестъ, нашедшіе свое выраженіе въ Возрожденіи и реформаціи [1]), но послѣдняя оказала вліяніе на расшатанный католицизмъ, заставивъ его реформироваться и вызвавъ его на борьбу съ протестантизмомъ, которая направилась противъ всего того и въ гуманизмѣ, что противорѣчило традиціямъ средневѣковаго католицизма: это была реакція среднихъ вѣковъ противъ новаго времени. Въ борьбѣ съ католическою реакціей шло вообще все дальнѣйшее культурно-соціальное развитіе, переработавшее прогрессивныя начала гуманизма и протестантизма въ такъ-называемое „просвѣщеніе“ XVIII в., которое въ свою очередь оказало большое вліяніе на общественныя преобразованія XVIII в., преобразованія сверху, путемъ власти („просвѣщенный абсолютизмъ“) и преобразованія снизу, путемъ свободы (французская революція): это новое движеніе окончилось новою бурной эпохой, за которою наступила эпоха реакціи, направившейся противъ революціи, противъ просвѣщеннаго абсолютизма, противъ просвѣщенія XVIII в., а затѣмъ совершенно логически противъ реформаціи и противъ Ренессанса. Однимъ словомъ, въ исторіи западной Европы, взятой въ цѣломъ, за движеніями, обозначаемыми названіями Возрожденія и реформаціи, наступила эпоха католической реакціи, ослабленіе коей знаменуется новыми движеніями впередъ, „просвѣщеніемъ“, просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, революціей 1789 г., возникающими какъ бы для того, чтобы снова склониться передъ реакціей. Собственно говоря, это — два параллельныя теченія въ исторіи Европы, въ коихъ дѣйствуютъ силы инноваторскія и силы консервативныя, всегда существующія въ обществѣ, но не всегда находящіяся въ однѣхъ и тѣхъ же взаимныхъ отношеніяхъ: разложеніе всякой культурно-соціальной системы характеризуется, съ одной стороны, выступленіемъ силъ, стремящихся внести въ жизнь новыя начала, съ другой, полной дезорганизаціей силъ консервативныхъ, что прекрасно иллюстрируется

[1]) См. всю вторую половину I тома.

успѣхами гуманистическаго и реформаціоннаго движеній при совершенномъ внутреннемъ разстройствѣ католицизма; тогда то и наступаетъ движеніе впередъ, успѣхи коего заставляютъ, однако, сплотиться силы консервативныя въ то самое время, какъ часть общества, сначала сочувствовавшая перемѣнамъ, отвращается отъ нихъ, когда онѣ принимаютъ неожиданный или нежелательный для нея характеръ, а другая часть того же общества разочаровывается въ движеніи, когда оно не исполняетъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ и упованій, и напуганные съ обманувшимися или примыкаютъ къ реакціи, или, по крайней мѣрѣ, отступаясь отъ движенія, тѣмъ самымъ его ослабляютъ. Такимъ образомъ происходитъ историческая эволюція, возникая изъ дѣйствія силъ движущихъ и силъ задерживающихъ и слагаясь изъ отдѣльныхъ моментовъ, когда то однѣ силы, то другія берутъ перевѣсъ. Поэтому и въ эпохи движенія впередъ задерживающія силы не бездѣйствуютъ совершенно, и когда наступаетъ настоящая реакція, она оказывается уже имѣющею корни и значительную подготовку въ періодѣ движенія, а съ другой стороны, и въ эпохи реакцій дѣйствуютъ не однѣ задерживающія силы, такъ какъ силы движущія, хотя и ослабленныя, продолжаютъ дѣйствовать, и если ихъ работа не имѣетъ успѣха въ данное время, то ею все-таки подготовляется будущее наступленіе новой эпохи движенія.

Эти общія соображенія [1]) были необходимы для того, чтобы установить ту точку зрѣнія, съ которой мы должны смотрѣть на эпоху католической реакціи, начинаемую обыкновенно (и совершенно правильно) съ сороковыхъ годовъ XVI в., и на самую *реакцію, какъ на выступленіе консервативныхъ силъ католицизма, имѣющее извѣстный успѣхъ, не только благодаря внутреннему ихъ оживленію и лучшей организаціи, но и благодаря тому, что одна часть общества была напугана реформаціей, другая въ ней разочаровалась*, а иногда и благодаря тому, что само реформаціонное движеніе не имѣло большой силы въ странѣ [2]).

Къ сороковымъ годамъ XVI в., когда началось возрожденіе католицизма, едва только возникала еще кальвинистическая организація протестантизма, сильное распространеніе коего относится уже къ слѣдующимъ десятилѣтіямъ, когда организовались силы самого католицизма [3]). Къ этому времени цѣлыя еще страны не были совсѣмъ или особенно серьезно затронуты реформаціоннымъ движеніемъ, да и тамъ, гдѣ оно про-

---

[1]) Теоріи историческихъ движеній (акцій) и реакцій мы думаемъ посвятить часть IV тома „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи", а въ четвертомъ томѣ настоящаго труда представить исторію реакціи, наступившей въ 1815 году.

[2]) Какъ это было въ Польшѣ, о чемъ см. труды проф. Любовича.

[3]) См. выше, стр. 166 и 210.

изошло, оно не одержало полной побѣды: Германія и Швейцарія, бывшія родиной протестантизма, оставались каждая на половину вѣрными католицизму; въ скандинавскихъ государствахъ лютеранство утвердилось не сразу; англійская реформація была дѣломъ правительства, а народъ оставался еще католическимъ. И позднѣе въ Нидерландахъ только часть провинцій отторглась отъ католической церкви, во Франціи и Польшѣ лишь дворяне и горожане главнымъ образомъ (да и то далеко не всѣ) принимали протестантизмъ, а въ Шотландіи и Англіи, отпавшихъ окончательно отъ католицизма въ 1559 г., продолжали еще существовать католическія партіи, не говоря уже о томъ, что народонаселеніе Ирландіи осталось вѣрнымъ старой церкви, такъ какъ новая вѣра шла изъ ненавистной ему Англіи. Наконецъ, южно-романскія страны, т.-е. Италія, Испанія и Португалія почти не были затронуты реформаціоннымъ движеніемъ. Въ Италіи, гдѣ образованное общество воспитывалось подъ вліяніемъ болѣе или менѣе индифферентнаго къ религіи гуманизма, а народъ былъ преданъ католицизму, не желая ничего другого, кромѣ того, что ему давала старая церковь, существовали лишь отдѣльные кружки среди интеллигенціи, состоявшіе изъ послѣдователей лютеранства и цвингліанства, да среди высшихъ сановниковъ церкви было нѣсколько лицъ, желавшихъ реформы церкви на основаніи св. писанія, но противъ протестантовъ и либеральныхъ прелатовъ были приняты мѣры, и реформація въ Италіи прибавила только новыя жертвы къ мартирологу протестантизма [1]). Въ Испаніи католицизмъ и національный патріотизмъ срослись между собою въ одно фанатическое чувство, благодаря вѣковой борьбѣ съ Маврами [2]), и Испанія съ родственною ей Португаліей сдѣлались главнымъ оплотомъ католической реакціи.

Таковы были силы католическаго міра, но *въ немъ господствовала деморализація и дезорганизація*. То, что называли порчей церкви, было одной изъ причинъ реформаціоннаго движенія, которое питалось потомъ справедливыми нареканіями на безнравственность духовенства и его нерадѣніе къ исполненію своихъ обязанностей, — фактъ настолько извѣстный, что историческіе учебники даже выдвигаютъ его на первый планъ, когда заводятъ рѣчь о причинахъ реформаціи, хотя это невѣрно, ибо если гдѣ ужъ должно было по этой причинѣ возникнуть реформаціонное движеніе, такъ въ Италіи, тогда какъ тамъ оно столь же мало проявилось, какъ и въ Испаніи, гдѣ, наоборотъ, клиръ отличался болѣе моральнымъ характеромъ. Во вся-

---

[1]) Erdmann. Die Reformation und ihre Märtyrer in Italien.—Cantù. Gli eretici d'Italia.—Comba. Storia della riforma in Italia.

[2]) См. выше, стр. 7 и 13.

комъ случаѣ, пока своимъ поведеніемъ духовенство давало поводъ протестантамъ нападать на церковь, у реформаціи было однимъ шансомъ больше, а значеніе этого шанса увеличивалось, благодаря тому, что въ противодѣйствіи протестантизму деморализованный клиръ могъ отстаивать только свои свѣтскіе интересы, почти совсѣмъ не заботясь объ интересахъ самой религіи и церкви. Мало того: среди него могли быть случаи отпаденія отъ католицизма ради чисто мірскихъ стремленій, въ родѣ секуляризаціи [1]). Конечно, было и среди духовныхъ лицъ много такихъ, которые душею были преданы католицизму, свято хранили его традиціи и ревностно исполняли то, что составляло ихъ обязанности, но не они задавали тонъ общей политикѣ церкви и оставались дезорганизованными, разъ сами папы реформаціонной эпохи продолжали чисто мірскую политику своихъ дореформаціонныхъ предшественниковъ: въ самомъ дѣлѣ до сороковыхъ годовъ XVI в. папы руководились по прежнему болѣе политическими, чѣмъ церковными интересами; помня констанцскій и базельскій соборы, желавшіе ограничить папскую власть [2]), не хотѣли созывать вселенскій соборъ, котораго требовали не только протестанты (въ началѣ), но и католики, видѣвшіе необходимость реформы; въ эпоху созваннаго наконецъ тридентскаго собора (1545—1563 г.) колебались еще между прежнимъ направленіемъ, приводившимъ ихъ въ столкновеніе изъ-за итальянскихъ дѣлъ съ католическими государями, и новымъ направленіемъ, которое, наоборотъ, требовало союза съ послѣдними въ интересахъ церкви. Вмѣстѣ съ папствомъ находилось въ упадкѣ и монашество, а старые органы борьбы съ „ересью“, въ виду того, что на ея сторонѣ были новое образованіе, многіе государи, цѣлые народы,—и не годились уже для успѣшной борьбы вслѣдствіе деморализаціи и невѣжества, обнаружившагося съ особою силою во время знаменитаго рейхлиновскаго спора [3]). Наконецъ, церковь давно нуждалась въ реформѣ, которая была тѣмъ настоятельнѣе теперь, что многихъ толкало въ протестантизмъ видимое нежеланіе духовной власти произвести самыя необходимыя преобразованія, и что развивавшемуся и систематизировавшемуся протестантизму нужно было противопоставить твердое католическое ученіе, само находившееся въ неудовлетворительномъ состояніи, благодаря существованію нерѣшенныхъ высшимъ авторитетомъ спорныхъ пунктовъ.

Все это вмѣстѣ взятое позволяло протестантизму развиваться и распространяться безъ всякихъ почти препятствій со стороны церкви,

---

[1]) Ср. выше, стр. 208.

[2]) Томъ I, гл. XXXVIII.

[3]) См. выше, стр. 32.

если не считать отлученій, проклятій и обращеній къ свѣтской власти. По тѣмъ же причинамъ и *реакціонное настроеніе, существовавшее у многихъ въ свѣтскомъ обществѣ, сравнительно мало приносило выгоды церкви*, а оно несомнѣнно было: революціонный характеръ движенія напугалъ многихъ нѣмецкихъ князей и отвратилъ ихъ отъ реформаціи [1]), да и другіе государи смотрѣли на нее съ той точки зрѣнія, что она опасна въ политическомъ отношеніи [2]); демократическія и коммунистическія ученія, выступившія подъ религіознымъ знаменемъ, были часто причиною реакціоннаго настроенія въ правящихъ и имущихъ классахъ, и наоборотъ, какъ это случилось, напр., въ Англіи переходъ монастырской собственности къ свѣтскимъ владѣльцамъ, начавшимъ заводить въ новыхъ своихъ владѣніяхъ невыгодные для народа порядки, вызывалъ среди поселянъ демократическое движеніе въ пользу католицизма; самыя неудачи реформаціи, въ Германіи, напр., не приведшей ни къ полному національному освобожденію отъ куріи, ни къ большему политическому единству, ни къ лучшимъ государственнымъ и общественнымъ порядкамъ, охлаждали прежнее къ ней рвеніе и заставляли менѣе враждебно смотрѣть на католицизмъ; реформаціонное разновѣрство, богословскіе споры, появленіе крайнихъ сектъ, смущали многихъ католиковъ, не желавшихъ поэтому покидать церковь съ прочно установленными ученіями ради хаос новыхъ вѣрованій, отвращавшаго отъ себя первоначально самого Кальвина [3]), тогда какъ въ Лютерѣ анабаптизмъ прямо породилъ реакціонное настроеніе [4]); наконецъ, насилія, которыя господствующій протестантизмъ позволялъ себѣ надъ религіозною совѣстью католиковъ, — а эти насилія въ той или другой формѣ бывали вездѣ, особенно же тамъ, гдѣ новый культъ вводился безъ пропаганды соотвѣтственныхъ идей въ народѣ, какъ въ Ирландіи или въ имѣніяхъ польской протестантской шляхты,—насилія эти прямо вызывали оппозицію, которая даже при своей пассивности должна была составлять одинъ изъ элементовъ реакціи, разъ послѣдняя получила бы организацію.

Реформація застала старую церковь совершенно врасплохъ, и *организація католической реакціи противъ реформаціи сразу возникнуть не могла*, тѣмъ болѣе, что ея иниціаторамъ пришлось еще бороться со всѣмъ, что составляло причины деморализаціи и дезорганизаціи клира, да и сами эти иниціаторы явились не тотчасъ же, а когда реформація приняла уже весьма внушительные размѣры. Для того, чтобы

---

[1]) См. выше, стр. 126 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 192 и 199.
[3]) См. выше, стр. 171.
[4]) См. выше, стр. 57 и 71.

воспользоваться реакціоннымъ настроеніемъ разныхъ общественныхъ элементовъ, усилить это настроеніе, сплотить склонныя къ нему соціальныя силы, направить ихъ къ одной цѣли, католической церкви нужно было самой подвергнуться нѣкоторой починкѣ, дисциплинировать клиръ, заставить папство отказаться отъ черезъ-чуръ свѣтской политики, создать новыя средства для борьбы, вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ католическими государями, противопоставить „еретической“ реформаціи свою легальную реформацію. Все это мало-по-малу и произошло, начавшись въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка, когда *на помощь реакціи былъ основанъ новый орденъ іезуитовъ, ставшихъ главными дѣятелями ея* (*1540*), *учреждено было верховное инквизиціонное судилище въ Римѣ* (*1542*), *одновременно организована строгая книжная цензура и созванъ тридентскій соборъ* (*1545*), позднѣе и произведшій католическую реформацію. Католицизмъ организовался для борьбы какъ разъ въ то время, когда протестантизмъ развился въ направленіяхъ, враждебныхъ одно другому, вступившихся между собою въ борьбу и неподдававшихся попыткамъ примиренія и соединенія, благодаря исключительности оффиціальныхъ церквей и теологической нетерпимости: во второй половинѣ XVIв. въ Германіи боролись между собою лютеранство и реформатство (раньше цвингліанство, позднѣе кальвинизмъ), въ Польшѣ—лютеранство, гуситство (исповѣданіе чешскихъ братьевъ), кальвинизмъ и антитринитаризмъ (социніанизмъ), въ Англіи—англиканизмъ и пуританизмъ и т. п. Это несогласіе между собою нововѣровъ было также на руку католической реакціи.

Протестантская и сектантская реформація заставила старую церковь произвести реформацію въ самой себѣ, *но католицизмъ новаго времени, который былъ моложе и протестантизма, и сектантства XVI в., значительно отличался отъ католицизма дореформаціоннаго.* Передъ началомъ реформаціи католицизмъ былъ чѣмъ-то окоченѣвшимъ въ оффиціальномъ формализмѣ, теперь онъ получилъ жизнь и движеніе. „Это не была церковь XIV и XV вв., которая не могла ни жить, ни умереть, а дѣятельная система, приспособляющаяся къ обстоятельствамъ, заискивающая у королей и народовъ, всѣхъ заманивающая, кого—деспотизмомъ и тиранніей, кого—снисходительной терпимостью и свободой; это не безсильное учрежденіе, которое ищетъ помощи извнѣ, не имѣя внутренней силы,—всюду обращается съ просьбой о реформѣ и излѣченіи, не обнаруживая искренняго желанія исправиться и обновиться, а стройная организація, которая пользуется въ обществѣ, ею же перевоспитанномъ, большимъ авторитетомъ и, умѣя фанатизировать массы, руководитъ ими въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Педагогика и дипломатія были двумя великими орудіями, которыми дѣйствовала эта церковь: моделировать лич-

ность на свой фасонъ и съумѣть заставить ее служить чужимъ цѣлямъ такъ, чтобы она сама этого не замѣчала,—были два искусства, особенно отличающія дѣятельность главныхъ представителей возродившагося католицизма. Одной прежней церковной каѳедры и громовъ папскаго отлученія было мало для власти надъ новымъ обществомъ: его нужно было еще такъ воспитать, чтобы оно не шло слушать другихъ проповѣдниковъ, кромѣ католическихъ, чтобы оно не оставалось равнодушнымъ къ отлученію; нужно было еще эксплуатировать человѣческія слабости, чтобы былъ интересъ оставаться католикомъ и служить римской церкви, и нужно было оказывать человѣку поблажки, когда въ этомъ была какая-либо выгода. Эта новая политика имѣла и новый органъ—органъ іезуитовъ" [1]). Вотъ почему мы должны будемъ остановиться болѣе подробно на іезуитахъ и іезуитизмѣ, ограничившись лишь бѣглымъ очеркомъ другихъ факторовъ возрожденія и реакціи католицизма.

Начало реакціи относится къ понтификату Павла III (1534—1549), въ первые годы коего сдѣлались кардиналами благочестивые, склонные къ реформѣ церкви и думавшіе почти одинаково съ Лютеромъ объ оправданіи посредствомъ вѣры Контарини и Садолетъ [2]), находившійся въ перепискѣ съ реформаторами (напр., съ Меланхтономъ), и др., но также и Караффа, отличавшійся благочестіемъ и сознаніемъ необходимости преобразованій въ церкви, но не раздѣлявшій склонности къ усвоенію указаннаго протестантскаго догмата. Въ куріи возникла даже мысль о возможности примиренія съ протестантами при помощи коекакихъ уступокъ и была организована особая коммиссія для составленія проекта преобразованій (consilium de emendanda ecclesia), обнародованнаго потомъ въ 1538 г.: немъ совершенно прямо указывалось на то, что упадокъ церкви былъ причиной отпаденія отъ нея протестантовъ. Примирительныя попытки ни къ чему не привели [3]), и однимъ изъ стойкихъ сторонниковъ неуступчивости былъ упомянутый кардиналъ Караффа. Между тѣмъ Павелъ III, чтобы предупредить Карла V, который желалъ въ это время соглашенія съ лютеранами, созвалъ соборъ въ Тріентѣ или по латинскому произношенію Тридентѣ (1542), но онъ вскорѣ былъ отсроченъ (1543) и открытъ только въ 1545 году. Не разсказывая исторіи этого собора, продолжавшагося

---

[1]) Очеркъ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ, стр. 154—155. Въ 1540 г. въ Италіи вошло сочиненіе въ протестантскомъ духѣ „о благодѣяніи Христа" (Del beneficio del Cristo).

[2]) См. выше, стр. 176.

[3]) См. выше, стр. 133.

съ большими перерывами до 1563 [1]) и переносившагося въ Болонью, мы ограничимся однимъ выясненіемъ общаго его значенія. Идея соборной реформы церкви была вообще популярна въ первой половинѣ XVI в., но это была идея старая, во имя которой въ первой половинѣ XV в. созывались соборы въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ, окончившіеся, правда, неудачею [2]). Воспоминаніе объ этихъ соборахъ было крайне непріятно для папства реформаціонной эпохи, ибо созывались они въ силу той идеи, что вселенскій соборъ выше папы, и что причина порчи церкви заключается въ неограниченности папской власти, не говоря уже, что въ требованіи Карла V созвать соборъ папы видѣли опасность и въ иномъ отношеніи, ибо соборъ могъ бы сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ властолюбиваго императора. Значеніе тридентскаго собора въ томъ и заключается прежде всего, что *на немъ возобладало направленіе строго папистское*—и въ смыслѣ папскаго главенства въ церкви, и въ смыслѣ господства церкви надъ государствомъ, т.-е. направленіе, которое было діаметрально противоположно и прежней соборной идеѣ XIV—XV в., и государственнымъ стремленіямъ эпохи, а также разумѣется, и протестантизму; произошло это, благодаря тому, что большинство на соборѣ было итальянское, что націи, на немъ присутствовавшія, имѣли неодинаковые интересы, и что въ концѣ его засѣданій уже дѣйствовала главная сила возрождавшагося католицизма—іезуиты. Съ другой стороны, здѣсь была пересмотрѣна вся церковная догматика, рѣшены спорные ея вопросы и всѣ ученія церкви уложены въ систему, но такъ, что вездѣ преобладала тенденція—*какъ можно рѣзче противопоставить католическое ученіе протестантскому*, между тѣмъ какъ Карлъ V предлагалъ, наоборотъ, такую программу, которая сглаживала различія между обоими вѣроисповѣданіями. Строго-реакціонный характеръ тридентскій соборъ получилъ, однако, не сразу, и въ первое время на немъ преобладали даже иныя теченія, вмѣстѣ съ чѣмъ обнаружились всѣ тѣ внутреннія несогласія, какія были въ лонѣ самой церкви: догматическія опредѣленія, коими занялся соборъ, вызвали споры разныхъ схоластическихъ школъ, а съ ними и антагонизмъ монашескихъ орденовъ, державшихся разныхъ направленій; между епископами и генералами монашескихъ орденовъ равнымъ образомъ происходили несогласія изъ-за монаховъ, не хотѣвшихъ подчиняться епархіальной власти; расходились далѣе интересы отдѣльныхъ націй, интересы духовной и свѣтской власти, интересы епископата и папы. Но къ концу засѣданій все было рѣшено при сильномъ вліяніи іезуитовъ къ наибольшей

[1]) Всѣхъ съѣздовъ собора было три: 1545—1547, 1551—1552 и самый главный съ начала 1562 по конецъ 1563 г.

[2]) Томъ I, гл. XXXVIII.

выгодѣ для папства и католическихъ традицій. Настоящимъ папой реставраціи католицизма былъ кардиналъ Караффа, сидѣвшій на престолѣ св. Петра подъ именемъ Павла IV, отъ 1555—1559 г., возстановитель инквизиціи и организаторъ цензуры, пытавшійся даже взять дѣло реформы въ свои руки помимо собора, который и не засѣдалъ, пока Павелъ IV былъ папой. Соборъ возобновился и окончился уже при его преемникѣ Піи IV, когда старыя тенденціи окончательно возобладали и соборъ имѣлъ уже строго-католическій, рѣзко анти-протестантскій характеръ. Своими постановленіями онъ не только опредѣлилъ, во что должны были вѣровать католики, но и принялъ цѣлый рядъ мѣръ для того, чтобы сдѣлать духовенство болѣе образованнымъ, нравственнымъ, дисциплинированнымъ, преданнымъ интересамъ церкви, устранивъ изъ церковной жизни все, что подавало поводъ къ особому соблазну даже среди католиковъ, напр., торгъ индульгенціями. Послѣ этого *католическая церковь получила характеръ неподвижности* въ противоположность протестантизму, въ коемъ продолжалось внутреннее развитіе, и три вѣка, до ватиканскаго собора 1869—1870 г., провозгласившаго догматъ папской непогрѣшимости, болѣе не созывалось въ католической церкви общаго собора. Задачею католицизма, кромѣ борьбы съ протестантизмомъ, сдѣлалось теперь поддерживать систему, созданную тридентскимъ соборомъ, преслѣдуя, даже среди строго вѣрныхъ церкви богослововъ, малѣйшее отступленіе отъ разъ на всегда утвержденныхъ понятій, но эта неизмѣнность могла быть только результатомъ искусно направленной къ тому дѣятельности, сочетанія репрессивныхъ мѣръ, каковыми были преслѣдованія мнѣній, книгъ и людей цензурою и занесеніемъ вредныхъ произведеній въ особый списокъ запрещенныхъ книгъ (Index librorum prohibitorum 1559 г.), а также приговорами инквизиціоннаго трибунала,—съ мѣрами педагогическими и дипломатическими, въ которыхъ особыми мастерами были іезуиты.

Въ 1564 г. Пій IV утвердилъ тридентскія постановленія, заявивъ, что право ихъ толкованія принадлежитъ исключительно папѣ, подъ угрозою церковнаго наказанія всякому, кто вздумалъ бы создавать къ нимъ собственные комментаріи. Постановленія эти встрѣтили, однако, протесты со стороны императора Фердинанда I, испанскаго короля Филиппа II и французскаго правительства, принявшихъ ихъ только съ оговорками, главнымъ образомъ въ виду заявленій о папскомъ полновластіи надъ государствомъ и въ виду ихъ противорѣчій съ мѣстными законами. Духовенство равнымъ образомъ не вездѣ дружелюбно къ нимъ относилось и даже ихъ оспаривало, какъ это случилось, напр., въ Польшѣ, гдѣ высшій клиръ принялъ ихъ лишь черезъ тринадцать лѣтъ (1577) послѣ того, какъ далъ на нихъ свое согласіе король Сигиз-

мундъ Августъ (1564). Главными дѣятелями въ проведеніи тридентскихъ реформъ въ жизнь отдѣльныхъ странъ были опять-таки іезуиты [1]). Со стороны протестантовъ тридентскій соборъ былъ встрѣченъ полемикою, начатою еще въ первые годы его засѣданій Кальвиномъ (Acta synodi tridentinae cum antidoto, 1547) и продолжавшеюся еще послѣ его закрытія (Examen concilii tridentini лютеранскаго богослова Хемница др.).

Тридентскій соборъ возродилъ католическую церковь, но на основаніи возвращенія къ старымъ началамъ. Еще раньше, чѣмъ составлены были его постановленія и стали входить въ жизнь въ католическихъ странахъ, папство уже начало безпощадную реакцію въ Италіи. Главнымъ ея орудіемъ былъ „sanctum officium", какъ оффиціально называлась инквизиція, имѣвшая свою верховную конгрегацію, организованную по образу испанской инквизиціи съ неограниченною властью въ дѣлахъ вѣры. Во главѣ этого страшнаго учрежденія сталъ Караффа, разославшій шпіоновъ по всей Италіи, такъ какъ отдѣльныя итальянскія правительства приняли инквизицію, не вездѣ даже подчинивъ ее своему надзору (1542). Въ 1543 г. безъ одобренія sancti officii запрещено было печатать книги, а позднѣе былъ составленъ index librorum prohibitorum, въ который попали не только протестантскія сочиненія, но и всѣ книги, не подходившія къ духу строгаго католицизма. Начались розыски, гоненія, отъ которыхъ одни спасались бѣгствомъ, чтобы не попасть въ тюрьму или на костеръ, тогда какъ другіе спѣшили подчиняться церкви но и при всемъ томъ было совершено много казней. Въ этихъ гоненіяхъ нанесенъ былъ ударъ не только религіозному разномыслію, но и свѣтскому гуманизму, нанесенъ былъ страшный ударъ всей итальянской культурѣ. Въ итальянскомъ обществѣ не было ни большого религіознаго энтузіазма, при которомъ могло бы проявиться не одно мученичество за вѣру, но и борьба за свободу совѣсти,—ни свободнаго общественнаго духа, давно подавленнаго деспотизмомъ князей и усыпленнаго льстивою придворною литературою, настолько вообще отсутствовавшаго въ странѣ, что фанатическая реакція не вызвала противъ себя и политическаго движенія. Мало того: итальянцы продолжали гордиться тѣмъ, что клиръ всѣхъ странъ подчиняется итальянскому владыкѣ, живущему въ Римѣ, и видѣли въ могущественномъ папствѣ даже условіе, необходимое для того, чтобы ихъ отечество было политически независимо и могущественно. Мало-по-малу Италія изъ передовой страны, въ которой ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проявились первые признаки наступленія новаго времени, сдѣлалась одною изъ тѣхъ странъ, гдѣ господствовалъ безраздѣльно нетерпимый

[1]) По окончаніи собора папа Пій IV обнародовалъ еще „Тридентское исповѣданіе вѣры" (Confessio fidei tridentinae).

католицизмъ, убивавшій всякое живое культурное и общественное движеніе, уничтожавшій результаты, которые были уже произведены такими историческими движеніями, какъ Возрожденіе и реформація, приводившій цѣлыя націи къ умственному застою, къ политической неподвижности, стремившійся вернуть историческую жизнь на всемъ Западѣ къ средневѣковымъ міросозерцанію и быту, насколько на нихъ покоились господство папства, духовенства и монашества. Но Италія— въ томъ-то и дѣло—не была единственною страною, которою овладѣла, реакція: послѣдняя охватила еще государства пиренейскаго полуострова, католическія земли Германіи, Польшу, присоединивъ къ главному своему церковному центру—Риму три центра политическихъ: Мадридъ на юго-западѣ, Вѣну въ центрѣ и Варшаву на сѣверо-востокѣ католическаго міра.

Католическая реакція имѣетъ длинную и сложную исторію, но сущность этой исторіи всегда и вездѣ была одна и та же. Въ культурно-соціальномъ отношеніи это была исторія теологическаго и клерикальнаго подавленія независимой мысли и общественной свободы, подавленія, въ коемъ съ представителями возрожденнаго и воинствующаго католицизма соперничали иногда, но далеко не съ такою ревностью и такимъ успѣхомъ, представители протестантской нетерпимости и протестантскаго ригоризма, не говоря уже о томъ, что у реформаціи была масса положительныхъ сторонъ, коихъ былъ лишенъ іезуитскій католицизмъ XVI вѣка [1]). У католической реакціи была и своя политическая исторія, сводившаяся къ подчиненію внутренней и внѣшней политики цѣлыхъ государствъ реакціонному направленію, къ образованію изъ нихъ большого международнаго союза, къ возбужденію въ его членахъ вражды противъ протестантскихъ странъ, даже къ вмѣшательству во внутреннія дѣла этихъ послѣднихъ. Главными политическими силами реакціи были съ середины XVI в. Испанія Филиппа II (1555—1598) и его преемниковъ, съ послѣдней четверти того же вѣка—Австрія, которая особую роль играетъ въ первой половинѣ XVII в. (тридцатилѣтняя война), наконецъ, съ исхода XVI столѣтія—Польша, сдѣлавшаяся операціоннымъ базисомъ католической церкви и противъ православія. Изъ этихъ трехъ государствъ два принадлежали Габсбургамъ, Испанія—старшей линіи, которая вела свое происхожденіе отъ Филиппа II, сына Карла V, Австрія—младшей линіи, происходившей отъ брата Карла V и его преемника на императорскомъ престолѣ (1556—1564) Фердинанда I: Габсбурги и стали главными представителями католической реакціи и въ эпоху религіозныхъ войнъ второй половины XVI в., когда на первомъ планѣ стояла Испанія, и въ первой половинѣ XVII,

---

[1]) Ср. выше, стр. 248.

когда велась громадная общеевропейская война, извѣстная подъ названіемъ тридцатилѣтней, когда австрійскіе Габсбурги стремились къ тому, чтобы поднять свое значеніе въ Германіи и въ Европѣ въ союзѣ съ католическою реакціей. Послѣдняя дѣлала попытки завладѣть и Франціей, но соперничество французскихъ королей [1]) съ Габсбургами, ставшими во главѣ реакціонной международной политики, уже одно было препятствіемъ къ тому, чтобы эта страна могла вообще находиться въ одномъ лагерѣ съ Испаніей и Австріей. Тѣмъ не менѣе отъ традиціонной политики соперничества съ Габсбургами и здѣсь бывали временныя отступленія, да и внутри страны общеевропейская реакція имѣла силу, именно въ эпоху религіозныхъ войнъ второй половины XVI в. и сто лѣтъ спустя, во времена отмѣны нантскаго эдикта (1685), коимъ обезпечивались религіозныя права французскихъ протестантовъ. Уже Францискъ I, все свое царствованіе боровшійся съ Карломъ V, начинаетъ прибѣгать къ протестантскимъ союзамъ (съ нѣмецкими князьями); той же политики держится Генрихъ II [2]); въ концѣ XVI и началѣ XVII в. ее прямо возводитъ въ систему Генрихъ IV, и ея же въ первой половинѣ XVII столѣтія придерживается въ царствованіе Людовика XIII знаменитый кардиналъ Ришелье, благодаря которому Франція приняла участіе въ тридцатилѣтней войнѣ не на сторонѣ католиковъ. Не нужно, далѣе, забывать, что католическая реакція началась какъ разъ въ то время, когда возникло и стало распространяться реформаціонное движеніе въ странахъ, которыя до того времени лишь слабо имъ были затронуты, въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ: движеніе это не могло уже совершаться внѣ всякихъ международныхъ осложненій, и политическій интересъ заставлялъ сближаться между собою единовѣрныя государства. Въ Шотландіи, когда тамъ совершалась реформація, боролись между собою французское и англійское вліянія [3]); во внутреннія дѣла Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ вмѣшалась Испанія; реформація въ Нидерландахъ была въ то же время возстаніемъ противъ Испаніи, въ коемъ оказались заинтересованными и французскіе протестанты, и англійское правительство. Какъ Испанія во второй половинѣ XVI в. была главною силою католическаго лагеря, такъ Англія при Елизаветѣ играла роль защитницы протестантизма на континентѣ, вслѣдствіе чего на эту страну были направлены особенныя усилія католической реакціи и Филиппа II. Реакція дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи и въ Швеціи; между прочимъ одинъ изъ внуковъ Густава Вазы (Сигизмундъ III, избранный на польскій престолъ, еще будучи шведскимъ королеви-

---

[1]) Ср. выше, стр. 43 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 144, 193 и др.

[3]) См. выше стр. 212 и слѣд.

чемъ) принимаетъ католицизмъ и мечтаетъ о его реставраціи въ странѣ, опираясь на Польшу, уже перешедшую при немъ въ реакціонный лагерь. До усиленія реакціи въ серединѣ XVI в. религіозныя междоусобія не получали международнаго характера: напр., и въ тѣхъ смутахъ, которыя происходили въ Германіи въ первой половинѣ XVI в., иностранное вмѣшательство было едва замѣтно, но новыя смуты въ той же Германіи въ первой половинѣ XVII в. повели къ большой международной войнѣ, въ которой приняли участіе главныя силы католическаго міра, съ одной стороны, а въ качествѣ защитниковъ протестантизма выступили между прочимъ и Данія и Швеція. Наконецъ, при Кромвелѣ Англія еще разъ играла роль защитницы протестантизма. Хотя послѣ вестфальскаго мира религіозныя войны кончаются, но и въ эпоху Людовика XIV противоположность католической и протестантской политики выразилась въ той оппозиціи, какую дѣлала Франціи Голландія, особенно когда во Франціи начали преслѣдовать протестантовъ, а въ Англіи Іаковъ II Стюартъ замыслилъ реставрацію католицизма.

Въ этой политической борьбѣ католицизма съ протестантизмомъ до нѣкоторой степени мы *наблюдаемъ и борьбу абсолютизма съ политической свободой*, не только въ отдѣльныхъ странахъ, въ Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ, но и на болѣе широкой аренѣ общеевропейской политики: съ середины XVI в. до середины XVII в. католическія габсбургскія государства, а во второй половинѣ XVII в. реакціонная Франція Людовика XIV, съ одной стороны, съ другой же Англія и Голландія, въ коихъ протестантизмъ и политическая свобода стали какъ бы нераздѣльными, могутъ быть разсматриваемы, какъ представительницы католическаго абсолютизма и протестантской свободы, хотя, конечно, обобщать этихъ фактовъ не слѣдуетъ, такъ какъ абсолютизмъ былъ силенъ и въ нѣмецкихъ протестантскихъ княжествахъ, а въ Польшѣ эпоха католической реакціи была временемъ и наибольшаго, хотя и въ высшей степени уродливаго развитія политической свободы. Впрочемъ, и случайнаго ничего въ указанномъ явленіи не было: католическая реакція и политическій абсолютизмъ, такъ сказать, заключили между собою союзъ въ виду выгодъ, какія изъ него вытекали для государственной власти и для церкви, а въ Голландіи XVI в., равно какъ и въ Англіи XVII в. политическая свобода вышла побѣдительницей изъ борьбы съ абсолютизмомъ при сильномъ содѣйствіи передового протестантизма, выставившаго уже извѣстныя намъ политическія теоріи [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 245—248.

XXII. Орденъ іезуитовъ [1]).

Общее значеніе іезуитовъ.—Разложеніе монашества.—Новые монашескіе ордена. —Отличіе отъ нихъ іезуитовъ. — Игнатій Лойола. — Основаніе Societatis Iesu.— Распространеніе ордена.—Его внутреннее устройство и орденская дисциплина.— Дѣятельность іезуитовъ.—Іезуитская педагогія, мораль и политика.

Орденъ іезуитовъ играетъ слишкомъ видную роль въ исторіи реставраціи католицизма и его реакціи противъ всѣхъ новыхъ культурно-соціальныхъ явленій, чтобы на немъ не остановиться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что, возникши въ южно-романскихъ странахъ, онъ пріобрѣлъ весьма скоро общеевропейское значеніе, какъ организованная сила католической реакціи. Общій духъ этого ордена въ высшей степени характеристиченъ для возродившагося католицизма, а его дѣятельность постоянно замѣчается и въ дѣлѣ реформаціи самой католической церкви, произведенной на тридентскомъ соборѣ, и въ перевоспитаніи свѣтскаго общества въ строго-католическомъ духѣ, и въ той внутренней и внѣшней политикѣ западныхъ государствъ, которая имѣла отношеніе къ борьбѣ католицизма съ протестантизмомъ, начиная отъ аугсбургскаго религіознаго мира (1555 г.) и кончая миромъ вестфальскимъ (1648 г.), не упоминая уже о временахъ и болѣе позднихъ.

Іезуиты не были единственнымъ новымъ орденомъ, основаннымъ въ эту эпоху для надобностей католической церкви, такъ какъ старые ордена не соотвѣтствовали новымъ задачамъ, какія ставило церкви

---

[1]) О Лойолѣ и іезуитахъ, см. Genelli. Das Leben des heil. Ignaz von Loyola.—Baumgarten. Ignatius von Loyola.—Gothein. Ignatius von Loyola.—Druffel. I. v. L. an der römischen Kurie.—Cretineau-Joly. Histoire de la compagnie de Jesus.—Huber. Das Iesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte charakterisirt. — Sugenheim. Geschichte der Jesuiten in Deutschland.—Lang. Geschichte der Jesuiten in Bayern.—Krasicki. De Societatis Iesu in Polonia primordiis.—Moraczewski. Jesuici w Polsce.—Извѣстно, что іезуиты имѣли отношеніе и къ русской исторіи, о чемъ см. сочиненія Морошкина, гр. Д. Толстого (Le catholicisme romain en Russie), Морошкина (Іезуиты въ Россіи), проф. Любовича (брошюра объ іезуитахъ въ з. Россіи), а также рядъ работъ Pierling'а, касающихся Рима, іезуитовъ и Россіи въ XVI вѣкѣ (Rome et Moscou.—Un nonce de pape en Moscovie.—Le Saint siège, la Pologne et Moscou и др.). Объ іезуитской педагогіи и политическихъ ученіяхъ вообще см. въ сочиненіяхъ по исторіи воспитанія и обученія и политическихъ теорій, но есть нѣсколько и особыхъ работъ, каковы: Baumgarten. Das Schulwesen der Jesuiten.—Muczkowski. Szkoly jezuickie. Нужно замѣтить, что многія сочиненія о іезуитахъ написаны въ іезуитскомъ или правовѣрно-католическомъ духѣ, что обязываетъ къ величайшей осторожности при пользованіи ими.

распространеніе протестантизма. Вообще католицизмъ не разъ прибѣгалъ къ созданію новыхъ монашескихъ орденовъ или реформировалъ старые, когда представлялась необходимость какой-либо борьбы; напр., въ XIII в., въ эпоху альбигойства и вальденства [1]), были созданы нищенствующіе ордена доминиканцевъ и францисканцевъ. Старые ордена часто, однако, приходили въ упадокъ, ибо общая порча церкви касалась и ихъ. Доминиканскій орденъ. славившійся своею ученостью, отсталъ отъ просвѣщенія своего вѣка, и побѣда гуманистовъ надъ его представителями въ знаменитомъ рейхлиновскомъ спорѣ указывала на то, что не этому ордену было бороться съ новыми, враждебными церкви движеніями. Другіе ордена состояли изъ невѣжественныхъ монаховъ, своею алчностью и часто зазорнымъ поведеніемъ возбуждавшихъ противъ себя насмѣшки, негодованіе и ненависть, такъ что оппозиція противъ католицизма даже приняла преимущественно антимонашескій характеръ: гуманисты были принципіальными противниками аскетизма и врагами схоластическаго характера монашеской учености; моралисты и публицисты эпохи преслѣдовали монаховъ сатирой и обличеніями, и въ томъ же смыслѣ дѣйствовали предшественники реформаціи; народъ, наконецъ, былъ недоволенъ праздностью и алчностью монаховъ, а монастырское землевладѣніе уже обращало на себя взоры дворянства и правительствъ, какъ возможная добыча. Не надо забывать и того, что изъ монашества подчасъ возникала и оппозиція противъ папства, какъ это было, напр., въ XIV вѣкѣ, когда съ развращенной куріей вступили въ борьбу минориты [2]). Сама реформація въ лицѣ Лютера вышла изъ августинскаго монастыря, который быстро опустѣлъ послѣ первыхъ протестовъ Лютера, а примѣру августинскихъ монаховъ въ Виттенбергѣ послѣдовали и монахи другихъ орденовъ. Гдѣ не сами они уходили, тамъ ихъ выгоняли насильно, когда началась секуляризація монастырской собственности; да и вообще реформація отвергала монашество. Новыя воззрѣнія на монашескіе обѣты стали проникать и въ католическую среду, и все это вносило еще бо́льшее разложеніе и разстройство въ жизнь монастырей. Но въ католическихъ націяхъ были элементы, не тронутые ни гуманизмомъ, ни реформаціей, да и въ самихъ монастыряхъ не было недостатка въ людяхъ, вѣрныхъ обѣтамъ аскетизма и преданныхъ интересамъ церкви. Реформація во многихъ изъ нихъ даже оживила католическія чувства, а церковь не могла отказаться ни отъ принциповъ аскетизма, ни отъ той помощи, какую оказывали ей разные ордена, и вотъ результатомъ этого было преобразованіе старыхъ и основаніе новыхъ орденовъ, такъ что *реформація, наносившая ударъ*

---

[1]) Томъ I, глава XXXIX.

[2]) Обо всемъ этомъ см. въ I томѣ.

монашеству тамъ, гдѣ она утвердилась, содѣйствовала, наоборотъ, его возрожденію въ странахъ, ее не принявшихъ. Въ 1528—29 гг. часть францисканскаго ордена получила новое устройство и сдѣлалась извѣстной подъ названіемъ капуциновъ (отъ капюшона остроконечной формы), и хотя послѣдніе пришли-было въ столкновеніе съ куріей, тѣмъ не менѣе на нихъ было возложено проповѣдовать простонародью, отъ котораго они не отличались ничѣмъ—ни своею неопрятностью, ни грубостью понятій, ни рѣзкостью и часто неприличностью выраженій; изъ Италіи капуцины распространились по Франціи, Испаніи, Германіи, Швейцаріи. Около 1540 г. возникли и другіе ордена. Не перечисляя ихъ всѣхъ, отмѣтимъ урсулинокъ, взявшихъ на себя воспитаніе дѣтей въ строгомъ католицизмѣ (учр. 1538 г., утверж. 1544); театинцевъ, учрежденныхъ для воспитанія будущихъ священниковъ въ строгихъ нравахъ, орденъ, къ которому принадлежалъ кардиналъ Караффа (папа Павелъ IV); ораторійцевъ или тринитаріевъ (братство св. Троицы) —для поддержанія благочестія въ духовенствѣ. Упомянемъ еще вообще, что разныя другія религіозныя братства и общины брали на себя заботы о бѣдныхъ и больныхъ, поддержку въ простомъ народѣ нравственности, обученіе дѣтей и т. п., такъ что монашество, позабывшее-было матеріальныя и духовныя нужды народа, коимъ оно служило въ болѣе старыя времена, опять стало брать на себя труды по общественной благотворительности, народному образованію и моральному воспитанію массъ, что весьма сильно содѣйствовало возрожденію католицизма и развитію аскетическихъ стремленій въ самой церкви. Вся исторія второй половины XVI в. и слѣдующаго столѣтія наполнена примѣрами появленія новыхъ братствъ и общинъ съ благочестивыми цѣлями или отдѣльныхъ личностей, прославившихся святостью жизни и подвигами благотворенія въ родѣ итальянца Карла Борромея (1538—1584), савойца Франсуа де Саля (1567—1622), француза Викентія де Поля (Saint Vincent de Paul, 1576—1566) или испанца Іосифа Каласансе (1556—1648), основателя ордена піаровъ (fratres scholarum piarum), поставившихъ своею задачею безплатное обученіе дѣтей [1]).

Все это была, однако, реставрація средневѣковой старины: *совершенно новыя явленія мы встрѣчаемъ только въ орденѣ іезуитовъ.* Хотя многіе изъ орденовъ, возникшихъ въ XVI в., имѣли своею задачей поддерживать католицизмъ противъ разрушительнаго дѣйствія реформа-

[1]) См. старое соч. Helyot. Histoire des ordes monastiques (1718), а также біографіи отдѣльныхъ дѣятелей въ родѣ основателя ораторійцевъ Филиппа Нери (Copecelatro. The life of St. Philipp Neri), Викентія де-Поля (Loth. St. Vincent de Paul. Feillrt La misére an temps de la Fronde et S. V. de Panl) и т. п.

ціи, тѣмъ не менѣе ни одинъ не дѣлалъ изъ этого такой своей задачи, какъ іезуиты: всѣ остальные ордена были учреждаемы съ спеціальными цѣлями или проповѣди простонародью, или образованія духовенства, или обученія дѣтей и т. п., тогда какъ дѣятельность іезуитовъ отличалась крайнимъ разнообразіемъ, имѣла характеръ универсальный. Съ другой стороны, многія другія братства имѣли чисто мѣстный характеръ, утвердившись главнымъ образомъ въ одной какой-либо странѣ, между тѣмъ какъ іезуиты распространились по всѣмъ европейскимъ государствамъ, покрывъ сѣтью своихъ учрежденій всю западную Европу и даже начавъ играть важную роль въ странахъ внѣ-европейскихъ—въ роли миссіонеровъ и колонизаторовъ. Но что особенно важно, *средневѣковой аскетизмъ въ орденѣ іезуитовъ былъ, такъ сказать, замѣненъ дипломатическимъ искусствомъ новаго времени*, ибо благодаря этому возрожденный католицизмъ и получилъ совершенно новый характеръ. Основателями и первыми членами ордена были испанцы (съ португальцами) и итальянцы: можно сказать, что до фанатизма преданная католической церкви Испанія поставила ордену его цѣль служить этой церкви, тогда какъ Италія, въ которой папство давно сдѣлалось мірскимъ по своему характеру учрежденіемъ, и гдѣ особое развитіе получили не стѣснявшаяся средствами политика („маккіавеллизмъ“), тонкое дипломатическое искусство, индифферентная къ истинѣ софистика,—создала систему средствъ, коими орденъ достигалъ своихъ цѣлей. Всякими, дозволенными и недозволенными, средствами іезуиты содѣйствовали внутреннему возрожденію въ католицизмѣ его средневѣковыхъ началъ, закрѣпляли связи между католиками разныхъ странъ и св. престоломъ, содѣйствовали организаціи силъ католицизма для борьбы съ ересью, возвращали въ лоно церкви отпавшихъ ея членовъ, вознаграждали убыли католицизма новыми пріобрѣтеніями, направивъ свою дѣятельность и на православный Востокъ [1]) и на внѣ-европейскія страны, причемъ іезуиты занимали самыя разнообразныя положенія въ церкви, государствѣ и обществѣ, выступая, напр., въ роли духовниковъ и совѣтниковъ государей, политическихъ и дипломатическихъ агентовъ, исповѣдниковъ и проповѣдниковъ въ католическомъ обществѣ, воспитателей и наставниковъ юношества и организаторовъ, начальниковъ, учителей публичныхъ школъ, ученыхъ и писателей, благотворителей и христіанскихъ миссіонеровъ въ другихъ частяхъ свѣта,—такъ какъ среди членовъ ордена находилось мѣсто для людей разныхъ способностей, настроеній и характеровъ, дѣятельность ихъ разнообразилась до безконечности въ зависимости отъ

---

[1]) Іезуиты въ русскихъ земляхъ Польско-литовскаго государства и ихъ попытки, направленныя на тогдашнюю „Московію“.

личныхъ качествъ самихъ дѣятелей и тѣхъ людей, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло, отъ самаго свойства той или другой политической, педагогической, литературной или иной какой-либо задачи, отъ той, наконецъ, культурно-соціальной среды, въ какой приходилось дѣйствовать. И вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ имѣлъ организацію, въ которой были соединены принципы католической іерархіи съ такими началами, на какихъ обыкновенно бываютъ основаны военная дисциплина и бюрократическая тайна или весь строй и все поведеніе тайныхъ обществъ.

Основателемъ ордена былъ испанскій дворянинъ Игнатій (Иниго) Лойола (род. 1491 г.), скончавшійся (1556 г.) въ должности перваго „генерала" ордена, но настоящимъ его организаторомъ, безъ котораго орденъ, быть можетъ, и не получилъ бы такого значенія, былъ преемникъ Лойолы Діего Лайнезъ (ум. 1565 г.), одинъ изъ видныхъ дѣятелей тридентскаго собора [1]), при которомъ (1558 г.) іезуиты окончательно приняли написанный Лойолою уставъ (Constitutiones) съ объясненіями (declarationes) новаго своего начальника и членамъ ордена разрѣшено было вести свѣтскій образъ жизни.

Лойола въ ранней юности былъ пажемъ при дворѣ Фердинанда Католика, но праздная жизнь придворнаго кавалера ему надоѣла, и стремленіе къ подвигамъ и приключеніямъ, воспитывавшееся въ то время между прочимъ и чтеніемъ рыцарскихъ романовъ, увлекло его въ военную службу. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ участвовалъ въ войнѣ Карла V съ Францискомъ I, во время которой однажды ядро раздробило его правую ногу. Пришлось подвергнуться мучительной операціи, послѣ которой Лойола остался все-таки хромымъ, а чтеніе, во время болѣзни, житій святыхъ направило его страстную и дѣятельную натуру къ новой цѣли — служить св. церкви въ качествѣ духовнаго рыцаря, такъ какъ святые подвижники, жизнеописанія коихъ онъ читалъ, увлекли его воображеніе и своимъ героизмомъ, и своею славою. Это было, однако, религіозное настроеніе, весьма отличное отъ того, которое нѣсколько раньше сдѣлало Лютера монахомъ: если, между прочимъ, нѣмецкій реформаторъ, идя въ монастырь, заботился прежде всего о своемъ личномъ спасеніи, то цѣлью стремленій Лойолы было служеніе церкви, какъ онъ только и могъ его, конечно, понимать при своемъ строго-католическомъ воспитаніи и рыцарскомъ настроеніи, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что это богоугодное дѣло доставитъ ему небесную славу.— Указанный переворотъ въ жизни Лойолы произошелъ въ томъ самомъ году (1522), когда въ Германіи уже начиналось реформаціонное движеніе, и весьма естественно, что для рыцаря католицизма борьба съ ересью должна была впослѣдствіи сдѣлаться одною изъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 257—258.

главныхъ задачъ. Случилось это, впрочемъ, не сразу. Сначала Лойола отправился въ Монсерратъ, гдѣ былъ чудотворный образъ Богоматери, повѣсилъ при этой иконѣ свой мечъ и съ посохомъ въ рукахъ простоялъ цѣлую ночь у нея на стражѣ, подобно тому, какъ это дѣлали романическіе рыцари, оказывая тѣмъ почетъ дамамъ своего сердца. Затѣмъ онъ задумалъ идти на богомолье въ Святую Землю въ подражаніе прежнимъ паломникамъ и крестоносцамъ, но это ему удалось не тотчасъ же, по причинѣ заразной болѣзни, свирѣпствовавшей на Востокѣ. На нѣкоторое время онъ поступилъ въ одинъ доминиканскій монастырь, гдѣ удручалъ свою плоть аскетическими подвигами,—по преданію, жилъ даже въ какой-то пещерѣ,—и до такой степени разстроилъ свое здоровье, что его стали посѣщать галлюцинаціи религіознаго характера: ему являлись Христосъ, Св. Дѣва; онъ видѣлъ отверзтыя небеса и мученія грѣшниковъ въ аду. Въ 1523 г. онъ, питаясь подаяніями, добрался наконецъ до Іерусалима съ планомъ обращенія турокъ въ христіанство: это было временемъ развитія турецкаго могущества, сильно грозившаго христіанству [1]), и немудрено, что у Лойолы явилась мысль соединить паломничество въ Палестину съ миссіонерствомъ среди магометанъ. Планъ былъ совершенно фантастическій, тѣмъ болѣе, что Лойола не зналъ по-турецки, не былъ знакомъ съ ученіемъ Магомета, да и въ христіанскомъ богословіи оказался весьма слабъ, а потому онъ въ Палестинѣ и не внушилъ довѣрія къ себѣ францисканцамъ, къ которымъ онъ явился, но которые постарались его выпроводить на родину. Лойола понялъ тогда необходимость образованія и сталъ учиться въ разныхъ испанскихъ школахъ грамматикѣ, философіи, богословію, навлекая на себя своимъ страннымъ поведеніемъ подозрѣніе инквизиціи, два раза подвергавшей его даже заключенію и допросу и чуть было не приговорившей его къ сожженію. Тридцати семи лѣтъ отъ роду Лойола отправился въ Парижъ чтобы закончить въ этомъ городѣ образованіе, продолжая жить въ крайней нищетѣ и питаться милостыней. Здѣсь онъ сблизился съ савойцемъ Лефевромъ, испанцами Франциском Ксавіеромъ, Алонзо Сальмерономъ, Діего Лайнезомъ и Николаемъ Бобадильей, а также съ португальцемъ Симономъ Родригесомъ, коихъ и склонилъ къ мысли объ основаніи ордена для обращенія въ лоно истинной церкви невѣрныхъ и еретиковъ, ибо протестанты въ это время (1534 г.) уже заставляли сильно о себѣ говорить; къ этому маленькому обществу, большинство коего были испанцы да одинъ португалецъ, скоро (1537 г.) присоединилось по одному французу (Жанъ Кодюръ), женевцу (Ле Же) и нидерландцу (Паскаль Бруэ), такъ что съ самаго начала намѣчался уже интернаціональный характеръ будущаго

---

[1]) Ср. выше, стр. 44.

ордена. Сдѣланная затѣмъ Лойолою новая попытка отправиться въ Турцію не удалась: по случаю войны самъ онъ и сопровождавшіе его товарищи застряли въ Венеціи, гдѣ народъ началъ смотрѣть на нихъ, какъ на святыхъ, а подозрительныя власти — какъ на людей опасныхъ, ибо они, дѣйствительно, совершали здѣсь полные самоотверженія подвиги, посвятивъ себя уходу за больными, которые страдали самыми отвратительными болѣзнями, экзальтацiей же своею Лойола и ранѣе уже обращалъ на себя вниманіе подозрительной испанской инквизиціи, такъ что въ случившихся въ Венеціи съ маленькой компаніей непріятностяхъ не было ничего удивительнаго. Еще ранѣе члены будущаго ордена дали торжественный обѣтъ въ случаѣ неудачи миссіонерства въ Палестинѣ отдать себя въ полное распоряженіе папы и въ 1538 г. привели въ исполненіе этотъ обѣтъ, когда для нихъ вполнѣ выяснилось, что наилучшимъ образомъ они могли бы служить церкви, борясь съ протестантизмомъ, и когда мысль объ основаніи Іисусовой дружины (phalanx Jesu, позднѣе societas Jesu) достаточно созрѣла, чтобы осуществиться. Тогдашній папа, Павелъ III, долго колебался, находя странности въ поведеніи Лойолы, не соглашаясь съ нѣкоторыми пунктами проектированнаго устава, отговариваемый, наконецъ, представителями другихъ орденовъ, вообще ревниво относившихся другъ къ другу и неблаговолившихъ къ основанію новыхъ, хотя будущіе іезуиты, живя въ Римѣ, своимъ аскетизмомъ, проповѣдничествомъ, дѣлами благотворенія изъ собираемой милостыни успѣли уже настолько прославиться, что португальскій король просилъ у Лойолы миссіонеровъ для Индіи и въ Португалію на этотъ зовъ отправились Ксавіеръ и Родригесъ. Только осенью 1540 г. Павелъ III буллою „Regimini militantis“ утвердилъ орденъ, первымъ пожизненнымъ генераломъ коего вскорѣ былъ избранъ самъ Лойола, еще до основанія ордена, какъ и товарищи его, принявшій санъ священника: въ концѣ концовъ папа увидѣлъ въ намѣреніи Лойолы перстъ Божій („digitus Dei hic est“).

Такъ какъ члены „Societatis Jesu“ отдавали себя въ безусловное распоряженіе папы, какъ намѣстника самого Бога на землѣ, то на новый орденъ посыпались вскорѣ всякія блага и привилегіи. Въ 1540 г. число членовъ „Общества Іисуса“ было ограничено шестьюдесятью, но въ 1543 г. ему дано было право имѣть неограниченное число членовъ. Далѣе, въ сороковыхъ же годахъ, при Павлѣ III, члены ордена получили право повсемѣстной, на улицахъ и въ церквахъ, проповѣди и повсемѣстнаго исполненія церковныхъ требъ (исповѣди и причащенія), а также право отпущенія грѣховъ въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, которые были папскими (causae papales), и были освобождены отъ подчиненія епископамъ, а генералъ іезуитовъ былъ объявленъ подвластнымъ помимо какихъ бы то ни было инстанцій самому папѣ. Далѣе, при томъ же папѣ началось

освобожденіе членовъ ордена отъ нѣкоторыхъ монашескихъ обѣтовъ и обязанностей, продолжавшееся и при преемникахъ Павла III. Сначала именно имъ было дозволено не собираться на тѣ церковныя службы („часы"), которыя священникъ можетъ прочесть въ своей комнатѣ; потомъ были установлены въ орденѣ духовные и свѣтскіе коадъюторы, т.-е. такіе члены, которые, вступая въ орденъ, не давали безповоротнаго обѣта ему служить. Папа Юлій III сдѣлалъ исключеніе изъ обязанности соблюдать обѣтъ нестяжанія для тѣхъ членовъ, отъ коихъ польза церкви требовала жизни среди богатыхъ людей, и разрѣшилъ учрежденіямъ ордена владѣть недвижимою собственностью, сохраняя тѣмъ не менѣе привилегіи нищенствующихъ орденовъ (1550 г.), а потомъ освободилъ высшихъ его сановниковъ отъ обѣта безусловно повиноваться приказаніямъ, касавшимся миссіонерства (1555 г.). Наконецъ, уже по смерти Лойолы іезуиты, какъ они стали называться около этого времени, были освобождены отъ монастырской жизни, и Общество перестало быть обыкновеннымъ монашескимъ орденомъ, получивъ характеръ небывалаго еще въ католической церкви учрежденія — обширной международной духовно-политической корпораціи, съ своеобразными устройствомъ и дисциплиной, пріемами и цѣлями дѣятельности, моральными и политическими ученіями.

Орденъ іезуитовъ распространилъ свои учрежденія и навербовалъ себѣ членовъ въ разныхъ странахъ Европы весьма быстро. Вотъ нѣкоторыя цифры, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ онъ возрасталъ въ теченіе двухъ вѣковъ своего существованія до уничтоженія его во второй половинѣ XVIII столѣтія. Число его членовъ, равнявшееся только одной тысячѣ въ годъ смерти Лойолы, доходило въ началѣ тридцатилѣтней войны, т.-е. черезъ двѣ трети вѣка до тридцати тысячъ, т. е. среднимъ числомъ каждыя десять лѣтъ число его членовъ увеличивалось на двѣ тысячи, а около 1750 г., когда на орденъ начались гоненія, въ немъ насчитывалось уже двадцать двѣ тысячи членовъ. Въ 1574 г. іезуиты обладали 125 учебными заведеніями, въ 1608 г. — 306, въ 1616 г. — 372, въ 1681 г. — 578, т.-е. въ сто сорокъ лѣтъ со времени основанія ордена въ немъ среднимъ числомъ прибавлялось по четыре новыхъ учебныхъ заведенія.— Ранѣе всего іезуиты утвердились въ Италіи, благодаря покровительству папъ, и въ Португаліи, а также и въ Испаніи, не смотря на то, что ни Карлъ V, ни даже Филиппъ II сначала особенно дружелюбно къ нимъ не относились. На Италію и Пиренейскій полуостровъ приходилось и наибольшее количество первоначальныхъ „провинцій" ордена, коихъ на общее число 12 (вскорѣ 14) было въ Италіи 3, а въ государствахъ Пиренейскаго полуострова 7 (въ 1556 г.), тогда какъ особая польская провинція образовалась только въ 1574 г., раздѣлилась же

на польскую и литовскую лишь въ 1608 г. Въ 1626 г. число провинцій ордена доходило уже до 39 (съ 16 т. членами). Внѣ Италіи, Португаліи и Испаніи іезуиты имѣли большой успѣхъ въ католическихъ странахъ Германіи, гдѣ они утвердились довольно рано, особенно въ Баваріи и Австріи: Бобадилья и Ле Же въ концѣ сороковыхъ годовъ XVI вѣка дѣйствовали въ Баваріи; здѣсь іезуиты завладѣли ингольштадтскимъ университетомъ, а въ началѣ пятидесятыхъ годовъ они основались и въ Вѣнѣ, начавъ оказывать сильное вліяніе на тамошній университетъ. Изъ нѣмецкихъ іезуитскихъ школъ вышли многіе дѣятели тридцатилѣтней войны.—Около того же времени и все еще при жизни основателя своего ордена іезуиты дѣлаютъ попытку утвердиться во Франціи, но встрѣчаютъ отпоръ со стороны высшаго духовенства, парламента и Сорбонны: высшій клиръ все еще былъ проникнутъ идеями галликанизма, тогда какъ іезуиты стояли на ультрамонтанской точкѣ зрѣнія; парламентъ усматривалъ политическую опасность со стороны этого ордена; Сорбонна находила его излишнимъ и даже вреднымъ для монашества въ виду того, что іезуитамъ дозволено было вести свѣтскій образъ жизни. Лишь при Карлѣ IX они основали весьма быстро прославившійся, какъ хорошая школа, collège de Clermont, въ эпоху же религіозныхъ войнъ были желанными союзниками для фанатическихъ католиковъ. Въ концѣ XVI вѣка политическія покушенія (на жизнь Генриха IV) привели-были къ временному удаленію іезуитовъ изъ Франціи, но въ началѣ XVII вѣка они были возвращены, такъ какъ Генрихъ IV думалъ воспользоваться ихъ услугами въ политическихъ интересахъ Франціи и даже сдѣлалъ одного іезуита своимъ духовникомъ.—Первая мысль о приглашеніи іезуитовъ въ Польшу для воспитанія молодежи была высказана еще на варшавскомъ синодѣ 1561 г., но тогда на нее возражали въ томъ смыслѣ, что въ странѣ найдутся и свои наставники. Впервые призвалъ ихъ сюда вармійскій (Ermland) епископъ (позднѣе кардиналъ) Гозій [1]), одинъ изъ видныхъ представителей католической реакціи, котораго за его дѣятельность на тридентскомъ соборѣ протестанты прозвали „богомъ папистовъ“, и который внушалъ Сигизмунду Августу крайне реакціонныя мѣры противъ еретиковъ: еще на соборѣ онъ вошелъ въ сношенія съ Лайнезомъ по поводу приглашенія іезуитовъ въ Польшу, и въ 1564 г. прибыла первая ихъ партія въ вармійскую епархію, а въ слѣдующемъ году въ Брунсбергѣ была открыта іезуитская коллегія. Послѣ этого и въ чисто польскихъ епархіяхъ (вармійская была населена нѣмцами и не подчинялась

[1]) Объ этой интересной личности существуетъ спеціальная литература, въ коей отмѣтимъ русское сочиненіе проф. Жуковича: „Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени“.

архіепископу гнѣзненскому, который былъ примасомъ Польши) стали основываться іезуиты и прежде всего въ сосѣдней епархіи плоцкой, гдѣ епископъ Носковскій (1566 г.) основалъ іезуитскую школу (въ Пултускѣ). Какъ извѣстно, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ III оказывали имъ покровительство.—Не довольствуясь дѣятельностью въ католическихъ странахъ, іезуиты направили ее и на иновѣрныя земли. Въ Дуэ, Реймсѣ и Римѣ существовали іезуитскія школы для молодыхъ англичанъ католическаго вѣроисповѣданія, а въ восьмидесятыхъ годахъ въ самой Англіи проживало около трехсотъ тайныхъ іезуитовъ. Въ семидесятыхъ годахъ іезуиты проникли въ Швецію ко двору Іоанна III, и изъ нихъ особенно прославился Антоніо Поссевино, имя котораго упоминается и въ русской исторіи. Извѣстны также іезуитскія покушенія на православіе и въ польско-литовской Рѣчи Посполитой, и въ Московскомъ государствѣ. Въ началѣ XVII вѣка—орденъ утвердился (правда, не на долго) даже въ Турціи (іезуитская коллегія въ Галатѣ). Мы не говоримъ уже о миссіонерской дѣятельности іезуитовъ во внѣ-европейскихъ странахъ (въ Остъ-Индіи и Японіи, гдѣ дѣйствовалъ Ксавіеръ, въ Китаѣ, въ Абиссиніи, въ Мексикѣ и южной Америкѣ, гдѣ они даже основали въ началѣ XVII вѣка цѣлое государство — Парагвай въ зависимости отъ испанскаго короля, поработивъ туземное населеніе). Всѣ эти „провинціи“ съ ихъ разнообразными учрежденіями и многочисленными членами были тѣсно связаны между собою весьма искусною организаціей, въ которой царствовала строжайшая дисциплина.

Во главѣ ордена былъ поставленъ пожизненный генералъ, жившій въ Римѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, существовали разныя учрежденія, между коими особенно были важны національныя коллегіи (collegia nationalia) для подготовки католическихъ миссіонеровъ въ протестантскихъ земляхъ, отданныя въ началѣ XVII вѣка въ завѣдованіе особой конгрегаціи распространенія вѣры (congregatio de propaganda fide), — и гдѣ уже раньше было учреждено высшее инквизиціонное судилище (congregatio sancti officii). Такимъ образомъ орденъ іезуитовъ съ своимъ генераломъ въ Римѣ входилъ въ составъ центральныхъ учрежденій католицизма, возникшихъ для борьбы съ протестантизмомъ. Самый орденъ былъ основанъ на началахъ строгой централизаціи, такъ какъ генералу вручалась безусловная власть надъ отдѣльными его членами, хотя весь орденъ и считался выше самого генерала, при которомъ начальники провинцій (провинціалы) назначали даже особаго адмонитора для контроля его дѣйствій и четырехъ (или шести) ассистентовъ, какъ совѣщательную коллегію. Такимъ образомъ самъ генералъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ необходимостью сообразоваться съ приставленными къ нему лицами, а общее собраніе,

или генеральная конгрегація ордена, въ которой принимали участіе только высшіе чины ордена и которой принадлежала законодательная власть, въ случаѣ важныхъ проступковъ имѣла право и смѣстить генерала. Во главѣ отдѣльныхъ провинцій, число коихъ, какъ мы видѣли, увеличивалось съ теченіемъ времени, стояли провинціалы, назначавшіеся генераломъ обыкновенно на три года точно такъ же, какъ и другія начальствующія лица, стоявшія во главѣ отдѣльныхъ учрежденій (ректоры, суперіоры); всѣ они были обязаны посылать генералу ежемѣсячные или триместріальные отчеты. Подъ управленіемъ генерала, провинціаловъ и низшихъ властей находилось цѣлое іерархически расчлененное общество, и для достиженія высшихъ положеній нужно было обыкновенно пройти длинную школу, такъ сказать, дрессировки въ послушаніи ордену. Молодые люди отбывали сначала новиціатъ въ особыхъ общежитіяхъ, гдѣ изучался ихъ характеръ и сами они пріучались жить только интересами ордена, отрываясь отъ всѣхъ мірскихъ воспоминаній и связей, такъ что, напр., для нихъ даже родители становились „бывшими родителями". По окончаніи искуса эти послушники дѣлались коадъюторами, служа ордену часто въ роли прислуги или простыхъ рабочихъ (свѣтскіе коадъюторы), но настоящею дальнѣйшею ступенью въ іезуитской іерархіи были схоластики („школьники"), занимавшіеся сначала сами изученіемъ разныхъ наукъ, а потомъ и обученіемъ имъ другихъ: вступленіе въ схоластики сопровождалось обѣтами монашества, а между 20 и 25 годами схоластики обыкновенно дѣлались духовными коадъюторами ордена, коимъ уже вообще поручались разныя должности. Слѣдующую ступень составляли священники, въ свою очередь раздѣлявшіеся на двѣ категоріи: трехъобѣтныхъ и четырехъ-обѣтныхъ профессовъ (professi trium votorum и professi quatuor votorum), изъ коихъ первые давали обыкновенные обѣты монашества, вторые присоединяли къ нимъ еще обѣтъ отправляться по приказанію папы безпрекословно куда бы то ни было; они-то и составляли зерно Общества (congregatio professa) и изъ нихъ же выбирались начальники провинцій и отдѣльныхъ болѣе важныхъ учрежденій. Кромѣ пяти чиновъ, составлявшихъ весь орденъ (послушники, схоластики, коадъюторы и профессы обѣихъ категорій), у него были еще внѣшніе члены, или такъ-называемые аффилированные, съ коими не нужно смѣшивать еще настоящихъ, но тайныхъ іезуитовъ, скрывавшихъ свою принадлежность къ ордену. Аффиліированными къ ордену лицами могли быть и духовные, и свѣтскіе люди: между первыми встрѣчались прелаты, между вторыми—даже государи, какъ, напр., въ эпоху тридцатилѣтней войны оба царствовавшіе тогда императора (Фердинанды II и III).—Для членовъ ордена существовали свои общежитія съ особыми начальниками: послушническіе дома, коллегіи, дома про-

фессовъ, и всѣ эти учрежденія находились подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ. Члены ордена имѣли и свое особое платье, не походившее на монашеское, бывшее скорѣе костюмомъ свѣтскихъ ученыхъ,— черные кафтанъ, плащъ и шляпу съ загнутыми полями. Кромѣ того, орденскія правила опредѣляли и мелочи поведенія—какъ ходить, какъ разговаривать, какое выраженіе лица принимать, какъ вести себя дома и въ общественныхъ мѣстахъ и т. п. Внѣшность вообще играла большую роль у іезуитовъ: они предпочитали вербовать въ свой орденъ обладателей пріятной наружности, учили утонченнымъ манерамъ, искательнымъ и вкрадчивымъ пріемамъ обращенія, располагающей интонаціи голоса, ибо все это были средства уловлять людей въ сѣти ордена. Ради этого аскетическій идеалъ изможднвшаго свое тѣло, суроваго по своей внѣшности монаха былъ не въ расчетахъ іезуитовъ. „Хотя, говорилось въ ихъ правилахъ, слишкомъ большая забота о жизненныхъ потребностяхъ и достойна порицанія, но отнюдь не стоитъ пренебрегать здоровьемъ и силою, предназначенными на пользу служенія Богу... Слѣдуетъ избѣгать обременительной работы: она, утомляя тѣло, вредно дѣйствуетъ и на духъ. Непомѣрныя умерщвленія плоти, бдѣнія, лишенія, труды, очищенія покаяніемъ и т. д. могутъ дурно вліять на существо человѣка. Кто пользуется наилучшимъ положеніемъ въ этомъ мірѣ, тотъ полезнѣйшій членъ Общества“.

При своемъ устройствѣ іезуиты не могли принимать въ орденъ перваго встрѣчнаго. Они изучали жизнь каждаго, желавшаго присоединиться къ нимъ; изучали качества его и требовали отъ него полной откровенности. Такой искусъ продолжался довольно долго, и лишь по истеченіи извѣстнаго срока могъ быть принятъ въ орденъ тотъ, кто оказывался годнымъ для этого (въ „неофиты“ можно было поступать 14-ти лѣтъ отъ роду) и особенно обѣщалъ отличаться безусловнымъ повиновеніемъ, одною изъ главнѣйшихъ обязанностей іезуита. Вотъ что говоритъ самъ Лойола о послушаніи членовъ своего ордена: „Пусть другія религіозныя братства превосходятъ насъ воздержаніемъ, бдѣніемъ и лишеніями въ пищѣ и одеждѣ; по безусловному повиновенію и отрѣшенію отъ собственной воли и сужденій братья нашего ордена далеко оставятъ другихъ за собой“... „Вы обязаны, говорилъ онъ еще, слѣпо стремиться волею вашею къ цѣли, выставленной вамъ высшими, и допустить склонить васъ безъ всякаго сопротивленія по примѣру Авраама, рѣшившагося безусловно принести сына своего въ жертву. Несовершенное повиновеніе имѣетъ къ собственному несчастію два глаза, совершенное же—слѣпо, но въ этой-то слѣпотѣ и заключается мудрость его и достоинство“... „Слѣдуетъ повиноваться слѣпо, развивалъ ту же мысль Родригесъ, т.-е. не доискиваться, почему намъ дается извѣстное приказаніе, а исполнять потому только, что этого

требуетъ высшій, и долгъ повиновенія предписываетъ такое отношеніе къ дѣлу". Одному неофиту Лайола сказалъ: „Volo et nolo non habitant in hac domo". Такія же предписанія мы находимъ и въ уставѣ ордена: „Каждый долженъ быть убѣжденъ, что съ тѣми, которымъ суждено жить и выносить все безпрекословно, высшіе надъ нами распоряжаются, какъ съ трупами. Да вѣдаетъ каждый, что желающій пребывать въ повиновеніи долженъ уподобиться посоху въ рукахъ высшихъ, управляющихъ имъ подъ руководствомъ божественнаго Провидѣнія, или явиться трупомъ, которому можно придать любое направленіе". Выраженіе „perinde ac cadaver"—обозначало безусловное повиновеніе. Для того, чтобы никто не уклонялся отъ общей дисциплины и исполненія своихъ обязанностей, введено было тайное наблюденіе за всѣми, и члены ордена обязаны были доносить на своихъ товарищей своимъ начальникамъ, почему между отдѣльными іезуитами существовало постоянное недовѣріе. Вотъ что говоритъ объ этомъ іезуитъ Маріана (1535—1624), авторъ книги „О недостаткахъ Общества Іисуса": „уставъ утвержденъ на цензурѣ и доносѣ, отчего желчь разливается по всему тѣлу и производитъ повсемѣстную желтуху. Никто не смѣетъ довѣрять собрату изъ боязни, чтобы тотъ его не выдалъ или не сталъ домогаться на чужой счетъ милости начальника или генерала". Поэтому вся жизнь іезуита подчинена была строгой дисциплинѣ. Іезуитъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ родственниковъ; всѣ письма, которыя онъ получалъ, живя въ общежитіи, просматривались старшими; ему запрещалось читать безъ особаго дозволенія книги, выходить одному на улицу, замыкать что-либо подъ замокъ. Цѣли и дѣятельность ордена извѣстны были только старшимъ, и лишь одинъ генералъ могъ знать все, хотя и за нимъ шпіонили. Свидѣтель, относящійся къ серединѣ XVII в., т.-е. ко времени полнаго разцвѣта ордена, вотъ что говоритъ о томъ, какія свѣдѣнія сосредоточивались въ рукахъ генерала ордена: „Никакой монархъ въ свѣтѣ не можетъ имѣть такихъ свѣдѣній, какъ генералъ іезуитовъ. Число ежегодныхъ оффиціальныхъ донесеній простирается до 1584, не считая частныхъ сообщеній и рапортовъ ректоровъ объ учителяхъ коллегій. Ежемѣсячные отчеты 37 провинціаловъ къ концу года возвышались до цифры 444; отъ начальниковъ коллегій получалось 2448 отчетовъ; отъ начальниковъ резиденцій—1360; каждые три мѣсяца 59 начальниковъ новиціата доставляли болѣе 236 отчетовъ; наконецъ, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ 1048 консультаторовъ присылали 2096 рапортовъ". При этомъ соблюдалась самая строгая тайна и употреблялись иногда особые шифры.

Для исполненія всѣхъ тѣхъ обязанностей, какія орденъ налагалъ на своихъ членовъ, нужны были разные характеры, разныя

способности, и іезуиты въ этомъ отношеніи каждому своему сочлену находили подходящее мѣсто. Поэтому въ орденѣ встрѣчались люди самыхъ противоположныхъ качествъ: фанатики, готовые мучить другихъ и сами идти на мученія, и расчетливые политики, добряки, служившіе орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и безсердечные эгоисты, не останавливавшіеся ни передъ какими средствами, и т. п. Разнообразная дѣятельность ордена, члены коего занимались самыми неодинаковыми профессіями, требовала и соотвѣтственныхъ тому людей, но кромѣ того, іезуиты должны были приспособляться и сами къ обстоятельствамъ. Мы увидимъ еще, что на принципѣ приспособленія къ обстоятельствамъ были основаны и мораль, и политика іезуитовъ, но та же черта проходитъ черезъ всю ихъ дѣятельность вообще: въ качествѣ духовниковъ это были самые покладистые люди, облегчавшіе людямъ возможность грѣшить, не тревожа своей совѣсти, что особенно было важно по отношенію къ государямъ, дѣлавшимъ іезуитовъ своими духовными отцами; въ качествѣ педагоговъ они подлаживались къ воспитанникамъ и, подмѣтивъ ихъ слабыя стороны, эксплуатировали ихъ въ цѣляхъ ордена. Гдѣ важны были благочестіе и благотворительность, тамъ іезуиты отличались этими качествами; гдѣ дорожили образованіемъ, они устраивали школы и давали безплатное обученіе; на ученыхъ людей они дѣйствовали своей эрудиціей, своими литературными трудами, на народныя массы — особою пышностью богослуженія, внѣшнею занимательностью проповѣди, въ которую вставлялись смѣшные анекдоты, остроты, шутки и т. п.; среди язычниковъ они приспособлялись къ ихъ вѣрованіямъ и обычаямъ, дѣлая уступки ихъ суевѣріямъ, позволяя соблюденіе языческихъ обрядовъ, скрывая подробности христіанскаго ученія, когда замѣчали, что послѣднія ихъ шокировали, однимъ словомъ, довольствуясь нерѣдко чисто внѣшнимъ присоединеніемъ ихъ къ христіанству. Все это и многіе другіе факты той же категоріи относятся къ *основному принципу дѣятельности іезуитовъ—не становиться въ слишкомъ рѣзкую оппозицію къ мнѣніямъ и привычкамъ того общества, на которое нужно было дѣйствовать,* напротивъ, приспособляться, прилаживаться къ нему, когда нужно, потакать ему, поощрять даже его дурныя наклонности, ибо и это могло быть направлено A. M. D. G. (ad majorem Dei gloria, каковъ былъ девизъ ордена).

Главными средствами, коими дѣйствовали іезуиты, были педагогія и дипломатія, имѣвшіе свои особыя руководящія начала главнымъ образомъ въ моральныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ ордена. Іезуиты основали громадное количество школъ, съ которыми часто не могли соперничать школы протестантскія по собственному сознанію самихъ протестантовъ. Хорошіе организаторы, іезуиты явились

въ этой роли и по отношенію къ школьному дѣлу, заведши въ немъ образцовые внѣшніе порядки, лучшіе методы обученія, приспособивъ къ возрасту учениковъ бывшее тогда въ ходу классическое образованіе, такъ что въ іезуитскія школы поступали даже дѣти протестантовъ, родители коихъ видѣли всѣ преимущества новыхъ школъ, и самъ знаменитый Бэконъ Веруламскій находилъ, что лучшей системы образованія юношества, какъ та, которая была въ іезуитскихъ классахъ, не могло существовать. Іезуиты, дѣйствительно, прилагали большое стараніе къ развитію школьнаго дѣла въ духѣ той „ratio studiorum“, которая была интегральною частью ихъ „конституціи“. Но вся ихъ система была простою дрессировкою ума безъ сообщенія ему способности къ самостоятельному развитію: ученики іезуитовъ выучивались не только читать, но и говорить, писать, сочинять стихи по латыни, пріобрѣтали массу безсвязныхъ знаній въ видѣ хронологическихъ датъ, знаменитыхъ изреченій, анекдотовъ, знакомились съ философіей и богословіемъ по средневѣковымъ методамъ и воззрѣніямъ, но настоящей науки, не испорченной очищеніями ad usum scholarum, въ этой системѣ не было, а рука объ руку съ этимъ шло воспитаніе въ духѣ безусловнаго повиновенія, неразсужденія, соперничества между товарищами, взаимнаго шпіонства, доносовъ и потаканія нравственнымъ недостаткамъ, когда это было удобно или выгодно для воспитателей, ордена или церкви. Однимъ словомъ, это была система, которою калѣчились и умъ, и нравственное чувство подрастающихъ поколѣній, ибо и въ школу іезуитами вносились тѣ же пріемы, съ какими они дѣйствовали въ жизни, являясь при дворахъ государей духовниками, совѣтниками, посланниками, интригуя при высокопоставленныхъ лицахъ и вождяхъ политическихъ партій, сѣя раздоры между націями, исповѣданіями, классами общества, между государями и ихъ подданными и т. п., ибо и педагогія, и политическая дѣятельность іезуитовъ имѣли однѣ и тѣ же руководящія начала въ томъ, что всѣмъ слѣдуетъ пользоваться, ничѣмъ не нужно пренебрегать, что только можетъ служить „къ вящшей славѣ Божіей“, подъ коею разумѣлись интересы католицизма, сосредоточенные въ интересахъ папства.

Іезуитская мораль совершенно убивала личное начало въ жизни человѣка. Лойолою былъ составленъ особый планъ „духовныхъ упражненій“ (exercitia spiritualia), посредствомъ коихъ человѣкъ долженъ былъ доводить себя путемъ искусственной экзальтаціи до состоянія, когда можно было вкушать высшее блаженство, отказываясь отъ собственныхъ сужденій, отъ собственной воли, сознавая себя лишь служебною частью цѣлаго. Слѣпое повиновеніе равнымъ образомъ могло осуществляться лишь при полномъ отреченіи человѣка отъ своего Я: младшій долженъ былъ, какъ мы видѣли, стать какъ бы трупомъ,

которому старшій придаетъ какое угодно положеніе. Индивидуальная совѣсть вынуждалась, такъ сказать, молчать передъ коллективною совѣстью цѣлаго ордена, ибо требованіе послушанія не знало никакихъ ограниченій. Прежнее іерархическое повиновеніе „даже до смерти“ имѣло свои предѣлы въ тѣхъ случаяхъ, когда старшіе стали бы приказывать младшимъ совершеніе какихъ-либо поступковъ, имѣющихъ значеніе смертныхъ грѣховъ, но у іезуитовъ начальникъ бралъ на себя полную моральную отвѣтственность за всѣ поступки подчиненныхъ, совершенные по его приказанію, такъ какъ у подчиненныхъ не могло быть ни своего сужденія, ни своей воли, ни, слѣдовательно, своей совѣсти, разъ предполагалось, что то или другое совершается ad majorem Dei gloria. Отсюда было недалеко до разрѣшенія грѣшить съ принятіемъ грѣха на себя и до знаменитаго оправданія средствъ цѣлью („цѣль оправдываетъ средства“), которое не было специальнымъ іезуитскимъ изобрѣтеніемъ, но входило въ ихъ нравственный кодексъ, хотя бы безъ такой откровенной формулировки. Не меньшую знаменитость, чѣмъ это „правило“, получила такъ-называемая „reservatio mentalis“, разрѣшавшая говорить неправду подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правду держать въ умѣ (откуда и самое названіе reservatio mentalis) или же думать при этомъ о чемъ-либо постороннемъ, а также съуживать смыслъ даваемаго обѣщанія, приносимой присяги, ставить ихъ исполненіе въ зависимость отъ умалчиваемыхъ условій. Тѣмъ же духомъ проникнута и іезуитская теорія, извѣстная подъ названіемъ пробабилизма: грѣшитъ человѣкъ лишь тогда, когда сознательно совершаетъ завѣдомый грѣхъ, но если относительно поступка существуетъ лишь вѣроятность грѣха, то совершать его можно даже вопреки голосу совѣсти. Іезуиты, учившіе въ своихъ школахъ искусству защищать діаметрально противоположные тезисы, въ качествѣ духовниковъ создали цѣлую казуистическую теорію, коею оправдывались разные грѣхи, и въ духѣ этой теоріи писались руководства для исповѣдниковъ. *Самое существо морали убивалось грубымъ утилитаризмомъ іезуитской этики*, тѣмъ болѣе, что и голосъ совѣсти долженъ былъ молчать передъ мнѣніемъ какого-либо авторитета или повелѣніемъ папы, хотя бы онъ предписывалъ грѣхъ и осуждалъ добродѣтель. Эта легкая, покладистая и выгодная мораль была весьма сильнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Въ богословскомъ спорѣ объ оправданіи они стали на точку зрѣнія, совершенно противоположную протестантской, признавъ свободную волю и собственныя усилія человѣка въ дѣлѣ спасенія [1]), ибо естественная свобода ведетъ къ грѣху, отпускаемому лишь церковью, а при спасеніи собственными заслу-

[1]) Ср. выше, стр. 73, 173 и др.

гами нужно духовное руководство со стороны той же церкви: и то, и другое было выгодно ордену.

Іезуиты не оставили безъ своего вниманія и области теоретической политики, къ которой относится нѣсколько написанныхъ ими трактатовъ, сдѣлавшихся въ свое время знаменитыми. Цѣльной системы они не выработали, ибо *ихъ политическія теоріи обусловливались не какими-либо опредѣленными принципами, а обстоятельствами мѣста и времени.* Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ примѣръ польскихъ іезуитовъ. Члены ордена явились въ Польшу съ строго монархическими принципами, въ духѣ коихъ учили и проповѣдовали, за что и пользовались, напр., покровительствомъ Стефана Баторія. Такъ продолжалось до перваго десятилѣтія XVII в., когда одновременно противъ Сигизмунда III и противъ іезуитовъ произошло въ извѣстной части шляхты значительное движеніе: тогда іезуиты перевернули фронтъ, сдѣлались защитниками шляхетской „золотой вольности", которую, какъ они старались убѣдить шляхту, лучше всего можно было охранить только въ союзѣ съ самымъ строгимъ католицизмомъ. Знаменитый Петръ Скарга еще около 1600 г. развивалъ въ своихъ „сеймовыхъ проповѣдяхъ" (kazania sejmowe) идеалъ католической монархіи, но вскорѣ послѣ того, какъ обнаружились безсиліе королевской власти и неудовольствіе шляхты на іезуитовъ, дѣлая новое изданіе этихъ проповѣдей, послѣдніе прямо выкидываютъ изъ нихъ мѣста, проникнутыя идеей монархизма. Принципіально іезуиты были сторонниками папскаго главенства и въ мірскихъ дѣлахъ, хотя и не всѣ отваживались по соображеніямъ дипломатическаго свойства заявлять объ этомъ открыто и рѣзко и смягчали это ученіе указаніемъ на то, что сама религіозная власть папъ косвенно подчиняетъ ихъ вѣдѣнію и дѣла политическія. Изъ іезуитскихъ политическихъ писателей слѣдуетъ, какъ наиболѣе замѣчательныхъ выразителей тенденцій ордена, назвать жившихъ въ одно и то же время Беллярмина (1542—1621), Суареса (1548—1617) и Маріану (1536—1624). Беллярминъ (вѣрнѣе Беллярмино), уроженецъ Тосканы, достигшій сана кардинала и самъ чуть не сдѣлавшійся папою, былъ однимъ изъ видныхъ полемистовъ противъ протестантовъ и защитникомъ средневѣковыхъ ученій, вознося религіозную власть папы на такую высоту, что воля папы дѣлалась главнымъ критеріумомъ истины, такъ какъ, по его словамъ, безусловно хорошо все, что ни повелѣвается папою, и безусловно грѣховно все папою запрещаемое. (Тѣмъ не менѣе папа Сикстъ V, 1585—1590, былъ недоволенъ его ученіемъ о томъ, что у папы нѣтъ прямой, т.-е. непосредственной власти въ дѣлахъ гражданскихъ, а есть только власть косвенная). Суаресъ въ этомъ отношеніи шелъ далѣе и безъ оговорокъ, какія дѣлалъ Беллярминъ, утверждалъ, что папѣ принадлежитъ власть низлагать еретическихъ королей и разрѣшать ихъ подданныхъ

отъ присяги, за что трактатъ, въ которомъ проводилось такое ученіе, былъ сожженъ между прочимъ въ Парижѣ. Но особенно любопытно то, что іезуиты, подобно кальвинистамъ, явились защитниками идеи народовластія. Въ сочиненіи Беллярмина „Разсужденія о спорныхъ вопросахъ христіанской вѣры противъ еретиковъ нашего времени“ (1586) есть особый трактатъ о римскомъ первосвященникѣ, гдѣ развивается мысль такого рода: духовная власть основана Богомъ непосредственно, свѣтская — чрезъ посредство естественнаго закона, по которому она принадлежитъ народу, облекающему ею, по своему усмотрѣнію, тѣ или другія лица. Эта теорія, принятая еще тридентскимъ соборомъ ради приниженія свѣтской власти, какъ происходящей отъ людей, передъ властью духовною, имѣющею божественное происхожденіе, была вообще оффиціальнымъ ученіемъ іезуитовъ, но дальнѣйшіе изъ нея выводы могли быть различные. Беллярминъ, наприм., все-таки лучшею формою правленія считаетъ монархію, подчиняя ее косвенно (indirecte) папѣ, власть коего онъ защищалъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Суаресъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, только открытѣе выставляя папскій авторитетъ въ свѣтскихъ дѣлахъ: и по его ученію, Богъ силою естественнаго закона связалъ существо общественной власти съ собраніемъ людей, предоставивъ человѣческому усмотрѣнію ея формы: народъ по собственному изволенію переноситъ власть на тѣ или другія лица, откуда происходятъ разныя формы правленія съ лучшею между ними—монархіей, которая у Суареса, однако, подчиняется папству. Но іезуиты, подобно кальвинистамъ, должны были поставить вопросъ о правѣ не повиноваться нечестивымъ правителямъ и сопротивляться тираннамъ, разъ папа могъ низлагать еретическихъ государей и разрѣшать ихъ подданныхъ отъ присяги: мало-по-малу и среди католиковъ стала развиваться мысль, особенно популярная во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, по которой верховная власть неотъемлемо принадлежитъ народу, имѣющему потому право смѣнять королей,—ученіе, соединявшееся съ призывами къ цареубійству, каковое и было совершено надъ Генрихами III и IV. На ту же точку зрѣнія, на какой стояли фанатики католицизма во Франціи въ своихъ проповѣдяхъ и памфлетахъ, сталъ испанскій іезуитъ Маріана, авторъ между прочимъ уже упоминавшейся книги „О недостаткахъ Общества Іисуса“. Около 1600 г. онъ издалъ трактатъ подъ заглавіемъ „De rege et regis institutione“. Въ немъ смѣшаны воедино самыя преувеличенныя представленія о королевской власти съ крайними выводами изъ теоріи народовластія; въ силу послѣднихъ Маріана допускаетъ низложеніе королей народнымъ возстаніемъ, а въ случаѣ невозможности это сдѣлать дозволяетъ прямо цареубійство, прославляя въ своей книгѣ всѣхъ извѣстныхъ исторіи убійцъ тиранновъ до Жака Кле-

мана, умертвившаго Генриха III включительно. Двойственный характеръ этой одобренной орденомъ книги, благопріятной для абсолютизма вѣрныхъ католицизму королей и революціонной по отношенію къ государямъ, которые были неугодны іезуитамъ, явствуетъ изъ того, что она была посвящена испанскому королю (Филиппу III) и напечатана съ одобреніемъ королевской цензуры, во Франціи же почитателями книги были враги Генриха IV, по убіеніи котораго многіе стали даже говорить, будто книгу написалъ протестантъ, чтобы тѣмъ повредить ордену, и тогдашній генералъ ордена запретилъ оправдывать цареубійство: Маріана по этому пункту въ сущности раздѣлялъ воззрѣнія многихъ членовъ своего ордена, которые прославляли или возбуждали политическихъ убійцъ и покусителей второй половины XVI и начала XVII вѣка.—Разсматривая разныя формы правленія, Маріана отдаетъ предпочтеніе монархіи. Если, говоритъ онъ между прочимъ, нѣтъ правленія, которое было бы хуже тиранніи, то это есть лишь доказательство превосходства монархіи, такъ какъ извращеніе однѣхъ самыхъ лучшихъ вещей создаетъ другія самыя худшія. Изобразивъ (по Аристотелю) тираннію, ученый іезуитъ ставитъ вопросъ о позволительности тиранноубійства и, разсмотрѣвъ доводы pro и contra, соглашается съ богословами и философами, утверждающими, что похитителя власти можетъ убивать всякій. Въ согласіи съ нѣкоторыми кальвинистическими писателями, Маріана находитъ также, что законнаго короля, злоупотребляющаго своею властью, нужно прежде увѣщевать; лишь въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній Маріана разрѣшаетъ убійство, причемъ пускается въ разсужденія о томъ, можно ли для этого прибѣгать къ отравѣ ядомъ. Любопытно и то, что въ эпоху, когда кальвинисты въ Шотландіи, Франціи, Нидерландахъ, а потомъ и англійскіе пуритане ставили вопросъ, имѣвшій тогда не одинъ теоретическій интересъ,—вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между королевскою властью и государственными чинами, и Маріана его касается, но дѣлаетъ различіе между странами, гдѣ установлены власти, ограничивающія правителя, и такими, гдѣ король собственною властью издаетъ законы, къ исполненію коихъ никто и не можетъ его принудить. Демократическія воззрѣнія, защищаемыя Маріаною въ примѣненіи къ странамъ первой категоріи, не прилагались имъ къ родной Испаніи, да иначе и трудно было бы посвятить книгу абсолютному испанскому королю. Самъ демократизмъ іезуитскихъ ученій въ сущности скрывалъ за собою теократическія тенденціи. И замѣчательно, что іезуиты одинаково пользовались почетомъ и вліяніемъ и при дворахъ абсолютныхъ монарховъ, и въ домахъ анархической польской шляхты, ибо они эксплуатировали всякій политическій порядокъ въ интересахъ своего ордена.

XXIII. Культурныя слѣдствія реакціи.

Средневѣковой католицизмъ и іезуиты.—Католическая реакція и общественная деморализація.—Оппозиція янсенизма.—Іезуиты и духъ новаго времени.—Оппозиція іезуитизму и борьба съ нимъ протестантизма.—Культурное вліяніе католицизма и протестантизма въ новое время.—Сохраненіе церковнаго землевладѣнія и монашества.—Болѣе высокій культурный уровень протестантизма.—Примѣры католической реакціи въ Италіи и въ Польшѣ.

Католическая реакція, воплощеніемъ духа которой сдѣлался іезуитизмъ, была попыткою возстановленія средневѣкового католицизма, его господства надъ личностью и обществомъ. Все, что характеризуетъ культурныя и политическія отношенія средневѣковой церкви [1], является столь же характеристичнымъ и для католицизма новаго времени, хотя исторія внесла въ него и совершенно новыя черты—главнымъ образомъ въ системѣ средствъ, которыми онъ достигалъ своихъ цѣлей. Универсализмъ, отрицавшій самостоятельность національнаго начала, теократическій духъ, требовавшій отъ государственной власти подчиненія папству, клерикальное стремленіе поставить свѣтское общество подъ опеку духовенства,—все это характеризуетъ и іезуитскую политику совершенно такъ же, какъ и средневѣковой католицизмъ въ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ націямъ, государствамъ и сословіямъ; что же касается до отдѣльной личности, то идеаломъ іезуитовъ было такое же ея подчиненіе принятымъ церковью ученіямъ съ подавленіемъ индивидуальной свободы въ области мысли, какого требовала и добивалась старая церковь въ средніе вѣка. Въ одномъ лишь отношеніи іезуитизмъ отступалъ отъ прежней традиціи: возстановляя существенные ея элементы, каковы только-что указанные антинаціональный космополитизмъ, стремленіе папства и духовенства господствовать надъ государственною властью и свѣтскимъ обществомъ съ теологическимъ догматизмомъ, коимъ проникнута была католическая культура, *іезуитизмъ въ области морали отступалъ отъ средневѣковыхъ воззрѣній*. Послѣднія, какъ извѣстно, заключались въ аскетическомъ взглядѣ на жизнь съ вытекавшими изъ него требованіями, и іезуиты своеобразно подчинились духу новаго времени, которое было въ общемъ неблагопріятно для аскетизма, хотя бы онъ и возрождался не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, напоминавшихъ средневѣковыхъ подвижниковъ, но и въ цѣлыхъ новыхъ орденахъ, и хотя самъ орденъ іезуитовъ выработался изъ аскетическаго братства. Съ двухъ совершенно раз-

[1] Ср. томъ I, гл. XXII—XXIII.

личныхъ точекъ зрѣнія монашество было отвергнуто и гуманизмомъ, и протестантизмомъ, однимъ—какъ противное человѣческой природѣ, другимъ—какъ не имѣющее основанія въ св. писаніи: іезуиты въ принципѣ не отрицали аскетизма; требовали его отъ неофитовъ, видя въ немъ воспитательное средство; предоставляли желающему предаваться подвигамъ благочестія,—но весь орденъ не былъ монашескимъ въ строгомъ смыслѣ и, какъ мы видѣли, удрученіе плоти считалось въ немъ не только излишнимъ, но даже и могущимъ приносить только вредъ въ дѣлѣ служенія церкви. Вотъ почему въ самомъ католическомъ мірѣ высказывалось мнѣніе, что іезуиты погубятъ монашество. Но особенно новая тактика отличается отъ старой тѣмъ оппортунизмомъ, представителями котораго явились іезуиты, создавая легкую мораль, чтобы при ея помощи заманивать въ свои сѣти лицъ разныхъ званій и сословій, хотя по всѣмъ казуистическимъ ученіямъ, формальному взгляду на грѣхъ и „благочестивымъ обманамъ“ (piae fraudes [1]), къ коимъ іезуиты прибѣгали, они имѣли предшественниковъ въ среднихъ вѣкахъ [2]). Во всякомъ случаѣ *въ нравственномъ отношеніи іезуитизмъ воскрешалъ не строгую этику средневѣкового аскетизма, а ту порчу церкви, противъ которой раздавался моральный протестъ лучшихъ людей эпохи* и которой, собственно говоря, нечего было и воскрешать, такъ какъ въ безнравственныхъ своихъ проявленіяхъ іезутизмъ былъ непосредственнымъ порожденіемъ деморализаціи, характеризующей католическое духовенство въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Исканіе новой морали гуманистами, какъ ни безплодно оно было подчасъ [3]), моральный духъ, проникающій собою протестантизмъ, были явленіями, указывавшими на то, что Ренессансъ и реформація заключали въ себѣ элементы нравственнаго возрожденія, тогда какъ реакція, поскольку ея представителями были іезуиты, готова была достигать своихъ цѣлей, принося имъ въ жертву общественную нравственность. И, дѣйствительно, іезуиты — вездѣ, гдѣ они забирали въ свои руки воспитаніе и духовное руководительство націи,—*вносили деморализацію въ общество, особенно въ высшія его сферы, правящіе классы и интеллигентные слои,* возбуждая такимъ характеромъ своей дѣятельности моральный протестъ со стороны лучшихъ представителей самого католицизма. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно возникновеніе особаго антиіезуитскаго направленія въ католицизмѣ въ XVII в.

---

[1]) Т. I, гл. XXXVI.

[2]) Казуистику разрабатывали еще XV вѣкѣ доминиканцы, основавшіе и теорію пробабилизма.

[3]) Томъ I, гл. XXVII и слѣд.

когда орденъ Лойолы, окончательно превратившись въ политическое учрежденіе съ богатыми поземельными владѣніями и большими денежными капиталами, которые онъ пріумножалъ промышленными, торговыми и банкирскими предпріятіями, вполнѣ развилъ свои ученія о пробабилизмѣ, мысленныхъ оговоркахъ и т. п.: это оппозиціонное іезуитизму направленіе получило названіе янсенизма по имени Корнелія Янсенія (Янсена), бывшаго сначала профессоромъ въ Лувенѣ, потомъ ипрскимъ епископомъ, въ каковой должности онъ и умеръ (1638 г.). Янсеній написалъ книгу подъ заглавіемъ „Августинъ", въ коей противопоставилъ ученію іезуитовъ строгую этику бл. Августина, вдохновлявшаго и реформаторовъ, Лютера и особенно Кальвина, вслѣдствіе чего самъ янсенизмъ получилъ характеръ католическаго пуританизма: существовало даже извѣстное сходство между янсенизмомъ и протестантизмомъ въ вопросѣ объ оправданіи, такъ какъ Янсеній былъ противникомъ формалистики, которую поддерживали іезуиты, учившіе, что человѣкъ спасается собственными заслугами и между прочимъ дѣлами внѣшняго благочестія,—и выдвигалъ на первый планъ благодать Божію, вѣру и внутреннее душевное расположеніе. По смерти Янсенія его друзья напечатали этотъ трудъ (въ 1640 г.), наиболѣе же видными представителями его ученія сдѣлались его другъ, аббатъ Сенъ-Сиранскаго монастыря (во Франціи) Дювержье де Гораннъ (Duvergier de Hauranne) и нѣкто Антуанъ Арно, сильно содѣйствовавшіе распространенію янсенизма во Франціи, гдѣ у него образовался особый центръ (парижскій женскій монастырь Поръ-Рояль) и нашлось много замѣчательныхъ сторонниковъ; къ числу послѣднихъ принадлежали такіе люди, какъ Паскаль и Расинъ. Извѣстно, что Паскаль въ своихъ остроумныхъ „Провинціальныхъ письмахъ" (Lettres provinciales, 1656), выходившихъ сначала брошюрками, а потомъ выпущенныхъ отдѣльной книгой, разоблачилъ іезуитскую безнравственность. Папство осудило это движеніе, правительство Людовика XIV его преслѣдовало, но янсенисты тѣмъ не менѣе продолжали существовать, не переставая бороться съ іезуитами и изобличать ихъ безнравственность. Такими же врагами іезуитизма, какими во Франціи были янсенисты, сдѣлались въ Польшѣ піары (fratres scholarum piarum), основывавшіе школы, въ коихъ они держались принциповъ, противоположныхъ іезуитской морали [1].

Оппозиція многихъ католиковъ противъ іезуитизма вытекала не

[1]) О янсенизмѣ см. Sainte-Beuve. Histoire de Port-Royal.—Reuchlin. Gesch. von Port.-Royal. Der Kampf des reform. und des jesuit. Katholicismus unter XIII und L. XIV. Янсенисты играли роль и въ политической исторіи Франціи, о чемъ въ своемъ мѣстѣ.

изъ однихъ моральныхъ побужденій, да и не одному протестантизму, противъ коего орденъ направлялъ преимущественно свою дѣятельность, нужно было отстаивать себя въ борьбѣ съ іезуитами. Католическая реакція, главными вождями коей они были, *имѣла вообще болѣе широкое значеніе, чѣмъ противодѣйствіе реформаціи: это была реакція противъ всего духа новаго времени,* поскольку онъ воплощался не только въ протестантизмѣ, но и въ гуманизмѣ, не только въ стремленіяхъ индивидуума, но и въ стремленіяхъ государства. Свобода совѣсти и свобода мысли, свѣтская культура и свѣтское государство имѣли въ іезуитахъ принципіальныхъ противниковъ, а потому іезуиты сдѣлались главными врагами религіозной терпимости, свободнаго изслѣдованія, общественной самодѣятельности, независимой отъ церковныхъ интересовъ политики, разжигая фанатизмъ правителей и народныхъ массъ противъ всякихъ уступокъ „еретикамъ", забирая въ свои руки школы, общественное просвѣщеніе, научныя занятія,—въ коихъ они достигли громадныхъ успѣховъ въ смыслѣ эрудиціи,—поддерживая интересы консервативныхъ элементовъ общества, подчиняя себѣ правителей государствъ и пользуясь всѣми культурными средствами и направленіями, всѣми соціальными силами и теченіями, чтобы задержать, остановить, поворотить назадъ историческое движеніе. Поэтому въ свою очередь все новое и жизненное стояло въ оппозиціи къ іезуитизму, и когда въ XVIII в. окрѣпли свѣтская культура („просвѣщеніе") и свѣтское государство („просвѣщенный абсолютизмъ") новаго времени, борьба съ іезуитизмомъ приняла въ самихъ католическихъ странахъ острый характеръ, и дѣло дошло до того, что въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка іезуиты подверглись изгнанію изъ отдѣльныхъ государствъ, въ началѣ же слѣдующаго затѣмъ десятилѣтія орденъ былъ уничтоженъ самимъ папою по настоянію католическихъ дворовъ. Реакція противъ идей и общаго направленія политики XVIII в., наступившая послѣ паденія имперіи Наполеона и принявшая не только феодально-абсолютистическій характеръ въ отношеніяхъ соціальномъ и политическомъ, но и клерикальный въ отношеніи культурномъ, была какъ нельзя болѣе благопріятна для возстановленія ордена, который и въ XIX вѣкѣ. началъ играть ту же роль реакціоннаго фактора, какая ему принадлежала раньше. Разсматривая въ цѣломъ всѣ фазисы католической реакціи противъ Возрожденія, реформаціи, „просвѣщенія" XVIII в., просвѣщеннаго абсолютизма, французской революціи и всюду обнаруживая дѣятельность Общества Іисуса, знакомясь съ тою враждою, какую орденъ встрѣчалъ по отношенію къ себѣ со стороны защитниковъ интересовъ отдѣльныхъ національностей, государствъ, соціальныхъ классовъ, интересовъ народнаго про-

свѣщенія и общественной морали, мы не можемъ придавать исключительнаго значенія одной той полемикѣ, которую вели противъ іезуитовъ протестанты, тѣмъ болѣе, что по самому существу враждующихъ сторонъ, какъ представительницъ двухъ противоположныхъ религіозныхъ системъ, полемика эта должна была принимать преимущественно богословскій характеръ, усложняя теологическими спорами съ католиками тѣ религіозныя распри, которыя велись между самими протестантами, и тѣмъ болѣе, что и послѣдніе обнаруживали весьма часто догматическую нетерпимость и клерикальныя тенденціи, имѣвшія въ протестантскихъ странахъ почти столь же пагубныя культурныя слѣдствія, какъ и католическая реакція. Нужно было бы прослѣдить исторію богословскихъ споровъ въ Германіи второй половины XVI в., распрей въ ней лютеранъ и кальвинистовъ, религіозныхъ преслѣдованій въ протестантскихъ княжествахъ [1]), чтобы убѣдиться въ томъ, какъ все это задерживало въ Германіи общественное развитіе, столь блестящимъ образомъ обнаружившееся въ началѣ XVI в.; или нужно было бы познакомиться съ фактами культурной отсталости въ пресвитеріанской Шотландіи [2]), чтобы придти къ тому заключенію, что и протестантизмъ могъ въ культурномъ отношеніи мало чѣмъ отличаться отъ реакціоннаго католицизма. Тѣмъ не менѣе *сравненіе въ культурномъ отношеніи странъ, подпавшихъ католической реакціи, съ тѣми, въ которыхъ утвердился протестантизмъ, показываетъ, что отрицательныя стороны послѣдняго все-таки не имѣли такого гибельнаго вліянія, какъ католическая реакція*, и это до извѣстной степени позволяетъ намъ обобщить относящіяся сюда явленія, чтобы въ наиболѣе вѣрныхъ своимъ прин-

---

[1]) Для этой эпохи въ Германіи см. вообще: Ranke. Zur deutschen Gesch. vom Religionsfrieden bis zum dreiszigjähr. Krieg.—Ritter. Deutsche Gesch. im Zeitalter der Gegenreformation und des dreiszigjähr. Krieges. — Janssen. Geschichte des deutschen Volkes.—Bucholtz. Gesch. der Regierung Ferdinands I.—Maurenbrecher. Maximilian II und die deutsche Reformation.—Reitzes. Zur Geschichte der religiösen Wandlung Maximilians II. — Gindely. Rudolf II und seine Zeit.—Heppe. Gesch. des deutschen Protestantismus и его же Die Restauration des Katholicismus in Fulda, auf dem Eichsfelde und in Würzburg.—Löwe. Die Stellung Ferdinands I zum Trienter Konzil.—Sugenheim. Bayerns Kirchen-und Volkszustände im XVI Jahrhundert.—Wimmer. Die religiösen Zustände in Bayern um die Mitte des XVI Jahrhunderts. — Callinich. Kampf und Untergang des Melanchthonismus in Sachsen.—Göschel. Die Concordienformel nach Geschichte, Lehre und Bedeutung.—Frank. Die Theologie der Concordienformel.—Дальнѣйшая литература по исторіи Германіи (съ конца XVI в.) при изложеніи тридцатилѣтней войны.

[2]) Факты собраны въ извѣстной „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ Бокля (Buckle. History of civilization in England).

ципамъ проявленіяхъ протестантизма [1]) видѣть элементы и факторы культурнаго прогресса, а въ стремленіяхъ католицизма — элементы и факторы регресса [2]), присоединивъ сюда еще наблюденіе надъ связью католицизма съ абсолютизмомъ, протестантизма съ свободой [3]). Конечно, эти обобщенія, какъ на то и было указываемо, не могутъ претендовать на безусловную вѣрность, ибо изъ общихъ правилъ есть исключенія, но исключенія эти объясняются и тѣмъ, что не въ одномъ протестантизмѣ заключались прогрессивныя силы новой исторіи, да и въ немъ самомъ были регрессивныя стороны, и еще тѣмъ, что жизненныя условія отдѣльныхъ странъ могли парализовать то хорошее или дурное, что приносили въ нихъ съ собою общеевропейскія историческія теченія. Поэтому для сравненія культурнаго значенія католицизма и протестантизма удобнѣе брать не отдѣленныя одна отъ другой страны, каковы, напр., католическая Испанія и протестантская Голландія, но католическія и протестантскія части однихъ и тѣхъ же государствъ или одни и тѣ же государства въ разныя эпохи. Историки, напр., давно уже выставляли на видъ, что въ протестантскихъ частяхъ Германіи обнаруживалось гораздо болѣе умственной жизни и движенія впередъ, чѣмъ въ католическихъ, и что съ усиленіемъ въ Германіи католической реакціи и іезуитскаго вліянія (съ послѣдней четверти XVII в.), произошло въ ней и общее культурное пониженіе. Такое же наблюденіе дѣлается надъ католическими и протестантскими кантонами Швейцаріи. Еще рѣзче бросается въ глаза разница между двумя частями Нидерландовъ, изъ коихъ одна осталась католическою и подчинилась реакціонному направленію Испаніи (Бельгія), а другая сдѣлалась протестантской и отвоевала свою свободу (Голландія): одна изъ этихъ частей отстала отъ другой въ культурномъ отношеніи весьма значительно и до временъ французской революціи была страной клерикальнаго консерватизма,—сильнаго въ ней и до сихъ поръ,— тогда какъ въ другой въ XVII в. процвѣли промышленная и умственная дѣятельность, и сама она сдѣлалась одною изъ передовыхъ странъ въ Европѣ. Стоитъ также сравнить Польшу XVI вѣка, когда въ ней сильно было вліяніе гуманизма и развивалось реформаціонное движеніе, съ Польшею XVII и XVIII в., Польшею эпохи іезуитовъ, католической реакціи, преслѣдованія диссидентовъ, умственнаго застоя, общественной деморализаціи и политической анархіи [4]). Во Фран-

---

[1]) Ср. выше, гл. XX.

[2]) См. выше, стр. 248, 260.

[3]) См. выше, стр. 262.

[4]) Исторія католической реакціи въ Польшѣ разработана мало. Главныя указанія на литературу см. въ моемъ „Очеркѣ реформаціоннаго движенія въ

ціи въ эпоху нантскаго эдикта (1598—1685) протестантская часть населенія славилась особенно трудолюбіемъ и духомъ предпріимчивости.

Впрочемъ, для такихъ контрастовъ можно указать и на общія причины, такъ или иначе связанныя съ реформаціей. Уничтоживъ церковное землевладѣніе и праздное монашество, реформація возвратила гражданскому обороту громадное количество земель, подлежавшихъ „мертвой рукѣ“, создала классъ новыхъ собственниковъ на этихъ земляхъ, отдала обществу массу рабочихъ рукъ и избавила его отъ монашескаго паразитизма. *Католическія страны въ XVI—XVIII вѣкахъ продолжали испытывать на себѣ всѣ неудобныя стороны церковнаго землевладѣнія* [1]) *и многочисленнаго монашества*, отмѣненныхъ въ протестантскихъ странахъ реформаціей, но сохранившихся въ католическихъ до эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ и французской революціи. Мало того: реакція въ нѣкоторыхъ странахъ (напр., въ Испаніи, въ Неаполѣ) сопровождалась увеличеніемъ церковныхъ владѣній, числа духовныхъ и монаховъ, равно какъ и количества праздниковъ, отнимавшихъ отъ рабочаго времени множество дней въ году. Все это не могло не отражаться невыгодно на экономической жизни католическихъ странъ, гдѣ, кромѣ того, и духъ населенія, опекаемаго священниками и монахами, не могъ проявить такой энергіи, какою отличался болѣе свободный, менѣе стѣсняемый и менѣе обираемый протестантъ. Конечно, повторяемъ, если и нельзя въ одномъ католицизмѣ видѣть причину культурной отсталости, чему, напр., противорѣчитъ Франція, а въ одномъ протестантизмѣ—причину прогресса, если даже признать, что скорѣе, наоборотъ, нерѣдко бо́льшая культурность страны содѣйствовала принятію ею протестантизма, и что вѣрными католицизму оставались страны болѣе отсталыя,—хотя утвердительно нельзя говорить ни того, ни другого (культурная Италія и „варварская“ Шотландія) или нельзя утверждать безъ важныхъ оговорокъ,—многое заставляетъ признать, что *протестантизмъ соотвѣтствовалъ болѣе высокому культурному уровню*, какъ религія и какъ вообще историческое явленіе. Въ религіи это былъ протестъ противъ господства внѣшняго надъ внутреннимъ, формы надъ содержаніемъ, чувственнаго надъ духовнымъ, обрядности надъ моралью, протестъ противъ массы суевѣрій, заслонявшихъ высокое ученіе христіанства, про-

---

Польшѣ“ и въ „Исторіи Польши“ Бобржинскаго. Хотя проф. Любовичъ своей книгой „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ“ и доказалъ весьма убѣдительно, что реакція началась въ Польшѣ изъ нѣдръ самого общества до появленія въ странѣ іезуитовъ, тѣмъ не менѣе настоящими вождями реакціи въ Польшѣ все-таки были іезуиты.

[1]) Т. I, гл. XVII.

тивъ порчи клира. Что касается до культурной стороны, реформація была однимъ изъ проявленій того индивидуализма, того личнаго начала, которое нужно считать главнымъ факторомъ историческаго процесса. Какъ ни страдалъ протестантизмъ противорѣчіями, онъ, въ сравненіи съ духомъ католической реакціи, воплотившимся въ іезуитизмѣ, былъ явленіемъ неизмѣримо болѣе прогрессивнымъ, особенно если мы возьмемъ его въ основныхъ его принципахъ, а не въ неполныхъ, непослѣдовательныхъ и противорѣчивыхъ его примѣненіяхъ. „Какъ-никакъ, сказано у насъ въ другомъ мѣстѣ, при сравненіи реформаціи и реакціи въ Польшѣ, протестантизмъ выводилъ личность на новую дорогу, воспитывалъ ее къ самоопредѣленію и самостоятельности; іезуитизмъ убивалъ личность, дрессируя ее для служенія цѣлямъ, ей постороннимъ. Протестантизмъ былъ продуктомъ пробудившейся совѣсти, іезуитизмъ заглушалъ ея голосъ своими казуистическими успокоеніями. Протестантизмъ оживлялъ дѣятельность мысли, іезуитизмъ зарывалъ ее въ ворохъ мертвой учености. Протестантизмъ оживлялъ чувство національнаго и политическаго патріотизма, іезуитизмъ не зналъ родины и не научалъ ее любить". Южнороманскія страны, католическая Германія съ Австріей и Баваріей во главѣ, Польша—вотъ страны, въ коихъ іезуиты одержали полную побѣду, откуда дѣлались попытки католической реакціи въ Нидерландахъ, Англіи съ Шотландіей, во Франціи, въ протестантской Германіи, въ Швеціи и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ совершался упадокъ культуры. Послѣдній замѣчался и во Франціи, когда она измѣняла вѣяніемъ новаго времени, чтобы подчиняться духу реакціи, какъ это было въ эпоху религіозныхъ войнъ во второй половинѣ XVI в. и въ эпоху отмѣны нантскаго эдикта во второй половинѣ XVII столѣтія.

Лишенная политическаго единства, раздробленная на мелкія владѣнія, находившіяся большею частью подъ властью деспотическихъ государей, входя нѣкоторыми своими частями въ составъ Испанской монархіи и вообще находясь подъ сильнымъ ея вліяніемъ, Италія, которая раньше не выработала у себя духа общественной свободы, весьма быстро испытала на себѣ всю тяжесть католической реакціи. Съ 1550 г. начались въ папской области казни „еретиковъ" при помощи костра, висѣлицы и плахи, и параллельно съ этимъ римская инквизиція дѣйствовала въ другихъ частяхъ Италіи. Напрасно, напр., неаполитанцы выхлопотали у Филиппа II освобожденіе отъ испанской инквизиціи: ее съ успѣхомъ замѣнила инквизиція римская. Въ Миланѣ равнымъ образомъ Филиппъ II долженъ былъ отказаться отъ введенія испанской инквизиціи но отсутствіе послѣдней нисколько не мѣшало тому, чтобы и здѣсь безъ всякой пощады гнали еретиковъ. Одно время нѣкоторою свободой въ религіозномъ отношеніи пользовалась Венеція, гдѣ было довольно значи-

тельное число протестанвовъ, и бойко шла торговля протестантскими книгами: напримѣръ, въ періодъ отъ 1543 по 1549 годъ было продано здѣсь сорокъ тысячъ протестантскаго сочиненія „Del beneficio del Cristo", но около 1560 г. и тутъ еретиковъ стали топить по ночамъ въ лагунахъ. Въ Феррарѣ протестантамъ покровительствовала герцогиня Рената [1]), но папское бréве потребовало у ея мужа искоренениія ереси, и начались преслѣдованія протестантовъ. Папы второй половины XVI вѣка, отказавшись отъ исключительно свѣтской политики своихъ предшественниковъ, давали тонъ этой реакціи, особенно послѣ тридентскаго собора: таковы были Пій V, Григорій XIII, современникъ варѳоломеевской ночи (1572—1585), Сикстъ V, Климентъ VIII (ум. 1605 г.). Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось отношеніе Рима и къ классическому Возрожденію, для котораго онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ. Нѣсколько долѣе поддерживались гуманистическія занятія при другихъ дворахъ, но Возрожденіе вообще вездѣ уступало мѣсто реакціи, однимъ изъ признаковъ коей былъ „Освобожденный Іерусалимъ" Торквато Тассо (1544—1595), старавшійся внушить уваженіе къ средневѣковымъ традиціямъ [2]), а одною изъ наиболѣе выдающихся жертвъ—Джіордано Бруно, сожженный на кострѣ въ Римѣ въ 1600 г. Примѣръ Джіордано Бруно [3]), философа-пантеиста и ученаго, жившаго во второй половинѣ XVI в. и погибшаго на кострѣ, весьма характеристиченъ для этой эпохи. Въ Италіи его времени гуманистическая философія, возобновлявшая идеи Платона и Аристотеля, уже уступала мѣсто возрожденной іезуитами схоластикѣ, и Бруно былъ послѣднимъ представителемъ свободной философской мысли въ Италіи. Воспринявъ въ себѣ всѣ культурные элементы гуманистической эпохи и ставъ въ самое рѣзкое отношеніе къ реакціи, господствовавшей на его родинѣ, онъ покинулъ ее, чтобы въ протестантской Европѣ имѣть болѣе свободы, и онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: ему вездѣ жилось тяжело, всюду его гнали и католики, и протестанты, и онъ возвратился въ Италію лишь для того, чтобы въ Венеціи быть схваченнымъ инквизиціей и выданнымъ въ Римъ, гдѣ его предали казни, какъ атеиста и нарушителя монастырскихъ обѣтовъ (въ молодости Бруно былъ доминиканцемъ). Фанатики хотѣли даже совершенно истребить память о немъ и его сочиненіяхъ и до извѣстной степени достигли этого, такъ какъ позднѣе пришлось почти совсѣмъ вновь открывать этого философа. До какой степени была вообще безпощадна итальянская реакція по отношенію къ книгамъ, ей не нравившимся, можно видѣть изъ того, что изъ громаднаго ко-

---

[1]) Ср. выше, стр. 174.

[2]) Cecchi. T. Tasso e la vita italiana nel secolo XVI.

[3]) Berti. Vita di Giordano Bruno.

личества экземпляровъ протестантскаго сочиненія „Del beneficio del Cristo“, бывшихъ въ обращеніи въ XVI в., къ нашему столѣтію уцѣлѣло такъ мало, что одному историку литературы лишь съ большимъ трудомъ удалось отыскать себѣ одинъ его экземпляръ. Такая же судьба, какъ Бруно, чуть было не постигла и знаменитаго Галилео Галилеи (1564—1642), ученіе коего о вращеніи земли вокругъ солнца инквизиція объявила ересью, а ученіе о вращеніи ея вокругъ своей оси—ложнымъ и опаснымъ, хотя и не еретическимъ: великаго ученаго привлекли къ суду инквизиціи, заставили отречься отъ своего ученія и до конца жизни держали подъ надзоромъ [1]).

О католической реакціи въ Испаніи и Германіи придется еще упоминать въ другой связи [2]). Что касается до Польши, то католическая реакція въ этой странѣ, подчинявшейся въ XVI в. и вліянію гуманизма, и вліянію реформаціи, достойна вниманія, какъ одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ того, какъ іезуиты овладѣвали цѣлымъ обществомъ, въ которомъ были задатки развитія въ иномъ духѣ. Въ эпоху религіозныхъ войнъ и сильнаго фанатизма, какъ католическаго, такъ и протестантскаго, Польша представляла изъ себя страну, въ которой, хотя и для одного сословія, существовала столь широкая религіозная свобода, что нигдѣ не терпѣвшійся и всюду преслѣдовавшійся антитринитаризмъ имѣлъ возможность въ ней одной организоваться въ цѣлую церковь. Въ Римѣ одно время даже отчаявались относительно возможности удержать Польшу въ лонѣ католической церкви, и іезуитамъ, начавшимъ дѣйствовать въ этой странѣ лишь по прошествіи четверти вѣка со времени основанія ихъ ордена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представлялась задача не совсѣмъ легкая. Не то было труднымъ, что нужно было искоренять „ересь“: протестанты не составляли большинства націи, были раздѣлены въ вѣроисповѣдномъ отношеніи на четыре лагеря, не отличались особой энергіей и не проявляли въ общемъ никакого фанатизма, съ которымъ приходилось бы считаться. Если шляхтичъ битьемъ гналъ народъ въ реформированную имъ церковь, то это происходило не изъ фанатизма, а потому, что онъ считалъ себя собственикомъ костёла и могъ дѣлать съ нимъ, что хотѣлъ, смотря и на хлоповъ, какъ на людей, отданныхъ ему въ полную власть. На эти массы, бывшія лишь нѣмыми свидѣтелями „профанаціи“ церквей, на шляхетское разновѣрство, на властолюбіе шляхты іезуиту можно было даже очень удобно опереться, только стоило немножко разнуздать въ массѣ сидѣвшаго въ ней звѣря, дискредитировать реформацію именно ея

---

[1]) Gebler. Galileo Galilei und die römische Curie.—Reusch. Der Prozess Galileis.

[2]) См. главы о политикѣ Филиппа II и о тридцатилѣтней войнѣ.

разновѣрствомъ и втереться въ довѣріе шляхты, льстя ея слишкомъ бросавшимся въ глаза инстинктамъ. И опять не то было трудно, что приходилось дѣйствовать въ странѣ, гдѣ правительство давало молчаливое и даже не молчаливое согласіе на религіозную свободу: правительства мѣняются, а законы—дѣло рукъ человѣческихъ. Самое трудное, повидимому, представлялъ изъ себя весь духъ молодого польскаго общества, индифферентизмъ и склонность къ вольномыслію и въ его католическихъ членахъ, антипатія къ клерикализму, а что еще важнѣе—общее настроеніе польскаго духовенства, болѣе заботившагося о своихъ десятинахъ и мѣстахъ въ сенатѣ, чѣмъ о вѣрѣ, болѣе ревностно хлопотавшаго о національномъ соборѣ, чѣмъ о борьбѣ съ „ересью", сопротивлявшагося тридентскимъ постановленіямъ и готоваго вступать въ компромиссы съ нововѣрами, если дѣло только не касалось доходовъ и власти. Предстояло передѣлать старыхъ католиковъ въ католиковъ новаго образца, созданнаго совокупными усиліями ордена и тридентскаго собора, а для этого нужно было воспитать подроставшія поколѣнія въ иномъ духѣ, чѣмъ воспитывались ихъ отцы, и найти другія средства, чтобы подѣйствовать на тѣхъ, кого воспитывать было слишкомъ поздно,—однимъ словомъ, предстояло направить на свѣтское общество и на духовенство орудія педагогіи и дипломатіи, а у іезуитовъ обѣ системы были уже готовы: они явились въ Польшу опытными воспитателями и искусными мастерами политическихъ дѣлъ. Сдѣлать свѣтскій культурный классъ и духовенство другими, чѣмъ они были, когда нужно, нафанатизировать уличную толпу,—потомъ уже легко было нетерпимость въ мысляхъ и поступкахъ перевести въ законодательство и, опираясь на двойную силу общества и государства, нанести ударъ тѣмъ еретикамъ, которыхъ нельзя было пронять ни увѣщаніемъ, ни проповѣдью, ни лестью, ни обѣщаніями, ни страхомъ передъ разнузданною толпой. Начать іезуитамъ предстояло съ высшаго духовенства, затронувъ его интересы и показавъ ему, что лучше всего оно обережется подъ защитою папскаго Рима,—и съ дѣтей, воспитавъ ихъ такъ, чтобы они не были похожи на своихъ отцовъ: іезуитамъ съ ихъ покровителями удалось и организовать католическую партію съ епископами, которой раньше не существовало, и создать новое поколѣніе добрыхъ католиковъ, готовыхъ не останавливаться и предъ прямыми насиліями надъ „синагогами сатаны" и „еретиками". Понятное дѣло, что при всемъ этомъ вездѣ и во всемъ нужно было мѣшать предпріятіямъ нововѣровъ и болѣе всего препятствовать имъ формальнымъ закономъ закрѣпить фактически установившуюся въ Рѣчи Посполитой религіозную свободу.

Успѣхъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ при Сигизмундѣ-Августѣ вообще обусловливался въ значительной мѣрѣ слабостью оказан-

наго со стороны духовенства отпора. Польскій епископатъ середины XVI в. былъ болѣе или менѣе тронутъ реформаціонными стремленіями и вольномысленнымъ духомъ, а потому въ немъ не было убѣжденія въ истинности и правотѣ защищавшагося имъ дѣла, когда приходилось ex officio выступать въ роли судей и карателей. Чуть не всѣхъ епископовъ современники самихъ подозрѣвали въ еретичествѣ. Примасъ Яковъ Уханскій обвинялся въ тайномъ лютеранствѣ, да и на самомъ дѣлѣ онъ велъ себя не такъ, чтобы не вызывать подозрѣній, имѣя въ головѣ собственный планъ реформы церкви посредствомъ національнаго собора. Епископы готовы были идти на прямые компромиссы съ протестантами. Напр., на сеймѣ 1556 г. они предложили шляхтѣ содержать при своихъ домахъ протестантскихъ проповѣдниковъ, но только утвержденныхъ самими епископами! На сеймѣ 1565 г. Уханскій серьезно совѣтовалъ своимъ товарищамъ идти на уступки требованіямъ шляхты, чтобы путемъ компромисса сохранить часть своихъ правъ и привилегій. Со стороны свѣтскаго общества энергичнаго противодѣйствія противъ протестантизма не было: крестьянская масса была пассивна; горожане въ большинствѣ случаевъ были недовольны появленіемъ ереси, но сидѣли смирно; органы администраціи не хотѣли приводить въ исполненіе приговоровъ церковнаго суда, когда таковые еще постановлялись и исполненіе ихъ поручалось именно свѣтскимъ властямъ. Что касается до шляхты, то и католическая ея часть во многомъ дѣйствовала заодно съ протестантами и помогала имъ или, по крайней мѣрѣ, не препятствовала дѣятельно сопротивляться духовенству при защитѣ религіозной свободы.

Іезуиты въ Рѣчи Посполитой начали свою дѣятельность съ педагогіи. Въ XVI в. краковская академія и подвѣдомственныя ей школы сильно поотстали отъ подобныхъ учрежденій на Западѣ, и шляхта не разъ жаловалась на духовенство, что оно плохо учитъ, а между тѣмъ, стремленіе къ образованію составляло одну изъ самыхъ почтенныхъ чертъ тогдашняго польскаго общества. Что касается до школъ протестантскихъ, то большею частью это были элементарныя училища съ вѣроисповѣднымъ характеромъ. За вармійской, а потомъ плоцкой епархіей въ дѣлѣ открытія іезуитскихъ коллегій послѣдовали и другія епархіи, и даже сами протестанты стали отдавать въ эти коллегіи своихъ дѣтей. Впослѣдствіи только одни социніане могли своей раковской академіей и другими подобными учрежденіями соперничать съ іезуитами на педагогическомъ поприщѣ. Іезуиты подмѣтили въ обществѣ нѣкоторые признаки возможной реакціи и ихъ эксплуатировали, особенно въ той части шляхты, которую начиналъ пугать антитринитаризмъ. Дѣйствительно, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ были даже случаи возвращенія въ католицизмъ „по причинѣ разно-

образія сектъ и проклятій, которыя онѣ одна на другую налагаютъ". Случалось и такъ, что паны и шляхтичи прогоняли изъ своихъ имѣній протестантскихъ проповѣдниковъ и водворяли въ „профанированныхъ" костёлахъ католическихъ каплановъ. Со времени введенія іезуитовъ такія обращенія дѣлаются чаще и систематичнѣе. Понятно, что кто проходилъ новую школу, былъ уже инымъ человѣкомъ, іезуиты уже прямо подстрекали своихъ учениковъ ко всякимъ насиліямъ надъ диссидентами. На жалобы познанскихъ протестантовъ, у которыхъ школьники поджигали церкви, іезуиты отвѣчали, что ихъ ученики заслуживаютъ всякой похвалы за ревность къ вѣрѣ, а одинъ такой пожаръ въ Познани, произведенный школьниками, ихъ воспитатели комментировали даже особой защитительной брошюрой. Кромѣ школы, іезуиты дѣйствовали проповѣдью, публичными диспутами (часто поддѣльными), печатной пропагандой (первое польское іезуитское сочиненіе: Postylla catoliczna Вуйка 1575 г.) и т. п. До іезуитовъ вся почти польская печать была въ рукахъ нововѣровъ: до 1564 г. протестантскія сочиненія были численнѣе католическихъ, послѣднихъ до 1750 г. можно насчитать дватри десятка только, а въ 1572 г. протестантскихъ типографій было больше, чѣмъ католическихъ. Въ первой четверти XVII в. съ іезуитами въ развитіи литературной дѣятельности могли потягаться развѣ одни социніане, вообще не мало потрудившіеся на этомъ поприщѣ Но въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ долго еще было уваженіе къ свободѣ совѣсти, по крайней мѣрѣ, членовъ своего сословія. Варѳоломеевская ночь чуть-было не оттолкнула поляковъ отъ Франціи и вызвала противъ нея рядъ памфлетовъ. Знаменитый впослѣдствіи Янъ Замойскій, которому „лучше было не родиться, чѣмъ не быть католикомъ", и который „готовъ былъ отдать полъ-жизни, чтобы видѣть католиками другихъ", и тотъ былъ за свободу въ дѣлахъ вѣры и соглашался „скорѣе умереть, чѣмъ потерпѣть, чтобы одинъ хоть полякъ насильно былъ вынужденъ принять католицизмъ". Въ 1573 г. шляхта даже заключила генеральную варшавскую конфедерацію, содержавшую въ себѣ, во избѣжаніе какого-либо междуусобія по причинѣ несогласія въ религіи, торжественное и клятвенное объявленіе подписавшихся, что они будутъ соблюдать религіозный миръ, не будутъ другъ друга преслѣдовать, а также не станутъ помогать въ этомъ никакой власти или ея органамъ и даже будутъ защищать преслѣдуемыхъ за вѣру. И первый іезуитскій покровитель изъ польскихъ королей, Стефанъ Баторій, не былъ королемъ, какой былъ бы желательнымъ крайнимъ представителямъ католической реакціи: онъ былъ противъ насильственнаго искорененія „ереси", котораго добивались іезуиты, такъ какъ видѣлъ въ католицизмѣ одно изъ своихъ политическихъ средствъ. Говорятъ, что когда ему совѣтовали сдѣлать такъ, чтобы въ Польшѣ былъ одинъ

законъ, одна религія, онъ отвѣчалъ, что его дѣло царствовать надъ народами, а не надъ религіозными убѣжденіями: rex sum populorum, non conscientiarum. Давъ присягу въ соблюденіи варшавской религіозной конфедераціи, онъ старался и на дѣлѣ оградить протестантовъ отъ начинавшихся насилій, хотя и косо смотрѣлъ на дальнѣйшіе успѣхи протестантизма въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе его царствованіе (1575—1586) было временемъ, когда въ Польшѣ окончательно консолидировался іезуитскій католицизмъ. Въ Піотрковѣ въ 1577 году собралось польское духовенство и приняло тридентскія постановленія коихъ тринадцать лѣтъ не хотѣло принять. Это былъ отказъ польскаго клира отъ идеи національной церкви, это было объявленіе, что протестантизму уже уступокъ дѣлаться не будетъ. Въ послѣднемъ смыслѣ піотрковскій синодъ протестовалъ противъ варшавской конфедераціи и предавалъ проклятію лицъ, признающихъ религіозную свободу. Все, что только могло поддержать въ Польшѣ политическое значеніе и моральный авторитетъ клира, было одобрено, принято, утверждено на синодѣ 1577 г.: для Рѣчи Посполитой онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ тридентскій соборъ для остальной Европы. Съ другой стороны, іезуиты продолжали воспитывать польское юношество въ духѣ повиновенія католической церкви. Сами разновѣрцы начинали уже бояться усиленія „неизвѣстной доселѣ секты іезуитовъ", исподтишка и исподволь опутывавшей польское общество. Понятно, что „Общество Іисуса" не могло оставить въ покоѣ и самого Стефана Баторія: ему твердили, что іезуиты воспитываютъ молодежь въ духѣ преданности монархіи и порядку, въ духѣ легальности, и знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга, уже іезуитъ изъ поляковъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, выступающимъ около этого времени на сцену, въ своихъ проповѣдяхъ отстаивалъ идею прочной королевской власти и громилъ земскихъ пословъ, проводившихъ теорію шляхетской вольности. Іезуиты льстили стремленіямъ Стефана Баторія, и онъ изливалъ на нихъ свои милости, основывая новыя коллегіи, превращая виленскую коллегію въ академію и т. п. Сигизмундъ III (1587—1632), самъ воспитанникъ іезуитовъ (знаменитаго Поссевино) и во внутренней, и во внѣшней политикѣ стоялъ въ рядахъ католической реакціи, окруживъ себя іезуитами, перенесши столицу въ правовѣрную Варшаву, сдѣлавъ изъ нея такую же опору католицизма, какою на другомъ концѣ Европы былъ Мадридъ. Въ началѣ XVII в. реакція была въ полномъ разгарѣ: въ городахъ у диссидентовъ отбирали или разрушали церкви, лишали разновѣрцевъ должностей, наносили имъ публичныя оскорбленія, и въ то время, какъ все уменьшалось число протестантовъ отъ переходовъ въ католицизмъ, среди католиковъ развивалась нетерпимость и т. д. Въ 1617 г. въ Краковѣ вводится index librorum prohibitorum; въ 1618 устанавливается строгая цензура.

Особенно много потерпѣли въ эту эпоху антитринитаріи, отвергнутые другими диссидентами и изгнанные наконецъ изъ предѣловъ государства, чѣмъ создавался опасный прецедентъ и для прочихъ разновѣрцевъ. Это было „начало конца", конца печальнаго для польскихъ протестантовъ, которые, не помѣшавъ удару, нанесенному одной „ереси", укрѣпляли руку, имѣвшую поразить и другія, и лишали себя союзниковъ въ борьбѣ съ іезуитизмомъ. Съ одной стороны, антитринитаріи подвергались нападеніямъ, съ другой, дѣлались попытки законодательнымъ путемъ уничтожить эту форму иновѣрія въ Польшѣ. Въ 1627 г., напримѣръ, насиліе нафанатизированной толпы положило конецъ существованію люблинской социніанской общины; въ 1638 году социніанская столица, Раковъ, лишилась своей церкви, школы и типографіи; въ 1656 г. три тысячи крестьянъ напали на Сандечъ, гдѣ разграбили и сожгли дома социніанъ и многихъ предали смерти; подобныя явленія были въ Чарковѣ и др. мѣстахъ. На сеймахъ 1632 и 1648 г. католики уже прямо заявляли, что готовы жить въ мирѣ со всѣми диссидентами, но только не съ тѣми, которые заблуждаются относительно св. Троицы, и требовали исключить ихъ изъ пользованія вѣротерпимостью: ихъ и оффиціально въ 1648 г. не хотятъ называть диссидентами, какъ это дѣлалось раньше, а—прямо еретиками. Въ 1647 г. сеймъ приговорилъ къ сожженію социніанскую книгу „Confessio fidei christianae" Шлихтинга, самого же автора, успѣвшаго бѣжать за границу,—къ безчестію и конфискаціи; особый сеймовой декретъ подъ страхомъ такого же названія запрещалъ печатать и распространять социніанскія книги. На сеймѣ 1658 г. духовенство потребовало примѣненія къ еретикамъ, „отнимающимъ у Сына Божія предвѣчность", которые „начали распространяться съ недавняго времени" (non a longis temporibus,—это послѣ столѣтней давности!),—стараго статута Ягеллы 1424, изгонявшаго изъ страны гуситовъ. Сеймовая конституція 1658 г. подъ страхомъ смертной казни запрещала исповѣданіе и распространеніе „ереси", а упорнымъ, которые не желали бы перейти въ католицизмъ, давала трехлѣтній срокъ для распродажи своихъ имѣній и выселенія изъ предѣловъ государства. Сеймъ 1659 г. сократилъ на годъ прежній трехлѣтній срокъ. Этого добились іезуиты, зорко слѣдившіе вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы социніане отнюдь за это время не производили „оказательства" своей ереси: кого казнили, кого грабили и убивали, кто бѣжалъ за границу (бѣжали преимущественно въ Голландію).—На чужбинѣ ученые социніане писали свои апологіи и мартирологи, предостерегая поляковъ отъ испанской инквизиціи и австрійскаго деспотизма.—Впослѣдствіи идеи польскихъ социніанъ были отчасти усвоены англійскими деистами и нѣмецкими раціоналистами, но большинство изгнанныхъ и бѣжавшихъ изъ Польши сектантовъ дена-

ціонализировалось весьма быстро и примкнуло къ протестантизму. А въ Польшѣ и остальнымъ диссидентамъ пришлось плохо. Сеймъ 1669 г. подъ страхомъ смертной казни или изгнанія запретилъ отпаденіе отъ католицизма и постановилъ, что только католикъ можетъ быть польскимъ королемъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого одинъ случай показалъ, въ какомъ положеніи была тогда въ Польшѣ умственная свобода. Литовскій шляхтичъ Казиміръ Лещинскій, читая „Естественное богословіе“ Генриха Альстеда, нашелъ, что его доказательства бытія Божія составлены весьма неумѣло и скорѣе могутъ достигнуть противоположной цѣли,—и въ насмѣшку надъ неостроумнымъ авторомъ приписалъ на полѣ книги: „ergo non est Deus“. На него донесли, какъ на безбожника, и познанскій епископъ привлекъ его къ суду. Ни шляхетская вольность, ни заступничество короля Яна Собѣскаго, ни покорное подчиненіе подсудимаго епископамъ его не спасли: сеймъ приговорилъ его къ казни, экстирпаціи языка и сожженію. Антидиссидентскія постановленія слѣдовали одно за другимъ, все болѣе и болѣе ограничивая права не католиковъ: при переходѣ въ XVIII в. реакція была совершенной побѣдительницей. Въ 1696 г. въ pacta conventa Августа II вносится запрещеніе вводить въ сенатъ и принимать на важныя должности вообще некатоликовъ. Въ 1616 г. шляхтѣ запрещается строить протестантскія церкви въ своихъ имѣніяхъ, а во время домашняго богослуженія не дозволялись ни пѣніе, ни проповѣдь. Исключались изъ этого правила посланники иноземныхъ государей, но на богослуженіи въ ихъ жилищахъ посторонніе лица не имѣли права присутствовать. Конституціей 1717 г. у протестантской шляхты отнято было право засѣдать въ посольской избѣ, коммиссіяхъ и трибуналахъ и составлять конфедераціи для своихъ религіозныхъ цѣлей. Единственный протестантскій членъ сейма 1717 г. Піотровскій былъ исключенъ изъ числа земскихъ пословъ по настоянію одного посторонняго сейму каноника (Ancuta), автора вышедшей черезъ годъ книжки „Полное право католической религіи въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ“.

Но извѣстно, что умственная жизнь и свѣтская литература сильно пали въ Польшѣ XVII в., сравнительно съ XVI столѣтіемъ. На рѣчь Посполитую въ эпоху католической реакціи мы имѣемъ право вообще смотрѣть, какъ на одно изъ лучшихъ доказательствъ того, какъ гибельно отзывалась эта реакція на всѣхъ проявленіяхъ исторической жизни въ странахъ, имѣвшихъ несчастье подчиниться въ умственномъ отношеніи іезуитамъ. Только новыя культурныя вѣянія XVIII в. стали выводить Польшу изъ застоя, созданнаго въ ней реакціей.

XXIV. Католическая политика, Филиппъ II и Елизавета Англійская [1]).

Общій взглядъ на эпоху международной борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ.—Смыслъ этой борьбы въ культурной исторіи Европы.—Габсбурги и Франція.—Католическая политика и роль въ ней Испаніи.—Отношеніе между папствомъ, іезуитами и Филиппомъ II.—Испанскій католицизмъ.—Силы Испаніи.—Испанская инквизиція.—Личный характеръ Филиппа II.—Филиппъ II и Англія.—Отношенія между Англіей, Шотландіей, Франціей и Испаніей при Елизаветѣ и Филиппѣ II.—Казнь Маріи Стюартъ и непобѣдимая Армада.—Неудачи Филиппа II въ концѣ его царствованія.—Упадокъ Испаніи.

Католическая реакція дѣйствовала не только литературной полемикой съ протестантами или тѣми педагогическими и дипломатическими средствами, какими такъ хорошо въ ея цѣляхъ пользовались іезуиты, не только жгла людей и книги въ отдѣльныхъ католическихъ странахъ и добивалась въ нихъ изданія законовъ, коими запрещалось самое существованіе „еретиковъ", но располагала еще силами католическихъ государствъ и международныхъ союзовъ, заключавшихся послѣдними для вооруженной борьбы съ протестантизмомъ во всей Европѣ. За непродолжительными и имѣвшими мѣстный характеръ религіозными междоусобіями въ Швейцаріи [2]) и Германіи [3]) въ первой половинѣ XVI в. *наступаетъ эпоха страшныхъ религіозныхъ войнъ, получившихъ международный характеръ, эпоха, охватывающая собою цѣлое столѣтіе* (считая отъ начала шмалькальденской войны въ 1546 г. до вестфальскаго мира въ 1648 г.) и распадающаяся на „вѣкъ" Филиппа II Испанскаго, главнаго дѣятеля международной реакціи во второй половинѣ XVI столѣтія, и на времена тридцатилѣтней войны въ первой половинѣ XVII в. Едва окончилась шмалькальденская война и заключенъ былъ аугсбургскій религіозный миръ,

---

[1]) Прескоттъ. Исторія царствованія Филиппа II.—Ranke. Prescott. History of the reign of Philipp II.—Die Osmanen und die spanische Monarchie im XVI und XVII Jahrhundert.—Philippson. Westeuropa im Zeitalter von Philipp II.—Forneron. Histoire de Philippe II.—Morel-Fatio. L'Espagne au XVI et au XVII siècles.—Соч. по исторіи реформаціи въ Испаніи указаны выше (стр. 13), но кромѣ того, есть испанскія сочиненія: въ протестантскомъ духѣ Adolfo de Castro, Historia de los protestantes españoles (есть нѣм. переводъ) и въ католико-клерикальномъ Menendez-Pelayo, H. de los heterodoxos españoles. Кромѣ того см. ниже сочиненія по исторіи нидерландской революціи, а также указанныя выше (стр. 216—217) соч. по исторіи Англіи при Елизаветѣ. Укажемъ наконецъ на Guerres de religion Лорана (ср. выше, стр. 3).

[2]) См. выше, стр. 160—161.

[3]) Шмалькальденская война.

признавшій за лютеранизмомъ право на существованіе въ Германіи (1555), едва окончилась со смертью Маріи Тюдоръ (1558), второй жены Филиппа II, католическая реакція въ Англіи и въ этой странѣ сталъ утверждаться англиканизмъ, едва религіозно-политическая революція (1559) ввела кальвинизмъ въ Шотландіи, королева которой, Марія Стюартъ, осталась, однако, католичкой, какъ начинаются религіозныя войны во Франціи и возстаніе Нидерландовъ противъ Филиппа II, сопровождающееся введеніемъ реформаціи. Католики отдѣльныхъ странъ протягиваютъ другъ другу руку, возлагая свои надежды и въ Шотландіи, и въ Англіи, и во Франціи на могущественную Испанію, а ея католическій король становится во главѣ международной реакціи, пользуясь не только собственными средствами, какія доставляла ему громадная монархія, но и поддержкою католическихъ партій въ отдѣльныхъ странахъ и какъ нравственною, такъ и денежною помощью папскаго престола, на которомъ сидѣли теперь фанатики реакціи. Конечно, это заставляло и протестантовъ разныхъ государствъ сближаться между собою: кальвинисты въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, какъ и англійскіе протестанты считали свое дѣло общимъ, да и современница Филиппа II на англійскомъ престолѣ, королева Елизавета, которую папа объявилъ незаконнорожденной, права которой на корону оспаривали въ пользу Маріи Стюартъ, и противъ которой составлялись католическіе заговоры въ самой Англіи, была вынуждена оказывать содѣйствіе протестантамъ въ Шотландіи, въ Нидерландахъ, во Франціи. Реакціоннымъ попыткамъ Филиппа II былъ данъ отпоръ. Въ 1588 г. потерпѣла крушеніе его „непобѣдимая армада", посланная на завоеваніе Англіи; въ 1589 г. во Франціи вступилъ на престолъ Генрихъ IV, умиротворившій страну послѣ внутренней смуты и въ одномъ и томъ же году (1598) давшій свободу вѣроисповѣданія протестантамъ и заключившій миръ съ Испаніей, вмѣшавшейся въ религіозную войну во Франціи; наконецъ Нидерланды успѣшно вели борьбу съ Филиппомъ II и уже послѣ его смерти принудили его преемника заключить перемиріе. Но едва окончились эти войны, раздиравшія крайній западъ Европы, какъ въ другой ея части начала готовиться новая религіозная борьба. Генрихъ IV, еще въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. предлагавшій Елизаветѣ Англійской устройство общаго протестантскаго союза, мечталъ о немъ и въ концѣ своей жизни, обративъ теперь взоры на Германію, гдѣ раздоры между католиками и протестантами грозили уже междоусобіемъ, и только насильственная смерть отъ руки католическаго фанатика (1610) положили конецъ его планамъ относительно новой борьбы. Въ это время только что (1609) въ силу перемирія, заключеннаго на двѣнадцать лѣтъ, прекратилась война между католической Испаніей и протестантской

Голландіей, чтобы въ скоромъ времени возобновиться опять, а въ Германіи уже заключались протестантская унія (1608) и католическая лига (1609), которымъ черезъ десять лѣтъ послѣ того пришлось вступить между собою въ вооруженную борьбу въ тѣ самые годы, какъ начались опять вооруженныя дѣйствія между Испаніей и Голландіей, во Франціи гугеноты произвели новое возстаніе, а на сѣверо-востокѣ шла война между протестантской Швеціей и католической Польшей, король которой католикъ Сигизмундъ III изъ шведской династіи Ваза, но лишившійся шведской короны, оспаривалъ послѣднюю у своихъ дяди Карла IX и двоюроднаго брата Густава Адольфа, будущаго героя тридцатилѣтней войны, мечтая самъ о католической реакціи въ Швеціи и находясь въ союзѣ съ Австріей.

Такимъ образомъ *въ международной политикѣ второй половины XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка мы видимъ раздѣленіе европейскихъ государствъ на два вѣроисповѣдныхъ лагеря.* Изъ нихъ и бо́льшею сплоченностью, и болѣе аггрессивнымъ характеромъ отличался лагерь католическій, во главѣ коего стояли Габсбурги, сначала испанскіе (во времена Филиппа II), потомъ австрійскіе (въ тридцатилѣтней войнѣ). Если бы Филиппу II удалось сломить сопротивленіе Нидерландовъ, пріобрѣсти Францію для своего дома, а Англію съ Шотландіей превратить въ одну католическую Британію, — а таковы были его планы, — если бы осуществились стремленія императоровъ Фердинанда II и Фердинанда III въ эпоху тридцатилѣтней войны, и если бы Сигизмундъ III справился съ Швеціей и съ Москвою и употребилъ часть тѣхъ силъ, какія дѣйствовали въ Россіи въ такъ называемое смутное время, для борьбы на западѣ Европы въ интересахъ католицизма,—побѣда реакціи была бы полною, но у протестантизма явились защитники въ лицѣ такихъ государей и политическихъ дѣятелей, каковы Елизавета Англійская, Вильгельмъ Оранскій, Генрихъ IV Французскій, Густавъ Адольфъ Шведскій, (какъ позднѣе Кромвель, Вильгельмъ III), и въ лицѣ цѣлыхъ народовъ, *національной независимости которыхъ грозила католическая реакція.* Дѣйствительно, борьба принимала такой характеръ, что и Шотландіи въ царствованіе Маріи Стюартъ, и Англіи при Елизаветѣ, и Нидерландамъ, и Швеціи при Карлѣ IX и Густавѣ Адольфѣ приходилось отстаивать свою независимость вмѣстѣ съ своей религіей, тогда какъ *въ католическомъ лагерѣ господствовали стремленія къ политической гегемоніи надъ Европой*, бывшія у Габсбурговъ наслѣдіемъ идей средневѣковой имперіи, на возстановленіе которой столько было положено труда Карломъ V [1]). Такимъ образомъ католицизмъ, соединявшійся въ такихъ странахъ, каковы были

---

[1]) См. выше, гл. IV.

габсбургскія владѣнія (Испанія и Австрія) съ подавленіемъ духовной и политической свободы, стремился въ международной политикѣ къ подавленію національной независимости, тогда какъ протестантизмъ, содѣйствовавшій въ такихъ государствахъ, какъ Голландія и Англія, культурному развитію и политической свободѣ, связывалъ свое дѣло съ дѣломъ національной независимости. Вотъ почему можно сказать, что съ точки зрѣнія современнаго историка, изучающаго общую эволюцію культурно-соціальныхъ направленій, *международная борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ была борьбою между культурной реакціей, абсолютизмомъ и порабощеніемъ національностей, съ одной стороны, и культурнымъ развитіемъ, политической свободой и національною независимостью, съ другой.* Конечно, при болѣе детальномъ изученіи всѣхъ войнъ той эпохи и даже при поверхностномъ знакомствѣ съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, мы обнаруживаемъ и иныя причины ихъ происхожденія, изъ коихъ нѣкоторыя сами по себѣ могли дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ религіозный интересъ, но всѣ эти причины (династическія, національныя, политическія и т. п.) не имѣли такой принципіальной связи между собою, какую обнаруживали на протяженіи столѣтія и въ разныхъ странахъ всѣ эти попытки искорененія протестантизма.

Мы уже говорили что главными дѣятелями международной реакціи были испанскіе и австрійскіе Габсбурги, наслѣдовавшіе отъ Карла V его обширныя владѣнія, его стремленія къ гегемоніи въ Европѣ, его политическую связь съ католицизмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и соперничество съ Франціей. Это *династическое соперничество Габсбурговъ съ Валуа, а впослѣдствіи и съ Бурбонами, выразившееся въ первой половинѣ XVI вѣка въ войнахъ Карла V и Франциска I* [1]*), было факторомъ, усложнявшимъ международныя отношенія католицизма и протестантизма.* Габсбурги и Франція находились въ противоположныхъ лагеряхъ, когда во Франціи политическія соображенія брали перевѣсъ надъ интересами католицизма, ибо габсбургское могущество грозило политическому равновѣсію: съ Франциска I и Генриха II, которые вступали въ сношенія съ протестантскими князьями Германіи противъ Карла V, до открытаго участія Франціи въ тридцатилѣтней войнѣ въ союзѣ съ протестантами противъ католиковъ, т.-е. въ теченіи цѣлаго вѣка мы наблюдаемъ антигабсбургскую тенденцію французской политики, по необходимости дѣлавшуюся протестантскою, за исключеніемъ моментовъ господства во Франціи реакціоннаго направленія, и, конечно, для Испаніи было особенно важно поддержать во Франціи католическую реакцію, чѣмъ и объя-

---

[1]) См. выше, стр. 43 и слѣд.

сняется ея вмѣшательство во внутреннія смуты, которыя происходили въ этой странѣ. Своею антигабсбургскою политикою Францiя одна изъ первыхъ эманципировала международныя отношенія отъ вѣроисповѣднаго характера, который имъ навязывала борьба католицизма съ протестантизмомъ, но отдѣльные факты такого рода представляетъ намъ и политика самого Филиппа II, ибо и онъ, напр., противодѣйствовалъ французскому католическому вліянію въ Шотландіи, когда послѣдняя дѣлалась протестантскою [1]), что равнымъ образомъ указываетъ на небезусловность политическихъ комбинацій, основанныхъ на вѣроисповѣдныхъ началахъ.

На службѣ у католической реакціи обезсилили себя всѣ державы, которыя дѣйствовали въ ея интересахъ на поприщѣ международной политики. Ранѣе всего это почувствовала на себѣ Испанская монархія при Филиппѣ II, обширныя предпріятія котораго, связанныя съ задачами католической реакціи въ разныхъ странахъ, въ соединеніи съ внутреннимъ духовнымъ и политическимъ гнетомъ, привели государство къ упадку, въ какомъ оно находилось послѣ блестящей эпохи XVI в. Во время тридцатилѣтней войны точно такъ же нанесла и себѣ, и всей Германіи ударъ Австрія, какъ въ XVIII в. погубила себя и Польша своею связью съ католической реакціей. Послѣ тридцатилѣтней войны, во второй половинѣ XVII в. наслѣдіе габсбургской политики переходитъ къ Франціи, которая съ крайнимъ абсолютизмомъ и католической реакціей внутри соединяетъ тогда стремленіе къ европейской гегемоніи, повторяя черезъ вѣкъ то, что дѣлала Испанія при Филиппѣ II, съ меньшимъ только фанатизмомъ. Такимъ образомъ *католическая политика представляла изъ себя цѣлую систему подавленія всякой свободы*, политической, религіозной, національной, и на службѣ у этой политики были въ разное время разныя государства, тогда какъ *протестантизмъ при столкновеніи съ этой системой защищалъ свободу*, какъ это случилось и во второй половинѣ XVII в., когда противъ Людовика XIV боролась протестантская Голландія, а потомъ и Англія, утвердившая и внутри себя своею второй революціей и политическую свободу, и свободу религіозную. Мы сдѣлали бы, однако, ошибку, если бы приписали возникновеніе этой системы второй половинѣ XVI в. вообще и Филиппу II въ частности: настоящимъ ея родоначальникомъ былъ Карлъ V съ его представленіемъ государства, какъ абсолютной монархіи, опирающейся на католическую церковь и не знающей національныхъ различій, а элементами, изъ коихъ складывалось такое представленіе, были и политическое ученіе Макіавелли, столь популярное у государей XVI в., и религіозно-политическій деспо-

[1]) См. выше, стр. 215 и 221—222.

тизмъ съ инквизиціей, въ роли государственнаго орудія, установившійся въ Испаніи еще при дѣдѣ и бабкѣ Карла V, и средневѣковая идея космополитической священной Римской имперіи. Филиппъ II только продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего отца, съ бо́льшимъ, пожалуй, фанатизмомъ и въ болѣе опредѣленныхъ видахъ католической реакціи, которая едва только начиналась при его отцѣ. Вообще во второй половинѣ XVI в. католическая политика становится болѣе фанатичной, а наступленіе католической реакціи дѣлаетъ ея вѣроисповѣдный характеръ интензивнѣе, создавъ для нея въ то же время цѣлый классъ новыхъ дѣятелей, новую организацію, орденъ іезуитовъ, которые работали за одно и въ пользу католическихъ государствъ, и въ пользу папства, и въ пользу собственнаго ордена, поставившаго своею задачей господствовать и надъ государствомъ, и надъ церковью.

Какъ мы уже видѣли, папство измѣнило свою политику и искало союза съ католическими государями. Во второй половинѣ XVI в. наиболѣе желаннымъ союзникомъ былъ для нихъ именно испанскій король, хотя ему и приходилось ссориться съ ними, такъ какъ Филиппъ II не любилъ чужого, даже папскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи, а, напр., Пій V (1566—1572) своею буллой In coena Domini, подвергавшей анаѳемѣ нарушителей папскихъ правъ, вызвалъ противъ себя протестъ всѣхъ католическихъ государей. Тотъ же Пій V одобрялъ, однако, мѣры Филиппа II въ Нидерландахъ, а Григорій XIII помогалъ ему деньгами въ войнѣ съ Англіей и Нидерландами, что дѣлалъ и Григорій XIV, употребивъ на это большія денежныя средства, собранныя его предшественникомъ Сикстомъ V. Безусловное подчиненіе папства политикѣ Филиппа II началось еще при Піи IV, и тѣ же папы, которые помогали деньгами испанскому королю, посылали ихъ и католической партіи во Франціи въ періодъ религіозныхъ войнъ. Впрочемъ, въ куріи существовала, кромѣ испанской, и французская партія, а избранный ею Климентъ VIII даже искалъ себѣ опоры во врагѣ Филиппа II, Генрихѣ IV, когда послѣдній принялъ католицизмъ, и общей политикой папства было поддерживать равновѣсіе между католическими державами, такъ что имъ было крайне непріятно соперничество между Испаніей и Франціей, мѣшавшее совокупному дѣйствію обѣихъ державъ въ борьбѣ съ протестантами, несмотря на то, что это же соперничество охраняло курію отъ порабощенія Испаніей. Іезуиты также оказывали большую помощь Филиппу II, не смотря на то, что онъ сначала относился къ нимъ недружелюбно. При ихъ именно помощи онъ овладѣлъ Португаліей (1580), гдѣ они были весьма сильны; они содѣйствовали ему въ его попыткахъ овладѣть Франціей и были ревностными его помощниками въ подавленіи Нидерландовъ и борьбѣ съ Англіей, и между прочимъ они сильно способствовали искорененію протестантизма и поддержкѣ

католицизма въ той части Нидерландовъ, которая осталась вѣрной Габсбургамъ, учредивъ въ ней нѣсколько своихъ коллегій. Первые генералы ордена были притомъ испанцы; когда въ генералы были выбраны сначала одинъ нидерландецъ (Меркуріанъ), потомъ итальянецъ (неаполитанецъ) Клавдій Аквавива (1582—1615), испанскіе іезуиты были этимъ очень недовольны, и на ихъ сторону противъ деспотическаго генерала сталъ Филиппъ II съ доминиканской инквизиціей, имѣя на своей сторонѣ и папу Климента VIII, хотя дѣло кончилось тѣмъ, что и Аквавива, одолѣвшій оппозицію, перешелъ отъ испанскаго союза къ дружбѣ съ Франціей. Такимъ образомъ и курія, и іезуиты, сильно помогавшіе Филиппу II, лишь въ концѣ его царствованія охладѣли къ чисто испанскимъ интересамъ, успѣвъ, однако, поддержать реакціонный характеръ его политики.

Въ общей исторіи Европы на долю отдѣльныхъ народовъ выпадала далеко не одинаковая роль. Въ той реакціонно-католической политикѣ, общій очеркъ которой намъ нужно было предпослать болѣе подробному разсмотрѣнію религіозныхъ войнъ, Испанія во второй половинѣ XVI в. при Филиппѣ II представляетъ изъ себя первенствующую державу. Можно сказать, что испанскій народъ и только что названный его король были созданы для того, чтобы играть эту реакціонную роль. Испанія XVI столѣтія въ культурномъ отношеніи жила еще совершенно въ среднихъ вѣкахъ: католицизмъ господствовалъ здѣсь совершенно такъ же, какъ въ остальной Европѣ развѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Дѣло въ томъ, что испанская нація въ теченіи цѣлыхъ семи вѣковъ боролась съ мусульманами, отвоевывая у нихъ каждую пядь земли, въ теченіи семи вѣковъ вела крестовые походы, совершенно отождествивъ свое національное существованіе съ принадлежностью къ католической церкви, и сама церковь продолжала здѣсь быть воинствующею, дѣлая одно дѣло съ націей, религіозный энтузіазмъ которой доходилъ до настоящаго фанатизма. Эта-то нація и дала Европѣ орденъ іезуитовъ, дала Филиппа II. Въ XVI вѣкѣ католическій фанатизмъ соединялся съ крайнимъ деспотизмомъ въ политическомъ отношеніи. Деспотизму этому начало было положено Фердинандомъ Аррагонскимъ и Изабеллой Кастильской, при которыхъ, въ концѣ XV вѣка, однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для подавленія свободы сдѣлалась знаменитая испанская инквизиція, послужившая въ сороковыхъ годахъ XVI в. образцомъ для организаціи центральнаго инквизиціоннаго судилища и въ Римѣ: это учрежденіе было не только судомъ по дѣламъ ереси, но и по дѣламъ политическаго характера, орудіемъ утверждавшагося абсолютизма. Далѣе Карлъ V особенно хлопоталъ о водвореніи абсолютизма въ Испаніи, оставивъ безъ измѣненія тѣ полити-

ческія формы, какія нашелъ въ Нидерландахъ и въ Германіи, но онъ не былъ еще такъ тѣсно связанъ съ испанскимъ народомъ, какъ его сынъ, который почти съ самаго начала своего царствованія (1559 г.) не покидалъ Испаніи, бывшей притомъ и его родиной. Карлъ V передалъ Филиппу II власть вполнѣ упроченной, и онъ уже могъ пользоваться самымъ широкимъ произволомъ, опираясь на инквизицію. Духовенство въ испанскихъ владѣніяхъ было ему подчинено, но онъ хотѣлъ еще владычествовать надъ самимъ папствомъ, коему стремился поработить всю Европу, такъ что фанатизмъ, проявленный имъ во всей его политикѣ, отнюдь не доводилъ его до какихъ бы то ни было уступокъ папамъ, а упомянутая выше булла In coena Domini была имъ запрещена во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ, несмотря на то, что со стороны папы по его адресу дѣлались даже угрозы. Фанатическій народъ и деспотическій государь были какъ бы предназначены именно къ тому, чтобы выступить въ качествѣ реакціонной силы въ международной политикѣ, тѣмъ болѣе, что отъ своего отца Филиппъ II получилъ, кромѣ Испаніи, итальянскія владѣнія (Сицилію, Неаполь, Миланъ), Бургундію, Нидерланды и богатыя американскія колоніи, обширное государство съ 20 милліонами жителей въ одной Европѣ, когда во Франціи ихъ было лишь около 10 м., а въ Англіи около 5,— съ громадными средствами, съ лучшею въ то время арміею [1]), съ самыми искусными полководцами, съ первымъ въ мірѣ флотомъ (нанесшимъ при Филиппѣ II въ 1571 г. пораженіе туркамъ при Лепанто): все это само по себѣ безъ той помощи, какую оказывали испанской политикѣ папы, орденъ іезуитовъ, католики разныхъ странъ, давало перевѣсъ Испаніи надъ всѣми ея политическими противниками и позволяло ея королю, присоединившему впослѣдствіи къ своимъ владѣніямъ и Португалію (1580), мечтать о гегемоніи въ Европѣ. Съ такими средствами Филиппъ II, унаслѣдовавшій государственную идею своего отца [2]), могъ дѣйствительно помышлять и о полномъ объединеніи своихъ владѣній, и о подчиненіи своей политикѣ остальной Европы, и о томъ, чтобы, истребивъ ересь въ своемъ государствѣ, утвердить господство католицизма и въ другихъ странахъ.

Въ Испаніи подавленіе „ереси“ не представляло большихъ затрудненій, ибо ея и мало было въ Испаніи, и народъ сочувствовалъ казнямъ (auto da fe) „еретиковъ“, да и инквизиція дѣйствовала такъ, что захватывала для допросовъ гораздо болѣе людей, чѣмъ то требовалось для охраны чистоты католической вѣры. Инквизиціонный трибуналъ находился въ полной зависимости отъ короля и дѣйство-

---

[1]) Brix. Geschichte der spanischen Armee.

[2]) См. выше, стр. 40 и слѣд.

валъ въ королевскихъ интересахъ: его члены назначались монархомъ, имѣнія осужденныхъ конфисковались. Кромѣ ереси, былъ еще другой грѣхъ, за который можно было попасть въ руки инквизиторовъ: это была тайная склонность къ мусульманству, и тотъ, кого въ этомъ заподозрѣвали, долженъ былъ напр. доказывать, что четыре поколѣнія его предковъ были чистыми испанцами, т.-е. никто изъ нихъ не вступалъ въ браки съ маврами или морисками, насильно обращенными въ христіанство при Фердинандѣ Католикѣ и Изабеллѣ Кастильской, но остававшимися всегда въ сильномъ подозрѣніи у правительства и инквизиціи. Фактъ гоненій на морисковъ и вызваннаго ими возстанія, за которымъ послѣдовало усмиреніе и изгнаніе цѣлаго народца, свидѣтельствуетъ о томъ, на что былъ способенъ испанскій фанатическій деспотизмъ [1]).

Что касается до протестантизма, то среди образованныхъ классовъ испанскаго общества онъ нашелъ нѣкоторое количество приверженцевъ, ибо та связь, какая съ избраніемъ Карла въ императоры установилась между Испаніей и Германіей, содѣйствовала тому, что сочиненія Лютера рано стали распространяться въ Испаніи; въ серединѣ XVI в. существовали уже тайныя протестантскія общины въ Севильѣ, Вальядолидѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ 1558 г. случайно было открыто одно изъ такихъ протестантскихъ сообществъ. Инквизиція тотчасъ же произвела массу арестовъ, и бывшій тогда еще въ живыхъ Карлъ V потребовалъ самаго строгаго наказанія виновнымъ. Сожженіе еретиковъ происходило въ присутствіи Филиппа II, его побочнаго брата Дона-Жуана Австрійскаго и сына Дона-Карлоса, причемъ король вынулъ мечъ и поклялся защищать инквизицію, ея слугъ и ея рѣшенія, прибавивъ, что „если бы и его сынъ впалъ въ ересь, онъ самъ принесъ бы дровъ на костеръ, чтобы его сжечь". Даже примасъ испанскій, архіепископъ толедскій Варѳоломей Карранза, на рукахъ котораго скончался Карлъ V, былъ арестованъ (1559) за склонность къ лютеранству, и только папское заступничество спасло его отъ костра. Такими мѣрами въ самомъ началѣ своего царствованія Филиппъ II очистилъ свое государство отъ „еретиковъ", хотя отдѣльныя жертвы протестантизма были и въ слѣдующіе годы.

Филиппъ II, настоящій испанецъ по своему мрачному фанатизму, и по чисто личнымъ своимъ свойствамъ какъ нельзя болѣе годился для той роли, какую ему пришлось играть по своимъ національнымъ и политическимъ традиціямъ. Холодный, сосредоточенный въ самомъ себѣ, сдержанный, неспособный къ непосредственнымъ порывамъ, не-

---

[1]) Circourt. Histoire des morisques.

доступный никакому мягкому чувству, нелюдимый, надменный и напыщенный, онъ никому не внушалъ къ себѣ расположенія: когда въ 1548 г. онъ предпринялъ по желанію отца путешествіе, то „весьма мало понравился итальянцамъ, возбудилъ отвращеніе къ себѣ во фламандцахъ и ненависть въ нѣмцахъ“, какъ сказано было въ одномъ дипломатическомъ донесеніи. Холодная его жестокость особенно высказалась въ трагической судьбѣ его сына Дона-Карлоса, котораго такъ неосновательно идеализировалъ Шиллеръ. Болѣзненный, взбалмошный, малоспособный, обнаруживавшій задатки жестокости инфантъ жилъ съ отцомъ не въ ладахъ и однажды признался духовнику въ злоумышленіи на жизнь своего отца, что̀ было на руку Филиппу, давно уже думавшему о томъ, что его сынъ окажется неспособнымъ продолжать исполненіе его политическихъ и церковныхъ плановъ: въ ночь на 20 января 1568 г. онъ лично арестовалъ сына и холодно отвѣчалъ на его дикія ругательства, что теперь будетъ обращаться съ нимъ не какъ отецъ, а какъ король, а черезъ полгода Донъ-Карлосъ умеръ въ тюрьмѣ, доведенный до полнаго отчаянія своимъ отцомъ, который не сдавался ни на какія мольбы несчастнаго. Извѣстно, что принцъ рѣшилъ себя уморить сначала голодомъ, потомъ неумѣренностью въ пищѣ, наконецъ ледянымъ питьемъ, и бывшимъ, кажется, причиной его предсмертной болѣзни [1].—Филиппъ II былъ лишенъ выдающихся способностей, умственной живости и любви къ знанію, но отличался большимъ трудолюбіемъ, входилъ самъ во всѣ мелочи управленія, прекрасно зналъ, что гдѣ дѣлается, насквозь видѣлъ каждаго своего сановника или генерала. Поэтому онъ былъ весьма добросовѣстнымъ исполнителемъ, но лишеннымъ творческой мысли, такъ какъ его политика была въ сущности политикой Карла V и вытекала изъ требованій, которыя ему, какъ католическому государю, предъявляла тогдашняя реакція. Весьма добросовѣстно исполняя предписанія церкви насчетъ молитвъ, посѣщенія мессы, постовъ, исповѣди, онъ не менѣе аккуратно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы во всей Испаніи господствовало строгое отношеніе къ религіи, прибѣгая для поддержки ея и своего деспотизма къ шпіонству, интригамъ, тайнымъ убійствамъ и казнямъ. На свою роль въ европейской политикѣ онъ смотрѣлъ, какъ на выполненіе миссіи свыше, и не жалѣлъ средствъ для осуществленія сво-

---

[1]) Донъ Карлосъ вовсе не былъ преданъ инквизиціи и отравленъ или умерщвленъ какимъ-либо другимъ образомъ. Объ этомъ эпизодѣ см. Ranke. Don Carlos.—Gachard. Don Carlos et Philippe II.—De-Mouy.—Don Carlos et Philippe II.—Maurenbrecher. Don Carlos.—M. Büdinger. Don Carlos'Haft und Tod.—О новой литературѣ по этому вопросу писалъ еще Philippson въ Hist. Zeitschr. (N. F. II, 149 sq.).

ихъ плановъ, между прочимъ широко пользуясь церковными доходами въ своемъ государствѣ совершенно произвольно къ неудовольствію папъ и клира, которые, однако, опасались слишкомъ идти съ нимъ въ разрѣзъ, такъ какъ Испанія была главною политическою силой реакціи. Можно положительно сказать, что Филиппъ II не только духовно убилъ, но и матеріально разорилъ Испанію своими предпріятіями, направленными къ подавленію протестантизма и утвержденію испанскаго владычества.

Деспотизмъ и фанатизмъ Филиппа II лишили его одной изъ самыхъ доходныхъ провинцій, и борьба съ возставшими Нидерландами стоила ему немало средствъ, равно какъ его войны во Франціи и съ Англіей. О нидерландской революціи рѣчь будетъ идти особо, а о французской политикѣ Филиппа II лучше будетъ дать понятіе въ связи съ исторіей религіозныхъ войнъ во Франціи, здѣсь же мы остановимся лишь на его отношеніи къ Англіи.

Отношенія Филиппа II къ этой странѣ начались еще, когда онъ былъ наслѣдникомъ испанскаго престола. Карлъ V, мечтавшій одно время о передачѣ своему сыну императорской короны, думалъ вознаградить себя за постигшую его здѣсь неудачу на счетъ Англіи, женивъ Филиппа на Маріи Тюдоръ, искавшей себѣ опоры въ той реакціи, какую она начала въ Англіи [1]). Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ, да и самъ Филиппъ не долго оставался въ Лондонѣ, а въ 1558 г. Марія умерла, вступила на престолъ Елизавета и въ Англіи произошла реставрація англиканизма какъ разъ въ то время, когда въ Испаніи подавлялась ересь страшными auto da fe. Въ царствованіе Елизаветы Англія пришла во враждебное столкновеніе съ Испаніей. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, политическія обстоятельства принудили Елизавету сдѣлаться защитницей протестантизма не только у себя, но и въ другихъ государствахъ, а это, конечно, должно было особенно возбудить противъ нея всѣхъ вождей католической реакціи. Во-вторыхъ, между Испаніей, сильной своимъ флотомъ, и Англіей, которая при Елизаветѣ начинала морскую политику, возникло соперничество и на этомъ поприщѣ. Наконецъ, Елизавета отвергла руку Филиппа II, не желавшаго выпускать Англію изъ своей политической комбинаціи, и гордый испанецъ не могъ этого забыть. Сначала Елизавета держала себя весьма примирительно по отношенію къ куріи, къ Испаніи и къ своимъ собственнымъ католическимъ подданнымъ. Она нерѣдко высказывалась въ католическомъ смыслѣ [2]), манила надеждой на свой бракъ съ однимъ изъ габсбургскихъ принцевъ, сама вовсе не думая накла-

---

[1]) См. выше, стр. 218.

[2]) См. выше, стр. 224.

дывать на себя брачныя узы, защищала англичанъ-католиковъ отъ нетерпимости англиканскихъ прелатовъ и во всякомъ случаѣ относилась терпимѣе къ нимъ, нежели къ пуританамъ, въ которыхъ ее пугалъ демократическій духъ. Политика требовала именно такого отношенія къ Испаніи и къ католицизму: Филиппъ II былъ единственнымъ союзникомъ Англіи противъ Франціи и Шотландіи, гдѣ еще только что начиналась извѣстная намъ уже революція [1]), а въ сѣверныхъ и западныхъ графствахъ Англіи, въ Уэльсѣ и Ирландіи было очень много католиковъ, съ которыми тоже приходилось считаться. Поэтому Елизавета съ большимъ искусствомъ лавировала въ началѣ своего царствованія между противоположными направленіями, остановившись внутри страны на англиканскомъ компромиссѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ и избѣгая рѣзкостей во внѣшней политикѣ. Главный совѣтникъ Елизаветы Вильямъ Сесиль, впослѣдствіи лордъ Бёрлей (Burghley), которому нѣкоторые новѣйшіе историки склонны приписывать всѣ главныя дѣянія елизаветина царствованія во внѣшней политикѣ, склонялъ королеву къ болѣе рѣшительному протестантизму, желая сдѣлать изъ Англіи его оплотъ и руководящее государство во всей Европѣ, а еще ближе стоялъ къ протестантизму любимецъ королевы, графъ Лейчестеръ, мечтавшій сдѣлаться даже ея супругомъ. Шотландскія дѣла заставили Елизавету оказать помощь сосѣднимъ протестантамъ, когда Марія Стюартъ объявила себя королевой Англіи и Ирландіи, присоединивъ этотъ титулъ къ своему и своего мужа Франциска II титулу королей Франціи и Шотландіи [2]): благодаря поддержкѣ Елизаветы одновременно были въ Шотландіи ослаблена королевская власть, расторгнутъ союзъ съ Франціей и введенъ протестантизмъ (1560). Но и послѣ этого Марія Стюартъ [3]) была постоянной угрозой для Елизаветы, такъ какъ шотландская королева, строгая католичка, послѣ своего второго брака вступила въ весьма дѣятельныя сношенія съ Филиппомъ II (около 1565 г.), стала стремиться къ реставраціи католицизма въ Шотландіи и Англіи, и ей уже представлялась будущая католическая Великобританія подъ ея абсолютною властью. Агентъ папы и французскихъ дядей Маріи, герцоговъ Гизовъ, враговъ протестантизма, пьемонтецъ Давидъ Риччіо, сдѣлался въ качествѣ ея секретаря главнымъ ея посредникомъ въ сношеніяхъ съ куріей, съ Франціей, гдѣ уже разгорѣлась религіозная борьба, и съ Испаніей. Между тѣмъ ей самой не удалось удержаться на престолѣ и приш-

---

[1]) См. выше, стр. 214 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 215.

[3]) Литература указана выше, стр. 206.

лось искать спасенія отъ возмутившихся подданныхъ бѣгствомъ къ Елизаветѣ (1568), которая ее задержала на вѣки у себя [1]), стѣснивъ ея свободу настолько, чтобы вызвать къ себѣ страстную ненависть плѣнницы, но не настолько, чтобы у послѣдней не было возможности составлять противъ Елизаветы заговоры, длинный рядъ которыхъ нананачался съ заговора герцога Норфолька, желавшаго освободить Марію, жениться на ней и сдѣлаться королемъ Шотландіи, а потомъ и Англіи, и кончая тѣмъ заговоромъ, вслѣдствіе коего Марія сложила голову на плахѣ. Шотландская королева съ самаго начала обращалась за помощью къ Филиппу II и Карлу IX Французскому, но одинъ былъ занятъ войною съ маврами и подавленіемъ нидерландскаго возстанія, другой велъ войну съ своими протестантскими подданными. Испанія и Франція дали, однако, свое согласіе на предпріятіе Норфолька, надѣявшагося на болѣе дѣятельную ихъ помощь и соединившаго свой честолюбивый планъ съ недовольствомъ англійскихъ католиковъ. Между тѣмъ отношенія Англіи и Испаніи сдѣлались весьма натянутыми: испанскіе корабли, везшіе деньги въ Нидерланды и зашедшіе въ англійскіе порты отъ пиратовъ, были задержаны по приказанію Елизаветы, Испанія же поступила такъ же съ англійскими кораблями. Какъ разъ въ это время заговоръ былъ открытъ и оказалось, что въ числѣ его участниковъ были даже нѣкоторые ближайшіе совѣтники Елизаветы, склонявшіе ее къ мирнымъ переговорамъ съ Испаніей. Одновременно съ этимъ на сѣверѣ Англіи началось католическое возстаніе, въ коемъ участвовали мѣстные аристократы и народъ; толпы подъ знаменемъ распятаго Христа истребляли признаки протестантизма въ церквахъ и возстановляли католическій культъ (1569). Это возстаніе было уже подавлено, когда папа объявилъ, что онъ освобождаетъ подданныхъ Елизаветы отъ присяги, данной ими еретичкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ и Норфолькъ, помилованный королевой, продолжалъ однако строить новые планы, вступивъ въ переговоры съ куріей и Испаніей и давъ обѣщаніе принять католицизмъ. Филиппъ II, опасавшійся въ это время брака Елизаветы съ французскимъ принцемъ,—что грозило соединеніемъ Франціи и Англіи противъ Испаніи, — обѣщалъ военную помощь заговору; особенно нравилась тогда католикамъ мысль о томъ, чтобы взять въ плѣнъ или даже убить Елизавету: испанскій король самъ видѣлъ, что это было бы самое простое средство, и подвергалъ вопросъ о немъ на обсужденіе своихъ совѣтниковъ. Новый заговоръ былъ открытъ, и Норфолькъ теперь поплатился головою (1572). Съ этихъ годовъ, когда во Франціи свирѣпствовало междоусобіе и вскорѣ

---

[1]) См. выше, стр. 216.

произошла варѳоломеевская ночь, а въ Нидерландахъ терроризировалъ протестантовъ и инсургентовъ герцогъ Альба, прежнія сносныя отношенія между Елизаветою и католическимъ міромъ сдѣлались невозможными. Послѣ подавленія перваго возстанія парламентъ объявилъ государственной измѣной нападеніе на законность королевы и государственнымъ преступленіемъ всякую попытку ниспровергнуть англиканскую церковь (1571); католиковъ, продолжавшихъ свои заговоры, стали преслѣдовать весьма строго, что еще болѣе ихъ раздражало противъ Елизаветы и протестантизма и заставляло возлагать всѣ свои надежды на Марію Стюартъ, казни которой, наоборотъ, начинали громко требовать протестантскіе богословы, юристы и обѣ палаты парламента; но особенно важно было измѣненіе въ международномъ положеніи Англіи. Извѣстіе объ избіеніи французскихъ протестантовъ въ ночь св. Варѳоломея возбудило страшное негодованіе въ Англіи и Шотландіи. Принимая французскаго посла, Елизавета явилась на аудіенцію въ траурѣ и объявила послу, что въ этомъ дѣлѣ видитъ со стороны Франціи измѣну и что она, иностранная королева, не можетъ полагаться на людей, подвинувшихъ французскаго короля на убійство собственныхъ подданныхъ. Потребность въ самооборонѣ подсказывала Елизаветѣ необходимость оказывать помощь континентальнымъ протестантамъ, боровшимся противъ католическихъ государей, тѣмъ болѣе, что папа и испанскій король противъ нея возбуждали ея католическихъ подданныхъ, между прочимъ, въ Ирландіи, въ которой то и дѣло подымались возстанія противъ англійскаго владычества и въ защиту католицизма. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ былъ даже планъ основанія самостоятельнаго ирландскаго королевства съ побочнымъ братомъ Филиппа II, Домомъ-Жуаномъ Австрійскимъ во главѣ, и ему, сдѣланному около этого времени испанскимъ намѣстникомъ въ Нидерландахъ, Марія Стюартъ, которую онъ также хотѣлъ освободить, предлагала руку и даже обѣщала шотландскій престолъ въ томъ случаѣ, если бы ея, тогда еще малолѣтній, сынъ (Іаковъ VI) не былъ достаточно ревностнымъ католикомъ. Филиппъ II въ то время (1572 г.) еще не рѣшался на исполненіе такого плана, требовавшаго открытой войны съ Англіей, но его лондонскій посланникъ (Мендоза) былъ au courant всѣхъ католическихъ заговоровъ противъ Елизаветы и Англіи, въ коихъ стали участвовать и іезуиты, особенно послѣ того, какъ въ Дуэ, Реймсѣ и Римѣ были основаны католическія училища для подготовки насадителей католицизма въ Англіи [1]). Для большинства англичанъ въ эту эпоху королева Елизавета и установленная церковь сдѣлались символами національной независимости, а протестантская политика королевы до извѣстной

---

[1]) См. выше, стр. 272.

степени примиряла съ нею даже гонимыхъ ею пуританъ [1]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе разгаралась борьба, въ которой Испанія и Англія защищали стремленія и интересы двухъ враждебныхъ вѣроисповѣданій. Елизавета стала помогать во Франціи гугенотамъ, въ Нидерландахъ—гёзамъ, какъ назывались защитники національной, политической и религіозной свободы страны противъ деспотизма и фанатизма Филиппа II, католики же продолжали строить планы относительно вторженія въ Англію. Между прочимъ они обратили снова свои взоры на Шотландію, гдѣ Іаковъ VI, достигшій совершеннолѣтія (13 лѣтъ въ 1581 г.), отстранилъ регентство и приблизилъ къ себѣ тайнаго католика Обиньи, который дѣйствовалъ въ интересахъ папы и католическаго союза, стремясь привлечь на его сторону и Шотландію: здѣсь должна была образоваться армія подъ начальствомъ одного изъ Гизовъ, главныхъ дѣятелей католической реакціи во Франціи, для вторженія въ Англію, и Марія Стюартъ одобрила этотъ планъ. Заговоръ былъ, однако, открытъ, благодаря бдительности одного изъ ревностныхъ представителей протестантской политики въ Англіи, Вольсингэма (Walsingham), главнаго раскрывателя заговоровъ этой эпохи въ Англіи, державшаго на службѣ у себя массу агентовъ и шпіоновъ: Елизавета извѣстила кальвинистическихъ лордовъ Шотландіи о грозящей опасности, и тѣ захватили молодого короля, заставивъ Обиньи (графа Леннокса) бѣжать во Францію (1582). Въ слѣдующемъ году молодому шотландскому королю удалось освободиться отъ своихъ пресвитеріанскихъ опекуновъ; онъ окружилъ себя католическими лордами, друзьями своей матери, вошелъ въ сношеніе съ Гизами и даже написалъ папѣ письмо, въ коемъ просилъ у „его святѣйшества" помощи противъ враговъ, увѣряя его въ преданности; виновники нападенія, сдѣланнаго на него въ предыдущемъ году, были казнены, имѣнія ихъ конфискованы. Англійскіе католики опять стали питать надежду на появленіе герцога Гиза съ испанскими и французскими войсками на корабляхъ кастильскаго флота. Филиппъ II все таки еще не рѣшался дѣйствовать энергичнымъ образомъ, и новый планъ нападенія былъ открытъ, испанскій посланникъ, посвященный во всѣ его подробности и сносившійся съ Маріей Стюартъ, былъ высланъ изъ Лондона, и дипломатическія сношенія между Англіей и Испаніей прервались. Для англичанъ это было какъ бы новымъ доказательствомъ того, что дѣло протестантизма должно быть ихъ національнымъ дѣломъ, и парламентъ объявилъ, что въ случаѣ насильственной смерти Елизаветы Марія Стюартъ и ея потомство будутъ лишены правъ престолонаслѣдія въ Англіи. Съ своей стороны Елизавета помогла

---

[1]) См. выше, стр. 228.

пресвитеріанскимъ лордамъ въ Шотландіи взять верхъ, а въ 1586 г. Іаковъ VI вынужденъ былъ даже заключить оборонительный союзъ съ Англіей. Незадолго передъ этимъ (1585) Елизавета оказала вооруженную помощь возставшимъ нидерландцамъ подъ предводительствомъ графа Лейчестера, потомъ послала флотъ подъ начальствомъ Дрека (Drake) въ Вестъ-Индію.

Рѣшительная политика Елизаветы въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ нашла сильную поддержку въ націи, особенно въ среднихъ ея классахъ и въ парламентѣ, съ коими вообще Елизавета умѣла ладить. Новый планъ убіенія королевы, въ составленіи коего участвовали нѣкто Севеджъ, видѣвшій въ этомъ убійствѣ по внушенію реймской католической семинаріи богоугодное дѣло, и дворянинъ Бабингтонъ, и о коемъ знала Марія Стюартъ, былъ открытъ въ 1586 г. Вольсингэмомъ, съумѣвшимъ перехватывать переписку Маріи Стюартъ съ Бабингтономъ: тогда въ силу парламентскаго акта 1585 г., по которому подлежали казни не одни заговорщики на жизнь королевы, но и тѣ въ пользу кого съ ихъ вѣдома составлялся заговоръ, Марія Стюартъ сложила голову на плахѣ (1587). Это были годы наибольшаго ожесточенія въ борьбѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ: въ Нидерландахъ послѣ формальнаго отложенія одной ихъ части отъ испанской монархіи (1581) и послѣ убіенія (1584) главнаго защитника ихъ свободы, Вильгельма Оранскаго, продолжалась ранѣе начавшаяся тамъ война, во Франціи свирѣпствовало междоусобіе, превратившееся въ такъ называемую „войну трехъ Генриховъ“ (1588—1589), и это-то междоусобіе во враждебной Филиппу II Франціи, гдѣ притомъ торжествовала находившаяся съ нимъ въ союзѣ католическая лига, развязывало ему руки для того, чтобы, не боясь союза Англіи съ Франціей, отомстить Елизаветѣ за все, что только могъ ей онъ поставить въ вину, особенно за помощь, оказываемую ею Нидерландамъ, и за смерть Маріи Стюартъ, главной надежды англійскихъ и шотландскихъ католиковъ. Мы видѣли, что давно уже составлялись планы вторженія въ Англію для завоеванія и обращенія въ католицизмъ этой страны: теперь Филиппъ II счелъ время удобнымъ для того, чтобы привести ихъ въ исполненіе, не смотря на то, что нидерландское возстаніе не было подавлено и армія, которая сражалась противъ мятежниковъ, не могла быть употреблена въ дѣло, и что многіе совѣтовали ему подождать, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда его войско и флотъ лучше утвердятся въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ возставшей страны. Къ лѣту 1588 г. былъ готовъ громадный флотъ изъ 130 кораблей съ 30 тысячами людей, чтобы двинуться на Англію и соединиться съ такимъ же войскомъ изъ Нидерландовъ: успѣху этой „непобѣдимой армады“ должно было, повидимому, содѣйствовать и общее

положеніе дѣлъ въ Европѣ, ибо во Франціи торжествовали Гизы и католическая лига, послушные союзники Филиппа II; Нидерланды за исключеніемъ трехъ-четырехъ прибрежныхъ провинцій были тогда подъ его властью; въ Германіи усиливалась католическая реакція, поддерживаемая габсбургскимъ императоромъ Рудольфомъ II; папа Сикстъ V, объявившій Елизавету лишенною покровительства законовъ и поручившій Филиппу II приведеніе въ исполненіе этого приговора, вынужденъ былъ оказать испанскому королю денежную помощь, а успѣхъ въ Португаліи, которую Филиппъ II подчинилъ себѣ незадолго передъ тѣмъ (1580), еще болѣе окрылялъ его надежды. Казалось, что Англія была на краю гибели, тѣмъ болѣе, что испанскій король съумѣлъ отклонить подозрѣнія Елизаветы переговорами, но здѣсь, какъ и въ Нидерландахъ, онъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны народа, рѣшившагося защищать свою свободу до послѣдней крайности, и со стороны королевы, проявившей въ эту трудную годину настоящее величіе духа. Наскоро англичане составили ополченіе, укрѣпили берега, вооружили на частныя и общественныя пожертвованія около 160 небольшихъ, но болѣе подвижныхъ, чѣмъ испанскіе колоссы, кораблей, и они при помощи бурь сокрушили „непобѣдимую армаду": послѣдней лишь 30 кораблей вернулись подъ начальствомъ герцога Медины-Сидоніи въ Испанію. Въ этой экспедиціи Филиппъ II поставилъ на карту все свое военное могущество, и, дѣйствительно, *это былъ рѣшительный моментъ въ исторіи Западной Европы, такъ какъ гибель „непобѣдимой армады" была ударомъ для папской политики, стремившейся къ національному, политическому и религіозному порабощенію Западной Европы,* и событіемъ благопріятнымъ не только для англійской свободы, коей суждено было впослѣдствіи получить міровое значеніе, но и для независимыхъ Нидерландовъ, равнымъ образомъ, съигравшихъ немалую роль въ исторіи Европы, и для Франціи, гдѣ неудача Филиппа II имѣла значеніе пораженія, нанесеннаго представителямъ крайней реакціи и въ этой странѣ. Послѣдніе годы царствованія Филиппа II были годами постоянныхъ неудачъ, коимъ соотвѣтствовало и уменьшеніе его матеріальныхъ средствъ: въ Нидерландахъ сѣверныя (отложившіяся въ 1581 г.) провинціи расширили свои владѣнія на счетъ южныхъ, гдѣ удерживалось испанское владычество; во Франціи католическая партія понесла пораженіе, и въ послѣднемъ году жизни Филиппа II Испаніи пришлось заключить съ Франціей миръ; въ 1596 г. англичане напали у Кадикса на испанскій флотъ и одержали надъ нимъ побѣду, а испанская экспедиція къ берегамъ Ирландіи окончилась безъ всякихъ результатовъ; само папство въ лицѣ Климента VIII склонилось къ поддержкѣ французской политики [1]).

[1]) См. выше, стр. 304.

Съ конца царствованія Филиппа II начинается и внутренній упадокъ Испаніи, который съ особою силою обнаруживается послѣ его смерти. Продолжительныя войны и тяжелые налоги разорили страну; Англія и Голландія отняли у нея преобладаніе на моряхъ; промышленность и торговля упали; деспотизмъ и инквизиція подавили всякую свободу и умственную жизнь. Выиграла только одна католическая церковь, которая имѣла въ странѣ до 60 архіепископствъ, чуть не семьсотъ епископствъ, болѣе 11 тысячъ монастырей съ 60 тысячами монаховъ (46 т.) и монахинь (14 т.) и около 300 т. бѣлаго духовенства, громадную поземельную собственность, массу учрежденій разнаго рода и безусловное вліяніе надъ духовною жизнью націи [1]).

XXV. Нидерландская революція [2]).

Историческое значеніе нидерландской революціи. — Состояніе Нидерландовъ до начала царствованія Филиппа II.—Первые дѣйствія Филиппа II.—Вильгельмъ Оранскій.—Народное недовольство въ Нидерландахъ.—Начало протестовъ.—Компромиссъ.—Гёзы.—Реформаціонное движеніе и реакція.—Возстаніе.—Гентская пацификація, утрехтская унія и низложеніе Филиппа II.—Роль Вильгельма Оранскаго.—Голландская республика.

Намъ уже извѣстно, что религіозная реформація въ отдѣльныхъ странахъ сопровождалась нерѣдко важными политическими переворотами, и что эпоха реформаціи съ послѣдовавшей за нею католической реакціей была въ то же время эпохой развитія абсолютной мо-

---

[1]) Ch. Weisz. L'Espagne depuis Philippe II jusqu'à l'avénement der Bourbons.

[2]) Соч. Шиллера (Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Monarchie) имѣетъ только литературныя достоинства. Научному изученію начало положено трудомъ Мотлея „Исторія нидерландской революціи“ (Mottey. The rise of the Dutch republic) и History of the united Nitherlands. Знаменитые труды Мотлея страдаютъ, однако, нѣкоторыми недостатками, восполняемыми Juste'омъ въ Histoire de la révolution des Pays-Bas sous Philippe II (1555—1572) и Histoire de soulevement des Pays-Bas contre la domination espagnole (1574—1576). Кромѣ того, см. соч. Holzwarth'a (Der Abfall der Niederlande), Borgnet (Philippe II et la Belgique, resumé politique de l'histoire de la révolution). Kervyn de Lettenhove (Les Huguenots et les Gueux), Kloses-Wuttke (Wilhelm I von Oranien), Juste (Guillaume le Taciturne), Rahlenbeck'a (L'inquisition et la réforme en Belgique) и др. По русски къ этой эпохѣ относится выше-указанное соч. Н. Н. Любовича о Марниксѣ 248 де Сентъ-Альдегондѣ (см. выше стр. 248), въ коемъ есть краткій обзоръ литературы вопроса.

нархіи, паденія сословно-представительныхъ учрежденій [1]). Въ длинной исторіи взаимныхъ отношеній между государственною властью и подданными въ западной Европѣ реформаціонному періоду принадлежитъ особое мѣсто, благодаря тому обстоятельству, что попытки католическихъ государей стѣснить вѣру своихъ подданныхъ обостряли политическій антагонизмъ, а это именно и случилось во второй половинѣ XVI в., когда кальвинизмъ распространился по Шотландіи, Франціи и Нидерландамъ, гдѣ протестантамъ пришлось вступить въ борьбу съ католическими государями [2]) и гдѣ во время этой борьбы развилась политическая литература, заключавшая въ себѣ проповѣдь идеи народовластія [3]). Во Франціи, какъ мы увидимъ, политическія стремленія протестантовъ потерпѣли пораженіе, и съ новой династіей Бурбоновъ (съ 1589 г.) утвердился абсолютизмъ; въ Шотландіи политическій вопросъ оставался нерѣшеннымъ, когда Іаковъ VI по смерти Елизаветы (1603) сдѣлался подъ именемъ Іакова I королемъ Англіи, вслѣдствіе чего дальнѣйшая шотландская исторія тѣсно сплелась съ исторіей Англіи, а въ этой послѣдней странѣ въ XVI в. не возникало еще вопроса о взаимныхъ правахъ королевской власти и подданныхъ, такъ какъ въ силу особыхъ причинъ этому вопросу суждено было стать на очередь лишь въ XVII столѣтіи, когда и произошли одновременно шотландская и англійская революціи. Во второй половинѣ XVI в. *отложившіеся отъ Испаніи Нидерланды были единственной страной, гдѣ восторжествовали свободныя политическія начала протестантизма,* а съ ними впослѣдствіи и бо̀льшая религіозная свобода. Если борьба Англіи съ Испаніей имѣетъ важное значеніе въ исторіи попытки Филиппа II утвердить въ западной Европѣ испанскую гегемонію, то въ борьбѣ съ Испаніей Нидерландовъ мы видимъ главнымъ образомъ *примѣненіе къ государственной жизни принциповъ, діаметрально-противоположныхъ политической идеѣ Филиппа II,* первую въ новой исторіи революцію подъ лозунгомъ политической свободы, имѣвшую своимъ результатомъ образованіе свободнаго государства, которое сдѣлалось въ XVII в. оплотомъ не только протестантизма, но и религіозной и гражданской свободы. Въ XVI в., благодаря католической политикѣ, дѣло протестантизма въ Англіи отождествилось съ вопросомъ о ея національной независимости, и только въ XVII столѣтіи здѣсь произошло сліяніе протестантской религіи и политической свободы: въ Нидерландахъ одновременно и національная независимость, и политическая свобода, и про-

---

[1]) Т. I, гл. VI.
[2]) См. выше, стр. 210 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 245 и слѣд.

тестантская религія объединились въ сознаніи населенія, поднявшагося на защиту всего того, что считалось въ немъ элементарными правами свободы индивидуальной. Въ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніей столкнулись не двѣ враждебныя державы, коихъ, какъ Испанію и Францію, разъединяли противоположные политическіе интересы или, какъ Испанію и Англію, раздѣляла принадлежность къ двумъ повсюду боровшимся между собою вѣроисповѣданіямъ, но два разныхъ политическихъ принципа—принципъ абсолютизма и принципъ народовластія въ той его формѣ, какую онъ только и могъ получить въ тогдашнемъ обществѣ. Мы увидимъ, что тѣ же принципы пришли въ столкновеніе во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, и въ Англіи въ эпоху революціи XVII в. Въ этомъ и заключается общеевропейское значеніе нидерландскаго возстанія противъ Филиппа II.

Нидерландами [1]) назывались 17 отдѣльныхъ маленькихъ областей, въ концѣ среднихъ вѣковъ принадлежавшихъ въ качествѣ ленныхъ владѣній частью Франціи и бургундскимъ герцогамъ изъ дома Валуа, частью Германіи. Филиппъ Смѣлый, герцогъ бургундскій (1363—1404), сынъ короля Іоанна, пріобрѣлъ Фландрію, Артуа и Францконте, его внукъ Филиппъ Добрый († 1467)—Намюръ (1428), Брабантъ, Лимбургъ (1430), Геннегау, Голландію, Зеландію, часть Фрисландіи и Люксембургъ (1433). Черезъ сына Филиппа Добраго, Карла Смѣлаго († 1477), его дочь Марію Бургундскую, жену императора Максимиліана, и ихъ сына Филиппа Красиваго, отца Карла V, эти земли достались послѣднему, а онъ присоединилъ къ нимъ еще другую часть Фрисландіи, Оберъ-Иссель, Утрехтъ, Гельдернъ и Цютфенъ. Карлъ V [2]) составилъ изъ этихъ земель, совпадающихъ главнымъ образомъ съ теперешними Бельгіей, Голландіей и Люксембургомъ самостоятельную имперскую землю, пользовавшуюся полной автономіей по отношенію къ имперіи, но не тронулъ ихъ внутренняго устройства. А устройство это было весьма своеобразное, такъ какъ каждая провинція была маленькимъ самостоятельнымъ цѣлымъ, соединявшимся съ другими подобными же провинціями скорѣе посредствомъ личной уніи и во всякомъ случаѣ болѣе федеративною, чѣмъ государственною связью. Страна была богатая, и этимъ она была обязана своему счастливому географическому положенію, дѣ-

---

[1]) Wenzelburger. Geschichte der Niederlanden (въ Gesch. der eur. St. Геерена, Уккерта и Гизебрехта). См. также Freeman. History of the federal government.

[2]) См. Henne. Histoire du règne de Charles Quint en Belgique.—Juste. Les Pays-Bas sous Charles Quint.—Fredericq. De Nederlande onder Keizer Karel.

лавшему ее одною изъ самыхъ торговыхъ странъ, и предпріимчивости своихъ жителей, причемъ послѣдніе и по роду занятій, и по экономическому быту, и по соціальному устройству своихъ областей значительно разнились между собою. Здѣсь были и землепашцы, и скотоводы, и рыболовы, и мореходы, и ремесленники; здѣсь процвѣтала также фабричная дѣятельность и торговля, — все это смотря по мѣстнымъ условіямъ, и Карлъ V получалъ отсюда не мало доходовъ. Богатству страны и зажиточности населенія соотвѣтствовала и довольно высокая духовная культура, поддерживавшаяся многочисленными высшими и низшими школами, въ которыхъ рано возобладало гуманистическое направленіе. Въ соціальномъ отношеніи на западѣ, особенно во Фландріи и Брабантѣ, преобладала могущественная феодальная аристократія, владѣвшая громадными помѣстьями; въ другихъ частяхъ, благодаря развитію промышленности и торговли, большое значеніе имѣли города, въ которыхъ образовалась богатая буржуазія, особенно въ сѣверныхъ приморскихъ городахъ, но внутри страны на сѣверѣ (во Фрисландіи) строй жизни былъ чисто-демократическій, крестьянскій. Сообразно съ различіями въ соціальномъ быту отдѣльныхъ мѣстностей и политическое ихъ устройство было различное: гдѣ власть была въ рукахъ поземельной или денежной аристократіи, гдѣ, наоборотъ, правленіе получало болѣе демократическій характеръ, но вездѣ оно было основано на началахъ свободы, хотя и съ преобладаніемъ формъ средневѣкового феодальнаго, муниципальнаго и даже старонароднаго быта. Жители Нидерландовъ были весьма привязаны къ этимъ учрежденіямъ и дорожили своимъ самоуправленіемъ, своими привилегіями, въ числѣ коихъ была, напр., брабантская joyeuse entrée, присяга владѣльца страны въ томъ, что безъ согласія дворянъ и горожанъ онъ не станетъ расширять власти духовенства, не будетъ судить своихъ подданныхъ иначе, какъ въ законномъ судѣ и по закону страны, не вздумаетъ раздавать должностей иностранцамъ и т. д., въ случаѣ же нарушенія этихъ привилегій подданные могли протестовать и считать себя свободными отъ принесенной ими присяги. Особенно была важна законодательная власть съ правомъ вотированія налоговъ, находившаяся въ рукахъ отдѣльныхъ „штатовъ“, которые не отказывали Карлу V въ его „просьбахъ“, какъ назывались правительственныя предложенія; нужно замѣтить, что хотя Карлъ V въ общемъ оставлялъ неприкосновенными эти привилегіи, держалъ Нидерланды строго, особенно по отношенію къ вормскому эдикту, который изъ всѣхъ имперскихъ земель только здѣсь главнымъ образомъ и исполнялся въ его царствованіе. Мѣстные штаты ревниво оберегали свои права и отъ „генеральныхъ штатовъ“, или общаго нидер-

ландскаго сейма съ конгрессивнымъ характеромъ [1]). Въ царствованіе Карла V произошло лишь одно серьезное столкновеніе политическаго характера, когда жители Гента отказались платить большой налогъ, установленный фландрскими штатами, но возстаніе, къ которому они прибѣгли, было подавлено съ тѣмъ большею жестокостью, что Карлъ хотѣлъ на Гентѣ показать примѣръ для другихъ городовъ, роптавшихъ на тяжелыя жертвы, приносимыя ими для того, чтобы Карлъ V могъ вести совсѣмъ для нихъ ненужныя войны. Примѣръ, дѣйствительно, оказалъ свое дѣйствіе, а Карлъ между тѣмъ безъ нарушенія *областныхъ* привилегій устраивалъ понемногу *общее* управленіе страной, опираясь на партикуляризмъ отдѣльныхъ провинцій и на противоположность интересовъ аристократіи, буржуазіи и демократіи. Сами нидерландцы видѣли въ Карлѣ V своего земляка, гордились тѣмъ, что онъ считаетъ себя фламандцемъ, и многое ему прощали изъ-за тѣхъ выгодъ, какія вытекали для нихъ изъ соединенія съ его обширной имперіей, бывшей громаднымъ рынкомъ для ихъ промышленности и торговли и взявшей на себя военную защиту Нидерландовъ. Въ отношеніи къ протестантизму Карлъ былъ неумолимъ, а между тѣмъ новое религіозное ученіе еще при немъ проникло въ Нидерланды, но послѣдователи его, устрашенные казнями нѣсколькихъ проповѣдниковъ, должны были таиться, не могли организоваться, не могли устроить публичнаго отправленія богослуженія, а анабаптистская пропаганда давала правительству поводъ оправдывать преслѣдованія и казни политическими соображеніями. Карлъ V подумывалъ даже ввести въ Нидерланды испанскую инквизицію, но его удалось отговорить отъ этого тѣмъ легче, что обыкновенные епископскіе суды дѣлали свое дѣло весьма исправно. Особенно много было сожженій еретиковъ въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Карла V, который, наконецъ, въ 1550 г. велѣлъ предавать казни всѣхъ распространителей „ереси“ и всѣхъ присутствовавшихъ въ протестантскихъ богослужебныхъ собраніяхъ, съ отдачею доносчикамъ половины конфискованнаго у казнимыхъ имущества, и лишь по чужому совѣту онъ назвалъ „духовными судьями“, а не инквизиторами четырехъ особыхъ сановниковъ, коимъ предписано было завѣдывать процессами еретиковъ. Было такъ много казней, совершенныхъ въ это время, такое количество людей было сожжено, потоплено, живьемъ зарыто въ землю, обезглавлено, что протестантскіе историки говорили даже о цѣлыхъ пятидесяти тысячахъ погибшихъ.

Въ 1555 г. въ Брюсселѣ Карлъ V передалъ Филиппу II власть

[1]) Ср. т. I, стр. 64 и слѣд. Генеральные штаты въ этомъ отношеніи имѣютъ сходство съ польскимъ сеймомъ, о чемъ см. въ моемъ „Историческомъ очеркѣ польскаго сейма“.

надъ Нидерландами, и однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго государя было возобновленіе эдикта 1550 года, такъ что, собственно говоря, *религіозная политика Филиппа II въ Нидерландахъ была предначертана еще его отцомъ*. Покидая Нидерланды, чтобы навсегда остаться въ Испаніи, Филиппъ сдѣлалъ ихъ правительницей свою побочную сестру Маргариту Пармскую, усердную католичку, духовникомъ которой одно время былъ самъ Лойола, но при правительницѣ былъ учрежденъ государственный совѣтъ, постоянными членами коего были назначены графъ Эгмонтъ, намѣстникъ Фландріи и Артуа, принцъ Вильгельмъ Оранскій, намѣстникъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, владѣтель маленькаго нассаускаго княжества въ Германіи, и адмиралъ нидерландскаго флота графъ Горнъ съ нѣкоторыми другими мѣстными вельможами, между прочимъ, и съ намѣстниками областей, когда они пріѣзжали въ Брюссель. Для Филиппа II названныя лица были люди подозрительные, и этимъ объясняется, что ни одного изъ нихъ онъ не сдѣлалъ правителемъ государства, какъ того ожидали, тѣмъ болѣе, что Маргарита Пармская съ своей стороны, чтобы самой занять выдающійся постъ правительницы, поселяла въ Филиппѣ II недовѣріе къ нидерландской знати. Рядомъ съ этимъ совѣтомъ были два другіе, одинъ для судебной части и финансовъ, другой—такъ называвшаяся консульта—для всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ; во главѣ послѣдняго стоялъ кардиналъ Гранвелла, въ сущности и бывшій фактическимъ правителемъ, ученый, умный, энергичный, но вмѣстѣ съ этимъ раболѣпный и жадный человѣкъ, готовый исполнять всѣ приказанія своего повелителя и дававшій понять всякому, что собственно онъ, а не другой кто поставленъ править Нидерландами. Филиппъ II присягнулъ соблюдать всѣ законы страны и привилегіи отдѣльныхъ провинцій и городовъ и лишь послѣ этого ему принесли присягу нидерландцы, но еще до его отъѣзда въ Испанію у него уже произошло столкновеніе съ подданными. Передъ удаленіемъ изъ Нидерландовъ онъ собралъ генеральные штаты, которые дали ему деньги, но выразили желаніе, чтобы испанскія войска, по заключеніи мира съ Франціей (въ Шато-Камбрези въ 1559 г.) были выведены изъ Нидерландовъ, и это требованіе поддержали гр. Эгмонтъ, Вильгельмъ Оранскій и другіе вельможи. Филиппъ II былъ раздосадованъ, сослался на то, что вѣдь и самъ онъ испанецъ, такъ и его, что-ли, хотятъ выгнать, и предложилъ Эгмонту и Вильгельму принять начальство надъ испанскими отрядами, но тѣ отказались, такъ что королю осталось лишь обѣщать, что испанцы будутъ удалены, какъ только получатъ недоданное жалованіе. Въ этомъ первомъ столкновеніи намѣтились вожди оппозиціи, между коими главную роль суждено было играть Вильгельму Оранскому. Въ 1559 г., когда Филиппъ II покинулъ Брюссель, Вильгельму было всего

26 лѣтъ, но онъ уже былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей нидерландской аристократіи. Происходя изъ нассаускаго княжескаго рода, давшаго Германіи одного императора, онъ унаслѣдовалъ родовое княжество въ Германіи, владѣлъ въ Нидерландахъ большими землями и, между прочимъ, получилъ еще княжество Оранжское, что дѣлало его однимъ изъ самыхъ богатыхъ вельможъ въ странѣ. Его предки давно уже служили въ Нидерландахъ—сначала бургундскимъ, потомъ габсбургскимъ ихъ государямъ; самого Вильгельма особенно любилъ Карлъ V, взявъ его къ себѣ, поручивъ своей сестрѣ Маріи Венгерской, правительницѣ Нидерландовъ, обучить его католической вѣрѣ [1]), и впослѣдствіи не разъ отличая его отвѣтственными и почетными порученіями: напр., онъ былъ посланъ Карломъ V извѣстить нѣмецкихъ князей объ отреченіи его отъ престола и убѣдить ихъ выбрать въ императоры Фердинанда. Своему сыну Карлъ V особенно рекомендовалъ пользоваться услугами Вильгельма, и Филиппъ II, по заключеніи мира съ Франціей, далъ ему порученіе въ Парижъ, исполняя которое, онъ узналъ отъ французскаго короля (Генриха II), видѣвшаго въ Вильгельмѣ вполнѣ довѣренное лицо своего государя, что у него съ Филиппомъ II состоялось соглашеніе общими силами истребить ересь. Уже тогда Вильгельмъ разгадалъ намѣренія Филиппа II. Человѣкъ обширнаго ума, не лишенный значительныхъ научныхъ свѣдѣній въ области исторіи и политики, предусмотрительный, осторожный, но энергичный, „спокойный среди свирѣпыхъ волнъ“ (saevis tranquillus in undis), какъ гласилъ выбранный имъ самимъ девизъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбивый, ставя себѣ, впрочемъ, благородныя цѣли, блестящій рыцарь, краснорѣчивый, несмотря на полученное прозваніе „Молчаливаго“, общественный дѣятель, привѣтливый въ обращеніи, Вильгельмъ Оранскій и по личнымъ качествамъ былъ призванъ играть политическую роль въ странѣ, гдѣ свободныя учрежденія вошли въ нравы населенія. По первоначальному воспитанію онъ долженъ былъ сочувствовать протестантизму; впослѣдствіи онъ отличался вѣротерпимостью; притомъ, рано овдовѣвъ послѣ перваго брака, онъ женился на дочери Морица Саксонскаго, слѣдовательно, на внучкѣ Филиппа Гессенскаго, жившей при дворѣ своего дяди Августа, курфюрста саксонскаго: новая его родня была протестантская, антигабсбургская. Сначала онъ старался ладить съ Гранвеллой, но вскорѣ разсорился. Но и вообще вся нидерландская аристократія, при Карлѣ V игравшая роль, теперь отодвинутая на задній планъ, была недовольна новыми порядками.

---

[1]) Вильгельмъ, какъ сынъ князя, бывшаго членомъ шмалькальденскаго союза, былъ воспитанъ въ протестантизмѣ.

Испанскія войска были удалены изъ Нидерландовъ только въ 1561 г. правительницею и Гранвеллой, боявшихся народнаго раздраженія, такъ какъ постой иностраннаго войска противорѣчилъ стариннымъ привилегіямъ, дорого обходился населенію, потерпѣвшему къ тому же отъ голода, да и сопровождался буйствами полуголодныхъ наемниковъ. Филиппъ II этимъ распоряженіемъ былъ недоволенъ и даже писалъ, что раздраженіе можно было бы и уничтожить, хотя бы пришлось для этого отрубить нѣсколько головъ. Не успѣли спровадить испанцевъ, какъ пришло извѣстіе, что король уговорилъ папу Пія IV учредить въ Нидерландахъ десять новыхъ епископствъ, тогда какъ прежде ихъ было только четыре, что въ каждой епархіи будетъ два инквизитора и что старшимъ архіепископомъ (мехельнскимъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и „великимъ инквизиторомъ“, назначался иноземецъ Гранвелла (что противорѣчило законамъ страны и между прочимъ брабантской „joyeuse entrée“). При этомъ духовенство теряло часть доходовъ, коими должно было подѣлиться съ новыми товарищами; аристократія и буржуазія боялись, что новые епископы, большею частью иноземцы, дадутъ перевѣсъ въ штатахъ испанскимъ стремленіямъ среди духовенства и что введеніе инквизиторовъ было только предисловіемъ къ установленію въ странѣ испанской инквизиціи. Вильгельмъ Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ, какъ члены государственнаго совѣта, рѣшились послать Филиппу II протестъ, поставивъ вопросъ такъ, что или Гранвелла, нарушающій законы страны, долженъ былъ быть удаленъ, или они, вѣрноподданные короля и отвѣтственные члены государственнаго совѣта, должны были быть освобождены отъ этой своей должности. Гранвелла однако писалъ Филиппу II, что въ странѣ правительствомъ недовольны лишь немногіе честолюбцы. Но и это новое церковное устройство, планъ котораго напрасно приписывали Гранвеллѣ, въ существенныхъ чертахъ было задумано еще Карломъ V, и Филиппъ II не обратилъ вниманія на протестъ вельможъ. Новые церковные суды начали дѣлать свое дѣло, тѣмъ болѣе, что реформаціонное движеніе уже усиливалось, особенно среди городскихъ жителей французской (валлонской) части Нидерландовъ, во Фландріи и Брабантѣ подъ вліяніемъ религіознаго движенія во Франціи и вспыхнувшей тамъ войны (1562) между протестантами и католическимъ правительствомъ. Когда въ Валансьенѣ приговорили къ сожженію двухъ кальвинистическихъ проповѣдниковъ (Фаво и Мальяра), и ихъ уже привязали къ столбу, народъ ихъ, однако, освободилъ; послѣ этого Фаво продолжалъ свою проповѣдь, но былъ вторично схваченъ и сожженъ. Начало религіознаго движенія, получившаго въ сосѣдней Франціи политическій характеръ, заставило Филиппа II и Гранвеллу усилить строгости и внушило имъ вмѣстѣ съ этимъ мысль послать нидерландскія войска во Францію на помощь противъ гугенотовъ, но сдѣлать это безъ

генеральныхъ штатовъ было мудрено, созвать же ихъ правительница не рѣшилась, да и Филиппъ II былъ противъ этого, такъ что ограничились денежною помощью французскимъ католикамъ, несмотря на возраженіе штатовъ отдѣльныхъ провинцій. Вожди аристократической оппозиціи отправили къ Филиппу II посла, еще разъ напрасно писали ему и заключили, наконецъ, между собою тайный союзъ, ибо до нихъ дошли слова Гранвеллы о необходимости снять съ плечъ нѣсколько головъ, въ то самое время, какъ кардиналъ приглашалъ короля явиться лично въ Нидерланды съ сильнымъ войскомъ для подавленія мятежныхъ правителей провинцій и другихъ магнатовъ. Филиппъ II отвѣчалъ недовольнымъ, что пріѣдетъ самъ и разберетъ дѣло, но и Маргарита, оскорблявшаяся самовластіемъ Гранвеллы, писала брату, что дѣла такъ дальше идти не могутъ, такъ что наконецъ подъ благовиднымъ предлогомъ Филиппъ II его удалилъ (1564), сдѣлавъ его впослѣдствіи вице-королемъ неаполитанскимъ и предсѣдателемъ кастильскаго совѣта. Устраняя Гранвеллу, Филиппъ II, однако, не уступалъ по существу дѣла, требуя новыхъ казней еретиковъ и принявъ тридентскія постановленія, многія изъ коихъ противорѣчили нидерландскимъ вольностямъ. Въ 1565 г. въ Мадридъ былъ отправленъ Эгмонтъ съ просьбою дать настоящую власть государственному совѣту, состоящему изъ національныхъ членовъ, подчинивъ ему тайный совѣтъ правительницы, и отмѣнить инквизиціонные суды. Филиппъ отвѣчалъ уклончиво, обманувъ ласковымъ пріемомъ довѣрчиваго Эгмонта, а правительницѣ написалъ, что ни на то, ни особенно на другое согласиться не можетъ, хотя бы ему и пришлось положить сто тысячъ жизней. Только отъ публичныхъ казней стали теперь воздерживаться въ Нидерландахъ, попросту топя жертвы инквизиторовъ въ бочкахъ съ водою.

Приближался взрывъ и, какъ выразился Вильгельмъ Оранскій, нидерландцамъ предстояло „увидѣть начало прекрасной трагедіи“, узнавъ отвѣтъ короля. Броженіе было всеобщее; многіе, особенно иностранцы, покидали страну; въ народѣ распространялись летучіе листки революціоннаго содержанія; брабантскіе штаты предъявили протестъ. Самымъ важнымъ фактомъ, вызваннымъ новыми строгостями, было (1566) составленіе многими дворянами лиги для сопротивленія инквизиціи съ взаимнымъ обѣщаніемъ или „компромиссомъ“, актъ котораго былъ составленъ кальвинистомъ Филиппомъ Марниксомъ де Сентъ-Альдегондомъ, списанъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и покрытъ массою подписей и дворянъ, и горожанъ, и католиковъ, и кальвинистовъ. Въ этомъ документѣ говорилось, что кучка (tas) честолюбивыхъ и жадныхъ иностранцевъ съумѣла, подъ видомъ рвенія къ католической религіи и необходимости сохраненія народнаго единства убѣдить всемилостивѣйшаго короля не ослаблять эдиктовъ противъ ереси и ввести

противную божескимъ и человѣческимъ законамъ инквизицію, которая варварствомъ своимъ превосходитъ всякую тираннію и должна разорить страну, такъ какъ можетъ повести къ умаленію королевской власти и народнымъ возмущеніямъ. „Принимая во вниманіе свое призваніе и долгъ, лежащій на всѣхъ вѣрноподданныхъ его величества, а въ особенности на дворянахъ,—которые, какъ сказано въ компромиссѣ, служатъ его помощниками съ цѣлью содѣйствовать ему своими скорыми и добровольными услугами въ поддержкѣ его власти и величія, заботясь о благѣ страны“,—подписавшіеся подъ документомъ нашли нужнымъ и для личной безопасности своей и для безопасности своихъ имуществъ „составить законную и святую конфедерацію и союзъ (conféderation et alliance), обѣщая и взаимно обязуясь торжественной клятвой препятствовать всѣми своими силами, чтобы эта инквизиція не была принята и не была введена ни подъ какимъ видомъ, ни открыто, ни подъ какою-либо другою формою...“, напротивъ, „искоренять ее, какъ мать и причину всякаго безпорядка и несправедливости“. Конфедераты клялись далѣе, что въ ихъ союзѣ нѣтъ посягательства ни на славу Божію, ни на королевскую власть, утверждали при этомъ, что намѣреніе ихъ—сохранить короля въ его государствѣ, удержать порядокъ и сопротивляться всякому народному возстанію, заговорамъ и мятежамъ, и обѣщались жертвовать жизнью и имуществомъ, чтобы гарантировать безопасность конфедератовъ отъ гоненій и преслѣдованій. Составитель этого замѣчательнаго документа воспитывался въ Женевѣ, куда онъ съ братомъ былъ посланъ учиться своими родителями, склонными къ кальвинизму, и гдѣ онъ пріобрѣлъ основательное богословское образованіе и воспринялъ впервые извѣстныя намъ политическія воззрѣнія; съ ними впослѣдствіи онъ знакомился и изъ чтенія сочиненій въ духѣ этихъ идей, самъ сдѣлавшись писателемъ, который защищалъ и возстаніе Нидерландовъ, и низложеніе Филиппа, съ презрѣніемъ отзываясь при этомъ о „политической грамматикѣ Макіавелли“. Такимъ образомъ *хотя оппозиція противъ Филиппа II въ Нидерландахъ и была по существу своему политическаго происхожденія*, такъ какъ протестъ подымался противъ нарушенія законовъ страны и въ защиту индивидуальной свободы противъ тиранніи, тѣмъ не менѣе *главнымъ пунктомъ протеста была религіозная реакція, а первымъ выразителемъ народнаго недовольства кальвинистъ женевской школы*, весьма послѣдовательно и въ дальнѣйшей своей дѣятельности въ качествѣ одного изъ вождей возстанія и литературнаго его защитника примѣнявшій къ жизни выработавшіеся у кальвинистовъ политическіе принципы. Къ компромиссу не примкнули ни Вильгельмъ Оранскій, ни Эгмонтъ: послѣдній былъ вѣрный королю католикъ и только желалъ примирительныхъ мѣръ, о чемъ еще разъ настоялъ написать Филиппу II,

опасаясь, какъ бы конфедерація патріотовъ не зашла слишкомъ далеко, Между тѣмъ патріоты остановились на проектѣ подать коллективное прошеніе правительницѣ объ уничтоженіи инквизиціи, устроивъ при этомъ торжественную демонстрацію. Въ началѣ апрѣля 1566 г. триста съѣхавшихся въ Брюссель дворянъ отправились цѣлой процессіей во дворецъ Маргариты и подали ей заявленіе, составленіе коего приписывается разнымъ лицамъ, между иными Людовику Нассаускому, брату Вильгельма Оранскаго, и Марниксу де Сентъ-Альдегонду. „Никогда, говорилось въ этомъ прошеніи, не отрѣшались мы отъ вѣрности своему королю, да и теперь весьма далеки отъ этого, однако мы предпочитаемъ подвергнуться опасности навлечь на себя немилость своего государя, нежели оставить его въ невѣдѣніи относительно дурныхъ послѣдствій, угрожающихъ нашему отечеству вслѣдствіе насильственнаго введенія инквизиціи и настоятельной поддержки эдиктовъ". Такъ какъ ни вельможи, ни генеральные штаты не взяли на себя труда предупредить ея высочество, правительницу, то они, дворяне, рѣшились сдѣлать это, опасаясь, съ одной стороны, народныхъ волненій, съ другой, того, что, пожалуй, въ Нидерландахъ не останется ни одного человѣка, у котораго не конфискуютъ имущества. „Если же, сказано было въ концѣ документа, на смиренное прошеніе наше не будетъ обращено вниманія, то мы беремъ Бога, короля, правительницу и всѣхъ ея совѣтниковъ въ свидѣтели того, что мы сдѣлали съ нашей стороны все возможное, какія бы несчастныя послѣдствія ни произошли отъ этого". Маргарита была смущена демонстраціей, но одинъ изъ ея совѣтниковъ сказалъ, что она не должна бояться толпы нищихъ (gueux), и это названіе „гёзы" было усвоено участниками подачи прошенія: они даже стали ходить по улицамъ въ одеждѣ нищенствующихъ монаховъ и выбили для ношенія на шеѣ медаль съ портретомъ короля на одной сторонѣ и изображеніемъ на другой—нищенской сумы и двухъ вложенныхъ одна въ другую рукъ и съ надписью: „во всемъ вѣрные королю (en tout fidèlles au roy) до нищенской сумы (jusque à porter la besace)". Правительница обѣщала смягченіе (modération), проектъ котораго съ новыми представленіями былъ посланъ въ Испанію, но народъ эту „модерацію" называлъ „мордерацiей". Лица, занимавшія высокія правительственныя мѣста, раздѣляя воззрѣнія конфедератовъ, были, однако, недовольны сдѣланнымъ ими шагомъ, находя его мятежнымъ, но народъ вездѣ привѣтствовалъ конфедератовъ криками: „vivent les gueux!" Движеніе перешло въ народныя массы и приняло, какъ мы сейчасъ увидимъ, религіозный характеръ; конфедераты сдѣлались смѣлѣе и потребовали у правительницы, чтобы она дала полномочіе Вильгельму Оранскому, Эгмонту и Горну уладить ихъ дѣла съ королемъ и чтобы были созваны генеральные штаты,

и въ то же время они успокоивали народъ, убѣждая его вести себя смирно и ждать созванія генеральныхъ штатовъ.

Народнымъ движеніемъ воспользовались главнымъ образомъ протестантскіе проповѣдники. Религіозныя собранія протестантовъ стали совершаться открыто въ поляхъ и на нихъ являлись конфедераты, приходили тысячныя толпы народа, среди коихъ были конные вооруженные люди, продавцы протестантскихъ книгъ и т. п.; собраніе обыкновенно баррикадировалось опрокинутыми повозками, срубленными деревьями и досками; пѣлись псалмы, произносились проповѣди, и массы горожанъ и поселянъ дѣлались кальвинистами, такъ что реформированная религія прямо становилась выраженіемъ національной и политической оппозиціи. Правительство не рѣшалось разгонять сборища вооруженной силой, но скоро движеніе приняло уже совсѣмъ грозный характеръ: какъ буря, пронеслось надъ страною иконоборство, начавшееся въ окрестностяхъ Ипра (во Фландріи) и поразившее современниковъ своею быстротою и трудностью открыть виновныхъ. Дворяне оказались безсильными утишить народное волненіе, и многіе тогда даже отпали отъ союза гёзовъ, тѣмъ болѣе, что правительница сдѣлала нѣкоторыя уступки. Начиналась революція, но на первыхъ порахъ правительницѣ удалось подавить движеніе

Филиппъ II въ это время послалъ въ Нидерланды своего полководца герцога Альбу. Вильгельмъ Оранскій эмигрировалъ въ свои германскія владѣнія и убѣждалъ Эгмонта тоже уѣхать, но послѣдній остался, не желая, чтобы его имѣнія были конфискованы, и не думая, что съ нимъ случится что-либо дурное, такъ какъ былъ преданный королю слуга, католикъ и даже наказывалъ кальвинистовъ: онъ не вѣрилъ предположенію Вильгельма Оранскаго, что Филиппъ рѣшился уничтожить вождей народа, отрубить у тѣла голову, чтобы оно не могло двигаться. Начавшаяся реакція и извѣстіе о назначеніи Альбы заставили выселиться массу народа; въ числѣ уѣхавшихъ былъ и Марниксъ-де-Сентъ-Альдегондъ, начавшій за-границей свою литературную полемику противъ религіознаго фанатизма и политическаго деспотизма, водворившихся въ странѣ при герцогѣ Альбѣ, который вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Нидерланды съ испанскимъ войскомъ смѣнилъ Маргариту. Въ странѣ, дѣйствительно, началось господство террора. Совершены были казни, причемъ погибли Эгмонтъ, Горнъ и другіе вліятельные магнаты; былъ учрежденъ вмѣсто законныхъ судовъ „совѣтъ о мятежахъ", прозванный кровавымъ совѣтомъ, и въ него назначены нѣкоторые испанскіе члены: совѣтъ этотъ всегда находилъ виновнымъ того, кого Альбѣ хотѣлось погубить, иногда просто для того, чтобы взять въ казну имѣніе приговореннаго къ смерти, или для собственнаго обогащенія. Политическій символъ вѣры новаго правителя былъ

простъ—въ духѣ самого Филиппа II: лучше, говорилъ онъ, страна разоренная, но вѣрная Богу и королю, чѣмъ богатая, но еретическая и преданная дьяволу; юристы осуждаютъ только за доказанныя преступленія, а государственныя дѣла такъ вестись не могутъ; нужно, чтобы каждый постоянно трепеталъ, какъ бы его собственный домъ сегодня же на него не обрушился, ибо только этимъ можно заставить человѣка заплатить деньги за прощеніе его преступленій. Палачамъ и тюремщикамъ было много дѣла при такомъ правителѣ: происходили коллективныя юридическія убійства; тѣла казнимыхъ оставлялись на висѣлицахъ, деревьяхъ, кострахъ, колесахъ; тюрьмы наполнялись дворянами, горожанами, поселянами; имущества казнимыхъ и эмигрировавшихъ конфисковались; сама эмиграція была однако запрещена, и попытка къ выселенію наказывалась смертью. Мѣстныя вспышки противъ испанцевъ, отдѣльныя партизанскія попытки сурово подавлялись; кончилась неудачей и попытка, сдѣланная Вильгельмомъ Оранскимъ, которому оказали помощь гугеноты, и который просилъ еще содѣйствія у нѣмецкихъ протестантскихъ князей (самъ онъ перешелъ въ протестантизмъ). Герцогъ Альба поставилъ своей задачей ввести въ Нидерландахъ абсолютизмъ и, не обращая вниманія на законы страны, сталъ установлять косвенные налоги. Купцы прекращали торговлю и закрывали лавки, но Альба грозилъ вѣшать тѣхъ, которые не откроютъ лавокъ. Этотъ терроръ, начавшись въ 1567 г., продолжался нѣсколько лѣтъ, и даже ходатайство императора Максимиліана II за Нидерланды по просьбѣ нѣмецкихъ курфюрстовъ ни къ чему не привело: на совѣтъ его по возстановленіи спокойствія въ странѣ дать ей религіозный миръ, коимъ она, какъ часть имперіи, имѣетъ право пользоваться, Филиппъ II отвѣчалъ, что никто не можетъ вмѣшиваться въ его дѣла и что всѣ католики должны были бы скорѣе благодарить его за усмиреніе подданныхъ, оскорбляющихъ религію. Въ нидерландскомъ дѣлѣ начинали уже заинтересовываться правительства Франціи и Англіи съ ихъ подданными обоихъ исповѣданій, а самъ Филиппъ II смотрѣлъ на Нидерланды, какъ на страну, изъ которой удобнѣе всего было бы нанести ударъ Англіи, тѣмъ болѣе, что Елизавета позволяла скрываться въ англійскихъ гаваняхъ судамъ „морскихъ гёзовъ“, нападавшихъ на испанскіе корабли и грабившихъ ихъ.

Международныя отношенія вообще сильно усложняли ходъ нидерландскихъ дѣлъ, но мы не будемъ на этомъ долго останавливаться чтобы лишь въ общихъ чертахъ указать на то, какъ началось освобожденіе Нидерландовъ. Вильгельмъ Оранскій, какъ владѣтельный князь нѣмецкій, имѣлъ право содержать войско и флотъ, и онъ воспользовался этимъ правомъ, чтобы на свои и нидерландскихъ патріотовъ средства и на гугенотскую помощь снарядить флотъ „морскихъ гезовъ“; послѣдніе

въ апрѣлѣ 1572 г. овладѣли крѣпостью Брилемъ, жители коей присягнули на вѣрность Вильгельму, какъ королевскому намѣстнику въ Голландіи. Это было началомъ новаго возстанія, распространившагося затѣмъ по многимъ сѣвернымъ провинціямъ; инсургенты возставали только противъ Альбы, присягая на вѣрность королю и его намѣстнику (штатгальтеру) Вильгельму Оранскому, и это же самое было принято дордрехтскимъ съѣздомъ голландскихъ дворянъ и горожанъ. Такъ началась война нидерландцевъ съ Испаніей въ томъ самомъ году, когда во Франціи произошла, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, варѳоломеевская ночь, что только внесло еще болѣе ожесточенія въ войну нидерландскихъ патріотовъ и испанскихъ войскъ. Въ слѣдующемъ году Филиппъ II, недовольный дѣйствіями Альбы, прислалъ на его мѣсто правителемъ Дона Луиса Реквезенсъ-и-Цунига, остававшагося въ Нидерландахъ до 1576 г. Вскорѣ новый правитель писалъ королю слѣдующее: „до прибытія своего сюда я не понималъ, какимъ образомъ мятежники могутъ содержать такія значительныя флотиліи, но теперь я вижу, что люди, сражающіеся за свою жизнь, семейства, имущества, за свою ложную религію, однимъ словомъ за дѣло, которое считаютъ своимъ, довольствуются однимъ скуднымъ продовольствіемъ, не требуя никакого жалованія“.

Начавшаяся въ 1572 г. война продолжалась болѣе тридцати пяти лѣтъ (до 1609 г.), окончившись уже по смерти Филиппа II перемиріемъ на 12 лѣтъ, за которымъ послѣдовало возобновленіе войны опять болѣе, чѣмъ на двадцать пять лѣтъ (1621—1648), такъ что въ общей сложности Нидерланды отстаивали свою независимость отъ Испаніи около шестидесяти пяти лѣтъ, а если включить сюда и перемиріе, во время коего нужно было готовиться къ продолженію борьбы, то послѣдняя тянулась цѣлыя три четверти вѣка (1572—1648), не считая первыхъ попытокъ возстанія. Но не всѣмъ Нидерландамъ удалось сдѣлаться независимыми отъ Испаніи, и только освободившаяся часть сдѣлалась протестантской: *въ религіозномъ отношеніи съ федераціей самостоятельныхъ провинцій произошло то же самое, что съ нѣмецкой федераціей княжествъ и вольныхъ городовъ и швейцарской федераціей кантоновъ.* Вильгельмъ Оранскій боролся противъ духа нетерпимости, обуявшаго въ эту эпоху нидерландскихъ кальвинистовъ и католиковъ, и такъ какъ протестантизмъ былъ силенъ на сѣверѣ, гдѣ и испанскія войска терпѣли пораженія отъ „морскихъ гёзовъ“, а на югѣ, гдѣ въ открытомъ полѣ и испанцы держались крѣпче, „ересь“ проявлялась только спорадически, то новому послѣ Альбы правителю удалось болѣе мягкой политикой пріобрѣсти довѣріе южныхъ провинцій и положить начало розни между двумя половинами страны, которая коренилась и въ разномъ составѣ ихъ населенія, романскаго на югѣ, германскаго на сѣверѣ, и въ томъ, что сѣверныя провинціи

были большею частью новыми пріобрѣтеніями габсбургскаго дома. Только по смерти Цуниги, вслѣдствіе возмущенія испанскихъ наемниковъ, фландрское и брабантское дворянство обратилось за помощью къ Голландіи и Зеландіи, освободившихся отъ испанскаго владычества: результатомъ этого была гентская пацификація или договоръ южныхъ провинцій съ сѣверными, по коему установлялся тѣсный союзъ между договаривающимися, требовалось удаленіе испанцевъ и созваніе генеральныхъ штатовъ, отмѣнялись эдикты противъ ереси, объявлялась неприкосновенность католицизма, гдѣ его продолжали исповѣдывать, а Вильгельмъ Оранскій признавался штатгальтеромъ Голландіи и Зеландіи. Но союзъ этотъ не былъ проченъ и главнымъ образомъ потому, что католики видѣли въ сѣверныхъ кальвинистахъ и лютеранахъ еретиковъ, а фландрская и брабантская знать съ завистью смотрѣла на увеличивавшееся значеніе Вильгельма. Слѣдующіе два испанскіе правителя, Донъ Жуанъ Австрійскій (1576—1578) и Александръ Пармскій, сынъ Маргариты (1578 — 1589), ловкой политикой и уступчивостью содѣйствовали расторженію этого союза, и сѣверныя провинціи, видя ненадежность уніи съ южными, ихъ нерѣшительность и колебанія, особенно же нетвердое поведеніе фландрской и брабантской знати, въ январѣ 1579 г. заключили между собою утрехтскую унію, благодаря коей семь провинцій (Голландія, Зеландія, Гельдернъ, Цютфенъ, Утрехтъ, и фризскія области, Оверъиссель и Гронингенъ) положили начало особому федеративному государству. Актъ уніи былъ еще составленъ во имя короля, но въ 1581 г. соединенныя провинціи формально отложились отъ Испаніи. Утрехтская унія по внѣшнимъ дѣламъ образовывала изъ семи провинцій одно государство, но по дѣламъ внутреннихъ каждая область, каждый городъ пользовались полной автономіей, чѣмъ и разграничивалась компетенція генеральныхъ и мѣстныхъ штатовъ, въ частности же религіозныя дѣла были оставлены на усмотрѣніе отдѣльныхъ провинцій и городовъ, но каждому предоставлялось открыто исповѣдовать свою вѣру и имѣть свое богослуженіе безъ малѣйшаго стѣсненія своей совѣсти. Что касается до низложенія Филиппа II въ отдѣлившихся отъ Испанской монархіи провинцій, то *совершилось оно въ силу принципа, развивавшагося политическими писателями изъ кальвинистовъ* и въ частности въ брошюрахъ Марникса де-Сентъ-Альдегонда, который одно время вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Оранскимъ даже хлопоталъ о передачѣ суверенитета герцогу Франциску Анжуйскому (ранѣе Алансанскому), брату французскаго короля Генриха III, и по этому поводу велъ съ нимъ переговоры, на что даже послѣдовало согласіе Генриха III. Хотя французскій принцъ и не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, замѣна имъ Филиппа II облегчила дѣло низложе-

нія, на которое долго не рѣшались соединенныя провинціи. 23 января 1581 г. былъ скрѣпленъ въ Бордо актъ, дававшій Нидерландамъ (собственно Брабанту и Фландріи) новаго суверена, а 26 іюля генеральные штаты опубликовали документъ низложенія стараго государя. „Не народъ, гласилъ этотъ документъ, созданъ для государя, а государь для народа, ибо безъ народа не было бы государя. Государь существуетъ для того, чтобы править своими подданными по закону и справедливости и любить ихъ, какъ отецъ дѣтей, охранять ихъ, какъ пастухъ стадо. Если же онъ поступаетъ съ ними не такъ, а какъ съ рабами, то перестаетъ быть государемъ, но становится тиранномъ, подданные же, когда не остается другого средства, когда никакими представленіями о своихъ страданіяхъ не могутъ получить отъ тиранна никакого обезпеченія свободы, жизни и собственности для себя и своихъ семействъ, имѣютъ право по законному рѣшенію своихъ представителей на генеральныхъ штатахъ его покинуть". За этимъ теоретическимъ вступленіемъ, какъ бы выхваченнымъ изъ кальвинистической политической литературы [1]), перечисляются факты, доказывающіе, что въ Нидерландахъ Филиппъ II велъ себя, какъ тираннъ, въ силу чего генеральные штаты и постановили, „лишивъ его всякаго права на власть въ Нидерландахъ, перестать признавать его государемъ и освободить этимъ своимъ актомъ всѣхъ должностныхъ лицъ, начальниковъ, господъ, вассаловъ и жителей отъ присяги повиновенія и вѣрности, данной ими Филиппу II, королю испанскому". На сѣверѣ власть была передана Вильгельму Оранскому, а во Фландріи и Брабантѣ явился и принялъ власть Генрихъ Анжуйскій, признать которую Вильгельмъ убѣждалъ и Голландію съ Зеландіей, но въ 1584 г. французскій принцъ умеръ, вскорѣ послѣ чего былъ убитъ (Бальтазаромъ Жераромъ) и самъ Вильгельмъ, еще ранѣе (1580) объявленный внѣ закона и подвергавшійся неоднократнымъ покушеніямъ вслѣдствіе наградъ, которыя были публично обѣщаны Филиппомъ II убійцѣ (25 т. кронъ, потомственное дворянство и прощеніе за самыя тяжкія преступленія, буде такія были имъ совершены).

Вильгельмъ Оранскій былъ истиннымъ основателемъ республики нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Между отдѣльными провинціями было мало единодушія, и Вильгельму стоило большихъ трудовъ примирять разные интересы и стремленія и религіозныя разногласія католиковъ и протестантовъ, а также преодолѣвать противодѣйствіе не довѣрявшихъ и завидовавшихъ ему магнатовъ, которые призывали одного изъ австрійскихъ Габсбурговъ (Матѳія) и герцога Анжуйскаго и вступали въ переговоры съ Александромъ Парм-

[1]) См. выше, стр. 246 и слѣд.

скимъ. Австрійскій эрцгерцогъ, пріѣзжавшій въ Нидерланды, и особенно французскій принцъ, задумавшій занять французскими гарнизонами крѣпости Фландріи и Брабанта, вовсе не думали о свободѣ Нидерландовъ, между тѣмъ какъ Вильгельмъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ въ Голландіи и Зеландіи и диктатурой по военнымъ дѣламъ въ уніи, держалъ себя съ величайшею умѣренностью и, не желая, чтобы его заподозрили въ стремленіи къ личному господству, признавалъ себя лишь намѣстникомъ сначала Матѳія (какъ прежде Филиппа II), а потомъ убѣждалъ всѣ провинціи признать герцога Анжуйскаго. Въ 1582 г. генеральные штаты убѣдили Вильгельма принять на себя главное начальство на все время войны и сдѣлали его наслѣдственнымъ графомъ голландскимъ съ правомъ на наслѣдственное же управленіе войскомъ и флотомъ союза и внѣшними сношеніями страны, но съ предоставленіемъ всей законодательной власти, права войны и мира, установленія налоговъ и т. д. генеральнымъ штатамъ и съ условіемъ, по которому послѣдніе и мѣстные штаты могли низложить штатгальтера въ случаѣ нарушенія имъ законовъ страны. Конституція эта, заключавшая въ себѣ сочетаніе монархическихъ и республиканскихъ началъ и зародышъ позднѣйшей борьбы двухъ партій, была утверждена въ 1583 г., но въ 1584 г. рука убійцы положила конецъ жизни Вильгельма: попытка подкупить его, сдѣланная раньше испанскимъ королемъ, окончилась неудачей, и тогда-то Филиппъ II объявилъ награду за его убіеніе, что и вызвало покушенія на его жизнь, изъ коихъ одно окончилось тяжелой раной (1582), другое—смертью. Политическое убійство было то самое средство, къ которому Филиппъ II думалъ прибѣгнуть и по отношенію къ Елизаветѣ Англійской. До самой смерти герцога Анжуйскаго Вильгельмъ поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія, звалъ его вернуться въ Нидерланды, долго не соглашался на принятіе титула графа голландскаго и самъ участвовалъ въ составленіи статей, коими конституція 1583 г. ограничивала права, соединенныя съ этимъ званіемъ послѣ. Послѣднія послѣ его смерти были переданы его сыну Морицу, какъ штатгальтеру (или статгоудеру) основанной его отцомъ республики. Морицъ, какъ замѣчательный полководецъ, вполнѣ замѣстилъ своего отца въ дѣлѣ обороны страны отъ испанцевъ, да и политическія обстоятельства во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ сложились такъ, что Филиппъ II потомъ до самой своей смерти долженъ былъ заниматься больше отношеніями своими къ Франціи и Англіи, что было очень благопріятно для нидерландской независимости. Въ 1609 г., на что уже было указано, голландцы, какъ стали называться жители свободныхъ Нидерландовъ, заключили съ Испаніей перемиріе на 12 лѣтъ.

Несмотря на то, что въ новой республикѣ происходила силь-

ная внутренняя борьба политическихъ партій и религіозныхъ сектъ, она въ XVII вѣкѣ сдѣлалась значительной политическою силой, весьма богатою, благодаря своей промышленности и торговлѣ, страной, овладѣвшею, благодаря развитію своего флота, многими колоніями своихъ бывшихъ притѣснителей, убѣжищемъ гонимыхъ на родинѣ за религіозныя и политическія убѣжденія, куда уходили, напр., польскіе социніане, англійскіе пуритане, французскіе гугеноты, такъ какъ здѣсь установилась политическая и духовная свобода, содѣйствовавшая и культурному преуспѣянію самихъ голландцевъ, въ то самое время, какъ другая часть Нидерландовъ (Бельгія), наоборотъ, испытывала на себѣ послѣдствія католической реакціи.

XXVI. Религіозныя войны во Франціи и нантскій эдиктъ [1]).

Общее значеніе религіозныхъ войнъ во Франціи. — Причины долговременной смуты.—Протестантизмъ во Франціи.— События начала шестидесятыхъ годовъ и генеральные штаты. — Религіозный вопросъ по законамъ 1560, 61 и 62 гг.—Религіозныя войны и эдикты о терпимости.—С. жерменскій миръ.—Колиньи и Екатерина Медичи.—Варѳоломеевская ночь.—Генрихъ III.—Лига и штаты 1576 г.— Феодально-муниципальная реакція и ученіе о народовластіи. — Вопросъ о престолонаслѣдіи и война трехъ Генриховъ. — Генрихъ IV король. — Заговоры на жизнь Генриха IV и его отношеніе къ католицизму.—Генрихъ IV и гугеноты.— Нантскій эдиктъ. — Судьба нантскаго эдикта.

Исторія религіозныхъ войнъ во Франціи, какъ и исторія нидерландской революціи входятъ въ общую исторію борьбы католицизма съ протестантизмомъ во времена Филиппа II, который, какъ извѣстно, вмѣшался и во французскую смуту. Но смута эта имѣетъ и другое значеніе. Въ общей политической исторіи эпохи мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ случаевъ борьбы подданныхъ противъ королевскаго абсолютизма,

---

[1]) Кромѣ указанной на стр. 12 литературы по исторіи реформаціи во Франціи и др. сочиненій, относящихся къ эпохѣ, Lacretelle. Hist. de France pendant les guerres civiles.—Bouillé. Hist. des ducs des Guises.—De Croze. Les Guises, les Valois et Philippe II.—Forneron. Les ducs des Guises et leur époque.-Jules Tessier. L'amiral Coligny.—Jules de Laborde. Gaspard de Coligny.— E. Bersier. Coligny avant les guerres civiles.—Taillandier. Recherches historiques sur L'Hospital.—Dupré-Lasal. Michel de l'Hospital.—Geuer. Die Kirchenpolitik L'Hospitals.—Klüpfel. Le colloque de Poissy.—Schaeffer. Les huguenots du XVI siècle.—Baumgarten. Vor der Bartholomaeusnacht.—Rémusat. La Sainte-Barthélemy.—H. While. Massacre of St. Bartholomew preceded by a narrative of the religious wars.—Labitte. De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue.—A. de Ruble. Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret. — Challe. Le calvinisme et la Ligue.—Vitet. La Ligue. — Stähelin. Der Uebertritt Heinrichs zur römischen Kirche.

въ которой — что дѣлаетъ этотъ случай особенно любопытнымъ — *оппозиція шла подъ знаменемъ идеи народовластія, провозглашавшейся не одними кальвинистами, но и католическими фанатиками*, но съ стремленіемъ къ политической свободѣ въ духѣ новыхъ идей *соединялась феодальная и муниципальная* реакція. Какъ реакцію эту, такъ и политическую оппозицію постигла неудача, и во Франціи утвердился абсолютизмъ, но побѣда католицизма въ этой странѣ не сопровождалась католическою реакціей, ибо *французскій абсолютизмъ, по крайней мѣрѣ въ большей части XVII в., отличался отъ испанскаго болѣе свѣтскимъ характеромъ*. Что касается до утвержденія абсолютизма, то, подготовленный предыдущей исторіей Франціи, онъ сдѣлался своего рода политическою необходимостью въ виду *анархіи, въ какую повергла Францію феодальная и муниципальная реакція*. Внутреннее умиротвореніе Франціи дарованіемъ протестантамъ свободы вѣроисповѣданія и установленіе въ странѣ сильной государственной власти — безъ реакціонныхъ стремленій въ религіозномъ вопросѣ—имѣли весьма большое значеніе въ первой половинѣ XVII в., когда была сдѣлана новая попытка общеевропейской католической реакціи.

Въ своемъ мѣстѣ было уже указано на то, что первые серьезные успѣхи кальвинизмъ сдѣлалъ во Франціи во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ концѣ царствованія Генриха II, умершаго въ 1559 г. [1]). Отъ брака своего съ Екатериной Медичи, большой поклонницы сочиненія Макіавелли, написаннаго для ея отца, онъ имѣлъ четверыхъ сыновей, изъ коихъ трое царствовали одинъ за другимъ: это были именно Францискъ II (1559—1560), мужъ Маріи Стюартъ, потомъ Карлъ IX (1560—1574), наконецъ Генрихъ III (1574—1589), при жизни брата избранный въ польскіе короли, но впослѣдствіи бѣжавшій изъ Польши во Францію [2]), тогда какъ четвертый сынъ, Францискъ, сначала носившій титулъ герцога Алансонскаго, а потомъ Анжуйскаго, умеръ, какъ намъ извѣстно, въ 1584 г., не достигнувъ короны. Францискъ II, царствовавшій лишь около года, и Карлъ IX, оба по своей молодости не могли управлять государствомъ, и власть сдѣлалась предметомъ спора для королевы-матери, властолюбивой интриганки, герцоговъ Гизовъ, Франциска и Карла, дядей (по матери) Маріи Стюартъ, сдѣлавшейся королевой Франціи при Францискѣ II, и для родственниковъ королевскаго дома Бурбоновъ, именно Антуана, женатаго на наслѣдницѣ Беарна и Наварры Іоаннѣ Д'Альбре, и его брата Людовика Конде. Возникшее между Гизами и Бурбонами соперничество осложнилось еще тѣмъ, что первые были ка-

---

[1]) См. выше, стр. 211—212.

[2]) Литература объ этомъ указана въ „Очеркѣ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ“.

толиками, вторые — кальвинистами. Правленіе братьевъ Гизовъ, сдѣлавшихся при Франциске II, женатомъ на ихъ племянницѣ, всемогущими временщиками, сильно оскорбляло французское дворянство, которое около этого времени стало переходить въ кальвинизмъ и думало воспользоваться молодостью королей для того, чтобы начать феодальную реакцію противъ усилившагося при Францискѣ I и Генрихѣ II абсолютизма, а за дворянами пошли и нѣкоторые города, недовольные утратой муниципальныхъ вольностей [1]), и начавшаяся политическая оппозиція выразилась между прочимъ въ стремленіи (при Карлѣ IX и Генрихѣ III) ограничить королевскую власть генеральными штатами [2]), для чего подходящія идеи давались какъ тогдашними политическими идеями, которыя проповѣдывались какъ кальвинистами, такъ и іезуитами [3]). Борьба Гизовъ и Бурбоновъ за власть, перешедшая въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. въ борьбу за престолонаслѣдіе, вслѣдствіе прекращенія династіи Валуа, такимъ образомъ осложнялась не только борьбою двухъ враждебныхъ религій, но и политической оппозиціей противъ королевской власти съ характеромъ феодально-муниципальной реакціи, съ которою притомъ соединялись новыя идеи народовластія. Внутренняя французская смута, имѣвшая такимъ образомъ *своими причинами, кромѣ вражды двухъ религій, стремленіе аристократіи и буржуазіи уничтожить устанавливавшійся абсолютизмъ и борьбу Гизовъ и Бурбоновъ сначала за вліяніе на правительство, а потомъ и за самую корону*, не могла, конечно, остаться въ сторонѣ отъ путей, по которымъ шла политика Филиппа II, ибо при существовавшей между Франціей и Испаніей враждѣ королю испанскому было выгодно ослабленіе Франціи междоусобіями, а общая его политика, конечно, требовала отъ него вмѣшательства въ французскія дѣла и въ интересахъ католицизма, тѣмъ болѣе еще, что *побѣда протестантизма во Франціи грозила католицизму и власти Филиппа II въ Нидерландахъ*: и съ этой стороны для Филиппа II было небезразлично, что дѣлалось въ сосѣдней странѣ. Таковы были причины религіозныхъ войнъ во Франціи, коихъ было четыре при Карлѣ IX и четыре при Генрихѣ III, пока Франція и внутри, и извнѣ не была умиротворена Генрихомъ IV Бурбономъ. Нужно еще прибавить, что религіозному ожесточенію во Франціи весьма сильно содѣйствовали

---

[1]) См. т. I, гл. X и гл. XII.

[2]) О генеральныхъ штатахъ во Франціи см. т. I, стр. 68—75. Кромѣ названнаго тамъ соч. Picot, о штатахъ есть еще соч. Thibaudeau, Rathéry, Boullée, а также см. у Aug. Thierry въ Essai sur l'histoire du tiers état, гдѣ есть главы и о политическомъ движеніи XVI вѣка.

[3]) См. выше, стр. 245 и слѣд. и 279 и слѣд.

іезуиты, принимавшіе очень дѣятельное участіе въ полемикѣ съ протестантами, въ придворныхъ интригахъ, въ междоусобныхъ войнахъ, во время которыхъ прямо проповѣдовали цареубійство, а кромѣ іезуитовъ, имѣли значеніе принятыя французскимъ правительствомъ тридентскія постановленія, сильно мѣшавшія сторонникамъ религіозной свободы.

При Францискѣ I и Генрихѣ II, какъ мы видѣли, протестантизмъ преслѣдовался во Франціи [1]), и еретиковъ уже сжигали, ибо противъ нихъ была и королевская власть, и легисты, и Сорбонна, и народная масса, видѣвшая въ кальвинистахъ гугенотовъ (Guguenots-Eidgenossen), т.-е. иностранцевъ [2]) и не довѣрявшая новому ученію по его связи съ дворянскими стремленіями. Мы постоянно указывали на то, что протестантизмъ принялъ во Франціи аристократическій характеръ [3]), такъ какъ, кромѣ лицъ разныхъ сословій, переходившихъ на сторону новаго ученія по убѣжденію, его приняла большая часть дворянства, думавшаго, между прочимъ, поживиться на счетъ секуляризаціи церковной собственности во Франціи по примѣру своихъ нѣмецкихъ и англійскихъ собратій. Переходъ дворянъ въ протестантизмъ давалъ послѣднему значеніе политической силы, которая могла вести вооруженную борьбу: уже на первыхъ порахъ умножившіеся протестанты силою освобождали изъ тюремъ своихъ единовѣрцевъ, иногда вырывали ихъ изъ рукъ солдатъ, ведшихъ ихъ на казнь и т. п. Въ 1560 году протестантская партія задумала даже захватить молодого короля, чтобы передать его подъ опеку Антуану Бурбону, но заговоръ („амбуазскій“) былъ открытъ, и Гизы чуть было не погубили Людовика Конде, преданнаго ими обыкновенному суду, вопреки его праву, какъ принца крови, судиться лишь въ парламентѣ, что было своего рода угрозой и для другихъ дворянъ. Только смерть Франциска II и переходъ власти при Екатеринѣ Медичи спасли принца Конде: онъ былъ немедленно выпущенъ на волю, такъ какъ хитрая итальянка хотѣла держаться у власти, не давая перевѣса ни Гизамъ, ни Бурбонамъ, вслѣдствіе чего и первые были ею оставлены при своихъ должностяхъ. Малолѣтній король на престолѣ, королева-иностранка во главѣ правленія, занимающаяся интригами, заискивающая у всѣхъ партій, неспособная заставить однихъ не дѣлать нападеній на установленную религію, а другихъ—уважать свободу совѣсти своихъ согражданъ, все это было на-руку феодальной реакціи, формулировавшей такъ свои идеи: какой-такой король? мы сами—короли, а этого короленка еще розгами можно сѣчь. Между прочимъ такое время было благопріятно и для воз-

---

[1]) См. выше, стр. 172 и 192.
[2]) См. выше, стр. 169.
[3]) См. выше, стр. 212.

рожденія давно уже не собиравшихся генеральныхъ штатовъ. Первое ихъ собраніе происходило по мысли умнаго и честнаго, ученаго и вѣротерпимаго канцлера Лопиталя (L'Hospital или L'Hôpital), въ Орлеанѣ, въ 1560 г., а въ 1561 г. въ Понтуазѣ было еще собраніе депутатовъ свѣтскихъ сословій, такъ какъ духовенство собралось отдѣльно въ Пуасси, гдѣ Лопиталь устроилъ религіозный диспутъ католиковъ съ протестантами. Канцлеръ дѣйствовалъ вообще въ примирительномъ духѣ и убѣждалъ орлеанскіе штаты „оставить дьявольскіе клички (ces mots diaboliques) лютеранъ, гугенотовъ, папистовъ, не мѣнять христіанскаго имени на другія". Въ собраніи штатовъ духовенствомъ требовалось преслѣдованіе еретиковъ; въ томъ же смыслѣ высказалась часть дворянъ, тогда какъ другая была, однако, за терпимость, и въ этомъ отношеніи съ нею были за одно тогда и горожане, выразившіе желаніе, чтобы преслѣдованія были прекращены до рѣшенія религіозныхъ споровъ вселенскимъ соборомъ. Понтуазское собраніе 1561 г., въ коемъ не участвовало духовенство, еще рѣшительнѣе выставило необходимость терпимости и даже поставило вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Что касается до диспута въ Пуасси, гдѣ выступили другъ противъ друга Беза и кардиналъ Лотарингскій (Карлъ Гизъ), то на немъ, конечно, соглашенія не состоялось. Единственнымъ результатомъ штатовъ 1560 г. былъ орлеанскій ордоннансъ, коимъ Лопиталь осуществлялъ нѣкоторыя желанія, высказанныя въ обширномъ „cahier de doléances", заключавшемъ цѣлый проектъ реформъ, составленный штатами. И въ 1560 г. представители сословій высказали, и въ 1561 г. еще разъ повторили желаніе, чтобы штаты были учрежденіемъ постояннымъ, собирающимся въ опредѣленные сроки; въ 1561 г. даже очень рѣшительно говорилось о томъ, что съ ними король долженъ дѣлить свою власть. Послѣ этого, однако, штаты не собирались 15 лѣтъ, но *въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ мысль о періодическихъ штатахъ съ прямымъ участіемъ ихъ въ верховной власти сдѣлалась во Франціи еще популярнѣе.*

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лопиталь цѣлымъ рядомъ мѣръ думалъ уладить религіозный вопросъ. Эдиктъ 1560 г. (édit de Romorantin) установлялъ епископскую юрисдикцію по дѣламъ ереси, дабы помѣшать введенію инквизиціи, но только одни парламенты могли изрекать смертные приговоры. Другимъ эдиктомъ (1561 г.) смертная казнь за ересь замѣнялась изгнаніемъ, за исключеніемъ случаевъ нарушенія общественнаго спокойствія. Кромѣ того, Лопиталь въ частныхъ случаяхъ останавливалъ чрезмѣрно усердствовавшихъ преслѣдователей и смягчалъ участь обвиненныхъ. Наконецъ, въ 1562 г. правительство нашло нужнымъ сдѣлать уступку протестантамъ, легализировавъ ихъ существованіе въ государствѣ подъ извѣстными условіями. Именно по сенъ-жерменскому

эдикту этого года кальвинисты получили право отправлять свое богослуженіе, но не иначе, какъ внѣ городовъ, и безъ права собирать синоды своей церкви. Гугеноты были недовольны ограниченіями своей религіозной свободы, католики—уступкой ереси. Но эдиктъ этотъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, ибо въ томъ же самомъ году произошла первая религіозная война во Франціи.

Въ 1562 г. герцогъ Францискъ Гизъ съ большою свитой проѣзжалъ черезъ мѣстечко Васси, гдѣ онъ и его приближенные услышали пѣніе протестантскихъ гимновъ гугенотами, собравшимися въ сараѣ для богослуженія; лица, сопровождавшія герцога, попробовали разогнать собраніе, но, встрѣтивъ сопротивленіе, напали на безоружныхъ гугенотовъ и перебили многихъ изъ нихъ, тяжело ранивъ другихъ. Послѣ этого въ Парижѣ Гиза приняли съ восторгомъ; онъ завладѣлъ королемъ и регентшей, а принцъ Конде собралъ гугенотовъ въ Ларошели, откуда они обратились за помощью къ Елизаветѣ Англійской. Началась война, нѣсколько разъ прерывавшаяся и возобновлявшаяся. Силы противниковъ были равныя, перевѣсъ не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, но тѣмъ ожесточеннѣе они боролись, не останавливаясь передъ избіеніями невинныхъ жертвъ и тайными убійствами, истребляя католическія и протестантскія церкви; все, что у кого-либо было противъ другихъ людей, теперь, при господствѣ анархіи, могло безпрепятственно проявиться въ кровавомъ сведеніи счетовъ, и напр., въ то время, какъ дворяне боролись съ государственною властью, крестьяне подымались противъ своихъ сеньеровъ. Въ борьбѣ этой погибли одинъ за другимъ Антуанъ Бурбонъ, Францискъ Гизъ, убитый однимъ гугенотомъ, принцъ Конде, но этихъ вождей смѣнили новые: Генрихъ Гизъ (сынъ Франциска) и адмиралъ Колиньи изъ протестантской фамиліи Шатильоновъ, честный и убѣжденный кальвинистъ, подобно Вильгельму Оранскому сражавшійся не противъ короля, а противъ овладѣвшихъ королемъ лицъ и сдѣлавшійся руководителемъ молодого Генриха Наваррскаго, сына Антуана Бурбона, поставленнаго теперь во главѣ протестантовъ. Въ это французское междоусобіе самими же враждующими сторонами были впутаны впослѣдствіи иностранцы, Елизавета Англійская и Филиппъ II Испанскій, нидерландскіе гёзы и нѣмецкіе ландскнехты, швейцарскіе (католическіе), итальянскіе и испанскіе наемники. Сила протестантовъ была настолько значительна, что правительство должно было дѣлать уступки, но само оно было безсильно поддерживать миръ, вслѣдствіе чего гугеноты стали требовать у короля передачи имъ нѣсколькихъ крѣпостей, гдѣ они были бы безопасны: гугеноты договаривались съ королемъ, какъ самостоятельная воюющая сторона. Первая война окончилась миромъ въ Амбуазѣ въ 1563 г. По амбуазскому эдикту допущена была *свобода протестант-*

скаго богослуженія, но съ сословными ограниченіями,—весьма характерная черта,—ибо высшее дворянство, имѣвшее право уголовнаго суда въ своихъ имѣніяхъ (hauts justiciers), могло строить въ нихъ протестантскія церкви не только для себя и своей домашней челяди, но и для всѣхъ подвластныхъ ихъ суду (justiciables), тогда какъ богослуженіе у низшаго дворянства могли посѣщать лишь ихъ домашніе, а для всѣхъ остальныхъ гугенотовъ, назначался въ каждомъ округѣ городъ, въ окрестностяхъ коего допускалось протестантское богослуженіе. Эдиктъ этотъ былъ подтвержденъ послѣ второй войны (1567—1568) по миру въ Лонжюмо. Третья война (1569—1570), бывшая особенно удачною для гугенотовъ (Колиньи шелъ прямо на Парижъ), кончилась миромъ въ Сенъ-Жерменѣ (Saint-Germain en Laye), по которому кальвинистамъ давалась свобода совѣсти и право домашняго богослуженія во всемъ государствѣ, право публичнаго культа въ имѣніяхъ высшаго и низшаго дворянства, съ запрещеніемъ, однако, всякаго богослуженія, кромѣ католическаго, въ Парижѣ и его окрестностяхъ, а также и въ какомъ бы то ни было мѣстопребываніи короля; предоставлялось, далѣе, право занимать всякія должности и поступать въ университеты и низшія школы; позволялось протестантамъ при тяжбахъ съ католиками отводить извѣстное число (4, 6, 8) судей въ той палатѣ парламента, которая рѣшала дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были уплачивать на старыхъ основаніяхъ десятину католическому клиру, въ обезпеченіе же своихъ правъ получали на два года четыре крѣпости (Ларошель, Монтобанъ, Коньякъ и Лашарите). Это было дальнѣйшее развитіе амбуазскаго эдикта, и позднѣйшіе переговоры о мирѣ въ слѣдующія войны велись на основахъ этого договора, да и нантскій эдиктъ, коимъ заключалась эпоха религіозныхъ войнъ черезъ 28 лѣтъ послѣ этого, былъ въ существенныхъ своихъ чертахъ составленъ по образцу прежнихъ эдиктовъ. Но и съ сенъ-жерменскимъ договоромъ случилось то же самое, что и съ болѣе ранними: католики не хотѣли подчиняться условіямъ мира, и потому какъ только гугеноты клали оружіе, то немедленно подвергались нападеніямъ со стороны фанатиковъ, подстрекаемыхъ извнѣ, само же правительство съ Екатериной Медичи во главѣ становилось то на одну, то на другую сторону.

За „вѣчнымъ и неотмѣнимымъ“ сенъ-жерменскимъ эдиктомъ послѣдовала новая война, вызванная знаменитою варѳоломеевскою ночью. Гугеноты одержали побѣду, между прочимъ, благодаря нѣмецкимъ солдатамъ и англійскимъ деньгамъ. Сенъ-жерменскій миръ крайне раздражилъ папу Пія V и Филиппа II, послѣдняго тѣмъ болѣе, что успѣхъ французскихъ протестантовъ поощрялъ къ сопротивленію его нидерландскихъ подданныхъ, поднявшихъ около этого времени знамя воз-

станія и въ 1572 г. имѣвшихъ уже значительный успѣхъ [1]). Франція опять переходила, кромѣ того, въ противный Габсбургамъ лагерь, начавъ сближаться съ нѣмецкими князьями, съ Англіей, съ недовольными нидерландцами. Внутри страны Гизы потеряли силу при дворѣ, и двадцатилѣтній Карлъ IX приблизилъ къ себѣ адмирала Колиньи (1571), сдѣлавъ его своимъ совѣтникомъ. Католики внѣ и внутри Франціи были недовольны оборотомъ, принятымъ политикою двора, а въ фанатизированныхъ массахъ городского населенія раздраженіе противъ гугенотовъ было весьма сильно; мѣстами уже происходили вспышки фанатизма, хотя насилія противъ реформатовъ строго наказывались и уже была значительная партія изъ католиковъ же, желавшая вѣротерпимости и получившая за это отъ фанатиковъ прозвище „политиковъ“: она старалась противодѣйствовать возобновленію религіозныхъ войнъ. Карлъ IX, не отличавшійся устойчивостью характера, между тѣмъ совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе Колиньи, совѣтовавшаго ему держаться національной, антииспанской политики и даже оказать вооруженную помощь Нидерландамъ, а самъ носился съ мыслью отнять у Испаніи Миланъ и Наварру на югѣ отъ Пиренеевъ, чтобы возвратить эту страну титулярному ея королю Генриху Бурбону, за котораго онъ прочилъ выдать замужъ свою сестру Маргариту. Католики, во главѣ коихъ стоялъ братъ короля Генрихъ Анжуйскій, вмѣстѣ съ послами Испаніи и папы старались противодѣйствовать этимъ планамъ, но напрасно. Внѣшнія обстоятельства для ихъ проведенія были, однако, неблагопріятны: хотя брату Вильгельма Оранскаго, Людовику Нассаускому, овладѣвшему Монсомъ въ Бельгіи, была оказана небольшая военная помощь, но испанцы взяли верхъ; нѣмецкіе лютеране и думать не хотѣли о союзѣ съ нидерландскими и французскими кальвинистами, Елизавета Англійская не желала усиленія Франціи со стороны Бельгіи; турки, прежніе союзники Франціи, послѣ пораженія при Лепанто (1561), не могли уже вступить съ нею въ союзъ. Все это обезкураживало Карла IX, а его мать, видѣвшая, что протестанты всегда будутъ составлять лишь партію въ государствѣ, что народъ останется не только католическимъ, но и враждебнымъ протестантизму,—прямо опасаясь войны съ Испаніей безъ надежныхъ союзниковъ, недовольная, кромѣ того, потерей вліянія своего на сына, стала противодѣйствовать Колиньи: въ немъ она видѣла своего личнаго врага, который самъ притомъ не скрывалъ своихъ непріязненныхъ чувствъ къ королевѣ; онъ даже совѣтовалъ Карлу IX устранить ее отъ дѣлъ, равно какъ и Генриха Анжуйскаго, такъ какъ, по его мнѣнію, нужно было выбирать между внѣшней или внутренней войной; первая была предпочтительнѣе, а

[1]) См. выше, стр. 328.

Генрихъ Анжуйскій, любимецъ матери, легко могъ бы возбудить вторую. Карлу IX приходилось выбирать между еретикомъ и матерью. 9 августа 1572 г. король объявилъ, что мира съ Испаніей онъ не нарушитъ, а адмиралъ воскликнулъ: „Дай Богъ, чтобы не возникла другая война, которой король не будетъ въ состояніи избѣжать"!— Эти слова были истолкованы въ смыслѣ угрозы, тѣмъ болѣе опасной что на свадьбу Маргариты съ Генрихомъ Бурбономъ собралось нѣсколько тысячъ протестантскаго дворянства. Екатерина задумала тогда отдѣлаться отъ адмирала посредствомъ убійства, но выстрѣлъ изъ-за угла его только ранилъ (22 августа), и это заставило королеву-мать бояться его мести, тѣмъ болѣе, что собравшіеся въ Парижѣ гугеноты приняли по отношенію къ королевѣ угрожающее положеніе. Тогда Екатерина, которой раньше еще испанскіе дипломаты совѣтовали покончить съ гугенотами однимъ ударомъ, рѣшилась сразу истребить опасныхъ для нея людей, зная, что парижское населеніе, преданное католицизму, доставитъ ей достаточное количество помощниковъ. Таково было происхожденіе варѳоломеевской ночи: старое представленіе всего дѣла, будто оно было задумано заранѣе и притомъ по тайному соглашенію съ Испаніей, приходится оставить въ виду новыхъ историческихъ работъ по этому предмету [1]). Слабохарактернаго Карла IX убѣдили въ необходимости задуманнаго дѣла, наскоро поручили парижскому купеческому старшинѣ организовать шайки убійцъ, и въ ночь съ 23 на 24 августа произошло въ Парижѣ избіеніе двухъ тысячъ гугенотовъ, не окончившееся и въ ближайшіе дни; оно сдѣлалось примѣромъ для подобной же расправы въ провинціи, гдѣ по тайнымъ приказамъ обезумѣвшаго Карла IX, который также стрѣлялъ изъ дворцоваго окна въ ночь на 24 августа, было перебито до 30 т. гугенотовъ; Генрихъ Бурбонъ и его кузенъ, принцъ Конде, спаслись только принятіемъ католицизма. Затѣмъ протестантизмъ былъ запрещенъ во Франціи. Въ память событія была выбита медаль съ надписями: „Virtus in rebelles" и „Pietas excitavit justitiam". Въ Мадридѣ и Римѣ извѣстіе было встрѣчено дикой радостью и торжественно отпраздновано. Папа Григорій XIII также выбилъ медаль со своимъ портретомъ на одной сторонѣ и съ изображеніемъ на другой—ангела, держащаго въ рукѣ крестъ и поражающаго гугенотовъ, вокругъ чего была надпись: „ugonottorum strages, 1572".

---

[1]) См. Philippson. Westeuropa, II, 255—259.—Kervyn de Lettenhove. Documents relatifs à l'hist. du XVI siècle (I, 157 и слѣд.) и второй томъ Huguenots et gueux, а также Baumgarten въ Hist. Zeitschr. (N. F., XIV: Nachtrag zur Geschichte der Bartholomaeusnacht). Поленцъ думаетъ, что планъ былъ задуманъ maximum за десять дней до исполненія.

За варѳоломеевской ночью послѣдовала новая (четвертая въ царствованіе Карла IX) религіозная война. Знамя возстанія подняли на этотъ разъ горожане Ларошели и другихъ городовъ, съ коими соединились остатки неистребленнаго въ конецъ кальвинистическаго дворянства, и манифестомъ этого возстанія сдѣлался памфлетъ Готмана [1]) „De furoribus gallicis".

Новая война была непродолжительна (1572—1573). Генрихъ Анжуйскій, стоявшій во главѣ католиковъ, уѣхалъ въ Польшу, которая избрала его въ короли; его младшій братъ, герцогъ Алансонскій, ненавидѣвшій его и мечтавшій о бракѣ съ Елизаветой Англійской, примкнулъ къ „политикамъ"; само правительство должно было принять мѣры противъ испанскихъ притязаній на европейскую гегемонію. Среди такихъ обстоятельствъ Карлъ IX умеръ (1574), и ему наслѣдовалъ Генрихъ Анжуйскій, тайкомъ покинувшій Польшу, чтобы занять французскій престолъ подъ именемъ Генриха III, имѣя, въ то время лишь 23 года отъ роду. Изнѣженный и легкомысленный молодой человѣкъ не напрасно прошелъ школу своей матери: католики думали, что герой варѳоломеевской ночи будетъ королемъ ихъ партіи, но онъ хотѣлъ удержать во всей неприкосновенности права своей короны, тогда какъ истребленіемъ гугенотовъ онъ только усилилъ бы Гизовъ, а принятый имъ образъ дѣйствія въ томъ и состоялъ, чтобы, подобно своей матери, не давать перевѣса ни Гизамъ съ католиками, ни Бурбонамъ съ кальвинистами. Въ это время происходило даже сближеніе между гугенотами и „политиками": одни видѣли, что имъ не навязать своего вѣроисповѣданія всей Франціи, другіе сознавали, что тѣмъ не менѣе протестантизма не уничтожишь, и, сходясь между собою относительно необходимости религіознаго мира, обѣ партіи желали созванія генеральныхъ штатовъ. Вступленіе Генриха III на престолъ совершилось при новомъ междоусобіи, когда во главѣ возстанія стоялъ младшій братъ короля, въ союзѣ съ Бурбонами и при нѣмецкой (пфальцграфа Реймскаго), военной и англійской, денежной помощи. Новый миръ былъ выгоденъ для протестантовъ: утвердивъ прежнія уступки, правительство согласилось на то, чтобы въ парламентахъ были смѣшанныя палаты для разбора тяжбъ между католиками и реформатами и чтобы послѣдніе могли съѣзжаться на синоды, хотя лишь въ присутствіи правительственнаго делегата, а въ обезпеченіе соблюденія договора оно отдало гугенотамъ 12 крѣпостей. Оппозиціонные принцы получили вознагражденіе, Францискъ Алансонскій—Берри, Турренъ и Анжу въ свое управленіе и пенсію въ 100 тысячъ экю; принцъ Конде—Пикардію въ управленіе и т. д.: послѣ этого, какъ

---

[1]) См. выше, стр. 245.

мы увидимъ еще, *королевская власть во Франціи не разъ откупалась отъ аристократической оппозиціи раздачей денегъ, доходныхъ мѣстъ, цѣлыхъ провинцій въ управленіе,* что свидѣтельствовало не только о слабости правительства, но и о корыстномъ характерѣ оппозиціи, которая, дѣйствительно, пользовалась религіозными смутами или народнымъ недовольствомъ лишь для того, чтобы начинать мятежъ и потомъ дорого продавать свою покорность.

Гугеноты и „политики", добившись отъ правительства уступокъ и между прочимъ обѣщанія созвать генеральные штаты, показали католикамъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что уже кардиналъ Лотарингскій въ концѣ своей жизни († 1574) указывалъ необходимость болѣе прочной организаціи католиковъ. Уступки Генриха III еретикамъ заставили папистовъ заключить между собою лигу, во главѣ коей стоялъ долгое время Генрихъ Гизъ. Генрихъ III нашелъ нужнымъ сблизиться съ лигою въ надеждѣ на то, что она поможетъ ему выйти побѣдителемъ изъ борьбы, которая неминуемо должна была возникнуть между нимъ и генеральными штатами, гдѣ "политики" и гугеноты стали бы проводить непріятныя для него мѣры. Лига, начавшая снова фанатизировать народъ, побѣдила на выборахъ въ штаты,—они въ 1576 г. и были собраны въ Блуа,—но исходъ выборовъ заставилъ „политиковъ" и гугенотовъ воздержаться отъ участія въ ихъ засѣданіяхъ. Дѣйствительно, штаты 1576 г. были настроены крайне фанатически, требовали полнаго уничтоженія протестантизма во Франціи и отмѣны всѣхъ льготъ, данныхъ гугенотамъ по послѣднему миру. Правительство готово было дѣйствовать въ ихъ духѣ по этому пункту, но *въ политическомъ отношеніи рьяные католики желали того же самаго, къ чему стремились и кальвинистическіе писатели, т.-е. ограниченія королевской власти.* Напр., штаты стали дѣлать различіе между законами короля и законами королевства, между временными распоряженіями государственной власти и постановленіями штатовъ, которые не могли бы никѣмъ быть отмѣняемы, кромѣ самихъ штатовъ, и не требовали бы королевскаго утвержденія въ случаѣ единогласія сословій; были даже голоса, требовавшіе участія штатовъ въ назначеніи членовъ тайнаго совѣта, т.-е. министровъ короля, а третье сословіе потребовало возстановленія муниципальныхъ вольностей, пришедшихъ въ упадокъ съ усиленіемъ королевской администраціи [1]. Правительство особымъ ордоннансомъ (ord. de Blois) удовлетворило требованія сословій за исключеніемъ тѣхъ желаній, которыя имѣли политическій характеръ, ибо политическія идеи лигистовъ отталкивали отъ лиги и Генриха III, и Екатерину Медичи. Событія указывали на то, что

---

[1]) См. томъ I, стр. 60 и 121.

во Франціи *вслѣдъ за аристократической оппозиціей, принявшей характеръ феодальной реакціи, началась оппозиція демократическая, представлявшая изъ себя реакцію муниципальную* противъ королевскаго абсолютизма. Подобно тому, какъ дворяне дѣлались кальвинистами, и въ ихъ лагерѣ получали все бо́льшую популярность кальвинистическія политическія идеи, такъ въ городахъ усиливался католицизмъ: ими-то съ Парижемъ во главѣ главнымъ образомъ и держалась „святая" лига, къ коей примкнули многіе дворяне и герцоги Гизы; среди лигистовъ вообще и въ частности среди городского населенія на сѣверѣ Франціи было въ большомъ ходу ученіе іезуитовъ о правѣ народовъ низлагать королей и убивать тиранновъ, что породило (главнымъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ) и литературную защиту политической свободы противъ абсолютизма, такъ что *одновременно съ кальвинистическими трактатами въ духѣ народовластія ту же идею въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ защищали и крайніе католики* [1]), т.-е. католическая демократія не хотѣла признавать иного истиннаго суверена, кромѣ Бога и его намѣстника на землѣ, папы, вслѣдствіе чего отказывала въ повиновеніи непослушнымъ церкви монархамъ, которыхъ проповѣдники лиги объявляли поэтому достойными убіенія, какъ тиранновъ. Это относилось, конечно, къ Генриху III, оттолкнувшаго отъ себя лигу и дѣйствительно павшаго отъ руки фанатика-убійцы, а послѣ его смерти—къ Генриху Бурбону, сдѣлавшемуся королемъ Франціи и все-таки остававшемуся сначала кальвинистомъ (обращеніе въ католицизмъ въ 1572 г. было временное). Подъ знаменемъ идеи народовластія, которую усвоили и штаты 1588 г., въ эпоху религіозныхъ войнъ, опять возобновившихся, *возрождался феодальный и муниципальный бытъ среднихъ вѣковъ съ обычной своей анархіей*: губернаторы дѣлались независимыми отъ центральной власти и мечтали о княжеской самостоятельности; сеньеры возстановляли свои старыя права надъ населеніемъ и присвоивали себѣ право войны; муниципальныя власти брали на себя начальство надъ милиціей, отказывались въ судебномъ отношеніи повиноваться парламентамъ, не хотѣли никому отдавать отчета по городскимъ финансамъ; грабимые и притѣсняемые крестьяне бунтовали и требовали, чтобы имъ показали въ Библіи, гдѣ это сказано, чтобы съ ними такъ дурно поступали.

Возрожденію средневѣковой анархіи и усиленію ярости религіоз-

---

[1]) Анонимное (іезуита Райнальдса, писавшаго подъ псевдонимомъ Россеуса?) соч. De justa reipublicae christinae in reges impios authoritate. Памфлеты Буше: De justa Henrici tertii abdicatione a Francorum regno и Sermons de la simulée conversion et nullité de l'absolution de Henri de Bourbon. О соч. кальвинистическихъ публицистовъ см. выше, стр. 245 и слѣд.

ной войны много содѣйствовало то, что со смертью младшаго брата короля (1584), при бездѣтности его самого, корона Франціи должна была перейти къ гугеноту Генриху Бурбону. Католическая лига, поддерживаемая Испаніей, никакъ. конечно, не могла допустить этого; и ея глава, Генрихъ Гизъ, считавшій себя потомкомъ Карла Великаго, стремился самъ возложить на свою голову французскую корону и, чтобы получить поддержку націи, обѣщалъ возстановленіе всего, что было въ политическомъ быту Франціи разрушено усиленіемъ королевской власти. Собственно говоря, лига окончательно организовалась лишь въ 1585 г., когда въ замкѣ Жуанвилѣ былъ заключенъ союзъ между Гизами и Филиппомъ II для подавленія ереси въ Нидерландахъ и Франціи: послѣ этого настоящимъ главою католической Франціи сдѣлался Генрихъ Гизъ, такъ какъ король потерялъ всякое значеніе между двумя враждебными партіями, которыя вели между собою войну,(получившую названіе войны трехъ Генриховъ). Въ 1588 г. въ самомъ Парижѣ произошло возстаніе. Его населеніе организовалось въ боевую силу подъ начальствомъ революціоннаго правительства, состоявшаго изъ 16 членовъ по числу городскихъ кварталовъ (ligue des seize) и дѣйствовавшаго по инструкціямъ Генриха Гиза. Въ городѣ шла агитація противъ „политиковъ" и короля, „оскорблявшихъ Бога" уступчивостью еретикамъ, а въ тайныхъ совѣщаніяхъ лиги поговаривали даже о низложеніи послѣдняго Валуа. Генрихъ III счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры для огражденія личной своей безопасности, но лигисты приняли ихъ за угрозу и пригласили въ Парижъ Генриха Гиза, который и пріѣхалъ, несмотря на королевское запрещеніе. Попытка Генриха III окружить свою резиденцію—Луврь—вѣрными войсками вызвала знаменитый „день баррикадъ" (12 мая): дѣло прямо могло бы кончиться низложеніемъ короля, если бы только захотѣлъ этого Генрихъ Гизъ, потребовавшій только, чтобы его назначили намѣстникомъ королевства (lieutenant général du royaume), созвали генеральные штаты для утвержденія его въ этомъ санѣ и чтобы Генрихъ Бурбонъ былъ объявленъ лишеннымъ правъ на престолъ. Во время вызванныхъ этимъ переговоровъ Генрихъ III бѣжалъ изъ Парижа, и столица государства осталась въ рукахъ Гиза, хотя король тогда и не довелъ еще дѣла до разрыва. Въ октябрѣ 1588 г. въ Блуа открылись засѣданія генеральныхъ штатовъ, гдѣ господствовали католики, раздѣлявшіе политическія воззрѣнія католической демократіи, т.-е. требовали передачи штатамъ суверенитета и полнаго господства католицизма во Франціи, а съ католиками господствовалъ и Генрихъ Гизъ, которому штаты не прочь были передать власть въ государствѣ. Король рѣшился тогда отдѣлаться отъ опаснаго главы лиги посредствомъ убійства (въ дек. 1588 г.), но исполненіемъ этого намѣренія возбудилъ противъ себя новое возстаніе подъ предводительствомъ

парижской „лиги шестнадцати“, успѣвшей сдѣлаться для городовъ сѣверной Франціи настоящимъ правительствомъ. Съ своей стороны, Сорбонна объявила, что, вслѣдствіе вѣроломнаго поступка Генриха III во вредъ католической церкви, французскій народъ освобождается отъ своей присяги на вѣрность и получаетъ право возстать противъ короля: черезъ восемь лѣтъ послѣ того, какъ Фииппъ II былъ низложенъ нидерландскими протестантами въ силу ученія о правѣ народовъ лишать власти правителей, то же ученіе примѣнялось теперь и ко Франціи крайними католиками, но мотивъ у Сорбонны былъ иной—не тиранническое поведеніе по отношенію къ гражданской свободѣ, а измѣна интересамъ католицизма. Это право доказывалъ и лигистъ Буше въ трактатѣ „О справедливомъ низложеніи Генриха III“, какъ бы повторяя доводы кальвинистовъ въ пользу того, что государь получаетъ власть отъ народа, что между нимъ и народомъ существуетъ договоръ, что въ случаѣ нарушенія послѣдняго королемъ народъ освобождается отъ присяги, что генеральные штаты могутъ судить короля, что народу надъ королемъ даже принадлежитъ право жизни и смерти, что тиранна, незаконно захватившаго власть, имѣетъ право убить всякій, что такое же право имѣетъ, наконецъ, всякій, если законнаго государя, тираннически пользующагося властью, народные представители объявятъ врагомъ общества. Трактатъ этотъ еще только-что писался, когда авторъ получилъ извѣстіе объ убіеніи самого Генриха III, и Буше прославилъ тогда въ своемъ сочиненіи „вдохновленнаго Христомъ и движимаго любовью“ монаха (Жака Клемана), ибо онъ возобновилъ дѣло Юдиѳи надъ Олоферномъ и Давида надъ Голіаѳомъ.

Генрихъ III, почти всѣми покинутый и отвергнутый послѣ убіенія Гиза,—и штатами, не желавшими больше засѣдать, и послами Филиппа II и Сикста V, оставившими его дворъ,—рѣшился на миръ съ Генрихомъ Бурбономъ и въ Плесси-Ле-Турѣ заключилъ съ нимъ договоръ, имѣвшій тотъ результатъ, что оставшіеся вѣрными королю католики соединились съ гугенотами противъ мятежныхъ папистовъ. Послѣдніе назначили главнокомандующимъ лиги герцога Майенскаго, а въ то же время папа грозилъ королю отлученіемъ, если онъ не оправдается, Сорбонна же объявила, что всякій можетъ убить тиранна, вредящаго религіи. Оба Генриха подошли къ Парижу и осадили его, но тогда же Генрихъ III и былъ убитъ Жакомъ Клеманомъ, подосланнымъ, кажется, герцогинею Монпансье, сестрою Генриха Гиза: молодому доминиканцу дали письмо къ королю; со спрятаннымъ подъ рясой отравленнымъ ножомъ онъ пришелъ въ непріятельскій лагерь, попросилъ свиданія съ Генрихомъ III, вообще довѣрявшимъ монахамъ, и нанесъ ему смертельную рану въ животъ. Черезъ нѣ-

сколько часовъ Генрихъ Валуа скончался, назначивъ своимъ преемникомъ Генриха Бурбона (1589).

Въ католическомъ лагерѣ радость по поводу убіенія „тиранна" была большая, а въ церквахъ поминали, какъ мученика, преданнаго казни цареубійцу. Сторонники Беарнца (какъ звали Генриха Бурбона) поспѣшили провозгласить его королемъ подъ именемъ Генриха IV, но Сикстъ V объявилъ, что не допуститъ его царствовать, еслибы онъ даже отказался отъ ереси; Филиппъ II даже двинулъ во Францію цѣлое войско подъ начальствомъ Александра Пармскаго; лига тоже продолжала бороться и въ 1593 г. собрала въ Парижѣ генеральные штаты, которымъ испанскій посланникъ предлагалъ отдать французскій престолъ дочери Филиппа II отъ его брака съ Елизаветой Валуа съ тѣмъ, чтобы будущая королева вышла замужъ за одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ или за одного изъ Гизовъ, но это предложеніе не было принято.

Генрихъ IV продолжалъ мужественно бороться за свое королевское право, поддерживаемый Англіей. Кромѣ энергіи гугенотовъ, ему помогали всеобщее утомленіе и голодъ въ осажденномъ Парижѣ, боязнь испанскихъ стремленій и раздробленія Франціи между вождями лигистовъ, усиленіе партіи „политиковъ" и памфлетная пропаганда, раскрывшая глаза націи на истинное положеніе дѣлъ, но только переходъ его въ католицизмъ (1593) отворилъ ему ворота столицы (1594) и снялъ (1595) съ него папское отлученіе [1]). Мы еще вернемся къ тому, какъ Генрихъ IV возстановилъ королевскую власть во Франціи, подавивъ въ ней феодально-муниципальную реакцію, а о томъ, что Филиппъ II вынужденъ былъ (1598) заключить миръ съ Генрихомъ IV, сказано было прежде [2]). Здѣсь мы ограничимся лишь отношеніями новаго короля Франціи къ вѣроисповѣдному вопросу и нантскимъ эдиктомъ, коимъ Генрихъ IV установилъ въ своемъ государствѣ свободу протестантскаго вѣроисповѣданія.

Переходъ Генриха IV въ католицизмъ былъ чисто политическимъ актомъ, такъ какъ „Парижъ стоилъ того, чтобы пойти на мессу" (Paris vaut une messe); рьяные католики поэтому не довѣряли его обращенію [3]) и составляли заговоры на его жизнь. Первый изъ нихъ относится къ 1593 г., но онъ былъ своевременно открытъ. Въ 1594 г. 19-лѣтній воспитанникъ іезуитовъ Жанъ Шатель сдѣлалъ покушеніе на жизнь Генриха IV, но только ранилъ его въ верхнюю губу, и такъ какъ слѣдствіе показало, что въ дѣлѣ были замѣшаны іезуиты, то они и

---

[1]) Ср. выше, стр. 304.

[2]) См. выше, стр. 314.

[3]) См. названное выше (стр. 343) соч. Буше, автора книги, написанной противъ Генриха III.

подверглись изгнанію (1594). Впослѣдствіи (1604), впрочемъ, они были возвращены, такъ какъ Генрихъ IV считалъ болѣе удобнымъ удержать іезуитовъ даже при дворѣ, чѣмъ подвергаться опасности тайнаго убійства [1]). Вообще на жизнь Генриха IV составлялось нѣсколько заговоровъ, и палъ онъ наконецъ, какъ извѣстно, отъ руки католика-фанатика Равальяка: онъ убилъГенриха IV, когда тотъ собирался начать новую войну (1610), и убилъ какъ были убѣждены французы, по внушенію испанскаго правительства. Дѣло въ томъ, что Генрихъ IV возвратилъ Францію къ антигабсбургской политикѣ, и для его плановъ было весьма важно, что самъ папа Климентъ VIII сталъ склоняться на сторону Франціи, ища у нея поддержки противъ испанскихъ притязаній, согласившись даже на разводъ Генриха IV съ Маргаритой Валуа и выдавъ за него замужъ свою племянницу Марію Медичи [2]). У Испаніи съ Франціей и при Филиппѣ III продолжались натянутыя отношенія, весьма понятныя, между прочимъ, при той помощи, какую французскій король оказывалъ Голландіи. Ею между прочимъ, онъ вынудилъ испанскаго короля заключить извѣстное перемиріе 1609 г., какъ разъ въ то время, какъ готовилась новая борьба, и въ Германіи уже возникали протестантская унія и католическая лига. Дѣло въ томъ, что въ концѣ своей жизни Генрихъ IV хотѣлъ соединить въ одну большую антигабсбургскую коалицію—нѣмецкихъ, нидерландскихъ, скандинавскихъ и итальянскихъ противниковъ испанско-австрійскаго владычества. Сюлли, сподвижникъ Генриха IV, его первый помощникъ въ управленіи государствомъ, въ своихъ мемуарахъ сообщаетъ даже цѣлый выработанный планъ реорганизаціи Европы, будто бы имѣвшійся въ виду королемъ, планъ раздѣлить западную Европу на 15 государствъ (шесть наслѣдственныхъ монархій, пять избирательныхъ и четыре республики) съ установленіемъ религіозной равноправности и вѣчнаго мира посредствомъ рѣшенія международныхъ споровъ на общеевропейскомъ конгрессѣ, но въ настоящее время достовѣрность сообщенія опровергается историками, изслѣдовавшими этотъ вопросъ [3]). Несомнѣнно только то, что въ 1810 г. Франція была наканунѣ войны противъ главной представительницы католической реакціи и притомъ въ союзѣ съ протестантами [4]). Кинжалъ Равальяка нанесъ ударъ Генриху IV какъ разъ въ наиболѣе удобную для реакціи минуту: рьяные католики не могли простить Генриху IV его вѣротерпимости.

Генрихъ Бурбонъ, основатель новой династіи во Франціи и воз-

[1]) Ср. выше, стр. 271.

[2]) Ср. выше, стр. 304.

[3]) См. Philippson. Westeuropa, II, 482 и слѣд.—Moritz Ritter. Die Memoiren Sullys und der grosse Plan Heinrichs IV.—Rott. Henri IV, les Suisses et l'Italie.

[4]) Объ этомъ ниже, въ концѣ слѣдующей главы.

становитель королевской власти, которая при его преемникахъ сдѣлалась вполнѣ абсолютной, дѣйствительно упрочивалъ въ государствѣ вѣротерпимость своимъ нантскимъ эдиктомъ, и внѣшняя политика его не могла быть иною, какъ антиреакціонною. Это былъ *первый государь новаго времени, ставившій государственную идею выше вѣроисповѣдной исключительности и ограниченности,* пытавшійся устроить мирное сожительство гражданъ разныхъ исповѣданій въ одномъ и томъ же государствѣ, хотя бы въ этомъ дѣлѣ онъ и имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ канцлера Лопиталя и „политиковъ", а знаменитый нантскій эдиктъ лишь повторялъ многія статьи прежнихъ эдиктовъ о терпимости. Въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ противъ себя одинаково и католическую, и протестантскую нетерпимость, а за себя—лучшихъ гражданъ обоихъ исповѣданій, не дѣлая между этими гражданами никакого различія при назначеніи на важныя должности, такъ что современники даже удивлялись, видя кальвиниста Сюлли въ качествѣ главнаго помощника католическаго короля. Переходъ самого Генриха IV въ католицизмъ естественно долженъ былъ встревожить протестантовъ, въ рукахъ коихъ было, однако, около 200 укрѣпленныхъ мѣстъ, и въ 1594 г. они даже создали свою особую организацію, какъ бы гугенотскую республику во французскомъ королевствѣ, а нѣкоторые изъ нихъ мечтали о томъ, чтобы имѣть особаго „протектора", хотя бы его пришлось искать въ Англіи или Голландіи. Между вождями гугенотовъ и королемъ начались переговоры, во время которыхъ первые требовали допущенія ко всѣмъ должностямъ наравнѣ съ католиками, содержанія ихъ духовенства и школъ на государственный счетъ, разрѣшенія публично отправлять свой культъ повсюду, равнаго числа католическихъ и реформированныхъ членовъ въ парламентахъ и другихъ судахъ и предоставленія себѣ двухсотъ укрѣпленныхъ мѣстъ съ гарнизонами, содержимыми, однако, на государственный счетъ. Соглашаясь на два первыя требованія, Генрихъ указывалъ на то, что въ нѣкоторыхъ городахъ публичный протестантскій культъ положительно невозможенъ, такъ какъ вызвалъ бы немедленно католическія возстанія, что кальвинисты, составляя десятую часть населенія, не могутъ претендовать на половину мѣстъ въ парламентахъ, и что прежніе эдикты никогда не давали протестантамъ требуемаго ими теперь количества крѣпостей. Недовольные гугеноты готовы были прибѣгнуть къ посредничеству Англіи и Голландіи, но среди самихъ ихъ не было единодушія, ибо кальвинистическое духовенство не хотѣло подчиниться дворянамъ, которые, въ качествѣ сеніоровъ [1]), играли роль въ церковномъ управленіи, и такъ какъ между гугенотской аристократіей и буржуазіей равнымъ образомъ не было солидарности.

---

[1]) Ср. выше, стр. 180.

Наконецъ, только въ 1598 г. изданъ былъ нантскій эдиктъ, почти цѣлое столѣтіе послѣ этого (1598—1685) регулировавшій положеніе французскихъ кальвинистовъ. Онъ разрѣшалъ свободное отправленіе протестантскаго богослуженія въ дворянскихъ замкахъ (числомъ 3500) съ прежними ограниченіями, въ двухъ городахъ каждаго сенешальства или бальяжа, а также во всѣхъ городахъ и деревняхъ, гдѣ оно уже установилось раньше (до 1597 г.). Онъ бралъ, далѣе, на казенный счетъ содержаніе кальвинистическаго духовенства и школъ. За протестантами признавались всѣ тѣ же права, что и за католиками: изъ-за вѣры, напр., родители не могли лишать дѣтей наслѣдства, насилуя тѣмъ ихъ совѣсть. Въ каждомъ парламентѣ учреждалась особая смѣшанная палата (chambre mi-partie, chambre de l'édit) для разсмотрѣнія спорныхъ дѣлъ. Кальвинисты допускались къ занятію всѣхъ должностей. Имъ разрѣшалось созывать религіозныя собранія (консисторіи, синоды) и даже допускать на нихъ иностранныхъ единовѣрцевъ, которые, однако, не могли появляться на политическихъ собраніяхъ, равнымъ образомъ разрѣшавшихся кальвинистамъ. Двѣсти крѣпостей, бывшія въ ихъ рукахъ, оставлялись временно (на 8 лѣтъ, потомъ еще на 4 года) въ ихъ распоряженіи, какъ places de sûreté, и король обязывался содержать на свой счетъ ихъ гарнизоны и ставить во главѣ ихъ только кальвинистовъ, пока не найдетъ другихъ средствъ для обезпеченія свободы вѣроисповѣданія протестантовъ. *По нантскому эдикту во Франціи законнымъ образомъ установлялась полная равноправность католиковъ и протестантовъ*—впервые въ ту пору, когда въ католическихъ государствахъ преслѣдовали протестантовъ, а въ протестантскихъ—католиковъ и другихъ несогласно мыслящихъ, но эта религіозная свобода имѣла сословный оттѣнокъ [1]) въ согласіи съ соціальнымъ строемъ государства и съ сословнымъ характеромъ французской реформаціи [2]). Этотъ эдиктъ установлялся властью абсолютнаго монарха въ странѣ, гдѣ господствовала нетерпимость. Бóльшая часть парламентовъ долго отказывалась вносить въ свои реестры [3]) нантскій эдиктъ. Населеніе Парижа такъ-таки и не допустило протестантскаго храма въ стѣнахъ своего города. Въ цѣлыхъ бальяжахъ, во множествѣ городовъ протестанты подвергли бы себя большой опасности, если бы только вздумали публично отправлять богослуженіе. Эта терпимость французскаго государства къ гугенотамъ сохранилась даже тогда, когда они въ двадцатыхъ годахъ слѣдующаго вѣка, при министрѣ, бывшемъ въ то же время католическимъ кардиналомъ (Ришелье), дважды воз-

---

[1]) См. выше, стр. 337—338.
[2]) См. выше, стр. 210.
[3]) Droit d'enregistrement, см. т. I, стр. 123.

ставали, обращались даже къ иностранной (англійской) помощи, были побѣждены и затѣмъ лишены своей республиканской организаціи, своихъ политическихъ собраній, своихъ крѣпостей: такъ-называемымъ „эдиктомъ милости" (édit de grâce, 1629 г.) высокій сановникъ католической церкви, какъ всесильный министръ французскаго короля (Людовика XIII), тѣмъ не менѣе оставлялъ за протестантами ихъ религіозныя права и ихъ равноправность въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ихъ установлялъ нантскій эдиктъ, и это дѣлалъ католическій прелатъ относительно побѣжденныхъ протестантовъ въ томъ самомъ году, когда въ Германіи свирѣпствовала религіозная война и католическая реакція одерживала полную побѣду [1],—дѣлалъ министръ католическаго государства, вмѣстѣ съ тѣмъ державшій на важныхъ постахъ государственной службы кальвинистовъ. Послѣ двадцатыхъ годовъ XVII в. гугеноты были уже совершенно мирными гражданами, и мало-по-малу знатныя фамиліи, составлявшія прежде силу протестантизма, стали переходить въ католицизмъ, такъ что реформированная религія сдѣлалась религіей мелкихъ дворянъ и горожанъ, „мѣщанской вѣрой". Съ самаго же начала самостоятельнаго правленія своего внукъ Генриха IV (Людовикъ XIV) началъ стѣснять права своихъ реформированныхъ подданныхъ (1665), а черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого (1685), по истеченіи 87 лѣтъ послѣ изданія нантскаго эдикта и 56 лѣтъ послѣ его вторичнаго подтвержденія онъ формально былъ уничтоженъ. Въ данномъ случаѣ торжествовала не только католическая реакція, отнюдь не желавшая признавать во Франціи существованія протестантовъ, торжествовалъ и политическій принципъ: cujus regio, ejus religio. Вѣротерпимость установлялась во Франціи абсолютною властью, видѣвшею, однако, въ утверждавшейся ею свободѣ вѣры не естественное право личности, а дарованіе королевской милости (édit de grâce): потому власть считала себя вправѣ взять назадъ эту милость при общемъ сочувствіи подданныхъ—и это послѣ того, какъ тридцатилѣтняя война заставила Германію отказаться отъ этого права государей надъ совѣстью ихъ подданныхъ (по вестфальскому миру 1648 г.), а въ Англіи индепендентское движеніе середины того же XVII в. положило начало свободѣ совѣсти на болѣе прочной основѣ, чѣмъ согласіе государства, именно на ученіи о томъ, что государство не должно и не можетъ вмѣшиваться въ дѣла вѣры. Впрочемъ, мы увидимъ, что и индепендентамъ пришлось искать гарантіи свободы совѣсти въ военной организаціи.

---

[1]) Въ 1629 г. вышелъ въ свѣтъ такъ-называемый реституціонный эдиктъ, о коемъ см. ниже.

XXVII. Реакція въ Германіи и происхожденіе тридцатилѣтней войны [1]).

Борьба католицизма съ протестантизмомъ въ первой половинѣ XVII в. — Общій взглядъ на исторію Германіи съ 1555 по 1648 г. — Протестантская Германія во второй половинѣ XVI вѣка. — Раздоры католиковъ и протестантовъ изъ-за духовныхъ владѣній. — Габсбурги и протестантизмъ въ ихъ владѣніяхъ. — Іезуиты въ Германіи и начало реакціи. — Фердинандъ Штирійскій и Максиміліанъ Баварскій. — Событія въ габсбургской монархіи при Рудольфѣ II и Матѳіи и сравненіе ихъ съ событіями въ другихъ странахъ. — Начало чешскаго возстанія. — Баварія при Максиміліанѣ I. — Нападеніе на Донаувертъ. — Унія и лига въ Германіи.

Эпохой изданія нантскаго эдикта въ одинъ годъ со смертью главнаго вождя католической политики въ почти полувѣковое его царствованіе, за которою скоро послѣдовали: кончина главной его соперницы, освободившая англійскій престолъ для шотландской династіи Стюартовъ, признаніе преемникомъ Филиппа II самостоятельности части возставшихъ противъ него Нидерландовъ и убіеніе французскаго ко-

---

[1]) Спеціальная литература по исторіи Германіи во второй половинѣ XVI в. указана въ главѣ XXIII (стр. 286), а также и ниже въ слѣд. главѣ. Для исторіи послѣднихъ годовъ XVI в. и начала XVII см. Muffat. Die Verhandlungen der protestantischen Fürsten in den Jahren 1590 und 1591 zur Gründung einer Union. — M. Ritter. Geschichte der deutschen Union von den Vorbereitungen des Bundes bis zum Tode Kaisers Rudolfs II. — Hurter. Geschichte Kaisers Ferdinands II und seiner Eltern. — A. Gindely. Geschichte der Ertheilung des böhmischen Majestätsbriefes. — Stieve. Die Politik Bayerns. — Die Reichsstadt Kaufbeuren und die bayerische Restaurationspolitik. — M. Lossen. Die Reichsstadt Donauwörth und Herzog Maximilian. — Stieve. Der Kampf um Donauwörth. — Egloffstein. Der Reichsstadt zu Regensburg im Jahre 1608. — Ritter. Sachsen und der Jülicher Erbfolgestreit. — Литература по исторіи тридцатилѣтней войны весьма обширна. Не считая стараго (1793) сочиненія Шиллера, имѣющагося и по-русски (Schiller. Geschichte des dreiszigjährigen Krieges), укажемъ на соч. Richter'a, Barthold'a (Gesch. des groszen deutch. Krieges), M. Ritter'a (Deutsche Gesch. im Zeitalt. der Gegenreform. und des dreiszigjähr. Kr.), Droysen'a (Das Zeitalt. des dr. Kr. въ Weltgeschichte Онкена), Gardiner'a (The thirty years war), Charvériat (Histoire de la guerre de Trente ans), Droysen'a (Gesch. der preusz. Politik, соотвѣтственные отдѣлы), но самая подробная исторія тридцатилѣтней войны начата Gindely (Gesch. des dr. Kr., первые три тома коей посвящены чешскому возстанію), написавшимъ и болѣе краткую исторію всей войны. Кромѣ того, существуетъ масса сочиненій біографическаго и монографическаго характера, и одинъ такъ-называемый „валленштейновскій вопросъ“ имѣетъ цѣлую спеціальную литературу, о чемъ см. обширное примѣч. проф. В. П. Бузескула въ III т. „Лекцій по всемірной исторіи“ Петрова (стр. 196—199). Эти біографіи и монографіи указываются ниже.

роля, который началъ свою политическую карьеру въ качествѣ главы протестантской партіи,—этой эпохой можно окончить второй отдѣлъ реформаціоннаго періода, начавшагося съ аугсбургскаго религіознаго мира, вообще съ той поры, когда произошло быстрое распространеніе кальвинизма и параллельно съ этимъ возникла и организовалась католическая реакція. Папство, Филиппъ II, Гизы потерпѣли неудачу въ своихъ стремленіяхъ, направленныхъ противъ протестантизма въ Шотландіи, Франціи, Нидерландахъ и Англіи, не смотря на іезуитскія интриги, на терроръ Альбы, на варѳоломеевскую ночь, на непобѣдимую армаду. Въ первой половинѣ XVII в. реакція дѣлаетъ новую попытку подавить протестантизмъ, но на этотъ разъ главною сценою борьбы дѣлается Германія, главными представителями католицизма— австрійскіе Габсбурги, а на защиту протестантизма выступаетъ Швеція, т.-е. *въ первой половинѣ XVII в. на новой сценѣ и съ новыми дѣйствующими силами повторяется все та же борьба католицизма и протестантизма, которая во второй половинѣ XVI в. происходила въ странахъ болѣе отдаленнаго Запада*, конечно, съ отличіями, вытекавшими изъ мѣстныхъ причинъ и особыхъ обстоятельствъ историческаго момента. О связи между обѣими эпохами религіозныхъ войнъ сказано было выше, и мы не будемъ возвращаться къ этому предмету [1]).

Исторія тридцатилѣтней войны, какъ международной борьбы, въ которой участвовала почти вся западная Европа и выступали не только религіозныя противоположности, но и политическіе интересы разныхъ странъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ исторія происходившаго въ Германіи междоусобія, въ коемъ играли роль не одна распря между католиками и протестантами, а и столкновеніе князей съ императоромъ, и своекорыстныя стремленія отдѣльныхъ княжествъ, отличается крайнею сложностью, тѣмъ большею еще, что эта послѣдняя борьба двухъ враждебныхъ вѣроисповѣданій, втянувшая въ войну многія страны съ ихъ особыми интересами и сдѣлавшая ея театромъ Германію, подготовлялась издавна и притомъ не только въ связи со сложными и безъ того отношеніями между разными европейскими государствами, но и въ связи съ довольно запутанными отношеніями, существовавшими въ самой Германіи. Одно это должно было бы заставить насъ ограничиться лишь общимъ очеркомъ этой войны, такъ какъ малѣйшая попытка войти въ бóльшія подробности неминуемо повлекла бы за собою необходимость слишкомъ расширить рамки нашего изложенія. Но есть и другія причины, которыя позволяютъ намъ предпочесть общій обзоръ болѣе подробному разсказу. *Судьба религіозной реформаціи и вмѣстѣ съ этимъ политическаго устройства Германіи*

---

[1]) См. выше, начало главы XXIV.

была рѣшена уже въ первой половинѣ XVI вѣка, такъ что вся дальнѣйшая исторія Германіи заключалась уже въ постановленіяхъ аугсбургскаго мира 1555 г., узаконившаго раздѣленіе и Германіи на католическую и протестантскую, и преобладаніе въ ней княжеской власти: въ сущности ни событія второй половины XVI в., ни тридцатилѣтняя война не измѣнили этого положенія, хотя католической реакціи и тутъ удалось одержать немало побѣдъ надъ протестантизмомъ. Къ серединѣ XVI в. выяснился и характеръ нѣмецкой реформаціи, когда въ другихъ странахъ только-что начиналось кальвинистическое движеніе, благодаря чему въ исторіи реформаціоннаго движенія до пятидесятыхъ годовъ XVI в. главный интересъ сосредоточивается на Германіи, послѣ этого времени — на государствахъ болѣе отдаленнаго Запада. Политическія и соціальныя движенія подъ знаменемъ религіозныхъ идей равнымъ образомъ распредѣляются такъ, что въ Германіи онѣ относятся преимущественно къ двадцатымъ годамъ XVI в., въ другихъ государствахъ—лишь ко второй половинѣ этого столѣтія. Въ Германіи оставался нерѣшеннымъ только одинъ вопросъ—объ отношеніи между императоромъ и князьями, но ему суждено было, по условіямъ нѣмецкой политической жизни, рѣшаться не общественными силами, а самими правительствами, а это-то именно и произошло во времена тридцатилѣтней войны, почему въ нѣмецкой усобицѣ первой половины XVII в. почти не было *того* политическаго элемента, который отразился на кальвинистической политической литературѣ въ Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ, такъ какъ политическая оппозиція возникла главнымъ образомъ только въ Австріи, да въ ненѣмецкихъ Венгріи и Чехіи. Если уже указывать на страну, представляющую наибольшій интересъ въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ реформаціоннаго періода, то такою страною будетъ Англія, гдѣ только въ первой половинѣ XVII в. происходитъ религіозно-политическое движеніе, аналогичное тѣмъ, какія были въ Германіи въ первой половинѣ XVI в., въ Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ—во второй половинѣ того же столѣтія: здѣсь именно получаетъ развитіе новая форма протестантизма (индепендентство) [1]) и совершается борьба въ его собственныхъ нѣдрахъ (англиканская церковь, пресвитеріанство и индепендентство), передъ которою блѣднѣютъ богословскіе споры въ Германіи и Нидерландахъ и раздоры лютеранъ съ кальвинистами въ первой странѣ или двухъ фракцій кальвинизма въ другой [2]), а одно-

---

[1]) О зарожденіи его въ XVI в. см. выше, стр. 228 и слѣд.

[2]) Въ Голландіи Арминій, проф. лейденскаго университета, началъ смягчать суровое ученіе Кальвина (догматъ о предопредѣленіи, теократическія стремленія, религіозную нетерпимость), но встрѣтилъ отпоръ въ другомъ про-

временно съ этимъ происходитъ и такое столкновеніе націи съ королевскою властью, въ сравненіи съ коимъ не могутъ идти ни событія нѣмецкой политической исторіи въ первой половинѣ XVI в., ни политическая борьба въ Шотландіи и Франціи и даже въ Нидерландахъ. Вотъ почему главный интересъ реформаціоннаго движенія, сосредоточивавшійся въ первой половинѣ XVI столѣтія на исторіи Германіи, во второй—на исторіи Шотландіи, Франціи и Нидерландовъ, въ XVII вѣкѣ сосредоточивается на исторіи Англіи. Затѣмъ у тридцатилѣтней войны остается ея значеніе въ общеевропейской международной политикѣ, но рѣшительное преобладаніе, даваемое нами внутренней исторіи передъ внѣшнею, заставляетъ насъ останавливаться на послѣдней главнымъ образомъ лишь по ея отношенію къ внутреннему культурно-соціальному развитію, бывшему въ занимающую насъ эпоху преимущественно развитіемъ религіозно-политическимъ. Наконецъ, самый планъ, положенный въ основу нашего изложенія, не позволяетъ останавливаться особенно подробно на томъ, что въ цѣломъ исторической эволюціи не имѣетъ первостепеннаго значенія. Важно въ нѣмецкой исторіи особенно только то, что имѣетъ отношеніе къ исторіи вѣротерпимости, и лишь это заставляетъ насъ предпослать исторіи тридцатилѣтней войны—очеркъ событій въ Германіи отъ аугсбургскаго мира до ея начала.

Протестантизмъ продолжалъ усиливаться и распространяться въ Германіи и послѣ названаго религіознаго мира, но вмѣстѣ съ этимъ стала между прочимъ усиливаться и католическая реакція, преимущественно благодаря іезуитамъ, о которыхъ императоръ Фердинандъ I (1556—1564) говорилъ, что лишь они одни были бы въ состояніи спасти „жалкіе остатки" (reliquia miserabilia) католицизма. Успѣху этой реакціи, доведшей и Германію до страшной религіозной войны, весьма много содѣйствовало то, что происходило въ самомъ нѣмецкомъ протестантскомъ мірѣ. *Главныя явленія въ исторіи нѣмецкаго протестантизма во второй половинѣ XVI в. сводятся къ деспотическому вмѣшательству князей въ церковныя дѣла, къ утвержденію въ лютеранизмѣ сухого формализма и нетерпимости и къ мелочнымъ богословскимъ спорамъ и религіознымъ раздорамъ.* „Cujus regio, ejus religio" открывало широко дверь княжескому произволу: пфальцскіе курфюрсты не одинъ разъ мѣняли религію, переходя изъ лютеранства въ кальвинизмъ и обратно и заставляли своихъ подданныхъ слѣдовать за ними; князья вводили у себя нѣсколько отличныя одна

фессорѣ того же университета Гомарѣ, рьяномъ кальвинистѣ. Въ Голландіи образовались партіи арминіанъ и гомаристовъ, раздѣлившіяся и въ политическомъ отношеніи и ведшія между собою ожесточенную борьбу.

отъ другой формулы вѣры, переходя отъ одной къ другой, принуждая населеніе принимать эти формулы и запрещая у себя полемику противъ установленнаго церковнаго порядка, который, однако, ничѣмъ не гарантировался отъ новыхъ измѣненій; если князья входили въ соглашенія между собою, то па подданныхъ это отражалось новыми религіозными притѣсненіями. Рядомъ съ княжескимъ произволомъ дѣйствовала теологическая нетерпимость. Гуманистическое направленіе, какое принимала духовная культура нѣмецкой націи, еще ранѣе начинало уже уступать мѣсто направленію схоластическому, которое проникло въ лютеранскую теологію, но теперь мертвый формализмъ все болѣе и болѣе начиналъ господствовать надъ умами, направлявшими свою дѣятельность на разрѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, съуживая послѣдніе, внося въ ихъ разработку схоластицизмъ, выдвигая на первый планъ мелочи; помимо же теологическихъ вопросовъ, мало чѣмъ интересовались въ это время, такъ что уже тогда и въ самомъ протестантскомъ мірѣ начиналось то пониженіе культуры, которое окончательно было произведено католической реакціей и тридцатилѣтнимъ междоусобіемъ. При такомъ направленіи церковная каѳедра служила не столько дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, сколько теологической полемикѣ съ противномыслящими, да и вообще споры между теологами разныхъ оттѣнковъ овладѣвали общественнымъ вниманіемъ, благодаря развитію богословско-полемической литературы, пріучая, конечно, и свѣтское общество къ формализму, мелочности и нетерпимости. Послѣдняя была особенно велика въ лютеранскомъ лагерѣ. Вражда, какою еще Лютеръ встрѣтилъ цвингліанство, была теперь перенесена на кальвинизмъ, который сталъ распространяться также и въ Германіи, несмотря на то, что аугсбургскій миръ давалъ равноправность съ католиками лишь однимъ лютеранамъ, прямо исключивъ изъ нея реформатовъ. По смерти Лютера Меланхтонъ [1]) сдѣлался главнымъ представителемъ лютеранизма, но его уступчивость кальвинистамъ не только въ безразличныхъ формальностяхъ, но и въ толкованіи евхаристіи, вызвала противъ него и „филиппистовъ“ (т.-е. его послѣдователей, такъ какъ его имя было Филиппъ) оппозицію правовѣрныхъ лютеранъ. Центромъ послѣдней сдѣлался іенскій университетъ, во главѣ фанатиковъ котораго сталъ нѣкій Флацій [2]): эта полемика іенскихъ и виттенбергскихъ богослововъ, вполнѣ соотвѣтствовавшая враждѣ эрнестинской, альбертинской саксонскихъ княжескихъ линій, подданными коихъ были противники, еще болѣе усилилась, когда Меланхтонъ отступилъ отъ ученія Лютера о благодати, допустивъ, что собственное влеченіе человѣческой

---

[1]) K. Hartfelder. Philipp Melanchton.

[2]) Preger. Mathias Flacius Illiricus und seine Zeit.

воли содѣйствуетъ ея полученію (синергизмъ). Въ этой и другихъ подобныхъ распряхъ принимали участіе и князья, и имперскіе города: напр., съ Бременомъ за склонность его къ кальвинизму, который и былъ тамъ введенъ, нѣкоторые города разорвали свои торговые договоры. Когда курфюрстъ пфальцскій Фридрихъ III принялъ кальвинизмъ („Гейдельбергскій катехизисъ", 1563), лютеране на имперскомъ сеймѣ потребовали исключенія его изъ числа государей, коимъ миромъ 1555 г. гарантирована была защита отъ религіозныхъ враговъ, а ортодоксальные богословы стали особенно неистовствовать противъ „филиппизма", или „скрытаго кальвинизма" (криптокальвинизма), продолжавшаго существовать и по смерти Мелахтона (1560) и даже утвердившагося въ курфюршествѣ саксонскомъ (Corpus doctrinae Philippicum sive Misnicum, т.-е. Мейсенскій). Эти богословы разъяснили ничего не понимавшему въ теологіи курфюрсту Августу, что онъ губитъ душу свою ересью, и вотъ началась въ Саксоніи страшная лютеранская реакція противъ яда кальвинизма съ изгнаніями, тюремными заключеніями, пытками и т. п., ибо курфюрстъ „хотѣлъ, какъ самъ онъ объявилъ, держать лишь такихъ слугъ, которые исповѣдуютъ ту же вѣру, что́ и онъ". Лютеранскимъ раздорамъ соотвѣтствовали кальвинистическіе въ Пфальцѣ, гдѣ суровый женевскій режимъ вызвалъ противъ себя оппозицію, встрѣтившую сочувствіе въ Англіи и Шотландіи [1]), и гдѣ фанатики обвиняли своихъ противниковъ въ социніанизмѣ. Послѣ того какъ умеръ курфюрстъ пфальцскій Фридрихъ III, введшій у себя кальвинизмъ, а его преемникъ, Людвигъ, возвратилъ свое княжество лютеранизму, главные богословскіе представители послѣдняго составили „формулу согласія" (Concordienformel) въ духѣ строгой ортодоксальности и предложили ее принять князьямъ и городамъ, но на нее не соглашались отдѣльные священники и богословы въ княжествахъ и городахъ, ее подписавшихъ, какъ и нѣкоторые князья и города. Это не помѣшало обнародовать формулу въ Дрезденѣ (1580) съ подписями 86 государей и городскихъ правительствъ, а введенію ея сопровождаться новыми преслѣдованіями несогласно мыслящихъ. Вскорѣ Людвигъ пфальцскій умеръ, и опекунъ малолѣтняго его преемника снова перевелъ его княжество изъ лютеранства въ кальвинизмъ; затѣмъ и саксонскій курфюрстъ, женившись на дочери князя ангальтскаго, который отвергъ формулу, сталъ менѣе ревностно ее поддерживать, за что лютеранскіе фанатики стали осыпать его бранью. Таковы были отношенія въ протестантскомъ мірѣ въ первыя же десятилѣтія послѣ религіознаго

---

[1]) Фанатики и тамъ называли менѣе суровыхъ кальвинистовъ эрастіанцами, по имени гейдельбергскаго профессора и врача Эраста.

мира. *Для католической реакціи было какъ нельзя болѣе на руку такое состояніе протестантизма*, и если тѣмъ не менѣе послѣдній продолжалъ распространяться, то, съ одной стороны, это указывало на еще большее разложеніе, господствовавшее въ католицизмѣ, а съ другой—объяснялось существованіемъ нѣкоторыхъ выгодъ, сопряженныхъ съ переходомъ въ протестантизмъ. Кромѣ того, *раздоры въ протестантскомъ лагерѣ объясняютъ намъ недружное его дѣйствіе въ началѣ тридцатилѣтней войны, новые же переходы въ протестантизмъ были одною изъ причинъ особаго ожесточенія католиковъ.* Съ самаго религіознаго мира между католическими и протестантскими чинами имперіи происходили именно пререканія изъ-за секуляризаціи. Дѣло въ томъ, что аугсбургскій миръ утвердилъ лишь тѣ ея случаи, которые были совершены до пассаускаго договора (1552 г.), но относительно другихъ опредѣленнаго постановленія не было, и только императоръ личнымъ своимъ распоряженіемъ объявилъ, что духовный князь, переходящій въ протестантизмъ, утрачиваетъ вмѣстѣ съ саномъ и соединенныя съ иимъ владѣнія [1]): вотъ католики и настаивали на этомъ правилѣ, утверждая, что протестантъ не можетъ быть епископомъ или аббатомъ, а протестанты говорили, что епископы и аббаты владѣютъ землями не какъ духовные сановники, а какъ имперскіе князья, коимъ никто не можетъ помѣшать переходъ въ протестантизмъ. Отсюда возникала масса споровъ, такъ какъ церковныя земли то и дѣло переходили въ руки протестантовъ. Но распри до войны еще не доходили; только неудовольствіе накоплялось среди однихъ на существованіе статьи, мѣшавшей, хотя чисто теоретически, распространенію протестантизма, среди другихъ—на частыя нарушенія этой статьи.

Братъ Карла V, выбранный послѣ него въ императоры, и сынъ послѣдняго Максимиліанъ II (1564—1576) были миролюбивы и вѣротерпимы, первый, наученный опытомъ старшаго брата, второй, возбудивъ даже предположеніе о возможности своего перехода въ аугсбургское исповѣданіе. По всей вѣроятности, отъ этого шага Максимиліана II воздерживали не религіозныя причины: священная Римская имперія нѣмецкой націи была связана съ католическою церковью; самъ Максимиліанъ, какъ Габсбургъ, какъ двоюродный братъ Филиппа II, женатый на дочери Карла V и выдавшій свою дочь Анну за испанскаго короля, подчинялся шедшему изъ Мадрида политическому вліянію; далѣе, католики указывали ему на то, что отступленіе отъ св. церкви ведетъ за собою раздоры, ссылаясь на религіозныя войны, на распри лютеранъ съ кальвинистами; наконецъ, и та политическая борьба, какую въ его время вели протестанты внѣ Германіи противъ

---

[1]) См. выше, стр. 148.

своихъ государей, не могла, конечно, располагать императора въ пользу разрыва съ церковью. Тѣмъ не менѣе онъ отличался вѣротерпимостью и даже ходатайствовалъ передъ Филиппомъ II за болѣе мягкую политику въ Нидерландахъ, а курфюрсту саксонскому совѣтовалъ быть снисходительнѣе по отношенію къ криптокальвинистамъ. Благодаря такому отношенію габсбургскихъ государей къ религіозному вопросу, протестантизмъ распространялся въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ, и *продолжай преемники Фердинанда I и Максимиліана II дѣйствовать въ ихъ духѣ, габсбургская политика раздвоилась бы и одною изъ побѣдъ католической реакціи было то, что она перетянула австрійскихъ Габсбурговъ на сторону испанскихъ.* Но и другіе германскіе государи этого времени отличались вѣротерпимостью, и даже въ Баваріи герцогъ Альбрехтъ, зять Фердинанда, дозволялъ протестантское богослуженіе и самъ слушалъ проповѣди одного лютеранскаго пастора, долго жившаго при дворѣ Максимиліана II,—въ той самой Баваріи, которая раньше была противъ реформаціи, а позднѣе сдѣлалась главою католической лиги. Вообще *католики до усиленія іезуитской реакціи отличались въ Германіи меньшею нетерпимостью, чѣмъ сами протестанты:* и на первыхъ Габсбургахъ младшей линіи это положительно сказывалось, и вездѣ строгій католицизмъ держался такъ плохо, что всей Германіи пророчили современемъ переходъ въ протестантизмъ,—отвращавшій теперь многихъ своею нетерпимостью и своими раздорами.

Распространеніе нововѣрія въ габсбургскихъ владѣніяхъ—фактъ вдвойнѣ интересный: онъ свидѣтельствуетъ о терпимости государей, а съ другой стороны, имѣетъ близкое отношеніе къ возникновенію тридцатилѣтней войны [1]). Въ Чехіи, выбравшей въ свои короли (1526) Фердинанда, уже раньше существовало близкое къ протестантизму иновѣріе (гуситство), даже сильно поднявшее голову во время шмалькальденской войны а при Максимиліанѣ II большинство дворянъ и горожанъ уже не были католиками. И въ Венгріи, тоже принявшей габсбургскаго короля въ лицѣ Фердинанда, при немъ и при его сынѣ большіе успѣхи сдѣлали лютеранство—среди нѣмецкихъ колонистовъ—и кальвинизмъ—среди самихъ мадьяръ, среди магнатовъ, мелкаго дворянства и городовъ. Ко времени вступленія на престолъ Рудольфа II (1576) почти все дворянство и почти всѣ города Нижней и Верхней Австріи также исповѣдовали протестантскую вѣру. Въ Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ равнымъ образомъ было много протестантовъ. Максимиліанъ II положительно удостовѣрялъ ненарушимость свободы аугсбургскаго богослу-

---

[1]) По исторіи Австріи есть, конечно, отдѣльныя сочиненія, между коими см. нѣм. ист. Krones'а, A. Huber'а и др., на французскомъ языкѣ Leger. Сочиненія по исторіи реформаціи въ Чехіи и Венгріи указаны выше, на стр. 13.

женія въ эрцгерцогствѣ Австріи и утраквистскаго въ земляхъ чешской короны, а въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ сдѣлалъ то же самое его братъ Карлъ, коему достались эти земли [1]), отецъ Фердинанда Штирійскаго, одного изъ героевъ тридцатилѣтней войны.

Со вступленіемъ на престолъ Рудольфа II (1576) отношеніе императорской власти къ иновѣрію измѣнилось. При этомъ вяломъ и апатичномъ государѣ, занимавшемся только астрологіей и алхиміей, католическая реакція была уже въ полномъ ходу, подготовленная предшествовавшей дѣятельностью іезуитовъ, которые передъ этимъ имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлую четверть вѣка [2]), пользуясь всѣми средствами для борьбы съ протестантами и для воспитанія будущихъ борцовъ за интересы католицизма. Сначала Баварія, гдѣ они овладѣли ингольштадтскимъ университетомъ, потомъ Австрія, въ которой они захватили столичный университетъ, подъ ихъ вліяніемъ пошли по дорогѣ крайней реакціи. Въ Баваріи началось гоненіе на все протестантское, и дозволенная для міранъ чаша была опять отнята у народа [3]), а протестантскіе депутаты не были болѣе допускаемы въ засѣданія ландтага (1563). Въ ингольштадтскомъ университетѣ воспитались и два главные дѣятеля тридцатилѣтней войны, двоюродный братъ Рудольфа II Фердинандъ Штирійскій (впослѣдствіи императоръ) и Максиміліанъ Баварскій (впослѣдствіи глава католической лиги), еще въ молодыхъ годахъ поклявшіеся истреблять протестантизмъ. Въ 1596 г. 18-лѣтній Фердинандъ сдѣлался штирійскимъ княземъ, съѣздилъ въ скоромъ времени послѣ этого въ Италію, посѣтилъ Лоретто, гдѣ передъ знаменитой иконой Богоматери далъ клятву въ вѣчной ненависти къ еретикамъ и, пріѣхавъ въ Грацъ, запретилъ протестантское богослуженіе, прогналъ проповѣдниковъ, отнялъ должности у лютеранъ, заставилъ своихъ подданныхъ или переходить въ католицизмъ, или выселяться, говоря, что свобода вѣроисповѣданія, данная его отцомъ мѣстному дворянству, была личной уступкой покойнаго, отнюдь для него самого необязательною. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Рудольфъ II, еще ранѣе начавшій искорененіе протестантизма въ

---

[1]) Фердинандъ I отдалъ Максимиліану II Венгрію, Богемію и Австрію, которыя не должны были одно отъ другого отдѣляться, второму сыну—Тироль съ юго-западными владѣніями въ Германіи, а третьему сыну (Карлу)—Штирію, Каринтію, Крайну и Герцъ. Рудольфъ II и Матвѣй, царствовавшіе послѣ Максимиліана II, были его сыновья, а Фердинандъ II—сынъ Карла Штирійскаго отъ брака съ Изабеллою Баварской, теткою Максимиліана Баварскаго. Это примѣчаніе необходимо для пониманія послѣдующаго.

[2]) См. выше, стр. 271.

[3]) Объ этомъ эпизодѣ A. Knöpfler. Die Kelchbewegung in Bayern unter Herzog Albrecht V.

Австріи, Чехіи и Венгріи. Въ Австріи протестантскіе члены ландтаговъ (верхнеавстрійскаго и нижнеавстрійскаго) даже заключили между собою союзъ (1603) для защиты своей свободы, на что католики отвѣтили своимъ союзомъ (1605). Въ Чехіи, кромѣ католицизма, допускался только утраквизмъ, согласный съ базельскими компактатами [1]). Въ Венгріи произошло даже національное возстаніе, и мадьяры обратились съ просьбою о защитѣ къ туркамъ. Сами габсбургскіе принцы нашли нужнымъ отнять у Рудольфа правленіе въ пользу его брата Матѳія, и такъ какъ сословные чины отдѣльныхъ частей монархіи становились также на сторону послѣдняго, то чтобы удержать за собою хоть Чехію, Матѳій далъ ей знаменитую грамоту величества.

Такимъ образомъ въ самомъ габсбургскомъ домѣ въ Австріи произошелъ разладъ, и католическая реакція отъ этого проигрывала. Рудольфъ II вынужденъ былъ (1608) формально уступить Матѳію всѣ свои владѣнія, кромѣ Чехіи, и объявить его своимъ наслѣдникомъ въ послѣдней, а Матѳій, съ своей стороны, долженъ былъ подтвердить религіозныя и политическія права венгерскаго дворянства и дать (1609) австрійскимъ протестантамъ грамоту („резолюцію"), по коей всѣ жители эрцгерцогства Австріи получали свободу вѣроисповѣданія, а дворяне, сверхъ того, и свободу богослуженія въ своихъ имѣніяхъ. Чеховъ Рудольфъ II удержалъ за собою только обѣщаніемъ отдать на разсмотрѣніе ихъ сейма религіозный вопросъ; сначала онъ не соглашался было на сдѣланныя ими предложенія, но чехи приготовились къ возстанію, и Рудольфъ II уступилъ, подписавъ составленный сеймомъ актъ, получившій названіе „грамоты величества" (1609). Этимъ закономъ католики, утраквисты (подъ коими разумѣлись въ Чехіи и протестанты другихъ исповѣданій) и чешскіе братья сравнивались въ правахъ съ католиками безъ различія сословій, въ обезпеченіе же этого акта чехи-протестанты получили право выбрать комитетъ изъ 24 дефенсоровъ (по 8 отъ трехъ сословій), которые не только управляли бы ихъ религіозными дѣлами (и пражскимъ университетомъ), но и могли бы созывать представительное собраніе своихъ единовѣрцевъ, собирать войско и взимать налоги для его содержанія. Въ этихъ событіяхъ происходившихъ въ габсбургскихъ владѣніяхъ въ самомъ началѣ XVII в., нельзя не видѣть аналогіи съ тѣмъ, что совершалось въ другихъ государствахъ во второй половинѣ XVI в., гдѣ католическія правительства толкали протестантскихъ подданныхъ на путь политической оппозиціи, и гдѣ реформаціонное движеніе сопровождалось сопротивленіемъ сословно-представительныхъ учрежденій королевскому абсолютизму. Въ частности религіозная свобода и тутъ, какъ и во Франціи, получала со-

[1]) Томъ I, глава XLII.

словный характеръ, для обезпеченія же правъ, данныхъ чешскимъ протестантамъ грамотою величества, Рудольфъ II вынужденъ былъ имъ дать особую гарантію, признавъ цѣлую политическую ихъ организацію, согласившись на учрежденіе сословнаго комитета дефенсоровъ. Чешское движеніе приняло особенно оппозиціонный характеръ. Въ концѣ-концовъ чехи отложились и отъ Рудольфа II, сдѣлавъ королемъ своимъ Матѳія (1611), хотя и ошиблись въ расчетѣ, думая, что онъ передастъ правленіе протестантамъ. Рудольфъ II, всѣми покинутый, умеръ въ 1612 г. Курфюрсты избрали въ императоры Матѳія, царствованіе котораго собственно въ габсбургскихъ земляхъ прошло въ пререканіяхъ съ областными чинами, стремившимися отстоять свободу отъ абсолютизма, такъ какъ Матѳій думалъ утвердить его въ своей монархіи, предпринимая и мѣры, направленныя къ стѣсненію религіозной свободы. Для спасенія владѣній габсбургскаго дома отъ грозившаго монархіи распаденія австрійскіе эрцгерцоги назначили Матѳію опекуна въ лицѣ Фердинанда Штирійскаго, какъ наиболѣе способнаго изъ всѣхъ габсбургскихъ принцевъ, но онъ началъ примѣнять и въ Чехіи тѣ мѣры, которыя уже съ успѣхомъ проводились имъ въ Штиріи. Извѣстно, что въ 1618 г. онъ приказалъ въ Чехіи разрушить одну протестантскую церковь, а другую закрыть послѣ ряда другихъ мѣръ, указывавшихъ на крайне реакціонныя намѣренія правительства. Это заставило дефенсоровъ созвать представителей чешскихъ протестантовъ на совѣщаніе о средствахъ, къ какимъ нужно было бы прибѣгнуть для защиты религіи. Рѣшили сначала жаловаться правительственному совѣту, оставленному Матѳіемъ въ Прагѣ; послѣ отказа съ его стороны, послали жалобу самому королю, но отвѣтъ его заключалъ въ себѣ порицаніе протестантскому съѣзду за его поведеніе и запрещеніе его повторять съ угрозою принять строгія мѣры противъ повторенія незаконныхъ поступковъ. Дефенсоры тѣмъ не менѣе созвали второй съѣздъ, и тогда произошла знаменитая „дефенестрація“ двухъ членовъ совѣта, Мартиница и Славаты, коихъ подозрѣвали въ томъ, что ими были внушены королевскія распоряженія и отвѣтъ на жалобу съѣзда. Послѣ этого протестантскій съѣздъ принялъ на себя права чешскаго сейма и, увѣряя въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, послалъ Матѳію оправданіе своихъ поступковъ тѣмъ, что дѣйствовалъ онъ такимъ образомъ не противъ него, а противъ нарушителей ихъ религіозныхъ правъ. Во главѣ этой оппозиціи стояли магнаты и дворяне,—причемъ отъ протестантовъ не отставали и католики,—а затѣмъ къ возстанію, начатому аристократіей, примкнули и горожане. Въ самомъ началѣ чешской революціи, сдѣлавшейся, какъ извѣстно, началомъ тридцатилѣтней войны, умеръ (1619) Матѳій, и почти одновременно курфюрсты выбрали въ императоры Фердинанда Штирійскаго (28 августа 1619), а чешскій сеймъ низложилъ его съ престола Чехіи и передалъ королевскую власть

(сильно ограниченную въ пользу сейма) курфюрсту пфальцскому Фридриху V. Такимъ образомъ *въ началѣ XVII в. и австрійскіе Габсбурги своимъ католическимъ фанатизмомъ и стремленіемъ къ абсолютизму довели часть своихъ подданныхъ до открытаго возстанія и даже до отложенія отъ ихъ власти*, и если чешскія событія, приведшія при Рудольфѣ II къ грамотѣ величества, были какъ бы повтореніемъ того, что происходило во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, то въ возстаніи 1618 г. Чехія шла уже по стопамъ Нидерландовъ, низложивъ австрійскаго Габсбурга и выбравъ на его мѣсто другого государя совершенно такъ же, какъ четырьмя десятилѣтіями раньше поступили нидерландскіе генеральные штаты, когда объявили испанскаго Габсбурга лишеннымъ власти и призвали для своей защиты Вильгельма Оранскаго, сильно ограничивъ власть новаго правителя. Но чехи, боровшіеся за религіозную и политическую свободу, не были такъ счастливы, какъ голландцы: союзниковъ и помощниковъ у нихъ не было, тогда какъ Фердинандъ II могъ расчитывать на помощь Испаніи [1]) и Польши, на нейтралитетъ Франціи, правительство коей (Людовикъ XIII) не хотѣло воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Габсбурговъ, ибо видѣло въ чехахъ мятежныхъ подданныхъ и враговъ католической церкви; сверхъ того Фердинандъ былъ выбранъ въ императоры, что заинтересовало въ чешскомъ дѣлѣ Германію, а здѣсь тогда уже существовала грозная католическая сила въ видѣ лиги князей подъ главенствомъ Максимиліана Баварскаго. Начавшаяся война не могла быть локализирована въ одной Чехіи: она должна была сдѣлаться сначала общегерманской, потомъ, общеевропейской.

Пока происходило подавленіе протестантизма при Рудольфѣ II и Фердинандѣ Штирійскомъ въ габсбургскихъ владѣніяхъ, въ католической Германіи также усиливалась реакція, примѣръ коей, какъ мы видѣли, былъ поданъ Баваріей. Выше былъ уже названъ [2]) двоюродный братъ Фердинанда II Максимиліанъ Баварскій, учившійся у іезуитовъ въ ингольштадтскомъ университетѣ. Еще очень молодымъ человѣкомъ (20 лѣтъ) онъ побывалъ въ Римѣ, чтобы представиться папѣ и поговорить съ нимъ о дѣлахъ церкви, а когда ему исполнилось 24 года (1597), отецъ его Вильгельмъ V, уже начавшій реставрацію католицизма въ Баваріи, передалъ ему управленіе этимъ герцогствомъ. Молодой князь Максимиліанъ I оказался искуснымъ правителемъ, улучшивъ администрацію, поправивъ финансы, набравъ

---

[1]) Испанскими Нидерландами въ это время правилъ эргерцогъ австрійскій Альбрехтъ (ум. 1621), младшій братъ Рудольфа II и Матѳія, слѣдовательно, кузенъ Фердинанда II.

[2]) См. выше стр. 359. Aretin. Geschichte des Kurfürsten Maximilians I.

войско изъ своихъ подданныхъ, а не изъ наемниковъ, что было удобнѣе, но вмѣстѣ съ этимъ подчинилъ всю жизнь страны какъ полицейскому надзору своимъ правительственнымъ уставомъ (Landrecht-, Polizei-, Gerichts- und Malefiz-Ordnung 1616 г), такъ и іезуитской опекѣ; при немъ быстро гегемонія въ католической Германіи перешла къ Баваріи отъ Австріи [1]). Скоро онъ сталъ внушать опасенія протестантамъ. Лютеранскій городъ Донаувёртъ, нѣкогда принадлежавшій Баваріи, но давно уже (съ императора Альбрехта I) сдѣлавшійся имперскимъ, имѣлъ въ своихъ стѣнахъ независимый отъ мѣстной власти католическій монастырь, подчинявшійся епископу аугсбургскому. Аббатъ этого монастыря возобновилъ крестные ходы по улицамъ, отмѣненные его предшественникомъ во избѣжаніе непріятностей, и вѣнскій Reichshofrath, конкурировавшій съ имперскимъ судомъ [2]), безъ всякаго права предписалъ городскимъ властямъ не мѣшать этимъ процессіямъ подъ страхомъ наказанія, но однажды (1606) между католиками, пришедшими изъ окрестностей, и протестантскими жителями города во время подобнаго хода произошла драка, вслѣдствіе чего Максимиліанъ захватилъ (1607) городъ и поставилъ въ немъ свой гарнизонъ. Это дѣло послужило предметомъ раздора между протестантскими и католическими чинами на собравшемся въ 1608 г. имперскомъ сеймѣ. Въ томъ же году протестантскіе князья заключили между собою унію, сдѣлавъ ея директоромъ и главнокомандующимъ ея войсками курфюрста пфальцскаго Фридриха IV (14 мая), а черезъ два мѣсяца (10 іюля) въ Мюнхенѣ была заключена Максимиліаномъ съ сосѣдними духовными князьями католическая лига, къ коей, спустя шесть недѣль присоединились духовные курфюрсты, потомъ и Фердинандъ Штирійскій, въ слѣдующемъ же году лига признала протекторомъ своимъ испанскаго короля, который обязался давать ей денежную субсидію, хотя фактическимъ распорядителемъ ея силъ былъ попрежнему Максимиліанъ Баварскій, положившій начало союзу. Такимъ образомъ *въ началѣ XVII в. Германія возвращалась къ политикѣ, которая привела ее къ шмалькальденской войнѣ*, и между обѣими враждебными силами, т.-е. между уніей и лигой, чуть было не вспыхнула общая война тогда же по слѣдующему поводу. Въ 1609 г. умеръ бездѣтнымъ владѣлецъ территоріи, состоявшей изъ трехъ герцогствъ (юлихскаго, клевскаго и бергскаго) и двухъ графствъ (маркскаго и равенсбергскаго). Изъ-за наслѣдства начались споры, но младшій братъ Фердинанда (тогда еще герцога штирійскаго) Леопольдъ захватилъ Юлихъ и сталъ просить помощи у духовныхъ курфюрстовъ и Испаніи, но унія, увеличившаяся при-

---

[1]) О старомъ соперничествѣ обѣихъ, см. выше, стр. 142.

[2]) См. выше, стр. 23—24.

соединеніемъ новыхъ членовъ, рѣшилась этому воспрепятствовать, точно такъ же, какъ и Генрихъ IV, не желавшій допустить усиленія Габсбурговъ; поэтому унія и Генрихъ IV соединились вмѣстѣ, а у французскаго короля союзниками были голландцы и герцогъ савойскій, да Іаковъ I Англійскій обѣщалъ еще свою помощь. Война уже началась нападеніемъ трехъ князей (ансбахскаго, пфальцскаго, баденскаго) на сосѣднихъ духовныхъ владѣтелей, и французская армія двинулась уже на Юлихъ, но не на этотъ разъ суждено было разгорѣться пожару. Передъ самымъ отъѣздомъ Генриха IV въ Германію кинжалъ Равальяка положилъ конецъ его жизни, а Марія Медичи, правительница Франціи въ малолѣтство Людовика XIII, измѣнила направленіе политики мужа; Іаковъ I помощи не оказалъ; глава уніи скончался, и враждующія стороны заключили перемиріе, а юлихскія владѣнія достались курфюрсту бранденбургскому и пфальцграфу нейбургскому, разсорившимися между собою и начавшими новую войну, въ которую вмѣшались было Испанія и Голландія, но она скоро прекратилась (1614) [1]. Въ 1613 г. былъ послѣдній имперскій сеймъ передъ тридцатилѣтней войной. Избраніе чехами въ 1619 г. въ короли молодого Фридриха V Пфальцскаго, главы уніи, и обращеніе Фердинанда II за помощью къ главѣ лиги, Максимиліану Баварскому, коему за содѣйствіе въ борьбѣ съ чехами и съ курфюрстомъ пфальцскимъ, обѣщались всякія блага и между ними курфюршество пфальцское,—были ближайшими поводами того, что чешская революція 1618 г. сдѣлалась началомъ тридцатилѣтней войны.

XXVIII. Тридцатилѣтняя война.

Дѣленіе тридцатилѣтней войны на періоды. — Чешская война. — Причина пораженія чеховъ. — Реакція въ Пфальцѣ. — Датская война и Валленштейнъ. — Реституціонный эдиктъ. — Отставка Валленштейна и выступленіе Швеціи. — Густавъ Адольфъ въ Германіи. — Вторичное появленіе Валленштейна. — Гейльброннскій союзъ. — Катастрофа Валленштейна. — Французское вмѣшательство. — Вестфальскій миръ. — Результаты тридцатилѣтней войны. — Заключеніе къ оконченному отдѣлу.

Тридцатилѣтняя война была порожденіемъ католической реакціи. Возстаніе чеховъ было вызвано начавшимися религіозными притѣсненіями, шедшими рука объ руку съ попытками уничтоженія политической свободы. Если чешская война сдѣлалась началомъ борьбы во

---

[1]) Это фактъ довольно важный въ исторіи Бранденбурга, будущей Пруссіи. Ritter. Sachsen und der Jülicher Erbfolgestreit

всей Германіи, то лишь потому, что тамъ давно готовилось вооруженное столкновеніе католиковъ съ протестантами, подготовленное іезуитской реакціей. Наконецъ вмѣшательство другихъ государствъ въ германскую распрю объясняется, между прочимъ, кромѣ причинъ чисто политическихъ, и тѣмъ, что въ тогдашней западной Европѣ продолжалось еще раздѣленіе всѣхъ государствъ на два лагеря, изъ коихъ аггрессивнымъ характеромъ отличался лагерь католическій. Обыкновенно исторію тридцатилѣтней войны дѣлятъ на періоды, которыхъ можно установить четыре. Первымъ нужно считать чешско-пфальцскій: онъ окончился побѣдою императора и католиковъ надъ Чехіей и курфюрстомъ пфальцскимъ, принявшимъ чешскую корону, что вызвало иностранное вмѣшательство, и тогда начался датскій періодъ, такъ какъ во главѣ протестантскихъ силъ въ Германіи сталъ датскій король Христіанъ IV. За новою побѣдою Габсбурговъ и католицизма послѣдовало шведское вмѣшательство, и третій періодъ называется поэтому шведскимъ, послѣдній же—французскимъ по открытому участію въ войнѣ и Франціи. Кромѣ того, въ самомъ началѣ войны возобновилась и прерванная перемиріемъ 1609 г. борьба Голландіи съ Испаніей.

Чешское возстаніе 1618 г. сперва имѣло успѣхъ, тѣмъ болѣе, что къ чехамъ присоединились моравскіе, силезскіе и лужицкіе земскіе чины, сами чехи набрали войско, а Фердинандъ II не былъ готовъ къ нападенію. Глава возстанія, графъ Турнъ, сдѣланный главнымъ начальникомъ чешскаго ополченія, и графъ Эрнстъ Мансфельдъ, присланный чехамъ съ войскомъ отъ курфюрста пфальцскаго, вели войну такъ, что первый изъ нихъ подступилъ къ самой Вѣнѣ, гдѣ, кромѣ того, и австрійскіе подданные Фердинанда II сильно волновались, но одно пораженіе войска Мансфельда, открывшее арміи Фердинанда II путь къ Прагѣ, заставило гр. Турна отойти изъ-подъ Вѣны. Для Фердинанда II было настоящимъ спасеніемъ, что среди такихъ обстоятельствъ его выбрали въ императоры. Въ то время другого серьезнаго кандидата на престолъ не было послѣ того, какъ Максимиліанъ Баварскій отказался отъ кандидатуры, а онъ еще все-таки могъ быть опаснымъ соперникомъ: Германія по привычкѣ не покидала Габсбургскаго дома въ трудномъ положеніи, хотя это влекло за собою войну для самой Германіи. Чехи между тѣмъ низложили Фердинанда II и выбрали Фридриха Пфальцскаго. За двѣсти лѣтъ передъ этимъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, именно когда въ ихъ странѣ происходила гуситская революція, они обращались за помощью и съ предложеніемъ короны къ королю родственной польской націи, но теперь на польскомъ престолѣ сидѣлъ фанатикъ Сигизмундъ III, лишившійся шведскаго престола, мечтавшій возвратить его, чтобы ввести въ Швеціи католицизмъ и бывшій въ союзѣ съ Габсбургами, коимъ онъ охотно от-

далъ бы самое Польшу, если бы только они помогли ему возложить на свою голову шведскую корону. Выборъ чеховъ остановился на главѣ протестантской уніи въ Германіи именно потому, что они расчитывали на помощь уніи, но выборъ этотъ былъ неудаченъ, и новые подданные Фридриха Пфальцскаго должны были разочароваться и въ немъ самомъ, и въ его силахъ. Курфюрстъ былъ человѣкъ легкомысленный и думавшій больше о блескѣ торжествъ, ожидавшихъ его въ Прагѣ, чѣмъ о серьезности политическаго положенія. Онъ принялъ чешскую корону, но скоро съумѣлъ новыхъ подданныхъ вооружить противъ себя, оскорбивъ чешскихъ пановъ своимъ обращеніемъ и предпочтеніемъ, оказывавшимся нѣмцамъ, и возбудивъ неудовольствіе народа кальвинистическою рѣзкостью въ отношеніи къ чешскому культу. Притомъ онъ согласился сдѣлаться королемъ вопреки совѣтамъ многихъ членовъ уніи, другихъ курфюрстовъ и Іакова I Англійскаго, на дочери коего былъ женатъ. Унія помощи Фридриху не оказала: въ ней не было настоящаго единодушія; въ чехахъ ея члены видѣли мятежныхъ подданныхъ; самъ Фридрихъ Пфальцскій дѣлался въ ихъ глазахъ мятежникомъ противъ императора. Англія также не могла оказать помощи, на которую расчитывали, тѣмъ болѣе, что Іаковъ I, самъ неладившій съ подданными, не очень-то могъ хотѣть поощрять возстаніе чеховъ противъ законнаго своего короля. Между тѣмъ Фердинандъ II имѣлъ на своей сторонѣ Максимиліана Баварскаго съ лигою и Испанію, которая могла оказать ему помощь изъ своихъ Нидерландовъ. Курфюрстъ саксонскій не поддержалъ Фридриха V: какъ лютеранинъ, онъ относился враждебно къ кальвинисту, сдѣлавшемуся чешскимъ королемъ, да и императоръ пообѣщалъ ему за нейтралитетъ Лузацію. Почти одновременно двинулись испанскій полководецъ Спинола на Пфальцъ, а полководецъ Максимиліана Баварскаго Тилли—на Прагу. Въ 1620 г. при Бѣлой горѣ произошла битва, въ коей чехи были разбиты, и государственной самостоятельности этого народа былъ нанесенъ смертельный ударъ [1]); „зимній король“ бѣжалъ, а месть Фердинанда II была безпощадна [2]). Государь, говорившій, что лучше царствовать въ пустынѣ, чѣмъ въ странѣ, населенной еретиками, началъ и здѣсь реставрацію католицизма, прибѣгнувъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ: грамота величества была имъ уничтожена собственноручно; главнѣйшіе предводители

[1]) Krebs. Die Schlacht am Weissem Berge.—Zwiedenek-Südenhorst. Venetianische Gesandschaftsberichte über die böhmische Rebellion, 1618—1620. По исторіи Чехіи см. Fr. Palacky. Dêjiny národu ceského (есть нѣм. пер.).— Томекъ. Исторія королевства чешскаго (Tomek. Dêje kralovstvi ceskeho). — Gajsler. Rys dziejów narodu czeskiego. На рус. яз. есть краткій „Очеркъ исторіи чешскаго народа“ Н. Задерацкаго.

[2]) Peschek. Geschichte der Gegenreformation in Böhmen.

возстанія казнены, а ихъ имѣнія конфискованы; въ страну отправили цѣлыя партіи іезуитовъ; протестантскіе проповѣдники были изгнаны; иновѣрные подданные, не желавшіе выселятіся, насильно обращались въ католицизмъ, и однимъ изъ средствъ были солдатскіе постои „душеспасителей“ (die Seligmacher), напоминающіе позднѣйшія драгонады, посредствомъ коихъ Людовикъ XIV обращалъ гугенотовъ. Съ ударомъ вѣротерпимости и политической свободѣ въ Чехіи былъ нанесенъ ударъ и чешской національности, возрожденіе коей произошло лишь черезъ два столѣтія. Населеніе страны пало съ 4 милліоновъ до 700—800 тысячъ (цифра Гиндели); изгнано было изъ страны 30 тысячъ семействъ, въ ихъ числѣ 5 тысячъ дворянскихъ фамилій; земли мятежныхъ пановъ съ ихъ титулами сдѣлались достояніемъ нѣмцевъ; на чешскія книги было поднято гоненіе. Моравію постигла такая же судьба, и лишь въ Силезіи и Лузаціи, благодаря вмѣшательству курфюрста саксонскаго, взявшаго на себя экзекуцію противъ мятежниковъ, дѣло обошлось мягче. Такъ *католическая реакція наносила ударъ западному славянству*, разъединивъ силы чеховъ и поляковъ, уничтоживъ политическую самостоятельность, культурное развитіе и матеріальное благосостояніе Чехіи, открывъ путь для германизаціи въ эту страну и сопредѣльныя съ нею земли съ славянскимъ же населеніемъ, а позднѣе направивъ внутреннюю и внѣшнюю политику Польши по дорогѣ, которая вела это государство къ гибели.

За Чехіей очередь дошла до Пфальца, куда съ самаго начала войны, вопреки закону, запрещавшему императору призывать иноземныя войска, двинулся изъ испанскихъ Нидерландовъ Спинола, и ему унія не оказала сопротивленія совершенно такъ же, какъ и движенію Максимиліана Баварскаго и его полководца Тилли [1]) въ Чехію. Послѣ покоренія послѣдней театръ войны былъ перенесенъ въ Пфальцъ: началось завоеваніе этого княжества, отданнаго Фердинандомъ II Максимиліану вмѣстѣ съ курфюршескимъ саномъ, но хотя унія въ это время уже распалась, сражаться противъ католиковъ явились сюда Мансфельдъ и маркграфъ Баденъ-Дурлахскій и Христіанъ Брауншвейгскій, что, однако, и Пфальцъ не спасло отъ католической реакціи. За неистовства, совершенныя во владѣніяхъ католическихъ церковныхъ сановниковъ „другомъ Бога, врагомъ поповъ“, какъ величалъ себя Христіанъ Брауншвейгскій, выбившій даже талеръ съ этимъ девизомъ (Gottes Freund, der Pfaffen Feindt), сторицею заплатили пфальцскимъ протестантамъ. Въ 1523 г. передача курфюршества Максимиліану была

---

[1]) Соч. о Тилли de Villermont'a (франц.) и Klopp'a (нѣм.) имѣютъ характеръ панегириковъ.

оформлена регенсбургскимъ княжескимъ съѣздомъ (не правильнымъ сеймомъ), состоявшимъ изъ однихъ католиковъ [1]).

Такой исходъ пфальцской войны встревожилъ протестантскихъ князей, коимъ могла грозить отъ императора и католиковъ судьба Фердинанда V, а также обратила на Германію вниманіе и иностранныхъ державъ. Курфюрсты саксонскій и бранденбургскій нашли нужнымъ возобновить протестантскій союзъ, а Христіанъ IV Датскій, владѣвшій въ Германіи Шлезвигомъ и Гольштейномъ, имѣя и особые политическіе планы, съ денежною поддержкою со стороны Англіи, рѣшившейся тогда заступиться за протестантовъ и королевскаго зятя, и со стороны Голландіи, принялъ на себя веденіе войны [2]). Но тогда выступилъ на сцену знаменитый авантюристъ XVII в. Альбрехтъ Вальдштейнъ или, какъ чаще его называютъ, Валленштейнъ [3]).

Валленштейнъ (род. въ 1583 г.) получилъ, какъ извѣстно, іезуитское воспитаніе, несмотря на свое протестантское происхожденіе, и сдѣлалъ изъ службы интересамъ католицизма средство къ личному возвышенію. Женившись на одной наслѣдницѣ большихъ помѣстій въ Моравіи, онъ рано овдовѣлъ и, ставъ владѣльцемъ имѣній покойной жены, женился вторично на дочери одного изъ вліятельныхъ совѣтниковъ императора, родственницѣ притомъ фонъ-Эггенберга, впослѣдствіи министра Фердинанда II. Уже до начала чешскаго возстанія онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе Фердинанда личною храбростью и военными способностями, съ начала же войны въ Чехіи оказывалъ ему постоянныя услуги, и не подумавъ примкнуть къ

---

[1]) О Мансфельдѣ есть сочиненія de Villermont (франц.) и Uetterodt zu Scharffenberg (нѣм.), о Хр. Брауншвейгскомъ — Westkamp'а и Mittendorf'а. См. еще книгу Zwiedinek-Südenhorst'а о князѣ Эггенбергѣ, тогдашнемъ министрѣ Фердинанда II.

[2]) J. O. Opel. Der niedersächsisch-dänische Krieg.

[3]) По поводу литературы о немъ см. въ первомъ примѣчаніи къ предыдущей главѣ (стр. 351). Главныя біографіи Валленштейна и др. соч. о немъ принадлежатъ Ranke, Förster'у, Aretin'у, Dudik'у, Hurter'у, Hunziker'у, Gädeke, Hallwig'у, Gindely, Schebeck'у, Bilek'у, Hildebrandt'у, Дворскому, Irmer'у. Вопросъ о томъ, были ли у него лишь однѣ честолюбивыя стремленія или же онъ ставилъ своей дѣятельности болѣе широкія цѣли, а также и о томъ, онъ ли впослѣдствіи измѣнилъ императору или, наоборотъ, императоръ поступилъ съ нимъ, какъ человѣкъ неблагодарный, до сихъ поръ раздѣляетъ ученыхъ на два лагеря, изъ коихъ въ одномъ рѣшаютъ вопросъ во второмъ смыслѣ (Ranke), въ другомъ — въ первомъ (Gindely). Знатокъ эпохи Гиндели сравниваетъ работу надъ этимъ вопросомъ съ работой миѳическаго Сизифа. Къ сожалѣнію, историки часто предпочитаютъ рѣшеніе головоломныхъ задачъ (напр., и о „виновности“ Маріи Стюартъ) изслѣдованіямъ болѣе важныхъ вопросовъ, еще ждущихъ работниковъ, когда уже исписаны цѣлые томы, рѣшающіе одно какое-либо уравненіе со многими неизвѣстными.

чешско-моравскому дворянству, къ коему принадлежалъ по рожденію и имѣніямъ: въ 1619 г. онъ начальствовалъ отрядомъ войскъ моравскаго сейма, но когда послѣдній примкнулъ къ чехамъ, Валленштейнъ увелъ свой отрядъ къ Фердинанду II и захватилъ военную кассу. Инсургенты конфисковали тогда его имѣнія, но впослѣдствіи императоръ его щедро вознаградилъ. За участіе въ подавленіи революціи онъ получилъ въ подарокъ, огромныя имѣнія изъ конфискованныхъ владѣній чешскихъ пановъ, да накупилъ еще самъ по дешевой цѣнѣ и на выгодныхъ условіяхъ много земли, такъ что сдѣлался страшно богатымъ человѣкомъ. Кромѣ того, Фердинандъ II далъ ему по одному изъ его владѣній (Фридландъ) герцогскій титулъ съ княжескими правами. Когда противъ императора составилась коалиція европейскихъ державъ, онъ вызвался образовать для него армію, т.-е. выступилъ на путь прибыльнаго кондотьерства [1]), тѣмъ болѣе, что Мансфельдъ уже показалъ въ началѣ войны, какъ можно содержать армію лишь контрибуціями да грабежами. Дѣло въ томъ, что чешскіе эмигранты и низложенный курфюрстъ хлопотали (даже въ Турціи) объ устройствѣ коалиціи противъ Габсбурговъ, и о томъ же самомъ хлопоталъ кардиналъ Ришелье, взявшій въ то время политику Франціи въ свои руки и давшій ей антигабсбургское направленіе [2]). Уже въ то время была мысль о шведскомъ вмѣшательствѣ, но Густава Адольфа предупредилъ датскій король. Въ 1625 году сначала Англія (уже при Карлѣ I) и Голландія заключили союзъ между собою, а потомъ и съ Даніей, короля которой еще раньше выбрали своимъ главнокомандующимъ нѣмецкіе князья нижнесаксонскаго округа. Протестанты соединялись, а въ католическомъ лагерѣ шелъ разладъ между Максимиліаномъ Баварскимъ и австро-испанскимъ габсбургскимъ союзомъ: Максимиліану были подозрительны намѣренія императора и испанскаго короля; Фердинандъ былъ недоволенъ военною зависимостью отъ лиги, такъ какъ до той поры главное католическое войско было то, которое находилось подъ начальствомъ Максимиліана. Предложеніе Валленштейна было поэтому охотно принято императоромъ (1525), и весьма быстро составилась императорская армія въ 50 т. изъ разнаго сброда, искавшаго добычи. Въ соединеніи съ Тилли Валленштейнъ скоро нанесъ пораженіе протестантамъ и датскому королю, заставивъ послѣдняго искать мира. Фердинандъ отдалъ новому полководцу герцогство Мекленбургское и назначилъ его генералиссимусомъ Балтійскаго и Океанійскаго моря. Передъ Габсбургами открывались широкіе горизонты: въ перспективѣ были образованіе австро-испанскаго флота, пораженіе Англіи и Голландіи, передача Даніи Шве-

¹) Ср. выше, стр. 83.

²) См. выше, стр. 350. Для политики Ришелье въ эту эпоху L. Geley. Fancan et la politique de Richelieu.

ціи съ введеніемъ въ обѣихъ странахъ католицизма. Въ Германіи Фердинандъ II былъ въ положеніи Карла V послѣ побѣды надъ шмалькальденцами, и какъ послѣдній воспользовался побѣдою для изданія аугсбургскаго интерима [1]), такъ Фердинандъ II издалъ теперь (1629) „реституціонный эдиктъ“ [2]). Мы уже знаемъ, что передъ началомъ войны главнымъ предметомъ пререканій между католиками и протестантами были секуляризованныя послѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. земли, каковыхъ было два архіепископства, двѣнадцать епископствъ и безчисленное множество монастырскихъ владѣній съ протестантскимъ населеніемъ и подъ управленіемъ протестантовъ. Католики задумали воспользоваться побѣдой для того, чтобы возвратить себѣ все это. Валленштейнъ, стремившійся къ цѣлямъ чисто политическимъ, былъ противъ эдикта, но фанатическій Фердинандъ II подчинился настояніямъ Максимиліана Баварскаго. Реституціонный эдиктъ отнималъ у протестантовъ всѣ церковныя земли, перешедшія въ ихъ руки послѣ пассаускаго договора 1552 г., объявлялъ религіозный миръ существующимъ только для приверженцевъ аугсбургскаго исповѣданія и разрѣшалъ католическимъ имперскимъ князьямъ подавлять насильственно протестантизмъ въ ихъ княжествахъ. Въ столь опасную для протестантизма въ Германіи минуту въ католическомъ лагерѣ произошелъ новый разладъ, а у протестантовъ явился новый защитникъ.

Образованіе императорской арміи было непріятно Максимиліану Баварскому, тѣмъ болѣе, что Валленштейнъ заботился не столько о церковныхъ, сколько о политическихъ и своихъ личныхъ интересахъ. Съ другой стороны, Валленштейнъ внушалъ опасеніе и другимъ католическимъ князьямъ. Фердинандъ II распоряжался самовольно, безъ сейма; поговаривали, что Валленштейнъ внушалъ ему мысль отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ курфюрстовъ да князей, чтобы быть единственнымъ повелителемъ въ Германіи на подобіе французскаго или испанскаго короля. Княжескую оппозицію поддерживала французская политика. Дѣло кончилось тѣмъ, что регенсбургскій княжескій съѣздъ 1630 г. потребовалъ у императора отставки Валленштейна, и Фердинандъ II, самъ побаивавшійся генералиссимуса, уступилъ, хотя и не безъ колебаній. Съ равнодушнымъ видомъ, но затаивъ въ душѣ месть, принялъ Валленштейнъ извѣстіе объ отставкѣ, далъ богатые подарки и задатки своимъ офицерамъ и солдатамъ, которые были распущены, и удалился въ Чехію, гдѣ сталъ вести княжескій образъ жизни. Но въ томъ же самомъ 1630 г. у Габсбурговъ явился новый врагъ, шведскій король Густавъ

---

[1]) См. выше, стр. 146.

[2]) Th. Tupetz. Der Streit um die geistlichen Güter und das Restitutionsedikt von 1629.

Адольфъ [1]), военные успѣхи коего черезъ нѣсколько времени заставили Фердинанда II снова призвать Валленштейна.

Вмѣшательство Швеціи въ войну предвидѣлось раньше. Причины этого вмѣшательства были слѣдующія. Во-первыхъ, Швеція при преемникахъ Густава Вазы все болѣе и болѣе утверждалась на берегахъ Балтійскаго моря, и уже одно намѣреніе Габсбурговъ устроить флотъ на этомъ морѣ грозило Швеціи опасностью; когда Валленштейнъ во время своихъ походовъ по сѣверной Германіи осадилъ Штральзундъ, этому городу съ моря была оказана шведская помощь; потомъ шведамъ, пользуясь нѣмецкой усобицей, легко было утвердиться на южномъ берегу Балтійскаго моря. Во-вторыхъ, Густаву Адольфу, а раньше его отцу Карлу IX пришлось воевать съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, потерявшимъ шведскую корону, но стремившимся получить ее обратно для введенія въ Швеціи католицизма, за что онъ и лишился престола, отданнаго шведами его дядѣ Карлу Зюдерманландскому, отцу Густава Адольфа [2]). Война Густава Адольфа съ его польскимъ двоюроднымъ братомъ была успѣшна въ смыслѣ расширенія шведскихъ владѣній, но кардиналъ Ришелье, агенты коего дѣйствовали на регенсбургскомъ княжескомъ съѣздѣ, содѣйствовалъ заключенію мира между Швеціей и Польшей, чтобы силы первой могли быть направлены въ Германію. Сигизмундъ III былъ въ союзѣ съ Габсбургами, ихъ соединялъ общій католическій фанатизмъ, и для Швеціи было бы крайне невыгодно, если бы Фердинандъ II получилъ полный перевѣсъ, ибо это обозначало бы помощь Польшѣ противъ Швеціи. Съ этими причинами соединялось у Густава Адольфа при его религіозности стремленіе помочь единовѣрцамъ въ Германіи. Сдѣлавъ своимъ подданнымъ уступки и заставивъ ихъ присягнуть своей дочери Христинѣ, онъ съ небольшимъ, но хорошо организованнымъ и дисциплинированнымъ національно-шведскимъ войскомъ высадился въ Помераніи лѣтомъ 1630 г. Это не была армія Мансфельда или Валленштейна — изъ разнаго сброда, съ жадными инстинктами: это было войско, въ которомъ господствовало религіозное убѣжденіе въ святости предпринятаго дѣла. Во

---

[1]) Droysen. Gustav Adolf.—Cronholm. Gustav Adolf in Deutschland (переведено Helms'омъ изъ его Sveriges historia under Gustaf II Adolf reger).—Gfrörer. Gesch. Gustav Adolfs.—Helbig. Gustav Adolf.—Heising. Die Politik Gustav Adolfs in Deutschland.

[2]) См. выше, стр. 261—262. Указанія на литературу по шведско-польскимъ отношеніямъ см. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ „Польской исторіи" Бобржинскаго. Все это имѣетъ отношеніе къ католической реакціи въ Швеціи при дядѣ Густава Адольфа Іоаннѣ III, отцѣ Сигизмунда III. Объ этомъ см. A. Theiner. Schweden und seine Stellung zum heiligen Stuhl unter Iohann III, Sigismund III und Karl IX.—См. также Schiemann. Russland, Polen und Livland bis zum XVII Jahrhundert (въ коллекціи Онкена).

главѣ этого войска стоялъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, какимъ былъ самъ король. Протестантскій народъ въ Германіи смотрѣлъ на него, какъ на избавителя, но, кромѣ бездѣтнаго померанскаго герцога, заключившаго съ нимъ договоръ, который обезпечивалъ за Швеціей обладаніе его страной, другіе сѣверные князья даже не пропускали Густава Адольфа черезъ свои владѣнія. Тщетно взывалъ къ нему о помощи Магдебургъ, осажденный Тилли, суровымъ исполнителемъ реституціоннаго эдикта: прошло около года послѣ того, какъ шведы стали твердою ногою въ Помераніи (24 іюня 1630 года), а двинуться далѣе не могли, и Магдебургъ палъ (10 мая 1631), взятый штурмомъ, былъ разграбленъ, сожженъ и лишился 30 тысячъ населенія [1]). Курфюрстъ саксонскій, думавшій все время о нейтралитетѣ, долженъ былъ выбирать между Тилли, угрожавшимъ силою принудить его къ союзу, и Густавомъ Адольфомъ, и онъ соединился съ послѣднимъ. Началась борьба католическаго полководца и шведскаго короля за Саксонію. Тилли при Лейпцигѣ потерпѣлъ отъ Густава-Адольфа такое рѣшительное пораженіе, что саксонцамъ былъ послѣ этого открытъ путь въ Чехію, а самимъ шведамъ къ Рейну [2]). Въ это время у шведскаго короля явились смѣлые планы относительно Германіи, которую онъ сравнивалъ съ старымъ зданіемъ, годнымъ только для крысъ и мышей. Въ Майнцѣ, гдѣ онъ основалъ свою зимнюю квартиру (1631—1632), его, какъ въ старое время германскаго императора, окружали протестантскіе князья; народъ протестантскихъ земель относился къ нему съ энтузіазмомъ. Изъ Майнца онъ объявилъ, на какихъ условіяхъ онъ согласенъ мириться: это были—отмѣна реституціоннаго эдикта, общая вѣротерпимость по отношенію къ протестантамъ, возвращеніе Чехіи, Моравіи и Силезіи въ прежнее ихъ состояніе, реставрація Фридриха Пфальцскаго въ его владѣніяхъ и курфюршескомъ санѣ, который долженъ былъ быть отнятъ у Баваріи, изгнаніе іезуитовъ, а по одному извѣстію шведскій король требовалъ даже, чтобы его выбрали въ римскіе короли. Другими источниками послѣднее извѣстіе не подтверждается, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Густавъ Адольфъ стремился сдѣлаться главою и протекторомъ протестантскаго союза въ Германіи, а то, что онъ не возвращалъ Фридриха въ завоеванный Пфальцъ, принималъ присягу отъ франконскихъ городовъ и въ Вюрцбургѣ ввелъ шведское управленіе, поселяло недовѣріе къ нему въ самихъ протестантскихъ князьяхъ, хотя другіе были съ нимъ въ тѣсномъ союзѣ, а Бернгардъ Веймарскій [3])

---

[1]) Helbig. Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Brandenburg.—Wittig. Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly.—Его же: Zur Katastrophe des 10/20 Mai 1631.—Droysen. Studien über die Belagerung Magdeburgs.

[2]) Von Soden. Gustav Adolf und sein Heer in Süddensschland.

[3]) Droysen. Bernhard von Weimar.

поступилъ къ нему даже на службу. Такъ какъ „майнцскія“ условія не могли привести къ миру, то весною 1632 г. Густавъ Адольфъ двинулся на Баварію, разбилъ Тилли (павшаго въ этой битвѣ) на Лехѣ, занялъ Аугсбургъ и вступилъ въ столицу Максимиліана Баварскаго — Мюнхенъ, откуда открыта была дорога въ габсбургскія наслѣдственныя владѣнія. Шведскому королю совѣтовали отмстить на Мюнхенѣ за Магдебургъ, но онъ не только запретилъ какія бы то ни было насилія, но даже весьма милостиво отнесся къ мѣстнымъ католикамъ.

Фердинандъ II среди такихъ обстоятельствъ снова рѣшился просить Валленштейна набрать войско. Въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во время своей отставки бывшій полководецъ императора вступилъ въ переговоры съ шведскимъ королемъ, имѣя въ виду въ качествѣ герцога мекленбургскаго въ союзѣ съ нимъ вести свою собственную политику, враждебную императорской, которой онъ не одобрялъ съ самаго реституціоннаго эдикта, но успѣхи Густава Адольфа были такъ велики, что Валленштейнъ охладѣлъ къ мысли дѣлиться съ кѣмъ-либо добычей, а когда императоръ обратился къ нему съ своей просьбой, онъ уже отстранялся отъ плана совокупнаго дѣйствія съ шведскимъ королемъ [1]). Валленштейнъ, что называется, сначала поломался, образовалъ войско, но отказался сначала имъ предводительствовать и согласился лишь послѣ того, какъ императоръ съ своей стороны далъ согласіе на выставленныя имъ условія, которыя, къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, какъ они были приняты, остались неизвѣстными. Повидимому, ему отдавалось безграничное и безконтрольное веденіе войны вмѣстѣ съ веденіемъ и политическихъ дѣлъ на всю жизнь съ правомъ непосредственно сноситься съ императоромъ, казнить и миловать въ завоеванныхъ провинціяхъ, предлагать князьямъ условія мира, лично же за генералиссимусомъ утверждалось обладаніе Мекленбургомъ и обѣщались другія земли. Только отчаянное положеніе, въ какомъ находился императоръ, могло его склонить къ принятію условій („зноемскія „или“ цнаймскія пунктуаціи“) дѣлавшихъ призрачною самую его власть, и въ нихъ уже лежалъ зародышъ извѣстной катастрофы слишкомъ могущественнаго полководца.

Съ вторичнымъ выступленіемъ Валленштейна дѣла католиковъ стали поправляться, и его пестрое войско, состоявшее изъ авантюристовъ и любителей легкой наживы изъ разныхъ странъ, различныхъ

---

[1]) Hildebrand (Wallenstein und seine Verhandlungen mit den Schweden) открылъ въ стокгольмскомъ архивѣ данныя, свидѣтельствующія о переговорахъ Валленштейна съ Густавомъ Адольфомъ, а затѣмъ то же своими разысканіями подтвердили Gädcke (Wallenstein und seine Verhandlungen mit Schweden und Sachsen) и Irmer (Die Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser).

вѣроисповѣданій и національностей, начало наступательную войну противъ протестантовъ. При Люценѣ произошла битва, въ которой палъ шведскій король, но поле осталось однако за шведами подъ начальствомъ Бернгарда Веймарскаго (1632). Смерть Густава Адольфа лишила нѣмецкихъ протестантовъ побѣдоноснаго вождя, но вмѣстѣ съ этимъ освободила Германію отъ укрѣпленія въ ней чуждой власти. Канцлеръ Оксеншёрна (Oxenstierna), коему шведскій государственный совѣтъ въ малолѣтство королевы Христины поручилъ веденіе военныхъ и политическихъ дѣлъ Швеціи въ Германіи, не имѣлъ уже плановъ Густава Адольфа, но рѣшился продолжать войну для полученія какого-либо вознагражденія за принесенныя жертвы и съ этою цѣлью образовалъ изъ верхнегерманскихъ и прирейнскихъ князей (1633) гейльброннскій союзъ подъ „директоріей" Швеціи, оставивъ за собою и главное въ немъ распорядительство [1]). Шведское войско подъ начальствомъ Бернгарда Веймарскаго и шведскаго генерала Горна было уже не то, что привелъ съ собою Густавъ Адольфъ: его пришлось увеличить; стали набирать жадныхъ до добычи наемниковъ, авантюристовъ, которые составляли собственные отряды; давали офицерскія мѣста и награды изъ завоеваній, такъ что и послѣдній солдатъ, думавшій о грабежѣ, и Оксеншерна, мечтавшій о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, стремились только къ одному—къ добычѣ, каждый соотвѣтственно своему положенію. Шведскія стремленія вносили раздвоеніе въ протестантскій лагерь: шведы и ихъ союзники были сами по себѣ, нѣмецкіе протестантскіе князья сами по себѣ, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ,—тѣхъ самыхъ, которые раньше уже косо смотрѣли на высадку Густава Адольфа въ Помераніи,—эти стремленія были прямо непріятны и опасны. Этимъ раздвоеніемъ, съ одной стороны, дѣла нѣмецкихъ князей, а съ другой—шведскихъ интересовъ характеризуется вся вторая половина войны. Но раздвоеніе существовало и въ католическомъ лагерѣ: сначала оно выражалось въ антагонизмѣ между лигой и императоромъ, позднѣе въ томъ, что католическая Францiя вмѣшалась въ войну противъ католическаго императора и стремилась отторгнуть отъ союза съ нимъ католическую Баварію, но особенно любопытно раздвоеніе интересовъ императора и Валленштейна.

Герцогъ Фридландскій уже раньше обнаружилъ, именно во время изданія реституціоннаго эдикта, что у него былъ свой взглядъ на вещи, не сходившійся со взглядами Фердинанда II. Данная ему отставка чуть было не сблизила его съ главнымъ врагомъ императора. Когда ему снова пришлось выступить въ роли главнокомандующаго императорской арміей, онъ особенно настаивалъ во время переговоровъ, предшествовавшихъ принятію имъ главнаго начальства надъ войскомъ, на заключеніи мира съ

[1]) Alb. Küsel. Der Heilbronner Konvent.

Саксоніей и на отмѣнѣ реституціоннаго эдикта. Между императорскими и саксонскими уполномоченными, дѣйствительно, начались переговоры о мирѣ, но параллельно съ ними началъ Валленштейнъ и самъ вести таковые же, обнаруживая гораздо больше уступчивости: Фердинандъ II, соглашаясь на религіозную свободу въ имперіи, не хотѣлъ ея допустить въ габсбургскихъ земляхъ, а Валленштейнъ въ своихъ переговорахъ на это соглашался и даже поддерживалъ сношенія съ чешскими эмигрантами, между прочимъ съ графомъ Турномъ, черезъ котораго снова началъ сноситься и со шведами, т.-е. съ Оксенштерною. Среди чешскихъ эмигрантовъ возникла даже мысль о томъ, чтобы возложить на голову Валленштейна чешскую корону, и Франція, съ которою у него также установились связи, эту мысль поддерживала. Вмѣстѣ съ этимъ онъ носился съ планами о вознагражденіи себя за потерю Мекленбурга, желая между прочимъ получить Нижній Пфальцъ съ курфюршескимъ достоинствомъ. Что бы ни замышлялъ Валленштейнъ, вѣрно, что онъ велъ тайные отъ императора переговоры съ саксонцами, шведами и Франціей, что у него были свои политическіе виды, которые онъ даже готовъ былъ проводить съ ущербомъ для интересовъ императора, и что онъ вообще былъ гораздо уступчивѣе, чѣмъ Фердинандъ, по отношенію къ протестантамъ. Медлительное поведеніе Валленштейна, перемирія, которыя онъ заключалъ, нѣкоторые необъяснимые поступки дѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ императора, который могъ бояться измѣны со стороны генералиссимуса, находившагося во главѣ на этотъ разъ уже чуть не стотысячной арміи наемниковъ. При вѣнскомъ дворѣ были у Валленштейна враги, начавшіе подъ него подкапываться: тутъ былъ и Максимиліанъ Баварскій, недовольный Валленштейномъ за то, что онъ не пошелъ на помощь Баваріи, и президентъ придворнаго военнаго совѣта, и папскій нунцій, и испанскій посланнникъ, и духовникъ императора, и всѣ они указывали на то, что нельзя въ интересахъ церкви дозволять Валленштейну заключать миръ по собственному усмотрѣнію. Говорилось даже, что честолюбецъ стремится къ императорству. Происки враговъ были извѣстны Валленштейну, и онъ взялъ съ офицеровъ, коимъ передалъ о томъ, что подъ него подкапываются, подписку въ вѣрности, но двору удалось найти завистниковъ и недовольныхъ среди лицъ, окружавшихъ самого Валленштейна: они составили заговоръ на его жизнь и убили его въ крѣпости Эгерѣ (1634). Убійцы были награждены, приверженцы его, оставшіеся вѣрными до послѣдней минуты, наказаны, но армія осталась спокойной, такъ какъ съ вождемъ ее связывали деньги и добыча, которыя можно было получить и подъ новымъ начальствомъ. Эта армія даже въ томъ же самомъ году и безъ вождя нанесла при Нердлингенѣ страшное пораженіе

шведскому войску, бывшему подъ начальствомъ Бернгарда Веймарскаго, что повело къ распаденію гейльброннскаго союза. Въ 1635 г. императоръ и Саксонія заключили, наконецъ, сепаратный миръ въ Прагѣ, къ коему примкнули и другіе князья, за исключеніемъ немногихъ, оставшихся на сторонѣ шведовъ. По вопросу о церковныхъ земляхъ императоръ дѣлалъ большія уступки и давалъ амнистію, но только не по отношенію къ чешскимъ, австрійскимъ и пфальцскимъ дѣламъ. Саксонія получила при этомъ Лузацію.

Новая побѣда императора и его миръ съ Саксоніей заставили Францію, давно уже своею дипломатіей и деньгами дѣйствовавшую въ Германіи во вредъ Габсбургамъ, принять открытое участіе въ войнѣ. Заключивъ договоръ (1635) съ Бернгардомъ Веймарскимъ, который долженъ былъ вести войну на французскія деньги и въ пользу Франціи, Ришелье отправилъ въ Германію и собственный корпусъ, вступивъ въ сношенія съ нѣкоторыми князьями. Послѣднія тринадцать лѣтъ войны были самыми гибельными для Германіи (гдѣ съ 1637 г. царствовалъ Фердинандъ III [1]), такъ какъ именно въ эту вторую половину войны (1635—1648) еще сильнѣе, чѣмъ въ первую, крупная и мелкая погоня за наживой руководила дѣйствіями людей: теперь совершенно отступили на задній планъ интересы религіи, какъ ихъ понимали обѣ стороны, и политическія комбинаціи болѣе широкаго характера. Шведы и французы вели войну въ Германіи, не обращая вниманія на то, что нѣмцы давно уже желали мира, но мира не могло быть, кромѣ того, и вслѣдствіе упорства, обнаруженнаго и императоромъ Фердинандомъ III. Въ 1640 г. собрался въ Регенсбургѣ первый послѣ 1613 года имперскій сеймъ, и тутъ было рѣшено назначить для переговоровъ о мирѣ вестфальскіе города Мюнстеръ и Оснабрюкъ, но совѣщанія этого конгресса (императора, шведовъ, католиковъ и протестантовъ въ Оснабрюкѣ, Германіи и Франціи въ Мюнстерѣ) начались нескоро, а начавшись затянулись на долгое время (съ апрѣля 1645 по октябрь 1648). Заключенію мира сильно мѣшали іезуиты, когда же мирные договоры были подписаны и ратифицированы (1649), папа Иннокентій X обнародовалъ буллу (1651), коею осуждалъ вестфальскій миръ, такъ какъ на немъ рѣшались религіозные вопросы безъ его согласія и гарантировалась свобода вѣроисповѣданія.

Вестфальскій миръ [2]), въ коемъ участвовали всѣ западныя дер-

---

[1]) О немъ см. соч. Koch'a.

[2]) Вестфальскій миръ разсматривается подробно между прочимъ въ сочиненіяхъ по международному праву. См. еще соч. (старое 1806 г.) Вольтмана (Gesh. des westfäl. Friedens) и Stöckert'a. (Die Admission der deutschen Reichsstände zum Westfälischen Friedenskongresse).

жавы, кромѣ Англіи, положилъ начало тому международному порядку, который въ существенныхъ сторонахъ своихъ держался, какъ законный, до французской революціи, т.-е. въ теченіе полутора вѣка (1648—1789). Для Германіи съ него начинается эпоха внутренняго разложенія, подготовленнаго тридцатилѣтнимъ междоусобіемъ. Международное значеніе имперіи пало, и отдѣльныя ея части сдѣлались добычей Швеціи и Франціи: первая получила почти всю Померанію съ Штетиномъ и Рюгеномъ, мекленбургскій городъ Висмаръ, а также епископства бременское (кромѣ вольнаго города Бремена) и верденское и сдѣлалась членомъ Римско-Германской имперіи, а Франція утвердила за собою три епископства (Мецъ, Туль и Верденъ) и Эльзасъ на весьма, впрочемъ, сложныхъ условіяхъ и безъ Страсбурга. Внутри Германіи увеличены были Бранденбургъ (присоединеніемъ части Помераніи, архіепископства магдебургскаго, епископствъ гальберштадтскаго, минденскаго и каминскаго), Баварія (сохранившая курфюршество и часть Пфальца, другая часть коего была возвращена съ восьмымъ курфюршескимъ титуломъ сыну Фридриха V), Саксонія (присоединеніемъ Лузаціи еще по пражскому миру 1635 г.) и т. п. Имперія признала давно уже фактически существовавшую независимость Швейцаріи (какъ Испанія особымъ договоромъ—независимость Нидерландовъ). Особенно для Германіи было важно то, что *вестфальскій миръ призналъ полную самостоятельность князей, которые могли теперь, какъ независимые государи, заключать союзы даже съ иностранными державами.* Вѣковая борьба, которая шла между князьями и императоромъ заключилась формальнымъ признаніемъ побѣды князей, и это случилось какъ разъ въ то время, когда въ Англіи наступалъ періодъ окончательнаго разрѣшенія тоже вѣковаго спора между королевскою властью и парламентомъ, а во Франціи утверждался абсолютизмъ [1]). *Извнѣ это ослабляло Германію, внутри вело къ установленію княжескаго деспотизма.*

Тридцатилѣтняя война началась изъ-за религіозной нетерпимости католиковъ подъ вліяніемъ іезуитской реакціи, папа протестовалъ противъ вестфальскаго мира. Конецъ войны совпадаетъ съ эпохой, когда *церковные интересы отходятъ на задній планъ передъ государственными*, и папскій протестъ не имѣлъ никакого значенія. Вестфальскій миръ наносилъ ударъ не только средневѣковой имперіи, но и папству, первой—окончательно разлагая ее въ федерацію князей и городовъ, второму—санкціонируя преобладаніе политическаго

---

[1]) Въ первомъ томѣ (стр. 110—111) сдѣлано болѣе подробное указаніе на это совпаденіе сопоставленіемъ трехъ названныхъ государствъ въ серединѣ XIII и XVII вѣковъ.

интереса надъ церковнымъ и прямо вводя оговорку о недѣйствительности какихъ бы то ни было протестовъ со стороны духовной власти. Подтверждая въ существенныхъ чертахъ постановленія 1552 и 1555 гг. по религіозному вопросу, миръ 1648 г. расширялъ ихъ, объявивъ закономъ равноправность (aequalitatem exactam mutuamque) между курфюрстами, князьями, чинами и отдѣльными лицами обоихъ исповѣданій съ распространеніемъ правъ, принадлежавшихъ прежде только лютеранамъ, и на реформатовъ. Правило „cujus regio, ejus religio“ отмѣнялось, причемъ срокомъ отмѣны считалось 1 января 1624: католическіе князья должны были оставить своимъ протестантскимъ подданнымъ свободу богослуженія, разъ послѣдніе имѣли ее 1 января 1624 (и наоборотъ, протестантскіе князья—католическимъ подданнымъ), но за то князь имѣлъ право изгонять тѣхъ подданныхъ, которые приняли неодинаковое съ нимъ исповѣданіе послѣ этого срока, хотя онъ и не могъ ихъ стѣснять и лишать гражданскихъ правъ, если не изгонялъ. Протестанты требовали, чтобы срокъ былъ назначенъ на 1618 г., какъ на наиболѣе для нихъ выгодный, а католики настаивали на 1630 г., какъ для нихъ болѣе выгодномъ, ибо тогда дѣйствовалъ реституціонный эдиктъ: 1624 г. былъ выбранъ, какъ средній между 1618 и 1630 гг. Тотъ же срокъ былъ принятъ и въ вопросѣ о секуляризованныхъ имѣніяхъ, но дальнѣйшая секуляризація запрещалась. Наконецъ, въ имперскомъ верховномъ судѣ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ должно было существовать равное число католическихъ и протестантскихъ членовъ, а по отношенію къ имперскому сейму, гдѣ подавляющее большинство было католическое, было принято, что религіозныя дѣла будутъ рѣшаться лишь по полюбовному соглашенію.

Кромѣ политическаго ослабленія и раздробленія, тридцатилѣтняя война имѣла своими слѣдствіями матеріальное разореніе и культурное одичаніе нѣмецкаго народа. Населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи до сихъ поръ не сравнялось съ тѣмъ, какимъ было до войны, а вообще оно уменьшилось за 30 лѣтъ на цѣлую половину, мѣстами даже на четыре пятыхъ, на девять десятыхъ. Цѣлыя населенныя мѣста исчезали съ лица земли, а въ уцѣлѣвшихъ городахъ и селахъ стояло безъ жителей иногда до двухъ третей домовъ. Покинутыя пашни заростали кустарникомъ, и лѣсъ являлся тамъ, гдѣ прежде велось полевое хозяйство. Крестьянство, положеніе коего стало ухудшаться еще раньше, не могло поправиться послѣ тридцатилѣтней войны. Промышленность и торговля были разорены и перешли къ Англіи и Голландіи, съ коими потомъ Германіи соперничать было уже трудно. Война не только уносила народное благосостояніе, но и деморализировала населеніе: содержавшія себя грабежемъ войска состояли изъ наемниковъ, любителей легкой наживы, изъ бродягъ, пропоицъ, мо-

шенниковъ самыхъ разнообразныхъ націй, начиная съ ирландцевъ и кончая казаками, и совершали страшныя звѣрства надъ плѣнными и мирными жителями. Дичали нравы, падала и умственная жизнь. Догматизмъ ортодоксальнаго лютеранства, безвкусное подражаніе чужимъ образцамъ въ литературѣ, суевѣрія съ вѣрою въ колдовство и процессами вѣдьмъ включительно, вотъ что характеризуетъ эту эпоху въ исторіи Германіи. Неудовлетворительный исходъ нѣмецкой реформаціи, католическая реакція и тридцатилѣтняя война были тремя актами той исторической драмы, которая имѣла своимъ финаломъ печальное прозябаніе старой священной Римской имперіи во второй половинѣ XVII вѣка и въ XVIII столѣтіи до начала новыхъ культурнаго и политическаго движеній [1]). Не одна, впрочемъ, Германія пострадала отъ религіозныхъ войнъ; онѣ въ свое время надѣлали много зла, напр., и Франціи, но послѣдняя быстрѣе оправилась отъ того разоренія, какое постигло и ее во второй половинѣ XVI вѣка.

Вестфальскимъ миромъ, заключившимъ тридцатилѣтнюю войну на материкѣ западной Европы (а для Англіи первой революціей, т.-е. сороковыми и пятидесятыми годами XVII в.), оканчивается реформаціонный періодъ новой исторіи. Намъ остается разсмотрѣть еще въ этомъ періодѣ именно англійскую исторію въ первой половинѣ XVII вѣка, но помимо своего интереса для религіозной исторіи реформаціоннаго періода на западѣ Европы, она представляетъ еще высокій интересъ политическій, а потому мы и разсмотримъ ее въ другой связи, переходя теперь къ эпохѣ, когда церковныя дѣла отступили на задній планъ передъ государственными какъ бы въ ожиданіи того, чтобы и въ духовной культурѣ, въ коей реформація и реакція возстановили теологическое направленіе, произошло соотвѣтственное же измѣненіе— въ данномъ случаѣ въ смыслѣ возвращенія къ тому, что было начато свѣтскимъ Ренессансомъ.

---

¹) K. F. Hanser. Deutschland nach dem dreiszigjährigen Kriege. K. Biedermann. Deutschlands trübste Zeit, oder der dreissigjährige Krieg in seinen Folgen für das deutsche Kulturleben.—G. Freytag. Bider aus der deutschen Vergangenhlit. (третій томъ).

ФРАНЦІЯ И АНГЛІЯ ВЪ XVII ВѢКѢ.

XXIX. Политическія противоположности XVI и XVII вѣковъ [1]).

Характеръ государственной власти въ эпоху реформаціи и католической реакціи.—Религіозная и политическая борьба противъ абсолютизма.—Взаимныя отношенія королевской власти и сословно-представительныхъ учрежденій въ эпоху реформаціи и реакціи.—Значеніе французской и англійской исторіи въ XVII вѣкѣ.—Сословность въ религіозной и политической оппозиціи.—Сущность французскаго абсолютизма.—Роль Голландіи въ XVII в.—Противоположность между Франціей и Англіей въ XVII в.—Политическія формы XVII—XVIII вв.—Личность и государство.

Однимъ изъ главныхъ политическихъ вопросовъ въ средніе вѣка былъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ [2]). Въ общемъ это была эпоха преобладанія церкви надъ государствомъ, но въ новое время начинается освобожденіе государства изъ-подъ церковной опеки. Стремленіямъ государственной власти въ этомъ отношеніи много помогало въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ одной стороны, новое культурное направленіе, рельефнѣе всего выразившееся въ гуманизмѣ и въ зарожденіи свѣтской политической мысли [3]), съ другой—общее недовольство католическою церковью, какъ по причинамъ чисто свѣтскаго характера, такъ и вслѣдствіе ея порчи. Но свѣтскому гуманистическому направленію, возникшему въ XIV в., пришлось уступить мѣсто направленію религіозному, реформаціонному, возникающему въ концѣ того же столѣтія въ проектѣ соборной реформы [4]) и въ религіозномъ протестѣ Виклифа [5]), но особенно воз-

---

[1]) Для общей характеристики абсолютной монархіи см. Laurent. La politique royale (XI томъ его Études sur l'histoire de l'humanité). Другія указанія въ III томѣ настоящаго труда.

[2]) Т. I, гл. XXII и XXIV.

[3]) Т. I, гл. XXXIII.

[4]) Т. I, гл. XXXVIII.

[5]) Т. I, гл. XXXIX.

обладавшему въ XVI вѣкѣ, когда оно почти совсѣмъ и затерло гуманистическое направленіе [1]). Первыя попытки реформы церкви не привели къ желанной цѣли: великіе соборы первой половины XV в. (пизанскій, констанцскій и базельскій) оставили церковныя дѣла почти въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ нашли, уничтоживъ только—да и то съ большимъ трудомъ—расколъ, а первое очень сильное реформаціонное движеніе,—гуситское въ Чехіи,—было подавлено. Неспособность самой церкви исцѣлить свои недуги была причиной того, что въ дѣло реформы вмѣшались внѣцерковныя силы [2]) и между ними государственная власть. То, что въ Чехіи начала XV в. окончилось неудачей, возобновилось черезъ сто лѣтъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ въ Германіи, откуда реформація распространилась и по другимъ странамъ. Государственной власти пришлось вездѣ рѣшать вопросъ, какъ отнестись къ этому движенію, и мы знаемъ, что вопросъ этотъ рѣшался двояко [3]), но *становилась ли государственная власть на сторону реформы, или противодѣйствовала ей, она получала отъ реформы выгоду*, которая, конечно, была различная въ протестантскихъ и католическихъ странахъ: въ первыхъ, какъ мы не разъ уже видѣли, *государство само становилось на мѣсто церкви, вовторыхъ между обѣими силами заключался союзъ для взаимной поддержки*, союзъ, благодаря коему государство выигрывало отъ содѣйствія, какое ему оказывалъ католицизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, государственная власть пріобрѣтала вмѣстѣ съ другими сторонами жизни конфессіональный—католическій или протестантскій—характеръ, и то политическое отношеніе къ церковной реформѣ, которое преобладало у королей первой половины XVI в. [4]), подъ вліяніемъ общаго духа эпохи, въ частности подъ вліяніемъ католической реакціи, замѣнилось религіознымъ фанатизмомъ, характерными представителями коего во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. были испанскіе и австрійскіе Габсбурги (особенно Филиппъ II и Фердинандъ II), Максимиліанъ Баварскій и Сигизмунъ III Польскій. Благодаря этому, абсолютизмъ, развивавшійся въ эту эпоху въ нѣкоторыхъ государствахъ, получилъ вѣроисповѣдный характеръ: *къ тому свѣтскому политическому направленію, которое выразилось въ теоріи и практикѣ маккіавеллизма, присоединился религіозный фанатизмъ въ духѣ іезуитской реакціи*. Въ сравненіи съ фанатическимъ абсо-

---

[1]) Т. I, гл. XXXIV, гдѣ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ Возрожденія и реформаціи, а также и выше, стр. 233 и слѣд.

[2]) Т. I, гл. XL.

[3]) См. выше, стр. 188 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 191.

лютизмомъ главныхъ его представителей въ эпоху религіозныхъ войнъ, т.-е. испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ особое значеніе получаетъ политика такихъ дѣятелей абсолютизма, какъ Генрихъ IV и кардиналъ Ришелье во Франціи, поддерживавшіе силою государственной власти вѣротерпимость въ этой странѣ [1]), въ ту эпоху, когда въ другихъ государствахъ происходили религіозныя преслѣдованія, причемъ исключенія изъ общаго правила не составляла и протестантская Англія [2]). На тотъ же путь вступала уже и габсбургская политика въ двадцатилѣтіе, занятое царствованіемъ Фердинанда I и Максимиліана II [3]), и къ тому же вынуждали реакціоннаго Рудольфа II обстоятельства, когда онъ подтверждалъ свободу вѣроисповѣданія своихъ подданныхъ, но католическая реакція взяла свое, и въ наслѣдственныхъ габсбургскихъ земляхъ утвердился нетерпимый католицизмъ, шедшій рука объ руку съ абсолютизмомъ. Да и Франція въ концѣ XVII вѣка, когда Людовикъ XIV уничтожилъ нантскій эдиктъ (1685), находилась въ томъ же лагерѣ. Отмѣна нантскаго эдикта была крупнымъ торжествомъ принципа конфессіональнаго абсолютизма, водворить который стремились въ Англіи и Стюарты.

Но въ реформаціи и католической реакціи была еще и другая сторона, коею онѣ соприкасались не съ государственною властью, а съ индивидуальною свободою: реформація провозгласила принципъ свободы совѣсти, хотя и не провела его въ жизнь протестантскихъ государствъ [4]), реакція, наоборотъ, вооружилась противъ какой бы то ни было вѣротерпимости. *На почвѣ великаго вопроса о правѣ человѣка свободно исповѣдовать свою вѣру и произошли на Западѣ главныя столкновенія государственной власти съ подданными въ XVI и XVII вв.* Съ конца среднихъ вѣковъ почти повсемѣстно происходитъ усиленіе королевской власти [5]) и паденіе сословно-представительныхъ учрежденій [6]), и реформаціонная эпоха занимаетъ особое мѣсто въ исторіи ихъ взаимныхъ отношеній. Противоположные принципы абсолютной и ограниченной [7]) монархіи, изъ коихъ одинъ былъ происхожденія римскаго, другой — германскаго и феодальнаго, въ политической жизни Европы вели долговременную борьбу. Къ концу среднихъ вѣковъ побѣда склонялась въ сторону абсолютизма даже въ Англіи [8]), гдѣ съ вступленіемъ дина-

---

[1]) См. выше, стр. 349—350.
[2]) См. выше, стр. 225 и слѣд., а кромѣ того и ниже въ отдѣлѣ о Стюартахъ.
[3]) См. выше, стр. 357.
[4]) См. выше, стр. 235.
[5]) Томъ I, глава X.
[6]) Томъ I, гл. VI.
[7]) Томъ I, гл. VII въ началѣ.
[8]) Томъ, I, гл. IX.

сти Тюдоровъ начинается періодъ личнаго правленія. *Реформаціонное движеніе вдохнуло новую жизнь въ сословно-представительныя учрежденія,* а политическая литература кальвинистовъ [1]) создала цѣлую теорію сословно-представительной монархіи. Стѣсненіе религіозной свободы протестантовъ католическими государями заставляло первыхъ защищать права своей совѣсти, и съ оппозиціей религіозной, поддерживая ее и ею усиливаясь, получая отъ нея высшую санкцію и принципіальный характеръ, соединялась оппозиція политическая, оппозиція сословно-представительныхъ учрежденій противъ стремленія королевской власти къ абсолютизму. Мы наблюдаемъ это явленіе въ XVI в. въ Шотландіи, во Франціи, гдѣ и католики становятся на точку зрѣнія народовластія, въ Нидерландахъ, потомъ въ началѣ XVII в. во владѣніяхъ австрійскихъ Габсбурговъ, особенно въ несчастной Чехіи [2]), одновременно съ этимъ и въ Англіи, гдѣ въ послѣдніе годы происходившей на материкѣ тридцатилѣтней войны дѣло дошло (какъ и въ Шотландіи сначала, въ 1637 г.) до революціи, и съ этою *эпохою протестантской главнымъ образомъ борьбы сословно-представительныхъ учрежденій съ королевскою властью можно сравнить лишь эпоху конституціонныхъ движеній на Западѣ въ первой половинѣ XIX в.,* происходившихъ уже подъ вліяніемъ идей французской революціи.

Церковная реформація и католическая реакція, содѣйствовавшія усиленію королевской власти, и протестантизмъ, вносившій въ историческую жизнь начало религіозной свободы, какъ одного изъ видовъ свободы индивидуальной [3]), такимъ образомъ содѣйствовали постановкѣ на очередь одного изъ главныхъ политическихъ вопросовъ новаго времени [4]). Въ разныхъ мѣстахъ онъ рѣшается въ это время различнымъ образомъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и историческихъ обстоятельствъ. Въ борьбѣ съ габсбургскимъ абсолютизмомъ нидерландскіе государственные чины (да и то лишь въ одной части страны) одерживаютъ побѣду, чешскіе (а съ ними моравскіе и силезскіе) терпятъ страшное пораженіе. И вообще въ западной Европѣ XVI и XVII вѣковъ *развивается противоположность между двумя типами государствъ,* самыми рельефными представителями коихъ съ XVII вѣка и для всего XVIII столѣтія вплоть до 1789 г. являются Франція и Англія: въ XVII в. абсолютизмъ первой сдѣлался такимъ же предметомъ подражанія для другихъ государствъ („вѣкъ

---

[1]) См. выше, стр. 245 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 360 и слѣд.

[3]) Ср. т. I, гл. XXI, гдѣ говорится о положеніи личности въ средневѣковомъ обществѣ.

[4]) Ср. томъ I, гл. XII.

Людовика XIV“) какимъ стали англійскія конституціонныя учрежденія съ эпохи французской революціи. Въ то самое время, какъ Англія въ борьбѣ съ Стюартами отстаивала свою парламентскую свободу, во Франціи консолидировался абсолютизмъ, благодаря Генриху IV и Ришелье, современникамъ двухъ первыхъ Стюартовъ, и Людовику XIV, современнику двухъ послѣднихъ Стюартовъ: французской политической системѣ въ это время начинали подражать не только на континентѣ, но и въ самой Англіи. Послѣдняя, сказали мы, отстояла политическую свободу, но на континентѣ утвердилась абсолютная монархія, именемъ которой и обозначаютъ второй большой отдѣлъ новой исторіи — отъ вестфальскаго мира до французской революціи (1648—1789), слѣдующій за реформаціоннымъ періодомъ (1517—1648). Исключивъ [1]) тридцатилѣтнюю войну, составляющую главное явленіе нѣмецкой исторіи въ XVII в., все вниманіе въ исторіи этого столѣтія вообще мы должны сосредоточить на Франціи, занявшей господствующее положеніе въ Европѣ и начинавшей уже давать тонъ культурной и политической жизни другихъ странъ, и на Англіи, гдѣ въ эпоху первой революціи завершилось религіозное движеніе реформаціоннаго періода и откуда Европа XVIII вѣка стала заимствовать религіозныя и политическія идеи.

Разсматривая съ самой общей точки зрѣнія судьбы протестантизма и представительныхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ ними религіозной и политической свободы, мы можемъ сказать, что *чѣмъ болѣе протестантизмъ имѣлъ народный характеръ и чѣмъ менѣе представительныя учрежденія отличались сословною замкнутостью, тѣмъ вѣрнѣе была ихъ побѣда.* Пораженіе протестантизма въ Польшѣ, во Франціи, во владѣніяхъ австрійскихъ Габсбурговъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ былъ здѣсь преимущественно (хоть и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ) исповѣданіемъ дворянъ и горожанъ, которыхъ не поддерживала или мало поддерживала народная масса [2]). Замѣчательно, что и политическая оппозиція имѣла въ ту эпоху преимущественно аристократическій, дворянскій характеръ, и въ этомъ заключалась одна изъ причинъ ея подавленія, хотя бы временно протестантскому дворянству и удавалось добиться такихъ правъ, какія во Франціи давались ему нантскимъ эдиктомъ, а въ Чехіи—грамотой величества, дѣлавшихъ изъ союзовъ протестантскихъ дворянъ въ обѣихъ странахъ вооруженныя политическія силы [3]). Самая свобода совѣсти пріобрѣтала видъ (особенно въ Польшѣ) дворянской привилегіи. Въ Нидерландахъ религіозно-политическую оппозицію, начатую дворянами

---

[1]) См. выше, стр. 352.
[2]) Ср. выше, стр. 209 и 358.
[3]) См. выше, стр. 349 и 360.

же [1]), вынесли потомъ на своихъ плечахъ главнымъ образомъ горожане и народъ сѣверныхъ частей страны, тогда какъ южная, гдѣ особенно сильна была аристократія, такъ-таки и не могла освободиться отъ Испаніи. Вся исторія французскихъ генеральныхъ штатовъ [2]) въ сравненіи съ англійскимъ парламентомъ показываетъ, что одна изъ причинъ ихъ неуспѣха заключалась въ сословныхъ раздорахъ, а въ эпоху религіозныхъ войнъ дворяне-кальвинисты получали бо́льшія религіозныя права, чѣмъ ихъ единовѣрцы изъ горожанъ [3]); притомъ масса этого послѣдняго сословія оставалась вѣрною католицизму, составивъ главную силу лиги. Послѣ 1560, 1561, 1576, 1588 и 1593 гг. штаты во Франціи собирались только одинъ разъ еще (1614—1615), но это были послѣдніе штаты (если не считать созванныхъ черезъ 175 лѣтъ, т.-е. въ 1789 г.), и это-то послѣднее собраніе сословныхъ представителей въ началѣ XVII в. ознаменовалось страшнымъ между ними раздоромъ. Въ соціальномъ отношеніи эта дворянская оппозиція и реформація соединялась или съ феодальной реакціей (какъ было во Франціи), или съ захватомъ всей власти надъ народомъ (какъ было въ Польшѣ), и *дальнѣйшая политика абсолютизма въ томъ и заключалась, чтобы отклонять политическую оппозицію аристократическаго происхожденія, поддерживая силою государственной власти соціальныя права дворянства* [4]). Однимъ словомъ, западно-европейскій абсолютизмъ, зародившійся въ борьбѣ государства съ католицизмомъ и феодализмомъ, заключилъ потомъ союзъ съ церковью и аристократіей, подавивъ въ пользу первой религіозную свободу и уступивъ второй свободу народа, на которомъ оставались старыя феодальныя путы. Типическимъ представителемъ такой клерикальной и аристократической политики сдѣлался Людовикъ XIV, которому подражала почти вся Европа. Дѣло, начатое Возрожденіемъ и реформаціей, пріостановилось, какъ пріостановилось и разрушеніе феодализма, соціальная сторона коего оставалась неприкосновенною до середины XVIII в. [5]). Только черезъ сто лѣтъ послѣ вступленія Людовика XIV на престолъ, *абсолютизмъ измѣнилъ свой характеръ, порвавъ свои связи съ католической реакціей и приступивъ къ общественнымъ реформамъ подъ вліяніемъ новаго просвѣщенія* (просвѣщенный абсолютизмъ).

Направленіе, противоположное системѣ Людовика XIV, развивалось въ протестантскихъ Голландіи и Англіи. Людовикъ XIV возобновилъ притязанія на европейскую гегемонію, которыя заявлялись

---

[1]) См. выше, гл. XXV.
[2]) Томъ I, гл. VI, въ концѣ.
[3]) См. выше, стр. 338 и 349.
[4]) Т. I, гл. XII.
[5]) Томъ I, гл. IV.

раньше Габсбургами. Его абсолютизмъ былъ враждебенъ національной независимости, а душою всѣхъ коалицій, которыя составлялись противъ французскаго короля, дѣлалась Голландія. Въ этой же странѣ нашли пріютъ гонимые гугеноты и впервые стали появляться французскія оппозиціонныя сочиненія. Отсюда же была подана помощь Англіи, протестантизму и свободѣ коей грозилъ союзъ короля-католика Іакова II съ Людовикомъ XIV, и которую Голландіи было выгодно имѣть на сторонѣ своей въ рѣшительной борьбѣ съ Франціей. Но особенно развилась въ XVII в. политическая противоположность между Франціей и Англіей, противоположность, коренившаяся въ первоначальныхъ условіяхъ ихъ исторіи [1]). Еще въ XIII в. намѣтилась будущая исторія обѣихъ странъ—возвышеніе королевской власти въ одной и ея ограниченіе въ другой. Въ XVI в. Тюдоры были сильнѣе послѣднихъ Валуа, но въ XVII в. отношенія при Стюартахъ въ Англіи и при Бурбонахъ во Франціи измѣнились. Въ то время, какъ французскіе генеральные штаты въ 1614—15 гг. обнаружили полную свою несостоятельность, англійскій парламентъ, наоборотъ, доказывалъ свою жизненность. Стюарты, подражая французскимъ королямъ, начали вести себя въ духѣ абсолютизма, забывая, что политическія условія въ Англіи были не тѣ, что во Франціи, и соединяя съ политическимъ абсолютизмомъ—религіозный,—чего въ ту эпоху (первая половина XVII в.) во Франціи не было,—и этимъ вызвали противъ себя политическую и религіозную оппозицію. Парламентъ, бывшій болѣе національнымъ представительствомъ, чѣмъ штаты съ ихъ сословнымъ устройствомъ, и пуританизмъ, отличавшійся болѣе демократическимъ духомъ, чѣмъ аристократическій кальвинизмъ во Франціи, одержали побѣду надъ королевскимъ абсолютизмомъ, что повело за собою даже образованіе въ Англіи демократической республики сектантовъ, не могшей, однако, получить твердой основы въ странѣ, когда же возвратившіеся Стюарты возобновили политику своихъ предшественниковъ, англичане повторили надъ ними въ лицѣ Іакова II то, что за сто лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлали нидерландскіе генеральные штаты съ Филиппомъ II и за семьдесятъ лѣтъ чешскій сеймъ съ Фердинандомъ II. Замѣчательно, что одновременно съ первой англійской революціей, т.-е. въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVII в. и во Франціи происходила политическая смута, но здѣсь своимъ безъидейнымъ, легкомысленнымъ характеромъ она лишній разъ доказывала неспособность тогдашняго французскаго общества съ своей аристократіей во главѣ къ политическому самоуправленію, и названіе „фронда", полученное этимъ движеніемъ по

[1]) Томъ I, гл. VI—X.

имени одной дѣтской игры (la fronde), какъ нельзя болѣе подошло къ сдѣланной въ это время попыткѣ ограничить королевскую власть. Однимъ словомъ, *въ XVII в. у абсолютизма было столь же мало шансовъ въ Англіи, какъ во Франціи—у политической свободы*, и политическое развитіе обѣихъ странъ пошло по разнымъ дорогамъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи XVII вѣка мы сосредоточимъ все вниманіе на развитіи этой противоположности, причемъ главное вниманіе обратимъ на Англію, у которой сама Франція въ XVIII в. заимствовала идеи и хотѣла заимствовать учрежденія. Здѣсь же мы должны будемъ познакомиться и съ новымъ фазисомъ реформаціоннаго движенія, составляющаго главный предметъ настоящаго тома. Болѣе подробное изложеніе французской исторіи по принятому плану должно быть отнесено къ исторіи XVIII в., коей посвященъ слѣдующій томъ [1]).

Называя періодъ отъ 1648 г. по 1789 г. періодомъ абсолютной монархіи, мы не должны представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, чтобы на континентѣ Европы это была единственная политическая форма въ ту эпоху. Наоборотъ, до французской революціи существовали весьма разнообразныя формы политическаго устройства. Нѣмецкая имперія была чѣмъ-то среднимъ между единымъ государствомъ и международнымъ союзомъ государствъ, чѣмъ - то такимъ, что не поддавалось политико-юридическому опредѣленію: даже представители государственныхъ наукъ совершенно напрасно ломали голову, опредѣляя, чѣмъ же была имперія, лишь склоняясь къ тому результату, что это не была ни монархія, ни аристократія, ни демократія, а было какое-то чудище (monstrum), какъ выразился знаменитый государствовѣдъ Пуфендорфъ въ своемъ „De statu imperii Germanici liber“ (1667), дѣйствительно характеризующемъ хаосъ имперскаго устройства [2]), и только въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи развивался княжескій абсолютизмъ на счетъ земскихъ чиновъ [3]). Не менѣе странно было устройство и свѣтлѣйшей польской республики (Рѣчи Посполитой), о которомъ сами поляки говорили, какъ о безнарядьѣ, которымъ, по ихъ мнѣнію, стояла Польша (Polska nierządem stoi) [4]). Весьма своеобразна была и конституція Голландіи, которая, подобно Швейцаріи,

---

[1]) Томъ I, гл. I (въ концѣ) и выше стр. 10 и 353—354 (гдѣ говорится о причинахъ болѣе подробнаго изложенія нѣмецкой исторіи въ XVI вѣкѣ и англійской въ XVII вѣкѣ).

[2]) Jastrow. Pufendorfs Lehre von der Monstrosität der Reichsverfassung. Это соч. Пуфендорфа вышло въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Severinus de Monzambano.

[3]) См. въ III томѣ.

[4]) См. мой „Историческій очеркъ польскаго сейма“.

сохранившей средневѣковое устройство [1]), была федераціей съ сильнымъ развитіемъ остатковъ средневѣковой муниципальной старины. Но эти федеративныя формы отживали свой вѣкъ, чтобы не возрождаться (кромѣ Швейцаріи) послѣ ударовъ, нанесенныхъ имъ въ эпоху французской революціи. Абсолютизмъ утвердился въ Испаніи, въ Португаліи, въ самостоятельныхъ итальянскихъ княжествахъ (кромѣ республикъ Венеціанской и Генуэзской) съ папскою областью, во Франціи, въ княжествахъ Германіи, въ габсбургскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, не исключая Венгріи, гдѣ, однако, велась борьба, въ новомъ королевствѣ Пруссіи, въ Даніи и временно утверждался въ Швеціи, гдѣ, впрочемъ, брала верхъ и дворянская олигархія. Но и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ утвердился абсолютизмъ, сохранялось много средневѣковыхъ отношеній. Во-первыхъ, это можно сказать вообще о средневѣковыхъ сословныхъ привилегіяхъ, такъ что эпоху эту слѣдуетъ характеризовать, какъ *время господства политическаго абсолютизма въ союзѣ съ соціальными привилегіями.* Во-вторыхъ, не вездѣ „чины" такъ погибли, какъ во Франціи, хотя, сохраняясь, они уже не играли прежней роли, но и въ самой Франціи рядомъ съ королевскою властью вплоть до революціи продолжали существовать парижскій и провинціальные парламенты, притязанія коихъ противорѣчили королевскому полновластію [2]). Средневѣковыя учрежденія въ абсолютныхъ монархіяхъ были большею частью феодальнаго происхожденія и доживали до французской революціи, общій же тонъ политической жизни задавался не ими, а абсолютною королевскою властью. Абсолютныя же монархіи, а не уродливая нѣмецкая „имперія" и не безпорядочная польская „республика" играютъ главную роль въ международной политикѣ эпохи. Кромѣ нидерландской федераціи, усвоившей съ протестантизмомъ и новыя начала политической жизни, приспособленныя къ старому устройству, такія отжившія свой вѣкъ федераціи, какъ нѣмецкая „имперія" и польская „республика", не могли состязаться съ большими унитарными государствами, какія окончательно сформировались къ этому времени, а сами монархіи эти были результатомъ сплоченія областей, тянувшихъ въ разныя стороны, но такъ, что *государственное единство покупалось на счетъ мѣстной свободы.* Одна Англія изъ большихъ націй еще въ средніе вѣка съумѣла сочетать государственное единство, коимъ такъ гордились монархіи въ родѣ французской, съ мѣстною свободой, бывшей предметомъ гордости нѣмцевъ (die deutsche Libertät) и поляковъ (złota wolność). Исторія западной Европы рѣшительно шла по дорогѣ отъ федеративныхъ началъ средневѣкового быта къ государственному

---

[1]) См. выше, стр. 151.
[2]) Т. I, гл. X (въ концѣ), но особенно см. ниже и въ томѣ III.

сплоченію новаго времени, такъ сказать, выразившемуся вполнѣ въ монархіи Бурбоновъ, причемъ средствомъ такого сплоченія была политическая централизація, уничтожавшая мѣстныя привилегіи и вольности, за которыя держались областные чины и сеймы. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ и французской революціи централизаціонное стремленіе новаго государства проявилось съ особою силою, но съ того же времени начался и поворотъ къ англійскимъ началамъ политической жизни, которыя, благодаря двумъ революціямъ XVII вѣка, получили въ слѣдующемъ за тѣмъ столѣтіи дальнѣйшее развитіе.

Какъ реформаціонный періодъ былъ эпохой господства церковности (протестантской и католической), такъ *періодъ абсолютной монархіи былъ временемъ развитія государственнаго начала.* Индивидуализмъ новаго времени, религіозныя проявленія коего стѣснялись требованіями государственной церковности реформаціоннаго періода [1]), продолжалъ и въ слѣдующій періодъ отстаивать свое право на существованіе, встрѣчая нерѣдко отпоръ со стороны государства, которое, опираясь на свое всемогущество отрицало за индивидуумомъ, какія бы то ни было естественныя права [2]): и въ этомъ отношеніи между Франціей и Англіей выработался контрастъ. Отмѣна нантскаго эдикта во Франціи стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ правительственнымъ произволомъ, который лишалъ личную свободу всякихъ гарантій: полную противоположность французскимъ „lettres de cachet“ или приказамъ объ арестѣ безъ слѣдствія и суда представляетъ собою англійскій „habeas corpus act“, утвердившій законную гарантію личной свободы, истинный источникъ всѣхъ другихъ вольностей англійскихъ гражданъ, каковы свобода слова, свобода печати, собраній и т. п. [3]). Въ Англіи это была одна изъ политическихъ традицій, которая шла еще со временъ великой хартіи 1215 года [4]), но особенно оживилось въ ея населеніи чувство личной свободы, благодаря протестантскому движенію, лозунгомъ коего былъ индивидуализмъ и изъ котораго вышелъ трактатъ Локка, написанный въ защиту политической и индивидуальной свободы, вышло даже цѣлое направленіе „свободныхъ мыслителей“. *Въ XVIII вѣкѣ вопросъ о правахъ личности и предѣлахъ власти государства сталъ на очередь.* Конечно,

---

[1]) См. выше во многихъ мѣстахъ.

[2]) Крайнимъ выраженіемъ этого направленія было ученіе Гоббза, о чемъ ниже.

[3]) Мысль о законномъ огражденіи индивидуальной свободы, какъ объ источникѣ всѣхъ спеціальныхъ свободъ въ Англіи хорошо аргументируетъ Дайси въ „Основахъ государственнаго права Англіи“ (рус. пер. подъ ред. П. Г. Виноградова).

[4]) Т. I, стр. 32 (39 статья „magnae chartae libertatum“).

онъ существовалъ и раньше въ формѣ вопроса о свободѣ совѣсти и о принудительной власти въ дѣлахъ вѣры, принадлежала ли эта власть церкви или государству, но лишь тогда онъ обобщился и распространился на всѣ сферы индивидуальной жизни [1]). Протестантскія государственныя церкви и тѣмъ болѣе католическая реакція не признавали свободы совѣсти; государство или по нуждѣ, или отрѣшаясь отъ конфессіональныхъ стремленій, „терпѣло" иновѣріе, допуская его, какъ милостивую съ своей стороны уступку [2]), которую могло взять и назадъ, но впервые въ Англіи въ очень широкихъ размѣрахъ и съ прочными гарантіями нашелъ примѣненіе принципъ свободы совѣсти, какъ неотъемлемаго права личности. Гарантія религіозной свободы, которую французское или чешское дворянство видѣло въ военной организаціи своихъ союзовъ, сдѣлавшихся государствами въ государствѣ, создавалась въ Англіи общимъ строемъ жизни и тѣмъ спеціальнымъ закономъ, который обезпечивалъ индивидуальную свободу.

XXX. Утвержденіе абсолютизма во Франціи [3]).

Политическія идеи во Франціи и государственная теорія Бодена.—Идеалъ монарха у Бодена и Генрихъ IV.—Побѣда Генриха IV надъ феодальной реакціей.—Нотабли 1596 г.—Характеръ власти Генриха IV. — Смуты въ малолѣтство Людовика XIII и генеральные штаты 1614—15 гг..—Общій характеръ внутренней политики Ришелье.—Политическая литература при Ришелье и его «политическое завѣщаніе».—Мазарини и фронда.—Отсутствіе политической идеи въ движеніи фронды.

Религіозныя войны во Франціи прервали на время развитіе королевскаго абсолютизма, достигшаго при Францискѣ I и Генрихѣ II, т.-е. въ первой половинѣ XVI в., передъ усиленіемъ религіознаго

---

¹) Т. I, гл. XXI (положеніе личности въ обществѣ).

²) Выше, passim.

³) Для эпохи Генриха IV, кромѣ сочиненій, указанныхъ выше (стр. 12 и 332), Michelet. Henri IV et Richelieu.—Philippson. Heinrich IV und Philipp III. Begründung der französischen Uebergewicht in Europa.—Guadet. Henri IV, sa vie, ses oevres, ses écrits. — E. Jung. Henri IV consideré comme écrivain. — Mercier de la Combe. La politique de Henri IV. — Lavisse. Sully.—Faignier. L'industrie en France sous Henri IV. — Эпоха Ришелье представлена въ исторической литературѣ многими сочиненіями, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить одно изъ новѣйшихъ, принадлежащее d'Avenel'ю и озаглавленное: Richelieu et la monarchie absolue. Кромѣ того, Bazin. Histoire de France sous Louis XIII.—Caillet. Histoire de l'administration sous le ministère de Richelieu.—Dussieux. Le cardinal de Richelieu.—Martineau. Le cardinal de Richelieu.—Marius Topin. Louis XIII et Richelieu.—B. Zeller. Richelieu et les ministres de Louis XIII.—De la Garde. Le duc de Rohan et les protestants

движенія весьма значительныхъ результатовъ [1]). Генеральные штаты 1439 г. отказались отъ своего права вотировать субсидіи, и съ этого времени учрежденіе, никогда не достигавшее прочнаго вліянія во Франціи, приходитъ въ упадокъ. Ихъ созвалъ одинъ разъ Людовикъ XI, одинъ разъ—Карлъ VIII, одинъ разъ—Людовикъ XII, ни разу не созывалъ Францискъ I и опять-таки—лишь одинъ разъ созвалъ Генрихъ II, да и въ періодъ религіозныхъ войнъ они собирались только пять разъ, если даже считать собраніе депутатовъ отъ дворянства и третьяго сословія въ 1561 г. за полные штаты [2]). Не смотря на всю популярность, какою пользовалась во Франціи теорія народовластія въ кальвинистической и іезуитской обработкѣ, дѣйствительность соотвѣтствовала не этой теоріи, а другой, которая въ XVI в. нашла своего выразителя въ Жанѣ Боденѣ [3]). Кромѣ фанатическихъ католиковъ, сочетавшихъ въ своихъ воззрѣніяхъ демократическія начала съ теократическими, и кромѣ кальвинистовъ, у коихъ идея народовластія получала аристократическій или сословный оттѣнокъ, во Франціи, какъ мы видѣли, въ эпоху религіозныхъ войнъ существовала еще партія „политиковъ", къ которой принадлежалъ Лопиталь и которая наконецъ увидѣла осуществленіе своихъ стремленій съ воцареніемъ Генриха IV. Къ числу представителей вѣротерпимости и къ числу писателей, проводившихъ свѣтскія идеи въ эту эпоху, когда на религіозную почву ставились и политическіе вопросы, принадлежалъ одинъ изъ основателей науки государственнаго права въ новое время Жанъ Боденъ (Jean Bodin, латинизированный въ Bodinus), книга котораго „О государствѣ" (De la république) играетъ важную роль въ исторіи политическихъ ученій. Боденъ, подобно Макіавелли, своему предшественнику въ качествѣ свѣтскаго политическаго писателя, относится—не въ хронологическомъ, конечно, смыслѣ—къ эпохѣ классп-

---

sous Louis XIII.—По эпохѣ Мазарини и фронды: Bazin. Histoire de France sous le cardinal de Mazarin.—Cheruel. Histoire de la France pendant la minorité de Louis XIV.—Его же Histoire de l'administration de Mazarin.—Freer. The regency of Anne of Austria.—Saint-Aulaire. Histoire des guerres de la Fronde (устарѣло, 1827 г.).—Debidour. La fronde angevine.—Caffarel. La Fronde en Provence.—Feillet. La misère au temps de la Fronde et Saint Vincent de Paul.—Кромѣ того, къ эпохѣ и предмету имѣютъ отношеніе: B. Zeller. Le connétable de Luynes.—Duc d'Aumale. Hist. des princes de Condé aux XVI et XVII siècles.—Chantelauze. Le cardinal Retz (пр. Конде и кард. Рецъ были дѣятели Фронды). Для исторіи французскихъ учрежденій см. Cheruel (Hist. de l'administration) и Dareste (то же).—Hanotaux. Origine de l'institution des intendants.—De Luçay. Les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à Louis XVI.

[1]) Т. I, стр. 119—125.

[2]) Т. I, стр. 73 и 74, а также выше, гл. XXVI.

[3]) Baudrillard. Jean Baudin et son temps.

ческаго Возрожденія, а не къ эпохѣ религіозной реформаціи, и вотъ этотъ писатель выступаетъ въ своемъ сочиненіи, какъ убѣжденный монархистъ. По его теоріи, государства произошли не отъ добровольнаго соглашенія людей, а путемъ насильственнаго покоренія однихъ людей другими, въ силу чего существенный признакъ гражданина есть подчиненіе верховной власти, а не участіе въ совѣтѣ и судѣ, какъ опредѣлялъ гражданина Аристотель, подъ верховною же властью Боденъ разумѣлъ постоянную и неограниченную власть государства: она постоянна лишь тогда, когда перенесена на извѣстное лицо всецѣло, на неопредѣленный срокъ,—и именно лишь въ томъ случаѣ можетъ быть названа верховною, когда передается безъ всякихъ условій, такъ что по существу своему власть эта есть право издавать и отмѣнять законы, въ силу коего ея носитель не можетъ связывать себя какими бы то ни было обѣщаніями. Если бы, между прочимъ говоритъ Боденъ, государь былъ связанъ соблюдать законы государства, которые исходятъ отъ народа, а не отъ него самого, то верховная власть принадлежала бы народу. Генеральные штаты равнымъ образомъ не могутъ ограничивать власти короля, разъ она ему принадлежитъ: все ихъ значеніе въ совѣтѣ, въ принесеніи жалобъ и раскрываніи злоупотребленій. Въ этомъ законодательномъ правѣ безъ чьего бы то ни было согласія Боденъ видѣлъ основу всѣхъ другихъ правъ верховной власти. Съ точки зрѣнія единства и нераздѣльности суверенитета онъ отрицалъ смѣшанныя формы правленія и, признавая лишь чистыя монархіи, аристократіи и демократіи, отдавалъ преимущество первой изъ названныхъ формъ. На народъ онъ, подобно нѣкоторымъ кальвинистамъ, смотрѣлъ, какъ на многоголоваго и неразумнаго звѣря, но онъ находилъ недостатки и въ аристократіи, указывая между прочимъ на раздоры между вельможами, которые, не имѣя надъ собою высшаго судьи, должны рѣшать свои разногласія оружіемъ, не говоря уже о томъ, что аристократамъ и противъ народа трудно держаться вслѣдствіе его къ нимъ ненависти. Самое важное преимущество монархіи Боденъ усматривалъ въ томъ, что лишь въ ней можетъ существовать единая верховная власть. Опровергая мнѣніе тѣхъ, которые доказывали, что Франція была избирательной монархіей, онъ особенно настаивалъ на томъ, что, наоборотъ, здѣсь королевская власть была всегда наслѣдственною, а наслѣдственная монархія у него является вообще единственнымъ порядкомъ, основаннымъ на законахъ природы. Боденъ различаетъ, однако, между законною монархіей и тираннiей, приглашая, впрочемъ, съ осторожностью примѣнять это различеніе, ибо государь часто бываетъ вынужденъ дѣйствовать такъ, что его поступки имѣютъ видъ тиранническихъ: строгость не есть тираннія, безъ строгости же нельзя возстановить нарушенное спокойствіе въ государствѣ, нельзя остановить насилія вельможъ. Само собою разу-

мѣется, что Боденъ отрицалъ право сопротивленія властямъ: если онѣ у подданнаго требуютъ чего-либо противнаго закону Божію или естественному, онъ не обязанъ повиноваться, но скорѣе долженъ претерпѣть смерть, чѣмъ прибѣгнуть къ самоуправству. Боденъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы правители стояли выше партій: это удобнѣе бываетъ именно для монарховъ, такъ какъ въ аристократіяхъ и демократіяхъ сами правители дѣлятся на партіи. Съ точки зрѣнія интересовъ государства Боденъ требовалъ и вѣротерпимости: нерѣдко междоусобія производятся религіозными сектами; но пренія о религіи должны быть запрещены, такъ какъ онѣ-то и ведутъ къ распрямъ и колеблютъ истину въ умахъ, безъ религіи же государство существовать не можетъ. Разъ существуютъ въ государствѣ секты, противъ нихъ не должно дѣйствовать насиліемъ, ибо оно своимъ слѣдствіемъ имѣетъ лишь большее упорство и недовольство подданныхъ своимъ государемъ. Правитель долженъ, по Бодену, стоять не только выше партій и вѣроисповѣдныхъ различій, но и выше сословій: въ монархіи происходитъ сочетаніе правды уравновѣшивающей, сильной въ демократіи, и правды распредѣляющей, сильной въ аристократіи, ибо монархъ въ управленіи можетъ давать мѣсто и демократическому и аристократическому элементамъ. Наконецъ, монархъ, какъ представитель государственнаго единства, имѣетъ подъ собою три сословія, умѣряющія, но не ограничивающія его власть. По представленію Бодена такое государственное устройство отражаетъ на себѣ и міровой порядокъ, установляемый единымъ, надъ всѣмъ возвышающимся и все приводящимъ къ единству Богомъ.

Генрихъ IV довольно близко подходилъ къ этому идеалу монарха, изображенному въ сочиненіи Бодена о государствѣ. Ставя государя выше всякаго человѣческаго закона, Боденъ подчинялъ его, однако, закону Божію и естественному, отъ коихъ никто не имѣетъ права отступать: Генрихъ IV, востановившій во Франціи абсолютную королевскую власть, также полагалъ, что „король не долженъ дѣлать всего, что могъ бы дѣлать“. Боденъ находилъ весьма полезными совѣщанія монарха съ подданными, но хотя Генрихъ IV и ни разу не созывалъ генеральные штаты, тѣмъ не менѣе онъ все-таки обращался къ нотаблямъ (1596), правда, „слушая ихъ со шпагою у бока“; равнымъ образомъ онъ выслушивалъ ремонстранціи парламентовъ, хотя и не обратилъ на нихъ вниманія, когда захотѣлъ издать нантскій эдиктъ. Боденъ хотѣлъ, чтобы монархъ былъ верховнымъ миротворцемъ, между прочимъ, въ дѣлахъ вѣры, и Генрихъ IV выполнилъ эту свою задачу—въ религіозномъ вопросѣ нантскимъ эдиктомъ, стремясь къ установленію правильнаго общежитія между приверженцами разныхъ вѣроисповѣданій въ одномъ и томъ же государствѣ. Но въ книгѣ Бодена есть и другая черта, обращающая на себя вниманіе: это—желаніе имѣть въ государствѣ такую власть, ко-

торая стояла бы выше разрозненныхъ соціальныхъ элементовъ и подчиняла бы ихъ высшему государственному единству. Боденъ не теоретически только указывалъ на недостатки аристократіи: передъ его глазами происходили раздоры аристократическихъ партій, совершались насилія вельможъ, нарушалось спокойствіе государства.

Теоріи народовластія во Франціи XVI в. были только знаменемъ для феодальной реакціи, поднявшей голову при первомъ ослабленіи власти [1]). Политическая оппозиція противъ королевской власти во Франціи только въ требованіи религіозной свободы происходила во имя болѣе высокой политической идеи, но въ остальныхъ отношеніяхъ это было стремленіе вернуться къ старому быту, именно къ феодализму. Генриху IV приходилось прямо совершать ту же работу, надъ которою трудились его предшественники въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, работу собиранія земли, ибо политическій феодализмъ [2]) положительно оживалъ: *абсолютная монархія оправдывалась во Франціи тѣмъ, что только она могла поддержать государственное единство народа и страны и умиротворить ее внутри.* Генрихъ IV засталъ при своемъ вступленіи на престолъ такой порядокъ вещей: въ отдѣльныхъ провинціяхъ королевскіе губернаторы изъ католической знати, въ томъ числѣ шесть Гизовъ, сдѣлались независимыми правителями, не желавшими признавать Генриха IV королемъ, опираясь на мѣстные парламенты и на лигу, а протестантскіе вельможи тоже по своему усмотрѣнію устанавливали налоги, начальствовали войсками. Воскресали феодальныя понятія, и одинъ изъ вельможъ откровенно выражалъ желаніе, чтобы губернаторства были отданы въ собственность ихъ замѣстителямъ подъ условіемъ простой феодальной присяги, „какъ это нѣкогда дѣлалось". Губернаторамъ провинцій, не повиновавшимся королю, не хотѣли въ свою очередь подчиняться коменданты отдѣльныхъ крѣпостей и мѣстные сеньеры, возрождавшіе времена феодальной анархіи съ нападеніями на деревни, грабежами крестьянъ, неистовствами надъ мирными жителями. Это возстановленіе феодализма заставляло населеніе искать защиты у короля: даже католическая буржуазія начинала видѣть въ Генрихѣ IV спасителя отъ анархіи. Ліонъ, принадлежавшій къ лигѣ, возсталъ противъ намѣренія герцога Немурскаго устроить себѣ княжество въ его области. Гренобльскій парламентъ, тоже лигистскій, воспротивился плану герцога Савойскаго возстановить древнее Арелатское королевство. Сеньеръ Баланьи, отнявшій Камбрэ у герцога Анжуйскаго, предпочелъ подчиниться королю подъ условіемъ сохраненія губернаторства, чѣмъ отдать городъ герцогу. Генриху IV

---

[1]) Томъ I, стр. 116, гдѣ говорится о феодальныхъ реакціяхъ вообще, а также выше, стр. 332 и слѣд.

[2]) О политическомъ феодализмѣ въ отличіе отъ соціальнаго, т. I, гл. IV.

стоило тѣмъ не менѣе большого труда и много денегъ возвратить коронѣ отдѣльные замки, города, провинціи. Многія пришлось покупать за деньги и выгодныя должности: Вилларъ за передачу нормандскихъ крѣпостей получилъ около 4 милліоновъ ливровъ, Гизъ — столько же за Шампань, герцогъ Майенскій (изъ Гизовъ) — немного менѣе за Бургундію и т. д., а послѣднею поддалась Бретань, губернаторъ коей Меркёръ (тоже одинъ изъ Гизовъ) взялъ 4 милліона ливровъ и выговорилъ условіе, чтобы его дочь вышла замужъ за одного изъ незаконныхъ сыновей короля, герцога Вандома. Всего-на-все было заплачено такимъ образомъ тридцать два милліона. Весьма естественно, что аристократическіе оппоненты, тираннически относившіеся къ населенію и оказавшіеся продажными, не могли пользоваться сочувствіемъ народной массы, и послѣдняя обратилась къ королевской власти. Но и послѣ подчиненія вельможъ у Генриха IV было съ ними немало хлопотъ, такъ какъ они продолжали дѣйствовать по старому. Биронъ, получившій отъ короля герцогскій титулъ, маршальство и губернаторство въ Бургундіи, задумалъ сдѣлаться независимымъ княземъ и заключилъ договоръ съ испанскимъ королемъ и савойскимъ герцогомъ, а герцогъ Бульонскій хотѣлъ передать испанцамъ Седанъ. Многіе города подчинились Генриху IV лишь подъ извѣстными условіями—не имѣть въ своихъ стѣнахъ королевскаго гарнизона, не допускать у себя возведенія цитадели и т. п., и Амьенъ, напр., выразившій желаніе быть охраняемымъ лишь собственными гражданами, поплатился за это, врасплохъ захваченный испанцами (1597). Послѣ этого нечего удивляться, что и гугеноты равнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы сдѣлать изъ своей организаціи государство въ государствѣ. Все это обнаруживаетъ истинный характеръ борьбы противъ королевской власти въ XVI в.: тутъ было не стремленіе измѣнить государственный строй во имя высшей идеи, а стремленіе расхитить государство. Стоило только Генриху IV сомкнуть на вѣки глаза, какъ феодальная реакція снова подняла голову, но собранные тогда *генеральные штаты показали, что ихъ время прошло, и что тогдашнее французское общество было неспособно къ политическому самоуправленію.* Самъ Генрихъ IV лишь одинъ разъ созвалъ собраніе нотаблей, указанія коихъ сдѣлались исходнымъ пунктомъ его крупныхъ реформъ, ибо, какъ мы еще увидимъ, *французская абсолютная монархія тотчасъ по своемъ возрожденіи начала совершать органическую работу въ видѣ цѣлаго ряда реформъ.* Нотабли вотировали налоги лишь на три года, выразивъ желаніе быть снова созванными по истеченіи этого срока, а для контроля за употребленіемъ части казенныхъ денегъ назначили особый счетный комитетъ (conseil de raison), но члены этого совѣта весьма

скоро между собою перессорились и, отказавшись отъ веденія возложеннаго на нихъ дѣла, просили короля взять его въ свои руки.

Генрихъ IV, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ королей Франціи, уже по одному тому не дѣлавшій всего для него возможнаго, что многое было возможно лишь въ теоріи, а на практикѣ встрѣчало массу препятствій, совершенно, какъ идеальный монархъ Бодена, умѣлъ возвышаться надъ противоположными интересами партій, вѣроисповѣданій, сословій и отдѣльныхъ мѣстностей, соединяя всѣхъ и вся въ высшемъ государственномъ единствѣ. Старыя провинціальныя, феодальныя, муниципальныя вольности не ограничивали, какъ того хотѣлъ и Боденъ, а только умѣряли его власть, которою онъ и не могъ бы, если бы даже захотѣлъ, пользоваться на всей своей волѣ, такъ какъ ему приходилось сообразоваться съ очень многимъ. Это еще не была вполнѣ абсолютная монархія, какую создалъ Ришелье, ибо Генриху IV нельзя было еще не считаться съ сильными политическими традиціями отдѣльныхъ мѣстностей и сословій. Только его ловкая рука направляла все къ одной цѣли, и онъ уже думалъ воспользоваться плодами своей мудрой внутренней политики, когда кинжалъ Равальяка пресѣкъ его дни.

Генриху IV наслѣдовалъ его малолѣтній сынъ Людовикъ XIII (1610—1643), регентство же досталось матери маленькаго короля, Маріи Медичи. Для феодальной реакціи опять наступило удобное время, и только когда кардиналъ Ришелье взялъ въ свои крѣпкія руки веденіе дѣлъ (1624), работа, столь успѣшно начатая Генрихомъ IV, стала продолжаться. Разсказъ о смутахъ въ началѣ царствованія Людовика XIII потребовалъ бы слишкомъ много мѣста: коротко сказать, вельможи (принцъ Конде и др.) снова подняли возстаніе подъ предлогами дурного веденія дѣлъ фаворитомъ регентши Кончини и обремененія народа, но, увидѣвъ, что послѣдній не подымается, что лига умерла, что протестанты не думаютъ къ нимъ присоединиться, они примирились съ дворомъ, получивъ за это по сотнямъ тысячъ ливровъ (1614). Имъ удалось настоять на созваніи генеральныхъ штатовъ, а когда они были распущены, Конде снова подымаетъ возстаніе подъ тѣмъ предлогомъ, что желанія штатовъ остаются неудовлетворенными, но весьма скоро удовлетворяется самъ новою подачкою въ полтора милліона ливровъ (1616). Черезъ нѣсколько времени, когда Конде задумалъ снова приняться за старое, онъ былъ арестованъ, и особый королевскій манифестъ объявилъ, что принцы Конде, Майеньскій, Неверскій, Лонгвильскій, Вандомскій и Бульонскій стремились создать по отдѣльной тираніи въ каждой провинціи. Затѣмъ къ 1617 г. молодой король отдѣлался отъ Кончини и изгналъ свою мать, что было причиною новой смуты, во время которой фаворитъ короля Люинъ дѣйствовалъ такъ же, какъ прежде Кончини, а ко-

ролева-мать потребовала себѣ губернаторство въ Анжу и три крѣпости въ обезпеченіе своей безопасности. Богатые сеньеры, державшіе массу домочадцевъ и слугъ, не знавшіе никакой сдержки и находившіеся въ вѣчныхъ ссорахъ между собою, составляли опасную силу для слабаго правительства. Собственно говоря, на нихъ держалось все былое могущество протестантской партіи, но въ царствованіе Людовика XIII начался ихъ обратный переходъ въ католицизмъ: уже въ смутахъ второго десятилѣтія XVII вѣка протестанты изъ горожанъ не участвуютъ, хотя Конде и приглашалъ ихъ къ нему присоединиться, ибо они были довольны своимъ положеніемъ и возстали въ двадцатыхъ годахъ уже по иному поводу. *У феодальной реакціи начала царствованія Людовика XIII не было никакой идеи, и то же можно сказать о смутахъ въ малолѣтство Людовика XIV*, о знаменитой фрондѣ, въ которой главную роль играли тѣ же принцы и магнаты, думавшіе послѣ смерти Генриха IV, что „время королей прошло, и что наступило время вельможъ и князей", или какъ сказалъ одинъ дворянинъ-кальвинистъ: „le roi est mineur, soyons majeurs".

Генеральные штаты, собранные въ 1614 г. и распущенные въ 1615 г., показали и націи, и самой королевской власти, что *никакая солидарность не была возможна между тремя сословіями государства, вслѣдствіе чего третье сословіе предпочло королевскій абсолютизмъ крайней неуступчивости и заносчивости привилегированныхъ сословій.* Сословный антагонизмъ, сдѣлавшій и въ Германіи въ XVI в. невозможнымъ союзъ общественныхъ элементовъ, недовольныхъ князьями,— которые благодаря этому и вышли побѣдителями изъ всѣхъ смутъ [1]),— во Франціи былъ одною изъ причинъ установленія королевскаго абсолютизма: именно окружающая дѣйствительность приводила еще раньше Бодена къ мысли о королѣ, какъ верховномъ умиротворителѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ. Исторія генеральныхъ штатовъ 1614—15 г. весьма печальна [2]). Въ своей рѣчи передъ открытіемъ засѣданій король указалъ на задачу штатовъ—представить ему жалобы и желанія отдѣльныхъ сословій, и вотъ въ томъ, что изложили три государственныхъ чина, нашлось мѣсто только для страшнаго антагонизма, существовавшаго въ междусословныхъ отношеніяхъ французской націи; лишь одно третье сословіе, имѣвшее противъ себя два высшихъ, въ своихъ желаніяхъ обнаружило больше политическаго смысла. Духовенство отказывалось что бы то ни было платить государству, требовало обнародованія тридентскихъ постановленій при

---

[1]) См. выше, гл. VIII—X.

[2]) См. въ разныхъ трудахъ по исторіи états généraux, у Ог. Тьерри (Essai sur la formation et les progrès du tiers état) и въ др. сочиненіяхъ.

соблюденіи, однако, и галликанскихъ вольностей, но третье сословіе высказалось противъ этого и даже рѣшительно заявило, что французская корона независима отъ какой бы-то ни было власти на землѣ и что никто не можетъ освободить подданныхъ отъ присяги, данной королю, и такимъ образомъ протестовало противъ ученія о подчиненіи государства церкви. Оно требовало, далѣе, чтобы впредь монастырскія имущества не увеличивались, чтобы духовные, владѣющіе недвижимой собственностью въ городахъ, платили городскіе налоги, чтобы іезуиты подчинялись однимъ и тѣмъ же государственнымъ постановленіямъ, какъ и другіе ордена. Еще сильнѣе былъ разладъ между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ. Дворъ былъ солидаренъ съ аристократіей, а третье сословіе подвергалось униженіямъ: въ то время, какъ члены высшихъ сословій сидѣли въ присутствіи короля съ покрытыми головами, третье сословіе представлялось ему, стоя на колѣнахъ и безъ шляпъ, когда же одинъ депутатъ послѣдняго сравнилъ короля съ отцомъ семейства, у котораго три сына: духовенство, дворянство и tiers état, дворяне протестовали противъ такого оскорбленія, заявивъ, что они не желаютъ быть братьями сыновей сапожниковъ и шорниковъ и что между ними и третьимъ сословіемъ такая же разница, какая существуетъ между господами и лакеями. Одинъ депутатъ третьяго сословія подвергся однажды палочнымъ ударамъ, нанесеннымъ ему дворяниномъ, и не могъ добиться суда. Такимъ отношеніямъ соотвѣтствовали и требованія дворянъ. Они желали, чтобы третье сословіе было лишено права занимать извѣстныя должности, чтобы жены горожанъ не смѣли одѣваться, какъ дворянскія дамы, чтобы ходить на охоту могли только одни благородные и т. д. Третье сословіе съ своей стороны жаловалось на обиды, чинимыя ему дворянствомъ, на то, что послѣднее грабитъ государство, что своими вымогательствами благородные довели страну до полнаго разоренія, что народу придется, какъ скотинѣ, питаться травой, и это заявленіе вызвало въ собраніи цѣлую бурю. Въ cahier de doléances третьяго сословія мы находимъ, далѣе, цѣлую программу реформъ и, между прочимъ, просьбу объ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій сеньеровъ и о томъ, чтобы послѣдніе обязаны были освободить своихъ крѣпостныхъ за извѣстный выкупъ. Замѣчательна была также рѣчь парижскаго купеческаго старшины Роберта Мирона, бывшаго предсѣдателемъ третьяго сословія: въ ней онъ изобразилъ бѣдственное положеніе народа и просилъ короля спасти этотъ „бѣдный народъ, у котораго остаются только кости да кожи“, а для этого королю нужно только употребить свою власть, нуженъ лишь „un coup de majesté“. Тѣмъ не менѣе третье сословіе присоединялось къ двумъ высшимъ въ желаніи, чтобы генеральные штаты созывались, по крайней мѣрѣ,

одинъ разъ въ десять лѣтъ. Но штаты болѣе не созывались вплоть до 1789 г., а послѣ собранія нотаблей 1617 и 1626 г. Франція совершенно была лишена какого бы то ни было народнаго представительства, хотя на значеніе таковаго и заявилъ притязаніе парижскій парламентъ съ другими высшими государственными учрежденіями, какъ мы это видимъ въ эпоху фронды и какъ это было потомъ въ XVIII в. [1]).

Въ числѣ депутатовъ отъ духовенства на генеральныхъ штатахъ 1614—15 гг. былъ епископъ люсонскій (Luçon) Ришелье (род. 1585), который вскорѣ вступилъ въ королевскій совѣтъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, совершенно овладѣвъ безхарактернымъ королемъ, сталъ во главѣ управленія Франціей, занимая это мѣсто въ санѣ кардинала въ теченіе девятнадцати лѣтъ (1624—1642). Время, когда Ришелье былъ первымъ министромъ, и было эпохой окончательнаго утвержденія абсолютной монархіи во Франціи на мѣстѣ той, какъ выражается Авенель, авторъ лучшаго сочиненія объ этомъ предметѣ [2]), традиціонной монархіи (monarchie traditionnelle), которая основывалась на своего рода обычномъ государственномъ правѣ и въ которой королевская власть, если не ограничивалась, то все-таки умѣрялась генеральными штатами и парламентомъ, провинціальными, муниципальными, сословными и корпоративными привилегіями, а также извѣстными преданіями и обычаями. Королевская власть уже раньше развивалась въ направленіи полнаго абсолютизма, и Ришелье своею дѣятельностью завершилъ этотъ процессъ. Человѣкъ властный по самой своей природѣ, онъ *по воззрѣніямъ своимъ былъ прежде всего государственникъ, смотрѣвшій на все исключительно съ государственной точки зрѣнія, стремившійся подчинить все государственному началу* [3]). Въ области фактическихъ отношеній онъ шелъ по стопамъ тѣхъ французскихъ королей, которые во имя государственной идеи нарушали права церкви, сословій, провинцій, городовъ, корпорацій, частныхъ лицъ, шелъ тою же дорогою, по которой въ новое время въ другихъ государствахъ шли итальянскіе князья [4]), Карлъ V [5]) и Филиппъ II, австрійскіе Габсбурги, Максимиліанъ Баварскій [6]), въ области теоріи принадлежалъ *къ направленію, заимствовавшему у античнаго міра идею всемогущаго государства съ полнымъ отрицаніемъ какихъ бы то ни было индиви-*

---

[1]) О происхожденіи парижскаго парламента, который имѣетъ лишь общее имя съ англійскимъ парламентомъ, см. томъ I, гл. X (въ концѣ).

[2]) D'Avenel. Richelieu et la monarchie absolue.

[3]) Для исторіи государственнаго начала, какъ политическаго принципа, см. соч. Ferrari. Histoire de la raison d'état.

[4]) Томъ I, стр. 114.

[5]) Ср. что говорится о его государственной идеѣ выше, на стр. 40 и слѣд.

[6]) О послѣднемъ ср. выше, стр. 362—363.

дуальныхъ правъ и выставившему такихъ государственниковъ, какими въ XVI в., былъ Макіавелли, а въ серединѣ XVII столѣтія англійскій философъ Гоббзъ. Отъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ, отъ Максимиліана Баварскаго, также „подтягивавшаго“ свое княжество, Ришелье отличался тѣмъ, что *его абсолютизмъ не имѣлъ вѣроисповѣднаго характера, что его концепція государства была свѣтская*, и, быть можетъ, въ этомъ отношеніи съ Ришелье изъ его современниковъ можно было бы сравнить Валленштейна, такую же притомъ властную натуру, такой же организаторскій талантъ. Отъ Генриха IV Ришелье также весьма сильно отличался: этотъ король былъ въ родѣ идеальнаго монарха Бодена, сдерживающаго себя божескимъ и естественнымъ закономъ, ибо онъ самъ находилъ, что онъ не долженъ былъ дѣлать всего, что только могъ, а своей власти хотѣлъ придать характеръ отеческаго управленія, заботливаго по отношенію къ народу, примирительнаго по отношенію къ дворянству, во всякомъ случаѣ милостиваго, чѣмъ его поведеніе не совсѣмъ соотвѣтствовало боденовой строгости. Другое дѣло—первый министръ Людовика XIII: это былъ дѣятель во вкусѣ Макіавелли, знавшій только то, что получило названіе raison d'état, вмѣсто всякихъ божескихъ и естественныхъ законовъ, оберегающихъ личность; онъ считалъ себя въ правѣ дѣлать все, что фактически было въ его власти, когда этого требовала „государственная польза“, истолкователемъ коей онъ признавалъ только себя, какъ лицо, облеченное властью; его правленіе далеко было отъ отеческой строгости, рекомендовавшейся Боденомъ, ибо это было правленіе, которое и по опредѣленію этого писателя подошло бы подъ категорію тираническаго. Деспотизмъ Ришелье, несомнѣнно, былъ гораздо суровѣе того, который отличаетъ и Людовика XIV, но между Ришелье и Людовикомъ XIV была та разница, что у великаго министра на первомъ планѣ стояла идея государства, какимъ бы одностороннимъ характеромъ она ни отличалась, тогда какъ у короля, коего тоже называли великимъ (Louis le Grand) эта идея замѣнялась представленіемъ о королевскомъ *я* (l'état, c'est moi), не говоря уже о томъ что кардиналъ былъ вѣротерпимъ, а Людовикъ XIV гналъ гугенотовъ и отмѣнилъ нантскій эдиктъ. *Политическая идея французскихъ правителей постепенно съуживалась*: Генрихъ IV былъ представителемъ идеи народнаго блага, коему должно служить государство; Ришелье отдѣлилъ принципъ государственной пользы отъ идеи общественнаго благосостоянія; Людовикъ XIV и интересы государства, какъ ихъ понималъ Ришелье, приносилъ въ жертву личнымъ и династическимъ выгодамъ. Вотъ почему вполнѣ можно согласиться съ тѣми историками, которые утверждаютъ, что лучшимъ временемъ въ исторіи старой Франціи было короткое царствованіе Генриха IV.

Ришелье былъ не только практическимъ государственникомъ, но и теоретикомъ государственнаго начала и королевскаго абсолютизма. Въ качествѣ министра онъ поощрялъ развитіе публицистики въ этомъ направленіи: въ ней уже звучитъ нота того обожествленія королевской власти, которое потомъ вполнѣ проявилось въ полититическихъ воззрѣніяхъ Людовика XIV. Самъ Ришелье утверждалъ, что короли суть живыя изображенія Божества, а по поводу предсмертнаго причащенія Людовика XIII было сказано, что въ этомъ моментѣ произошла встрѣча ихъ величествъ—небеснаго и земнаго! Одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ при Ришелье Лебре (Lebret) написалъ, книгу „Traité de la souveraineté du roy“ (1632), заключавшую въ себѣ теорію, которая сдѣлалась впослѣдствіи теоріей Людовика XIV. Самъ Ришелье высказалъ свои воззрѣнія на государственную дѣятельность въ своихъ „Мемуарахъ“, въ своихъ „Maximes d'état“, въ своемъ знаменитомъ „Политическомъ завѣщаніи“ (Testament politique). Нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненій, могутъ быть прямо лучшей характеристикой его системы. „Для правительства, писалъ, напр., Ришелье, прежде всего необходимо безусловное повиновеніе всѣхъ. Для этого правительство само должно имѣть твердую волю въ исполненіи того, что оно считаетъ справедливымъ, никогда не должно колебаться при исполненіи своихъ намѣреній и строго наказывать тѣхъ, которые являются ослушниками. Правленіе государствомъ требуетъ мужской силы и непоколебимой твердости. Необходимо, чтобы государственная цѣль всегда, во всякомъ случаѣ стояла впереди всѣхъ другихъ соображеній. Относительно государственныхъ преступленій надобно отложить всякое состраданіе, пренебречь жалобами участниковъ и ропотомъ невѣжественной толпы, которая не знаетъ, что ей полезно и необходимо. Обязанность христіанина забывать личныя оскорбленія, обязанность правительства никогда не забывать оскорбленій, наносимыхъ государству. Государи обязаны въ духовныхъ дѣлахъ подчиняться папамъ, но не должны позволять имъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла“. Эти взгляды Ришелье на верховенство, всемогущество и непогрѣшимость государства дополняются его взглядомъ на значеніе отдѣльныхъ сословій: „Дворянство нужно защищать отъ чиновниковъ, которые поднялись въ ущербъ ему; но должно положить предѣлъ насиліямъ дворянства относительно простого народа. Надобно охранять имѣнія дворянства и облегчать пріобрѣтеніе новыхъ, чтобы оно могло служить государству на войнѣ: это его главная обязанность, ибо дворянство, которое не готово идти на войну по первому призыву государства, есть роскошь и бремя для государства и не заслуживаетъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя отличаютъ его отъ горожанъ. Судьи должны судить и только: нельзя позволять имъ вмѣшиваться въ законодательство го-

сударственное. Народъ долженъ быть содержимъ въ покорности; подати служатъ къ тому, чтобы ему не было слишкомъ хорошо, дабы онъ не перешелъ границы своихъ обязанностей. Но подати не должны быть слишкомъ тяжелы; государи обязаны не брать у своихъ подданныхъ болѣе нужнаго, а въ случаѣ нужды прежде обращаться къ излишку богатыхъ". Интересенъ не менѣе и взглядъ на науку, на которую Ришелье смотритъ съ исключительно государственной точки зрѣнія. „Науки служатъ однимъ изъ величайшихъ украшеній государства и обойтись безъ нихъ нельзя; но понятно, что ихъ не должно и преподавать всѣмъ безъ различія, иначе государство будетъ похоже на безобразное тѣло, которое во всѣхъ частяхъ своихъ будетъ имѣть глаза. Усиленное занятіе науками повредитъ торговлѣ, обогащающей государства, и земледѣлію, питающему народы, произведетъ опустошеніе въ рядахъ солдатъ, которымъ приличнѣе грубое невѣжество, чѣмъ тонкость знанія".

Мы еще увидимъ, какими мѣрами установлялъ Ришелье во Франціи государственные порядки, а здѣсь остановимся на послѣдней реакціи противъ королевскаго абсолютизма, бывшей во Франціи послѣ смерти Ришелье.

Кардиналъ умеръ въ 1642 г., и скоро за нимъ послѣдовалъ въ могилу и Людовикъ XIII (1643), оставивъ малолѣтняго сына Людовика XIV и вдову Анну Австрійскую, которая, сдѣлавшись регентшей, приблизила къ себѣ, какъ довѣренное лицо и перваго министра, итальянца кардинала Мазарини. До самой своей смерти (въ 1661 г.) ловкій и хитрый министръ держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, хотя ему и приходилось даже удаляться въ изгнаніе. Мазарини продолжалъ войну, начатую его предшественникомъ въ Германіи, и при немъ былъ заключенъ выгодный для Франціи вестфальскій миръ, а пиринейскимъ миромъ 1659 г. была окончена война съ Испаніей, происходившая во время смутъ фронды (послѣдній миръ былъ скрѣпленъ бракомъ Лудовика XIV, достигшаго тогда двадцати-одного-лѣтняго возраста, съ испанской инфантой Маріей-Терезіей). Мазарини вышелъ съ успѣхомъ и изъ тѣхъ затрудненій, какія создала ему фронда, но тутъ ему, кромѣ его изворотливости, большую помощь оказала слабость, разрозненность и, можно даже сказать, полная безтолковость оппозиціоннаго движенія, снова происшедшаго во Франціи при малолѣтнемъ королѣ и женщинѣ во главѣ правленія. Началась старая исторія, осложнившаяся только новыми явленіями. Знать съ принцами крови во главѣ, importans, какъ ихъ называли за ихъ заносчивость, (Конде, Конти, Бофоръ, герцогъ Бульонскій) требовали, чтобы имъ передали управленіе государствомъ, стремились къ полученію губернаторствъ, вымогали у правительства деньги въ видѣ пенсій, ссо-

рились между собою, то переходили на сторону двора, то опять противъ него возставали, интриговали при дворѣ съ помощью дамъ, соединялись и разъединялись съ другими силами, участвовавшими въ движеніи, вступали въ договоры съ Испаніей и переходили къ ней на службу, такъ что путаница была страшная, но толку никакого въ ней не было. Но кромѣ дворянства, въ эти годы противъ правительства возставали и демократическіе элементы, населеніе Парижа и другихъ городовъ: самъ дворъ долженъ былъ обращаться въ бѣгство, переселяться въ Сенъ-Жерменъ, такъ что раннія впечатлѣнія, полученныя Людовикомъ XIV, должны были сдѣлать его крайнимъ врагомъ общественныхъ движеній. Парижской милиціи пришлось даже вести формальную войну съ королевскими войсками, во главѣ коихъ стоялъ принцъ Конде, впрочемъ, союзникъ ненадежный, такъ какъ впослѣдствіи онъ самъ сражался противъ королевскихъ войскъ, имѣя противъ себя Тюренна, бывшаго сначала на противной же сторонѣ, и даже становился во главѣ испанскихъ отрядовъ. Но и буржуазія могла бояться движенія среди низшихъ классовъ общества; все тотъ же Конде однажды возбудилъ въ Парижѣ простонародное движеніе, результатомъ коего была рѣзня въ ратушѣ (Hôtel de ville) представителей городского самоуправленія и именитыхъ гражданъ. Сельское населеніе, въ которомъ раньше происходили бунты, въ фрондѣ участія не принимало, но оно страшно страдало отъ междоусобія и отъ анархіи, отъ произвола сеньеровъ, отъ грабительства наемныхъ солдатъ самыхъ разнообразныхъ національностей, переносившихъ во Францію такіе же способы веденія войны, какіе практиковались въ Германіи въ оканчивавшейся тогда тридцатилѣтней войнѣ. Вмѣстѣ съ знатью и съ нѣкоторыми городами, особенно съ Бордо, одно время сдѣлавшимся какъ бы столицею фронды, въ этомъ движеніи приняла участіе и высшая магистратура. Парижскій парламентъ, за которымъ Ришелье не признавалъ никакихъ политическихъ правъ, выступаетъ въ эти годы въ роли защитника народныхъ интересовъ, то становясь на сторону знати, то ссорясь съ нею, то поддерживаемый демократическимъ движеніемъ, то отставая отъ него. Королева-испанка, первый министръ-итальянецъ, итальянецъ же и министръ финансовъ (Particelli d'Emeri, surintendant des finances) сорили деньгами, между прочимъ раздавая большія суммы знати, чтобы та смирно сидѣла, установляли новые налоги, не выплачивали долговъ кредиторамъ и задѣвали интересы самой магистратуры слѣдующимъ образомъ. По старому закону о продажности должностей [1]), членъ парламента могъ перепродать свою должность другому лицу, уплативъ королю треть цѣны, но продажа считалась дѣйствительной лишь

[1]) Т. I, стр. 125.

тогда, когда совершалась болѣе чѣмъ за сорокъ дней до смерти продавца, въ противномъ же случаѣ должность возвращалась королю. Генрихомъ IV это ограниченіе было въ 1604 г. уничтожено по совѣту финансиста Поле (Paulet) подъ условіемъ уплаты ежегодной пошлины, получившей названіе полетты (la paulette) и равнявшейся одной шестидесятой дохода съ должности. Правительство теперь нарушало эту привилегію, требуя отъ членовъ парламента за ея подтвержденіе ихъ жалованія за цѣлые четыре года. По такъ-называемому arrêt d'union (13 мая 1648) четыре „верховныя куріи" (cours souveraines), пользовавшіяся тѣмъ же положеніемъ, какое имѣлъ парламентъ, т.-е. самъ парламентъ, счетная палата (cour des comptes), финансовая палата (cour des aides) и большой совѣтъ, вздумали замѣнить собою генеральные штаты, т.-е. другими словами, наслѣдственное чиновничество (noblesse de robe), королевскіе слуги (gens du roi) хотѣли играть роль сословнаго представительства. Какъ бы тамъ ни было, только въ этомъ предпріятіи и была еще политическая идея, такъ какъ собраніе членовъ верховныхъ курій, къ коему примкнула такая же noblesse de robe въ провинціяхъ, составило цѣлый конституціонный проектъ. Такъ какъ правительство прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ противъ магистратуры, то среди парижскаго населенія и вспыхнуло возстаніе (день баррикадъ, 26 авг. 1848 г.) въ защиту парламента, нашедшаго поддержку и въ аристократіи. Но парламентъ скоро отсталъ отъ фронды: хотя онъ сначала и ссылался на происходившую тогда въ Англіи революцію, но казнь Карла I (30 января 1649), союзъ съ Испаніей, заключенный мятежными принцами, и бурный характеръ городского движенія заставили членовъ парламента сблизиться съ дворомъ (весна 1649), удовольствоваться нѣсколькими уступками и не настаивать болѣе на своемъ проектѣ, который въ концѣ 1648 г. (24 окт.) былъ принятъ королевой, какъ законъ государства. Послѣ этого фронда лишилась какой бы то ни было руководящей идеи и превратилась въ аристократическую усобицу и простой народный бунтъ, продолжавшіеся еще нѣсколько лѣтъ. Конституція, придуманная верховными куріями, заключала въ себѣ такія двѣ статьи (всѣхъ было 27): налоги и пошлины должны установляться только съ согласія верховныхъ курій (3); никто не можетъ быть арестованъ безъ того, чтобы въ теченіе сутокъ не быть допрошеннымъ и переданнымъ его естественному судьѣ (6). Другими словами, парламентъ стремился ограничить королевскую власть и уничтожить произволъ администраціи, оградивъ отъ него личную свободу, но вмѣсто того, чтобы сдѣлать первое въ пользу представителей народа, онъ задумалъ создать во Франціи чиновничью олигархію. А это была единственная еще серьезная мысль во всемъ движеніи, хотя въ рѣчахъ и политическихъ пам-

флетахъ этой эпохи было много громкихъ фразъ о свободѣ, о республикѣ, о правахъ народа, много ссылокъ на древнихъ римлянъ и англичанъ, которые тогда тоже вели борьбу съ своимъ королемъ. Послѣднія ссылки менѣе всего подходили къ обстоятельствамъ, ибо *въ Англіи борьба велась народнымъ представительствомъ при извѣстной солидарности представленныхъ классовъ, во имя опредѣленныхъ идеаловъ, въ защиту утвердившихся въ общественномъ сознаніи принциповъ*, во французскомъ же движеніи конца сороковыхъ годовъ ничего этого не было. Когда верховныя куріи устранились изъ борьбы, въ ней участвовали только придворныя дамы, вѣтреные кавалеры, мятежные принцы, хитрые интриганы (въ родѣ коадъютора архіепископа парижскаго, Гонди, впослѣдствіи кардинала Реца), что и доставило торжество Мазарини (1652). Въ политической литературѣ отъ этой смутной эпохи остались только тысячи „мазаринадъ“, летучихъ листковъ со стихами и прозой противъ Мазарини, который дурно говорилъ по-французски, произносилъ „union“ (въ arrêt d'union), почти какъ oignon и т. п. [1]). Это какъ бы доказывало и *отсутствіе серьезной политической идеи въ движеніи фронды*, идеи, которая могла бы соединить разрозненные спеціальные элементы въ одномъ общемъ дѣлѣ. Каждый изъ участниковъ фронды потерпѣлъ пораженіе, и возстановленный Мазарини абсолютизмъ уже не встрѣчалъ сопротивленія. Анархія, какъ это часто бываетъ въ исторіи, только подготовляла усиленіе деспотизма, и нація, уставшая отъ смутъ, готова была жертвовать свободой—внутреннему спокойствію и порядку. Но абсолютизмъ приносилъ Франціи не одно внутреннее спокойствіе: *французская монархія приняла на себя реформаторскую дѣятельность, къ сожалѣнію, скоро оставленную или исказившуюся вслѣдствіе одностороннято своего направленія.*

XXXI. Организаціонная работа французской монархіи.

Внутреннія преобразованія и органическая работа государства въ XVI и XVII вв.— Генрихъ IV и Сюлли.—Заботы о сельскомъ хозяйствѣ и крестьянскомъ благосостояніи. — Заботы о промышленности и торговлѣ. — Улучшеніе финансовъ.— Ришелье и гугеноты.—Установленіе внутренняго порядка.—Бюрократизмъ новаго государства.—Учрежденія Ришелье.—Государство новаго времени.—Умственная жизнь.—Происхожденіе меркантилизма.

Въ XVI в. на первомъ планѣ стояла церковная реформа, которой съ конца XIV в. требовало просвѣщенное общественное мнѣніе и въ которой, кромѣ самой церкви, нуждались и государство, и общество.

---

[1]) Moreau. Bibliographie des mazarinades.

Но последнія и сами по себѣ нуждались во внутреннихъ преобразованіяхъ; въ нѣкоторыхъ странахъ потребность въ политической и соціальной реформѣ чувствовалась даже съ особою силою, особенно ясно сознавалась. Такою страною была въ XVI в., главнымъ образомъ, Германія, гдѣ со второй половины предыдущаго столѣтія создавались многочисленные планы „Реформаціи“ въ тогдашнемъ значеніи слова [1]), гдѣ дѣлались попытки преобразованій на сеймахъ, гдѣ подъ знаменемъ религіознаго движенія совершилось и движеніе общественное съ болѣе или менѣе широкими программами внутреннихъ преобразованій. Мы видѣли, что политическая и соціальная реформа потерпѣла въ Германіи крушеніе: ей не удалось расположить императора въ свою пользу, а князья были противъ нея, такъ что общее положеніе дѣлъ, какимъ оно было при началѣ религіозной реформаціи, не только не улучшилось, но даже ухудшилось, благодаря ходу послѣдующихъ событій, въ особенности вслѣдствіе тридцатилѣтней войны. Весь вопросъ въ Германіи заключался въ томъ, чтобы осуществить преобразованіе, опираясь на крѣпкую государственную власть. Такая власть существовала въ другихъ государствахъ, но она увлекалась широкими планами внѣшней политики, вѣроисповѣдною борьбой, расширеніемъ своихъ правъ и добываніемъ денегъ всякими правдами и неправдами, мало заботясь объ экономическомъ развитіи и еще менѣе объ умственной культурѣ. Типическою страною, гдѣ государство безпечно относилось и къ матеріальному благосостоянію, и къ духовному просвѣщенію подданныхъ, была въ XVII вѣкѣ Испанія, за то и падавшая все ниже и ниже. Да и другія страны были не лучше, наприм., Австрія, или лишь позднѣе являлись въ нихъ государственные люди съ болѣе широкими планами внутренняго переустройства (великій курфюрстъ въ Пруссіи во второй половинѣ XVII в.). Франція въ XVIII в., когда въ другихъ государствахъ дѣйствовала политика „просвѣщеннаго деспотизма“, была тоже примѣромъ подобнаго законодательнаго застоя, но за то *въ первой половинѣ XVII вѣка, при Генрихѣ IV и Ришельe, и позднѣе, при Людовикѣ XIV, когда дѣйствовалъ еще Кольберъ, она, наоборотъ была страною, въ которой шла дѣятельная органическая работа государства.* Имена Генриха IV и его не только перваго, но и всеобщаго министра Сюлли тѣсно связаны съ начальнымъ періодомъ этой органической работы, оканчивающимся въ 1610 г.

Послѣ религіозныхъ войнъ, продолжавшихся съ перерывами болѣе тридцати лѣтъ, Франція находилась въ весьма печальномъ состояніи. Генрихъ IV серьезно занялся уврачеваніемъ ранъ, нанесенныхъ Франціи этой анархіей, и съ особенною заботою отнесся онъ

[1]) См. выше, стр. 19—26.

къ положенію народной массы. Знаменитая курица въ горшкѣ крестьянина по воскреснымъ днямъ, о которой говорилъ король, была чѣмъ-то новымъ и чѣмъ-то скоро послѣ Генриха IV позабытымъ, когда Ришелье проповѣдовалъ, что народъ не нужно содержать слишкомъ хорошо. Пусть у Генриха IV было и то соображеніе, что „если раззорятъ народъ, то кто же станетъ содержать короля и нести на себѣ бремя государственныхъ расходовъ“, но и это соображеніе приходило тогда далеко не всѣмъ въ голову. Поднять экономическое благосостояніе народной массы—такова была одна изъ задачъ, поставленныхъ Генрихомъ IV для своей дѣятельности, какъ правителя, и онъ нашелъ хорошаго исполнителя своихъ мыслей на этотъ счетъ въ маркизѣ де-Рони (Rosny), позднѣе носившемъ титулъ и имя герцога Сюлли. Генрихъ IV и Сюлли были друзья съ молодыхъ лѣтъ, вмѣстѣ дѣлили труды, опасности и невзгоды военнаго времени, а совѣтамъ своего друга король былъ даже очень многимъ обязанъ, хотя подчасъ Сюлли читалъ не особенно пріятныя нотаціи слишкомъ подвижному и зарывавшемуся королю. Суровый гугенотъ, хотя и не безупречный, какъ человѣкъ, бережный хозяинъ, вѣрный слуга короля, онъ былъ во внутреннемъ управленіи всѣмъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ разныя вѣдомства, но главнымъ образомъ его спеціальностью было народное и государственное хозяйство. Относительно перваго онъ держался той идеи, что двумя сосцами, питающими государство, являются земледѣліе и скотоводство: такимъ образомъ онъ былъ предшественникомъ физіократовъ, державшихся той же мысли. Генрихъ IV съ нимъ расходился въ этомъ отношеніи, придавая значеніе обрабатывающей промышленности и торговлѣ и оказывая имъ покровительство. Въ государственномъ хозяйствѣ Франціи Сюлли принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ въ сравнительно короткое время исправилъ финансовое положеніе Франціи, расплатившись со многими долгами, возвысивъ доходы государства, собравъ большой запасный капиталъ, который послѣ него, однако, сталъ расхищаться, такъ что безъ Сюлли Генриху IV было бы трудно выкупить Францію у подѣлившихъ между собою ея провинціи вельможъ.

Участливое отношеніе Генриха IV къ народной массѣ выразилось между прочимъ въ томъ, что когда дворянскія насилія въ 1594 г. вызвали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскій бунтъ „крокановъ“ (croquants), въ коемъ приняло участіе до 50 т. человѣкъ, онъ старался успокоить волненіе мягкими мѣрами и обѣщаніями улучшить судьбу сельскаго населенія, замѣтивъ, что, пожалуй, и самъ онъ сдѣлался бы крокановъ. Въ его время (1600 г.) одинъ протестантскій дворянинъ Оливье де Серръ написалъ книгу, выдержавшую въ короткое время нѣсколько изданій и обратившую на себя большое вниманіе короля: это былъ „Театръ земледѣлія“ (Théatre d'agriculture),

гдѣ дѣлается одна изъ первыхъ попытокъ поставить сельское хозяйство на научную почву. Книга такъ заинтересовала Генриха IV, что онъ прочиталъ ее цѣликомъ, не смотря на крайне спеціальные предметы, о коихъ въ ней трактовалось: король ежедневно отводилъ полчаса времени на чтеніе „Театра земледѣлія". Вотъ главныя мѣры, коими Генрихъ IV думалъ облегчить положенія крестьянъ: уменьшеніе налоговъ, запрещеніе продавать скотъ, домашнюю утварь и земледѣльческія орудія за казенныя недоимки и частные долги, разрѣшеніе приходамъ выкупать отчужденныя общинныя земли (les communaux), и т. д. Идеаломъ Генриха IV, Сюлли и Оливье де Серра былъ добрый помѣщикъ, живущій въ своемъ замкѣ и вслѣдствіе разумнаго расчета благодѣтельствующій своимъ крестьянамъ. Это было, конечно, довольно наивно, и ихъ, какъ выражается Мишле, „романъ не осуществился", ибо „они полагали, что волкъ сдѣлается пастухомъ, а вышло наоборотъ". Въ хозяйственной жизни страны это была эпоха, когда зарождалось во Франціи фермерство, заставлявше землевладѣльцевъ уничтожать наслѣдственныя цензивы крестьянъ для отдачи ихъ въ краткосрочную аренду съ повышеніемъ платы при каждомъ возобновленіи контракта.

Промышленность и торговля, равно какъ и буржуазія, ими занимавшаяся [1]), нашли въ Генрихѣ IV покровителя, рѣшительно предпочитавшаго промышленный типъ общества военному. Онъ лично принималъ большое участіе въ томъ, чтобы во Франціи развить шелковое, ковровое, стекляное, стальное и др. производства. Государство занялось дѣятельною постройкою дорогъ, мостовъ, каналовъ, заводило почтовыя сообщенія, осушало болота, заключало торговые трактаты съ иностранными державами, учреждало компаніи для заморской торговли, заводило колоніи. Въ короткое время сталъ обнаруживаться подъемъ благосостоянія, отразившійся и на финансахъ, въ которыя Сюлли внесъ порядокъ и бережливость, позволивши ему сдѣлать одно изъ значительныхъ облегченій для народа — произвести пониженіе главнаго налога (таліи) съ двадцати милліоновъ ливровъ на четырнадцать.

Эта плодотворная работа, въ которой съ современныхъ точекъ зрѣнія, конечно, можно найти немало промаховъ и даже вредныхъ сторонъ, но которую нужно оцѣнивать, принимая въ расчетъ то, куда были направлены интересы другихъ современныхъ правительствъ, была прервана по смерти Генриха IV и устраненія Сюлли отъ дѣлъ расточительностью регентства и новой смутой. Къ хозяйственному направленію внутренней политики Франція вернулась только черезъ

---

[1]) Соціальныя отношенія эпохи болѣе систематически будутъ разсмотрѣны въ III томѣ, гдѣ см. и указанія на литературу.

полстолѣтіе, въ началѣ царствованія Людовика XIV, благодаря Кольберу, которому, однако, мѣшала крайняя расточительность этого короля. Но кромѣ экономической задачи, у французскаго правительства была другая—создать новую систему внутренняго управленія, и эта-то работа была совершена Ришелье.

Ришелье вступилъ въ отправленія должности перваго министра въ 1624 году, въ то время, когда въ Германіи уже происходила тридцатилѣтняя война и католическая реакція уже свирѣпствовала въ Чехіи и Пфальцѣ. Въ началѣ своего правленія онъ ведетъ двѣ войны съ гугенотами, побѣждаетъ ихъ, отнимаетъ у нихъ политическія права, которыя дѣлали изъ нихъ государство въ государствѣ, но, какъ было уже сказано, оставляетъ за ними права религіозныя. Войну съ гугенотами Ришелье наслѣдовалъ отъ предыдущаго періода, ибо еще въ 1620 г. у Людовика XIII произошло столкновеніе съ протестантами. Дѣло въ томъ, что Генрихъ IV обѣщалъ папѣ возстановить свободу католическаго богослуженія въ протестантскомъ Беарнѣ, но противъ этого были мѣстные штаты и мѣстный парламентъ, равно какъ и все населеніе. Людовикъ XIII задумалъ силою заставить беарнцевъ допустить у себя религіозную свободу, но протестанты всполошились и даже провозгласили особый законъ „республики реформированныхъ церквей Франціи и Беарна", обратившись за помощью къ иностраннымъ протестантамъ. Людовикъ XIII торжественно подтвердилъ эдиктъ, но это не остановило возстанія, которое было, однако, подавлено (1623 г.), послѣ чего у гугенотовъ оставлено было лишь двѣ крѣпости (Ларошель и Монтобанъ), но всѣ другія постановленія нантскаго эдикта были подтверждены. Двумя своими войнами противъ гугенотовъ (1625 и 1628—29 гг. [1]) Ришелье сокрушилъ ихъ, какъ политическую силу, ибо это входило въ его политическій планъ не допускать никакого государства въ государствѣ, стояло въ связи со всею его борьбою противъ аристократіи, бывшею, какъ извѣстно, однимъ изъ любимыхъ предметовъ извѣстнаго рода историческихъ произведеній, и вообще относилось къ установленію того внутренняго порядка, ради котораго предприняты были и административныя реформы. Ришелье лично былъ вѣрующій и набожный католикъ, онъ занималъ, какъ кардиналъ, выдающееся положеніе въ римской церкви, но это не мѣшало его вѣротерпимости, ибо онъ находилъ, что религіозныя различія могутъ имѣть значеніе для судьбы человѣка въ будущей жизни и отнюдь не должны отражаться на немъ въ земныхъ дѣлахъ, что политическіе интересы не должны быть приносимы въ жертву интересамъ вѣроисповѣднымъ. Отсюда и его воз-

---

[1]) См. выше, стр. 349—350.

вращеніе къ политической системѣ Генриха IV въ международныхъ отношеніяхъ, его участіе въ тридцатилѣтней войнѣ въ союзѣ съ протестантами, отсюда и то, что внутри Франціи онъ поручалъ протестантамъ важныя должности и поощрялъ предпріятія промышленной части гугенотскаго населенія. Онъ самъ заявилъ монтобанскому протестантскому духовенству, что король не дѣлаетъ никакого различія между ними и католическими подданными. Весьма естественно, что враги Ришелье, которыхъ у него было немало, величали его папой гугенотовъ и патріархомъ атеистовъ.

Любопытно, что, будучи католикомъ и высокимъ сановникомъ римской церкви, Ришелье оберегалъ французское государство отъ вѣроисповѣдной политики и отъ вмѣшательства куріи въ свѣтскія дѣла, а будучи по происхожденію дворяниномъ и раздѣляя предразсудки своего сословія, даже стараясь поддержать его привилегіи и принижая передъ нимъ буржуазію, онъ главнымъ образомъ велъ борьбу противъ дворянства, которое въ свою очередь дѣлало нѣсколько попытокъ низвергнуть кардинала, не остановившись даже передъ мыслью замѣнить Людовика XIII его братомъ Гастономъ Орлеанскимъ: извѣстно нѣсколько заговоровъ дворянъ противъ Ришелье и даже два случая, когда вельможи (лангедокскій губернаторъ Монморанси и графъ Суассонъ въ 1641 г.) брались за оружіе, но Ришелье съ безпощадною суровостью каралъ своихъ враговъ, которыхъ считалъ и врагами государства (когда у Ришелье уже на смертномъ одрѣ духовникъ спросилъ, прощаетъ ли онъ врагамъ, онъ отвѣтилъ, что у него не было личныхъ враговъ и что его враги были враги государства). Поддерживая соціальныя привилегіи дворянства, какъ это и вообще дѣлала королевская политика въ эпоху абсолютизма [1]), министръ Людовика XIII боролся съ этимъ сословіемъ, поскольку оно хотѣло играть политическую роль и поскольку оно вносило элементы безпорядка въ государственную жизнь. Отсюда его приказанія на счетъ уничтоженія феодальныхъ замковъ, за исключеніемъ пограничныхъ (1626 и 1629 гг.), на счетъ безпрерывныхъ дуэлей, на счетъ огражденія сельскихъ жителей отъ дворянскаго самоуправства, и смотря на дворянскія привилегіи съ той точки зрѣнія, что онѣ должны быть лишь вознагражденіемъ за службу государству [2]), онъ хотѣлъ даже сдѣлать послѣднюю обязательной, основываясь на старинномъ правѣ королей требовать хоть и временной военной службы у владѣльцевъ феодовъ, но эта попытка превратить дворянство въ служилое сословіе окончилась неудачей, такъ какъ встрѣтила отпоръ со стороны всего

---

[1]) См. томъ III.
[2]) См. выше мнѣніе объ этомъ самого Ришелье, стр. 401.

сословія. Ришелье смирялъ неповиновеніе государству самыми суровыми мѣрами, благодаря которымъ не было существенной разницы между его внутренней политикой и деспотизмомъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ: выше былъ приведенъ взглядъ Ришелье на государственныя преступленія [1]), подъ которыя подводилось весьма многое, а въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло получало такой характеръ, нарушались самыя элементарныя требованія правильнаго суда, ибо имѣлось только въ виду, чтобы другимъ неповадно было. Ришелье находилъ, что въ случаяхъ оскорбленія величества и бунта,—а подъ эти понятія подводились всякія безъ разбора проявленія политической оппозиціи,—должны наказываться самыя мысли, недонесеніе—въ такой же мѣрѣ, какъ и преступленія, должны наказываться по мѣрѣ надобности безъ слѣдствія [2]): чрезвычайныя судебныя коммиссіи устраивались въ домѣ самого Ришелье, въ королевскомъ кабинетѣ и засѣдали въ присутствіи кардинала и даже подъ предсѣдательствомъ самого Людовика XIII. Въ этомъ не было ничего необыкновеннаго по тѣмъ временамъ, и хотя бы, напр., герцогъ Альба за полвѣка передъ Ришелье дѣйствовалъ въ Нидерландахъ такъ же, какъ и послѣдній [3]), но въ другихъ мѣстахъ подобный произволъ встрѣчалъ отпоръ, тогда какъ во Франціи масса населенія примирялась съ такимъ деспотизмомъ власти, потому что видѣла въ немъ средство избавленія отъ аристократической тираніи. Подавляя безпорядки, Ришелье не дѣлалъ никакого различія между знатными и незнатными, и когда въ Нормандіи вспыхнуло при немъ крестьянское возстаніе босоножекъ (les nus-pieds), онъ поступилъ и съ ними по тому же принципу: чтобы другимъ не было повадно.

Обсуждая систему Ришелье, нужно принимать въ расчетъ состояніе общества, къ жизни котораго она могла привиться. Народная масса давно привыкла къ феодальной тираніи, и замѣна одного произвола другимъ не могла произвести въ ней какого бы то ни было движенія; болѣе свободнымъ духомъ отличалась буржуазія, но во Франціи она въ громадномъ большинствѣ случаевъ становилась на сторону государства въ его борьбѣ съ аристократіей, послѣдняя же понимала свободу въ старомъ смыслѣ феодальнаго самоуправства, вслѣдствіе чего сельское населеніе тоже лишь съ сочувствіемъ могло относиться къ подавленію подобной свободы. Весьма естественно, что при такомъ состояніи общества *организаціонная работа француз-*

---

[1]) См. стр. 401.

[2]) Il y a des crimes où il faut punir et puis informer, слова самого Ришелье.

[3]) См. выше, стр. 326 и слѣд.

скаго правительства должна была получить характеръ развитія бюрократическаго управленія. Во Франціи чиновничество стало играть роль еще въ очень отдаленное время, но оно само проникалось феодальными воззрѣніями, какъ это явствуетъ изъ исторіи парижскаго парламента [1]), а продажность должностей создавала неестественное положеніе чиновника, т.-е. агента власти, который являлся вмѣстѣ съ тѣмъ собственникомъ своей должности и потому былъ несмѣняемъ. Одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія: чиновничество являлось вездѣ, гдѣ падало старое феодальное или муниципальное самоуправленіе, но не вырабатывалось такого самоуправленія земскаго, какое мы наблюдаемъ въ Англіи; не одинъ Ришелье поэтому былъ организаторомъ бюрократическаго управленія, ибо оно вводилось и въ Испанской монархіи, особенно при Филиппѣ II, при которомъ значительно развилось даже бумажное судопроизводство, или въ нѣмецкихъ княжествахъ, гдѣ бюрократическій принципъ былъ проведенъ въ церковное управленіе (въ протестантскихъ земляхъ [2]), а Максиміліанъ Баварскій еще раньше создавалъ въ своемъ герцогствѣ настоящее полицейское государство (Polizeistaat) позднѣйшаго времени [3]), такъ что Ришелье дѣйствовалъ только въ направленіи, какое ранѣе его приняла уже внутренняя французская политика, и въ томъ же духѣ, въ какомъ дѣйствовали представители того же самаго принципа абсолютной монархіи въ другихъ странахъ до него, при немъ и послѣ него. Весьма естественно, что Ришелье вооружился противъ независимости органовъ власти, противъ самостоятельности исполнителей воли правительства, объявивъ парламентамъ, что у нихъ нѣтъ иной власти, кромѣ той, какая имъ дана королемъ, отнявъ у нихъ право сопротивляться королевскимъ ордонансамъ [4]) и дѣлать ремонстранціи (съ исключеніемъ для финансовыхъ дѣлъ), выкупивъ должности коннетабля Франціи и великаго адмирала и занявъ самъ ихъ мѣста, устранивъ изъ государственнаго совѣта (conseil d'Etat) знать и магистратуру, лишивъ губернаторовъ того значенія, какое они имѣли и благодаря коему могли дѣлаться опасными самой центральной власти, и т. д. *Основывая управленіе государствомъ на бюрократическомъ началѣ, Ришелье съ особеннымъ искусствомъ вводилъ въ это управленіе и централизацію.* Самъ онъ былъ первымъ министромъ, имѣя подъ собою нѣсколько министровъ статсъ-секретарей (ministres secrétaires d'état), въ числѣ коихъ былъ одинъ по военнымъ дѣламъ, другой для иностранныхъ

---

[1]) Томъ I, гл. X (въ концѣ).
[2]) См. выше, гл. XII.
[3]) См. выше, стр. 362—363.
[4]) Droit d'enregistrement, см. т. I, стр. 123—124.

дѣлъ, третій—по финансамъ (surintendant des finances), четвертый— для юстиціи (chancelier). Изъ государственнаго совѣта онъ исключилъ сановниковъ, которые могли быть независимы по своему общественному положенію, наполнивъ это учрежденіе настоящими чиновниками и сосредоточивъ въ немъ завѣдываніе всѣми внутренними дѣлами. За губернаторами по прежнему назначавшимися изъ знати оставлено было только право блестящаго представительства центральной власти въ провинціяхъ [1]), дѣйствительная же власть была поручена назначавшимся изъ мелкаго дворянства и буржуазіи „интендантамъ полиціи, юстиція и финансовъ", которые, впрочемъ, были сначала скорѣе временными коммиссарами правительства, и лишь впослѣдствіи сдѣлались постоянными. Во времена фронды и знать, и магистратура требовали ихъ уничтоженія, такъ какъ эта новая должность съ самыми широкими полномочіями была противна старымъ провинціальнымъ и сословнымъ административнымъ традиціямъ; въ XVIII в. интендантовъ сравнивали съ персидскими сатранами и съ турецкими пашами, и въ этомъ не было преувеличенія, такъ какъ интенданты въ сущности были мѣстными, ничѣмъ не ограниченными представителями государственнаго всемогущества.

Государство новаго времени, весьма характерно олицетворявшееся французской монархіей XVII в., не смотря на всѣ остатки средневѣковой старины, стремясь къ всемогуществу, *обнаруживало и тенденцію подчинить себѣ всѣ проявленія общественной жизни, не исключая и духовныхъ*. Реформація, какъ мы не разъ имѣли случай видѣть, отдала въ протестантскихъ странахъ въ государственное вѣдѣніе самую религію, но помимо религіи были и другія проявленія умственной жизни, которыя государство подчиняло своей опекѣ. Ришелье въ этомъ отношеніи показывалъ примѣръ. Созданная имъ „французская академія" должна была сдѣлаться государственнымъ учрежденіемъ для литературы, которою Ришелье не прочь былъ заниматься и самъ: оффиціальные представители литературы должны были служить въ качествѣ установителей правилъ грамматики и правописанія, установителей литературнаго вкуса [2]). Съ другой стороны, Ришелье началъ проводить въ жизнь ту систему покровительства наукамъ, литературѣ и искусствамъ, которую съ большимъ успѣхомъ продолжалъ Людовикъ XIV: онѣ тоже должны были нетолько служить государству, но и руководствоваться его указаніями, что особенно выразилось въ возникновеніи при Ришелье оффиціальной прессы, вдохновлявшейся ви-

---

[1]) Чѣмъ были губернаторы раньше, см. т. I, стр. 119.

[2]) По исторіи франц. академіи соч. Pelisson'a, Fontenelle и др.

дами правительства. То моральное воздѣйствіе на общество, которое въ средніе вѣка принадлежало церкви, а затѣмъ стало переходить къ независимымъ выразителямъ общественнаго мнѣнія въ литературѣ, по мысли Ришелье, должно было перейти къ государству. Если послѣднее, по его мнѣнію, могло быть вполнѣ индифферентно къ религіознымъ разномысліямъ, такъ какъ онѣ имѣютъ значеніе лишь по отношенію къ загробной жизни, а не къ жизни въ этомъ мірѣ, то для правительства, наоборотъ. не безразлично было, какъ думаютъ и что говорятъ люди о земныхъ дѣлахъ: литература, возникавшая періодическая пресса (Gazette de France [1]), наука должны были безусловно подчиняться той силѣ, какую начинало представлять собою государство новаго времени. *Покровительство государства просвѣщенію, начавшееся еще въ меценатствѣ гуманистической эпохи, получало односторонній характеръ*, такъ какъ при этомъ имѣлись въ виду либо цѣли чисто утилитарныя, либо тотъ внѣшній блескъ, за которымъ впослѣдствіи гнался Людовикъ XIV, но во всякомъ случаѣ такой режимъ не благопріятствовалъ ни свободѣ философской и научной мысли, особенно въ вопросахъ общественныхъ, ни независимости литературы, какъ выразительницы неподдѣльнаго общественнаго мнѣнія.

Всепоглощающее государство новаго времени, нуждавшееся притомъ въ деньгахъ для достиженія своихъ цѣлей въ международныхъ отношеніяхъ и для успѣшнаго выполненія своихъ внутреннихъ задачъ, *не могло оставить внѣ своего вѣдѣнія и внѣ правительственнаго вмѣшательства экономическую жизнь народовъ*. Но подобно тому, какъ въ вопросахъ духовнаго просвѣщенія оно имѣло въ виду не потребности индивидуальнаго развитія, а исключительные интересы государства, односторонне понятые, такъ и въ своей хозяйственной политикѣ оно руководилось соображеніями не столько о благосостояніи самаго населенія, сколько о безразличномъ по отношенію къ индивидуальному благу національномъ богатствѣ, какъ основѣ государственнаго могущества и источникѣ для наполненія государственнаго казначейства деньгами. Такая экономическая политика особенно развилась во Франціи же при Кольберѣ, т.-е. въ первую половину царствованія Людовика XIV (и при Кромвелѣ въ Англіи), но то, что называется кольбертизмомъ, протекціонизмомъ, меркантилизмомъ, имѣетъ происхожденіе въ общемъ характерѣ эпохи [2]). Ришелье прямо находилъ, что народу не должно быть слишкомъ хорошо, но что государ-

---

[1]) Hatin. Histoire de la presse.

[2]) О Кольберѣ см. ниже въ главѣ о Людовикѣ XIV. Тамъ же, но особенно въ III томѣ см. литературу по исторіи экономическихъ отношеній и ученій въ новое время.

ство должно обогащаться [1]), и это было лишь очень рѣзкое выраженіе главной идеи меркантилизма, какъ экономической доктрины эпохи. Историки экономическихъ отношеній и ученій, говоря о меркантилизмѣ, обращаютъ главное вниманіе на его хозяйственное значеніе [2]), но въ немъ проявилась вообще государственность новаго времени съ одностороннею заботливостью объ однихъ интересахъ казны, сообразно съ коими государство всѣми зависящими отъ него средствами направляло въ ту или другую сторону хозяйственную дѣятельность народа, заботясь о его благосостояніи, насколько онъ былъ лишь платежною силою страны, а также выразилось и стремленіе государства прибрать къ своимъ рукамъ всѣ сферы соціальной жизни, предоставляя какъ можно менѣе мѣста индивидуальному почину и общественной самодѣятельности [3]). Экономическія, коммерческія, колоніальныя, финансовыя соображенія и стремленія начинаютъ руководить внѣшнею политикой государствъ, отодвигая на задній планъ вѣроисповѣдныя различія эпохи реформаціоннаго движенія и католической реакціи. Но было бы ошибочно думать, что лишь въ серединѣ XVII вѣка возникла эта система: она создана была многими факторами болѣе ранняго происхожденія, каковы возникновеніе въ концѣ ср. вв. крупной торговли, развитіе промышленности, денежнаго капитала и буржуазіи, какъ представителей этихъ силъ [4]), обогащеніе цѣлыхъ странъ (Португаліи, Испаніи), благодаря внѣшней торговлѣ, особенно развившейся послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію, наконецъ, интересы правительствъ, которыя, сильно нуждаясь въ деньгахъ, видѣли воочію, что промышленность, торговля, мореплаваніе, колоніи представляютъ изъ себя источникъ національнаго богатства, а это при развитіи международнаго соперничества въ политическомъ отношеніи должно было вести за собою и конкурренцію промышленную и торговую. Еще Карлъ V выступилъ на тотъ путь, который сдѣлался впослѣдствіи общимъ для экономической политики всѣхъ государствъ, и у него были уже подражатели среди современныхъ государей, но настоящее господство экономической политики, создававшей богатство и благосостояніе народовъ посредствомъ обогащенія ихъ деньгами, добываемыми внѣшнею торговлею, начинается

---

[1]) См. выше, стр. 401—402.

[2]) Замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, мелкаго производства крупнымъ, поощреніе обрабатывающей промышленности и торговли въ ущербъ сельскому хозяйству, мелочная регламентація производства, запрещеніе иностраннаго ввоза, взглядъ на деньги, какъ на главное богатство,

[3]) Объ установленіи и характерѣ меркантилизма см. прибавленія проф. И. В. Лучицкаго къ рус. пер. Исторіи новаго времени Э. Зеворта, стр. 165—173, 530 и слѣд.

[4]) Т. I, гл. XIX.

только съ середины XVII в. Система эта установилась не безъ борьбы, ибо существовало въ томъ же XVI в., когда впервые стала опредѣляться меркантильная политика, и другое направленіе, представители коего смотрѣли на торговлю, какъ на опасную и разорительную дѣятельность, скорѣе подлежащую стѣсненіямъ, чѣмъ поощренію, и также относились къ промышленности, создающей продукты для вывозной торговли. Послѣднимъ виднымъ представителемъ такого взгляда, напр., былъ Сюлли, по словамъ котораго земледѣліе и скотоводство должны были замѣнить для Франціи всѣ рудники и сокровища Перу, обогащавшіе Испанію, промышленность же есть только паразитъ, вредный для сельскаго хозяйства, но Генрихъ IV держался иныхъ взглядовъ и покровительствовалъ промышленности. Впрочемъ, отъ всѣхъ начинаній этого короля и его министра при слѣдовавшихъ за ними правительствахъ ничего не осталось. Ришелье не былъ ни экономистомъ, ни финансистомъ, и только Кольберъ снова обратилъ вниманіе на хозяйственную жизнь, но уже возводя въ систему существовавшія до него меркантилистическія воззрѣнія (оказавшія сильное вліяніе и на экономическую политику Англіи при Кромвелѣ). *При всемъ различіи, которое образовалось между Франціей и Англіей въ государственномъ отношеніи, ихъ экономическая политика все болѣе и болѣе подчинялась однимъ и тѣмъ же принципамъ*, отразившимъ на себѣ историческую жизнь цѣлаго періода, когда начинало господствовать и въ этой жизни государственное начало, выросшее на развалинахъ средневѣковыхъ силъ католицизма и феодализма. Государству новаго времени, разрушившему средневѣковыя формы, предстояло взять на себя работу организаціи новыхъ отношеній, а между ними особенное вниманіе его стали обращать на себя именно формы хозяйственнаго быта и разные виды хозяйственной дѣятельности. Французская монархія XVII в., благодаря лучшимъ своимъ дѣятелямъ этой эпохи, опережала совершавшеюся въ ней организаціонною работою другія страны.

Но государственное начало способно воплощаться въ разныхъ формахъ. Познакомившись съ тою формою, которую оно приняло во Франціи, задававшей со второй половины XVII в. тонъ почти всему континенту, мы перейдемъ теперь къ государству другого типа, которому суждено было своими принципами оказать вліяніе на политическую жизнь самой Франціи и другихъ странъ западной Европы въ болѣе позднее время.

XXXII. Тюдоры и парламентъ [1]).

Абсолютизмъ во Франціи и его шансы въ Англіи. — Необходимость познакомиться съ внутренней исторіей Англіи XVI в. въ политическомъ отношеніи. — Потеря парламентомъ своего значенія въ концѣ среднихъ вѣковъ и причины этого явленія.—Вліяніе реформаціи на исторію парламента.—Значеніе секуляризаціи монастырской собственности.—Правительство, народъ и имущіе классы. — Политика Генриха VIII по отношенію къ парламенту. — Парламентъ въ эпоху Маріи Кровавой.—Королевская власть и парламентъ при Елизаветѣ.—Англійская нація въ XVII в.—Новые общественные классы и пуританизмъ.—Измѣненія, происшедшія въ англійскомъ парламентѣ.

Въ то время, когда во Франціи царствовали два первые Бурбона, Англіей управляли первые два Стюарта—Іаковъ I (1603—1625)

[1]) Для исторіи Англіи въ концѣ ср. вв. и въ XVI вѣкѣ отсылаемъ къ главамъ VII—IX (исторія парламента) и XVI (соціальный строй Англіи) перваго тома и къ страницамъ 198—205, 216—230, 308—344 второго тома, гдѣ говорится о царствованіяхъ Генриха VIII, Эдуарда VI, Маріи Кровавой и Елизаветы. Тамъ же указана и литература по исторіи англійской конституціи (т. I, 75) и реформаціи въ Англіи (см. также стр. 11 настоящаго тома). По исторіи англійской конституціи въ новое время см. Hallam. Constitutional history of England from the accession of Henri VII to the death of George II. — Соч. Гнейста (кромѣ ранѣе указанной ист. госуд. учрежд. Англіи) Die englische Communal-Verfassung und das System des Selfgovernment и Das englische Parlament.—Фишель. Государственный строй Англіи (Fischel. Die Verfassung Englands). — Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. — По исторіи Стюартовъ и революціи литература весьма обширна. Кромѣ трудовъ, охватывающихъ всю исторію Англіи (Гринъ, томъ III), см. Маколей. Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II (Macauley. History of England from the accession of James II, въ первомъ томѣ коего краткій очеркъ XVI и XVII вв.). — Гизо. Исторія англійской революціи (Guizot. Histoire de la révolution d'Angleterre и его же брошюра: Pourquoi la révolution d'Angleterre a-t-elle réussi, переведенная въ видѣ предисловія къ русскому переводу).—Ranke. Engl. Gesch. vornehmlich im XVII Jahrhundert.—Gardiner. Hist. of England from the accession of James I и его же The first two Stuarts and the puritan revolution.—A. Stern. Gesch. der Revolution in England.—Forster. Statesmen of the Commonwealth. Сюда же относятся біографіи выдающихся дѣятелей эпохи, указанныя въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, и сочиненія по религіозной исторіи Англіи въ эту эпоху. Кромѣ старой (1732 и слѣд. гг.) History of the puritans Ниля (Neal), по исторіи пуританъ см. Fletcher. The history of the revival and progress of Independency in England.—Barclay. Inner life of the religious societies of the Commonwealth. — Weingarten. Die Revolutionskirchen Englands.— Waddington. Congregational history. Въ книгѣ С. Ѳ. Фортунатова „Представитель индепендентовъ Генри Венъ“ есть небольшой обзоръ главныхъ сочиненій по эпохѣ (до 1875 г.). Наконецъ, укажемъ на цѣлый рядъ статей по англійской исторіи въ XVI и XVII в. М. М. Ковалевскаго, напечатанныхъ въ послѣдніе годы въ разныхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ (ссылки на нихъ ниже).

и Карлъ (1625—1649), а въ томъ самомъ 1642 г., когда умеръ кардиналъ Ришелье, окончательно превратившій Францію въ абсолютную монархію, въ Англіи началось междоусобіе между королевскою властью и парламентомъ, имѣвшее гораздо болѣе важное значеніе для этой страны, чѣмъ смуты фронды для Франціи въ малолѣтство Людовика XIV: причиною этого междоусобія было стремленіе Карла I къ абсолютизму, встрѣтившее отпоръ со стороны парламента. *У абсолютизма въ Англіи въ XVII в. вообще не было такихъ благопріятныхъ шансовъ, какія существовали для абсолютизма во Франціи.* Начать съ того, что политическія традиціи обѣихъ странъ въ этомъ отношеніи были совершенно различныя. Въ самомъ дѣлѣ, власть французскихъ королей, имѣвшая свое начало въ правахъ, которыя унаслѣдовали отъ Римской имперіи надъ населеніемъ Галліи короли франковъ, въ теоріи всегда оставалась абсолютною, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ народной массы, церкви и легистовъ, такъ что здѣсь существовала почва для развитія абсолютистическихъ стремленій королевской власти, тогда какъ англійскій король былъ наслѣдникомъ королей англосаксонскихъ, никогда не бывшихъ неограниченными повелителями своихъ подданныхъ, и уже съ самаго начала англійской исторіи такимъ образомъ взглядъ на королевскую власть былъ здѣсь иной, чѣмъ во Франціи [1]). Установленіе во Франціи феодализма и завоеваніе Англіи Норманнами, первое—ослабивъ власть короля, второе ее, наоборотъ, усиливъ, лишь временно задержали развитіе тѣхъ политическихъ началъ, съ какими обѣ страны начинаютъ жить самостоятельною политическою жизнью. Въ то самое время, какъ во Франціи королевская власть усиливается во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, въ Англіи происходитъ ея ограниченіе, и къ серединѣ XV в. вырабатывается тотъ взглядъ на отношенія короны и подданныхъ, который все болѣе и болѣе утверждается въ сознаніи націи въ послѣдующіе вѣка,—взглядъ, выраженный Фортескью въ его теоріи ограниченной монархіи [2]). Судьба сословно-представительныхъ учрежденій въ обѣихъ странахъ была разная: генеральные штаты, возникшіе почти одновременно съ парламентомъ, пришли въ упадокъ, какъ разъ въ то время, когда парламентъ, напротивъ, добился наиболѣе важныхъ правъ, и между тѣмъ, какъ попытки воскресить французское сословно-представительное учрежденіе, сдѣланныя во второй половинѣ XVI в., совершенно были неудачны, англійскаго парламента въ это время не уничтожила даже деспотическая политика Тюдоровъ,—фактъ, заслуживающій особаго разсмотрѣнія. Главною причиною того, что генеральные штаты не могли добиться такого положенія въ государ-

[1]) Т. I, стр. 113 и 77.
[2]) Т. I, стр. 103.

ствѣ, какое занималъ англійскій парламентъ, была, какъ извѣстно, сословная рознь, до такой степени обостренная, что нація обнаружила полную неспособность къ самоуправленію при посредствѣ сословнаго представительства и къ солидарному дѣйствію противъ захватовъ абсолютизма [1]), между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ Англіи выработался правящій классъ, имѣвшій большую силу и въ мѣстной, и въ общегосударственной жизни. Во Франціи окончательному утвержденію абсолютизма предшествовала феодальная реакція, каждый разъ подымавшая голову, какъ только власть попадала въ слабыя руки, и каждый разъ эта реакція сопровождалась анархіей, требовавшей усмиренія и заставлявшей народъ содѣйствовать укрѣпленію королевскаго авторитета. Въ исторіи Англіи послѣ великой феодально-династической усобицы, извѣстной подъ названіемъ войны алой и бѣлой розы, до „великаго мятежа“ середины XVII в., вызваннаго нападеніемъ короля на старую конституцію, не было ничего похожаго на французскія смуты XVI и XVII в., ничего, что могло бы оправдать необходимость диктатуры: не было ничего похожаго ни на религіозныя войны, ни на смуту въ малолѣтство Людовика XIII, ни на фронду. Мало того, политическая оппозиція во Франціи все болѣе и болѣе теряла идейный характеръ, тогда какъ въ Англіи было наоборотъ. Еще въ эпоху религіозныхъ войнъ французская оппозиція одушевляется идеей свободы совѣсти, но впослѣдствіи, въ началѣ трехъ царствованій конца XVI и XVII вв., т.-е. по вступленіи на престолъ Генриха IV и въ регентство Маріи Медичи и Анны Австрійской на первый планъ выступаютъ личныя страсти и стремленіе къ наживѣ, и полная безпринципность фронды особенно указываетъ на то, что французское общество не выработало идей, которыя могло бы противопоставить идеѣ абсолютизма. Послѣдняя идея въ Англіи XVI и XVII вѣковъ была заноснаго происхожденія, сначала итальянскаго, потомъ французскаго, тогда какъ большинство націи было одушевлено идеей политической свободы, сдѣлавшейся одною изъ ея наиболѣе дорогихъ традицій, а тутъ еще весьма значительная и притомъ очень энергичная часть націи проникалась еще суровымъ религіознымъ настроеніемъ. Абсолютизмъ во Франціи въ эпоху своего окончательнаго установленія при Генрихѣ IV и Ришелье былъ совершенно свѣтскаго характера: въ политику французскаго правительства входило успокоеніе религіозныхъ страстей посредствомъ вѣротерпимости, да и Людовикъ XIV рѣшился въ концѣ XVII в. нанести ударъ протестантизму лишь послѣ того, какъ послѣдній уже не имѣлъ прежней духовной и матеріальной силы, утративъ оппозиціонный характеръ и лишившись поддержки со стороны аристократіи. Другое дѣло—Англія: если во Франціи даже

---

[1]) См. выше, стр. 398—399.

кардиналъ, бывшій министромъ, умѣлъ отдѣлить интересы государства отъ интересовъ церкви, то въ Англіи, благодаря монархической реформаціи, сдѣлавшей короля главою религіи, а церковьпревратившей въ чисто государственное учрежденіе, стремленія свѣтской и духовной власти, бывшей такимъ образомъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, не отдѣлялись одинъ отъ другихъ, и абсолютизмъ политическій былъ необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ и абсолютизмомъ религіознымъ. Тогда какъ во Франціи лишь полное торжество перваго дало возможность только впослѣдствіи безпрепятственно проявиться и второму, въ Англіи Стюарты сразу хотѣли достигнуть безусловнаго господства въ государствѣ и церкви и встрѣтились съ двойною оппозиціей—политической и религіозной, опиравшеюся на старыя національныя традиціи, на привычку общества къ самоуправленію, на болѣе развитое чувство законности, такъ какъ все это не могло примириться съ новыми политическими началами, которыя проповѣдовались Стюартами, съ бюрократическими порядками и съ административнымъ произволомъ, къ коимъ они тяготѣли. *Вотъ почему Стюартамъ въ Англіи и не удалось то дѣло, которое съ успѣхомъ совершено было Бурбонами во Франціи, но имъ не удалось удержаться и на той позиціи, которую занимали Тюдоры*: Англія XVII в. была не похожа не только на современную ей Францію, но и на то, чѣмъ она сама была въ XVI столѣтіи. Прежде чѣмъ говорить о разницѣ въ положеніи двухъ англійскихъ династій, смѣнившихъ одна другую въ началѣ XVII в., нужно познакомиться съ исторіей взаимныхъ отношеній между королевскою властью и парламентомъ въ ту эпоху, исторіи коей мы до сихъ поръ касались лишь съ точки зрѣнія главныхъ событій XVI в., волновавшихъ всю Европу,—религіозной реформаціи и борьбы протестантизма съ католицизмомъ. Мы нарочно не входили въ подробности парламентской исторіи въ царствованіе Тюдоровъ, чтобы предпослать ея краткій очеркъ—исторіи политической борьбы при Стюартахъ.

Въ исторіи англійскаго парламента два столѣтія, протекшія отъ войны алой и бѣлой розы до первой революціи, были временемъ упадка: съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ это учрежденіе, т.-е. въ теченіе шестисотъ лѣтъ—ни разу королевская власть не была такъ могущественна, а потому самъ онъ никогда, ни раньше, ни позже не былъ такъ безсиленъ, какъ въ эти 200 лѣтъ. Если отъ этого періода отнять царствованіе іоркскаго дома, когда началось паденіе, и время первыхъ двухъ Стюартовъ, ознаменованное уже борьбою парламента съ королевскою властью ради возвращенія себѣ прежняго положенія въ государствѣ, то эпоха наибольшаго униженія парламента будетъ совпадать съ царствованіемъ Тюдоровъ, т.-е. съ тѣмъ XVI в., когда совершалась религіозная реформація и происходила борьба протестантизма съ католицизмомъ.

Мы знаемъ, что и та, и другая въ исторіи Англіи, какъ и въ исторіи другихъ странъ, имѣли отношеніе не только къ той области, которой непосредственно касались, т.-е. къ области религіи, церкви, духовенства, но и къ политическому и соціальному быту. Исторія англійскаго парламента въ XVI в. довольно тѣсно связана съ исторіей реформаціи и эта связь продолжается въ XVII в., благодаря тому, что столкновеніе королевской прерогативы съ парламентскими привилегіями было въ то же время столкновеніемъ между англиканскою церковью и пуританизмомъ. Поэтому время Тюдоровъ въ исторіи англійскаго парламента представляетъ большой интересъ.

Позднѣе сами англичане опредѣляли характеръ той власти, какою пользовались Тюдоры, называя ее деспотизмомъ, абсолютизмомъ, личнымъ правленіемъ и прилагая тѣ же самыя опредѣленія къ отдѣльнымъ царствованіямъ, изъ коихъ самыми замѣчательными были царствованія Генриха VIII и Елизаветы. Поведеніе королей изъ этой династіи даетъ полное основаніе дѣлать такую квалификацію, но этотъ деспотизмъ былъ фактомъ, а не правомъ, ибо въ теоріи Англія продолжала оставаться ограниченною монархіей, и парламенты по-прежнему продолжали собираться, тогда какъ во Франціи, наприм., генеральные штаты совсѣмъ не созывались въ теченіе цѣлыхъ царствованій. Сравнивая, далѣе, то, чѣмъ былъ парламентъ при вступленіи Тюдоровъ на престолъ, т.-е. въ восьмидесятыхъ годахъ XV в., съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ къ концу этой династіи, т.-е. къ началу XVII столѣтія, мы наблюдаемъ слѣдующія два явленія: *какія-то причины въ серединѣ XV в. ослабили парламентъ, и какія-то причины возвратили ему силу къ первой половинѣ XVII столѣтія.*

Главныя причины ослабленія парламента въ концѣ среднихъ вѣковъ заключались въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, война алой и бѣлой розы, сопровождавшаяся насиліями побѣдителей надъ побѣжденными, не могла вообще содѣйствовать развитію внутренней свободы: собранія парламента въ эту смутную эпоху были главнымъ образомъ собраніями побѣдившей партіи, только узаконявшими насилія, которыми подвергались побѣжденные. Самое вступленіе на престолъ іоркскаго дома, вмѣсто Ланкастеровъ, царствовавшихъ въ силу парламентскаго акта, было нарушеніемъ права, созданнаго парламентомъ. Конфискаціи имущества, контрибуціи съ мятежниковъ, принудительные займы и другіе незаконные поборы, развившіеся въ ту эпоху, когда право должно было склоняться передъ силой, дозволили королевской власти обходиться безъ частаго созыванія палаты общинъ для вотированія субсидій. Какъ можно рѣже созывать парламентъ входило даже въ правительственную систему, и въ этомъ отношеніи Стюарты только продолжали политику королей изъ іоркскаго дома и Тюдоровъ. Если

въ теченіе 105 лѣтъ, занятыхъ царствованіемъ трехъ Эдуардовъ (1272—1377), въ эпоху, когда парламентъ только-что организовался, онъ собирался 119 разъ, если при Ланкастерахъ происходили почти ежегодныя его собранія, то уже въ двадцать два года царствованія Эдуарда IV онъ созывался только шесть разъ, а въ послѣднія тринадцать лѣтъ Генриха VII—лишь два раза. Вообще всѣ Тюдоры рѣдко прибѣгали къ созыву палатъ: на 118 лѣтъ, въ теченіи коихъ династія эта была на англійскомъ престолѣ, лишь 58 разъ были собранія парламента и еще сравнительно чаще въ царствованіе самаго деспотическаго Тюдора, Генриха VIII, чѣмъ при его дочери Елизаветѣ: при первомъ въ 37 лѣтъ былъ 21 парламентъ, при второй въ 45 лѣтъ—только тринадцать. Если Генрихъ VIII относительно часто созывалъ палаты, особенно во вторую половину своего царствованія, то ихъ сессіи, вмѣстѣ взятыя, составляютъ лишь около сорока мѣсяцевъ. Ослабленію парламента много содѣйствовало, далѣе, и то, что во внутреннихъ его отношеніяхъ также произошли перемѣны. Главныя общественныя силы, которыя были представлены въ парламентѣ, при слабости въ средневѣковой Англіи городского элемента, заключались въ землевладѣльческихъ классахъ, а таковыми были церковь, сама по себѣ бывшая могущественной организацѣей, и феодальная аристократія, имѣвшая большой вѣсъ въ мѣстной жизни. Средоточіемъ аристократическихъ вліяній была палата лордовъ, у которой лишь въ новое время отняла первенство палата общинъ, и всякое ослабленіе значенія этого аристократическаго учрежденія должно было вести за собою и ослабленіе всего парламента. Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ верхней палатѣ число духовныхъ перовъ значительно перевѣшивало число свѣтскихъ, весьма уменьшившееся во время феодальной усобицы двухъ розъ, но прелаты, засѣдавшіе въ парламентѣ, стали въ это время въ довольно зависимыя отношенія къ королю по двумъ причинамъ. Сначала именно антагонизмъ съ баронами, дѣлавшими нападенія на земли духовенства, и особенно антиклерикальная оппозиція лоллардовъ заставляли высшее духовенство, епископовъ и аббатовъ большихъ монастырей,—а тѣ, и другіе были духовными перами,—искать поддержки у короны противъ своихъ враговъ. Лишь при новыхъ отношеніяхъ, установившихся между королевскою властью и церковными сановниками, и возможно было признаніе со стороны послѣднихъ королевскаго главенства въ церкви при Генрихѣ VIII. Секуляризація монастырской собственности и уничтоженіе монастырей, совершившіяся при этомъ королѣ, имѣли своимъ слѣдствіемъ уменьшеніе числа духовныхъ перовъ, такъ какъ таковыми остались лишь одни епископы, санъ коихъ былъ удержанъ англиканскою церковью, но та власть, какую король получилъ надъ этою церковью, еще болѣе увеличила зависимость отъ него епископата, притомъ еще весьма богато

дотированнаго. Англиканская церковь, какъ государственное учреждение съ характеромъ монархическо-аристократическимъ, привязывала епископатъ къ королевской власти, дѣлала изъ него защитника королевской супрематiи въ дѣлахъ вѣры, на которую Тюдоры смотрѣли, какъ на одну изъ прерогативъ короны, но по связи церкви съ государствомъ эта защита должна была получить характеръ и политическiй: „высокая церковь" (high church) прониклась монархическимъ принципомъ и въ политикѣ. До назначенiя Тюдорами новыхъ свѣтскихъ лордовъ и до исключенiя изъ верхней палаты аббатовъ и прiоровъ эта палата состояла главнымъ образомъ изъ духовныхъ перовъ. Свѣтская аристократiя къ концу среднихъ вѣковъ стала приходить въ упадокъ, благодаря тому, что ея цвѣтъ погибъ во время феодальнаго междоусобiя двухъ розъ, а мѣстное ея значенiе нѣсколько ослаблялось вслѣдствiе замѣны феодальныхъ способовъ держанiя земли новыми, начинавшими выдвигать на сцену и новые соцiальные классы, уже не находившiеся въ прежней связи съ лендлордами [1]). Когда Генрихъ VII созвалъ первый свой парламентъ, въ верхней его палатѣ засѣдали лишь 29 свѣтскихъ лордовъ. Если, однако, число ихъ стало впослѣдствiи превышать число лордовъ духовныхъ, то не по одному тому только, что послѣднее уменьшилось, благодаря исключенiю изъ палаты аббатовъ и прiоровъ: Тюдоры создали около полутораста новыхъ перовъ преимущественно изъ представителей старинныхъ рыцарскихъ родовъ, составлявшихъ придворную знать, и въ эпоху реформацiи щедро наградили ихъ бывшими монастырскими имѣнiями. Уже Генрихъ VII назначилъ 20 новыхъ лордовъ, но Генрихъ VIII и Эдуардъ VI создали ихъ 89 (первый 66, второй 23), да Марiя съ Елизаветой 38 (одна 9, другая 29). Новая аристократiя, обязанная своимъ возвышенiемъ придворной службѣ, королевскому пожалованiю и секуляризацiи церковной собственности, на первыхъ особливо порахъ была тѣсно связана съ престоломъ и имѣла особенный интересъ поддерживать англиканскую церковь, не желая возстановленiя католицизма, грозившаго отобранiемъ тѣхъ земель, коими завладѣли свѣтскiе люди. Такимъ образомъ реформацiя въ Англiи вообще, какъ извѣстно, послужившая усиленiю королевскаго могущества, *особеннымъ образомъ содѣйствовала еще тому, чтобы привязать къ интересамъ короны духовную и свѣтскую аристократiю.*

Секуляризацiя монастырской собственности и уничтоженiе монастырей съ отобранiемъ въ казну и всей ихъ движимости имѣли также громадныя послѣдствiя и экономическаго, и политическаго свойства [2]).

[1]) Т. I, стр. 213.

[2]) М. М. Ковалевскiй. Секуляризацiя монастырской собственности въ Англiи и ея ближайшiя послѣдствiя (Русская Мысль, 1888, кн. I и II).

Старыя владѣнія короны были большею частью расхищены, теперь она сдѣлалась обладательницею громаднаго имущества, доходами съ котораго королевская власть могла бы существовать, не созывая парламентовъ для вотированія субсидій. Королевская власть, однако, не удержала всей этой массы бывшихъ монастырскихъ имѣній въ своихъ рукахъ. Секуляризаціонныя стремленія въ Англіи, какъ и вездѣ, существовали еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ, и англійское землевладѣльческое сословіе въ XV столѣтіи не скрывало, что, становясь на сторону ученія, по которому духовенству не приличествуетъ владѣть землями, оно имѣетъ въ виду пособить самому себѣ, получивъ при дѣлежѣ добычи львиную долю. Какъ и въ другихъ странахъ [1]), такъ и въ Англіи, отбирая у церкви ея земли, королевская власть дѣлилась ими съ землевладѣльческимъ сословіемъ, причемъ множество имѣній было роздано въ надѣлъ новой аристократіи, а также и въ дотацію послушнымъ епископамъ. Раздача земель, начавшаяся еще при Генрихѣ VIII, особенно усилилась при несовершеннолѣтнемъ Эдуардѣ VI, остановилась на время при Маріи Католической, но возобновилась при Елизаветѣ, такъ что въ XVII в. уже опять повторялись жалобы на обѣдненіе короны. *Переходъ церковной собственности въ новыя руки создавалъ цѣлый общественный классъ, имѣвшій интересъ защищать государственную церковь подъ главенствомъ короля*, и весьма естественно, что пока отъ короны можно было получать новыя земли, у нея было особенно много защитниковъ. Что касается до экономическаго значенія секуляризаціи монастырей, то прежніе историки не всегда вѣрно понимали всю ея важность, порицая ее, напр., за то, что она уничтожила монастырскую благотворительность (Галламъ), или наоборотъ, восхваляя за то, что она возвратила труду праздныя прежде руки монаховъ (Маколей). Дѣло, однако, въ томъ, что новые владѣльцы заводили на бывшихъ монастырскихъ земляхъ новые порядки, примѣняя луговое хозяйство и разводя овецъ тамъ, гдѣ раньше пахали землю крестьяне, ограничивая право мѣстнаго населенія пользоваться пустошью и лѣсомъ, сосредоточивая въ рукахъ болѣе крупныхъ фермеровъ прежнія мелкія земельныя „держанія“, такъ что въ исторіи переворота, совершавшагося въ формахъ землевладѣнія и въ быту землевладѣльческихъ классовъ Англіи [2]), секуляризаціи монастырской собственности принадлежало важное значеніе [3]). XVI в. въ экономической исторіи Англіи былъ

---

[1]) См. выше, стр. 131, 196, 198, 208 и 215.

[2]) Ср. т. I, гл. XVI.

[3]) Кромѣ указанной статьи проф. Ковалевскаго, см. другую, служащую ей дополненіемъ и напечатанную въ III т. „Историческаго Обозрѣнія“ подъ заглавіемъ: „Поворотный моментъ къ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи“.

эпохой, когда вслѣдствіе большаго заграничнаго спроса на шерсть и малаго спроса на хлѣбъ, вслѣдствіе дороговизны первой и дешевизны второго земледѣліе замѣнялось скотоводствомъ, что сопровождалось обращеніемъ пахотей въ луга. Съ другой стороны, развивается фермерское хозяйство, и помѣщики отдаютъ въ аренду не только тѣ земли, которыя были въ непосредственномъ ихъ хозяйствѣ, но и тѣ, коими пользовались прежде крестьяне: иногда для образованія одной фермы нужно было снести двадцать-тридцать крестьянскихъ дворовъ. Обѣ эти перемѣны вели къ тому, что крестьянство отрывалось отъ земли, для расширенія же земель, отводившихся подъ пастбища и подъфермы, стали выгораживаться участки изъ общинныхъ земель, и хотя послѣднее происходило повсемѣстно, нигдѣ, однако, явленіе это не было такъ развито, какъ въ Англіи въ XVI в., несмотря на то, что Тюдоры и боролись съ нимъ. Какое важное значеніе имѣло все это, свидѣтельствуетъ масса дошедшихъ до насъ жалобъ относительно обезземеленія крестьянства въ тогдашней публицистикѣ. Секуляризація помогла указанному процессу, и съ этой точки зрѣнія намъ сдѣлаются понятными многіе факты англійской исторіи XVI в. Во-первыхъ, въ защиту католицизма происходили крестьянскія возстанія, въ которыхъ особую роль играли требованія, касавшіяся уничтоженія изгородей; да и вообще аграрными безпорядками полна эта эпоха. Во-вторыхъ, страшное развитіе пауперизма заставило правительство обратить вниманіе на это зло, и результатомъ было изданіе закона о бѣдныхъ. Пока въ Англіи (уже къ концу царствованія Елизаветы) не началось развитіе обрабатывающей промышленности, мало-по-малу поглотившей впослѣдствіи рабочія руки, оторванныя отъ земледѣлія экономическимъ переворотомъ въ деревняхъ, въ Англіи была масса празднаго, бродячаго люда, жившаго нищенствомъ, примыкавшаго ко всѣмъ волненіямъ, какія происходили въ странѣ, даже составлявшаго грабительскія шайки. Правительство дѣйствовало по отношенію къ нищимъ, бродягамъ, разбойникамъ, весьма легко переходившимъ отъ одной профессіи къ другой, исключительно репрессивными мѣрами, но въ самомъ началѣ своего царствованія Елизавета, опасаясь смутъ, для которыхъ бродяги были весьма подходящимъ элементомъ, издала указъ (1561) о необходимости изслѣдовать средства къ тому, чтобы прекратить пауперизмъ. Законодательными мѣрами 1562 и 1572 гг. мѣстныя власти должны были устраивать бытъ бѣдняковъ на средства, которыя составлялись бы изъ особаго налога въ пользу бѣдныхъ съ зажиточнаго населенія городовъ и отдѣльныхъ приходовъ въ графствахъ, а также доставлять имъ заработокъ. Эти мѣры были дополнены другими (устройство рабочихъ домовъ для неисправныхъ бродягъ, передача сборовъ налога въ руки надсмотрщиковъ надъ пауперами, предоставленіе имъ права отдавать

въ ученіе дѣтей, родители коихъ не въ состояніи были ихъ содержать и т. п.), и законодательство Елизаветы о бѣдныхъ, завершенное актомъ 43 года ея царствованія, сдѣлалось основою англійской системы призрѣнія бѣдныхъ [1]). Мѣры эти имѣли успѣхъ въ томъ смыслѣ, что достигли цѣли, ради которой были изданы, но борьба правительства съ бродяжничествомъ и возведеніе въ систему обязанности мѣстныхъ союзовъ прокармливать своихъ бѣдняковъ, свидѣтельствуя о томъ, какихъ размѣровъ достигло обезземеленіе народной массы, указываетъ еще и на то, какъ правительство было озабочено и опасностью, вытекавшею отсюда для общественнаго спокойствія. Но не менѣе власти были озабочены и имущіе классы аграрными безпорядками, развитіемъ разбойничества, народными возстаніями, и *одною изъ причинъ того, что общество не препятствовало усиленію королевской власти, было его стремленіе поддержать общественный порядокъ*, коему грозило народное недовольство, возбуждавшееся экономическими причинами, т.-е. между прочимъ, дѣйствіями самихъ же имущихъ классовъ въ свою пользу и во вредъ народу.

Все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ намъ, почему при Тюдорахъ королевская власть получила такой перевѣсъ надъ парламентомъ. Но парламентъ не былъ отмѣненъ. Напротивъ того, наиболѣе деспотическій король изъ Тюдоровъ, правившій Англіей совершенно тираннически, въ концѣ своего царствованія возведшій даже терроръ въ систему, особенно содѣйствовалъ тому, чтобы парламентъ почувствовалъ себя впослѣдствіи въ правѣ вмѣшиваться и въ тѣ дѣла, которыя корона считала своею прерогативою. Въ первую половину своего царствованія, находясь еще въ единеніи съ католическою церковью и въ союзѣ съ папствомъ, Генрихъ VIII избѣгалъ созыва парламента, что было и системою его главнаго совѣтника, кардинала Вольсея, лишившагося потомъ королевской милости вслѣдствіе своего несогласія на бракъ Генриха VIII съ Анной Болейнъ и умершаго по дорогѣ въ Тоуэръ. Новымъ временщикомъ сдѣлался тогда Ѳома Кромвель [2]), извѣстный „молотъ монаховъ“, главный помощникъ короля-реформатора въ церковныхъ дѣлахъ, организаторъ террора, державшаго въ трепетѣ всю страну, самъ, однако, также сложившій голову на плахѣ (1540). Кромвель измѣнилъ королевскую политику по отношенію къ парламенту, *задумавъ сдѣлать изъ послѣдняго лишь орудіе тиранніи, послушное во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда власти нужно было легализировать свои произвольныя дѣйствія* и придать имъ видъ мѣръ, принимаемыхъ съ народнаго

---

[1]) Nicholls. History of the english poor law.—Aschrott. Das englische Armenwesen in seiner historischen Entwickelung.

[2]) См. выше, стр. 203.

согласія. Церковная революція, которую начали Генрихъ VIII и Кромвель, едва ли могла бы быть проведена безъ помощи парламента, ибо вопросъ шелъ о такихъ вещахъ, какъ уничтоженіе папской юрисдикціи въ Англіи, подчиненіе національной церкви королю, секуляризація монастырской собственности и т. п., а между тѣмъ изъ безсильнаго парламента можно было сдѣлать такое же покорное орудіе королевскаго произвола въ дѣлахъ государственныхъ, какимъ церковь должна была сдѣлаться въ дѣлахъ религіозныхъ, для чего стоило лишь создать послушную палату лордовъ и наполнить нижнюю палату креатурами правительства. Парламентъ былъ, дѣйствительно, вполнѣ покорнымъ орудіемъ власти, раболѣпно соглашался на все, что ни требовалось королемъ, утверждалъ всѣ его церковныя новшества, издавалъ билли of attainder [1]), чтобы посылать на эшафотъ непріятныхъ правительству людей, освобождалъ короля отъ долговъ, заключенныхъ у подданныхъ, не протестовалъ, когда обходились или прямо нарушались старые парламентскіе статуты, когда администрація дѣйствовала произвольно, когда на суды оказывалось давленіе, а въ 1540 г. согласился даже признать, что въ извѣстныхъ случаяхъ королевскія прокламаціи имѣютъ силу законовъ (что было отмѣнено въ первый годъ Эдуарда VI). Такой парламентъ можно было созывать часто, дѣлать его сессіи болѣе продолжительными, расширять его компетенцію, и все это дѣлалось во вторую половину царствованія Генриха VIII, когда черезъ парламентъ проводились всѣ церковныя новшества и парламенту же король отдавалъ на разсмотрѣніе дѣла, которыя его предшественниками ревниво оберегались отъ вмѣшательства палатъ, именно дѣла семейныя (законность брака, виновность жены) и отношенія къ совѣтникамъ (вопросъ о государственной измѣнѣ министровъ). Само собою разумѣется, что *такое расширеніе компетенціи парламента самымъ деспотическимъ королемъ могло служить прецедентомъ на будущія времена и должно было внушать палатамъ сознаніе важности ихъ значенія въ государствѣ.*

Результаты такой политики заставили себя ждать не особенно долго. Восшествіе на престолъ Маріи Кровавой по праву, основанному на парламентскомъ статутѣ, и вопреки завѣщанію короля (Эдуарда VI), отдавшаго корону Англіи несчастной Дженни Грей, было побѣдою закона надъ произволомъ, но Марія напрасно думала, что парламентъ будетъ во всемъ послушенъ ея волѣ. Къ великому ея неудовольствію парламентъ протестовалъ противъ ея намѣренія вступить въ бракъ съ Филиппомъ Испанскимъ; ей не удалось лишить правъ престолонаслѣдованія Елизавету; ея предложеніе возстановить старые ста-

---

[1]) Т. I, стр. 109.

туты противъ еретиковъ было отвергнуто въ первомъ парламентѣ; особенно жестокое пораженіе потерпѣла королева въ вопросѣ о возвращеніи церкви секуляризованныхъ земель [1]), и лорды даже говорили, что пока они носятъ мечи, они не позволятъ лишить себя законной собственности. Такимъ образомъ уже въ пятидесятыхъ годахъ XVI в. парламентъ начиналъ возвращать себѣ свою самостоятельность, такъ что властолюбивая Елизавета должна была вернуться къ прежней политикѣ Тюдоровъ, къ политикѣ рѣдкихъ созывовъ парламента, и это ей позволяли ея бережливость и заведенный ею порядокъ. Но вмѣстѣ съ этимъ *она должна была и умѣть ладить съ палатами, которыя все болѣе и болѣе возвращаются во второй половинѣ XVI в. къ старымъ традиціямъ.*

Королева Елизавета отличалась несомнѣнно властолюбивымъ характеромъ: это дало поводъ извѣстному англійскому историку XVIII вѣка Юму говорить о ея чисто турецкомъ деспотизмѣ, да и современнымъ историкамъ—отмѣчать тотъ фактъ, что Елизавета пользовалась своею властью въ очень широкихъ размѣрахъ. Королова не терпѣла ослушанія ея волѣ, которой должны были безпрекословно повиноваться фавориты-министры, сановники и епископы; она не остановилась передъ судомъ и казнью своего любимца графа Эссекса; преданнаго ей совѣтника своего Сесиля (лорда Берлея) однажды она назвала въ глаза дуракомъ; епископы получали отъ нея выговоры, а архіепископъ Гриндаль за противорѣчіе былъ даже отставленъ. Понятное дѣло, что такая королева не могла быть особенно расположенною къ тому, чтобы ея власть ограничивалась парламентомъ, а потому она сравнительно рѣдко собираетъ палаты и неразъ даетъ почувствовать свое неудовольствіе, если онѣ, какъ она думаетъ, вмѣшиваются не въ свое дѣло. Когда въ парламентѣ возникали вопросы, ей почему-либо непріятные, она обращалась къ нему съ выговорами и приказывала не продолжать обсужденія внесенныхъ биллей или вовсе ихъ не читать, а въ случаѣ ослушанія или слишкомъ свободныхъ рѣчей подвергала членовъ парламента аресту, даже тюремному заключенію. Но уже одно то, что королевѣ приходилось прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, указываетъ на совершившуюся перемѣну: парламентъ уже не былъ безгласнымъ орудіемъ королевской власти, въ немъ появлялись члены, которые не довольствовались предоставлявшимся имъ со стороны королевы правомъ говорить „да" или „нѣтъ", а ставили даже прямо вопросы о привилегіяхъ парламента. Англійская нація удивительно выросла въ полвѣка, занятые царствованіемъ Елизаветы, и если королева вполнѣ не отдавала себѣ отчета въ важности про-

---

[1]) См. выше, стр. 219.

исходившихъ вокругъ нея перемѣнъ, то въ силу политическаго такта, обнаруженнаго вообще всѣмъ ея поведеніемъ, она по возможности смягчала и ограничивала пользованіе своими прерогативами, не ставя ребромъ конституціонныхъ вопросовъ сколько-нибудь спорнаго характера, въ случаѣ надобности даже дѣлая уступки. Она не могла не видѣть оживленія парламентской дѣятельности. Наполненіе нижней палаты угодными правительству членами, широко практиковавшееся раньше при помощи оффиціальныхъ кандидатовъ, уже несовсѣмъ удавалось. При Эдуардѣ VI и Маріи множество новыхъ мѣстечекъ (boroughs) получило право посылать депутатовъ въ парламентъ, которые тамъ были бы въ полномъ распоряженіи короны; сама Елизавета создала такимъ образомъ новыхъ 62 мѣста, расчитывая на ихъ зависимость отъ короны, но и это не всегда помогало, такъ какъ выборы дѣлались все независимѣе и независимѣе. Совсѣмъ устранить парламентъ королева, однако, не думала: ея собственное право на занятіе престола опиралось на парламентскомъ актѣ, и самой ей въ началѣ же царствованія пришлось регулировать церковныя отношенія при помощи парламента. Считая, однако, что вопросы престолонаслѣдія и религіи подлежатъ ея исключительному вѣдѣнію, она вопреки прецедентамъ дѣлала парламенту выговоры, когда онъ начиналъ заниматься или, тѣмъ или другимъ. Въ 1566 г. она прямо взглянула, какъ на бунтъ, на желаніе парламента вопреки ея волѣ разсуждать объ ея преемникѣ и объ ея замужествѣ: дѣло дошло до столкновенія, но Елизавета воздержалась отъ того, чтобы довести его до разрыва. Планы церковныхъ реформъ, возникавшіе въ парламентѣ, равнымъ образомъ раздражали королеву, считавшую, что и тутъ палаты вмѣшиваются не въ свое дѣло. Съ другой стороны, притязанія Маріи Стюартъ, козни католиковъ, заговоры и возстанія, внѣшнія опасности, заставляли Елизавету искать въ народѣ поддержки и популярности, и, дѣйствительно, она пользовалась и тою, и другою. Самая казнь Маріи Стюартъ была примѣненіемъ парламентскаго акта, изданнаго въ огражденіе личной безопасности королевы. Наиболѣе замѣчательнымъ случаемъ, въ которомъ выразилась вся тактичность поведенія Елизаветы былъ слѣдующій. Королевской власти въ Англіи принадлежало верховное управленіе торговой полиціей, т.-е. все, что касалось монеты, вѣса, мѣръ, ярмарокъ, рынковъ, портовъ и т. п., и пользуясь этимъ правомъ, правительство создавало монополіи, патенты на которыя въ XVI в. раздавались десятками. Парламенты 1571 и 1591 гг. жаловались на развитіе монополій, но Елизавета смотрѣла на ихъ заявленія, какъ на вмѣшательство въ ея право. Въ парламентѣ 1601 г. возникъ даже билль объ уничтоженіи монополій, чему напрасно старались помѣшать совѣтники королевы. Когда Елизавета увидѣла, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, она уступила,

объявила парламенту, будто ей раньше не было извѣстно существованіе зла, и даже поблагодарила парламентъ за то, что онъ печется объ общественномъ благѣ, а затѣмъ она, дѣйствительно, уничтожила всѣ выданные ею монопольные патенты. Благодаря такой политикѣ, Елизавета была весьма популярна, и ея столкновенія съ парламентомъ не доходили до разрыва.

Все это указываетъ и на то, что англійская нація вышла въ царствованіе Елизаветы изъ прежняго пассивнаго состоянія. Вторая половина XVI в. въ исторіи Англіи была временемъ сильнаго роста матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны. Въ управленіи были заведены порядокъ и экономія. Сельское хозяйство дѣлало успѣхи и давало больше дохода, чѣмъ прежде. Начинала развиваться промышленность, и напр., вмѣсто того, чтобы отправлять свою шерсть на материкъ, англичане начали выдѣлывать сукно дома. Торговля равнымъ образомъ процвѣтала, особенно послѣ того, какъ Англія пошла по стопамъ Португаліи и Испаніи въ мореплаваніи и колонизаціи, главнымъ образомъ послѣ уничтоженія „непобѣдимой армады“: въ Америкѣ основана была первая колонія (Виргинія въ честь королевы-дѣвственницы), устроена была остъ-индская компанія (1600), въ Лондонѣ открыта биржа. Великія событія эпохи, роль Англіи, какъ защитницы протестантизма на материкѣ Европы, опасная борьба съ могущественной Испанской монархіей, способствовали подъему національнаго духа англичанъ. Нравственному возбужденію соотвѣтствовали успѣхи въ области знанія и поэтическаго творчества: Бэконъ и Шекспиръ [1]) принадлежатъ вѣку Елизаветы. Понятное дѣло, что всѣ эти шаги впередъ на поприщѣ хозяйственной, промышленной, торговой, колонизаціонной дѣятельности, все это культурное движеніе въ области духа не могли не отразиться на сознаніи обществомъ того, что законами страны оно призвано къ свободѣ. Развитіе матеріальнаго благосостоянія особенно подняло провинціальное дворянство (джентри) и купечество, которыя по своему богатству могли теперь поспорить съ лордами: въ XVII в. сдѣлалось уже общепризнанной истиной, что палата общинъ гораздо богаче палаты лордовъ. Члены перваго изъ названныхъ соціальныхъ классовъ въ концѣ царствованія Елизаветы съ особою силою стремятся

---

[1]) Куно Фишеръ. Бэконъ Веруламскій (перев. съ нѣм.).—Spedding. Letters and life of Lord Bacon.—О Шекспирѣ на рус. яз. переводныя соч. Гервинуса, Доудена, Жене, Коха и книга г. Чуйко; о его предшественникахъ работы проф. Н. И. Стороженко. По исторіи литературы въ этотъ періодъ кромѣ Тэна (Taine. Hist. de la littérature anglaise, перев. по-русски подъ заглавіемъ: „Развитіе политич. и гражд. свободы въ Англіи“), см. англійскія книги Ellen Crofts (періодъ 1509—1603) и Saintsbury (вѣкъ Елизаветы).

попасть въ палату общинъ, отказываясь отъ того вознагражденія, которое избиратели давали своему депутату: они овладѣваютъ даже представительствомъ отъ мелкихъ мѣстечекъ, высылавшихъ прежде мѣстныхъ купцовъ, и, опираясь на свой матеріальный достатокъ, на свои мѣстныя связи, вносятъ въ парламентскую дѣятельность духъ независимости. Общіе интересы сближаютъ ихъ съ зажиточными горожанами, обогатившимися торговлею. Такимъ образомъ въ Англіи *формируется могущественное среднее сословіе*, и въ немъ главнымъ образомъ *вербуетъ приверженцевъ суровый пуританизмъ, который отвергаетъ установленную церковь и подчиненіе велѣніямъ государственной власти ставитъ въ зависимость отъ ихъ согласія съ волей Божіей*: пуритане вѣрили въ божественное происхожденіе королевской власти, но эта власть была законною въ ихъ глазахъ только при ея согласіи съ старыми законами страны, ибо, по ихъ представленію, Богъ просвѣтляетъ и совѣтниковъ короны, собравшихся въ парламентѣ.

Если Генрихъ VIII пріучилъ парламентъ заниматься церковными дѣлами, семейными отношеніями короля, судомъ надъ его совѣтниками, если Елизавета сочла себя вынужденною уступить палатамъ въ дѣлѣверховнаго надзора за торговлею, то не въ этомъ одномъ заключались *перемѣны, которыя произошли въ жизни англійскаго парламента*. Выше уже былъ отмѣченъ тотъ фактъ, что для наполненія нижней палаты преданными людьми, Эдуардъ VI, Марія Кровавая и Елизавета раздавали право представительства разнымъ мѣстечкамъ, которыя его раньше не имѣли, чтобы депутатами изъ городскихъ торговцевъ ослабить оппозицію, вождями которой были старые рыцари отъ графствъ. Послѣдніе однако овладѣвали и представительствомъ отъ „боруговъ". Прежде существовало правило, по которому каждый избирательный округъ долженъ былъ высылать въ парламентъ лишь мѣстныхъ жителей, но оно нарушалось, несмотря на постоянныя напоминанія, пока наконецъ не было совсѣмъ уничтожено (1571 г.). Послѣдствія этого были весьма важны, ибо теперь явилась возможность для землевладѣльческаго дворянства ставить свою кандидатуру и добиваться избранія въ депутаты, гдѣ кому было угодно, а члены этого сословія и вносили духъ независимости въ палату общинъ. Далѣе, не безъ борьбы съ королевой нижняя палата добилась права (1586 г.) рѣшать собственною властью вопросы, касавшіеся выборовъ: съ этого момента право повѣрки правильности выборовъ, принадлежавшее дотолѣ агентамъ власти, которые, пользуясь имъ, могли устранять непріятныхъ правительству членовъ, перешло къ самому парламенту. Важно было и то, что аресты членовъ парламента могли дѣлаться теперь только съ разрѣшенія палаты, которой одной стало принадлежать право исключать и наказывать своихъ членовъ за

все, что ими дѣлалось противозаконнаго въ стѣнахъ парламента, хотя о безусловной свободѣ рѣчи и преній палаты въ то время еще не думали.

XXXIII. Политика Стюартовъ и столкновенія Іакова I съ парламентами [1]).

Положеніе и политика Тюдоровъ и Стюартовъ. — Союзъ королевской власти съ «высокою церковью» и новыя политическія теоріи. — Династическія традиціи Стюартовъ. — Иностранныя вліянія на политику Стюартовъ. — Тайный совѣтъ, звѣздная палата и верховная коммиссія при Тюдорахъ и Стюартахъ. — Предметы борьбы Стюартовъ съ парламентомъ. — Личный характеръ и политическія идеи Іакова I. — Его отношеніе къ католикамъ и пуританамъ. — Столкновенія съ первымъ парламентомъ. — Фавориты Іакова I. — Парламенты 1614 и 1621 гг. — Послѣдніе годы царствованія Іакова I.

Со смертью Елизаветы въ 1603 г. прекратилась на англійскомъ престолѣ династія Тюдоровъ, и осиротѣлый тронъ достался шотландской династіи Стюартовъ въ лицѣ тогдашняго короля Шотландіи Іакова VI, сына Маріи Стюартъ, который сталъ царствовать въ Англіи подъ именемъ Іакова I. Передъ смертью Елизаветы въ Англіи ожидали борьбы за корону въ виду того, что существовали разныя партіи, имѣвшія каждая своего кандидата или кандидатку, но самыя значительныя и наиболѣе вліятельныя партіи сходились на шотландскомъ королѣ, тѣмъ болѣе, что его вступленіе на престолъ влекло за собою соединеніе двухъ королевствъ. Елизавета не хотѣла, чтобы притязанія Іакова были формально признаны парламентомъ, но вмѣстѣ съ этимъ дала обязательство, что не допуститъ, чтобы парламентъ какимъ-либо образомъ повредилъ его правамъ, и едва лишь она скончалась, какъ тайный совѣтъ призналъ Іакова королемъ Англіи, такъ какъ по женской линіи онъ происходилъ отъ Тюдоровъ, будучи правнукомъ сестры Генриха VIII. Сдѣлавшись преемниками Тюдоровъ, Іаковъ I, равно какъ сынъ его Карлъ I, наслѣдовали уже совсѣмъ не ту Англію, какую оставилъ послѣ себя Генрихъ VIII и какая досталась Елизаветѣ, да и сами они притомъ не нашли нужнымъ идти по стопамъ своей знаменитой предшественницы. Англія первой половины XVII вѣка была уже далеко не та, что при переходѣ короны къ Елизаветѣ, въ царствованіе которой особенно выросъ парламентъ, Стюарты же не хотѣли и не умѣли съ нимъ ладить такъ, какъ это удавалось Елизаветѣ, ибо тамъ, гдѣ она считала нужнымъ уступать, чтобы не

---

[1]) Ниже указаны въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отдѣльныя части труда Гардинера (см. выше, стр. 417), относящіяся къ эпохѣ.

обострять отношеній до послѣдней крайности, Стюарты шли, наоборотъ, напроломъ и заявленіемъ своихъ абсолютическихъ теорій раздражали парламентъ, все болѣе и болѣе утверждавшійся въ сознаніи своихъ правъ и своего значенія въ государствѣ. Съ другой стороны, къ концу царствованія Елизаветы въ Англіи усилился пуританизмъ, представители коего многое еще прощали Елизаветѣ, какъ покровительницѣ кальвинизма во Франціи и Нидерландахъ, но она умерла какъ разъ въ промежутокъ времени между дарованіемъ французскимъ протестантамъ свободы вѣроисповѣданія по нантскому эдикту въ 1598 г. и перемиріемъ 1609 г., которое Испанія вынуждена была заключить съ отпавшими отъ нея и перешедшими въ протестантизмъ Нидерландами: англійскимъ кальвинистамъ нечего было бояться въ началѣ царствованія Іакова I за судьбу своихъ континентальныхъ единовѣрцевъ. Между тѣмъ Іаковъ I замѣнилъ протестантскую политику своей предшественницы, доставившую англійской націи выдающееся и почетное положеніе въ Европѣ, сближеніемъ съ тою самою Испаніей, которая была главнымъ врагомъ протестантизма и Англіи въ царствованіе Елизаветы. Такимъ образомъ отношенія, какія существовали въ Англіи XVI вѣка, не перешли въ неизмѣнномъ видѣ въ XVII столѣтіе, и самое поведеніе Стюартовъ было иное, чѣмъ поведеніе Тюдоровъ, главная же перемѣна заключалась въ томъ, что *въ то самое время, когда парламентъ началъ возвращать себѣ прежнюю силу, королевская власть, наоборотъ, самымъ неосторожнымъ образомъ выступила съ заявленіями, противорѣчившими политическимъ традиціямъ націи,* на которыя даже Тюдоры не рѣшались и не считали нужнымъ дѣлать нападеній. Если ужъ при Тюдорахъ въ Англіи не установился королевскій абсолютизмъ, когда, повидимому, для этого существовали наиболѣе благопріятныя условія, то Стюартамъ было и совсѣмъ невозможно осуществить свои стремленія.

Правда, у Стюартовъ въ Англіи нашлись помощники. Главную опору въ своемъ стремленіи къ неограниченной власти они находили въ англиканской церкви или, говоря точнѣе, въ высшемъ духовенствѣ, которое само нуждалось въ опорѣ противъ пуританизма, отрицавшаго епископатъ. Уже въ XVI столѣтіи нѣкоторые публицисты, подъ вліяніемъ иностранныхъ (итальянскихъ) политическихъ воззрѣній, высказывали мысль о превосходствѣ абсолютной монархіи надъ другими государственными формами и даже пытались доказать, что англійскимъ королямъ принадлежитъ неограниченная власть, но это были или итальянцы (напр., Alberico Gentile) или „италіонаты", какъ назвалъ одинъ современникъ Елизаветы молодыхъ англичанъ, зараженныхъ италоманіей и поклонявшихся Макіавелли. Подобныя воззрѣнія, находившіяся въ противорѣчіи съ національными тради-

ціями англичанъ, нашли удобную почву для своего развитія главнымъ образомъ въ „высокой церкви“ (high church), между богословами, изъ среды которыхъ выходили въ XVII вѣкѣ политическіе писатели, защищавшіе божественное право королей ссылками на св. писаніе, доказывавшіе, что королевская власть есть продолженіе власти ветхозавѣтныхъ патріарховъ, и приводившіе мнѣнія объ этомъ авторитетныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ или выдержки изъ постановленій протестантскихъ синодовъ. Такимъ идеямъ соотвѣтствовали и собственныя воззрѣнія Іакова I, излагавшаго ихъ письменно. Между Стюартами и „высокою церковью“ былъ заключенъ *союзъ, направленный одинаково противъ политическихъ правъ англійской націи и противъ пуританизма*, ибо съ своей стороны Іаковъ I передъ всѣми церковными формами отдавалъ предпочтеніе англиканизму: въ католицизмѣ приходилось признавать надъ собою высшую власть—папы, въ пресвитеріанизмѣ король не пользовался никакою исключительною властью, епископальная же церковь казалась Іакову лучшей опорой той формы монархіи, которая была его политическимъ идеаломъ. „Нѣтъ епископа, нѣтъ короля“, говорилъ онъ и грозилъ сдѣлать насильно всѣхъ нонконформистовъ „конформистами“. Главенство въ церкви должно было дополняться и соотвѣтственнымъ положеніемъ въ государствѣ. Католики, питавшіе тайныя надежды на то, что король по личному своему почину установитъ для нихъ свободу, равнымъ образомъ благопріятствовали подобнымъ стремленіямъ: защитники народныхъ правъ даже прямо обвиняли папистовъ въ томъ, что они научили Іакова I смотрѣть на свою власть несогласно съ преданіями, обычаями и законами страны. Весьма естественно, что союзъ королей, стремившихся къ абсолютизму, „высокой церкви“, поддерживавшей это стремленіе, рано или поздно долженъ былъ привести *къ союзу парламента съ пуританизмомъ*, а все это влекло за собою образованіе двухъ партій, которымъ предстояло столкнуться и на почвѣ политики, и на почвѣ религіи.

Стюарты явились въ Англію изъ Шотландіи. Ту политику, которой они держались на родинѣ, они перенесли съ собою и въ новое отечество. Вся исторія этой династіи въ Шотландіи была исторіей неустанной борьбы королевской власти съ непокорной феодальной аристократіей, борьбы, кончавшейся для большей части королей насильственною смертью. Реформація, благодаря коей шотландское дворянство завладѣло громадными имѣніями церкви, содѣйствовала еще большему усиленію аристократіи, а пресвитеріанская организація церкви, введенная реформаціей, благодаря своему республиканскому и демократическому характеру, призывала и простой народъ къ участію въ общественной жизни. Аристократія и пресвитеріане низвергли мать

Іакова съ престола; аристократія возмущалась противъ него самого, а пресвитеріане „въ королевствѣ Христа“, т.-е. въ церкви, считали его не королемъ, не повелителемъ, не господиномъ, а такимъ же членомъ, какимъ былъ и послѣдній крестьянинъ, дѣлали ему выговоры, бранили его съ каѳедръ и т. п. Мятежные вельможи и непокорные проповѣдники были ему одинаково ненавистны, и всю свою жизнь до вступленія на англійскій престолъ ему пришлось провести въ борьбѣ съ тѣми и другими, потому *онъ и понималъ политическую дѣятельность только въ смыслѣ борьбы за права короны*, борьбы противъ аристократіи и народа, всѣми дозволенными и недозволенными средствами, такой, какую вели его предки. Его воспитывали въ кальвинизмѣ, его учителемъ былъ республиканецъ Бьюкананъ [1]), но изъ богословскихъ уроковъ и политическаго образованія, которое ему было дано, онъ вынесъ совсѣмъ не то, что ему внушали: *политическія стремленія Іакова сложились подъ вліяніемъ династической традиціи и тѣхъ впечатлѣній, какія онъ получалъ съ раннихъ лѣтъ отъ окружавшей его дѣйствительности*, и то, что внушено было новому англійскому королю прошлымъ и настоящимъ Шотландіи, должно было быть перенесено имъ на будущее Англіи.

Примѣръ того, что совершалось въ это время въ великихъ монархіяхъ материка, также не могъ быть безслѣднымъ для Стюартовъ. Въ XVI в. Шотландія находилась подъ сильнымъ французскимъ вліяніемъ. Дѣдъ Іакова I былъ женатъ на француженкѣ Маріи Гизъ; мать его воспитывалась во Франціи и была въ первомъ бракѣ за французскимъ принцемъ. Шотландскія традиціи Іакова I были отчасти и традиціями французскими. Кромѣ того, онъ ищетъ союза съ Испаніей, а его сынъ даже весьма значительно подчиняется испанскимъ традиціямъ, между тѣмъ, какъ самый видный совѣтникъ послѣдняго (Вентвортъ, гр. Страффордъ) стремится вести Англію по той дорогѣ, на которую Францію вывелъ Ришелье. Наконецъ, два послѣдніе Стюарта, современники Людовика XIV, также сильно подчинялись французскому вліянію. Однимъ только не могли или не хотѣли проникнуться Стюарты—національными традиціями Англіи, духомъ ея учрежденій, настроеніемъ общества и народа. Новая династія съ своими шотландскими, испанскими и французскими идеями должна была вооружить противъ себя и самую англійскую націю, которая, переживъ двѣ революціи, сохранила свою привязанность къ старой формѣ монархіи, но совершенно отреклась отъ династіи, не съумѣвшей сдѣлаться національною..

Стюарты оттолкнули отъ себя еще одну силу, на которую опирались Тюдоры: это былъ такъ-называемый Тайный Совѣтъ (privy

---

[1]) См. выше, стр. 247.

council), признаніе коимъ за самимъ Іаковомъ его права на престолъ было первою санкціей его воцаренія [1]). Старинное учрежденіе, состоявшее не только изъ совѣтниковъ короля (министровъ), но и изъ членовъ высшей аристократіи и государственныхъ сановниковъ, играло весьма видную роль въ эпоху упадка парламента, и по отношенію къ Тюдорамъ оно было не только опорой, но и извѣстнаго рода сдержкою, съ которою приходилось считаться даже деспотическому Генриху VIII, не говоря уже о томъ, что въ административныхъ дѣлахъ Тайный Совѣтъ былъ главнымъ органомъ управленія. Стюартамъ было крайне несимпатично это учрежденіе вслѣдствіе аристократическаго своего состава и большого вліянія, какимъ они и *постарались отнять фактически у Тайнаго Совѣта всякое участіе въ правленіи, сосредоточивъ послѣднее въ своихъ рукахъ или вѣрнѣе въ рукахъ своихъ фаворитовъ*, которые часто были люди совершенно недостойные. Такое поведеніе отталкивало отъ Стюартовъ и тѣ аристократическіе элементы, союзъ съ коими тоже помогалъ Тюдорамъ обходиться безъ частыхъ созывовъ парламента. Ослабляя значеніе Тайнаго Совѣта, Стюарты, наоборотъ, усиливали дѣятельность двухъ другихъ учрежденій, которыя, возникши при Тюдорахъ, совершенно не были согласованы съ общимъ духомъ англійскихъ учрежденій, могли еще существовать въ эпоху наибольшаго королевскаго могущества, да и то лишь при извѣстныхъ условіяхъ, когда нужно было подавлять дѣйствительныя преступленія, смуты, заговоры, возстанія, но должны были сдѣлаться ненавистными при большемъ развитіи духа свободы въ націи и при томъ употребленіи, какое дѣлали изъ этихъ учрежденій Стюарты. Это были звѣздная палата (star chamber) и верховная коммиссія. Звѣздная палата была чрезвычайнымъ судомъ въ дѣлахъ политическихъ, нарушавшимъ основные законы англійскаго судопроизводства, поскольку оно ограждало личную свободу [2]), верховная коммиссія изъ временнаго комитета, возникшаго вмѣстѣ съ установленіемъ королевской суприматіи въ церкви, превратилась (1583) въ постоянное судилище по религіознымъ дѣламъ, не стѣснявшееся никакими законами, налагавшее штрафы и назначавшее въ виду наказанія тюрьму, а при Стюартахъ сдѣлалась настоящимъ инквизиціоннымъ трибуналомъ англиканской церкви. Въ рукахъ представителей политическаго абсолютизма и религіознаго фанатизма эти два чрезвычайныя судилища должны были превратиться въ главныя орудія тиранніи, къ коимъ особенно охотно Стюарты и прибѣгали. Звѣздная палата и верховная коммиссія были наслѣдіемъ,

---

[1]) Объ этомъ учрежденіи см. русское сочиненіе г. Александренка „Англійскій Тайный Совѣтъ и его исторія", гдѣ есть и указанія на литературу.

[2]) Т. I, стр. 82. Это учрежденіе возникло при Генрихѣ VII.

которое новой династіи оставила старая, какъ два орудія, коими Стюарты дѣйствовали въ ущербъ свободѣ политической и для подавленія нонконформизма въ церкви. Между прочимъ, еще при Елизаветѣ эти учрежденія стали дѣйствовать противъ свободы печати, ибо въ 1585 г. Звѣздная палата организовала въ Англіи цензурное дѣло.

Предметами политической борьбы въ Англіи при Стюартахъ сдѣлались слѣдующія отношенія. Во-первыхъ, переходъ руководящей роли въ государственныхъ дѣлахъ отъ Тайнаго Совѣта къ королевскимъ фаворитамъ вызвалъ оппозицію, которая выразилась въ стремленіи парламента призывать къ своему суду королевскихъ совѣтниковъ, дающихъ дурные совѣты государю: еще въ средніе вѣка парламентъ добивался этого права [1]), а прецеденты царствованія Генриха VIII [2]) только утверждали парламенты XVII в. въ сознаніи за собою такого права. Во-вторыхъ, произвольныя дѣйствія звѣздной палаты и верховной коммиссіи, нарушавшія элементарныя гарантіи личной свободы, равнымъ образомъ вызывали недовольство. Втретьихъ, однимъ изъ условій, благодаря коимъ правительственный произволъ не могъ одержать окончательной побѣды надъ законностью въ Англіи, была независимость судей, достигавшаяся ихъ несмѣняемостью, но Стюарты предпочитали систему временныхъ порученій (durante bene placito), дабы держать судъ въ зависимости отъ себя и въ случаѣ надобности утверждать свои права путемъ рѣшеній обыкновенныхъ судовъ; а это тоже должно было вызывать протестъ. Вчетвертыхъ, несомнѣннѣйшимъ правомъ парламента было вотировать субсидіи, Стюарты же сдѣлали нападеніе и на это право, чѣмъ вызвали въ парламентѣ не только раздраженіе, но и желаніе точнѣе опредѣлить свою финансовую власть въ назначеніи субсидій и контролѣ надъ ихъ расходованіемъ. Впятыхъ, въ англійской конституціи существовало множество нерѣшенныхъ вопросовъ, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ при томъ значеніи, какое получили въ конституціонной жизни прецеденты, можно было ссылаться на весьма несходныя рѣшенія въ прежней практикѣ парламента; Тюдоры обходили такіе пункты, по крайней мѣрѣ, не возбуждая теоретическихъ споровъ, но Стюарты не только ставили подобные вопросы ребромъ, но прямо провозглашали принципы, которые были несогласны съ самыми несомнѣнными правами націи; между прочимъ, они постоянно издавали „прокламаціи“, установлявшія новые законы. Наконецъ, эта борьба осложнялась еще и борьбою религіозною, такъ какъ, съ одной стороны, сами Стюарты нисколько не думали ослаблять строгостей Елизаветы противъ нонконформизма, а съ другой стороны, усиливалось

---

[1]) Т. I, стр. 109.

[2]) Ср. выше, стр. 247.

протестантское движеніе, дѣлавшееся все болѣе и болѣе аггрессивнымъ по отношенію къ англиканской церкви. Но если въ религіозной сферѣ именно установленная церковь сдѣлалась предметомъ нападенія, въ политической жизни, наоборотъ, это была *сама королевская власть, которая произвела нападеніе на законное государственное устройство,* такъ что если парламентъ выступилъ на путь систематической оппозиціи, приведшей „къ великому мятежу", какъ назвали англичапе свою первую революцію, то именно лишь защищая старую конституцію королевства, хотя конечнымъ результатомъ борьбы парламента съ сыномъ Іакова I и было установленіе республики.

Разъяснивъ общія отношенія внутренней исторіи Англіи при первыхъ двухъ Стюартахъ, мы можемъ не останавливаться на подробностяхъ царствованія Іакова I, чтобы имѣть возможность посвятить болѣе мѣста разсмотрѣнію политики Карла I и вызванной ею борьбы. Іаковъ I по личнымъ своимъ качествамъ былъ совершенно неспособенъ къ той роли, которую онъ хотѣлъ играть на тронѣ Англіи: неуклюжій и вульгарный, хотя и не лишенный остроумія,—преданный грубымъ удовольствіямъ и трусливый, что вовсе не гармонировало съ его смѣлою болтовнею о характерѣ той власти, какую онъ имѣлъ въ Англіи,—обладая основательнымъ богословскимъ образованіемъ и вообще большою начитанностью, которая проявлялась въ его разнообразныхъ писаніяхъ, но будучи въ то же время педантомъ, неспособнымъ понимать какъ слѣдуетъ дѣйствительность,—прекрасный знатокъ иностранныхъ отношеній, плохо понимавшій, однако, условія англійской жизни,—окруживъ себя, наконецъ, любимцами, которые не пользовались ничьимъ уваженіемъ, и оттолкнувъ отъ себя все, что было въ Англіи выдающагося по уму и таланту, Іаковъ I далеко не подходилъ къ типу тѣхъ внушающихъ къ себѣ уваженіе и властныхъ натуръ, тѣхъ знатоковъ людей и обстоятельствъ, тѣхъ государственныхъ умовъ, умѣющихъ ставить цѣли своей дѣятельности, находить наиболѣе пригодныя средства и выбирать способныхъ помощниковъ, однимъ словомъ — къ типу тѣхъ дѣятелей, которые являются разрушителями старыхъ политическмхъ отношеній и организаторами новыхъ. Іаковъ I не походилъ на современника своего Генриха IV, и этотъ французскій король весьма зло характеризовалъ своего англійскаго современника, какъ самаго мудраго дурака во всемъ христіанскомъ мірѣ. Въ разговорахъ, въ своихъ ученыхъ трактатахъ (напр. „Истинный законъ свободной монархіи"), въ посланіяхъ парламенту онъ постоянно проводилъ ту теорію, что король выше законовъ, что если онъ руководится законами, то лишь по своей доброй волѣ и для примѣра, коему должны слѣдовать подданные, и что всѣ привилегіи парламента суть даръ короля, который можетъ и отнять ихъ. Теоретическій абсолютизмъ Іакова I основывался,

однако, не на той государственной идеѣ, какую проводилъ Макіавелли въ своемъ „Государѣ", (а позднѣе Гоббзъ въ своихъ политическихъ трактатахъ, въ коихъ, какъ и въ знаменитомъ сочиненіи Макіавелли, основная идея была не богословская): Іаковъ I стоялъ именно на теологической почвѣ, ссылаясь на тексты св. писанія, или утверждая, что королевская власть ведетъ начало отъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, что короли суть намѣстники Бога на землѣ и т. п., т.-е. аргументируя совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи аргументировали въ Англіи Фильмеръ, во Франціи Боссюэтъ и наконецъ самъ Людовикъ XIV [1]). Въ лицѣ Іакова I абсолютная монархія *основывала свои притязанія на божественномъ правѣ королей*, какъ это дѣлали и названные писатели и названный французскій король, а не на той государственной необходимости, о коей учили Макіавелли въ XVI вѣкѣ, Гоббзъ въ XVII или Фридрихъ II Прусскій въ XVIII столѣтіи. Теологическому пониманію абсолютизма была въ эпоху англійской революціи противопоставлена и теологическая идея народовластія: отъ свѣтской культуры Возрожденія XVI вѣка, давшей странѣ Шекспира и Бэкона, Англія перешла къ теологическому направленію пуританизма, выставившаго такого поэта и мыслителя, какъ Мильтонъ.

Въ самомъ началѣ царствованія Іакова I религіозныя отношенія, коимъ суждено было дать окраску всей политической борьбѣ эпохи, сильно занимали короля, бывшаго и богословомъ, и главою государственной церкви. Католики при его восшествіи на престолъ возлагали на него большія надежды, и это отразилось даже на томъ, какъ подѣйствовало извѣстіе о его воцареніи на папу Климента VIII: онъ именно отслужилъ по этому случаю молебенъ, такъ какъ Іаковъ уже раньше заигрывалъ съ куріей. Сначала дѣйствительно католикамъ въ Англіи стали дѣлаться послабленія, но когда они увидѣли, что преемникъ Елизаветы въ сущности не отступаетъ отъ ея системы, и когда Іаковъ нашелъ нужнымъ даже усилить строгости, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть слухъ, порожденный его переговорами съ куріей, будто онъ перешелъ въ католицизмъ, католики устроили извѣстный „пороховой заговоръ" съ цѣлью взорвать на воздухъ короля и парламентъ и произвести общее возстаніе (1605 г.). Опасность, грозившая одинаково и королю, и парламенту, сблизила ихъ на короткое время и вызвала взрывъ негодованія въ народѣ противъ католиковъ, у которыхъ тогда отняты были многія гражданскія права. Но врагами установленной церкви были не одни католики. Пуританизмъ, сдѣлавшій большіе успѣхи въ народѣ, коснулся и низшаго духовенства, которое было недовольно высокомѣрною гордостью и властолюбивой тиранніей епископовъ. При первомъ появленіи Іакова I въ

[1]) О политическихъ идеяхъ Гоббза, Фильмера, Боссюэта и Людовика XIV см. ниже.

Англіи ему была подана „петиція тысячи“ (millenary petition), подписанная, впрочемъ, лишь 827 священниками, т.-е. приблизительно десятою частью духовенства и заключавшая въ себѣ кое-какія требованія въ пуританскомъ смыслѣ, хотя и не касавшаяся организаціи и управленія церковью (1603 г.). Іаковъ принялъ петицію, созвалъ конференцію (1604 г.) для ея обсужденія и самъ возражалъ на выраженныя въ прошеніи желанія, указывая на то, что петиціонеры хотятъ шотландскаго пресвитеріанства съ его нападками на короля и на королевскій совѣтъ (чего на дѣлѣ не было), и заявивъ, что онъ этого не допуститъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ гдѣ нѣтъ епископа, нѣтъ короля. „Я, сказалъ онъ при этомъ, сдѣлаю ихъ конформистами или, если они не хотятъ, выгоню ихъ изъ Англіи, а не то пусть ихъ вѣшаютъ“. Преслѣдованія, коимъ продолжали подвергать послѣ этого диссидентовъ, заставили многихъ выселиться изъ Англіи въ Америку, чѣмъ въ теченіе XVII в. и было положено начало будущимъ Сѣверо-американскимъ штатамъ. Оксфордскій университетъ еще раньше королевскаго отвѣта также объявилъ, что пуританскія требованія суть предвозвѣстники пресвитеріанизма, не признающаго королевской власти, а епископы послѣ провозгласили, что отвѣтъ Іакова I внушенъ ему самимъ Св. Духомъ. Иначе отнесся къ дѣлу первый парламентъ, созванный въ царствованіе Іакова (1604 г.), ибо въ немъ прямо было выражено желаніе церковныхъ реформъ и заявлено, что совершенно ложно мнѣніе, будто бы король можетъ издавать церковные законы безъ согласія парламента: прецеденты XVI в. были за парламентъ, съ которымъ Іаковъ I, навязавшій между прочимъ своею собственною властью епископатъ Шотландіи (1610 г.), ужъ никакъ не хотѣлъ дѣлиться своею супрематіей. Вообще столкновенія Іакова I съ парламентами его царствованія стали происходить съ самаго начала. Въ 1604 г. одною изъ причинъ было вмѣшательство палаты общинъ въ религіозныя дѣла, и, дѣлая въ адресѣ королю заявленіе о своихъ правахъ на такое вмѣшательство палата предлагала ему принять общественное извѣщеніе отъ общинъ королевства о злоупотребленіяхъ какъ въ церкви, такъ и въ правительствѣ. Пороховой заговоръ лишь временно сблизилъ короля и парламентъ, ибо въ 1606 г. парламентъ уже протестовалъ противъ наложенія безъ его согласія пошлинъ на ввозимые и вывозимые товары: на этой почвѣ происходила борьба между властью и представительствомъ еще при Эдуардахъ, которые были вынуждены отказаться отъ своихъ притязаній, но Тюдоры возобновили старую практику, хотя пользовались ею въ рѣдкихъ случаяхъ и въ незначительныхъ размѣрахъ; Іаковъ I не довольствовался вотированными ему субсидіями и хотѣлъ показать свою власть, сталъ произвольно устанавлять пошлины и не обратилъ вниманія на протестъ парламента. Къ этому присоединились еще многочисленныя „прокламаціи“ короля,

создававшія новые законы, вопреки законодательному праву парламента, а политическая теорія Іакова, которую онъ заявлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ и которую, кромѣ того, проповѣдовали епископы съ своихъ каѳедръ, усвоили университетскіе богословы, стали преподавать въ школахъ, внушала націи сильное недовѣріе къ новой политикѣ, тѣмъ болѣе, что король былъ вдобавокъ расточителенъ и держался несимпатичнаго англичанамъ направленія въ международныхъ дѣлахъ.

При жизни Роберта Сесиля (сына Вильяма Бёрлея, помощника Елизаветы), который былъ совѣтникомъ Іакова, поддерживавшимъ значеніе Тайнаго Совѣта и смягчавшимъ политику короля, дѣло до открытой вражды не доходило, но въ 1512 г. Сесиль умеръ и настало время королевскихъ фаворитовъ и самыхъ острыхъ столкновеній. Правда, и Сесиль былъ представитель уже отжившихъ традицій вѣка Елизаветы и вообще политики Тюдоровъ, которая казалась теперь парламенту деспотическою, не удовлетворяя въ то же время и Іакова I, находившаго ее, наоборотъ, слишкомъ уступчивой. Приближенными и довѣренными лицами Іакова сдѣлались теперь новые люди, между ними особенно легкомысленный Джорджъ Вильерсъ, получившій титулъ герцога Бёкингэма [1]), не имѣя 25 лѣтъ отъ роду, знаменитый философъ Бэконъ Веруламскій, запятнавшій себя взяточничествомъ, стоя во главѣ юстиціи, лордъ-казначей Мидльсексъ и др.; главною цѣлью внутренней дѣятельности правительства сдѣлалось въ это время добываніе денегъ всякими законными и незаконными средствами. А оппозиція между тѣмъ росла. Въ парламентѣ 1614 г. нижняя палата, на двѣ трети состояла изъ пуританъ и оппозиціонно настроенныхъ членовъ, хотя королю было обѣщано подстроить выборы въ его пользу; и въ числѣ трехсотъ новыхъ членовъ, усилившихъ собою старую оппозицію, находились будущіе вожди парламентской борьбы Джонъ Эліотъ, Джонъ Пимъ, Томасъ Вентвортъ. Эта палата прямо объявила, что не приступитъ къ вотированію субсидій, пока не будутъ уничтожены правительственныя злоупотребленія, но у нея вышла рѣдкая въ лѣтописяхъ парламента ссора съ верхней палатой, чѣмъ воспользовался Іаковъ, чтобы распустить парламентъ, который такъ-таки и ничего не рѣшилъ, и ничего не далъ; четверо его членовъ было заключено въ тюрьму. Іаковъ I рѣшился послѣ этого управлять безъ парламента [2]) и, дѣйствительно, не созывалъ его семь лѣтъ, издавая „прокламаціи“, налагая произвольные сборы, между прочимъ, подъ видомъ беневоленцій или займовъ, нарушая права судовъ и частныхъ лицъ и т. п., задумавъ, кромѣ того, женить своего сына на католичкѣ, испанской принцессѣ, что противорѣчило всѣмъ національ-

---

[1]) Gardiner. England under the Duke of Buckingham.

[2]) Gardiner. The personal government of Charles the First.

нымъ традиціямъ и интересамъ Англіи. Въ этотъ семилѣтній промежутокъ, когда главнымъ совѣтникомъ короля былъ Бекингэмъ, съ своими приспѣшниками Бэкономъ и Мидльсексомъ, случилось событіе, заставившее Іакова снова собрать парламентъ для полученія большой субсидіи, такъ какъ незаконными поборами нельзя было составить суммы, требовавшейся новыми. Въ 1618 г. въ Германіи началась война, которой суждено было продолжаться потомъ тридцать лѣтъ: чехи низложили своего государя и, хотя выбрали въ свои короли зятя англійскаго короля [2]), послѣдній не могъ отнестись къ этому иначе, какъ съ сильнѣйшимъ негодованіемъ, и даже требовалъ удаленія Фридриха изъ Праги, думая вмѣшаться въ это дѣло въ союзѣ съ Испаніей, хотя въ Англіи, наоборотъ, всеобщимъ желаніемъ было, чтобы протестантамъ была оказана помощь. Общественное мнѣніе даже требовало войны, коей нельзя было начать безъ большихъ денежныхъ средствъ, и Іаковъ I на этотъ разъ долженъ былъ сдѣлать уступку. Когда (1620 г.) испанскій полководецъ захватилъ Пфальцъ, а Тилли одержалъ бѣлогорскую побѣду, собравшійся въ Вестминстерѣ въ январѣ 1621 г. парламентъ былъ, однако, крайне разочарованъ, узнавъ, что Іаковъ I вовсе не думаетъ стать во главѣ угрожаемаго на континентѣ протестантизма, а только проситъ субсидій, намѣреваясь уладить распрю въ Германіи дипломатическими средствами. Все вызванное такимъ поведеніемъ короля недовольство нижней палаты, вотировавшей поэтому лишь незначительныя субсидіи, выразилось въ рѣзкихъ нападкахъ на внутреннюю политику. Іакову I пришлось уступать передъ сдѣланнымъ на его правительство натискомъ, тѣмъ болѣе, что полной солидарности не было въ самомъ правительствѣ, такъ какъ Бекингэмъ, не всегда довольный Бэкономъ, рѣшилъ пожертвовать имъ парламенту, чтобы отвести ударъ отъ самого себя. Извѣстно, что нижняя палата обвинила лорда-канцлера,—каковую должность Бэконъ занималъ съ 1618 г.,—во взяточничествѣ. Онъ прямо сознался, отказавшись отъ защиты и лишь умоляя о пощадѣ „къ сломанной тростинкѣ", а палата лордовъ присудила его къ большому денежному штрафу, который былъ, впрочемъ, сложенъ съ него королемъ. Кромѣ того, Іаковъ долженъ былъ отказаться отъ монополій, лишь за двадцать лѣтъ передъ этимъ уничтоженныхъ Елизаветой, но снова имъ введенныхъ. Мало того, палаты потребовали отъ Іакова I объявленія войны Испаніи и женитьбы наслѣдника престола непремѣнно на протестанткѣ. На составленную въ этомъ смыслѣ петицію король отвѣчалъ угрозами, но его отвѣтъ вызвалъ рѣзкій протестъ парламента, въ коемъ значилось, что „свобода, привилегіи и юрисдикція парламента суть прирожденное и наслѣдственное до-

---

[1]) Gardiner. History of the spanish marriages.

[2]) См. выше, стр. 365—366.

стояніе англійскаго народа“, что парламентъ имѣетъ несомнѣнное право обсуждать „всѣ трудныя и нетерпящія отлагательства дѣла, касающіяся короля, государства и церкви Англіи“, и что каждый членъ парламента при обсужденіи этихъ дѣлъ „имѣетъ и по праву имѣть долженъ свободу рѣчи“. Король, узнавъ объ этомъ протестѣ, велѣлъ принести себѣ книгу протоколовъ палаты общинъ и вырвалъ изъ нея листы съ такимъ заявленіемъ, вслѣдъ за тѣмъ парламентъ былъ отсроченъ и наконецъ распущенъ.

Между тѣмъ Испанія, союза съ которой добивался Іаковъ I, дѣлалась все требовательнѣе и требовательнѣе по отношенію къ условіямъ, на какихъ ея правительство соглашалось на бракъ дочери Филиппа III съ наслѣдникомъ англійскаго престола. Поѣздка самого жениха съ Бекингэмомъ въ Мадридъ (1623) не помогла дѣлу, и проектъ брака разстроился къ великому удовольствію націи, но къ крайней обидѣ принца и фаворита, которые стали думать послѣ этого уже о войнѣ съ Испаніей. Имъ удалось уговорить Іакова I созвать новый парламентъ, передать ему на разсмотрѣніе дѣло объ испанскихъ переговорахъ и просить субсидій на войну съ Испаніей, причемъ на сей разъ Бекингэмъ пожертвовалъ парламенту Мидльсексомъ, обвиненнымъ въ подкупности и принужденнымъ выйти въ отставку. Но въ виду слуховъ о новомъ проектѣ брака принца Карла съ французской принцессой Генріеттой-Маріей палата вотировала субсидіи только подъ условіемъ, чтобы Англія не давала Франціи никакихъ обязательствъ относительно терпимости къ католицизму, которыя могли бы быть поводомъ для сосѣдней державы вмѣшиваться во внутреннія дѣла самой Англіи. Іаковъ I выразилъ на это свое согласіе, но принцъ и фаворитъ вынудили у него нарушеніе даннаго обѣщанія, и брачный договоръ былъ подписанъ какъ-разъ со статьями, коихъ опасался парламентъ. Наконецъ, парламентъ согласился на субсидіи подъ условіемъ, чтобы война велась исключительно морская и съ одной Испаніей, но правительство стало выполнять отвергнутый парламентомъ планъ Бекингэма войны на материкѣ и не противъ одной Испаніи. Вскорѣ затѣмъ (1625 г.) Іаковъ I умеръ съ сознаніемъ, что не достигъ своей цѣли: внѣшняя политика и давленіе фаворита, имѣвшаго свои планы, которые, впрочемъ, легко мѣнялись, заставили его подъ конецъ жизни сойти съ того пути, по коему онъ шелъ съ середины своего царствованія. Но и помимо того онъ не только не достигъ своей цѣли и остался совершенно одинокъ, но видѣлъ еще, какъ усиливался пуританизмъ, какъ расширялъ парламентъ свою компетенцію даже по отношенію къ внѣшней политикѣ, какъ колебалось уваженіе къ трону, и какъ его собственный фаворитъ подчинялъ королевскую волю своимъ личнымъ планамъ.

XXXIV. Карлъ I, Страффордъ и Лоудъ.

Политическое положеніе, характеръ, поведеніе и періоды царствованія Карла I.—Исторія парламентовъ 1625, 1626 и 1628—29 годовъ.—Петиція о правахъ.—Разрывъ Карла I съ парламентомъ.—1629 годъ въ Германіи, Франціи и Англіи.—Настроеніе оппозиціи и короля въ 1629 г.—Карлъ I, Страффордъ и Лоудъ въ 1629—1640 гг.—Различіе ихъ стремленій.—Личный характеръ Страффорда.—Его управленіе Ирландіей.—Правительственная тираннія.—Корабельная подать и дѣло Гемпдена.—Шотландское возстаніе и «короткій» парламентъ.

Между царствованіемъ Карла I и той эпохой, когда парламентъ находился въ наибольшемъ униженіи, прошло сто лѣтъ. Этотъ періодъ, какъ мы видѣли, былъ, однако, временемъ постепеннаго возвращенія парламентомъ прежняго своего значенія, причемъ нижняя палата даже начинала играть небывалую прежде роль. Не смотря на деспотизмъ Генриха VIII, на самовластіе Елизаветы, на стремленіе Іакова I къ абсолютизму, каждое изъ этихъ царствованій фактически расширяло компетенцію парламента, хотя названные государи и неодинаково относились къ этому учрежденію. Съ другой стороны, послѣдній самъ усилился, благодаря развитію матеріальнаго благосостоянія представленныхъ въ палатѣ общинъ классовъ общества, благодаря развитію образованія и чувства свободы. Карлъ I вступилъ на престолъ въ такой моментъ, когда парламентъ вполнѣ созналъ свое значеніе въ жизни англійскаго народа, а между тѣмъ новый король былъ, какъ и отецъ его, наслѣдникомъ династической традиціи Стюартовъ, раздѣляя политическія воззрѣнія Іакова I, тяготѣлъ къ испанской политической системѣ, находился подъ вліяніемъ своей жены, француженки и католички, отличавшейся высокомѣрнымъ и властнымъ характеромъ, толкавшей его на борьбу противъ политическихъ учрежденій Англіи, а началъ свое царствованіе съ того, что подчинился вполнѣ фавориту своего отца Бекингэму, человѣку вздорному, обнаружившему совершенную неспособность къ толковому веденію государственныхъ дѣлъ, въ дѣлахъ же церковныхъ сталъ слѣдовать совѣтамъ епископа Лоуда, котораго подозрѣвали въ склонности къ католицизму. Лично Карлъ I во многихъ отношеніяхъ стоялъ выше своего отца: соединяя счастливую наружность съ обходительнымъ характеромъ, онъ поведеніемъ своимъ не навлекалъ на себя тѣхъ нареканій, которыя вызывались безнравственными поступками его отца; въ немъ не было ни педантизма, ни болтливости Іакова I; онъ былъ и осторожнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорнѣе въ проведеніи своихъ идей, хотя и не обладалъ достаточною рѣшительностью поступать такъ, какъ ему совѣтовали болѣе рѣшительные сторонники абсо-

лютизма, при всемъ его подчиненіи вліянію послѣднихъ, какое замѣтно во всѣхъ важныхъ случаяхъ этого царствованія. Но каковы бы ни были свойства его ума и характера, его главное несчастье заключалось въ томъ, во-первыхъ, что онъ усвоилъ идеи, которыя отвергались громаднымъ большинствомъ англичанъ, и въ томъ, во-вторыхъ, что, будучи человѣкомъ довольно нравственно щепетильнымъ въ личныхъ отношеніяхъ, онъ считалъ вполнѣ для себя дозволительнымъ политическое вѣроломство, т.-е. давалъ обѣщанія, коихъ не исполнялъ, исходя изъ той идеи, что между нимъ и націей нѣтъ договора и что королевское слово, данное по нуждѣ, не можетъ связывать на вѣчныя времена, разъ благо государства не требуетъ исполненія обѣщаній. Понятно, что между парламентомъ и королемъ при такихъ отношеніяхъ не могло быть ладу, и вся масса спорныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ конституціи должна была всплыть наружу, тѣмъ болѣе, что даже въ простомъ желаніи палатъ отмѣнить то, въ чемъ онѣ справедливо видѣли злоупотребленія, король усматривалъ какъ бы прямое посягательство на его власть. *Обѣ стороны полагали, что защищаютъ свое право, хотя, какъ мы увидимъ, каждая стала идти далѣе того, что ей давалось ея правомъ*, но иниціатива въ отступленіи отъ законнаго пути принадлежала королю, который своимъ нападеніемъ на конституцію заставилъ ея защитниковъ, дѣйствительно, желать уменьшенія королевскихъ прерогативъ.—Царствованіе Карла I естественно распадается на три части: въ 1625—1629 гг. происходитъ борьба съ парламентами, и главнымъ совѣтникомъ короны является Бекингэмъ затѣмъ наступаетъ одиннадцатилѣтній періодъ (1629—1640) безпарламентскаго правленія, когда помощникомъ Карла въ проведеніи новой системы дѣлается Страффордъ; наконецъ, въ 1640 собирается долгій парламентъ, и начавшееся между нимъ и королемъ столкновеніе приводитъ къ междоусобной войнѣ, оканчивающейся полнымъ пораженіемъ Карла I.

Тронная рѣчь, которою этотъ король открылъ засѣданія перваго своего парламента (1625), должна была бы произвести очень хорошее впечатлѣніе на палаты, такъ какъ онъ говорилъ о защитѣ протестантизма на материкѣ, но послѣднія дѣйствія прежняго правительства не внушали палатамъ особеннаго довѣрія; онѣ вотировали поэтому субсидію въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ было нужно королю, а, кромѣ того, обидѣли его тѣмъ, что отдали ему главныя таможенныя пошлины, т.-е. такъ-называемые грузовые и вѣсовые сборы (tonnage und poundage) не на всю жизнь, какъ это дѣлалось раньше, а лишь на одинъ годъ, чтобы успѣть въ теченіе этого времени разсмотрѣть вопросъ о добавочныхъ пошлинахъ, незаконно собиравшихся Іаковомъ I. Вмѣстѣ съ этимъ палаты просили короля отмѣнить вкравшіяся въ управленіе злоупотребленія и выразили желаніе, чтобы онъ окружилъ себя хорошими совѣтни-

ками, хотя и поясняли, что вовсе не думають слѣдовать мятежнымъ парламентамъ Эдуарда II и Ричарда II, хотѣвшимъ отъ себя навязывать королю совѣтниковъ. Въ этомъ желаніи былъ намекъ на Бекингэма. Парламентъ былъ распущенъ; правительство прибѣгло къ принудительнымъ займамъ, надѣясь будущими успѣхами на войнѣ сдѣлать палату общинъ сговорчивѣе, но какъ-разъ внѣшняя политика Бекингэма потерпѣла пораженіе, особенно вслѣдствіе неудачи англійскаго флота подъ Кадиксомъ и опять пришлось созывать парламентъ (1626), въ которомъ вождемъ оппозиціи сдѣлался Джонъ Эліотъ [1]), потребовавшій разслѣдованія причинъ неудачи морской экспедиціи къ берегамъ Испаніи. Хотя Бекингэмъ и пожертвовалъ неудовольствію общинъ лордомъ-казначеемъ Кранфильдомъ, но именно онъ самъ и имѣлся въ виду при возбужденіи упомянутаго вопроса, что отлично понялъ и самъ Карлъ I, заявившій, что онъ не потерпитъ требованія отвѣтственности королевскихъ слугъ передъ парламентомъ (хотя прецеденты были противъ короля). Не смотря на это, Эліотъ продолжалъ настаивать на обвиненіи Бекингэма въ неспособности и подкупности, а палата общинъ заявила, что разсмотритъ вопросъ о субсидіяхъ, когда изложитъ свои жалобы королю и получитъ отъ него отвѣтъ. Карлъ I призвалъ палату во дворецъ и, съ своей стороны, объявилъ ей, что ея созваніе, отсрочка и распущеніе всецѣло зависитъ отъ королевской власти, и что парламентъ будетъ существовать или нѣтъ, смотря по тому, какими найдены будутъ результаты его дѣятельности—полезными или, наоборотъ, вредными. Тѣмъ не менѣе палата общинъ предала Бекингэма суду палаты лордовъ, гдѣ Эліотъ въ страстныхъ рѣчахъ обвинялъ этого королевскаго совѣтника, какъ причину всѣхъ бѣдствій и болѣзней королевства. Палаты обратились къ Карлу I съ прямою просьбою дать отставку Бекингэму, видя въ такомъ обращеніи свое конституціонное право, но король лично объявилъ въ палатѣ лордовъ, что все сдѣланное Бекингэмомъ приказано было имъ, самимъ королемъ; посадилъ въ тюрьму Эліота и другого члена парламента, поддерживавшаго обвиненіе, отвергъ просьбу Тайнаго Совѣта не распускать парламентъ, а по распущеніи его велѣлъ подъ формой беневоленцій, бывшихъ въ сущности принудительными займами, собирать субсидіи. На этотъ разъ со стороны плательщиковъ правительство встрѣтило отпоръ, и тогда (1627) было приказано прямо начать принудительный заемъ безъ всякой маскировки, причемъ правительству помогали священники своими проповѣдями, а военная сила прямо дѣйствіями—заборомъ сопротивлявшихся въ солдаты и въ матросы, сажаніемъ въ тюрьму и т. п. Былъ тогда отставленъ отъ должности верховный судья, протестовавшій противъ этой мѣры, отстраненъ временно отъ испол-

[1]) Forster. Sir John Eliot.

нeнія своихъ обязанностей архіепископъ кентерберійскій и т. п. Вездѣ, однако, оказывалось сопротивленіе насилію, и одинъ молодой сквайръ (помѣщикъ), столь знаменитый впослѣдствіи Джонъ Гемпденъ, подвергшійся суровому тюремному заключенію, объяснилъ тѣмъ свой отказъ отъ уплаты незаконнаго сбора, что у него нѣтъ никакого желанія подвергаться проклятію за нарушеніе magnae chartae, которая должна была бы дважды въ годъ прочитываться народу [1]). Между тѣмъ Бекингэмъ еще болѣе запуталъ внѣшнюю политику Англіи, навязавъ ей, кромѣ войны съ Австріей и Испаніей, новую войну—съ Франціей, и опять потерпѣлъ неудачу подъ Ларошелью, гдѣ гугеноты отбивались тогда отъ войскъ кардинала Ришелье [2]) при помощи посланнаго къ нимъ англійскаго флота. Дѣлать было нечего, и весною 1628 г., обремененный долгами, покрытый безславіемъ, возбудившій противъ себя общественное неудовольствіе, Карлъ I созвалъ третій парламентъ своего царствованія.

Парламентъ, собравшійся въ 1628 г. и распущенный въ 1629 г., принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ въ исторіи англійской конституціи. Правительственные кандидаты на выборахъ не прошли, вездѣ успѣхъ имѣли люди, пострадавшіе въ 1627 году отъ принудительнаго займа, военныхъ постоевъ, тюремнаго заключенія, и многіе дѣятели долгаго парламента уже встрѣчаются въ этомъ собраніи (Пимъ, Гемпденъ, Кромвель, а Эліотъ не дожилъ до 1640 г). Съ самаго же начала проявился оппозиціонный духъ палаты общинъ, и однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ Бекингэма оказался Томасъ Вентвортъ, который вскорѣ послѣ того сдѣлался, однако, главнымъ сторонникомъ королевскаго абсолютизма. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ было сильное. Тронная рѣчь Карла I заключала въ себѣ предостереженіе: если парламентъ, сохрани Боже, не исполнитъ обязанности своей помочь нуждамъ королевства, то онъ, король, обратится къ другимъ средствамъ, которыя далъ ему Богъ, но пусть парламентъ не принимаетъ этого заявленія за угрозу, такъ какъ король унизилъ бы свое достоинство, если бы сталъ грозить людямъ, которые ему неравны, а лордъ-канцлеръ пояснилъ съ своей стороны, что если король обратился къ парламенту, то не изъ нужды, а по милости своей. *Главнымъ дѣломъ парламента 1628 г. было составленіе петиціи о правахъ (petition of rights)*, отъ принятія которой королемъ было поставлено въ зависимость окончательное рѣшеніе о щедро вотированныхъ въ принципѣ субсидіяхъ. Въ революціонныхъ рѣчахъ, говорившихся уже въ этомъ парламентѣ, однако, указывалось на то, что онъ добивался не какихъ-либо нововведеній, а только закрѣпленія старыхъ правъ, дабы

[1]) См. т. I, стр. 83.

[2]) См. выше, стр. 409.

они не подвергались болѣе нарушеніямъ. Карлъ I пытался — было мѣшать обсужденію петиціи, но новая неудача подъ Ларошелью и расчетъ на то, что истолкователями петиціи будутъ судьи, зависимые отъ короны, склонили его къ тому, чтобы принять петицію, и такимъ образомъ получить субсидіи, которыя были нужны Бекингэму для новой экспедиціи. Многія лица, отказывавшіяся платить по принудительному займу, подвергались произвольному аресту, и въ числѣ членовъ палаты 1628 г., какъ мы видѣли, было немало такихъ депутатовъ, которые потерпѣли отъ произвола власти. Эти лица жаловались въ суды на незаконные аресты, ссылаясь на право личной свободы (habeas corpus, т.-е. habeas corpus liberum), но суды, опасаясь правильно рѣшать дѣла такого рода, затягивали ихъ разсмотрѣніе, и поэтому поводу пришлось высказаться уже парламенту, который ополчился въ защиту личной неприкосновенности, гарантированной еще знаменитой 39 статьей великой хартіи [1]), принявъ за принципъ, что судьи имѣютъ право принимать жалобы на аресты и въ случаѣ незаконности послѣднихъ освобождать арестованныхъ. Петиція о правахъ, бывшая какъ бы второю великою хартіей, и взяла подъ свою защиту личную неприкосновенность англійскихъ подданныхъ. Этотъ замѣчательный актъ, заключавшій перечисленіе недавнихъ злоупотребленій и ссылкина статьи magnae chartae ровно какъ на старые статуты еще временъ Эдуардовъ, былъ по формѣ просьбою къ королю о томъ, чтобы впредь законы страны не нарушались, и чтобы это утверждено было королевской подписью. По существу дѣла содержаніе петиціи сводилось къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) безъ разрѣшенія парламента не существуетъ никакихъ налоговъ, принудительныхъ займовъ и другихъ платежей; 2) никто не можетъ быть подвергаемъ аресту или наказанію по незаконному суду и безъ предоставленія обвиняемому возможности оправдаться; 3) чрезвычайные суды и экзекуціонныя военныя команды не должны существовать. Король утвердилъ петицію, получившую значеніе законнаго толкованія великой хартіи, спустя слишкомъ четыреста лѣтъ послѣ ея изданія но когда по требованію парламента петиція была напечатана въ громадномъ количествѣ экземпляровъ для распространенія въ народѣ, палаты увидѣли, что въ утвержденіи были оговорки. Когда, далѣе, палата приняла ремонстранцію, требовавшую удаленія Бекингэма, Карлъ I поспѣшилъ отсрочить засѣданія парламента. Вскорѣ послѣ этого фаворитъ былъ убитъ нѣкіимъ Фельтономъ, и извѣстіе объ этомъ было принято всею Англіей съ нескрываемою радостью. Народное возбужденіе усиливалось еще тѣмъ, что на материкѣ дѣла протестантовъ шли плохо, Валленштейнъ нанесъ ударъ нѣмецкимъ лютеранамъ и

---

[1]) Т. I, стр. 82.

кальвинистамъ, во Франціи пала гугенотская Ларошель [1]), и все это было въ то самое время, какъ англійская высокая церковь, руководимая лондонскимъ епископомъ Лоудомъ, стремилась къ обособленію среди другихъ протестантскихъ исповѣданій и какъ-бы хотѣла приблизиться къ католическимъ доктринамъ и церемоніямъ, т.-е. къ тому, что съ протестантской точки зрѣнія было суевѣріемъ и идолослуженіемъ, а ея выдающіяся личности проповѣдовали извѣстныя теоріи о ничтожности правъ парламента. Уже раньше придворный священникъ Монтэгю публично поносилъ континентальный протестантизмъ и защищалъ римскую церковь, за что парламентъ 1625 г. отправилъ его въ тюрьму; Карлъ I, однако, не только освободилъ этого духовнаго, учившаго еще о божественномъ происхожденіи его правъ, но даже сдѣлалъ его въ 1628 г. епископомъ, а другое духовное лицо, говорившее, что парламенты суть простые нули въ государственной жизни Англіи, получило весьма богатый приходъ. Политическіе дѣятели не могли не замѣчать, что число духовныхъ лицъ такого направленія, сравнительно небольшое при Іаковѣ I, увеличилось при Карлѣ I, а потому весьма естественно, что, вновь собравшись въ январѣ 1629 г. послѣ отсрочки, парламентъ обратилъ вниманіе на религіозныя дѣла. Дѣйствительно, въ палатѣ общинъ по почину Эліота сдѣлано было заявленіе о правѣ парламента участвовать въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ,—*заявленіе, не оставлявшее никакого сомнѣнія въ томъ, что парламентъ былъ настроенъ въ пуританскомъ духѣ.* Съ другой стороны, палата постановила протестовать противъ незаконнаго взиманія грузовыхъ и вѣсовыхъ сборовъ, вопросъ о коихъ все еще не былъ рѣшенъ, но Карлъ I поспѣшилъ распустить парламентъ.

1629 г. имѣетъ важное значеніе въ исторіи трехъ главныхъ странъ Европы, которыя уже четыреста лѣтъ шли по разнымъ дорогамъ: одна—къ политическому раздробленію, другая—къ абсолютизму, третья—къ упроченію свободныхъ учрежденій [2]): въ Германіи это былъ годъ реституціоннаго эдикта, во Франціи—годъ эдикта милости, въ Англіи годъ, когда Карлъ I рѣшился не созывать болѣе парламентовъ, но всѣ эти три факта не имѣли долговѣчнаго значенія, ибо реституціонный эдиктъ, бывшій выраженіемъ побѣды императора, пришлось отмѣнить, эдиктъ милости не обезпечивалъ прочно за французскими протестантами свободы вѣроисповѣданія, намѣреніе же Карла I обходиться безъ парламента оказалось неисполнимымъ, т.-е. побѣда императора не остановила раздробленія Германіи, эдиктъ милости

[1]) См. выше, стр. 350, 409, 447.

[2]) Ср. параллель между исторіей Германіи, Франціи и Англіи въ XIII—XVII в. въ томѣ I, на стр. 110—111. Для другихъ фактовъ см. выше, стр. 350 и 370.

оказался безсильнымъ передъ произволомъ власти, утвердившимся во Франціи, а попытка Карла I въ Англіи не уничтожила политической свободы. Кромѣ того, три названные факта стоятъ въ тѣсной связи съ религіозною борьбой того времени—одинъ, какъ результатъ побѣды католицизма, другой, какъ результатъ временного торжества вѣротерпимости, а третій—потому, что въ 1629 г. *въ Англіи самымъ яснымъ образомъ объединились оппозиціи политическая и религіозная.* Послѣ того, какъ Карлъ I рѣшился не созывать болѣе парламента, о войнѣ на материкѣ нечего было и думать, и Англія послѣ этого болѣе не играетъ роли въ событіяхъ тридцатилѣтней войны.

Въ какомъ настроеніи расходился парламентъ 1628—29 гг., можно видѣть изъ того, что передъ его роспускомъ Карлъ I велѣлъ отложить засѣданіе, но королевскаго приказа не послушались. Эліотъ напалъ на новаго лорда-казначея за то, что онъ присовѣтовалъ королю незаконный сборъ пошлинъ, и высказалъ такую мысль, что всякій, кто пытался нарушать права парламента, въ концѣ-концовъ парламентомъ и поражался, и палата провозгласила, что кто измѣняетъ религію и собираетъ субсидіи безъ согласія парламента, тотъ есть врагъ отечества и общества, а кто добровольно подчиняется произвольнымъ распоряженіямъ, тотъ измѣнникъ англійской свободѣ. Можно себѣ представить, какъ все это должно было подѣйствовать на Карла, который съ своей стороны заявилъ въ особой прокламаціи, что такъ какъ съ парламентами ладить ему невозможно, то онъ будетъ „считать дерзкимъ вызовомъ, если кому-либо придетъ въ голову предписывать ему обязанность относительно созванія парламента въ извѣстные сроки“. Вожди оппозиціи были заключены въ тюрьму, въ которой Эліотъ и кончилъ свои дни (1632).

Началось одиннадцатилѣтнее правленіе безъ парламента. Это было время, когда въ сосѣдней Франціи великій министръ, только-что справившійся съ гугенотами, установлялъ королевскій абсолютизмъ. Какъ у Людовика XIII былъ Ришелье, какъ въ Германіи въ пользу абсолютизма дѣйствовалъ, впрочемъ, не забывавшій и самого себя современникъ кардинала-министра, военный вождь Валленштейнъ, такъ и въ Англіи у Карла I въ то же самое время явился совѣтникъ, имѣвшій въ виду цѣлую политическую систему, которая напоминаетъ систему Ришелье, и собиравшійся вводить ее при помощи военной силы, которая составляла главную опору и Валленштейна, притомъ человѣкъ, бывшій и по способностямъ своимъ, и по властолюбію сродни имъ обоимъ. Это былъ именно Томасъ Вентвортъ, одинъ изъ вождей оппозиціи въ парламентѣ 1628 г., но еще въ томъ же году перешедшій на королевскую службу, возведенный впослѣдствіи въ санъ графа Страффорда

и назначенный королевскимъ намѣстникомъ въ Ирландіи [1]). Другимъ совѣтникомъ былъ лондонскій епископъ, впослѣдствіи архіепископъ кентерберійскій Лоудъ: подобно тому, какъ Страффордъ представлялъ собою одну тенденцію эпохи—политическій абсолютизмъ, Лоудъ былъ выразителемъ другой ея тенденціи—религіозной реакціи, которая была возможна не въ одномъ католицизмѣ, ибо подъ управленіемъ Лоуда англиканская церковь заразилась всѣми стремленіями реакціоннаго католицизма. И Карлъ I, и Страффордъ, и Лоудъ стремились къ одной цѣли, но различнымъ образомъ представляли себѣ средства, коими она могла бы осуществиться. Уже при Тюдорахъ нѣкоторые государственные люди Англіи называли монархію, въ которой жили, абсолютною, понимая подъ этимъ терминомъ независимость англійской короны отъ папской опеки или какого бы то ни было иностраннаго суверенитета, и только Іаковъ I сталъ придавать этому выраженію тотъ смыслъ, что король свободенъ отъ контроля и отвѣтственности и передъ парламентомъ. Карлъ I, „ненавидѣвшій самое имя парламента“, самъ понималъ старую англійскую конституцію такимъ образомъ, будто она ни малѣйшимъ образомъ не уменьшала его правъ, какъ абсолютнаго монарха, и видѣлъ въ парламентской оппозиціи простое неповиновеніе подданныхъ своему государю. Онъ—по крайней мѣрѣ, сначала—надѣялся на то, что рано или поздно его подданные образумятся, и тогда, конечно, опять можно было бы собирать парламенты, а пока нужно было править лично и главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ оспариваться королевское право, судьи становились на его сторону и разъясняли англичанамъ своими приговорами обязанность повиновенія королевской волѣ, и такимъ образомъ дѣйствовали въ смыслѣ переубѣжденія тѣхъ его подданныхъ, которые въ ложномъ видѣ представляли себѣ законныя отношенія, какія должны существовать между королемъ и страной. На континентѣ главною опорою абсолютизма сдѣлались постоянныя войска, но Карлъ болѣе надѣялся на свое право, ложно имъ понимавшееся, чѣмъ на вооруженную силу, да и для содержанія послѣдней у него и не было достаточныхъ средствъ. Между тѣмъ Страффордъ держался именно того взгляда, что королю нужно имѣть хорошую армію, и самъ набиралъ войско, самовластно распоряжаясь въ Ирландіи, въ предвидѣніи той борьбы, какую нужно было выдержать въ Англіи при установленіи новой системы, представлявшейся ему не иначе, какъ въ видѣ суроваго режима Ришелье. Страффордъ хотѣлъ идти на проломъ („thorough“, было его девизомъ), но при дворѣ не понимали

---

[1]) Forster. Thomas Wentworth, earl of Strafford (въ его Statesmen of the Commonwealth).

его системы, не любили его самого за высокомѣріе, интриговали противъ него,—какъ при французскомъ дворѣ интриговали противъ Ришелье,— и вооружали противъ него короля, въ особенности ненавидѣвшая его королева. Съ другой стороны, Страффордъ въ религіозныхъ дѣлахъ держался, какъ и Ришелье, чисто политическаго взгляда, и его политика не имѣла вѣроисповѣдной окраски, ибо къ ирландскимъ католикамъ онъ относился съ терпимостью, даже раздражавшей протестантовъ, хотя его планъ колонизаціи Ирландіи англичанами возбуждалъ противъ него и католиковъ. Страффордъ не думалъ, однако, о примиреніи враждующихъ исповѣданій: напротивъ, на ихъ взаимномъ отчужденіи, на ихъ раздорахъ, дѣлавшихъ для обѣихъ сторонъ необходимою нравственную поддержку власти, онъ думалъ основать свое господство въ Ирландіи, бывшее необходимымъ для составленія арміи. Во всякомъ случаѣ, *абсолютизмъ Страффорда не имѣлъ строго вѣроисповѣдной окраски, тогда какъ именно система Лоуда въ томъ и состояла, чтобы доставить торжество извѣстнымъ церковнымъ принципамъ*. Человѣкъ узкаго и ограниченнаго ума, но такого же властнаго характера, какъ и Страффордъ, Лоудъ не могъ похвалиться тѣмъ пониманіемъ дѣйствительности, которое составляло силу Страфорда. Оба они отличались безкорыстіемъ, трудолюбіемъ, упорствомъ въ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли, оба обладали даромъ организаціи и административными способностями, но у Лоуда не было именно политической проницательности Страффорда. Подобно королю и еще въ бо̀льшей степени, нежели онъ, Лоудъ былъ доктринеромъ, видѣвшимъ дѣйствительность въ свѣтѣ теоріи, которая мало имѣла съ нею общаго. Какъ Карлъ I превратно представлялъ себѣ англійскую конституцію, не понимая истиннаго ея характера, не укрывшагося, однако, отъ Страффорда, который самъ раньше былъ парламентскимъ бойцомъ, такъ Лоудъ составилъ себѣ совершенно особенный взглядъ на англиканскую церковь, обязанную, какъ бы то ни было, своимъ происхожденіемъ великому реформаціонному движенію XVI вѣка, что ставило ее въ связь съ протестантскими церквами материка, отрицавшуюся Лоудомъ. У него составилась такая на этотъ счетъ теорія. Англиканская церковь, какъ часть церкви вселенской [1]), благодаря реформаціи, возстановила въ себѣ истинную вѣру и жизнь первыхъ вѣковъ христіанства, искаженную новшествами Рима, Лютера и Кальвина. Тѣмъ не менѣе англиканская церковь все-таки ближе къ римской, которая по прежнему остается частью вселенской церкви, сохраняя епископское преемство, тогда какъ лютеранство и кальвинизмъ не могутъ даже считаться церквами, ибо онѣ отвергли божественное установленіе епископата. Симпатіи Лоуда были на сторонѣ католицизма, и его

[1]) См. выше, стр. 224—225.

мечтою было достигнуть возсоединенія съ нимъ, когда Римъ отречется отъ своихъ заблужденій, а англиканская церковь приблизится къ римской и по общему своему характеру, и по своему культу. Общая политика Лоуда и тогда, когда онъ былъ еще епископомъ лондонскимъ, и тогда, когда сдѣлался архіепископомъ кентерберійскимъ (въ 1633 г.) была такова, что, напр., курія тайно предлагала ему кардинальство, которое было имъ, впрочемъ, отвергнуто; одна дама поспѣшила даже принять католицизмъ, чтобы не затеряться въ толпѣ, которая должна будетъ пойти за Лоудомъ, когда онъ возвратится подъ папскую власть, о чемъ архіепископъ, однако, совсѣмъ не думалъ, при всемъ своемъ католическомъ настроеніи. Къ протестантамъ Лоудъ относился вообще нетерпимо. Англійскій посланникъ въ Парижѣ получилъ предписаніе не посѣщать болѣе кальвинистическаго богослуженія, отправлявшагося неподалеку этъ этого города. Такое же запрещеніе послѣдовало и для англичанъ вообще, находившихся на материкѣ. Иностранные выходцы въ Англіи также должны были отказаться отъ кальвинистическаго богослуженія, и многіе изъ нихъ предпочли выселиться въ Голландію. Пуританизмъ преслѣдовался строжайшимъ образомъ, хотя имъ была заражена большая часть націи, и англиканская церковь подъ управленіемъ примаса Лоуда стала, дѣйствительно, приближаться и по своимъ доктринамъ, и по обрядности къ римской церкви.

Такимъ образомъ политика короля и политика двухъ его совѣтниковъ *были непохожи одна на другую: Карлъ I полагался на силу времени, которое должно было пріучить англичанъ къ повиновенію, Страффордъ думалъ идти „напроломъ“, опираясь на военную силу, и далекъ былъ отъ вѣроисповѣднаго фанатизма, тогда какъ Лоудъ былъ сторонникомъ именно церковной репрессіи.* Но прежде нежели говорить о характерѣ того правленія, которое установилось въ Англіи послѣ 1629 г., нужно сказать еще нѣсколько словъ о самомъ Страффордѣ. Обращеніе одного изъ наиболѣе видныхъ членовъ оппозиціи въ той палатѣ, которая выработала петицію о правахъ, въ яраго защитника абсолютизма представляетъ большой психологическій интересъ, и для объясненія перехода Вентворта съ одной стороны на другую историки прибѣгали къ разнымъ предположеніямъ. По одному, наприм., мнѣнію, онъ былъ просто „купленъ“ королемъ: такое представленіе дѣла даже дополнялось тѣмъ соображеніемъ, что самая его оппозиція въ парламентѣ 1628—1629 г. была напускная, именно ему хотѣлось-де выставить свои таланты, чтобы потомъ подороже себя продать. Этому противорѣчитъ, однако, не только личное безкорыстіе Страффорда, но и все его независимое поведеніе по отношенію ко двору и королевскому совѣту, гдѣ его ненавидѣли. Другое предположеніе исходитъ изъ того, что человѣкъ властолюбиваго нрава могъ удовлетвориться или рѣзкой оппозиціей, разъ

самъ онъ не стоялъ у власти, или крайней тираннiей, разъ власть была въ его рукахъ; и такое объясненiе ближе къ истинѣ, но оно неполно, такъ какъ въ немъ не заключается указанія на политическую идею даннаго лица. Дѣло въ томъ, что со стороны Вентворта не было никакой измѣны какимъ-либо старымъ взглядамъ: онъ еще раньше, въ концѣ царствованія Іакова I, стремился попасть на коронную службу, но его постоянно оттиралъ Бекингэмъ, по отношенію къ которому у будущаго графа Страффорда должно было поэтому возникнуть смѣшанное чувство личной ненависти и политическаго негодованія на неспособнаго королевскаго фаворита, роняющаго престижъ власти и достоинство страны. Отсюда—его страстная оппозиція въ парламентѣ противъ Бекингэма, его рѣчи, въ коихъ, нападая на министра, онъ, такъ сказать, выгораживалъ короля, не потому, чтобы это подсказывалось ему чутьемъ интригана, думающаго спихнуть человѣка и сѣсть на его мѣсто, а потому, что въ сущности Вентвортъ не былъ такимъ сторонникомъ парламента, какъ Эліотъ; если даже до нѣкоторой степени онъ и заражался общимъ духомъ палаты, выработавшей петицію о правахъ, то тутъ могло быть временное увлеченіе, которое скоро и прошло. По смерти Бекингэма онъ вступилъ въ королевскій совѣтъ, давъ обѣщаніе защищать права монарха отъ всѣхъ посягательствъ на нихъ со стороны подданныхъ, и вскорѣ послѣ того подчинилъ Карла I своему вліянію. Въ качествѣ королевскаго намѣстника въ Ирландіи (1633) онъ правилъ совершенно деспотически, попирая право и законъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищая простой народъ отъ тиранніи дворянства, устраняя злоупотребленія администраціи и судовъ, содѣйствуя экономическому благосостоянію, увеличивая общественную безопасность преслѣдованіемъ морского разбойничества у береговъ, однимъ словомъ, вводя ту систему управленія, которая принесла свои плоды во Франціи при кардиналѣ Ришелье. Но Ирландія для него была только средствомъ: здѣсь онъ составлялъ армію, которую при надобности можно было бы перевести въ Англію для того, чтобы и тамъ идти „напроломъ", упорядочить силою власти всѣ внутреннія отношенія Англіи и сдѣлать изъ нея такую же политическую силу въ европейскомъ мірѣ, какою была Франція. Съ 1633 г. Страффордъ большею частью отсутствовалъ изъ Англіи и переписывался съ Лоудомъ: въ одномъ, какъ показываетъ ихъ корреспонденція, они были солидарны, именно въ томъ, что нужно идти „напроломъ". Система Страффорда, повидимому, приводила къ желанной цѣли, но дѣло было, какъ увидимъ, испорчено Лоудомъ.

Одиннадцатилѣтнее правленіе безъ парламента было въ Англіи временемъ настоящей тиранніи, какъ будто воскресли черезъ сто лѣтъ снова годы правительственнаго терроризма, возведеннаго въ систему при Генрихѣ VIII канцлеромъ Кромвелемъ. Въ это именно время дѣйствовали съ

особою жестокостью звѣздная палата и верховная коммиссія, какъ бы сдѣлавшіяся для Англіи тѣмъ, чѣмъ были кровавый совѣтъ Альбы въ Нидерландахъ или инквизиція въ Испаніи: безъ соблюденія законныхъ формъ судили за государственныя преступленія, подводя подъ это понятіе все, что было угодно; сажали въ тюрьмы, публично сѣкли, обрѣзывали уши, привязывали къ столбу за слова или политическіе памфлеты; гнали священниковъ и мірянъ, зараженныхъ пуританизмомъ и т. п. Все это было прямымъ нарушеніемъ законности, но дѣло не ограничивалось еще уничтоженіемъ гарантій личной свободы, установленныхъ великою хартіей и подтвержденныхъ петиціей о правахъ, ибо и деньги брались съ англичанъ беззаконно подъ разными благовидными предлогами, лишь бы дѣло не имѣло вида установленія новыхъ налоговъ: звѣздная палата посредствомъ денежныхъ штрафовъ и конфискацій наполняла королевскую казну, такъ что самое главное дѣло этого суда состояло въ томъ, чтобы изобрѣтать случаи для имущественныхъ наказаній; возстановлены были продававшіяся за деньги монополіи; продолжали взиматься грузовые и вѣсовые сборы; прибѣгали къ беневоленціямъ, выманимая деньги всѣми правдами и неправдами, и т. п. Особенно охотно копались въ старинѣ, отыскивая прецеденты для новыхъ способовъ добыванія денегъ. Однимъ изъ такихъ способовъ явилась корабельная подать. Въ старыя времена въ случаѣ войны портовые города должны были давать королю корабли, а приморскія графства доставлять для нихъ провіантъ, теперь же рѣшились замѣнить и то, и другое корабельною податью, но уже какъ постояннымъ налогомъ, распространеннымъ на всю Англію, что уже не имѣло за себя никакихъ прецедентовъ и было даже отступленіемъ отъ первоначальнаго намѣренія правительства не налагать прямо податей безъ парламента; притомъ и не флотъ имѣлся уже въ виду, а сухопутная армія, создать которую Страффордъ убѣждалъ Карла I, дабы онъ могъ быть абсолютнымъ господиномъ Англіи и сильнымъ монархомъ въ Европѣ. Извѣстно столкновеніе по этому поводу съ Джономъ Гемпденомъ, который уже разъ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, не хотѣлъ платить по принудительному займу и за это былъ посаженъ въ Тоуеръ [1]): Гемпденъ и теперь отказался внести причитавшуюся съ него долю подати (1636), а когда Карлъ I объявилъ, что судьи признаютъ право короля на взиманіе этой подати, Гемпденъ пожелалъ суда надъ собою, но судьи, утратившіе всякую независимость, большинствомъ семи голосовъ противъ пяти высказались противъ смѣлаго сквайра, и корона вышла побѣдительницей изъ этого спора (1637). Страффордъ думалъ въ это время, что пора было бы розгами научить Гемпдена и ему подобныхъ господъ, какъ слѣдуетъ

[1]) См. выше, стр. 447.

быть благоразумными. И вотъ въ томъ же самомъ году, когда дѣло Гемпдена внушало не одному королю надежду на то, что его власть восторжествуетъ, но и порождало опасенія среди сторонниковъ парламента, заставившія многихъ (въ томъ числѣ и Гемпдена, а по преданію и его двоюроднаго брата по матери Оливера Кромвеля) задумать переселеніе въ Америку, которое для многихъ уже сдѣлалось единственнымъ средствомъ спастись отъ преслѣдованій на родинѣ, особенно за свою вѣру,—въ Шотландіи вспыхнуло возстаніе, вызванное попыткой Лоуда водворить въ этой странѣ строгій англиканизмъ со всѣми новшествами въ католическомъ духѣ, которыя имъ были введены въ оффиціальное вѣроисповѣданіе Англіи: это было завершеніе дѣла, начатаго еще при Іаковѣ I, но новая литургія, сближенная съ католической мессой, вызвала въ эдинбургскомъ соборѣ горячій протестъ молящихся (1637). Въ Лондонъ полетѣли просьбы объ отмѣнѣ нововведенія, но король не уступалъ. Тогда шотландцы заключили между собою ковенантъ (союзъ) на защиту своей религіи, самовольно созвали парламентъ, собрали денегъ, составили войско, которое впослѣдствіи стало одерживать побѣды надъ незначительными военными силами Карла I въ то самое время, какъ и въ Англіи далеко уже не было спокойствія, царившаго въ ней раньше и обманывавшаго короля относительно общаго настроенія націи. Карлъ I обращался за денежною помощью къ Испаніи, предлагая ей начать за это войну съ Голландіей (это было еще время тридцатилѣтней войны), а пока пользовался контрибуціями, которыя ему были предложены англійскими католиками, но Испанія денегъ не дала, католическія же приношенія были незначительны, между тѣмъ какъ сочувствіе большинства англичанъ было на сторонѣ шотландцевъ, которые, кромѣ того, вступили въ переговоры съ Ришелье, желавшимъ создать Англіи затрудненіе при обнаруженномъ ею стремленіи вмѣшаться снова въ континентальную войну (тридцатилѣтнюю). Страффордъ и Лоудъ стояли за рѣшительное подавленіе шотландскаго мятежа. Карлъ I, у коего была въ рукахъ переписка ковенантеровъ съ Франціей, задумалъ воспользоваться ею, чтобы натравить на Шотландію англичанъ и заставить ихъ дать большія субсидіи. Въ апрѣлѣ 1640 г. былъ собранъ парламентъ, но расчетъ Карла I и Страффорда [1]) оказался невѣрнымъ, ибо члены парламента, руководимые Пимомъ и Гемпденомъ, понимали, что дѣло шотландцевъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло всѣхъ англичанъ, и объявили, что согласятся на субсидіи лишь подъ условіемъ прекращенія злоупотребленій, которыя и были ими прямо указаны правительству. Парламентъ былъ распущенъ черезъ три недѣли послѣ своего открытія и получилъ названіе

[1]) Вентвортъ лишь незадолго передъ этимъ получилъ титулъ графа Страффорда.

„короткаго“; въ это-то время правительственныя войска и стали терпѣть пораженія, а въ самой Англіи начались безпорядки. Карлъ I сдѣлалъ-было попытку обратиться къ одной верхней палатѣ, которую въ качествѣ „великаго совѣта“ [1]) созвалъ въ Іоркѣ, но лорды, коимъ не принадлежало права вотировать судсидіи [2]), наотрѣзъ отказались дать денегъ. Королю послѣ этого не оставалось ничего болѣе, какъ созвать новый парламентъ. Это и былъ знаменитый долгій парламентъ 1640 г.

XXXV. Долгій парламентъ, кавалеры и круглоголовые [3]).

Пораженіе политики Страффорда.—Значеніе исторіи 1640—1660 гг. въ Англіи.—Характеръ англійской революціи. — Броженіе въ англійскомъ обществѣ въ 1637—1640 гг.—Памфлетная публицистика и ея политическія идеи.—Джонъ Пимъ и его политическая теорія. — Первыя дѣйствія долгаго парламента.—Процессъ Страффорда.—Взаимное недовѣріе Карла I и парламента. — Ирландское возстаніе.—Образованіе въ парламентѣ партій.—«Великая ремонстранція».—Попытка ареста пяти членовъ.—Разрывъ короля съ парламентомъ и парламентскія требованія 1642 г.—Междоусобная война.

Событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ съ конца тридцатыхъ годовъ XVII вѣка, доказывали, *какъ незначительны были шансы установленія въ Англіи абсолютизма:* дѣйствуя „напроломъ“ въ Шотландіи, встрѣтились съ оппозиціей, перешедшей въ открытое возмущеніе, которое и въ Англіи заставило отказаться отъ этой системы. Одинъ Страффордъ оставался непоколебимъ. Въ 1637 г. онъ думалъ, что настала пора вразумлять розгами непокорныхъ людей въ родѣ Гемпдена. Когда начались шотландскія волненія, онъ стоялъ за подавленіе ихъ силою и говорилъ, что нужно бичами прогнать шотландцевъ за ихъ границы. Передъ созваніемъ „короткаго“ парламента онъ, предвидя возможность отказа въ субсидіяхъ, совѣтовалъ прибѣгнуть въ такомъ случаѣ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, а въ Ирландіи прямо добился отъ мѣстнаго парламента, бывшаго лишь орудіемъ его власти, большой субсидіи, на которую снарядилъ войско. Убѣдивъ Карла собирать деньги самовольно въ виду поведенія палатъ,

---

[1]) Т. I, стр. 90 и слѣд.

[2]) Т. I, стр; 108.

[3]) Для исторіи междоусобной войны въ Англіи см. сочиненія, касающіяся Рупрехта Пфальцскаго, сына Фридриха V (зимняго короля) и племянника Карла I, какъ начальника въ арміи послѣдняго: Warburton. Memoirs of Prince Rupert and the Cavaliers.—Spruner. Rupert the Cavalier. О королевѣ Генріеттѣ Маріи, которая проявила большую энергію въ междоусобіи, сама принявъ участіе въ добываніи денежныхъ средствъ и формированіи войска на материкѣ, см. соч. Baillon'a (Henriette Marie de France).

онъ лично сталъ во главѣ ирландской арміи, чтобы подавить шотландцевъ. Не смотря на неудачу, постигшую армію изъ разнаго сброда, онъ и тутъ не падалъ духомъ. Когда два пера подали королю петицію о необходимости мира съ шотландцами, Страффордъ арестовалъ этихъ лордовъ и предложилъ тайному совѣту разстрѣлять ихъ, какъ бунтовщиковъ, на что послѣдній, однако, не согласился. Когда открылись засѣданія долгаго парламента, онъ хотѣлъ предупредить своихъ враговъ, которые готовились на него напасть: у него уже готово было обвиненіе вождей парламентской оппозиціи въ преступной перепискѣ съ шотландцами, когда онъ самъ былъ арестованъ по приказанію палаты лордовъ. *Уже созваніе перваго парламента 1640 г., получившаго названіе короткаго было признакомъ того, что политика, внушавшаяся Карлу I Страффордомъ, потерпѣла пораженіе*: королю въ 11 лѣтъ правленія безъ парламента неудалось переубѣдить англичанъ, какъ онъ объ этомъ думалъ, а Страффордъ не успѣлъ создать значительной военной силы, которая должна была бы утвердить королевскій абсолютизмъ, ибо религіозная политика Лоуда создала такія затрудненія правительству, которыхъ не предвидѣлось при введеніи въ жизнь страны новой системы. Если вообще малы были шансы англійскаго абсолютизма [1]), то тѣмъ меньшими дѣлало ихъ то обстоятельство, что лица, проводившія его въ жизнь Англіи, далеко не соотвѣтствовали своей задачѣ, ни Іаковъ I, ни Бекингэмъ, ни Лоудъ, ни самъ Карлъ I, за исключеніемъ лишь одного Страффорда, съ самаго начала новой политики видѣвшаго неизбѣжность борьбы, не ошибавшагося въ настроеніи общества, сознававшаго необходимость имѣть въ распоряженіи военную силу и готоваго продолжать свое „напроломъ", когда послѣднее было уже крайне трудно! Страффорду не удалось то, что во Франціи составило славу кардинала Ришелье, а если онъ былъ единственною крупною личностью въ лагерѣ абсолютизма, то *изъ защитниковъ старыхъ правъ націи выдвинулся, наоборотъ, цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ дѣятелей*, съ именами которыхъ неразрывно связана бурная эпоха англійской исторіи, охватывающая собою два десятилѣтія—сороковые и пятидесятые годы XVII вѣка: назовемъ только Пима, Гемпдена, Кромвеля, Мильтона.

Два указанныя десятилѣтія (1640—1660) въ исторіи Англіи, дѣйствительно имѣютъ громадное значеніе: въ то время, какъ во Франціи упрочивался абсолютизмъ, а въ Германіи—княжеское мелкодержавіе,—двѣ политическія формы, къ которымъ вела исторія обѣ страны въ теченіе четырехъ столѣтій—въ Англіи упрочивалась политическая свобода, зародившаяся равнымъ образомъ за четыреста лѣтъ

[1]) См. выше, стр. 419 и слѣд.

передъ тѣмъ [1]). Но сопоставляя англійскую исторію съ нѣмецкой и французской, мы невольно обращаемся мыслью при воспоминаніи о первой англійской революціи къ аналогичнымъ эпохамъ въ жизни Германіи и Франціи: *въ исторіи Англіи сороковые и пятидесятые годы XVII в. были тѣмъ же самымъ, чѣмъ въ Германіи были двадцатые и слѣдующіе за ними годы XVI в., чѣмъ во Франціи эпоха, наступившая въ 1789 г.* [2]), т.-е. временемъ крайняго національнаго возбужденія, наибольшаго напряженія общественныхъ силъ, временемъ расчетовъ съ стариною, рѣшенія спорныхъ вопросовъ настоящаго, стремленій къ новому будущему, временемъ культурной, религіозной, соціальной и политической борьбы. Находясь въ хронологическомъ отношеніи какъ разъ на одинаковомъ почти разстояніи отъ нѣмецкой реформаціи и французской революціи [3]), и въ смыслѣ историческомъ „великій мятежъ“ въ Англіи былъ чѣмъ-то среднимъ между реформаціей въ Германіи и революціей во Франціи: въ первой религіозная сторона доминировала надъ политическою, во второй политическая—надъ религіозной, тогда какъ англійская революція, если можно такъ выразиться, *была наполовину политической, наполовину религіозной.* Съ другой стороны, несомнѣнна ея глубокая историческая связь съ религіознымъ переворотомъ въ Германіи и политическимъ переворотомъ во Франціи. Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. въ нѣмецкомъ народѣ произошло реформаціонное движеніе, бывшее лишь началомъ цѣлаго ряда движеній въ другихъ европейскихъ странахъ, а въ этомъ ряду послѣднимъ событіемъ, является англійская революція съ своимъ пуританскимъ характеромъ, съ своими церковными реформами, съ своимъ сектантствомъ: многіе религіозные вопросы, поставленные нѣмецкой реформаціей, разрѣшаются англійскою, не тою, которая была въ XVI в., а тою, коей суждено было произойти въ XVI столѣтіи. И въ то же время въ Англіи ставятся и рѣшаются какъ практически, такъ и теоретически политическіе вопросы, наполняющіе собою и исторію французской революціи, а та политическая форма, которая восторжествовала въ Англіи, тѣ политическія идеи особенно, развитіе коихъ совершалось въ Англіи XVII в., играли весьма важную роль въ указанной исторіи. Дѣло въ томъ, что борьба между королевскою властью и парламентомъ, образованіе двухъ политическихъ партій, предъявленіе новыхъ требованій къ политической жизни, т.-е. зарожденіе рядомъ

---

[1]) Томъ I, стр. 110—111 и выше, стр. 449.

[2]) См. выше, стр. 20.

[3]) Между 1520 и 1650 гг. прошло 130 лѣтъ, между 1650 и 1790 гг.—140 лѣтъ.

съ идеями абсолютизма демократическихъ стремленій [1]), все это должно было отразиться и на тогдашней литературѣ, и Англія, дѣйствительно, выставила цѣлый рядъ политическихъ писателей, развивавшихъ идеи, которыя потомъ оказали большое вліяніе на политическую мысль континентальныхъ странъ. Отличіе англійской революціи отъ аналогичныхъ движеній въ Германіи и во Франціи заключалось въ томъ, что и нѣмцы въ двадцатыхъ годахъ XVI в., и французы въ концѣ прошлаго столѣтія стремились къ коренному измѣненію государственныхъ и общественныхъ формъ, которыя существовали въ обѣихъ странахъ, тогда какъ англичане думали сначала главнымъ образомъ не о переворотѣ, а о томъ, чтобы отстоять существующія отношенія, подвергшіяся опасности со стороны королевской власти: въ Германіи и во Франціи предстояло еще завоевать свободу, тогда какъ въ Англіи послѣдняя была старымъ достояніемъ, и *это придало англійской революціи оттѣнокъ нѣкотораго консерватизма.* Во всѣхъ трехъ случаяхъ, наконецъ, одновременно съ религіозными и политическими вопросами, изъ коихъ первые были рѣзче поставлены въ XVI в., а вторые въ XVIII, а въ XVII, какъ было сказано, играли одинаково важную роль,—происходили и соціальныя движенія, обусловленныя борьбою классовъ. Рѣзче всего проявилось это во французской революціи, весьма рѣзко и въ нѣмецкой реформаціи, особенно благодаря тому, что въ обоихъ случаяхъ происходили крестьянскія возстанія весьма грознаго характера, не менѣе грозныя волненія городского простонародья, тогда какъ въ Англіи не было ничего такого, что приняло бы размѣры и характеръ великой крестьянской войны или мюнстерскаго анабаптистскаго возстанія въ Германіи [2]), крестьянскихъ бунтовъ, сопровождавшихся пожарами замковъ, въ началѣ французской революціи или якобинскаго режима, опиравшагося на городской пролетаріатъ. Тѣмъ не менѣе и у англійской революціи была своя соціальная сторона, что между прочимъ отразилось и на составѣ политическихъ партій въ это время.

Настроеніе англійской націи, бывшее, повидимому, спокойнымъ послѣ 1629 г., стало быстро измѣняться съ 1637 г., когда разыгралось дѣло Гемпдена и начались шотландскія волненія. До этого времени все шло хоть и не особенно гладко, но такъ, что при дворѣ были увѣрены въ успѣхѣ новой системы, тѣмъ болѣе, что Англія, благодаря внѣшнему миру въ тѣ годы, какъ на материкѣ велась война, и благо-

---

[1]) Изъ статей проф. М. М. Ковалевскаго, которыя отмѣчены выше (стр. 417), назовемъ здѣсь „Кавалеры и круглоголовые. Опытъ изученія ихъ политическихъ воззрѣній“ (Сѣверный Вѣстникъ 1892 г., кн. VII и VIII) и „Родоначальники англійскаго радикализма“ (Русская Мысль 1892, кн. I—III).

[2]) См. выше, гл. IX—XI.

даря именно этой войнѣ отчасти, въ матеріальномъ отношеніи благоденствовала, развивала свое сельское хозяйство, промышленность и торговлю. На самомъ дѣлѣ англичане или терпѣливо ожидали перемѣны обстоятельствъ, или эмигрировали въ Америку, эмигрировали массами (болѣе 20 тысячъ въ десять лѣтъ), въ коихъ были и священники, и ученые, и адвокаты, и купцы, и фермеры, а ихъ примѣру собирались слѣдовать и сквайры, и лорды. Впервые дѣло Гемпдена произвело сильное впечатлѣніе. Когда въ томъ же году звѣздная палата приговорила нѣсколькихъ памфлетистовъ, напавшихъ на епископатъ, къ отсѣченію ушей, выставкѣ у позорнаго столба и пожизненному тюремному заключенію, сто тысячъ лондонцевъ, собравшихся на ихъ пути отъ мѣста наказанія въ тюрьму, устроили имъ овацію, какъ мученикамъ за свободу. Во время шотландской войны лондонское простонародье сдѣлало нападеніе на архіепископскую резиденцію и помѣшало произведенными имъ безпорядками засѣданію верховной коммиссіи. Милиціонеры, неохотно шедшіе на „епископскую войну“ (т.-е. войну съ Шотландіей), убивали офицеровъ, которыхъ заподозривали въ папизмѣ, разбивали рѣшетки у алтарей въ храмахъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, и нерѣдко разбѣгались по домамъ. Въ весенній парламентъ 1540 г. поступала масса петицій отъ разныхъ графствъ и городовъ относительно прекращенія злоупотребленій. Въ палату второго парламента того же года,—коему суждено было сдѣлаться „долгимъ“,—каждый депутатъ привезъ съ собой петицію объ устраненіи какихъ-либо злоупотребленій, и независимо отъ этого поступило еще такъ много петицій, что цѣлая недѣля прошла лишь въ ихъ пріемѣ, разборѣ и назначеніи сорока коммиссій для ихъ подробнаго разсмотрѣнія и составленія по нимъ отчетовъ. Какъ будто сразу тогда же остановилась пуританская эмиграція въ Америку, а пуританская проповѣдь стала раздаваться особенно смѣло, и началось развитіе той брошюрной литературы, которая въ теченіи двадцати лѣтъ дошла до громадной цифры—тридцати тысячъ памфлетовъ.

Въ этой литературѣ обращаютъ на себя вниманіе тѣ политическія идеи, въ коихъ формулировались стремленія начинавшагося столкновенія: впослѣдствіи онѣ получили систематическую обработку въ цѣлыхъ трактатахъ. Программа той партіи, которая впослѣдствіи вела борьбу съ королемъ, въ то время была весьма ясна. Тогда еще никто не думалъ о республикѣ, и общимъ лозунгомъ было сохраненіе королевской прерогативы, что явствуетъ и изъ преній въ парламентѣ, и изъ упомянутой публицистики, и даже самые крайніе лишь ограничивали королевскую прерогативу во имя свободы, считая однако оба элемента—и прерогативу, и свободу—одинаково необходимыми, хотя и доходя въ ограниченіи первой до требованій, напоминающихъ

современный парламентаризмъ. Нѣсколько позднѣе возникла въ Англіи республиканская партія, но пока вся оппозиція думала защищать старые принципы смѣшаннаго образа правленія съ равновѣсіемъ короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. Однако, ближе знакомясь съ политическими воззрѣніями членовъ долгаго парламента и тогдашнихъ литературныхъ защитниковъ свободы противъ прерогативы, мы можемъ сказать, что идеаломъ этихъ дѣятелей и писателей *была скорѣе республика съ наслѣдственнымъ президентствомъ, именуемымъ королевскою властью, чѣмъ тою монархіей, ограниченной законами и парламентами*, о которой говорили прежніе писатели въ родѣ Фортескью. Дѣло въ томъ, что признавая въ теоріи равновѣсіе и раздѣленіе властей, сторонники парламента урѣзывали прерогативу, доказывая, напр., что король не имѣетъ права отклонять билли, прошедшіе черезъ обѣ палаты, что парламентъ долженъ непосредственно выбирать королевскихъ совѣтниковъ, а король лишь—утверждать представленныхъ ему кандидатовъ, что парламенту принадлежитъ завѣдованіе военною обороною страны и т. п. Въ одномъ анонимномъ памфлетѣ 1642 г. подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя соображенія о взаимныхъ обязанностяхъ короля и народа“ отдается предпочтеніе передъ всѣми формами правленія смѣшанной формѣ, какъ самой прочной и непоколебимой, ибо лишь при ней монархъ, аристократія и народъ имѣютъ каждый столько власти, сколько необходимо для ихъ самостоятельности, такъ что стоитъ лишь одному элементу получить перевѣсъ надъ двумя другими, какъ смѣшанная форма превратится въ тиграннію. Въ другомъ памфлетѣ того же 1642 г. о „Привилегіяхъ палаты общинъ“ доказывается, что общины были призваны къ власти вслѣдствіе того, что аристократія узурпировала королевскія права, а это въ свою очередь было вызвано превращеніемъ монархіи въ тираннію. Другія рѣчи и брошюры восхваляютъ англійскую конституцію за то, что она удачно примиряетъ монархію, аристократію и демократію или прерогативу и свободу и т. п. Между тѣмъ недовѣріе къ Карлу I заставляетъ людей, считающихъ необходимымъ оставить самостоятельность за всѣми тремя чинами государства, всячески ограничивать королевскую прерогативу,—явленіе, которое поражаетъ насъ и въ исторіи составленія французской конституціи 1791 г., которая лишь по формѣ была монархическою, по существу же республиканской. Мало того, и теоретически высказывалась мысль, что права обѣихъ палатъ парламента важнѣе правъ короля и что права одной палаты общинъ важнѣе правъ короля и палаты лордовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Во всякомъ случаѣ произошло то, что одну и ту же конституцію король и парламентскіе вожди понимали совершенно различно, причемъ обѣ стороны думали, что остаются на конституціонной почвѣ: Карлъ I, включая въ конституцію абсолютную власть короля, самъ

этимъ заставилъ парламентскую оппозицію увидѣть въ прерогативѣ опасность для свободы и пожелать ея ограниченія путемъ расширенія правъ нижней палаты, которыя защитникамъ парламентскихъ привилегій представлялись, какъ самыя основныя во всей конституціи.

Выразителемъ такой политической теоріи и главнымъ вождемъ парламентской оппозиціи сдѣлался уже раньше упоминавшійся нами Пимъ, [1]) сомерсетширскій сквайръ, имѣвшій тогда уже подъ шестьдесятъ лѣтъ [2]), одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей первой англійской революціи, энергичный организаторъ, политическій вождь, умѣвшій внушить къ себѣ довѣріе и потому сразу занявшій въ парламентѣ первое мѣсто, какъ старый притомъ боецъ за свободу, посаженный даже въ тюрьму за свое поведеніе въ парламентѣ 1614 года. Онъ уже раньше пользовался большою популярностью въ странѣ: передъ собраніемъ долгаго парламента онъ объѣхалъ всю Англію, всюду возбуждая избирателей къ энергичному протесту, такъ что вновь избранные члены, большая часть коихъ впервые попала въ парламентъ, уже заранѣе привыкала видѣть въ немъ своего вождя. Еще болѣе придавало ему вѣса и то обстоятельство, что у него была ясная идея относительно неизбѣжнаго, какъ онъ предвидѣлъ, столкновенія конституціонныхъ элементовъ, которое ставило другихъ дѣятелей втупикъ, такъ какъ для такихъ случаевъ не было ни подходящихъ законовъ, ни прецедентовъ. Стоя теоретически на той точкѣ зрѣнія, что королевская прерогатива и народная свобода опредѣляются закономъ, что одна является поддержкою другой, пока каждая не выходитъ изъ своей сферы, и даже доказывая (въ обвинительной рѣчи противъ Страффорда), что въ противномъ случаѣ или побѣда прерогативы повлечетъ за собою тираннію, или, наоборотъ, установится анархія, разъ свобода подкопается подъ прерогативу, Пимъ на практикѣ держался того мнѣнія, что въ англійской конституціи парламенту принадлежитъ болѣе важное значеніе, чѣмъ коронѣ, и что самую важную часть парламента представляетъ собою именно палата общинъ; въ этой его идеѣ, нашедшей многочисленныхъ сторонниковъ, *заключалась въ общихъ очертаніяхъ не конституція прежней Англіи, а конституціи Англіи будущей*, Англіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ именно смыслѣ на старыхъ своихъ основахъ и развивалось дѣйствительно англійское государственное устройство путемъ постепенныхъ переходовъ, но конечная цѣль ихъ была такимъ образомъ уже намѣчена въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка, и хотя идея Пима не соотвѣтствовала тому, что представляла собою современная ему англійская

---

[1]) См. выше, стр. 441.

[2]) Пимъ родился въ 1584 г. Біографія его въ соч. Форстера „Statesmen of the commonwealth".

конституція, тѣмъ не менѣе идея эта все-таки была къ ней ближе и абсолютистическихъ толкованій конституціи Стюартами, и республиканскаго режима, который думали установить въ Англіи индепенденты: въ странѣ не было элементовъ ни для абсолютизма, ни для республики, а тѣ элементы, изъ коихъ созидался государственный строй Англіи, развивались именно въ направленіи, уже намѣченномъ въ идеѣ о томъ, что самую существенную часть конституціи составляла палата общинъ. Долгій парламентъ прямо на фактахъ сталъ доказывать это положеніе, да и самое установленіе въ Англіи республики, какъ мы еще увидимъ, было не столько дѣломъ принципа, сколько политической необходимости, созданной тѣмъ, что послѣ побѣды надъ королемъ и лордами нижняя палата долгаго парламента фактически сдѣлалась единственною властью въ государствѣ.

Что побѣда должна была склониться на сторону парламента, это было весьма естественно въ виду всеобщаго раздраженія на систему Страффорда и нравственнаго авторитета, коимъ пользовался парламентъ въ населеніи. Карлъ I въ 1640 г. совсѣмъ упалъ духомъ, тогда какъ парламентъ былъ особенно крѣпокъ тѣмъ, что въ немъ совсѣмъ еще не существовало тогда партій, и его единодушіе, поддерживаемое народнымъ сочувствіемъ, было такою силою, какой не было въ распоряженіи короля. Вотъ почему съ самаго же начала *долгій парламентъ дѣйствуетъ такъ смѣло и энергично*, *а Карлъ I ему*, *наоборотъ*, *уступаетъ и ничего рѣшительнаго противъ него не предпринимаетъ*, правда, съ затаенною мыслью взять назадъ свои уступки, разъ обстоятельства позволятъ дѣйствовать болѣе твердо. Однимъ изъ первыхъ актовъ долгаго парламента было потребовать во всѣхъ графствахъ составленія списковъ чиновниковъ, приводившихъ въ исполненіе незаконныя предписанія правительства, и начать процессъ противъ Страффорда по обвиненію въ государственной измѣнѣ: парламентъ открылся 3 ноября, а 11-го Страффордъ былъ уже пасаженъ въ Тоуеръ. Двое министровъ поспѣшили спастись бѣгствомъ, а Лоудъ былъ тоже арестованъ (въ декабрѣ), за нимъ—еще одинъ изъ судей, доказывавшихъ законность корабельной подати (въ февралѣ 1641 г.). Кромѣ того, парламентъ освободилъ изъ тюрьмы упомянутыхъ раньше „мучениковъ", и народъ усыпалъ ихъ путь лаврами, когда они торжественно вступали въ Лондонъ. Рѣшеніе суда по дѣлу Гемпдена было кассированно, а корабельная подать объявлена незаконною. Особымъ статутомъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлялось, что безъ согласія парламента корона не имѣетъ права ни на какіе сборы. По трехгодичному акту (triennal act) парламенты должны были собираться, по крайней мѣрѣ, три раза въ годъ и не распускаться ранѣе пятидесяти дней по открытіи засѣданій. Были уничтожены звѣздная палата и верховная коммиссія. Въ мартѣ 1641 г.

почти единогласно прошелъ въ нижней палатѣ билль объ удаленіи епископовъ изъ верхней палаты. Карлъ I на все давалъ согласіе, какъ не мѣшалъ и процессу противъ Страффорда, рѣшившись, однако, спасти его жизнь и даже давъ ему обѣщаніе, что ни одинъ волосъ не падетъ съ его головы.

Процессъ Страффорда (конецъ марта и начало апрѣля 1641 г.) былъ возбужденъ противъ него по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Стоя на конституціонной точкѣ зрѣнія, съ которой король не можетъ дѣлать неправды (the king cannot wrong), Пимъ во всѣхъ злоупотребленіяхъ правительства обвинялъ Страффорда, подававшаго дурные совѣты, но подсудимый очень искусно защищался, указывая на то, что дѣйствія, вмѣняемыя ему въ вину, не подходятъ ни подъ одинъ парламентскій статутъ, ибо, дѣйствительно, не было ни одного закона, который прилагалъ бы названіе измѣны къ нападенію на учрежденія государства. Тогда парламентъ осудилъ его на основаніи билля of attainder, т.-е. законодательнымъ порядкомъ, пополнивъ пробѣлъ въ законахъ и подведши представившійся случай подъ новое опредѣленіе. Страффордъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Карлъ I, сначала отказавшій въ утвержденіи билля, черезъ нѣсколько же дней послѣ этого далъ свое согласіе на казнь, уступая настойчивымъ представленіямъ королевы, которая говорила, что было бы безразсудно губить себя, спасая Страффорда. Не задолго передъ этимъ она также убѣждала мужа прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ парламента, и уже составлялся съ его вѣдома военный заговоръ, но это сдѣлалось извѣстнымъ Пиму и только удвоило энергію парламента. Казнь Страффорда (май 1641 г.) вызвала ликованія во всей Англіи. До этого момента еще была надежда на примиреніе: шли даже переговоры о томъ, чтобы парламентскіе вожди были назначены на главныя государственныя должности, т.-е. сдѣланы совѣтниками короны, и если бы эта идея осуществилась, *въ Англіи 80 годами раньше образовалось бы парламентарное министерство*, возникшее только въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка и сдѣлавшееся столь характерною принадлежностью государственнаго ея строя въ наше время; въ министерствѣ предполагалось участіе Пима, такъ что его политическая идея осуществилась бы, если бы отвѣтственными совѣтниками короны,—отвѣтственными за всѣ случаи пользованія своею прерогативой, — сдѣлались вожди парламентскаго большинства. Переговоры, впрочемъ, ни къ чему не привели; только, недовѣряя королю, парламентъ добился его соизволенія на билль, по которому парламентъ, созванный въ 1640 г., не могъ быть распущенъ иначе, какъ съ собственнаго его на это согласія. Отказываясь въ данномъ случаѣ отъ пользованія своею несомнѣнною прерогативою, Карлъ I сдѣлалъ эту

уступку, считая, что она и другія уступки, какъ вынужденныя, ни къ чему его не обязываютъ, но понятно, что поведеніе, вытекавшее изъ такого взгляда на свои обязательства, не могло не внушать подозрѣній въ искренности короля. Недовѣріе къ нему проявилось и въ томъ, какъ отнеслись парламентскіе вожди къ Карлу I, когда по прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Шотландіи онъ поѣхалъ въ Эдинбургъ, чтобы уладить лично шотландскія дѣла. Хотя парламентъ, недовольный этой поѣздкой и согласился отсрочить свои засѣданія на время королевскаго отсутствія, но тутъ же были образованы двѣ коммиссіи: одна съ Пимомъ во главѣ для веденія дѣлъ въ Лондонѣ, другая съ Гемпденомъ для сопровожденія Карла I и въ сущности для наблюденія за нимъ. Карлъ I быстро примирился съ шотландцами, сдѣлалъ имъ всевозможныя уступки, но подъ условіемъ отказа съ ихъ стороны отъ какого бы то ни было вмѣшательства во внутреннія дѣла Англіи. Какъ разъ въ это время Ирландія, не чувствуя на себѣ болѣе тяжелой руки Страффорда, раздраженная его деспотизмомъ и отобраніемъ въ одной провинціи половины земель для англійской колонизаціи, возмутилась противъ Англіи; возстаніе приняло католическій характеръ и сопровождалось истребленіемъ протестантовъ, которыхъ, какъ говорятъ, погибло тогда до 50 т. человѣкъ. Уже это одно должно было произвести впечатлѣніе на парламентъ, но инсургенты объявляли вдобавокъ, будто они дѣйствуютъ по порученію короля, называли себя королевской арміей (хотя войско Страффорда раньше уже было распущено) и говорили, что будутъ нападать на всѣхъ, кто осмѣлится наносить ущербъ прерогативѣ короны. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы возстаніе было, дѣйствительно, возбуждено Карломъ I, хотя онъ ошибочно и считалъ его счастливымъ для себя событіемъ. Подавить ирландскій мятежъ можно было только военной силой, которая по конституціи должна была находиться подъ верховнымъ начальствомъ короля, а это немало значило въ его борьбѣ съ парламентомъ. Весьма естественно, что въ парламентѣ этого опасались: вѣрили въ участіе короля въ этомъ дѣлѣ, думали, что совпаденіе мира съ шотландцами и возстанія ирландцевъ произошло не спроста, ожидали новыхъ событій въ томъ же направленіи, грозившемъ парламенту, и потому боялись довѣрить королю военную силу, которая могла бы соединиться съ ирландскими инсургентами, вмѣсто того, чтобы идти противъ нихъ сражаться. Гемпденъ извѣщалъ Пима обо всемъ, что узнавалъ относительно Карла I, его намѣреній и дѣйствій, и парламентскій вождь уже тогда сталъ формировать милицію для защиты парламента подъ начальствомъ графа Эссекса—будущее парламентское войско.

Къ этому моменту относится образованіе въ домомъ парламентѣ партій. Сначала, когда дѣло шло о прекращеніи злоупотребленій, въ немъ господствовало замѣчательное единодушіе, и даже предложеніе

о томъ, чтобы настоящій парламентъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго на то согласія, было сдѣлано будущими защитниками королевской прерогативы, несмотря на прямо революціонный характеръ этого предложенія, ограничивавшаго корону въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ ея правъ—созывать, отсрочивать и распускать парламентъ, который теперь дѣлался постоянною политическою силою. Но въ концѣ 1641 г. *произошло образованіе въ парламентѣ особой королевской партіи*, что было началомъ реакціи въ самомъ парламентѣ противъ дальнѣйшаго развитія требованій, предъявлявшихся королю со стороны парламента въ смыслѣ все большаго и большаго ограниченія прерогативы, хотя желая остановиться на сдѣланныхъ пріобрѣтеніяхъ и на сохраненіи старыхъ законовъ о взаимныхъ отношеніяхъ властей, эти роялисты, консерваторы и легитимисты, не были вовсе сторонниками того абсолютизма, къ коему стремились сами Стюарты. Съ другой стороны, были люди, коимъ казались, наоборотъ, недостаточными данныя Карломъ гарантіи, и, зная характеръ короля, они были правы; но требуя еще бóльшихъ гарантій, они уже сходили съ почвы традиціонныхъ отношеній между тремя главными конституціонными силами и выводили англійское государственное устройство на новую дорогу. *Это раздѣленіе политическихъ людей Англіи на консерваторовъ и либераловъ*, выражаясь политическими терминами нашего времени, *не прекратилось съ исчезновеніемъ повода, который далъ ему начало*: черезъ сорокъ лѣтъ оно возобновилось по иному случаю, партіи получили названіе торіевъ и виговъ, и послѣ этого,—особенно благодаря образованію въ XVIII вѣкѣ парламентарнаго министерства изъ вождей большинства въ нижней палатѣ,—Англія всегда управлялась одною изъ этихъ партій, сохранившихъ свои названія и до сихъ поръ, хотя послѣднія теперь уже уступаютъ мѣсто болѣе современнымъ названіямъ консерваторовъ и либераловъ. Въ исторіи Англіи вообще поражаетъ насъ непрерывность ея учрежденій съ древнѣйшихъ временъ до вчерашняго дня, и вотъ уже два съ половиною вѣка существуютъ въ этой странѣ двѣ великія политическія партіи, изъ которыхъ одна въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка получила названіе „кавалеровъ", другая—„круглоголовыхъ". Но уже тогда дѣло усложнялось, однако, тѣмъ, что, защищая прерогативу, роялисты должны были сблизиться съ другими сторонниками королевской власти, учившими о ея всемогуществѣ, а среди круглоголовыхъ произошло въ свою очередь позднѣе новое раздѣленіе — на конституціоналистовъ и республиканцевъ.

Событіемъ, которое впервые повело къ раздѣленію парламента на партіи, было внесеніе Пимомъ въ нижнюю палату „великой ремонстранціи [1]): въ формѣ петиціи къ королю былъ составленъ документъ,

[1]) Forster. The great remonstrance.

въ коемъ перечислялись старыя злоупотребленія, устраненныя парламентомъ, и указывались новыя затрудненія, встрѣчающіяся на его пути, въ сущности же это было нѣчто въ родѣ аппеляціи на короля къ народу. Тѣ, которые были противъ подачи ремонстранціи, доказывали совершенную ненадобность подобнаго акта послѣ того, какъ злоупотребленія были отмѣнены, но Пимъ именно считалъ нужнымъ придать дѣлу наибольшую гласность. По поводу его предложенія произошла въ парламентѣ страстная борьба между двумя противоположными мнѣніями, причемъ на сторону, противную Пиму, стали Гайдъ (впослѣдствіи лордъ Кларендонъ) и Фальклапдъ, изъ коихъ одинъ считалъ достаточными данныя королемъ обезпеченія, а другой боялся узкаго догматизма пуританъ, находившихся въ рядахъ оппозиціи. Ремонстранція была все-таки принята большинствомъ 11 голосовъ (159 противъ 148) и представлена (1 декабря 1641 г.) королю, вернувшемуся изъ Шотландіи, но принята имъ холодно. Къ этому времени общественное возбужденіе достигло уже значительной силы. Въ защиту палатъ составлялись въ графствахъ особыя общества. На улицахъ Лондона происходили волненія. Лондонское простонародье взялось защищать парламентъ, и когда однажды собравшуюся толпу обозвали „круглоголовыми“ (roundheads, по тогдашней привычкѣ коротко стричь волосы, тогда какъ джентельмены отпускали волоса почти до плечъ), а круглоголовые стали бранить „кавалерами“ разныхъ авантюристовъ и солдатъ, стоявшихъ на сторонѣ короля, то клички эти мало по малу сдѣлались названіями обѣихъ партій, хотя послѣднія состояли одинаково изъ джентельменовъ. Особенно несогласіе верхней палаты на билль объ исключеніи епископовъ вызвало сильные безпорядки въ городѣ.

Скоро дѣло дошло до окончательнаго разрыва парламента съ королемъ [1]). Карлъ I задумалъ нанести ударъ вождямъ оппозиціи, Пиму, Гемпдену и еще тремъ членамъ палаты общинъ, а также одному лорду, обвинивъ ихъ передъ верхней палатой въ государственной измѣнѣ за сношенія съ шотландцами и потребовавъ ихъ выдачи. Такъ какъ королевское требованіе, нарушавшее привилегію членовъ парламента, послѣднимъ не было уважено, Карлъ I на другой день (4 янв. 1642 г.) лично явился ихъ арестовать, подбиваемый къ тому особенно своей женой, которой онъ обѣщалъ вернуться неограниченнымъ господиномъ королевства. При извѣстіи о его прибытіи въ палату, пять членовъ, выдачи коихъ онъ требовалъ, заблаговременно удалились. Не видя Пима на его обычномъ мѣстѣ, король нѣсколько разъ спрашивалъ, гдѣ находится онъ и его товарищи, но палата хранила глубокое молчаніе. Тогда онъ обратился съ вопросомъ своимъ лично къ спикеру

---

[1]) Forster. Arrest of the five membres by Charles I.

палаты, но тотъ палъ передъ нимъ на колѣни и отвѣчалъ, что здѣсь у него нѣтъ ни глазъ, ни ушей, и что онъ можетъ видѣть и слышать лишь то, что прикажетъ ему палата. Разгнѣванный король замѣтилъ, что у него самого глаза не хуже, чѣмъ у другихъ, сталъ вглядываться въ лица членовъ палаты и, вполнѣ убѣдившись, что между ними не было ни одного изъ пятерыхъ, сказалъ, что хотя „птицы и улетѣли“, тѣмъ не менѣе онъ надѣется, что ихъ ему доставятъ, а не то онъ и самъ можетъ ихъ достать. Случись такъ, что пять членовъ находились бы тогда на своихъ мѣстахъ, замѣчаетъ одинъ современникъ, и позови король солдатъ для произведенія ареста, тутъ же могло бы произойти кровопролитіе. Пимъ и Гемпденъ съ товарищами нашли убѣжище въ Сити, ихъ королю не выдали, и когда Карлъ I возвращался домой, въ народѣ кричали въ слѣдъ: „привилегія!“ Когда вскорѣ онъ, узналъ о томъ, что пять членовъ съ торжествомъ должны были вернуться въ палату, онъ поспѣшилъ покинуть Лондонъ (начало января 1642 г.). Обѣ стороны уже готовились къ войнѣ, на которую Карлъ I теперь рѣшился окончательно и передъ которой не отступала и палата общинъ. Хотя билль объ исключеніи епископовъ изъ палаты лордовъ и прошелъ въ этой послѣдней и получилъ королевскую санкцію, но какой оборотъ принимало дѣло, можно видѣть изъ того, что палата особымъ биллемъ (militia bill) хотѣла отдать военную команду въ каждомъ графствѣ преданнымъ парламенту лицамъ, на что Карлъ I уже не далъ своего согласія. Готовясь къ борьбѣ, каждая сторона должна была собственною властью безъ участія другой составлять свое войско, и обѣ такимъ образомъ сошли съ легальной почвы конституціи. Когда король явился въ Гулль и пожелалъ, чтобы его пустили въ тамошній арсеналъ, губернаторъ, въ почтительныхъ выраженіяхъ и стоя на колѣнахъ, отказался исполнить это желаніе, за что получилъ похвалу парламента, но это послѣднее обстоятельство вызвало удаленіе изъ парламента роялистической партіи (32 перовъ и 60 коммонеровъ), приверженцы коей думали, однако, отклонить Карла I отъ его воинственныхъ намѣреній, дѣйствуя въ этомъ отношеніи солидарно со всею Англіей. Роялисты присоединились къ Карлу I въ Іоркѣ, но ихъ удаленіе изъ парламента только усилило послѣдній, возвративъ ему однородность состава. Въ то время у короля не было ни денегъ, ни оружія, тогда какъ парламентъ, наоборотъ, имѣлъ и то, и другое. Впрочемъ, парламентъ сдѣлалъ попытку примиренія, предложивъ свои условія въ 19 параграфахъ. *Эти парламентскія требованія 1642 г. замѣчательны тѣмъ, что главнѣйшія изъ нихъ осуществились въ XVIII столѣтіи*, но не путемъ законодательныхъ актовъ, а путемъ, такъ сказать, возникновенія обычнаго государственнаго права, которое и до сихъ поръ сохра-

няетъ всю свою силу и все свое значеніе: эти требованія, вытекавшія изъ крайняго недовѣрія, съ какимъ парламентъ относился къ Карлу I, были, кромѣ того, естественнымъ выводомъ изъ новыхъ политическихъ идей, развивавшихся въ парламентскихъ рѣчахъ и памфлетной публицистикѣ, такъ что не мудрено, если король, уже рѣшившійся на войну, отвѣчалъ на предложенныя ему условія отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что, принявъ условія, онъ превратился бы въ простой призракъ монарха. Хотя парламентскія требованія 1642 г. и были отвергнуты, тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія, какъ характеризующія тогдашнія стремленія долгаго парламента и какъ политическія начала, коимъ суждено было осуществиться въ государственной жизни Англіи, хотя и не въ то время, не тѣмъ путемъ и не въ томъ видѣ, какъ объ этомъ думали парламентскіе вожди 1642 г. Самое главное ихъ желаніе заключалось въ томъ, чтобы король бралъ себѣ совѣтниковъ по указанію парламента и ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія, а также назначеніе на другія важныя государственныя должности и возведеніе въ перы должны были совершаться лишь съ одобренія парламента; далѣе, подъ контроль палатъ должны были быть поставлены браки въ королевской семьѣ и воспитаніе королевскихъ дѣтей; созваніе милиціи также должно было зависѣть отъ парламента; требовались и церковныя реформы въ пуританскомъ духѣ. — Когда стало ясно, что примиреніе невозможно, парламентъ выбралъ особый комитетъ общественной безопасности, въ составъ коего вошли Пимъ и Гемпденъ, а 12 іюля 1642 г. было сдѣлано постановленіе о собраніи арміи „для защиты короля и парламента“ [1]) подъ начальствомъ графа Эссекса, коему было поручено посредствомъ сраженія или какимъ-либо инымъ способомъ освободить короля отъ злокозненныхъ совѣтниковъ, чтобы возвратить его парламенту, а въ октябрѣ того же года произошла первая битва.

Въ междоусобной войнѣ короля съ парламентомъ, въ вооруженной борьбѣ кавалеровъ и круглоголовыхъ, такъ сказать, столкнулись двѣ разныя Англіи, отличавшіяся одна отъ другой и въ территоріальномъ, и въ соціальномъ отношеніяхъ. На сторонѣ короля стояла сѣверо-восточная часть королевства, сильно отставшая въ культурномъ и экономическомъ отношеніи отъ болѣе просвѣщеннаго и зажиточнаго юго-востока, ставшаго на сторону парламента: на сѣверо-западѣ были именно сильны тѣ соціальные элементы, которые примкнули къ кавалерамъ, тогда какъ на юго-востокѣ, наоборотъ, они были слабѣе, но за то здѣсь болѣе находилось такихъ элементовъ, какіе были

[1]) Сравни аналогичную фикцію во время нидерландской революціи (выше. стр. 325 и слѣд.).

рѣже и незначительнѣе въ другой части. Къ партіи кавалеровъ присоединились католики, коихъ было много въ Валисѣ, высшее англиканское духовенство, сторонники епископальной церкви, оксфордскій университетъ, но главнымъ образомъ феодальная знать, особенно сильная въ сѣверныхъ графствахъ, гдѣ она еще жила и старыми традиціями, и старыми отношеніями. Парламентская Англія, гдѣ находились самые значительные города и порты, заводы и арсеналы, была и населеннѣе, и богаче, и преобладающій соціальный элементъ здѣсь составляли именно тѣ классы, въ которыхъ заключалась вся сила нижней палаты, джентри и купечество, а въ религіозномъ отношеніи это была именно та часть Англіи, гдѣ особенно былъ силенъ пуританизмъ. Любопытно, что въ виду нерасположенія пуританъ къ зрѣлищамъ драматическіе писатели, актеры, даже балаганные увеселители стали на сторону королевской партіи. Основнымъ чувствомъ, соединявшимъ роялистовъ подъ знаменами короля, была своего рода лойяльность, заставлявшая ихъ видѣть въ круглоголовыхъ—бунтовщиковъ, но была разница, напр., между епископалами, защищавшими идею королевскаго абсолютизма, и такими джентельменами, которые считали себя какъ бы связанными съ королемъ узами лишь вассальной вѣрности: это была старая Англія, Англія прошлаго, та, которую создавали средневѣковыя силы католицизма и феодализма, и не даромъ настоящіе католики примкнули къ этой партіи. Противъ этого лагеря боролась другая Англія, Англія будущаго, та, въ коей сильны были начала новаго времени—протестантизмъ и государственная идея, отрицавшая феодализмъ. У обѣихъ партій были свои политическіе и религіозные принципы, и борьба между представителями противоположныхъ началъ породила, какъ мы упоминали, цѣлую брошюрную литературу. Первое время междоусобіе отличалось даже нѣкоторою сдержанностью обѣихъ сторонъ: многое казалось одинаково непозволительнымъ и джентельменамъ, считавшимъ своимъ долгомъ сражаться за короля, и суровымъ пуританамъ, также по чувству долга взявшимся за оружіе въ защиту свободы и жертвовавшимъ жизнью и достояніемъ своимъ въ этой борьбѣ за принципы. Но съ теченіемъ времени обѣ стороны вынуждены были прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, какія вообще бываютъ въ ходу при всякихъ междоусобіяхъ, хотя во главѣ обѣихъ сторонъ стояли джентельмены. Что касается до народной массы, особенно сельской, то она не была глубоко затронута этой политической борьбой: „великій мятежъ“ не сопровождался кровавыми народными бунтами, а когда война затянулась, населеніе во многихъ мѣстностяхъ устраивало нѣчто въ родѣ вооруженнаго нейтралитета, чтобы не пускать къ себѣ военныхъ отрядовъ, чьи бы интересы они ни защищали, начало громко выражать желаніе, чтобы война поскорѣе прекратилась.

Во время междоусобія умерли одинъ за другимъ Гемпденъ, тяжело раненый въ одной стычкѣ, и Пимъ (послѣдній въ декабрѣ 1643 г.), успѣвшій, однако, организовать защиту парламента и союзъ съ шотландцами, и на ихъ мѣсто выдвигается Оливеръ Кромвель, имя котораго отмѣчаетъ новый фазисъ въ развитіи событій, называемыхъ первою англійскою революціей. Ему, главнымъ образомъ, былъ обязанъ парламентъ окончаніемъ войны съ королемъ. Сначала перевѣсъ въ этой вооруженной борьбѣ былъ на сторонѣ роялистовъ (битва при Эджгиллѣ, первая въ войнѣ въ 1642 г. и другіе военные успѣхи лучше обученной королевской арміи), но потомъ побѣда стала склоняться и совсѣмъ перешла на сторону парламента (битвы при Мэрстонъ-Мурѣ въ іюлѣ 1644 г., при Ньюбери въ октябрѣ того же года и при Нэзби въ іюлѣ 1645 г.), благодаря преимущественно новой силѣ—индепендентамъ. Но *окончаніе войны съ Карломъ I, вынужденнымъ послѣ битвы при Нэзби удалиться къ шотландцамъ, совпало по времени съ возникновеніемъ разлада среди самихъ круглоголовыхъ.*

XXXVI. Выступленіе индепендентовъ [1]).

Пресвитеріане и индепенденты.—Религіозныя отношенія въ Англіи въ эпоху долгаго парламента.—Союзъ съ шотландцами и побѣда пресвитеріанизма въ парламентѣ.—Причины неудачи пресвитеріанъ.—Характеръ пресвитеріанизма и отношеніе къ нему Мильтона.—Индепенденты, анабаптисты, квакеры.—Историческое значеніе индепендентства.—Оливеръ Кромвель и «желѣзнобокіе».—Билль о самоотреченіи.—Индепендентская армія.—Ея политическія стремленія.—Начало разлада парламента съ арміей.

Въ исторіи англійской революціи мы вообще наблюдаемъ соединеніе партій политическихъ съ партіями религіозными, и самая революція была не только столкновеніемъ между королевской прерогативой, стремившейся къ абсолютизму, и парламентскими привилегіями, отстаивавшими свое существованіе, но и между англиканской церковью, созданной королевскою реформаціей, и пуританизмомъ, который сдѣлался реформаціей народной. Но среди самихъ круглоголовыхъ произошелъ разрывъ, имѣвшій и политическое, и религіозное значеніе: между

---

[1]) Объ Оливерѣ Кромвелѣ существуетъ значительная литература. Carlyle. Oliver Cromwells letters und speeches with elucidations.—Brosch. Oliver Cromwell und die puritanische Revolution.—Picton. Oliver Kromwell.—Hoenig. Oliver Cromwell.—Н. А. Осокинъ. Личный и историческій характеръ Оливера Кромвеля.—М. М. Ковалевскій. Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи (Кіевскій Сборникъ 1892 г.). О Мильтонѣ см. Masson. The life of John Milton.—A. Stern. John Milton und seine Zeit. О Генри Венѣ вышеуказанная (стр. 417) книга С. Ѳ. Фортунатова.

ними возникли въ свою очередь двѣ партіи, изъ коихъ *одна желала сохранить въ Англіи конституціонную монархію, а другая установить республику, а вмѣстѣ съ этимъ и въ пуританизмѣ проявилось два теченія—пресвитеріанское и индепендентское.* Это новое раздѣленіе на партіи было какъ бы продолженіемъ стараго, ибо и тутъ извѣстнымъ традиціямъ, съ одной стороны, были противопоставлены совершенно новые принципы, съ другой: традиціей пресвитеріанъ была старая монархія, хотя бы и измѣненная новыми постановленіями, и прежнее церковное единовѣріе, хотя бы и въ пресвитеріанской, а не въ епископальной формѣ, индепенденты же стояли за республику и религіозную свободу.

Религіозныя отношенія въ Англіи были въ эту эпоху весьма сложны. Извѣстно, что въ этой странѣ, еще въ царствованіе Генриха VIII были единичные протестанты, не подчинявшіеся королевской реформаціи, но особенно усилился такой непризнанный протестантизмъ въ царствованіе Елизаветы. Англиканская церковь и правительство одинаково преслѣдовали и католиковъ, и протестантовъ, не желавшихъ подчиниться акту объ единообразіи, не дѣлая никакихъ различій между разными оттѣнками пуританизма, хотя въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. рядомъ съ направленіемъ, болѣе или менѣе кальвинистическимъ, зарождалось другое, изъ коего выросло позднѣйшее сектантство [1]). Преслѣдованія не дали развиться тѣмъ противоположностямъ, которыя образовались въ пуританизмѣ, и наиболѣе крайніе его оттѣнки даже совсѣмъ не могли развиваться въ Англіи, такъкакъ представители религіозныхъ мнѣній, особенно сильно шедшихъ въ разрѣзъ съ установленною церковью, предпочитали выселяться изъ родины въ сосѣднюю Голландію, позднѣе въ Америку, такъ какъ на чужбинѣ, особенно за океаномъ, имъ легче было осуществить свои стремленія. Другая фракція пуританъ желала реформы установленной церкви въ болѣе протестантскомъ и демократическомъ смыслѣ, не нарушая принципа государственнаго единовѣрія, а въ этомъ отношеніи для нихъ примѣромъ могла служить шотландская протестантская церковь, которая, какъ и епископальная въ Англіи, была государственною, отличаясь такою же исключительностью и нетерпимостью. Когда Лоудъ началъ приближать англиканизмъ къ католицизму, на сторону пуританской оппозиціи стали и многіе приверженцы самой англиканской церкви, но въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до новшествъ, введенныхъ Лоудомъ. Такимъ образомъ *пуританизмъ заключалъ въ себѣ весьма различные оттѣнки, начиная отъ болѣе умѣреннаго англиканизма и кончая наиболѣе крайнимъ сектантствомъ.* Петиція тысячи, которая почти за сорокъ лѣтъ

---

[1]) См. выше. стр. 228 и слѣд.

до начала междоусобной войны, требовала у Іакова I церковныхъ преобразованій, исходила отъ сторонниковъ пуританизма, наиболѣе мирившагося съ учрежденіями установленной церкви [1]). Позднѣе многіе вооружались противъ епископальнаго устройства лишь потому, что прелаты поддерживали королевскій абсолютизмъ, и этимъ объясняется, какъ чисто политическая мѣра, исключеніе епископовъ изъ верхней палаты. Между тѣмъ въ парламентѣ существовали люди, которые желали уничтоженія самого епископата и реорганизаціи церкви на началахъ пресвитеріанскихъ, подобныхъ шотландскимъ, но, напр., Пимъ, который вмѣстѣ съ другими вождями палаты общинъ былъ умѣреннымъ епископаломъ, долго этому сопротивлялся, хотя на сторонѣ пресвитеріанъ былъ другой видный дѣятель парламента—Гемпденъ. Рано или поздно, однако, *пресвитеріанизмъ долженъ былъ одержать побѣду въ долгомъ парламентѣ*, и причины этого были слѣдующія. Во-первыхъ, епископы и большинство духовныхъ лицъ, преданныхъ епископализму, были на сторонѣ короля, когда началось междоусобіе, и это было на руку парламентскимъ пресвитеріанамъ. Во-вторыхъ, въ войнѣ съ Карломъ I, который спѣшилъ мириться съ голландцами, чтобы воспользоваться ихъ силами для борьбы съ англійскимъ парламентомъ, послѣднему выгодно было имѣть на своей сторонѣ шотландцевъ, снова ставшихъ въ рѣзкія отношенія къ королю и въ свою очередь сознававшихъ, что для независимости ихъ родины нужна побѣда парламента въ Англіи. Послѣднимъ дѣломъ Пима и было заключеніе союза съ Шотландіей, переговоры о которомъ велись Генри Веномъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей и писателей этой эпохи, шотландцы же первымъ условіемъ поставили единство вѣры, т.-е. принятіе Англіей пресвитеріанства, что опять усиливало пресвитеріанскую партію въ парламентѣ. По заключенному съ Шотландіей ковенанту (сентябрь 1643 г.) англійскій парламентъ между прочимъ обязался самымъ торжественнымъ образомъ привести церкви трехъ королевствъ (Англіи, Шотландіи и Ирландіи) къ полному единообразію въ вѣрѣ, въ устройствѣ, въ культѣ и обученіи вѣрующихъ и истреблять папизмъ, прелатство, суевѣріе и расколы. Парламентъ послѣ этого съ особой коммиссіей изъ богослововъ занялся реформой государственной церкви въ новомъ направленіи. *Побѣда пресвитеріанъ не могла быть, однако, прочною.* Англійскій парламентъ принялъ шотландскую церковную систему главнымъ образомъ по соображеніямъ политическимъ, тогда какъ шотландцы на первый планъ выдвигали именно вопросъ церковный. Во-вторыхъ, если въ Англіи и было много пуританъ, то изъ этого еще не слѣдовало, чтобы

---

[1]) Ср. выше, стр. 440.

всѣ они были сторонниками шотландскаго пресвитеріанизма, а многимъ даже казалось обиднымъ для національной гордости подчиняться чужой церковной системѣ. Въ-третьихъ, многіе въ Англіи не могли примириться съ той суровой дисциплиной, съ тѣмъ полицейскимъ вмѣшательствомъ, которыя введены были въ Шотландіи реформаторами женевской школы [1]) и стали переноситься въ Англію. Вообще англійскій пуританизмъ къ серединѣ XVII в. становился все болѣе суровымъ, мрачнымъ, нетерпимымъ, особенно нетерпимымъ къ свѣтскому образу жизни, къ театральнымъ представленіямъ, къ литературѣ англійскаго Ренессанса, и лишь наиболѣе выдающіеся умы изъ диссидентскаго лагеря не подчинялись узкому фанатизму, развившемуся среди пуританъ подъ вліяніемъ гоненій и преслѣдованій, которымъ они подвергались. Понятно, что шотландская система, бывшая сколкомъ съ женевской во времена Кальвина, пришлась по душѣ англійскимъ пресвитеріанамъ, но она была несносна тѣмъ англичанамъ, которые не принадлежали къ строгимъ пуританамъ, стремленіе же подчинить всѣхъ пресвитеріанскому единовѣрію должно было встрѣтить отпоръ со стороны сектантовъ, стоявшихъ за свободу совѣсти. Наконецъ, веденіе политическихъ дѣлъ пресвитеріанами не было особенно удачно, отчасти благодаря непослѣдовательности, ими оказанной въ этомъ отношеніи. Они держались упорно фикціи, что ведутъ войну „за короля, королевство и парламентъ", а ихъ генералы, среди коихъ были представители аристократіи, думали не столько о томъ, чтобы нанести Карлу I окончательное пораженіе, сколько о томъ, чтобы довести его до крайности и тѣмъ принудить вступить съ парламентомъ въ переговоры о мирѣ. Но главною причиною неудачи пресвитеріанскаго господства было развитіе въ Англіи болѣе свободнаго направленія, представителями котораго дѣлаются индепенденты. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, нужно сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о пуританизмѣ вообще.

Въ XVI вѣкѣ Англія подчинялась вліянію итальянскаго Ренессанса. Установленіе англиканской церкви правительствомъ и принятіе ея обществомъ вытекали главнымъ образомъ изъ политическихъ мотивовъ, и общій характеръ англійской культуры и литературы въ XVI столѣтіи былъ свѣтскій: достаточно указать на Шекспира и Бэкона, изучавшихъ внутренній міръ человѣка и внѣшнюю природу съ чисто свѣтскихъ точекъ зрѣнія, безъ всякой теологической окраски. *Развитіе въ Англіи пуританизма въ XVII в. было побѣдою протестантизма надъ гуманизмомъ, реформаціи надъ Ренессансомъ*, что представляетъ собою лишь частный случай того общаго явленія, которое

---

[1]) См. выше, стр. 180 и слѣд.

мы наблюдаемъ въ другихъ европейскихъ странахъ [1]). Пуританскій фанатизмъ пугалъ многихъ людей, жившихъ традиціями старой Англіи и идеями того болѣе широкаго пониманія религіи, которое получило названіе латитудинаризма, мирившагося съ болѣе умѣреннымъ и менѣе нетерпимымъ англиканизмомъ. Къ числу такихъ людей, напр., принадлежалъ Фалькландъ [2]), даже потому и порвавшій съ парламентомъ, гдѣ усиливалось пуританское направленіе. Но и въ самомъ пуританизмѣ зарождалось направленіе болѣе широкое, болѣе свободное, чѣмъ шотландское пресвитеріанство, и оно выставило нѣсколько замѣчательныхъ людей. Однимъ изъ нихъ былъ Джонъ Мильтонъ. Родившись (въ 1608 г.) въ пуританской семьѣ, онъ рано поступилъ въ Кембриджскій университетъ, долго въ немъ учился, совершенствуясь въ разныхъ отрасляхъ знанія, и въ молодыхъ годахъ обнаружилъ большой поэтическій талантъ. Онъ готовился къ занятію духовнаго званія, но предпочелъ отъ него отказаться, такъ какъ по совѣсти не могъ дать присягу на вѣрность англиканской церкви съ ея духовнымъ рабствомъ. Въ молодости онъ увлекался свѣтской поэзіей и стремился въ Италію, куда и поѣхалъ по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, превосходно зная итальянскій языкъ и даже пользуясь имъ для своихъ поэтическихъ произведеній: какъ поэтъ, онъ уже былъ извѣстенъ на материкѣ, и въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ, но особенно во Флоренціи—онъ вращался въ кругу ученыхъ (въ Парижѣ подружился съ Гуго Гроціемъ, во Флоренціи—съ Галилеемъ), поэтовъ и художниковъ, которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Изъ Италіи онъ думалъ ѣхать въ Аѳины, но извѣстія изъ Англіи заставили его вернуться на родину и выступить съ рядомъ сочиненій по вопросамъ, волновавшимъ Англію около 1640 г., особенно же противъ епископальной церкви, такъ какъ Мильтонъ уже давно былъ ея противникомъ. Нѣкоторое время онъ былъ сторонникомъ пресвитеріанства, но принципъ религіозной свободы, вытекавшій изъ всего его міросозерцанія, заставилъ его перейти на другую точку зрѣнія. Въ 1644 г. парламентскіе пресвитеріане задумали установить въ Англіи строгую цензуру, и Мильтонъ ополчился противъ нихъ въ своей замѣчательной апологіи свободы печати (Areopagitica), которая представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ сильныхъ сочиненій, какія когда-либо были написаны въ защиту свободы печати [3]). Онъ оставилъ свою пресвитеріанскую точку зрѣнія, нашедши, что слово пресвитеръ значитъ тоже, что и попъ, только иначе написано. Понятно, что узкій

---

[1]) См. т. I, стр. 443 и слѣд. и выше, стр. 233 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 468.

[3]) Ареопагитика была переведена по-русски и помѣщена въ „Современномъ Обозрѣніи“ 1868 г.

пресвитеріанизмъ не могъ быть по душѣ такимъ образованнымъ людямъ, какъ Мильтонъ, но въ этомъ отношеніи они сходились и съ простолюдинами, среди коихъ стало съ особою силою развиваться сектантство.

Сектантство въ Англіи, какъ извѣстно, было явленіемъ старымъ, которое въ сороковыхъ годахъ XVII в. могло уже насчитывать около шести десятковъ лѣтъ существованія, но только во время долгаго парламента оно сразу сдѣлало быстрые успѣхи, между прочимъ, благодаря возвращенію многихъ эмигрантовъ-индепендентовъ на родину. Къ этому времени они успѣли вполнѣ выработать свою систему независимыхъ одна отъ другой церковныхъ общинъ или конгрегацій, откуда ихъ названіе конгрегаціонистовъ или индепендентовъ. Въ то время, какъ другія протестантскія исповѣданія признавали тѣ или другія церковныя организаціи, распространявшіяся на цѣлыя государства и стоявшія подъ властью королей и князей, епископовъ, консисторій и пресвитеріанскихъ синодовъ, *индепенденты были представителями принципа полной общинной автономіи.* Весьма послѣдовательно развивая далѣе свои принципы, они отвергали существованіе опредѣленнаго клира, установленнаго ритуала, такъ что въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ всякій, кто чувствовалъ вдохновеніе, проповѣдовалъ, да и молитвенное настроеніе выражалось равнымъ образомъ внѣ какихъ бы то ни было заранѣе опредѣленныхъ формъ. Какъ и въ нѣмецкомъ анабаптизмѣ XVI в., въ этомъ сектантствѣ *проявлялся съ особою силою религіозный индивидуализмъ*, и мистическое внутреннее откровеніе съ сопровождавшими его пророчествомъ, апостольскою проповѣдью и т. п. создавало особаго рода отношеніе къ откровенію внѣшнему. Что индепендентство относилось къ тому же роду явленій, какъ и нѣмецкій анабаптизмъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и даже среди англійскихъ сектантовъ XVII в. были люди, прямо отдѣлявшіеся отъ господствующей церкви по вопросу о крещеніи взрослыхъ: это были такъ называемые баптисты, поддерживавшіе связи съ Голландіей. Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ они еще не давали чувствовать обществу своего значенія, но возвращеніе эмигрантовъ, общее возбужденіе, вызванное борьбою съ королемъ, паденіе англиканизма, все это способствовало тому, что сразу и съ необыкновенной быстротой новое религіозное движеніе увлекло множество народа. Парламентскіе дѣятели стояли на точкѣ зрѣнія государственной церкви: если они боролись съ королемъ и на религіозной почвѣ, то главнымъ образомъ потому, что и за парламентомъ признавали право установлять религію страны, которая не должна допускать никакого нонконформизма, но въ то время, какъ парламентъ перестраивалъ церковныя учрежденія на пресвитеріанскихъ началахъ, все, что было въ Англіи наиболѣе

проникнуто внутреннею, задушевною религіозностью, далеко уходило отъ принциповъ и традицій государственной церкви, епископальной или пресвитеріанской — все равно. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ одинъ испуганный движеніемъ памфлетистъ насчитывалъ 16 сектъ, отрицавшихъ всякую установленную церковь, а одинъ епископъ говорилъ о существованіи въ одномъ Лондонѣ восьмидесяти конгрегацій, руководимыхъ башмачниками, портными, суконщиками и „тому подобной сволочью". Въ графствахъ также было множество „благочестивыхъ" фермеровъ, приставшихъ къ новому религіозному движенію, и особенно важно было то, что въ политическомъ отношеніи люди, примкнувшіе къ сектантству, были главною опорою парламента, который въ религіозномъ отношеніи держался какъ разъ совсѣмъ иной системы [1]). Подобно тому, какъ крайніе гуситы въ XV в. или анабаптисты въ XVI, индепенденты вдохновлялись ветхозавѣтными идеями, смотрѣли на себя, какъ на избранный народъ Божій, какъ на святыхъ. Мало-помалу индепендентское движеніе *приняло въ соціально-политическомъ отношеніи характеръ демократическій*, о чемъ рѣчь будетъ идти впереди, когда придется говорить о такъ-называемыхъ „левеллерахъ", т. е. уравнителяхъ, но кромѣ того на почвѣ индепендентства развились и другія *движенія, оставившія глубокій слѣдъ на духовной жизни англійскаго народа*. Между сектантами особенно „пророчествомъ" отличались баптисты, „люди пятой монархіи", вѣрившіе въ близкое наступленіе царства Христова на землѣ, антиномисты и перфекціонисты, утверждавшіе, что послѣ искупительной смерти Христовой въ церкви святыхъ Божіихъ, къ коимъ они себя причисляли, нѣтъ уже болѣе грѣха, и т. п., и въ этомъ же броженіи разнообразнѣйшихъ религіозныхъ идей, мистическихъ чаяній, моральныхъ стремленій, зародилось квакерство, которое временно, именно въ пятидесятыхъ годахъ выступало на арену политической борьбы, но и по первоначальному духу своему, и по окончательно выработавшемуся своему характеру представляло собою чисто морально-религіозное ученіе. Вообще нужно замѣтить, что *лишь временно англійское сектантство отличалось бурнымъ, агрессивнымъ, революціоннымъ характеромъ*, вошедши во второй половинѣ XVII в. въ колею мирной гражданской жизни, а квакеры даже, подобно и позднѣйшимъ нѣмецкимъ анабаптистамъ, сдѣлались прямо представителями мирнаго и трудового существованія, отрицающаго всякое противленіе злу, войну и самое военное званіе. Основатель секты Джорджъ Фоксъ, родившійся въ 1621 г., былъ зажиточнымъ кожевенникомъ изъ пуританской семьи, рано углубившимся

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что въ 1645 г. парламентъ билемъ of attainder отправилъ и Лоуда на эшафотъ.

въ изученіе св. писанія и въ религіозныя думы, тревожившія его чуткую совѣсть. Убѣдившись въ томъ, что истина не въ книгахъ, а въ сердцахъ людей, онъ сдѣлался странствующимъ проповѣдникомъ, подвергавшимся за свою экзальтацію насмѣшкамъ, брани, побоямъ, заключенію въ тюрьмѣ, но ничто его не останавливало, и въ концѣ-концовъ своею пламенною проповѣдью онъ пріобрѣлъ не мало сторонниковъ. Онъ имѣлъ видѣнія, которыя ставилъ выше св. писанія, и когда на него находилъ духъ Божій, онъ въ судорогахъ падалъ на землю (откуда кличка quacker, т.-е. дрыгунъ, послѣдователи же Фокса называли себя обществомъ друзей). Квакерство особенно усилилось въ пятидесятыхъ годахъ, когда безсвязныя проповѣди Фокса приведены были въ систему, и само „общество друзей“ получило организацію, а также выступило на политическую сцену въ качествѣ прямо революціонной силы. Систематизаторомъ квакерскаго ученія сдѣлался Робертъ Бэркли (Barclay): оно состояло въ томъ, что догматы и обряды имѣютъ мало значенія въ сравненіи съ благочестивою жизнью, что кто искренне ищетъ Господа, тотъ получаетъ внутреннее откровеніе, имѣющее авторитетъ, равный св. писанію и даже болѣе высокій, что богословская ученость есть не что иное, какъ суемудріе, что присяга и военная служба грѣховны и т. п.

Однимъ словомъ, въ англійской религіозной исторіи середины XVII вѣка *проявились тѣ великія противоположности реформаціоннаго періода*, съ которыми мы уже раньше познакомились на исторіи континенантальныхъ странъ и отчасти самой Англіи въ XVI вѣкѣ: англиканизмъ былъ монархическимъ церковнымъ устройствомъ, пресвитеріанизмъ—республиканскимъ; однообразная государственная религія, на точкѣ зрѣнія которой стояли и кавалеры, защитники епископальной церкви, и круглоголовые-пуритане, отрицалась индепендентами, сторонниками того принципа, что религія есть внутреннее дѣло индивидуума, до котораго государству нечего касаться; наконецъ, и тутъ принципъ индивидуализма въ религіи,—въ его мистическихъ, а позднѣе и раціоналистическихъ проявленіяхъ,—столкнулся съ противоположнымъ принципомъ ограниченія личной вѣры и мысли рамками внѣшняго авторитета и традиціонной ортодоксіи. Какъ и на материкѣ, сектантское движеніе въ Англіи по существу своему было демократическимъ, но и въ Англіи сторонниками нѣкоторыхъ его принциповъ сдѣлались люди, принадлежавшіе къ культурнымъ классамъ общества. Индепендентство увлекло многихъ религіозно настроенныхъ людей изъ образованнаго общества и правящихъ классовъ, благодаря чему его принципы проникли въ литературу и политику, а чрезъ это оказали болѣе положительное вліяніе какъ на духовное развитіе, такъ и на государственную и общественную жизнь, чѣмъ нѣмецкій

анабаптизмъ XVI вѣка. Мильтонъ, ученѣйшій англичанинъ своего времени, величайшій притомъ поэтъ и публицистъ эпохи, сдѣлался однимъ изъ вѣрныхъ представителей индепендентства, перомъ своимъ служа разъясненію и защитѣ его культурныхъ и политическихъ принциповъ, но если индепендентство играло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и видную политическую роль, то этимъ оно обязано преимущественно своему организатору Оливеру Кромвелю.

Оливеръ Кромвель происходилъ по прямой линіи отъ Ѳомы Кромвеля, который при Генрихѣ VIII былъ государственнымъ канцлеромъ и главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ этого короля, какъ и въ проведеніи церковныхъ преобразованій, такъ и въ организаціи той тиранніи, съ какою Генрихъ VIII правилъ Англіей во вторую половину своего царствованія. Родившись въ 1599 г., Оливеръ Кромвель впервые выступилъ на политическое поприще въ 1628 г., благодаря своимъ связямъ съ лицами, которыя принимали близкое участіе въ государственной жизни: его отецъ и трое дядей засѣдали въ парламентахъ конца царствованія Елизаветы, а Гемпденъ, бывшій въ родствѣ или пріятельскихъ отношеніяхъ со многими вліятельными фамиліями, приходился ему двоюроднымъ братомъ. По своему общественному положенію Кромвель былъ помѣщикомъ (сквайромъ), учился недолгое время въ Кембриджѣ, но рано былъ оторванъ отъ научныхъ занятій смертью отца, которая заставила его самого заняться сельскимъ хозяйствомъ. Политика сначала его интересовала мало и только, главнымъ образомъ, съ 1640 года онъ предпочелъ тревоги общественной дѣятельности мирнымъ сельскохозяйственнымъ хлопотамъ. Впрочемъ, если до 1640 г. онъ не игралъ политической роли, то весьма сильно увлекался религіозными вопросами, принадлежа къ пуританской семьѣ и самъ будучи пуританскаго образа мыслей. Его выбирали (въ Кембриджѣ) и въ короткій, и въ долгій парламентъ, гдѣ на первыхъ порахъ онъ обращалъ на себя вниманіе преимущественно своимъ видомъ: высокій, съ краснымъ лицомъ, съ рѣзкимъ голосомъ, онъ былъ и одѣтъ плохо и неряшливо, но рѣчь его звучала страстью, и на вопросъ о томъ, что это за человѣкъ, Гемпденъ отозвался о немъ, какъ о такомъ человѣкѣ, которому, можетъ быть, суждено сдѣлаться первымъ лицомъ въ Англіи. Когда началась междоусобная война, Кромвель съ старшимъ сыномъ своимъ принялъ въ ней дѣятельное участіе, пожертвовалъ на ея веденіе значительную по своему состоянію сумму денегъ и съ самаго же ея начала понялъ, что люди, составлявшіе парламентскую армію, большею частью слуги и ремесленники, не въ состояніи бороться съ кавалерами, а потому находилъ нужнымъ набрать въ войско побольше людей, проникнутыхъ религіознымъ энтузіазмомъ. Весьма скоро Кромвель составилъ кавалерійскій полкъ въ тысячу человѣкъ по своему вкусу и въ этомъ отрядѣ,

получившемъ названіе „желѣзнобокихъ“ (ironsides), установилъ строжайшую дисциплину, не допуская въ немъ ни пьянства, ни какихъ-либо другихъ безобразій до обыкновенныхъ ругательствъ включительно, и это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что въ свой полкъ онъ выбиралъ людей религіозныхъ и дорожилъ „прекрасными людьми“ изъ простолюдиновъ, давая имъ, чего раньше никогда не дѣлалось, и офицерскія мѣста, разъ находилъ ихъ способными ихъ занимать, хотя по всѣмъ своимъ симпатіямъ оставался всегда сквайромъ. Кромвель особенно искалъ для своего отряда подходящихъ людей среди благочестивыхъ фермеровъ, не обращая вниманія на то, насколько ихъ религіозныя вѣрованія совпадали съ его собственными, и въ этомъ отношеніи для него было столь же неважно, какого толка придерживался человѣкъ, какъ и то, на какой ступени общественной лѣстницы онъ стоялъ, лишь бы они были честными людьми и хорошими солдатами, хотя онъ самъ и не раздѣлялъ воззрѣній разныхъ сектантовъ—интепендентовъ, баптистовъ и левеллеровъ, шедшихъ въ его отрядъ. Парламентскіе дѣятели были очень недовольны такимъ составомъ полка Кромвеля, но „желѣзнобокіе“ стали одерживать побѣды, и при Ньюбери ихъ вождь могъ бы окончательно нанести ударъ Карлу I, еслибы пресвитеріанскій генералъ, подъ начальствомъ коего онъ находился, именно графъ Манчестеръ, согласился позволить ему преслѣдовать короля: дѣло въ томъ, что этотъ генералъ не желалъ полной побѣды надъ Карломъ I, все еще стоя на пресвитеріанской точкѣ зрѣнія, будто война ведется „за короля и парламентъ“, тогда какъ Кромвель отвергъ эту фикцію съ самаго начала. Онъ долженъ былъ, однако, подчиниться своему начальнику, но воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ парламентѣ провести свой собственный планъ относительно военныхъ дѣлъ. Послѣднія были, конечно, нерѣдко предметомъ, обсуждавшимся въ парламентѣ, что однажды дало Кромвелю случай произнести рѣчь, въ коей онъ доказывалъ непригодность прежняго способа веденія войны: между прочимъ, онъ указывалъ на недовольство народа, который объясняетъ себѣ продолжительность войны желаніемъ важныхъ господъ въ парламентѣ подольше сохранить за собою свои мѣста; по его мнѣнію, успѣшно вести войну можно было, только преобразовавъ армію; особенно же онъ напалъ на генераловъ, „боявшихся побѣды“, опасавшихся оказаться измѣнниками въ глазахъ короля, и потому настаивалъ, что начальство въ арміи нужно перемѣнить. Эта рѣчь Кромвеля не была простою критикою поведенія начальниковъ, подобныхъ графу Манчестеру: практическій выводъ изъ нея заключался въ „биллѣ о самоотреченіи“, внесенномъ въ парламентъ Кромвелемъ и Генри Веномъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей возникавшей индепендентской партіи. Дѣло заключалось въ томъ, что члены парламента, занимав-

шіе какія-либо военныя или гражданскія должности, должны были отъ нихъ отказаться. Венъ даже самъ сложилъ съ себя должность по завѣдованію финансами, которую занималъ по порученію парламента. Исполнить требованіе Кромвеля по отношенію къ войску обѣ палаты долго не рѣшались, ибо отнять военную команду у своихъ членовъ значило порвать тѣсныя связи, существовавшія между народнымъ представительствомъ и арміей, но въ концѣ-концовъ въ апрѣлѣ 1645 г. парламентскіе генералы должны были уступить свое мѣсто главнокомандующему, взятому внѣ парламента, именно Ферфаксу, который, впрочемъ, при реорганизаціи войска, требовавшейся всѣми обстоятельствами минуты, дѣйствовалъ не иначе, какъ по указаніямъ Кромвеля. Для послѣдняго настала теперь пора распространить на все парламентское войско порядки, существовавшіе въ его отрядѣ „желѣзнобокихъ", благодаря чему *англійское индепендентство получило военную организацію*, и рядомъ съ парламентомъ, въ коемъ преобладали пресвитеріане-конституціоналисты, явилась новая сила—индепендентская армія, мало-по-малу въ политическомъ отношеніи перешедшая на ту точку зрѣнія, что единственною законною формою правленія должна была быть республика. *Возникновеніе индепендентской арміи и опиравшейся на нее республиканской партіи* составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи англійской революціи, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году, какъ началась реорганизація парламентскаго войска, въ коемъ Кромвель съ разрѣшенія парламента сохранилъ свою команду, была одержана надъ королемъ побѣда при Нэзби (1645), заставившая его, какъ извѣстно, послѣ нѣсколькихъ новыхъ неудачъ, бѣжать къ шотландцамъ (1646).

Индепендентское войско было однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ явленій этой бурной эпохи. Сравнивая его съ войскомъ Валленштейна, впервые составившимся лишь за двадцать лѣтъ передъ этимъ, мы не только находимъ между ними значительную разницу, но во многихъ отношеніяхъ полную противоположность. Офицеры и солдаты католическаго кондотьера, какъ и самъ онъ, были большею частью авантюристы, сражавшіеся ради наживы или честолюбивыхъ цѣлей, не связанные никакими узами высокихъ принциповъ, и эту армію составлялъ всякій сбродъ, грабившій и убивавшій мирныхъ жителей, жадный до добычи, развращенный и лишенный всякаго пониманія тѣхъ событій, въ коихъ ему пришлось участвовать. Англійская армія „новаго образца" (new model), какъ она стала называться, была, напротивъ того, одушевлена сознаніемъ, что сражается за дѣло политической и религіозной свободы, и не смотря на различіе общественныхъ положеній, занимавшихся ея офицерами, среди коихъ были и джентельмены и простолюдины, всѣхъ ихъ связывало одно общее дѣло, ради котораго

люди бросали свои семьи, насиженныя мѣста, прибыльныя занятія, жертвовали своимъ имуществомъ, даже содержали себя на войнѣ на собственный счетъ. Лондонское пресвитеріанское духовенство и самъ парламентъ, какъ было сказано, весьма косо смотрѣли на то, что Кромвель принималъ въ свой отрядъ диссидентовъ, но послѣ того, какъ этотъ отрядъ доказалъ свою пригодность на войнѣ, въ которой пресвитеріанскіе солдаты, наоборотъ, терпѣли пораженія, ему удалось настоять, чтобы Ферфаксу было позволено принимать въ военную службу и такихъ благочестивыхъ людей, которые не стали бы подписывать пресвитеріанскаго ковенанта. Сектантство, дѣлавшее въ это время большіе успѣхи въ городахъ и графствахъ, подымало подъ вліяніемъ совершавшихся событій духъ мирныхъ торговцевъ и фермеровъ, и послѣдніе составляли большинство арміи „новаго образца“: ихъ гнала въ войско не нужда и не страсть къ легкой наживѣ, какъ солдатъ Валленштейна; это были не такъ называемыя подонки общества, составлявшія главную силу въ арміи нѣмецкаго кондотьера, а степенные люди, у которыхъ съ религіознымъ одушевленіемъ соединялась большая нравственная выдержка, пуританская щепетильность и серьезная важность, люди, для коихъ молитвенныя собранія, проповѣди, пѣніе священныхъ гимновъ и т. п. замѣняли всякія развлеченія, вслѣдствіе чего индепендентская армія была чужда пороковъ, дѣлавшихъ изъ войска Валленштейна сборище самыхъ развращенныхъ людей во всей Германіи. Мало-по-малу вся перламентская армія сдѣлалась индепендентской, включивъ въ себя всевозможныхъ сектантовъ, какіе только были въ Англіи, и образцами для нихъ, при ихъ склонности руководиться указаніями ветхаго завѣта, сдѣлались бойцы избраннаго народа Божія за вѣру, что напоминаетъ намъ воиновъ Жижки или даже Ѳомы Мюнцера [1]). Религіозный духъ и сектантскій ригоризмъ были основою той удивительной дисциплины, которою отличалась эта армія, и, напр., Маколей, давшій весьма извѣстную блестящую характеристику индепендентскаго войска, хотя и съ нѣсколько сгущенными красками, справедливо замѣчаетъ, что эта армія „могла, безъ вреда для самой себя, пользоваться такими вольностями, которыя, будучи предоставлены инымъ войскамъ, подѣйствовали бы разрушительно на всю дисциплину, но, продолжаетъ названный историкъ, таковы были разумъ, серьезность и самообладаніе воиновъ, дисциплинированныхъ Кромвелемъ, что въ ихъ лагерѣ политическая и религіозная организація могла существовать, не разрушая организаціи военной. Тѣ самые люди, которые внѣ службы были извѣстны, какъ демагоги и полевые проповѣдники, отличались стойкостью, духомъ порядка и безпрекословнымъ повиновеніемъ на

---

1) Т. I, стр. 540 и слѣд. и выше, стр. 114 и слѣд.

стражѣ, на ученіи и на полѣ битвы. Въ одномъ лишь лагерѣ Кромвеля строжайшая дисциплина встрѣчалась рядомъ съ самымъ крайнимъ энтузіазмомъ. Его войска ходили съ точностью машинъ, пылая въ то же время необузданнѣйшимъ фанатизмомъ крестоносцевъ". Вообще нужно замѣтить, что крайніе пуритане, бывшіе религіозными энтузіастами, молившіеся со слезами и рыданіями, проповѣдовавшіе до обмороковъ и конвульсій, отличались большимъ самообладаніемъ, когда имъ приходилось вести военныя или политическія дѣла, гдѣ они проявляли и способность къ холоднымъ соображеніямъ и къ неуклонному достиженію своихъ цѣлей. Суровые, гордые, часто честолюбивые, они самое честолюбіе свое видѣли въ исполненіи завѣтовъ Божіихъ, тѣхъ завѣтовъ гнѣва и мести, съ которыми знакомились въ исторіи избраннаго народа: они сами были „святые", сами были избраннымъ народомъ Божіимъ, и аггрессивной характеръ, какой получила ихъ дѣятельность, вытекала и у нихъ, какъ у крайнихъ гуситовъ XV вѣка или у анабаптистовъ XVI столѣтія, изъ представленія, что имъ дано посланничество свыше. Само краснорѣчіе ихъ, бурное и вдохновленное, имѣло чисто библейскій характеръ.

Армія, составленная изъ такихъ людей, не могла не сдѣлаться политической партіей съ особыми принципами, далекими отъ политическихъ стремленій пресвитеріанъ. Соединяя въ своемъ міросозерцаніи библейское представленіе объ избранномъ народѣ съ кальвинистическимъ догматомъ о предопредѣленіи, считая себя какъ разъ такимъ народомъ и вѣря именно въ свое предизбраніе къ спасенію, „святые" въ политической сферѣ явились демократическими радикалами, переносившими на государство тѣ воззрѣнія, которыя выработались у нихъ относительно наилучшаго устройства церковной жизни, именно идею самоуправляющейся народной общины съ полнымъ равенствомъ всѣхъ ея членовъ.

Конечно, не сразу сложилась такая армія, не сразу вполнѣ обнаружился ея характеръ, не сразу выработались политическія стремленія организовавшагося въ ней индепендентства, но уже въ 1645 г. пресвитеріанское большинство парламента и шотландскіе коммиссары были встревожены энергіей, какую проявила партія, желавшая настойчиваго веденія войны и добивавшаяся религіозной свободы: желая предупредить полный переворотъ въ государственныхъ и церковныхъ учрежденіяхъ страны, они вступили было въ переговоры съ Карломъ I за полгода до битвы при Нэзби, но король прервалъ ихъ, надѣясь, что начавшаяся реорганизація арміи поможетъ ему справиться съ парламентомъ. Битва, которую онъ далъ Ферфаксу, была, однако, настоящимъ пораженіемъ его войска, и то обстоятельство, что побѣдою при Нэзби парламентъ былъ обязанъ Кромвелю, еще болѣе усилило значеніе послѣдняго и въ парламентѣ, и въ арміи. Послѣ этой побѣды

Кромвель еще рѣшительнѣе сталъ требовать, чтобы люди, рискующіе жизнью за свободу родины, пользовались сами свободой совѣсти, указывая на то, что было бы крайне несправедливо, если бы въ иныхъ мѣстахъ не существовало той равноправности между пресвитеріанами и индепендентами, которая установилась въ военномъ лагерѣ. Какъ Мильтонъ въ 1644 г. добивался для печатнаго выраженія мысли полной свободы отъ стѣсненій, создававшихся пресвитеріанами, такъ въ 1645 г. Кромвель особенно энергично отстаивалъ свободу совѣсти отъ тѣхъ же пресвитеріанъ, которые, стоя на точкѣ зрѣнія единообразія, готовы были прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ противъ диссидентовъ и опасались обратиться къ этимъ мѣрамъ лишь въ виду настроенія, господствовавшаго въ арміи. Другимъ бойцомъ за религіозную свободу сдѣлался тогда въ парламентѣ Генри Венъ, а его поддерживали еще многіе новые члены палаты, занявшіе мѣста удалившихся роялистовъ. Извѣстія о томъ, что между пресвитеріанами и индепендентами, между парламентомъ и арміей начались несогласія, конечно, доходили до Карла I, который на всемъ этомъ основывалъ свои надежды относительно будущаго, и хотя послѣ битвы при Нэзби переговоры опять возобновились, онъ не особенно охотно шелъ на встрѣчу дѣлавшимся ему предложеніямъ, полагая, что съумѣетъ поправить свои дѣла безъ особыхъ уступокъ, какія отъ него требовались въ это время (право парламента завѣдовать арміей и флотомъ въ теченіе двадцати лѣтъ, исключеніе роялистовъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, изъ государственной службы и введеніе пресвитеріанской церкви), хотя шотландцы, къ коимъ Карлъ I бѣжалъ весною 1646 г. изъ Оксфорда, умоляли его согласиться на условія англійскаго парламента. Расчеты побѣжденнаго короля, однако, оказались невѣрными, хотя онъ и не ошибся въ томъ, что *между пресвитеріанскимъ парламентомъ и индепендентской арміей должна была произойти борьба*, съ тѣмъ только различіемъ отъ надеждъ, возлагавшихся Карломъ I на эту борьбу, что ея конечнымъ результатомъ было не возстановленіе его власти, а введеніе въ Англіи республики. Прежде всего онъ ошибся относительно шотландцевъ, думая, что они всегда будутъ на его сторонѣ, какъ ихъ земляки, ибо они-то и выдали его англичанамъ: пресвитеріанскій парламентъ хотѣлъ теперь имѣть короля въ своихъ рукахъ, чтобы можно было распустить армію, а шотландцы не желали признавать его своимъ королемъ, такъ какъ онъ не присягнулъ ковенанту, и потому-то въ январѣ 1647 г. Карлъ I былъ выданъ англичанамъ за 400,000 ф. стерлинговъ военныхъ издержекъ. Теперь пресвитеріане считали себя господами положенія, но они ошиблись въ расчетѣ, такъ какъ настоящими побѣдителями оказались не они, а индепенденты.

XXXVII. Установленіе республики въ Англіи.

Общій взглядъ на исторію республики въ Англіи. — Религіозныя, политическія и соціальныя противоположности въ исторіи англійской республики. — Значеніе предварительнаго анализа внутренней исторіи республики. — Планъ послѣдующаго изложенія. — Первый конфликтъ арміи съ парламентомъ въ 1647 году. — «Смиренное представленіе» и «актъ объ устроеніи». — Взаимныя отношенія арміи, парламента и короля въ 1647—48 гг. — Прайдова очистка. — Парламентское постановленіе 4 янв. 1649 г. — Процессъ и казнь Карла I. — Англійская республика.

Когда въ 1642 г. вспыхнула въ Англіи междоусобная война, ни въ парламентѣ, ни въ странѣ еще не существовало республиканской партіи. Мы видѣли, что круглоголовые хотѣли сначала только отстоять старыя учрежденія, правда, создавъ новыя гарантіи, которыя должны были содѣйствовать ихъ упроченію. Они взялись и за оружіе и начали войну съ королемъ, вовсе не имѣя въ виду уничтожить монархическую власть: долгое время даже господствовала фикція, по которой война велась парламентомъ яко бы „за короля, королевство и парламентъ". И до открытія военныхъ дѣйствій, и послѣ того, какъ Карлъ I попалъ въ плѣнъ, парламентскіе дѣятели не покидали надежды на то, что посредствомъ переговоровъ можно будетъ придти къ какому-либо соглашенію, которому мѣшало только упорство самого короля, расчитывавшаго на то, что несогласія между его врагами позволятъ ему вернуть себѣ всю полноту власти, какъ онъ ее понималъ. Затрудненія, съ какими пришлось встрѣтиться республикѣ, оказавшейся безсильною для того, чтобы ихъ преодолѣть, кратковременность ея существованія безъ всякаго прочнаго и опредѣленнаго внутренняго порядка, легкость, съ которою совершилась реставрація Стюартовъ на одиннадцатомъ году послѣ провозглашенія республики, все это показываетъ, что новый политическій строй и въ странѣ не имѣлъ подъ собою почвы, что было весьма ясно понято и самимъ Кромвелемъ и частью его приверженцевъ, начавшихъ, какъ мы увидимъ, возстановленіе старой конституціи еще задолго до возвращенія Стюартовъ. *Учрежденіе въ Англіи республиканскаго правленія было дѣломъ индепендентской арміи*, но сама эта сила стала формироваться лишь въ 1645 г. Можно сказать, что республика была навязана Англіи ея вооруженною силою, хотя та государственная форма, сторонниками коей явилось сектантское войско, именно наименѣе можетъ быть навязываема насильно, ибо лежащая въ основѣ этой формы идея народовластія требуетъ, чтобы правительство опиралось главнымъ образомъ, если не исключительно даже, на добровольномъ согласіи,

а не на принужденіи. Энергическое меньшинство, сплоченное общими религіозными и политическими стремленіями, съумѣвшее организоваться для достиженія опредѣленной цѣли, доставило побѣду парламенту въ его распрѣ съ королемъ, но за то само стало диктовать свою волю парламенту, что *открывало путь для установленія въ странѣ военнаго деспотизма,* бывшаго въ противорѣчіи съ республиканскою идеей самихъ индепендентовъ и совершенно не соотвѣтствовавшаго нравамъ, преданіямъ и учрежденіямъ англійской націи. Такимъ образомъ республика не только не имѣла прочныхъ корней въ странѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была опираться на вооруженную силу, которая именно только въ качествѣ матеріальной силы могла диктовать свою волю. Вся исторія республики въ Англіи, какъ и время, ей непосредственно предшествующее, проходитъ *въ постоянныхъ столкновеніяхъ между парламентами и арміей:* уже долгій парламентъ, стремившійся къ всемогуществу въ государствѣ, встрѣтилъ противъ себя другое всемогущество, какимъ фактически сдѣлалось и хотѣло остаться индепендентское войско, и этотъ же самый антагонизмъ проходитъ черезъ всю ту эпоху, вплоть до реставраціи Стюартовъ. Мало того: какъ установленіе республики въ 1649 г., такъ и ея низверженіе въ 1660 г. одинаково были подготовлены разногласіями, которыя происходили между парламентами и арміей, причемъ *въ основѣ разлада первоначально лежалъ религіозный вопросъ.* Дѣло въ томъ, что пресвитеріанскій парламентъ стоялъ за церковное единообразіе, индепендентская армія—за религіозную свободу; послѣ побѣды надъ Карломъ I парламентъ хотѣлъ отдѣлаться отъ арміи и, примирившись съ королемъ, утвердить въ Англіи пресвитеріанизмъ, тогда какъ армія считала, что ея задача будетъ исполнена лишь тогда, когда вполнѣ будетъ обезпечена религіозная свобода, ради чего и не останавливалась даже передъ установленіемъ чисто военнаго режима. Уже на почвѣ этого религіознаго антагонизма развился и антагонизмъ политическій: пресвитеріанскій монархизмъ встрѣтился съ индепендентскимъ республиканизмомъ, и такъ какъ сила была на сторонѣ второго, то Англія и получила республиканскую форму. Послѣдняя, однако, не могла быть прочна, не имѣя подъ собою никакихъ устоевъ въ жизни націи, а то обстоятельство, что фактически республика перешла въ военный деспотизмъ, должно было оттолкнуть отъ нея прежніе правящіе классы, и все, что дорожило старыми вольностями, обезпечивавшимися традиціонной конституціей.

Кромѣ религіознаго и политическаго антагонизма, обнаруживавшагося между пресвитеріанствомъ и индепендентствомъ, между парламентомъ и войскомъ, между принципами государственной церкви и конституціонной монархіи, съ одной стороны, и религіозной свободы

и республики, съ другой, *въ исторіи англійской республики мы наблюдаемъ еще рядъ явленій, позволяющихъ намъ говорить и о соціальномъ антагонизмѣ*, также игравшемъ роль въ ея событіяхъ, хотя вообще соціальная сторона этой эпохи весьма мало изслѣдована сравнительно съ сторонами религіозной и политической [1]). Побѣда нижней палаты, не только надъ королемъ, но и надъ верхнею палатою, которая была уничтожена при установленіи республики, была побѣда новаго дворянства и городской буржуазіи, такъ сказать, средняго сословія надъ старыми аристократическими элементами. Нижняя палата долгаго парламента состояла преимущественно изъ „сквайровъ", представителей земледѣльческаго класса, къ коему принадлежалъ и самъ Кромвель: они жили традиціями ограниченной монархіи, и для большинства этого класса война была лишь крайнимъ средствомъ принудить короля возвратиться на путь законности. Иное дѣло армія: она состояла уже изъ иныхъ общественныхъ элементовъ, правда, изъ такихъ, которые все еще возвышались надъ общимъ уровнемъ народной массы [2]), но составляли изъ себя соціальные слои, занимавшіе положеніе низшее сравнительно съ сквайрами. Весьма естественно поэтому, что *индепендентское движеніе получило демократическій характеръ*, испугавшее представителей землевладѣльческихъ классовъ въ палатѣ и особенно заставлявшее искать ихъ соглашенія съ королемъ, которое потомъ армія ставила парламенту въ вину. Подобно тому, какъ въ Германіи въ ея революціонный періодъ двадцатыхъ годовъ XVI в. образовалось радикально-демократическое теченіе [3]), такъ и въ Англіи уже до установленія республики возникъ политическій радикализмъ, требовавшій введенія въ государственную жизнь демократическаго начала: вожди и послѣдователи такого политическаго направленія получили названіе левеллеровъ (levellers), т. е. „уравнителей", отъ которыхъ мы должны отличать направленія съ соціальнымъ характеромъ, представителей коммунизма (диггеровъ) и анархизма (анабаптистскую секту „людей пятой монархіи"), и подобно тому, какъ и въ Германіи двадцатыхъ годовъ XVI в., и здѣсь нужно отличать сторонниковъ государственнаго преобразованія отъ сторонниковъ соціальнаго переворота [4]), хотя бы и тѣ и другіе дѣйствовали революціонными средствами. Коммунистическое и анархическое движеніе не получило въ Англіи большого развитія, не смотря на то, что увлекло нѣкоторую часть наиболѣе бѣдныхъ или

---

[1]) См. объ этомъ между прочимъ въ статьѣ М. М. Ковалевскаго (ср. стр. 417) объ „Общественномъ строѣ Англіи въ эпоху республики" (Юр. Вѣстн. 1891, кн. XII).

[2]) См. выше, стр. 483.

[3]) См. выше. стр. 59 и слѣд., 72 и слѣд., особенно главы VIII—XI.

[4]) См. выше, стр. 102 и слѣд.

прямо неимущихъ жителей, столь незначительную, впрочемъ, что въ Англіи не повторились ни нѣмецкая крестьянская война, ни мюнстерская коммуна, и что правительству не стоило большого труда подавить это броженіе. Неудача постигла и чисто политическое движеніе левеллеровъ, такъ что *демократическіе элементы Англіи ничего не выиграли отъ установленія новаго режима* и, какъ мы еще увидимъ, вся выгода, какая могла быть извлечена изъ переворота, выпала на долю землевладѣльческаго класса. Демократическимъ принципамъ левеллеровъ, съ коими мы познакомимся подробнѣе ниже, не суждено было осуществиться въ Англіи, и только въ американскихъ ея колоніяхъ, т.-е. въ будущихъ Соединенныхъ Штатахъ, принципы эти легли непосредственно въ основу политическаго быта, въ самой же Англіи левеллеры (равно какъ диггеры и „люди пятой монархіи") сдѣлали своими трактатами, памфлетами, прокламаціями и манифестами лишь вкладъ въ тогдашнюю политическую литературу, въ которой ихъ идеи занимаютъ совершенно особое мѣсто рядомъ съ идеями круглоголовыхъ. Въ общемъ англійская республика, сама при помощи военной силы подавившая демократическое движеніе левеллеровъ, является такимъ образомъ въ исторіи революціи не столько логическимъ выводомъ ихъ предъидущей исторіи Англіи, сколько преходящимъ результатомъ временнаго стеченія обстоятельствъ, которыя, можно сказать, навязывали ее даже людямъ, въ глубинѣ души хранившимъ идею о томъ, что наилучшей политической формой является форма, смѣшанная изъ монархіи, аристократіи и демократіи,—людямъ, принадлежавшимъ по своему рожденію и своимъ симпатіямъ къ землевладѣльческимъ классамъ, а не къ низшимъ слоямъ населенія.

Такова въ общихъ чертахъ внутренняя исторія англійской республики. Этотъ анализъ нужно было предпослать изложенію событій, чтобы легче было оріентироваться въ послѣднихъ, особенно среди той путаницы отношеній, которая возникала, благодаря тому, что между религіозными сектами, политическими партіями и соціальными классами не было всегда такого совпаденія, чтобы историкъ получалъ право говорить исключительно только о двухъ направленіяхъ, въ коихъ развивались бы двѣ рѣзко обозначенныя религіозныя, политическія и соціальныя противоположности: напротивъ того, основныя явленія эпохи складываются въ весьма сложную систему отношеній, сильно затрудняющую изложеніе происходившихъ тогда событій. Въ самомъ дѣлѣ, мы, во-первыхъ, постоянно присутствуемъ здѣсь при развитіи противоположностей, каковыми являются сначала кавалеры и круглоголовые, потомъ—пресвитеріане и индепенденты, далѣе среди самихъ индепендентовъ разныя религіозныя, политическія и соціальныя партіи. Во-вторыхъ, принципы этихъ партій комбинируются весьма различнымъ

образомъ: напр., можно было, раздѣляя съ другими стремленіе къ установленію религіозной свободы, вовсе не раздѣлять ихъ политическихъ идей или общественныхъ интересовъ, и лишь, имѣя предварительный анализъ главныхъ линій эпохи, мы можемъ облегчить себѣ задачу не только распутать сложную и запутанную борьбу, происходившую тогда въ Англіи, но и понять роль въ ней отдѣльныхъ личностей. Послѣднее особенно важно по отношенію къ Кромвелю, о которомъ въ исторической литературѣ высказывалось столько противорѣчивыхъ сужденій. Руководимые общими взглядами, изложенными въ началѣ настоящей главы, мы перейдемъ теперь къ изложенію событій, приведшихъ къ установленію республики въ Англіи, чтобы сдѣлать потомъ очеркъ самой ея исторіи, остановившись подробнѣе на личности и дѣятельности человѣка, управлявшаго Англіей въ эту эпоху, и на тѣхъ движеніяхъ, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе въ эти годы религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ столкновеній.

То, на что мы должны прежде всего обратить вниманіе, есть именно раздоръ между пресвитеріанами и индепендентами, перешедшій въ острое столкновеніе парламента и арміи. Выше [1]) было уже достаточно сказано о томъ, какъ начался антагонизмъ двухъ религіозныхъ партій, образовавшихся среди побѣдителей въ борьбѣ съ Карломъ I. Дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи этого антагонизма были отношенія, возникшія между обѣими сторонами послѣ того, какъ въ январѣ 1647 г. шотландцы выдали бѣжавшаго къ нимъ короля англичанамъ: война была окончена; Карлъ I находился въ рукахъ парламента; армія окончила свое дѣло; она была нужна развѣ только для того, чтобы подавить ирландское возстаніе, —вотъ почему пресвитеріане могли теперь рѣшиться на такой шагъ, какъ распущеніе арміи „святыхъ" въ самой Англіи, удаленіе лучшей ея части въ Ирландію, но подъ начальствомъ пресвитеріанскихъ генераловъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ заняться подготовленіемъ безусловнаго торжества для своихъ церковныхъ принциповъ, потребовавъ отъ офицеровъ присоединенія къ ковенанту и пресвитеріанскому устройству церкви. Но армія не хотѣла повиноваться: фермеры и мелкіе торговцы, составлявшіе настоящую ея силу, содержавшіе притомъ себя большею частью на собственный счетъ (подобно Кромвелю, который пожертвовалъ на ея организацію всѣмъ почти своимъ состояніемъ), говорили, что они не янычары, не наемники, которыхъ можно отправить на всѣ четыре стороны, какъ только надобность въ нихъ миновала, что, сдѣлавшись солдатами, они не перестали быть гражданами, поставившими себѣ извѣстную цѣль, когда брались

---

[1]) См. стр. 484.

за оружіе, что не ранѣе они могутъ разойтись по домамъ и возвратиться къ своимъ занятіямъ, какъ лишь по исполненіи своей миссіи, данной имъ самимъ Господомъ, что безъ измѣны своему обѣту они не могутъ оставить необезпеченнымъ то дѣло, изъ-за котораго они, по волѣ Божіей, проливали свою кровь, изъ-за котораго погибло столько ихъ друзей. Свое дѣло при этомъ они понимали *въ смыслѣ завоеванія свободы совѣсти*, которой все еще угрожала тираннія, *и въ смыслѣ улучшенія государственнаго устройства.* Въ обоихъ отношеніяхъ армія стала дѣлать представленія парламенту, но такъ какъ послѣдній упорно стоялъ на своемъ и даже заявилъ, что всякій, принимающій участіе въ агитаціи по всему этому дѣлу, есть врагъ государства и нарушитель общественнаго спокойствія, то армія вышла изъ повиновенія. Солдаты каждаго полка выбрали по два офицера въ особый совѣтъ адъютаторовъ или ассистентовъ; послѣдній созвалъ общее войсковое собраніе, и на немъ было отвергнуто предложеніе парламента получить жалованіе и разойтись по домамъ. Затѣмъ военный отрядъ въ 500 человѣкъ овладѣлъ королемъ, смѣнивъ парламентскую стражу въ замкѣ Гольмби, гдѣ проживалъ плѣнникъ (іюнь 1647), и наконецъ армія двинулась къ Лондону. Въ ея рядахъ былъ и Кромвель. Передъ этимъ онъ выступилъ-было въ роли посредника между обѣими сторонами, но въ парламентѣ его стали обвинять въ томъ, что онъ подстрекаетъ армію къ мятежу, и самые энергичные его протесты противъ такого рода обвиненія остались безсильными: тогда онъ покинулъ парламентъ, уѣхалъ къ арміи и рѣшительно перешелъ на ея сторону, между тѣмъ какъ его зять Эйртонъ (Ireton) сдѣлался самымъ вліятельнымъ лицомъ между офицерами и солдатами по политическимъ вопросамъ. Послѣдніе, дѣйствительно стали теперь не только предметомъ обсужденія въ военныхъ кругахъ, но и прямо предметомъ переговоровъ, которые отъ имени арміи велись и съ парламентомъ, и съ плѣннымъ королемъ. Именно парламенту было послано „смиренное представленіе“ (humble representation), въ коемъ офицеры и солдаты просили главнымъ образомъ двухъ вещей— вѣротерпимости, обѣщая, однако, не вмѣшиваться въ устроеніе парламентомъ пресвитеріанской церкви, и удаленія изъ палаты общинъ— одиннадцати членовъ съ вождемъ пресвитеріанъ Голльсомъ во главѣ, какъ людей, ссорящихъ парламентъ съ войскомъ и тѣмъ работающихъ надъ вызовомъ новой гражданской войны. Парламентъ долженъ былъ уступить: армія стояла подъ Лондономъ, одиннадцать членовъ удалились, и назначена была особая коммиссія для разсмотрѣнія „смиреннаго представленія“. Съ другой стороны, сдѣланы были Эйртономъ нѣкоторыя предложенія отъ имени арміи и Карлу I, находившемуся у нея въ плѣну,—предложенія, изложенныя въ „актѣ объ устроеніи“

(act of settlement). Это былъ цѣлый проектъ новой конституціи, подлежавшей введенію въ странѣ послѣ ея замиренія и послѣ почти всеобщей амнистіи, которая ставилась арміей въ число условій: предполагались трехгодичные парламенты, контроль палатъ въ теченіе десяти лѣтъ надъ арміей и флотомъ, замѣщеніе по ихъ указанію важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, реформа избирательной системы, болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ, уничтоженіе всѣхъ актовъ о церковномъ единообразіи, освобожденіе даже католиковъ отъ обязанности посѣщать общественное богослуженіе, хотя бы и при сохраненіи ограниченія ихъ правъ въ другихъ отношеніяхъ, общая свобода совѣсти и культа. Карлъ I, ранѣе отвергавшій болѣе умѣренныя требованія парламента, понятное дѣло, отвергъ и эти предложенія, заявивъ Эйртону, что не онъ нуждается въ арміи, а она въ немъ, при ея враждебныхъ отношеніяхъ къ парламенту, на что, впрочемъ, Эйртонъ возразилъ ему такимъ образомъ: „вы, государь, желаете сдѣлаться посредникомъ между нами и парламентомъ, но мы сами хотимъ быть посредниками между вами и парламентомъ“. Въ этихъ словахъ заключалось истинное пониманіе тогдашняго положенія дѣлъ. Въ парламентѣ скоро обнаружилось стремленіе войти въ соглашеніе съ королемъ, который, однако, въ конфликтѣ представителей націи съ ея вооруженною силою видѣлъ обстоятельство для себя весьма благопріятное и не обнаруживалъ склонности къ уступкамъ, но даже если бы обѣ стороны и пришли къ заключенію между собою окончательнаго мира, послѣдній могъ бы быть отвергнутъ арміей, разъ бы онъ былъ достигнутъ безъ исполненія тѣхъ желаній, которыя армія предъявляла и парламенту, и королю, чувствуя свою силу и имѣя опредѣленныя стремленія въ области религіозныхъ и политическихъ вопросовъ.

Войско и парламентъ продолжали между тѣмъ свои переговоры, но вмѣшательство въ дѣло посторонней силы—лондонскихъ гражданъ, настроенныхъ въ пресвитеріанскомъ смыслѣ, довело и безъ того натянутыя отношенія до весьма рѣзкаго поступка арміи. Населеніе столицы было противъ индепендентовъ, требуя отъ парламента примиренія съ королемъ и рѣшительнаго введенія пресвитеріанизма, и произвело безпорядки, заставившіе парламентъ отсрочить свои засѣданія на нѣсколько дней (конецъ іюля 1647 г.), въ теченіе коихъ сторонники религіозной свободы въ палатѣ общинъ съ Генри Веномъ во главѣ покинули Лондонъ, чтобы найти убѣжище въ арміи, послѣ чего въ парламентѣ, наоборотъ, заняли свои мѣста одиннадцать ранѣе удалившихся членовъ. Результатомъ этого было вступленіе арміи въ Лондонъ, водвореніе въ парламентѣ бѣжавшихъ изъ Лондона членовъ и новое изгнаніе 11 видныхъ пресвитеріанъ (августъ 1647 г.). Между тѣмъ какъ продолжались переговоры военныхъ вождей съ королемъ и пар-

ламентомъ, по прежнему не соглашавшихся на ихъ предложенія, въ арміи началась агитатія уже прямо въ пользу отмѣны палаты перовъ (въ коей тогда оставалось лишь 12 человѣкъ) и самой королевской власти, а также въ пользу избранія новаго парламента, и Кромвелю, вліяніе коего въ войскѣ въ это время все болѣе и болѣе возростало, не безъ хлопотъ удалось воспрепятствовать тому, чтобы вопросъ о королевской власти былъ сдѣланъ тотчасъ же предметомъ обсужденія въ совѣтѣ офицеровъ: будущій лордъ-протекторъ все еще расчитывалъ на то, что съ Карломъ I можно будетъ придти къ соглашенію, и тѣ же надежды раздѣлялись и Ферфаксомъ и Эйртономъ. Король, однако, постарому затягивалъ переговоры со всѣми партіями, расчитывая теперь и на то еще, что между Англіей и Шотландіей вспыхнетъ война изъ-за несоблюденія ковенанта, а такъ какъ его плохо стерегли, то онъ рискнулъ вдобавокъ бѣжать на островъ Уайтъ, гдѣ былъ, однако, задержанъ и снова подвергнутъ заточенію. Извѣстіе о бѣгствѣ Карла I произвело сильное броженіе въ арміи, и ея вождямъ, въ томъ числѣ и Кромвелю стоило не малаго труда теперь поддерживать въ ней порядокъ, предупредить ея возстаніе. Въ войскѣ только усилилось республиканское и демократическое движеніе, которое встревожило Ферфакса и Кромвеля и въ которомъ мы встрѣчаемся уже съ именемъ Лильберна (Lilburne), будущаго главы радикальной партіи [1]), получившей названіе уравнителей, и движеніе это было подавлено мѣрами строгости. Въ это время Кромвель, однако, убѣдился и въ томъ, что съ королемъ едва-ли придется устроить какое-либо соглашеніе, что довѣряться ему нельзя, что онъ замышляетъ совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ во время всѣхъ попытокъ придти къ прекращенію политической распри, терзавшей страну столько лѣтъ. Дѣйствительно, Карлъ I велъ попрежнему переговоры со всѣми и съ обѣими палатами парламента, и съ шотландцами, согласившись даже на то, чтобы у нихъ былъ возстановленъ пресвитеріанизмъ. Онъ ожидалъ только одного хорошаго для себя отъ разногласій, возникшихъ среди его противниковъ, и только радовался, когда узналъ, что шотландцы начали враждебныя дѣйствія противъ Англіи, что въ ней самой снова зашевелились роялисты, что они опять взялись за оружіе (1648 г.). Впрочемъ, такой оборотъ дѣлъ былъ на руку и самому парламенту, тяготившемуся присутствіемъ арміи въ Лондонѣ: ей снова теперь нужно было выступить въ походъ, а безъ нея могли безпрепятственно вернуться въ парламентъ исключенные члены, т. е. теперь уже ничто не мѣшало палатѣ общинъ принять громаднымъ большинствомъ законы о ереси и кощунствѣ, назначавшіе смертную казнь за эти преступленія, равно какъ законъ, грозившій тюремнымъ заключеніемъ за обнаруженіе ка-

[1]) О немъ подробнѣе ниже.

толическихъ и индепендентскихъ воззрѣній. Настроеніе парламентскаго большинства къ арміи и къ ея вождямъ было враждебное, и индепендентское меньшинство было совершенно безсильно противиться тому, что дѣлали пресвитеріане. Между прочимъ въ парламентѣ обсуждался вопросъ о государственной измѣнѣ Кромвеля: хотя онъ по своему соціальному положенію и политическимъ взглядамъ стоялъ гораздо ближе къ членамъ парламента, враждебнымъ демократіи и народовластію, чѣмъ къ арміи, но онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ сходился съ послѣднею во взглядѣ на религіозный вопросъ, и его неудачное посредничество, возбудившее въ парламентѣ лишь подозрѣнія и прямыя обвиненія, заставило его стать окончательно на сторону арміи, хотя въ ней онъ и содѣйствовалъ предупрежденію и подавленію демократическаго и республиканскаго взрыва. Возможность послѣдняго тревожила и палату общинъ. Еще передъ своимъ выступленіемъ въ походъ войско на общемъ своемъ собраніи торжественно обѣщалось въ случаѣ побѣды надъ защитниками „Карла Стюарта“ призвать къ отвѣту этого „кроваваго человѣка“ за всю пролитую имъ кровь, за все содѣянное имъ зло, а Ферфаксъ и Кромвель какъ разъ весьма успѣшно подавляли возстаніе въ Англіи и отражали шотландское нашествіе. Весьма естественно, что парламентъ спѣшилъ покончить переговоры съ Карломъ I, придти къ соглашенію путемъ уступокъ изъ болѣе раннихъ своихъ требованій: онъ готовъ былъ скорѣе на то, чтобы потерять всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя за послѣдніе годы, чѣмъ подчиниться тому политическому порядку, который думали установить новые общественные элементы, составлявшіе силу индепендентской арміи. Въ войскѣ все болѣе и болѣе усиливалось движеніе, имѣвшее въ виду роспускъ стараго парламента и созывъ новаго, замѣну наслѣдственной королевской власти выборною безъ права отвергать парламентскіе билли. Однимъ словомъ, приходилось выбирать между возстановленіемъ старой конституціи и государственной церкви, которая могла быть и пресвитеріанской, съ одной стороны, и новымъ политическимъ порядкомъ даже съ отдѣленіемъ церкви отъ государства, причемъ еще въ перспективѣ были не тольно новые выборы, но и вступленіе въ политическую жизнь новыхъ соціальныхъ элементовъ. Только ослѣпленіе Карла I, все еще думавшаго возстановить свою власть, пользуясь междоусобіемъ враговъ, мѣшало тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, произошло примиреніе между королевскою властью и законнымъ представительствомъ страны: парламентъ ограничивалъ свои требованія почти только тѣмъ, чтобы ему на двадцать лѣтъ было передано начальство надъ войскомъ и введено было на три года пресвитеріанское устройство церкви, но Карлъ I затягивалъ дѣло къ великому неудовольствію пресвитеріанъ, тѣмъ болѣе, что палатамъ была представлена отъ арміи петиція (составленная при участіи Лильберна), крайне

враждебная Карлу I и королевской власти вообще и заключавшая въ себѣ религіозныя и политическія требованія индепендентовъ (сентябрь 1648 г.). Вторая гражданская война противъ возставшихъ роялистовъ была непродолжительна; армія побѣдила и чувствовала свою силу; вожди не удерживали болѣе ея революціонныхъ порывовъ, и Кромвель уже прямо совѣтовалъ въ письмѣ къ спикеру общинъ принять во вниманіе желанія „народа Божія", ибо Кромвель въ это время окончательно извѣрился въ возможности соглашенія съ королемъ, который вѣроломно нарушалъ обѣщанія, какія дѣлалъ во время переговоровъ.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ, находившейся въ С. Альбансѣ состоялся подъ предсѣдательствомъ Ферфакса „великій совѣтъ" офицеровъ, подавшій парламенту (16 ноября) новую ремонстранцію, составленный Эйртономъ, документъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ апелляціи къ народу: требуя уничтоженія монархіи и передачи верховной власти „представителямъ народа", этотъ актъ добивался въ религіозномъ вопросѣ свободы индивидуальной совѣсти отъ какой бы то ни было власти самихъ представителей народа. Вмѣстѣ съ этимъ армія выражала желаніе, чтобы виновники второй гражданской войны, а въ ихъ числѣ и король—подверглись судебному преслѣдованію, и въ тоже время армія снова овладѣла Карломъ I. Парламентъ, однако, не сдавался и, заявивъ протестъ противъ арміи, захватившей короля, постановилъ большинствомъ 140 голосовъ противъ 104, что прежніе отвѣты Карла I на его предложенія могутъ быть признаны удовлетворительными для дальнѣйшаго веденія дѣла о заключеніи мира. Тогда (6 дек. 1648 г.) произошла знаменитая „прайдова очистка" парламента, военное насиліе надъ палатой общинъ: въ согласіи со многими членами индепендентскаго меньшинства полковникъ Прайдъ (Pride) исключилъ изъ парламента цѣлую партію—главнѣйшихъ пресвитеріанъ, предъявивъ ему „предложенія и желанія лорда Ферфакса и совѣта офицеровъ", послѣ чего долгій парламентъ, лишенный множества своихъ членовъ, получилъ, какъ извѣстно, названіе „охвостья" (rump-parliament). На другой день послѣ очистки Кромвель занялъ свое мѣсто въ нижней палатѣ среди оставшихся въ ней индепендентовъ и сторонниковъ арміи. Поступокъ Прайда показывалъ, въ какомъ направленіи армія будетъ вести политическія дѣла: это былъ *ударъ, нанесенный не однимъ пресвитеріанамъ, но и всему законному представительству страны.* Другими словами, сторонники религіозной свободы попирали свободу политическую, защитники коей вызвали противъ себя возмездіе за то, что сами они не хотѣли признать свободы религіозной. Черезъ двѣ-три недѣли послѣ этого (23 дек. 1648 г.) и монархіи былъ нанесенъ ударъ: состоялось назначеніе особаго комитета для рѣшенія вопроса о судѣ надъ королемъ и другими глав-

ными виновниками второй гражданской войны, а затѣмъ (1 января 1649 г.) палата общинъ назначила чрезвычайный судъ изъ 150 членовъ обѣихъ палатъ, юристовъ, офицеровъ и ольдерменовъ надъ „Карломъ Стюартомъ, бывшимъ королемъ". Двѣнадцать лордовъ, остававшихся въ верхней палатѣ, рѣшительнѣйшимъ образомъ протестовали противъ этого, но общины не обратили вниманія на протестъ и 4 января 1649 г. въ духѣ требованій арміи провозгласили слѣдующіе принципы новаго англійскаго государственнаго права: источникъ всякой власти послѣ Бога есть народъ; верховная власть въ націи принадлежитъ общинамъ, какъ избраннымъ народнымъ представителямъ; то, что общины объявляютъ закономъ, и есть законъ, хотя бы на то не было согласія короля или перовъ. Вскорѣ послѣ этого нижняя палата заказала сдѣлать новую государственную печать съ словами: „въ первый годъ вновь милостію Божіею возстановленной свободы".

Засѣданія суда надъ королемъ происходили подъ предсѣдательствомъ Джона Брадшо, весьма крупнаго юриста и человѣка съ сильнымъ характеромъ, бывшаго двоюроднымъ братомъ Мильтона, а въ числѣ судей были Кромвель, Эйртонъ, Лильбёрнъ, Прайдъ и др., но многіе изъ назначенныхъ въ судьи воздержались, и между ними былъ Ферфаксъ, а также и Генри Венъ. Въ сущности это былъ не судебный процессъ, а нѣчто иное: допросъ Карла I превратился въ споръ его съ предсѣдателемъ трибунала, ибо король не хотѣлъ признавать компетенціи учрежденнаго надъ нимъ суда, а Брадшо доказывалъ право общинъ на то, чтобы отъ ихъ имени производился судъ; судебныя формальности были оставлены въ сторонѣ, и Карлъ I напрасно на это указывалъ; потому и казнь, къ которой онъ былъ приговоренъ, какъ „тираннъ, измѣнникъ, убійца и врагъ государства" и которая совершена была надъ нимъ 30 января 1649 г., была не чѣмъ инымъ, какъ юридическимъ убійствомъ. (Извѣстно, что Карлъ I съ большимъ достоинствомъ держалъ себя во время процесса и на самомъ эшафотѣ). Впрочемъ, не юридическія основанія, а политическіе мотивы руководили членами трибунала, приговорившаго Карла I къ смерти. Судьи думали—какъ и въ процессѣ Людовика XVI черезъ полтора столѣтія—нанести ударъ самому принципу монархіи, но ихъ расчеты не оправдались: обвиненіе, постановленное вопреки общему праву чрезвычайнымъ судомъ, мужество, обнаруженное Карломъ I во все это время, вызывали къ нему народное сочувствіе, которое стало обнаруживаться къ побѣжденному королю уже въ самомъ началѣ процесса; особенно же послѣ того, какъ въ Англіи за его казнью вскорѣ наступили времена военнаго деспотизма, казненный король, когда-то покушавшійся на права націи, казался мученикомъ за свободу Англіи. Какъ страстотерпца, како

вымъ Карлъ I далеко, конечно, не былъ, выставляла его съ большимъ искусствомъ сдѣлавшаяся весьма популярною книга богослова Гаудена „Царскій образъ“ (Eikon basilike), приписывавшаяся самому королю, написанная имъ будто бы передъ смертью [1]). Впечатлѣніе, ею произведенное, было такъ сильно, что въ видѣ опроверженія Мильтонъ написалъ своего „Иконокласта“ (иконоборецъ), сдѣлавъ вообще, какъ мы еще увидимъ, защиту англійскаго народа главнымъ предметомъ своей публицистической дѣятельности въ періодъ республики. Нужно еще замѣтить, что палата общинъ не тотчасъ же послѣ казни Карла I установила республику: нѣкоторое время прошло въ какой-то нерѣшительности, какъ будто „охвостье“ долгаго парламента еще останавливалось передъ чѣмъ-то, и дѣйствительно *новой республикѣ съ самаго же начала пришлось встрѣтиться съ массой затрудненій,* изъ которыхъ она не смогла и не съумѣла выйти побѣдительницей. Вмѣстѣ съ королевскою властью была отмѣнена и верхняя палата. Долгій парламентъ остался у власти до 1653 г., когда былъ насильственно распущенъ Кромвелемъ; затѣмъ наступилъ пятилѣтній періодъ протектората, въ теченіе коего правителемъ Англіи, опиравшимся на армію, былъ человѣкъ, нанесшій указанный ударъ долгому парламенту. Имя Кромвеля вообще тѣсно связано съ исторіей республики въ Англіи.

XXXVIII. Историческая роль Оливера Кромвеля.

Кромвелевскій вопросъ.—Валленштейнъ, Ришелье и Кромвель.—Причины разногласій въ сужденіяхъ историковъ о Кромвелѣ.—Взгляды на его личный характеръ и политическое поведеніе. — Вопросъ объ идеяхъ Кромвеля. — Свобода совѣсти при Кромвелѣ.—Политическое его міросозерцаніе.—Общій взглядъ на его поведеніе. — Кромвель, какъ представитель землевладѣльческаго класса. — Мѣсто Кромвеля въ англійской исторіи.

Остановимся теперь на личности вождя индепендентовъ, которому суждено было сдѣлаться главою основанной ими республики.

Личность и поведеніе Кромвеля всегда привлекали къ себѣ вниманіе историковъ, но до сихъ поръ задача выясненія его характера и исторической роли остается одною изъ наиболѣе трудныхъ между другими вопросами подобнаго рода. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, причина трудности лежитъ не въ свойствахъ матеріала, на основаніи коего приходится дѣлать заключенія, какъ это можно сказать о вопросахъ, касающихся, напр. Маріи Стюартъ или Валленштейна [1]),

[1]) Эту мысль поддерживали въ послѣднее время Wordsworth, а за нимъ недавно (1880) еще Scott (въ новомъ изданіи этого сочиненія).

[2]) См. выше, стр. 206 и 368.

а въ противорѣчіяхъ, представляемыхъ самою личностью Кромвеля его поведеніемъ, въ двойственности той роли, которую онъ игралъ, сначала какъ революціонеръ, потомъ какъ консерваторъ, въ возможности разной оцѣнки этой роли, смотря по той точкѣ зрѣнія, которую нужно выбрать, рѣшая поставленный вопросъ. Но изъ сказаннаго можно видѣть, что „кромвелевскій вопросъ", взятый не со стороны психологическаго, а историческаго интереса, имѣетъ и несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ вопросъ, напр., о томъ же Валленштейнѣ: въ послѣднемъ загадкою могутъ оставаться только личныя намѣренія знаменитаго кондотьера, которыя, однако, начинают теперь разоблачаться, благодаря новымъ архивнымъ матеріаламъ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, когда дѣло идетъ о вождѣ индепендентовъ, установившихъ въ Англіи республику, о революціонномъ дѣятелѣ, ставшемъ главою этой республики, о лордѣ-протекторѣ, распоряжавшемся судьбами государства, какъ рѣдкій изъ законныхъ его королей, спорнымъ предметомъ дѣлаются не тайные замыслы и двусмысленные поступки, объясненія коихъ ждутъ изъ архивовъ, а явныя дѣянія рѣзко очерченнаго характера, вліявшія на ходъ событій и на развитіе внутреннихъ отношеній въ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ англійской исторіи. Другими словами, вопросъ о Валленштейнѣ сводится къ тому, чего онъ лично добивался и что могло бы быть, если бы его планы осуществились, тогда какъ вопросъ о Кромвелѣ есть вопросъ о томъ, что совершилъ въ дѣйствительности этотъ государственный человѣкъ Англіи, что вытекало для страны изъ его поведенія.

Конечно, не могло бы быть никакого вопроса о Кромвелѣ, если бы самъ онъ представлялъ собою такую же цѣльную и несложную натуру, какою является передъ нами, напр., Ришелье, и если бы дѣло, которое онъ дѣлалъ, было бы и столь же ясно и просто и столь же успѣшно и прочно по своимъ результатамъ, какъ и дѣло великаго министра Франціи, но въ обоихъ отношеніяхъ существуетъ полнѣйшая противоположность между тѣмъ и другимъ политическими дѣятелями. Ришелье самъ—человѣкъ цѣльный; положеніе его было весьма опредѣленное; задача, имъ себѣ поставленная, отличалась ясностью; результаты его дѣятельности очевидны, и потому о послѣдней не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній: и личное честолюбіе, и политическая идея сливались въ его поведеніи въ одно цѣлое, не возбуждающее недоумѣній. То же можно сказать и о Валленштейнѣ: въ немъ равнымъ образомъ не было внутреннихъ противорѣчій; и началъ онъ, и кончилъ свою политическую карьеру въ качествѣ обыкновеннаго кондотьера, ставившаго на первый планъ своекорыстные интерессы; все поведеніе его обличаетъ въ немъ авантюриста, которому лишь желаніе историковъ найти идейную подкладку и къ его дѣя-

тельности—приписываетъ широкія политическія стремленія; наконецъ, приговоръ о его исторической роли можетъ быть лишь одинъ: что бы онъ тамъ ни замышлялъ и что бы тамъ еще ни могло выйти, если бы ему удалось довести свое дѣло до конца, его дѣятельность оставила только одинъ отрицательный слѣдъ въ исторіи нѣмецкаго народа. Пусть французскій кардиналъ-министръ не былъ,—что понятно само собою,—исключительно человѣкомъ государственной идеи, пусть даже и нѣмецкій кондотьеръ-генералиссимусъ не былъ всецѣло только честолюбивымъ искателемъ приключеній, въ обоихъ, однако личныя стремленія вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ дѣломъ, которому служилъ каждый изъ нихъ, и оба они, разъ ставши на извѣстную дорогу, такъ-таки до конца своего ея и не покидали. Отношеніе личныхъ стремленій Кромвеля къ дѣлу, имъ защищавшемуся, отличается, наоборотъ, крайнею сложностью, да и самое дѣло, повидимому, имъ мѣнялось, разъ революціонеръ сороковыхъ годовъ превратился въ пятидесятыхъ въ консерватора. Ища мѣсто Ришелье въ исторіи современной ему Франціи и мѣсто Валленштейна въ исторіи тогдашней Германіи, мы не затрудняемся видѣть въ той роли, какую игралъ первый,—служеніе государственнаго человѣка издавна развивавшемуся и особенно въ данную минуту наиболѣе благопріятствуемому обстоятельствами абсолютизму, и не затрудняемся также разсматривать самую возможность появленія Валленштейна и его успѣха, какъ одинъ изъ результатовъ государственнаго разложенія Германіи, только и дѣлавшаго, конечно, мыслимою такую странную карьеру, какова была карьера герцога Фридландскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ серединѣ XVII в. во Франціи завершился вѣковой процессъ развитія королевской власти, а въ Германіи—политическаго раздробленія, и если въ этомъ заключается главная характеристика разсматриваемаго момента въ исторіи обѣихъ странъ [1]), то мы безъ особаго труда ставимъ въ связь дѣятельность Ришелье и Валленштейна съ соотвѣтственными политическими явленіями въ исторической жизни ихъ отечествъ. Но въ то время, когда во Франціи торжествовалъ абсолютизмъ, въ Германіи же окончательно рушилось государственное единство, Англіи пришлось отстаивать свою политическую свободу, стражемъ которой былъ парламентъ, а самымъ крупнымъ человѣкомъ эпохи былъ здѣсь Кромвель: спрашивается, однако, можно ли столь же просто опредѣлить взаимоотношеніе, существующее между личнымъ поведеніемъ Кромвеля и историческимъ моментомъ, который переживался Англіей, сколь просто мы опредѣляемъ связь, открываемую нами безъ какихъ бы то ни было усилій между политическимъ поведеніемъ Ришелье и развитіемъ абсолютизма во Франціи или между кондотьер-

[1]) Еще разъ ссылаемся на параллель Англіи, Франціи и Германіи. См. выше, стр. 376 и др.

ствомъ Валленштейна и государственнымъ разложеніемъ Германіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный: и съ этой стороны Кромвель не укладывается въ готовую схему, требуетъ приложенія къ себѣ особой мѣрки, такъ какъ здѣсь дѣло не такъ просто, какъ въ случаѣ Ришелье и даже Валленштейна, загадочный элементъ въ біографіи котораго можетъ, конечно, имѣть значеніе пробѣла для характеристики его личности, но является совершенно безразличнымъ для пониманія сущности того историческаго момента, какой переживался Германіей въ эпоху тридцатилѣтней войны. Вотъ послѣдняго-то и нельзя сказать относительно загадочнаго въ личности Кромвеля: революціонеръ сороковыхъ годовъ и консерваторъ пятидесятыхъ былъ *представителемъ извѣстныхъ религіозныхъ стремленій, политическихъ идей, соціальныхъ интересовъ*, выразителемъ извѣстныхъ теченій, существовавшихъ въ англійскомъ обществѣ, имѣлъ за собою и противъ себя цѣлыя культурныя и соціальныя группы и партіи, предъявлявшія новыя требованія и церкви, и государству, и обществу, тогда какъ Валленштейнъ стоялъ одиноко среди окружавшаго его общества, если только не имѣть въ виду мотива личной наживы, который соединялъ въ одномъ стремленіи и его самого, и его пеструю армію.

Противорѣчія въ самой личности Кромвеля, двойственность его роли въ началѣ и концѣ карьеры, сложность тѣхъ отношеній, среди коихъ ему пришлось дѣйствовать, и сложность его собственнаго отношенія къ тому, что совершалось вокругъ него и при его участіи, вотъ что само по себѣ затрудняетъ историка, ищущаго отвѣта на вопросъ объ исторической роли Кромвеля. Но независимо отъ этого историки сами создаютъ себѣ затрудненія, подходя, такъ сказать, не съ того конца къ рѣшенію задачи. Главнымъ образомъ тутъ нужно имѣть въ виду, что, вмѣсто исторической оцѣнки, на первый планъ нерѣдко выдвигается оцѣнка моральная или политическая, т.-е. ставится прежде всего вопросъ не о томъ, почему Кромвель дѣйствовалъ именно такимъ-то и такимъ-то образомъ, а о томъ, какъ онъ дѣйствовалъ, т.-е. дурно ли или хорошо съ моральной или политической точекъ зрѣнія, причемъ вдобавокъ, то вторая точка зрѣнія подчиняется первой, то, наоборотъ, первая—второй, противорѣчія же въ личныхъ свойствахъ подсудимаго и двойственность его роли позволяютъ историкамъ высказывать о немъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія діаметрально противоположные взгляды.

О Кромвелѣ, какъ о человѣкѣ, разсматриваемомъ съ моральной стороны, составились дѣйствительно, самыя разнорѣчивыя сужденія, до такой степени противоположныя, что иногда однѣ изъ нихъ совершенно исключаются другими и среднее представленіе немыслимо. Долгое время господствовало мнѣніе, что это былъ честолюбивый интриганъ, посредствомъ самаго гнуснаго лицемѣрія пользовавшійся въ своихъ цѣ-

ляхъ легковѣріемъ фанатическихъ сектантовъ, именно чтобы захватить власть въ свои руки и пользоваться ею самымъ тираническимъ образомъ: такая точка зрѣнія нашла, напр., выраженіе въ извѣстной „Исторіи Англіи" Юма, одного изъ наиболѣе видныхъ англійскихъ писателей прошлаго вѣка, но и тѣ авторы, которые не раздѣляютъ такого взгляда на Кромвеля, тѣмъ не менѣе находятъ, что онъ прибѣгалъ въ извѣстныхъ случаяхъ къ лицемѣрію и вѣроломству, хотя сами же иногда считаютъ нужнымъ это оправдывать политическою необходимостью. Съ другой стороны, иными историками подчеркивается, наоборотъ, то, что Кромвель имѣлъ несомнѣнно твердыя убѣжденія, которымъ готовъ былъ жертвовать имуществомъ и самою жизнью,—ставилъ себѣ широкіе политическіе планы, осуществленіе коихъ должно было составить благо его родины, какъ онъ его понималъ,—и чувствовалъ всю тяжесть той отвѣтственности передъ народомъ, которую взялъ на себя, какъ распорядитель его судебъ. И вотъ на почвѣ такого отношенія къ Кромвелю, возникающаго изъ внимательнаго изученія мотивовъ, которые имъ руководили, возникаетъ его идеализація, какъ личности въ нравственномъ отношеніи высокой, безукоризненной, какъ дѣятеля вполнѣ безкорыстнаго, преданнаго идеѣ долга: такимъ является Кромвель у Карлейля, издавшаго его письма и рѣчи съ своимъ предисловіемъ и примѣчаніями [1]): этотъ историкъ-поэтъ прямо причисляетъ его къ „героямъ" въ томъ условномъ смыслѣ, въ коемъ у него вообще употребляется терминъ, когда онъ проповѣдуетъ о поклоненіи героямъ и о героическомъ въ исторіи. Извѣстно, что въ книжкѣ, посвященной этому предмету [2]), въ числѣ немногихъ, какого-нибудь десятка лицъ, долженствующихъ иллюстрировать героическое въ исторіи, Карлейль помѣщаетъ и Кромвеля, „героя въ качествѣ вождя", какъ „единственнаго человѣка на протяженіи пятнадцати вѣковъ англійской исторіи", какъ избранника Божія, поражающаго насъ своею искренностью, а послѣднюю Карлейль какъ разъ и считаетъ характернымъ признакомъ великаго человѣка, провиденціальнаго героя. Весьма естественно, что между діаметрально-противоположными взглядами Юма и Карлейля не можетъ быть примиренія: одинъ пишетъ обвинительный актъ противъ величайшаго лицемѣра, другой въ панегирическомъ тонѣ прославляетъ воплощенную искренность. Само собою разумѣется, что и Юмъ, и Карлейль неправы, хотя нельзя отрицать того, что оба они лишь преувеличивали дѣйствительныя свойства человѣка, уживавшіяся въ одной и той же

---

[1]) Названіе изданія выше, стр. 417.

[2]) Carlyle. On heroes, heroworship and the heroic in history (есть нѣм., франц. и русскій переводы).

душѣ. Исходить, однако, въ оцѣнкѣ исторической роли Кромвеля изъ психологическаго анализа его личности, конечно, не слѣдуетъ, ибо у историка на первомъ планѣ должны стоять не сокровенные, часто даже совсѣмъ недоступные наблюденію мотивы дѣятельности того или другого лица, а сама эта дѣятельность, т.-е. отдѣльные поступки, изъ коихъ она складывается, общее направленіе, въ какомъ она совершается. Но и тутъ не слѣдуетъ подходить къ дѣятелю съ предвзятою мѣркой и оцѣнивать его роль на основаніи, напр., политическихъ сочувствій и несочувствій, но нужно ставить вопросы о томъ, какія идеи могутъ разсматриваться, какъ руководящія во всей его дѣятельности, и какіе результаты имѣла послѣдняя по отношенію къ обществу, въ которомъ историческое лицо родилось, жило и дѣйствовало [1]). Кромвель выступилъ въ роли революціонера и кончилъ, какъ узурпаторъ: уже одного этого было достаточно для консервативно настроеннаго Юма, чтобы отнестись отрицательно къ такому человѣку, которому онъ съ чисто партійной точки зрѣнія и противополагаетъ Карла I, украшеннаго, наоборотъ, всѣми добродѣтелями. Напротивъ того, какъ тиранна, подавлявшаго свободу, тоже весьма строго осуждаетъ Кромвеля Форстеръ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ его біографовъ и историковъ англійской революціи [2]), давшій свой особенный портретъ лорда-протектора, не похожій на изображеніе, сдѣланное Юмомъ, но столь же далекое и отъ карлейлевской идеализаціи. Конечно, и тутъ двойственность роли, какую игралъ Кромвель въ исторіи революціи, была причиною того, что осуждалась она и съ консервативной, и съ либеральной точекъ зрѣнія, какъ опять таки съ обѣихъ же точекъ зрѣнія эта роль вызывала къ себѣ равнымъ образомъ и сочувствіе и—что особенно замѣчательно—въ одномъ и томъ же человѣкѣ, два раза высказавшемся о Кромвелѣ, но въ двѣ разныя поры своей жизни, какъ это случилось съ Маколеемъ, который въ двадцатыхъ годахъ (въ essay о „Конституціонной исторіи Англіи“ Галлама) сочувствовалъ Кромвелю, какъ радикалъ, а въ концѣ сороковыхъ годовъ (въ „Исторіи Англіи“) высказывалъ къ нему симпатію, уже какъ къ человѣку, спасшему общественный порядокъ отъ грозившей ему анархіи.

Мы выбрали лишь нѣсколько наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ разногласія въ оцѣнкѣ Кромвеля, какъ человѣка и политическаго дѣятеля, вовсе не имѣя возможности — да и надобности — разбирать

---

¹) Ср. выше, стр. 47—48, гдѣ говорится о томъ, какъ прежде всего слѣдуетъ оцѣнивать историческую роль Лютера.

²) Біографія Кромвеля занимаетъ два тома въ соч. Форстера, указанномъ выше на стр. 417.

здѣсь всѣ взгляды на него, высказанные хотя бы и наиболѣе крупными историками. Во всякомъ случаѣ, исходнымъ пунктомъ историческаго взгляда на того или другого дѣятеля долженъ быть не психологическій анализъ его характера и не произнесеніе надъ нимъ приговора съ точки зрѣнія того или другого политическаго міросозерцанія, а должно быть изслѣдованіе вопроса о томъ, какія идеи онъ проводилъ въ жизнь, служа ли этимъ идеямъ или эксплуатируя ихъ въ свою личную пользу, какъ бы мы субъективно ни относились сами къ этимъ идеямъ,— а затѣмъ уже можно поставить вопросъ о томъ, какъ самъ дѣятель— искренне или неискренне, съ полнымъ убѣжденіемъ или безъ неизмѣнной преданности—относился къ этимъ идеямъ и соотвѣтствовали ли онѣ тому, что въ данную минуту вызывалось потребностями даннаго общества. Если мы приложимъ такое требованіе къ личности Кромвеля, то наше представленіе о немъ много выиграетъ въ ясности, и какъ его личный характеръ, такъ и историческая роль покажутся менѣе противорѣчивыми и двойственными, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что мы получимъ здѣсь хоть нѣкоторое объясненіе тому, что при употребленіи другихъ пріемовъ должно оставаться страннымъ и загадочнымъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, рѣшавшихся въ бурную эпоху сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ англійской исторіи былъ вопросъ религіозный. Кромвель сошелся вполнѣ съ индепендентами по этому вопросу, *выступивъ защитникомъ свободы совѣсти*, въ которой онъ видѣлъ одинъ изъ основныхъ (fundamental) законовъ государственнаго общежитія. Каковы были собственныя вѣрованія Кромвеля, это—предметъ посторонній, но несомнѣнно, что самъ онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный, цѣнилъ въ другихъ религіозность и уважалъ свободу чужой совѣсти. Въ этомъ отношеніи онъ никогда не сходилъ съ той дороги, на которую вступилъ въ самомъ началѣ революціи. Первыя его столкновенія съ пресвитеріанами произошли именно по поводу того, что онъ допускалъ сектантовъ въ свой кавалерійскій полкъ, да и потомъ, когда онъ былъ уже лордомъ-протекторомъ, онъ не дѣлалъ никакого различія между индепендентами и пресвитеріанами при назначеніи на должности придворныхъ проповѣдниковъ или полковыхъ священниковъ, чѣмъ вызывалъ неудовольствіе среди нетерпимой части сектантства. Распространяя принципъ свободы совѣсти, какъ мы еще увидимъ, лишь на извѣстную категорію вѣрованій, Кромвель относился въ высшей степени терпимо къ католикамъ, англиканцамъ и даже евреямъ. Предубѣжденіе англійскаго общества противъ первыхъ было особенно сильно, ибо въ папистахъ видѣли не только послѣдователей „суевѣрія“ и „идолослуженія“, но и людей, опасныхъ въ политическомъ отношеніи, какъ сторонниковъ абсолютизма. Тѣмъ

не менѣе по отношенію къ католикамъ Кромвель держалъ себя такимъ образомъ, что имѣлъ право указывать въ переговорахъ своихъ съ кардиналомъ Мазарини на то, что никогда католики не имѣли такъ мало основаній жаловаться на притѣсненіе ихъ совѣсти, какъ въ его правленіе: онъ даже писалъ кардиналу, что считаетъ лишь несвоевременнымъ издать публичную декларацію въ пользу терпимости по отношенію къ католикамъ, хотя лично, въ умѣ своемъ и держитъ мысль о необходимости для нихъ свободы. Англиканцы равнымъ образомъ были предметомъ недовѣрія и нерасположенія со стороны пуританъ, мстившихъ имъ еще за старыя обиды, но Кромвель фактически смягчалъ и даже прямо не соблюдалъ изданныя противъ англиканскаго духовенства строгія постановленія. Евреямъ Кромвель оказывалъ настоящее покровительство, дозволивъ имъ селиться въ Англіи и даже разрѣшивъ выстроить въ Лондонѣ синагогу; среди послѣдователей моисеева закона возникла даже мысль, не происходитъ ли англійскій лордъ-протекторъ отъ племени давидова. Весьма естественно, что Кромвель сдѣлался защитникомъ свободы совѣсти и на материкѣ Европы. Но въ данномъ отношеніи Кромвель не во всемъ сходился съ другими индепендентами. Во-первыхъ, среди послѣднихъ были сторонники полнаго отдѣленія церкви отъ государства (впослѣдствіи осуществившагося въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ), но Кромвель былъ противникомъ такой идеи и сходился съ тою фракціей индепендентства, которая ограничивала принципъ свободы совѣсти лишь простою терпимостью къ христіанскимъ сектамъ, не отнесеннымъ къ числу ересей и не противорѣчащимъ добрымъ нравамъ и общественному порядку. Разное пониманіе одного и того же принципа приводило, конечно, къ столкновеніямъ между отдѣльными фракціями индепендентства и этихъ послѣднихъ съ Кромвелемъ. Стоя на той точкѣ зрѣнія, что верховной власти принадлежитъ право придать тому или другому исповѣданію значеніе государственной церкви, онъ между прочимъ разошелся и по этому вопросу съ однимъ изъ республиканскихъ парламентовъ (бербонскимъ), желавшимъ полнаго невмѣшательства государства въ религіозныя дѣла. Но Кромвель изъ своего принципа государственнаго исповѣданія не дѣлалъ вывода въ смыслѣ единообразія, полагая, что свобода совѣсти есть одно изъ естественныхъ правъ человѣка, и находя, что желающій самъ пользоваться такою свободою обязанъ предоставлять ее и другимъ, такъ какъ свобода совѣсти можетъ быть основана лишь на началѣ взаимной терпимости между отдѣльными сектами. Однако, и тутъ онъ встрѣчался съ противниками, дѣлавшими исключеніе изъ общаго правила для католиковъ и англиканцевъ. Правда, и самъ Кромвель признавалъ право на религіозную свободу лишь за послѣдователями христіанскаго вѣроученія, отрицая таковое право не только за сторонниками безнравственныхъ и анархическихъ доктринъ,

но и за атеистами, и за сектами, не вѣрившими въ святость Писанія и допускавшими внутреннее откровеніе (вслѣдствіе чего онъ, напр., отказывалъ квакерамъ въ правѣ публичнаго культа и пропаганды, хотя и не преслѣдовалъ за простую принадлежность къ сектѣ), но если такимъ образомъ у Кромвеля религіозная свобода была обставлена извѣстными условіями, то въ этомъ отношеніи съ нимъ за-одно думали и весьма многіе индепенденты, среди коихъ было, напр., распространено убѣжденіе, что лишь христіане, вѣрующіе въ тріединаго Бога, въ Христа и въ Библію имѣютъ во всемъ остальномъ право свободной совѣсти, что послѣднее не можетъ быть распространено на евреевъ, язычниковъ, раціоналистовъ (отождествляющихъ Бога съ разумомъ) и атеистовъ, и даже левеллеры, коихъ ихъ противники обвиняли въ обожествленіи разума, въ отрицаніи божественности Христа и въ невѣріи относительно безсмертія души, признавали право свободы совѣсти лишь за вѣрующими въ Бога, исключая изъ пользованія этимъ правомъ атеистовъ. Такимъ образомъ, являясь защитникомъ религіозной свободы, Кромвель выступалъ въ этой области, какъ представитель индепендентства, не раздѣляя, впрочемъ, воззрѣнія тѣхъ сектантовъ, которые желали полнаго отдѣленія церкви отъ государства, съ одной стороны, и тѣхъ, которые не распространяли терпимости на папистовъ, епископаловъ и нехристіанъ, вѣрующихъ въ Библію.

Иначе представляется вопросъ объ отношеніи Кромвеля къ индепендентскимъ политическимъ идеямъ. Кромвель унаслѣдовалъ политическую теорію круглоголовыхъ [1]), по которой лучшая форма государственнаго устройства есть смѣшаное правленіе, что законные интересы личности и общества обезпечиваются наилучшимъ образомъ лишь при надлежащемъ сочетаніи свободы и власти, раздѣленной въ свою очередь между правительствомъ и націей такимъ образомъ, чтобы между ними существовало извѣстное равновѣсіе. Такое *политическое міросозерцаніе шло, однако, въ разрѣзъ съ принципомъ народовластія,* провозглашеннымъ индепендентскою партіей въ долгомъ парламентѣ 4-го января 1649 г. [2]): республиканскій парламентъ, т.-е. палата общинъ „безъ короля и лордовъ", разсматривая себя, какъ собраніе представителей суверенного народа, желалъ сосредоточить въ себѣ всю полноту верховной власти, тогда какъ Кромвель былъ сторонникомъ самостоятельной и независимой исполнительной власти, попавшей притомъ въ его руки. Поэтому онъ не допускалъ, чтобы парламенты дѣлались вѣчными, и хотѣлъ, чтобы распоряженіе военною силою было совмѣстно у обѣихъ, одна отъ другой независимыхъ властей, безъ чего либо одна,

---

¹) См. выше, стр. 4[illegible]2 и слѣд.
²) См. выше стр. 496.

либо другая получила бы перевѣсъ и тѣмъ нарушился бы основной принципъ ихъ обоюдной независимости. Эта идея осуществилась въ конституціи 1653 г., поставившей рядомъ единоличнаго главу исполнительной власти (лорда-протектора) и законодательное собраніе народныхъ представителей (парламентъ), причемъ лордъ-протекторъ могъ всегда своимъ правомъ роспуска парламента парализовать враждебныя дѣйствія послѣдняго, а послѣдній, наоборотъ, всегда могъ воспользоваться своимъ правомъ отказа въ субсидіяхъ, сдѣлавъ прямо невозможною всю административную дѣятельность лорда-протектора. Такая конституція была расчитана на дружное содѣйствіе взаимно ограничивающихся властей, но на самомъ дѣлѣ у протектора и парламента происходили постоянные конфликты. Чѣмъ болѣе встрѣчалъ Кромвель оппозицію, исходившую со стороны партіи, которая стояла за всемогущество парламента, чѣмъ болѣе приходилось ему наталкиваться на разнаго рода препятствія, тѣмъ болѣе *онъ убѣждался въ превосходныхъ качествахъ старой конституціи* и тѣмъ сильнѣе долженъ былъ желать если ужъ и не полнаго ея возстановленія, то, по крайней мѣрѣ, внесенія ея принциповъ въ республиканское устройство, введенное въ Англіи индепендентами. Его практическій смыслъ подсказывалъ ему необходимость этого, но ему приходилось считаться не только съ республиканской партіей въ парламентѣ, но и съ республиканскимъ настроеніемъ въ арміи, той самой арміи, которая была его опорой. Такимъ образомъ, раздѣляя религіозныя стремленія индепендентовъ и пользуясь вообще поддержкою состоявшей изъ сектантовъ арміи, Кромвель не раздѣлялъ всѣхъ политическихъ воззрѣній этой партіи и самъ не находилъ въ ней сочувствія къ своимъ планамъ возстановить старые принципы государственнаго устройства. Самое установленіе республики въ Англіи не было личнымъ дѣломъ Кромвеля, какъ это казалось историкамъ, представлявшимъ событія англійской революціи такимъ образомъ, будто все это было весьма послѣдовательнымъ выполненіемъ хитраго плана, заранѣе составленнаго Кромвелемъ, чтобы погубить короля, учредить республику, захватить въ ней власть въ свои руки и въ концѣ-концовъ самому сдѣлаться королемъ. Такой взглядъ на дѣло, конечно, неправда, но если Кромвель въ послѣдніе годы своей жизни и мечталъ о коронѣ, то мечты эти объясняются не только личнымъ его честолюбіемъ, но и тою политическою теоріей, которая проходитъ черезъ всю его дѣятельность: лишь корона могла быть настоящею основою для исполнительной власти, для ея самостоятельности и независимости отъ парламента.

Здѣсь умѣстно будетъ бросить бѣглый взглядъ на поведеніе Кромвеля до основанія республики. Въ долгомъ парламентѣ онъ выступаетъ горячимъ бойцомъ за религіозную и политическую свободу, тратитъ на дѣло защиты этой свободы свое состояніе и обнаруживаетъ громадный

организаторскій талантъ, непреоборимую энергію въ войнѣ съ Карломъ I. Король побѣжденъ, но между побѣдителями происходитъ борьба изъ-за религіознаго вопроса, и Кромвель, какъ сторонникъ свободы совѣсти, расходится съ пресвитеріанскимъ парламентомъ, соединяется съ индепендентской арміей. Послѣдняя стремится посредничать между парламентомъ и побѣжденнымъ королемъ, а Кромвель самъ ведетъ съ нимъ переговоры, вызывающіе неудовольствіе арміи, но только убѣдившись въ томъ, что Карлу I совсѣмъ нельзя довѣрять, онъ оставилъ всѣ надежды на примиреніе и далъ совершиться тому, чего требовалъ политическій фанатизмъ арміи. Если, однако, и прежде съ точки зрѣнія теоріи о равновѣсіи властей ему приходилось отстаивать права парламента, то та же самая идея въ эпоху республики заставляла его возставать противъ всемогущества самого парламента, защищать независимость исполнительной власти, тѣмъ болѣе еще, что послѣдняя была въ его рукахъ, благодаря поддержкѣ арміи. Но вотъ эта-то послѣдняя поддержка, сдѣлавшаяся даже прямо матеріальною основой его власти, и получила значеніе одной изъ причинъ того полнаго противорѣчій положенія, въ какое попалъ Кромвель: не лишаясь поддержки арміи, онъ не могъ осуществить ту политическую теорію, которая казалась ему наиболѣе правильною теоретически и наиболѣе соотвѣтствовавшею преданіямъ, нравамъ и законамъ Англіи. Эта армія даже прямо толкала его на путь военнаго деспотизма. И тѣмъ не менѣе Кромвель и передъ самою еще своею смертью не отказывается отъ мысли править, опираясь на парламентъ.

Кромвель весьма часто оправдывалъ противорѣчія, какія находили между его заявленіями и поступками,—ссылками на необходимость. Человѣкъ, дѣйствительно, прибѣгавшій къ хитростямъ и уловкамъ, онъ нерѣдко, пожалуй, и самъ искусственно создавалъ такія необходимости, которыми потомъ объяснялъ тѣ или другія свои мѣры, но въ общемъ и цѣломъ, и взаправду; необходимость нерѣдко заставляла его идти сегодня на то, противъ чего онъ протестовалъ еще вчера. Имѣя свой идеалъ государственнаго устройства, онъ считалъ тѣмъ не менѣе, что лучше уже имѣть дурное правительство, чѣмъ не имѣть никакого (misrule is better than norule). Правительство Карла I ему, конечно, казалось дурнымъ, но онъ самъ предпочиталъ создать такое дурное правительство, чѣмъ позволить водвориться въ странѣ безначалію. Сторонникъ смѣшаной формы правленія, онъ былъ противникомъ не только абсолютизма, но и чистой демократіи, которая, по его мнѣнію,—да и по мнѣнію многихъ круглоголовыхъ,—необходимо приводила къ анархіи. Если онъ въ арміи не дѣлалъ различія между джентельменами и простолюдинами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ государственной жизни онъ хотѣлъ провести демократическое начало.

Между тѣмъ идея республики несомнѣнно приводила къ идеѣ народовластія, а составъ индепендентской арміи прямо былъ демократическій: нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой арміи возникло и „уравнительное“ движеніе какъ политическаго, такъ и соціальнаго характера. Такому движенію вообще не могли сочувствовать представители землевладѣльческихъ классовъ, коимъ принадлежали и всѣ мѣста въ нижней палатѣ, а потому весьма естественно, что именно въ духѣ этихъ классовъ писались и издавались памфлеты, предостерегавшіе общество отъ демократическихъ увлеченій, причемъ дѣлались ссылки на ужасы, напр., крестьянскаго возстанія подъ начальствомъ Вата Тэйлера („Идолъ клоуновъ или бунтъ Вата Тэйлера“) или мюнстерскаго царства анабаптистовъ съ Іоанномъ Лейденскимъ во главѣ. Кромвелю до установленія республики приходилось самому сдерживать демократическое движеніе въ арміи, а въ началѣ республики такое движеніе потребовало прямо подавленія, получивъ характеръ военнаго бунта. Чистая демократія совершенно не соотвѣтствовала политическимъ воззрѣніямъ Кромвеля, но, кромѣ того, *онъ былъ представителемъ землевладѣльческаго сословія,* которое въ государственной жизни Англіи дѣлалось все болѣе и болѣе настоящимъ правящимъ классомъ. Принадлежа по рожденію, воспитанію, первоначальному роду своихъ занятій къ этому классу, онъ не скрывалъ того, что защита землевладѣльческихъ интересовъ весьма ему дорога, и что въ этомъ отношеніи его роль уподобляется роли приходскаго блюстителя порядка, т.-е. констебля. Политическихъ радикаловъ своего времени, „уравнителей“, онъ упрекаетъ въ томъ, что они хотятъ арендатора (tenant) сдѣлать равнымъ землевладѣльцу (landlord), и, приписывая всѣмъ левеллерамъ коммунистическія стремленія, возражалъ имъ тѣмъ, что установи они равенство, къ которому стремятся, послѣднее долго не продержалось бы, ибо, добившись надѣленія землею, „уравнители“ немедленно начали бы затѣмъ сами доказывать необходимость охранять собственность и землевладѣльческіе интересы. Такъ какъ въ радикальномъ движеніи эпохи, дѣйствительно, были и коммунистическое, и анархическое направленія, то Кромвель съ особеннымъ недовѣріемъ сталъ относиться къ народной толпѣ и ссылаться на Соломона, говорившаго, что когда начинается угнетеніе со стороны бѣдныхъ, оно уподобляется ливню, который смываетъ все съ лица земли.

Въ указанныхъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ Кромвеля мы и должны искать объясненія его исторической роли. Въ религіозномъ отношеніи онъ искренне примыкалъ къ индепендентству, но сталъ расходиться съ нимъ, когда послѣднее въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ начало вырабатывать направленія, несогласныя съ его собственными взглядами на государство и общество.

Онъ самъ создалъ силу, которая помогла ему побѣдить короля, и самъ содѣйствовалъ развитію въ ней республиканскаго духа и демократическихъ стремленій, не предвидя, что все это пойдетъ въ разрѣзъ съ его собственными идеями и что сила, доставившая ему побѣду, сдѣлается и помѣхой на пути къ осуществленію его политическихъ плановъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ арміи орудіе, но послѣднее ускользало изъ его рукъ: ему же самому пришлось противодѣйствовать дальнѣйшему развитію движенія, зарожденію коего онъ невольно содѣйствовалъ. Только при такомъ объясненіи мы можемъ понять превращеніе революціонера въ консерватора: Кромвель выступилъ на политическое поприще, имѣя болѣе сорока лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, уже съ сложившимися убѣжденіями и установившимися стремленіями, и не онъ имъ измѣнялъ, а измѣнялись окружающія обстоятельства, заставлявшія его быть революціонеромъ, когда странѣ грозилъ деспотизмъ, и стать консерваторомъ, когда передъ нимъ открывалась опасность анархіи,—измѣнялись, конечно, и сами эти убѣжденія и стремленія, поскольку Кромвель не былъ человѣкомъ, не умѣющимъ ничего забывать и ничему не научаться, т.-е. измѣнялись въ зависимости отъ указаній опыта, а не потому, что цѣною измѣны можно было достигнуть власти или удержать ее въ рукахъ. Съ другой стороны, обстоятельства, управлять которыми стремился Кромвель, оказывались сильнѣе его: правда, онъ не останавливался передъ лицемѣріемъ и вѣроломствомъ, но въ то же время онъ бывалъ дѣйствительно и вполнѣ искреннимъ, и необходимость управлять страною, не имѣя легальной, общепризнанной власти, лишая націю ея законныхъ правъ, опираясь исключительно на военную силу, была настоящей мукой послѣднихъ лѣтъ его жизни. Интересуясь, впрочемъ, не столько внутреннимъ міромъ Кромвеля, сколько его внѣшнею ролью, нельзя не сказать, что эта роль была диктатурой, т.-е. тѣмъ же абсолютизмомъ, къ которому вѣдь стремился и Страффордъ. Но въ Англіи, какъ мы видѣли [1]), у абсолютизма совсѣмъ не было благопріятныхъ шансовъ, и это-то именно сама жизнь дважды доказала на протяженіи двадцати лѣтъ: то, чего такъ хотѣлъ, но не могъ достигнуть Страффордъ, поплатившись головою за свою попытку, почти само собою доставалось Кромвелю, но онъ самъ тяготился необходимостью тиранніи и искалъ возстановленія того равновѣсія между политическими властями страны, нарушеніе коего началось съ абсолютистической попытки Страффорда. Въ этомъ заключается главный политическій смыслъ борьбы, такъ сильно потрясшей Англію, и одинъ и тотъ же Кромвель, революціонеръ сороковыхъ годовъ XVII в. и консерваторъ пятидесятыхъ, является передъ нами, какъ человѣкъ, на личной судьбѣ коего можно убѣдиться, какъ

[1]) См. выше, стр. 417 и слѣд.

прочно утвердился въ жизни Англіи государственный строй, сдѣлавшійся главной характеристикой ея политической исторіи. Но Кромвель связанъ не съ нею одною, а и съ тѣмъ великимъ культурнымъ движеніемъ, которое подъ именемъ реформаціи охватило почти всю западную Европу: какъ представитель индепендентовъ, Кромвель выступилъ въ качествѣ защитника свободы совѣсти, которую онъ понималъ шире, чѣмъ кто-либо другой изъ государственныхъ людей эпохи. То, что за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Ришелье давалъ французскимъ протестантамъ, какъ милость со стороны государства [1]),—лордъ-протекторъ Англіи разсматривалъ, какъ право самой личности, основное и неотъемлемое право индивидуальной совѣсти. Такимъ образомъ въ общемъ его дѣятельность, такъ сказать, совпадала съ историческимъ развитіемъ политическихъ и религіозныхъ отношеній Англіи, и принятію такого вывода не могутъ помѣшать ни разногласія въ характеристикѣ Кромвеля, какъ человѣка, ни разногласія въ оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ революціонера въ одну пору жизни и консерватора въ другую.

XXXIX. Политическая и соціальная исторія англійской республики [2]).

Англійская революція и западная Европа.—Международное положеніе Англіи въ эпоху республики и роль Кромвеля.—Покореніе Ирландіи и Шотландіи.—Война съ Голландіей.—Союзъ съ Франціей и война съ Испаніей.—Защита протестантизма.—Консервативная оппозиція республикѣ внутри страны.—Политическая программа левеллеровъ.—Джонъ Лильбёрнъ.—Долгій парламентъ, армія и Кромвель.—Бербонскій парламентъ и конституція 1653 г.—Военный деспотизмъ.—Вопросъ о возстановленіи старой конституціи.—Послѣдній годъ Кромвеля.—Смуты по его смерти и реставрація Стюартовъ.—Соціальная исторія англійской республики.—Сектантскій коммунизмъ и анархизмъ.—Новая секуляризація церковной собственности.—Отмѣна феодальной собственности.

Исторія англійской революціи можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія: по отношенію къ самой Англіи это былъ одинъ изъ эпи-

---

[1]) Edit de grâce, см. выше, стр. 350.

[2]) Кромѣ указанныхъ (стр. 417 и 472) сочиненій, см. A. Bisset. History of the Commonwealth in England from the death of Charles I to the expulsion of the long parliament by Cromwell (написано на основаніи протоколовъ государственнаго совѣта, изданныхъ послѣ появленія книги въ свѣтъ).—Murphy. Cromwell in Ireland.—Prendergast. The Cromwellian settlement of Ireland.—I. Bourelly. Cromwell et Masarin.—Rob. Vaughan. The protectorate of Oliver Kromwell and the state of Europe during the yearly part of the reign Louis XIV. Подъ общимъ заглавіемъ исторіи англійской революціи Гизо (стр. 417) мы

зодовъ въ исторіи той вѣковой борьбы, которая велась здѣсь между королевскою властью и парламентомъ, а по отношенію ко всей западной Европѣ—эпизодомъ въ исторіи религіозной реформаціи, соединявшейся, какъ извѣстно, съ рѣшеніемъ мѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Новымъ государственнымъ и религіознымъ идеямъ англійской революціи не суждено было осуществиться на родинѣ: паденіе республики и реставрація Стюартовъ возвратили Англію на старый историческій путь, съ котораго она было сошла, но въ далекихъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, превратившихся черезъ полтора вѣка въ первую настоящую демократическую республику съ широкимъ развитіемъ политической и индивидуальной свободой и съ полнымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства, англійскіе эмигранты положили начало осуществленію на новой исторической почвѣ—тѣхъ принциповъ, которые индепендентамъ не удалось провести въ жизнь въ метрополіи. На остальную западную Европу англійская революція не оказала непосредственнаго вліянія: съ этой стороны она непохожа ни на нѣмецкую реформацію, бывшую какъ бы первымъ сигналомъ для начала аналогичныхъ движеній во всѣхъ почти странахъ католической культуры, ни на французскую революцію, равнымъ образомъ получившую общеевропейское значеніе. Мало того: политическая исторія континента развилась въ направленіи, какъ разъ противоположномъ тому, которое возобладало въ Англіи, т.-е. если нѣмецкая реформація XVI в. и французская революція XVIII столѣтія не стоятъ одиноко среди того, что происходило и въ другихъ странахъ, то объ англійской революціи XVII в. этого уже никакъ нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что борьба націи съ абсолютизмомъ и успѣхъ этой борьбы въ Англіи представляютъ собою исключительное явленіе въ ту эпоху, когда повсюду на материкѣ такой борьбы или не велось, или она не принимала большихъ размѣровъ и не достигла своихъ цѣлей. Не смотря на всѣ связи, существующія между англійской революціей и событіями на континентѣ, она все-таки—явленіе мѣстное, если не считать ея слѣдствій болѣе отдаленныхъ, не непосредственныхъ. Мы видѣли, что въ хронологическомъ отношеніи она почти на одинаковые періоды времени удалена отъ религіозной реформаціи XVI в. и отъ политической революціи XVIII в. [1]: дѣйствительно, по отношенію къ первой она была явленіемъ запоздалымъ, по отношенію ко второй—слишкомъ

разумѣли также и его Histoire de la republique d'Angleterre et de Cromwell, но кромѣ того, нужно указать написанную имъ же Hist. du protectorat de Richard Cromwell et du rétablissement des Stuart, а также книгу о Монкѣ (Monk, chute de la république et rétablissement de la monarchie en Angleterre).

[1]) См. выше стр. 459.

опережавшимъ свое время, такъ какъ середина XVII в. на материкѣ была эпохой превращенія религіозной борьбы, вызванной реформаціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой утвержденія абсолютной монархіи, съ которою англичане боролись у себя дома. Другое дѣло—отдаленныя, не непосредственныя слѣдствія англійской революціи для остальной западной Европы, но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Если, однако, англійская революція *не оказала никакого дѣйствія на внутреннюю жизнь континентальныхъ странъ*, не считая весьма и весьма слабаго ея отголоска въ смутахъ фронды, то въ международной политикѣ ей суждено было съиграть видную роль. Междуусобная война сороковыхъ годовъ совпала съ послѣднимъ періодомъ тридцатилѣтней войны; учрежденіе республики по тогдашнему англійскому календарю, начинавшему новый годъ съ марта, произошло въ томъ же году, когда заключенъ былъ вестфальскій миръ, а во Франціи происходили смуты фронды, въ которыя вмѣшалась Испанія [1]); пиренейскій миръ, окончившій войну Франціи съ Испаніей, былъ заключенъ въ 1659 г. [2]), т.-е. вскорѣ послѣ смерти Кромвеля (1658 г.) и незадолго до реставраціи Стюартовъ въ Англіи (1660 г.), всего за два года до начала „вѣка Людовика XIV“ (1661). Такимъ образомъ, если исторія международной политики въ первой половинѣ XVII в. есть главнымъ образомъ исторія тридцатилѣтней войны, а вторая половина XVII в. (съ началомъ XVIII) характеризуется преобладаніемъ Франціи при Людовикѣ XIV и коалиціями, составлявшимися противъ этого короля, то небольшой промежутокъ между окончаніемъ тридцатилѣтней войны и началомъ единодержавія Людовика XIV (1648—1661) былъ какъ разъ временемъ англійской республики (1649 — 1660), *которая играла весьма видную роль въ международныхъ отношеніяхъ эпохи*, благодаря не только благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, но и весьма искусной политикѣ Кромвеля. Англійской республикѣ пришлось встрѣтиться и съ внѣшними, и съ внутренними затрудненіями: если послѣднія ей не удалось преодолѣть, то, наоборотъ, во внѣшней политикѣ *Кромвель съумѣлъ доставить Англіи такое блестящее положеніе, какого она раньше никогда почти не занимала.* Гемпденъ когда-то предсказывалъ, что Кромвель сдѣлается первымъ человѣкомъ въ Англіи, но онъ сдѣлался первымъ человѣкомъ и въ Европѣ и притомъ по отзыву короля, который самъ готовился въ то время играть первенствующую роль въ международной политикѣ: однажды молодой Людовикъ XIV, которому какъ бы и неловко было называть „цареубійцу“, правившаго Англіей, своимъ кузеномъ, сказалъ одному изъ своихъ ми-

---

[1]) См. выше, стр. 404.
[2]) См. выше, стр. 402.

нистровъ, что еслибы послѣднему пришлось величать Кромвеля, назвавъ его „mon père“, то и на это нужно было бы идти, ибо „онъ— самый сильный человѣкъ въ Европѣ“.

Очеркъ политической исторіи англійской республики мы и начнемъ съ самаго краткаго обзора внѣшней политики Кромвеля, чтобы перейти потомъ къ внутреннимъ отношеніямъ.

Англійской республикѣ прежде всего пришлось считаться съ возстаніями въ Ирландіи и въ Шотландіи. Первое было почти уже совсѣмъ подавлено Кромвелемъ съ страшною жестокостью, такъ что Эйртону легко было довершить это дѣло, когда самъ Кромвель былъ отозванъ въ Шотландію, которая признала королемъ Карла II, сына казненнаго короля, согласившагося на сильное ограниченіе своей власти и на заявленіе своего несочувствія „идолопоклонству“ своихъ родителей, и собрало строго пресвитеріанское войско. Въ 1651 г. и Шотландія должна была смириться послѣ того, какъ Кромвель при Ворчестерѣ разбилъ Карла II, рѣшившагося было на вторженіе въ Англію. Всѣ три королевства были теперь соединены подъ одною властью, какъ части единаго цѣлаго. Уже эти побѣды Кромвеля сильно льстили національному самолюбію англичанъ и способствовали упроченію его положенія во главѣ арміи. Иностранная политика вообще была слабымъ мѣстомъ царствованія Стюартовъ [1]): Кромвель возвращалъ ее къ традиціямъ лучшихъ временъ королевы Елизаветы, когда Англія являлась независимой и могущественной, когда ея правительство брало подъ свою защиту дѣло континентальнаго протестантизма. Онъ мечталъ, между прочимъ, о союзѣ съ другимъ протестантскимъ и республиканскимъ государствомъ, съ Голландіей, но вмѣсто союза ему пришлось имѣть войну съ этимъ государствомъ. Англійскіе посланники при иностранныхъ дворахъ встрѣчались за границей не особенно дружелюбно, но никто такъ непріязненно не отнесся къ республикѣ, какъ именно голландскій штатгальтеръ, да и сама страна не была расположена къ союзу съ новой республикой, такъ какъ опасалась развитія морского могущества Англіи. Кромвель отмстилъ сосѣдней республикѣ своимъ навигаціоннымъ актомъ (1651 г.), имѣющимъ большое значеніе въ исторіи меркантилизма [2]): запрещеніе привозить въ Англію товары иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ или на корабляхъ тѣхъ странъ, которыя эти товары производятъ, нанесло сильный ударъ голландской торговлѣ. Послѣдовавшая затѣмъ война между Англіей и Голландіей, имѣвшею первый для того времени флотъ въ мірѣ, окончилась неудачно для старшей республики: послѣ нѣсколькихъ пораженій на

---

[1]) См. выше, стр. 435.
[2]) См. ниже.

морѣ, Голландія должна была подчиниться навигаціонному акту, отказаться отъ оказанія поддержки Стюартамъ и присоединиться въ дѣлахъ международныхъ къ англійской политикѣ (1654). Когда уже въ званіи лорда-протектора Кромвель созвалъ первый свой парламентъ (осенью 1654 г.), онъ могъ съ гордостью указывать въ своей тронной рѣчи на результаты своей политики, къ которымъ нужно еще присоединить выгодные договоры съ другими государствами (съ Даніей, Швеціей и Португаліей) и ожидавшійся тогда трактатъ съ Франціей, и имѣлъ право сказать, что въ Европѣ не было ни одной націи, которая не желала бы жить въ мирѣ съ Англіей. Съ Франціей вскорѣ былъ дѣйствительно заключенъ оборонительный союзъ противъ Испаніи, которому суждено было въ 1657 г. перейти въ союзъ наступательный. Война съ Испаніей также кончилась для Кромвеля весьма успѣшно: Англія завоевала Дюнкирхенъ и Ямайку. Благодаря всему этому, Англіи боялись, преклонялись передъ ея правителемъ, который проявилъ и необычайныя дипломатическія способности, доставившія республикѣ выдающееся положеніе въ Европѣ [1]). Немудрено, что Кромвелю приписывались самые грандіозные планы—образованіе протестантскаго союза для борьбы съ Габсбургами, помощь венеціанцамъ противъ турокъ, завоеваніе обѣихъ Индій, и въ немъ видѣли уже „самаго непобѣдимаго изъ государей". Англія заняла такое мѣсто въ европейскомъ мірѣ, какого ранѣе ей не удавалось занимать, и въ одномъ отношеніи для нея вернулись времена Елизаветы, ибо Кромвель сдѣлался, какъ совершенно вѣрно говорили венеціанскіе послы, „главою и покровителемъ" (capo e protettore) протестантовъ на материкѣ. Къ нему, между прочимъ, обратились за защитою савойскіе вальденсы, приславъ ему свои символическія книги [2]), и онъ вступился въ Туринѣ за ихъ религіозную свободу. Переписка Кромвеля съ Мазарини касалась вопроса о вѣротерпимости, и это не могло пройти безслѣдно для французскихъ гугенотовъ, разъ кардиналъ нуждался въ англійской помощи для войны съ Испаніей. Само папство, незадолго передъ этимъ протестовавшее противъ вѣротерпимости, принятой вестфальскимъ миромъ, должно было считаться съ такимъ направленіемъ англійской политики. Принципіальная сторона послѣдней въ международныхъ отношеніяхъ была та же, что и въ отношеніяхъ внутреннихъ—поддержка вѣротерпимости. Но если таковы были успѣхи Кромвеля во внѣшней политикѣ,—успѣхи, коими, какъ думаютъ нѣкоторые историки, онъ хотѣлъ отвлечь вниманіе общества отъ внут-

---

[1]) Морскія побѣды одерживалъ Блекъ. О немъ соч. Hepworth Dixon. Robert Blake, admiral and general at Sea.

[2]) См. т. I, стр. 509.

ренних дѣлъ,— то именно въ этихъ дѣлахъ внутреннихъ ему не удавалось достигнуть ничего прочнаго.

Причина такой неудачи заключалась въ томъ, что республика была встрѣчена враждебно общественными элементами, которые занимали вліятельное положеніе при монархіи, а теперь съ самаго начала стали оказывать пассивное сопротивленіе несимпатичному для нихъ политическому порядку, а что касается до новыхъ общественныхъ элементовъ, составлявшихъ республиканскую партію, то они были еще слишкомъ слабы, слишкомъ недостаточно организованы внѣ арміи, слишкомъ непривычны къ политической дѣятельности, чтобы сразу и притомъ съ успѣхомъ взять на себя трудное дѣло управленія государствомъ. Мы уже знаемъ, что самъ вождь республиканской арміи былъ противникомъ чистой демократіи и потому не только не поддерживалъ ея стремленій, но даже оказывалъ имъ сопротивленіе, тогда какъ, наоборотъ, соціальные элементы, съ коими онъ охотно пошелъ бы рука объ руку въ политическомъ отношеніи, сами устранялись отъ публичной дѣятельности, предпочитая пассивную оппозицію какому бы то ни было участію въ государственной жизни республики. Такимъ образомъ Кромвель не приставалъ вполнѣ къ людямъ, его поддерживавшимъ, и наоборотъ, не находилъ поддержки въ людяхъ, въ коихъ наиболѣе нуждался. Аристократія, игравшая всегда такую роль въ исторіи Англіи, не могла найти для себя мѣста въ новомъ государственномъ строѣ. Палата перовъ, состоявшая къ 1649 г. изъ какой-нибудь дюжины членовъ и оказавшая сопротивленіе суду надъ королемъ [1]), вскорѣ послѣ совершенія надъ нимъ казни, была уничтожена, какъ безполезное и опасное учрежденіе (6 февр. 1649), и это случилось даже днемъ раньше того, какъ произошла формальная отмѣна монархіи (7 февр.).

Сначала исполнительная власть въ республикѣ была вручена назначенному парламентомъ государственному совѣту, рядомъ съ которымъ были организованы разные спеціальные комитеты; этому учрежденію, составленному изъ 41 члена, выбиравшихся на годъ, вручены были такія полномочія, какими никогда не обладалъ самъ Карлъ I. Въ составъ государственнаго совѣта вошли всѣ выдающіеся члены побѣдившей партіи, военные вожди, (Ферфаксъ и Кромвель), парламентскіе дѣятели (Генри Венъ), юристы (Брадшо), ученые (Мильтонъ), даже нѣкоторые члены высшей знати, признавшіе республику, но многіе члены этого совѣта отказались принести присягу въ первоначальной ея редакціи, заключавшей одобреніе казни короля и уничтоженіе монархіи и верхней палаты: пришлось придумать новую формулу, заключавшую только обѣщаніе относительно будущаго. Если уже среди

---

[1]) См. выше, стр. 496.

новыхъ правителей были люди, не вполнѣ сочувствовавшіе всему совершившемуся, то побѣжденные прямо отнеслись враждебно къ новому порядку: и кавалеры, и пресвитеріане теперь соединялись вмѣстѣ въ отказѣ присягнуть на вѣрность „республикѣ безъ короля и палаты лордовъ“, что было потребовано осенью 1649 г. отъ всѣхъ, занимавшихъ какія-либо должности. Во многихъ мѣстахъ не были приведены въ исполненіе предписанія относительно торжественнаго объявленія республики или уничтоженія монархическихъ эмблемъ на публичныхъ зданіяхъ. На „цареубійцъ“ сыпались еще вдобавокъ памфлеты, пользовавшіеся часто большою популярностью. Положеніе государственнаго совѣта было крайне затруднительное, а тутъ еще *рядомъ съ консервативной оппозиціей роялистовъ и пресвитеріанъ возникла оппозиція радикальная среди самихъ индепендентовъ.* Порядокъ, установленный въ началѣ 1649 г., не удовлетворялъ многихъ дѣятелей республиканской арміи, и они рѣшились на активное сопротивленіе во имя болѣе рѣшительнаго проведенія въ жизнь республиканскихъ началъ. Это были „левеллеры“, которые видѣли въ отмѣнѣ королевской власти и палаты лордовъ лишь первый шагъ къ переустройству государства на совершенно новыхъ принципахъ. Въ ихъ стремленіяхъ сочетались двѣ идеи, съ примѣненіемъ которыхъ къ политической жизни мы встрѣчаемся впослѣдствіи въ Сѣверо-американскихъ штатахъ и во Франціи въ эпоху великой революціи. Левеллеры *были именно защитниками самой широкой индивидуальной свободы и самыми послѣдовательными сторонниками народовластія:* по ихъ ученію, такія права гражданъ, какъ свобода совѣсти и равенство всѣхъ передъ закономъ съ гарантіями личной неприкосновенности въ родѣ суда присяжныхъ, суть права неотъемлемыя, т.-е. такія, отнять которыя не можетъ у гражданъ сама верховная власть народа, что же касается до послѣдней, то она либо осуществляется представителями народа въ парламентѣ, либо передается въ формѣ судебнаго права избираемымъ гражданами присяжнымъ, причемъ левеллеры желали, чтобы правомъ выбирать представителей пользовался весь народъ безъ различія классовъ и состояній. Такимъ образомъ они требовали демократическаго устройства государства съ обезпеченіемъ личной свободы отъ посягательства на нее со стороны законодательства и суда. Въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между законодательною и исполнительною властями левеллеры отступали отъ старыхъ англійскихъ традицій, высказывая ту мысль, что администрація должна была быть подчинена парламенту, и требуя чтобы особая парламентская коммиссія между двумя сессіями надзирала за дѣйствіями исполнительной власти. Наконецъ, они рѣшительнѣйшимъ бразомъ отдѣляли отъ этой послѣдней власть судебную, вручав-

шуюся однимъ присяжнымъ безъ всякаго содѣйствія со стороны государственныхъ судей, и мотивировали это свое требованіе тѣмъ, что въ интересахъ свободы не слѣдуетъ поручать однимъ и тѣмъ же лицамъ составленіе, примѣненіе и приведеніе въ исполненіе законовъ. Рядомъ съ этой политической программой левеллеры выработали и программу соціальныхъ преобразованій съ сохраненіемъ, однако, историческихъ основъ семейнаго быта и частной собственности: въ этой области они *выдвигали на первый планъ уничтоженіе всѣхъ остатковъ соціальнаго феодализма*, добивались прекращенія отношеній, коренившихся въ средневѣковомъ крѣпостничествѣ, главнымъ же образомъ желали установленія свободной и полной поземельной собственности, вмѣсто феодальныхъ формъ условнаго землевладѣнія [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и введенія полнаго гражданскаго равенства, откуда они и получили свое названіе „уравнителей"; поэтому въ ихъ программу входила борьба съ какими бы то ни было привилегіями и монополіями (торговыхъ компаній), свобода выбора занятій для всѣхъ гражданъ, равномѣрное по возможности обложеніе на основѣ пропорціональности налога съ доходомъ каждаго отдѣльнаго лица. Наконецъ, они желали, чтобы духовенство содержалось не государствомъ, а отдѣльными общинами, что равносильно было отдѣленію церкви отъ государства. Всѣ эти требованія были, такъ сказать, навѣяны всѣмъ ходомъ событій и всѣми явленіями внутренней жизни, приведшими англійскую націю къ междоусобію и учрежденію республики, равно какъ вызывались и обстоятельствами, наступившими послѣ казни Карла I. Главнымъ выразителемъ стремленій левеллеровъ сдѣлался Джонъ Лильбёрнъ, оставившій потомству свою автобіографію. Лильбёрнъ былъ однимъ изъ пострадавшихъ въ періодъ самовластія Карла I: какъ противникъ епископата, онъ судился въ звѣздной палатѣ, подвергался наказанію розгами и трехлѣтнему тюремному заключенію. Во время междоусобной войны онъ сражался подъ начальствомъ Кромвеля, въ которомъ особенно цѣнилъ „дорогую сердцу своему вѣротерпимость" и съ которымъ даже вступилъ въ весьма тѣсную дружбу. Такъ какъ у Лильбёрна вышло столкновеніе съ гр. Манчестеромъ, начальникомъ самого Кромвеля, то палата общинъ за яко-бы оскорбленіе своего члена приговорила Лильбёрна къ тюремному заключенію, и такъ какъ онъ протестовалъ противъ этого особымъ памфлетомъ, то подвергся еще новому преслѣдованію: только Кромвелю удалось впослѣдствіи настоять на его освобожденіи изъ тюрьмы. Уже въ это время по чисто личнымъ поводамъ будущій агитаторъ въ своихъ памфлетахъ высказываетъ политическіе взгляды, вошедшіе въ составъ программы ле-

---

[1]) См. т. I, стр. 43 и слѣд.

веллеровъ. Армія уже раньше участвовала въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, и въ ней не прекращалась агитація, противъ которой, какъ было раньше сказано, принимались мѣры высшимъ военнымъ начальствомъ и въ томъ числѣ Кромвелемъ [1]). Это было вообще время сильнаго развитія брошюрной публицистики, самыхъ преувеличенныхъ ожиданій отъ совершившагося переворота, борьбы между отдѣльными дѣятелями за разныя политическія программы и за власть, необходимую для ихъ осуществленія, а власть фактически давалась арміей. Въ послѣдней-то главнымъ образомъ и велась агитація левеллеровъ съ Лильбёрномъ во главѣ, хотя выходила и за предѣлы военныхъ круговъ, вербуя сторонниковъ совершенно новаго политическаго порядка среди низшихъ слоевъ лондонскаго населенія, отчасти и въ сосѣднихъ графствахъ. Агитація привела наконецъ прямо къ военному бунту. Въ арміи было значительное недовольство тѣмъ, что „мѣсто одного тиранна занялъ другой“ (парламентъ), ничего не дѣлающій для народа: лозунгомъ возстанія сдѣлалась радикальная программа Лильбёрна, который какъ разъ въ это время развивалъ ее въ рядѣ памфлетовъ, особенно въ самомъ замѣчательномъ изъ нихъ, носившемъ названіе „Разоблаченіе новыхъ цѣлей Англіи“ (Englands new chaines discovered). Около того же времени обнаружилось въ Англіи движеніе и съ характеромъ чисто соціальнымъ, которое нужно отличать отъ политическаго радикализма левеллеровъ, но ихъ тогда смѣшивали, и тѣмъ опаснѣе казался послѣдній, особенно въ соединеніи съ военнымъ бунтомъ. Поэтому противъ агитаціи своевременно были приняты мѣры, и вспышка была подавлена (май 1649). Лильбёрнъ подвергся судебному преслѣдованію, какъ подстрекатель, но вслѣдствіе недостаточности уликъ былъ отпущенъ, послѣ чего удалился въ Голландію и оттуда преслѣдовалъ „узурпатора, тиранна и лицемѣра“ Кромвеля своими памфлетами, уже въ 1651 г. обвиняя его въ стремленіи къ королевской власти [2]). Прежде нежели партія левеллеровъ сошла со сцены, она успѣла создать цѣлую систематическую программу политическаго радикализма, которая полнѣе всего была изложена въ трактатѣ подъ заглавіемъ „Основные законы и вольности Англіи“ (The fundamental laws and liberties of England).

Пассивное сопротивленіе республикѣ со стороны приверженцевъ стараго политическаго строя и зарожденіе радикальной оппозиціи

---

[1]) См. выше, стр. 493.

[2]) Лильбёрнъ вернулся въ Англію въ 1653 г., просилъ у Кромвеля заступничества и обѣщалъ жить мирно. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ роялистами, но оправдали, хотя и посадили въ тюрьму. Въ концѣ своей жизни онъ перешелъ въ квакерство, а умеръ за годъ до кончины Кромвеля.

не составляли еще всей трудности положенія. Во главѣ государства стоялъ долгій парламентъ, въ которомъ многіе видѣли лишь „хвостъ" настоящаго парламента: жаловались на то, что всѣ дѣла рѣшаются небольшою кучкою людей; указывали на того или другого члена, который пользовался своимъ положеніемъ самымъ своекорыстнымъ образомъ; обвиняли многихъ въ томъ, что они обогащались при распродажѣ коронныхъ и церковныхъ имуществъ, при наложеніи секвестровъ на роялистовъ и т. п.; давно уже считали нужнымъ, чтобы были произведены новые выборы, и этого хотѣли даже такіе люди, которые вовсе не раздѣляли стремленія левеллеровъ къ тому, чтобы измѣнить избирательные порядки; тяготились, наконецъ, произволомъ парламентскихъ комитетовъ. Ко всему этому присоединялось сильное недовольство тѣмъ, что оставалось много нерѣшенныхъ дѣлъ и между ними не былъ еще регулированъ церковно-политическій вопросъ, да и внѣшняя политика начала пятидесятыхъ годовъ — война съ протестантской Голландіей—не одобрялась. Весьма естественно, что rump-parliament подвергался постояннымъ нападкамъ въ тогдашней прессѣ. Между тѣмъ республиканская партія боялась новыхъ выборовъ, и напр., Генри Венъ, хорошо понимая всю справедливость требованія относительно новыхъ выборовъ, въ то же время находилъ нужнымъ, чтобы члены „охвостья" сохранили свои мѣста; въ этомъ смыслѣ онъ составилъ билль о реформѣ (1650), въ которомъ вводились и улучшенія избирательной системы: многія незначительныя мѣстечки должны были лишиться своего права; города, его не имѣвшіе, наоборотъ, должны были его получить, и при лучшемъ распредѣленіе округовъ должно было явиться бо̀льшее количество избирателей, хотя Венъ не былъ сторонникомъ требованія левеллеровъ о полной демократіи и удерживалъ избирательный цензъ. Между тѣмъ армія давно уже требовала роспуска парламента, а побѣды ея вождя дѣлали его самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ государствѣ. Самъ Кромвель былъ въ принципѣ противъ всемогущества парламента, ясно сознавалъ всю ненормальность положенія, благодаря которому лишь меньшинство долгаго парламента управляло страною, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ себя призваннымъ свыше спасти государство отъ внутренней неурядицы. Уже изъ шотландскаго похода писалъ онъ наставленія спикеру общинъ, а вернувшись въ Лондонъ, немедленно началъ домогаться того, чтобы были назначены новые выборы: черезъ два мѣсяца (ноябрь 1651 г.) и было рѣшено, что крайнимъ срокомъ стараго парламента будетъ 3 ноября 1654 г., но что прежніе члены сохранятъ свои мѣста и въ новомъ парламентѣ. Кромвель былъ не совсѣмъ доволенъ такимъ рѣшеніемъ вопроса, а тутъ еще въ арміи продолжалось политическое броженіе. Послѣ подавленія ирландскаго и шотландскаго возстаній, численность

войска была уменьшена, и парламентъ намѣревался идти далѣе въ этомъ направленіи. Въ августѣ 1652 г. арміей была поэтому подана парламенту петиція, въ которой выражалось желаніе относительно разныхъ реформъ и заявлялось, что въ будущій парламентъ должны быть выбраны лишь извѣстные своимъ благочестіемъ люди. Хотя эта петиція и была принята благосклонно, но между парламентомъ и арміей началась скрытая вражда. Правда, палата возобновила занятія свои вопросомъ объ избирательной реформѣ и даже сократила срокъ своихъ засѣданій до 3 ноября 1653 г., но Кромвель и армія были недовольны ходомъ этихъ занятій, такъ какъ rump-parliament, повидимому, стремился лишь къ тому, чтобы, во что бы то ни стало, продолжить себя въ новомъ представительствѣ. Морскія побѣды, которыя одерживала Англія, позволяли парламенту искать теперь опоры во флотѣ противъ сухопутной арміи, и въ послѣдней неудовольствіе усилилось. Самъ Кромвель видѣлъ въ адмиралѣ Блекѣ опаснаго соперника, а его еще подбивали дѣйствовать противъ парламента генералъ Джонъ Ламбертъ, ставившій выше всего интересы арміи, и Томасъ Гаррисонъ, религіозно-политическій энтузіастъ, видѣвшій въ долгомъ парламентѣ помѣху его планамъ относительно преобразованія государства. Дѣло дошло до переговоровъ между вліятельными лицами палаты и арміи, но соглашенія состояться не могло, и вожди парламента даже стали спѣшить съ обсужденіемъ своего билля о реформѣ къ крайнему неудовольствію офицеровъ. Тогда (20 апрѣля 1653 г.) произошло знаменитое распущеніе долгаго парламента Кромвелемъ. Узнавъ, что палата приступила къ рѣшительнымъ преніямъ, онъ явился въ Вестминстеръ и занялъ свое мѣсто, поставивъ у дверей зданія солдатъ. Черезъ нѣсколько времени онъ попросилъ позволенія говорить и произнесъ цѣлую обвинительную рѣчь противъ парламента, заявивъ, что Богъ избралъ болѣе достойныя орудія для своей воли. Его перебили указаніемъ на оскорбительность такого тона, но онъ еще съ большею силою и страстностью продолжалъ свои обличенія, прямо начавъ обвинять отдѣльныхъ членовъ въ разныхъ порокахъ. „Вы не парламентъ, воскликнулъ онъ, и я положу конецъ вашимъ засѣданіямъ". Когда спикеръ отказался по его требованію покинуть свое кресло, Гаррисонъ по знаку Кромвеля открылъ двери, и въ залу вошли солдаты. „Вы сами меня къ тому принудили, кричалъ Кромвель вслѣдъ удалявшимся членамъ, но я день и ночь молилъ Господа, чтобы онъ скорѣе лишилъ меня жизни, чѣмъ подвинулъ на такое дѣло". Такъ былъ разогнанъ долгій парламентъ. Въ тотъ же день Кромвель далъ отчетъ въ своихъ поступкахъ собранію офицеровъ и отправился съ Ламбертомъ и Гаррисономъ въ государственный совѣтъ. Предсѣдательствовалъ Брадшо: онъ заявилъ Кромвелю, что случившееся ему извѣстно, но что никакая сила

въ мірѣ не можетъ распустить парламента, кромѣ самого парламента. Протестовали и другіе члены государственнаго совѣта, но должны были подчиниться силѣ. Исполнительная власть была теперь въ рукахъ комитета изъ 13 лицъ, большею частью высшихъ офицеровъ, съ Кромвелемъ во главѣ. Генри Венъ, которому было предложено мѣсто въ новомъ совѣтѣ, отказался отъ этого назначенія. Офицеры арміи издали затѣмъ прокламацію, въ которой объявляли, что ихъ намѣреніемъ вовсе не было захватить власть въ свои руки.

Разогнанный парламентъ, который обвиняли въ стремленіи къ узурпаціи власти, былъ до такой степени непопуляренъ, что никто не поднялся на его защиту. Однако, нужно было созвать новую палату. Произвести выборы въ нее по старой системѣ совѣтъ не хотѣлъ, а новая система не была еще утверждена: Кромвель остановился тогда на мысли объ учредительномъ собраніи, „конвентѣ“, бывшемъ въ сущности собраніемъ нотаблей индепендентской партіи, назначенныхъ государственнымъ совѣтомъ, съ тѣмъ, чтобы конвентъ черезъ пятнадцать мѣсяцевъ передалъ свою власть правильно созванному парламенту. Это собраніе получило въ исторіи насмѣшливое названіе бербонскаго парламента по имени одного изъ своихъ членовъ Бербона, что значитъ „голая кость“. У нѣкоторыхъ историковъ (у Маколея и у Гизо) мы встрѣчаемся съ крайне несочувственнымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ этому парламенту, но въ настоящее время (между прочимъ послѣ Ранке) взглядъ на него измѣнился, и теперь указываютъ на то, что сектантскій парламентъ *задумалъ цѣлый рядъ реформъ, которыхъ Англіи пришлось ждать потомъ до XIX вѣка.* Но эти реформы оказались слишкомъ радикальными для своего времени, ибо между прочимъ онъ проектировалъ введеніе гражданскаго брака, замѣну церковной десятины духовенству добровольными взносами конгрегацій, что вело къ отдѣленію церкви отъ государства, и т. п. Дѣйствія и планы бербонскаго парламента встревожили юристовъ и духовенство; Кромвель равнымъ образомъ былъ недоволенъ радикализмомъ, проявившимся въ поступкахъ и намѣреніяхъ конвента: воспользовавшись несогласіями, возникшими среди его членовъ, онъ поспѣшилъ закрыть его засѣданія. Этотъ парламентъ еще ранѣе учредилъ новый государственный совѣтъ, который теперь составилъ принятый впослѣдствіи и офицерами „инструментъ управленія“, т. е. цѣлую новую конституцію. Сущность ея была такова. Въ палатѣ должно было быть 460 представителей отъ Англіи (400), Шотландіи (30) и Ирландіи (30). Избирательная система измѣнялась въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ этого желалъ бербонскій парламентъ: мелкія мѣстечки лишались права представительства въ пользу бо́льшихъ округовъ, и разныя старыя постановленія относительно избирательнаго

права замѣнялись однимъ общимъ закономъ, по которому этимъ правомъ пользовались всѣ жители, имѣвшіе недвижимое или движимое имущество въ 200 фунтовъ. Если бы эта реформа упрочилась, Англія 180 годами ранѣе получила бы первую парламентскую реформу, которой ей пришлось ждать до 1832 г. На такихъ основахъ долженъ былъ быть собранъ парламентъ, которому и предоставлялось устроить все внутреннее управленіе, а пока Кромвелю было предложено во избѣжаніе могущихъ произойти смутъ званіе протектора съ ограниченною, правда, властью: назначавшіеся протекторомъ члены государственнаго совѣта могли быть смѣщаемы лишь съ согласія этого послѣдняго, и безъ его же согласія протекторъ не могъ дѣлать ничего важнаго ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ, причемъ совѣтъ же получалъ право избранія всѣхъ будущихъ протекторовъ. Кромѣ того, парламенты должны были собираться, по крайней мѣрѣ, каждые три года, и разъ созванная палата не могла быть распускаема и даже отсрочиваема ранѣе пяти мѣсяцевъ. Парламенту предоставлялось издавать законы, не нуждавшіеся ни въ чьемъ утвержденіи, ибо черезъ двадцать дней послѣ вотированія они получали силу даже въ томъ случаѣ, если бы со стороны протектора не было согласія; парламентъ же долженъ былъ вотировать налоги. Конституція 1653 г. имѣла характеръ временнаго правительства, нуждавшагося еще въ парламентской санкціи. Въ 1654 г. былъ созванъ парламентъ. Не смотря на то, что избирательнаго права были лишены католики и „малиньянты“ (роялисты) и устранены изъ числа избранныхъ немногіе радикалы, парламентъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы считаться вполнѣ свободнымъ: въ немъ даже появилось немало пресвитеріанъ, появились многіе члены разогнаннаго долгаго парламента, появились люди, протестовавшіе противъ поступка Кромвеля, напр., Брадшо, Венъ и др. Конституція 1653 г. была утверждена, и Кромвель оставленъ въ своей должности по единогласному рѣшенію палаты, санкціонировавшему не только совершившійся фактъ, но и отношеніе къ нему большинства націи, которая признала новую власть. Тѣмъ не менѣе между протекторомъ и народнымъ представительствомъ возникли пререканія: въ палатѣ стали обсуждаться вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ между исполнительною и законодательною властями, тогда какъ Кромвель настаивалъ на проведеніи практическихъ реформъ, начатыхъ имъ въ девятимѣсячный промежутокъ между принятіемъ протектората и созывомъ парламента на основаніи полученнаго имъ права дѣлать временныя распоряженія; притомъ же парламентъ хотѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ законодательную и исполнительную власти, противъ чего сильно возставалъ Кромвель [1]); съ вотирова-

[1]) Ср. выше, стр. 505—506.

ніемъ субсидій произошла также затяжка, и этимъ весьма была раздражена армія, вслѣдствіе этого не получавшая своего жалованія. Въ январѣ 1655 г. Кромвель распустилъ парламентъ, считая, что послѣдній настроенъ по отношенію къ нему враждебно, опасаясь, что у него хотятъ отнять право, данное ему самимъ Богомъ и признанное народомъ.

Со стороны Кромвеля было большою ошибкою, что онъ это сдѣлалъ. Устраняя парламентъ, на который нація возлагала всѣ свои надежды, протекторъ не могъ устранить другой силы, давно уже находившейся въ антагонизмѣ съ парламентомъ: если онъ былъ противъ всемогущихъ парламентовъ во имя раздѣленія власти между „единою личностью“ и парламентомъ, то въ странѣ была еще армія, тоже смотрѣвшая на себя, какъ на всемогущую силу въ государствѣ. Кромвель хотѣлъ раздѣлить власть съ парламентомъ, но, распуская послѣдній, онъ вынуждался тѣмъ самымъ дѣлиться ею не съ нимъ, а съ генералами арміи. Въ послѣдней также были честолюбивые и властолюбивые элементы: высшіе ея офицеры играли видную роль и въ первомъ, и во второмъ государственномъ совѣтѣ; они были и въ бербонскомъ парламентѣ; съ ними и теперь пришлось лорду-протектору дѣлиться властью. Въ странѣ начиналось броженіе; выражалось сожалѣніе о гибели монархіи; высказывалась мысль о необходимости реставраціи короля; подымались роялисты, и Кромвель вынуждался подавлять возстанія. Тогда вся Англія была раздѣлена на десять округовъ, и во главѣ каждаго изъ нихъ поставленъ генералъ-маіоръ арміи съ широкими полномочіями, и такой генералъ-маіоръ тираннически правилъ своею областью. Роялисты должны были уплачивать десятую часть своихъ доходовъ, шедшихъ на содержаніе арміи; налоги взимались на основаніи самовластныхъ приказовъ протектора. Однимъ словомъ, *Кромвель вполнѣ осуществлялъ въ это время правительственный идеалъ Страффорда*, и подобно тому, какъ французскій абсолютизмъ предыдущей эпохи былъ соединенъ съ широкою организаціонною работою, такъ и теперь Кромвель пользовался своею властью, чтобы устраивать и преобразовывать внутреннія отношенія страны. Многое настоятельно требовало реформы: въ этомъ отношеніи сходились между собою и бербонскій парламентъ 1653 г., и самъ лордъ-протекторъ, правившій, какъ абсолютный государь, въ 1655 г. Между прочимъ, собственною властью онъ реорганизовалъ государственную церковь, въ которой послѣ паденія епископальной системы и неудачи пресвитеріанства не было никакого порядка, но создавая въ ней порядокъ, онъ лишалъ ее права преслѣдовать диссидентовъ.

Когда въ 1656 г. вынужденный отчасти внѣшними дѣлами Кромвель снова рѣшилъ созвать парламентъ, свобода выборовъ была на этотъ разъ уже стѣснена, и многіе избранные члены были самовольно устранены государственнымъ совѣтомъ: лордъ-протекторъ, какъ въ былыя времена

Тюдоры и Стюарты [1]), хотѣлъ править съ парламентомъ, но не желалъ имѣть оппозиціонной палаты, боясь повторенія того, что случилось въ 1654 г. Не смотря на принятыя мѣры, въ палатѣ было, однако, достаточно независимости, чтобы осудить систему генералъ-маіоровъ, и Кромвель, защищавшій ее, долженъ былъ подчиниться рѣшенію общинъ. Парламентъ 1656 г. поставилъ своею задачею возстановленіе въ Англіи законности. Вліятельная въ немъ партія юристовъ держалась того взгляда, что законы страны знаютъ лишь прерогативу короны и ничего не вѣдаютъ о правахъ протектора, которыхъ притомъ пока ничто не ограничиваетъ, да и самъ Кромвель приходилъ къ той мысли, что лишь возстановленіе старой конституціи можетъ упрочить его власть и вернуть Англіи свободу. Когда, однако, въ мартѣ 1657 г. въ палатѣ зашла рѣчь о возстановленіи королевскаго сана, армія стала выражать свое негодованіе, и Кромвель вынужденъ былъ отказаться отъ предлагавшейся ему короны, чтобы „не наложить на плечи войска такихъ трудностей, которыхъ они не въ состояніи былибы вынести“. Это не помѣшало, однако, видоизмѣнить конституцію 1653 г. въ болѣе монархическомъ духѣ: въ іюлѣ 1657 г. парламентъ торжественно провозгласилъ Кромвеля лордомъ-протекторомъ, согласіе на что со стороны послѣдняго было какъ бы признаніемъ незаконности прежняго правленія, и при этомъ была устроена церемонія инавгураціи, подобная коронованію; онъ получилъ право назначить себѣ преемника (но потомъ званіе протектора снова должно было сдѣлаться избирательнымъ); учреждалась „другая палата“, куда лордъ-протекторъ имѣлъ право назначить 70 членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждались старыя права палаты общинъ и давалась свобода богослуженія всѣмъ, кромѣ католиковъ, епископаловъ и сектантовъ, отрицавшихъ божественность Христа и боговдохновенность св. писанія, свобода же совѣсти признавалась за всѣми. Но все это возстановленіе старой конституціи было призрачнымъ: Кромвелю приходилось по-прежнему имѣть дѣло съ двоякой оппозиціей, видѣвшей въ его власти одинаково узурпацію непринадлежащихъ ему правъ. Съ одними „святыми“ онъ все еще стоялъ на одной и той же почвѣ, желая не только свободы совѣсти, но и повсемѣстнаго водворенія того моральнаго ригоризма, которымъ отличалась созданная имъ армія, но то, что могло удасться Кальвину въ республикѣ, состоявшей изъ одного города, трудно было распространить на цѣлую большую страну. Кромвель и въ государствѣ думалъ водворить духъ благочестія, господствовавшій въ арміи „святыхъ“, но народная масса тяготилась этимъ и начинала видѣть простое ханжество и лицемѣріе тамъ, гдѣ при помощи святости многіе стали обдѣлывать выгодныя дѣла и получать

---

[1]) См. выше, стр. 431.

хорошія должности. Приверженцы старой монархіи, сторонники епископальной церкви составляли консервативную оппозицію противъ протектората, но дѣйствовала и республиканская оппозиція, которая проявилась въ парламентѣ, когда онъ послѣ шестимѣсячной отсрочки былъ снова созванъ въ январѣ 1658 г. Въ палатѣ общинъ заняли мѣста на основаніи ея, утвержденной въ предыдущемъ году, привилегіи самой повѣрять правильность избранійвсѣ тѣ члены, которыхъ раньше исключилъ совѣтъ, и эта палата стала оспаривать права „другой палаты", членовъ коей Кромвель неосторожно назвалъ лордами. Новый конфликтъ кончился тѣмъ, что въ началѣ февраля протекторъ, бывшій въ это время крайне раздражительнымъ вслѣдствіе болѣзни (которая черезъ семь мѣсяцевъ и свела его въ могилу), призвалъ къ себѣ обѣ палаты и распустилъ парламентъ, осыпавъ его упреками и призвавъ Бога въ судьи между собою и имъ. Армія была довольна этой ссорой, но Кромвель все еще думалъ о созваніи новаго парламента, не смотря на оппозицію государственнаго совѣта, когда смерть прекратила его дни.

Протекторъ назначилъ преемникомъ старшаго сына своего Ричарда (а другой сынъ, Генрихъ, былъ намѣстникомъ въ Ирландіи). У новаго правителя не было ни способностей, ни заслугъ, ни авторитета его отца, а положеніе оставалось труднымъ по-прежнему. Нужда въ деньгахъ заставила его созвать въ январѣ 1659 г. парламентъ, но между палатой и арміей произошло опять столкновеніе. Дѣло для Ричарда кончилось тѣмъ, что по желанію военнаго совѣта спикеръ долгаго парламента снова созвалъ его членовъ, засѣдавшихъ въ немъ послѣ 1648 г., какъ того желала армія; Ричардъ былъ теперь отставленъ отъ своей должности, но военные вожди ошиблись, думая, что долгій парламентъ будетъ съ ними за-одно. Въ то время, какъ представители, изгнанные изъ парламента въ 1648 г. и снова недопущенные въ палату въ 1659 г., возбуждали къ сопротивленію свои графства, а роялисты начинали снова подымать голову, армія и парламентъ опять поссорились. Генералъ Ламбертъ овладѣлъ зданіемъ парламента и не допустилъ продолженія засѣданій. Генералъ Флитвудъ былъ провозглашенъ главнокомандующимъ; высшіе офицеры готовились снова организовать военное управленіе, но у новаго вождя не было такого превосходства надъ остальными генералами, которое заставило бы послѣднихъ подчиниться ему, какъ подчинялись они Кромвелю. Почти неизбѣжною была теперь усобица между генералами, когда одинъ изъ нихъ, именно Монкъ, стоявшій въ Шотландіи, не желая подчиняться Флитвуду, но и не чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобы занять мѣсто Кромвеля, рѣшился служить дѣлу реставраціи Стюартовъ, которой желало теперь громадное большинство націи. Объявивъ себя „защитникомъ старыхъ

законовъ и свободы“, онъ съ войскомъ двинулся къ Лондону, гдѣ начиналась настоящая анархія, вступилъ въ этотъ городъ и при помощи остатковъ долгаго парламента созвалъ „свободный парламентъ“, котораго требовала вся страна. Генералъ Ламбертъ, оказавшій было сопротивленіе, былъ разбитъ, а другіе полки были безсильны что-либо предпринять, такъ какъ Монкъ весьма искусно размѣстилъ ихъ по всей странѣ. Новая палата, получившая названіе конвента, собралась 25 апрѣля 1660 г. съ лордами, снова получившими доступъ въ верхнюю палату, и прежде нежели самъ конвентъ вступилъ въ переговоры съ Карломъ II, они уже велись съ нимъ Монкомъ, даже извѣстившемъ его, чтобы онъ переѣхалъ изъ Испаніи въ Голландію. Послѣ того, какъ Карлъ II обѣщалъ общую амнистію, вѣротерпимость и удовлетвореніе арміи, конвентомъ была возстановлена старая конституція Англіи. 25 мая король высадился въ Дуврѣ при ликованіи народа, заставившемъ армію покориться совершившемуся факту. *Политическая роль пуританизма окончилась*, но онъ оставилъ неизгладимые слѣды на характерѣ англійской націи и на развитіи ея духовной культуры.

Пуританизмъ былъ связанъ въ Англіи середины XVII в. и съ соціальнымъ движеніемъ, которое, однако, не получило здѣсь большого развитія. Соціальная исторія англійской революціи еще ждетъ своихъ изслѣдователей, но и то, что уже извѣстно, даетъ намъ право намѣтить главную ея сущность. Уже Гизо, напр., замѣтилъ, что между общими причинами всего движенія была одна, которая заключалась въ сильномъ ростѣ общественныхъ классовъ, представленныхъ палатою общинъ, и съ этой точки зрѣнія революція представляется намъ торжествомъ сельскаго дворянства и городской буржуазіи надъ аристократическими элементами, сосредоточенными въ верхней палатѣ. Свѣтская и духовная знать составляла остатки средневѣковыхъ феодальныхъ и католическихъ началъ, послѣднихъ — поскольку англиканская церковь сохранила епископатъ и духовное землевладѣніе (за исключеніемъ монастырскаго). Между этою аристократіей и среднимъ сословіемъ, въ коемъ главную роль играли помѣщики (сквайры), существовалъ нѣкоторый антагонизмъ, хотя и не обострявшійся до такой степени, какъ то было во Франціи въ эпоху реставраціи, когда роялистическая партія опиралась на феодальныя стремленія дворянства, а къ либераламъ примыкала буржуазія. Но не этотъ классъ, представители коего обыкновенно наполняли палату общинъ, установилъ республику въ Англіи: между нимъ и простонародьемъвъ тѣсномъ смыслѣ слова былъ еще, такъ сказать другой средній классъ, фермеры и лавочники, изъ которыхъ образовалась индепендентская армія, и отсюда-то вышло демократическое движеніе, получившее названіе левеллеровскаго, поставившее своею задачею осу-

ществленіе гражданскаго равенства, между прочимъ, и въ видѣ расширенія избирательныхъ правъ населенія. Въ протестѣ противъ соціальнаго феодализма, отмѣны коего, какъ увидимъ, по особымъ соображеніямъ желалъ и землевладѣльческій классъ, сходились между собою и левеллеры, и люди, не раздѣлявшіе ихъ демократическихъ стремленій, но главныя требованія левеллеровъ были политическія, а не соціальныя, хотя бы, напр., они и высказывались противъ огораживанія общинныхъ земель, отъ котораго страдали интересы массы, но на которое жаловались не одни демократы. Такъ какъ одновременно съ „уравнительнымъ" политическимъ движеніемъ происходило другое „уравнительное" движеніе, но уже съ характеромъ соціальнымъ, то противникамъ демократіи, не особенно вникавшимъ въ различія между отдѣльными несимпатичными имъ направленіями, весьма легко было смѣшать оба, хотя левеллеры не только не раздѣляли воззрѣній соціальныхъ реформаторовъ, а даже отказывались отъ союза съ лицами, желавшими уравнять состоянія. Стремленія подобнаго рода могли проявиться главнымъ образомъ среди безземельнаго или обезземелившагося крестьянства, въ которомъ продолжались мѣстныя и частныя вспышки неудовольствія главнымъ образомъ противъ огораживанія полей, но вспышки эти не объединились въ одно большое движеніе, подобное нѣмецкой крестьянской войнѣ. Между тѣмъ и въ англійскомъ сектантствѣ XVII в. повторилось то, что было въ нѣмецкомъ анабаптизмѣ XVI в. или въ крайнемъ гуситствѣ въ Чехіи XV в. [1]), т.-е. *религіозный мистицизмъ соединялся съ коммунистическими или анархическими стремленіями къ полному соціальному перевороту*. Если политическая программа левеллеровъ была продуктомъ, возникшимъ на почвѣ англійскихъ отношеній, хотя какъ бы логическимъ выводомъ изъ основныхъ началъ великой хартіи, на которую охотно ссылались левеллеры, то соціальныя стремленія эпохи были, повидимому, главнымъ образомъ происхожденія заноснаго, анабаптистскаго [2]). Постоянные протесты населенія противъ „огораживанія" полей [3]) были, впрочемъ, удобною почвою для анабаптистской проповѣди, такъ что соціальные агитаторы прямо заявляли, что ихъ цѣль—возвратить народу его землю (folkland), будто бы отнятую у него норманнскимъ завоеваніемъ, съ котораго они вели начало также и низвергнутой монархіи. Все дѣло ограничилось только такою проповѣдью да незначительными попытками неимущихъ, „диггеровъ" (копальщиковъ) овладѣть посредствомъ обработки общиною пустошью, въ чемъ они встрѣтили сопротивленіе со стороны крест-

[1]) См. выше, стр. 109 и слѣд. и т. I, стр. 542.
[2]) Объ анабаптистахъ въ Англіи см. выше, стр. 477.
[3]) См. т. I, стр. 211 и выше, стр. 425.

янъ же (1649): диггеры, повидимому, не думали о насильственномъ переворотѣ, стоя на точкѣ зрѣнія „непротивленія злу“ [1]), хотя и вѣря въ наступленіе новыхъ временъ. Въ своихъ манифестахъ и прокламаціяхъ, между прочимъ на имя Ферфакса и Кромвеля, или въ своей просьбѣ государственному совѣту (1653), коммунисты даже понизили свои требованія, начавъ добиваться лишь того, чтобы однѣ государственныя земли (домены) пошли въ надѣлъ неимущимъ, доказывая, что побѣда надъ потомкомъ Вильгельма Завоевателя должна завершиться возстановленіемъ имущественнаго равенства, которое, по ихъ представленію, было нарушено норманнскимъ завоеваніемъ. Главнымъ литературнымъ памятникомъ этой агитаціи остался памфлетъ нѣкоего Вистанле „Законъ свободы, выраженный въ формѣ прокламаціи, или реставрація настоящаго правительства, скромно рекомендуемая Кромвелю“. На этомъ произведеніи сказалось знакомство его автора съ „Утопіей“ Томаса Моруса [2]).

Другое параллельное движеніе съ соціальнымъ характеромъ было анархическое, представителями коего явились „люди пятой монархіи“, вѣрившіе въ наступленіе царства Христова на землѣ: это были анабаптистическіе хиліасты [3]), въ принципѣ отрицавшіе всякую власть на землѣ, кромѣ Христовой, и между прочимъ они проникли-было въ бербонскій парламентъ, но Кромвель нашелъ нужнымъ принять мѣры противъ этого движенія. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ „люди пятой монархіи“ устроили даже заговоръ противъ Кромвеля, вошедши въ сношеніе съ недовольными имъ республиканцами и съ голландскими анабаптистами, но заговоръ былъ открытъ (1657), и его вожаки посажены въ тюрьму. И отъ этого движенія, кромѣ другихъ памятниковъ, осталось подробное изложеніе ученія подъ заглавіемъ „Поднятое знамя, подъ которое должны собраться всѣ святые, объявившіе себя за агнца Божія противъ звѣря и лжепророка“ (1657), гдѣ подъ именемъ звѣря (въ апокалиптическомъ смыслѣ) слѣдуетъ разумѣть Кромвеля.

Соціальное движеніе, которое могло бы вербовать сторонниковъ въ низшихъ классахъ общества, не пустило глубокихъ корней и скоро прекратилось: въ эпоху реставраціи, сектантство утратило свой аггрессивный характеръ, перестало стремиться къ соціальному пере-

---

[1]) См. выше, стр. 121.

[2]) Т. I, стр. 425. Въ духѣ утопіи было еще написано сочиненіе Джемса Гаррингтона „Oceana“ (1656), посвященное Кромвелю.

[3]) См. выше стр. 118 и слѣд. О четырехъ монархіяхъ см. т. I, стр. 128. Къ числу сторонниковъ царства святыхъ нужно отнести Гаррисона, о коемъ выше, стр. 520.

вороту. Независимо отъ того, что *процессъ постепеннаго обезземеленія народной массы не былъ остановленъ республикой*, самъ религіозно-политическій переворотъ послужилъ лишь на пользу землевладѣльческому сословію. Въ эпоху реформаціи въ Англіи была секуляризована лишь монастырская собственность, но епископамъ, деканамъ и капитуламъ ихъ земли были оставлены [1]). Уничтоженіе епископальной церкви *сопровождалось новой секуляризаціей церковной собственности.* Объ этомъ даже велись переговоры съ Карломъ I, когда онъ находился на островѣ Уайтѣ [2]), но король отвергъ это предложеніе, какъ святотатственное, хотя соглашался на то, чтобы временно епископскія земли были обращены на удовлетвореніе свѣтскихъ нуждъ. Впослѣдствіи долгій парламентъ назначилъ особый комитетъ для завѣдованія распродажею конфискованныхъ церковныхъ имѣній, но такъ какъ раскупали ихъ плохо, очевидно, не очень-то довѣряя прочности пріобрѣтенія, то было рѣшено удовлетворять изъ этого фонда армію, которая подолгу не получала жалованія и содержала себя на свой счетъ [3]): офицеры и солдаты могли получать за половинную цѣну и въ замѣнъ жалованія земельные участки изъ той части секуляризованой церковной собственности, которую государство не оставляло за собою. Кромѣ церковнаго землевладѣнія, какъ наслѣдія средневѣковаго католицизма, въ Англіи реформація удержала и церковную десятину, какъ налогъ на содержаніе духовенства, но *въ эпоху республики происходила сильная агитація и противъ церковной десятины*, ложившейся довольно тяжелымъ бременемъ на землевладѣльцевъ, хотя большинство ихъ далеко не раздѣляло стремленія части индепендентовъ—отдѣлить церковь отъ государства и тѣмъ самымъ уничтожить общій налогъ на содержаніе духовенства. Попытка бербонскаго парламента отмѣнить десятину ни къ чему не привела [4]), сторонники же государственной церкви не находили другого способа обезпечить духовенство, какъ сохранивъ старый церковный налогъ, хотя бы и уменьшавшій земельную ренту.

Наибольшую выгоду получилъ *землевладѣльческій классъ въ эпоху республики отъ уничтоженія феодальныхъ стѣсненій собственности.* Бо́льшая часть земли въ Англіи разсматривалась, какъ ленная собственность, налагавшая на владѣльца извѣстныя обязанности по отношенію къ королю: при вступленіи во владѣніе собственникъ долженъ

---

[1]) См. выше, стр. 203 и 224.

[2]) См. выше, стр. 493.

[3]) См. выше, стр. 490.

[4]) Подробнѣе о значеніи отмѣны десятины будетъ идти рѣчь въ III томѣ (по поводу уничтоженія десятины во Франціи въ 1789 г).

былъ платить большую пошлину; для отчужденія хотя бы одного акра нужно было купить разрѣшеніе; малолѣтніе наслѣдники попадали подъ королевскую опеку и лишались значительной части доходовъ, а наслѣдницы стѣснялись въ своемъ правѣ выходить замужъ за кого хотѣли. Тюдоры и Стюарты охотно вспоминали о своихъ средневѣковыхъ правахъ, которыя, однако, какъ-то начинали выходить изъ употребленія, и, напр., Карлъ I въ годъ своей коронаціи обложилъ владѣльцевъ большимъ выкупомъ въ виду уклоненія большинства отъ принесенія феодальной присяги (hommagium). Агитація въ пользу уравненія имѣній на ленномъ правѣ съ имѣніями свободными началась еще при Іаковѣ I, а въ сороковыхъ годахъ палата общинъ сдѣлала изъ этого вопроса одинъ изъ пунктовъ, о коихъ велись тогда переговоры съ Карломъ I. Землевладѣльцы стремились покончить съ феодальными отношеніями, стѣснявшими ихъ и съ иной еще стороны. Въ Англіи давно начался процессъ замѣны старыхъ крестьянскихъ „держаній“ феодальной эпохи, т.-е. наслѣдственныхъ арендъ арендою временною, въ чемъ помѣщикамъ помогали юристы, учившіе, что крестьянскія „держанія“ основаны на обоюдномъ договорѣ, зависящемъ отъ доброй воли сторонъ, но старая форма землевладѣнія была какъ бы помѣхою въ этомъ процессѣ, и землевладѣльцы весьма желали полнаго уничтоженія всякихъ стѣсненій, лежавшихъ на поземельной собственности, были ли то права короля, какъ всеобщаго сюзерена, или права населенія на наслѣдственныя держанія. Кромвель, самъ принадлежавшій къ классу сквайровъ, въ 1556 г. объявилъ уравненіе рыцарскихъ и свободныхъ имѣній, вслѣдствіе чего вся поземельная собственность превращалась въ „free and common soccage“, но за то этимъ распоряженіемъ не обезпечивались ни права населенія на надѣлы, ни интересы фермеровъ, дѣлавшихъ улучшенія на арендуемыхъ участкахъ и рисковавшихъ не возвратить соединенныхъ съ этимъ затратъ въ случаѣ невозобновленія контракта. Послѣдній парламентъ Кромвеля санкціонировалъ это распоряженіе, и оно не погибло въ эпоху реставраціи. Если Карлъ II оставилъ въ полной силѣ только тѣ акты долгаго парламента, которые были утверждены его отцомъ, и никакихъ другихъ нововведеній не призналъ, то лишь для акта 1556 г. было сдѣлано исключеніе: новымъ закономъ (1660 г.), въ изданіи коего одинаково были заинтересованы и кавалеры, и круглоголовые, онъ отмѣнилъ феодальныя права короны, уничтоживъ и ту палату (court of wards), которая ими завѣдовала. Такимъ образомъ изъ всего законодательства республики былъ удержанъ лишь одинъ актъ, изданный въ исключительныхъ интересахъ землевладѣльческаго класса.

XL. „Вѣкъ Людовика XIV“ [1]).

Общій взглядъ на характеръ второй половины XVII в.—«Вѣкъ Людовика XIV».—Эпоха королевскаго абсолютизма.—Внѣшняя политика этого періода.—Развитіе меркантилизма въ «вѣкъ Людовика XIV».—Навигаціонный актъ Кромвеля.—Меркантилизмъ и международныя отношенія.—Кольбертизмъ.—Историческое значеніе Кольбера.—Меркантилизмъ, новое государство и буржуазія.—Культурно-соціальное развитіе новаго времени и Людовикъ XIV.—Людовикъ XIV и «старый порядокъ».

Середина XVII в., эпоха вестфальскаго мира и первой англійской революціи — крайняя грань реформаціоннаго періода западно-европейской исторіи въ новое время, періода, открывающагося и заключающагося религіозными движеніями въ Германіи и Англіи, съ коими были соединены бурные политическіе и соціальные перевороты. Времена церковной реформаціи окончились, а времена реформаціи политической и соціальной были еще далеко впереди. Начался новый періодъ въ исторіи западной Европы, періодъ между окончаніемъ одного сильнаго историческаго движенія и началомъ другого столь же сильнаго историческаго движенія, вышедшаго изъ французской революціи 1789 г.: подобно тому, какъ въ международныхъ дѣлахъ порядокъ, установленный вестфальскимъ миромъ, продержался — съ неособенно важными измѣненіями — до французской революціи, такъ и въ внутреннихъ отношеніяхъ западныхъ государствъ это было время, когда не происходило въ общемъ ни такой борьбы, какая характеризуетъ XVI и первую половину XVII в., ни такихъ крупныхъ перемѣнъ, которыя совершились въ только-что указанныя полтора столѣтія. Нужно дойти до самаго конца XVIII в., чтобы снова наблюдать въ исторической жизни Запада крупные политическіе перевороты, бурныя общественныя движенія, какими ознаменованы въ исторіи полтора

[1]) По эпохѣ Людовика XIV, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Франціи и „Французской исторіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ Ранке, въ исторической литературѣ есть труды Capefigue'a (далеко не изъ лучшихъ, чтобы не сказать больше), Bonnemére'a (автора „Исторіи французскихъ крестьянъ“), Gaillardin'a (съ католической точки зрѣнія), Philippson'a (въ Weltgeschichte Онкена, съ очеркомъ исторіи Франціи въ первой половинѣ XVII в. и обзоромъ исторіи другихъ странъ въ вѣкъ Людовика XIV), но ни одно изъ этихъ сочиненій не можетъ быть названо капитальнымъ. За то отдѣльныя стороны этого царствованія разсмотрѣны въ цѣломъ рядѣ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. „Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности“, Я. Г. Гуревича представляетъ изъ себя вступительную лекцію. См. также II-ой томъ „Лекцій по новой исторіи“ В. В. Бауера.

вѣка реформаціоннаго періода, когда и внѣшняя политика была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ внутреннею борьбою, происходившею въ отдѣльныхъ государствахъ. Намъ предстоитъ теперь перейти къ разсмотрѣнію главныхъ явленій этого новаго періода европейской исторіи, наступившаго послѣ окончанія реформаціонныхъ бурь. Если въ смыслѣ исторіи политическихъ и общественныхъ движеній періодъ этотъ по своей важности уступаетъ одинаково и тому, который ему предшествовалъ, и тому, который за нимъ послѣдовалъ, то, съ одной стороны, въ немъ все-таки происходили значительныя измѣненія въ экономической жизни, а съ другой, совершались перемѣны и въ идеяхъ, сами по себѣ представляющія большой интересъ, но еще большій интересъ получающія въ виду новыхъ общественныхъ движеній, которыя пошли впослѣдствіи подъ ихъ знаменемъ. Развитіе этихъ идей принадлежитъ главнымъ образомъ уже XVIII вѣку и Франціи, хотя основа такому развитію была положена раньше и преимущественно въ Англіи. Вторая половина XVII столѣтія и въ этомъ отношеніи можетъ не останавливать на себѣ большого вниманія, ибо если въ это время умственная жизнь и дѣлаетъ громадные успѣхи, то все-таки главнымъ образомъ въ области чисто философскаго и научнаго знанія, а не въ сферѣ тѣхъ идей, которыя по самому существу своему могутъ называться идеями общественными, т.-е. теоретическая мысль и практическая жизнь въ эту эпоху болѣе или менѣе разъединяются, и развитіе первой, совершаясь какъ бы внѣ вліяній со стороны второй, въ то же время и въ свою очередь мало вліяетъ на послѣднюю. Исключеніе нужно сдѣлать лишь для Англіи, гдѣ долго не могло улечься броженіе, вызванное первой революціей, и гдѣ возобновленіе политической борьбы, приведшей къ второй революціи (1688), должно было поддерживать развитіе идейной публицистики. Политическая литература, играющая столь видную роль въ исторіи реформаціоннаго періода и снова начинающая играть роль въ „просвѣщеніи" XVIII в., во второй половинѣ XVII в. на материкѣ Европы получаетъ характеръ ученаго государствовѣдѣнія, стоящаго довольно далеко отъ жизни. Вмѣстѣ съ этимъ и литература въ болѣе тѣсномъ смыслѣ утрачиваетъ общественный характеръ: вторая половина XVII в.—блестящая пора въ исторіи новаго классицизма, или ложноклассицизма, индифферентнаго къ окружающей жизни, расчитаннаго на то, чтобы быть однимъ изъ украшеній царствованія короля, который далъ свое имя всей этой порѣ. Если такимъ образомъ отъ середины XVII вѣка, прошло около полутора столѣтія до политическаго переворота, послужившаго началомъ новѣйшему историческому движенію, и около полувѣка до разцвѣта замѣчательной литературы съ общественнымъ характеромъ въ XVIII столѣтіи и — прибавимъ еще — около вѣка до наступленія того періода, когда представители государствен-

ной власти стали проникаться новыми идеями относительно государства и общества, то вторая половина XVII столѣтія вообще представится намъ временемъ, когда въ исторіи западной Европы, взятой съ самой общей точки зрѣнія, наименѣе пришлось бы отмѣчать новыхъ явленій,—представится временемъ какого-то отдыха послѣ напряженной дѣятельности предыдущихъ полутораста лѣтъ, *эпохой, въ которой наименѣе всего можно искать сколько-нибудь замѣтнаго общаго движенія впередъ, но часто, наоборотъ, бываетъ нужнымъ отмѣчать факты, свидѣтельствующіе о застоѣ и даже о возвращеніи вспять.* Вотъ почему и намъ можно ограничиться лишь бѣглымъ очеркомъ этого времени, не останавливаясь на подробностяхъ, тѣмъ болѣе, что многое относящееся къ эпохѣ, будетъ нами разсмотрѣно въ связи съ однородными явленіями XVIII в. для характеристики такъ-называемаго „стараго порядка“ (ancien régime), унесеннаго бурей французской революціи [1]).

Въ исторической литературѣ принято называть указанное время „вѣкомъ Людовика XIV“. Король этотъ вступилъ на престолъ (1643) ребенкомъ въ то время, когда въ Англіи только что началась междоусобная война, за три года до вестфальскаго мира, а самостоятельно сталъ править (1661) государствомъ около года спустя послѣ того, какъ въ Англіи пала индепендентская республика; послѣ этого его царствованіе продолжалось цѣлые 54 года, захвативъ часть XVIII вѣка, въ началѣ коего, вскорѣ послѣ смерти (1715) Людовика XIV уже обнаружилось новое культурное движеніе, подготовлявшее собою будущія движенія общественныя и политическія. Недаромъ въ самомъ дѣлѣ называются „вѣкомъ Людовика XIV“ эти полстолѣтія. Внутри Франціи это была пора наибольшаго развитія королевскаго абсолютизма, когда, казалось, вся страна жила жизнью своего монарха, вся нація сосредоточивалась въ его особѣ [2]) и государство воплощалось въ личности короля (знаменитое „l'état, c'est moi). Извнѣ Франція въ это время занимала такое же доминирующее положеніе, какое въ XVI столѣтіи принадлежало Испаніи Карла V и Филиппа II. Послѣднее государство все болѣе и болѣе падало и въ серединѣ XVII в. уже не могло соперничать съ Франціей. Австрійскіе Габсбурги были обезсилены тридцатилѣтнею войною, которая и всей Германіи нанесла страшный ударъ, разоривъ ее матеріально, убивъ въ ней духовную культуру, окончательно уничтоживъ въ ней всякое подобіе государственнаго единства. Англія, при Кромвелѣ игравшая столь видную политическую роль, въ

---

[1]) См. т. III, который начинается именно съ обзора старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, занимающаго стр. 17—138.

[2]) Ниже объ этомъ приводятся слова самого Людовика XIV.

эпоху реставраціи снова была ослаблена внутреннею политическою борьбою, да и сами два послѣдніе Стюарта искали поддержки Людовика XIV. Оставались Голландія да едва только зарождавшаяся Пруссія [1]). Первая изъ нихъ сдѣлалась душою коалицій противъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV, но только въ концѣ его царствованія Франція стала терпѣть серьезныя пораженія. Во всякомъ случаѣ во всей западной Европѣ ни одно государство не могло сравниться съ Франціей Людовика XIV, и подобно тому, какъ это постоянно бываетъ въ исторіи, первенствующее государство, какимъ оно сдѣлалось, стало служить примѣромъ для другихъ правительствъ. Французскій король, въ которомъ трудно найти черту, отдѣляющую европейскаго монарха отъ азіатскаго деспота, сдѣлался предметомъ подражанія для своихъ коронованныхъ современниковъ, и въ числѣ государей, воспринимавшихъ его идеи и слѣдовавшихъ примѣру его поступковъ, были и нѣмецкіе имперскія князья, только что получившіе полный земскій суверенитетъ (Landeshoheit). То была вообще эпоха установленія и развитія королевскаго абсолютизма: послѣдній утверждался въ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Пруссіи „великаго курфюрста", въ Даніи, гдѣ въ 1660 г. его ввелъ Фридрихъ III, въ Швеціи, гдѣ аналогичная попытка не безъ успѣха сдѣлана была Карломъ XI (1660—1697), не говоря уже о странахъ, гдѣ онъ былъ введенъ ранѣе [2]), такъ что нерѣдко эпоху, начавшуюся послѣ вестфальскаго мира, вообще обозначаютъ, какъ періодъ абсолютной монархіи. Мы знаемъ, что однородныя явленія въ исторической жизни разныхъ западно европейскихъ народовъ получаютъ неодинаковое развитіе въ отдѣльныхъ странахъ, и если дѣйствительно вторая половина XVII вѣка характеризуется развитіемъ абсолютизма, то нигдѣ оно именно не выразилось такъ рельефно, какъ во Франціи Людовика XIV, гдѣ указываемое политическое явленіе сдѣлалось господствующимъ факторомъ исторической жизни. Если мы примемъ все это въ расчетъ—и первенствующую роль Франціи во второй половинѣ XVII в., и особенное развитіе во Франціи той государственной формы, которая въ это время установлялась болѣе или менѣе повсемѣстно, и то, что Людовикъ XIV

---

[1]) См. т. III, стр. 37 и слѣд. Для государствъ, исторія которыхъ во второй половинѣ XVIII в. нами не излагается, см., кромѣ указывавшихся ранѣе, между прочимъ: Ch. Weisz. L'Espagne depuis Philippe II jusqu'à l'avénement des Bourbons.—Joh. Mailath. Gesch. des österreichischen Kaiserstaates. – W. Coxe. History of the house of Austria.—L. v. Ranke. Genesis der preuszischen Staates.—L. v. Orlich. Geschichte des preuszischen Staates im XVII Jahrhundert.—Lefèvre Pontalis. Vingt années de république parlementaire au XVII siècle. Jean de Witt, grand pensionnaire de Hollande. Соч. по исторіи Англіи указаны ниже.

[2]) Обо всѣхъ упомянутыхъ фактахъ см. въ главѣ III третьяго тома.

находилъ повсюду подражаніе, мы должны будемъ согласиться, что эту эпоху можно назвать „вѣкомъ Людовика XIV". Довольно характерно вообще, что цѣлую эпоху приходится обозначать только именемъ одного лица: для нея нѣтъ такихъ названій, какъ Возрожденіе, реформація, католическая реакція, „просвѣщеніе", „просвѣщенной абсолютизмъ", коими мы съ удобствомъ замѣняемъ такія обозначенія, какъ напр., „вѣкъ Фридриха Великаго", ибо *эпоха не создала новаго принципа, который далъ бы ей имя*: ей нельзя дать названіе періода абсолютизма, ибо послѣдній и начинается задолго до средины XVII в., и кончается много спустя послѣ начала XVIII столѣтія. Отсутствіе какого-либо принципа, который давалъ бы внутренній смыслъ эпохѣ, выразилось и въ области внѣшней политики: въ самомъ дѣлѣ, если въ періодъ реформаціи и католической реакціи международныя отношенія опредѣлялись не одними интересами, но и принципами, то въ періодъ, наступившій послѣ вестфальскаго мира и смерти Кромвеля, союзы и войны государствъ утратили какое бы то ни было принципіальное отношеніе къ внутреннимъ вопросамъ: война и миръ были болѣе или менѣе личнымъ дѣломъ королей, и внѣшняя исторія утрачиваетъ поэтому тотъ интересъ какой она имѣла раньше, въ эпоху борьбы католицизма съ протестантизмомъ или получила позднѣе, съ начала французской революціи [1]). Конечно, внѣшняя политика Людовика XIV весьма характеристична для его царствованія, но ея подробности могутъ быть опущены безъ ущерба для пониманія той внутренней исторіи, которой посвящена настоящая книга. Только вторая англійская революція стоитъ еще въ связи съ исторіей международныхъ отношеній въ „вѣкъ Людовика XIV". Разсуждая такъ, мы, впрочемъ, не имѣли въ виду коммерческихъ интересовъ, коимъ суждено было играть видную роль въ вопросахъ войны и мира.

Здѣсь вообще будетъ у мѣста указать на то, что „вѣкъ Людовика XIV" *былъ эпохой наибольшаго развитія меркантилизма* [2]). Къ серединѣ XVII столѣтія экономическая политика, носящая это названіе, сдѣлалась господствующею, именно стала вліять не только на внутреннюю хозяйственную жизнь, но и на международныя отношенія, не только проводилась на практикѣ, но и нашла теоретическихъ проповѣдниковъ [3]), а главнымъ ея представителемъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ явился министръ Людовика XIV, Кольберъ [4]),

---

[1]) См. объ этомъ главу X третьяго тома.

[2]) См. выше, стр. 414—416, а также т. I, стр. 247. Нѣкоторыя дополненія къ настоящему изложенію см. въ главѣ IX третьяго тома.

[3]) Напр., Thomas Mun, въ первой половинѣ XVII в., о коемъ см. въ книгѣ проф. И. И. Янжула „Англійская свободная торговля".

[4]) Главныя работы о Кольберѣ (а также и вообще объ управленіи при Людовикѣ XIV) принадлежатъ Clément, издавшему его Lettres, mémoires et

система котораго нашла многочисленныхъ подражателей и въ другихъ государствахъ. Не нужно, однако, думать, что исключительно Францiя вліяла своимъ примѣромъ на развитіе меркантилизма: одинаковыя причины порождали одинаковыя слѣдствія, и подобно тому, какъ абсолютизмъ утверждался повсемѣстно, не потому, что Людовикъ XIV показывалъ примѣръ, и его система была лишь наиболѣе яркимъ проявленіемъ того, что совершалось въ политической жизни почти всѣхъ западноевропейскихъ странъ, такъ и меркантилизмъ вытекалъ изъ однородныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ государствахъ, а примѣръ Кольбера, коему, дѣйствительно, сильно подражали, былъ равнымъ образомъ опять-таки лишь особенно рельефнымъ проявленіемъ того, что дѣлалось или начинало дѣлаться въ экономической жизни и иныхъ народовъ. Между прочимъ, на развитіе меркантилизма повліяла и Англія XVII в. Въ этой странѣ начиналась торговая дѣятельность [1]), и уже съ конца XVI столѣтія стали появляться трактаты, написанные въ меркантилистическомъ духѣ („Краткое изложеніе жалобъ нашихъ соотечественниковъ“ Стаффорда въ 1581 г.), но особенно важное значеніе имѣлъ здѣсь навигаціонный актъ Кромвеля, о которомъ уже пришлось говорить выше [2]). Содержаніе этого акта, силою навязаннаго Кромвелемъ Голландіи, заключалось въ слѣдующемъ: лишь англичане на судахъ метрополіи или колоній имѣли право привозить въ колоніи или вывозить оттуда какіе бы то ни было товары; занятіе промышленностью и торговлею было запрещено въ колоніяхъ лицамъ, не состоявшимъ въ англійскомъ подданствѣ; въ Англію всѣ товары должны были ввозиться лишь на корабляхъ тѣхъ странъ, гдѣ товары эти производились; изъ англійскихъ колоній всѣ вывозимые оттуда продукты не могли быть отправляемы куда-либо, помимо метрополіи. Это было постановленіе, наносившее сильный ударъ торговлѣ Голландіи, которая имѣла большой коммерческій флотъ и занималась преимущественно посредничествомъ между разными странами, обмѣнивавшимися между собою продуктами, и Голландія должна была еще сильнѣе почувствовать это, когда въ началѣ царствованія Карла II навигаціонный актъ былъ дополненъ новымъ распоряженіемъ, по которому и въ англійскія колоніи чужіе товары могли ввозиться лишь

---

instructions. Работы эти слѣдующія: Histoire de Colbert et de son administration.—Le gouvernement de Louis XIV.—La police sous Louis XIV.—См. также Neymarck. Colbert et son temps.—Monnier. Lamoignon et Colbert.—Gougeard. La marine de guerre, Richelieu et Colbert.—Клеману же принадлежитъ Hist. du système protecteur en France depuis Colbert.

[1]) Ср. сочиненія по исторіи торговли въ Англіи, указанныя на стр. 90. третьяго тома, а также Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters.

[2]) См. стр. 313.

черезъ Англію и на судахъ, выстроенныхъ въ Англіи. Навигаціонный актъ Кромвеля открываетъ собою новую эпоху въ исторіи международнаго соперничества. Цѣли экономической политики остаются попрежнему меркантилистическія—добываніе денегъ и привлеченіе ихъ въ страну изъ-за границы, но старая политика Испаніи, смотрѣвшей на свои заморскія колоніи, какъ на мѣста, откуда привозится лишь много золота и серебра, замѣняется теперь другою системою, состоявшею въ томъ, чтобы привозить изъ колоній какъ можно болѣе товаровъ, по возможно самой дешевой цѣнѣ и на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ сравнительно съ другими странами. На материкѣ Европы еще въ первую половину XVII столѣтія держались правила привлекать деньги въ страну, но отнюдь не вывозить ихъ изъ страны: Англія отступила отъ этого правила одной изъ первыхъ, и ея практика доказала, что есть извѣстная выгода прямо вывозить изъ страны деньги для закупки заморскихъ товаровъ, которые потомъ съ барышемъ перепродавались бы въ другихъ европейскихъ государствахъ. Весьма естественно, что послѣ этого всѣ заботы правительствъ въ дѣлѣ обогащенія внѣшнею торговлею были направлены къ тому, чтобы монополизировать коммерческія сношенія съ колоніями посредствомъ запрещенія вывоза изъ нихъ продуктовъ въ чужія страны и запрещенія ввоза товаровъ вообще не изъ метрополіи. Таково было и *значеніе Кромвелева навигаціоннаго акта въ исторіи меркантилистической политики.* Изъ указанной перемѣны мало-по-малу выработалась система торговаго баланса, по которой наибольшую выгоду страна могла извлекать изъ торговли, лишь увеличивая какъ можно болѣе вывозъ своихъ произведеній и сокращая по мѣрѣ возможности ввозъ чужихъ, причемъ государство весьма естественно должно было особенно поощрять производство такихъ издѣлій, какъ мануфактурныя, вслѣдствіе ихъ сравнительной съ продуктами сельскаго хозяйства дороговизны и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе легкой перевозки. Отсюда развитіе такихъ правительственныхъ мѣропріятій, каковы запрещеніе вывоза и ввоза опредѣленныхъ товаровъ, введеніе высокихъ пошлинъ на ввозимые товары, поощреніе преміями вывоза изъ страны ея продуктовъ и т. п., и всѣ подобныя мѣропріятія равнымъ образомъ получали характеръ боевыхъ средствъ въ той промышленной борьбѣ между отдѣльными государствами, которая начинаетъ сильно усложнять международныя отношенія. Уже во второй половинѣ XVI столѣтія Англія, напр., и ганзейскій союзъ находились въ борьбѣ, установляя другъ противъ друга высокія пошлины, но съ особою силою возгорѣлась таможенная война между отдѣльными государствами только съ середины XVII столѣтія. Между прочимъ, та самая Голландія, которая пострадала отъ навигаціоннаго акта Кромвеля, вскорѣ испытала на себѣ

и результаты враждебной политики Франціи, когда Кольберъ установилъ противъ ввоза голландскихъ товаровъ высокій тарифъ.

Запретительная политика меркантилизма по отношенію къ промышленности чужихъ странъ дополнялась покровительственною по отношенію къ собственной промышленности. Переманивали, наприм., изъ-за границы искусныхъ мастеровъ, и уничтоженіе Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, заставлявшее массу промышленнаго люда выселиться изъ Франціи, весьма сильно содѣйствовало основанію новыхъ мануфактуръ въ Голландіи, Англіи и Германіи. Правительства заботились также о созданіи дешеваго труда, что достигалось мѣрами двоякаго рода: запрещали вывозить хлѣбъ или совсѣмъ, или при извѣстной на него цѣнѣ, дабы поддерживать его дешевизну и тѣмъ способствовать пониженію рабочей платы, и кромѣ того, регламентировали въ пользу предпринимателей и другія условія труда, наприм., установляя нормальныя таксы или крайне затрудняя оставленіе рабочими ихъ мѣстъ [1]). Все это должно было облегчать капиталистамъ веденіе мануфактурныхъ предпріятій, но, кромѣ того, правительства и иными способами оказывали имъ поощренія всякаго рода, создавая привилегіи, монополіи, дѣлая безпроцентныя ссуды, давая субсидіи, учреждая акціонерныя компаніи, стараясь заключать повыгоднѣе торговые трактаты съ сосѣдними государствами, заботясь о сбытѣ продуктовъ въ самой странѣ, покровительствуя роскоши придворныхъ и т. п., но въ то же время устанавливая, однако, самую мелочную опеку надъ промышленностью, вполнѣ гармонировавшую съ общимъ характеромъ государства, которое вмѣшивалось во всѣ отправленія народной жизни [2]). Все это практиковалось и раньше середины XVII в. и, между прочимъ, въ Англіи, но нигдѣ и никогда отдѣльныя мѣропріятія подобнаго рода не были соединены въ такую цѣльную и стройную систему, какъ во Франціи въ первый періодъ царствованія Людовика XIV, когда во внутреннемъ управленіи первую роль игралъ Кольберъ, завѣдовавшій финансами, морскимъ министерствомъ, путями сообщенія, промышленностью, торговлею и колоніями, и именно его система, въ которой самымъ рельефнымъ образомъ выразились основныя черты меркантилизма, сдѣлалась предметомъ для подражанія въ другихъ странахъ, уже раньше вступившихъ на путь меркантилистической политики: не даромъ и самая система иногда зовется кольбертизмомъ, хотя неправильно было бы въ кольбертизмѣ видѣть весь меркантилизмъ и полагать, что лишь Кольберъ и былъ творцомъ послѣдняго, какъ несправедливо было бы отожествлять во-

---

[1]) Ср. т. III, стр. 122—123 и вообще главу IX.

[2]) Ср. въ т. III, стр. 43, гдѣ говорится о такъ-называемомъ Polizeistaat.

обще абсолютизмъ съ системою Людовика XIV и приписывать этому королю самое установленіе абсолютизма.

Кольберъ оказалъ Франціи весьма большія услуги. Между прочимъ, та роль, какую Франція стала играть въ международной политикѣ, сдѣлалась возможною лишь благодаря тому, что этотъ замѣчательный министръ улучшилъ разстроенные финансы, увеличивъ доходы казны, уничтоживъ много злоупотребленій, на время облегчивъ для народной массы тяжесть налоговъ, возстановивъ равновѣсіе въ бюджетѣ. Далѣе, до Кольбера Франція была исключительно земледѣльческою страною: покровительственная политика министра создала въ ней мануфактуры, которыя мало-по-малу изъ искусственныхъ насажденій правительства превратились въ учрежденія, пустившія глубокіе корни въ экономической жизни страны. Въ духѣ вообще меркантилистической политики имъ созданы были компаніи для заграничной торговли, большой коммерческій флотъ (и военный для его охраны), заведены новыя колоніи. Плодами такой дѣятельности было то, что французское государство обладало громадными рессурсами, благодаря коимъ Людовикъ XIV только и могъ тратить огромныя суммы денегъ на поддержку своего величія и своей славы. Но у кольбертизма была и сторона отрицательная: отъ покровительства предпочтительно одной обработывающей промышленности страдали интересы земледѣлія и притомъ до такой степени, что впослѣдствіи составилось представленіе, будто Кольберъ умышленно давилъ сельское хозяйство. Это неправда: въ числѣ его распоряженій было не мало такихъ, которыя прямо были расчитаны на поощреніе земледѣлія и скотоводства и на облегченіе положенія народа, но общая его экономическая политика была, дѣйствительно, неблагопріятна для развитія сельскаго хозяйства и народнаго благосостоянія. Запрещеніе вывоза хлѣба, привилегіи, дававшіяся всякому, кто принималъ участіе въ мануфактурахъ, и др. подобныя мѣры дѣлали невыгоднымъ занятіе хлѣбопашествомъ, отвлекали отъ него капиталы къ промышленности и т. д. Въ самой промышленности поощреніемъ крупныхъ фабрикъ наносился ударъ основнымъ принципамъ цеховой организаціи [1]). Ссуды и субсидіи, дѣлавшіяся предпринимателямъ, ложились тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ и на плательщиковъ налоговъ. Хотя Кольберъ и уменьшилъ значительно размѣръ таліи, падавшей главнымъ образомъ на крестьянъ, но при немъ страшно возросли остальные налоги, особенно косвенные, сторонникомъ коихъ онъ былъ, такъ какъ ими привлекались къ платежу и привилегированные. Дорого обходились государству и другія предпріятія Кольбера—пути сообщенія (каналы,

---

[1]) Т. I, стр. 226 и слѣд., а также см. т. III, стр. 120—123, гдѣ говорится о разложеніи французскихъ цеховъ въ XVII—XVIII вв.

дороги, мосты), морское дѣло (гавани, верфи и флотъ), новыя колоніи, да отнюдь не нужно забывать и того, что у своего министра финансовъ постоянно требовалъ денегъ самъ Людовикъ XIV на свой роскошный дворъ, на свои предпріятія въ области внѣшней политики. Франція должна была напрягать всѣ свои силы, но силы эти истощались, и все величіе царствованія Людовика XIV, весь внѣшній блескъ куплены были цѣною народнаго обнищанія, въ которомъ многіе винили Кольбера. Министру финансовъ славолюбиваго короля приходилось изворачиваться всевозможными способами, и несмотря на то, что онъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы удовлетворить короля, въ послѣдніе годы онъ былъ все-таки въ немилости. Вотъ какъ возрастали расходы государства при Кольберѣ: въ 1672 г.—88 м. ливровъ, въ 1679 г.—131 м., въ 1681 г.—141 м., въ 1682 г.—200 м. Въ годъ смерти Кольбера (1683) дефицитъ, однако, снова образовавшійся въ бюджетѣ, не превышалъ 7 милліоновъ [1]).

Со смертью Кольбера *прекращается органическая работа французской монархіи* [2]): столѣтіе, протекшее отъ этого момента до начала великой революціи, было временемъ не дальнѣйшаго устроенія, а разстройства государства и то, что въ жизни Франціи совершалось новаго, происходило не только безъ содѣйствія государства, но даже вопреки ему и противъ него, какъ формы, пришедшей въ ветхость. Кольберъ былъ великимъ почитателемъ Ришелье, что вызывало даже шутки Людовика XIV, да и дѣйствительно съ великимъ кардиналомъ они оба строили новое государство и новое общество, одинъ—въ сферѣ политической, другой—въ области экономической. Это была пора, когда *на смѣну военному обществу среднихъ вѣковъ приходило промышленное общество новаго времени* [3]): меркантилизмъ, выдвинувшій на первый планъ заботу объ экономическихъ интересахъ, какъ бы узко и исключительно онъ ихъ ни понималъ, является полною противоположностью всѣмъ феодальнымъ традиціямъ европейскаго общества. При Кольберѣ органическая работа французской монархіи прини-

---

[1]) Указываемъ здѣсь на сочиненія по исторіи внутренняго управленія вообще въ царствованіе Людовика XVI: P. Clément. Le gouvernemen de Louis XIV. Его же La police sous Louis XIV.—A. Chéruel. De l'administration de Louis XIV.—Ravaisson. Les archives de la Bastille.—Clamageran. Histoire de l'impôt en France.—Depping. Correspondance administrative sous Louis XIV (документы съ введеніями).—Eug. Sue. Histoire de la marine sous Louis XIV. — Pauliat. Louis XIV et la compagnie des Indes. — Не указываемъ здѣсь на біографіи нѣкоторыхъ дѣятелей, каковы (кромѣ Кольбера) Фуке, Лувуа, Вобанъ и др. (литература о нихъ ниже), а также монографіи по религіозной и церковной исторіи, которыя равнымъ образомъ отмѣчаются ниже.

[2]) См. выше, стр. 405 и слѣд.

[3]) Употребляемъ эти термины въ смыслѣ, весьма близкомъ къ тому, въ какомъ ими пользуются Ог. Контъ и Герб. Спенсеръ.

маетъ характеръ меркантилистическій: государство, пріобрѣтающее такую силу, какой оно раньше не имѣло, когда съ нимъ соперничали феодализмъ и католицизмъ (послѣдній, какъ политическая система), пользуется теперь своею силою для созданія національнаго богатства, какъ его тогда понимали, и въ этомъ заключался одинъ изъ главнѣйшихъ фактовъ соціальной исторіи новаго времени. Если средневѣковой католицизмъ создалъ соціальную мощь духовенства, если феодализмъ былъ опорою соціальной силы дворянства, то *новое государство, вступившее на путь меркантилистической политики, содѣйствовало подъему промышленно-торговыхъ классовъ общества, или, вѣрнѣе говоря, буржуазіи*, соціальное значеніе коей основывается на капиталѣ. Въ общественномъ отношеніи кольбертизмъ, какъ наиболѣе рельефное выраженіе меркантилизма, былъ направленіемъ, весьма благопріятнымъ именно для развитія средняго сословія, и совершенно въ томъ же самомъ смыслѣ дѣйствовалъ и англійскій меркантилизмъ, однимъ изъ видныхъ представителей коего былъ Кромвель. Разъ старый военный типъ общества начиналъ уступать мѣсто типу промышленному (хотя обоимъ пришлось, такъ сказать, проникаться другъ другомъ), и разъ государство брало подъ свою особую защиту индустріальныя и коммерческія предпріятія, разница политическихъ формъ не оказывала вліянія на экономическую систему, которой слѣдовали государственные люди Англіи и Франціи. Только во Франціи, нужно замѣтить, лишь гораздо позднѣе, чѣмъ въ Англіи, буржуазія достигла того значенія, какое она получила въ послѣдней странѣ, благодаря не только экономическимъ, но и соціально-политическимъ условіямъ [1]).

Смотря съ только что установленной точки зрѣнія на новый періодъ, въ который вступила западная Европа въ XVII в., мы можемъ сказать, что „вѣкъ Людовика XIV“ былъ какъ бы задержкою въ ея развитіи. Людовикъ XIV былъ наслѣдникомъ власти, консолидированной Ришелье, но не былъ преемникомъ его государственной идеи: на мѣсто отвлеченнаго государства, коему служилъ кардиналъ, онъ поставилъ свое личное *я*. Органическая работа монархіи прекращается со смертью Кольбера, ибо самого Людовика XIV занимаютъ прежде всего военная слава и завоеванія,—что шло вдобавокъ въ разрѣзъ съ интересами промышленнаго развитія. Однимъ словомъ, Людовикъ XIV пользуется властью, созданною Ришелье, и средствами, данными ему Кольберомъ, не раздѣляя ихъ стремленій. Оба государственные человѣка стояли на точкѣ зрѣнія вѣротерпимости, а Людовикъ XIV уничтожилъ нантскій эдиктъ (черезъ два года по смерти Кольбера) и сталъ преслѣдовать протестантовъ. Это было уже прямо возвращеніемъ къ системѣ

---

[1]) Объ этомъ см. главу VII третьяго тома.

Филиппа II Испанскаго послѣ того, какъ не только въ самой Франціи, но и въ другихъ мѣстахъ (вспомнимъ вестфальскій миръ и вѣротерпимость въ эпоху англійской республики) пришли къ сознанію необходимости терпѣть иновѣріе. Если въ чемъ-либо и можно сравнить внѣшнюю политику этого періода съ эпохою борьбы католицизма съ протестантизмомъ, то именно по отношенію къ указанному вопросу: Людовикъ XIV возобновилъ стремленія Карла V къ всемірной монархіи и Филиппа II къ реставраціи католицизма [1]), а вторая англійская революція, совершившаяся какъ „въ защиту протестантизма и свободы", такъ и въ связи съ ходомъ тогдашней международной политики, напомнила старую борьбу двухъ направленій, раздѣлявшихъ всю Европу. Сама французская монархія выросла въ политической борьбѣ съ католической церковью (да и самому Людовику XIV пришлось столкнуться съ папою), но, уничтожая нантскій эдиктъ, она прямо отступалась отъ того, что съ такимъ трудомъ выработало новое время, и какъ бы возвращалась къ среднимъ вѣкамъ. Другою основою средневѣковой жизни былъ феодализмъ: и съ нимъ боролась французская монархія, но борьба остановилась на томъ моментѣ, когда политическая сторона феодальнаго строя была сокрушена. При Людовикѣ XIV феодальная аристократія окончательно превращается въ придворную знать, но именно тотъ самый дворъ, который сдѣлался центромъ національной жизни, и для котораго Людовикъ XIV основалъ даже новый городъ, и сдѣлался тѣмъ убѣжищемъ, гдѣ спасалась въ союзѣ съ королевскою властью соціальная сторона феодализма. Понятно, что „вѣкъ" короля, мечтавшаго о военной славѣ въ эпоху промышленныхъ стремленій, уничтожавшаго вѣротерпимость послѣ того, какъ самые крупные государственные люди признали ее за политическую необходимость (Ришелье) и даже за неотъемлемое право личности (Кромвель), наконецъ, поддерживавшаго соціальную сторону феодализма [2]) послѣ полнаго крушенія стороны политической, *можетъ разсматриваться, какъ „вѣкъ" задержки въ культурно-соціальномъ развитіи западной Европы*. Всѣ другія большія государства, кромѣ Англіи, во всѣхъ отношеніяхъ были по сравненію съ Франціей Людовика XIV странами отсталыми, но если Франція была впереди всѣхъ, а въ ней самой господствовала система, бывшая отрицаніемъ всего выработаннаго предыдущимъ историческимъ развитіемъ, то это только характеризуетъ тогдашнее состояніе всей западной Европы вообще. А между тѣмъ „вѣкъ Людовика XIV" окруженъ ореоломъ блеска, кромѣ военной славы и пышныхъ празднествъ Версаля, благодаря еще процвѣтанію изящной литературы, искусства, отчасти и науки. Но умственная и художественная дѣя-

---

[1]) Ср. выше, стр. 302.

[2]) См. особенно главу II третьяго тома,

тельность, лишенная королевскимъ меценатствомъ самостоятельности, перестала быть, какъ мы сказали раньше, живою общественною силою [1]).

Такимъ былъ въ общихъ чертахъ „вѣкъ Людовика XIV". Двадцать пять лѣтъ отдѣляютъ его отъ „вѣка Фридриха Великаго", когда абсолютизмъ снова дѣлается прогрессивною силою и, продолжая работу предыдущихъ временъ, проникается до извѣстной степени идеями вѣка. Этотъ „просвѣщенный абсолютизмъ" началъ пробивать первыя бреши въ томъ „старомъ порядкѣ" (ancien régime), который былъ унесенъ бурнымъ потокомъ революціи 1789 г., но самъ „старый порядокъ", какъ система, былъ именно тѣмъ, что (для Франціи, по крайней мѣрѣ) можно разсматривать, какъ результатъ царствованія Людовика XIV [2]).

LXI. Характеръ, идеи и политическое поведеніе Людовика XIV.

Людовикъ XIV и люди, его окружавшіе.—Двѣ разныя эпохи въ царствованіи Людовика XIV.—Ришелье и Людовикъ XIV.—Личный характеръ Людовика XIV.—Его политическія идеи.—Боссюэтъ и сервилизмъ окружавшей Людовика XIV среды.—Обращеніе Людовика XIV съ людьми и придворный бытъ.—Значеніе этого быта въ политической и соціальной исторіи Франціи.

Мы можемъ говорить о господствѣ того или другого принципа въ исторической жизни, когда, съ одной стороны, онъ или не встрѣчаетъ никакой оппозиціи въ обществѣ, или когда оппозиція по своей слабости не имѣетъ практическаго значенія и легко подавляется и когда, съ другой стороны, наиболѣе выдающіеся дѣятели эпохи [3])

---

[1]) По исторіи французской литературы въ XVII в. есть сочиненія (кромѣ общихъ исторій и спеціальныхъ трудовъ) Paul Albert, Demogeot, Lotheissen (по нѣмецки) и др. Важныя соображенія есть въ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи" Бокля.

[2]) Цѣльное изображеніе внутренней французской исторіи отъ фронды до революціи представляетъ собою второй томъ „Histoire de la civilisation française" Рамбо.

[3]) Во французской исторической литературѣ существуетъ масса монографій объ отдѣльныхъ выдающихся (или просто извѣстныхъ) личностяхъ эпохи, каковы труды Chéruel'я (о суперъ-интендантѣ финансовъ Фуке, попавшемъ подъ судъ въ самомъ началѣ самостоятельнаго правленія Людовика XIV и о герцогѣ С. Симонѣ, оставившемъ мемуары о царствованіи Людовика XIV), Clément и Neymarck (о Кольберѣ, ст. выше, стр. 535—536), Rousset (о военномъ министрѣ Лувуа), A. Houssaye (о г-жахъ ла-Вальеръ и Монтеспанъ, коимъ посвящены еще работы Clement и Lair'а), Réaume (о Боссюетѣ), duc de Noailles и Geffroy (о г-жѣ де-Ментенонъ), Michel'я и Ambert'а (о маршалѣ Вобанѣ), Valfrey (о Ліоннѣ), Feugère (о Бурдалу), Roy (о Тюреннѣ), Baschet

служатъ этому принципу, являясь прямо его представителями или дѣйствуя въ одномъ съ нимъ направленіи. Людовикъ XIV былъ счастливъ въ обоихъ отношеніяхъ: *оппозиціонные элементы какъ бы совсѣмъ исчезли изъ Франціи*, которая, наоборотъ, скорѣе увлекалась своимъ королемъ, любя въ немъ, по замѣчанію венеціанскихъ посланниковъ, самоё себя, и почти *все, что выдвигалось по таланту и энергіи надъ общимъ уровнемъ французскаго общества, содѣйствовало утвержденію принциповъ самого Людовика XIV*, особенно въ первую, лучшую половину царствованія, которая совпадаетъ съ временемъ Кольбера. И вообще въ долгомъ царствованіи Людовика XIV нужно различать двѣ разныя эпохи: одну—ближе къ началу, время успѣховъ системы и во внутреннихъ начинаніяхъ, и во внѣшнихъ дѣлахъ, и другую—ближе къ концу, періодъ начавшагося разложенія и пораженій, въ эту вторую эпоху уже раздаются оппозиціонныя ноты, старые дѣятели, прославившіе первую половину царствованія, одинъ за другимъ сходятъ со сцены, новыхъ людей, которые могли бы ихъ замѣнить, не является, да и самъ король отталкиваетъ отъ себя все, что было выше посредственности, даже особенно покровительствуя всякимъ бездарностямъ. Людовикъ XIV нашелъ, такъ сказать, уже совсѣмъ готовыми тѣхъ людей, которымъ суждено было ему помогать или прославлять его царствованіе: въ 1661 г., когда самому королю шелъ только двадцать третій годъ, Кольберу было уже сорокъ два года, Боссюету—тридцать четыре, принцу Конде—сорокъ, Тюренну — пятьдесятъ, Вобану — двадцать восемь, изъ писателей „классическаго“ періода — Корнелю — пятьдесятъ пять, Мольеру и Лафонтену около сорока и т. п.; другіе дѣятели, какъ Лувуа, Расинъ и Буало, были сверстниками Людовика XIV, т.-е. выросли и воспитались въ предыдущую эпоху; лишь очень немногіе дѣятели, стяжавшіе славное имя, (напр., Фенелонъ) были дѣтьми въ то время когда Людовикъ XIV вступилъ въ управленіе Франціей. Достигши самъ семидесятисемилѣтняго возраста, король пережилъ всѣхъ знаменитыхъ своихъ современниковъ, лишенный въ концѣ царствованія выдающихся совѣтниковъ и помощниковъ, не оставивъ Франціи способныхъ людей, если не считать родившихся въ эту эпоху корифеевъ оппозиціонный литературы XVIII вѣка Монтескье (род. въ 1689) и Вольтера (род. 1694). И въ другомъ отношеніи двѣ половины царствованія Людовика XIV рѣзко отличаются одна отъ другой. Смуты фронды заставили Францію искать внутренняго мира и порядка, которые могли быть обезпечены только крѣпкою властью: страна шла

(о Сенъ-Симонѣ), L. Guerrier (о г-жѣ Гюйонъ, представительницѣ такъ называемаго квіетизма), de Broglie (о Фенелонѣ) и др.

навстрѣчу своему молодому королю, оказавшемуся и энергичнымъ, дѣятельнымъ и трудолюбивымъ монархомъ; лучшіе люди націи шли къ нему на помощь, и органическая работа государства, прерванная смутами фронды, возобновилась съ новою силою, когда предприняты были устраненіе разныхъ золъ общественной жизни, происходившихъ отъ безнаказанности вельможъ [1]), отъ произвола и хищенія чиновничества и т. п., и введеніе преобразованій въ разныхъ частяхъ управленія. Все это дѣлалось, однако, не по иниціативѣ короля, который только что вступалъ въ жизнь, все это дѣлалось людьми старше его годами, людьми, вышедшими изъ школы Ришелье и Мазарини: послѣдній, напр., умирая, сказалъ молодому королю, что оставляетъ ему въ наслѣдство послѣ себя Кольбера, а Кольберъ былъ проникнутъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Ришелье; у самого же Людовика XIV Кольберъ впослѣдствіи впалъ въ немилость, подобно тому, какъ это случилось съ Расиномъ, Фенелономъ и Вобаномъ. Людовикъ XIV даже отталкивалъ отъ себя людей, проявлявшихъ самостоятельный характеръ, и предпочиталъ угодливыхъ куртизановъ, съ которыми мудрено было продолжать начатую работу. Впрочемъ, и не къ ней лежало сердце Людовика XIV: его увлекали военная слава, расширеніе границъ государства, первенствующая роль въ Европѣ, а внутри страны онъ добивался только одного—безпрекословнаго повиновенія королевской волѣ, подавленія всего, что имѣло хотя бы лишь намекъ на оппозиціонный характеръ. На смѣну замѣчательнымъ дѣятелямъ первой половины царствованія приходили люди уже прямо по сердцу Людовика XIV, часто настоящія бездарности въ родѣ Шамильяра, которому въ началѣ войны за испанское наслѣдство король передалъ все, чѣмъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ завѣдовалъ Кольберъ (и даже Лувуа), или въ родѣ Вильруа, одного изъ неудачныхъ вождей арміи въ названной войнѣ. Военныя предпріятія, страшная роскошь двора, дурное управленіе—матеріально разоряли страну, а внутренній деспотизмъ убивалъ всякую общественную самодѣятельность. Старымъ традиціямъ, коими жила Франція, уже нанесенъ былъ сильный ударъ кардиналомъ Ришелье, но онъ все-таки противополагалъ имъ извѣстную идею, идею государства, какъ ни была она одностороння [2]): Людовикъ XIV добилъ старыя традиціи, но для того, чтобы замѣнить и ихъ, и государственную идею Ришелье культомъ собственной власти, „на обоготвореніе которой онъ потратилъ все свое царствованіе“. Въ самомъ дѣлѣ, *по мысли знаменитаго кардинала все должно было склониться передъ государствомъ, по мысли Людовика XIV, государствомъ*

¹) Fléchier (1632—1710). Les Grands jours d'Auvergne.
²) См. выше, стр. 401—402.

была его собственная особа: хотя подлинность знаменнтаго „l'ètat c'est moi“ и подвергается сильному сомнѣнію [1]), тѣмъ не менѣе оно вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ собственнымъ заявленіямъ Людовика XIV, особенно же всему его поведенію. XVII вѣкъ создалъ своего рода культъ государства, наиболѣе видными представителями коего были въ области практики Ришелье, въ области теоріи Гоббзъ, но у Людовика XIV было слишкомъ много эгоизма, чтобы подчинить себя служенію государственной идеѣ: въ этомъ отношеніи у него было весьма мало общаго и съ Петромъ Великимъ, написавшимъ извѣстныя слова во время прутскаго похода о своемъ отношеніи къ Россіи, и съ Фридрихомъ II, который называлъ себя „первымъ слугою государства“. Въ политической литературѣ XVII в., благопріятной для абсолютизма, было, собственно говоря, двѣ идеи: одна ставила впереди всего государственную цѣль, для достиженія коей требовала всемогущества власти, тогда какъ другая исходила изъ представленія о всемогуществѣ этой власти, ставя на задній планъ вопросъ о цѣли, ради коей она должна была существовать, выдвигая, напротивъ того, впередъ теологическія объясненія, доказывавшія безусловныя права этой власти изъ ея божественнаго происхожденія. На первой точкѣ зрѣнія стояли Гоббзъ и отчасти Ришелье, но второй епископъ города Мо Боссюэтъ, написавшій „Политику, извлеченную изъ св. писанія“, и англичанинъ Фильмеръ, авторъ „Патріарха или естественной власти королей“ [2]): Людовикъ XIV примыкалъ именно ко второму взгляду, и ему казалось, что не онъ долженъ служить государству, а наоборотъ, государство ему.

Людовику XIV нельзя отказать въ качествахъ, необходимыхъ для правителя государства. Конечно, онъ не былъ геніемъ ни на какомъ поприщѣ государственной жизни, и ни къ кому изъ тѣхъ, кого называли Великимъ (Louis le Grand), такъ мало не подходитъ этотъ титулъ, какъ къ Людовику XIV, но онъ не былъ лишенъ ни здраваго смысла, ни сильной воли, ни умѣнія внушать къ себѣ уваженіе, ни, наконецъ, хорошей памяти, хотя, съ другой стороны, его умъ былъ не творческій, и во всякомъ случаѣ въ своемъ политическомъ поведеніи онъ обнаружилъ гораздо болѣе силу своего характера, чѣмъ свои умственныя способности,—именно въ той прямолинейности, которая вообще отличаетъ людей, у коихъ воля оказывается гораздо болѣе сильною, чѣмъ умъ. Людовикъ XIV былъ, кромѣ того, человѣкомъ дѣятельнымъ и трудолюбивымъ, но цѣли, которыя онъ себѣ ставилъ, были крайне себялюбивыя. Это была натура, цѣликомъ

[1]) См. между прочимъ Janko. Die Fabel in der Geschichte.

[2]) Объ этихъ соч. см. ниже.

сотканная изъ властолюбія и гордости съ значительною примѣсью страсти къ пышности, льстившей его чванству, когда онъ былъ помоложе, и ханжества подъ старость, когда его существомъ овладѣла забота о спасеніи души, т.-е. это былъ великій эгоистъ, не умѣвшій и не могшій сочетать личное честолюбіе съ служеніемъ какой-либо идеѣ. Людовикъ XIV былъ проникнутъ сознаніемъ своихъ правъ, но въ немъ слабо было развито сознаніе своего долга, своей отвѣтственности передъ страной, передъ потомствомъ: въ самомъ юномъ возрастѣ онъ былъ свидѣтелемъ смутъ фронды, униженія королевскаго достоинства, понимавшагося имъ весьма высоко, когда еще онъ былъ чуть не ребенкомъ, и изъ этой поры своей жизни онъ вынесъ самую глубокую ненависть ко всему, что такъ или иначе могло бы ограничить его личное право. Англійская революція также не прошла безслѣдно для образованія его политическихъ воззрѣній: онъ сдѣлался принципіальнымъ противникомъ представительства. Онъ и вообще не хотѣлъ дѣлиться властью съ кѣмъ бы то ни было: онъ начиналъ тяготиться и опекой самаго Мазарини, которому былъ такъ много обязанъ, и потому, когда, по смерти кардинала, Людовика XIV спросили, кому онъ прикажетъ докладывать всѣ дѣла, онъ объявилъ, что отнынѣ онъ самъ будетъ лично завѣдовать всѣмъ. И онъ, дѣйствительно, не допускалъ впослѣдствіи, чтобы кто-либо игралъ сколько-нибудь самостоятельную роль. Въ самомъ началѣ своего правленія онъ смѣнилъ главноуправляющаго финансами Николая Фуке, считая его прямо опаснымъ для своей власти, уничтожилъ должность перваго министра, занимавшуюся прежде Ришелье и Мазарини, и назначилъ министрами новыхъ людей, которые въ сущности были лишь его секретарями или прикащиками (commis du roi).

Людовикъ XIV самъ помогъ историкамъ проникнуть въ свой внутренній миръ: онъ оставилъ записки (mémoires), въ коихъ онъ излагаетъ свое политическое міросозерцаніе, свой взглядъ на прошлое Франціи и на современныя событія, желая оставить наставленіе своему преемнику [1]). Заявленія, которыя онъ здѣсь дѣлалъ, представляютъ собою цѣлую теорію абсолютизма, какъ онъ его понималъ. „Франція, писалъ онъ, есть монархія; король представляетъ въ ней всю націю, и передъ королемъ каждый—только отдѣльная личность. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена въ рукахъ короля, и въ королевствѣ не можетъ существовать иной власти, кромѣ той, которую онъ установляетъ. Будьте господиномъ, совѣтуетъ онъ своему сыну, выслушивайте своихъ совѣтниковъ, но рѣшайте сами. Богъ, поставившій

¹) Записки Людовика XIV изданы Dreyss'омъ (Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin). О нихъ статья Chéruel'я въ Séances et travaux de l'académie des sciences morales et politiques (за 1886 г.).

васъ королемъ, просвѣтитъ вашъ умъ въ необходимыхъ случаяхъ, насколько намѣренія ваши будутъ хороши"... „Въ государствѣ, въ которомъ вы должны послѣ меня царствовать, писалъ онъ еще, вы не найдете власти, которая бы не гордилась тѣмъ, что отъ васъ она истекаетъ и лишь потому имѣетъ значеніе". Равнымъ образомъ въ курсѣ государственнаго права для герцога Бургундскаго (своего внука) Людовикъ XIV велѣлъ написать слѣдующее: „Нація во Франціи не составляетъ тѣла (ne fait pas corps), она цѣликомъ заключается (réside tout entière) въ особѣ короля". Понятно послѣ этого, что Сенъ-Симонъ имѣлъ полное право въ своихъ мемуарахъ писать о Людовикѣ XIV, что „абсолютный безъ возраженія этотъ король уничтожилъ и искоренилъ до послѣднихъ слѣдовъ, до самыхъ идей, до остатковъ воспоминанія—всякую другую силу, всякую другую власть во Франціи, кромѣ тѣхъ, которыя происходили отъ него: передъ Людовикомъ XIV одно названіе законовъ, права было преступленіемъ". Какъ ревниво оберегалъ онъ свою власть, можно видѣть еще и изъ такого рода совѣтовъ дофину: „Сыны Франціи (т.-е. короли) для безопасности государства не должны нигдѣ искать прибѣжища, кромѣ двора и сердца своего старшаго сына"... „Въ моихъ видахъ не было, признавался онъ далѣе, брать въ министры выдающихся людей (des hommes d'une qualité éminente). Нужно было первымъ дѣломъ дать понять публикѣ по самому званію, изъ котораго я ихъ бралъ, что моимъ намѣреніемъ не было дѣлиться съ ними властью". Въ національномъ представительствѣ Людовикъ XIV видѣлъ только собраніе черни (une populace assemblée): „порабощеніе, говорилъ онъ, заставляющее государя подчиняться закону своихъ подданныхъ, есть самое послѣднее бѣдствіе, которому можетъ подвергаться человѣкъ нашего сана". По его теоріи королевская власть заключала въ себѣ нѣчто прямо божественное. „Тотъ, писалъ онъ, кто далъ королей людямъ, желаетъ, чтобы насъ почитали, какъ его намѣстниковъ, себѣ одному предоставляя судить ихъ поведеніе. Воля его въ томъ, чтобы тотъ, кто родился подданнымъ, былъ въ безпрекословномъ повиновеніи. Въ христіанствѣ нѣтъ правила прочнѣе установленнаго, какъ смиренное подчиненіе властямъ предержащимъ". Весьма естественно, что такая власть должна была быть обставлена настоящимъ церемоніаломъ восточныхъ теократій. „Грубо тѣ ошибаются, читаемъ мы еще въ мемуарахъ Людовика XIV, которые воображаютъ, что это простыя церемоніи. Народы, надъ которыми мы царствуемъ, не умѣя проникнуть въ суть дѣла, судятъ обыкновенно по внѣшности и большею частью соразмѣряютъ свое уваженіе и послушаніе съ мѣстомъ и чиномъ. Такъ какъ для общества важно быть управляемымъ однимъ, то важно также, чтобы тотъ, кто исполняетъ эту должность, былъ такъ возвышенъ надъ осталь-

ными, дабы не было никого другого, съ кѣмъ его могли бы смѣшивать и сравнивать. Нельзя, не нанося вреда государственному тѣлу, лишить его главу мельчайшихъ признаковъ его превосходства, отличающаго его отъ другихъ членовъ". Но особенно любопытно одно мѣсто, гдѣ Людовикъ XIV прямо приписываетъ королевской власти божественныя свойства. „Есть нѣкоторые случаи, разсуждаетъ онъ, когда мы (т.-е. короли), такъ сказать, заступая мѣсто Бога, какъ бы раздѣляемъ съ Нимъ всевѣдѣніе и всемогущество, какъ, напримѣръ, въ распознаваніи умовъ, въ распредѣленіи должностей и въ раздачѣ милостей. Не благіе совѣты, не хорошіе совѣтники дѣлаютъ королей мудрыми; напротивъ, мудрость королей сама создаетъ министровъ и производитъ всѣ хорошіе совѣты, которые ему подаются". Поэтому совершенно вѣрно было сказано въ извѣстномъ анонимномъ письмѣ къ Людовику XIV, приписывавшемся Фенелону: „вы все себѣ приписываете, какъ будто вы—земной Богъ", а по словамъ Сенъ-Симона, „Людовикъ XIV почти обоготворялъ себя въ собственныхъ глазахъ вслѣдствіе постояннаго пользованія самымъ безграничнымъ деспотизмомъ, идолопоклонствомъ передъ своею властью, на обоготвореніе которой онъ потратилъ все свое царствованіе". Слава короля — вотъ цѣль, которую Людовикъ XIV ставилъ государству. „Увеличивать свои владѣнія, писалъ онъ, самое достойное, самое пріятное занятіе для государя. Трудно удерживать возвышенное сердце: оно вполнѣ можетъ насытиться только славой. Я вполнѣ пользовался своими удачами и своимъ благоразуміемъ, чтобы извлекать для себя выгоду изъ всѣхъ представлявшихся мнѣ случаевъ увеличивать свое государство на счетъ моихъ враговъ. Я весьма радъ, что справедливость открыла мнѣ двери славы и дала мнѣ случай показать всей землѣ, что на свѣтѣ есть еще король." Ему казалось, что эти чувства воодушевляютъ и всѣхъ его подданныхъ. „Сколько храбрецовъ, говоритъ онъ, которыхъ я видѣлъ воодушевленныхъ слу́женіемъ мнѣ, казалось меня ежечасно только и просили о томъ, чтобы дать имъ поводъ показать свою храбрость". И онъ не останавливался передъ тѣмъ, что его личная слава дорого обходилась народу: все достояніе послѣдняго онъ разсматривалъ, какъ свою собственность, которою онъ могъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію„. Короли, сказано еще въ его мемуарахъ, суть полновластные господа (seigneurs absolus) и естественно имѣютъ полное право свободно распоряжаться всѣми имуществами, находящимися во владѣніи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы употреблять ихъ во всякое время, какъ это дѣлаютъ умные хозяева, т.-е. сообразно съ общими нуждами ихъ государства. Все, что находится въ предѣлахъ ихъ государствъ, къ какому бы разряду предметовъ это ни относилось, принадлежитъ имъ на этомъ основаніи—и деньги, на-

ходящіяся въ ихъ казнѣ, и тѣ, какія имѣются въ рукахъ ихъ казначеевъ, и тѣ, которыя они оставляютъ въ оборотѣ своихъ подданныхъ". Такъ смотрѣли и другіе: въ 1716 году аббатъ Дюбуа, ведя переговоры съ лордомъ Стэнгопомъ, сказалъ, что „французскій король будетъ всегда богаче англійскаго, потому что по праву можетъ смотрѣть на себя, какъ на собственника всей территоріи королевства". „Какъ, господинъ аббатъ! воскликнулъ англійскій министръ, неужели вы учились государственному праву въ Турціи?!"

Людовикъ XIV тѣмъ болѣе долженъ былъ утверждаться въ своей теоріи, что повсюду встрѣчалъ только одно раболѣпство. Уже ранѣе [1]) во Франціи появлялись политическіе трактаты въ духѣ крайняго абсолютизма, но наиболѣе послѣдовательно развита была абсолютистическая теорія Боссюэтомъ, знаменитымъ проповѣдникомъ, обратившимъ на себя вниманіе Людовика XIV проповѣдью на текстъ: „Бога бойтесь, царя чтите". Послѣдній отецъ церкви, какъ его называли поклонники, церковный писатель, оставившій между прочимъ „Discours sur l'histoire universelle" и „Histoire des variations des églises protestantes", въ своей „Политикѣ, извлеченной изъ св. писанія, какъ бы прямо обоготворялъ королевскую власть. Она представлялась ему въ формѣ восточной деспотіи съ теократическимъ характеромъ: „королямъ, говоритъ онъ, данъ титулъ Христа, и вотъ потому мы и видимъ, что ихъ вездѣ называли христами или помазанниками Господними... О, короли, восклицаетъ онъ, вы—боги! Въ вашей власти, на челѣ вашемъ есть нѣчто божественное". Дурные отзывы о королѣ, по Боссюэту, равны богохульству. Богословскому писателю вторили поэты, сомнѣвавшіеся, могутъ ли быть несчастные при такомъ королѣ (l'univers sous ton règne a-t-il des malheureux? спрашиваетъ Буало), а художники наперерывъ изобрѣтали новые способы изображать славу „короля-солнца". Такимъ образомъ Людовикъ XIV, можно сказать, дышалъ воздухомъ, насыщеннымъ сервилизмомъ, отъ самой ранней юности до глубокой старости: еще въ дѣтствѣ, обучаясь чистописанію, онъ имѣлъ пропись, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что короли могутъ дѣлать все, что имъ угодно, а за пять лѣтъ до смерти его духовникъ и доктора Сорбонны успокоили его совѣсть насчетъ того, что онъ имѣетъ право налагать на своихъ подданныхъ сколько угодно податей.

Проникнутый сознаніемъ о своемъ величіи, повсюду встрѣчая одно раболѣпство, Людовикъ XIV въ своемъ обращеніи съ людьми, во всемъ своемъ поведеніи старался быть важнымъ и величественнымъ, когда нужно было умѣлъ выражать высокомѣрное презрѣніе или проявлять убійственный гнѣвъ. Мы видѣли уже его взглядъ на церемоніи, и дѣйстви-

---

1) См. выше, стр. 401.

тельно вся жизнь его была обставлена мелочнымъ церемоніаломъ. Онъ окружилъ себя самымъ блестящимъ дворомъ и для своей постоянной жизни среди куртизановъ создалъ внѣ Парижа новую резиденцію —Версаль, стоившій ему баснословныхъ денегъ. Все времяпрепровожденіе короля было размѣрено и каждый его шагъ, отъ вставанія съ постели утромъ до отхожденія ко сну вечеромъ, сопровождался какою-либо церемоніей, въ которой принимали участіе тѣ или другія лица изъ многочисленнаго придворнаго штата: это было какое-то сплошное священнодѣйствіе; требованія этикета, манеръ, тона были разработаны до послѣднихъ мелочей, причемъ Людовикъ XIV былъ высшимъ недосягаемымъ образцомъ для всеобщаго подражанія. Условность была основнымъ закономъ этой жизни: она господствовала въ обращеніи, въ языкѣ, въ увеселеніяхъ, господствовала въ архитектурѣ, въ живописи и въ скульптурѣ, господствовала, наконецъ, въ литературѣ, и недаромъ Буало рекомендовалъ писателямъ изучать прежде всего вкусы двора. А эти вкусы были вкусы самого Людовика XIV или тѣхъ „метрессъ", которыя въ данную минуту владѣли его сердцемъ, была ли то нѣсколько сантиментальная ла Вальеръ, или разбитная Монтеспанъ или, наконецъ, знаменитая Ментенонъ, женщина черствая и сухая съ сильною наклонностью къ ханжеству. Людовикъ XIV съумѣлъ сдѣлать изъ версальскаго двора вообще центръ великосвѣтской жизни: масса придворныхъ должностей, продававшихся за деньги и потомъ оплачивавшихся хорошимъ жалованьемъ, веселая жизнь, близость къ королю, какъ источнику милостей, все это влекло ко двору французское дворянство; жить у себя въ помѣстьѣ уже было или признакомъ фрондерства, которое не прощалось, или признакомъ королевской опалы, непремѣнно ронявшей человѣка во мнѣніи его равныхъ, если только прямо не считали смѣшнымъ чудакомъ богатаго и знатнаго дворянина, не являющагося faire la cour. Благодаря такому взгляду, старая феодальная аристократія превратилась въ придворную знать. Ея недавнія еще стремленія исчезли, особенно послѣ того, какъ въ началѣ царствованія Людовика XIV казнили нѣсколькихъ провинціальныхъ вельможъ. Мало того: король съумѣлъ заставить протестантскую знать перейти въ католицизмъ, ибо никто не хотѣлъ „оставаться протестантомъ, боясь сдѣлаться смѣшнымъ", такъ что мало-по-малу реформированная религія стала простою „мѣщанскою вѣрой". Привлекая дворянство ко двору, Людовикъ XIV тѣмъ самымъ лишалъ его мѣстнаго значенія, превращая сеньеровъ въ куртизановъ, и отнималъ у нихъ всякое политическое вліяніе, тѣмъ болѣе, что жизнь въ Версалѣ стоила дорого, а король былъ щедръ на денежныя выдачи. *Съ середины XVII в. французское дворянство поэтому страшно измельчало:* уже въ концѣ XVI столѣтія его покорность покупалась деньгами, но

тогда все еще деньги вымогались борьбою [1]), а тутъ настала пора—и кончилась она лишь съ революціей,—когда деньгами оплачивалось раболѣпство. Можно даже сказать, что *придворный бытъ при Людовикѣ XIV придалъ особенный характеръ французскому абсолютизму*: здѣсь, при дворѣ заключенъ былъ союзъ между государственнымъ абсолютизмомъ и феодальными привилегіями, ибо когда-то мятежная аристократія признала безусловно королевскій авторитетъ, а абсолютная монархія столь же безусловно признала соціальныя привилегіи дворянства [2]). Абсолютизмъ Людовика XIV можно было бы назвать придворнымъ съ такимъ же правомъ, съ какимъ абсолютизмъ Филиппа II характеризуется какъ вѣроисповѣдный, а Фридриха II—какъ просвѣщенный. Король, видѣвшій въ себѣ воплощеніе цѣлой націи, не отказывался и отъ стараго взгляда, по которому его предки были только первые между равными [3]): глава государства считалъ себя первымъ дворяниномъ въ королевствѣ, но такъ какъ все выдающееся въ дворянствѣ было при дворѣ, то онъ самъ сдѣлался въ сущности первымъ придворнымъ. Такимъ образомъ если версальскій бытъ измѣнялъ прежній характеръ аристократіи, то онъ же измѣнялъ и характеръ самой монархіи: Людовикъ XIV и оба его преемника въ XVIII в. совсѣмъ не походятъ на основателя династіи, Генриха IV. Французская монархія все болѣе и болѣе проникалась воззрѣніями и стремленіями двора, и въ XVIII в. король былъ уже настоящимъ рабомъ этикета, у котораго уже не оставалось времени для серьезнаго труда, былъ даже лишь простою частью того цѣлаго, которое называлось дворомъ. Передъ этимъ учрежденіемъ стушевались тогда старыя общественныя силы—церковь и дворянство, генеральные штаты и парламенты, но такъ какъ дворъ былъ созданъ, повидимому, только для увеселеній, то дѣйствительная власть перешла въ руки чиновничества, которое и заняло въ XVIII в. мѣсто, освободившееся вслѣдствіе того, что сама монархія, такъ сказать, превратилась изъ учрежденія національнаго въ учрежденіе придворное.

Между прочимъ Людовикомъ XIV было положено начало и женскому вліянію въ политикѣ, хотя самъ онъ и не давалъ большой воли надъ собою своимъ метрессамъ (кромѣ Ментенонъ, съумѣвшей до извѣстной степени подчинить себѣ короля). Придворныя интриги начинаютъ теперь получать значеніе государственныхъ событій, что кладетъ особенный отпечатокъ на исторію XVIII вѣка: уже Кольберу, напр., пришлось ѣхать уговаривать дѣвицу ла Вальеръ, чтобы она верну-

---

[1]) См. выше, стр. 395.
[2]) Ср. въ томѣ III главу II.
[3]) Т. I, стр. 118.

лась ко двору, когда она удалилась-было въ монастырь подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти [1]).

XLII. Правительственная система Людовика XIV.

Система Людовика XIV.—Паденіе провинціальнаго и муниципальнаго самоуправленія.—Централизація и бюрократія.—Интенданты.—Полиція.—Остатки феодализма.—Церковныя отношенія при Людовикѣ XIV.—Янсенизмъ и квіетизмъ.—Преслѣдованіе протестантизма и отмѣна нантскаго эдикта.—Бѣдствія въ концѣ царствованія Людовика XIV.—Покровительство литературѣ и наукѣ при Людовикѣ XIV.—Критика его системы и зарожденіе оппозиціонной литературы.

Результаты системы Людовика XIV сказались главнымъ образомъ уже въ XVIII вѣкѣ: то, что получило во Франціи названіе l'ancien régime, было именно главнымъ результатомъ этой системы—соединенія крайняго абсолютизма съ старымъ общественнымъ строемъ. Впрочемъ, уже во вторую половину царствованія Людовика XIV, послѣ смерти Кольбера (1683), послѣ уничтоженія нантскаго эдикта (1685), нанесшаго странѣ большіе моральные и матеріальные убытки, наконецъ послѣ второй англійской революціи (1689), бывшей пораженіемъ системы французскаго короля и въ дѣлахъ международныхъ, все указывало на наступленіе совсѣмъ другой эпохи, не похожей на блескъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ XVII в. Система Людовика XIV заключалась въ томъ, чтобы уничтожить въ странѣ все, что только имѣло характеръ самостоятельности, ибо ревнивое отношеніе короля къ власти доходило до того, что даже, по собственному его признанію, ему было обидно, если кто-либо пріобрѣталъ вліяніе или славу помимо его [2]).

Мы уже видѣли, что послѣ 1614—15 гг. во Франціи не собирались болѣе генеральные штаты [3]), но что тѣмъ не менѣе въ малолѣтство Людовика XIV парижскій парламентъ думалъ играть политическую роль, которая собственно должна была принадлежать штатамъ [4]). Разсказъ о появленіи Людовика XIV съ хлыстомъ въ рукахъ въ парламентѣ принадлежитъ къ числу историческихъ выдумокъ, но несомнѣнно, что еще при Мазарини (1655) тогда еще весьма юный король довольно строго заявилъ членамъ парламента, что онъ не потерпитъ

---

[1]) Придворный бытъ французской монархіи очень ярко изображенъ у Тэна, въ сочиненіи „Происхожденіе современной Франціи“ (Taine. Les origines de la France contemporaine), т. I.

[2]) Главнѣйшія свѣдѣнія объ учрежденіяхъ старой монархіи во Франціи см. въ III т.

[3]) Стр. 397—399.

[4]) Стр. 402 и слѣд.

обсужденія ими правительственныхъ мѣропріятій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ парламенты съ другими центральными учрежденіями даже перестали называться верховными (souveraines) куріями, а просто высшими (supérieures). Послѣ этого было еще нѣсколько случаевъ столкновеній, но каждый разъ парламентъ терпѣлъ новое пораженіе. Въ 1665 г. онъ задумалъ-было протестовать противъ нѣкоторыхъ королевскихъ распоряженій, собрался съ этою цѣлью, но не осмѣлился что-либо предпринять изъ опасенія арестовъ и ссылокъ: члены сошлись, посидѣли молча, такъ какъ никто не рѣшался говорить, и когда одинъ членъ молча же вышелъ, то и другіе послѣдовали его примѣру. Въ 1667 г. нѣсколько членовъ парламента было сослано, а въ слѣдующемъ году Людовикъ XIV собственноручно вырвалъ изъ парламентскаго регистра постановленія временъ фронды. Въ 1673 г. онъ прямо запретилъ парламенту дѣлать ремонстранціи [1]). Лишь по смерти Людовика XIV это учрежденіе поднялось изъ своего униженія [2]).

Провинціальные парламенты равнымъ образомъ были подчинены губернаторамъ и интендантамъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи еще сохранялись мѣстныя сословно-представительныя учрежденія, états provinciaux, но они были исключеніями изъ общаго правила отсутствія штатовъ [3]), да и тутъ старыя права стали стѣсняться. Уже Ришелье уничтожилъ провинціальные штаты въ Дофинэ, временно отмѣнялъ ихъ въ Провансѣ, отнялъ у лангедокскихъ штатовъ право вотированія субсидій. При Мазарини были уничтожены штаты въ Нормандіи, временно отмѣнявшіеся при Ришелье, да и вообще съ 1651 г. по 1663, лишился своихъ штатовъ цѣлый десятокъ провинцій [4]). Тамъ, гдѣ они сохранились, они мало-по-малу потеряли (около 1680 г.) право обсуждать вопросъ о налогахъ и должны были только вотировать, а въ депутаты на эти собранія попадали очень часто лишь правительственные кандидаты. Представители духовенства и дворянства согласились на всякіе налоги, отъ коихъ были освобождены оба сословія, а третье сословіе было представлено одними горожанами, да и то фиктивно, ибо депутатами отъ городовъ были муниципальныя власти, а онѣ не были уже выборными. Несговорчивыхъ членовъ подкупали, а иногда и застращивали. Вообще къ этому жалкому остатку провинціальнаго самоуправленія административныя лица относились весьма недружелюбно. То же самое можно сказать и о муниципальномъ самоуправленіи, и ранѣе

---

[1]) См. т. I, стр. 124.
[2]) См. т. III, стр. 45—47.
[3]) См. Т. III, стр. 48.
[4]) Rouergue, Quercy, Pèrigord, Berry, Maine, Anjou, Touraine, Orléannais, Auvergne (раздѣлявшаяся на верхнюю и нижнюю съ отдѣльными штатами).

уже находившемся въ упадкѣ. Оно все болѣе и болѣе дѣлалось простою фикціей, и въ числѣ лицъ, наносившихъ удары штатамъ и коммунальнымъ учрежденіямъ, былъ самъ Кольберъ. Мало-по-малу къ восьмидесятымъ годамъ XVII в. надъ городами установилась полная интендантская опека, и админстративныя власти пользовались весьма широко городскими доходами на негородскія нужды. Въ 1692 г. Людовикъ XIV прямо отмѣнилъ всѣ выборныя должности въ городахъ, превративъ ихъ въ продажныя: мэры и засѣдатели должны были покупать свои мѣста [1]).

Если падало областное и городское самоуправленіе, за то развивались централизація и бюрократія. Но Людовикъ XIV озаботился, чтобы важныя правительственныя мѣста не попадали въ руки знати: за послѣднею оставлялся почетъ, оставлялись феодальныя права, привилегіи, но на вліятельныя должности назначались лица изъ мелкихъ дворянъ и изъ третьяго сословія. Вся власть въ провинціяхъ находилась теперь въ рукахъ интендантовъ, коихъ было на всю Францію 34, по одному на каждое генеральство (généralité): они пользовались безграничнымъ произволомъ и завѣдовали всѣми мѣстными дѣлами— полиціей, юстиціей (съ правомъ изымать процессы изъ вѣдѣнія судовъ и судить по своему усмотрѣнію) и финансами, муниципальными, военными и вѣроисповѣдными дѣлами, народнымъ просвѣщеніемъ, торговлею, промышленностью, земледѣліемъ; этими „пашами" или „сатрапами", какъ ихъ называли въ XVIII в., приводилась въ движеніе вся жизнь страны изъ единаго правительственнаго центра. Интенданты подавляли всякое проявленіе мѣстной самостоятельности, подчиняли себѣ независимые элементы общества, духовенство, дворянство, городское сословіе. Они же приводили въ исполненіе всѣ предначертанія центральной власти, касались ли послѣднія насажденія промышленности или преслѣдованія протестантовъ. У интендантовъ въ качествѣ помощниковъ, ими самими назначаемыхъ и смѣняемыхъ, служили субделегаты. Однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ интендантовъ второй половины XVII в. былъ нѣкій Бавиль (Basville), который обращалъ въ католицизмъ протестантовъ посредствомъ драгунскихъ постоевъ (драгонадъ) въ Лангедокѣ. Это былъ юристъ, проповѣдовавшій, что король есть собственникъ всей земли во Франціи: онъ толковалъ въ такомъ смыслѣ извѣстное изреченіе „nulle terre sans seigneur" [2]).

Особое развитіе получила при Людовикѣ XIV полицейская власть, которая вмѣшивалась во всѣ проявленія общественной жизни [3]). По-

---

[1]) См. т. III, стр. 88.

[2]) Т. I, стр. 165.

[3]) Ср. въ т. III, стр. 43 гдѣ говорится о полицейскомъ государствѣ XVIII в.

лицейскому произволу было подчинено все—до цензуры книгъ включительно. Въ это время особенно развились знаменитыя lettres de cachet такого содержанія: „посылаю вамъ это письмо, извѣщающее васъ о моей волѣ, чтобы вы (сдѣлали то-то и то-то). Молю Бога, чтобы онъ хранилъ васъ своею милостью. Людовикъ". Посредствомъ такого документа можно было посадить кого угодно въ Бастилію или другую подобную тюрьму и держать тамъ заключеннаго безъ слѣдствія, безъ суда, безъ обозначенія срока, безъ объявленія даже вины кому бы то ни было: бывали случаи, что о заключенномъ забывали, и никто потомъ не могъ припомнить, за что несчастный сидитъ въ заключеніи. Мало-по-малу такія lettres de cachet появились въ распоряженіи интендантовъ и интендантскихъ чиновниковъ. Полицейскимъ же учрежденіемъ былъ „черный кабинетъ", гдѣ вскрывали частную переписку. Полиція завѣдовала и дѣлами совѣсти: ея роль была весьма значительная въ преслѣдованіяхъ протестантовъ, янсенистовъ [1]) и т. п.

Эта политическая система, выросшая на развалинахъ средневѣкового католико-феодальнаго быта, въ соціальномъ и культурномъ отношеніяхъ какъ-разъ поддерживала всею своею силою всѣ тѣ стороны феодальнаго и католическаго наслѣдія среднихъ вѣковъ, которыя, не представляя никакого препятствія для развитія королевскаго абсолютизма, отзывались тяжело на обществѣ и личности. Намъ уже приходилось отмѣчать и придется не разъ указывать на то, что, *разрушая политическій феодализмъ, королевская власть не касалась феодализма соціальнаго*: въ этомъ отношеніи система Людовика XIV не только не была исключеніемъ изъ общаго правила, но самымъ блестящимъ его подтвержденіемъ. Оставляя до другого мѣста разсмотрѣніе того сочетанія политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, которое характеризуетъ вообще дореволюціонные порядки во Франціи [2]), мы здѣсь ограничимся лишь указаніемъ на то, что правительство Людовика XIV держалось и по отношенію къ католицизму такой же двойственной политики, т.-е. *всячески стѣсняло права церкви по отношенію къ государству и, наоборотъ, всячески помогало ей господствовать надъ обществомъ*. Другими словами, какъ „первый дворянинъ" своего королевства, Людовикъ XIV не затрогивалъ соціальнаго феодализма, на которомъ основывались дворянскія привилегіи, а какъ „старшій сынъ" церкви, сталъ поддерживать безусловное господство католицизма надъ совѣстью своихъ подданныхъ, хотя, какъ живое воплощеніе государства, и сокрушалъ политическую мощь аристократіи и клира.

---

[1]) См. ниже.

[2]) См. т. III, гл. II, III, IV, VII и VIII.

Духовенство давно уже было въ полной зависимости отъ королевской власти, благодаря болонскому конкордату 1516 г. Съ папствомъ монархія Бурбоновъ жила въ полномъ согласіи и мирѣ, но при Людовикѣ XIV эти добрыя отношенія нарушились, ибо между нимъ и папою Иннокентіемъ XI произошло весьма рѣзкое столкновеніе и именно на почвѣ конкордата 1516 г., обострившее взаимное неудовольствіе обѣихъ сторонъ по поводу неодинаковыхъ стремленій и во внѣшней политикѣ и отчасти связанное съ тѣмъ, что французское духовенство продолжало сочувствовать доктринѣ о галликанскихъ вольностяхъ [1]). Дѣло въ томъ, что условіямъ конкордата 1516 г. подчинялись не всѣ эпархіи, находившіяся въ предѣлахъ Франціи, но Людовикъ XIV въ семидесятыхъ годахъ самовольно распространилъ и на нихъ свое королевское право (droit de regale), заключавшееся въ томъ, что король распоряжался замѣщеніемъ вакантныхъ каѳедръ и пользовался епископскими доходами, когда та или другая каѳедра не была занята. Папа Иннокентій XI вмѣшался въ это дѣло, но Людовикъ XIV былъ поддержанъ французскимъ духовенствомъ, которое, руководимое Боссюэтомъ, на чрезвычайномъ собраніи 1682 г., объявившемъ себя національнымъ соборомъ, провозгласило четыре основныя положенія галликанизма. Первымъ изъ нихъ у папы отрицалась всякая власть въ дѣлахъ свѣтскихъ; вторымъ объявлялось главенство вселенскихъ соборовъ надъ папами въ дѣлахъ духовныхъ; третье охраняло неприкосновенность правилъ, обычаевъ и статутовъ, принятыхъ во Франціи государствомъ и церковью; въ четвертомъ говорилось, что въ вопросахъ вѣры папскія постановленія получаютъ окончательную силу лишь по принятіи ихъ церковью. Эти тезисы должны были теперь сдѣлаться основою каноническаго права во Франціи и преподаваться въ высшихъ школахъ, но папа ихъ не призналъ и отказалъ въ инвеститурѣ епископамъ, только что передъ этимъ назначеннымъ Людовикомъ XIV и уже засѣдавшимъ на соборѣ. Хотя вскорѣ послѣ того между французскимъ королемъ и преемникомъ Иннокентія XI воспослѣдовало примиреніе, и епископамъ было при этомъ приказано подписать новое заявленіе, въ коемъ они по существу дѣла должны были отказаться отъ принциповъ 1682 г., однако декларація о вольностяхъ галликанской церкви, внесенная въ регистръ парижскаго парламента, продолжала считаться однимъ изъ основныхъ законовъ государства даже среди значительной части духовенства. Лю-

[1]) Т, I, гл. XXXVIII. Подробное изложеніе спора Людовика XIV съ Иннокентіемъ XI см. въ соч. Philipps'a Das Regalienrecht in Frankreich.—Michaud. Louis XIV et Innocent XI.—Ch. Gérin. Recherches historiques sur l'assemblée du clergé de France en 1682. — Tabaraud. Hist. critique de l'assemblée générale du clergé de France en 1682.

довикъ XIV не желалъ поступиться своими королевскими правами по отношенію къ папѣ, но если онъ поддерживалъ независимость французскаго клира отъ куріи, то вовсе не для того, чтобы галликанская церковь пользовалась какими-либо вольностями по отношенію къ государству: напротивъ того, ея освобожденіе отъ Рима было только необходимымъ условіемъ, безъ котораго ее трудно было бы подчинить окончательно королевской власти. Средство оказалось дѣйствительнымъ: французскій епископатъ сталъ въ полнѣйшую зависимость отъ короля, а если какой-либо епископъ оказывался недостаточно послушнымъ, у него отбиралось данное ему имущество (le temporel), и онъ лишался доходовъ. Мало-по-малу прелаты превратились или въ придворныхъ вельможъ, или въ агентовъ королевской власти въ провинціяхъ. Мало того: сами французскіе іезуиты шли по стопамъ духовенства. Въ 1682 г. они желали, чтобы ихъ освободили отъ власти жившаго въ Римѣ генерала, давъ имъ особаго викарія, который находился бы во Франціи, и согласились учить въ своихъ коллегіяхъ и семинаріяхъ въ духѣ деклараціи французскаго собора; вмѣстѣ съ тѣмъ они не только не проповѣдовали прежнихъ своихъ доктринъ о главенствѣ папы надъ монархами и о его правѣ низлагать ихъ съ престола, но даже прямо воспитывали подростающее поколѣніе въ строго-монархическомъ духѣ. Правда, за это, въ свою очередь, они пользовались большимъ вліяніемъ на всю внутреннюю политику государства, будучи духовниками короля. Такимъ образомъ, если придворный бытъ былъ самымъ рельефнымъ проявленіемъ союза абсолютной монархіи съ соціальнымъ феодализмомъ, то *королевскіе духовники изъ іезуитовъ были главными проводниками католическихъ вліяній на эту монархію.*

Соединеніе абсолютизма съ католической реакціей, характеризирующее систему Людовика XIV, выразилось особенно ярко въ преслѣдованіяхъ, которымъ подверглись янсенисты, квіетисты и гугеноты. Между янсенистами и іезуитами вражда была старая [1]), но чѣмъ болѣе члены Общества Іисуса забирали силы при дворѣ, тѣмъ труднѣе становилось положеніе янсенистовъ. Незадолго до начала самостоятельнаго правленія Людовика XIV іезуитамъ былъ нанесенъ сильный ударъ знаменитыми „Провинціальными письмами“ (Lettres provinciales, 1656—1657) Паскаля, но при Людовикѣ XIV какое бы то ни было публичное обсужденіе спорныхъ вопросовъ должно было прекратиться, и открытая борьба перешла въ закулисную при помощи средствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ литературной полемикой. Янсенисты были заподозрѣны въ политической неблагонамѣренности, а то обстоятельство, что ихъ сторону держали парламенты, придавало имъ значеніе,

---

[1]) См. выше, стр. 284.

крайне непріятное для Людовика XIV. У янсенистовъ былъ свой центръ въ монастырѣ Port-Royal, противъ котораго было воздвигнуто настоящее гоненіе: монахинь оттуда выдворили, всѣ зданія разрушили и даже выкопали трупы похороненныхъ тамъ янсенистовъ (1709 г.). Людовика XIV іезуиты увѣрили, будто ихъ противники составляли республиканскую партію въ церкви и государствѣ, и король однажды признался, что онъ скорѣе готовъ примириться съ атеистомъ, нежели съ янсенистомъ. Галликанскія воззрѣнія янсенистовъ были непріятны и папству, а потому и оно ихъ осудило своею буллою „Unigenitus" (1713 г.). Подверглось преслѣдованію и мистическое направленіе, извѣстное подъ названіемъ квіетизма, главной представительницей коего была нѣкая г-жа Гюйонъ [1]). Это была экзальтированная піетистка, вполнѣ вѣрная догматамъ католической церкви, проповѣдовавшая „покой въ Богѣ", дающійся безкорыстною къ нему любовью и экстазомъ. Она успѣла въ этомъ духѣ написать нѣсколько сочиненій, но особая духовная коммиссія ихъ осудила, и г-жа Гюйонъ послѣ этого попала въ Бастилію, откуда ее перевели въ одинъ монастырь (1695). За нее заступился-было Фенелонъ, написавшій книгу объ ея ученіи, но это имѣло результатомъ не только вторичное заточеніе г-жи Гюйонъ, но и большія непріятности для самого Фенелона, противъ котораго Боссюэтъ и Сорбонна вооружили и короля, и папу: первый сослалъ его въ епархію, гдѣ онъ былъ епископомъ (Камбрэ), а второй осудилъ его книгу.

Реакціонный въ религіозномъ отношеніи характеръ царствованія Людовика XIV выразился преимущественно *въ преслѣдованіи протестантизма и отмѣнѣ нантскаго эдикта* [2]). Главною опорою кальвинизма во Франціи была аристократія, но она, во-первыхъ, смирилась, а во-вторыхъ, стала переходить въ католицизмъ, причемъ однимъ изъ первыхъ (1667) перешелъ Тюреннъ. Людовикъ XIV самъ объясняетъ намъ свое поведеніе по отношенію къ кальвинистамъ въ началѣ своего царствованія. „Съ самаго 1661 г., говоритъ онъ, я составилъ себѣ планъ всего моего поведенія относительно подданныхъ яко-бы реформированной религіи. Я думалъ, что лучшимъ средствомъ постепенно ихъ уничтожить было, во-первыхъ, не подчинять ихъ но-

---

[1]) Существующее о ней сочиненіе названо выше, на стр. 544. Ср. Heppe. Geschichte der quietistischen Mystik in der katholischen Kirche.

[2]) Большая литература: кромѣ соч. Пуарсона, и Полевца (см. выше, стр. 12), Lièvre. Du rôle que le clergé a joué dans la révocation de l'édit de Nantes.—Schott. Die Aufhebung des Edicts von Nantes.—Puaux et Sabatier. Études sur la révocation de l'édit de Nantes. — Reuss. Louis XIV et l'église protestante de Strassbourg au moment de la révocation de l'édit de Nantes.— Weiss. Histoire des réfugiés protestants de France и др.

вымъ строгостямъ, соблюдать все, что они получили отъ моихъ предшественниковъ, но сверхъ того имъ ничего не давать, и даже исполненіе этого заключить въ самые тѣсные предѣлы, какіе только могутъ быть дозволены справедливостью и приличіемъ. Что касается до милостей, которыя зависятъ отъ меня одного, я рѣшился не оказывать имъ никакихъ, чтобы заставить ихъ самихъ и безъ насилія время отъ времени подумывать о томъ, благоразумно ли отказывать себѣ по доброй волѣ въ тѣхъ выгодахъ, которыя у нихъ могли бы быть наравнѣ съ другими моими подданными". Но Людовикъ XIV не удержался на такой точкѣ зрѣнія. Уже въ шестидесятыхъ годахъ онъ запретилъ протестантское богослуженіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (1665), не позволилъ собрать національный синодъ (созывавшійся каждые два года), уничтожилъ въ парламентахъ такъ-называемыя chambres de l'édit (1669); вскорѣ онъ началъ разрушать протестантскія церкви въ городахъ, гдѣ жили католическіе епископы, освободилъ обратившихся въ католицизмъ гугенотовъ отъ уплаты долговъ ихъ бывшимъ единовѣрцамъ и отсрочилъ на три года уплату ихъ долговъ католикамъ, изъялъ обращенныхъ отъ налоговъ на два года, сталъ даже выдавать преміи обращеннымъ (caisse des conversions, 1677), понизилъ до семи лѣтъ возрастъ дѣтей, которыя могли переходить по собственной волѣ въ католицизмъ (1681), послѣ чего ревнители католицизма стали отбирать у гугенотовъ ихъ дѣтей и отдавать въ монастыри; наконецъ, онъ запретилъ протестантамъ занимать общественныя должности, быть адвокатами, нотаріусами, врачами, фельдшерами, аптекарями, повивальными бабками, вступать въ цехи и т. п. Религіозныя права протестантовъ также стѣснялись все больше и больше: ихъ духовенство не могло носить знаковъ своего званія и собираться на провинціальные синоды; хоронить своихъ покойниковъ кальвинисты должны были только ночью. Въ 1684 г. начались драгунскіе постои (dragonnades) въ протестантскихъ домахъ: миссіонеры въ ботфортахъ (missions bottées) какъ нельзя лучше дѣлали свое дѣло, насильно даже крестя дѣтей протестантовъ въ католическую вѣру. Эти драгоннады продолжались и послѣ того, какъ Людовикъ XIV въ слѣдующемъ году формально уничтожилъ нантскій эдиктъ (22 окт. 1685 г.): послѣдователямъ „яко бы реформированной религіи" (réligion prétendue réformée) запрещалось собираться даже на домашнее богослуженіе; ихъ духовнымъ лицамъ предлагалось или сдѣлаться католиками, или въ двѣ недѣли покинуть королевство подъ страхомъ каторги; всѣ остальные отнюдь не смѣли эмигрировать подъ страхомъ каторги и конфискацій; правда, имъ разрѣшалось тайно исповѣдовать свою вѣру, но это было только позволеніе на словахъ, и во всякомъ случаѣ своихъ дѣтей они должны были крестить не иначе, какъ въ католическую вѣру. За эдиктомъ

послѣдовали гоненія: драгунскіе постои усилились; эмигрантовъ ловили, ссылали на галеры, сажали въ тюрьмы; монастыри наполнялись дѣтьми протестантовъ; немало погибло въ это время гугенотскихъ духовныхъ лицъ, пойманныхъ на территоріи королевства; молитвенныя собранія въ разныхъ пустынныхъ мѣстахъ [1]) разгонялись ружейными выстрѣлами, и бывали случаи отправки на галеры пятнадцатилѣтнихъ, даже двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, захваченныхъ на молитвѣ вмѣстѣ съ своими родителями. Людовика XIV отъ такихъ преслѣдованій отговаривалъ его сынъ, но король находилъ, что спасеніе души дороже матеріальнаго благосостоянія, и что противъ недовольныхъ у него есть войско. За то короля прославлялъ Боссюэтъ, называя его новымъ Константиномъ, новымъ Өеодосіемъ, новымъ Карломъ Великимъ. Преслѣдованіе иновѣрія вызвало сильную эмиграцію: не смотря на всѣ строгости и задержки, около четырехсотъ тысячъ трудолюбивыхъ и предпріимчивыхъ протестантовъ покинуло страну, чтобы найти пріютъ въ протестантскихъ Англіи, Голландіи и Германіи (между прочимъ въ Бранденбургѣ), куда они принесли свои знанія, свои капиталы, свою промышленность. Гугеноты были слишкомъ малочисленны, чтобы оказывать сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе въ самомъ началѣ XVIII в. въ долинахъ Севеннъ преслѣдованія протестантовъ вызвали возстаніе такъ-называемыхъ „камизаровъ“.

Общимъ результатомъ системы Людовика XIV было экономическое разореніе Франціи [2]). Особенно тяжело давало себя знать возрастаніе налоговъ, вызывавшее мѣстныя вспышки народнаго неудовольствія. Разоренная къ концу XVII в. Франція не въ силахъ была поправиться вплоть до самой революціи. Бѣдственное положеніе провинцій было засвидѣтельствовано оффиціально, когда герцогъ Бургундскій (внукъ Людовика XIV) пожелалъ знать состояніе страны, надъ которой ему, повидимому, суждено было царствовать: по его иниціативѣ интенданты составили описанія ввѣренныхъ имъ провинцій, и собраніе этихъ документовъ, подтвержденныхъ массою другихъ свидѣтельствъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что около 1700 г. Франція была доведена до послѣдней степени нищеты. Особенно сильно было вліяніе голода 1709 г., въ то время, когда и внѣшняя политика Людовика XIV терпѣла страшныя пораженія въ войскѣ за испанское наслѣдство.

Конецъ царствованія Людовика XIV былъ и временемъ зарож-

---

[1]) E. Pelletan. Jarousseau, le pasterer du désert.—Coquerel. Les églises du désert.

[2]) Moreau de Jonnès. État économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV.—Mauguin. Études historiques sur l'administration de l'agriculture en France. Другія указанія см. въ моихъ книгахъ по исторіи французскихъ крестьянъ („Крестьяне и крестьянскій вопросъ“ и „Очеркъ“).

денія оппозиціонной литературы. Въ систему этого короля входило подавленіе всякой независимой мысли и, наоборотъ, покровительство такой литературѣ, которая служила его цѣлямъ и прославляла его правленіе. Еще слабо въ то время развитая литература сама искала меценатства: до середины XVII в. многія аристократическія фамиліи оказывали покровительство поэтамъ и художникамъ. Людовикъ XIV сдѣлался главнымъ и единственнымъ меценатомъ въ странѣ, когда въ 1663 г. назначилъ жалованіе (feuille des pensions) не только всѣмъ наиболѣе выдающимся французскимъ писателямъ, но и нѣкоторымъ очень посредственнымъ авторамъ, причемъ въ списокъ пенсіонеровъ короля попали даже кое-какіе иностранные литераторы и ученые. Многочисленныя учрежденія, возникшія въ Парижѣ на пользу наукъ и искусствъ, также содѣйствовали процвѣтанію знаній и художественному развитію [1]). Покровительство вело за собою, однако, самую мелочную опеку, и, напр., королевскіе исторіографы были прямо стѣснены въ своихъ работахъ даже надъ далекимъ прошлымъ Франціи, ибо хвалебный тонъ долженъ былъ распространяться и на предковъ короля; касаться сколько-нибудь свободно политическихъ вопросовъ, хотя бы и по отношенію къ давно минувшимъ временамъ, было при такомъ режимѣ невозможно. Людовикъ XIV хотѣлъ быть законодателемъ литературнаго и художественнаго вкуса, а въ области отвлеченной мысли не допускалъ ничего, что сколько-нибудь сталкивалось съ установленными авторитетами. Въ этомъ отношеніи король вполнѣ сходился съ Сорбонною: послѣдняя, напр., запретила во Франціи философію Декарта, а самъ Людовикъ XIV не позволилъ въ 1667 г. произнести похвальное слово покойному философу.

Къ концу царствованія Людовика XIV прежній хвалебный тонъ литературы начинаетъ смѣняться оппозиціоннымъ, хотя лишь за-границей могли издаваться сочиненія, въ коихъ система Людовика XIV подвергалась критикѣ и изображалось бѣдственное положеніе Франціи. И между людьми, преданными монархіи, нашлись такіе, которые сочли своимъ долгомъ раскрыть глаза Людовику XIV, ослѣпленному постоянною лестью. Въ числѣ такихъ людей былъ Фенелонъ, воспитатель внука Людовика XIV, авторъ извѣстнаго „Телемака“, написаннаго въ назиданіе будущему королю Франціи: такъ какъ онъ косвенно не одобрялъ политики Людовика XIV, то былъ отставленъ отъ своей должности. Молва ему приписала между прочимъ, анонимное письмо, полученное королемъ. „Вы, сказано было тамъ, родились съ сердцемъ правымъ, но воспитатели ваши, вмѣсто искусства управлять народомъ, вложили въ васъ

[1]) Реорганизація французской академіи въ 1672 г., академіи „надписей и медалей“ (1663), возобновленіе академіи живописи и скульптуры (1664), академія наукъ (1666) и т. п.

подозрительность, удаленіе отъ добродѣтели, боязнь передъ всякою блестящею заслугою, высокомѣріе и вниманіе къ одному только вашему интересу... Вся Франція представляетъ громадную больницу, какъ бы лишенную необходимыхъ припасовъ. Народъ, который прежде такъ любилъ васъ, начинаетъ терять привязанность, довѣріе и даже уваженіе къ вамъ. Народныя волненія становятся часты. Вы поставлены въ печальную необходимость или оставлять бунты безнаказанными, или избивать приведенный вами въ отчаяніе народъ, ежедневно погибающій отъ болѣзней, послѣдствія голода... Вы вовсе не любите Бога, вы его боитесь, но боитесь рабскимъ страхомъ: вы боитесь ада, а не Бога. Ваша религія состоитъ въ суевѣріяхъ, въ исполненіи мелкихъ обрядовъ. Вы все относите къ себѣ, какъ будто бы вы были земнымъ богомъ". Въ девятидесятыхъ годахъ Расинъ осмѣлился передать г-жѣ де-Ментенонъ свое мнѣніе о состояніи французскихъ финансовъ и поплатился за это королевской немилостью. Та же судьба постигла знаменитаго маршала Вобана, прославившагося на поприщѣ инженернаго искусства. Вобанъ, укрѣплявшій восточныя границы Франціи, отлично зналъ положеніе народа и рѣшился изложить свой взглядъ на причины нищеты, господствовавшей во Франціи, въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Королевская десятина" (1707). Этотъ мемуаръ имѣетъ большое значеніе, какъ одно изъ первыхъ литературныхъ произведеній, въ коихъ высказываются мысли физіократическаго характера [1]): сторонникъ сельскаго хозяйства, находившагося въ пренебреженіи во Франціи, онъ въ то же время совѣтовалъ реформировать податную систему посредствомъ замѣны всѣхъ прежнихъ налоговъ однимъ, а именно „королевскою десятиною" (dîme royale).

Что касается до заграничной оппозиціонной литературы въ царствованіе Людовика XIV, то *главными ея дѣятелями были эмигрировавшіе протестанты,* которые напали на нетерпимый католицизмъ французскаго короля и духовенства въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указывая и на деспотизмъ королевской власти. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій: „Жалобы протестантовъ, жестоко тѣснимыхъ во французскомъ королевствѣ" Клода (Claude), „Права государей въ дѣлахъ вѣры" Жюрье, автора многихъ другихъ подобныхъ произведеній, между коими особенно важны „Вздохи порабощенной Франціи, стремящейся къ свободѣ" (1687), далѣе „Неотмѣ-

---

[1]) О Вобанѣ поэтому упоминается въ исторіяхъ политической экономіи и финансоваго хозяйства. См., напр., Н. Бржескій. Податная реформа. Французскія теоріи XVIII столѣтія. Другимъ предшественникомъ физіократовъ былъ Буагильберъ.

няемость нантскаго эдикта“ и „Интересъ Франціи возстановить нантскій эдиктъ“ Давида Ансильона, который вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Карломъ, историкомъ французскихъ эмигрантовъ (refugiés) въ Бранденбургѣ, защищалъ наравнѣ съ вѣротерпимостью и политическую свободу. Въ числѣ выходцевъ изъ Франціи былъ и знаменитый Бэйль, скептическій философъ, одинъ изъ родоначальниковъ философіи XVIII в., столь критически и оппозиціонно относившейся вообще къ системѣ Людовика XIV. Мы коснемся ниже зарожденія французской оппозиціонной литературы XVIII в. еще при старомъ королѣ, хотя настоящее ея развитіе относится уже къ царствованію Людовика XV, когда вполнѣ выяснился ея антиабсолютистическій, антикатолическій и антифеодальный характеръ.

XLIII. Внѣшняя политика Людовика XIV [1]).

Войны и территоріальныя присоединенія Людовика XIV.—Испанское наслѣдство и противодѣйствіе Голландіи и Англіи видамъ Франціи. — Политическая роль Голландіи въ эту эпоху.—Вильгельмъ Оранскій и вторая англійская революція.— Третья война Людовика XIV. — Имперія и Австрія при Людовикѣ XIV и его самовольные поступки.—Неудачи Франціи во время войны за испанское наслѣдство. — Общій характеръ внѣшней политики Людовика XIV.

Выше [2]) было уже обозначено, почему мы не будемъ долго останавливаться на внѣшней политикѣ Людовика XIV, которой, однако, все-таки должны коснуться, такъ какъ она весьма характерна для этого короля и для международнаго положенія Франціи во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII в., и такъ какъ *въ связи съ этою поли-*

---

[1]) О внѣшней политикѣ Людовика XIV большая литература. Laurent. La politique royale.—Valfrey. La diplomatie française au XVII siècle.—Mignet. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV.—Scheichl. Leopold I und die österreichische Politik während des Devolutionskrieges.—H. Peter. Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich.—Legrelle. Louis XIV et Strasbourg.—F. Fester. Die armierten Stände und die Reichskriegsverfassung.—De Piépape. Hist. de la réunion de la Franche-Comté à la France.—Neuhaus. Der Friede von Ryswyk.—Reynald. Louis XIV et Guillaume III.—Главное сочиненіе по исторіи войны за испанское наслѣдство Noorden'a (Europ. Geschichte im XVIII Jahrhundert).—Hippeau. Avénement des Bourbons au trône d'Espagne.—Gaedeke. Die Politik Oesterreichs in der spanischen Erbfolgefrage.—M. Landau. Kaiser Karl VI, als König von Spanien.—Его же Rom, Wien und Neapel während des spanischen Erbfolgekriegs.—Courcy. La coalition de 1701 contre la France.—Я. Г. Гуревичъ. Война за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи.—А. С. Трачевскій. Международная политика въ эпоху Людовика XIV (Ж. М. Н. Пр. 1888, янв. и февр.).

[2]) См. стр. 535.

тикою только и можетъ быть понято все значеніе второй англійской революціи, совершившейся, замѣтимъ кстати, черезъ три года послѣ уничтоженія во Франціи нантскаго эдикта. Въ царствованіе Людовика XIV до начала его единодержавія Франція пріобрѣла по вестфальскому миру черезполосный Эльзасъ, отдѣленный отъ нея Лотарингіей съ вкрапленными въ нее французскими территоріями Меца, Туля и Вердёна, но безъ Страсбурга и другихъ мѣстностей, которыя остались за имперіей, а по пиренейскому миру получила отъ Испаніи Руссильонъ, Аррасъ и большую часть Артуа, причемъ и здѣсь была черезполосица. Кромѣ того, у Англіи Людовикъ XIV купилъ въ 1662 г. Дюнкирхенъ [1]). Затѣмъ уже съ начала самостоятельнаго своего правленія онъ велъ четыре войны въ 1667—1668, 1672—1679, 1688—1697 и 1701—1713 гг., что въ общей сложности составляетъ болѣе двадцати лѣтъ войны на пятидесятичетырехлѣтнее царствованіе. Результатомъ этихъ войнъ и самовольныхъ захватовъ Людовика XIV въ промежутокъ между второю и третьею войнами было нѣкоторое расширеніе французской территоріи съ уменьшеніемъ черезполосицы, существовавшей раньше. Испанія и Священная Римская имперія были слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться съ успѣхомъ стремленію Людовика XIV къ „округленію" восточныхъ границъ Франціи, и по всѣмъ мирнымъ договорамъ, коими оканчивались указанныя войны, что-либо прирѣзывалось къ французской территоріи отъ одного изъ этихъ государствъ. Ахенскій миръ (1668 г.), утвердилъ за Франціей со стороны испанскихъ Нидерландовъ, нѣсколько городовъ (Дуэ, Турнэ, Лилль и др.), нимвегенскій (1679 г.)—еще нѣсколько пунктовъ съ той же стороны (Камбрэ, Валансьенъ) и цѣлую область — Франшъ-Конте, послѣ чего Людовикъ XIV самовольно присоединилъ нѣсколько эльзасскихъ мѣстностей, остававшихся за имперіей, и захватилъ Страсбургъ (1681), что было подтверждено рисвикскимъ миромъ (1697), и наконецъ трактатъ утрехтскій (1713) далъ Франціи власть надъ значительною частью Фландріи и надъ многими областями, считавшимися дотолѣ за имперіей. Въ общемъ та граница, какой Франція достигла на с.-в., совпадаетъ съ теперешней бельгійско-французской границей, но на востокѣ присоединеніе Франшъ-Конте и Страсбурга далеко не уничтожало черезполосицы, главнымъ образомъ благодаря тому, что Людовику XIV не удалось пріобрѣсти Лотарингію [2]). То, что Франція присоединяла къ своей территоріи земли, которыя съ нею соприкасались

---

[1]) См. выше, стр. 376 и 402.

[2]) Эльзасъ послѣ присоединенія Франшъ-Конте слился съ французской территоріей посредствомъ узкой полосы земли, но только пріобрѣтеніе Лотарингіи при Людовикѣ XV округлило съ этой стороны французскую границу.

и потомъ сливались, было одною изъ выгодъ ея географическаго положенія и историческаго роста, особенно по сравненію съ Испанской монархіей, владѣнія коей были страшно разбросаны и не составляли одного органическаго цѣлаго.

Франція, находившаяся въ постоянномъ соперничествѣ съ Испаніей и имѣвшая виды на ея земли, которыя для нея были весьма сподручны, не могла не воспользоваться ослабленіемъ этой монархіи для того, чтобы сдѣлать отъ нея кое-какія пріобрѣтенія. Въ 1640 г. отъ Испаніи отдѣлилась Португалія, а черезъ восемь лѣтъ сдѣлалъ попытку отложиться и Неаполь (возстаніе Мазаньелло): монархія Карла V и Филиппа II видимо разлагалась. Людовикъ XIV былъ женатъ на Маріи Терезіи, дочери Филиппа IV, отказавшейся отъ всѣхъ правъ на испанскія владѣнія, но это не помѣшало Людовику XIV предъявить притязаніе на испанскіе Нидерланды по смерти своего тестя: онъ ссылался на существовавшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи „деволюціонное право", по коему дѣти отъ второго брака не были наслѣдниками при существованіи дѣтей отъ перваго брака, а Марія Терезія была какъ разъ дочерью отъ первой жены Филиппа IV, тогда какъ наслѣдовавшій ему Карлъ II (1665—1706) былъ сыномъ отъ второй жены. Отсюда и получила свое названіе первая война Людовика XIV какъ „деволюціонная". Такимъ образомъ уже въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в. былъ поставленъ Людовикомъ XIV вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, который во всемъ объемѣ долженъ былъ рѣшаться черезъ сорокъ лѣтъ по смерти бездѣтнаго Карла II, завѣщавшаго свой престолъ внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому. Притязанія французскаго короля на испанскія владѣнія должны были встрѣтить сильный отпоръ со стороны Голландіи и Англіи, которыя и въ отношеніяхъ религіозномъ и политическомъ, какъ страны протестантскія и съ свободными учрежденіями, рѣзко столкнулись съ католическими и деспотическими стремленіями Людовика XIV. Уже первое заявленіе имъ правъ на Бельгію заставило Голландію и Англію соединиться между собою для того, чтобы не допустить Францію захватить страну, изъ которой эта держава могла угрожать первой изъ нихъ и вредить торговымъ интересамъ второй. Къ этимъ двумъ государствамъ присоединилась Швеція, какъ блюстительница вестфальскихъ трактатовъ, и образовавшійся такимъ образомъ „тройственный союзъ" помѣшалъ Людовику XIV въ его планахъ. Еще болѣе и Голландія, и Англія должны были воспротивиться переходу всей Испанской монархіи съ ея колоніями во французскія руки, ибо вся иностранная торговля какъ европейскихъ, такъ и внѣевропейскихъ частей монархіи велась голландцами и англичанами. Въ 1698—1700 гг. Франція, Голландія и Англія думали-было даже раздѣлить на-

слѣдство между разными на него претендентами, но Людовикъ XIV въ концѣ концовъ устроилъ дѣло такъ, что всѣ свои владѣнія Карлъ II завѣщалъ его внуку Филиппу Анжуйскому, и тогда Голландія съ Англіей стали на сторону Австріи, претендовавшей на Испанскую монархію въ пользу одного изъ своихъ эрцгерцоговъ (впослѣдствіи императора Карла VI).

Захватъ Бельгіи и переходъ всей испанской монархіи къ внуку Людовика XIV грозили политической независимости и коммерческимъ интересамъ Голландіи. Людовикъ XIV былъ страшно раздраженъ противъ этой республики за то, что она помѣшала его „деволюціоннымъ“ притязаніямъ, но тутъ еще подѣйствовало и другое обстоятельство: въ 1667 г. Кольберъ издалъ крайне стѣснительный для голландской торговли тарифъ, на что республика отвѣтила исключеніемъ французскихъ товаровъ изъ своихъ рынковъ [1]). Послѣ ахенскаго мира Людовику XIV удалось отвлечь отъ союза съ Голландіей и Швецію, и Англію,—послѣднюю потому, что между нею и Голландіей существовало старое торговое соперничество [2]), да и возстановленные Стюарты тяготѣли къ Людовику XIV. Началась вторая война этого короля — противъ Голландіи, на сторону которой сталъ курфюрстъ Бранденбургскій [3]), но Франціи пришлось скоро имѣть противъ себя и обѣ габсбургскія державы, отъ одной изъ которыхъ Людовикъ XIV, впрочемъ, по миру, окончившему эту войну (нимвегенскому), получилъ Франшъ-Конте. Для внутренней исторіи Голландіи война имѣла то значеніе, что вызвала политическій переворотъ, низвергнувшій аристократическую партію и поставившій во главѣ республики Вильгельма Оранскаго. Этотъ государственный человѣкъ и сдѣлался главнымъ политическимъ противникомъ Людовика XIV. Въ голландской войнѣ французскому королю пришлось бороться съ половиной Европы, но въ концѣ концовъ онъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ и, какъ было сказано, съ значительнымъ приращеніемъ территоріи все на счетъ той же Испаніи. Въ восьмидесятыхъ годахъ поэтому онъ началъ совершенно безцеремонно среди глубокаго мира присоединять къ своимъ владѣніямъ пограничныя мѣстности, расчитывая на безнаказанность при розни, существовавшей между его противниками. Это заставило Вильгельма Оранскаго заняться организаціей тайнаго оборонительнаго союза противъ Людовика XIV: въ 1686 г. ему удалось заключить аугсбургскую лигу, къ коей примкнули Австрія, Баварія, Бранденбургъ, Испанія, Швеція, Савойя, кромѣ, конечно, Голландіи, т.-е.

---

[1]) Ср. стр. 538.

[2]) См. выше, стр. 536.

[3]) О значеніи этого факта въ исторіи Бранденбурга, см. т. III, стр. 37.

это была громадная коалиція противъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV, и душою коалиціи былъ Вильгельмъ Оранскій. Послѣднему было весьма важно имѣть на своей сторонѣ и Англію, но въ этой странѣ царствовалъ (съ 1685 г.) Іаковъ II, католикъ и клевретъ Людовика XIV: вторая англійская революція, совершившаяся при помощи Вильгельма Оранскаго и возведшая его самого на тронъ Англіи подъ именемъ Вильгельма III, рѣшила вопросъ о томъ, на чью сторону должна была стать Англія въ готовившейся грандіозной борьбѣ. Между тѣмъ Людовикъ XIV предъявилъ притязаніе на открывшееся наслѣдство въ пфальцскихъ земляхъ на томъ основаніи, что сестра послѣдняго курфюрста была замужемъ за братомъ французскаго короля, герцогомъ Орлеанскимъ, и, кромѣ того, хотѣлъ навязать въ кёльнскіе архіепископы своего кандидата. Онъ сдѣлалъ тогда нападеніе на Пфальцъ и завладѣлъ почти всѣмъ Рейномъ отъ Базеля до Голландіи, но устроенная Вильгельмомъ III коалиція заставила его оттуда удалиться, такъ что французы только успѣли разорить занятую ими на время страну. По рисвикскому миру Людовикъ XIV даже былъ вынужденъ вернуть многія сдѣланныя имъ въ этой третьей войнѣ завоеванія, дать Голландіи нѣкоторыя торговыя выгоды и признать Вильгельма III англійскимъ королемъ. Онъ даже вынужденъ былъ вступить съ нимъ въ переговоры по поводу открывавшагося испанскаго наслѣдства: планомъ новаго англійскаго короля было раздѣлить это наслѣдство между французскимъ и австрійскимъ претендентами, чтобы цѣликомъ оно не досталось ни тому, ни другому, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ выговорить торговыя выгоды для Голландіи и Англіи. Мы видѣли, что Людовикъ XIV захотѣлъ, однако, получить для своего внука все наслѣдство, и Вильгельмъ III, правда, умершій въ самомъ началѣ новой войны (1702), опять явился главнымъ противникомъ французскаго короля.

Таковы были взаимныя отношенія Франціи, Испаніи, Голландіи и Англіи при Людовикѣ XIV. Разсмотримъ его отношенія къ имперіи и къ стоявшей во главѣ ея—Австріи.

Только крайнее ослабленіе Германіи, бывшее результатомъ тридцатилѣтней войны, позволило Людовику XIV расчитывать на безнаказанность захватовъ на французско-нѣмецкой границѣ. По вестфальскому миру нѣмецкіе князья получили право заключать союзы съ иностранными государствами и нѣкоторые изъ нихъ воспользовались этимъ правомъ, вступивъ въ союзъ съ Людовикомъ XIV. Въ планъ французскаго короля входило расширеніе предѣловъ своего государства на счетъ Германіи: отсюда его захваты, о которомъ мы будемъ еще говорить, отсюда же нападеніе его на Пфальцъ, вызвавшее третью войну. Людовикъ XIV мечталъ еще при благопріят-

ныхъ обстоятельствахъ пріобрѣсти императорскую корону, считая себя истиннымъ наслѣдникомъ Карла Великаго. Понятное дѣло, что такія стремленія Франціи должны были встрѣтить отпоръ со стороны Австріи. Она заняла враждебную позицію уже со времени второй войны, когда и курфюрстъ Бранденбургскій отчасти изъ непріязни къ союзной съ Людовикомъ XIV Швеціи, отчасти по религіознымъ побужденіямъ также выступилъ противъ Франціи, но послѣ второй войны самой Австріи угрожали турки, сдѣлавшіе, какъ извѣстно, въ 1683 г. нападеніе на самую Вѣну. Въ третьей войнѣ противъ Людовика XIV Австрія снова принимала участіе, но еще болѣе столкнулись интересы обѣихъ сторонъ, когда открылось испанское наслѣдство. На послѣднее заявилъ именно притязаніе и императоръ Леопольдъ для своего младшаго сына Карла, и такимъ образомъ въ войнѣ, начавшейся въ 1701 г. опять Франція и Австрія принадлежали къ противоположнымъ лагерямъ. Извѣстно, что когда австрійскій претендентъ самъ сдѣлался императоромъ (1711), противники Людовика XIV не захотѣли допустить прямого соединенія Испанской монархіи съ Австріей, и дѣло кончилось тѣмъ, что по утрехтскому миру (1713) наслѣдство было подѣлено такимъ образомъ: Филиппъ Анжуйскій, отказавшійся за себя и за свое потомство отъ правъ на французскую корону, получилъ Испанію съ ея колоніями, а Бельгія и итальянскія владѣнія (Миланъ, Неаполь и Сардинія, вскорѣ затѣмъ вымѣненная на Сицилію) отошли къ Австріи.

Наибольшаго могущества достигъ Людовикъ XIV въ періодъ времени между нимвегенскимъ миромъ и началомъ третьей войны. Образованіе противъ него аугсбургской коализаціи (1686) и вторая англійская революція (1688—89) были первымъ сильнымъ ударомъ его стремленіямъ: это совпало и съ началомъ внутренняго упадка страны послѣ смерти Кольбера (1683) и отмѣны нантскаго эдикта (1685). Уже настоящее пораженіе понесъ Людовикъ XIV въ войнѣ за испанское наслѣдство, когда и внутри Франція была доведена до крайней степени разоренія и уже начиналось въ ней оппозиціонное направленіе, играющее столь важную роль въ исторіи XVIII вѣка.

Послѣ нимвегенскаго мира Людовикъ XIV, дѣйствительно, былъ на верху своей славы. Онъ былъ теперь объявленъ Великимъ (Louis le Grand), и могъ думать, что для исполненія его желаній не должно существовать никакихъ препятствій. Тогда именно онъ и сталъ совершенно самовластно распоряжаться въ Европѣ. Поплатилась Германія, князья которой притомъ соперничали между собою и заискивали у Франціи. Людовикъ XIV заявилъ притязанія на всѣ мѣстности, которыя когда-либо принадлежали землямъ, пріобрѣтеннымъ Франціей по мирамъ вестфальскому и нимвегенскому, но вмѣсто того, чтобы рѣшать спорные вопросы

путемъ дипломатическимъ, онъ учредилъ особыя возсоединительныя палаты (chambres de réunion) для разысканія правъ французскаго короля на тѣ или другія мѣстности. Понятно, что эти палаты приговаривали въ его пользу все, что самъ онъ считалъ своимъ въ Эльзасѣ, въ Лотарингіи, въ Люксембургѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, хотя бы то были самые незначительные клочки земли. У трирскаго архіепископа были отняты три мѣстности на томъ основаніи, что онѣ были отданы этому архіепископству Пепиномъ Короткимъ, удержавшемъ въ дарственномъ актѣ верховныя свои права надъ ними. Изъ захватовъ этого времени особенно важнымъ для Франціи пріобрѣтеніемъ былъ имперскій городъ Страсбургъ. Людовикъ XIV распоряжался и въ Италіи, гдѣ имъ была пріобрѣтена крѣпость Казале у герцога Мантуанскаго. Герцогъ Савойскій былъ женатъ на племянницѣ Людовика XIV, и потому послѣдній смотрѣлъ на его владѣніе, какъ на зависящее отъ Франціи. Генуя вздумала не подчиняться требованію Людовика XIV, не желавшаго, чтобы она увеличивала свой флотъ, и вотъ она подверглась за это бомбардировкѣ и для умилостивленія прогнѣваннаго короля должна была отправить въ Версаль посольство, во главѣ коего стоялъ самъ дожъ.

Совсѣмъ инымъ было международное положеніе Франціи въ началѣ XVIII вѣка. Послѣ рисвикскаго мира и назначенія Филиппа Анжуйскаго королемъ Испаніи Людовикъ XIV снова вообразилъ себя хозяиномъ Европы. Послѣ того какъ внукъ его занялъ испанскій престолъ подъ именемъ Филиппа V, считая себя лишь первымъ министромъ дѣда, послѣдній рѣшился объявить его своимъ преемникомъ и на французскомъ престолѣ, если бы прекратилось потомство его старшаго сына. Повидимому, не должно было существовать Пиренеевъ (извѣстное восклицаніе: „нѣтъ больше Пиренеевъ“), и Людовикъ XIV снова хотѣлъ доказать, что старыя границы Франціи могутъ быть расширены, захвативъ бельгійскіе города, которые по рисвикскому миру должны были служить „барьеромъ“ противъ Франціи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ провозгласилъ сына Іакова II, Іакова III, королемъ Англіи и запретилъ ввозъ во Францію англійскихъ и голландскихъ товаровъ. Начавшаяся послѣ этого война была весьма бѣдственной для французовъ, такъ какъ англійскій министръ герцогъ Мальборо и принцъ Евгеній Савойскій, ненавидѣвшій Людовика XIV, и другіе полководцы союзниковъ разбивали ихъ на всѣхъ театрахъ войны—и въ Бельгіи, и на Рейнѣ, и въ Италіи, и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Уже въ началѣ войны дѣла Франціи были такъ плохи, что Людовикъ XIV долженъ былъ просить мира, но ему были предложены условія, на которыя онъ никакъ не могъ согласиться, а именно между прочимъ предложено было ему собственными войсками выгнать изъ Испаніи

Филиппа V. Только смерть императора Іосифа I и превращеніе австрійскаго претендента на испанскій престолъ въ римскаго императора да недовольство англичанъ, тяготившихся войною,—что вызвало паденіе министерства Мальборо,—спасли Людовика XIV отъ продолженія тягостной для Франціи борьбы: его противники не желали соединенія Испанской монархіи съ Австріей подъ скипетромъ Карла VI, такъ какъ это возвратило бы западную Европу къ временамъ Карла V, а новое англійское правительство, смѣнившее Мальборо, было болѣе расположено къ Людовику XIV и стало измѣнять своимъ союзникамъ.

Разсматривая внѣшнюю политику Франціи въ царствованіе Людовика XIV, мы имѣемъ право видѣть въ ней продолженіе старой борьбы французской династіи съ Габсбургами, осложненное стремленіемъ французскаго короля къ округленію восточной границы своего государства (дѣйствительно, требовавшей исправленія) и вліяніемъ торговыхъ интересовъ, которые въ эту эпоху играли уже очень значительную роль въ международныхъ отношеніяхъ, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать въ расчетъ и личнаго властолюбія Людовика XIV. Какъ король французскій, онъ считалъ себя преемникомъ франкскаго короля Карла Великаго, сдѣлавшагося римскимъ императоромъ, и стремился къ первенству въ Европѣ. Наемные публицисты доказывали его права на такія страны, которыя никогда не были подъ властью французскихъ королей,—и проводили ту мысль, что онъ, абсолютный и наслѣдственный король, выше императора, избираемаго князьями и ограниченнаго въ своей власти. Людовикъ XIV не прочь самъ былъ быть избраннымъ въ императоры, но къ несчастью своему былъ въ войнѣ съ имперіей, когда скончался Леопольдъ I. Членовъ своей династіи онъ охотно видѣлъ бы на престолахъ Испаніи и Польши. Одно время, казалось, Англія должна была навѣки войти въ сферу его вліянія, ибо два послѣдніе Стюарта, особенно Іаковъ II, болѣе или менѣе явно ему симпатизировали и ждали отъ него поддержки въ своихъ политическихъ замыслахъ относительно внутреннихъ дѣлъ самой Англіи. Людовикъ XIV стремился къ первенству даже въ мелочахъ: Англія въ первую половину его царствованія обязалась, чтобы ея корабли при встрѣчѣ съ французскими первые салютовали ихъ установленнымъ порядкомъ; Испанія должна была уступить равнымъ образомъ первенство французскимъ посламъ на разныхъ торжественныхъ собраніяхъ; однажды Людовикъ XIV протестовалъ противъ того, что во время войны съ турками императоръ Леопольдъ I назвалъ себя главою христіанскаго міра. Однимъ словомъ, *Людовикъ XIV съ своею системою внутренней политики, заключавшеюся въ абсолютизмѣ и въ поддержкѣ феодальныхъ привилегій дворянства наряду съ властью католическаго клира надъ духовною жизнью народа, соеди-*

нялъ еще стремленіе къ всемірной монархіи въ области политики внѣшней. Ему поэтому были ненавистны страны, которыя не только противодѣйствовали его политическимъ планамъ, но и были представительницами принциповъ, противоположныхъ его идеямъ, а такими странами были Голландія и Англія,—вторая изъ этихъ странъ послѣ революціи 1688 г., обезпечившей въ ней политическую и религіозную свободу. Эти два государства стояли поперекъ дороги Людовика XIV не только потому, что препятствовали его завоевательнымъ планамъ и вредили торговымъ интересамъ Франціи, но и потому, что въ нихъ было свободное политическое устройство, господствовалъ протестантизмъ, развивалась религіозная свобода и были въ упадкѣ феодальныя традиціи. Голландія притомъ помогла Англіи совершить вторую ея революцію, которая получила значеніе событія общеевропейскаго не только потому, что послѣ этого Англія присоединилась къ большой коализаціи противъ Франціи, но и потому, что она была торжествомъ принциповъ, достигшихъ въ XVIII в. большого вліянія и на культурно-соціальную жизнь материка. Вотъ почему можно сказать, что 1688 г. былъ годомъ, когда системѣ Людовика XIV нанесенъ былъ особенно страшный ударъ.

XLIV. Реставрація Стюартовъ [1]).

Значеніе англійской исторіи во второй половинѣ XVII в.—Королевская и парламентская партіи въ эпоху реставраціи.—Реакція въ Англіи.—Стремленія и поведеніе Карла II и Іакова II.—Реакціонное настроеніе націи и шансы абсолютизма въ эпоху реставраціи.—Англиканизмъ и реставрація.—Парламентская борьба при Карлѣ II.—Test-act и habeas corpus act.—Вопросъ о престолонаслѣдіи и возникновеніе партій торіевъ и виговъ.—Реакція въ концѣ царствованія Карла II.—Царствованіе Іакова II.

Приступая къ изложенію исторіи Франціи и Англіи въ XVII в., мы указали на то, что на этихъ двухъ странахъ мы знакомимся съ двумя политическими противоположностями исторической жизни За-

---

[1]) По исторіи Карла II и Іакова II и второй революціи въ Англіи см., кромѣ общихъ исторій Англіи, сочиненія, указанныя въ главѣ XXXII (Маколея, Ранке и др.), а также Арманъ Каррель. Исторія контръ-революціи въ Англіи (Armand Carrel. Histoire de la contre-révolution en Angletere, 1827).—Amos. The english constitution in the reign of Charles II. — O. Klopp. Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Grossbritannien und Irland. Въ этой и слѣдующей главахъ внутренняя исторія Англіи доведена до 1689 г., а о послѣдствіяхъ второй революціи говорится въ III томѣ (гл. V: англійскій парламентъ въ XVIII в., гл. VI: личная и общественная свобода въ XVIII в., гл. VII: аристократія и буржуазія въ XVIII в.).

пада въ указанную эпоху [1]). Къ такому заявленію можно еще прибавить, что та же противоположность продолжаетъ существовать и въ XVIII в. вплоть до начала французской революціи [2]), и что даже вполнѣ и съ особою силою она проявляется именно въ прошломъ столѣтіи, потому что лишь уничтоженіе Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, съ одной стороны, завершило систему французскаго абсолютизма, и лишь вторая революція, съ другой стороны, окончательно упрочила въ Англіи политическую и религіозную свободу, а оба эти событія, т.-е. и отмѣна нантскаго эдикта, и вторая англійская революція совершились въ самомъ концѣ XVII в. Мы указывали также на то, что переворотъ 1689 г. наносилъ сильный ударъ политикѣ Людовика XIV, сдѣлавъ изъ Англіи врага Франціи въ двухъ послѣднихъ войнахъ этого короля, но и въ другомъ отношеніи вторая революція получила значеніе важнаго факта въ исторіи вообще западной Европы: низложеніе Іакова II и возведеніе на англійскій престолъ Вильгельма III обезпечило въ Англіи существованіе конституціонной монархіи, окончательно развившей въ XVIII в. свои учрежденія путемъ внесенія въ нихъ новыхъ началъ и сдѣлавшейся впослѣдствіи цѣлью политическихъ стремленій въ континентальныхъ странахъ, а вмѣстѣ съ этимъ установилась въ Англіи умственная свобода, благодаря коей здѣсь возникла философская и политическая литература, которой въ XVIII в. суждено было оказать сильное вліяніе на мысль передовыхъ націй материка и прежде всего самой же Франціи, гдѣ въ концѣ царствованія Людовика XIV уже зародилось оппозиціонное направленіе, представлявшее удобную почву для принятія англійскихъ идей [3]). Съ такой точки зрѣнія мы и разсмотримъ теперь все, что представляетъ наибольшій интересъ въ англійской исторіи во второй половинѣ XVII в., а именно *продолженіе борьбы съ королевскою властью за свободу въ эпоху реставраціи Стюартовъ и торжество свободы, благодаря второй революціи*, съ одной стороны, а съ другой—развитіе деизма и свободныхъ политическихъ идей.

Когда въ 1640 году собрался долгій парламентъ, въ немъ не было никакихъ разногласій относительно той правительственной системы, какой держался Карлъ I въ предыдущія одиннадцать лѣтъ: партіи кавалеровъ и круглоголовыхъ образовались нѣсколько позднѣе, причемъ главный вопросъ, ихъ раздѣлившій, касался новыхъ гарантій для парламента, которыхъ желала одна партія и которыя другая, наоборотъ,

---

[1]) См. выше, гл. XXIX.

[2]) Такое представленіе положено нами въ основу сдѣланнаго въ III томѣ изображенія политическаго быта Франціи и Англіи въ XVIII в.

[3]) См. выше, 563—564.

находила излишними [1]). Междоусобіе, начавшееся въ 1642 г., выдвинуло впередъ третью политическую силу, доставившую круглоголовымъ побѣду надъ кавалерами, но въ то же время установившую въ Англіи республику: извѣстно, что въ періодъ борьбы между пресвитеріанскимъ парламентомъ и индепендентской арміей, предшествовавшій казни короля и провозглашенію республики, круглоголовые готовы были идти на всякія уступки съ своей стороны, лишь бы достигнуть примиренія съ королемъ и вырвать тѣмъ самымъ изъ рукъ индепендентскаго войска ту власть, находившуюся фактически въ его рукахъ, но имъ не удалось достигнуть своей цѣли [2]). Если, однако, пресвитеріане не съумѣли или не смогли помѣшать низверженію монархіи, то и республика, бывшая дѣломъ весьма незначительнаго меньшинства націи и вынужденная опираться на военную силу, не имѣла прочной будущности, такъ какъ была лишена твердой опоры въ странѣ и вызывала противъ себя нерасположеніе одинаково въ обѣихъ большихъ партіяхъ, на которыя раздѣлились правящіе классы въ Англіи [3]). Реставрація Стюартовъ въ 1660 году была не только вообще побѣдою конституціонной монархіи надъ республикою, но и побѣдою въ частности кавалеровъ надъ круглоголовыми, ибо *Карлъ II былъ возстановленъ на престолъ Англіи безъ какихъ бы то ни было гарантій*, какихъ пресвитеріане добивались у его отца. О возстановленныхъ Стюартахъ позволительно сказать то же самое, что полутора вѣками позже сказано было о возвратившихся во Францію Бурбонахъ: въ изгнаніи они ничего не позабыли и ничему не научились. Но и англійская нація не желала поступиться тѣми правами, за сохраненіе коихъ боролась съ Іаковомъ I и Карломъ I. Поэтому реставрація въ исторіи Англіи была эпохою возобновленія борьбы между королевскою властью и парламентомъ. Полная неудача республиканской и демократической попытокъ и возстановленіе стараго строя заставили индепендентовъ и левеллеровъ совершенно стушеваться съ арены политической жизни, и взаимныя отношенія находившихся между собою въ борьбѣ силъ были теперь приблизительно такія же, какъ въ моментъ начала разлада между кавалерами и круглоголовыми: въ царствованіе Карла II прежній антагонизмъ возродился именно въ образованіи двухъ парламентскихъ партій (торіевъ и виговъ), ставшихъ въ неодинаковыя отношенія къ королевской прерогативѣ. Этимъ партіямъ суждено было впослѣдствіи находиться въ постоянномъ антагонизмѣ, но былъ моментъ, когда обѣ онѣ какъ бы дѣйствовали опять за одно, какъ и въ 1640 г., въ защиту полити-

---

[1]) См. выше, стр. 466 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 494.

[3]) См. выше, стр. 486 и слѣд.

ческой свободы, когда ей снова угрожала серьезная опасность: это было въ 1688—89 г., когда произошла вторая революція, лишившая Стюартовъ престола. Но на этотъ разъ осуществились уже стремленія парламентской партіи, ибо призванный на престолъ штатгальтеръ голландскій долженъ былъ дать новыя гарантіи того, что впредь на права парламента не будетъ дѣлаться покушеній, хотя этимъ гарантіямъ было еще далеко до извѣстныхъ требованій 1642 г. [1]). Что касается до республиканскихъ и демократическихъ элементовъ, игравшихъ такую видную роль въ исторіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII в., то въ новомъ переворотѣ онѣ не принимали участія, и между прочимъ какъ разъ боязнь правящихъ классовъ передъ новымъ выступленіемъ этихъ элементовъ заставила роялистовъ не оказывать сопротивленія ихъ противникамъ, когда послѣдніе рѣшили отнять власть у царствующаго монарха и обставить права его преемника новыми гарантіями неприкосновенности привилегіи парламента. Таковъ былъ смыслъ революціи 1688 г. во внутренней англійской исторіи.—

Послѣ междоусобной войны и военнаго деспотизма, продолжавшихся около двадцати лѣтъ, возвращеніе Стюартовъ, сопровождавшееся возстановленіемъ старой конституціи, казалось громадному большинству англичанъ началомъ эпохи мира и свободы, тѣмъ болѣе, что Карлъ II обѣщалъ всеобщую амнистію, исключивъ изъ нея лишь тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ изъять самъ парламентъ, обѣщалъ и свободу совѣсти и справедливый разборъ въ парламентѣ вопроса объ отчужденныхъ и пріобрѣтенныхъ въ революцію имуществахъ. Хотя нѣкоторые пресвитеріане и указывали въ парламентѣ на необходимость опредѣленія мѣры предоставляемой королю власти, но большинство не желало этого, довольствуясь сдѣланными Карломъ II обѣщаніями. Парламентъ исключилъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ амнистіи остававшихся въ живыхъ „цареубійцъ“ и вмѣстѣ съ ними, напр., Генри Вена [2]), которые и были преданы казни, а также подвергнулъ разнаго рода взысканіямъ множество другихъ лицъ, такъ или иначе выдвинувшихся въ эпоху революціи и республики. У людей, пріобрѣтавшихъ секуляризованныя и конфискованныя имѣнія, послѣднія отбирались безъ всякаго вознагражденія. Наконецъ, королю вотированы были весьма значительныя суммы. Это была реакція со стороны партіи, понесшей сначала пораженіе, но въ концѣконцовъ побѣдившей. Происходила и другая реакція—противъ суроваго пуританскаго режима, не смогшаго окончательно задушить настроеніе „старой веселой Англіи“, и во главѣ этой реакціи сталъ самъ король, блестящій весельчакъ, любитель развлеченій и удовольствій, довольно

---

[1]) См. выше, стр. 469—470.

[2]) См. выше, стр. 496.

безпечный насчетъ требованій морали и какихъ бы то ни было убѣжденій, бывшій, однимъ словомъ, полною противоположностью пуританизма. Но въ этой-то самой безпринципности короля, въ его нравственной распущенности, въ его чрезмѣрной погонѣ за наслажденіями и заключалась одна изъ тѣхъ бѣдъ, какія онъ принесъ съ собою въ Англію. Другою бѣдою было то, что, подобно отцу и дѣду, онъ былъ совершенно чуждъ національному духу англичанъ: воспоминанія молодости не могли внушить ему привязанности къ родинѣ, и жизнь на чужбинѣ, въ изгнаніи, въ средѣ, проникнутой совсѣмъ другими идеями и стремленіями, нежели имѣвшія силу въ Англіи, еще болѣе дѣлала его чуждымъ традиціямъ и интересамъ народа, возвратившаго его на престолъ. Между прочимъ, въ немъ возродились притязанія его отца и дѣда на абсолютную власть. Правда, онъ не рѣшался открыто нападать на привилегіи парламента, но онъ пользовался всѣми зависѣвшими отъ него средствами, чтобы обратить эти привилегіи въ ничто. Продолжительность депутатскихъ полномочій зависѣла, напр., исключительно отъ усмотрѣнія короля, и Карлъ II не распускалъ первый свой парламентъ въ теченіи 18 лѣтъ, хотя этотъ парламентъ уже и не соотвѣтствовалъ въ концѣ своего существованія тогдашнему настроенію избирателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ II всегда могъ воспользоваться, когда находилъ нужнымъ, своимъ правомъ, чтобы отсрочить парламентскую сессію, такъ что палаты иногда собирались лишь для того чтобы разойтись. Вопреки трехгодичному акту долгаго парламента, утвержденному Карломъ I [1]), король съ 1681 г. по 1685 г. совсѣмъ не созывалъ парламента. Созданіе новыхъ бурговъ [2]), оффиціальныя кандидатуры на выборахъ, подкупъ членовъ нижней палаты были также средствами, коими пользовался Карлъ II, желая поработить національное представительство. Черезъ парламентъ онъ старался, далѣе, проводить постановленія, въ частныхъ случаяхъ расширявшія власть и значеніе правительственныхъ лицъ, и широко примѣнялъ свою диспенсивную и суспендивную власть, въ силу коей дѣлалъ изъятія изъ законовъ или пріостанавливалъ ихъ дѣйствіе. Министровъ, совершавшихъ противоконституціонные проступки, онъ бралъ подъ защиту, прикрывая ихъ своимъ авторитетомъ или прибѣгая, въ случаѣ судебнаго ихъ преслѣдованія, къ своему праву помилованія. Въ самомъ же началѣ своего царствованія Карлъ II сталъ, кромѣ того, сближаться съ Людовикомъ XIV, которому продалъ Дюнкирхенъ, чтобы растратить затѣмъ значительную часть вырученной суммы на свои удовольствія: потомъ французскій и англійскій короли вошли даже въ тайное соглашеніе, которое было направлено противъ англиканской

[1]) См. выше, стр. 464.
[2]) Ср. выше, стр. 429.

церкви, парламента и голландской республики, причемъ Карлъ II за свое содѣйствіе планамъ Людовика XIV и ради того, чтобы имѣть деньги, не прибѣгая къ созыву парламента, началъ получать отъ французскаго короля большую денежную пенсію, которая шла тудаже, куда тратились и суммы, вотировавшіяся парламентомъ, т.-е. на любовницъ и на разгульную жизнь. Съ Карломъ II пріѣхалъ въ Англію и его младшій братъ, герцогъ Іоркскій. Онъ за неимѣніемъ у короля законнаго потомства долженъ былъ послѣ него царствовать, и вотъ наслѣдникъ престола, стоявшій, кромѣ того, во главѣ англійскаго флота съ титуломъ генералъ-адмирала, открыто переходитъ въ католицизмъ, который для англичанъ со временъ Маріи Кровавой и борьбы съ Филиппомъ II былъ какъ бы синонимомъ измѣны національной независимости и политической свободѣ. Герцогъ Іоркскій еще ближе, чѣмъ его братъ, входилъ въ планы Людовика XIV, ибо у него съ стремленіемъ къ абсолютизму соединялся еще католическій фанатизмъ, съ желаніемъ подавить политическую свободу—надежда на возможность возстановленія въ Англіи римской церкви. Въ послѣдніе годы своего царствованія Карлъ II даже подпалъ подъ вліяніе своего брата, и воцареніе его въ томъ самомъ году, когда Людовикъ XIV уничтожалъ нантскій эдиктъ, должно было казаться особенно опаснымъ англійскимъ патріотамъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ Іоркскій, сдѣлавшись королемъ подъ именемъ Іакова II, вполнѣ унаслѣдовалъ отъ своего брата его политику по отношенію къ парламенту. Тѣмъ не менѣе роялистическія чувства были такъ сильны,—а еще сильнѣе былъ страхъ передъ новой революціей, — что большинство въ правящихъ классахъ не только переносило все, что ни дѣлалось Карломъ II, его министрами и братомъ, но даже *становилось на сторону правительства, чтобы противодѣйствовать такой оппозиціи, изъ которой могли бы выйти новыя замѣшательства, новая революція*, надѣясь именно, что по смерти обоихъ братьевъ престолъ перейдетъ къ одной изъ дочерей второго брата, Маріи, женѣ Вильгельма Оранскаго, или Аннѣ, бывшей замужемъ также за протестантскимъ принцемъ (Георгомъ Датскимъ): опасности, грозившія свободѣ и религіи англичанъ, казались этому большинству временными, преходящими, и лишь тогда, когда оно стало опасаться, что ошибется въ своихъ расчетахъ, оно дало совершиться второму паденію Стюартовъ. Въ такомъ настроеніи большинства проявлялся, впрочемъ, не одинъ страхъ передъ новой революціей, но и увѣренность въ жизненной силѣ старыхъ учрежденій, въ томъ, что они благополучно выйдутъ изъ переживавшагося кризиса. Для такой надежды основаніе, дѣйствительно, было, потому что сила вещей все-таки давала себя знать. Уже одно то, что, вмѣсто открытаго нападенія на самый принципъ народнаго представительства, Карлъ II въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго царствованія велъ противъ него

скорѣе глухую борьбу отдѣльными и разрозненными мѣрами, свидѣтельствовало о перемѣнѣ къ лучшему сравнительно съ временами Іакова I и Карла I, хотя реакціонное настроеніе націи, повидимому, должно было бы благопріятствовать болѣе смѣлой и принципіальной борьбѣ. Мало того: Карлу II не разъ приходилось подчиняться нехотя тому, чего требовали парламентъ и общественное мнѣніе, участвовать въ борьбѣ съ Людовикомъ XIV [1]), отказываться отъ министровъ, возбудившихъ неудовольствіе палатъ, давать свое согласіе на статуты, бывшіе лично ему крайне антипатичными, каковъ, наприм., знаменитый Habeas corpus act, создавшій прочныя гарантіи для личной неприкосновенности англійскихъ подданныхъ и т. п. Можно даже сказать, что частные успѣхи, которые, повидимому, дѣлалъ въ Англіи произвольный режимъ въ царствованіе Карла II, *совсѣмъ не гармонировали съ общимъ характеромъ тѣхъ отношеній, какія упрочивались между королемъ и палатами*, какъ это доказывается всею парламентской исторіей реставраціи: открытаго нападенія на право вотированія налоговъ болѣе не дѣлается; законодательная иниціатива членовъ парламента окончательно упрочивается въ эту эпоху; королю приходится считаться съ парламентомъ и въ дѣлахъ внѣшней политики; происходитъ не одинъ разъ смѣщеніе министровъ по желанію палатъ; намѣчается будущій конституціонный бюджетъ, когда субсидіи начинаютъ вотироваться прямо на опредѣленныя цѣли. Однимъ словомъ, *шансы абсолютизма нисколько не возросли въ Англіи въ эту реакціонную пору ея исторіи*, если уже при самыхъ, повидимому, неблагопріятныхъ для свободы условіяхъ парламентъ продолжалъ не только удерживать свою позицію, но даже самою силою вещей приводиться къ тому, чтобы расширять свои прежнія права. Реакціонное настроеніе [2]), порожденное революціонной бурей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, во многомъ, конечно, способствовало произвольной политикѣ Карла II и Іакова II, но оно въ общемъ не заходило такъ далеко, чтобы сдѣлаться почвою, на которой могъ бы вырости въ Англіи абсолютизмъ. Роялисты, выводившіе изъ божественнаго права королей ихъ безотвѣтственность передъ подданными и требовавшіе со стороны послѣднихъ безпрекословнаго повиновенія властямъ, отнюдь не думали выводить отсюда необходимость уничтоженія парламента: если крайніе теоретики божественнаго права и становились на точку зрѣнія абсолютизма [3]), то вся партія отстаивала лишь королевскую прерогативу, не думая уничтожать парламентъ, вооружаясь лишь противъ его

[1]) Тройственный союзъ, см. выше, стр. 566.

[2]) О томъ, какъ оно зарождалось послѣ бурныхъ религіозныхъ или политическихъ движеній, см. выше, стр. 249 и слѣд.

[3]) Ср. выше, стр. 438.

притязаній на ограниченіе этой прерогативы. Конечно, логическіе выводы изъ посылокъ политической теоріи кавалеровъ и смѣнившихъ ихъ торіевъ могли и должны были бы дѣлаться другіе, именно въ духѣ притязаній Стюартовъ; но въ данномъ случаѣ мы лишь имѣемъ дѣло съ такою непослѣдовательностью, какую обнаруживали раньше въ теоріяхъ и поведеніи круглоголовыхъ и индепендентовъ [1]). Роялисты (и тори) не были абсолютистами, какъ круглоголовые (виги) не были республиканцами: и тѣ, и другіе были сторонники конституціонной монархіи и только различнымъ образомъ понимали взаимныя отношенія королевской прерогативы и парламентскихъ привилегій, заимствуя свои аргументы изъ противоположныхъ теорій—божественнаго права королей и народовластія, а потому они умѣли между собою соединяться, если что-либо прямо грозило именно конституціонной монархіи, какъ то было и въ 1640 г., когда еще не произошло раздѣленіе на партіи, и въ 1660 г., когда подъ знаменемъ роялизма республику смѣняла конституціонная монархія, и въ 1688-89 гг., когда, наоборотъ, вопреки роялистическимъ принципамъ новая революція спасала эту конституціонную монархію отъ превращенія въ монархію абсолютную. Если для Страффорда могла служить образцомъ система Ришелье [2]), то для двухъ послѣднихъ Стюартовъ такимъ образцомъ была система Людовика XIV, а мы знаемъ, что между этими двумя образцами была разница [3]). Континентальный абсолютизмъ въ борьбѣ съ аристократическими классами опирался на народныя массы; выступленіе ихъ на сцену политической исторіи въ Англіи указывало на то, что еслибы онѣ еще разъ появились на этой сценѣ, чтобы низвергнуть конституціонную монархію, то произошло бы это уже никакъ не въ пользу абсолютизма, ибо традиція политической свободы не была совсѣмъ чужда и тѣмъ общественнымъ классамъ, которые вообще не играли выдающейся роли къ государственной жизни Англіи. Главною защитницею парламента была, конечно, джентри, заключавшая въ себѣ около 340 т. человѣкъ; но если изъ нея преимущественно вербовались члены нижней палаты, то избирательными правами, обусловленными извѣстнымъ цензомъ [4]), пользовалась въ Англіи цѣлая почти половина ея тогдашняго населенія, именно около 2½ изъ 5½ милліоновъ.

Столь же безуспѣшнымъ предпріятіемъ, какъ введеніе абсолю-

---

[1]) См. выше, стр. 462 и 505.

[2]) См. выше, стр. 454.

[3]) См. выще, стр. 545.

[4]) Годовой доходъ въ 40 шиллинговъ, см. т. I. стр. 97. Очеркъ соціальнаго строя Англіи въ это время читатель можетъ найти въ статьѣ А. Аммона „Политическая жизнь Англіи въ эпоху реставраціи Стюартовъ“ (Юрид. Вѣстн. за 1885 г.).

тизма, долженъ былъ быть и планъ обращенія Англіи въ католицизмъ. Религіозное состояніе населенія въ эту эпоху представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Во-первыхъ, не смотря на всю ту роль, какую пуританизмъ игралъ въ исторіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, онъ имѣлъ среди своихъ послѣдователей лишь меньшинство населенія страны, хотя весьма зажиточное, наиболѣе развитое и очень энергичное: можно допустить для всѣхъ пуританъ цифру въ 300 т. человѣкъ, среди коихъ лишь около 20 т. приходилось на чистыхъ пресвитеріанъ. Что касается до массы населенія, то она оставалась вѣрною умѣренному англиканизму, давно сдѣлавшемуся національнымъ вѣроисповѣданіемъ страны. Реставрація Стюартовъ сопровождалась возстановленіемъ англиканизма, какъ государственной религіи со всѣми послѣдствіями акта объ единообразіи, и въ англиканскомъ духовенствѣ Карлъ II нашелъ одну изъ самыхъ надежныхъ опоръ для своего трона, такъ какъ именно въ клирѣ „высокой церкви" было особенно много сторонниковъ монархической идеи. Покушаться на англиканизмъ значило поэтому подрывать одну изъ основъ собственной власти, лишать реставрацію одной изъ наиболѣе прочныхъ ея опоръ. Правда, въ Англіи существовала горсть папистовъ, но это, дѣйствительно, была только горсть—какихъ-нибудь 25, много 30 тысячъ, такъ что католическая партія, во главѣ коей стоялъ Іаковъ II, еще бывши герцогомъ Іоркскимъ, могла, конечно, расчитывать не столько на силы своихъ приверженцевъ въ странѣ, повидимому, самою партіею все-таки преувеличивавшіяся, сколько на силы правительства, па содѣйствіе іезуитовъ и на помощь Людовика XIV. *Своимъ сочувствіемъ къ католицизму Стюарты оттолкнули отъ себя самую консервативную силу въ странѣ—англиканское духовенство.* Однимъ словомъ, роялизмъ и англиканизмъ, побѣжденные пуританской революціей, видѣли въ реставраціи законной династіи торжество своего дѣла, но реставрація стала какъ разъ угрожать обѣимъ своимъ опорамъ, проявивъ стремленіе къ абсолютизму и симпатію къ католицизму и ставъ въ подчиненное положеніе относительно главнаго представителя этихъ двухъ принциповъ—Людовика XIV: спасти конституціонную монархію, англиканскую церковь и національную независимость оказалось возможнымъ лишь при помощи новой революціи, но при этомъ роялисты сознали необходимость поступиться кое-чѣмъ въ пользу партіи, унаслѣдовавшей нѣкоторые принципы первой революціи.

На то, чтобы реставрація окончательно порвала свои связи съ тѣми силами, которыя ее совершили и потомъ поддерживали, потребовалось двадцать восемь лѣтъ. Въ началѣ реакціонное настроеніе страны, особенно выразившееся въ мести дѣя-

телямъ революціоннаго пуританизма, не остановившееся передъ повѣшаніемъ труповъ „цареубійцъ“ (между прочимъ Кромвеля), передъ казнями и несправедливыми карами противъ ненавистныхъ пуританъ, было весьма удобною почвою для развитія правительственнаго произвола. Карлъ II могъ похвалиться передъ Людовикомъ XIV, что, противъ желанія страны, началъ войну съ Голландіей, окончившуюся, впрочемъ, для Англіи, какъ извѣстно, самымъ позорнымъ образомъ, такъ какъ голландскій флотъ входилъ даже въ Темзу. Сначала главнымъ совѣтникомъ короля былъ графъ Кларендонъ, служившій еще его отцу и раздѣлявшій вмѣстѣ съ нимъ изгнаніе; но Карлъ II недолюбливалъ его за суровую серьезность и властолюбивый нравъ и охотно принесъ его въ жертву сильному общественному неудовольствію, нашедшему поддержку и въ парламентской оппозиціи: палата общинъ обвинила Кларендона въ государственной измѣнѣ, и онъ долженъ былъ уѣхать на континентъ. Мало того: Карлъ II вынужденъ былъ примкнуть къ тройственному союзу противъ Людовика XIV [1]), хотя вытекавшую отсюда политику онъ скоро оставилъ, чтобы по тайному договору (дуврскому) съ французскимъ королемъ обязаться принять католицизмъ и содѣйствовать видамъ Людовика XIV на Голландію и Испанію за денежную субсидію и обѣщаніе военной помощи въ случаѣ надобности противъ мятежныхъ подданныхъ. Этотъ договоръ развязывалъ руки Карлу II. Онъ подобралъ себѣ министровъ по вкусу и образовалъ кабинетъ, получившій презрительную кличку „Кабаль“ по начальнымъ буквамъ фамилій его членовъ (Клиффордъ, Арлингтонъ, Бёкингэмъ, Ашли и Лодердаль). Въ это-то именно время герцогъ Іоркскій и перешелъ открыто въ католицизмъ (1669), послѣ чего англиканскій парламентъ, принимавшій въ первые годы реставраціи суровыя мѣры противъ пуританизма особенно вооружился и противъ католиковъ. Карлъ II задумалъ воспользоваться своею диспенсивною властью и, якобы во исполненіе своего обѣщанія о вѣротерпимости, но въ сущности для исполненія обязательствъ своихъ передъ Людовикомъ XIV, издалъ прокламацію объ „индульгенціи“, пріостанавливавшую дѣйствіе репрессивныхъ законовъ противъ нонконформистовъ (1672). Характеръ деклараціи не обманулъ протестантскихъ диссидентовъ, говорившихъ, что они не желаютъ пользоваться выгодами, которыя даются „слугамъ антихриста“, англиканъ она, разумѣется, прямо раздражила, въ парламентѣ же вызвала неудовольствіе въ виду того, что ею отмѣнялись парламентскіе статуты. Поэтому недовольный еще внѣшнею политикою Карла II [2]),

[1]) См. выше стр. 566.

[2]) Въ это время Англія была въ войнѣ съ Голландіей.

парламентъ въ 1673 г. сдѣлалъ нападеніе на Кабаль, настоялъ на отмѣнѣ упомянутой деклараціи и принудилъ самого короля согласиться на „актъ о присягѣ“ (test act), направленный, главнымъ образомъ, противъ католиковъ: по этому закону никто не могъ занимать какой-либо государственной или общественной должности, не принесши присяги королю, какъ главѣ церкви, и не принявши причащенія по англиканскому обряду, а что законъ былъ направленъ преимущественно противъ католиковъ, такъ это явствуетъ изъ требованія еще отъ лицъ, желавшихъ занимать ту или другую должность, собственноручно подписаннаго заявленія противъ догмата о пресуществленіи въ таинствѣ евхаристіи. Въ силу test act'а,—просуществовавшаго въ Англіи до 1829 г.,—герцогъ Іоркскій долженъ сложить съ себя должность генералъ-адмирала, а католикъ Клиффордъ выйти изъ министерства Кабалъ, которое скоро затѣмъ и распалось, благодаря тому, что самый даровитый изъ его членовъ, гр. Шэфтсбери (Ашли), не отличавшійся, однако, постоянствомъ, измѣнилъ Карлу II и перешелъ на сторону оппозиціи. Враждебное къ католикамъ настроеніе англичанъ выразилось еще въ возникновеніи слуха, которому охотно тогда повѣрили, будто бы, какъ оффиціально доносилъ нѣкій Титъ Отсъ, католики съ герцогомъ Іоркскимъ во главѣ составили страшный заговоръ противъ Англіи: подъ вліяніемъ паники парламентъ издалъ самыя суровыя мѣры противъ папистовъ, и многіе изъ нихъ были даже казнены.

Въ 1678 г. Карлъ II распустилъ свой первый парламентъ, продолжавшійся 18 лѣтъ и заслуживающій потому названіе второго долгаго парламента: созванный въ 1660 г. и выражавшій собою реакціонное настроеніе націи, онъ былъ распущенъ уже за оппозиціонное свое направленіе. Палата общинъ начала именно процессъ противъ тогдашняго главнаго министра (Дэнби), обвинивъ его въ полученіи субсидій отъ Людовика XIV, въ тайныхъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностранной державой, въ расточеніи государственныхъ денегъ и въ приверженности къ папизму, причемъ былъ выставленъ принципъ, что министръ отвѣчаетъ не только за законность, но и за „честность, справедливость и полезность“ своихъ дѣйствій. Послѣ распущенія парламента дѣло, имъ начатое, продолжалъ, однако, и новый парламентъ, хотя Карлъ II, открывая его засѣданія, объявилъ, что онъ помиловалъ Дэнби и вмѣстѣ съ этимъ уволилъ его отъ должности. Палата общинъ съ своей стороны не признала за королемъ права помилованія въ дѣлахъ подобнаго рода, постановивъ даже считать измѣнникомъ всякаго своего члена, который сталъ бы поддерживать подобное право. Но особенно этотъ второй парламентъ Карла II прославился изданіемъ Habeas-corpus-act'а, этой „третьей великой хартіи“, считая второю

петицію о правахъ 1628 г. [1]). Произвольные аресты были вообще однимъ изъ золъ, на которыя съ самаго начала реставраціи стали жаловаться и нація, и ея представители. Уже раньше существовало у англійскихъ судей право требовать, чтобы каждый заключенный въ тюрьму былъ представленъ въ судъ съ объясненіемъ причины ареста, послѣ чего судъ могъ бы или поступить съ нимъ по закону, т.-е. начать противъ него процессъ, или же освободить арестанта въ случаѣ отсутствія законныхъ основаній для начатія дѣла; приказа въ такомъ смыслѣ, который и получилъ названіе habeas-corpus, могли просить у суда не только самъ заключенный или его довѣренное лицо, но и всякій другой, считавшій арестъ несправедливымъ. Въ числѣ причинъ неудовольствія, возбуждавшагося въ Англіи политикой Стюартовъ, было и то, что какъ сами судьи, такъ и тюремщики, подъ разными предлогами, уклонялись отъ примѣненія habeas-corpus'а. Парламентскій актъ 1679 г. былъ изданъ именно ради устраненія всѣхъ предлоговъ къ тому, чтобы судьи уклонялись отъ выдачи приказовъ, ограждавшихъ личную неприкосновенность, а тюремщики—отъ необходимости имъ повиноваться: этимъ актомъ обезпечивалось право заключеннаго въ случаѣ незаконности ареста требовать освобожденія, въ случаѣ маловажности проступка—быть выпущеннымъ на поруки, въ случаѣ обвиненія въ тяжкомъ преступленіи — не дожидаться долго суда, а письменное объявленіе о причинѣ ареста, обязанность представить арестованнаго суду въ теченіе извѣстнаго срока (три дня) и обязанность не переводить его въ тюрьму другого графства, сдѣлались главными условіями, которыя, дѣйствительно, стали обезпечивать въ Англіи индивидуальную свободу: англійскій habeas-corpus и французскія lettres de cachet—полнѣйшая противоположность [2]).

Такъ началъ свою дѣятельность парламентъ 1679 г. Скоро въ немъ поставленъ былъ другой вопросъ. Герцогъ Іоркскій, предполагаемый наслѣдникъ престола, былъ католикъ, и Англіи грозила опасность имѣть королемъ паписта, который долженъ былъ бы стать и во главѣ государственной церкви: образовалась поэтому партія, задумавшая парламентскимъ актомъ исключить герцога Іоркскаго изъ права престолонаслѣдія, причемъ кандидатомъ на престолъ выдвигался побочный сынъ Карла II, герцогъ Монмутъ. Противъ такой комбинаціи образовалась другая партія, которая видѣла въ лишеніи законнаго наслѣдника престола — принадлежавшихъ ему правъ шагъ прямо революціоннаго харак-

---

¹) См. выше, стр. 448. Habeas-coprus-act былъ изданъ при министерствѣ, въ коемъ участвовалъ Темпль и Шэфтсбери. Настоящее значеніе habeas corpus вытекаетъ изъ подразумѣваемаго „ad subjiciendum": этими словами судъ приказываетъ доставить ему „тѣло" (личность) заключеннаго.

²) См. выше стр. 556.

тера, наносящій ударъ исконнымъ правамъ монархіи и грозящій новыми смутами. Въ этомъ раздѣленіи партій по вопросу объ „исключеніи“ герцога Іоркскаго—и именно въ связи съ разнымъ пониманіемъ отношеній между націей и монархомъ—возродилась старая противоположность между кавалерами и круглоголозыми: лишь поводъ былъ другой и явились другія клички—„виговъ“ для противной герцогу Іоркскому партіи, „торіевъ“—для защитниковъ его правъ (виги, были крайними пресвитеріанскими фанатиками, бунтовавшими въ Шотландіи, а тори католическими фанатиками, бунтовавшими въ Ирландіи). Свои аргументы противъ билля объ исключеніи новая роялистическая партія заимствовала изъ теоріи о божественномъ происхожденіи королевской власти, тогда какъ другая партія ссылалась на ученіе о томъ, что между королемъ и народомъ существуетъ обязывающій обѣ стороны договоръ, и что нарушеніе этого договора королемъ даетъ народу право сопротивляться. Карлъ II воспользовался своимъ правомъ отсрочки, чтобы не допустить парламентъ до принятія билля объ исключеніи, и перемѣнилъ министровъ (Темпля и Шэфтсбери), благопріятствовавшихъ притязаніямъ парламенскаго большинства, но это не остановило агитаціи, продолжавшей волновать всю страну и во время отсрочки парламента. Когда послѣдній снова былъ созванъ (осенью 1680 г.), билль объ исключеніи прошелъ въ нижней палатѣ, но верхняя палата его отвергла, и оппозиціонное настроеніе общинъ заставило Карла II опять отсрочить засѣданія парламента. Заручившись новымъ тайнымъ договоромъ съ Людовикомъ XIV, и получивъ отъ него денегъ, Карлъ II созвалъ отсроченный парламентъ, но не въ Лондонѣ, а въ Оксфордѣ, боясь вигистскаго настроенія столицы (1681). Новая сессія, однако, не привела ни къ какому соглашенію, и парламентъ былъ распущенъ. Послѣ этого началась репрессія виговъ, въ которой правительство находило поддержку со стороны населенія, боявшагося революціи, а виги прибѣгли къ обычному оружію слабыхъ партій—къ заговорамъ. Правительство открыло большой заговоръ, получившій названіе райгаусскаго, и лишь немногіе его участники (Шэфтсбери и Монмутъ, испросившій себѣ помилованіе у короля) спаслись на материкъ: остальные подверглись казни, и между ними Альджернонъ Сидней, одинъ изъ дѣятелей первой революціи и политическихъ писателей эпохи [1]), человѣкъ республиканскаго образа мыслей, засѣдавшій въ судѣ надъ Карломъ I, но подававшій голосъ противъ его казни, во время реставраціи жившій на материкѣ до 1677 г., когда оказалось возможнымъ вернуться на родину вслѣдствіе амнистіи, и въ качествѣ члена парламента, сдѣлавшійся однимъ изъ горячихъ эксклюзіонистовъ (какъ называли противниковъ герцога

[1]) См. главу XLVI.

Іоркскаго). Другимъ выдающимся членомъ заговора былъ лордъ Россель, защищавшійся на судѣ ссылкою на право сопротивленія въ случаѣ нарушенія королемъ своихъ обязанностей по отношенію къ подданнымъ, но какъ разъ въ день казни Росселя оксфордскіе богословы торжественно провозгласили осужденіе доктринѣ о договорномъ происхожденіи королевской власти, какъ ученія, противнаго христіанской вѣрѣ (1683). Реакція теперь была въ полномъ разгарѣ. Парламентъ болѣе не созывался. Герцогъ Іоркскій получилъ снова свою прежнюю должность и пріобрѣлъ большое вліяніе на брата. Католицизму явно оказывалось покровительство.

Карлъ II умеръ въ началѣ 1685 г. У Іакова II, котораго виги не хотѣли признавать наслѣдникомъ престола, когда онъ былъ герцогомъ Іоркскимъ, нѣкоторые изъ нихъ рѣшились теперь отнять корону посредствомъ возстанія, но попытка, сдѣланная въ этомъ смыслѣ Монмутомъ (и Аргайлемъ въ Шотландіи), окончилась полнымъ пораженіемъ: претендентъ, высадившійся въ Англіи въ іюнѣ 1685 г., не нашелъ поддержки въ населеніи; парламентъ, созванный еще въ маѣ того же года и въ самомъ началѣ вотировавшій новому королю большія субсидіи, состоялъ изъ торіевъ и при извѣстіи о высадкѣ Монмута съ приверженцами далъ Іакову II значительныя средства на подавленіе мятежа; въ іюлѣ Монмутъ уже былъ разбитъ королевскими войсками, находившимися подъ начальствомъ Чёрчиля, (впослѣдствіи герцогъ Мальборо), взятъ въ плѣнъ и казненъ послѣ того, какъ мстительный дядя заставилъ его поваляться у себя въ ногахъ съ мольбами о пощадѣ. Возстаніе Монмута (и еще ранѣе его потерпѣвшаго также неудачу Аргайля) только усилило консервативныя чувства страны, боявшейся повторенія революціонныхъ смутъ. При такомъ настроеніи населенія месть безсердечнаго Іакова II могла не стѣсняться ничѣмъ. Начались казни, продажа въ неволю въ колоніи и другія тяжкія кары для всѣхъ, кого только можно было обвинить, какъ участниковъ въ дѣлѣ Монмута, или лицъ, къ нему прикосновенныхъ, а главный руководитель „кровавыхъ ассизъ“, Джеффризъ, въ награду за ту ревность, какую онъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ, получилъ отъ короля должность верховнаго судьи. Руководимый іезуитами, Іаковъ II какъ будто сталъ теперь торопиться, не теряя времени, съ подготовкою католической реставраціи. Въ арміи, численность которой была увеличена въ виду возстанія Монмута, въ управленіи, въ совѣтѣ, въ университетахъ, при своемъ дворѣ, король раздавалъ мѣста папистамъ; католики получали отъ него даже церковныя должности; въ Лондонѣ появились іезуиты и монахи и стали основывать свои учрежденія. Іаковъ II дѣлалъ все это и все это допускалъ, основываясь на своемъ диспенсивномъ правѣ, и отрѣшалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и судей, которые оказывали неповиновеніе его

незаконнымъ распоряженіямъ. Въ своемъ нападеніи на англиканскую церковь онъ готовъ былъ даже соединиться съ крайними сектантами, думая, что провозглашеніе вѣротерпимости пойдетъ лишь на пользу католицизму; но нападеніе на англиканскую церковь вызвало оппозицію даже въ этомъ учрежденіи, представители коего были дотолѣ главными проповѣдниками пассивнаго сопротивленія. Въ 1686 г. Іаковъ II возстановилъ—подъ другимъ только названіемъ „коммиссаровъ духовныхъ дѣлъ"—прежнюю верховную коммиссію [1]), чтобы карать духовныхъ, мѣшавшихъ его католическимъ планамъ. Весною 1688 г. дѣло дошло уже до серьезнаго столкновенія: король издалъ декларацію объ индульгенціи (эдиктъ о вѣротерпимости), приказавъ читать ее въ церквахъ, но духовенство не исполнило его требованія, а семь епископовъ подали ему петицію. Іаковъ II отвѣчалъ на нее угрозами, но она распространилась въ массѣ экземпляровъ среди народа, за что король возбудилъ противъ епископовъ преслѣдованіе, какъ противъ распространителей лживаго и злокозненнаго памфлета; епископы были заключены въ тюрьму и преданы суду (т. н. „королевской скамьи"), на которомъ предсѣдательствовалъ знаменитый Джеффризъ. Во время преній адвокаты подсудимыхъ оправдывали ихъ тѣмъ, что подача петицій есть исконное право всякаго англичанина, и присяжные послѣ долгаго совѣщанія оправдали епископовъ, что вызвало бурю восторга въ залѣ суда, а затѣмъ и во всей странѣ. Замѣчательно, что адвокаты епископовъ принадлежали къ торійской партіи, и что сами судьи приняли сторону подсудимыхъ. Въ томъ же самомъ 1688 г. у Іакова II послѣ долгаго безплодія его второй жены родился сынъ: хотя и распространился слухъ, будто королева вовсе не была беременна и ребенокъ былъ подложный, и что все было поддѣлано папистами, желавшими, чтобы у короля-іезуита былъ католическій наслѣдникъ [2]), тѣмъ не менѣе надежда роялистовъ и англиканъ на то, что по смерти Іакова II престолъ перейдетъ къ его дочери-протестанткѣ, Маріи Оранской, исчезла, и это рѣшило судьбу Стюартовъ: въ концѣ 1688 г. произошла вторая революція, которая въ 1689 г. была консолидирована возведеніемъ на престолъ Маріи и ея мужа, Вильгельма. Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію этого факта, которымъ заканчивается въ исторіи Англіи долговременная борьба между королевскою властью и парламентомъ.

---

[1]) См. выше, стр. 181.

[2]) Въ указанной выше (стр. 572) книгѣ А. Карреля разсказывается еще вся эта исторія, какъ вполнѣ достовѣрная.

XLV. Вильгельмъ Оранскій и вторая англійская революція.

Голландія въ XVII в.—Ея роль въ культурной и политической исторіи Европы.—Возвышеніе Вильгельма Оранскаго.—Его характеръ.—Родство Вильгельма Оранскаго съ Стюартами.—Виги и Вильгельмъ Оранскій.—Его планы относительно Англіи.—Въ чемъ состояла вторая англійская революція?—Декларація правъ 1689 г.—Протестантскій характеръ революціи 1688—89 гг.

Революція, вторично лишившая Стюартовъ англійскаго престола, произошла не только въ связи съ тою внутреннею борьбою, какая совершалась въ самой Англіи, но и въ связи съ борьбою, которую давно уже вели между собою на материкѣ Европы Франція и Голландія, т.-е. реакціонный католицизмъ и абсолютизмъ, съ одной стороны, а съ другой—протестантизмъ и политическая свобода. Іакова II низвергли виги при попустительствѣ торіевъ, но вигамъ оказалъ дѣятельную помощь голландскій штатгальтеръ, который и занялъ англійскій престолъ, что въ свою очередь стояло въ тѣсной связи съ его международной политикой. Спасеніе протестантизма и политической свободы принесено было Англіи изъ Голландіи, которая сама обязана была своею религіозною и политическою свободою также революціи, совершившейся за цѣлое столѣтіе передъ тѣмъ и также имѣвшей характеръ расторженія договора между королемъ и націей въ силу того, что король нарушилъ права націи, а нація сочла себя въ правѣ отказать въ повиновеніи королю [1]). Благодаря счастливому географическому положенію, предпріимчивости населенія, свободному государственному строю и развитію просвѣщенія, Голландія въ XVII в. играла такую роль, какая рѣдко выпадаетъ на долю второстепенныхъ государствъ. Въ борьбѣ своей съ Испаніей, окончившейся лишь въ 1648 г. [2]), она не только отстояла свою независимость, но завладѣла многими колоніями, принадлежавшими раньше испанцамъ или португальцамъ. Вскорѣ по окончаніи этой борьбы республикѣ пришлось выдержать другую—съ Англіей при Кромвелѣ, а потомъ и при Карлѣ II [3]). Наконецъ, во всѣхъ союзахъ, устраивавшихся противъ Людовика XIV, Голландіи принадлежала даже особенно видная роль [4]): отстаивая свою независимость, республика должна была искать союзниковъ, въ числѣ коихъ одною изъ наибо-

---

[1]) См. выше, стр. 329.
[2]) См. выше, стр. 376.
[3]) См. выше, стр. 536 и 581.
[4]) См. выше, стр. 567 и слѣд.

лѣе желанныхъ была Англія, и обстоятельства привели къ тому, что привлеченіе этой страны на сторону Голландіи могло совершиться лишь подъ условіемъ оказанія ею помощи партіи, замыслившей въ Англіи государственный переворотъ. Такимъ образомъ Голландія въ теченіе одного столѣтія сначала сама освобождается отъ иноземнаго ига, потомъ удачно борется противъ короля, мечтавшаго объ европейской гегемоніи, и съ успѣхомъ составляетъ противъ него коалиціи, а подконецъ, содѣйствуетъ утвержденію свободы въ другой странѣ, которой угрожали абсолютизмъ и католическая реакція. Кромѣ того, жертвы фанатизма и деспотизма въ разныхъ странахъ Европы привыкли находить въ Голландіи вторую родину: первыя выселенія англійскихъ диссидентовъ на ея территорію начались еще въ XVI в. и продолжались въ XVII столѣтіи, такъ что многіе англійскіе бѣглецы вернулись въ отечество только съ Вильгельмомъ Оранскимъ; пріютъ польскимъ антитринитаріямъ, изгнаннымъ изъ родной страны въ серединѣ XVII в. [1]), дала опять-таки Голландія, гдѣ они могли напечатать свои книги и разсказать міру о бѣдствіяхъ своего вѣроисповѣданія въ Польшѣ; сюда же направилась позднѣе масса французскихъ гугенотовъ, когда ихъ стали насильно обращать въ католицизмъ, и здѣсь же зародилась оппозиціонная французская литература послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XIV. Рука объ руку съ развитіемъ вѣротерпимости въ республикѣ совершалось, наконецъ, развитіе образованія и научной дѣятельности въ области филологіи, юриспруденціи и философіи. Однимъ словомъ, въ наиболѣе мрачныя времена, когда въ XVII в. одерживали побѣду фанатизмъ и деспотизмъ, *Голландія хранила въ себѣ лучшіе задатки будущей свободы для другихъ странъ Европы.* Правда, республику долго раздирала борьба религіозныхъ и политическихъ партій, начавшаяся еще при штатгальтерѣ Морицѣ Оранскомъ, сынѣ основателя республики— Вильгельма Оранскаго. Сочетаніе въ этомъ федеративномъ государствѣ республиканскаго начала съ монархическимъ (штатгальтерство, поставленное во главѣ исполнительной власти и получившее въ исключительное свое завѣдованіе сухопутныя и морскія силы страны) повело къ образованію двухъ партій, боровшихся за преобладаніе того или другого начала. Когда въ 1650 г. умеръ четвертый штатгальтеръ, Вильгельмъ II, сынъ Генриха, младшаго брата Морица, наслѣдовавшаго ему въ штатгальтерствѣ, званіе это досталось его малолѣтнему сыну Вильгельму III, но вскорѣ было у него отнято, между прочимъ, по требованію Кромвеля, не желавшаго видѣть во главѣ республики родственника бывшей англійской династіи [2]). Прав-

[1]) См. выше, стр. 296.

[2]) Вильгельмъ III приходился по матери племянникомъ Карла II и Іакова II.

леніемъ завладѣла тогда республиканская партія, во главѣ которой стоялъ великій пенсіонарій Іоаннъ де Виттъ, энергично и успѣшно ведшій войну съ Карломъ II и добившійся торжества своей партіи вѣчнымъ эдиктомъ 1668 г.: по закону, получившему это названіе, военное начальство на сушѣ и морѣ должно было быть отдѣлено отъ штатгальтерства, и лишь подъ такимъ условіемъ послѣднее могло быть возстановлено. Нападеніе Людовика XIV на республику черезъ четыре года все это измѣнило: успѣхи французовъ дали поводъ оранской партіи обвинить передъ народомъ Іоанна де Витта въ соумышленіи съ французскимъ королемъ, съ коимъ онъ, дѣйствительно, былъ прежде въ союзѣ, а всю республиканскую партію—въ томъ, что она ослабила оборону страны; произошло народное возстаніе, де Виттъ былъ умерщвленъ на улицахъ Гаги, вѣчный эдиктъ отмѣненъ, и молодой Вильгельмъ III былъ возстановленъ въ штатгальтерскихъ правахъ своего отца, двухъ дядей и великаго дѣда (1672). Мы уже указывали на то, какую роль онъ игралъ, какъ главный политическій противникъ Людовика XIV; теперь мы займемся исключительно имъ самимъ и его отношеніями къ Англіи.

Между прадѣдомъ и правнукомъ, изъ коихъ одинъ положилъ основаніе голландской республикѣ, а другой содѣйствовалъ упроченію въ Англіи конституціонной монархіи, было нѣкоторое сходство—и въ ихъ характерахъ, и въ ихъ политическомъ положеніи. Замкнутый въ самомъ себѣ, сосредоточенный на своихъ планахъ, задумчивый и молчаливый, холодный въ обращеніи, Вильгельмъ III, подобно своему знаменитому предку, отличался честолюбіемъ, которое умѣлъ, однако, связывать съ служеніемъ не однѣмъ личнымъ цѣлямъ,—отличался вмѣстѣ съ тѣмъ осторожною предусмотрительностью, дѣлавшею изъ него недюжиннаго политика, и, наконецъ, неутомимою энергіею въ достиженіи своихъ плановъ. Благодаря перевороту, доставившему ему власть, когда Людовикъ XIV напалъ на Голландію, онъ съ самаго начала правленія своего въ этой странѣ былъ поставленъ въ обстоятельства въ высшей степени трудныя, но за то это позволило ему сразу проявить, несмотря на свои двадцать съ небольшимъ лѣтъ, замѣчательныя силы духа. Ходомъ тогдашнихъ событій Вильгельмъ III былъ поставленъ приблизительно въ такую же оппозицію къ Людовику XIV, въ какой находился его прадѣдъ по отношенію къ Филиппу II: ему также приходилось защищать протестантизмъ и свободу противъ католической реакціи и абсолютизма, и въ этомъ заключалась вся его историческая роль. Голландскій штатгальтеръ, сдѣлавшійся душою всѣхъ коалицій противъ Людовика XIV, какъ бы поставилъ задачею всей своей жизни униженіе этого французскаго короля. Для него, конечно, было весьма важно, чтобы въ борьбѣ, которую онъ велъ съ Франціей, Англія была на сторонѣ

Голландіи, а не во враждебномъ лагерѣ, ибо географическая близость Англіи, ея положеніе на морѣ и обладаніе значительнымъ флотомъ дѣлали изъ нея весьма опасную соперницу и уже въ силу одного этого особенно желательную союзницу. Голландія уже испытала на себѣ, что значилъ союзъ Англіи съ Франціей, начавшей войну съ республикой въ 1672 г. Правда, Карлъ II вынужденъ былъ вскорѣ отстать отъ союза съ Людовикомъ XIV и заключить миръ съ республикою, но для послѣдней, конечно, не безслѣдно прошло—въ благопріятномъ на сей разъ смыслѣ—и это измѣненіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ и въ Англіи Вильгельмъ Оранскій съ самаго начала выступленія своего на политическое поприще снискалъ большое сочувствіе и уваженіе: война съ Голландіей была непопулярна, а тутъ еще молодой штатгальтеръ проявилъ такую энергію и храбрость, защищая свою страну отъ Людовика XIV. Лично штатгальтеръ имѣлъ притомъ отдаленныя права на англійскій престолъ, ибо былъ внукомъ Карла I по своей матери; въ Англіи даже образовалась партія, которая была непрочь идти на то, чтобы посадить принца Оранскаго на престолъ, когда герцогъ Іоркскій объявилъ себя католикомъ. Карлъ II, всячески старавшійся укрѣпить положеніе своего брата, обратился въ это время къ комбинаціи, которая должна была уничтожить неудовольствіе, существовавшее въ обществѣ противъ герцога Іоркскаго: старшая дочь послѣдняго Марія, предполагаемая послѣ него наслѣдница, была по приказанію короля конфирмирована, какъ протестантка, а затѣмъ выдана замужъ за Вильгельма, хотя переговоры объ этомъ бракѣ и не сразу привели къ желанной цѣли (1677). Выходъ старшей дочери наслѣдника престола за штатгальтера былъ весьма популяренъ: въ этомъ союзѣ видѣли залогъ и союза между обѣими странами и гарантію того, что послѣ герцога Іоркскаго корона перейдетъ къ протестанту. Но за то Людовикъ XIV, конечно, былъ этимъ крайне недоволенъ. Съ самой своей женитьбы Вильгельмъ Оранскій, отличавшійся гордымъ и властнымъ характеромъ, уже считалъ за собою неоспоримыя права на вмѣшательство во внутреннія дѣла Англіи, хотя и продолжалъ держать себя съ большою осторожностью. Когда въ парламентѣ былъ поднятъ вопросъ объ исключеніи его тестя, нѣкоторые политическіе дѣятели имѣли въ виду уже прямо призвать въ Англію Вильгельма, но Шэфтсбери, самъ въ 1674 г. ведшій съ принцемъ переговоры на счетъ признанія его наслѣдникомъ престола, на этотъ разъ выставилъ кандидатуру побочнаго сына Карла II, герцога Монмута [1]), думая, что „плохое право дѣлаетъ короля хорошимъ“, и опасаясь,

---

[1]) См. выше, стр. 583.

что Вильгельмъ, пожалуй, не согласился бы поступиться чѣмъ-либо изъ королевской прерогативы.

Послѣ нимвегенскаго мира Людовикъ былъ на верху своего могущества и совершенно произвольно распоряжался въ Европѣ, и Карлъ II былъ снова въ союзѣ съ французскимъ королемъ. Вильгельмъ Оранскій, приготовлявшійся къ новой борьбѣ съ Франціей и замышлявшій большой европейскій союзъ противъ ея монарха, не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому обороту, который приняло дѣло объ исключеніи его тестя: сначала онъ ожидалъ, что парламентъ прямо объявитъ его жену наслѣдницей, а потому и не думалъ что-либо предпринимать съ своей стороны, но кандидатура Монмута заставила его выступить въ качествѣ защитника правъ своей жены и даже правъ своего тестя. Въ то же время онъ хлопоталъ еще и о примиреніи Карла II съ парламентомъ. Такимъ образомъ *общія политическія отношенія и семейныя связи Вильгельма Оранскаго съ Стюартами давно уже давали ему и поводъ, и право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи.* У него уже давно были сторонники среди англійскихъ политическихъ людей, проводившіе его взгляды въ той борьбѣ, которая происходила въ странѣ по поводу билля объ исключеніи. Между разными другими комбинаціями, возникавшими въ это время, одна была такая: по смерти Карла II его брату принадлежалъ бы лишь титулъ короля, а регентомъ („протекторомъ“) былъ бы Вильгельмъ Оранскій (1681). Понятно, что съ своей стороны Людовикъ XIV всячески, наоборотъ, поддерживалъ права герцога Іоркскаго.

Въ царствованіе Іакова II, когда въ Англіи господствовалъ терроръ и подготовлялась католическая реакція, взоры всѣхъ патріотовъ весьма естественно обратились на Голландію и ея штатгальтера. Въ Голландію бѣжали многіе диссиденты, стали удаляться протестантскіе офицеры, и съ Вильгельмомъ Оранскимъ все болѣе и болѣе вступали въ переговоры наиболѣе вліятельныя лица изъ партіи виговъ. Іаковъ II между тѣмъ хотѣлъ вовлечь и дочь свою съ ея мужемъ въ политику, благопріятную для реставраціи католицизма, но встрѣтилъ съ ихъ стороны самый рѣзкій отказъ: это еще болѣе сближало принца съ вигами и вообще со всѣми защитниками протенстантизма и свободы въ Англіи. Рожденіе у Іакова II сына, страшно обрадовавшее папистовъ, повергло наоборотъ націю въ полное отчаяніе, но событіе это было непріятно и Вильгельму Оранскому, а тутъ еще на материкѣ начиналась война съ Людовикомъ XIV со стороны большой коалиціи, составленной принцемъ, и въ этой войнѣ Іаковъ II собирался быть союзникомъ французскаго короля. Вильгельмъ нѣкоторое время колебался придти ли ему на помощь англійскимъ патріотамъ, такъ какъ онъ сомнѣвался, будетъ ли ему дана правительственная власть въ Англіи,

когда его жена сдѣлается королевой, но сомнѣнія эти были разсѣяны самою Маріей. Правда, послѣдователи англиканизма долго относились недружелюбно къ Вильгельму, какъ къ кальвинисту, однако опасность, грозившая ихъ вѣрѣ, хлопоты церковной партіи (датитударіанцевъ), стремившейся къ союзу всѣхъ протестантовъ, и заявленіе самимъ принцемъ, что онъ будетъ уважать англиканскую церковь, устранили и это препятствіе къ союзу. Окончательно вопросъ былъ рѣшенъ все-таки, впрочемъ, рожденіемъ у Іакова II сына, подставного, какъ тогда думали, ребенка, выданнаго за рожденнаго королевой для устраненія отъ престола протестантки Маріи: патріоты тогда уже прямо рѣшились на возстаніе противъ Іакова II и убѣждали Вильгельма помочь имъ, такъ какъ безъ его содѣйствія имъ трудно было бы чего-либо достигнуть, разъ у короля было войско въ самой Англіи и еще болѣе многочисленное войско въ Ирландіи, и разъ ему могъ бы оказать еще военную помощь Людовикъ XIV.

Вильгельмъ Оранскій безповоротно рѣшился на вмѣшательство во внутреннія дѣла Англіи, когда вполнѣ удостовѣрился, что предпріятіе будетъ имѣть успѣхъ и когда самыя вліятельныя лица изъ англичанъ формально пригласили его на помощь: онъ понялъ, что въ случаѣ промедленія съ его стороны революція въ Англіи все равно свершилась бы, но дѣло могло бы окончиться провозглашеніемъ республики. Вильгельму оставалось только еще преодолѣть недовѣріе нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ, такъ какъ они опасались его властолюбія, и лишь опасность союза Англіи съ Франціей заставила ихъ согласиться на выдачу штатгальтеру большой денежной суммы. Весьма искусно приготовленія, дѣлавшіяся Голландіей, выставлялись, какъ направленныя противъ Франціи, и Людовику XIV, проникшему въ замыселъ Вильгельма, такъ-таки и не удалось убѣдить Іакова II въ томъ, что Голландія готовилась сдѣлать нападеніе на Англію. Когда, однако, англійскій король понялъ, къ чему клонится дѣло, онъ попытался-было спасти свою корону необычайною уступчивостью по отношенію къ подданнымъ; лишь по отношенію къ своей диспенсивной власти онъ не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ: ему даже удалось расположить въ свою пользу торійскую партію и даже англійское духовенство. Между тѣмъ въ началѣ октября 1688 года Вильгельмъ получилъ формальное согласіе генеральныхъ штатовъ на экспедицію въ Англію. Тогда голландскій штатгальтеръ послалъ въ Англію манифестъ, въ коемъ извѣщалъ о своемъ прибытіи по приглашенію духовныхъ и свѣтскихъ пэровъ. Кромѣ голландцевъ, въ войскѣ Вильгельма Оранскаго было много англійскихъ выходцевъ, значительное количество французскихъ гугенотовъ, немало нѣмцевъ, между прочимъ, присланныхъ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, такъ

что войско это имѣло характеръ протестантскій безъ какой-либо болѣе узкой конфессіональной окраски. Враги Людовика XIV сочувствовали предпріятію, и даже папа былъ успокоенъ обѣщаніемъ принца содѣйствовать смягченію строгихъ англійскихъ законовъ противъ католиковъ. Вильгельму Оранскому ни на морѣ, ни на сушѣ, когда онъ высадился въ началѣ ноября [1]), не было оказано сопротивленія. Напротивъ того, его вездѣ хорошо принимали, и само войско, которое должно было его остановить, перешло на его сторону. Іаковъ II поѣхалъ-было самъ къ арміи, но, опасаясь ея настроенія и видя, что отдѣльные военачальники его оставлютъ [2]), возвратился въ Лондонъ, откуда вскорѣ (въ ночь съ 10 на 11 декабря) бѣжалъ, чтобы уѣхать во Францію, предварительно отправивъ туда жену и сына. Сначала его поймали и возвратили въ Лондонъ, гдѣ въ это время уже находился его зять, но ему не помѣшали бѣжать вторично и на этотъ разъ уже вполнѣ успѣшно.

Всѣ эти событія дали рѣшительный перевѣсъ партіи виговъ. Постановлено было прежде всего собрать конвентъ (т.-е. парламентъ безъ короля), а пока Вильгельмъ Оранскій временно управлялъ государствомъ. Палаты собрались 22 января (стар. ст.) 1689 г., вотировали принцу благодарственный адресъ и приступили къ разрѣшенію вопроса о томъ, что дѣлать дальше. Виги требовали, чтобы Іаковъ II былъ объявленъ низложеннымъ съ престола, но тори были противъ этого, хотя и признали тронъ вакантнымъ, такъ какъ сочли отъѣздъ короля равносильнымъ отреченію. Большинство націи было на сторонѣ виговъ, но они, не желая вооружать противъ себя торіевъ, согласились на формулу, въ коей ничего не говорилось о низложеніи. 28 января было именно объявлено, что „король Іаковъ II, стремясь уничтожить законное устройство государства, тѣмъ самымъ разорвалъ договоръ короля и народа и, руководимый іезуитами и другими зловредными людьми, нарушилъ основные законы королевства, а своимъ отъѣздомъ изъ страны отказался отъ правленія, сдѣлавъ престолъ вакантнымъ“. По вопросу о томъ, кому же передать власть, голоса раздѣлились: одни думали о сынѣ Іакова II подъ регентствомъ Вильгельма Оранскаго, другіе—объ одной Маріи съ переходомъ отъ нея короны къ Аннѣ и т. д., но Вильгельмъ Оранскій объявилъ вождямъ виговъ, что отъ регентства онъ рѣшительно откажется, что будетъ радъ видѣть королевой Англіи свою жену, но что въ такомъ случаѣ жить въ Англіи не останется. Съ своей стороны Марія вы-

---

[1]) По старому стилю, тогда еще существовавшему въ Англіи.

[2]) Его оставила и другая дочь (Анна) съ своимъ мужемъ, принцемъ Датскимъ.

разила желаніе, чтобы власть была передана ея мужу, и Анна также согласилась на то, чтобы Вильгельмъ удержалъ власть и въ томъ случаѣ, если бы пережилъ свою жену. На сторонѣ Вильгельма было и большинство націи: торіямъ пришлось уступить. На престолъ были возведены оба супруга, но дѣйствительныя королевскія права предоставлены одному Вильгельму III, и онъ долженъ былъ ихъ сохранить въ томъ случаѣ, если бы (какъ это и случилось) онъ пережилъ жену. Послѣ этого конвентъ (въ серединѣ февраля) превратился въ парламентъ, а 11 апрѣля совершился обрядъ коронаціи.

Такъ окончилась вторая англійская революція, которую англичане назвали „славной" (glorious): *она не стоила ни единой капли крови и не сопровождалась ни малѣйшимъ потрясеніемъ политическихъ устоевъ страны*, такъ какъ все дѣло заключалось въ замѣнѣ короля Іакова II королемъ Вильгельмомъ III, т.-е. на этотъ разъ *не было ни религіознаго переворота, ни соціальнаго движенія*, какъ въ первую революцію. Въ 1688—89 г. окончился не только споръ между династіей Стюартовъ и англійской націей, но и *прекратилась вообще борьба между королевскою властью и парламентомъ:* вторая революція имѣла прецедентъ въ низложеніи Ричарда II и возведеніи на престолъ ланкастерской династіи въ 1399 г., но если за три вѣка до „славной" революціи только начиналась борьба между сторонниками королевской прерогативы и парламентской привилегіи, то теперь этой борьбѣ пришелъ конецъ [1]). Ближайшимъ результатомъ революціи было составленіе, принятіе парламентомъ и утвержденіе новымъ королемъ „билля и деклараціи правъ" (bill and declaration of rights), *одного изъ основныхъ законовъ англійской конституціи.* Въ этомъ актѣ перечислялись злоупотребленія Стюартовъ и объявлялось, что король не долженъ совершать такихъ правонарушеній, перечислялись затѣмъ права англійской націи и прибавлялось, что король долженъ присягать въ томъ, что будетъ ихъ соблюдать. Далѣе деклараціей признавалось, что противно законамъ:

1) „существующее будто бы право пріостанавливать дѣйствіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента";

2) „существующее будто бы право королевской власти освобождать отъ дѣйствія законовъ или отъ исполненія ихъ";

3) учрежденіе новаго духовнаго или всякаго иного суда;

4) „всякое взиманіе денегъ для надобностей короны подъ предлогомъ королевской прерогативы, безъ разрѣшенія парламента, такъ же какъ и на болѣе долгій срокъ, нежели было указано, и не тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ";

---

[1]) Ср. томъ I, стр. 104—105

5) „всякое заключеніе въ тюрьму или другое преслѣдованіе подданныхъ, представляющихъ королю прошенія“;

6) „собираніе и содержаніе арміи въ королевствѣ въ мирное время безъ согласія парламента“.

Далѣе провозглашались: 7) право протестантскихъ подданныхъ имѣть для самозащиты оружіе, 8) свобода выборовъ въ члены парламента, 9) подсудность рѣчей, произносимыхъ въ парламентѣ, лишь ему самому, 10) отмѣна черезчуръ тяжелыхъ наказаній, 11) правильное составленіе списковъ присяжныхъ, причемъ для дѣлъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи присяжные должны были браться изъ общинъ, 12) запрещеніе заранѣе кому-либо отдавать или обѣщать отдать имущества, конфискованныя у обвиняемыхъ, и 13) тотъ общій принципъ, чтобы парламентъ по возможности былъ чаще созываемъ „для изысканія средствъ къ отвращенію всѣхъ этихъ золъ, для исправленія и утвержденія законовъ и для ихъ поддержанія“. Передавая престолъ Вильгельму, „котораго всемогущій Господь соблаговолилъ избрать славнымъ орудіемъ для освобожденія этого королевства отъ папизма и деспотизма“, и супругѣ его Маріи, парламентъ исключалъ изъ права занимать престолъ всякое лицо, которое или само исповѣдуетъ римскую вѣру, или вступитъ въ бракъ съ такимъ лицомъ. Актъ единообразія и актъ о присягѣ (test act) были сохранены, но нонконформистамъ обѣщана была терпимость.

Вторая англійская революція имѣла протестантскій характеръ, какъ абсолютизмъ Людовика XIV—характеръ реакціоннаго католицизма [1]). Протестантизмъ породилъ принципъ свободы совѣсти, и принципъ этотъ вышелъ съ торжествомъ изъ этой революціи, благодаря установившейся въ Англіи терпимости, которая распространилась впослѣдствіи и на самихъ католиковъ. Хотя реформація и относилась непріязненно къ свободѣ мысли, но сама содѣйствовала ея развитію: вторая революція въ Англіи обезпечила и умственную свободу въ этой странѣ. Переворотъ совершился, наконецъ, въ силу того самаго политическаго принципа, который еще въ XVI в. защищался кальвинистическими писателями и былъ впервые примѣненъ въ эпоху нидерландской революціи, когда генеральные штаты низложили Филиппа II съ престола [2]). Эти *протестантскія начала отразились и на тогдашней англійской литературѣ,—философской и политической*,—хотя литература эта къ концу періода покидаетъ уже теологическую почву, чтобы *открыть собою эпоху раціонализма въ религіи и политикѣ*, харак-

---

[1]) Для дальнѣйшаго ср., что говорится на стр. 235, 237, 245 и слѣд. о принципахъ протестантизма.

[2]) См. выше, стр. 329 и 330.

теризующей „просвѣщеніе“ XVIII вѣка. Англійская мысль конца XVII столѣтія была послѣднимъ словомъ кончавшагося протестантскаго движенія и первымъ словомъ начинавшагося раціоналистическаго, свѣтскаго „просвѣщенія“ слѣдующаго столѣтія [1]). Правда, главнымъ органомъ новыхъ культурныхъ и политическихъ идей сдѣлалась Франція при преемникѣ Людовика XIV, но *на нее сильное вліяніе оказала англійская литература конца XVII и начала XVIII в.*: это было тоже побѣдой англійскихъ началъ надъ началами, воплотившимися въ реакціонномъ абсолютизмѣ Людовика XIV.

XLVI. Англійскія религіозныя и политическія идеи [2]).

Зарожденіе просвѣтительной литературы XVIII в.—Культурное развитіе Англіи во второй половинѣ XVII в.—Естествознаніе и раціонализмъ.—Возникновеніе и развитіе деизма.—Свобода совѣсти и свобода мысли.—Теологическая и раціоналистическая точки зрѣнія въ политической литературѣ.—Мильтонъ, Генри Венъ, Фильмеръ и Альджернонъ Сидней.—Государство и личность въ политическихъ теоріяхъ.—Гоббзъ и Локкъ.—Вліяніе англійской философской и политической мысли на французскую.—Заключеніе.

Оканчивая реформаціонный періодъ новой западно-европейской исторіи серединой XVII в. [3]), мы можемъ разсматривать совершившіяся въ концѣ этого вѣка уничтоженіе нантскаго эдикта во Франціи и вторую революцію въ Англіи, какъ послѣднія проявленія побѣдоносной католической реакціи и воинствующаго протестантизма, борьба между коими наполняетъ столь продолжительный періодъ въ исторіи европейскаго Запада. XVIII в. отличается уже инымъ характеромъ, чѣмъ два предыдущія столѣтія: реформа религіи и церкви уступаетъ мѣсто реформѣ общества и государства, и богословскія идеи протестантизма и возрожденнаго католицизма смѣняются философскими идеями „просвѣщенія“, разумѣя подъ послѣднимъ чисто свѣтское культурное направленіе XVIII вѣка. *Зарожденіе просвѣтительной литературы еще въ концѣ XVII столѣтія было какъ бы возвращеніемъ къ свѣтскому направленію гуманизма, какъ бы новой секуляризаціей духовной культуры* послѣ длиннаго періода религіозныхъ движеній и теологическихъ

---

[1]) Ср. т. III, стр. 147 и слѣд.

[2]) Общая литература по исторіи деизма—по особому отношенію послѣдняго къ исторіи XVIII в.—указывается нами на стр. 3—4 третьяго тома (соч. Геттнера, Лорана, Лехлера, Стефена и др.). Соч. по исторіи политическихъ ученій указывались раньше.

[3]) См. выше, стр. 1—2.

распрь [1]). Не нужно, однако, думать, что это было лишь простое возвращеніе къ покинутой позиціи: *„просвѣщеніе“ XVIII в. восприняло въ себя конечные результаты и протестантскаго движенія въ наиболѣе передовыхъ его проявленіяхъ, сочетавъ ихъ съ тѣмъ, что мы можемъ разсматривать, какъ главное наслѣдіе, оставленное гуманизмомъ XIV—XV вѣкахъ.* Послѣднее заключалось въ свѣтской культурѣ, смѣнившей церковную философію и науку среднихъ вѣковъ, заключалось въ той эманципаціи мысли, которая была необходимымъ слѣдствіемъ гуманистическаго индивидуализма [2]), и вотъ въ этомъ-то отношеніи „просвѣщеніе“ XVIII в. было прямымъ продолженіемъ Ренессанса. Но у гуманизма, играющаго такую роль въ умственной исторіи западной Европы, были крупные недостатки: именно онъ былъ лишенъ моральной силы и политическаго интереса, и какъ разъ эти два недостатка восполнены были реформаціей, которая—въ наиболѣе вѣрныхъ принципамъ своимъ направленіяхъ—содѣйствовала развитію идей свободы совѣсти и свободы политической, идей, бывшихъ почти неизвѣстными гуманистамъ и, наоборотъ, сдѣлавшихся двумя основными принципами „просвѣщенія“ XVIII в. Новое культурное направленіе съ наибольшею силою развилось во Франціи, ставъ тамъ, конечно, въ рѣзкую оппозицію къ тому, что можно назвать наслѣдіемъ системы Людовика XIV, и здѣсь направленіе это питалось традиціями Ренессанса, но настоящее идейное свое содержаніе французская философія XVIII в. получила все-таки изъ Англіи, ибо *въ этой странѣ именно зародилось „просвѣщеніе“ XVIII в.* Оно и понятно: въ то самое время, какъ въ другихъ главныхъ странахъ европейскаго Запада культурная жизнь падала или получала одностороннее развитіе отъ соединенныхъ усилій католической реакціи и политическаго деспотизма, въ то самое время, какъ гуманизмъ окончательно погибъ въ Италіи, гдѣ курія, іезуиты и испанское правительство искореняли всякую независимость мысли, въ то самое время, какъ Германія совсѣмъ одичала послѣ ужасовъ тридцатилѣтней войны, а во Франціи философія, наука, литература и искусство были взяты подъ разслабляющую опеку абсолютизма, Англія съ успѣхомъ боролась за свою религіозную и политическую свободу, развивала въ своей духовной культурѣ наиболѣе прогрессивныя протестантскія начала и въ своей философской и политической литературѣ вырабатывала идеи, коимъ суждено было овладѣть въ слѣдующемъ вѣкѣ историческимъ движеніемъ на самомъ материкѣ. Здѣсь же, *въ Англіи конца XVII и начала XVIII в. совершился переходъ отъ теологическихъ началъ протестантизма къ философскимъ началамъ „просвѣщенія“.* Въ исторіи этого перехода,

---

[1]) Ср. томъ III, стр. 142 и слѣд.

[2]) См. т. I, гл. XXXI—XXXIII.

однако, и вообще важную роль играютъ *возникновеніе на Западѣ въ XVII в. самостоятельной философіи и развитіе естествознанія* [1]: къ числу недостатковъ классическаго Ренессанса, подъ вліяніемъ коего до того времени главнымъ образомъ и совершалось чисто интеллектуальное развитіе, нужно именно отнести отсутствіе въ созданномъ Ренессансомъ направленіи—самостоятельной философіи и интереса къ научному изслѣдованію природы [2]. Въ исторіи философскаго и научнаго движенія, начавшагося, въ западной Европѣ съ XVII вѣка, Англіи принадлежитъ весьма важное мѣсто: въ началѣ этого столѣтія она дала Европѣ отца индуктивной философіи Бэкона Веруламскаго, въ концѣ—великаго Ньютона (1642—1727): „Novum Organum" (1620) перваго и „Philosophiae naturalis principia mathematica" (1687) второго отмѣчаютъ собою цѣлыя эпохи въ исторіи философіи и естествознанія" [3]. Далѣе, въ Англіи XVII в. былъ такъ силенъ интересъ къ естествознанію, что даже въ сороковыхъ годахъ, во время междоусобной войны возникло маленькое ученое общество натуралистовъ (the invisible college), которое въ самомъ началѣ реставраціи уже имѣло значительное количество членовъ и обратилось къ Карлу II съ просьбою о формальномъ утвержденіи и поддержкѣ. Король далъ на это свое согласіе, и такимъ образомъ въ 1662 г. открылось „Королевское общество въ Лондонѣ", посвятившее себя исключительно разработкѣ естественныхъ наукъ. Пуританская революція нанесла сильный ударъ классицизму, и прежній интересъ къ нему болѣе не возродился, но за то естествознаніе сдѣлалось положительно модною наукою дня въ эпоху реставраціи, такъ что все, что считало себя принадлежащимъ къ хорошему обществу, увлекалось своего рода дилеттантизмомъ въ областяхъ механики, астрономіи, физики и химіи. Конечно, не этотъ дилеттантизмъ, часто очень поверхностный, дѣлалъ великія открытія въ наукѣ, но онъ весьма характеренъ для эпохи. Наконецъ, въ XVII в. впервые и къ самой религіи стали прилагаться новыя научныя понятія, вырабатывавшіяся тогдашнимъ естествознаніемъ: именно открытія, сдѣланныя въ наукахъ о природѣ, стали прилагаться къ объясненію и критикѣ Библіи. Въ сороковыхъ годахъ ученый врачъ Томасъ Броунъ написалъ двѣ книги: „Religio medici" (1642) и „Pseudodoxia epidemica" (1646), въ коихъ мы встрѣчаемся съ попыткою подведенія библейскихъ чудесъ подъ естественныя объясненія. Точно также нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе геологъ Борнетъ въ своихъ сочиненіяхъ „Telluris sacra theoria" (1680) и

---

1) Ср. т. III, стр. 143—144.
2) См. т. I, стр. 428 и слѣд.
3) Самая подробная біографія Brewster'а.

„Archaeologia philosophica“ (1692) вооружался противъ моисеевой исторіи творенія, считая ее противною разуму и допуская ее лишь въ качествѣ аллегоріи, расчитанной на слабое пониманіе народа. Въ эпоху реставраціи въ высшемъ англійскомъ обществѣ было даже очень сильно развито вольнодумство, опиравшееся преимущественно на успѣхи естествознанія. Но гораздо большее значеніе имѣлъ вообще *раціонализмъ, столь характерный для всей философіи XVIII в., зародившейся въ Англіи.* Однимъ изъ первыхъ его провозвѣстниковъ былъ Гербертъ изъ Чербери, ставившій библейское откровеніе подъ контроль разума. Въ своихъ книгахъ „Объ истинѣ въ ея отличіи отъ откровенія, отъ вѣроятнаго, отъ возможнаго и отъ ложнаго“ (De veritate etc., 1624) и „О религіи язычниковъ и причинахъ ея возникновенія“ (De religione gentilium, 1645) онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что есть нѣкоторая общая всѣмъ людямъ и разумная религія, заключающаяся въ нѣсколькихъ врожденныхъ идеяхъ, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ. Такими истинами Гербертъ считалъ 1) существованіе Божества, 2) необходимость богопочтенія, 3) благочестіе и добродѣтель, въ качествѣ главной принадлежности послѣдняго, 4) обязанность человѣка каяться въ грѣхахъ и оставлять ихъ и 5) справедливое воздаяніе человѣку за содѣянное имъ добро и зло и въ этой жизни, и въ будущей: все остальное во всѣхъ религіяхъ онъ признавалъ за простыя выдумки властолюбивыхъ учителей и думалъ, что нужно отъ этихъ прибавокъ очистить естественную и разумную религію, заключающуюся въ указанныхъ пяти истинахъ. Идеи Герберта были довольно распространенными въ англійскомъ обществѣ реставраціонной эпохи, и съ чисто раціоналистической точки зрѣнія толковалась сама откровенная религія. Однимъ изъ весьма рельефныхъ выразителей религіознаго вольнодумства былъ еще Чарльзъ Блонтъ, авторъ сочиненія „О душѣ міра“ (1679) и переводчикъ филостратовой „Жизни Аполлонія Тіанскаго“, написанной, какъ извѣстно, врагомъ христіанства. Блонтъ уже прямо нападаетъ на божественность евангельскихъ чудесъ и самого откровенія. Одновременно съ этимъ аналогичное движеніе совершалось и въ Голландіи, гдѣ Спиноза [1]) и Бэйль защищали свободу философскаго и научнаго изслѣдованія. Именно въ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ Спинозы (1670) проводилась та идея, что нельзя оправдывать насилій надъ человѣческой мыслью и притомъ, ни съ точки зрѣнія религіи, ставящей своимъ исходнымъ пунктомъ

---

[1]) За послѣднее время порусски вышли два перевода „Этики“ Спинозы (проф. В. И. Модестова и Н. А. Иванцова), а также переводъ его переписки (Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. А. Л. Волынскаго; предпослана біографія). Объ ученіи Спинозы нѣм. соч. Th. Camerer'a.

нравственное и полезное, но отнюдь не истинное, ни съ точки зрѣнія государства, имѣющаго дѣло лишь съ человѣческими поступками, поскольку они касаются общественнаго спокойствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружился противъ боговдохновенности писанія. Затѣмъ, гугенотъ Бэйль [1]) издалъ по-французски въ 1696 г. „Историческій и критическій Словарь“, сдѣлавшійся одною изъ наиболѣе вліятельныхъ книгъ въ XVIII вѣкѣ. Бэйль былъ прежде всего скептикъ, вскрывшій всѣ противорѣчія между знаніемъ и вѣрой; какія только представлялись его безпокойному уму, и Вольтеръ очень хорошо охарактеризовалъ его, указавъ на то, что самъ Бэйль не былъ невѣрующимъ, но другихъ приводилъ къ невѣрію. Авторъ знаменитаго словаря „анатомировалъ“ (собственное его выраженіе) государство, церковь, религію, нравственность, науку и искусство, становясь на чисто свѣтскую точку зрѣнія. Однимъ изъ его требованій была самая широкая терпимость, между прочимъ, по отношенію къ евреямъ, магометанамъ и открытымъ атеистамъ.

Съ паденіемъ Іакова II въ Англіи все болѣе и болѣе стали распространяться новыя философскія идеи, и ихъ приверженцы получили названіе „свободныхъ мыслителей“ (freethinkers). Однимъ изъ проявленій свободомыслія въ области религіи и былъ деизмъ.

Мы уже видѣли, что раціоналистическое отношеніе къ христіанству было однимъ, хотя и не особенно сильнымъ, по своему вліянію, проявленіемъ реформаціонныхъ стремленій, не касаясь уже раціонализма гуманистическаго, съ какимъ мы, напр., встрѣчаемся у Эразма [2]). Между прочимъ мы знаемъ, что рядомъ съ библейскимъ направленіемъ въ реформаціи существовало еще направленіе мистическое, вѣрившее во внутреннее откровеніе и ставившее его выше откровенія внѣшняго: таковъ былъ анабаптизмъ, и вотъ именно среди анабаптистовъ—и въ Германіи, и въ Швейцаріи—зарождаются первыя проявленія антитринитаризма [3]). Послѣдній въ XVI и XVII вв. имѣетъ цѣлую исторію: его первымъ крупнымъ систематизаторомъ былъ Серветъ, а организаторомъ—Фавстъ Социнъ [4]), послѣдователи коего въ серединѣ XVII в. бѣжали изъ Польши въ Голландію и здѣсь оказали свое вліяніе на зарожденіе новыхъ теологическихъ идей. *Англійскій деизмъ былъ въ сущности новою формою антитринитаризма*: подобно тому, какъ антитринитаріи XVI в. считали себя завершителями реформаціи, начатой Лютеромъ, такъ и первые англійскіе деисты, называвшіе себя „хри-

---

[1]) См. выше, стр. 564. О немъ сочиненія Feuerbach'a, Lenient и др.
[2]) См. т. I, стр. 529 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 75—77.
[4]) См. выше стр. 184—187 и 239—242.

стіанскими“, думали, что они лишь очищаютъ откровенную религію отъ людскихъ прибавленій, а потому само зарожденіе деизма стоитъ въ тѣсной связи съ англійскимъ сектантскимъ движеніемъ XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ сектантствѣ было много родственнаго и съ болѣе раннимъ нѣмецкимъ анабаптизмомъ, и съ болѣе позднимъ деизмомъ: левеллеры въ религіозномъ отношеніи стояли за полный индивидуализмъ, за автономію личности; квакеры учили о томъ, что религія каждаго въ его сердцѣ, а ихъ богословъ, Бэркли, въ сочиненіи „Защита истинъ христіанской теологіи“ (1676) проводилъ ту идею, что основою религіозной истины является внутреннее озареніе [1]). Мистическое настроеніе, принимавшееся сектантами за внушеніе свыше, стало мало-по-малу замѣняться болѣе спокойною дѣятельностью разума, но самъ разумъ для многихъ все еще продолжалъ сохранять значеніе „божественнаго озаренія“, въ коемъ открывается религіозная истина. Отсюда и возникъ „христіанскій деизмъ“, который мало-по-малу отождествилъ себя съ „естественной и разумной религіей“ въ духѣ Герберта. Впослѣдствіи деизмъ порвалъ свои связи съ христіанствомъ и уже въ новой стадіи своего развитія перешелъ въ XVIII в. во Францію, гдѣ главнымъ его представителемъ сдѣлался Вольтеръ, хотя и въ прошломъ столѣтіи мы встрѣчаемся еще, особенно въ Германіи, съ родственнымъ англійскому христіанскому деизму раціоналистическимъ христіанствомъ. Нужно еще замѣтить, что въ Англіи въ эпоху реставраціи и второй революціи было развито направленіе, получившее названіе латитудинаризма [2]): это была весьма „широкая“ форма протестантизма, отличавшаяся большою терпимостью, и настроеніе, ее вызвавшее и ею поддерживавшееся, было наиболѣе благопріятнымъ для религіозной свободы, окончательно восторжествовавшей съ восшествіемъ на престолъ Вильгельма III.

Въ числѣ англійскихъ эмигрантовъ, вернувшихся на родину съ Вильгельмомъ Оранскимъ, былъ и извѣстный философъ Джонъ Локкъ [3]) (1632—1704), учившій объ опытномъ происхожденіи человѣческаго знанія и потому отвергавшій всякія врожденныя идеи (Essay on human understanding [4]). Локкъ своими философскими, религіозными, моральными, педагогическими [5]) и политическими воззрѣніями оказалъ

---

¹) Ср. выше, стр. 479.

²) См. выше, стр. 592.

³) Fowler. Locke.—Bourne. Life of John Locke.—Schärer. John. Locke См. также въ разныхъ исторіяхъ философіи и политическихъ ученій.

⁴) Ср. E. Grimm. Zur Geschichte des Erkenntnissproblems.

⁵) Недавно редакціей „Русской Школы“ изданъ переводъ (П. И. Вейнберга) „Мыслей о воспитаніи Локка“. Ср. Fritsche. John Locke's Ansichten über Erziehung.

вообще громадное вліяніе на все умственное движеніе XVIII в. Человѣкъ, учившійся въ диссидентскихъ школахъ, испытавшій на себѣ преслѣдованія реставраціонной эпохи, онъ еще въ Голландіи издалъ первое свое письмо „О терпимости“ (1685), которое было потомъ переиздано въ Англіи для оправданія объявленной Вильгельмомъ III вѣротерпимости; въ 1690 и 1692 гг. вышли второе и третье письма. За ними слѣдовало сочиненіе о „Разумности христіанства“ (The reasonabienes of Christianity, as delivered in the scriptures, 1695), написанное въ самомъ латитудинаристическомъ направленіи. Сущность христіанства, по Локку, заключается въ вѣрѣ въ Мессію, связанной съ покаяніемъ и добродѣтелью, а потому Локкъ не становится на исключительную точку зрѣнія одного какого-либо исповѣданія; придавая особенно важное значеніе моральному элементу религіи, онъ признаетъ извѣстныя права за евреями, магометанами и язычниками, ибо и они могутъ быть безукоризненно нравственными людьми, хотя имъ это и стóитъ бóльшаго труда, чѣмъ христіанамъ. Стоя на точкѣ зрѣнія согласія откровенія съ разумомъ, Локкъ думалъ, что откровеніе лишь безъ труда даетъ истины, которыхъ разумъ или не могъ бы открыть, или открылъ бы самъ только съ величайшимъ трудомъ. Изъ общей вѣротерпимости философъ исключалъ лишь католиковъ, какъ людей, образующихъ государство въ государствѣ, и атеистовъ за отрицаніе ими откровенія. Своимъ отношеніемъ къ христіанству Локкъ оказалъ весьма сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе деизма. Если онъ еще дѣлалъ различеніе между тѣмъ, что противорѣчитъ разуму, и тѣмъ, что его превышаетъ, то его послѣдователи уничтожили черту, которая у Локка какъ бы составляла границу дѣятельности разума. Въ 1713 г. Коллинзъ издалъ „Разсужденіе о свободномъ мышленіи“ (A discourse of free thinking), въ коемъ прямо требуетъ вполнѣ свободнаго мышленія безъ всякихъ ограниченій со стороны вѣры и съ одною отвѣтственностью лишь передъ самимъ собою. Основаніе его требованія — то, что границею мысли можетъ служить только мысль, а всякій предметъ, самъ себя ограничивающій, свободенъ. Подобные же взгляды одновременно съ Коллинзомъ проводилъ и Лайонзъ въ сочиненіи о „Непогрѣшимости человѣческаго сужденія “(The infallibility of human judgment): отрицая внутреннее откровеніе, онъ замѣняетъ его сужденіемъ разума. Если одни послѣдователи Локка объявляли войну теологіи, то другіе примѣняли его принципы къ этой самой теологіи. Въ 1696 г. Толандъ издалъ „Христіанство безъ тайнъ“ (Christianity not mysterious), гдѣ доказывалъ разумность откровенія: по его представленію, однако, откровеніе истинно не потому, что оно есть откровеніе, а потому, что оно разумно. Все, что въ христіанствѣ не подходило подъ его теорію,

онъ объявилъ позднѣйшими прибавками и искаженіями, коихъ оно не могло-де избѣжать, возникнувъ въ іудейскомъ народѣ и распространившись среди язычниковъ: поэтому онъ, подобно реформаторамъ XVI в., говорилъ о необходимости очищенія религіи отъ людскихъ прибавокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Тиндаль въ книгѣ „Христіанство столь же древне, какъ міръ“ (Christianity as old as the creation, 1730) отождествилъ христіанство съ естественной религіей, существующей съ созданія міра: вся разница между этой естественной религіей и христіанствомъ не въ содержаніи, а въ способѣ его раскрытія; Іисусъ Христосъ пришелъ не для того, чтобы учить новой религіи, а чтобы напомнить исконное богопознаніе человѣчества: свою „естественную религію“ Тиндаль и назвалъ христіанскимъ деизмомъ. У него оставался еще открытымъ вопросъ о томъ, почему первоначальная чистота религіи пришла въ упадокъ, и отвѣтомъ на него занялся Морганъ, открыто передшій въ аріанство: въ сочиненіи „Нравственный философъ“ (The moral philosopher, 1737), онъ, давая волю своему воображенію, разсказываетъ, что падшіе ангелы внушили людямъ мысль поклоняться имъ, какъ богамъ, откуда и произошли ложныя религіи, а учители, думавшіе исправить религію, въ томъ числѣ и реформаторы XVI в., еще болѣе запутали вопросъ. Въ концѣ-концовъ деистическая религія сводилась на разумность и нравственность, что выразилось особенно рельефно въ сочиненіи ремесленника Чобба, находившагося подъ вліяніемъ аріанина Уистона: въ книгѣ „Истинное евангеліе Іисуса Христа“ (The true Gospel of J. C., 1738), въ коей подводились итоги подъ другими его сочиненіями, онъ устранялъ всю догматическую и чудесную сторону религіи, чтобы выдвинуть впередъ разумъ и мораль. Вообще деизмъ представлялъ собою выходъ изъ историческаго христіанства, разъ его послѣдователи отвергали, подобно антитринитаріямъ XVI в., троичность Божества, но деисты долгое время старались держаться христіанства, только толкуя его по-своему, т.-е., наприм., объявляя, какъ это дѣлалъ Вульстонъ (ум. въ 1733 г.), что воскресеніе и чудеса Іисуса Христа нужно понимать аллегорически, именно не въ смыслѣ дѣйствительно случившагося, а въ смыслѣ наглядныхъ представленій о нѣкоторыхъ отвлеченныхъ истинахъ. Съ другой стороны, иные свободные мыслители прямо стояли на точкѣ зрѣнія одного раціонализма безъ всякой вѣры въ какое бы то ни было откровеніе.

Двое изъ англійскихъ представителей этого направленія оказали наиболѣе сильное вліяніе на развитіе религіознаго раціонализма во Франціи XVIII в. Одинъ изъ нихъ былъ Шэфтсбери (1670—1713), внукъ знаменитаго политическаго дѣятеля реставраціонной эпохи [1]. Въ своихъ

---

[1]) Объ его философіи см. монографіи Spicker'a, Giżycki и др.

сочиненіяхъ, отличавшихся легкостью и изяществомъ изложенія и идеалистическимъ одушевленіемъ (главное сочиненіе Characteristics of men, manners, opinions, times, 1711), онъ развивалъ особую этическую систему, основанную на врожденныхъ идеяхъ, но безъ теологической подкладки, доказывая тождество красоты и добра и требуя отъ религіи прежде всего любви, а потомъ уже истины. Другимъ писателемъ, вліявшимъ на французскихъ „просвѣтителей“ XVIII вѣка, былъ Болингброкъ (1672—1751), политическій дѣятель начала XVIII в., проводившій ту идею, что всякая положительная религія была изобрѣтена съ политической цѣлью [1]).

Раціонализмъ проникъ и въ область политическаго мышленія. Послѣ того, какъ на смѣну гуманистической политики [2]) пришли государственныя теоріи протестантовъ (особенно кальвинистовъ) и католиковъ (главнымъ образомъ іезуитовъ), политическая мысль, какъ и въ средніе вѣка, получила теологическую окраску. Весьма естественно, что борьба между народнымъ представительствомъ и королевскою властью въ Англіи вызвала и въ этой странѣ, какъ это было въ Шотландіи, Нидерландахъ и Франціи во второй половинѣ XVI вѣка [3]), горячую литературную полемику по вопросу о происхожденіи и правахъ государственной власти, но въ этой полемикѣ мы и наблюдаемъ тотъ фактъ, что сначала обсужденіе политическихъ вопросовъ совершается на почвѣ религіозныхъ воззрѣній англиканства, пресвитеріанства и индепендентства, а потомъ переходитъ ужепрямо на почву философскаго мышленія. Конечно, происходило это не въ одной Англіи [4]), но нигдѣ, во-первыхъ, такъ ясно не замѣчается переходъ политическаго мышленія отъ религіозныхъ началъ реформаціи къ свѣтскимъ началамъ „просвѣщенія“, какъ именно въ Англіи, а во-вторыхъ, наибольшее вліяніе оказали на политическую литературу XVIII в. опять-таки англійскія политическія теоріи, явившіяся на свѣтъ не путемъ отвлеченнаго мышленія, такъ сказать, оторванныхъ отъ общественной жизни ученыхъ, а въ самой тѣсной зависимости отъ происходившей тогда политической борьбы. Всѣ сочиненія, о которыхъ будетъ далѣе идти рѣчь, были вызваны этою борьбою, но если индепенденты Мильтонъ, Венъ и Сидней еще примыкаютъ къ предыдущему развитію протестантской политической мысли, завершая начатое въ XVI вѣкѣ такими писателями, какъ, положимъ, Ланге́ или Бьюкананъ, а защитникъ королевской власти Фильмеръ, подобно Боссюэту, на теологическихъ

---

[1]) О немъ сочиненія M'Knight'a, Collins'a, Harrop'a, а также Brosch'a, о коемъ см. т. III, стр. 62.

[2]) Т. I, гл. XXXII.

[3]) См. выше, стр. 245 и слѣд.

[4]) Ср. т. III, стр. 272—273.

основахъ строитъ свою исторію абсолютизма, то Гоббзъ и Локкъ являются уже родоначальниками совершенно новаго направленія политической мысли, которое, будучи по существу своему раціоналистическимъ, проявилось съ особою силою уже въ философіи XVIII вѣка. Религіозная реформація выдвинула снова на первый планъ такъ сильно интересовавшій средніе вѣка вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, осложнивъ его вопросомъ о правахъ государственной власти въ дѣлахъ совѣсти: индепендентскіе писатели въ этомъ послѣднемъ вопросѣ выступили съ защитою правъ индивидуальной совѣсти, понятіе о которой деисты расширили еще, присоединивъ къ нему идею свободы мысли, и все это—уже на почвѣ чисто свѣтской философіи—обобщилъ Локкъ, выставившій всеобъемлющій идеалъ индивидуальной свободы, т.-е. можно сказать, что этотъ философъ переработалъ понятіе свободы личности, какъ оно представлялось уму реформаціонной эпохи, въ идею свободы личности, какъ ее должно было понять „просвѣщеніе“ XVIII в. *Индивидуалистическіе принципы реформаціи такимъ образомъ, какъ мы это увидимъ на самомъ дѣлѣ, нашли въ философіи Локка чисто свѣтское выраженіе.* Не нужно, однако, забывать, что XVII в. былъ вѣкомъ развитія и государственности [1]). Если идея государства на теологической почвѣ приводила къ ученію о божественномъ правѣ королей и этимъ давала какъ бы религіозную санкцію абсолютизму, то на иной почвѣ идея эта равнымъ образомъ могла обобщиться и выразиться въ такой теоріи, которая вполнѣ отвлеченно развивала положенія, лежавшія въ основѣ практической дѣятельности такого государственника, какимъ былъ Ришелье: въ самомъ дѣлѣ, политическій философъ эпохи, Гоббзъ, въ своихъ сочиненіяхъ *и является главнымъ теоретикомъ всепоглощающаго государства, передъ всемогуществомъ коего исчезаетъ всякое самостоятельное личное право.* Противоположность между Гоббзомъ и Локкомъ сводится такимъ образомъ на противоположность между ученіемъ о государственной необходимости и ученіемъ о личной свободѣ, сама же эта противоположность была извѣстна реформаціонной эпохѣ, какъ противоположность между государственною церковью и личною вѣрою. Локкъ, отстаивавшій права послѣдней, продолжалъ дѣло индепендентскихъ публицистовъ, тогда какъ Гоббзъ, ставя религію въ зависимость отъ государства, какъ бы находился подъ вліяніемъ принципа установленной церкви. Таковы взаимныя отношенія тѣхъ политическихъ идей, представителями коихъ являются названные англійскіе публицисты второй половины XVII в. По-

---

[1]) См. выше, стр. 379 и слѣд.

знакомимся теперь съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, особенно съ Гоббзомъ и Локкомъ.

Намъ уже извѣстна въ общихъ чертахъ дѣятельность Мильтона и Вена во время первой революціи [1]). Въ эпоху республики Мильтонъ занималъ должность секретаря государственнаго совѣта, вѣдая иностранныя дѣла. Къ этому времени относятся главнѣйшіе его политическіе трактаты. Во-первыхъ, онъ написалъ „Защиту англійскаго народа" (Defensio pro populo anglicano), чтобы опровергнуть рѣзкія нападки извѣстнаго ученаго Салмазія (Сомеза) на революцію. За этой апологіей послѣдовала другая—„О державѣ королей и сановниковъ" (On tenure of kings and magistrates), въ коей Мильтонъ становится на точку зрѣнія народовластія и старается этимъ принципомъ оправдать казнь Карла I. Далѣе мы упоминали уже объ его „Иконоборцѣ", написанномъ въ опроверженіе „Королевскаго образа", въ коемъ современники видѣли сочиненіе самого Карла I [2]). Наконецъ, передъ самой реставраціей онъ написалъ еще небольшой трактатъ „О возможномъ и легкомъ пути къ установленію свободнаго правленія". Извѣстно, что Мильтонъ ослѣпъ отъ чрезмѣрнаго напряженія своего зрѣнія, а въ эпоху реставраціи едва избѣжалъ казни. Конецъ своей жизни онъ провелъ въ бѣдности. Въ это время (1667 г.) онъ окончилъ свою поэму „Потерянный рай", проникнутую строгимъ пуританскимъ духомъ. Послѣ этого Мильтонъ прожилъ еще семь лѣтъ и умеръ въ 1674 году [3]). Мы можемъ смотрѣть на Мильтона какъ на одного изъ представителей индепендентскихъ идей. Сторонникъ индивидуальной свободы, которую онъ защищалъ въ „Ареопагитикѣ", написанной въ доказательство необходимости свободы печати [4]), и въ особомъ „Трактатѣ о вмѣшательствѣ государства въ церковныя дѣла", доказывающемъ, что никакая власть не имѣетъ права надъ религіозною совѣстью, великій поэтъ и политическій дѣятель стоялъ въ вопросѣ о происхожденіи власти на той же точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривали этотъ вопросъ и кальвинисты XVI в. Человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, родился свободнымъ, призваннымъ къ властвованію, а не къ повиновенію; но грѣхопаденіе Адама привело родъ человѣческій къ раздорамъ и несогласіямъ, выходомъ изъ коихъ было установленіе правительства. Такимъ образомъ, по Мильтону, правители установляются народомъ, вручающимъ имъ власть исполнять требованія правосудія,

---

[1]) См. выше, стр. 476, 481, 492, 496, 497, 515, 519, 521, 575.

[2]) См. выше, стр. 497.

[3]) Сочиненія о Мильтонѣ названы выше, стр. 472.

[4]) См. выше, стр. 476.

верховенство же принадлежитъ народу, и оно не можетъ быть у него отнято безъ того, чтобы не были нарушены тѣмъ самымъ прирожденныя права гражданъ. Нужно, однако, замѣтить, что у Мильтона, какъ и у кальвинистическихъ защитниковъ народовластія [1]), понятіе народа далеко не соотвѣтствуетъ всей совокупности гражданъ, вслѣдствіе чего Мильтонъ напримѣръ, возражалъ левеллерамъ, требовавшимъ неограниченнаго голосованія. Въ этомъ отношеніи и другіе республиканскіе писатели эпохи были противниками настоящей демократіи. Для Мильтона лучшей формой правленія была аристократія, несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, хотя и выбранный народомъ: еврейскій синедріонъ былъ бы, по его мнѣнію, наиболѣе подходящимъ образцомъ. Право избранія, однако, предоставлялось имъ не „шумной и крикливой толпѣ", а людямъ, имѣющимъ на то законную правоспособность. Другимъ дѣятелемъ первой революціи, защищавшимъ въ печати религіозную и политическую свободу, былъ Генри Венъ [2]). Признавая источникомъ верховной власти народъ, онъ находилъ противнымъ закону природы, чтобы, установляя правительство, люди безусловно отказывались отъ своей свободы въ его пользу. Какъ теоретикъ народовластія, Венъ, однако, требовалъ, чтобы не только правительство было ограничено въ своихъ правахъ по отношенію къ державному народу, но чтобы и у послѣдняго не было безусловной власти въ дѣлахъ совѣсти: между прочимъ, для обезпеченія совѣсти онъ совѣтовалъ наложить ограниченіе на верховную власть, прежде нежели она будетъ организована, сдѣлавъ однимъ изъ основныхъ пунктовъ конституціи указанное требованіе. По его словамъ, „народы пріобрѣли себѣ право на свободу совѣсти цѣною крови Іисуса Христа, который смертью и воскресеніемъ своимъ сдѣлался естественнымъ господиномъ надъ совѣстью: Іисусъ Христосъ,—развивалъ Венъ свою мысль,—умеръ и возсталъ изъ гроба для того, чтобы быть Господомъ живыхъ и мертвыхъ и чтобы каждый во всемъ, касающемся религіи, отдавалъ отчетъ только Богу и Іисусу Христу, на судѣ которыхъ будетъ рѣшена участь каждаго; люди же, прибавлялъ Венъ, не должны ни стѣснять, ни судить въ дѣлахъ совѣсти".

И Мильтонъ, и Венъ основывали право личности на свободу на религіозныхъ соображеніяхъ: человѣкъ былъ созданъ по образу и подобію Божію и тѣмъ былъ призванъ къ свободѣ; Іисусъ Христосъ искупилъ родъ человѣческій и тѣмъ самымъ освободилъ совѣсть каждаго отдѣльнаго лица отъ какой бы то ни было земной власти. Но теологическими основаніями пользовались и писатели противнаго

---

[1]) См. выше, стр. 246.

[2]) Руское о немъ сочиненіе указано на стр. 417.

лагеря. Такъ, напр., Салмазій, противъ котораго направлено было одно изъ сочиненій Мильтона, доказывалъ въ своей „Defensio regia pro Carolo primo“, ссылаясь на Библію, что королевская власть имѣетъ божественное происхожденіе. Однимъ изъ сторонниковъ этого ученія въ самой Англіи былъ Фильмеръ, написавшій трактатъ въ доказательство той мысли, что короли пользуются верховною властью независимо отъ воли народа. Опираясь на св. писаніе, Фильмеръ развивалъ теорію патріархальнаго происхожденія королевской власти, откуда и названіе его трактата—„Патріархъ или естественная власть королей“ (Patriarcha or the natural power of kings). Богъ, говоритъ этотъ писатель, далъ власть Адаму надъ женою и дѣтьми, и отъ него эта власть переходила по наслѣдству отъ старшаго сына къ старшему сыну, а когда возникло много народовъ, она перешла къ старшему въ каждомъ народѣ; отъ такихъ-то патріарховъ и произошли короли, коимъ поэтому должны принадлежать всѣ тѣ права, какими отцы пользуются по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Фильмеръ считалъ избраніе королей противнымъ волѣ Божіей, ибо и въ Библіи Саула выбираетъ не народъ, а пророкъ Господень Самуилъ. Выводъ изъ этой теоріи дѣлался тотъ, что власть, имѣющая такое происхожденіе, не можетъ подчиняться человѣческимъ законамъ и, слѣдовательно, не подлежитъ никакому ограниченію, даже въ томъ случаѣ, еслибы король далъ клятву подчиняться какимъ-либо условіямъ. Фильмеръ не отрицалъ парламента, но допускалъ его лишь какъ уступку, существующую по королевской милости. Сочиненіе это было написано еще во время республики, но увидѣло свѣтъ въ печати лишь къ концѣ царствованія Карла II (1680). Оно тогда же вызвало опроверженіе со стороны Альджернона Сиднея [1]), который изложилъ свои взгляды на спорный вопросъ въ „Разсужденіи о правительствѣ“ (Discourses concerning government). Альджернонъ Сидней—сторонникъ народовластія. Не соглашаясь съ мыслью о „королевствѣ Адама“, онъ однако, обращаетъ аргументы Фильмера противъ него же самого: если власть патріарха могла раздѣлиться, то только поровну между всѣми отцами, т.-е. каждый отецъ былъ королемъ, пока всѣ они не сошлись и не договорились между собою подчиняться общему закону. Верховная власть въ представленіи Сиднея принадлежитъ народу, который, передавая ее королю, не обязанъ терпѣть отъ него насилія: нарушая законы, основанные на договорѣ съ народомъ, король заслуживаетъ наказанія. Не нужно, однако, думать, чтобы Сидней былъ защитникомъ чистой демократіи, логически вытекающей изъ идеи народовластія: онъ самъ признается, что не могъ бы ничего ска-

---

[1]) См. выше, стр. 584.

зать въ ея пользу, ибо лучшіе и разумнѣйшіе люди древности тоже стояли за аристократію.

Одною изъ идей, общихъ индепендентскимъ политическимъ писателямъ, была идея о договорномъ происхожденіи государства, которую мы находимъ и у двухъ важнѣйшихъ философовъ эпохи, оставившихъ политическіе трактаты, у Гоббза [1]) и Локка. Томасъ Гоббзъ (Hobbes, 1588—1681) былъ *первымъ писателемъ новаго времени, давшимъ полное и систематическое ученіе о государствѣ*, основанное на чистыхъ началахъ естественнаго права безъ теологической подкладки [2]). Въ философіи онъ держался воззрѣній, близкихъ къ матеріализму и сенсуализму, причемъ объяснялъ чисто-механическимъ путемъ не только явленія внѣшней природы, но и то, что происходитъ во внутреннемъ мірѣ человѣка. Политическія убѣжденія и общественныя связи сдѣлали изъ Гоббза сторонника кавалеровъ, и уже въ 1640 г. онъ изложилъ свои воззрѣнія въ небольшомъ рукописномъ трактатѣ „De corpore politico". Покинувъ добровольно Англію въ 1641 г., Гоббзъ сталъ жить въ Парижѣ, гдѣ нашелъ себѣ занятіе въ качествѣ преподавателя математики у принца Уэльскаго, впослѣдствіи Карла II. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ первое свое систематическое сочиненіе—„О гражданинѣ" (De cive), которое вскорѣ было имъ переработано, издано вновь въ Голландіи и затѣмъ самимъ имъ переведено на англійскій языкъ. Въ 1651 г. появилось другое, болѣе обширное его сочиненіе подъ заглавіемъ „Левіаѳанъ, или матерія, форма и власть государства" (Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth). Гоббзу не пришлось долго прожить при дворѣ Карла II, такъ какъ послѣдній подъ вліяніемъ духовенства удалилъ его отъ себя, и въ 1652 г. философъ вернулся въ Англію. Въ эпоху реставраціи на него было воздвигнуто сильное гоненіе: въ 1666 г. его „Левіаѳанъ" былъ даже осужденъ парламентомъ, и самъ авторъ былъ вынужденъ оправдываться отъ обвиненія въ атеизмѣ. Хотя Гоббзъ началъ свою дѣятельность съ защиты правъ королевской власти противъ мятежныхъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе англійскіе роялисты не пользовались его аргументами, и причинъ на то было двѣ: во-первыхъ, философъ въ своей политической теоріи отрѣшился отъ какихъ бы то ни было теологическихъ соображеній и даже напалъ на стремленіе къ самостоятельности со стороны какой бы то ни было церковной власти, а во-вторыхъ,—и это

---

[1]) G. C. Robertson. Hobbes.—Rüscheler. Die Staatstheorie des Thomas Hobbes.

[2]) Починъ былъ сдѣланъ голландскимъ ученымъ и публицистомъ Гуго Гроціемъ (или де-Гротомъ), авторомъ сочиненія „De jure belli ac pacis" (1625).

самое главное,—идеи, выраженныя имъ въ „Левіаѳанѣ", были какъ бы своего рода оправданіемъ возникавшей въ Англіи диктатуры Кромвеля. Уже въ самый годъ выхода въ свѣтъ этой книги Фильмеръ, соглашаясь съ идеей Гоббза относительно неограниченности верховной власти, находилъ все-таки ересь въ его ученіи, что основою послѣдней является воля народа. Во Франціи „Левіаѳанъ" былъ запрещенъ при первомъ же появленіи книги, и ея авторъ, собственно говоря, уѣхалъ въ Англію главнымъ образомъ потому, что не считалъ себя во Франціи безопаснымъ. Самъ Гоббзъ въ 1656 г. говорилъ, что его книга расположила немало англичанъ къ добросовѣстному повиновенію существующему правительству, а таковымъ тогда была диктатура Кромвеля. На политической философіи Гоббза отразились двѣ стороны тогдашняго историческаго момента: во-первыхъ, на ней *сказалось начало новаго освобожденія политической мысли отъ теологической опеки*, послѣ того, какъ гуманистическое движеніе было оттѣснено реформаціоннымъ, а во-вторыхъ, *Гоббзъ явился, какъ теоретикъ того государственнаго начала, которое утверждало свое господство въ общественной жизни* [1]). Гоббзъ былъ сторонникомъ идеи государственнаго абсолютизма, но относился совершенно равнодушно къ принципу божественнаго происхожденія королевской власти, защищая ее тѣми же аргументами, какими можно было защитить напр., и республиканскую диктатуру и всякое иное фактическое правительство. Однимъ словомъ, въ его политической теоріи *нашла наиболѣе полное свое выраженѣ идея свѣтскаго государства, безусловно господствующаго въ жизни человѣка*, а такое государство не могло быть симпатично теологическимъ защитникамъ королевской власти въ родѣ Фильмера: въ 1669 г. кембриджскій университетъ даже отнялъ у одного изъ послѣдователей Гоббза дипломъ баккалавра за то, что онъ раздѣлялъ ученіе названнаго философа о необходимости повиноваться свѣтской власти даже въ томъ случаѣ, если она требуетъ чего-либо противнаго Закону Божію.

Сущность политическаго ученія Гоббза такова. Исходитъ онъ изъ представленія объ естественномъ состояніи, которое (логически, а не исторически) предшествовало образованію человѣческихъ обществъ. Человѣкъ вовсе не общежительное животное: господствующая его страсть—эгоизмъ, и „человѣкъ для человѣка есть волкъ" (homo homini lupus), откуда возникаетъ въ естественномъ состояніи „война всѣхъ противъ всѣхъ" (bellum omnium contra omnes). Такъ какъ, однако, это противорѣчитъ инстинкту самосохраненія (saecuritas), то люди вынуждены искать мира (quaerendam esse pacem), а достигнуть его они могутъ, лишь отказавшись отъ своего права на все путемъ перенесенія его

[1]) Ср. выше, стр. 389.

на другихъ. Такое перенесеніе требуетъ согласія двухъ воль, или договора (contractus). Становясь на точку зрѣнія договорнаго происхожденія государства, Гоббзъ понимаетъ изначальный договоръ въ смыслѣ единенія u(nio), создающаго какъ бы одно лицо съ единою волею: „государство, говоритъ онъ, есть единое лицо (civitas est persona una), воля коего въ силу обязательствъ многихъ лицъ должна считаться волею всѣхъ, вслѣдствіе чего оно можетъ пользоваться силами и способностями отдѣльныхъ людей для общаго мира и защиты". Лицо или собраніе, волѣ коего подчиняются люди, обладаетъ верховною властью, права коей вездѣ одинаковы, какія различія ни существовали бы между самими государствами: по ученію Гоббза она выше законовъ, безотвѣтственна и безнаказанна, безгранична или абсолютна. Съ точки зрѣнія такого пониманія онъ отрицаетъ смѣшанное правленіе, какъ противорѣчащее единству верховной власти, и раздѣленіе властей [1]), какъ ведущее къ анархіи, а также отдаетъ предпочтеніе монархіи передъ другими формами, особенно же передъ демократіей. Въ королѣ Гоббзъ видитъ какъ бы воплощеніе народа или самый народъ. Всѣ свои права подданные получаютъ только отъ государства, а потому по отношенію къ нему лишены какихъ бы то ни было правъ. Въ естественномъ состояніи нѣтъ собственности, ибо у каждаго каждый можетъ все отнять, но разъ государство установляетъ собственность, то оно же можетъ ее и отнять. Въ естественномъ состояніи люди еще могутъ имѣть собственное сужденіе о добрѣ и злѣ, но въ государственномъ быту правила добра и зла опредѣляются закономъ, и подданный не долженъ воображать, что онъ имѣетъ право по своему разсуждать объ этомъ предметѣ. Вотъ почему, думаетъ Гоббзъ, подданные никогда не совершаютъ грѣха, дѣйствуя по предписаніямъ власти, ибо считать грѣхомъ исполненіе велѣній власти значитъ присвоивать себѣ сужденіе о добрѣ и злѣ. Государство же у Гоббза является истолкователемъ естественнаго закона, въ коемъ открывается воля Божія, а что касается до откровенной религіи, то и тутъ право ея толкованія не можетъ быть предоставлено каждому вѣрующему, ибо это повело бы къ анархіи, а должно быть отдано церкви; но сама церковь съ независимою верховною властью существовать не можетъ, такъ какъ тогда въ обществѣ было бы два государства, т.-е. возникла бы анархія, такъ что въ концѣ-концовъ и тутъ компетентно лишь одно государство. Однимъ словомъ, это было *ученіе о полномъ поглощеніи личности государствомъ*, какія бы частныя оговорки ни дѣлались самимъ Гоббзомъ, когда онъ не умѣлъ или не хотѣлъ быть вполнѣ

[1]) Ср. выше, стр. 462 и слѣд.

послѣдовательнымъ. Мы знаемъ, что въ новое время въ обществѣ феодальнаго происхожденія, воспитавшемся въ принципахъ католицизма, происходило параллельное развитіе началъ государственности и личности, нерѣдко сталкивавшихся между собою, напр., въ реформаціонную эпоху по вопросу о томъ, что такое религія, т.-е. есть ли она дѣло государства или дѣло единичной личности, а кромѣ того, сталкивавшихся между собою и по другимъ поводамъ: въ политической теоріи Гоббза, какъ было сказано, и нашло свое выраженіе—развитіе государственнаго начала, достигшаго къ серединѣ XVII в. уже весьма значительной силы. Совершенно такъ же другое начало, т.-е. *начало личности нашло наивысшее свое выраженіе въ политической философіи Локка.*

Локкъ, какъ сынъ провинціальнаго адвоката, принадлежалъ къ тому классу общества, который привѣтствовалъ съ радостью реставрацію Стюартовъ. Въ 1660 г. ему было уже подъ тридцать лѣтъ, и онъ тогда самъ писалъ, что, достигши сознательнаго возраста въ эпоху свирѣпыхъ бурь, онъ съ великою радостью видитъ наступленіе внутренняго мира въ странѣ, ибо, прибавлялъ онъ, „общая свобода сдѣлалась общимъ рабствомъ“, а тѣ, которые объявляли себя ея защитниками, оказались, наоборотъ, ея настоящими врагами. Въ этомъ заявленіи сказалось вліяніе тогдашней общественной реакціи, но Локкъ оставался вѣрнымъ политическимъ традиціямъ страны. Вскорѣ онъ сблизился съ Ашли, будущимъ Шэфтсбери [1]), сдѣлавшись его врачомъ, и уже тогда онъ написалъ недавно лишь изданный [2]) „Опытъ о терпимости“, которую защищалъ и Ашли. Сближеніе съ этимъ государственнымъ человѣкомъ дало Локку возможность близко познакомиться съ политическою жизнью эпохи. Неизвѣстно, зналъ ли что-либо философъ о томъ заговорѣ, который устроилъ Шэфтсбери въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ; но къ нему послѣ бѣгства его покровителя стали относиться подозрительно: положеніе Локка было тяжелое, и ему оставался одинъ выходъ, къ которому тогда прибѣгали весьма многіе англичане, именно эмиграція. Въ 1683 г. Локкъ, дѣйствительно, переселился въ Голландію, гдѣ онъ долженъ былъ нѣкоторое время скрываться, такъ какъ англійское правительство потребовало у республики выдачи многихъ англійскихъ выходцевъ, въ числѣ коихъ назывался и Локкъ. Вскорѣ онъ сблизился здѣсь съ Вильгельмомъ Оранскимъ и даже принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ, которые привели ко второй революціи. Мы видѣли, что въ 1685 г.

---

[1]) См. выше, стр. 581, 582, 584, 590.

[2]) Въ біографіи Локка, написанной Bourne'омъ.

имъ было написано первое письмо о терпимости [1]). Вторая революція вернула Локка на родину. Хорошія отношенія, установившіяся между нимъ и Вильгельмомъ III еще въ Голландіи, продолжались до самой смерти новаго англійскаго короля, казавшагося философу образцомъ, конституціоннаго монарха. Вильгельмъ III, высоко цѣнившій Локка, предлагалъ ему даже мѣсто посланника въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, дипломатическій постъ въ Парижѣ, но онъ отклонялъ эти предложенія. Поддерживая связи со всѣми выдающимися политическими дѣятелями эпохи, онъ оказывалъ самъ нѣкоторое вліяніе на внутреннюю жизнь страны и помимо своихъ философскихъ сочиненій, хотя и былъ лишь членомъ коммиссіи, которая должна была разсматривать петиціи, подававшіяся парламенту частными лицами, и членомъ комитета торговли и плантацій (т.-е. колоній); между прочимъ, ему приписываютъ напр., участіе въ дѣлѣ отмѣны въ Англіи (въ 1695 г.) книжной цензуры [2]), такъ какъ предполагаютъ, что онъ именно былъ авторомъ доклада, составленнаго по этому поводу особой коммиссіей.

Свой „Трактатъ о правительствѣ“ (Treatise on government) Локкъ началъ писать еще до выселенія въ Голландію въ опроверженіе теоріи Фильмера, но съ составленнымъ тогда разсужденіемъ онъ соединилъ другое, написанное уже въ оправданіе революціи 1688 г. Онъ прямо объявлялъ, публикуя это сочиненіе въ 1689 г., что поставилъ своею цѣлью „утвердить престолъ великаго возстановителя англійской свободы, короля Вильгельма, вывести его права изъ воли народа и защитить передъ свѣтомъ англійскую націю за ея новую революцію“. Интересно, что исходнымъ пунктомъ политической теоріи Локка было то же самое положеніе, отъ котораго отправлялся и Гоббзъ, но выводы у него получились совсѣмъ иные: люди живутъ сначала въ естественномъ состояніи, а государство является результатомъ договора,—вотъ общая исходная мысль обоихъ философовъ. Локкъ, однако, идеальнѣе понимаетъ, чѣмъ Гоббзъ, человѣческую природу и считаетъ возможнымъ сохранить за человѣкомъ свободу и въ государственномъ быту. Въ естественномъ состояніи всѣ люди свободны и равны, т.-е. никто не долженъ повиноваться чужой волѣ, но свобода не есть произволъ, ибо она подчинена естественному закону, который есть въ то же время законъ разума, т.-е. подчинена повелѣнію природы не посягать на чужую личность и свободу. Поэтому у Локка естественное состояніе есть состояніе мира, а не войны, какъ у Гоббза. Нарушители естественнаго закона должны наказываться, и право наказанія въ естественномъ

---

[1]) См. выше, стр. 602.

[2]) См. т. III, стр. 79—80, гдѣ идетъ рѣчь объ уничтоженіи такъ называемаго licensing act'a.

состоянiи принадлежитъ каждому, ибо нарушители этого закона объявляютъ себя врагами всего человѣческаго рода, а слѣдовательно и каждаго человѣка въ отдѣльности. Если въ силу этого и возникаетъ состоянiе войны, то причиною послѣдней является не эгоизмъ, дѣлающiй у Гоббза одного человѣка „волкомъ“ по отношенiю къ другому, а право наказывать нарушителей естественнаго закона: въ сущности лишь отъ этого права отказываются у Локка люди, вступая въ общественный договоръ, тогда какъ Гоббзъ отнимаетъ у нихъ при этомъ всѣ права. Мало того: у Локка человѣкъ приноситъ съ собою въ общество, какъ прирожденное и неотъемлемое свое право, кромѣ свободы и равенства, еще и собственность. До Локка право собственности выводили или изъ первоначальнаго захвата (jus primi occupantis) безхозяйной вещи (res nullius), или изъ передачи этого права лицу государствомъ. На послѣдней точкѣ зрѣнiя стоялъ Гоббзъ: онъ думалъ, что такъ какъ въ естественномъ состоянiи владѣнiе вещью ничѣмъ не обезпечено, то собственность является лишь, какъ даръ государства. Локкъ, однако, не сталъ и на точку зрѣнiя, съ которой собственность вытекала изъ личнаго произвола перваго захватывающаго вещь, придумавъ свое собственное, тоже индивидуалистическое объясненiе собственности: уже въ естественномъ состоянiи, когда все принадлежитъ всѣмъ, у человѣка существуетъ исключительное право на его личность, на трудъ своего тѣла и на произведенiе своихъ рукъ, хотя бы весь трудъ заключался въ томъ, чтобы поднять съ земли жолудь или сорвать съ дерева яблоко, не говоря уже объ обработкѣ участка земли. Это право каждаго въ естественномъ состоянiи ограничивается порчею предметовъ, подлежащихъ употребленiю: человѣкъ не можетъ накоплять ихъ болѣе того, что для него необходимо, но возможность ихъ обмѣна на драгоцѣнные металлы уже создаетъ право накопленiя. Кромѣ собственности, Локкъ считаетъ и семью учрежденiемъ, предшествующимъ возникновенiю государства: она состоитъ между прочимъ въ родительской власти отца и матери (не одного отца, какъ у Фильмера) надъ дѣтьми, ибо послѣднiя лишь тогда получаютъ прирожденныя имъ свободу и равенство, когда приходятъ въ разумъ; кромѣ того, подчиненiе дѣтей родителямъ вытекаетъ у Локка изъ наслѣдованiя собственности, оставляемой послѣдними первымъ. Основу семьи составляетъ союзъ мужа и жены, долженствующiй продолжаться, по крайней мѣрѣ, до совершеннолѣтiя дѣтей. Кромѣ брачнаго союза, есть еще союзъ родителей съ дѣтьми и можетъ наконецъ существовать союзъ господина съ рабомъ. Государство относится Локкомъ къ одной категорiи съ этими частными союзами, что весьма характерно для его индивидуалистической концепцiи: государство— результатъ договора частныхъ лицъ, отказывающихся отъ права наказывать нарушителей естественнаго закона. *Такой взглядъ на происхож-*

деніе государства до-нельзя ограничиваетъ его функціи, тогда какъ, наоборотъ, взглядъ Гоббза, заставляющаго людей отказываться отъ всѣхъ своихъ правъ, *до-нельзя ограничиваетъ права подданныхъ государства*. Другими словами, оба ученія діаметрально противоположны. Если у Гоббза личность передаетъ государству всѣ свои права, то у Локка она почти всѣ естественныя права свои сохраняетъ, въ силу чего государство пользуется лишь правомъ наказывать нарушителей естественнаго закона, опредѣляя преступленія и мѣру ихъ наказанія (власть законодательная), приводя такіе законы въ исполненіе (власть исполнительная) и защищая общество отъ посягательствъ на него со стороны другихъ обществъ (власть союзная, federative power). Если Гоббзъ настаивалъ на единствѣ верховной власти, то Локкъ, наоборотъ, считалъ возможнымъ раздѣленіе властей [1]). У Гоббза верховная власть является неограниченной, у Локка, наоборотъ, не безграничной: разъ человѣкъ въ естественномъ состояніи не имѣлъ абсолютнаго права на все, онъ и государству не могъ передать такого права. Граница верховной власти опредѣляется ея обязанностью охранять жизнь, свободу и имущество каждаго, а власть, дѣлающая нападеніе на эти блага личности, противорѣчила бы основѣ своего собственнаго бытія. Первенство въ государствѣ принадлежитъ законодательной власти, и ея установленіе есть основной законъ общества, но эта власть, въ силу только что сказаннаго, не можетъ лишать гражданъ жизни, свободы и имущества, не можетъ нарушать ихъ естественнаго равенства путемъ частныхъ законовъ (привилегій), или изъятій и т. п. и не можетъ безъ ихъ согласія брать у нихъ часть ихъ имущества (налоги) на государственныя нужды: все это вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ, существующихъ всегда, какъ вѣчныя правила, одинаково обязательныя и для подданныхъ, и для правителей. Кромѣ того, законодательная власть не можетъ передавать своихъ правъ кому бы то ни было. Локкъ занимается также вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ законодательной и исполнительной власти (парламента и короля), изложивъ на этотъ предметъ взгляды, впослѣдствіи повторенные Монтескье [2]); но обѣ эти власти имѣютъ, по его представленію, надъ собою высшаго судью—народъ, который можетъ потребовать къ отвѣту и законодательную, и исполнительную власти, буде онѣ злоупотребляютъ своими правами. Послѣднее случается, напр., если глава исполнительной власти, участвующій въ законодательствѣ посредствомъ своего „veto“, захватываетъ всю законодательную власть, когда онъ не созываетъ законодательнаго собранія или покушается на свободу его засѣданій, когда устраняетъ избирателей или измѣняетъ порядокъ выборовъ, и

[1]) Дальнѣйшее развитіе у Монтескье, см. т. III, стр. 184 и слѣд.

[2]) См. т. III, стр. 187 и слѣд.

когда народъ бываетъ покинутъ правителемъ и подчиненъ иноземному игу: во всѣхъ такихъ случаяхъ подданные имѣютъ право возстать на защиту своей свободы. Локкъ былъ, утверждая это положеніе, защитникомъ второй англійской революціи, которая, съ точки зрѣнія его теоріи, и получила тутъ свою принципіальную санкцію. Это было въ сущности повтореніемъ того же ученія, которое проповѣдовали за сто лѣтъ до Локка кальвинисты. Защищая право сопротивленія, онъ прибавляетъ что революціи не такое легкое дѣло, чтобы народъ бросался въ нихъ, очертя голову. Взятая, съ этой стороны, теорія Локка въ частности была не чѣмъ инымъ какъ систематизаціей принциповъ вигизма, и въ этомъ заключается ея связь съ политическою дѣйствительностью, ее породившею. Съ другой стороны, эта теорія отмѣчена печатью индивидуализма: у человѣка есть извѣстныя прирожденныя и неотъемлемыя права, существующія въ силу естественнаго закона, коимъ далѣе, вполнѣ опредѣляется и самое пользованіе этими правами; между прочимъ къ числу сферъ личной жизни, не подлежащихъ вмѣшательству со стороны государства, Локкъ относилъ религію, какъ дѣло индивидуальной совѣсти, опять-таки въ противоположность Гоббзу съ его принципомъ государственной религіи. Локкъ не былъ, однако, вполнѣ послѣдовательнымъ въ своемъ индивидуализмѣ, ибо, съ его точки зрѣнія, налоги должны были бы замѣниться добровольными взносами, а арміи—состоять изъ однихъ волонтеровъ, чего онъ, однако, не требовалъ. Точно такъ же онъ не признавалъ права выхода изъ даннаго общества, разъ человѣкъ объявлялъ себя его членомъ. За-то весьма послѣдовательно съ индивидуалистической точки зрѣнія онъ съуживаетъ задачи государства: послѣднее у него только охраняетъ личность и собственность, какъ будто однѣ полицейскія функціи исчерпываютъ все содержаніе политической жизни. Т.-е. въ его государствѣ нѣтъ мѣста для органической работы, создающей многое такое, что́ выходитъ за предѣлы тѣсной сферы охраны жизни и имущества гражданъ отъ убійцъ и воровъ. XVIII в., открываемый философіей Локка, вообще защищалъ права человѣка, въ чемъ была великая заслуга этой эпохи и заслуга Локка, но этотъ же XVIII вѣкъ поставилъ и новыя задачи государству—вести общество къ лучшему будущему путемъ воздѣйствія на культурную и соціальную жизнь, на что, впрочемъ, нѣтъ еще и намека ни у Локка, ни у Гоббза. Государство новаго времени унаслѣдовало отъ средневѣкового католицизма многія его права и притязанія, но стало сознавать свои обязаности только позднѣе, и именно общее развитіе индивидуализма, однимъ изъ яркихъ выраженій коего была теорія Локка, указало на ту цѣль, которой должно было служить государство: въ XVIII вѣкѣ она была понята, какъ благо личности и благо народа, какъ совер-

шенствованіе культурныхъ и соціальныхъ условій индивидуальнаго бытія и народной массы.

Англійская философская и политическая литература оказала громадное вліяніе на культурное и соціальное развитіе Франціи. Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Людовика XIV въ этой странѣ зарождается оппозиціонная литература. Во французской литературѣ всегда была извѣстная струя скептицизма [1]), но послѣдній весьма мало направлялся на политику. Въ концѣ царствованія Людовика XIV именно внутреннія дѣла Франціи начинаютъ обращать на себя вниманіе. Уничтоженіе нантскаго эдикта вызвало цѣлую литературу [2]), и вотъ нетерпимый католицизмъ возбуждаетъ противъ себя передовые умы XVIII в.: борьба съ нимъ въ первый ея фазисъ *ведется подъ знаменемъ идей англійскаго деизма*. Вмѣстѣ съ этимъ внутренніе порядки Франціи пришли въ полное разстройство. Уже за десять лѣтъ до „Королевской десятины“ Вобана [3]) Буагильберъ въ книгѣ „Le détail de la France, la cause de la diminution de ses biens etc.“ ставитъ вопросъ, почему бѣдствуетъ страна, такъ богато одаренная природою, и за ту же тему онъ берется въ одинъ годъ съ Вобаномъ и въ новомъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Factum de la France“. Отвѣтомъ служатъ у Буагильбера, какъ и у Вобана, ссылки на дурные порядки, требующіе реформы. Поэтому оба они рекомендовали административныя и финансовыя преобразованія, а рядомъ съ ними представители средневѣковыхъ силъ католицизма и феодализма, епископъ камбрейскій Фенелонъ и герцогъ Сенъ-Симонъ мечтаютъ объ ограниченіи королевской власти въ пользу духовенства и дворянства. И въ политическомъ движеніи, начинавшемся во Франціи, опять *получили перевѣсъ англійскія идеи и надъ тѣмъ, что создано было Ришелье и Людовикомъ XIV, и надъ той реставраціей средневѣковой католико-феодальной старины*, которую думали вернуть Фенелонъ и герцогъ Сенъ-Симонъ: къ Локку примыкаютъ два наиболѣе вліятельныхъ политическихъ французскихъ писателей XVIII в., Монтескье и Руссо. Такимъ образомъ изъ двухъ политическихъ противоположностей, развившихся на Западѣ въ XVII вѣкѣ [4]), побѣда склонилась въ концѣ-концовъ на сторону принциповъ, нашедшихъ выраженіе въ англійской философской и политической литературѣ, но сами они самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ исторіей реформаціоннаго движенія.

---

[1]) Рабле, Монтань, Паскаль, Декартъ, Бэйль (конечно, съ оговорками).
[2]) См. выше, стр. 563—564.
[3]) См. выше, стр. 563. Ср. Boislisle. La proscription de la dîme royale.
[4]) См. выше, стр. 379 и слѣд.

На этомъ мы и можемъ окончить исторію XVI и XVII вв., въ которой такое важное мѣсто принадлежитъ реформаціи. Мы видѣли, какъ сложно было само по себѣ историческое движеніе, получившее это названіе, какъ различны были его причины, его развитіе, его слѣдствія въ отдѣльныхъ странахъ, и какъ многообразно переплеталось оно съ главными линіями культурной и соціально-политической жизни. Съ той общей точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на внутреннюю исторію Западной Европы въ новое время [1]), не нужно забывать, что событія реформаціонной эпохи нанесли сильный ударъ средневѣковымъ устоямъ западно-европейской культурно-соціальной жизни—католицизму и феодализму, и что въ дѣлѣ пересозданія этой жизни видная роль принадлежала личному и государственному началамъ, которыя, однако, сами столкнулись между собою на почвѣ религіи, бывшей главнымъ культурнымъ интересомъ эпохи. Въ XVIII в. произошло новое историческое движеніе: разрушеніе средневѣковыхъ бытовыхъ основъ Запада вступило въ новый фазисъ, личность и государство расширили свое самосознаніе, и окраску всему движенію придали культурныя и общественныя идеи такъ-называемаго „просвѣщенія“. Прежде всего признаки наступленія новаго періода обнаружились въ Англіи, странѣ ранняго исчезновенія феодализма и католицизма, гдѣ Гоббзъ и Локкъ возвели на степень чистыхъ идей начала государства и личности, и откуда новое культурное направленіе перенесено было въ XVIII в. на материкъ. Реформаціонное движеніе, начавшееся въ Германіи и потерпѣвшее здѣсь неудачу, завершилось такимъ образомъ въ Англіи уже съ извѣстнымъ успѣхомъ: вотъ почему изъ всѣхъ странъ западной Европы мы должны были особенно подробно остановиться въ исторіи XVI—XVII вв. на Германіи и на Англіи. По той же причинѣ въ XVIII в. особый интересъ возбуждаетъ къ себѣ исторія Франціи: здѣсь происходило въ этомъ столѣтіи наиболѣе сильное и наиболѣе вліятельное историческое движеніе, новый актъ въ той драмѣ, которая началась въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка.

---

[1]) Т. I, стр.

